

**И увидел я новое небо и новую землю,
ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...**

Откр. Иоанна Богослова 21:1

ВЕСТНИК ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: НОВЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3(23), 2012 г.

**Журнал издается по благословению архиепископа
Белгородского и Старооскольского Иоанна**

*Журнал включен в перечень ведущих периодических изданий Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования РФ для публикации основных
результатов диссертационных исследований.*

*Журнал включен в список научных журналов, признаваемых общецерковной аспирантурой и
докторантурой им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия ведущими периодическими
изданиями, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных
ученых степеней кандидата и доктора богословия.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор:

Н. А. Исаев, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Ф. А. Литвин, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России

Исполнительный секретарь:

М. Ю. Горлач, кандидат юридических наук, доцент

Члены редколлегии:

Ю. М. Антонян, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России

N. N. Arsenteva, доктор филологии, профессор (Испания)

Jezzy Bartminski, доктор филологии, профессор (Польша)

Н. А. Богданова, доктор юридических наук, профессор

Т. Н. Гелла, доктор исторических наук, профессор

Я. И. Гулинский, доктор юридических наук, профессор

А. Е. Городецкий, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки России

Djosef DeVolt, доктор социологии, профессор (США)

Jerzy Kowalski, доктор права, профессор (Польша)

Nils Christie, доктор права, профессор (Норвегия)

В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России

Д. А. Липинский, доктор юридических наук, профессор

В. Н. Махов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России

М. В. Мельник, доктор экономических наук, профессор

С. Ф. Милюков, доктор юридических наук, профессор

Т. Ф. Миняева, доктор юридических наук, профессор

Laurent Montet, доктор права, профессор (Франция)

Э. Ф. Побегайло, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России

А.В. Победкин, доктор юридических наук, профессор

Vulf Ya. Plotkin, доктор филологии, профессор (Израиль)

И. Ю. Сизова, доктор экономических наук, профессор

И. А. Стернин, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России

Г. Ю. Федосеева, доктор юридических наук, профессор

Редакция не несет ответственности за достоверность рекламной информации.

Редакция не вступает в переписку с читателями и не дает справок.

Все материалы, присланные в Редакцию, рецензируются и в случае отрицательной рецензии не публикуются и не возвращаются. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения Редакции.

Полное или частичное копирование материалов возможно только с письменного разрешения Редакции. Редакционная коллегия образуется из числа известных ученых, обладающих высокой научной репутацией и принимающих активное и полезное участие в развитии журнала, в том числе на регулярной основе, участвующих в научном редактировании материалов, представляющих интересы журнала в научных центрах и на научных конференциях, обеспечивающих взаимодействие журнала с партнерскими организациями. Все вопросы, связанные с формированием редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также вопросы реализации редакционной политики принимаются главным редактором.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Телефон редакционной коллегии: 89192002020

e-mail: nikolajisaev@yandex.ru

And I saw a new heaven and a new earth,
since the former heaven and the former earth have passed...

The Revelation of St. John the Divine 21:1

BULLETIN OF OREGON STATE UNIVERSITY

SERIES: NEW HUMANITARIAN RESEARCH

FEDERAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

№ 3(23), 2012 г.

**The Journal publication is blessed by Joann,
Archbishop of Belgorod and Starý Oskol**

*A magazine is plugged in the list of leading magazines of the Higher attestation commission of Department of education of Russian Federation for the publication of basic results of dissertations researches.
The journal is included into the list of scientific magazines that are recognized by the General Church Postgraduate school named after St. Cyrill and St. Mephodij as leading periodicals for publishing results of researches made by competitors for kandidat and doctoral degrees in theology.*

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief:

N. A. Isaev, Doctor of Law, Professor

Deputy Editors-in-Chief:

F. A. Litvin, Doctor of Philology, Professor, honored worker of science of Russia

Executive Secretary:

M. Yu. Gorlach, Candidate of Law, Associate Professor

Editorial Staff Members:

Yu. M. Antonyan, Doctor of Law, Professor, honored worker of science of Russia

N. N. Arsenteva, Doctor of Philology, Professor (Spain)

Jezzy Bartminski, Doctor of Philology, Professor (Poland)

N. A. Bogdanova, Doctor of Law, Professor

Djosef DeBolt, Doctor of Sociology, Professor (USA)

T. N. Gella, Doctor of History, Professor

Ya. I. Gilinsky, Doctor of Law, Professor

Ye. Gorodetsky, Doctor of Economy, Professor, honored worker of science of Russia

G. G. Zaigrayev, Doctor of Sociology, Professor

Ezhi Kovalsky, Doctor of Law, Professor (Poland)

V. I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, honored worker of science of Russia

Nils Christie, Doctor of Law, Professor (Norway)

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor

V. N. Makhov, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of Russia

M. V. Melnik, Doctor of Economy, Professor

S.F. Milykov, Doctor of Law, Professor,

T. F. Minyazeva, Doctor of Law, Professor

Laurent Montet, Doctor of Law, Professor (France)

E. F. Pobegailo, Doctor of Law, Professor, honored worker of science of Russia

A. V. Pobedkin, Doctor of Law, Professor

Vulf Ya. Plotkin, Doctor of Philology, Professor (Israel)

I. Yu. Sizova, Doctor of Economy, Professor

I. A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, honored worker of science of Russia

G. Yu. Fedoseeva, Doctor of Law, Professor

The Editorial Staff is not responsible for inauthentic advertisement information.

The Editorial Staff does not correspond with the readers and does not issue references.

All materials sent to the Editorial Staff are reviewed and in case of a negative critique are neither published, nor returned. The author's opinion may differ from the Editorial Staff's point of view.

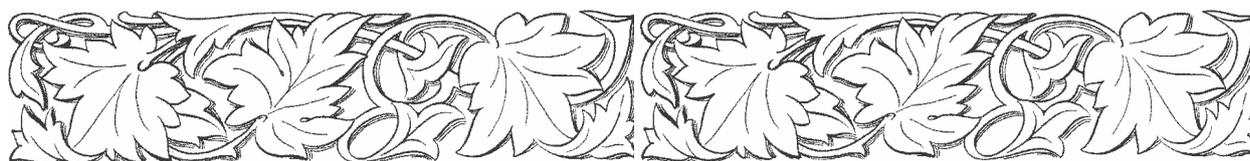
The materials may be copied fully or partially only with a written consent of the Editorial Staff.

Editorial staff includes famous scientists and scholars of high reputation taking active part in the development of the magazine and editing the scientific papers, representing the magazine in scientific centres and conferences, providing for co-operation with partners' organizations.

All questions connected with forming of editorial staff and council as well as realization of editorial policy are solved by the Editor-in-chief.

INFORMATION FOR CONTACT

Tel.: 89192002020, e-mail: nikolajisaev@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

№ 3(23), 2012 г.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ЮБИЛЕЕМ ЛИТВИНА Ф. А.

Литвин Ф.А. ПРЕДЛОГИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ – СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ 15

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ando Leps (Андо Лепс) CRISIS OF LAW, INCLUDING CRIMINOLOGY (КРИЗИС ПРАВА, ВКЛЮЧАЯ КРИМИНОЛОГИЮ) 20

Yakov Gilinskiy (Яков Гилинский) DEVIANCE IN RUSSIA UNDER GLOBALIZATION (ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ) 29

Абаканова В.А. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ 39

Иванова Ж.Б. ОБЫЧНОЕ ПРАВО И ПРИРОДООХРАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОДНЫХ ЖИВЫХ РЕСУРСОВ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 43

Исаев Н.А. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ПОРНОГРАФИИ: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС 47

Манна Аммар Абдуль Карим СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ БАХРЕЙНА И ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ 53

Молчанов Б.А. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДЕИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ КАК ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ 56

Петрованов К.Г. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИЗМ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 60

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Минаков С.Т. «КНИЖНАЯ НАУКА» А.В. СУВОРОВА 63

Руцинская И.И. ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКИХ ОБРАЗОВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В. 68

Сморгунова В.Ю. РАЗВИТИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА КАК ПРАВОВОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА: ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВА К РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ НАУКЕ 72

Щекотихин Е.Е., Гаврилина Л.Л. РАБОТА ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ РАЗРУШЕННОГО ХОЗЯЙСТВА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1943-1953 ГГ.). 75

СОЦИОЛОГИЯ

Верминенко Ю.В. ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ АРЕН С.ХИЛГАРТНЕРА И Ч.БОСКА 82

Лобода О.В., Баталова Е.В. ТОВАРИЩЕСТВО СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ОЦЕНКА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРИМОРСКОГО КРАЯ) 86

Щербаков Г.А. РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА 90

Цеделина А.В. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ 93

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

<i>Абрамов В.Е., Хуснуллина Ю.А.</i> СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЕТЕЙ	98
<i>Арсалиев М.Ш., Муханова И. В.</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА МОДЕЛИ ЭТНОПЕДАГОГИЗАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	102
<i>Есипова А.А. Шаталов М.А.</i> МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЛЕТНИХ ЭКСПЕДИЦИЙ	107
<i>Ефремичева Н.В.</i> ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМУ ИСКУССТВУ	113
<i>Журавлёва О.Н.</i> ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНИКА И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ УЧАЩИХСЯ	117
<i>Миляева М.В.</i> ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ	120
<i>Мусина В.П.</i> ВЛИЯНИЕ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ ЛИЧНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ИНТЕГРАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ	123
<i>Петрова А.И.</i> МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ	127
<i>Русановский В.В., Блох М.Е., Железнов И.А., Удодова И.Н., Русановский Г.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С ЭНДОМЕТРИОЗОМ И МИОМОЙ МАТКИ	131
<i>Самойленко О.Б.</i> ПОСТРОЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА СРЕДСТВАМИ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ	136

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Арутюнян Э.Б.</i> ЭНЕРГЕТИКА ИМЕНИ В ЭПИТАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	144
<i>Гришечкина Г.Ю.</i> ТЕРМИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКИХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ	148
<i>Изотов В.П.</i> АВТОРСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ	151
<i>Карасик В.И.</i> ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА	159
<i>Красильникова С.В.</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ «ТЕКСТА ПАМЯТИ» В МЕМУАРНОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО СЕВЕРА XVIII СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИОГРАФИИ В. КРЕСТИНИНА)	162
<i>Кузнецова И.В.</i> СЛАВЯНСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ О ПАСХЕ	169
<i>Пушкарёва Н.В.</i> ПУНКТУАЦИЯ И ПОДТЕКСТОВЫЕ СМЫСЛЫ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	173
<i>Чикнаверова К.Г.</i> ТЕКСТ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК ИСХОДНАЯ БАЗА ПО РАЗВИТИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ АВТОНОМИИ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ	177

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Байдак В.Ю.</i> МЕРА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДА DEA ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ	181
<i>Гнеушева А.Л.</i> РОЛЬ ФИНАНСОВО-РАСЧЕТНЫХ ЦЕНТРОВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА СОГЛАСОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ	184
<i>Жоголев А.А.</i> УПРАВЛЕНИЕ ЗАТРАТАМИ НА ПРОИЗВОДСТВО И ЭКСПЛУАТАЦИЮ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ С ПОМОЩЬЮ АНТИЗАТРАТНОГО МЕТОДА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ	187
<i>Конюховский П.В., Малова А.С.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ТЕОРИИ ИГР В АНАЛИЗЕ ОТНОШЕНИЙ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СУБЪЕКТАМИ	192
<i>Макарова О.Н., Волкова Т.В.</i> КРИМИНАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА	198
<i>Медолазов А.С.</i> КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	206
<i>Романова А.А.</i> ОПЫТ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА СЕЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА)	209

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Булыко И.П.</i> ПОНЯТИЕ О ПРИЧАСТНОСТИ БОГУ В ПНЕВМАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ СВЯТОГО ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ И ФОМЫ АКВИНСКОГО	212
<i>Дмитриев Д.В.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РИТУАЛЬНОЙ ЖЕНСКОЙ НЕЧИСТОТЕ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	215
<i>Кириянов Д.В.</i> НАУКА И РЕЛИГИЯ В БОГОСЛОВИИ Б. ЛОНЕРГАНА	218
<i>Латышева Ж.В.</i> АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ КАК МЕТАКАТЕГОРИИ	222

<i>Пилецкий С.Г.</i> МАРТИН ЛЮТЕР О МЕСТИ И ВОЗМЕЗДИИ	226
<i>Хубулава Г.Г.</i> КУЛЬТУРА: ДВУЛИКОСТЬ ОЧЕВИДНОГО	230

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Смирнов А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	234
--	-----

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Аксенова А.В.</i> ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДЕТЕРМИНАТИВОВ THIS/THAT И HERE/THERE В ПОЭЗИИ У.Б. ЙЕЙТСА	238
<i>Аниськов В.В.</i> «А ЗЕМЛЯ И ВОДА...» (К ВОПРОСУ О ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТИ ПЕРВОСТИХИЙ В ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО)	242
<i>Бажук О.В.</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ	245
<i>Безделев В.А.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕДРЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ ИННОВАЦИЙ В СИСТЕМЕ ПРОДВИЖЕНИЯ БАНКОВСКИХ ПРОДУКТОВ	247
<i>Белых А.С.</i> ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ	250
<i>Веденева О.В.</i> ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА И РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА	253
<i>Велумян Н.А.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА У СТАРШЕКЛАССНИКОВ	256
<i>Волошина Л.А.</i> ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ГОГОЛЯ (КРИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА О ГОГОЛЕ)	262
<i>Гиззатов Р.Г.</i> ОБЩЕАЛТАЙСКИЙ ПЛАСТ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА	266
<i>Горшкова Е.И.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ НЕСОГЛАСИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БЛОГОВ)	270
<i>Громов Ю. В.</i> ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАНЯТИЙ ФИЛАТЕЛИЕЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА	274
<i>Гудкова М.С.</i> ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XIX В.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	277
<i>Жидких Е.А.</i> ИГРА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА	280
<i>Жиронкина Ю.Е.</i> ДИСБАЛАНС ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ И ПРАВА НА ТАЙНУ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ	284
<i>Ибрагимова З.Н.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА	286
<i>Изотов В.В.</i> КОНЦЕПТ ВРЕМЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ОККАЗИОНАЛЬНЫМИ СЛОВАМИ, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ САШИ СОКОЛОВА	292
<i>Ильин А.А.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРАВОНАРУШЕНИЯ	297
<i>Карасева Т.Б.</i> ПОЛЕМИКА С РОМАНТИЧЕСКОЙ И НЕ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКОЙ В ДИЛОГИИ Д.К.ДЖЕРОМА «ТРОЕ В ЛОДКЕ ...» / «ТРОЕ НА ВЕЛОСИПЕДАХ»	300
<i>Кизиллов М.А.</i> АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2006-2010 ГГ.	307
<i>Ким Хи Ён</i> ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ «ГОЛОВА» В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ	311
<i>Князькова А.В.</i> РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ЦЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	314
<i>Корчагина Л.М.</i> РОЛЬ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ИСКАЖЕНИЙ БУХГАЛТЕРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ	318
<i>Лыкова Е.А.</i> «РЕФОРМЫ ДЭВИДА ГАРРИКА»	325
<i>Матвеева Е.М.</i> ЖИЗНЬ АМЕРИКАНСКИХ ДЕТЕЙ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ОБОЗРЕВАТЕЛЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ	329
<i>Мелкумян М.Г.</i> К ВОПРОСУ О ОСНОВАНИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	335
<i>Меньшикова А.В.</i> РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ВОПРОСА В ТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ	340
<i>Никишина С.А.</i> ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ ДОГОВОРА КУПЛИ – ПРОДАЖИ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ	346
<i>Панферов Р.Г.</i> СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕВОЗКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО (ТРАНСПОРТНОГО) ТРАНЗИТА	349
<i>Пикин Д.С.</i> ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ. РЕШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ПО ВОПРОСАМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫБОРОВ	352
<i>Пруссакова Н.М.</i> СИНОНИМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОВ А. А. АХМАТОВОЙ)	355

Рогожин А.А. ЦАРСКИЙ ВОЕВОДА Г.И. КОСАГОВ В ЗАПОРОЖЬЕ: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.	357
Рожен Ю.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	364
Румянцева М.Г. РОЛЬ ПЛАНИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСОМ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	369
Серебров К.Г. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ВИДАХ БРАКОНЬЕРСТВА	371
Старинкова Е.В. К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВ ПРИРОДЫ В ПРАКТИЧЕСКОМ МУЗЕЕВЕДЕНИИ	374
Старшинова С. А. АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РФ	377
Тимофеева А.А. НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ДЕТСКИХ СКАЗОК КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕАТРА ДЛЯ ДЕТЕЙ	380
Торгашин А.Ю. ТЕОРЕМА БЕРКЛИ. ПОЧЕМУ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ БЕРКЛИ МОЖНО НАЗВАТЬ ТЕОРЕМОЙ	383
Трахинин Е.Л. К ИСТОКАМ КРЕАЦИИ	387
Урkitис А.Ю. ТИПОЛОГИЯ ГРОТЕСКОВЫХ КОМПОЗИЦИЙ В РУССКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНО-ДЕКОРАТИВНОЙ ЖИВОПИСИ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА	389
Федоринова Е.А. ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ АРТ-ПЕДАГОГИКИ В ДИСЦИПЛИНУ «ЖИВОПИСЬ» В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРОВ	395
Федотова М.В. КОММЕНТИРОВАНИЕ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ БАЛЬЗАКА «БЛЕСК И НИЩЕТА КУРТИЗАНOK»	398
Харитоновa А.А. ОБ ОСВОЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «КОММУНИКАЦИЯ» ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В КОНТЕКСТЕ ПРИОБЩЕНИЯ ИХ К МУЗЕЮ	402
Шабанов Д.А. «ИКОНОМИЯ» В ТРАКТАТЕ ЕВЛОГИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО (581-608)	405
Шабанова Ю.В. СИСТЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	411
Шаньшеровa Т.В. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ	413
Шипилова Н.В. ДВОЙНОЙ СЮЖЕТ И ПЕРСОНАЖИ-ДВОЙНИКИ В КОМЕДИИ У. ШЕКСПИРА «ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ»	417

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ	421
---	-----

CONTENTS

№ 3(23), 2012 г.

CONGRATULATIONS ON THE ANNIVERSARY LITVIN F.A.

<i>Litvin F.A.</i> PREPOSITIONS IN RUSSIAN AND ENGLISH – AFFINITIES AND DIFFERENCES	15
---	----

JURIDICAL SCIENCES

<i>Ando Leps</i> CRISIS OF LAW, INCLUDING CRIMINOLOGY	20
<i>Yakov Gilinskiy</i> DEVIANCE IN RUSSIA UNDER GLOBALIZATION	29
<i>Abakanova V.A.</i> LEGALISATION OF CRIMINAL INCOMES: PUBLIC DANGER AND COUNTERACTION	39
<i>Ivanova Zh.B.</i> ORDINARY LAW AND NATURE GUIDING LEGISLATION OF USING WATER LIVE RESOURCES IN THE PERIOD OF ESTABLISHMENT OF RUSSIAN STATE SYSTEM	43
<i>Isaev N.A.</i> LEGAL REGULATION OF PORNOGRAPHY: SHORT VIEW OF HISTORY	47
<i>Manna Ammar Abdul Karim</i> THE SYSTEM OF PUNISHMENT IN BAHRAIN AND THE UNITED ARAB EMIRATES CRIMINAL LAW	53
<i>Molchanov B.A.</i> PRECONDITIONS OF ORIGIN OF IDEA OF IRRESPONSIBILITY AND SUBJECTIVE IMPUTING AS LAW CATEGORIES IN THE HISTORY OF NATIONAL STATES	56
<i>Petrovanov K.G.</i> CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR TERRORISM AND CRIMES OF TERRORIST TYPE IN THE LAW SYSTEM OF THE USA: COMPARATIVE LAW ANALYSIS	60

HISTORICAL AND POLITICAL SCIENCES

<i>Minakov S.T.</i> “THE BOOK SCIENCE” OF A.V. SUVOROV	63
<i>Rutsinskaya I.I.</i> FORMATION OF TOURIST IMAGES OF RUSSIAN REGIONS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES	68
<i>Smorgunova V.Y.</i> DEVELOPMENT OF MULTICULTURALISM AS THE LEGAL AND POLITICAL PRINCIPAL: SOCIAL ADDRESSES TO RUSSIAN POLITICAL SCIENCE AND LEGAL THEORY	72
<i>Schekotikhin E.E., Gavrilina L.L.</i> ORGANS OF SOVIET GOVERNMENT WORK AT THE RESTORATION OF THE RUINED ECONOMY OF OREL REGION (1943-1953)	75

SOCIOLOGY

<i>Verminenko Yu.V.</i> HEURISTIC POTENTIAL CONCEPT OF PUBLIC AND AREN S.HILGARTNERA CH.BOSKA	82
<i>Loboda O.V., Batalova E.V.</i> HOUSING PROPRIETARY ASSOCIATION IN THE MIRROR OF PUBLIC OPINION: ASSESSMENT, PROBLEMS AND PERSPECTIVES (BASED ON THE MATERIALS OF PRIMORSKIY KRAY)	86
<i>Scherbakov G.A.</i> SOCIAL POLITICS REALIZATIONS IN URALS FEDERAL REGION: REGIONAL SPECIFICS	90
<i>Tsedilina A.V.</i> SOCIAL CAPITAL OF SOCIAL MOVEMENTS AS A RESOURCE OF DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY. THEORETICAL QUESTIONS	93

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

<i>Abramov V.E., Husnullina Ju A.</i> SOCIAL STATUS CHARACTERISTICS OF INFORMATIVE NETS USERS	98
<i>Arsaliev M.SH., Muskhanova I.V.</i> EXPERIMENTAL CHECK OF THE ETHNOPEDAGOGIC MODEL OF THE INDIVIDUAL FORMATION IN THE EDUCATIONAL SPHERE OF THE CHECHEN REPUBLIC	102

<i>Esipova A.A., Shatalov M.A.</i> METHOD OF FORMING CULTURE OF LIFE SAFETY OF PUPILS IN SUMMER EXPEDITIONS	107
<i>Efremicheva N.V.</i> STAGES OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS OF THE ART-GRAPHIC FACULTY IN THE TEACHING PROCESS OF DECORATIVE AND APPLIED ART	113
<i>Zhuravlyova O.N.</i> THEORY AND PRACTICE OF HUMANITARIZATION OF THE SCHOOL TEXTBOOK CONTENT AND THE DEVELOPMENT OF PERSONAL QUALITIES OF A STUDENTS	117
<i>Miljaeva M.V.</i> TEACHING YOUNG PEOPLE TO PREVENT SOCIAL HEALTH	120
<i>Musina V.P.</i> INFLUENCE OF SELF-ACTUALISATION AND PSYCHOLOGICAL DEFENSE OF PERSONALITY ON THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL ACTIVITY IN INTEGRAL RESEARCH OF INDIVIDUALITY OF THE YOUTH	123
<i>Petrova A.I.</i> MATHEMATICAL EDUCATION IN RUSSIA: FROM THE HISTORY OF ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT	127
<i>Rusanovskiy V.V., Blokh M.E., Zheleznov I.A., Udodova I.N., Rusanovskiy G.V.</i> PSYCHOLOGICAL FEATURES OF WOMEN WITH DISEASES THE ENDOMETRIOSIS AND A UTERUS MYOMA	131
<i>Samojlenko O.B.</i> THE THEORETICAL MODEL FORMATION CONSTRUCTION OF CADETS' PROFESSIONAL COMPETENCE OF MILITARY HIGH EDUCATIONAL INSTITUTE BY MEANS OF ORGANIZING INDEPENDENT WORK	136

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Arutjunian E.B.</i> THE POWER OF THE NAME IN THE EPITAPHS (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)	144
<i>Grishechkina G.Ju.</i> TERMS AND THEIR APPLICATION IN THE FRENCH POPULAR SCIENTIFIC PRODUCTS	148
<i>Izotov V.P.</i> AUTHOR'S OCCASIONAL WORDS IN LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION	151
<i>Karasik V.I.</i> PROVERBIAL EVALUATION OF SOCIAL EQUALITY	159
<i>Krasilnikova S.V.</i> CONSTRUCTION OF THE «TEXT OF MEMORY» IN THE MEMOIRS DISCOURSE OF THE RUSSIAN NORTH XVIII CENTURIES (ON AN EXAMPLE OF HISTORIOGRAFY V. KRESTININA)	162
<i>Kuznetsova I.V.</i> SLAVONIC FIXED COMPARISONS ABOUT EASTER	169
<i>Pushkareva N.V.</i> PUNCTUATION AND SUBTEXT MEANINGS IN THE PROSE TEXT	173
<i>Chiknaverova K.G.</i> SPECIALITY TEXTS AS A STARTING POINT FOR DEVELOPMENT OF FOREIGN LANGUAGE SPEECH AUTONOMY OF STUDENTS OF BACHALOR DEGREE	177

ECONOMIC SCIENCES

<i>Baydak V.U.</i> EFFICIENCY MEASURE DEA OF BANKS ACTIVITY	181
<i>Gneusheva A.L.</i> ROLE FINANCIALLY-FINANCIAL SETTLEMENTS CENTERS IN FUNCTIONING OF THE MECHANISM OF THE COORDINATION OF ECONOMIC INTERESTS OF SUBJECTS OF AGROINDUSTRIAL ASSOCIATIONS	184
<i>Jogolev A.A.</i> THE EXPENSEMANAGEMENT IN THE PRODUCTION AND EXPLOITATION OF THE MASHINE-BUILDING OUTPUT WITH THE HELP OF THE ANTI-EXPENSE PRICEFORMATION	187
<i>Konyukhovskiy P.V., Malova A.S.</i> GAME-THEORETIC MODELS OF COLLABORATION AMONG ECONOMIC AGENTS	192
<i>Makarova O.N., Volkova T.V.</i> CRIMINAL PHENOMENA AS THREAT OF ECONOMIC SAFETY OF THE STATE	198
<i>Medolazov A.S.</i> THE CRITERIA OF LIFE QUALITY. THE THEORETICAL ASPECT	206
<i>Romanova A.A.</i> EXPERIENCE OF FINANCING SOCIAL DEVELOPMENT IN RURAL AREAS (ON EXAMPLE OREL PROVINCE OF THE BEGINNING OF XX CENTURY)	209

PHILOSOPHY AND RELIGION STUDY

<i>Bulyko I.P.</i> THE NOTION OF BELONGING TO GOD IN PNEUMOTOLOGICAL ANTHROPOLOGY OF ST.GREGORY PALAMA AND THOMAS AUQUINSKY	212
<i>Dmitriev D. V.</i> THE IDEA OF RITUAL FEMININE DIRTINESS IN RUSSIAN ORTHODOX CHURCH	215
<i>Kiryarov D.V.</i> SCIENCE AND RELIGION IN BERNARD LONERGAN'S THEOLOGY	218
<i>Latysheva Z.V.</i> ANTHROPOLOGICAL, SOCIETAL AND RELIGIOUS DETERMINANTS FOR TRANSCENDENCE AS METACATEGORIES	222
<i>Piletsky S.G.</i> MARTIN LUTHER ON REVENGE AND RETRIBUTION	226
<i>Khubulava G.G.</i> CULTURE: THE DUALITY OF AVIDENT	230

ART CRITICISM AND CULTURE STUDY

<i>Smirnov A.V.</i> SPECIFIC CHARACTER OF THE "HUMAN" CONCEPT INTERPRETATION IN THE THEORY OF EVERYDAYNESS	234
--	-----

<i>Aksenova A.V.</i> SPATIAL AND TEMPORAL SIGNIFICANCE OF DETERMINATIVES THIS/THAT AND HERE/THERE IN POETIC WORKS BY W.B. YETS	238
<i>Aniskov V.V.</i> “AND THE EARTH AND THE WATER...” (ON THE QUESTION OF OPPOSITION BETWEEN ELEMENTS IN POETIC WORKS BY V.S. VYSOTSKY)	242
<i>Bazhuk O.V.</i> THE MODELING OF PROFESSIONAL STUDENTS’ HEALTH PEDAGOGICAL PRECAUTIONS FOR FUTURE SOCIAL PEDAGOGUES	245
<i>Bezdelev V.A.</i> THE MAIN DIRECTIONS OF INTRODUCTION OF FINANCIAL INNOVATIONS IN SYSTEM OF ADVANCE OF BANK PRODUCTS	247
<i>Belykh A.S.</i> NUCLEATION STAGE OF POLITICAL SCIENCE IN RUSSIA	250
<i>Vedeneeva O.V.</i> ECONOMIC-MATHEMATICAL MODEL OF MAJOR MAINTENANCE AND RECONSTRUCTION OF HOUSING STOCK	253
<i>Velumyan N.A.</i> PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION AND TRAITS OF CHARACTER IN SENIOR SCHOOLCHILDREN	256
<i>Voloshina L.A.</i> CREATIVE PERSONALITY OF GOGOL (LITERARY CRITICISM OF THE 2ND HALF OF XIX – BEGGING OF XX CENTURIES ABOUT GOGOL)	262
<i>Gizatov R.G.</i> GENERAL ALTAI AGRICULTURAL LAYER OF BASHKIR LANGUAGE VOCABULARY	266
<i>Gorshkova E.I.</i> COMMUNICATIVE TACTICS EXPRESSING DISAGREEMENT IN INTERNET COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF BLOGS)	270
<i>Gromov Yu. V.</i> EDUCATIONAL POTENTIAL OF PHILATELY AND OPPORTUNITIES OF ITS APPLICATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS	274
<i>Gudkova M.S.</i> GOVERNMENT POLICY ON HIGHER EDUCATION IN RUSSIA IN THE 19TH CENTURY: HISTORIOGRAPHIC ASPECT	277
<i>Zhidkikh E.A.</i> GAME AND INTELLECTUAL INTERACTION PERSONALITY AND SOCIETY	280
<i>Zhironkina Y.E.</i> THE DISBALANCE BETWEEN THE RIGHT TO INFORMATION AND THE RIGHT TO PRIVACY	284
<i>Ibragimova Z.N.</i> LAW CULTURE FORMATION IN TEENAGERS OF THE GROUP OF RISK	286
<i>Izotov V.V.</i> THE CONCEPT OF TIME, REPRESENTED IN OCCASIONAL WORDS IN THE WORKS BY S.SOKOLOV	292
<i>Ilyin A.A.</i> TO A QUESTION OF A RATIO OF OBJECT AND THE OBJECTIVE PARTY OF STRUCTURE OF AN OFFENSE	297
<i>Karaseva T.B.</i> MUSIC IN THREE MEN IN A BOAT AND THREE MEN ON A BUMMELBY J.K.JEROME	300
<i>Kizilov M.A.</i> ANALYSIS OF THE STRUCTURE OF THE BUDGET OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR 2006-2010 YEARS	307
<i>Kim Hee Youn</i> PAROEMIA WITH THE COMPONENT <HEAD> IN RUSSIAN AND KOREAN LANGUAGES	311
<i>Knyazkova A.V.</i> RETROSPECTIVE ANALYSIS OF NATIONAL EDUCATION GOALS	314
<i>Korchagina L.M.</i> THE ROLE OF FINANCE CONTROL IN FINDING OUT INCORRECTNESS IN ACCOUNTANTS’ BOOK-KEEPING	318
<i>Lykova E.A.</i> DAVID GARRICK’S REFORMS	325
<i>Matveeva E.M.</i> THE LIFE OF AMERICAN CHILDREN THROUGH THE EYES OF RUSSIAN OBSERVERS AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES	329
<i>Melkumjan M.G.</i> ON THE BASIS OF THE EDUCATIONAL FUNCTION OF LEGAL LIABILITY	335
<i>Menshikova A.V.</i> RHETORIC TECHNIQUE OF QUESTION IN POLITICAL SPEECHES	340
<i>Nikishina S.A.</i> THE HISTORY AND EVOLUTION OF A SALE AND PURCHASE AGREEMENT IN THE PRIVATE ROMAN CIVIL LAW	346
<i>Pavferov R.G.</i> WAYS OF COMMITTING CRIMES IN SPHERE OF ILLEGAL STORAGE AND TRANSPORTATION OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES IN THE IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL (TRANSPORT) OF TRANSIT	349
<i>Pikin D.S.</i> THE LEGAL NATURE OF DECISIONS OF ELECTION COMMISSIONS. DECISIONS OF ELECTION COMMISSIONS ON ELECTIONS OF INFORMATION SUPPORT	352
<i>Prussakova N.M.</i> SYNONYMS IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES (ON THE MATERIAL OF THE POEMS BY A. AKHMATOVA)	355
<i>Rogozhin A.A.</i> THE TSARS’ VOIVOD G.I. KOSAGOV IN THE ZAPOROZHIE: THE PROBLEM OF THE RUSSIAN STATE POLICY IN THE UKRAINE IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY	357
<i>Rozhen Y.A.</i> A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE THEORETICAL CONCEPT OF RUSSIAN AND EUROPEAN CONSTITUTIONALISM	364
<i>Rumiantseva M.G.</i> THE ROLE OF PLANNING IN THE MANAGING COMPLEX OF IMMOVABLE PROPERTY OF THE STATE INSTITUTION OF THE HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION	369
<i>Serebrov K.G.</i> ON THE NOTION AND TYPES OF POACHING	371
<i>Starinkova E.V.</i> TO THE QUESTION OF GENESIS OF THE MORPHOLOGICAL PRINCIPLE OF ORDERING OF IMAGES OF THE NATURE IN PRACTICAL MUSEOLOGY	374
<i>Starshinova S.A.</i> THE ANALYSIS OF THE INSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR THE DEVELOPMENT OF AN INNOVATION INFRASTRUCTURE IN THE RUSSIAN FEDERATION	377
<i>Timofeeva A.A.</i> COMPLEXITY OF CONTENTS OF CHILDREN’S FAIRY-TALES AS THE MOST IMPORTANT CONSTITUENT OF THE CHILDREN’S THEATRE	380

Torgashin A.Ju. THE BERKLEY'S THEOREM. WHY IS IT POSSIBLE TO CONSIDER THE BASIC ARGUMENT BY BERKLEY AS A THEOREM	383
Trakhinin E.L. TO THE SOURCES OF CREATION	387
Urkitis A.Ju. TYPOLOGY OF GROTESQUE COMPOSITIONS IN RUSSIAN MONUMENTAL AND DECORATIVE PAINTING AT THE END OF XVII – BEGGING OF XIX CENTURIES	389
Fedorinova E.A. TEACHING OF A COURSE OF PAINTING WITH ELEMENTS OF ART PEDAGOGICS IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING OF DESIGNERS	395
Fedotova M.V. COMMENTS ON HEROES SPEECH IN BALZAC'S SPLENDEURS ET MISÈRES DES COURTISANES	398
Haritonova A.A. ON THE DEVELOPMENT OF EDUCATION OF «COMMUNICATION» PRESCHOOL CHILDREN IN THE CONTEXT OF BRINGING THEM TO THE MUSEUM	402
Shabanov D.A. "OIKONOMIA" IN THE TREATISE BY EULGIUS OF ALEXANDRIA (581-608)	405
Shabanova Ju.V. THE SYSTEM OF PEDAGOGICAL CONDITIONS IMPROVE SOCIAL EFFICIENCY OF THE MODERN SCHOOL	411
Shan'sherova T.V. TOLERANCE IN THE SYSTEM OF FORMING SOCIAL CAPITAL OF ORGANIZATION	413
Shipilova N.V. THE DOUBLE PLOT AND THE MIRROR-CHARACTERS IN WILLIAM SHAKESPEARE'S 'TWELFTH NIGHT'	417

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	421
-------------------------------	-----

К ЮБИЛЕЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

Литвин Феликс Абрамович

*Доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Профессор кафедры английской филологии факультета иностранных языков
Орловского государственного университета*

Биографический очерк

Родился 20 апреля 1927 г. в городе Крюкове (Украина)

1945-1950 гг. – студент филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

1950-1951 гг. – преподаватель Горьковского государственного института иностранных языков.

1951-1953 гг. – преподаватель Воронежского педагогического института.

1953-1958 гг.- преподаватель Тульского педагогического института.

1958- 2012 гг.- преподаватель Орловского государственного педагогического института, а затем Орловского государственного университета.

1962 г. – защищает диссертацию на степень кандидата филологических наук на тему «Артикль в переменных и устойчивых сочетаниях английского языка» в МГПИИЯ им.М.Тореза.

1963 г. – становится заведующим кафедрой английского языка ОГПИ.

1964 г. - получает ученое звание доцента

1968 г. - становится заведующим созданной им кафедры английской филологии.

1978 г. - защищает диссертацию на степень доктора филологических наук на тему «Языковая и речевая многозначность слова» в МГУ им. М.В.Ломоносова

1981 г. - получает ученое звание профессора

1980-2012 - профессор кафедры английской филологии ОГПИ, а затем ОГУ.

Преподавание. Имеет более 60 лет педагогического стажа. Читает университетские курсы по следующим дисциплинам: введение в языковедение, лексикология, теоретическая грамматика, теория английского как второго иностранного языка, общее языковедение, сравнительная типология, социолингвистика и др. В 1982 г. проходит стажировку в Кембридже (Великобритания).

Ведет занятия по практике языка, домашнему чтению, аудированию и другим аспектам преподавания английского языка. Параллельно читает лекции в других университетах России (Тульский государственный университет, Рязанский государственный университет) и руководит научной работой аспирантов. Более двадцати аспирантов под его руководством защитили кандидатские диссертации и успешно работают в университетах России и за рубежом.

Научная работа и публикации. Автор более ста публикаций и монографий. Область научных интересов очень широка: общее, русское и английское языковедение. Внес вклад в разработку общих проблем языковедения (соотношения языка и речи, степени предикативности, многозначность языковых единиц в тексте, семантики и прагматики в содержании языковых единиц, фоновых знаний и интертекстуальности, артиклей и кванторных слов, шифтерных категорий, предложения и высказывания, лингвистики текста, теории перевода, сопоставительных и контрастивных исследований). Принимает участие в Международных конгрессах, симпозиумах и конференциях в России и за рубежом (Норвегия, Дания, США, Польша, Великобритания). Является членом совета по русскому языку и методике его преподавания при Орловском государственном университете. Возглавляет редакционную коллегию журнала «Urbi et academiæ: Граду и научному сообществу», является членом редколлегии журналов «Вестник ОГУ», «Человек и общество».

Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Все, кому посчастливилось общаться с ним, попадают под влияние его личности и не устают восхищаться его научной эрудицией и необыкновенными редкими человеческими качествами. Все его коллеги и ученики, аспиранты и докторанты, искренне любят и уважают его и несут по жизни частицы его большого и щедрого таланта.

ПРЕДЛОГИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ – СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Литвин Ф.А.,
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки России,
кафедра английской филологии,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: предлог, наречие, связующая функция, модифицирующая функция, степень автономности
Key words: preposition, adverb, connecting function, modifying function, degree of autonomy

Аннотация. В статье сравниваются «одноимённые» классы слов (части речи) – предлоги, которые в русском и английском языках имеют как общие свойства (связующая функция), так и различающиеся (степень автономности в предложении), обусловленные спецификой грамматического строя языков. Соответственно, их место в структуре языка совпадает неполностью, и их лексическая межъязыковая эквивалентность не означает их системной эквивалентности.

The word class “of the same name” in Russian and English – the preposition – is compared in the article. Analysis reveals both the common (the connecting function) and the different (the degree of syntactic autonomy as a result of the differences in the grammatical structure of the languages). The lexical equivalence of words does not therefore mean they are equivalent in the grammatical system.

В описаниях большинства языков сохраняется идущая из античности номенклатура терминов для обозначения знаковых единиц разных уровней языка и их классов, имена которых либо транслитерируются, либо калькируются – даже если наряду с заимствованным имеют название, восходящее к родному языку. К таким номенклатурно аналогичным классам относятся, в частности, части речи. Общность названия логически предполагает, что такие классы в разных языках имеют совпадающие свойства, что не означает, однако, полного совпадения свойств и состава этих классов и не исключает национального варьирования.

В настоящей статье сопоставляются множества слов, называемые предлогами, в двух неблизкородственных языках – русском и английском. В описании предлогов, кроме трудностей, связанных с собственно обработкой материала, возникают и такие, которые вызваны, с одной стороны, традицией, а с другой – сложностью ментального образования, именуемого «значением». С традицией, в частности, связано противопоставление «знаменательных» и «служебных» частей речи. Неоднократно отмечалось, что само это противопоставление не вполне корректно уже в силу гетерогенности оснований подобного рода дихотомии (ср., напр., [12: 34-35], [7: 90 и сл.]). Между тем в традиции оно заходит так далеко, что иногда приводит к утверждению об отсутствии у предлогов лексического значения, т.е. отрицанию их словного статуса.

Предлагаемое в данной статье понимание значения и функции предлогов исходит из того, что всякое слово, в

том числе и выполняющее (регулярно или в определенных условиях) связующую функцию, имеет план выражения и план содержания, а содержание включает в себя не только семантику (отношение элементов системы к тому, что находится за ее пределами), но и синтактику (отношение элементов системы друг к другу). Как часть процедуры научного анализа мы можем рассматривать эти аспекты содержания в изоляции, памятуя о том, что такая изолированность есть не более чем исследовательский прием. При этом терминологически предпочтительно, на мой взгляд, говорить о дихотомии не «семантического» и «синтаксического», а «лексического» и «грамматического» (синтаксического), чтобы избежать создания представления об «асемантическом» синтаксисе (см, напр., [8, 87-88]).

В настоящей статье развиваются идеи, высказанные в середине прошлого века проф. А.И. Смирницким в связи с описанием английского языка (ср., напр., [9: 374-376]) и детализированные в дальнейших исследованиях (напр., [3], [4]). Одним из факторов, определяющих описание предлогов в русском и других флективных языках, является их жесткая связь с именем – правым окружением. Это характеризует их синтактику и само по себе не связано с их лексической семантикой. Такая жесткая зависимость привела, в частности, в грамматическом описании русского языка к появлению понятия (и термина) «предложно-падежная форма» существительного, которое предполагает полную несамостоятельность (служебность) предлога по отношению к следующему за ним (управляемому им) существительному. В английском языке, в результате упрощения морфологической системы существительного, связь в комбинаторике (синтактике) единиц, традиционно именуемых предлогами, с формой существительного – правого окружения оказалась утраченной, а в результате и сама «правая связь» ослаблена; поэтому в формальном отношении эти единицы «менее служебны». Это отражается, в частности, в регулярном их употреблении в конструкциях, где они синтаксически (на уровне поверхностного синтаксиса) не связаны с существительным (местоимением) или не имеют существительного в качестве правого окружения – ср. многочисленные конструкции типа *What are you standing on? На чем ты стоишь? He will have a lot to write about. У него будет много о чем написать. He is the boy I saw you with. Это тот мальчик, с которым я тебя видел. He was laughed at. Над ним смеялись. What is he famous for? Чем он знаменит?* (Примеры, приводимые

в [9]: They bought chairs to sit on. Они купили стулья, на которых можно было бы сидеть. I have no pen to write with. У меня нет ручки, чтобы писать. Children like to read and to be read to. Дети любят читать и любят, чтобы им читали. The book was not looked for. Книгу не искали. The bed had not been slept in. На кровати не спали.) Ср. также: To look at, he might have been a clerk, but of the better sort. (V. Woolf) По виду его можно было принять за клерка, но рангом повыше. (Подробнее см. [6].) Это явления принципиально иного порядка, чем возможная у некоторых русских предлогов постпозиция к существительному, при сохранении всех системных свойств предлога, как, напр., в Чего ради? Не корысти ради... «Изводишь, единого слова ради, тысячи тонн словесной руды.». То же – *mutatis mutandis* – относится к функционированию этих единиц в именных сочетаниях: What is he the boss of? Он босс (хозяин) чего? The firm he was the boss of flourished. Фирма, в которой он был боссом, процветала. ... with comment on, and analysis of, those stories... с комментариями к этим рассказам и анализом рассказов. Соответственно, такие единицы не могут быть описаны как полностью системно тождественные русским предлогам, а рассматриваются в грамматическом описании, отражающем специфику английского языка, как наречия, модифицирующие слова, с которыми они связаны сильной синтаксической связью, осуществляемой через примыкание [5]. Ср.: «Материальное тождество (при сохранении семантической связи) многих предлогов и наречий в английском языке и способность материально одного и того же слова выступать при одном глаголе то в качестве предлога, то в качестве наречия указывает на близость предлога к наречию и позволяет рассматривать предлоги не как отдельную часть речи, а как группу слов внутри наречия – слов, способных выполнять служебную функцию.» [9: 375-376] В некоторых системах описания их называют «предложными наречиями» – ср., напр.: «Английский предлог представляет собой как бы ослабленное наречие – наречие, использованное в связующей функции. Подобные слова правильнее всего называть предложными наречиями.» [8: 92] Собственно предлогами в системе английского языка в таком описании можно считать лишь отглагольные образования (напр., during в течение, во время – ср. русское благодаря) и составные речения (в состав которых чаще всего входят и «предложные наречия»), напр., in front of перед, by means of с помощью, in connection with в связи с.

Сопоставление классов слов, регулярно выполняющих связующую функцию, в разных языках полезно еще и потому, что позволяет увидеть то, что в одном языке «завуалировано», а в другом выявляет сходства и различия «в чистом виде». При этом можно исходить из семантической эквивалентности сопоставляемых выражений разных языков, т.е. идентичности их референции.

Рассматривая русские предлоги «в зеркале» английских, мы видим возможность совпадения семантических функций при различии функций синтаксических, обусловленном различием грамматических систем обоих языков. То же, разумеется, справедливо и «в обратном направлении», т.е. при рассмотрении английских «предложных наречий» «в зеркале» русских предлогов.

В самом деле, не вызывает сомнений семантическая эквивалентность русск. Он живет в городе. и англ. He lives in (the) town., равно как и город, в котором он живет, и the

town he lives in и, соответственно, семантическая эквивалентность русского в и английского in в данном контексте – точно так же, как семантическая эквивалентность несопадающих по статусу и системной значимости единиц разных языков в других контекстах: напр., семантическая нагрузка английского предлога может быть эквивалентна нагрузке падежной морфемы, как, напр., в The Federal Bureau of Investigations и его русскоязычном эквиваленте Федеральное бюро расследований, что отнюдь не делает английский предлог показателем падежного значения в английском языке и не «отменяет» падежного значения у русского существительного. Выполняя сходные семантические функции, слова (и морфемы) разных языков имеют разный статус в грамматической системе каждого из языков и получают разное грамматическое описание. Вот, например, как излагаются возможности разного описания сочетания глагола с традиционно понимаемым предлогом и существительным в рамках одного (английского) языка в [16: 818-819]: «Предложение типа He looked at the girl [Он посмотрел на девочку] можно анализировать двумя способами. При одном из них можно говорить об адverbальном предложном сочетании (at the girl [на девочку]); при другом looked at [посмотрел на] – это глагол с предлогом, a the girl [девочку] – предложное дополнение (мы будем пользоваться коротким термином «предложное дополнение» там, где по существу следовало бы говорить о «дополнении после глагола с предлогом») ... Можно рассматривать эти два вида анализа как разные, но одинаково верные и дополнительные по отношению друг к другу способы рассмотрения одной и той же структуры.»

Приведенное выше рассуждение справедливо и по отношению к русским предлогам. Ведь и русское предложение Он посмотрел на девочку позволяет два таких дополнительных способа анализа. При одном способе «фокусом» анализа является связь предлога с «правым» существительным. При другом – связующая роль предлога, т.е. его соотносительность как с существительным (правое окружение), так и с глаголом (левое окружение): «связь» предполагает минимум два члена отношения, причем связь остается, даже если эти члены отношения не идентичны в каждом отдельном случае. Эта их «не идентичность» может быть более или менее существенной семантически, и соответственно мы имеем право говорить либо о тождестве значения левого члена (глагола), либо о его полисемии. Ср., напр., посмотреть на девочку и посмотреть в сумочке или спорить с кем-то и спорить о чем-то, где можно говорить об идентичности значения глагола и различии актантов, и верить кому-то (нуль предлога – но, заметим, наличие глагольного управления) и верить в кого-то, где речь может идти о различных значениях глагола (как и в англ. to believe somebody и to believe in somebody). В русском языке предпочтительным при синтаксическом анализе оказывается первый из этих двух способов, что в большей мере обусловлено наличием грамматического управления, т.е. формальной связи между предлогом и его правым окружением. (Речь при этом идет отнюдь не о невозможности другого способа анализа, а именно о предпочтительности первого.) В результате связующая роль предлога оказывается как бы отодвинутой на второй план, а его роль как вводящего существительное в структуру предложения становится «фокусом» анализа. В современном английском языке этот фактор предпочтения

снимается в силу отсутствия зависимости между предлогом и формой существительного, и оба способа анализа оказываются равно обоснованными. Поэтому, в частности, говорить о «предложном управлении» в английском языке в связи с существительным можно лишь с существенными оговорками: недаром А.И. Смирницкий, анализируя случаи подобного типа, говорил об «известном подобии того, что называется управлением», в английском языке [8: 85] и о том, что рассматриваемые случаи «сближаются с управлением» [8: 90].

Можно говорить и о том, что при сопоставлении языков выявляются, с одной стороны, общие (и тем самым если не универсальные, то близкие к универсальным) свойства, а с другой – национально-специфические особенности рассматриваемого явления. Постараюсь проиллюстрировать это на примере «Вводных замечаний к материалам», распространенных в виде рабочего документа на Международной конференции «Грамматика славянского предлога» в МГУ им. М.В. Ломоносова 28-30 октября 2003 г. (далее в тексте статьи – «Замечания»), в сопоставлении с материалом грамматик английского языка.

При рассмотрении в «Замечаниях» двух вариантов определения предлога как части речи (с.1) можно отметить, что в этом определении связующая функция предлога, которая несомненно присуща как английскому, так и русскому классу обсуждаемых слов, отражена косвенно и на заднем плане: «введение в предложение существительного или его субститута» имплицитно устанавливает связь этого существительного (субститута) с другими составляющими предложения. Такое «распределение акцентов» можно объяснить уже затрагивавшимся выше системным свойством слов класса в русском языке – жесткой формальной связью с правым окружением, которая и делает его фокусом определения. Такое же «распределение внимания» представлено и в других частях текста «Замечаний». Ср.: «Семантическая функция предлога состоит в конкретизации роли вводимого им имени в денотативной структуре высказывания ...» (с.1). Так же имплицитно этот «второй фокус» представлен и в замене термина «предложно-падежная форма» более «синтаксически-ориентированными» «синтаксема» и «синплекс». Ср.: «Предлог не является частью морфологической формы слова, но входит на правах составляющей в синтаксическую форму слова – синтаксему» (с.1). Есть в тексте «Замечаний» и формулировки, где этот «второй фокус» выражен более эксплицитно: «тип каузирующего глагола, вводящего предлог» [Подчеркнуто мной. – Ф.Л.] (с.7), «релеатор, устанавливающий связь между двумя денотатами» [Подчеркнуто мной. – Ф.Л.] (с.8).

В большинстве определений и описаний предлога в грамматиках английского языка эта его связующая роль представлена эксплицитно и как правило рассматривается как ведущая. Приведем несколько примеров.

В классификации О. Есперсена предлоги (которые в этой классификации относятся к разряду «частиц») «указывают на отношения разных видов». Любопытно замечание Есперсена о «внутренней форме» именованных частей речи: «Имена частей речи взяты из латыни, но изучающих латинский язык следует предостеречь от ошибки принимать этимологию этих названий за их смысл: ... наречие (в латинском *adverbium*) не обязательно связано с глаголом (ср. *nearly ready, nearly everybody*); а предлог (в

латинском *praepositio*) не обязательно стоит перед словом, которым он управляет (*go the fools among* (Sh.); *What are you laughing at?*).» [14: 69]

«Предлоги представляют собой связующие слова, использующиеся для обозначения связи между предметом и предметом, предметом и признаком или же предметом и процессом.» [8: 86]

«Предлог – служебное слово, которое не имеет самостоятельного значения и употребляется с существительным или местоимением, чтобы показать его отношение к какому-то другому слову в предложении.» [10: 307]

«Предлог – это часть речи, характеризующаяся следующими признаками: 1. Своим лексико-грамматическим значением «отношения (сущностей)». 2. Своей двусторонней сочетаемостью с существительным (или эквивалентом существительного) справа и словом, относящимся почти к любой части речи, слева. 3. Своей функцией связующего слова.» [13: 206] Авторы отмечают, что специфика предлога среди «полузнаменательных» частей речи – в его сочетаемости: «Можно говорить об устойчивых правых связях и переменных левых связях» (имеется в виду частеречная принадлежность «слова справа» и «слова слева»). В то же время «в английском языке есть случаи, когда левые или правые связи ослабевают или даже полностью утрачиваются». Авторы не принимают изложенного выше в настоящей статье мнения А.И. Смирницкого об адвербиальной природе английских предлогов, а различную роль предлогов в двух языках авторы видят не столько в предлогах, сколько в существительных: «В русском языке, с его системой шести падежей, отношения сущностей в основном обозначаются падежными морфемами. Предлоги – лишь вторичное средство спецификации этих отношений. В английском языке единственная выраженная падежная морфема *-s* передает лишь очень ограниченное количество отношений сущностей. Поэтому предлоги становятся основным средством обозначения отношений сущностей. Их роль, как можно видеть, определяется грамматической системой языка. В русском языке эти два средства выражения отношений сущностей взаимозависимы. ... Поэтому предлог тесно связан с существительным, перед которым он стоит. Он не может употребляться без этого существительного. В английском языке предлог гораздо более независим. Он может быть отделен от существительного. ... В предложении к одному существительному могут относиться несколько предлогов. ... Предлог может относиться не только к слову, но и к словосочетанию или предложению.» [Там же: 210-211]

Б.А. Ильиш считает необходимым уточнить, что предлоги выражают не отношения между словами, а отношения между явлениями «в экстралингвистическом мире» [12: 149]. Говоря о синтаксической функции предлогов, Б.А. Ильиш предлагает различать уровень словосочетания и уровень предложения. В словосочетаниях предлог связывает слова друг с другом; на уровне предложения предлог связующей функции не выполняет, поскольку входит в состав члена предложения. Далее отмечается, что могут быть словосочетания, которые не включают в себя «левого окружения»; в качестве примера приводятся заголовки, напр. *Under the Greenwood Tree* (Под гринвудским деревом, заголовок романа Т. Гарди). Если согласиться с такой трактовкой, то нельзя не отметить, что речь здесь идет не о национально-специфическом, а скорее об универсальном свойстве предлогов. Далее автор отмечает то, что можно

квалифицировать именно как национальную специфику: «Предлоги в английском языке менее тесно связаны со словом или словосочетанием, которое они вводят, чем, например, в русском языке. В английском языке предлог не может состоять только из согласного, т.е. быть не слоговым, как три русских предлога в, к, с. Эта большая самостоятельность английских предлогов проявляется по-разному. ... Конечно, все это становится возможным благодаря тому, что предлоги в английском языке не требуют определенной падежной формы вводимого ими существительного.» [Там же: 153-154]

«Предлоги – это служебные слова, выражающие отношение к предмету. ... Существует три основных случая употребления предлога: 1) Предлог и следующее за ним слово (или словосочетание) образуют отдельный предложный оборот. ... Предложный оборот может употребляться как вне обособления, так и в обособлении: в функции обстоятельства, предикатива, в заголовках и в некоторых других случаях... 2) Предлог – оформитель словосочетания: выражая смысловые отношения между основным и зависимыми компонентами словосочетания, предлог одновременно связывает их структурно... 3) Предлог может быть непосредственно связан только со словом, от которого он сам зависит; слово же, к которому предлог выражает отношение, может быть отделено от него... В отдельных случаях связь глагола с предлогом настолько тесна, что предлог утрачивает свое самостоятельное лексическое значение и превращается в простой грамматический показатель переходности глагола и в уточнитель его значения.» [2: 263-267] (Ср. с приведенным выше из [16] описанием, где множественность интерпретаций не связывается со степенью утраты лексического значения предлога.)

«Предлоги – это структурные слова, использующиеся с существительным (или его эквивалентом – местоимением или формой на -ing), чтобы показать его отношение к какому-нибудь другому слову в предложении – глаголу, другому существительному, прилагательному, а иногда наречию. ... Хотя предлоги служат для того, чтобы выражать различные отношения между существительным (или его эквивалентом), которое за ним следует, и другими словами в предложении, они иногда отделяются от этого существительного (или его эквивалента). ... Из приведенных примеров следует, что в таком случае предлоги сохраняются за предшествующим ядерным словом.» [11: 307-309]

Определяя предлоги как служебные слова, составляющие отдельную часть речи, Л.С. Бархударов пишет: «... в английском языке предлог чаще всего употребляется как показатель подчинительной связи между словами..., но может также употребляться и «абсолютно», т.е. не выражая никакого подчинительного отношения и не присоединяя никакого зависимого слова или группы слов, например: He was laughed at. В этом последнем случае грамматические функции предлога несколько иные, а именно: а) он является показателем объектности глагола, т.е. указывает на способность глагола сочетаться с объектным дополнением и употребляться в форме страдательного залога (без предлога глагол такого типа не может ни встречаться с дополнением, ни употребляться в пассивной конструкции); б) он сигнализирует наличие между глаголом-сказуемым и подлежащим предложения трансформационной связи, ср.: X laughed at him → He was laughed at (by X).» [1:

61] Для нашего рассмотрения существенно заметить, что наличие трансформационной связи сигнализируется не предлогом, а формой глагола; ср, напр., X defeated the army X разгромил армию → The army was defeated Армия была разгромлена, где отношения, абсолютно идентичные тем, которые отмечены в приведенном примере, выражены без участия предлога.

«В самых общих терминах, предлог выражает отношение между двумя сущностями, одна из которых представлена предложным комплементом. ... В норме комплемент следует за предлогом; но бывают некоторые обстоятельства, при которых этого не происходит, либо потому что комплемент должен занять первое место в предложении, либо потому что он отсутствует...» [15: 143-144]

«... служебная природа класса слов вовсе не всегда предполагает его закрытый характер и жесткость структуры. Коннекторы – класс служебный и потому нередко квалифицируемый как закрытый. Известно, однако, что в современном английском языке, как и в русском, состав объединяемых в этот класс предлогов и союзов характеризуется наличием обширных периферийных зон, где обнаруживаются многочисленные слова из больших частей речи, сочетания слов, делающие разграничение коннекторов от других классов весьма трудным. Наличие у коннекторов ярко выраженной полевой структуры очевидно. Это вполне закономерно, потому что коннекторы, как и большие части речи, объединяются в класс на функциональной основе, а функция в принципе способна вовлекать в свою сферу самую разнообразную субстанцию и не ограничивается той субстанцией, которая специализирована для ее выполнения. ...

В языках синтетического строя соответствующие подразделения коннекторов обычно разграничиваются четко: приименные субординанты (предлоги) характеризуются включенностью в именное словоизменение, что ведет к особо тесным связям с существительным и служит основанием для их отделения от прочих коннекторов, объединяемых в класс союзов.

Типологическая перестройка в английской грамматической подсистеме, разрушив участие предлогов в падежном управлении и превратив коннекцию в особый способ синтаксической связи, ослабила сцепление предлогов с подчиненным существительным. Поскольку коннекция – связь двусторонняя, это неизбежно привело к некоторому усилению сцепления предлога с подчиняющим словом. Важным проявлением изменения сил сцепления стала способность предлога располагаться в конце предложения, на расстоянии от связываемого им существительного или местоимения, что характерно для нескольких конструкций, требующих перемещения этого существительного или местоимения в начало предложения: nothing to speak about; the man I talked to; The bed had not been slept in. What did he work with?

Ослабление сцепления предлога со связываемым существительным имело и другое последствие: меньше стало грамматических оснований для отграничения предлога от прочих коннекторов, а интенсивное размывание границ частей речи способствовало широкому использованию наречий в субординантной функции, как в предикативной ее разновидности, так и в приименной.» [7: 167-168]

Речь идет, как, без сомнения, ясно читателю, не о

«правильности» или «неправильности» описаний. При всем различии приведенных фрагментов грамматических описаний, независимо от принятия или непринятия грамматического описания в целом или интересующего нас фрагмента такого описания, эти фрагменты наглядно демонстрируют определенный баланс в описаниях «вводящей» и «связующей» ролей английского предлога, равно как и причины, по которым этот баланс при описании предлога в английском языке представлен более эксплицитно, чем при описании предлога в русском языке. Иными словами, при описании классов слов, которые могут быть семантически эквивалентны, отражено разное соотношение универсальных и национально-специфических характеристик описываемого объекта, то есть отражена «языковая картина мира».

Quod erat demonstrandum.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. «Высшая школа», Москва, 1975.
2. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. «Высшая школа», Москва, 1973.
3. Калабина С.И. Наречия направленности в современном английском языке // Ученые записки Орловского государственного педагогического института, том XVII, 1963.
4. Калабина С.И. О месте некоторых видов наречий в структуре современного английского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, Москва, 1964.
5. Литвин Ф.А. О сфере грамматического управления в современном английском языке // Лексика и лексикография. Сборник научных трудов. Москва, 1991.
6. Литвин Ф.А. Дистантное функционирование предлогов в современном английском языке // Иностранные языки в высшей школе. Выпуск 4 (15). Рязань, 2010.
7. Плоткин В.Я. Строй английского языка. «Высшая школа», Москва, 1989.
8. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. Издательство литературы на иностранных языках. Москва, 1957.
9. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. Москва, 1959.
10. Ganshina M.A., Vasilevskaya N.M. English Grammar. Higher School Publishing House, Moscow, 1964.
11. Gordon E.M., Krylova I.P. Higher School Publishing House, Moscow, 1974.
12. Ilyish B. The Structure of Modern English. "Prosveshcheniye". Leningrad, 1971.
13. Khaimovich B.S., Rogovskaya B.I. A Course in English Grammar. «Высшая школа», Москва, 1967.
14. Otto Jespersen. Essentials of English Grammar. George Allen & Unwin, London, 1983 [first published 1933].
15. Quirk, Randolph; Greenbaum, Sidney. A University Grammar of English. Longman, 1978 [first published 1973]
16. Quirk. R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. Longman, London, 1980.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

CRISIS OF LAW, INCLUDING CRIMINOLOGY КРИЗИС ПРАВА, ВКЛЮЧАЯ КРИМИНОЛОГИЮ

Ando Leps,
Professor, LL.D.,
Tallinn University, Academy of Law,
member of the Estonian Parliament (Riigikogu) in 1995-2003,
member of the European Society of Criminology,
member of the Estonian Club of Rome

Андо Лепс,
профессор, доктор юридических наук,
Таллинский университет, Академия Права, член палаты эстонского парламента в 1995-2003 гг.,
член Европейского Общества по криминологии,
член эстонского отделения Римского клуба

Key words: Everything that is regarded as science in jurisprudence or law actually isn't it
Ключевые слова: Все, что считается наукой в юриспруденции или праве на самом деле таковым не является

Аннотация. Law has been taught for centuries at European universities, but even today we do not know what kind of “thing” law actually is. It somehow seems very strange but unfortunately this is how it is. Normally, we say, “law is law”. As long as we do not know what law is, we cannot, in the scholarly sense of the word, speak about crime as a phenomenon. Hence, we can today speak about crime as the form of some other phenomenon (or phenomena), or, in other words, about crime as seemingness. But let it be said right away that crime should not be investigated through crime itself (this is a very important postulate!), although it is done very often today.

We also have to underline that law is not any “supernatural” phenomenon, for example given to us by God. Law derives from society and society alone. Naturally, law is a social phenomenon, but we do not very well know why it is a social phenomenon. As crime “springs from law” then crime, too, must be a social phenomenon. But once again we do not very well know why it is a social phenomenon.

Actually, non-law is being taught in faculties of law as juridical or legislative acts mainly speak about what one should not do, how one should not act and what one should avoid at the threat of punishment. It is also difficult to understand the term positive law, which means the current legislation in force in literature about law. In fact, two very different terms, law and legislative acts have been mixed up here. One of the most essential things here is this – how and why law “becomes” positive law or legislative acts. Until today, law and legislative acts are believed to be one and the same phenomenon. This conviction is erroneous.

Curiously, the lowest level of crime was in the so-called “canonised” Soviet period (1950–1980). This fact confirmed also the insignificant number of registered premeditated murders and attempted murders. But most importantly, there was no pronounced property stratification in the society and no

unemployment, as a result of which mutual relations between people were much better than they are today.

Inhabitants’ fear of falling victim to crime has increased. The proportion of people who feared that they could fall victim to street crime increased from 13 per cent to 42 per cent compared to 2008.

Закон и право веками преподавалось в европейских университетах, но даже сейчас мы не можем сказать, что же это такое на самом деле. Это кажется странным, но это так и есть. Обычно мы говорим: Закон есть закон. Пока мы не знаем, что такое закон, мы не можем, в научном смысле этого слова говорить о преступлении как феномене. Из этого следует, что сегодня мы можем говорить о преступлении как о форме какого-то другого явления/феномена или, другими словами, о преступлении как кажимости. Но надо сразу сказать, что преступление не следует расследовать через само преступление (и это очень важный постулат!), хотя это часто делается именно так в настоящее время.

Необходимо также подчеркнуть, что закон не является «сверхестественным» феноменом, данным нам Богом. Закон порождается обществом и только им. В норме закон – это социальное явление, но мы не знаем точно, почему он социален. Поскольку преступление связано с нарушением закона, то и само преступление должно быть социальным явлением. Но опять мы не знаем, почему оно социально.

На самом деле не-закон преподается на юридических факультетах, поскольку юридические и законодательные акты в большинстве своем говорят о том, что не следует делать, как не следует поступать из страха заслужить наказания. Так же трудно понять термин «положительное право/закон», который означает современное законодательство, обладающее властью в современной литературе о праве. На самом деле здесь смешиваются два термина: «закон» и «законодательные акты». Наиболее существенный момент

заключается в том, как и почему «закон/право» становится положительным правом или законодательными актами. До сих пор закон и законодательные акты рассматривались как одно явление. В этом заключается ошибка.

Любопытно, но самый низкий уровень преступлений наблюдался в канонический Советский период (1950-1980). Этот факт подтверждался также незначительным количеством убийств. Но что особенно важно, в обществе не было стратификации собственности и безработицы, в результате чего отношения между людьми были гораздо лучше, чем сейчас. Боязнь жителей страны стать жертвой уличного преступления возрасла. Число людей, опасющихся такого рода преступлений увеличилось с 13 до 42% сравнительно с 2008 г.

A scholarly look at the possibility
of the scholarly study of crime

Introduction.
What is law?

In order to study crime it is necessary to previously understand, what law is, a phenomenon or a value. For Georg Wilhelm Friedrich Hegel (1770-1831) everything, often probably including people, were things. Law has been taught for centuries at European universities, but even today we do not know what kind of “thing” law actually is. It somehow seems very strange but unfortunately this is how it is. Normally, we say that, “law is law”. As long as we do not know what law is, we cannot, in the scholarly sense of the word, speak about crime as a phenomenon. Hence, we can today speak about crime as the form of some other phenomenon (or phenomena), or, in other words, about crime as seemingness. But let it be said right away that crime should not be investigated through crime itself (this is a very important postulate!), although it is done very often today. In October 2008, after the World Congress on Criminology in Barcelona, the author of this article sent to some leading scholars of the subject a very short opinion of those problems, of which there is a brief discussion below. Earlier, today’s speechmaker has spoken on the subject at high-level international seminars in Vilnius (2007), St. Petersburg (2008), Riga and Vilnius (2010, 2011) (Leps, 2011).

Law is not a phenomenon hovering above the society

We also have to underline that law is not any “supernatural” phenomenon, for example given to us by God. The subject under discussion also includes the so-called natural law (abstract or ideal law), which, figuratively speaking, means that law is some kind of phenomenon hovering above the society and is not in any way connected with it. But this is not the case. Law derives from society and society alone. Naturally, law is a social phenomenon, but we do not very well know why it is a social phenomenon. As crime “springs from law” then also crime must be a social phenomenon. But once again, we do not very well know why it is a social phenomenon.

Distinction between law and legislative acts, rule of law,
and correlation between law and economy

Actually, non-law is being taught in faculties of law as juridical or legislative acts mainly speak about what one should not do, how one should not act and what one should avoid at the threat of punishment. It is also difficult to understand the

term positive law, which means the current legislation in force in literature about law.

In fact, two very different terms, law and legislative acts have been mixed up here. One of the most essential things here is this – how and why law “becomes” positive law or legislative acts. Until today, law and legislative acts are believed to be one and the same phenomenon. This conviction is erroneous. Incidentally, non-law could also be the general definition of breaches of law (breaches of laws, crime, offensive conduct). As we know, civil-law infringements are “their own business” for members of the society, but in the case of a crime one of the parties is always the state. From here we could hurriedly proceed also to the topic of the rule of law, as politicians, and Estonian politicians in particular, like to emphasise in every possible case that we live according to rule of law. By doing so they want to leave the impression that everything is absolutely OK, that the people live in an environment that does not jeopardise them in any way (that the 105 to 150 thousand unemployed in Estonia today mean nothing, a lot of people have gone abroad to seek work and live?)¹, but at the same time do not explain what rule of law actually is. Let us here bring a hint in the form of a statement by Karl Marx (1818-1883): “The bourgeois economists have merely in view that production proceeds more smoothly with modern police than, e.g., under club-law. They forget, however, that club-law too is law, and that the law of the stronger, only in a different form, still survives even in their “constitutional State” (Marx, 1859). As a result, the basis of law has to be always and above all found in relations of property, particularly of private property and organisation of the economy, which is why law does not have its own history and consequently law is probably not an eternal phenomenon (Hegel, 2002). Neither do we know how big the share of economy should be in the regulation of relations of law and organisation of the economy. True, economics was taught at the Faculty of Law of Tartu University (Estonia) in imperial times and up to Second World War. Only in 1 January 1938 did the Department of Trade of the Faculty of Law of Tartu University become an independent Economic Faculty (Leps, 2009).

Consequently, law was then preferred to economics at the Tartu University, Faculty of Law, which is eventually not right. But such a concept of things was characteristic of the period. On the one hand, many Western specialists in law hold such a point of view today, contrary to scholars subscribing to post-Modernist points of view who often deny the modern use of legislative acts. The riskiness of their views often refers to anarchy or, on the other hand, to infallibility (so judges of the US Supreme Court need not be guided so much by legislative acts in force than their own convictions?!). See, for example, works by the US Professor Ronald Dworkin (b. 1931).

Justice

The term justice has whipped up a lot of passions in Estonia. Ilmar Tammelo (1917-1982), reportedly the best-known Estonian legist, has made an in-depth study of justice. He wrote that “justice is a positive ethical social value according

1. Estonia, officially the Republic of Estonia, is a state in the Baltic Region of Northern Europe. The territory of Estonia covers 17,462 sq mi. The Estonians are a Finnic people, and the sole official language, Estonian, is closely related to Finnish. Estonia is a democratic parliamentary republic. The capital and largest city is Tallinn. With a population of only 1,34 million, Estonia is one of the least-populous members of the European Union. On 1 January 2011, Estonia changed over to the euro, the single European currency.

to which each is given his or her share in standard bilateral situations” (Tammelo, 2001, 2006). But he also pointed out that the idea of justice in the way as it has been presented in the above definition was not immediately applicable in theoretical law. The author of the article asks, why? Everything is OK, but what Professor I. Tammelo did not know is the most important “thing”, phenomenon or value that defines or “gives” the parties their shares in standard bilateral situations. But the value of Prof. I. Tammelo’s knowledge lies in that he very correctly pointed out that justice must also have “another side”. Another Estonian legist, Eduard Raska (1944-2008) unfortunately, did not understand what Prof. Tammelo wrote. Prof. E. Raska asks what the “standard bilateral situation” means, and that also the phrase “his or her share” needs interpretation (Raska, 2004). Prof. E. Raska naturally did not understand Prof. I. Tammelo because he thought that justice, exactly like law was some kind of “unilateral” phenomena, values or “things”. The conclusion from this is the following. If one is not familiar with something, or is poorly informed about it, he does not know what “things” law and justice actually are. But it is clear that one person’s or a group of persons’ right to some thing or object, briefly to some kind of a value, need not be just with respect to another person or group of persons. Even Plato distinguished two types of justice: justice with regard to individuals and justice in the social sense.

If there would not be law there would not be any legislative acts, and consequently, any crimes or crime

But before viewing crime, we should briefly discuss non-law (infringement of the law), that is, offence. For example, Article 3, section 1 of the Penal Code defines an offence as “a punishable act provided for in this Code or another Act” (this is not the best ruling). Section 2 of the same article says that offences are criminal offences and misdemeanours. Article 3, section 3 defines a criminal offence as follows: “A criminal offence is an offence, which is provided for in this Code and the principal punishment prescribed for which in the case of natural persons is a pecuniary punishment or imprisonment and in the case of legal persons, a pecuniary punishment or compulsory dissolution.” Article 3, section 4 defines misdemeanour as follows: “A misdemeanour is an offence, which is provided for in this Code or another Act and the principal punishment prescribed for which is a fine or detention.” This is the formal treatment or concept of an offence, a notion that does not bring us a single step ahead in the scholarly sense. But the Penal Code does not really have to open the material contents of an offence, although it could do so, because otherwise we could get the impression that there is no need for the Penal Code at all. True, the criminal law dogma does not deal with it and so the whole problem remains hanging in the air. Law was needed because of growth in the number of crimes, writes Apostle Paul. It is quite clear that if there were no legislative acts, there would not be any offences, either criminal offences or misdemeanours. But this does not mean that these acts or inactions would therefore remain uncommitted.

At the same time, legists should be interested in the material definition of an offence (a criminal offence or a misdemeanour), that is, the contents of an offence (a criminal offence or a misdemeanour). Until we have not made clear for us the material contents of an offence (a crime or a misdemeanour),

we cannot unfortunately study offences in the scholarly sense – by what phenomena a crime has been caused, which is particularly necessary from the point of view of the prevention of offences (including crimes and misdemeanours).

In Estonia, we do not speak about offences but about crime. As crime is a phenomenon that comes under the sphere of administration of the Ministry of Justice and as they mainly investigate crime for some reason there, then also the author proceeds from it, although this is not quite proper and accurate. Actually the Ministry of Justice should study offences as it was done in Estonia before Second World War.

Today the crimes committed in a certain territory during a certain period are added up and as a result a totally new phenomenon is born – crime, which is then viewed concerning its dynamics; its structure is studied and compared with the number of population, etc. Of course, such information has a certain importance in the daily work of law enforcement bodies. But attempts are made to attribute a scientific value to such information, although it is far removed from science. An endless number of professional reports and books are being written on such a “scientific” basis throughout the world.

The method of dialectic logic

Where is the error that things are what they are? The author is convinced that the error must be looked for from the methods used to study crime. Every scholar or researcher “invents” his own methods by which he then attempts to solve one or another problem, but actually generates new problems, as it tends to happen in the case of empirical treatments. Unfortunately they do not want to admit that there have been only a few great scholars (men of genius if you wish) who have managed to produce a scientific method, which should surely be used also in the study of crime. These people are first of all Plato (427-347 BC), Aristotle (384-332 BC) and Hegel (1770-1831).

The title of that method is dialectic logic, which reflects, by means of philosophical categories or basic notions, the most common and significant properties of phenomena of reality and cognition. Plato was the man who, treating the method of cognisance of ideas, first called the method dialectics. Aristotle has great services in working out philosophical categories. Hegel, who viewed categories in their dialectic development, has said with a modesty characteristic of a great scholar that his development of the categories was relatively modest, as Aristotle had already done that work. Aristotle studied ten categories including being, essence, the basis of all the other categories, quality, quantity and other categories. Hegel asserts that “logic is the most difficult science” (Hegel, 1930). And unfortunately, this is true. K. Marx who, apparently, best of our contemporaries understood Hegel’s dialectic logic and developed it, has said regarding “safeguarding of what has been acquired” – a notion pertaining to law – “that each mode of production produces its specific legal relations, political forms, etc. It is a sign of crudity and lack of comprehension that organically coherent factors are brought into haphazard relations with one another that each new form of production creates property relations, forms of government etc” (Marx, 1965). K. Marx has actually borrowed the meaning of the second sentence from Hegel (Hegel, 1971). Hegel’s so-called Greater Logic (being, substance and reality, which treats objective logic, and his Doctrine of the Notion that deals with

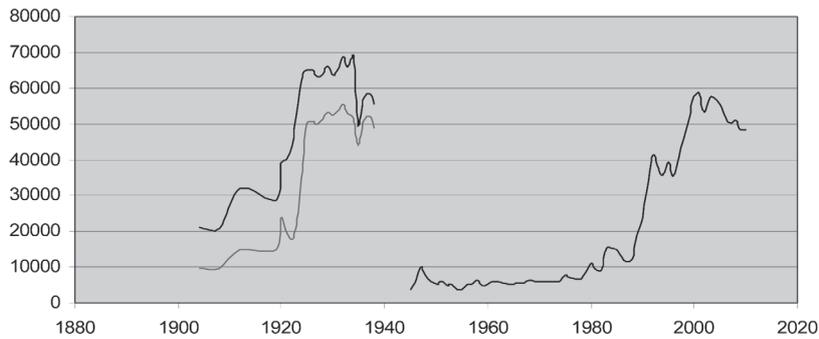

Figure 1. Crimes registered by Estonian enforcement bodies in 1904-2011

subjective logic) (Hegel, 2002) is an extremely difficult nut to crack for every scholar. If, however, Hegel's dialectic logic is not well understood, there is no sense in dealing with the social sciences, including law, either! According to Hegel everything on the level of being is concrete and on the level of essence relative and probable. This is an important fact.

In the author's opinion the best expert of these spheres of scholarship was the St Petersburg legist Lev I. Spiridonov (1929-1999) (Spiridonov, 1973, Spiridonov, 1986, Spiridonov, 1995, Spiridonov, 2002, Spiridonov, 2010). Generally, people often love to speak about the systematic treatment of one or another social science, but in practice no one has achieved the gist of the matter, that is, systematic treatment. On the other hand, we cannot accuse scholars that came before us of stupidity. Hegel wrote in the first part of his *Encyclopaedia of the Philosophical Sciences* or so-called *Shorter Logic*: Development of the logical idea becomes progressive movement, that is, thinking, rising from the abstract to the concrete, the earlier systems that have occurred in the history of philosophy are more abstract (Hegel, 1930) and consequently correspond less to the reality. Thus, contrary to a widespread opinion, crime, one of the principle terms of law, particularly criminal law, is actually an entirely abstract phenomenon. True, crime is a real fact on the one hand, but on the other hand, it is entirely abstract nature of the phenomenon.

Punishment

A few words also about punishment. After the German Penal Code, the Penal Code in force in Estonia gives punishment a more important role than to crime, as the title of the Penal Code is Penal Code. As a result, the consequence – punishment – becomes more important than the cause – crime. I wonder whether it is the best title but this is how it was decided. Actually the Penal Code is a translation of the German *Strafgesetzbuch* (Penal Code) of 1975 and the French *Code Penal* (Criminal Code) of 1994 (in the opinion of some legists a poor translation). After all, Estonians themselves cannot accomplish anything at all?! But as far punishment is concerned then retaliation to the culprit, reformation of the person of the culprit, improvement of the culprit so he would not commit and further offences, and in case of imprisonment, also the fact that until the culprit is isolated from the society he cannot as a rule commit any new crimes, is usually understood as the punishment. None of the above definitions of punishment are wrong, but summed up they will not constitute the phenomenon that Hegel calls "something", which is also the contents of punishment (Hegel, 1971).

The death penalty is naturally retaliation. Only several countries' representative bodies, parliaments, have done away

with the capital punishment. The population has been against the abolition of the death penalty everywhere... But Hegel says: the people know nothing...

Relationship of the society and the State

Understanding of the relationship of the society and the State also creates a lot of confusion. Faculties of Law teach subjects such as theory of the State and of law; which today is called public law. The names (titles) of both the courses are perhaps not very accurate. Law and relations of law proceeding from law are, after all, phenomena rising from the society, that is, phenomena rising from social relations. Law descends into positive law, that is, legislative acts (legislation), which is the patrimony of the State, because legal acts must be ensured by the force (compulsion) of the State. After all, the State is only necessary in order to keep in check members of the society with egoistic views and behaviours, which is inevitable in the conditions of private property. So needs of members of the society "create the State". How these transitions take place and what the concrete needs of members of the society are is something science does not very well know today. And it is difficult for it to acquire this knowledge as the general, although erroneous, opinion is that law and legislative acts are one and the same phenomenon.

What should serious scientific study of law begin with?

Every beginning is hard, for the problem is really difficult. What is the uppermost in scholarship is also the uppermost in history. It is not possible to begin philosophy from "myself" or from "population" as there is no objective movement, although it seems right to begin with something real and concrete. In his *Philosophy of Law* Hegel begins with the most abstract phenomenon – possession (Hegel, 1990), about which K. Marx says that Hegel correctly begins the study of law (philosophy of law) with possession as the simplest law relationship of the subject (Marx, 1965). Consequently, possession as an immediate concrete fact is the immediate acquisition by an individual or a collective of individuals of natural objects (Spiridonov, 1986). Hegel says that the truth of being as well as of non-being lies in the unity of both one and the other, and this unity is becoming, i.e. creation of some kind of another phenomenon. In other words, it means that the philosophical category of being logically, and not temporally, presumes in it a contradiction. As a result of the category of being, or something, in this case possession, presumes an inherent contradiction.

But contradiction generates movement, having an impulse and activity, which passes into some other phenomenon (Hegel, 1970). What form of property possession takes is again a very

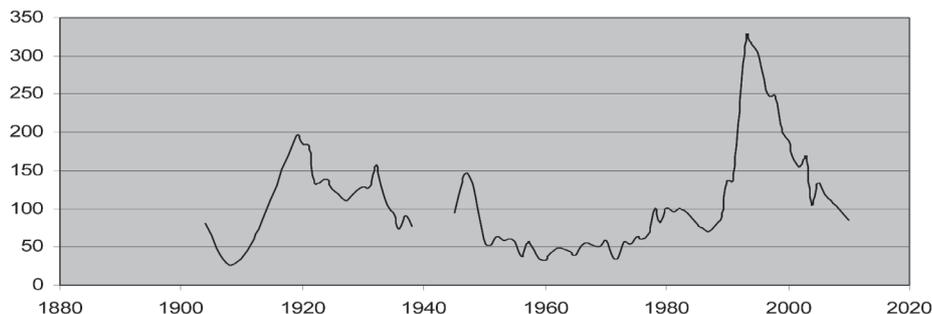

Figure 2. Premeditated murders and attempted premeditated murders registered by law enforcement bodies in 1904-2011

difficult problem. It should be said as a marginal note that in conditions of capitalist production relations between members of the society are as a rule expressed through private property. Hegel researcher Kuno Fisher (1824-1907) wrote that by its nature Hegel's philosophy (logic) was like knowledge, like a will to acquire new knowledge and solution of problems rising from that new knowledge (Fisher, 1933). In connection with the category of philosophical initiation, or "being", which in the study of law is possession. Prof. L. I. Spiridonov notes that it becomes extremely difficult in the course of further theoretical analysis for the scholar not to lose the entirety being studied. Careless analysis that has lost the image of the entirety as its original precondition and aim always risks to break up the subject into parts, which are totally unspecific for the entirety, and it is no longer possible to put them together into a new entirety, like it is impossible to cut a body into pieces and then gluing them together into a living body (Spiridonov, 1995).

Unfortunately, it has to be noted here that philosophers, specialists in economics and representatives of other branches of science have developed law in a considerably greater degree than legists themselves. The lawyers' main presumable shortcoming is that they usually do not know philosophy or have a poor knowledge of it.

What we should think about today's jurisprudence as science?

A few years before his death Prof. L. I. Spiridonov, whom the author of this article knew for 25 years, said that he still wanted to write his last book, which would have been titled "Philosophy of Right". Prof. L. I. Spiridonov said on several occasions that he had already written the first sentence of the book: "Everything that is regarded as science in jurisprudence or law actually isn't it" (Spiridonov, 2002).

Unsystematic treatment

Here, the author very briefly analyses certain notions and terms connected with law and linked with the research of

Year	2001	2003 ⁶	2005	2007	2011
Number of registered crimes	58,497	57,417	55,586	50,375	42,567
2001 = 100 per cent	100.0	98.2	95.0	86.1	72.8
per 100,000 inhabitants	4,279	4,234	4,125	3,753	3,180
Crimes against the person	1,070	3,982	5,031	6,005	6,108
their percentage	1.8	6.9	9.1	11.9	14.3
manslaughter and murder	164	130	156	110	100
per 100,00 inhabitants	12.1	12.4	9.9	8.1	7.4
Crimes against property	45,149	43,177	36,661	29,553	24,389
their percentage	77.2	75.5	66.0	58.7	57.3

Table 1. Registered crime in the period 2001–2011

crime. The author did it unsystematically, not characteristically of the scientific approach to the subject. The author did not present the terms dealing with the reality in transition from one to another, although they should flow like water in a river, but did it as it is peculiar to our today's science.

Probably the time has arrived when it is necessary to start on a strictly scientific basis about the contents of phenomena of the reality – law and non-law, positive law and legislative acts (legislation), crime and punishment and offences (crime). The time of complicated and often nondescript definitions sucked out of the pen seems to be over. I feel sorry for law students who have to learn by heart all kind of definitions, which even the lecturer often does not understand. Here is a funny example from the late 1950s when a lecturer at the Faculty of Law of Tartu State University said that a warrant of payment was a document titled Warrant of Payment. But if the student's mechanical memory is not so good, he will develop difficulties in the acquisition of subjects taught at the Faculty of Law.

II Crime in Estonia in the period from 1904 to 2011 Some general observations

The world, the society – the "civic society" as Hegel liked to say – and even the state, are organised bodies. Their evolution is based on universal laws. However, they function in a different way in every country, refracted in the prism of unique national individuality and the non-recurring historical experience of different peoples. It must be born in mind that every age is the sequel of the previous one even if its next stage seems to be only a radical negation of the previous social formations. The tomorrow of breaches of the law (crime) is inevitably connected with their yesterday. (Spiridonov, 1995).

It is understood that every production relationship, that is relationship between people in the process of social production and through their relations to the means of production, that is relations of ownership, are characterised by its legal relations and regularities, which in turn affect the structure, dynamics and level of crime. Therefore criminal statistics is influenced by new legislative acts, including penal legislative acts (penal codes) and amendments made to them (Yustitskis, Krastinš & Leps, 1998, Leps & Yustitskis, 1997).

At the same time it is necessary to point out that the legist, being a member of the society, a contemporary of a certain historical epoch, and possessing certain philosophical, economic juridical, political and other views, must be above all honest with respect to himself and scholarship (Spiridonov, 2002).

In the brief treatment of crime that appears below the author is based on the "traditional" method of the treatment of crime.

An act of the Republic of Estonia of 9 November 1918

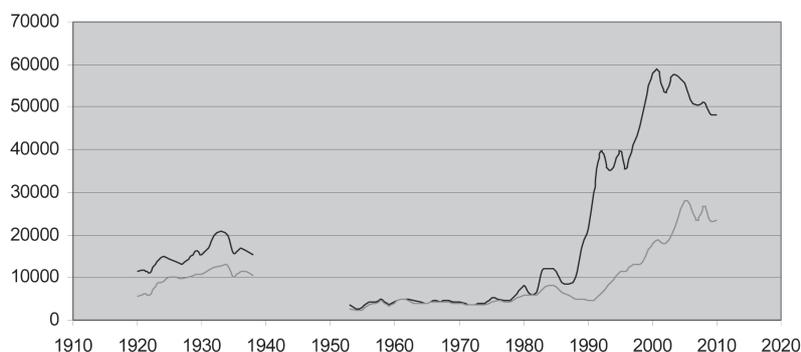

Figure 3. Number of crimes registered and those solved, 1920-2010

declared that all legal acts that were in force in the territory of the Republic of Estonia until 24 October 1917 had legal force. That ruling means that all penal acts of the Russian Empire, specifically the Code of Criminal and Corrective Punishments of 1845, which entered into force from 1 May 1846, the Law on Punishments given by Peace Courts of 1864 and certain parts of the Criminal Code of 1903 had legal force in the country.

The Estonian Parliament (Riigikogu), passed the Criminal Code of the Republic of Estonia on 26 March 1929, but it entered into force only from 1 February 1935.

The Criminal Code of the Russian Federative Soviet Socialist Republic (RSFSR) of 1926 came into force in the territory of the Estonian Soviet Socialist Republic After Second World War. From 1 April 1961 the Criminal Code of the Estonian SSR entered into force and remained in effect until 1992.

By an act of the Republic of Estonia of 7 May 1992 a new version of the Criminal Code of the Estonian SSR entered into force from 1 June 1992. After the restoration of independence, the Criminal Code of 1992 was constantly amended (so, capital punishment was abolished in 1998) and other acts in the area of the administration of justice were passed. However, on 26 June 2001 the President of the Republic of Estonia promulgated *Karistusseadustik* (the Penal or Criminal Code, but a more appropriate title of the act would be Punitive Code or *Strafgesetzbuch* – the Criminal Code of Germany. The new Criminal Code entered into force from 1 September 2002, and in a certain sense became the summit in the history of Estonian criminal law, being very close to its continental European model, above all German one. The authors of the new Criminal Code mainly followed the example of the German *Strafgesetzbuch* of 1975 and the French Code Penal of 1994.

Statistical analyses

Crimes against the life, health and property of people as a form of unlawful activity are a reflection of the basis of common social existence and living conditions of members of the society. Figure 1² gives an overview of the number of crimes registered by Estonian law enforcement bodies in the period from 1904 to 2011. The curve of crime in the chart mainly shows crimes committed by wage earners and the unemployed (usually representatives of middle and poor strata of the society) (Leps & Remmel, 1997, Leps 2002).

On the other hand statistics often do not reflect crimes³ (economic crimes, corruption etc) committed by employers,

public servants and local government employees, usually the more affluent strata of the society.

An analysis of the dynamics of crime registered by Estonian law enforcement bodies shows that at the end of the existence of the Russian Empire the level of crime in Estonia was somewhat lower than in the initial years of independence (1919–1923) (Susi, 1926); in the “canonical” Soviet period⁴, for example in 1950–1980, the number of crimes registered in the Estonian SSR was nearly five times lower than in the period 1919–1938⁵, seven times lower if we exclude misdemeanours (see the lower line on Figure 1) and nine times lower also than in the period of the restoration of Estonian independence, and nine times lower than the number of registered crimes at the beginning of the 21st century. The biggest number of crimes in the whole history of Estonia, 58,497, was recorded in 2001 (Reiman, 1937, Raid, 1939, Leps, 1976, Leps, 1991a, Leps 1991b, Leps, 1992, Leps 2000, Leps, 2007, Leps, 2009).

This peculiarity, i.e. a high level of crime, cannot be explained by the possibility of distortions (a shortcoming characteristic of all societies) in the number of crimes registered by the militia in Soviet times, as in those times the difference in incomes in the society was relatively small due to a policy of levelling and unemployment was practically non-existent. The work of the militia, too, was none the worse than that of the police in the period of independence, and openness of the people before the state as characteristic of the totalitarian society also favoured the solution of crimes.

Crime continued to rise, however, also in Soviet times, but as this did not fit socialist ideology according to which development of socialism was to lead to the contraction of crime, information about the existence of crime was classified.

The author of this article was one among the first to start comparing the level of crime between different world countries

4. In connection with the fact that only criminal cases were registered until 1952, the number of crimes falling under the criminal investigation department was established in accordance with the following method. An interval as close as possible to the period under observation was chosen in 1952–56. In those years the number of crimes falling under the criminal investigation department was 1.7 times higher than that of criminal cases. The same coefficient was used in Estonia to determine the number of crimes registered in the period from the autumn of 1944 to 1951. Starting with 1958 crimes handled in the line of the Department of Fighting with the Misappropriation of Socialist Property (OBKhSS) and other lines were specified in reports of the Estonian SSR Ministry for Internal Affairs. In the period from autumn 1944 to 1958 the number of crimes falling under the OBKhSS line and other services corresponds to the number of criminal cases (Leps, 1976).

5. The Criminal Code of the Republic of Estonia, in which mainly misdemeanours and a number of other *corpora delicti* were no longer included, entered into force in 1935. As a result of the number of registered crimes sharply declined. The structure of registered crimes was not published. There is no available criminal statistics of the years 1939–1944.

2. All the figures and tables were drawn up by mag. iur. Galina N. Bibikova.

3. The criminal statistics of the Russian Empire suffers from certain inaccuracy.

Year	1995	2000	2005	2011
Persons incarcerated in penal institutions	4,224	4,796	4,410	3,400
Persons under investigation or prosecution	1,671	1,541	1,024	744
Convicted offenders	2,515	3,236	3,386	2,658
per 100,000 inhabitants	176	236	252	196
females	54	126	141	177
juveniles	36	65	37	58
Persons imprisoned for life	16	26	33	37

Table 2. Persons incarcerated in penal institutions, 1995–2011 (at end of year)

(95 world countries that published their crime figures), in which the gravest crime of all, premeditated murder, served as the basis of measurement (Leps, 1991a). Although this method, too, has certain shortcomings, it is still the most reliable way of comparing the level of crime between different countries and the method can be successfully used also in historical terms. Figure 2 quite accurately confirms the rightness of this method (cf. Figures 1 and 2). Intensive growth in the number of premeditated murders (including attempts) is observed in 1990–1998, the so-called transition period. So in 1992 a record number of premeditated murders and attempted murders were registered – a total of 239. It was the classical period of the so-called thug capitalism when people usually accumulated their wealth (created a class of owners!) by criminal means. At the same time, juridical laws “kept silent” like in the period of wars in Rome in the antiquity. In the recent years the number of cases of murder and manslaughter has considerably contracted.

Restoration of independence brought also numerous problems in addition to freedom – economic difficulties, sharp differences in affluence in the society and unemployment. On that social background an explosive growth in crime took place and the state experienced difficulty in ensuring the security of the population. However, there has been a certain fall in the figures of registered crime.

The number of crimes registered by the Estonian law-enforcement bodies has fallen in the recent years. In 2011, 42,567 criminal offences were registered in Estonia, the lowest indicator during the eight years in which the Penal Code has been in force. Compared to 2003, the number of registered criminal offences has decreased by 25.9 per cent. In 2011 the number of crimes per 100,000 residents was 3,180. The number of crimes against property, which until 2007 showed a downward trend, has again slightly increased. Although the number of crimes against property has dropped by 29.9 per cent over the observed years (2003–2011), also the number of suicides has fallen. It is interesting to note that the economic crisis disciplines members of the society to a certain degree⁶.

Crime solution

Crime solution is one of the most important duties of the police and serves as the basis to bringing persons having committed crimes to criminal responsibility.

Figure 3 reflects the relationship between crimes registered and solved by the police in 1920–2010 (Leps, 1976). Figure 3 views the crimes registered and solved in the period 1920–1938 and for the period 1953–1993 crimes registered and solved by criminal investigation bodies. Starting from 1994 the earlier statistics are no longer given, therefore we regard all the crimes as registered and solved by Estonian law and order bodies. The number of all non-solved crimes has increased.

6. Data of the Estonian Ministry of Justice.

In 1920–1938 there was no record of all the crimes that remained unsolved. But the work of the Estonian criminal police in the solution of crime was rather stable. So 50.2 per cent of the crimes investigated were solved in 1920, 71.3 per cent in 1925, 70.6 per cent in 1930, 64.2 per cent in 1935 and 69.4 per cent in 1938. Starting from the second half of the 1930s the criminal police solved 98–99 per cent of murder and manslaughter cases. This was one of the best indicators in the world.

In the Soviet period the first sharp increase in crime took place during the Moscow Olympic Games in 1980 (of which the Olympic Regatta was carried out in Tallinn). In that period a record number of crimes were registered – 11,125, whereas 2,212 crimes remained unsolved (compared with 150 to 600 registered crimes in the period 1965–1979).

Another sharp growth in the number of unsolved crime took place in 1983 when 5,025 crimes remained unsolved. During the next wave in the rise of crime in 1989 as many as 11,906 crimes remained unsolved. Further, the number of unsolved crimes constantly increased and in 1999 already totalled 38,294.

In the last decade of the 20th century the Estonian police could solve from 13,000 to 15,500 crimes a year. The number of solved crimes, however, continued to increase year by year. In 1991 the police solved 6,350 crimes or only 20 per cent, in 1999 13,245 crimes or 25.7 per cent and in 2000 15,317 crimes or 26.5 per cent (not including crimes committed in previous years).

In the 21st century the solution of crimes considerably increased. So in 2001 the police and the Prosecutor’s Office already solved 19,016 crimes or 32.5 percent, in 2004 23,853 crimes or 45 per cent, in 2005 27,964 crimes or 50.3 per cent, in 2006 24,276 crimes or 46.8 per cent, in 2007 23,562 crimes or 46.8 per cent, in 2008 26,660 crimes or 52.3 per cent, in 2009 23,478 crimes or 48.5 per cent and 2010 23,493 crimes or 48.6 per cent. In 2010, the crime solving rate was 48.6 per cent – nearly 4 per cent less than in 2008.

Detainees in prison institutions

In Estonia prisons are subordinated to the Prisons Department of the Ministry of Justice. In 2011 the number of detainees totalled 3,400 (as of the end of year); of these convicts numbered 2,658, persons under preliminary investigation or prosecution 744 while 37 persons were serving life sentences. There were 177 women (6.7 per cent) and 58 juveniles (2.3 per cent) among the convicts. Persons incarcerated in penal institutions are mostly offenders convicted more than once.

Among the prisoners there are 42 per cent ethnic Estonians (69 per cent of the population), 51 per cent ethnic Russians (26 per cent) and 7 per cent people of other ethnic groups. There were 61 per cent Estonian citizens, 33 per cent persons of undefined citizenship and 6 per cent of citizens of foreign countries.

The number of detainees serving a prison term for the first time is steadily declining, falling from 41 per cent in 1995 to 31 per cent in 2009.

In 2009, Estonian prisons had 337 detainees, 13 per cent of the total number, serving terms of up to one year, 1,399 detainees (52 per cent) whose prison term was from one to five years, 631 detainees (23 per cent) from five to ten years, 225 detainees (8 per cent) from ten to 15 years; 91 detainees (3 per

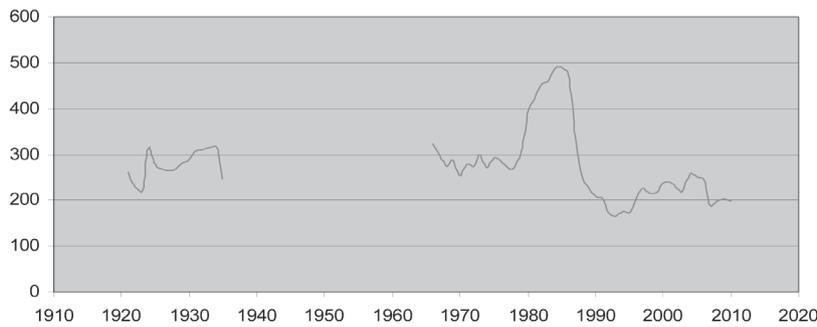

Figure 4. Number of detainees (excluding persons under investigation or prosecution) per 100,000 residents in the period 1921-2011 (as of the end of year)

cent) from 15 to 30 years and 36 persons (1 per cent) serving life sentences. (Leps, 2009).

In the Soviet period the number of persons serving prison terms was considerably higher, which was mainly due to much longer terms (it was believed that the house of detention re-educated the criminal) and the fact that the crime detection level was higher than before Second World War and in the period of the restoration of Estonian independence (see Figure 4). If in 1921–1935 the average number of detainees totalled 3,270 and 4,800 in 1966–1991, then in 1992–2011 it was 2,932.[54]. However, the average coefficients per 100,000 residents were as follows: 276 in 1921–1935, 323 in 1966–1991 and 211 in 1992–2011 (Leps, 2009).

In Estonia, 253 persons were incarcerated in penal institutions per 100,000 inhabitants on 4 January 2011. The number of persons incarcerated in penal institutions per 100,000 inhabitants is an important indicator in the comparison of countries. In the old European Union countries, the prison population level per 100,000 inhabitants is generally below 100 persons. In Eastern European countries, there are about 200 imprisoned persons per 100,000 inhabitants.

In 1998, Estonia started to practice probation supervision. In 4 January 2011, the number of persons under probation supervision was 7,371, of which 9 per cent were women and 4 per cent were juveniles.

Conclusions

“It must always be born in mind,” wrote L. I. Spiridonov, “that the scientist-lawyer, being a member of the society, a contemporary of his age, participant in the political struggle, takes a certain one or another position in it. His place in the society determines his beliefs, views and convictions. Besides, one shouldn’t forget about numerous cases of lack of conscientiousness and even of direct corruption by those who lay down the law in the name of science” (Spiridonov, 1995).

The Past The average level of crime before Second World War (1919-38), that is in the pre-war Republic of Estonia and in the period of the restoration of Estonian independence (1992-2011) was almost equal; however, the average number of detainees in prison institutions per 100,000 residents was lower in the period of the restoration of independence than in Estonia before Second World War.

Curiously, the lowest level of crime was in the so-called “canonised” Soviet period (1950–1980). This fact confirmed also the insignificant number of registered premeditated murders and attempted murders. But most importantly, there was no pronounced property stratification in the society and no unemployment, as a result of which mutual relations between people were much better than they are today.

The Present The early phase of capitalism in Estonia brought with it numerous problems, and on that background there was an explosive growth in crime, particularly in 2001 when the highest number of crimes in Estonian history was registered. But more recently a certain decline in the number of registered crimes is being observed, and this is mainly connected with the lowering rate of crimes against property, although the number of crimes against individuals is constantly growing while the number of cases of premeditated murder and attempted murder is declining.

In 2009 the level of crime per 100,000 residents in Estonia totalled 3,753, in Latvia 2,543 and in Lithuania 2,388. In countries with a high living standard and gross domestic product the level of crime is higher than in Estonia – so in Finland, Sweden, Norway, Denmark etc. In 2006 the number of detainees in prison institutions per 100,000 residents was as follows: USA – 689 (in 2001), Russia – 577 (in 2005), Republic of South Africa – 411 (in 2001), Ukraine 406, Estonia 338, Latvia – 333, Lithuania – 227, Sweden – 82, Denmark – 70, Norway – 65, Finland – 66, Iceland – 40 (Vilks, 2007, Gilinskiy, 2009).

But the main concern in Estonia is due to the growth in crime connected with drugs and drunken driving. In 2006 the number of those killed in traffic per 1 million residents in the European Union was the highest in Lithuania – 223, in Latvia – 177 and in Estonia – 152, while in the average EU figure was only 86 (Leps, 2009).

The economic, social and political consequences of corruption are well known and need no comments. Corruption exists in all modern countries. According to Transparency International, Estonia ranks the 28th according to the so-called corruption perception index, with Latvia and Lithuania ranking the 51st. The first in the list is Finland, Sweden being No 4, Hungary No 39, Poland No 62, and Russia No 143.

Future Further enlargement of the European Union and Estonia’s accession to the Schengen visa space, continuing globalisation, contradictory understanding of democracy (i.e. where there’s more power there is also more democracy), growth of the split between the rich and the poor, unemployment, which directly influences mutual relations between people, and terrorism threatening the whole world will determine the criminogenic tendencies in Estonia in the future.

REFERENCES:

1. Fisher, K. (1933). Hegel, ego zizn, sotšinenia i utšenie. Moskva-Leningrad, 1933, p. 340.
2. Gilinskiy, Y.I. (2009). Globalisatsija, deviantnost, sotsialnoi kontrol. Sbornik statei. St. Petersburg, p. 237, 295.
3. Hegel, G.W.F. (2002). Nauka Logiki. Hauka. St. Petersburg, p. 408.

4. Hegel. (1930). *Entsiklopedia filosofskih nauk. Tšast pervaja. Logika.* Moskva-Leningrad, pp. 39, 147.
5. Hegel. (1971). *Nauka Logiki*, tom. 2. Moskva, pp. 173, 420-425.
6. Hegel. (1990). *Filosofia prava.* Moskva, p. 99.
7. Hegel. (1970). *Nauka Logiki*, tom 1. Moskva, p. 31.
8. Leps, A. (2009). *Kui Eestit valitsesid juristid (Välismaise professuuri panus eesti juristide kasvatamisel Tartu ülikooli õigusteaduskonnas aastatel 1889-1938. Eesti juristid poliitikas 1917-1940 ja nende hilisem saatus).* Tallinn, p. 32.
9. Leps, A. & Yustickis, Y. (1997). "Estonian and Lithuanian Criminal Legislation. Comparative Analysis. Crime and Criminology at the End of the Century." IX Baltic Criminological Seminar 1996 May 22 – 25. Estonian National Defence and Public Service Academy. Tallinn, p. 102.
10. Leps, A. & Rimmel, M. (1997). "Crime and Income Distribution in Estonia. Crime and Criminology at the end of the century." IX Baltic Criminological Seminar (1996 May 22–25). Estonian National Defence and Public Service Academy. Tallinn, pp. 81–92.
11. Leps, A. (1976). *Statistitšeski spravotšnik o strukture i dinamike prestupnosti, a takze o nektorõh demografitšeskikh, sotsialno-ekonomitšeskikh i drugih faktorah v Estonskoi SSR. (MVD ESSR, Tallinn, pp. 7 – 35.*
12. Leps, A. (1991a). "Comparative Treatment of Crime." *Crime in the Changing Society 2. Papers on criminology. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis № 925.* Tartu, pp. 47-78.
13. Leps, A. (1991b). "Comparative Analysis of Crime: Estonia, the Other Baltic Republics, and the Soviet Union." *International Criminal Justice Review. Volume 1.* College of Public and Urban Affairs Georgia State University. Atlanta, pp. 69–92.
14. Leps, A. (1992). *A brief survey of the criminogenic situation in the Republic of Estonia, 1945 – 1992,* Tallinn.
15. Leps, A. (2000). "Estonian Police." *Challenges of Policing Democracies. A World Perspective.* Edited by Das, D. K. and Marenin, O. Gordon and Breach Hublichers. Amsterdam, pp. 87–114.
16. Leps, A. (2002). "Kuritegevus". *Eesti Entsüklopeedia* 11. köide. Tallinn, pp. 42-44.
17. Leps, A. (2007). "Criminality in Estonia during 1904 – 2006." XX International Baltic criminological seminar. St. Petersburg 29 June – 1 July 2007. St. Petersburg, p. 28.
18. Leps, A. (2009). "Crime in Estonia in the period from 1904 to 2007." *The Fifth Year as European Union Member State: Topical Problems in Management of Economics and Law. Proceedings of the International Conference 8-9 May 2009.* Latvian Academy of Sciences, Mykolas Romeris University, College of Law. Riga, pp. 329-348.
19. Leps, A. (2011). "Crisis of Criminology (A Scholarly Look at the Possibility of the Scholarly Study of Crime)." *The Seventh Year as European Union Member State: Economics, Politics, Law. Proceedings of the International Conference 6-7 May 2011.* Latvian Academy of Sciences, Mykolas Romeris University, College of Law. Riga., pp. 297-309.
20. Marx, K. (1859). *Plan of the Critique of Political Economy as Projected by Marx in 1858-62* (<http://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/critique-pol-economy/appx.htm>).
21. Marx, K. (1965). *Poliitilise ökonomia kriitikast.* (Tallinn, 1965) p. 149, 160.
22. Raid, K. (1939). *Politseiliselt registreeritud süütegevus 1938.a.* Eesti Statistika. Tallinn, pp. 402 -411;
23. Raska, E. (2004). *Õiguse apoloogia. Sissejuhatus regulatsiooni sotsioloogiasse.* Tartu, pp. 47-48.
24. Reiman, H. (1937). *Politsei poolt registreeritud süüteod 1936.a.* Eesti Statistika. Tallinn, pp. 597 – 602.
25. Spiridonov, L.I. (1973). *Sotsialnoe razvitie i pravo.* Izdatelstvo Leningradskogo Universiteta, Leningrad, pp. 43-70.
26. Spiridonov, L.I. (1986). *Sotsiologia ugolovnoogo prava.* Moskva, p. 46.
27. Spiridonov, L.I. (1995). *Teoria gosudarstva i prava. Kurs s lektzii. Sankt-Peterburskaja võšaja škola MVD Rossii.* St. Petersburg, p. 291-292, 293.
28. Spiridonov, L.I. (2002). *Izbrannyje proizvedenija.* St. Petersburg, pp. 31.
29. Spiridonov, L.I. (2010). *Izbrannyje proizvedenija po teorii prava. // Obtšestvo "Znanie" Sankt-Peterburga i Leningradskoi oblasti,* pp. 46-69.
30. Susi, A. (1926). "Kuritegevus Eestis 1919 – 1924.a." *Eesti Statistika.* Tallinn, 1926, 1. juuni, № 53 (8) pp. 1–7.
31. Tammelo, I. (2001, 2006). *Õiglus ja hool.* Tartu, p. 279.
32. Vilks, A. (2007). "Crime in Latvia. Current trends and future prospects." XX International Baltic Criminological Seminar, Saint-Petersburg. 29 June – 1 July 2007. St. Petersburg, pp. 34-35.
33. V. Yustickis, V. Krastiņš, U. & Leps, A. (1998). "Criminal Law and Criminality in the Baltic Countries. Main Trends (Comparative analysis)." *Lietuvos Teisės Akademia.* Vilnius, pp. 24 – 32.

DEVIANCE IN RUSSIA UNDER GLOBALIZATION
ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Yakov Gilinskiy
Яков Гилинский,
доктор юридических наук, профессор,
г. Санкт-Петербург

Ключевые слова: юриспруденция, глобализация, девиантное поведение

Аннотация. The paper analyzes deviant phenomena in Russia such as criminality, alcoholism, narcotism, human trafficking, terrorism and suicide influenced by global processes. The current relevance of the research is defined by the widespread deviant phenomena in contemporary Russia, the debatable character of the concept of globalization itself and the lack of studies of deviance in Russia under globalization.

The aim of the paper is to show the interdependence between deviance and the process of globalization and also the globalization of certain deviant phenomena and to draw attention to the inadequate social management of such phenomena. The paper reveals the regularity of deviant phenomena in the globalizing world and examines the dynamics of deviance in Russia. It also considers the main concepts and problems connected with deviance; the role of globalization in the process of inclusion and exclusion; globalization of certain phenomena of deviance; and globalization of social control over deviance.

В статье анализируются явления девиантного поведения в России (преступность, алкоголизм, наркомания, незаконный вывоз людей за границу, терроризм и самоубийства), на которые оказывают влияние процессы глобализации. Цель статьи – показать зависимость между этими явлениями и процессами глобализации и привлечь внимание к тому, что эти проблемы трактуются в обществе и решаются неадекватным образом. Статья выявляет регулярность девиантных явлений в мире и исследует их динамику в России.

1. The main concepts and problems

Globalization as a phenomenon is widely discussed in social sciences nowadays, and it has become a fashionable topic, including all the positive and negative consequences that arise (Bauman, 2004; Beck, 2001; Berger, Huntington, 2004; Cheshkov, 1999; Baylis, Smith, 1997; Mittelman, 1997; Steger, 2003). The concept 'globalization' is debatable and is used to denote different things:

- development of economic and political interdependence of countries and regions of the world to such an extent that the creation of a common world legal system and a world organization of economic and political management is possible or necessary;
- intensification of world social relations connecting distant regions in such a way that what happens far away influences what is going on in a particular locality and vice versa (Giddens, 1990);
- processes in which sovereign nation-states are interwoven into the network of transnational actors and depend on them for their power, orientation and identity (Beck, 2001).

* Gilinskiy, Y. (2008) Deviance in Russia under Globalization. In: Slanevskaya N. (Ed.) Systems, Structures and Agents under Globalization: European and Russian Tendencies. St. Petersburg, Asterion, pp. 128-145.

Deviance is a social phenomenon occurring in relatively large and statistically stable forms (types) of human activity different from the officially fixed or naturally formed norms and expectations in the society (culture, group) (Gilinskiy, 2007: 28). Deviance as a social phenomenon reveals itself in various types of deviant behaviour - acts of behaviour of people (groups of people) not coinciding with the officially established or already existing norms in a given society (culture, subculture, group) (Gilinskiy, 2007: 23). The problems of deviance and deviant behaviour are reflected in numerous works (Giddens, 2005; Smelser, 1994; Bryant, 2001; Curra, 2000; Downes, Rock, 1998; Rowers, 2003; McCaghy, Carpon, Jamison, 2000; Palmer, Humphery, 1990).

For the topic of this paper it is important to outline the following problems:

First, globalization is an objective process characterized by the activities of transnational companies; interdependence of countries (energy sources, raw material, technologies, etc.); world information systems; interconnectedness of financial systems; internalization and intensification of modern transport networks; increased flow of migration, followed by the interpenetration of ethnic cultures; the use of English as the means of international communication; formation of 'universal human values'; and the planetary character of ecological problems. Some Russian politicians misunderstand the situation and disregard objective globalization processes. It can only worsen Russia's performance in the world market and the situation in Russia itself. It drags Russia into the camp of outsiders. Suffice it to say that the Gross National Product (GNP) per person in Russia was only \$8,920 in 2003 with the average world GNP per person \$8,180; in Luxembourg - \$54,430, in the USA - \$37,500, in Norway \$37,300 and in Japan - \$28,620 (World Development Report, 2005: 258-266). By 2005 Russia had moved to the 147th place regarding life expectancy (women - 72 and men - 59). It means that an average Russian man doesn't manage to live to the pension age. Russia has one of the lowest life expectancies in the world. Russia is in the 231st place according to the coefficient of population growth and it occupies one of the first places in the world regarding the death rate (16.3 people per 1,000, meanwhile the average world death rate is 9, in Europe it is 11 and in Africa it is 15) (All Countries of the World, 2005).

Secondly, globalization has positive and negative consequences, with an unequal spread of positive and negative effects on the countries and regions of the world. In parallel to the process of globalization a process of differentiation and polarization is taking place. This fact is reflected in Roland Robertson's neologism - 'glocalization'. According to Wallerstein the world is divided into core, semi-periphery and periphery countries. Russia was classified by him as a semi-periphery

country. "Though there are enough signs that it is degrading to a periphery country" states Pantin (Pantin, 1999: 227).

Thirdly, the process of globalization (internationalization) of different forms of deviance is taking place also, such as prostitute trafficking, narcotics trafficking, organized crime and terrorism. This is an expected process because deviance (its structure, scale and dynamics) depends on economic, political, social, demographic and other factors. Globalization is accompanied by the process of 'inclusion/exclusion', when some people and social groups turn out to be excluded from the society's life - economic, political and cultural (Paugam, 1999). Luhmann thinks that the worst of the possible scenarios will bring a meta code of inclusion/exclusion - that means that some people will be included into the functioning system and others will be simply trying to survive (Luhmann, 1998).

We consider the process of 'inclusion/exclusion' to be very important for the subject of this paper, because 'the excluded' (countries, social groups, persons) serve as a basis of deviance in relation to criminality, alcoholism and addiction to narcotics, which is admitted by many researchers in the world (Finer, Nellis, 1998; Young, 1999; Gilinskiy, 2004). The on-going process of division of countries, social groups and people into the excluded and the included is stated by many researchers. For example Z. Bauman, who avoids using the terms 'the included/excluded', prefers to speak about 'tourists' (the included) and 'tramps' (the excluded), emphasizing that these two groups are two worlds, two perceptions of the world and two strategies (Bauman, 2004: 142).

It is important to understand that globalization increases socio-economic inequality, which is the main cause of deviance. If, theoretically, it is well known that socio-economic inequality can create deviance (from K.Marx to R.Merton and 'radical criminology') the research of contemporary Russian criminologists has proved it empirically. The factor analysis shows that among a multitude of economic, social, political and demographic factors it is socio-economic inequality, the indicator of which is a decile coefficient (it reflects the difference of incomes of 10% of the wealthiest and 10% of the poorest) and the Gini index (it expresses the degree of inequality in the distribution of incomes of the population), that correlates most closely with such phenomena of deviance as criminality: murder, suicide and other violent crimes (Olkov, 2004; Skifsky, 2006; Yuzikhanova, 2005).

According to Olkov's investigation of the situation in Russia in the 1990s the greatest number of registered murders - 32,300 a year - occurred in 1994 when there was the highest Gini index, and the lowest number of murders - 15,600 a year - in 1990 when the Gini index was lowest. In Russia the Gini index is one of the highest in the world. In 2000 it was 45.6 in Russia, Ecuador - 43.7, Bolivia - 44.7, meanwhile in Belgium - 25.0, Hungary - 24.4, Germany - 28.3 and Norway - 25.8 (World Development Report, 2005: 260-261).

But the globalization process can bring harm not only to poor countries but also highly developed ones. Beck remarks that globalization makes possible and evident what, perhaps, has always been present in capitalism but has been contained by democratic institutions of a nation-state.

Enterprises, especially those which operate on the global scale, play a key role, not only in the organization of the economy, but also in the societal life in general, because they have capital, create jobs and can pay big taxes. Transnational

corporations 'disregard' the borders of nation-states in search of profit. Due to their transnational nature they, de facto, cancel the contract of loyalty to national institutions. If the social integrity was conditioned mainly by economic factors, the decrease of social integrity is greater in such a nation-state.

It is not by chance that the word 'globalization' brings about a range of emotions. Some people consider it as the forerunner of a civil society, the beginning of a new era of democratization; for others it means economic and political hegemony of the USA, with world cultures becoming homogeneous and metastases of Disneyland (Berger; Huntington, 2004). Hence, there is the antiglobalist movement protesting against world-wide McDonaldization, the spontaneous upsurge of 'the excluded' in Paris's outskirts and finally even Islamic fundamentalism.

Fourthly, in response to the globalization of deviant phenomena the globalization of social control over deviance is taking place: the foundation and activities of Interpol and Europol; the development and adoption of numerous international laws and regulations conceived to counteract organized criminal groups, drug trafficking, money-laundering and terrorism; world legal agreements about the living conditions of prisoners kept in the penitentiaries and penal colonies (e.g. 'Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners'); the dissemination of the idea and practice of 'community policing', i.e. the 'partnership' between police and community; the development of the practice of restorative justice and juvenile justice; the universal tendency of abolishment of capital punishment and so on. At the same time researchers' attention is drawn to the increased repressive measures on the part of police and criminal justice directed, first of all, against the 'excluded', i.e. the so-called 'selective approach' of police and criminal justice (Christie, 2000; Christie, 2004; Robinson, 2002; Walsmley, 2004).

Here are some factors of deviance's genesis and criminogenic factors related to globalization and described by V.V. Luneyev (Luneyev, 2005: 127-130):

1. The problem of employment.

There is a new concept '20:80' which means that in the 21st century only 20% of the population will have work and 80% will be redundant. We consider it as a paraphrase of the concept 'inclusion/exclusion'. If 80% of the population becomes unemployed, without the means for living, it will be a great reserve from which deviance can arise.

2. The problem of the markets of financial speculations.

More than 80% of financial capital is not engaged in the production of real material goods. It is a 'market of roulette gamblers'. Financial crises will shake countries more and more, especially those that are not highly developed (for example, the Russian default of 1998, the financial problems of Eastern Asia and so on).

3. The problem of the national government's management.

There is a dramatic decrease in the possibilities for national governments to manage their societies and to provide social control over criminality. The criminologists have noticed this trend since the second half of the previous century. "We are facing a new test" (Turayev, 2002).

Revolutionization of the population at the beginning of the 20th century gave birth to revolutionary violence matching terrorism. Instead of taking political, economic and social measures the government reacted to the revolutionary violence

by increasing police brutality. It resulted in the victory of the revolution in Russia with the possibility of spreading revolution to other countries.

“At the beginning of the current century political, social and economic disparities in the globalizing world push new revolutionaries-terrorists backed by poverty-stricken and ‘robbed up’ nations, to total terrorism against the rich and hated governments in the despised countries” (Luneyev, 2003: 34). Instead of responding by solving political, social and economic problems, ‘anti-terrorist’ operations and violence are organized by these governments.

Besides, there are global demographic disproportions and mass migration. “The hopelessness felt by the population of the countries with backward economies creates a social basis for radicalism and terrorism”, (Luneyev, 2003: 34) and other manifestations of deviance.

To sum up, globalization increases social economic inequality among people and societies and increases the scale of ‘the excluded’ - which is the social basis for deviant manifestations - and the gap between ‘the included’ and ‘excluded’. Globalization of economies, politics and cultures is accompanied by the globalization of both different types of deviance and social control.

2. Globalization of deviant phenomena

2.1. Criminality

There is a kind of correlation between criminality and other economic, social, political, demographic and cultural processes. Hence, we have the globalization of criminality which follows a general globalization path. We can observe some regularity of the expression of these correlations in the world (Luneyev, 2005).

However, since the end of the 1990s there has been a global trend of slower growth rate of criminality and the reduction of certain categories of crime in the world, which we can see below (based on Luneyev, 2005: 35-46; Barclay, Tavares, 2003; Shaw, van Dijk, Rhomberg, 2003: 35-63).

For example, in Europe in 2000-2001 the level of general criminality lowered: in Austria (-7%), Bulgaria (-3%), Denmark (-6%), Italy (-2%), Lithuania (-4%), Romania (-4%), Finland (-6%), Czech (-8%), Sweden (-2%).

The years of 1980, 1993, 2000 can serve us as the base years. In those years the level of criminality (per 100 thousand people) was the following:

in Denmark - 8,282; 12,084; 9,451 (correspondingly to the years of 1980;1993; 2000);

in Germany - 4,873; 8,337; 7,621;

in Canada - 8,804; 11,447; 8,041.

That tendency of lower rate characterized the majority of developed European countries and countries of North America.

On the whole the level of general criminality (per 100 thousand people) rose from

2,500 in 1980 to 3,100 in 2000 in the world and, in particular:

- in North America it went down from 8,900 in 1991 to 6,000 in 2000;

- in the countries of the European Union this indicator rose from 5,000 in 1980 to 6,200 in 1994 with the following up stabilization and reduction to 6,000 in 1 1998, and again with some rise up to 6,200 by 2000;

- in the countries of Latin America and Caribbean basin there was a wavy fluctuation - 2,200 in 1980,2,000 in 1984,

and a little more than 3,000 in 1989 (and in 1993-1994), with the fall to 2,800 in 1997, and the rise again up to 3,500 in 1998-1999, and a little decrease in 2000.

In Russia there was a decrease of the criminality level during Gorbachev’s Perestroika (to 817 per 100 thousand of population in 1987), with the sharp rise up to 1,888 in 1993, and then some stabilization and the rise again up to 2,026 in 2000 and 2,692 in 2006 (Crime and Delinquency, statistical reviews, 1991, 1996, 2001, 2006). Analogous fluctuations referred to certain types of criminal cases.

The level of murders was very high (more than 20-22 per 100 thousand people) beginning from 1994, which put Russia on the third place in the world after Columbia and the Republic of South Africa). It is important to state that the steady growth of registered criminal cases reflected the growing number of criminals without a permanent source of income, such ‘excluded’ constituted 11.8% in 1987, and in 2005 their portion reached 60.3 %.

The globalization of deviance is especially clearly manifested in the activities of organized crime (Gilinskiy, 2002: 202-25; Gilinskiy, 2003; Gilinskiy, 2007: 236-248; Gilinskiy, Kostyukovsky, 2006: 74-96). There are various definitions of organized crime. We can use the definition suggested at the International conference in Suzdal (Russia) in 1991: “organized crime is permanently functioning and managed communities of criminals engaged in committing criminal offences as their main business and creating a protective system of social control by means of corruption”. Organized crime is not simply the aggregation of criminal groups and the criminal offences committed by them. It involves qualitatively new characteristics of criminality. It is built into the social system and affects its components, mainly its economy and politics. Organized crime is identified with entrepreneurship, business, production and distribution of goods and/or services (organized crime as illegal entrepreneurship). The formation and development of organized crime is a world process that is in conformity with certain laws. It is a particular case of better organized management at the subsystem level (economics, politics and so on). Organized crime was institutionalized in different countries at different times. The main characteristics of organized crime as a social institution are the following:

- long life;

- stable functioning;

- performance of certain social functions (satisfaction of demand for illegal services or goods due to their deficit, job creation, redistribution of means and etc.);

- the use of work code or certain norms, professional language (slang), creation of roles.

The process of institutionalization of organized crime started in Russia (the Soviet Union) from the end of the 1950s or the beginning of the 1960s and finished by the end of the 1970s or the beginning of the 1980s. The most important mechanism of organized crime is its readiness for integration. Russian organized criminal groups widely integrated into international organized crime by the beginning of the 1990s. The Russian criminal ‘plenipotentiaries’ for European countries were preoccupied with the coordination of business with foreign ‘colleagues’ and organization of criminal involvement of visiting ‘fellow-countrymen’ into the life of the ‘Russian communities’ abroad. Economic expediency and criminal drive predetermined the dynamic character of globalization of organized crime. International cooperation of criminal structures has been known for

a long time. Illegal export-import traffic of narcotics, weapons, alcohol, prostitutes and international money-laundering - all are well known (Ovchinsky, Eminov, Yablokov, 1996: 18-51; Repetskaya, 2001; Fijnaut, Paoli, 2004; Gilinskiy, 2003). We want to demonstrate the directions of internationalization of organized crime using the interview taken by Y. Kostyukovsky, a researcher of the Centre for Deviantology at the Institute of Sociology of Russia's Academy of Sciences from the members of St. Petersburg's criminal groups about their activities (Gilinskiy, Kostyukovsky, 2006).

Illegal export of non-ferrous metal from Russia to the countries of Western Europe

“Interviewer (I): What sort of criminal business is the most popular?”

Respondent (R), the member of a criminal group: In 1994 half all the metal from Russia was exported illegally. It was a good business! People earned so much for two or three months that it is enough (to live on) even now. True, they had to work 25 hours per day... But the game was worth (the long hours). The difference of prices here and in Estonia, for example, was crazy.”

Illegal export and market of ‘living goods’,
i.e. illegal migration, export of prostitutes

“I.: And what about prostitution?”

R.: Prostitution in St. Petersburg is a well-established industry, it was not invented only yesterday. It can be an invitation to work abroad in the strip-tease show or in the service sphere in general. But when they are exported, for example, to Turkey they are forcibly made to become prostitutes. Some are lucky if they manage to run away. But the end is usually bad...”

Stealing and selling stolen cars (international car business)

“I.: Do you have contacts with foreigners?”

R.: Of course. We have a car business. A kind of exchange.

I.: What's that?”

R.: Naturally. Here, in Peeterr¹ the car is stolen and brought to Germany and (in return) from Holland to Russia. Well, there are quite fine networks — in Germany, Poland, France, Hungary, Holland and Russia. So, with organized crime everything is OK - there are international contacts.”

Illegal export of radioactive material

The news of the illegal export of radioactive material from Russia leaked into the mass media causing discussion in Russia and abroad (Ovchinsky, Eminov, Yablokov, 1996: 44-45).

Smuggling the antiques or objects of art

The number of such objects confiscated during the attempts to get them out of the country rose from 3,500 in 1992 to 10,000 in 1999. But customs officers believe that only 5-10% of the antiques and objects of art are found at the customs and confiscated (Gurov, 2000: 41).

Illegal export of weapons

One of the most profitable criminal businesses (the second most profitable after the drug trade) is the sales of weapons

abroad. But the data about the trade of weapons are scarce because it is connected with the criminal activities of high-ranking military officials - federal and regional. “One can buy anything if one has enough money” (Gurov, 2000: 34-36; Dolgova, 1999: 86-91).

The international networks of illegal production

The international networks of illegal production and trade flourish, especially if it involves the trade and production of alcohol. Illegal alcohol arrives in Russia from Poland, the Netherlands and other countries.

Forged foreign currency

Up to 95% of forged foreign currency comes to Russia from abroad (Gurov, 2000: 28).

Narcobusiness

International business in narcotics brings the greatest profit world-wide. Experts from the United Nations (UN) estimate international turnover of drugs at billion dollars; that constitutes about 8% of all world trade. Heroin arrives in Russia from Afghanistan, Pakistan and North Korea; derivatives of cannabis from Middle Asia and Ukraine; cocaine from Latin America; ‘wheels’ (drugs) from Western Europe; ephedrine and its derivatives (‘ice’) from China. In turn Russia re-exports heroin and cannabis to Western Europe (Gurvich, Rusakova, 2006: 162-203; Rogatykh, Strelchenko, Toporov, 2003; Romanova, 2000:43-79).

Globalization of criminalized ‘legal economy’

It should be added to the above-mentioned that the phenomenon of the globalization of the criminalized ‘legal’ economy takes place now (e.g. Trans World Group - TWG, controlling the aluminum and the alumina extracting industry of Siberia) (Repetskaya, 2001). The profits of transnational organized crime are invested into the legal economy via controlled banks for the purpose of money-laundering. According to the experts from the American National Strategy Information Center, the overall profit of international organized crime reaches a trillion dollars, which approaches the annual budget of the USA (Repetskaya, 2001).

Globalization of criminality connected with migration

Globalization of criminality takes place not only in the form of organized crime. Increased migration flows bring both positive results (internationalization of science, art, culture) and negative ones. Migrants, apart from their different ethnic traditions, have more every day problems while adapting to the new reality of the host country than the natives: the language barrier, professional difficulties connected with their qualifications meeting the standards of a new country, housing problems, different cultural background and other features of the ‘social disorder’ - all of which serves as the source of their future deviant behaviour. Many recipient countries have begun to come across the problem of newcomers’ crimes. For example, in 2004 in Germany the non-native citizens (non-Germans) made up 22.9% of suspects (maximum - 33.6% in 1993), which is the evidence of the relatively high criminal activity of migrants. The proportion of migrants committing crimes is the following: migrants from Turkey (21.5%), from Serbia and

1. i.e. St Petersburg; ‘Peter’ sounds ‘Peeterr’ in Russian. It is the name of Russian tsar Peter the Great, the founder St. Petersburg (Ed.).

Montenegro 8.2% (in 1999 - 16.0%), from Poland (6.7%), Italy (5.0%) and Russia (3.2%) (Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland, 2005: 109, 116).

2.2. Alcoholization

Traditionally it was considered that the cause of alcoholism should be found within the borders of the country. The accelerated rate of economic and cultural globalization makes such a concept obsolete.

In spite of the general trend of the increase of alcohol addiction, its world dynamics resembles a wavy line. Since the middle of the 19th century one can find three upsurges in the growth of alcohol consumption, with the development cycle lasting for 50-70 years. The first rise happened in the middle of the 19th century the second rise started at the end of the 19th century and lasted till the 1920s-1930s. The latest rise took place after the war and finished at the end of the 1970s. From the beginning of the 1980s the consumption, especially of wine, and to a lesser degree - beer, has reduced a little (Gurvich, Goryachova, 2006: 113-161).

Countries can be classified into three categories according to their pattern of alcohol consumption. For the countries of Southern Europe daily consumption of wine is typical for all members of society. The display of alcoholic intoxication is not approved. Eastern European countries, countries of Northern Europe and also the USA are called 'spirits drinking' countries, because the populations of these countries prefer strong alcoholic drinks (vodka, whisky, etc). Alcohol consumption is not regular, but intensive, and periods of abstinence alternate with periods abundant drinking up to the degree of heavy intoxication. For central European countries and Canada the consumption of beer is more typical.

The most significant changes in alcohol consumption over the last fifty years have been observed in the countries of Northern and Southern Europe. The 'peak' in wine drinking in southern countries was reached in the 1970s (17 liters of absolute alcohol per person²) and in the 1990s it was reduced to 12. In France the fall in consumption started a bit earlier - from the middle of the 1950s. The level of consumption in northern countries rose in the 1960s-1970s, mostly due to a bigger consumption of beer.

In Russia the rise of alcohol consumption to 14 liters took place in the middle of the 1990s and Russia went ahead of other countries in alcohol consumption per person surpassing even the former leader - France (Nemtsov, 2001; Nemtsov, 2003).

The consumption of alcohol in 15 European countries in the years 1950-2000 was characterized by the process of homogenization, i.e. exhibiting similar consumption (Leifman, 2001; Leifman, Osterberg, Romstedt, 2002; Norstrom, 2001). Homogenization develops due to:

(1) the increase of globalization and integration in economies, (2) the harmonization of political reforms, (3) cultural diffusion as a result of the development of modern communication and transport technologies.

High homogeneity of alcohol consumption characterizes the countries of Eastern Europe including the former European republics of the Soviet Union: Russia, Ukraine, Belarus and the Baltic republics. They have a high level of alcohol consumption and negative consequences. In the Soviet period there were state monopolies controlling alcohol production. In the

1990s these states went, to some extent, through the spontaneous development of spirits markets. Nowadays the situation improves: the programme of controlling the production of alcoholic drinks has been started in the Baltic republics in connection with their joining the European Union.

The international alcohol industry entered the vodka market in the newly independent states (former republics of the Soviet Union) at the beginning of the 1990s. It was mainly the producers of alcohol from the countries of the European Union. They actually ousted home-brewing in Russia, for example, supplying Russia with 500 million liters of spirits per year. Eastern Europe turned out to be divided by international alcohol holdings (Moscalewicz, Simpura, 2000: 502-22). At present, in search of new markets, transnational alcohol producing companies, specializing mainly in beer, have instituted a more expansive policy towards the developing countries, taking advantage of the weakness of the political system and the liberalization of the economy.

Globalization of the ideology of a free market leads to the cessation of many interstate agreements that contained and structured alcohol consumption. There is a tendency to compare alcohol with the consumption of ordinary goods, the demand for which is limited only by the paying capacity of the population. The attempt to block or limit the consumption of alcohol is considered by the majority of the population as an infringement on the right for freedom of choice.

2.3. Narcotism

The term 'narcotism' means a social phenomenon that refers to the relatively spread and statistically stable consumption of narcotic or other toxic and psychotropic remedies, inflicting negative medical (drug addiction) and social consequences (Gilinskiy, 2007: 286). Illegal turnover of narcotics was documented long ago as a world network with well-established channels of distribution of the main narcotics. Thus, the principal suppliers of cocaine in the world market are the countries of the 'Andean group' (Peru, Bolivia and Columbia). Opium poppies are grown by the countries of the 'Golden Triangle' (Southeast Asia)³ and the 'Golden Crescent' (Southwest Asia)⁴. Approximately 90% of the world production of opium comes from Burma, Afghanistan, Iran and Lebanon. The production of hemp is almost equally spread among the countries of Africa, Europe, America and Asia. Traffic is mainly inside the region. The sources of cannabis are, first of all, Albania, Columbia, the Republic of South Africa, the Russian Federation, Jamaica and the Netherlands. Since 1998 Thailand, Ghana and Paraguay have joined them. In the overall volume of transported narcotics, Mexico, Canada and the USA play an important role. The main production of cannabis resin comes from Morocco, Afghanistan and Pakistan. Other important sources of supply of cannabis resin are Central Asia and the Russian Federation.

A number of circumstances allow us to speak of narcotism as a global phenomenon (Gurvich, Rusakova, 2006: 162-203).

Firstly, due to the macro economic character of the business many countries are involved in the drug trade either as producers and suppliers or as consumers.

Secondly, there are criminological factors such as: the leading role of organized crime in world drug trafficking which has the characteristics of transnational activities.

Thirdly, there are cultural factors. Recently drug abuse has

2. Absolute alcohol generally refers to purified ethanol, containing no more than one percent of water.

3. Myanmar (Burma), Thailand, Laos (Ed.).

4. Afghanistan, Iran, Pakistan (Ed.).

become a mass culture, the norms and values disseminated by the mass media in many countries - the consumers of drugs. The subculture of groups, for which the use of drugs is a routine practice, has penetrated into the wider strata of 'normal' social communities. The demand for drugs in the developed countries, which are the buyers, reflect some tendencies to develop a modern mass culture where drugs occupy a prominent place. In the post-war history of Western countries there were several peaks of aggravation of drug abuse; the 1960s witnessed the cult of 'speed', the 1970s had 'hippies' with their drug experiments and the 1980s were characterized by heroin experiments of 'new ages'. During all these period drugs were the characteristic of some youth subculture movements.

Fourthly, there are certain legal factors reflected in the two main concepts of social control over narcotism - 'the war on drugs' and 'harm reduction'. It results in differing anti-drug strategies and tactics in different countries. On the international level negotiations are constantly held about the adoption of a universal approach and a universal legal system in the sphere of drug control.

Fifthly, there are certain political factors engaged in the struggle for influence: international organizations and unions are created to exercise control over narcotics. These organizations produce an essential influence upon the national governments. However, using corrupted high officials at the level of executive and legislative powers organized crime successfully lobbies for certain political decisions and directly penetrates into the power bodies by promoting their own members to higher official positions.

2.4. Terrorism

Terrorism is one of the most serious problems, potentially or factually, concerning every inhabitant of our planet (Lukin, 2006).

The definition of terrorism contains two important features:

- the use of violence or the threat to use violence;
- political (religious and ideological) motivation to use violence.

But there is also one essential feature of terrorism; it is rather a social phenomenon than an individual act of political assassination. It is the use of violence towards an undefined circle of direct objects of terrorist attack for the sake of achieving the future aim, i.e. to satisfy political (economic, social and religious) demands.

Laqueur draws attention to the subjectivism in the definition of terrorism. For some it is terrorism, for others it is a struggle for freedom (Laqueur, 1987: 302). This uncertainty in the assessment of the terrorist action is analyzed by Ganor, a researcher of the International Policing Institute for Counter-Terrorism (Ganor, 2002). How to distinguish terrorism from partisan war or revolutionary violence, or the struggle for national freedom? A lot depends on the political position of the person who assesses a violent action. Ganor analyzes the differences between these types of violence. He starts by categorizing wars into two groups: declared war between states and undeclared war between organizations and states. The latter includes terrorism and guerilla war. The activities of anarchists, the fighters for freedom, revolutionaries and ad hoc actions are included into this category.

The most important difference between terrorism and guerilla war is that guerrilla war is waged against a regular army,

whilst terrorism is directed against noncombatants and based on political motives and violence.

Terror and terrorism are defined as different political concepts:

- terror is exercised by the ruling power structures ('violence over the weaker', which pertains, in particular, to totalitarian regimes);

- terrorism is the violence of 'the weaker over the more powerful', it is 'the weapon of the weak' who are the victims of the 'state terror' (Chalikova, 1989: 310; Ferro, 1989:314).

Terrorist organizations and individual terrorists represent, consciously or unconsciously, the interests of the 'excluded' mass in the contemporary world. Polarization into the rich and powerful minority of 'the included' and into the very poor majority or the 'excluded' (with the simultaneous process of the relative erosion of the 'middle class', a guarantor of stability in the social system) leads to for each particular case the dangerous, for all humankind, division into 'included' and 'excluded' countries and the 'included' and the 'excluded' groups in each country under globalization. This process and its consequences are not understood properly by the governing elites. An example of it is the aggression of the USA against Iraq (no matter how 'bad' Saddam Hussein might be) or the actions on the part of Russia against Chechnya (no matter how 'bad' the Chechen paramilitary might be) because terror causes terrorism.

Modern terrorism often has an international application, but it is not permissible to ignore the rights and interests of the citizens of one's own state under the slogan of the fight against 'international terrorism'. Human rights are primary and inalienable (articles 1, 2, 3, The Universal Declaration of Human rights, 1948). The violation of human rights gives rise to a reaction of violence, in particular, terrorism. The demand to limit the rights of man for the sake of 'the fight against terrorism' is absurd:

- firstly, because an ideological basis for the justification of terrorism will be created (as a response to the terror of the power structures);

- secondly, the risk of human rights being violated increases.

The more protected human rights are, the lower is the possibility of criminal risks. The anti-terrorist war is not efficient (though it is a forced necessity). The world community on the whole and each nation-state in particular must undertake first of all political measures (economic, social) to avert the conditions under which terrorism thrives and to solve peacefully social, ethnic and confessional conflicts in the country.

Of course, the declaration of the principle of a non-violent and preventive approach in the case of an increasing conflict is easier to pronounce than to realize. But there is no 'simple settlement' of complex social problems. To put it more exactly, the so-called 'simple decisions' ('to liquidate', 'to suppress', 'to eliminate'), either are not possible to realize, or they simply aggravate the situation. One can take measures (and it is necessary) against an individual terrorist, but it is not possible to get rid of the cause and the source of terrorism by punitive measures while solving social conflicts.

A full coverage of all terrorist acts is hardly possible to make, however, the approximate data for 1968-2003 have been published (Schmid, 2005). According to these, the 'peak' of international terrorism occurred at the end of the 1980s with some increase in 1991 and 1993. From 1997 to 2003 the largest

portion of terrorist acts happened in Western Europe (2,035), then in the countries of the Persian Gulf (1,542), South Asia (1,183), Latin America (1,180), Eastern Europe (598), South-east Asia and Oceania (276), Africa (146), Eastern and Central Asia (56) and North America (37).

2.5. Human Trafficking

Human Trafficking is an international problem. The concept 'human trafficking', in conformity with the 'United Nations Convention against Transnational Organized Crime: Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children' (15 Nov. 2000) (Annex II)⁵, includes three elements: (1) 'recruitment, transportation, transfer, harbouring or receipt of persons', (2) 'the use of force or other forms of coercion, of abduction, of fraud, of deception, of abuse of power or of a position of vulnerability', (3) the purpose of exploitation ('the exploitation of prostitution of others or other forms of sexual exploitation, forced labour or services, slavery or practices similar to slavery, servitude or the removal of organs').

Thus, Protocol discerns the following types of trade in human beings: trade in women, trade in children (for prostitution, pornography and illegal adoption), trade in human beings for slavery and trade in human organs. A particular type is smuggling of migrants.

The trade in human beings is closely connected with organized crime, being one of its activities. This trade has a transnational basis. The data about this type of criminal business are not easily available. The official statistics are very meager and do not correspond to the real spread of the disaster. Only in a few countries official statistics reflect the real situation in the trade in human beings: Germany (Lagebild Menschenhandel, 1999, 2000, 2001), the Netherlands (Trafficking in Human Beings, 2002), Sweden (Trafficking in Women, 1998-2002). Some comparative analysis of data was published in the article by C.Kangaspunta (Kangaspunta, 2004).

In the reports, Russia, Ukraine and Nigeria (in decreasing order, Russia goes first) occupy the first places for the countries of origin, transit or destination (Kangaspunta, 2004: 90). According to the 'export' in human beings, Asia has the greatest number, the countries of the Commonwealth of Independent States follow Asia, then comes Africa and in the last place (sixth) are the developed countries. As far as the countries of destination are concerned, the first place belongs to the developed countries. The largest number of victims of human trafficking ('the sold') is recorded to arrive from Ukraine, then comes Russia, Nigeria, Albania, Rumania and Moldova (in decreasing order) (Kangaspunta, 2004: 94).

Among the victims of sexual exploitation the majority are women, in the second place children and then a small number of men. The victims of forced labour, first of all, are children, in the second place women and in the third place are men. Much less information has been collected about the criminals engaged in the trade because this kind of business is more concealed than others. However Russia is supposed to take the first place here and the second and third are Nigeria and Ukraine respectively. Thus, according to the data in certain spheres, Russia together with Ukraine and Nigeria compose a 'troika' of countries where the maximum risk of enslavement exists.

The described situation is not surprising because the two main trade items are 'the excluded', who are poor, due to a

low income, or are unemployed and homeless, and orphans; in other words, the least protected strata of society. F.Borodkin claims that more than 50% of Russia's population is excluded from active economic, social and political life (Borodkin, 2000). But besides the 'have-nots', who are below the level of poverty, there are a lot of poor people who are factually 'the excluded' and vulnerable to the trade too. The practice of different types of human trafficking "questions the possibility of democracy in the countries where half the population can be considered as a potential commodity for sales, where people can be bought, sold and enslaved" (Repetskaya, 2001: 81). Let us consider briefly some of the types of human trafficking.

Trade in women

'White female slaves' - is the prevailing 'commodity' in the market of human beings. The volume of world trade in women, with the aim of sexual exploitation, is assessed from 7 to 12 billion dollars per year. Annually 2 million women and children are forced to be engaged in sex industry (Repetskaya, 2001: 77).

There were four 'waves' of the import of 'white female slaves': the first wave came from Thailand and the Philippines, the second from the Dominican Republic and Columbia and the third one from Ghana and Nigeria. The fourth wave brought women from the former Soviet Union, mainly from Russia, Ukraine, Belarus, and also Latvia.

There is a demand for Slavonic women in the world sex industry. They are considered to be a 'symbol of prestige', for example, for the business men of Japan, China and Thailand (Stoecker, 2000). Many women from Russia and countries of the CIS work as prostitutes in the countries of Western Europe and the USA. More than 10,000 women were transported by transnational criminal organizations from Russia and Ukraine to Israel for prostitution (Repetskaya, 2001: 79).

Because the conditions of labour in the sphere of sexual service are slavish, some women, trying to save their lives, come to an agreement with their owners and go back to their native country to recruit new victims. It has the name 'the second wave'. The labour contractor receives from 200 to 5,000 dollars for each recruited woman. The transportation of recruited women from 'exporting countries' to the 'importing country' is organized illegally or, sometimes legally (under the pretext of tourism, legal employment or visiting relatives).

Russia's prostitutes are exported to the countries of Western Europe, the USA, Canada, the countries of Latin America and also China. Their life is described in a range of publications, from academic journals to illustrated magazines.

Trade in children

This is one of the most awful categories of human trafficking. Children are mainly used for sex purposes and pornography, but they can also be illegally adopted. The social basis for the trade in children in Russia is more than two million homeless children and orphans, then the children of alcohol abusers and also some children who want to obtain money for a 'sweet life'.

The researchers of the Centre for Deviantology at the Institute of Sociology of Russia's Academy of Sciences studied the sexual exploitation of children in the North-Western region of Russia (St. Petersburg, Vyborg, Petrozavodsk and others) Gurvich et al., 2002). The majority of clients of child prostitution are 'new Russians', the city's 'criminal authorities' and foreign

5. <http://www.un.org/Depts/dhl/resguide/resins.htm> (Ed.).

visitors, mostly from inland and also from Sweden, Germany and Great Britain. The prices for services are low: parents who are alcohol abusers, can 'sell' children for a bottle of vodka. Child pornography is a covert and rather profitable business. Street children willingly respond to the offer of a recruiting agent to 'earn good money'. For the production of homosexual pornographic material the cadets of military colleges are recruited.

Forced labour or slavery

Amazingly, but forced labour and slavery turn out to be a wide-spread phenomenon in the 20th - 21st centuries. Victims of this trade in human beings are men, women and children. In modern Russia, slave labour has been used in the Caucasus region, but information about slaves in the central regions of the European part of the country has also leaked into the mass media. One such 'slave owner' in the Leningrad region is described in one of A. Konstantinov's stories (Konstantinov, Dikselius, 1997: 251-258).

At present, illegal migrants from the countries of the CIS, especially from Tajikistan, Uzbekistan, Kazakstan, Moldova, and also from China, Vietnam, Afghanistan, North Korea and partly from African and Latin American countries are used for slave labour in Russia (Tyurykanova, 2005).

The practice of selling into slavery in the present Russian army has been discovered. The cases when officers sold soldiers to various businessmen have become known. For example, in September 2006, in the town of Chita (Eastern Siberia) an officer sold a soldier of his military regiment to a local entrepreneur for 35,000 roubles (about \$1,300). In the end, the soldier was admitted into a military hospital without a leg and eye due to an accident. The working conditions and life of slaves of the 21st century are awful. Some commit suicide.

Trade in inner human organs

Trade in inner human organs is one of the least recorded but fastest developing branches of criminal activity. There is an international 'black' market of 'items' for transplantation: heart, kidneys and other human organs. National and international prevention mechanisms for reduction of this kind of trade are extremely difficult to develop and implement.

Firstly, the trade in human organs is the most covert business of organized crime. Although there has been a considerable increase in the trade in human beings in Russia, no case was registered of a person forced to the removal of organs or tissues in 2001-2005.

In 2001-2005, from 0 to 60 cases were registered in the trade in human beings (article 127-1, Penal Code of the Russian Federation); from 0 to 20 cases of the use of slave labour (article 127-2, Penal Code of the Russian Federation); 16, 10, 21, 0 crimes⁶ in the trade in children under age (article 152 Penal Code of the Russian Federation) and 3, 0, 1, 7 cases of illegal adoption (article 154 Penal Code) (Dolgova, 2006: 109,112).

Secondly, all forms of trade in human beings are the outcome of economic, political and social processes under globalization. The socio-economic inequality of different countries and disparities between social groups is the main factor in human trafficking and also other forms of deviance.

Thirdly, the trade in human beings under globalization is a relatively new issue. The usual old methods of revealing, regis-

tering, preventing and fighting social 'evils' do not work in this case. That is why national and interstate cross cultural research in human trafficking and developing measures and means to counteract it are especially important.

Corruption

Corruption is considered to be an 'internal affair' of every state. In Russia it has become 'problem No 1'. Corruption exists in all branches and levels of power in Russia. Hardly any social problem can be solved without a bribe: everything is decided by 'who' and 'to whom' and 'how much' to pay (Gilinskiy, 2005; Gilinskiy, 2006a, 2006b).

The processes of globalization have affected corruption in two ways: firstly, the globalization of business and finances has led to the internationalization of corrupt relations between business and state officials of different states; secondly, corruption money has become an important resource and reason for money-laundering.

Suicide

Globalization affects even a seemingly purely individual type of deviance, such as committing suicide. The influence of globalization upon suicidal behaviour can be revealed, at least, in the following:

- institutionalization of the 'excluded' and the hopelessness that they feel lead to the rising level of suicides among them. Suffice to say, that the indicator of suicides in Russia, beginning from 'post-perestroika' has been rising every 5 years: for the period from 1985 to 1989 - 37 thousand people, from 1990 to 1994 - 48.5 thousand people, and during 1995-1999 it was 56.3 thousand people (Bogoyavlensky, 2002);

- international terrorism is spreading quickly and 'globally' and uses the method of 'suicide bombers' (Israel, the USA, Russia and even well-being quiet Finland).

Our investigation and accumulated facts allow us to claim that there is interaction between the process of globalization and deviantolization in the world nowadays. However, a more thorough analysis of this process is needed. For example, globalization of positive deviance (creative activities) has not been paid enough attention to. Though researchers admit that the 'brain drain' (as positive deviance in the highly developed countries from the countries with fewer possibilities of providing good work conditions (for creative activities) and living standard for scientists, engineers, etc. is influenced by global processes.

Conclusion

There are regular manifestations of deviant phenomena in the globalizing world. The process of globalization influences the dynamics of deviance. Globalization deepens the socio-economic inequality of both societies and people within these societies; it increases the scale of the 'excluded', who are the social base of deviant behavior, and the gap between 'the included' and 'the excluded'.

Globalization of economics, politics, and culture is followed by the globalization of various types of deviance and social control. The process of globalization has the greatest effect upon such types of deviance as organized crime, drug addiction, terrorism and human trafficking. The strategy of internationalization of social control has become the response to the globalization of deviant phenomena.

6. Correspondingly to the years of 2001, 2002, 2003, 2004, 2005 (Ed.).

REFERENCES:

1. All Countries of the World (2005). Population and Society. N93 (in Russian).
2. Barclay, G., Tavares, C. (2003) International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001.
3. L.: Home Office Statistical Bulletin, Issue 12/03.
4. Bauman, Z. (2004) Globalization: Consequences for Human and Society. M.(in Russian).
5. Baylis, J., Smith, S. (Eds.) (1997) The Globalization of World Politics. Oxford University Press.
6. Beck, U. (2001) What is a Globalization? M. (in Russian).
7. Berger, P., Huntington, S. (2004) Many-sided Globalization: Cultural Diversity in the Contemporary World. M. (in Russian).
8. Bogoyavlensky, D. (2002) Russian Suicide and Russian Reforms // Sociological Research, N5, pp.76-81.
9. Borodkin, F. (2000) Social Exclusion // Sociological Journal, N3-4, pp.5-17 (in Russian).
10. Bryant, C. (Ed.) (2001) Encyclopedia of Criminology and Deviance Behaviour. Vol. I-IV, Brunner-Routledge, Taylor and Francis Group.
11. Chalikova, V. (1989) Terrorism. In: Afanasjev Y., Ferro M. (Eds.) 50/50. Attempt of Dictionary of the New Thinking. M. (in Russian).
12. Cheshkov, V. (1999) Globalization: Essence, the Present, Perspectives // Problems of Globalization, Pro et Contra. Vol. 4, N4, pp. 114-27.
13. Christie, N. (2000) Crime Control as Industry. Towards Gulags, Western Style. Third Editions. L.-NY: Routledge.
14. Christie, N. (2004) A suitable Amount of Crime. L.-NY: Routledge.
15. Crime and Delinquency. Statistical Review (1991, 1996, 2001, 2006). M. (in Russian).
16. Curra, J. (2000) The Relatively of Deviance. SAGE Publications, Inc.
17. Dolgova, A. (Ed.) (1999) Criminal Situation in Russia on Boundary of Epochs. M. (in Russian).
18. Dolgova, A. (Ed.) (2006) Tendency of Crime, its Organization, Law, and Attempt of Fight against Terrorism. M. (in Russian).
19. Downes, D., Rock, P. (1998) Understanding Deviance. A guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking. Third Edition. Oxford University Press.
20. Ferro., M. (1989) Terrorism. In: Afanasjev Y., Ferro M. (Eds.) 50/50. Attempt of Dictionary of the New Thinking. M. (in Russian).
21. Finaut, C., Paoli, L. (Eds.) (2004) Organised Crime in Europe. Concepts, Patterns, Control Policies in the European Union and Beyond. Springer. Vol. I-IV.
22. Finer, C., Nellis, M. (Eds.) (1998) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers, Ltd.
23. Flowers, B. (2003) Male Crime and Deviance. Exploring Its Causes, Dynamics and Nature.
24. Springfield (Ill.). Charles C. Thomas Publishers, Ltd.
25. Ganor, B. (2003) Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice and Research. An International Journal. Vol. 3, N4, pp. 287-304.
26. Giddens, A. (1990) The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press.
27. Giddens, A. (2005) Sociology. M. (in Russian).
28. Gilinskiy, Y. (2002) Criminology. St. Petersburg. (in Russian).
29. Gilinskiy, Y. (2003) Organized Crime: A Perspective from Russia. In: Albanese, J., Das, D.,
30. Verma, A. (Eds.) Organized Crime: World Perspectives. NJ: Prentice Hall, pp. 146-64.
31. Gilinskiy, Y. (2004) Exclusion as Global Problem and Social Basis of Crime, Narcotism, Terrorism and other Deviances // Transactions of the St. Petersburg's juridical Institute of the General Prosecutor's Office. N6, pp. 69-76 (in Russian).
32. Gilinskiy, Y. (2005) Corruption: Theory and Russian Reality. In: Sarre, R., Das, D., Albrecht, H.-J. (Eds.) Policing Corruption. International Perspectives. Lexington Books, pp. 157-68.
33. Gilinskiy, Y. (Ed.) (2006a) Globalization and Deviance. St. Petersburg (in Russian).
34. Gilinskiy, Y. (2006b) Crime in Contemporary Russia // European Journal of Criminology. Vol. 3, N3, pp.259-82.
35. Gilinskiy, Y. (2007) Deviantology: Sociology of Crime, Narcotism, Prostitution, Suicide, and others Deviance. Second Edition. St. Petersburg (in Russian).
36. Gilinskiy, Y., Kostyukovsky (2006) Organized Crime. In: Gilinskiy, Y. (Ed.) Globalization and Deviance. St. Petersburg, pp.74-96 (in Russian).
37. Gurov, A. (2000) Criminogenic Situation in Russia on Boundary of XXI Century. M. (in Russian).
38. Gurvich, I., Goryachova, N. (2006) Drunkenness and Alcoholism. In: Gilinskiy, Y. (Ed.)
39. Globalization and Deviance. St. Petersburg, pp. 113-61 (in Russian).
40. Gurvich, I, Rusakova, M. (2006) Globalization of Drug Use. In: In: Gilinskiy, Y. (Ed.)
41. Globalization and Deviance. St. Petersburg, pp. 162-203 (in Russian).
42. Gurvich, I., Rusakova, M., Yakovleva, A. et all (2002) The Commercial Sexual Exploitation of
43. Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Stockholm.
44. Kangaspunta, K. (2004) Mapping the Inhuman Trade: Preliminary Findings of the Database on Trafficking in Human Beings // Forum on Crime and Society. Vol.3, n1-2, pp.81-104.
45. Konstantinov, A., Dikselius, M. (1997) Gangster Petersburg. St. Petersburg (in Russian).
46. Laqueur, W. (1998) The Age of Terrorism. Toronto, Little, Brown & Co.
47. Leifman, H. (2001) Homogenization in Alcohol Consumption in the European Union. In: Nordic Studies on Alcohol and Drugs. Vol. 18, pp. 15-30.
48. Leifman, H., Osterberg, E., Ramstedt, M. (Eds.) (2002) Alcohol in Postwar Europe. A Discussion of Indicators on Alcohol Consumption and Alcohol-related Harm. Stockholm: ECAS.
49. Luhmann, N. (1998) Globalization on World-community. In: Sociology on Boundary of XXI Century: New Research. M. (in Russian)
50. Lukin, V. (2006) Globalization and World's Terrorism. M. (in Russian).
51. Luneyev, V. (2003) Terrorism and Organized Crime: National and International Aspects. In: Organized Crime, Terrorism, Corruption. Criminological Almanac. N2, pp. 21-39.

52. Luneyev, V. (2005) *Criminality in XX Century. World's, Regional and Russian Tendencies*. Second Edition. M.: Wolters Cluwer (in Russian).
53. McCaghy, Ch., Carpon, T., Jamicson, J. (2000) *Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups*. Fifth Edition. Allyn and Bacon.
54. Mittelman, J. (Ed.) (1887) *Globalization: Critical Reflection*. L.: Lynne Rienner Publishers, Inc.
55. Moskalewicz, J., Simpura, J. (2000) *The Supply of Alcoholic Beverage in Transitional Conditions: the Case of Central and Eastern Europe*. In: *Addiction* 95 (supplement 4), pp. 505-22.
56. Nemtsov, A. (2001) *Alcoholic Mortality in Russia, 1980-1990s*. M. (in Russian).
57. Nemtsov, A. (2003) *Alcoholic Losses of Russian Regions*. M. (in Russian).
58. Norstrom, T. (Ed.) (2001) *Alcohol in Postwar Europe: Consumption, Drinking Patterns, Consequences and Policy Responses in 15 European Countries*. Stockholm: ECAS.
59. Olkov, S. (2004) *About Good and Harm of Inequality // State and Law*, N8, pp. 73-78 (in Russian).
60. Ovchinsky, V., Eminov, V., Yablokov, N. (Eds.) (1996) *Fundamental of Fight against Organized Crime*. M. (in Russian).
61. Palmer, S., Humphery, J. (1990). *Deviant Behavior: Patterns, Source and Control*. NY-L.: Plenum Press.
62. Paugam, S. (1999) *Exclusion: Social Instrumentalization and Results of Research // Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. II, pp. 140-56 (in Russian).
63. *Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2004 (2005)*. Wiesbaden : Bundeskriminalamt.
64. Repetskaya, A. (2001) *Transnational Organized Crime: Characteristic, Causes, Strategy of Control*. Irkutsk (in Russian).
65. Robinson, M. (2002) *Justice Blind? Ideas and Realities of American Criminal Justice*. NJ: Prentice Hall, Upper Saddle River.
66. Rogatykh, L., Strlchenko, E., Toporov, S. (2003) *Fight against Smuggling of Drugs*. St. Petersburg (in Russian).
67. Romanova, K. (2000) *Drugs: Crime, Responsibility*. Vladivostok (in Russian).
68. Schmid, A. (2005) *Statistics on Terrorism: the Challenge of Measuring Trends in Global Terrorism // Forum on Crime and Society*. Vol.4, N1-2, pp. 49-70.
69. Shaw, M., van Dijk, J., Rhomberg, W. (2004) *Determining Trends in Global Crime and Justice: an Overview of Results from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operation of Criminal Justice System // Forum on Crime and Society*. Vol.3, N1-2, pp. 35-63.
70. Skifsky, I. (2007) *Violent Crime in Contemporary Russia: Explanation and Prognostication*. Tumen (in Russia).
71. Smelser, N. (1994) *Sociology*. M.(in Russian).
72. Stoecker, S. (2000) *The Rise in Human Trafficking and the Role of Organized Crime*. In: *Organized Crime and Corruption*. Almanac. N1, pp. 57-66.
73. Turayev, V. (2002) *Global Challenges to Mankind*. M. (in Russian).
74. Walmsley, R. (2004) *Global Incarceration and Prison Trends // Forum on Crime and Society*. Vol. 3, N1-2, pp.65-80.
75. *World Development Report (2005)* M. (in Russian).
76. Yanitsky, O. (2004) *Modern and its Waste // Sociological Journal*, N 1-2, pp. 199-295(in Russian).
77. Young, J. (1999) *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. SAGE Publications.
78. Yusikhanova, E. (2005) *Modelling of Criminogenic Processes in Subjects of Russian Federation*. Tumen (in Russian).

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Абаканова В.А.,

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного процесса,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Ключевые слова: легализация, преступные доходы, противодействие, общественная опасность

Key words: legalisation, criminal incomes, counteraction, public danger

Аннотация. Проблема легализации преступных доходов имеет особое значение, как для России, так и для всего мира. Противодействие легализации преступных доходов признается одним из основных способов противостояния преступности в сфере экономически.

Общественная опасность данного явления в настоящее время приобрела новые правовые, экономические и политические аспекты. Данная ситуация требует со стороны государственных, контрольных и правоохранительных органов выработки и реализации действенных мер, направленных на противодействие легализации криминальных доходов.

The problem of legalisation of criminal incomes has special value, both for Russia, and for all world. Counteraction of legalisation of criminal incomes - one of the important factors of struggle against criminality of economic sphere.

Public danger of the given phenomenon has got now new legal, economic and political aspects. The given situation demands from state, control and law enforcement bodies of development and realisation of the effective measures directed on counteraction of legalisation of criminal incomes.

Установление уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, последующее уточнение условий такой ответственности для разных субъектов легализации преступных доходов и, наконец, принятие Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 года (115-ФЗ) [2] означает признание общественно-опасными для функционирования легальных финансовых и экономических отношений действий по приданию легального статуса владению, пользованию и распоряжению такими средствами.

Уголовный закон устанавливает ответственность за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем (174 УК РФ) и приобретенными лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ), в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. Исключается ответственность за такие операции и сделки, если участвующие в обороте денежные средства и иное имущество относятся к категории невозвращенных из-за границы средств в иностранной валюте, а также накопленных в результате уклонения от уплаты таможенных платежей, налогов и сборов.

Суть легализации состоит в создании путем совершения сделок гражданско-правовых оснований для приобретения права собственности на денежные средства или иное

имущество, полученные преступным путем.

Такой вывод соответствует формулировке уголовного закона – «в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению» (ст.174 УК РФ) - и Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма». Другими целями легализации преступных доходов являются сокрытие источника их получения, следов преступления, создание возможности для дальнейшего легального их использования в гражданском обороте.

Однако в правовой литературе высказывались и иные точки зрения.

Вопросам легализации незаконных (в том числе и преступных) доходов уделялось внимание многими учеными. Определение понятия легализации (отмывания) преступных доходов предлагалось в работах В. М. Алиева, С. Б. Болоцкого, Б. В. Волженкина, Л. Д. Гаухмана, В. Д. Ларичева, С. В. Максимова, А. И. Овчинского, Г. К. Синилова, С. Б. Чернова и других российских и зарубежных ученых.

Так, В. Д. Ларичев понимает под отмыванием процесс, при котором «грязные» деньги, обычно наличные, полученные в ходе преступной деятельности, пропускаются через банковскую систему таким образом, что превращаются в «чистые» деньги, т.е. им придается видимость законных доходов, в связи с чем не представляется возможным установить лицо, явившееся инициатором сделки, или преступное происхождение этих средств [4, с. 100].

С. Б. Чернов понятие легализации (отмывания) доходов, полученных незаконным путем, понимает как умышленное придание правомерного вида пользованию, владению или распоряжению финансовыми средствами, иным имуществом [13, с. 121].

Ю. В. Коротков считает, что легализацией (отмыванием) незаконных доходов является умышленное сокрытие их происхождения путем искажения информации о подлинном характере доходов, источнике, местонахождении, праве собственности на доходы либо иных прав на них, совершение сделок с незаконными доходами в целях последующего ввода их в юридически легальном (правомерном) виде в различных формах (приобретение движимого или недвижимого имущества, инвестирование в легальную экономическую деятельность и т.д.) в официальный экономический оборот [10, с.9-10].

Б. В. Волженкин легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества рассматривает как «различные действия (финансовые операции, другие сделки), осуществляемые с целью скрыть наличие и (или) происхождение имущества, полученного таким способом для того, чтобы затем извлекать из него доходы» [6, с. 107].

Сторонники системного подхода склонны рассматривать легализацию преступных доходов в качестве слож-

ной системы, имеющей «механизм», обеспечивающий ее целостность и многообразные типы связей. Основываясь на выработанных в науке принципах отбора элементов криминалистической системы преступления, обеспечивающих ее целостность, под легализацией некоторые авторы понимают «обусловленную объективными и субъективными факторами взаимосвязанную со средой и в ней отображаемую динамическую систему устойчиво повторяющихся действий субъекта (субъектов), совершающего финансовые операции и иные сделки с денежными средствами или имуществом, приобретенными преступным путем, с целью сокрытия непосредственной связи этих денег или иного имущества с предыдущим преступлением, маскировки следов этого преступления, создания в обществе ложного представления о происхождении денег или имущества для последующего введения его в гражданский оборот» [11, с. 230].

Особого внимания заслуживают определения понятия «отмывания», разработанные зарубежными учеными.

Согласно определению Х.-Х. Кернера отмывание денег – это «... все операции, осуществляемые с целью на первой стадии утаить или скрыть наличие, происхождение или целевое назначение ценностей, проистекающих из преступления, с тем, чтобы на второй стадии приступить к извлечению из них регулярных доходов» [8, с. 37-38].

Клиффорд Л. Карчмер определяет рассматриваемое понятие следующим образом «Отмывание денег» – это термин, используемый для описания процесса сокрытия нелегально полученной наличности и ее конвертирования в другую форму платежа, с намерением исказить представление о природе средств, представив нелегально полученные средства легальными» [9, с. 10].

Несмотря на то, что приведенный анализ позиций авторов, определяющих содержание и цели легализации преступных доходов, показывает диапазон точек зрения на данное явление, все вышеназванные дефиниции легализации преступных доходов подчеркивают общественную опасность этого деяния.

При совершении легализации виновное лицо, стремясь придать легальный статус владению, пользованию и распоряжению преступно полученным средствам, создает новое правоотношение, противоречащее правовым общественным отношениям, защищаемым законом. Следовательно, при совершении легализации происходит нарушение сложившихся и создание новых противоправных отношений путем включения в легальный экономический оборот преступно полученных доходов.

Нарушение субъектом уголовно-правового запрета, установленного в ст. 174 УК РФ, означает, что совершенное им преступление стало явлением реальной действительности. Легализация преступных доходов, является преступлением с формальным составом. Таким образом, законодатель не связывает общественную опасность с реально причиненным ущербом. Сами действия по легализации уже являются противоправными и несут в себе общественную опасность.

Общественная опасность легализации преступных доходов имеет экономическую и юридическую направленность.

С экономической точки зрения легализация наносит опасность не только интересам отдельного предприятия, учреждения, организации, но и, учитывая размах

таких преступлений, интересам государства. Средства, полученные от торговли наркотиками и оружием, незаконного игорного и наркобизнеса, контрабанды, хищений и иной незаконной деятельности, преступники стремятся легализовать, придать им видимость законных, пустить в оборот. Легализуемые средства выходят из экономического оборота страны, при этом происходит подрыв финансовой системы государства в целом.

Юридическая сторона общественной опасности легализации преступно приобретенных доходов прежде всего заключается в том, что отмывание средств происходит на базе доходов, получаемых в результате преступной деятельности, которая представляет большую опасность для населения государства или ряда государств. Дополнительная прибыль, полученная при легализации преступных средств, укрепляет экономическую основу организованных форм преступности. В противоправной деятельности принимает участие значительный круг лиц, легализация полученных от такой деятельности средств позволяет все более расширять размах противоправных деяний и усиливать ущерб, наносимый интересам общества. Кроме того, легализация преступных средств позволяет скрыть первоначальную криминальную деятельность и способствует дальнейшему росту преступности в стране.

Один из руководителей Группы международных финансовых действий (GAFI) Э. Янг на Конференции стран – членов Совета Европы по проблеме отмывания денег в странах с переходной экономикой (Страсбург, 29 ноября – 1 декабря 1994 г.), в частности, отметила следующие негативные обстоятельства отмывания денег:

- преступные организации получают возможность финансировать свою дальнейшую деятельность;
- неконтролируемое использование преступными организациями отдельных финансовых учреждений в конечном итоге причиняет вред всей финансовой системе, особенно в странах с развивающейся экономикой;
- сосредоточение экономической и финансовой власти в руках преступных организаций в конечном счете может подрывать национальную экономику этих стран и демократические системы власти и управления [12, с. 22].

С учетом высокой степени общественной опасности легализации преступных доходов особая роль в борьбе с этим видом преступления отводится государству. Государство в лице своих органов и институтов осуществляет функции по созданию законодательной базы для судебного преследования лиц, виновных в легализации преступных доходов, вырабатывает соответствующие меры по предотвращению и снижению уровня негативных последствий от совершения такого рода деяний, координирует деятельность организаций финансового и нефинансового секторов, надзорных и контролирующих органов в рамках «антиотмывочной» деятельности.

В такой ситуации противодействие легализации преступных доходов все более приобретает не только правовой и экономический, но и политический характер.

История формирования мер, направленных на противодействие легализации преступных доходов, показала, что противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, следует осуществлять на основе общегосударственного комплекса мер по пресечению этого вида преступной деятельности.

В России в соответствии с международными стандар-

тами разработана двухуровневая система финансового мониторинга: первичный финансовый мониторинг и государственный финансовый мониторинг.

Фундаментом национальной системы противодействия легализации преступных доходов являются субъекты первичного финансового мониторинга. Ими являются в первую очередь организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом.

«Субъекты первичного финансового мониторинга осуществляют ряд обязательных процедур внутреннего контроля. В них можно выделить следующие основные блоки их прав и обязанностей:

- непосредственно организация системы внутреннего контроля;
- осуществление мер по установлению и надлежащей проверке клиентов;
- хранение и представление сведений в уполномоченный орган;
- сообщение о подозрительных операциях;
- приостановление операций и отказ в выполнении распоряжения клиента» [5, с.23-24].

Следующей ступенью противодействия легализации преступных доходов является деятельность субъектов государственного финансового мониторинга: Федеральной службы по финансовому мониторингу (ФСФМ) и ряда надзорных и иных государственных органов.

ФСФМ заменила собой Комитет по финансовому мониторингу и получила все его полномочия. ФСФМ является составной частью государственного аппарата и по своему правовому статусу относится к федеральным органам исполнительной власти.

В отличие от своего предшественника, ФСФМ не может издавать нормативные акты, за исключением тех случаев, когда это предписано указом Президента или Постановлением. Однако в любом случае полномочия ФСФМ достаточно велики. Так, ФСФМ осуществляет контроль и надзор за выполнением требований законодательства Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, привлечение к ответственности лиц, допустивших нарушение этого законодательства; осуществляет сбор, обработку и анализ информации об операциях (сделках) с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих контролю в соответствии с законодательством Российской Федерации; осуществляет проверку в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма полученной информации об операциях (сделках) с денежными средствами или иным имуществом, в том числе получает необходимые разъяснения по представленной информации. ФСФМ выявляет признаки, свидетельствующие о том, что операция или сделка с денежными средствами или иным имуществом связана с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или финансированием терроризма; осуществляет в соответствии с законодательством контроль за операциями и сделками с денежными средствами или иным имуществом; координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти в установленной сфере деятельности; взаимодействует в соответствии с международными договорами Российской Федерации с компетентными

органами иностранных государств и осуществляет с ними информационный обмен др.

Важная роль в обеспечении эффективности реализации механизмов финансового мониторинга принадлежит также целому ряду органов государственного контроля и надзора, одно из главных мест здесь занимает Центральный банк Российской Федерации

Согласно Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [3] в компетенцию Центрального банка входит разработка и проведение единой государственной денежно-кредитной политики, установление правил ведения банковских операций, осуществление валютного регулирования, определение порядка расчетов с иностранными государствами. Банк России совместно с кредитными организациями организует контроль всех проводимых ими финансовых операций в целях выявления фактов легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем.

Особая роль в противодействии легализации преступных доходов принадлежит правоохранительным органам. С целью упорядочения борьбы с отмыванием незаконных доходов, в мае 1999 года при МВД РФ был создан Межведомственный центр по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем. Однако в 2002 году он был упразднен в связи с недостаточной его эффективностью. Межведомственный центр занимался в основном аналитической работой и во многом дублировал деятельность Комитета по финансовому мониторингу. В настоящее время согласно Положению о Следственном комитете Российской Федерации [4] основными задачами Следственного комитета являются оперативное и качественное расследование преступлений, в том числе экономической направленности, организация и осуществление в пределах своих полномочий выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, принятие мер по устранению таких обстоятельств, осуществление в пределах своих полномочий международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

В то же время «В современном мире особое значение приобретают механизмы саморегулирования, когда субъекты общественных отношений имеют возможность самостоятельно устанавливать правила поведения и контролировать их соблюдение. Рост активности и ответственности участников гражданского оборота позволяет государству делегировать часть своих полномочий в определенных сферах институтам гражданского общества» [14, с. 34].

Институты гражданского общества, бизнес-структуры и рядовых граждан необходимо рассматривать в качестве неопенимых союзников в выполнении государством своих функций в сфере противодействия легализации преступных доходов. Участие институтов гражданского общества может выражаться как в форме общественного обсуждения подготавливаемых законодательных инициатив в сфере борьбы с отмыванием преступных средств, так и в качестве источников о подозрительной деятельности по управлению финансовыми потоками конкретных должностных лиц, государственных и муниципальных органов власти, а также незаконном обогащении чиновников, махинациях с бюджетными средствами.

Таким образом, политико-правовые меры противодействия легализации преступных доходов, по нашему мнению, сводится к следующему:

- развитие и совершенствование действующей российской национальной системы противодействия легализации преступных доходов;
- совершенствование национального законодательства с целью усиления борьбы с экономическими преступлениями, в том числе уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства страны, законодательства о банках и банковской деятельности, законодательства о валютном регулировании и валютном контроле;
- приведение российской нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем в соответствии с международными стандартами;
- совершенствование информационно-технологического обеспечения процесса сбора и обработки сведений, предоставляемых организациями в рамках противодействия легализации преступным доходам;
- развитие системы специализации и координации деятельности федеральных органов государственной власти по выработке и осуществлению стратегии борьбы с транснациональной организованной преступностью, пресечению деятельности по отмыванию ее криминальных доходов;
- развитие механизмов взаимодействия российских правоохранительных органов с зарубежными правоохранительными органами и специализированными международными организациями;
- совершенствование механизмов координации деятельности организации финансового и нефинансового секторов, контрольных и правоохранительных органов в области противодействия легализации преступных средств;
- вовлечение в деятельность по противодействию легализации преступных доходов институтов гражданского общества

ЛИТЕРАТУРА:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.03.2012)
2. Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»/Собрание законодательства РФ», 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3418.
3. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»/Собрание законодательства РФ», 15.07.2002, N 28, ст. 2790.
4. Положение о Следственном комитете Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 14 января 2011 г. N 38/Собрание законодательства РФ», 24.01.2011, N 4, ст. 572.
5. Булаев А. А. Финансово-правовые аспекты противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2010. С.26
6. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 1999. С.312
7. Ларичев В. Д. Совершенствование законодательства о борьбе с «отмывание» денег, полученных преступным путем.// Советское государство и право. 1992. № 11.
8. Кернер Х.-Х., Дах Э. Отмывание денег. Путеводитель по действующему законодательству и юридической практике. М., 1996. С. 240.
9. Материалы учебного пособия, подготовленного Институтом по изучению финансового мошенничества. Russian: Money Laundering, Currency reporting & Asset forfeiture. 1996.
10. Коротков В.Ю. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с легализацией (отмыванием) незаконных доходов: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1998. С.25
11. Курс криминалистики. Т.3/ Под О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. СПб.: Изд-во: Юридический центр Пресс, 2004.
12. Основы борьбы с организованной преступностью. / Под ред. В.С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. М., 1996. С.400
13. Преступность: стратегия борьбы /Под ред. А.И. Долговой. Криминологическая ассоциация. М., 1997. С. 256
14. Сморгунова В.Ю., Евлампиева Е.В., Шадрин Е.Г. и др. Школьная медиация как альтернативный способ разрешения конфликтов и фактор формирования правосознания молодежи: теория и практика. Коллективная монография. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2011. С.128

ОБЫЧНОЕ ПРАВО И ПРИРОДООХРАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОДНЫХ ЖИВЫХ РЕСУРСОВ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Иванова Ж.Б.,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского права,
Коми республиканская академия государственной службы и управления докторант,
Российский университет дружбы народов

Ключевые слова: обычное право, законы об охране рыбных запасов, водные животные, рыбная ловля, указ, закон, уложение, Свод законов, циркуляры, ответственность

Key words: ordinary law, legal acts on guidance of fish reserves, water animals, fishing, law, decree, code, Code of laws, instructions, responsibility

Аннотация. В статье рассматривается деятельность государства по охране и разумному потреблению водных животных, рыбных запасов при формировании и развитии Российского государства.

The paper focuses on state's activity in the sphere of guidance and rational use of water animals, fish reserves in the period of formation and development of Russian state

Проблема взаимодействия общества с природой существовала во все времена. Уже в период «первобытнообщинного» строя возник определенный «кодекс поведения человека по отношению к природе. Такой кодекс существовал во всех культурах, у всех народов. Представление о природоохранных идеях в законодательствах античных государств даёт трактат Платона «Законы»¹. Земля рассматривалась как государственная собственность. Забота граждан о земле должна быть больше, чем любовь детей к матери. Поощрялась охота, но запрещалась охота ночью, добыча рыбы с применением ядов – «соков, мутящих воду» и т.д.

История становления законодательства России о защите животного мира, как отмечает В.Г.Пушкарев, начинается с момента образования государственности страны. Уголовно-правовые нормы о незаконной добыче водных животных представляют обширный исторический материал. В связи с актуальности проблемы проанализируем основные вопросы уголовной ответственности за незаконную добычу водных животных на основе обзора отечественных источников в сравнении с законодательствами зарубежных государств, отражающих особенности понимания термина «браконьерство» и борьбы с этим явлением².

При первобытно-общинном строе охота и рыболовство составляли промысел, доступный для каждого, и служили одним из средств существования целых племен. На этом этапе пользование природными ресурсами не подлежало никаким ограничениям, за исключением сложившихся обычаев, которые впоследствии легли в основу права. С момента возникновения первых писаных законов на Руси до упоминания о фауне в уголовно-правовых актах находит свое отражение в следующих случаях:

- во-первых, как посягательство на животный мир, являющийся собственностью определенных категорий населения. Право собственности на фауну в данных случаях

производно от права собственности на воды и землю;

- во-вторых, охота и рыболовство как деятельность, облагаемая определенными видами налогов, сборов, выкупов, даней, таможенных платежей;

- в-третьих, регулирование способов добычи животных на основе церковных запретов, норм о воинских преступлениях, торговых уставов;

- в-четвертых, рассмотрение с середины XIX века преступного покушения на фауну в качестве непосредственного объекта экологических преступлений (с точки зрения современной терминологии)³. Таким образом, законодательство России на ранних стадиях осуществляло защиту животного мира путем установления ответственности за экономические, налоговые, религиозные, военные и иные преступления, где общественные отношения, регулирующие естественное развитие фауны, выступали как дополнительный объект.

Первым источником, содержащим уголовно-правовую санкцию за посягательство на фауну, была «Русская Правда»⁴. Принцип защиты частновладельческих прав по мере развития феодальных отношений в Русском государстве затрагивал, в основном, сферу охоты, рыболовства и лесопользования. Русские летописи упоминают зверинцы и ловища, в которых сберегали дичь для княжеских охот, где никто не имел права охотиться без разрешения князя.

Защищая право собственности на землю, орудия лова, законодатель регулировал и добычу дичи. Первым животным, являющимся предметом преступления, был речной бобр. В статьях 69 и 70 «Русской Правды»⁵, определена ответственность за кражу бобра, предусматривавшая штраф в 12 гривен, то есть такое же наказание, как за убийство холопа⁶, так как бобры и иные ценные породы зверей считались собственностью князя.

После «Русской Правды» важными для Руси источниками уголовного права выступали Уставные и Судебные грамоты. В Смоленской Уставной грамоте⁷, датированной Л.В. Алексеевым 1217-1218 годами⁸, животный мир упоминается только как вид пошлин с городов смоленской земли в пользу епархии. В статье девятой грамоты князь

1. Платон. Законы. Полное собрание сочинений в 15 томах. Л., 1928. Т. 14. С. 1-272.

2. Пушкарев В.Г. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных животных и незаконную охоту. Дис. канд. юрид. наук. Красноярск. 2005.

3. Пушкарев В.Г. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных животных и незаконную охоту. Дис. канд. юрид. наук. Красноярск. 2005.

4. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 64.

5. Российское законодательство X-XX веков, в 9 т. М., 1985. Т. 2. С. 191.

6. Правда Русская. Т. 2. Комментарии. М.-Л. 1947. С. 549.

7. Там же. С. 212.

8. Указ. соч. С. 223.

передал церкви зависимых людей с семьями, среди которых есть и охотник, который должен был поставлять к столу дичь. Устанавливая животных, собираемых в виде пошлин, законодатель перечисляет и орудия лова, а также размер дани с участков, отведенных для разведения бобров и для охоты на зверя. Отметим, что монастырские земли занимали особое место среди иных охотничьих угодий. В них не могли охотиться даже княжеские ловчие. Монахи создавали и первые заповедники, например, Соловецкий и Саратовский монастыри запретили охоту на птиц, лосей, медведей и иных животных».

Псковская и Новгородская судные скамьи упоминают о фауне связывая со спорами о владении землей и возможностью кочетника «заложить весну»⁹, то есть продать наперед часть будущего улова. Судебники Ивана III (1497 год) и Судебник 1550 года и Судебник 1589 года статей об охране фауны не содержали. Косвенное упоминание о фауне имеется в Губной Белозерской грамоте 1539 года. В грамоте перечислены различные «специальности» промысловиков: осочники, перевесники, рыболовы и бобровики, что говорит о большой значимости данных видов деятельности¹⁰.

Законодательство XV – XVI веков надежно охраняло природные объекты великокняжеских, монастырских и общинных владений от посягательств на них сторонних лиц. В Уставных и Жалованных грамотах за самовольную ловлю рыбы и бобров вводился двухрублевый штраф. В 1635 году в Пермь Великую была направлена царская грамота «О воспрещении ловить капканами бобров и выдр»¹¹.

Соборное уложение 1649 года¹² содержит составы преступлений, посягающих на животный мир: за насильный вылов рыбы, бобров и выдр из прудов и садов. Вероятно запрет распространялся на все объекты природопользования независимо от формы собственности. Однако не был конкретизирован способ рыбной ловли, виды рыбы, ее количество, сроки вылова. Статья 18 главы 9 Уложения регулировала порядок беспрепятственного судоходства при строительстве плотин, что регулировало вопросы рыболовства, позволяла устранять препятствия для прохода рыбы на нерест. Статьи с 214 по 217 главы 210 Соборного уложения предусматривали ответственность за вредительство охотничьим угодьям, независимо от форм собственности, а также за кражу животных со спорных участков. Так, за самовольную ловлю рыбы и бобров вводился двухрублевый штраф, из которого один рубль шел наместникам, а второй в пользу тех, чьи права были нарушены¹³.

Важно указать, что в XVII веке в России появилась потребность в регулировании добычи объектов животного мира для предотвращения истощения природных ресурсов. Поэтому регламентировались и способы добычи, и размеры добываемых видов животных, и места промысла. Основным методом регулирования был запрет. Предусма-

тривалось наказание от штрафа до тюремного заключения в зависимости ототягчающих обстоятельств совершенного преступления. Кроме того, для регулирования соболинного промысла, ставшего в XVII веке хищническим, в Сибири были объявлены заповедными целые районы. Принятый в 1676 году царский указ «О порядке ловли рыбы в Плещеевом озере» предписывал ловить только большую сельдь. За ловлю мелкой «старостам и рыбным ловцам быть в смертной казни»¹⁴. В целом Соборное уложение 1649 года позволило значительно продвинуть вперед деятельность по охране фауны: различные нормы регулируют добычу рыбы и дичи, хотя интересы природы и не являются главенствующими в их принятии. Новоторговый устав от 22 апреля 1667 года¹⁵ ввел должность контаря на рыболовецких судах, в обязанность которого вменялся качественный и количественный учет добытого.

Уголовное законодательство времен Петра I было направлено на более рациональное использование и охрану рыбных ресурсов: устанавливался порядок облова водоемов, правила рыболовства. Указ от 6 января 1704 года запрещал самоловы-переметы, так как не только «великой», но и мелкой рыбе было невозможно пройти вверх на икрометание. В 1721 году Петр I издал Указ об охране обыкновенной жемчужницы, населяющей реки Севера России, в котором отмечалось, что много жемчужниц вылавливается в такое время, когда «жемчуг еще в доброту своей чистоты не придет». «Всем обывателям, кто бы какого звания ни был», запрещалось добывать жемчуг в реках Новгородского, Ржевского и Торопецкого уездов, где ее разрешалось ловить только три месяца (июль, август, сентябрь)¹⁶.

В XIX веке Российское право претерпело значительные изменения. В области уголовного права был принят новый закон - Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года. Данное Уложение уделило существенное внимание посягательствам на живую природу. Большая часть норм о защите фауны отражена в главе «О нарушениях постановлений для обеспечения народного продовольствия». Уголовная ответственность была предусмотрена за истребление служащими в пищу диких животных и рыбы.

Преступлениями признавались самовольное создание рыбных заводов, незаконный улов рыбы, непринятие должностными лицами мер по прекращению охоты, звериной и птичьей ловли в запрещенное время, в запрещенных местах, торговля добытого в запрещенное время дичью. Таким образом, кроме незаконной охоты и рыбной ловли, законодатель криминализирует и прикосновенность к данным видам преступления, предусмотрев специальные составы для должностных лиц, попустительствовавших разорению фауны. Уложение содержало нормы, охраняющие право собственности владельцев угодий. Но в то же время хозяевам промысловых территорий было запрещено хищническое истребление «своих животных» под страхом уголовного наказания. Сознание исчерпаемости биологических, животных ресурсов дикой природы явилось не последним фактором становления приручения и разведения животных производящего типа хозяйственной деятельности.

9. Насимович А.А. Дореволюционный период в развитии заповедного дела // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М., 1979. С. 8.

10. См. подробнее по: Пушкарев В.Г. «Уголовная ответственность за незаконную добычу водных животных и незаконную охоту». Дис. канд. юрид. наук. Красноярск. 2005.

11. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 83.

12. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 83. 13 Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 83.

13. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 83.

14. Там же. С. 430.

15. 15 Российское законодательство X-XX веков, в 9 т. М, 1986. Т.4. С. 117.

16. Полное собрание законов – П. Т. 9, № 8730.

С проведением крестьянской реформы произошел новый всплеск законо-творческой деятельности. В правилах «О порядке приведения в действие положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»¹⁷ в ст. 6 и 33 записано, что особо доходные статьи и угодья, к каковым отнесены рыбные ловли, могут остаться как в распоряжении помещика, так и перейти к крестьянам.

Действовавшие в империи законы о зверином, морском промыслах, речном рыболовстве изложены, главным образом, в т. 12 Свода законов, в Уставе сельского хозяйства. Но к названным законам издавались отдельные дополнения в виде законодательных актов и распоряжений о рыболовстве, плавании рыбачьих судов в море, о льготах для рыбаков по судостроению, о праве собственности на воды речные, озерные и морские, о взысканиях за нарушение правил рыболовства, боя тюленя, за ловлю устриц, котиковый промысел и т. п. В Свод законов не включены конвенции, заключенные Россией со Швецией и с Румынией о рыболовстве в пограничных с этими странами водах. Министерствами государственных имуществ, земледелия издавался ряд инструкций и циркуляров по рыболовству.

В 1903 году Департаментом Земледелия был издан Сборник обязательных постановлений и местных актов по рыбопромышленности, содержащий все правила, изданные на местах. Собрания же законов и распоряжений центральных органов по рыболовству практически не существовало, если не считать книгу Д. Клексора «Действующее законодательство по водному праву» (СПб. 1903), в которую, однако, вошли далеко не все законы по рыболовству, и «Сборник действующих узаконений о торговом мореплавании», изданный Главным Управлением Торгового мореплавания и Портов (СПб, 1903), в котором не были включены разнообразные инструкции.

Распоряжение министерства внутренних и духовных дел «О соблюдении арендаторами рыбной ловли правил рыбного хозяйства» от 19.02. (02.03. нов. ст.) 1848 года было включено в (Сборник административных постановлений Ведомства внутренних и духовных дел» 1867 г.). В разделе «Общие правила рыбного хозяйства» для арендаторов государственных имуществ при ловле рыбы в прудах, озерах и реках, состоящих в ведении казны, указывались следующие правила: 1) предохранять рыбу от ловли во время метания ею икры и те сорта рыбы, которые поймали в несоответственное время, выпускать в воду обратно; 2) не употреблять для рыбной ловли отравы острия, ружья; 3) во всех прудах, озерах сохранять и разводить известное количество соответственно местности; 4) мелюзги отборных сортов рыбы не ловить; 5) для предохранения от истребления мелюзги отборных и нехищных родов там, где находится несколько прудов, следует хищные роды рыб переводить в нижний.

9 марта 1892 года министром Государственных имуществ был издан циркуляр «О принятии мер к прекращению незаконных способов рыбного лова» в связи с наличием многочисленных фактов (сигналов) о производстве лова рыбы посредством заколов, сетей, коробов и других орудий, устанавливаемых во всю ширину рек и речек, что идет в нарушение ст. ст. 216, 217 Свода законов (т. XII, ч. 2 изд. 1886 года). В циркуляре рекомендовалось «строжайше усилить наблюдение за пресечением и недопущением

таких незаконных способов рыбного лова и о привлечении виновных к ответственности».

14 октября 1899 года принят циркуляр за № 1174 министерствами земледелия и государственных имуществ, направленный губернаторам, «О принятии мер к прекращению лова рыбы ядовитыми и сильнодействующими веществами». В нем отмечалось, что участился лов рыбы во многих местах путем отравления ее известью и кукельваном. Такие приемы лова, направленные против массы рыбы, которая, однако, не вся попадает в руки рыбаков, поскольку большая часть отравленной рыбы тонет, или уносится течением, должны быть признаны хищническими и крайне вредными.

В Своде законов Российской империи (т. XII, ч. 2) в разделе «О звериных и рыбных промыслах» закреплено положение о порядке производства звериных и рыбных промыслов в Северном океане и Белом море. Отмечено, что «никому в особенности не возбраняется заниматься рыбным и звериным промыслом на Северном океане и Белом море». Жителям поморского края Архангельской губернии (за исключением г. Архангельска) дозволялось для облегчения промыслов получать таможенные паспорта на рейсы в Норвегию не только на 1 лето, но и на 2 года, а для промыслов на Новую Землю и на продолжительное время. Для устройства заводов по обработке продуктов китобойного промысла могли отводиться участки земли на Мурманском берегу, требовалось соблюдение следующих условий: китобойный промысел в районе начинать не ранее 1 июня, когда рыбные промыслы уже прекращаются, и протяженность участков по берегу моря не должна превышать 250 сажен (ст. 285).

Запрещен морской котиковый промысел. Допускался промысел морских котиков на суше лишь с разрешения правительства на определяемых им основаниях. Закреплен порядок осуществления Устьянского тюленьего промысла: бой лысунов в Мезенском заливе Архангельской губернии. «Для назначения времени начала промыслов и наблюдения за порядком» на каждое трехлетие промыслов избирались старосты от разных населенных пунктов. Старосты собирались в г.Мезени и назначали день выхода в море (не позднее Благовещения – 25 марта). Виновные в нарушении правил промысла подвергались взысканию по ст. 57 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, изъятием всей добычи. Взыскание определялось с каждой лодки, в которой находились нарушители (ст. 57 за рыбную или иную ловлю в запрещенное время, в недозволенных местах, запрещенным способом или без соблюдения предписанных правил виновные подвергались денежному взысканию не более 25 рублей)¹⁸.

В разделе «О рыбной ловле в реках Архангельской губернии, впадающих в Белое море и Северный океан, и в притоках этих рек» запрещалось употребление сетей с ячеями, имеющими менее полувершка от узла до узла». Это «не относится к орудиям, которыми производится лов морской рыбы, мойвы и песчанки. В таких орудиях ячеи могут быть меньшей величины». Архангельскому губернатору предоставлялось право разрешать употребление орудий с более мелкими ячеями для ловли мелких пород рыб: ершей, ельца, уклеи, корюшки, ряпушки, сельди и др.

Запрещалось устраивать заборы и заколы по всему те-

17. 17 Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1987. Т.5. С. 174.

18. О звериных и рыбных промыслах. СПб. Тип. Я.А.Кантаровича, 16.02.1900. С. 13.

чению реки Печоры. Заборы и заколы по другим рекам Архангельской губернии, впадающим в Белое море и Северный ледовитый океан, их притокам дозволялось устраивать там, где они существовали до 06.01.1870 года, или же где с разрешения министра государственных имуществ. Но и в этих заборах и заколах оговаривались обязательные ворота, совершенно свободные для прохода рыбы. Ижи, язы, заездки, фитили и т.п. снаряды из тонких жердей, веток «дозволяются с тем, чтобы они не занимали более 1/3 ширины реки или притона от каждого берега и должны быть расположены ближе полуверсты один от другого.

Длина поплавной по речке Кулою, других реках Архангельской губернии не должна превышать половины ширины реки и они не должны применяться как ставные сети; «т.е. не должны прикрепляться обоими концами к берегам или ко дну реки». Также невода не должны употребляться как ставные сети, невода нельзя допускать, чтобы одновременно в воде находилось 2 и более невода. «Пушальницы, ставные сети, а также ряды верш, мережек, нерш или вентерей как в летнее, так и в зимнее время должны быть выставляемы в реках, протоках и висках не далее как на 1/3 ширины их от каждого берега так, чтобы средняя часть водовместилища оставалась совершенно свободной для прохода рыбы и была означена каким-либо знаком»¹⁹

Лов стерляди самоловной крючковой снастью в реке Северная Двина допускался, когда расстояние крючков друг от друга должно быть не менее 12 вершков и порядки или ярусы крючков могли быть от каждого берега не более как на 1/3 ширины всей реки. Лов острой лох с 01.09. по 15.10 полностью запрещался.

Наблюдение за исполнением изложенных правил возлагалось на волостную и уездную полицию. Кроме того, для наблюдения за правильным употреблением плавных сетей, а равно неводов на реках Кулою, Печоре, Мезени, где преимущественно использовались эти орудия лова, устанавливался общий надзор от выборных жителей сел Немноги и Долгой Щели; Красноборской и Устьцилемской волостей; Погорельской и Дорогогорской волостей. С этой целью жители названных сел и волостей избирали ежегодно из своей среды по 3 депутата на 1 год. Подобный надзор мог быть установлен Архангельским губернатором и в других

местностях Архангельской губернии, где будут замечены злоупотребления при ловле рыбы.

За нарушения изложенных правил определялись следующие наказания: 1) За устройство на р. Печоре, других реках, впадающих в Белое море и Северный океан, недозволённых заборов, заколов, виновные подвергались денежному взысканию по 5 рублей с каждой погонной сажени перегороденного протока: заборы и заколы уничтожались за счет виновных, 2) За отсутствие в заборах ворот виновные подвергались денежному взысканию по 5 рублей за каждую погонную сажень должной ширины ворот. В случае повторения нарушения дополнительное взыскание удваивалось, а при совершении нарушений в третий раз – заборы и заколы не только уничтожались за счет виновных, но и запрещалось их возобновление в следующем году. За все прочие нарушения виновные подвергались взысканиям по ст. 57 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Лица же, изобличившие нарушителей в незаконной рыбной ловле, получали вознаграждение в размере половины денежного взыскания, причитавшегося с виновного.

Предусматривалась возможность выдачи денежных ссуд нуждавшимся рыбопромышленникам Архангельской губернии «от 2 до 4 лиц, если все участники артели уроженцы Архангельской губернии, русские подданные и не состоят хозяевами морских рыболовных промысловых заведений на Мурмане, содержащими там рабочих»²⁰

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, (1885 г.) определял строгие меры к нарушителям рассматриваемого законодательства. За производство ловли моржей, тюленей и вообще животных этого вида ранее 23 марта каждого года, виновные подвергаются денежному взысканию не свыше 1000 рублей, причем половина взыскания обращается в казну, другая же в пользу лица, обнаружившего нарушителей. За производство котикового промысла виновные подвергались заключению в тюрьме от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев. Орудия лова, добыча и суда со всем инвентарем конфисковывались. За истребление рыбы в прудах и реках посредством отравления воды ядовитыми или сильнодействующими веществами виновные подвергались заключению на время от 4 до 8 месяцев (ст. 1624).

19. Там же. С. 16-17.

20. О звериных и рыбных промыслах. СПб. Тип. Я.А.Кантаровича, 16.02.1900. С. 17.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ПОРНОГРАФИИ: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Исаев Н.А.,
доктор юридических наук, профессор

Ключевые слова: порнография, исторические аспекты оборота порнографии, законодательное регулирование, интернет и порнография, общество потребления

Key words: pornography, historical aspects of pornography circulation, legal regulation, internet and pornography, society of consumers

Аннотация. В статье рассматривается историческая ретроспектива законодательного регулирования феномена порнографии. Проведя сравнительно-исторический анализ автор приходит к выводу, что регулирование оборота порнографии должно производиться не жесткими, репрессивными мерами и насильственным ограничением, а мягкими – изменением качества культуры, ее доступностью массам, их обращенностью к нравственным идеалам.

The paper focuses on the history of legal regulation of pornography. Having made a comparative historic research the author comes to the conclusion that pornography regulation must be conducted by means of mild and not strict measures through qualitative changes in culture, available to masses of people, appealing to moral values.

«Взрыв эротики, ее быстрое распространение происходят одновременно с глубокими изменениями во взаимоотношениях полов, в индивидуальном отношении к телу и сексу. он отражает реальную и новую во всех отношениях настоятельность сексуальных проблем, но верно также, что сексуальная «афиша» современного общества является также гигантским алиби для этих самых проблем и систематически их оформляя «официально», придает им ложную видимость свободы, которая маскирует их глубокие противоречия.»

Жан Бодрийяр «Общество потребления».

Решение написать очерк по истории регуляции оборота порнографии в цивилизации Запада продиктовано тем, что прописной истиной является факт, что история чему-то учит, но как хорошо известно большинство исторических ошибок как правило повторяются с удивительной регулярностью. Существование уголовно-правовых запретов на оборот порнографии не только не решает проблем, так как они находятся в не правовой области в целом, но и может привести при усилении этой борьбы к новой «охоте на призраков», одним из первых претендентов на роль которого может претендовать феномен порнографии. В связи с этим поставленная задача кратко обратится к истории является вполне оправданной, ни в коем случае не претендует на универсальность или завершенность.

Рассматривая исторические аспекты феномена порнографии, О.С. Капинус и В.Н. Додонов отмечают: «Для каждого исторического периода характерно собственное определение порнографии (будь то легальное или доктринальное), отражающее присущие данному обществу взгляды на границы дозволенного и недозволенного в сфере свободы слова, свободы творчества, а также свободы сексуальной жизни. Чем более свободным и либеральным является общество, тем более узким и объективным

(т.е. менее оценочным) будет признаваемое в нем определение понятия «порнография». И тем строже характер, присущий трактовке этих определений, исходящих от правоприменителя»¹.

Если с первой частью приведенной цитаты можно безусловно согласиться, то вот с позицией соотношения либеральности и свободы общества и пониманием в нем границ порнографичного, непристойного, аморального и т.д. - нет. Для примера хочется привести фрагмент статьи №27 Аннотированного Кодекса штата Мэриленд (1979), Раздел 554, «Противоестественное или извращенное сексуальное поведение»: «Любой человек, обвиняемый в том, что он или она берут в свой рот сексуальный орган другого человека или животного, или те, которых собираются обвинить в том, что они вводят свой сексуальный орган в рот другого человека или животного, а также те, которых собираются обвинить в совершении какого-либо иного противоестественного или извращенного акта с человеком или животным, облагаются штрафом на сумму, не превышающую 1 тысячу долларов, либо заключаются в тюрьму, исправительный дом или пениitenciарий на период, не превышающий 10 лет, либо одновременно облагаются штрафом и заключаются в тюрьму в пределах указанных выше по усмотрению суда.

Кроме того, в любом обвинительном акте, представленном на рассмотрение комиссии по любому из названных действий, которые в данной статье декларируются как преступления, не только нет необходимости описывать специфическое противоестественное или извращенное сексуальное действие комиссии, которая будет выносить заключение обвиняемому, а также описывать – каким конкретно способом был совершен указанный противоестественный акт, но и будет достаточно, если в обвинительном акте будет сказано лишь, что обвиняемый совершил известный противоестественный или извращенный сексуальный акт по отношению к человеку или животному»².

Выделенные в приведенном тексте фрагменты уж никак не являются объективными и менее оценочными, а штат Мэриленд, как известно, находится в государстве, которое считается оплотом свободы и колыбелью либерализма.

Проследим кратко основные исторические моменты, связанные с регуляцией оборота порнографических материалов в исторической ретроспективе.

Изображениями отдельных натуралистических сексуальных сцен, выполненных скульпторами и художниками вплоть до эпохи Возрождения, изобилуют многочислен-

1. Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за порнографию в современном уголовном праве. // Право и политика №12(84), 2006. – С.109.

2. Цит. по: Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. – М., Спарк, 1999. – С.36.

ные музей мира, однако в силу их историчности в настоящее время никто к порнографическим их не относит. Во времена их создания, вероятно, всегда возникали споры о пристойности того или иного изображения, картины, рисунка или скульптуры. Леонардо да Винчи писал: «Акту совокупления и членам, какими он осуществляется, присуще такое безобразие, что если бы не было красоты лиц, украшений участников и безудержного порыва, природа утратила бы род человеческий»³.

С возникновением в Западной Европе печатного станка начинается период, который называют «галактикой Гуттенбеога». Термин «Галактика Гуттенберга» введен Машалом Мак-Люэном в его одноименной работе, носившей революционный характер для нашего понимания информационных процессов в историческом развитии⁴. Письменность, по Мак-Люэну, лежит в основе всех технологий Западной цивилизации и определяет формы человеческого общения и сознания. Именно письменность раскалывает аудиотактильное единство сознания древнего человека и выдвигает на первый план визуальные формы восприятия, технология печати довершает указанный раскол.

Профессор Сорбонны П. Дюби отмечал: «Революция печатного дела, позволившая распространять Священное Писание, одновременно способствовала развитию в XVI в. непристойной литературы, как бы в пику навязываемой покаяной добродетели. С одной стороны, в период между 1445 и 1520 гг. по меньшей мере 75% типографской продукции составляли религиозные произведения: в 1520 г. увидели свет шесть тысяч шестьсот экземпляров Библии на немецком языке и тринадцать тысяч пятьсот – на других языках, а также ста двадцати тысяч Псалтырей и сто тысяч томов Нового Завета.

В то же время Брантом не раз в своих сочинениях описывает любовные позы, то же самое делает Аретин, изображавший знатных придворных дам в самых смелых ракурсах (в свою эпоху он имел примерно ту же репутацию, что и маркиз де Сад в XIX в.)»⁵. В заключении своего сравнительно-исторического исследования, П. Дюби отмечает, что «оскорбление добрых нравов» и ересь в широком смысле слова быстро и радикально изменяют общество⁶.

Изобретение в книгопечатании повлекло за собой развитие контроля над этим процессом, так называемой цензуры; одновременно с книгами появились и книжные аутодафе, когда тиражи запрещенных книг сжигались на кострах, иногда вместе с их автором, как это было с Джордано Бруно.

В этой связи, Маргарет Балд отмечала: «Когда окидываешь взглядом века существования цензуры и видишь потрясающий воображение список книг и авторов, чьи произведения были запрещены, поражаешься тому, насколько абсурдно неэффективными и бесполезными всегда были эти меры»⁷. В коллективном сборнике «Сто запрещенных книг: цензурная история мировой литературы» есть отдельная глава: «Литература, преследовавшаяся по сексуальным мотивам», где приводится перечень книг, в различное время запрещенных, как непристойная и порнографическая литература; некоторые из этих книг в отдельных государствах остаются под запретом до настоящего момента времени. Приведем перечень некоторых книг: Т. Драйзер «Американская трагедия»; «Тысяча и одна ночь»; Д.Г. Лоуренс «Влюбленные женщины»; Г. Флобер «Госпожа Бовари»; Дж. Боккаччо «Декамерон»; Ж.-Ж. Руссо «Исповедь»; «Камасутра»; Вольтер «Кандид»; Л. Толстой «Крейцерова соната»; В. Набоков «Лолита»; Д.Г. Лоуренс «Любовник леди Чаттерли»; Д. Дефо «Моль Флендрес»; Овидий «Ars Amatoria»; Г. Миллер «Тропик рака»; Дж. Джойс «Улисс»; Ш. Бодлер «Цветы зла» и ряд др. Как видим, в списке – большинство произведений, которые включены в программы ведущих мировых университетов и школ. К числу запрещенных относился роман лауреата Нобелевской премии по литературе, профессора Корнельского университета Владимира Набокова, на что автор писал: «То, что мой роман содержит немало ссылок на физиологические позывы извращенного человека – отрицать не могу. Но в конце концов мы не дети, не безграмотные малолетние преступники и не питомцы английского закрытого среднеучебного заведения, которые после ночи гомосексуальных утех должны мириться с парадоксальным обычаем разбирать древних поэтов в «очищенных» изданиях»⁸.

Исторически, один из первых процессов о непристойности проходил в Англии в 1727 году, когда обвинитель Суда королевской семьи в Вестминстер-холле сэр Филипп Йорк произнес речь, не потерявшую своей актуальности и в настоящее время. Он сказал: «Я настаиваю на утверждении, что это преступление... ведет к развращению нравов подданных короля. Благодеяние предполагает, что порядок считается нарушенным даже в тех случаях, когда не было совершено явное насилие... Я не стану утверждать, что каждый аморальный поступок, например обман, должен быть рассмотрен в суде, но если он оказывает разрушительное воздействие на нравственность в целом, если влияет или может повлиять на королевских подданных – это преступления общественного уровня»⁹.

К началу XIX века Европа имела в своих уголовных законодательствах нормы, охраняющие мораль и пристойность в отношениях полов. Германское уложение от 1871 года оперировало понятием «бесстыдные произведения», которые направлены на возбуждение полового инстинкта и грубо нарушают пристойность в половом отношении¹⁰.

Следующим техническим новшеством, внесшим революционные преобразования, стало изобретение фотографии и кинематографа. «Фотокамера склонна превращать людей в вещи, а фотография распространяет и размножает человеческий образ в масштабах свойственных товарам массового производства» пишет Мак-Люэн¹¹. Мир фотографии создал возможность безграничного создания новых визуальных ценностей.

Следующим техническим новшеством, внесшим революционные преобразования, стало изобретение фотографии и кинематографа. «Фотокамера склонна превращать людей в вещи, а фотография распространяет и размножает человеческий образ в масштабах свойственных товарам массового производства» пишет Мак-Люэн¹¹. Мир фотографии создал возможность безграничного создания новых визуальных ценностей.

3. Леонардо да Винчи цит. по: Батай Ж. История эротизма. – М., Логос, 2007. – С.7.

4. Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга. Сотворение печатной культуры. – Киев, Ника-Центр, 2004.

5. Дюби П. Этнология спальни. – М., NOTA BENE, 2004. – С.141-142.

6. Дюби П. Этнология спальни. – М., NOTA BENE, 2004. – С.142.

7. Балд М. цит. по: Балд М., Евстратов А., Каролидес Н. Дж., Соува Д. Б. Сто запрещенных книг: Цензурная история мировой литературы. – М., Ультра.Культура, 2004. – С.5.

8. Набоков В. Цит по: цит. по: Балд М., Евстратов А., Каролидес Н. Дж., Соува Д. Б. Сто запрещенных книг: Цензурная история мировой литературы. – М., Ультра.Культура, 2004. – С.406-407.

9. Савельева О. Грязное порно или крылатый эрос? / Бизнес-адвокат. – 2000. №9. – С. 54.

10. Люблинский П.И. Преступления в области половых отношений. – М.-Л., 1925. – С.209-210.

11. Мак-Люэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М., 2007. – С.213-214.

4 мая 1910 г. в Париже было принято «Соглашение относительно пресечения порнографических изданий»¹², на основе которого в Женеве 12.9.1923 г. была принята международная Конвенция «О борьбе с распространением и торговлей порнографическими изделиями», к которой 08.7.1935 г. присоединился СССР¹³.

В соответствии с женеvской Конвенцией, «Стороны соглашаются принимать всяческие меры в целях раскрытия, преследования, и наказания всякого, кто окажется виновным в одном из действий, перечисленных ниже, и вследствие этого постановляют, что подлежат наказанию:

1. Изготовление или хранение сочинений, рисунков, гравюр, картин, печатных изданий, изображений, афиш, эмблем, фотографий, кинематографических фильмов или других порнографических предметов, с целью их продажи или распространения, или же публичного их выставления;

2. Ввоз, провоз, вывоз лично или через другое лицо в вышеуказанных целях перечисленных сочинений, рисунков, гравюр, картин, печатных изданий, изображений, афиш, эмблем, фотографий, кинематографических фильмов или других порнографических предметов, или пуск их тем или другим путем в обращение;

3. Торговля ими даже не публичная, совершение с ними всяких операций какого бы то ни было вида, распространение их, публичное их выставление или же сдача их, в качестве профессии, в прокат;

4. Анонсирование или оглашение каким бы то ни было путем, в целях поощрения оборота или торговли, подлежащих пресечению, что какое-либо лицо занимается одним из перечисленных выше наказуемых действий, анонсирование или оглашение, как и через кого эти сочинения, рисунки, гравюры, картины, печатные издания, изображения, афиши, эмблемы, фотографии, кинематографические фильмы или другие порнографические предметы могут быть получены, либо непосредственно, либо через чье-либо посредство».

В соответствии с конвенцией в СССР был издан всесоюзный Закон «Об ответственности за изготовление, хранение, рекламирование порнографических изделий, изображений и иных предметов и за торговлю ими». После этого уголовные кодексы всех республик были дополнены самостоятельными статьями о порнографии, которые воспроизвели, по существу, текст Закона с санкцией в виде лишения свободы сроком до 5 лет и с тех пор до момента распада СССР почти не подвергались существенным изменениям.

Следующей исторической вехой связанной с оборотом порнографии является эпоха Интернет. Однако в России как Интернет, так и законодательство, связанное с ним, является довольно молодым и несовершенным, поэтому попробуем обратиться к опыту США (где собственно, как мы помним, и зародился первый прообраз Интернета), столкнувшихся с указанным спектром проблем гораздо ранее России и имеющих на данный момент действительно работающую законодательную базу, направленную на защиту нравственности несовершеннолетних.

Для начала рассмотрим общие принципы и требования к Интернету и электронной почте, приведенные в Доку-

ментах Международной торговой палаты (МТП, 1998г.): Ст.6, 1998 г. МТП, предписывает следующее: рекламода-тели и маркетинговые службы, предлагающие в режиме онлайн товары или услуги для детей, должны:

- не использовать естественную детскую доверчивость либо отсутствие опыта у молодых людей и не испытывать их чувство лояльности;

- не включать любое содержание, которое может причинить вред детям;

- идентифицировать материалы, предназначенные исключительно взрослым;

- поощрять участие родителей (либо лиц, их заменяющих) в онлайн-одеятельности детей, а также осуществлять надлежащий контроль;

- маленькие дети должны получать разрешение родителя (либо лица, его заменяющего) на ознакомление с информацией в Интернете;

- родители должны иметь доступ к информации о возможности защиты тайны частной жизни детей в онлайн-оде¹⁴.

Кроме того, довольно много законодательных актов, непосредственно направленных на защиту подрастающего поколения от развращенности в Интернете. Так, пункт 7 части «А» § 106 «Непристойность», титул 14 «Уголовного законодательства Свода законов штата Луизиана (США)»¹⁵, гласит: «Ни одно лицо, осознавая, что содержание рекламы носит выраженный сексуальный характер, как определено в настоящем параграфе, не может передавать подобных материалов без включения в начале строки темы рекламы «ADV-ADULT»/ «Б». Понятие «выраженный сексуальный характер, используемое в настоящем параграфе», предполагает графическое изображение секса, сексуальной активности, наготы, аудио - файлы подобного содержания, и т.д.»

Ст.45.50.479 «Ограничение электронной корреспонденции» Главы 50 «Конкурентная практика и ограничение конкуренции» (Титул 45 «Торговля и коммерция» Свода законов штата Аляски (США) также запрещает передачу посредством электронной связи коммерческой информации сексуального содержания в случае, если в строке темы отсутствует пометка «ADV :ADULT» в качестве первых восьми букв¹⁶.

Ст.4-88-602 и 4-88-605 Раздела 6 «Закона о препятствовании рассылке незатребованной корреспонденции, содержащей материалы коммерческого и сексуального характера Главы 88 «Методы торговли, вводящие в заблуждение потребителя, а также подтитул 7 «Защита потребителя, титул 4» «Закона о бизнесе и коммерции» Кодекса законов штата Арканзас (США) предписывает целую цепочку действий, необходимых для осуществления при отправке спама. Законодателем сюда включены:

1. Обязанность отправителя отобразить о себе полную информацию, позволяющую полностью идентифицировать его;

2. Электронная почта, содержащая материалы сексуального характера, в строке темы сообщения должна со-

12. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX. - М., 1938. С. 100 - 107.

13. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Отдел второй. Сентябрь 1936 г. N 21. Ст. 179.

14. Шамраев А.В.. Правовое регулирование информационных технологий (анализ проблем и основные документы). Версия 1.0 – М «Статут», 2003, - с.252, 254

15. Понкин Н. Зарубежные законы и документы о формировании и защите общественной нравственности несовершеннолетних, М, 2008. – с.233

16. Под коммерческой электронной почтой понимается электронное сообщение, включающее любые рекламные материалы.

держат надпись «ADV: ADULT», в качестве первых символов.

3. Получателю должен быть представлен удобный механизм отказа от дальнейшего получения рассылки.

Ст. 4-88-604 определяет права интерактивной компьютерной службы поставщика услуг электронной почты: - право заблокировать сообщение в случае, если у интерактивной компьютерной службы возникло подозрение о несоответствии сообщения указанным выше требованиям; Интерактивная компьютерная служба вправе отключить либо прервать работу сервиса любого лица, при условии, что будут выявлены нарушения, перечисленные нами выше. Ст. 4-88-605 предусматривает уголовную ответственность за нарушение требований указанных выше статей.

§5903 Свода законов штата Пенсильвания (США) («Порнография и другие материалы и действия сексуального характера» раздел F «Посягательство на общественный порядок и благопристойность», Глава 59 «Публичное совершение непристойного действия», часть II «Определение особых поступков, титул 18 «Преступления и проступки» предусматривает уголовную ответственность за отправку несоответствующих указанным выше требованиям, сообщений, носящих явный сексуальный характер, в виде основного наказания (лишения свободы), которому сопутствует обязательное наложение штрафа от 100 до 500 долларов США за каждое такое отправленное сообщение.

Статья 944.25 «Отправка электронных сообщений непристойного или сексуального содержания» главы 944 «Преступления против сексуальной нравственности» Свода законов штата Висконсин предусматривает административную ответственность за рассылку материалов, содержащих непристойные сцены, с целью побуждения адресата покупке собственности, товаров или услуг, при условии неисполнения указанных выше требований, в частности, если рекламодатель (отправитель) не указал в строке «тема сообщения» «ADV:ADULT» («Реклама для взрослых»).

Кодекс законов штата Западная Виргиния (США) §46A-6G-2 «Ограничения о запрещенных электронных письмах», раздел 6G «Закона о защите электронной почты», глава 46A так же запрещает отправку жителям штата Виргиния любых сообщений, несоответствующих, установленным требованиям и содержащих наглядное изображение, имитацию любых форм сексуальной активности, либо сцен с обнажением тела человека или описание подобных действий.

§ 776.6 (раздел 776, титул 1 «Контракты») «Свода общих Законов штата Оклахома» (США): Кроме общих требований устанавливает обязанность отправителя исключить из списка получателей рассылки лицо при первом его общении.

Напомним, что в разрез с приведенными нормами в РФ на сегодняшний день не существует законодательно подкрепленных инициатив со стороны государства, касающихся распространения в Интернете коммерческих рекламных сообщений, содержащих непристойные сцены сексуального характера. Разумеется, мы не настаиваем на введении жесточайшей цензуры, ведь Интернет тем и хорош, что позволяет достаточно свободно выражать свои взгляды.

По данным ЮНИСЕФ¹⁷ оборот рынка детской порнографии в мире за год составляет от 2,2 до 2,3 миллиардов евро., по данным генеральной прокуратуры РФ только за 2008 год было зарегистрировано 299 преступлений в сфере оборота детской порнографической продукции (137 преступлений из указанных 299 совершены посредством применения Интернета), при этом реальные цифры гораздо больше, а между тем, именно такое бурное развитие рынка детской порнопродукции оказывает немалое воздействие на увеличение количества насильственных половых преступлений против несовершеннолетних. По данным А. Осипенко в сети размещается не менее 100 тысяч сайтов, в той или иной степени имеющих отношение к детской порнографии. И это не случайно, так как международный рынок стал одним из самых прибыльных секторов теневой экономики¹⁸.

09.09.1991 г. комитет министров Совета Европы принял рекомендацию N R (91) 11 относительно «Эксплуатации секса в целях наживы, порнографии, проституции, торговли детьми и несовершеннолетними», где «учитывая, что сексуальная эксплуатация детей и подростков в целях наживы в виде порнографии, проституции и торговли людьми приняла новые и угрожающие размеры на национальном и международном уровне; учитывая, что сексуальный опыт, связанный с этим социальным явлением часто с ранним сексуальным злоупотреблением в семье или вне ее, может быть вреден для психосоциального развития ребенка и несовершеннолетнего»;

Рекомендовал: А. Общие меры:

6. Пресекать и предупреждать любое злоупотребление изображением и голосом ребенка в эротических целях.

В. Меры, касающиеся детской порнографии:

1. Предусмотреть соответствующие санкции, учитывая тяжесть преступления, совершенного теми лицами, которые участвуют в производстве и сбыте любых порнографических материалов, в которых фигурируют дети.

2. Изучать целесообразность введения уголовных санкций просто за обладание детскими порнографическими материалами.

3. Обеспечить, в частности, через международное сотрудничество выявление фирм, обществ или лиц, часто связанных с двумя или более странами, использующих детей для производства порнографического материала.

4. Предусмотреть информирование общественности, чтобы повысить ее осведомленность о претворении уголовной политики, числе обвинений и осуждений по делам, связанным с детской порнографией, обеспечивая при этом анонимность детей и обвиняемых.

III. Приоритеты исследований

1. Характер и размах различных форм сексуальной эксплуатации детей и несовершеннолетних, особенно с учетом культуры.

2. Природа педофилии и факторы, способствующие ей.

5. Характеристики, роль и нужды клиентов детской проституции и порнографии¹⁹.

17. ЮНИСЕФ – детский фонд ООН

18. Осипенко А. Уголовно-правовые и иные средства противодействия обороту материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети Интернет // Уголовное право, №1, 2007. – С.110

19. СПС Консультант+: Рекомендация комитета министров Совета Европы N R (91) 11 относительно эксплуатации секса в целях наживы, порнографии, проституции, торговли детьми и несовершеннолетними.

25 мая 2000 г. на 54 сессии Генеральной Ассамблеи ООН принят «Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии»²⁰. В статье 2 данного протокола определено понятие детской порнографии как «любое изображение, какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях».

И наконец, один из последних значительных международно-правовых документов регламентирующих оборот порнографической продукции является «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации» принятая 23 ноября 2003 г. в Будапеште Советом Европы.

Раздел 3 Конвенции «Правонарушения, связанные с содержанием данных», в статье 9 предусматривает «Правонарушения, связанные с детской порнографией», где:

1. Каждая Сторона принимает законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений согласно ее внутригосударственному праву в случае совершения умышленно и неправомерно следующих деяний:

- а) производство детской порнографической продукции в целях распространения через компьютерную систему;
- б) предложение или предоставление в пользование детской порнографии через компьютерную систему;
- в) распространение или передача детской порнографии через компьютерную систему;
- г) приобретение детской порнографии через компьютерную систему для себя или для другого лица;
- е) владение детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных.

2. Для целей параграфа 1 настоящей статьи в понятие «детская порнография» включаются порнографические материалы, изображающие:

- а) участие несовершеннолетнего лица в откровенных сексуальных действиях;
- б) участие лица, кажущегося несовершеннолетним, в откровенных сексуальных действиях;
- в) реалистические изображения несовершеннолетнего лица, участвующего в откровенных сексуальных действиях.

3. Для целей вышеприведенного параграфа 2 термин «несовершеннолетние» означает любое лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Однако любая Сторона может устанавливать и более низкие возрастные пределы, но не ниже 16 лет»²¹.

Таким образом, кратко рассмотрев историю и некоторые аспекты правового регулирования оборота порнографических материалов и предметов, следует кратко остановиться на основных современных подходах к междисциплинарному исследованию указанного феномена.

В рамках феминистической теории Робин Морган высказал знаменитую фразу, ставшую крылатой: «Порногра-

фия – это теория, изнасилование – это практика»²².

Феминизм не только отвергает порнографию как репрезентацию сексуального, но и обвиняет ее в оскорблении женщины, принижении ее образа, подстрекании к насилию и жестокости.

Отдельно стоит остановиться на рассмотрении отношения к феномену порнографии в современных философских исследованиях в рамках постмодернизма. Один из теоретиков постмодернизма Ж. Липовецкий, проводя анализ порнографии, пишет: «Все-таки можно усомниться в том, что женский «отказ» от порнографии действительно коренится в глубоком моральном уязвлении... На первое место здесь выступает не оскорбление морали, а чувство, словно все увиденное никак с ней не связано, словно все, что она видит, ей чуждо или к ней безотносительно... идентификация полностью отсутствует»²³. Наиболее значительная фигура философии постмодерна Ж. Бодрийяр обозначает современное Западное общество как «общество потребления или соблазна». В его многочисленных исследованиях проводится анализ феномена порнографии и образов сексуальности в культуре. Он пишет, что в обществе потребления человеческое тело есть объект потребления, осуществляется «автоматическая сексуализация предметов первой необходимости», «сексуальность предложена для потребления», в заключении отмечая, что «разложение класса или общества всегда заканчивается рассеянием его членов на индивидов и (среди прочего) на стоящей инфекцией сексуальности как двигателя индивидов и как фактора общественного оживления»²⁴. В обществе потребления «вещи не порождаются, не фабрикуются, не создаются для ценностного мира – здесь происходит их совращение. Совращенная вещь уже не ориентирована на ценность... Совращение есть вызов, акт, который всегда направлен на расшатывание структуры идентичности, на разрешение представления человека о самом себе»²⁵. И, как прогнозируемый финал современного ему общества, уместен пример из следующих заметок: «Очевидно, что все дебаты, разветвляющиеся сегодня вокруг средств массовой информации, сконцентрированы на проблеме того, в какой степени допустимо непристойное в печати, на радио и на телевидении... Но мы должны понять: непристойность, иными словами полная наблюдаемость вещей, губительна настолько, что, для того чтобы выжить, необходимо противопоставить ей стратегию иронии. Иначе вся эта тотальная прозрачность вещественности обернется, скорее всего, тотальностью смерти»²⁶. А.В. Костина изучавшая феномен массовой культуры, резюмируя творчество Ж. Бодрийяра, пишет: «Разгул сексуальности, представляемый современной массовой культурой – лишь признак общей болезни, охвативший мир в процессах глобализации, от которой ни спасут ни рецепты просвещения, ни социальные проекты, ни сексуальные революции, настоящее время как время «после оргии» – период одичания людей, период разгула массовых форм культуры. Изменить качество культуры и

20. «Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии» (Принят в г. Нью-Йорке 25.05.2000 Резолюцией 54/263 на 97-ом пленарном заседании 54-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). СПС Консультант+.

21. СПС Консультант+: Конвенция Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» (ETS N 185) (Будапешт, 23 ноября 2001 года);

22. Morgan R. "Theory and Practice: Pornography and Rape" in *Going Too Far: The Personal Chronicle of a Feminist*. – N.Y. 1977.

23. Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. – СПб., Алтейя, 2003. – С. 55-56.

24. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М., Республика, 2006. – С. 189-190.

25. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург, У-Фактория, 2006. – С.20-21.

26. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург, У-Фактория, 2006. – С.24-25.

обратить к идеалам гуманизма может только насильственное ограничение «бестиализирующих» зрелищ и властное управление сферой сексуального. Философ полагает, что разрешение вопроса о сексуальности в рамках культуры со всеми ее запретами, табу, практиками аскезы и самоограничения естественным следствием будет иметь возвращение подлинной сексуальности и интенсификации всех проявлений субъективности»²⁷.

Роль порнографии в современном обществе можно отразить словами французского драматурга Жака Штернберга который писал: «Какое изделие не выбрасывают в

коммерческое пространство, будь то марка покрышек или модель гроба, именно одного места всегда пытаются достигнуть у потенциального клиента: ниже пояса. Эротика для элиты, порнография для широкой публики»²⁸.

Таким образом, феномен порнографии в культурологических и философских исследованиях представлен неоднозначно, однако общий знаменатель, к которому приходят исследователи – регулирование оборота порнографии должно производиться не жесткими, репрессивными мерами и насильственным ограничением, а мягкими – изменением качества культуры, ее доступностью массам, их обращенностью к нравственным идеалам.

27. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М., Едиториал УРСС, 2005. – С. 187-188.

28. Цит по Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М. Республика, 2006. – С. 185.

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ БАХРЕЙНА И ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ

Манна Аммар Абдуль Карим,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и процесса,
Российский университет дружбы народов

Ключевые слова: система наказаний, уголовное право, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты

Аннотация. В статье исследуется система и виды наказаний по уголовному праву Бахрейна и Объединенных Арабских Эмиратов, определяется порядок их назначения.

There are system and types of a punishment in Bahrain and the United Arab Emirates Criminal Law researched in the article and also fixed an award of the penalty.

Учения о преступлении и наказании - основополагающие в уголовном праве. Они включают в себя большой круг вопросов, важнейшие из которых - понятие того и другого. От того, как трактуется преступление, и наказание зависит характер регулирования основных институтов Общей и Особенной части уголовного права, содержание и направление уголовной политики.

Нельзя сказать, что уголовное право арабских стран ранее – в советской, а ныне – в российской юридической литературе было обойдено вниманием. Его те или иные аспекты были предметом исследования или, по крайней мере, затрагивались в трудах Л. Р. Сюкияйнена, Ф. М. Решетникова, М. И. Садагдара, В. А. Лихачева, И. Д. Козочкина и других юристов. По отдельным проблемам уголовного права арабских стран были написаны и защищены диссертации. Однако нет ни одной работы по уголовному праву стран Персидского залива, к которым относятся Бахрейн и Объединенные Арабские Эмираты (О.А.Э). А между тем знание уголовного права стран этого региона необходимо даже по чисто практическим соображениям¹.

В отличие от Бахрейна, где в принципе применяется светское право, в ОАЭ - также и мусульманское, т. е., основанное на шариате. Этим обстоятельством в значительной степени обусловлен выбор указанных стран для исследования их уголовного права.

Вообще исламский фактор никак нельзя сбрасывать со счетов. В мире сейчас проживает около 1 млрд. мусульман. Почти в 40 странах сторонники ислама составляют большинство населения, а в 30 – ислам провозглашен государственной религией. Во многих из них действует мусульманское уголовное право, которое в российской юридической литературе остается малоисследованным. Во всяком случае, специальных работ по этой теме нет.

В арабской юридической литературе вопросы мусульманского уголовного права и уголовного права ОАЭ и Бахрейна рассматриваются такими авторами как Ахмед ФатхиБахнаси, Джунди Абдель-Малек, Абдель-КадерАуда, Абдель-ВахабХаллаф, Ясин Омар Юсеф, Абдалла Ахмед Аль-На-им, Абдель-ВахабХомад, Ахмед ФатхиБахнаси, АбудЗль-Сарадж и другими. Цель и задачи исследования.

Общепризнанно, что объединение всех общих положений уголовного права и большинства предписаний,

касающихся конкретных преступлений, в единый законодательный акт является наилучшей формой реализации такого демократического принципа, как «нет преступления без указания об этом в законе». Однако УК ОАЭ содержит только преступления категории «тазир», а ответственность за преступления категории «хуздуд», «кисас» и «дийа» возлагается в соответствии с нормами некодифицированного мусульманского права. Таким образом, с одной стороны, мусульманское право становится частью законодательства, а с другой – продолжает действовать в виде правовой доктрины. Поэтому для устранения этого недостатка автор предлагает включить преступления по мусульманскому праву в уголовный кодекс.

В уголовном законодательстве Бахрейна и ОАЭ предусматривается лишь формальное определение преступления. Определение преступления должно включать и материальный признак и может быть сформулировано следующим образом: «Преступлением признается общественно-опасное деяние (действие или бездействие), совершенное без законного оправдания и караемое по закону уголовным наказанием».

Уголовно-правовой доктрине арабских стран неизвестно понятие общего состава преступления².

«Хуздуд» - это преступления, посягающие на права Аллаха, за совершение которые в Коране или в Сунне предусматриваются абсолютно определенные санкции. Преступлением категории «кисас и дийа» является убийство и телесные повреждения. Преступлениями категории «тазир» считается любое уголовно-наказуемое деяние, не входящее в предыдущие две категории. Об элементах преступления, составляющих каждое отдельное преступление, и об элементах, присущих всем без исключения преступлениям, в арабской юридической литературе также используются эти понятия. Общими элементами преступления по уголовному праву Бахрейна и ОАЭ являются: легальный, материальный и моральный.

Бахрейнское уголовное право, как и кувейтское, не придерживается определенной теории причинности. УК ОАЭ в отличие от уголовного законодательства многих стран устанавливает более или менее четкие критерии установления причинной связи. Так, в ст. 32 говорится: «Лицо не несет ответственности, если преступный результат не был следствием его поведения. Но, тем не менее, он несет ответственность, если его действиям предшествовали, сопутствовали или за ним следовали другие условия (причины), которые способствовали наступлению преступного результата, при условии, что обвиняемый предвидел эти обстоятельства. Однако если преступному поведению сопутствовали условия (причины), которые способны вызывать преступный результат самостоятельно, то причинная

1. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. М. 1983. с. 16-17.

2. Пантелеев В. А., Козочкин И. Д., Лихачев В.А. Уголовное право развивающихся стран. М 1988., с. 13.

связь считается прерванной, а лицо несет ответственность только за фактически совершенное им деяние».

Формулировка определения умысла в ст. 25 УК Бахрейна не совсем точна, поскольку волевой момент в ней полностью игнорируется. Поэтому автор считает, что ее можно было бы заменить определением, содержащимся в ст. 8 УК РФ 1960 г.

В мусульманском праве ответственность за деяние совершенное по неосторожности или небрежности применяется в соответствии со следующими правилами: во-первых, обвиняемый считается действующим по ошибке (неосторожно или небрежно), если он, совершая правомерные действия, мог избежать наступления преступных последствий своего поведения, а если он не мог, то нет ответственности.³

Во-вторых, обвиняемый несет ответственность за ошибку независимо от того, мог ли он избежать наступления преступного результата или нет, если он совершил противоправное деяние.

Таким образом, при определении того, совершило ли лицо уголовно-наказуемое деяние по ошибке (т. е. по неосторожности или небрежности) или нет, принимаются во внимание не только волевой момент и интеллектуальный момент, но и характеристика самого деяния с точки зрения правомерности его совершения.

В уголовном законодательстве Бахрейна и ОАЭ не дается определения подстрекательства. Признание лица подстрекателем (ст. 43 и ст. 45 соответственно УК Бахрейна и ОАЭ) связывается совершением подстрекаемого преступления. Из этого можно сделать вывод, что закон для признания лица подстрекателем предусматривает причинно-следственную связь между подстрекательством и совершенным преступлением. Это в свою очередь означает, что если подстрекаемое преступление не было совершено либо подстрекательство не оказало на исполнителя никакого воздействия, то подстрекатель не будет нести уголовную ответственность за совершенное им подстрекательство.

Сговор, как и подстрекательство, предшествует совершению преступления. В уголовном законодательстве Бахрейна и ОАЭ нет ни определения сговора, ни ответа на вопрос: является ли сговор соглашением, проявившим волею общую волю сговорщиков? Положительный ответ на поставленный вопрос дается в уголовно-правовой доктрине.

Уголовное законодательство ОАЭ в отличие от бахрейнского предусматривает принуждение как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. Так, ч. 2 ст. 64 УК ОАЭ гласит: «Не несет ответственность всякий, кто под физическим или моральным принуждением был вынужден совершить уголовно-наказуемое деяние».

Согласно ст. 39 УК Бахрейна «лицо не подлежит наказанию, если оно добровольно прекратило начатое им покушение на совершение преступления⁴, при условии, что совершенные им действия не составляют состав другого преступления». Таким образом, добровольный отказ рассматривается только как обстоятельство, освобождающее от наказания, а не от уголовной ответственности вообще. УК ОАЭ также не предусматривает добровольный отказ в качестве обстоятельства, исключающего уголовную от-

ветственность. Думается, что добровольный отказ должен рассматриваться как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность.

Особенностью в области обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, является то, что в круг этих обстоятельств, включают разнородные обстоятельства, в том числе и те, которые характеризуют субъект преступления (недостижение определенного возраста, невменяемость, сумасшествие, опьянение) или относящиеся только к объекту посягательства - малозначительность объекта и др.

В уголовном законодательстве Бахрейна и ОАЭ нет ни определения наказания, ни его целей. Недостаточно разработано понятие наказания и в мусульманском праве. Его теоретики выделяют следующие признаки наказания: законность, персональность и публичность. Говоря о целях, они чаще всего упоминают общее и частное предупреждение. Однако нельзя безоговорочно согласиться с мнением о том, что в случае совершения преступлений, затрагивающих интересы общества (хуудуд, кисас и дийа) преследуется цель общего предупреждения, а в остальных случаях - цель частного предупреждения.

Если по УК Бахрейна 1976 г. наказания классифицируются по чисто рациональным основаниям, то по уголовному законодательству ОАЭ они подразделяются на общепризнанные в мусульманском праве категории: хуудуд, кисас и дийа, и тазир. Основанием для такого деления служит степень определенности наказания и характер нарушенных прав и интересов.

Недостатком уголовно-правовой системы ОАЭ является то, что смертная казнь за совершение ряда преступлений предусматривается доктриной мусульманского права, а не уголовным законодательством. Так, например, смертная казнь категории «хуудуд» назначается за прелюбодеяние, разбой, вероотступничество и бунт. Смертная казнь с распятием предусматривается в отношении разбойника, если при разбойном нападении он убил потерпевшего и завладел его имуществом. Смертная казнь - кисас может быть назначена за умышленное убийство, а тазир - как исключительная мера - за шпионаж, подстрекательство военнослужащих к мятежу и некоторые другие преступления. Думается, что ответственность за вышеуказанные деяния должна быть предусмотрена в УК, а не в доктрине, в которой наблюдается противоречие по тем или иным вопросам наказания.

Отсечение руки - наказание категории хуудуд за совершение кражи, также не указано в УК, что представляется его серьезным недостатком.

Из выше сказанного, можно сделать выводы, что если источниками уголовного права Бахрейна являются Конституция и уголовный кодекс, то в Объединенных Арабских Эмиратах, кроме того, и шариат. Дело в том, что УК ОАЭ 1987 г. предусматривает ответственность только за преступления категории «тазир», а ответственность за наиболее опасные преступления - «хуудуд», «кисас» и «дийа» наступает по нормам мусульманского права, основанного на шариате. Таким образом, можно констатировать, что в ОАЭ действует смешанная система источников уголовного права.

Уголовное законодательство указанных стран содержит лишь формальное определение преступления. Оно должно было бы включать в себя и материальный признак и зву-

3. Уголовное право зарубежных государств. Понятие преступления и вины. М., 1972. с. 64.

4. См. Абдель-Кадер Дуда. Указ.соч. т.1, с.436.

чать следующим образом: «Преступлением признается общественно опасное деяние (действие или бездействие), совершенное без законного оправдания и караемое по закону уголовным наказанием».

Хотя и Бахрейн, и ОАЭ - бывшие британские владения, их уголовное право во многом испытало влияние континентальной (французской) системы права. Это, в частности, нашло отражение в том, что основанием уголовной ответственности в обеих странах является совокупность трех конститутивных элементов преступления - легального, материального и морального.

В отличие от уголовного законодательства большинства арабских стран УК ОАЭ предусматривает довольно четкие критерии причинной связи, что, по моему мнению, является его большим достоинством.

Обращает на себя внимание нечеткость определения умысленной вины по УК Бахрейна (ст. 55) в котором отсутствует указание на волевой момент. Думается, что было бы целесообразно использовать законодательный опыт по этому вопросу Российской Федерации: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий» (ст.8 УК 1960 г.).

По-видимому, под влиянием английского уголовного права уголовное законодательство Бахрейна и ОАЭ предусматривает ответственность за сговор. Но оно не содержит определения сговора и поэтому можно предположить, что ответственность за него, также как в Англии, может наступить, даже если соглашение не было подкреплено никаким действием. Думается, что в данном случае было бы целесообразнее использовать американскую конструкцию сговора, включающую в себя требование «явного действия» (см. например, ст. 105 УК штата Нью-Йорк).

По обстоятельствам, исключающие уголовную ответственность: с одной стороны, их круг непомерно широк, т. к. включает в себя и обстоятельства, характеризующие субъект преступления (недостижение определенного возраста, невменяемость, опьянение и др.) и относящиеся только к объекту посягательства (малозначительность объекта и др.); с другой стороны, он не включает в себя те, которые действительно являются обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность, например, принуждение, которого нет в УК Бахрейна и которое могло быть заимствовано у УК ОАЭ (ч.2 ст.64).

Отсутствие целей наказания в уголовных кодексах Бахрейна и ОАЭ - их очевидный недостаток, поскольку является или может быть причиной различий или даже разнотия в назначении наказаний за одинаковые преступления, совершенные при сходных обстоятельствах.

Нельзя безоговорочно согласиться с мнением некоторых авторов, полагающих, что назначением наказаний за преступления категорий «хуздуд», «кисас» и «дийа» преследуется цель общепредупреждения, а назначением наказаний за преступления категории «тазир» преследуется цель частного предупреждения. Думается, что и в первом, и во втором случае преследуются обе цели наказания, но возможно, в разной степени.

В уголовных кодексах Бахрейна и ОАЭ наблюдаются разные подходы в отношении классификации наказаний: в первом они подразделяются по чисто рациональным основаниям, во втором - соответствии с положениями мусульманского права.

Такое наказание как смертная казнь может применяться как на Бахрейне, так и в ОАЭ. Но различия здесь заключаются в следующем. Если на Бахрейне она практически не применяется уже в течение длительного времени, то в ОАЭ - применяется, хотя и нечасто, в основном за шариятские преступления.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИДЕИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ КАК ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Молчанов Б.А.,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра уголовного права и процесса,
Российский университет дружбы народов

Теоретические идеи, касающиеся темы настоящего исследования были сформулированы еще во времена развитого просвещенного «золотого века древнегреческих полисов» в сколько-нибудь сформированном виде, и нашли постепенное (хотя далеко не всегда оптимальное) развитие.

В настоящее время установлено, что психозы поражают не только представителей культурного человечества, но встречаются и среди примитивных племен. В самых различных местностях «дети природы», совершенно нетронутые цивилизацией, болеют, однако, артериосклерозом мозга, шизофренией, эпилепсией и дают похожие на истерию патологические реакции. Очевидно, как было и в древнейшие времена. И надо думать, что доисторическое население земного шара обращалось со своими душевно-больными приблизительно так же, как современные жители тропической Океании или сибирских тундр: агрессивные и опасные больные считались одержимыми злым духом, безобидные и тихие - почитались иногда любимцами богов; первых гнали и порой избивали, за вторыми ухаживали¹.

Этот первобытный анимизм еще долго потом служил объяснением для психопатологических фактов. Когда, приблизительно за 2000 лет до нашей эры, царь Саул болел какими-то депрессивными приступами, - библейский летописец с полной уверенностью определил их причины: бог покинул царя и тогда злой дух вселился в него. Кем-то, однако, была предложена наиболее действительная терапия: посылали за молодым человеком Давидом, который должен был играть на струнном инструменте и петь мелодичные песни, которые он сам слагал². Другое предание говорит о Навуходносоре, наказанном безумием за надменность и гордость. Автор рассказа не жалеет красок для описания унижительного состояния, до которого дошел вавилонский царь: он скитался как вол, опустив голову, по пастбищам, одичал, весь оброс и питался травой. В древних священных книгах встречается еще целый ряд таких картин, полных той своеобразной поэзии, какой вообще отличаются примитивы³.

Под синим эллинским небом люди также обнаруживали нередко те странности поведения, которые считались результатом вмешательства божества. Афина Паллада, богиня, нашла нужным покарать Аякса. И тогда он в ярости кидается на стадо баранов и наносит стремительные удары, воображая, что перед ним враги. Все происшедшее потом настолько угнетает его, что он кончает самоубийством, бросившись на собственный меч. По приказу Аполлона, Орест убивает свою мать Клитемнестру, в отмщение за смерть отца. Но потом он не может найти покоя: его преследуют Эвмениды (упреки вести), которые постепенно доводят героя «до бешенства»⁴.

1. Каннабих Ю.С. История психиатрии. М. 1994. С. 10.

2. Там же.

3. Каннабих Ю.С. История психиатрии. М. 1994. С. 10.

4. См. по: Шишков С.Н. Невменяемость (мировоззренческие, эмпирические, социальные предпосылки и становление в качестве правовой категории). М. 2010. С. 12.

Из всех нервно-психических заболеваний, уже в самые отдаленные времена, сильное впечатление производила эпилепсия. Молниеносное начало припадков, крик, потемневшее лицо, кровавая пена и судороги — все это как нельзя более подходило для сверхъестественного объяснения: грозное божество невидимым ударом бросает человека на землю; это — «божественная болезнь». Однако, уже в VI веке до нашей эры, существовали попытки вполне реалистического истолкования припадков. Их выразителем был великий математический гений, творец акустики, ученый, признавший одним из первых шарообразную форму земли — Пифагор с острова Самоса объяснял эпилепсию заболеванием мозга. Он учил, что разум (*nous*) и рассудок (*phren*) помещаются в головном мозгу, а чувство (*thymos*) имеет местопребывание в сердце.

Все вышеизложенное дает отрывочные указания об очень долгом историческом периоде несистематических наблюдений и случайного подбирания фактов, воспринимавшихся порой сквозь призму теологического мироощущения, порою выступавших в своем подлинном виде, как естественные явления. Накопленный материал, результат коллективной деятельности множества поколений, должен был лечь со временем в основу медицинской науки.

Это осуществилось тогда, когда древнегреческая культура, совершенствуясь материально во всех отношениях, достигла пышного расцвета, который характеризует эпоху Перикла — V век до нашей эры. Хирургия и соматическая медицина очень рано, еще в период создания гомеровского эпоса, вступили на путь практических наблюдений и систематизированного опыта. Илиада не говорит ни о каких заговорах и чарах: «стрелы искусной рукой вынимают из тела воина, кровотечение останавливают, пользуются мазию, истощенных поят вином»⁵. Материально наиболее обеспеченная, раньше других классов приобретенная к просвещению, аристократия требовала для себя наиболее действительных видов медицинской помощи.

Об организации общемедицинской помощи того времени существуют некоторые указания. В эпоху, когда жили Софокл и Эврипид, Сократ и Платон, Геродот и Фидий, городское благоустройство стояло в Афинах на большой высоте; уже успела выработаться официально признанная врачебная корпорация, вступающая в соперничество с жрецами-целителями в храмах Асклепиада. Кроме частных были и городские врачи, заведовавшие бесплатными лечебницами; эти «иатреи» представляли собой первые попытки к созданию общественных амбулаторий, наподобие египетских учреждений такого же рода.

«Эллинская нация, - говорит Гомперц, - имеет за собой не одну заслугу. На маленьком острове, называемом теперь Станко, получила начало медицина; здесь же были собраны первые очищенные от всякой мистики психиатрические наблюдения. В «Собрании» Гиппократ пробиваются первые истоки психиатрических знаний. Огромное влия-

5. Каннабих Ю.С. История психиатрии. М. 1994. С. 12.

ние на всю последующую науку имели, одна-ко, не только врачи, но и великие философы древности. Платон, Аристотель, стоики внесли свою долю участия в первоначальную работу над основными понятиями о «болезнях души».

Таким образом, основатель идеалистической философии является в этом пункте настоящим соматиком. Платон в своих «Законах» санкционирует обычай своего времени, говоря: «неистовые не могут оставаться на свободе, их необходимо держать взаперти, при чем родственникам вменяется в обязанность сторожить их; если они не исполнят этого, то их следует штрафовать»⁶.

Платон отмечает, например, что человек, признанный слабоумным, «станет-вится на все будущее время неправомочным распоряжаться своей собственностью даже в мелочах и остальную свою жизнь проводит на положении ребенка». Платон имеет в виду лиц, страдающих тяжелым необратимым психическим расстройством («слабоумием»). В другом месте Платон пишет: «Сумасшедшие не должны показываться в городе. Их близкие пусть охраняют их в своем доме как умеют. В противном случае они должны будут уплатить пеню».

Говоря о запрете для «сумасшедших» появляться в городе, где вершатся все общественные дела, Платон, по-видимому, точно отразил истинное положение находящегося под опекой душевнобольного: тот терял не просто юридическую дееспособность, но свою гражданскую субъектность как таковую, утрачивал общественно значимые и представляющие интерес для полиса связи и отношения. Удел такого лица — пребывать под строгим домашним надзором; если потребуется, то взаперти, связанным или скованным цепью.

Таким образом, Платон признает безумие обстоятельством, значительно смягчающим наказание за ряд преступлений. Как свидетельствует исторический опыт, именно таким путем обычно рождается институт невменяемости: поначалу помешательство лишь облегчает участь преступника (он не подлежит смертной казни или некоторым наиболее суровым видам наказания, к нему может быть проявлено иное снисхождение), а затем и полностью освобождает от наказания. Прибегая к очевидной терминологической модернизации, не без некоторой натяжки можно сказать, что в приведенном фрагменте сочинения Платона содержится обоснование концепции «ограниченной вменяемости».

Однако, в его идеальном государстве до признания безумия обстоятельством, полностью освобождающим больного от любых санкций, остается совсем немного. Сделать решающий шаг философам и юристам Эллады так и не удалось. Эллинская мысль в своем развитии как бы «задержалась на полпути к невменяемости». Оставшуюся не пройденной часть пути одолели уже культурные наследники древнегреческих мыслителей — римские юристы.

Культура античной Греции резко повысила ценность рассудочных и рациональных начал личной и общественной жизни. Разум считался необходимым и главным условием способности к овладению человеком гражданскими добродетелями. Лица, лишенные способности к рассудочной деятельности (несовершеннолетние,

душевнобольные), не могли быть субъектами общественной и государственной жизни. Не случайно единственным критерием недееспособности (а впоследствии и невменяемости, которая появилась в античном Риме) очень долгое время оставался интеллектуальный критерий. Невменяемым человек становился тогда, когда он утрачивал способность к разумению⁷.

В IV веке до христианской эры афинская образованность, в силу целого ряда условий экономического и политического характера, стала приходить в упадок, и центр тяжести древнегреческой культуры переместился в Александрию. Здесь, на берегах Нила, получили дальнейшее развитие научные идеи, когда-то возникшие в греческой метрополии. К сожалению, мы не знаем, имел ли какое-нибудь отношение к психиатрии знаменитый музей, основанный Птоломеем Филадельфом, — настоящий университет с четырьмя факультетами, — или Серапейон, в котором помещался госпиталь и читались медицинские лекции. Предание говорит нам о пышном расцвете анатомии, которая изучалась на человеческих трупах⁸.

Познание нервной системы — одно из главных достижений александрийской врачебной науки. Но нам неизвестно, существовала ли в древней столице Египта какая-нибудь организация помощи или призрения душевнобольных и каковы были взгляды, например, того же Эразистрата на психиатрические заболевания? Легенда о том, как он вылечил сына сирийского тирана, обрисовывает нам этого врача как опытного психолога-практика. Молодой человек, Ангиох, страдал депрессией и, казалось, день ото дня умирал. Эразистрат заподозрил затаенную любовь. Он положил больному руку на сердце и распорядился, чтобы все живущие во дворце женщины по очереди подходили к нему. Когда порог переступила молодая мачеха юноши, красавица Стратоника, рука находчивого врача ощутила беспокойное биение сердца больного, который изменился в лице и задрожал; капли пота выступили у него на лбу⁹.

Все кончилось, однако, благополучно, так как великодушный отец, Селевк, отдал Стратонику своему сыну в жены. Если не считать этой поэтической легенды, вся психопатология и психиатрия на протяжении целых 300 лет представляет собой зияющую пропасть, как говорил Литтре. Но зато на другом краю этой пропасти возвышается крупная фигура Цельса, первого римского писателя по вопросам психиатрии. Есть основание предполагать, что в его сочинениях отразилась значительная часть не дошедших до нас александрийских подлинников.

Авл Корнелий Цельс (Aulus Cornelius Celsus), живший в Риме в I веке нашей эры, во времена Тиберия, не был врачом. Разносторонне образованный дилетант, он оставил потомству огромную энциклопедию, в которой собраны все современные ему знания, начиная с космографии и кончая сельским хозяйством. От этого утерянного труда сохранилось только 8 книг медицинского содержания; в третьей книге, в VIII главе, содержится, хотя и краткая, но систематическая обработка учения о душевных болезнях. Перед нами, таким образом, первый по времени связанный психиатрический трактат¹⁰.

У Цельса общим названием для всех видов душевного

6. Платон. Законы. Книга XI. 929 «е» и 934 d; Леви Брюль. Сверхестественное в первобытном мышлении: пер. с франц. М. 1937. С. 394, 399-400.

7. См. подробнее: Шишков С.Н. Указ. соч. С. 80-81.

8. Каннабих Ю.С. История психиатрии. М. 1994. С. 21.

9. Там же

10. Указ. соч. С. 22.

расстройства служит *insania* — безумие, точный перевод греческого паранойя. Цельс различает три вида безумия:

1. Френиит — острое заболевание, сопровождающееся лихорадкой с расстройством психической деятельности, представляющее разнообразные картины: от легкого возбуждения с веселым оттенком, до глубокой печали, большой раздражительности, даже буйства, когда бывает необходимость связывать больного и держать его в темноте.

2. Меланхолия — второй вид безумия, которое овладевает человеком на более долгое время, начинается почти без лихорадки, а потом дает легкие припадки последней.

3. Третий род безумия — самый длительный из всех. Эта болезнь проявляется в двух видах: во-первых, человека могут обманывать восприятия; во-вторых — мысли. Уход за спокойным больным во все времена был сравнительно прост. Роковым вопросом психиатрии был большой беспокойный. Римский писатель времен Тиберия предложил одно из решений. Однако, приблизительно в ту же самую эпоху, некоторые врачи высказывали на этот счет мысли, совершенно иные, чем Авл Корнелий Цельс.

Самым замечательным памятником грекоримской психиатрии являются сочинения Аретея. Как показали исследования Веллмана, Аретей излагает учение Архигена, уроженца Сирии, жившего в Риме в эпоху Траяна (54-117 гг. нашей эры)¹¹. Его писания утеряны, и если бы не Аретей, мы ничего не знали бы о его замечательных достижениях. Сам Аретей, уроженец Каппадокии, жил в Риме во второй половине I века; его годы учения протекли в Александрии, о нем больше ничего неизвестно. Кроме описанных психических симптомов, болезнь имеет еще целый ряд иных признаков. Меланхолики страдают бессонницей, а если и заснут на короткое время, то просыпаются в страхе.

В дальнейшем своем течении меланхолия выражается нередко все усиливающимся равнодушием ко всему и полным отупением, когда больные, например, не узнают окружающих, забывают кто они, и мало помалу доходят до совершенно животного состояния: *more brutorum vitain exigent*, как говорит Аретей (надо думать, что материалом для этого описания послужили случаи раннего слабоумия и, быть может, органических поражений мозга, ближайший характер которых, разумеется, не может быть установлен). Мы не знаем, какие меры лечения предлагал Архиген и вслед за ним Аретей при мании — эти главы утеряны. Но зато сохранились терапевтические советы, касающиеся френиита; они представляют как психиатрический, так и бытовой интерес.

Остается отметить еще одно достижение Аретея: ему было известно, что эпилепсия может дать психотическую картину. Он начинает с указания на крайнее разнообразие форм, свойственных падучей болезни; некоторые из ее проявлений поистине ужасны а, — говорит он, — и могут повести за собой настоящие катастрофы (нападения, убийства и проч.).

Наивысшим достижением римской психиатрии, особенно со стороны практики и ухода за душевнобольными, надо считать деятельность Сорана, грека, родом из Эфеса, жившего в Риме в царствование Адриана. Его репутация достигла своего апогея лишь спустя триста лет, когда были переведены на латинский язык 4 сочинения Сорана.

В западноевропейской и русской литературе эти исследования начались чуть более полутора веков назад, но одни

11. Каннабих Ю.С. История психиатрии. М. 1994. С. 22.

из первых рассуждений на эту тему были сформулированы ещё в диалогах Платона. Платон, в своем известном труде «О государстве», пишет: «Мы не без основания признаем двойственными и отличными друг от друга эти начала: одно из них, с помощью которого человек способен рассуждать, мы назовем разумным началом души, а второе, из-за которого человек влюбляется, испытывает голод и жажду, бывает охвачен другими вожделениями, мы назовем началом неразумным и вожделеющим, близким другом всякого рода удовлетворения и наслаждений»¹².

Платон, считавший индивидуальную душу истечением мировой души, полагал, что она представляет собой соединение трех начал: разумного, эффективного (яростного), и вожделеющего. В монологе «Пир» он прямо говорит о стремлении человеческой природы к любви, счастью, причем само по себе это стремление не может быть ни плохим, ни хорошим вне его социальной оценки¹³. В 6 в. н. э. в законодательных актах Китая и Италии было предусмотрено смягчение наказания в случае совершения деяния под воздействием психических аномалий, несмотря на суровые наказания за тяжкие преступления¹⁴. Китайские законы (VI в. н. э.) предусматривали смягчение наказания инвалидам, среди которых различались слабоумные и сумасшедшие.

Уже в законах Рима периода империи обнаруживается стремление дифференцированно регулировать пределы и характер ответственности лиц, в отношении которых имелись сомнения в их способности к вменению. Так, у детей до 7 лет и у душевнобольных эта способность отрицалась. Для лиц до 14 лет судья должен был решить, имелась ли эта способность в конкретном случае. К душевной болезни относились и высшие степени аффекта; в ряде случаев освобождались от наказания лица, совершившие деяния в состоянии опьянения¹⁵.

История вопроса об ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости, не может быть рассмотрена в отрыве от истории понятия невменяемости. Вопрос о том, что движет человеком при совершении того или иного деяния, в чем заключается источник вины, дилемма между социальным и биологическим на протяжении длительного исторического времени были основными в рассуждениях философов, богословов, правоведов, психологов и психиатров, что находило отражение и в законодательстве и в практике его применения.

Аристотель, первым выделил психическое как особый предмет рассмотрения, доказывая неразрывность души и тела, считая, что человеку, в отличие от других живых существ, присущ ум, который является определяющим его поступков¹⁶. Еще с Платона и Аристотеля началось противопоставление биологического социальному, что привело к различным построениям системы профилактических и защитных мер, объединяемых единым стремлением-благо, милость.

В зависимости от приоритетов соотношения биологического и социального, строилась система взглядов на ответственность, наказание, меры социальной защиты, тео-

12. Морозов Г. В., Луниц Д. Р., Фелинская Н. И. Основные этапы развития отечественной судебной психиатрии. М. 1976. С. 73 - 74.

13. Платон. Государство. Соч. в 3-х т. М. 1971. Т. 3. С. 232-241.

14. Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М. 1989. С. 397.

15. Бартошек А. Римское право: понятия, термины, определения. М. 1989. С. 15.

16. Платон. Собр. соч. в 4-х т. М. 1993. С. 122.

рии опасного состояния и виновной ответственности. Это противопоставление воплотилось в философской науке в фантастических образах эйдолонов и ксинедринов. Эйдолоны (от греческого - «умелый») - некие органические машины, мышление и поведение которых генетически запрограммировано; ксинедрины - мышление и поведение полностью создается внешней средой.

Античная правовая мысль нашла непосредственное выражение в римском праве, в частности в деликтном и уголовном праве, для которого воля была определяющим критерием. Римские юристы подготовили в этой области понятный аппарат, которым охватывались общие понятия вины, умысла, неосторожности, невиновного причинения вреда, причем каждому из основных терминов сопутствовали смежные, «оттеночные». Высшей степенью виновности признавался злой умысел, он предполагал сознательное и умышленное совершение преступного деяния, знание всех неблагоприятных последствий.

Таким образом, именно римскому праву мы обязаны существующей до настоящего времени теорией о том, что противоправность деяния не рассматривается в качестве обязательного элемента умышленной вины. При всех достижениях римского права в области теории вины утверждению принципа субъективного вменения препятствовали институты, допускающие возможность частного уголовного преследования и устрашающего возмездия, несоответствующего вине.

Вопрос об освобождении душевнобольных от наказания длительное время не рассматривался, несмотря на то, что одна из первых известных истории законодательных формулировок освобождения безумных от наказания за убийство была закреплена в Дигестах Юстиниана (VI в.): «достаточно, что он наказан безумием»¹⁷, а при определении меры ответственности рекомендовали принимать во внимание факт психического расстройства субъекта¹⁸. Освобождение от наказания помешанных сделалось возможным не ранее, чем в праве древнего Рима восторжествовали принципы личной ответственности и субъективного вменения. В подтверждение этому сошлемся на то, что принцип субъективного вменения можно, по мнению профессора А.И.Бойко, именовать также принципом вины¹⁹.

По справедливому замечанию профессора С. Н. Шишкова, к моменту появления невменяемости в качестве юридической категории невменяемость как идея уже существовала. Поэтому перед правом стояла задача не «изобрести» саму идейно-содержательную сторону невменяемости, а ввести в юридический оборот то, что де-факто имелось. Для этого требовались, как минимум, чтобы в уголовном праве восторжествовали два принципа: личной ответственности правонарушителя и субъективного вменения. Во-вторых, надлежало преодолеть затруднения, вы-

текавшие из традиционного постулата об обязательности наказания, в соответствии с которым оно рассматривалось как неременное следствие любого противоправного деяния.

Изучая проблему становления невменяемости как юридической категории, мы не стремимся дать полномасштабный и детальный исторический обзор указанного процесса, хронологически растянутого на многие века. Избранный аспект исследования нацеливает, прежде всего, на анализ самой логики появления и развития названной правовой категории, а также на оценку тех ключевых факторов, которые, влияли на данный процесс²⁰.

В X - XI веках в Европе происходит своеобразная рецепция античных идей субъективного вменения. Появилось деление преступлений на умышленные и непредумышленные. Принцип личной виновной ответственности напрямую связан с вопросом о том, кто является преступником. Преступниками объявлялись не только убийцы, насильники, воры, мошенники и прочие. Профессор Б.А.Спасенников подчеркивает, что «правоведы цивилизованных в правовом отношении стран под субъектом преступления понимают не только лицо физическое, но и юридическое, не только человека, но и животное»²¹.

Буллы папы Иннокентия Восьмого (1484г.), направленная против еретиков, колдунов и ведьм, зачастую реализовывалась в судебном преследовании душевнобольных. Проникновение в науку уголовного права гуманистических идей Возрождения, все более активная деятельность университетов, развитие философии и естественных наук инициируют появление новых законов, в которых широко и более тонко реализуется принцип субъективного вменения.

В начале XIVв. в англосаксонском праве существовала норма о неответственности психически больных за преступления, и к ним могло применяться королевское помилование, а в Уголовном уложении Карла Пятого (1432 г.) - «Каролине» рекомендовалось в случаях преступления заведомо невменяемого запрашивать «совета у компетентных учреждений и знатоков права», как с таким лицом поступить, но освобождение психически больных от уголовной ответственности было скорее исключением, чем правилом.

В более полном виде идеи личностного подхода к деликвенту нашли в работах французских просветителей. Теоретические исследования применительно к уголовному праву нашли отражение в законодательстве и правоприменении сравнительно поздно. Для научно обоснованного анализа влияния психических аномалий на человеческое поведение, в том числе в сфере уголовно-правового регулирования, необходимо длительное накопление практического опыта, его обобщение рядом научных дисциплин и их воплощение в законотворческой деятельности.

17. Аристотель. О душе. Соч. в 4-х т. Т. 1. М. 1976. С. 399.

18. Перетерский И.О. Всеобщая история государства и права //4.1. Древний мир. Вып. 2. Древний Рим. 1945.С.172.

19. Бойко А.И. Римское и современное уголовное право. Ростов-на-Дону. 2000. С. 104.

20. Шишков С.Н. Невменяемость (мировоззренческие, эмпирические, социальные предпосылки и становление в качестве правовой категории). М. 2010. С. 89.

21. 1 Спасенников Б.А. Правовая антропология (уголовно-правовой аспект) //Под ред. засл. деятеля науки РФ, докт. юрид. наук, проф. И.Я.Козаченко. Архангельск. 2001. С. 13.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИЗМ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Петрованов К.Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
Орловская региональная академия государственной службы

Ключевые слова: уголовная ответственность, терроризм, террористическая деятельность, обоснованное подозрение, политические цели, транснациональный характер

Keywords: criminal liability, terrorism, terrorist activity, reasonable suspicion, political goals, the transnational nature.

*«Будущего у террористов все равно нет. И это правда. У них нет будущего. А у нас - есть.»
В.В.Путин*

Аннотация. Уголовная ответственность за терроризм и преступления террористического характера по законодательству США: сравнительно-правовой анализ.

Criminal liability for terrorism and terrorist crimes under the laws of the United States: a comparative legal analysis.

Подход государств к регулированию вопросов борьбы с терроризмом различен. И не только в зависимости от более или менее напряженного положения с террористическими деяниями в той или иной стране и форм его проявления, но и от исторических условий формирования правовой системы в каждой из этих стран и от устоявшихся правовых традиций.

В таких странах, как США и Германия, представляющих собой федерации различных типов, по сути, нет единых, всеобъемлющих федеральных законов о борьбе с терроризмом.

В США эти вопросы регулируются по меньшей мере в семи нормативных актах — от Федерального закона о гражданской авиации 1958 г. до Закона о правосудии для жертв терроризма 1998 г. и «Акта о патриотизме США» 2001 г. В Германии вопросы борьбы с терроризмом регулируются в нескольких законодательных актах: УК, УПК, Законе о судостроительстве, Законе «О компенсации жертвам насильственных действий», а также в целом комплексе небольших законов, скромно названных законами об изменении УК и УПК, но содержащих немаловажные законодательные новеллы в области борьбы с терроризмом (например, запрет контактов задержанного или осужденного террориста с внешним миром, введение для террористов особого института явки с повинной).

Вместе с тем Великобритания, ведущая многолетнюю борьбу с североирландскими террористами в условиях отсутствия уголовного кодекса, имеет в этой области консолидирующий нормативный акт — Закон о предупреждении терроризма 1989 г.

Положение в области правового регулирования борьбы с терроризмом не могло не измениться и действительно изменилось после самых ужасающих террористических актов, совершенных когда-либо прежде, — терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. Через два месяца после этой катастрофы и введения в стране чрезвычайного положения Президент США издал указ (President Issues Military Order) от 13 ноября 2001 г. «О задержании, обращении и рассмотрении дел в отношении неграждан в ходе войны с терроризмом».

Наряду с указом Президента от 13 ноября 2001 г., следует назвать два нормативных акта, вызванных к жизни

событиями 11 сентября 2001 г. — «Акт США о патриотизме» и приказ министра юстиции США от 31 октября 2001 г., узаконивающий прослушивание конфиденциальных контактов «адвокат — клиент».

Первый из этих нормативных актов — это билль, принятый окончательно Палатой представителей Конгресса США 24 октября 2001 г., полностью называется «Акт об объединении и укреплении Америки путем предоставления надлежащих средств, необходимых для перехвата информации и воспрепятствования терроризму (Акт США о патриотизме) 2001» (USA Patriot Act of 2001). Этот закон (билль) предусматривает комплекс мер по усилению борьбы с терроризмом, причем не, только уголовно-правового характера¹.

Так, в ст. 101 билля включено положение о создании Антитеррористического фонда в Казначействе США. Важной его особенностью является то, что он не поглощает прежние бюджетные ассигнования, выделенные Министерству юстиции США для возмещения его подразделениям издержек, возникших вследствие террористических актов или в связи с их предотвращением, а также возмещения издержек федеральных органов, связанных с задержанием предполагаемых террористов на территории зарубежных стран.

Что касается другого нормативного акта Приказа министра юстиции США от 31 октября 2001 г., то он, прежде всего, содержит поправку к § 500 и 501 гл. 28. Приказ немедленно вступил в силу без обычной возможности для его предварительного публичного обсуждения. Он позволяет министру юстиции США в одностороннем порядке без санкции суда подслушивать конфиденциальные переговоры между адвокатом и его клиентом, находящимся в предварительном заключении или в тюрьме. При этом министр юстиции наделяется неограниченными и по существу неконтролируемыми полномочиями, включая возможность лишить любого заключенного, преследуемого по федеральному законодательству, его права конфиденциально общаться со своим адвокатом. Согласно внесенной в 501.3 (d) 28 C. F. R. поправке, во всех тех случаях, когда существует «обоснованное подозрение», что заключенный может использовать переговоры с адвокатом или его доверенным лицом для того, «чтобы способствовать или содействовать террористическим актам», Министерство юстиции обязано обеспечить соответствующие процедуры для контроля или проверки этих переговоров, которые

1. Куликов А.С. Глобализация и некоторые проблемы борьбы с терроризмом. // Право и безопасность. — Август 2002. № 2-3.

традиционно всегда защищались привилегией «адвокат – клиент». Иными словами, применительно к террористическим преступлениям эта привилегия более не действует. Правда, Министерство, за исключением случаев применения досудебных санкций, должно письменно уведомлять адвоката и заключенного до начала контроля о том, что все переговоры между адвокатом и заключенным будут контролироваться в той мере, в какой это необходимо для предотвращения «будущих актов насилия и терроризма».

Для примера, в нашей стране, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи являются видами оперативно-разыскных мероприятий². Их проведение в России допустимо на основании судебного решения и при наличии информации:

1. О признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.

2. О лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно.

3. О событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

В то же время Верховный Суд РФ акцентирует внимание судов на том, что результаты оперативно-разыскных мероприятий, связанных с ограничением тайны связи, могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь, когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проведены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Однако есть и позитивный момент, введение перлюстрации³ (от лат. *perlustratio* — обзирать) — просмотр личной пересылаемой корреспонденции, совершаемый в тайне от отправителя и получателя. В отличие от военной цензуры корреспонденции, перлюстрация всегда совершается в тайне. Также следует отличать перлюстрацию от законного и санкционированного в установленном порядке досмотра (выемки) сообщений конкретных отправителей или получателей. Изначально понятие «перлюстрация» касалось лишь почтовой корреспонденции, однако последнее время используется и в отношении других документальных средств связи — от телеграфа до электронной почты.

Несмотря на то, что проблема борьбы с терроризмом находится в центре внимания мирового сообщества уже долгое время, точного общепринятого определения этого феномена не существует. А в его отсутствие реализация мер по предотвращению, пресечению и наказанию преступлений терроризма существенно осложняется.

В США, как и в большинстве других государств, универсального понятия терроризма до сих пор нет⁴. И более того, мнения ученых и практиков значительно отличаются друг от друга. Для примера, справедливо указать, что в соответствии с российским законодательством, терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие реше-

ния органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий⁵. С другой стороны, в условиях конкуренции правовых норм, есть «многоликое» понятие экстремизма или экстремистской деятельности, которое включает в себя - публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность⁶. Причем законодатель не конкретизирует понятие «иной террористической деятельности».

Для определения того, что же такое терроризм с точки зрения американского права, рассмотрим ряд положений.

В основном законодательном документе государства — Своде законов США — под терроризмом понимается «преднамеренное политически мотивированное насилие, совершаемое против невоюющей стороны наднациональными группами или тайными агентами с целью оказать влияние на общественность»⁷.

Интересен тот факт, что именно это определение использует в своих отчетах Госдепартамент США. А вот его структурный орган — Бюро по борьбе с терроризмом — выбрал для себя иное: под терроризмом он понимает «угрозу применения или применение насилия в политических целях отдельными лицами или группами, действующими либо в поддержку, либо против установленной правительственной власти, когда назначение таких действий состоит в том, чтобы потратить, ошеломить или запугать избранную группу, более широкую нежели непосредственные жертвы»⁸.

Несмотря на различие формулировок, оба приведенных определения объединяет то, что их авторы делают акцент только на политические цели. Действительно, политические мотивы часто встречаются в террористических актах, однако утверждение, что политическое содержание присуще всем формам терроризма, представляется не совсем верным. Террористические действия могут осуществляться ради достижения исключительно корыстных целей и к политике не иметь никакого отношения.

Еще в 70-х годах, когда началась основная работа по определению международного терроризма в рамках Генеральной Ассамблеи ООН, представители ряда стран, в том числе и США, отмечали что весьма проблематично сформулировать данное понятие в соответствии с одним из трех известных видов определения: общее определение абстрактного характера, определение в форме перечисления актов терроризма или аналитическое определение⁹.

И все же, несмотря на всю сложность вопроса, термин «международный терроризм» нашел свое закрепление в законодательстве США.

Самое краткое определение международного терроризма содержится в титуле 22 Свода законов США и звучит как

5. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Ст.3.

6. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.). Ст. 1.

7. 4 Title 22 of the United States Code Sec. 2656f (d). Термин «невоюющая сторона» был включен с тем, чтобы распространить данное определение не только на гражданское население, но и на военный персонал, который во время инцидента был не вооружен или находился не при исполнении служебных обязанностей.

8. Международная борьба с терроризмом: Правовые аспекты. М., 2008. С. 25.

9. 2 Доклад Специального комитета по вопросам международного терроризма. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. 28 сессия. Дополнение № 28 (A/9028). Нью-Йорк, 1973.

2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями).

3. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. Издательство: «Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс»»- 2008.

4. U.S. Department of State. Patterns of Global Terrorism: 2009.

«террористические действия, в которые вовлечены граждане или территория более, чем одной страны»¹⁰.

В том же Своде законов, но уже в титуле 18, зафиксировано более развернутое определение: «Международный терроризм означает — (А) насильственные действия или иные действия, представляющие опасность для человеческой жизни, являющиеся нарушением уголовного законодательства США или иного государства, при условии, что уголовное правонарушение было совершено в пределах юрисдикции США или иного государства; а также (В) действия, совершаемые с целью запугать или принудить гражданское население; или оказывать влияние на политику правительства; а также (С) действия, которые имеют место изначально вне территориальной юрисдикции США или за пределами их национальных границ, но совершаемые преступниками с целью запугать или принудить США или ту страну, где находится преступник, или получить политического убежища»¹¹.

Оба этих определения позволяют выделить основное свойство международного терроризма — его транснациональность, т.е. выход за рамки национальных границ путем выбора иностранной жертвы, или совершения террористического акта в иностранном государстве, или попытки укрыться после совершения террористического акта в другом государстве.

Однако проявление терроризма не ограничивается только формой международного терроризма, существуют и другие, и часть из них нашла отражение в правовой доктрине США.

Что касается законодательного закрепления, то только ядерный терроризм и наркотерроризм (наряду с международным) в качестве самостоятельных видов вошли в Свод законов США¹².

Интересно, что в Акте США о патриотизме, принятом по следам трагедии 11 сентября 2001 г., есть попытка дополнить существующее определение терроризма. В ст. 802 дается формулировка «внутреннего» терроризма как противоположность «международному терроризму», содержащемуся в § 2331 гл. 18 Свода законов США. Внутренний терроризм определяется как опасное для жизни людей и нарушающее законодательство США или отдельных штатов деяние, которое «замышляется и совершается с целью запугать гражданское население, путем запугивания или принуждения повлиять на политику правительства либо же путем массового уничтожения людей и имущества, совершения иного террористического акта или похищения детей либо угрозой совершения таких деяний повлиять на способность правительства руководить страной». Конкретной целью включения такой формулировки в законодательство было стремление привлечь к борьбе с террористами органы расследования американских штатов, расширив полномочия органов территориальной юрисдикции.

Согласно законодательству США, терроризм относится к разряду федеральных преступлений¹³. За подобного рода деяния в Соединенных Штатах предусматривается уголовная ответственность, а кроме того, для юридических лиц (наряду с уголовной) — еще и гражданская ответственность.

Таким образом, необходимо отметить, что уголовно-правовые средства противодействия терроризму в различных государствах во многом специфичны и трансформируются по мере возникновения новых угроз мировой глобализации. Тем самым подталкивая мировое сообщество к принятию универсального и всеобъемлющего определения института терроризма.

10. United States Code. 2004 Edition, title 22. W. 2005.

11. United States Code. 2004 Edition, title 18. 3231, W. 2005.

12. United States Code 2004. Edition title 22. W. 2005. На наш взгляд, говорить о ядерном терроризме и наркотерроризме как о самостоятельных видах терроризма можно лишь с определенной долей условности. Во-первых, ядерный терроризм представляет угрозу для всего человечества и в этой связи может быть рассмотрен только с точки зрения международного, как его подвид; а во-вторых, ядерное оружие является лишь средством совершения террористических действий, вместо него террористы могут использовать биологическое, психотропное и иное оружие, опасность которого ничуть не меньше.

13. По законам США к уголовной ответственности за совершение террористических актов могут привлекаться и физические лица, и юридические, за исключением правительственных организаций.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

«КНИЖНАЯ НАУКА» А.В. СУВОРОВА

Минаков С.Т.,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: Суворов, книги, военное искусство, военное обучение

Key words: Suworov, books, military arts, the military training

Аннотация. Статья посвящена исследованию формирования военных взглядов великого русского полководца А.В. Суворова. Рассматривается круг военного чтения Суворова, влияние на его мировоззрение опыта выдающихся полководцев прошлого. В статье выясняется круг военных авторов и книг, которые читал русский полководец и которые он рекомендовал для подготовки профессионального военного.

The formation of military views of the great Russian commander A.V. Suworov is analyzed in the article. The range of the military reading of Suworov and also influence of the experience by the world-famous military leaders on his worldview are considered. The circle of the military authors and books that the Russian commander read and recommended for the preparation of a professional military are investigated in the article.

О великом русском полководце написано много, правда, преимущественно о его полководческой деятельности. В биографических работах ему посвященных обращалось внимание на формирование личности великого полководца, начиная с его детских лет [1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 14, 15]. Однако этот аспект исследования личности Суворова, как правило, освещается бегло, не говоря о том, что серьезных специальных исследований в этом направлении практически не проводилось. В частности авторы «суворианы» лишь конспективно касались вопросов военного образования Суворова. Не ставя перед собой эту проблему в качестве целостного исследования, затрону лишь одну из сторон ее – вопрос о «книжной образованности» полководца, поскольку подлинного систематического военного образования, даже по меркам его времени, он не получил. «Книжная ученость» Суворова, укрепившая его увлеченность военным делом с детских и отроческих лет и совершенствование его военно-теоретических навыков в дальнейшем, предопределялась тем кругом военного чтения, который находился в домашней библиотеке его отца, пополнявшейся затем самим Суворовым [8, с. 15].

Косвенными указаниями на книги, которые читал Суворов и которые, скорее всего, были в его библиотеке, значительная часть которых досталась ему в наследство от отца, можно считать упоминание им в письмах тех или иных выдающихся деятелей прошлого и его современни-

ков. В их числе - политические и государственные деятели, полководцы, философы, писатели и поэты и пр. Всего – 74 имени, включая имена выдающихся деятелей античности, средневековья и XVII – XVIII вв. В их числе имена 24 полководцев. Чаше других упоминаются Юлий Цезарь (11 раз), австрийский фельдмаршал Лаудон (9 раз), французский маршал Тюренн (8 раз), прусский король Фридрих II (7 раз), принц Евгений Савойский (5 раз). Проанализируем текст и контекст суворовских писем для выяснения, в связи с чем упоминаются Суворовым перечисленные выше имена.

Обращаясь к сыну своего соратника, к своему крестнику молодому Александру Карачаю в письме, датированном июлем 1793 г., А.В. Суворов писал: «...Как военный человек вникай прилежно в сочинения Вобана, Кугорна, Кюраса, Гюбнера. Будь знающ несколько в богословии, физике и нравственной философии. Читай прилежно Евгения, Тюренна, записки Цезаря, Фридриха II, первые тома истории Роллена и «Мечтания» Графа Сакса...» [13, с. 254]. В другом письме Суворов несколько увеличивает число авторов, чьи сочинения он читал сам и рекомендует читать другим военным людям.

«Непрестанная та наука из чтений, - пишет А.В. Суворов 26 сентября 1793 г. И.О. Курису, - с начала регулярства – курс Марсов; а для единственных 6-ти ордеров багалии – старинный Вигеций. По Русской войне мало описания, а прежнюю и последнюю Турецкие войны с великим затвержением эволюцев. Старинные ж, случатся. Монтекуккули очень древен и много отмены соображать с нынешними правилами Турецкой войны. Карл Лотарингский, Конде, Тюренн, маршал де Сакс, Виларс, Катинат, какие есть переводы и також поясняется текущею с французами войною. В ней много хороших правил, особливо к осадам!» [13, с. 257-258].

Цитированные выше фрагменты суворовских писем позволяют реконструировать перечень авторов, чьи сочинения Суворов читал и рекомендует для профессиональной подготовки военного человека. Это (в порядке упоминания имен самим Суворовым) - Вобан, Кугорн, Кюрас, Гюбнер, Евгений, Тюренн, Цезарь, Фридрих II, Роллен, граф де Сакс, «Курс Марсов», Вегеций, Монтекукколи, Карл Лотарингский, Конде, Виларс, Катинат. Всего 17 имен. Прежде всего, я попытаюсь идентифицировать перечисляемых

Суворовым авторов. Буду следовать в том порядке, какой дается самим русским полководцем в его письмах.

«...Вникай прилежно в сочинения Вобана...», - пишет Суворов. Себастиан Ле Претр де Вобан (1633 – 1707), маршал Франции (1703), великий французский военный инженер оставил после себя богатое творческое наследие. «Книга о атаке и обороне крепостей» С. Вобана была переведена на русский язык и издана в России впервые в 1744 г. Эта книга также встречается в списке книг И.И. Шувалова [7].

Суворов также рекомендует «вникать прилежно в сочинения» Кугорна. Барон Менно Когорн (1641 – 1704), голландский военный деятель и знаменитый военный инженер-фортификатор. Он был автором ряда книг по военно-инженерному делу. Его называли «голландским Вобаном». Еще в 1685 г. он издал свою книгу «Новые крепости», которая была в 1706 г. переведена на французский, а в 1709 г. – на немецкий языки. Очевидно, Суворов имел в виду именно это произведение, которое, он, скорее всего, нашел в отцовской библиотеке на французском языке, поскольку на русский язык книги Когорна не переводились.

Кюрас Гильмар, в сочинения которого Суворов также рекомендует «вникать прилежно», являлся автором «Универсальной истории», неоднократно издававшейся в России в переводе на русский язык в XVIII в.

Еще один автор, в чьи сочинения рекомендовал «вникать прилежно» Суворов, это Гюбнер (Гибнер) Иоганн (1668 – 1731), автор популярной в Европе «Всемирной географии», пособия, выдержавшего 36 изданий, изданного в переводе на русский язык в 1719 г. Видимо, эта книга также была в библиотеке Суворова-отца.

«Читай прилежно Евгения...», пишет Суворов, имея в виду выдающегося австрийского полководца первой трети XVIII в. принца Евгения Савойского (1663 – 1736), кумира его детских чтений и мечтаний. Сам принц Евгений никаких военных сочинений не оставил. Зато в Европе и особенно в России было популярно «Описание жития и дел принца Эвгеня герцога Савойского», переведенное на русский язык и изданное в 1740 г., а затем вторично в 1770 г. Видимо, Суворов познакомился с полководческой деятельностью Евгения Савойского по этой книге в первом ее издании еще в детстве, найдя ее в отцовской библиотеке.

«Читай прилежно... Тюренна», неоднократно рекомендует Суворов. Маршал Франции Анри де Ла Тур д'Овернь виконт де Тюренн (1611 – 1675), как уже отмечалось выше, один из наиболее часто упоминавшихся в суворовских письмах (8 раз), чрезвычайно почитался Суворовым и был одним из главных его нравственных идеалов. Это следует из текста суворовских писем. «Наука просветила меня в добродетели, - писал Суворов князю Г.А. Потемкину 10 декабря 1784 г. из своего села Удом (под г. Владимиром), - я лгу как Эпаминонд, бегаю как Цесарь, постоянен как Тюренн и праводушен как Аристид. Не разумея изгибов лестии и ласкательств к моим сверстникам, часто неугоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей...» [13, с. 100]. Из контекста цитированного фрагмента следует, что имена Тюренна, Эпаминонда, Цесаря и Аристиды, Суворов упоминает в качестве примеров для подражания, которыми он, Суворов руководствуется в своих поступках. Говоря «лгу как Эпаминонд», Суворов намекал на всем известную исключительную правдивость этого древнегреческого деятеля, считая это нравственное качество одним из важней-

ших, которое воспитал в себе. Другим основополагающим нравственным качеством Суворов считал «праводушие», т.е. «прямодушие», как у другого древнегреческого деятеля Аристиды. Юлию Цезарю Суворов подражал как полководцу, которому свойственна была быстрота действий. Сравнивая себя маршалом Тюренном – «я... постоянен как Тюренн», - Суворов подчеркивает в качестве одного из своих главных четырех нравственных качеств «постоянство». Под «постоянством» он имел в виду неизменчивость своим нравственным установкам, добродетели, считая одним из проявлений добродетельности «постоянство», т.е. верность самому себе, своим нравственным идеалам: правдивости, простодушью и быстроте действий. Таким образом, 54-летний Суворов, будучи, хотя и достаточно известным, но в основном простым русским дворянином, уже выбрал Тюренна как нравственный пример для подражания.

Почти слово в слово в качестве одного из своих нравственных ориентиров Суворов называет маршала Тюренна спустя почти 7 лет в письме к своему племяннику князю А.И. Горчакову, наставляя его: «Последуй Аристиду в правоте, Фабрициану в умеренности, Эпаминонду в неживости, Катону в лаконизме, Ю. Цесарю в быстроте, Тюренну в постоянстве, Лаудону в нравах» [13, с. 217]. Он только добавляет к прежним четырем своим идеалам еще три – Фабрициана, Катона и Лаудона. Примечательно, что Суворов рассматривает науку, прежде всего, как способ выявления норм нравственности, которые он принимает в качестве основополагающих. Поэтому и пишет, что «наука просветила меня в добродетели», т.е. в том, как поступать нравственно, добродетельно.

Рекомендуя «читать прилежно... Тюренна», Суворов, очевидно, имел в виду «Мемуары» маршала, которые охватывали период времени с 1643 г. по 1658 г. Как полагают исследователи он начал их писать ок. 1659 г. Отдельной книгой они были опубликованы на французском языке впервые в 1872 г. На русский язык эти мемуары никогда не переводились. Однако большая часть текста мемуаров французского полководца на французском языке публиковались в биографических изданиях ему посвященных.

Самое раннее жизнеописание Тюренна появилось вскоре после его смерти. Автором его был Бюиссон. Книга называлась «Жизнь виконта де Тюренн» [16]. Куда более распространенной и популярной была книга французского писателя, опубликовавшего (если не составившего на основе разрозненных записей «Мемуары господина д.Артаньяна), Сандра де Куртиля (1644-1712), тоже называвшаяся «Жизнь виконта де Тюренн», изданная в 1685 г. [24] Однако одной из наиболее популярных, распространенных книг с жизнеописанием французского полководца была «История виконта де Тюренн», написанная французским писателем шотландского происхождения А.М. Рамсэ, и изданная в Париже в 1735 г. [22] Она состоит из 4-х томов. Первые два тома представляют собой собственно развернутую биографию маршала. В третьем томе, в качестве «приложения», помещены «Мемуары» Тюренна. Это преимущественно как раз «военные мемуары», поучительные в плане изучения военных действий войск, находившихся в разные годы под командованием маршала Тюренна, а также методов военного искусства, им применявшихся. В четвертом томе, также в качестве приложений, опубликованы некоторые письма маршала Тюренна. Однако содержание их в основном касается личных и политических вопросов.

Военные аспекты, затрагиваемые в них, занимают второстепенное место и вряд ли могли быть поучительными в изучении военного искусства маршала и военного искусства вообще.

Вряд ли Суворов читал первые две из названных книг о Тюренне – они появились в XVII в., сомнительно, чтобы они имелись в библиотеке его отца, да и вообще в России. Во всяком случае, никаких сведений о наличии этих книг в известных каталогах частных российских библиотек XVII - XVIII в. не имеется. Скорее всего, Суворов в детстве читал именно книгу А.М. Рамсэ, как наиболее «свежую», наиболее информативную, «современную», к тому же снабженную обширными приложениями отдельных писем Тюренна и его мемуаров. Эту книгу мы встречаем в каталоге библиотеки графа И.И. Шувалова издания 1736 г. [23] Именно в этой книге было собрано много всевозможных рассказов и анекдотов о Тюренне. Знакомство с некоторыми из них Суворов обнаруживает в текстах своих писем. В частности, в этой книге был помещен анекдот о «стакане воды, опрокинутом Тюренном». Хорошо умея писать по-французски и читать, Суворов, судя по произношению ряда французских фамилий, в том числе маршала Тюренна, не очень правильно говорил, плохо освоил фонетику французского языка. Так в частности, фамилию «Тюренн» он по-русски писал, а следовательно и произносил, с твердым «н», в то время как по-французски эта фамилия произносится более мягко, близко к произношению «Тюреннь». Во всяком случае, он читал «Мемуары» маршала Тюренна на французском.

Судя по тексту писем, самое раннее упоминание Суворовым маршала Тюренна относится к 3 февраля 1781 г. из села Черепихи. Рассуждая об обычной неочеченности, недооценке заслуженных деятелей, о тщеславных выскочках, возносивших власть на незаслуженную высоту военного и политического положения, Суворов писал в частности: «... Монтекукули говорит, что, бившись с Тюренном, Конде и Кеперли, юным сим людям отвечать не может» [13, с. 73]. Из контекста этого фрагмента следует, что известный австрийский полководец фельдмаршал Раймунд граф де Монтекукули, высоко оценивая свои полководческие заслуги, мотивирует самооценку собственной полководческой личности тем, что ему пришлось «скрестить шпаги» с такими выдающимися полководцами, как Тюренн, Конде и турецкий военачальник Кеперли. Иными словами, в данном случае Тюренн отмечается Суворовым как выдающийся полководец.

Намекая в письме от 30 июля 1792 г. на известный тогда всем анекдот о маршале Тюренне, Суворов фактически отстраненный от дел благодаря стараниям своих завистников, писал: «Тюренн Мазарину опрокинул на карту стакан воды» [13, с. 234]. Суворов напоминал таким образом о находчивости Тюренна. Дело в том, что в этой апокрифической истории рассказывалось о том, что когда кардинал Д. Мазарини намеревался назначить маршала Тюренна командовать войсками против Фронды, завистники маршала стали нашептывать кардиналу, что Тюренн неспособный полководец, что он даже карту читать не умеет. Тогда Мазарини решил проверить маршала, но Тюренн будто бы нечаянно опрокинул на карту стакан воды, доказав тем самым наличие у него столь необходимого и важного для полководца свойства как находчивость. И кардинал назначил Тюренна командующим войсками. Тюренн, разумеет-

ся, превосходно читал карту, но в этой истории важно было показать именно такое важное полководческое качество, присущее Тюренну, как находчивость.

Рекомендуя читать Цезаря, Суворов имел в виду, без всякого сомнения, «Записки о галльской войне» Гая Юлия Цезаря (100 – 44 д.н.э.). Они были переведены на русский язык и изданы в России в

«...Читай прилежно Фридриха П...», рекомендует Суворов, имея в виду, разумеется, одного из великих полководцев его времени прусского короля Фридриха II, прозванного Великим (1740 – 1786). Фридрих II оставил достаточно богатое литературное наследие. В него входили философские, политические сочинения в духе Вольтера и Макьявелли, а также ряд военно-исторических работ. В частности: «История Семилетней войны», «Мемуары о войне 1778 года» и др. Все сочинения короля Фридриха были написаны на французском языке. Скорее всего, Суворов имел в виду «Мемуары Фридриха II», изданные в 1751 г. на французском языке. Примечательно, что эти «Мемуары» также имелись в библиотеке графа И.И. Шувалова [25]. Однако это могли быть также «Военные инструкции прусского короля» Фридриха II, изданные на французском языке в Германии [26]. Эта книга также появилась в России в 1757 г. и имелась в библиотеке генерала А.П. Ермолова (его отца).

«Читай прилежно... первые тома истории Роллена...», рекомендует далее Суворов. «...Первые тома истории Роллена...» - имеются в виду первые тома 30-томной истории известного французского историка и педагога Шарля Роллена (1661 – 1741), издававшейся на французском языке в 1758 – 1764 гг., и посвящены Древним Египту, Греции, Карфагену и Риму.

«Читай прилежно... «Мечтания Графа Сакса...», рекомендует в цитированном выше письме Суворов. В различных жизнеописаниях Суворова утверждается, что одним из полководцев, военным искусством которого восхищался русский полководец, был граф Мориц Саксонский или, как его называл сам Суворов – маршал Граф де Сакс. «Сидя по целым дням в пустой библиотеке, - рассказывает о Суворове-подростке один из его биографов, - он разыгрывал настоящие сражения: переходил с Ганнибалом через Альпы, воевал вместе Цезарем против Галлов, совершал молниеносные переходы с Морицем Саксонским» [8, с. 15].

Мориц граф Саксонский или как его именовал сам А.В. Суворов, маршал Де Сакс (1696-1750), ныне известный сравнительно немногим, преимущественно интересующимся военной историей XVIII в., был весьма известным и популярным среди современников. Еще при жизни и сразу же после смерти он был удостоен книг-биографий. Он был внебрачным сыном курфюрста саксонского Августа II. Подобно маршалу Тюренну, граф де Сакс был удостоен высшего звания во французской королевской армии, равнозначного званию «генералиссимуса», - «главного маршала королевских армий». Впервые о нем заговорили во время Северной войны, однако прославился он позднее, после перехода на французскую службу в войнах 1740-х гг. Судя по датам его рождения и смерти, маршал де Сакс являлся старшим современником Суворова.

Примечательно, что Суворов называет этого французского полководца «графом де Сакс», а не принятым позднее и ныне более привычным Мориц Саксонский. Ре-

комендуемую же книгу Суворов называет «Мечтания графа де Сакс». В каталогах известных частных российских библиотек встречаются две книги маршала графа де Сакс: «Memoires sur l'art de la guerre de Maurice comte de Saxe» [20] и «Mes reveries. Ouvrage posthume de Maurice, comte de Saxe» [21]. Суворов явно имел в виду второе из названных сочинений французского полководца, название которого буквально переводится как «Мои мечтания. Посмертное сочинение Мориса графа де Сакс». Следует обратить внимание на то, что Суворов очень точно переводит название этого посмертного произведения французского маршала – «мечтания», отражающее именно личный, можно сказать, намеренно субъективный, характер высказанных в них мыслей, выражающих не просто «мечты», а именно «мечтательность». Именно так переводится французское слово «reveries» - «мечтательность, мечтания».

Что касается второго, точнее первого, из названных сочинений графа де Сакс, его «мемуаров», то они были написаны гораздо раньше, переведены на русский язык и изданы в России в 1732 г. Быть может, Суворов читал их в детстве, однако никаких указаний на это не имеется, равно как и вообще свидетельств, что русский полководец читал это сочинения маршала де Сакс. Следовательно, можно полагать, что Суворов изучать методы военного искусства маршала де Сакс по его сочинению начал не ранее 1757 г., т.е. во времена Семилетней войны, когда он был еще подполковником. Возможно, он сам или его отец приобрели «Мечтания» графа де Сакс лишь в 1757-1758 гг.

«Курс Марсов» – это «Книга Марсова, или Воинских дел от войск царского величества Российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войском его королевского величества Свейского», изданная в Санкт-Петербурге в 1766 г. Далее А.В. Суворов упоминает «единственные 6 ордеров баталий» и рекомендует для их освоения «старинного Вегеция».

Вегеций, или правильнее Вегеций Флавий, римский военный писатель IV в. был известен своим трудом «Военные правила», который был переведен на русский язык и издан в России в 1764 г.

Дважды в своих письмах Суворов упоминает известного австрийского полководца фельдмаршала графа Раймунда де Монтекукколи (1609 – 1680), возглавлявшего имперские войска против войск Тюренна в кампаниях 1648, 1674-1675 гг. Первый раз в письме П.И. Турчанинову 3 февраля 1781 г. в рассуждениях о несчастьях и самолюбии выдающихся полководцев, порожденных их конфликтами с властью предрежащими. «Монтекукколи говорит, - в частности пишет Суворов, - что, бывши с Тюренном, Конде и Кеперли, юным сим людям отвечать не может» [13, с. 73]. Второй раз, Суворов рассуждает о военно-теоретических взглядах Монтекукколи на тактику войны с турками в цитированном выше фрагменте письма от 26 сентября 1793 г. [13, с. 257] «Монтекукколи очень древен и много отмены соображать с нынешними правилами Турецкой войны», - процитирую фразу, касающуюся Монтекукколи еще раз.

Речь идет о «Записках» Р. Монтекукколи, точнее о его трактате «Записки Раймунда графа Монтекукули или главные правила военной науки». Так был озаглавлен этот военно-теоретический труд Р. Монтекукколи, когда он был переведен на русский язык и издан в Москве в 1753 и 1760

гг. В оригинале он назывался проще: «Главные правила военной науки». Скорее всего, этот трактат Суворов читал в детстве на французском, поскольку он имелся в отцовской библиотеке. Этот труд был завершен и издан Р. Монтекукколи в 1664 году и состоял из трех книг. Первая называлась – «Начальные правила военной науки вообще», т.е. в ней излагались по тем временам понимаемые автором общие требования военного искусства. Вторая книга этого труда называлась «Правила на войну с турками в Венгрии». Третья получила название: «Рассуждения о том, что в последней венгерскую войну произошло с 1661 по 1664 год» [12, с. 527]. Однако, во-первых, Суворов, ссылаясь на австрийского фельдмаршала, явно имеет в виду какую-то его позднюю работу, изданную уже после 1675 г. (т.е. после смерти маршала Тюренна). Во-вторых, военно-теоретические рекомендации Монтекукколи, изложенные последним в указанном выше трактате, Суворов считает устаревшими.

Упомянутый в суворовском письме Карл Лотарингский – это владетельный герцог Лотарингии Карл IV (1604 – 1675), известный в свое время имперский (австрийский) полководец, воевавший против французских войск. Возможно, имеется в виду какое-нибудь сочинение, посвященное деятельности этого полководца. Воспоминаний или военных трудов он не оставил.

Конде или «Великий Конде» - знаменитый французский полководец XVII в. принц Луи II де Конде (1621 – 1686). Сам принц Конде не оставил воспоминаний и каких-либо военных трудов. Возможно, Суворов имел в виду «Memoires pour servir a l'histoire de Louis de Bourbon, prince de Conde», изданные в Кельне в 1695 г., или сочинение Дезормэ «История Луи де Бурбона, изданная на французском в 1766-1768 гг.

«Вилларс» - известный французский полководец, прославившийся в войне за испанское наследство (1700 – 1714) маршал Франции Г. де Виллар (1653 – 1734). Речь идет, очевидно, о «Мемуарах» маршала, изданных вскоре после его смерти на французском языке. Они, вероятно, были в отцовской библиотеке Суворова. Это тем более вероятно, что Суворов пишет по-русски фамилию французского маршала не в общепринятом французском ее произношении - Виллар, т.е. не на слух, а, явно, по написанию этой фамилии в тексте на французском – Villars. Скорее всего, Суворов читал на французском мемуары маршала Виллара – «Memoires du duc de Villars». Т. 1-2. P., 1735 – 1736. Кстати замечу, что эта книга также отмечена в каталоге книг графа И.И. Шувалова [17].

«Катинат» – это известный французский полководец времен короля Людовика XIV маршал Франции Никола Катина (1637 – 1712). Не ранее 1775 г. в России, следовательно, и в суворовской библиотеке, могла появиться книга, изданная в 1775 г. в Париже, «Memoires et correspondance du marechal de Catinat mis en ordre et publies» [18]. В том же году в Париже была опубликована еще одна книга, посвященная маршалу Катина – «Memoires pour servir a la vie de Nicolas de Catinat» [19]. Суворов читал «Мемуары» французского маршала на французском языке, поскольку на русский язык они никогда не переводились. Как и фамилии Тюренна и Виллара, Суворов произносит и пишет эту фамилию по-русски, читая все французские буквы – «Катинат», а не «Катина», как она произносилась по-французски.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Бантыш-Каменский Д.М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Часть 1-2. М., 1991.
2. Григорьев С. Александр Суворов. М., 1990.
3. Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории. Т. 1. М., 1995.
4. Курцев С., Гугуева Н. Александр Суворов. М., 1998.
5. Мирон С.Р. Жизнеописание генерал-фельдмаршала и генералиссимуса Александра Васильевича Италийского графа Суворова-Рымникого //А.В. Суворов. Великий сын России. М., 2000.
6. Михайлов О. Суворов. М., 1973.
7. ОРК и Р. НБ. МГУ. Ф.И. Шувалов. Каталог книг.
8. Осипов К. Суворов. М., 1947.
9. Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 2005.
10. Полевой Н.А. История князя Италийского графа Суворова-Рымникого, генералиссимуса российских войск. М., 1858.
11. Раковский Л. Генералиссимус Суворов. Л., 1987.
12. Разин Е.А. История военного искусства. Т. 3. М., 1961.
13. Суворов А.В. Письма. М., 1987.
14. Теплов Б.М. Ум полководца. М., 1990.
15. Цветков С. Александр Суворов. М., 2005.
16. Buisson. Vie du viconte de Turenne.
17. «Memoires du duc de Villars». Т. 1-2. Р., 1735 – 1736 // ОРК и Р. НБ. МГУ. Ф.И. Шувалов. Каталог книг.
18. Memoires et correspondance du marechal de Catinat mis en ordre et publies. Paris, 1775 // ОРК и Р. НБ. МГУ. Ф.А.П. Ермолов. Каталог книг.
19. Memoires pour server a la vie de Nicolas de Catinat. Paris, 1775 // ОРК и Р. НБ. МГУ. Ф.А.П. Ермолов. Каталог книг.
20. Memoires sur l'art de la guerre de Maurice comte de Saxe, Dresden, 1757 // ОРК и Р. НБ. МГУ. Ф.А.П. Ермолов. Каталог книг.
21. Mes reveries. Ouvrage posthume de Maurice, comte de Saxe, Amsterdam, 1757 // ОРК и Р. НБ. МГУ. Ф.А.П. Ермолов. Каталог книг.
22. Ramsay A-M. De. Histoire de Turenne. Р., 1735.
23. Ramsay Andre. «Histoire de viconte de Turenne». 1-4 t., Р., 1736 //ОРК и Р. НБ. МГУ. Ф.И. Шувалов. Каталог книг.
24. Sandras de Courtilz, G. La vie du vicomte de Turenne. Р., 1685.
25. Friederich II «Memoires pour server a l'histoire» 1 t. 1751 // ОРК и Р. НБ. МГУ. Ф.И. Шувалов. Каталог книг.
26. Friederich II. Instructions militaires du roi de Prusse pour ses generous. Francfort-Leipzig, 1761 // ОРК и Р. НБ. МГУ. Ф.А.П. Ермолов. Каталог книг.

ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКИХ ОБРАЗОВ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.

Рущинская И.И.,

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра региональных исследований,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ключевые слова: путеводитель, образ региона, туристская индустрия, стереотипы, массовая культура

Keywords: guidebook, image of the region, tourism industry, stereotypes, popular culture

Аннотация. Во второй половине XIX века в российской провинции началось становление туристской индустрии. Данный процесс сопровождался формированием новых – туристских – образов российских регионов. Текстами, зафиксировавшими указанные образы, стали провинциальные путеводители. В статье изучаются туристские образы как таковые и их особенности, обусловленные российским культурным контекстом второй половины XIX – начала XX в.

Formation of the tourism industry in Russian province began in the second half on XIX century. This process was accompanied by creation of new tourist images of Russian regions. These images were represented in Russian provincial guidebooks. The article examines the phenomenon of tourist images and Russian tourist images in cultural context of the second half of XIX – early XX centuries.

Согласно определению Д.Н. Замятина, культуролога, основоположника нового научного направления – культурной географии, «географический образ – это совокупность ярких, характерных, сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т.д.)» [1, с. 48]. Для данного исследования принципиально важным является замечание ученого относительно инвариантности географических образов: возникающие произвольно или формируемые путем целенаправленных усилий, они «могут принимать различные формы в зависимости от целей и задач, условий их создания, наконец, от самих создателей образов» [1, с. 48]. Образ региона можно сравнить с портретом: созданные разными авторами, с разными установками и целями, изображения одного и того же персонажа могут довольно сильно отличаться друг от друга.

Образы, создаваемые в ходе осуществления туристкой деятельности, востребованные конкретной аудиторией, транслируемые посредством собственных каналов, обладают рядом индивидуальных особенностей. Для акцентирования этих особенностей используется понятие «туристский образ» (страны, региона, города и т.д.).

В настоящее время туристский способ изучения пространства, туристские образы являются наиболее распространенными и массово востребованными. Они формируются целенаправленно в рамках маркетинга территорий, их транслируют средства массовой информации, Интернет, самые разные виды рекламы. Ими оперируют миллионы туристов.

Можно ли говорить о существовании данного варианта образов применительно к российским регионам второй половины XIX- начала XX в.? И если да, то каковы его осо-

бенности, заданные эпохой зарождения и первоначального распространения российского туризма? Нас в данном случае интересует не степень развития маркетинга территорий, а видовая и временная специфика туристских образов.

С середины XIX в. каналом, созданным целенаправленно для трансляции данных образов пространства, был путеводитель. Он отвечал на запросы нового «потребителя территории». Парадокс российской ситуации заключался в том, что количество, качество, разнообразие бедекеров, уровень развития жанра, призванного обрисовывать туристское пространство, намного опережал степень и скорость формирования самого этого пространства. Инфраструктура, сервис, дороги, комфорт, разнообразие экскурсий и программ, обеспеченность специально подготовленным персоналом – все эти элементы находились в зародышевом состоянии, особенно в таких регионах, как Урал, Сибирь, Европейский Север. Бедекер описывал пространство для туриста, но это пространство еще не было сконфигурировано под него.

Опережающее развитие жанра было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, путеводитель, как это не раз бывало в истории отечественной культуры, был скопирован с зарубежных образцов. Наричательное слово «бедекер» было широко распространено в Европе. Начиная с 1827 г., немецкий издатель Карл Бедекер издавал считавшиеся образцами точности и добросовестности путеводители по Австрии, Германии, Франции и т.д. Рядом с ними существовали английские путеводители Дж. Мюррея и французские путеводители Джоан издательства «Nachette». Они были хорошо известны русским туристам и русским авторам. Последние, создавая свои бедекеры по России, следовали сложившимся в Европе канонам жанра. Отступление от этих канонов достаточно жестко критиковалось в прессе, где регулярно размещались отзывы на новые тексты данного жанра.

Во-вторых, быстрое развитие путеводителя в российской провинции пореформенного периода было обусловлено общественным подъемом в стране, укреплением региональной идентичности в период либеральных реформ. Именно во второй половине XIX в. формируется такой вид деятельности (не назовем это наукой), как краеведение. Изучение и популяризация истории, культуры, природы родного края воспринимались как патриотические задачи провинциальной интеллигенцией. Создание путеводителя, в котором комплексно и достоверно, но в то же время доступно и популярно описывались российские регионы, укладывалось в рамки краеведческой деятельности, служило задачам просвещения народа, что в полной мере соответствовало демократическому пафосу эпохи.

Можно говорить, что в российской провинции путе-

водитель был «активнее», чем в Европе, принимал более деятельное участие в конструировании туристских образов регионов. Он долгое время «работал» над созданием туристских образов в союзе только с периодическими печатными изданиями. До самого конца XIX в. незначительными были объемы имиджевой рекламы, тиражи почтовых открыток, изобразительных и фотоальбомов. Такой, например, канал, как отзывы самих туристов, учитывая немногочисленность первоначальных туристских потоков, мало дополнял источниковую базу представлений о регионе.

Несформированность туристского пространства и малочисленность форм его презентации не снимали специфики подходов к интерпретации территорий, осуществляемых в рамках туристской деятельности, однако накладывали на них свой отпечаток.

Анализируя географические образы путешествия, Д.Н. Замятин указывает, что они «отличаются сравнительной компактностью, простотой и надежностью, они тесно связаны со стереотипами» [1, с. 85]. Это определение можно отнести к туристским образам, в том числе транслируемым через путеводители. А.В. Павловская называет путеводители «энциклопедией стереотипов» [4, с. 165]. Это высказывание верное, в особенности по отношению к тому виду путеводителей, в которых представлен взгляд со стороны, то есть написанных за пределами описываемой страны или региона. Когда же речь идет, как в нашем случае, о региональных путеводителях, выступающих формой самопрезентации, авторы достаточно часто ставят перед собой задачу разрушения существующих стереотипов. Нередко современные бедекеры такого типа включают фразы: «показать подлинный (город, регион)», «очистить от поверхностных представлений» и т.д. Как правило, сформулированная цель остается благим пожеланием. Конечно, в них не будет высказываний вроде: «Ботвинья - не только состоит из сырых трав, ягод, рубленых огурцов, черного хлеба, осколков льда и холодной рыбы, но к тому же все эти ингредиенты плавают в холодном квасе» [4, с. 169]. Однако утверждения: «Волга – главная артерия России», «Во всем мире понятно выражение «сибирские морозы», «Крым – общероссийская здравница» и т.д. в большом количестве встречались и встречаются в текстах путеводителей. И дело не просто в литературных штампах, к которым часто прибегают их авторы. Путеводитель и вся туристическая индустрия не могут обойтись без узнаваемых, упрощенных, растиражированных символов территории. Более того, они составляют конструктивную основу туристского образа. Эти символы (в наши дни они получили название «территориальных брендов») являются своеобразными реперными точками региона. Движение по его территории невозможно без остановок на них.

Наличие всего остального – типичного, не уникального, повседневного - не является обязательной характеристикой туристского региона: оно вторично, представляет собой своеобразный фон, общий не детализированный контекст. В этом заключается одно из главных отличий туристского образа от образов, например, социально-экономических, для которых не менее (а, быть может, и более) важны факторы типичные, характерные, широко распространенные.

Путеводитель, как инструмент конструирования образа, должен выделить наиболее значимые объекты, сделать легко запоминающимися, придать им характер устойчиво-

го стереотипа. Однако данная форма конструирования образа еще не имела в России пореформенной эпохи ни сложившейся традиции, ни опоры в реальном пространстве. Так, обязательным условием выделения объекта в качестве символа туристской территории должна быть его доступность, то есть наличие комфортных и безопасных дорог, ведущих к памятнику. По отношению ко многим объектам, например Урала или Сибири, о подобных условиях говорить не приходилось.

На протяжении изучаемого периода набор региональных символов только начинал формироваться. Вся страна знала о Волге – символе не только региона, но и России в целом, реке-кормилице, символе купеческой торговли и казацкой вольницы, о Соловецком монастыре – памятнике монашеского подвига и монашеских трудов, о Малаховом кургане в Севастополе – символе патриотизма, подвига российских воинов и т.д. Однако большинство региональных объектов были мало известны не только в России, но и непосредственно в регионе. Кроме того, храмы и монастыри традиционно выступали объектами паломничества, но не рассматривались как достопримечательности. Открытие иконописи как художественного феномена произошло только в начале XX в. (точнее, в 1913 г.). Многие гражданские постройки воспринимались в регионах только с точки зрения их функционального назначения. То есть значительная часть памятников культуры функционировала в других пространствах – сакральном, бытовом, не предполагавших практик их массового осмотра. Туризм еще только начинал «присваивать» памятники, переводить их в пространство функционирования массовой культуры. Очень часто путеводители были первыми текстами, которые указывали массовому путешественнику на возможность другого способа взаимодействия с указанными объектами.

В путеводителях К. Бедекера с 1842 г. была введена система «звездочек», которыми помечались наиболее важные достопримечательности, те, которые нельзя пропустить. (Позже и Дж.Мюррей стал использовать их в своих изданиях.) В российских текстах XIX – начала XX в. не мог существовать подобный прием. За ним стоит определенный уровень освоения, подчинения пространства, наделения его особыми, важными в контексте данных практик ценностями и смыслами, выстраивание собственной лестницы иерархий.

В пореформенную эпоху освоение российского пространства в подобном ключе только начиналось. Постепенно на протяжении изучаемого периода сформировался список обязательных к осмотру достопримечательностей, туристская индустрия включила их в сферу своей деятельности, сделала экскурсионными объектами, но, проведя «первичную инвентаризацию» и присвоение объектов, не придала этой системе той жесткости конструктивной иерархии, которую можно было видеть в пространстве европейского туризма. Даже на исходе изучаемого периода в путеводителях можно было встретить описания, в которых отсутствовал любой намек на иерархичное устройство туристского пространства: «В Кинешме есть телефон, водопровод, городской театр имени А. Островского, усадьба писателя» [5, с. 16]. Типичное и уникальное, профанное и культурно-значимое соединены в этом нивелирующем перечислении в единое целое. Такое описание города вряд ли можно назвать туристским по своей сути, оно скорее

напоминает статистические обзоры и отчеты (к которым, кстати, часто обращались авторы провинциальных бедекеров как к источнику сведений о регионе).

Исключение типичного, не-уникального из туристского пространства осуществляется, как правило, самым простым способом – о нем не упоминают, не пишут, его не замечают. В результате оно как бы не существует. Туристское пространство состоит только из неповторимого, которое ранжировано разным количеством звездочек. Российские путеводители второй половины XIX – начала XX в. достаточно четко формулировали степень привлекательности туристских объектов. Однако на данном этапе они не могли пройти мимо, вычеркнуть из описываемого пространства, например, населенный пункт. Страницы региональных бедекеров (за исключением крымских) достаточно часто утверждают: «не содержит ничего интересного для туриста», «мало привлекателен для туриста», «не может привлечь внимания приезжего» и т.д. Однако, сделав подобное утверждение, автор, тем не менее, задерживался в «неинтересном» населенном пункте хотя бы для того, чтобы указать на количество его жителей и их занятия. Подобным описанием разрушается структура и логика туристского пространства. Оно расширяется, включая то, что изначально должно быть безжалостно исключено.

Туристское пространство региона заведомо «меньше» по своим размерам, чем территория региона. То есть их площадь, границы, конечно же, совпадают, но если мысленно наложить географическую и туристскую карты региона, окажется, что на последней отсутствует большое количество объектов.

Туристский регион – это территория массовой культуры, где действуют свойственные ей логика, стратегии, формы интерпретации. Ментальное конструирование этого региона включает ряд операций: уменьшение размеров, демонтаж всего «лишнего», выстраивание собственной иерархии ценностей, отбор объектов, их «присвоение» и реинтерпретация, в результате которой памятники истории, культуры, природы становятся достопримечательностями, брендами. Кроме того, в туристском регионе резко возрастает роль визуального восприятия окружающего.

Многие, даже значимые элементы географических образов регионов не являются столь же значимыми для формирования образов туристских. Так, говоря о восприятии Сибири в России второй половины XIX- начала XX в., все современные исследователи обязательно упомянут амбивалентность существовавшего образа. С одной стороны, в стране были прочными представления о Сибири, как о месте каторги и ссылки, с другой, как о крестьянском рае, с обилием плодородных земель и отсутствием крепостного права; с одной стороны, Сибирь – место вечного холода и мглы, далекая и чужая окраина, с другой, – богатейший край, природная кладовая страны. В сибирских бедекерах в той или иной степени затрагивались подобные характеристики. Однако они никогда не становились главным предметом описания, о них говорили наряду с множеством других. И обсуждали эти вопросы не на общетеоретическом или идеологическом уровне, они возникали по ходу путешествия, сводились к конкретной ситуации, конкретному месту: «Арестант должен много натворить, чтобы попасть в Калымский край, носящий официально почетный титул: «...места, для жительства неудобные». Таким образом, на северо-восток попадают подонки острога, самые

закоренелые или неисправимые преступники» [2, с. VIII].

Это не значило, что конструируемые бедекерами образы регионов не дополняли, не вносили новые черты в видение территорий. Детальность и подробность описания, всматривание в элементы пространства, пошаговое его сканирование могли добавить много нового к пониманию региона, расширить и конкретизировать представления о нем. Если продолжить пример с Сибирью, то бедекеры помогали формировать разнообразный и многослойный образ. На страницах этих книг представал край с большими городами, с европейским стилем жизни, с достаточно интенсивной культурной, научной и торговой деятельностью, быстро развивающийся, доступный для посещения, а значит, не столь уж отдаленный и т.д.

Кроме того, подмеченная учеными амбивалентность, противоречивость образа Сибири сглаживалась, не падалась в туристском пространстве. Вообще, описания любого региона, даже если в текстах подвергались нещадной критике и уровень его развития, и степень благоустройства, и образ жизни населения и т.д., никогда не были окрашены в безнадежные, удручающие тона. Настроение, которое транслировали бедекеры, было по преимуществу оптимистичным. Пусть настоящее края выглядело не очень радостным, но его обязательно ожидало светлое будущее. Большой или меньший пафос, большую или меньшую эмоциональность можно рассматривать как индивидуальные авторские интонации или даже как региональные особенности жанра (так, поволжские путеводители в целом более торжественны и демонстративно-патриотичны, уральские – более деловиты и прагматичны, сибирские – сдержанны в проявлении эмоций и реалистичны и т.д.). Но оптимизм – общая черта бедекера как жанра, независимо от времени и места его создания. Он источает бодрость, заинтересованность, активность. Соответственно конструируемая путеводителями реальность, транслируемые образы обладают этими же чертами.

Для туристского пространства характерно особое соотношение природного и культурного ландшафтов. Турист имеет дело с культурным ландшафтом, даже если он путешествует в пустыне и не видит вокруг никаких признаков жизни. Культурный ландшафт, по определению В.Л.Каганского, представляет собой ландшафт, «освоенный утилитарно, семантически и символически» [3, с. 63]. Если туриста доставили в пустыню, провели по разработанному маршруту, экскурсовод рассказал истории и легенды, связанные с окружающими местами, следовательно, можно говорить о том, что данное пространство человеком освоено. В результате у путешественника возникает чувство «окультуренности» окружающего мира, власти над ним человека. Однако в России второй половины XIX в. такое впечатление могло сложиться только у туристов, передвигающихся в развитых туристских регионах – в Крыму и Поволжье. В описаниях этих регионов природа дикая, не наделенная смыслами и значениями, вкрадывалась редко, отступала перед натиском человеческой цивилизации. Когда речь шла о трех других макрорегионах страны, то турист ежечасно осознавал, что пространство, подвластное человеку, тянется тонкой линией железной или речной дороги в огромном массиве лесов, тайги, гор, куда действительно не ступала нога человека. Но даже на отвоеванном участке власть человека не была безоговорочной: природа чрезвычайно часто вмешивалась самыми раз-

ными катаклизмами в непрочное человеческое устройство. В результате разрушалось характерное туристское чувство безопасности окружающего мира.

Провинциальные путеводители мало помогали человеку в формировании спокойно-радостного мировосприятия, рассказывая о сложностях и опасностях пути достаточно откровенно.

Таким образом, путеводители изначально были созданы для того, чтобы описывать туристское пространство, сформированное культурой для новых массовых досуговых практик. Оно, с одной стороны, выстраивается на реальной территории, как часть целенаправленно организованного культурного ландшафта, с другой стороны, представляет собой ментальный конструкт, результат новых форм видения и интерпретации пространства.

Специфика российской ситуации второй половины XIX – начала XX в. заключалась в том, что процесс перекармливания физического пространства под туристские практики находился на начальном этапе, туристская инфраструктура не соответствовала сложившимся на тот период европейским нормам, о чем авторы путеводителей сами неоднократно предупреждали своего читателя.

Быстрее шел процесс ментального конструирования этого пространства, заключавшегося в «присваивании» и реинтерпретации многих его элементов. Сам факт появления и быстрого распространения путеводителей, созданных для этих целей, говорил о востребованности новых форм видения мира. Однако указанный процесс проходил при постоянном «сопротивлении пространства», требовал преодоления его инертности.

В итоге, можно сказать, что туристские образы пространства отличаются от образов, сформированных в рамках других видов деятельности, набором различных параметров: они наполнены стереотипами, широко растиражированными и легко узнаваемыми элементами; оперируют понятием «уникальное» и игнорируют «обыденное»; имеют собственную иерархию пространства и систему ценностей; более динамичны, предполагают наличие значительного визуального компонента. У отображаемого в

этих образах пространства иная конфигурация и меньшая наполненность объектами; оно гармонично и непротиворечиво по своему характеру, даже если соединяет противоречивые характеристики; наконец, оно оптимистично, нетребовательно и доброжелательно по отношению к человеку. Способы его постижения более динамичны.

Однако в российском провинциальном пространстве все эти черты проявлялись не однозначно, а порой не проявлялись вовсе, что является не только «русской спецификой», но и стадийной особенностью наблюдаемого процесса. В результате нельзя говорить о существовании туристских, в полном смысле этого слова, образов российских регионов, отраженных на страницах провинциальных бидеков второй половины XIX – начала XX в. Туристские образы создаются и живут в пространстве массовой культуры. В условиях, когда массовая культура только начинала распространяться в российском пространстве, элементы, характерные для данного способа видения, репрезентации и интерпретации пространства, соединялись с элементами, характерными для доиндустриального общества, содержали элементы картины мира, противоречащие логике масскульта. Недаром многие русские путеводители часто подвергались в прессе критике именно за отступление от канонов жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
2. Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России с подробным дорожником. Вып. 1. Томск: пар. тип. П.И. Макушина, 1895. 463 с.
3. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в культурной географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62-70.
4. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев 1850-1880-е годы. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1998. 303 с.
5. Путеводитель Волги, Оки и Камы с их притоками. Н.Новгород, 1914. 312 с.

РАЗВИТИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА КАК ПРАВОВОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА: ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВА К РОССИСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Сморгунова В.Ю.,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующая кафедрой теории права и гражданско-правового образования,
декан юридического факультета,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: мультикультурализм, глобальное гражданское общества, философия права и политики, толерантность, образовательное законодательство, гражданское общество, права человека

Key words: multiculturalism, Global civil society, Philosophy of Law, Philosophy of Politics, Educational Law, Civil Society, Human Rights

Аннотация. В последние годы феномен мультикультурализма, возникший на Западе, стал приобретать глобальный характер, получив свое развитие как в странах Латинской Америки, так и в российском политико-правовом пространстве. Статья посвящена анализу истоков мультикультурализма как политического и правового принципа, исследованию процессов реализации данного принципа в российской политической и правовой действительности. Автор включается в дискурс и опирается на работы ведущих северо-американских и западно-европейских авторов, вводя их в современный российский научный оборот, показывая значение зарубежного опыта в решении проблем современного российского мультикультурализма, связанного с соблюдением прав человека.

During the last years multiculturalism as the phenomenon received the status of a global phenomenon. It was born in the West and did influenced Latin America. Also multiculturalism affected the Russian political and legal space. The article is devoted to the analyses of the roots of multiculturalism as a political and a legal principle, it studies the implementation of this principle into Russian political and legal reality. The author takes part in the discourse on multiculturalism and uses the publications of the key North American and European scholars, the author includes their works into the modern Russian social research, shows the significance of the Western tradition in the understanding of modern Russian multiculturalism; points out the relationship between multiculturalism and Human Rights.

Феномен мультикультурализма, история которого связана с политико-правовым пространством США и стран Западной Европы, активно внедрился в последнее десятилетие в ряде стран Латинской Америки, особенно, в Бразилии и Аргентине. Россия как многонациональное государство и как социум, находящийся в центре политических процессов, аккумулирующих вызовы Европы, Средней Азии, Китая и других пограничных держав, также остро ощущает потребность выработки системных политических технологий и ориентации правоприменительной практики, нацеленной на освоение феномена мультикультурализма.

В современной западной философии появились в последние годы новые понятия, которые берут на себя функцию осмысления новых социально-политических и социокультурных реалий. Современная западная философия права и политики, опираясь на значительный массив научных изысканий, предметом которых является гражданское общество и правовое государство, выявляя современные

процессы интернационализации гражданской жизни и тенденции к глобализации общественной практики, ставит вопрос о зарождении глобального гражданства. В свою очередь, западноевропейский правовой и политический дискурс о гражданском обществе начинает осваивать тему глобального гражданского общества. Последняя тема тесно связана с осмыслением тех принципов, на которых может базироваться формирование скрепляющего глобальное гражданское общество механизма.

Обращаясь к анализу гражданского общества, где и вызревают новые явления общественной жизни, становится очевидным, что важнейшую из значимых ролей в составе цементирующих современное западное гражданское общество принципов играет принцип мультикультурализма. Термин «мультикультурализм» используется многими современными зарубежными исследователями. К числу разработчиков теории мультикультурализма относятся: М. Уолцер, Ч. Тейлор, У. Кимлика, Дж. Рац, Ю. Хабермас, Дж. Грей и ряд других. Взрыв интеллектуального интереса к феномену мультикультурализма и когнитивному его отражению в «списке» вопросов, включенных в дискурс о гражданском обществе, стал заметным, начиная с 1990 года. Фактором повышенного интереса стало то обстоятельство, что многонациональное и мультикультурное население США перестало быть уникальным. Тенденции к развитию мультикультурного общества стали очевидны и в Западной Европе. Стало ясно, что здоровье и стабильность демократического устройства общества зависит не только от базовых демократических институтов, эффективного действия традиционного механизма демократии. Стало понятно, что оно определяется также и качествами, которыми обладают граждане, а также их позицией в ряде социальных вопросов. Важным стало считаться наличие чувства идентичности (национального, этнического, религиозного, корпоративного и др.), обладание толерантностью и способностью терпимо относиться и работать с представителями других культур, включая культурные меньшинства, гражданской лояльностью, цивилизованностью. И если ранее в западной литературе о гражданстве говорили в связи с обсуждением вопроса о конституционных правах, процедурах принятия решений, то сейчас на передний план обсуждений в работах по гражданству выходят темы идентичности, темы гражданской ответственности и приверженности принципу мультикультурализма.

Без колебания современные общества могут быть охарактеризованы как обладающие глубоким разнообразием и культурным плюрализмом. Ранее применительно к про-

блемам гражданства теория права и политики практически игнорировала тему разнообразия. «Нормальным «гражданином» считался здоровый белый гетеросексуал мужского пола. Любой, кто отклонялся от этой модели нормальности, становился предметом исключения, маргинализации, умолчания или ассимиляции. Таким образом, небелым группам часто отказывали войти в западные демократии, а если и разрешали, то от них ожидали ассимиляции...», - так разоблачает пороки монокультурного общества канадский ученый Уилл Кимлика.¹ Описанный выше подход распространялся на лиц с физическими недостатками, на иммигрантские общины, на представителей религиозных и этнических меньшинств.

Новые условия демонстрируют тот факт, что мультикультурализм становится своеобразным «гражданским зонтиком», предохраняющим все незащищенные группы населения от невзгод сложной и противоречивой жизни гражданского общества. Мультикультурализм, мы полагаем, пересекается с таким принципом гражданско-правовой культуры, как принцип толерантности. Однако совершенно очевидно, что объем и содержание этих понятий разные. В качестве ориентира для сопоставления приведем суждение ведущего английского теоретика политики и права либерального исследователя Джона Грея. «Когда мы терпимо относимся к чьим-то действиям, убеждениям или чертам характера, это означает, что мы признаем это нежелательным, неправильным: наша толерантность выражает убеждение в том, что несмотря на свою неполноценность, объект, который мы терпим, имеет право на существование... Как могли бы выразиться представители оксфордской школы аналитической философии прошлых лет, логика толерантности такова, что она применима именно к грехам», - утверждает Джон Грей.²

Толерантность, терпимость, безусловно, относится к числу гражданских добродетелей, выступая фактором консолидации людей, сообществ, всего гражданского общества. Она, на наш взгляд, является основанием для следующего уровня развития гражданско-правовой культуры, который одновременно является и принципом организации жизни гражданского общества- мультикультурного гражданства. Однако принцип терпимости не утрачивает своей важной роли на всех этапах развития гражданского общества, не поглощается и не отменяется другими принципами. Наиболее значимым итогом теоретического осмысления процесса развития мультикультурного гражданского общества в современном общественном сознании является работа Уилла Кимлики «Мультикультурное гражданство. Либеральная теория прав меньшинств».³

В отечественном правовом пространстве, включающем в свой состав право, правопорядок, правовую культуру граждан, принцип мультикультурализма еще не нашел своего значимого и адекватного воплощения. Вместе с тем, принцип мультикультурализма, формируемый в процессе признания богатства культурных ресурсов различных неравных этнических, религиозных, гендерных и других групп, при своей реализации способствует достижению гражданского мира, снятию межэтнической, социальной, политической и духовной напряженности.

Справедливость требует того, чтобы отметить, что на Западе принцип мультикультурализма реально реализуется на всех уровнях правового пространства. Он нашел свое воплощение и в образовательном законодательстве веду-

щих стран мира (Например, так называемое Affirmative Action – Закон об Утвердительном действии – в США.⁴ и др.).

Раскрывая суть этого закона, необходимо отметить, что в США было признано, что в отношении афро-американцев должен быть выработан специальный подход, включающий ряд мер, связанных со способами компенсации за прошлую несправедливость.

К числу этих мер относится гарантированность политического представительства (переделка границ избирательных участков для создания районов с черным большинством), поддержка различных форм самоорганизации черных, а также меры, способствующие их интеграции, субсидии для образования, субсидии для поддержания исторически существовавших «черных» колледжей, развитие системы льгот при зачислении афро-американцев для обучения в университеты и замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава в колледжах и университетах США. Этот закон именуется Законом об Утвердительном действии и связан с деятельностью американского Президента Линдона Джонсона, который в 1965 году издал Указ за номером 11246, согласно которому Министерство труда США было обязано предоставлять государственные контракты на основании расового принципа.

В своей инаугурационной речи по случаю вступления в силу этого Указа Л.Джонсон назвал его «утвердительным действием» (отсюда – и название закона) и условием для торжества демократии. Он верил, что воплощение в жизнь «американской мечты» должно быть связано с политикой предоставления ранее непривилегированным группам преимуществ в образовании и устройстве на работу. В своей сути это – нормативно-правовое регулирование механизма приема на работу или учебу, когда в расчет принимаются не способности и результаты, продемонстрированные ранее, а принадлежность к определенной группе (расовой, этнической, сексуальной, к группе лиц с ограниченными физическими возможностями).

Постоянно проходящие дебаты о правах меньшинств, политические действия по их защите, правовой статус граждан и их различных категорий, особенно, применительно к образованию, осмыслению образовательных прав граждан – естественные проблемы, которые находятся в центре международного дискурса о гражданском обществе, праве и государстве.

Эти проблемы постепенно становятся актуальными и для российского общества. Они нуждаются, на наш взгляд, в опережающем отражении в системе российского права. Если иметь в виду когнитивно-ценностную сторону жизни гражданского общества, его духовную сферу и содержание, составляющие гражданский менталитет и относящиеся также к гражданско-правовой культуре, то мультикультурализм нам видится как существенная гражданская добродетель, которую можно и нужно формировать у граждан России и которая, вне всякого сомнения, должна стать предметом гражданского воспитания.

Действительно, подлинно демократическое общество основано на плюрализме и возможности проявления культурных различий (этнических, религиозных, гендерных, профессиональных; различий, связанных со здоровьем людей и ограничениями по здоровью). Однако в обществе, а российское общество порой это демонстрирует, все же

могут возникать конфликты, связанные с настороженным или даже негативным отношением к представителям других культурных общностей, доходящим иногда до крайних проявлений – ксенофобии, национализма, экстремизма. Российское государство в лице своих государственных органов вынуждено принимать меры по противодействию этим явлениям. В интересах борьбы с ксенофобией в России принимаются ряд нормативных правовых актов по вопросам толерантности и противодействия экстремизму и ксенофобии.

Толерантность как модус мультикультурализма должна пониматься не просто как терпимое отношение к чему-то иному, отличающемуся от привычного нам. Она базируется не только на осознании. Но и на принятии факта разнообразия окружающего мира. Толерантность выступает одним из важнейших базисных слоев мультикультурализма как принципа общественной и политической жизни и как правового принципа. Именно признание этнического, религиозного, гендерного, профессионального разнообразия людей, т.е. признание принципа мультикультурализма, может содействовать преодолению культурного негативизма у российских граждан, способствовать формированию атмосферы толерантности и доверия между людьми в российском обществе.

Для России тема мультикультурализма как принципа организации гражданского общества – практически новая,

однако, мультикультурализм как феномен социальной, экономической, политической, духовной жизни является объективной характеристикой строя жизни России. Именно поэтому потребности выработки адекватной российской истории и культуры модели гражданского общества, его строительство, утверждение и развитие принципов правового государства, задачи совершенствования правовой культуры выступают в качестве наиболее значимых для всего правового пространства России.

СНОСКИ:

1. См.: Will Kymlicka. Multiculturalism. In.: Will Kymlicka. Contemporary Political Philosophy. An Introduction. Ch.8. Oxford: Oxford Univ. Press. 2002. P.327.

2. См.: Джон Грей. Поминки по Просвещению. Пер. с англ. М., Праксис. 2003. С.46.

3. См.: Will Kymlicka. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford Univ. Press. 1996.

4. См.: Girardeau A.Span. The Law of Affirmative Action. Twenty-Five Years of Supreme Court Decisions on race and Remedies. New York and London:New York Univ. Press. 2000; Hugh Davis Graham. Collision Course. The Strange Convergence of Affirmative Action and Immigration Policy in America. Oxford: Oxford Univ. Press. 2002.

РАБОТА ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ РАЗРУШЕННОГО ХОЗЯЙСТВА
ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1943-1953 ГГ.).

Щекотихин Е.Е.,
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории,
Орловский государственный университет
Гаврилина Л.Л.,
старший преподаватель,
кафедра отечественной истории,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: Орловская область, послевоенный период, Областной Совет народных депутатов, исполком
Key words: Orel region, postwar period, Regional Soviet of people's deputies, executive committee

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления деятельности органов Советской власти в послевоенный период, а также результаты восстановления разрушенного хозяйства Орловщины в период 1943-1953 гг.

The article deals with main directions of the activity of organs of Soviet Government in the postwar period and the results of restoration of the ruined economy of Orel region in 1943-1953.

Невероятные бедствия принесла нашей стране Великая Отечественная война. Отступая под ударами Красной Армии, гитлеровские захватчики подвергли варварскому разрушению города Орел, Болхов, Мценск, Новосиль, стерли с лица земли сотни населенных пунктов. Только в Орле было взорвано и сожжено около 1500 домов. Германское информационное бюро, сообщая о падении Орла, писало: «В Орле большевики не найдут ни одной фабрики, ни одного завода. Жилые дома стоят без крыш, город полностью разрушен».

В 1943 году СНК СССР и РСФСР принимает специальные постановления о первоочередных мероприятиях по восстановлению городов: Воронежа – 19 апреля, Калинина – 15 мая, Курска – 19 мая, Краснодара – 22 мая, Ростова – 26 июня, Вязьмы – августа, Орла – 5 октября, Смоленска – 29 октября; 19 ноября 1944 года Севастополя. Согласно этим постановлениям только на первоочередные мероприятия по восстановлению перечисленных городов ассигновалось около 200 млн. руб. 21 августа 1943 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйств в районах, освобожденных от немецкой оккупации»¹.

Этим постановлением была намечена более обширная программа восстановительных работ не только в разрушенных городах, но всей, бывшей оккупированной врагом, территории. В частности, предусматривался ряд мероприятий по оказанию помощи населению освобожденных районов в восстановлении и строительстве жилищ. Перед местными партийными и советскими органами была поставлена первоочередная задача – широко развернуть строительство жилых домов из местных строительных материалов. Намечено было строительство заводов по производству строительных материалов. Большие средства отпускались на индивидуальное строительство.

Из государственных резервов, из расположенных на

востоке областей и республик страны в Орловскую стали поступать станки, машины, оборудование для восстанавливаемых предприятий промышленности и транспорта, строительные материалы продовольствие, одежда, топливо, сырье, а для сельского хозяйства – семена, инвентарь, машины, скот, птица.

За два месяца после освобождения в городе было восстановлено 2 водопроводные станции, 8 пекарен, пущена первая очередь дизель-электростанции, налажена работа всех четырех направлений железнодорожного узла. Восстановлена связь. Работали баня, кинотеатр, клуб, 44 магазина, 26 столовых, обслуживающих 11 421 чел. С августа действовали 12 предприятий и 13 промартелей, на которых было занято 2615 чел. В августе – сентябре выпущено продукции на 2 млн. руб. Восстановлены детские учреждения: 13 школ, в которых обучалось 7 273 учащихся, 11 детских садов, 4 яслей, 2 детских дома.

Наряду с финансовыми ассигнованиями правительство обязало многие наркоматы выделить необходимые строительные материалы, оборудование и квалифицированную рабочую силу. На восстановление ведущих предприятий в города были направлены специализированные тресты и строительно-монтажные проектные организации из Москвы и промышленных центров тыла. Помощь городам по государственной линии, начатая в 1943 г., продолжалась в течение всего восстановительного периода в возрастающих размерах.

По мере освобождения районов области их населению немедленно включались в восстановительные работы. Еще 30 июля 1943 года, за полтора месяца до полного освобождения области, бюро обкома партии приняло постановление «Об очередных задачах партийных, советских и комсомольских организаций в освобожденных районах»². В нем была определена конкретная программа восстановления органов власти, экономики, налаживания культуры и быта в освобожденных районах. Началась реализация всего намеченного. Горисполком принял решение о привлечении рабочих, служащих и домохозяек в свободное от работы время к восстановлению городского хозяйства. Каждый человек должен был отработать не менее 100 часов на стройках города.

Орловский облисполком 23 сентября 1943 г. принял постановление «О ходе строительства заводов стандартного домостроения».

«В связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б)

1. Правда. – 1943. – 22 августа

2. Очерки истории Орловской организации КПСС. Изд. 2-е, испр. И доп. – Тула, 1987. С. 232

от 21.08.43 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, утвердить в системе «Брянскстройлес» строительство 6 заводов стандартного домостроения производственной мощностью по 80 квартир в месяц каждый в следующих пунктах:

- станция Мылинка Карачевский район – сентябрь 1943 г.;
- ст. Еленская Селецкого завода Хвастовичский район – ноябрь 1943 г.;
- ст. Белые Березки Трубчевский район – декабрь 1943 г.;
- ст. Алтухово Навлинский район – декабрь 1943 г.;
- ст. Кокоревка Суземский район – ноябрь 1943 г.;
- ст. Брасово Брасовский район – ноябрь 1943 г., в том числе для Орловской области – Мылинский, Еленский, Селецкий и Кокоревский, для Курской области – Алтуховский и Брасовский»³. Результатом этой работы стало то, что к весне 1944 года из землянок, шалашей и подвалов перевелись в восстановленные и построенные дома свыше 200 тысяч жителей городов и сел Орловщины

Известно, что в годы войны десятки, сотни детей и подростков остались без родителей. Этот не остался без внимания органов Советской власти. Орловский облисполком 30 сентября 1943 года принимает соответствующее постановление «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в районах, освобожденных от немецких оккупантов», в котором предусматривалось:

«В целях ликвидации беспризорности и безнадзорности детей в районах, освобожденных от немецкой оккупации Исполком облсовета решил:

До 15.10.43 г. организовать детприёмники-распределители НКВД, содержащиеся на местном бюджете, в городах Брянск – 100, Локоть – 50, Почеп – 50, Новозыбков – 50, Унеча – 50. Обеспечить детприёмники одеждой, обувью, продуктами питания»⁴. В марте 1943 года Орловский областной совет депутатов трудящихся принял решение об открытии 3 детских домов на 300 детей. На организацию и содержание было выделено 80 тыс. рублей из областного бюджета.⁴

Кроме того, Исполком принял решение «Об организации питания ослабленных детей в освобожденных от немецких оккупантов городах», которым предписывалось: «В целях укрепления здоровья ослабленных детей, в первую очередь детей, потерявших родителей в городах, освобожденных от немецкой оккупации организовать усиленное питание для детей освобожденных от немецкой оккупации городов, путём открытия детских диетических столовых на 2750 человек... Столовым обслуживать детей в возрасте от 3 до 13 лет 2-х разовым питанием»⁵.

В условиях военного времени, преодолевая огромные лишения, трудящиеся Орловского края с невиданным энтузиазмом приступили к возрождению из руин городов, сел, предприятий, колхозов, совхозов, школ, больниц, учреждений культуры. Повсеместно создавались добровольные строительные бригады. Например, медицинские работники Мценска ежедневно после работы трудились на восстановлении лечебных учреждений. Уже в октябре 1943 года в г. Орле работало 26 предприятий. Шли дальнейшие работы по восстановлению железнодорожного узла, мо-

стов, водопровода, электростанции, трамвая. Возрождались учреждения культуры. 3 октября 1943 года в Орле дал свой первый спектакль кукольный театр. В области было восстановлено 39 кинотеатров, 4 музея, 137 городских и сельских библиотек, 3 драмтеатра. В феврале 1944 года открыл дверь и для посетителей музей И. С. Тургенева. В городе начали действовать две больницы, родильный дом, изолятор.

Огромные трудности приходилось преодолевать и при восстановлении сельского хозяйства. Для обработки колхозной земли, не хватало тракторов, лошадей. Многие тракторы и другие машины требовали капитального ремонта. На полях трудились преимущественно женщины и дети. Весна 1944 года была особенно тяжелой для тружеников сельского хозяйства. О том, какое «наследство» оставили немецкие оккупанты на землях Орловской области, говорится в нижеследующем документе, хранящемся в архивном деле Орловского облисполкома.

СПРАВКА

«О фактических полных площадях сельскохозяйственных культур, наличии тракторов и рабочих лошадей в колхозах и совхозах Орловской области на 1944 год»⁶

Наименование	Ед. изм.	Было в 1941 г.	Имеется в 1944 г.
Всего посева зернобобовых и крупяных	га	2090400	1118500
в том числе: озимых	га	984100	478100
яровых	га	1106300	640400
технических	га	133700	30600
картофеля	га	200200	100000
кормовых	га	125300	20000
тракторов в переводе на 15-тисильные	шт.	9819	3 337
рабочих лошадей	голов	262000	68400

Осенью 1943 года и весной 1944 года тысячи колхозников лопатами копали землю под посев озимых зерновых культур, а в плуги впрягали уцелевших коров. Эта работа была сопряжена с большой опасностью для жизни, так как значительные массивы их оказались заминированными. Поля Новосильского, Мценского, Залегощенского, Моховского, Малоархангельского, Глазуновского, Троснянского, Покровского и некоторых других районов настолько были изрыты траншеями, дотами, дзотами и опутаны колючей проволокой, что использовать можно было не более 20–30 процентов их. Труженики колхозов и совхозов Орловщины совершили в этих условиях поистине героический трудовой подвиг: они дали Родине в 1944 году более 1,5 млн. пудов зерна и сотни тысяч пудов овощей.

В то же время население области испытывало неимоверную нужду. Сказалась двухлетняя оккупация, когда во время безвластия каждая семья выживала, надеясь только на свои силы. Большинство мужчин было на фронте, и все бремя жизни несла на своих плечах женщина-мать, имевшая, как правило, от 3 до 6 детей (средняя численность семьи на 1939 г. в Орловской области составляла 3,7 человека). Такое состояние было известно представителям Советской власти в Орловской области. Облисполком при-

3. ГАОО, ф. 1591, оп. 1, д. 180, л. 354

4. ГАОО, ф. 1591, оп. 1, д. 177, л. 105

5. ГАОО, ф. 1591, оп. 1, д. 184, л. 464

6. ГАОО, Ф. 1591, оп. 8с, д. 45, л. 369.

мает целый ряд мер (постановлений), которые в какой-то степени облегчали жизнь жителей области:

«О сложении на 1943 г. сельскохозяйственного налога с хозяйств, пострадавших от немецкой оккупации и стихийного бедствия, по ст. 26 Закона о сельхозналогах от 1.09.1939 г.» (№ 1456 от 18.12.43 г.);

«О распределении 1 500 000 рублей, отпущенных СНК РСФСР на оказание единовременной помощи эвакуированному населению, пострадавшему от немецкой оккупации» (№ 348 от 2.03.1944 г.);

«Об оказании помощи населению, пострадавшему от немецкой оккупации» (№ 923 от 24.05.1944 г.);

«О назначении государственного пособия на новорожденных детей многодетным матерям» (№ 725 от 17.04.44г.);

«О состоянии снабжения населения хлебом в январе месяце 1945 г. по г. Орлу» (№ 101 от 30.01.45 г.)⁷.

И все же промышленность и сельское хозяйство развивалось не так быстро и мощно, как хотелось руководству области. Имелись объективные и субъективные причины, обусловившие отставание в развитии экономики области. Прежде всего, это тяжелые последствия войны, невероятные разрушения, недостаток средств, техники и квалифицированных кадров. Система заготовок, цены и налоговая политика в деревне не заинтересовывали колхозников в увеличении сельскохозяйственной продукции. Тяжелый удар по сельскому хозяйству и всей экономике нанесла сильная засуха 1946 года.

В Орловской области восстановление народного хозяйства началось еще в ходе войны, сразу же после освобождения ее территории от немецко-фашистских оккупантов. Но в 1945 году большинство городов и сел еще лежало в развалинах. Количество хозяйств в колхозах области по сравнению с 1940 годом сократилось на 18 тысяч, а число трудоспособных колхозников уменьшилось почти наполовину. Так, в Болховском районе число колхозных дворов сократилось на 24 процента, а население – на 40 процентов; в Верховском районе соответственно – на 24 и 56 процентов; в Залегощенском – на 23 и 54; в Мценском – на 40 и 43; в Новосильском — на 44 и 36 процентов. На каждого трудоспособного колхозника приходилось около десяти гектаров пашни против пяти гектаров в 1940 году.

На полях громоздились разбитые танки, самоходные пушки, самолеты и другая военная техника, большими валами лежала колючая проволока, валялись глыбы вывощенного из земли бетона, всюду были окопы, воронки, дзоты, блиндажи. поголовье рабочих лошадей уменьшилось на 84,5 процента, у колхозов имели лишь по одной лошади. В колхозах не хватало основных сельскохозяйственных орудий и инвентаря. По сравнению с 1940 годом количество плугов составляло 33 процента, сеялок – 22 процента, жаток – 32, веялок и сортировок – 27 процентов. К 1945 году из 90 машинно-тракторных станций работали 78. Имевшаяся в них техника находилась в крайне изношенном состоянии, не хватало запасных частей, станков, инструментов, не было мастерских, гаражей. В это время обрабатывалось только около половины посевных площадей, а в таких районах, как Залегощенский, Мценский, Покровский и Глазуновский засеивалось лишь от 20 до 30 процентов пахотных полей.

Значительная часть пашни не была разминирована, и

восстановление ее часто было связано с опасностью для жизни людей. Нужны были специалисты-саперы. Шла война, и они все еще находились на фронте. И тогда было принято решение подготовить своих саперов из числа молодежи 1927-1930 гг. рождения.

11 октября 1944 года на совместном заседании Исполкома облсовета и Бюро обкома ВКП(б) рассмотрел вопрос «О ходе работ по разминированию и сбору трофеев в области».

На нем было отмечено, что «организацией ОСВИАХИ-Ма подготовлено 1056 инструкторов и бойцов-минёров, силами, которых с 20.09. по 30.10.44 г. в области проверена и разминирована площадь 131500 га, обезврежено 590000 противотанковых мин, артснарядов и авиабомб»⁸. И все же темпы, разминирования оставались низкими, на минных полях подрывалось люди, особенно дети. Было принято решение увеличить набор на курсы саперов, и с весны 1945 года продолжить интенсивную работу по разминированию полей области.

Положение населения нашей области усугубилось в связи с тем, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 г. из Орловской области были выделены западные районы и образована Брянская область, а четыре района (Дмитровский, Малоархангельский, Глазуновский и Троснянский) из состава Курской области присоединены к Орловской. Почти все крупные промышленные предприятия, разработанная сырьевая база и вся промышленность строительных материалов оказались на территории вновь образованной Брянской области. Орловская область осталась почти безлесной. Преобладающим в ее экономике стало сельское хозяйство. В связи с этим нужно было налаживать производство, изыскивать кирпич, черепицу, известь, цемент, шифер, шлакоблоки, лесоматериал, мебель, арматуру отопительных систем, стекло и многое другое, без чего немислимо вести восстановительные работы.

Орловский Исполком 3 февраля 1945 года принял постановление «О подготовке кирпичных заводов к производственному сезону 1945 г.», в котором предусматривалось «Начать подготовку кирпичных заводов к производственному сезону 1945 г.: подготовить технологическое оборудование, узкоколейные пути и сушильное хозяйство, печное хозяйство».

Закончить ремонт общежитий и столовых кирпичных заводов»⁹.

Для этой целью из бюджета области выделялись материальные средства.

В новых условиях перед партийными и органами области выдвинулась задача – с учетом географического положения, природных богатств и традиций определить главные направления развития экономики, ее наиболее рациональную структуру.

Но, тем не менее, уже к 9 мая 1945 г. к этому великому историческому событию, который вошел в скрижали нашей истории как День Победы над Германией, в области уже действовало 99 предприятий государственной и 55 кооперативной промышленности, было введено в строй 700 километров железнодорожных путей, заново построено и восстановлено 30 тысяч домов. Самоотверженные усилия позволили восстановить и построить вновь 3 207 школ, в которых обучалось около 400 тысяч детей, 150 больниц,

7. ГАОО, ф. 1591

8. ГАОО, ф. 1591, оп. 8с, д. 45, л. 369

9. ГАОО, ф. 1591, оп. 1, д. 224, л. 317

3 драмтеатра. В городах начали работать электростанции, водопровод и другие коммунальные службы.

В сельской местности было завершено восстановление и строительство 34 тысяч домов, в которые вселилось 168 тысяч человек. На фермы колхозов и совхозов возвратились тысячи голов скот. Сельское население в порядке помощи получило тысячи коров, свиней и много домашней птицы. На селе к этому времени были восстановлены и работали 41 машинно-тракторная станция. Уже в 1945 году в оборот было пущено свыше половины посевных площадей области.

В городах и селах шли учебные занятия в школах и пяти педагогических училищах, и педагогическом институте и других учебных заведениях. Развернули работу 670 лечебных учреждений, 22 детских дома.

Однако большинство городов и сел все еще лежало в развалинах, тысячи людей ютились в землянках. Значительная часть предприятий не работала: не хватало сырья, электроэнергии. Но из руин и пепла постепенно поднимались корпуса заводов «Текмаш», «Пищемаш», им. Медведова, тракторных запасных частей. Объем валовой продукции промышленности составлял всего 23 процента от довоенного уровня. Потребовались еще значительное время и огромные усилия советских органов власти, всех трудящихся области, чтобы полностью ликвидировать жестокие последствия войны. Остро ощущалось нехватка руководящих кадров.

Следует учесть, что Советы всех уровней занимались подбором рабочих и колхозников для нужд не только строек Орловской области, но и для ударных строек страны. Об этом свидетельствует справка, хранящейся в архиве облсовета за 1944 год.

СПРАВКА о выделении рабочей силы и районов Орловской области в 1944 г.¹⁰

Кому выделено	Количество	
	пеших	конных
Управлению Наркомстрою	4000	
Управлению Главвоенстрою	1000	200
Тресту «Ореллес»	1200	150
Ремонт танкового завода г. Орёл	800	
Нижнетагильский металлургический завод	200	
Елецкая махорочная фабрика	50	
Гутовский завод Наркомстройматериалов	300	
На восстановление ж.-д. транспорта в освобожденных районах Орловской области	1400	90
На Орловский аэропорт гражданского и воздушного флота	500	
На восстановление железнодорожного транспорта Орловской области	750	
ГУАС НКВД – восстановление аэродрома в г. Орле	по требованию УНКВД	
Управлению Наркомстройматериалов	250	
На восстановление железнодорожного транспорта	1550	
Итого:	12000	240

В это время страна жила по законам, которые диктова-

10. ГАОО, ф. 1591, оп. 8с, д. 40, л. 372

лись положением на фронте и в тылу. Необходимы были чрезвычайные меры, которые обеспечивали бы фронт всем необходимым. Меры, предпринимаемые советской властью по отношению к жителям области, ставили их в неимоверно тяжелые условия. Речь шла о физическом выживании населения. О том, как собиралось в закрома родины хлеб, как поставлялись мясо и шерсть (с колхозов и с личных подворий), о том, как люди отдавали свои продукты и сбережения в соответствии с Законами «О Государственном Военном Займе» и «О военном налоге», мы видим из постановлений Орловского облисполкома:

- «Об утверждении плана обязательной мясопоставок и поставки шерсти государству в 4 квартале 1944 г.» (№ 1742 и № 1745 от 12.10.44 г.);

- «О дополнительном плане сдачи в фонд Красной Армии картофеля и овощей колхозами области» (№ 1865 от 9.11.44 г.);

- «О реализации и сборе средств по третьему Государственному Военному Займу» (№ 866 от 17.05.44 г.);

- «О ходе вывоза хлеба из глубинных пунктов» (№ 1980 от 5.12.44 г.);

- «О проведении военного налога в 1945 г.» (№ 65 от 23.01.45 г.);

- «О ходе выполнения плана мобилизации средств населения во 2 квартале 1944 г. и взыскании недоимок по Почепскому, Брасовскому и Навлинскому районам» (№ 863 от 17.05.44 г.).

Например, согласно постановлению «О запрещении продажи хлеба колхозами, колхозниками и единоличными крестьянскими хозяйствами Орловской области» (№ 1004 от 30.09.43 г.) «...в целях пресечения и предупреждения фактов преступного разбазаривания хлеба, предназначенного для сдачи государству областной Совет народных депутатов трудящихся решил:

Воспретить колхозам, колхозникам и единоличным крестьянским хозяйствам продажу и обмен зерна, муки и пшеного хлеба до выполнения ими плана сдачи хлеба государству.

Продажа хлеба может производиться только с разрешения СНК СССР после выполнения плана по области в целом, установленного планом сдачи зерна, возврата ссуд, засыпки колхозами семенного и фуражного фондов.

Нарушающих данное решение, в первый раз – подвергнуть штрафу до 300 руб., второй раз – привлечению к судебной ответственности, а незаконно продаваемые продукты отбирать и передавать органам наркомзема»¹¹.

Из колхозных амбаров, выгребалось все запасы, а из подворий за неуплату всевозможных налогов и займов выносились и выводились все живое.

В ноябре 1945 года Советское правительство приняло постановление о быстрейшем восстановлении пятнадцати старинных русских городов, наиболее пострадавших во время войны. В их число был включен и город Орел. Снова государство выделило значительные средства на восстановительные работы, строительную технику, материалы и промышленное оборудование. Возвращались из армии партийные и советские кадры.

Орловчане широко использовали опыт волгоградцев по созданию добровольных строительных бригад. Начало положили железнодорожники. В 1945 году в Орле уже работало около 900 бригад. Они трудились на восста-

11. ГАОО, ф. 1591

новлении промышленных объектов, транспорта и коммунального хозяйства, разбирали завалы камней, кирпича и железа на заводских дворах, очищали полотно дорог, налаживали провод, пекарни, бани. Все это делалось на общественных началах бесплатно и в нерабочее время.

Для улучшения качества восстановительных работ организовывались кружки техминимума, в которых во вне-рабочее время осваивались строительные специальности. Занятия проходили не реже 1 раза в неделю по 2–3 часа.

Небывалый по своим масштабам размах восстановительных работ в городах требовал также решения больших и сложных строительно-архитектурных работ. Общее руководство по восстановлению русских городов осуществлял Наркомат жилищного и коммунального строительства. Если до войны в городах строили сотни крупных зданий, то теперь нужно было восстановить тысячи. Базой строительных материалов в разрушенных городах служили сами развалины. Конечно, в нормальное время обгоревшее железо, черные, покрытые копотью балки, согнутые, покореженные взрывами и пламенем фермы перекрытий считались бы хламом. Теперь же все это шло в дело. Железо выравнивалось, погнутые и искаленные фермы выправлялись, кирпич сортировали, из развалин извлекали оконные рамы, двери, скобяные изделия и даже гвозди. В первые месяцы строители старейших русских городов использовали миллионы штук кирпича, добытого из развалин, изготовили тысячи шлаковых и гипсовых блоков, тысячи тонн кровельного железа и металлических блоков.

До и после войны в городах развивалось в основном малоэтажное жилищное строительство, так как большая часть жилого фонда падала на долю индивидуального строительства. Это объяснялось тем, что государство не могло обеспечить колоссальные потребности населения растущих городов в жилье за счет предприятий и местных Советов. Поэтому правительство уделяло много внимания индивидуальному жилищному строительству. Застройщикам ассигновались средства, предоставлялись льготы. Правительство разрешило выдавать ссуду застройщикам в размере 10 тыс. руб. сроком на 7 лет. Гражданам, которые потеряли жилье во время войны были установлены льготные условия кредитования, при которых половина всей ссуды выдавалась безвозвратно. Следует отметить, что большая часть этих ссуд населением не было выплачено, ввиду тяжелого материального положения Верховный Совет и Совет Министров РСФСР уже в 1953 году погасило эту задолженность.

При огромной материальной поддержке Советского государства, с помощью всего советского народа трудящиеся старейших русских городов сравнительно быстро восстанавливали разрушенное городское хозяйство. Уже к июлю 1944 г. было восстановлено и вновь построено: в Курске 76 672 кв.м. жилой площади, в Орле 16 773 кв.м., в Воронеже 355 030 кв.м., в Калининне 345 613 кв.м., в Сталинграде 419 719 кв.м., в Краснодаре 48 087 кв.м. жилой площади.

Одновременно проводилась большая работа по восстановлению дорожно-мостового хозяйства, водопровода, связи, транспорта, школ, вузов, больниц, клубов и т. д.

В результате самоотверженного труда рабочих, всего населения в 1945 году в городах и районных центрах области были восстановлены свыше 30 тысяч квадратных метров жилого фонда, пекарни, бани, мосты. В Орле,

Мценске, Ливнах и Болхове начал действовать водопровод. Была сдана в эксплуатацию восьмикilометровая линия орловского трамвая. 57 магазинов и 53 столовых обеспечивали снабжение населения.

В период немецкой оккупации в области было полностью разрушено 1529 школ, шесть педагогических училищ, Орловский педагогический институт. В 35 районах враг уничтожил школьную мебель, учебники, наглядные пособия. После изгнания фашистов в городе Орле удалось найти лишь 14 ученических парт. В подобном состоянии находились лечебные и культурно-просветительные учреждения.

В школах катастрофически не хватало учителей. Дело в том, что в довоенный период основной контингент учителей был представлен мужчинами. К этому времени большая часть их погибла виду того, что на фронте они в большей части своей были политруками, а затем заместителями командиров полков и дивизий по политчасти, или находились в действующей армии. Поэтому Облисполком рассмотрел эту проблему и 9 ноября 1944 года принял постановление «Об организации курсов по подготовке учителей».

В целях своевременной подготовки учителей для школьной сети области на 1945–46 учебный год, областной Совет народных депутатов решил: «С 10.11.44 г. организовать с контингентом 210 человек, в том числе при Болховском педагогическом училище на 120 человек, при Красненском педагогическом училище – 90 человек организовать 8-ми месячные курсы учителей 1–4 классов. 10-ти месячные курсы – с контингентом 810 человек для учителей 5–7 классов»¹².

Известно, что во время оккупации Орловской области, большинство школ два года не работало. Образовательный процесс был прерван у учащихся 1927–1934 гг. рождения. Именно поэтому Исполком облсовета 10 октября 1944 года принял постановление «Об организации вечерних школ сельской молодежи».

К 1945 году уже начали функционировать в специально приспособленных помещениях и отремонтированных зданиях более тысячи школ и 22 детских дома, пять педагогических училищ, 677 лечебных учреждений. Во всех районах открылись библиотеки, избы-читальни и дома культуры. Большинство этих учреждений размещалось в уцелевших домах колхозников, в арендованных помещениях.

Известно, что территория вся Орловской области, стала ареной ожесточенных сражений, в ходе которых войска Красной Армии за два года потеряли 1 029 373 человека, из которых безвозвратные потери (убитыми и пропавшими без вести) составили 455 288, а ранеными 574 078 человек.

Только в городе тогда имелись следующие захоронения воинов: два военных кладбища на Троицком и Крестительском кладбищах; 14 братских могил на Троицком и Крестительском кладбищах; сквер братских могил по ул. Горького; сквер Танкистов; у здания военной комендатуры на ул. Привокзальной; Витебский сад (северо-восточнее вокзала ст. Орел); 301 индивидуальная могила, в том числе одного генерала и трех офицеров. К весне 1950 г. братские и одиночные захоронения были перенесены из скверов города (исключая сквер Танкистов) и других общественных мест на Троицкое кладбище. 27 января

12. ГАОО, ф. 1591, оп. 1, д. 212, л. 361

1945 года Орловский облисполком принял постановление «О сохранении и увековечивании памятников Орловской битвы», в котором отмечалось:

«Учитывая огромное значение Орловской битвы в общем ходе Великой Отечественной войны, в целях сохранения памятников этого исторического события, Орловский областной Совет депутатов трудящихся решил:

1. Горисполкомам и райисполкомам организовать выявление и охрану памятных мест боёв за Орловский плацдарм – наблюдательные и командные пункты, опорные пункты, могилы героев Отечественной войны.

2. Архитектурному отделу Облисполкома составить проект памятников героям Отечественной войны, погибшим в боях за Орёл.

3. Орловскому краеведческому музею с мая по ноябрь 1945 г. организовать маршрутные экскурсии по памятным местам Орловской области...»¹³.

В этом постановлении следует обратить внимание, что сразу же, в 1945 году Советская власть понимала «огромное значение Орловской битвы в общем ходе Великой Отечественной войны» и сразу же организовала «выявление и охрану памятных мест боёв за Орловский плацдарм». Именно городские, районные и сельские Советы взяли на себя и до сих пор несут благородное дело по сохранению в должном порядке братских могил и мемориальных комплексов.

Отпущенные средства государством не всегда освобождались полностью. Не хватало кровли, стекла, гвоздей, извести, цемента, леса, кирпича, металлоконструкций и других строительных материалов. Кирпичные заводы только вступили в строй. К 1945 году они дали продукции на 148 тысяч рублей, что составило десять процентов к плану. Примерно в таком же состоянии находились и другие предприятия заново создаваемой промышленности строительных материалов, называлось отсутствие опытных и грамотных руководящих кадров.

В марте 1946 года Верховный Совет СССР принял «Закон о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг.». На основе этого закона был разработан план восстановления и развития хозяйства Орловской области. В течение пяти лет предстояло восстановить разрушенные предприятия, построить ряд новых, добиться довоенного уровня производства промышленности и сельского хозяйства, а затем превзойти его.

В 1946 году были введены в строй новые электростанции в Орле, Ливнах, Малоархангельске, построены черепичные заводы в Орле и Нарышкине. Начала действовать центральная электростанция в Орле. К концу пятилетки в областном центре уже работало 60 предприятий. В целом по области действовало свыше 300 предприятий государственной, местной и кооперативной промышленности, 147 тепловых электростанций. Предприятия производили текстильные машины, гидронасосы, оборудование для пищевых предприятий, детали сельскохозяйственных машин. Были построены Орловский, Верховский и Елецкий железнодорожные узлы, в Орле строители сдали в эксплуатацию новый вокзал. Заканчивались работы по сооружению Дома связи, гостиницы, торговых рядов. К концу 1950 года только в Орле было сдано свыше 100

тысяч кв. метров жилой площади, восстановлено и вновь построено 30 детских садов и яслей, два кинотеатра.

В 1950 году в области широко развернулась работа по укрупнению колхозов. Количество их сократилось почти в три раза. Эта мера дала возможность поднять уровень механизации колхозного производства, обеспечивала дальнейший подъем культуры земледелия, повышение урожайности полей, развитие общественного животноводства.

В целях борьбы с засухой на площади свыше 36 тысяч гектаров были заложены полесозащитные лесные полосы, построено 393 оросительных станции, 449 прудов и водоемов. Для снабжения сельского хозяйства электроэнергией было сооружено 72 сельских электростанции.

За четвертую пятилетку мощность тракторного парка увеличилась в области в 2,6 раза и превзошла уровень 1940 года на 21 процент, в два раза увеличилось число грузовых автомашин. Наряду с ростом валового сбора зерна поднималось и животноводство. За успешную работу по выведению и совершенствованию высокопродуктивной ливенской породы свиней Н. Коровецкая, П. Букреев, И. Никульников, М. Грешникова и С. Скрыбина были удостоены Государственной премии. Однако темпы развития животноводства все еще отставали от потребностей народного хозяйства.

Все это умножало силы, способствовало подъему трудовой активности людей, более быстрому преодолению последствий разрухи. Однако в силу ряда причин восстановительный период в области затянулся. Если по стране уже в 1948 году был в основном достигнут довоенный уровень производства в промышленности, а к 1950 — и в сельском хозяйстве, то промышленность Орловской области в 1950 году выпустила продукции лишь 65 процентов довоенного уровня и только в 1953 году довоенный рубеж был превзойден. Серьезно отставало и сельское хозяйство. В 1953 году посевные площади еще не достигли довоенного уровня. Колхозы и совхозы области собирали низкие урожаи зерновых и технических культур. Поголовье и продуктивность скота на общественных фермах росли медленно.

В Орле было восстановлено 74,3 тыс. м² жилой площади, 2 кинотеатра, драматический театр, 2 музея, 5 клубов, 2 института и 5 больниц, произведены большие работы по озеленению центральных улиц города – Ленинской, Комсомольской и других. Разбиты 6 новых скверов. В 1950 г. закончилось строительство железобетонного высоководного моста через р. Оку.

Были трудности и лишения, шла суровая борьба с разрухой, борьба за то, чтобы на выжженной земле снова поднялись города. Воля партии и трудовое усилие народа одержали грандиозную победу. О величии этой победы и говорят приведенные цифры.

За четыре года после освобождения города восстановлено и сдано в эксплуатацию 52 промышленных предприятия. Одним из первых встал из руин завод «Текмаш». К 5 августа 1947 года были возрождены и работали комбинат металлоизделий, завод по производству машин для пищевой промышленности, мотороремонтный завод и машинно-тракторная мастерская, обувная, швейная и трикотажная фабрики, ряд предприятий пищевой и вкусовой промышленности, строительных материалов, артелей промысловой кооперации и кооперации инвалидов, а так-

13. ГАОО, ф. 1591, оп. 1, д. 233, л. 404

же восстановлены паровозное и вагонное депо, путевое хозяйство, по новому проекту отстраивается вокзал.

За это время восстановлены и построены паротурбинная электростанция мощностью в 2 тыс. кВт, ряд электростанций на предприятиях и железнодорожном узле, установлен энергопоезд на 3 тыс. кВт. Восстановлено 14,8 км трамвайного пути, 14 пассажирских вагонов, 81 водозаборная колонка, 4 насосные станции, превышающие довоенную мощность.

Восстановлена городская телефонная станция на две тысячи номеров, телеграф с новейшей аппаратурой, междугородная связь, смонтирован мощный радиоузел. При активном участии трудящихся города заасфальтирована Комсомольская улица. Вновь построено 15 мостов. За четыре года (в основном в Орле) посажено более 40 тыс. деревьев и огромное количество кустарников. Заново создан сквер Танкистов. Восстановлено и приспособлено 23 школы, работают 6 техникумов и училищ, педагогический институт. Открыто 23 детских сада и детский дом. Восстановлено 4 больницы, 4 поликлиники, молочная кухня, детская и женская консультации, 4 аптеки, 5 детских яслей и детский санаторий.

После капитального ремонта здания Торговых рядов состоялось открытие областного краеведческого музея. Создана кольцевая анфилада из 14 экспозиционных за-

лов, где размещены три отдела: природы Орловского края, истории дореволюционного прошлого, отдел советского периода.

11 апреля 1953 года состоялась сессия Орловского городского Совета депутатов трудящихся, которая обсудила вопрос: «О плане благоустройства г. Орла». На сессии отмечалось, что жилая площадь города достигла довоенного уровня. Протяженность водопроводной сети на 28% превышает довоенную. Заасфальтировано 178 тыс. кв. м улиц и площадей, 41 тыс. кв. м тротуаров и замощено 63 тыс. кв. м дорог. На улицах, площадях и в скверах высажено 43 тыс. деревьев и 52 тыс. кустарников.

Депутатам был представлен проект новой центральной площади. Она была вынесена на высокий левый берег Оки. Намечалась к сносу вся сохранившаяся после войны застройка в квартале между Пролетарской горой и Пролетарским переулком. Здесь были запроектированы гранитные террасы и широкие лестницы, спускающиеся к реке. Наверху, в центре площади перед Домом Советов — высокая колонна Победы, которая видна почти со всех точек города. Проект не был реализован в полном объеме.

Как видим в условиях социалистического строя, планового хозяйства население области, управляемое органами Советской власти сумело в короткие сроки восстановить экономику и культуру города.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ – КОНЦЕПЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ АРЕН С.ХИЛГАРТНЕРА И Ч.БОСКА

Верминенко Ю.В.,
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии,
Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет

Ключевые слова: контекстуальный конструкционизм, социальная проблема, публичные арены, конкуренция, принципы отбора, пропускная способность арены, функционеры, утверждения-требования

Key words: contextual constructionism, social issue, the public arena, the competition, guidelines for the selection, capacity arena, functionaries, approval requirements

Аннотация. В статье рассматривается одна из концепций контекстуальной версии конструкционизма – концепция публичных арен С.Хилгартнера и Ч.Боска. Рассматривается понятийный аппарат, основные идеи и возможности применения данной концепции.

The paper considers a version of the concepts of contextual constructionism - the concept of public arenas and S.Hilgartnera Ch.Boska. We consider a conceptual device, the basic ideas and applications of this concept.

Известно, что подход к интерпретации социальных проблем, детально разработанный Г.Блумером, М.Спектором, Дж.Китсьюзом и др., отвергает теорию, согласно которой социальные проблемы – это объективно существующие социальные условия, в большей или меньшей степени, имеющие вредные последствия. Вместо этого утверждается, что социальные проблемы существуют в зависимости от того, как они воспринимаются и определяются обществом. По сути дела объективные условия становятся проблемами, когда в общественном сознании на них «навешивается» некий «ярлык» - «социальная проблема». Именно такую интерпретацию социальной проблеме дают С. Хилгартнер и Ч.Боск. Они пишут: «Социальная проблема – это предполагаемое условие или предполагаемая ситуация, на которое или которую действующие лица (по крайней мере, некоторые) «наклеивают ярлык» проблемы на аренах публичного дискурса и действия, определяя их как вредные и формулируя это определение тем или иным образом» [2, С.40]. С.Хилгартнер и Ч.Боск, высказывая согласие с мнением Г.Блумера о том, что «социальные проблемы суть скорее проекции коллективных чувств, настроений, мнений, нежели простые отражения объективных условий в обществе» [3, С.145], подвергают критике теории объективистскоориентированного подхода, считающие социальные проблемы простым отражением объективных условий. С.Хилгартнер и Ч.Боск весьма критично подходят и к целому ряду субъективистски ориентированных концепций исторических стадий в «карьере» социальной проблеме, предложенных целым рядом авторов, например, М.Спектром, Дж.Китсьюзом, Г.Блумером, А.Моссом, Э.Даунсом и др.[4,5,8,11]. По мнению С.Хилгартнера и

Ч.Боска, социальные проблемы существуют в рамках отношений с другими проблемами и включены в сложную институционализированную систему формулирования и распространения проблемы. «Сосредоточенность на типичной «карьере» проблемы, - как пишут они - препятствует анализу, поскольку решающее влияние на процесс коллективного определения оказывают взаимодействия между проблемами» [3, С.147]. Предлагая концепцию публичных арен С.Хилгартнер и Ч.Боск, выходят за пределы концепций исторических стадий развития социальных проблем. Данные социологи предлагают рабочую модель, которая является теоретическим основанием для систематического исследования факторов и сил, направляющих внимание общественности на одни предполагаемые условия и отвлекающих его от других.

С.Хилгартнер и Ч.Боск в процессе создания концепции публичных арен использовали обширный круг положений теоретических работ, посвященных концепции исторических стадий развития социальных проблем, [4] теории организационных сетей [10], неоднократно обращались к работам теоретиков «мобилизации ресурсов» [7], а также к литературе, касающейся интерпретативных процессов в СМИ [6]. Использование такого теоретического разнообразия необходимо авторам данной концепции для понимания всей сложности и многогранности коллективного определения предполагаемого условия как проблемы. Так, они пишут: «Поскольку коллективное определение, во-первых, предполагает взаимосвязь социально-психологических, организационных, политических и культурных процессов, во-вторых, пересекает организационные и институциональные границы, существует внутри общества, и, в-третьих, оказывает глубокое влияние на социальное действие на множестве уровней, для его понимания необходимо привлечение нескольких интеллектуальных традиций» [3, С.149].

Концепция С.Хилгартнера и Ч.Боска сосредоточена на публичных аренах, на которых развиваются определения социальных проблем. Сами же публичные арены представляют собой ряд социальных институтов и организаций, обеспечивающих жизнедеятельность общества. Примерами публичных арен могут служить исполнитель-

ная, законодательная и судебная ветви власти, средства массовой информации, научные сообщества, профессиональные общества, частные фонды, религиозные организации и т.д. «Именно в этих институтах происходят обсуждение, отбор, определение, формулировка, драматизация, оформление и представление общественности социальных проблем» [3, С.153], - отмечают создатели концепции публичных арен. Таким образом, С.Хилгартнер и Ч.Боск считают, что социальные проблемы, а точнее их коллективное определение, существуют не в обществе, как таковом, а именно на конкретных, перечисленных выше публичных аренах. Причем, «истории отдельных социальных проблем разворачиваются в системе публичных арен, служащих той средой, в которой происходит коллективное определение» [3, С.177]. Рассматриваемая концепция предполагает изучение влияния самих публичных арен на эволюцию социальных проблем, поскольку С.Хилгартнер и Ч.Боск помещают ее в так называемые «экологические рамки». Однако делают они это не для того, чтобы установить отношение детерминизма. Концепция публичных арен описывает конкуренцию между проблемами за общественное внимание. По мнению С.Хилгартнера и Ч.Боска, «общественное внимание является дефицитным ресурсом, распределяемым посредством конкуренции в системе публичных арен» [2, С.21]. Так же указанная концепция рассматривает процесс отбора публичными аренами определений социальных проблем и процесс адаптации функционерами своих утверждений к требованиям самих публичных арен.

Под конкуренцией между проблемами С.Хилгартнер и Ч.Боск подразумевают конкуренцию между социальными группами, выдвигающими различные проблемы или различные способы рассмотрения «одних и тех же» проблем. Иными словами, конкуренция между определениями проблем на культурном (т.е. смысловом) уровне отражает конкуренцию между группами на фундаментальном уровне и, в свою очередь, отражается в ней [3, С.180]. Указанные социологи считают, что социальные проблемы конкурируют между собой на двух уровнях, а именно: в рамках каждой арены могут конкурировать различные варианты определения одной и той же ситуации; значительное число проблем конкурируют друг с другом за общественное внимание.

Несмотря на то, что между публичными аренами существует множество различий, они все обладают двумя характерными чертами: пропускной способностью и принципами отбора. Несмотря на то, что существует огромное множество социальных проблем, лишь некоторые из них циркулируют на аренах публичного дискурса. Как считали С.Хилгартнер и Ч.Боск «именно это несоответствие между числом потенциальных проблем и размером публичного пространства для обращения с ними наделяет конкуренцию между проблемами столь решающим значением для процесса коллективного определения» [2, С.26]. Именно пропускная способность арены ограничивает число проблем, которые одновременно выдвигаются и обсуждаются в ее пространстве. А, следовательно, конкуренция между проблемами зависит от пропускной способности арен. В данном случае имеет место обратная корреляция. Чем меньше пропускная способность арены, тем больше выражена конкуренция между проблемами, выдвигаемыми на эту арену.

Пропускная способность существует не только на институциональном, но и на индивидуальном уровне.

Авторы концепции «публичных арен» для обозначения отдельно взятых индивидов и их групп, которые выдвигают утверждения-требования, то есть публично представляют социальные проблемы, используют термин «функционеры». По их мнению, все функционеры обладают некими ресурсными ограничениями, которые влияют на пропускную способность самих функционеров (индивидуальный уровень) и пропускную способность каждой публичной арены (институциональный уровень). С.Хилгартнер и Ч.Боск считают (и мы с ними полностью согласны), что «отбор людьми социальных условий, причиняющих им беспокойство, определяется их «главным статусом»» [2]. Поэтому ресурсными ограничениями на индивидуальном уровне являются не только количество материальных средств и времени, которые функционеры способны выделить на социальные вопросы, но и «размеры «лишнего страдания», которое они могут найти у себя в отношении вещей, находящихся за пределами их обычных непосредственных забот в рамках их социального статуса» [2, С.28]. Индивидуальная пропускная способность структурирована социально. Это обозначает, что экономические и политические тенденции влияют на ресурсные ограничения. Однако чем больше личным значением обладает та или иная проблема для функционера, тем больше «лишним страданием» относительно этой проблемы обладает и он сам. С.Хилгартнер и Ч.Боск объясняют это тем, что люди, принадлежащие к разным социальным слоям общества, живут в непохожих условиях и склонны беспокоиться по поводу отличающихся друг от друга социальных явлений. Диапазон ресурсных ограничений пропускной способности на институциональном уровне так широк и неоднозначен, что требует, по нашему мнению, детального анализа. Однако этому в концепции публичных арен внимание не уделено.

Для всех публичных арен, как считают С.Хилгартнер и Ч.Боск, характерна еще одна (помимо пропускной способности) общая черта – наличие некой совокупности принципов отбора, которые определяют какие из социальных проблем, выдвигаемых функционерами, выдержат конкуренцию. Принципы отбора для всех публичных арен одинаковы: драма, новизна и насыщение, культурные и политические предпочтения, организационная характеристика арены. Рассмотрим их более подробно. Принцип отбора драмы заключается в том, что официальные факты излагаются в эмоциональном контексте. Причем, чем более ясно изложена информация, просты и кратки формулировки и в тоже время, чем более они эмоционально и драматично окрашены, тем больше вероятность описанной проблеме выдержать конкуренцию на аренах. Причем, драматичность проблемы должна постоянно обновляться за счет новых фактов. Иначе проблема не выдержит конкуренции, будет испытывать упадок интереса к ней или вовсе исчезнет из поля публичного дискурса. В тоже время, если происходит насыщение арен многочисленными эмоционально окрашенными утверждениями, фактами или имеет место «длительная бомбардировка общественности сообщениями о родственных проблемах» [2, С.42], то социальная проблема будет дедраматизирована и не выдержит конкуренции.

Принцип отбора новизны и насыщения тесно переплетается свыше рассмотренным принципом отбора драмы. Новизна в изложении утверждений, фактов в сочетании

с эмоционально окрашенной риторикой способна поддерживать конкурентоспособность проблемы довольно продолжительный период. Новизна и насыщение связаны между собой отношениями обратно пропорциональной зависимости.

Каждой арене присуще множество организационных (то есть касающихся ее структуры и функционирования) и культурных черт, которые оказывают влияние на пропускную способность арены и, соответственно, конкуренцию между проблемами на этой арене. Как считают С.Хилгартнер и Ч.Боск, принцип борьбы за новизну тесно связан с организационной характеристикой арен, поскольку она влияет на темп и ритм представления социальных проблем. «Каждая арена имеет свойственные ей расписания или образцы распоряжения временем, которые задают определенный ритм организационной жизни. Этот ритм может распространяться и на действия, предпринимаемые в рамках этой арены с социальными проблемами» [2, С.32]. Таким образом, каждой публичной арене свойственен определенный институциональный ритм, под которым С.Хилгартнер и Ч.Боск понимают характерный ритм организационной жизни арены, влияющий на временной порядок ее взаимодействия с социальными проблемами и на их отбор. Освещение социальных проблем в дискурсе каждой публичной арены определяется в организационном отношении различными, присущими только данной арене факторами. Например, рассматривая организационную характеристику прессы, С.Хилгартнер и Ч.Боск указывают на такие факторы, как структура газеты, стратификация данной индустрии на элитную «национальную» прессу, местные ежедневные газеты и бульварную прессу и т.д. Журналисты, как считают указанные социологи, «имеют сильную заинтересованность в том, чтобы понимать и усваивать доминирующие определения новостей и предвидеть приоритеты своих редакторов», поэтому ограниченное газетное пространство является предметом жесткой конкуренции между ними [3, С.163]. Вследствие того, что организационная структура каждой публичной арены индивидуальна и неповторима, проблема, хорошо приспособленная к одной определенной арене, может уцелеть и продолжать существовать на ней, хотя будет неконкурентоспособной на других аренах. Существование таких социальных проблем, не пользующихся популярностью на большинстве публичных арен, С.Хилгартнер и Ч.Боск объясняют существованием упорных групп поддержки этих проблем: организаций и профессиональных ассоциаций, имеющих под собой отраслевую основу, и заинтересованных в существовании этих проблем.

На пропускную способность всех институциональных арен оказывают влияние культурные и политические предпочтения. Как выяснили С.Хилгартнер и Ч.Боск, конкурентоспособность отдельно взятой проблемы резко возрастает, если она соответствует основным культурным стереотипам, или имеет большое значение для влиятельных политических кругов. Так же С.Хилгартнер и Ч.Боск отмечают, что элиты могут активно противодействовать тем или иным определениям проблем, предавая некоторые вопросы «политически обеспечиваемому забвению» [3, С.161].

Рассмотрев публичные арены, на которых конкурируют социальные проблемы, и принципы отбора, определяющие результат этой конкуренции, С.Хилгартнер и Ч.Боск обра-

щаются к рассмотрению взаимодействия между аренами. Важной идеей концепции публичных арен является описание образцов взаимодействия между различными аренами, таких, как обратная связь и синергия, служащих средством распространения активности от одной арены к другим. Хотелось бы отметить важность тезиса авторов концепции «публичных арен» о том, что, если социальная проблема растет в рамках одной арены, есть большая доля вероятности, что она завладеет довольно быстро и другими аренами. А это означает, что «проблемы, ставшие предметом пристального общественного внимания и приобретшие статус крайне важных и известных, могут господствовать не на одной арене публичного дискурса, а на многих» [2, С.36]. Подобный синергетический эффект порождает, по мнению С.Хилгартнера и Ч.Боска, между аренами позитивные обратные связи, обеспечивающие рост той или иной проблемы в обществе. Однако существуют и так называемые, отрицательные обратные связи между аренами, ограничивающие рост проблем. В концепции публичных арен указывается, что отрицательные обратные связи между аренами порождены ограниченной пропускной способностью публичных арен, конкуренцией между проблемами за общественное внимание и потребностью в постоянных и вместе с тем всегда новых драмах [3, С.166]. По мнению С.Хилгартнера и Ч.Боска, обратные связи между аренами способны ослаблять или усиливать то внимание, которым пользуются проблемы в обществе.

В концепции публичных арен имеет место идея сетей выдвигающих и стремящихся контролировать определенные проблемы функционеров, каналы коммуникации которых пересекают границы различных арен. Развивая эту идею С.Хилгартнер и Ч.Боск, используют такое понятие, как индустрия социальных проблем, под которым подразумевают «целый сектор экономики, который производит постоянно меняющийся набор коллективных определений того, на что мы должны обращать внимание, и почему» [3, С.169]. Указанные социологи подчеркивают, что индустрия социальных проблем оказывает глубокое влияние на общественную жизнь, поэтому важно понимать и анализировать ее структуру и динамику. Однако вопросы, касающиеся динамики индустрии социальных проблем остаются за рамками изложенной С.Хилгартнером и Ч.Боском концепции публичных арен. Структуру индустрии социальных проблем указанные социологи описывают следующим образом. Наиболее крупные сообщества функционеров, которые С.Хилгартнер и Ч.Боск называют «отделами», формируются вокруг традиционных для общества проблемных макрокатегорий, являющихся предсказуемым источником новых социальных проблем. Взятые в целом, эти отделы образуют то, что лучше всего может быть названо индустрией социальных проблем [3, С.169, 174]. Внутри «отделов» может иметь место как конфликт, так и консенсус. Причем, даже когда функционеры одного «отдела» относятся к различным конфликтующим сторонам, между ними могут устанавливаться отношения симбиоза, при которых функционеры каждой арены поддерживают активность функционеров других арен. В ряде случаев проблемы, попадающие в сферу компетенции «отдела» могут быть им «приватизированы». С.Хилгартнер и Ч.Боск считают, что в этом случае «отделы» действуют как строгие «контролеры» интерпретации попадающих под их юрисдикцию ситуаций и условий, В рамках каждого «от-

дела» ведется полемика о том, какие проблемы заслуживают внимания. Решения о том, какие проблемы следует продвигать, а какие нет, зависят от того, насколько они выгодны или полезны функционерам (так называемый стратегический компонент) и от оценки относительной значимости различных потенциальных проблем. Более детального анализа структуры индустрии социальных проблем в концепции публичных арен не предполагается. Полагаем, что, опираясь на теоретические выкладки С.Хилгартнера и Ч.Боска, можно провести аналогию между структурой индустрии социальных проблем и неформальной организационной структурой, пересекающей границы арен публичного дискурса.

Итак, С.Хилгартнер и Ч.Боск разрабатывая концепцию публичных арен, «сосредотачивают свое внимание на изучении публичных арен, на которых развиваются определения социальных проблем, а также воздействия этих сфер как на эволюцию социальных проблем, так и на действующих лиц, выдвигающих утверждения о них» [1, С.182]. Основной категорией анализа в указанной концепции является понятие конкуренции. Теоретические рамки концепции публичных арен позволяют С.Хилгартнеру и Ч.Боску наметить некоторые перспективы дальнейшего изучения динамики конкуренции социальных проблем. Во-первых, как указывают авторы концепции публичных арен, можно заниматься проведением исследований, фиксирующих и сравнивающих уровни общей конкуренции на различных публичных аренах. Во-вторых, можно изучать динамику непосредственной конкуренции. В отношении ряда социальных проблем могут собираться данные, показывающие долю ресурсов, которую удастся получить в свое распоряжение каждой проблеме. Исследование может быть сосредоточено как на уровне конкуренции внутри проблемных макрокатегорий, так и между ними. Так же могут быть получены ответы на вопросы о том, существуют ли проблемы, которые не только не конкурируют друг с другом, а, напротив, непосредственно способствуют росту друг друга. В дополнение к исследованию «карьер» социальных проблем исследователи могут изучать карьеры отдельных функционеров. Другим исследовательским направлением, предполагаемым концепцией публичных арен, по мнению ее авторов, может быть систематическое изучение численности и разнообразия проблем, обсуждаемых на публичных аренах. «На одном из уровней анализа могут изучаться макрокатегории проблем. ... Уровнем ниже можно исследовать разнообразие утверждений о проблеме, существующее в рамках какой-либо проблемной категории» [3, С.176]. Изучение численности и разнообразия проблем, по мнению С.Хилгартнера и Ч.Боска, будут открывать возможности для исторического и сравнительного исследования конкуренции между социальными проблемами на публичных аренах. Это, в свою очередь,

позволит обратиться к исследованию воздействия социальных потрясений, таких как войны, экономические и политические кризисы и т.д., на разнообразие социальных проблем в обществе. И хотя сами С.Хилгартнер и Ч.Боск весьма скромно отзывались о теоретико-методологическом значении разработанной ими концепции публичных арен, указывая, что «разработанная концепция не дает нам законченной теории – остается проделать значительный объем работы для того, чтобы пополнить наше понимание процесса социальных проблем» [3, С.178], тем не менее, мы убеждены, что указанные выше перспективы эмпирических исследований динамики конкуренции, численности и разнообразия социальных проблем, проводимые в описанных С.Хилгартнером и Ч.Боском теоретических рамках, позволят получить ответы на важный для конструкционизма вопрос, а именно: каким образом при наличии бесконечного числа возможных вариантов происходит отбор тех или иных определений социальных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богомякова Е.С. Эвристический потенциал концепций контекстуального конструкционизма в исследовании социальных проблем. / Проблемы теоретической социологии. Вып.8. Межвуз. сб./ Отв. Ред. А.О.Бороноев. – СПб.: Скифия-Принт, 2011
2. Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. / Пер. с англ., сост. И.Г.Ясавеев. Казань: Казанский университет, 2000
3. Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен. // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Сост. И.Г.Ясавеев- Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007
4. Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems.1971.Vol.18.P.298-306
5. Downs A. Up and down with ecology – the ‘issue-attention cycle’// Public interest.1972.Vol.28.P.38-50
6. Gans H. The whole world is watching. Berkeley and Los Angeles., 1980
7. Laumann E. An organization approach to state police formation: a comparative study of energy and health domains/ American sociological review, Vol.50, 1985
8. Mauss A. Social problems as social movements. New York: Lippincott, 1975
9. Spector M., Kitsuse J. Social problems: A Reformulation / Social problems, Vol 21, 1977
10. McCarthy J. Resource mobilization and social movement: a partial theory /American journal of sociology, Vol.82, 1977
11. Spector M., Kitsuse J. Constructing social problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977

ТОВАРИЩЕСТВО СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ОЦЕНКА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Лобода О.В.,
кандидат социологических наук, доцент,
Баталова Е.В.,
старший преподаватель,
кафедра государственного и муниципального управления,
Институт права и управления,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Ключевые слова: социальный капитал, социальное доверие, самоуправление, жилищное самоуправление, социальная самоорганизация, товарищество собственников жилья, гражданская инициатива
Keywords: social capital, social trust, self-government, social self-organization, housing and communal services, housing proprietary association (house-owners partnership), civil initiative

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования восприятия населением Приморского края процессов формирования и развития института жилищного самоуправления. Совокупность предложенных респондентам вопросов позволила выявить наиболее проблемные области взаимодействия субъектов жилищного самоуправления и оценить эффективность адресной поддержки органов местного самоуправления в части методического, информационного и правового сопровождения управления многоквартирным домом. Уровень добровольного участия жителей Приморья в институциональных изменениях отрасли жилищного хозяйства позволяет определить перспективы развития форм социальной самоорганизации в крае.

The article presents the results of sociological research of the Primorskiy region population's perceptions of the processes of formation and development of housing self-government institution/ The summary of the questions, which were offered to the respondents, allows to reveal the most problematic areas of interaction among the participants of housing self-government. Also it allows to assess the effectiveness of the direct support of the local self-government organizations in the field of methodology, informational and legal support of managing apartment buildings. The level of volunteer participation of Primorye citizens in the institutional changes in the housing industry allows to determine the perspectives of development of the forms of social self-government in the region.

Социальные отношения в системе жилищного самоуправления подразумевают совокупность действий, направленных на реализацию управленческой деятельности по содержанию, реконструкции и целевому использованию жилищного фонда вне зависимости от типа жилого массива (МКД, микрорайон, малоэтажный коттеджный поселок). ТОС, ТСЖ (ЖСК), ТИЗ, являясь некоммерческой организацией, реализуют комплекс социально-экономиче-

ских отношений, основанием для осуществления которых является не только формально определенная схема взаимодействия, но присутствие социального доверия среди участников. Межличностное доверие воспроизводится в рамках «общинных» отношений – соседских. Институциональное доверие – при взаимодействии с субъектами внешней среды: органами местного самоуправления, региональными органами исполнительной власти, общественными организациями, управляющими компаниями, поставщиками коммунальных услуг [1]. Не подтвердившиеся в ходе авансирования доверием ожидания по отношению к органам государственного управления (результаты реформирования ЖКХ, наличие «серых схем» при расчетах за коммунальные платежи, бездействие субъектов системы правосудия) влекут снижение уровня системного доверия. Подкрепленные ожидания, в свою очередь, способствуют сокращению дистанции между участниками отношений в сфере ЖСУ и ускоряют процесс развития гражданских инициатив.

В этой связи особое значение приобретает оценка восприятия населением первичной ячейки самоорганизации в системе местного самоуправления – товарищества собственников жилья – в контексте проявления видов социального доверия: межличностного, институционального, системного [2].

Рассмотрим уровень социального доверия участников процесса реформирования сферы ЖКХ на территории Приморского края. Для его оценки в феврале 2012 года на территории пяти городских округов и пяти муниципальных районов Приморского края был проведен социологический опрос. В число округов вошли Владивостокский, Артемовский, Арсеньевский, Лесозаводский и Находкинский. Муниципальные районы: Партизанский, Кавалеровский, Михайловский, Надежденский, Хорольский. Выбор территории был обусловлен с одной стороны интенсивностью роста ТСЖ в городских округах за период с 2007 года, с другой – степенью участия органов местного само-

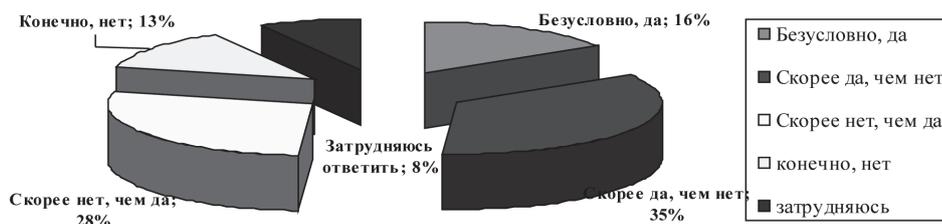

Рисунок 1. Как Вы считаете собственники жилья, объединившись в ТСЖ способны качественно обеспечить содержание и обслуживание жилых помещений?

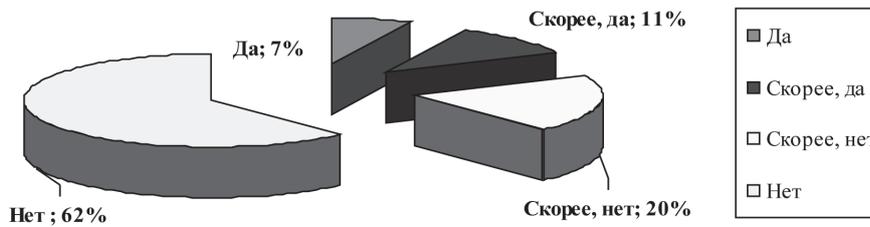

Рисунок 2. Готовы ли Вы взять на себя обязанность по выполнению ключевых задач в процессе управления многоквартирным домом?

управления в данном процессе. Перечисленные муниципальные образования входят в число активных участников адресных программ по проведению капитального ремонта многоквартирных домов начиная с 2008 года. Помимо этого, по объемам вводимого в эксплуатацию жилищного фонда городские округа занимают ведущее положение в крае. Данные тенденции определяют перспективы развития жилищного самоуправления с учетом уровня самостоятельности принятия решения собственниками жилья и степени активности органов местного самоуправления муниципальных образований.

Генеральную совокупность составили лица старше 18 лет с постоянным местом жительства на территории исследования, выборочная совокупность – 500 респондентов. Опрос был проведен по инициативе ТСЖ «Гранд» (г. Владивосток) при участии сотрудников Центра социологических и маркетинговых исследований ВГУЭС г. Владивосток.

Респондентов просили оценить уровень своей информированности о ТСЖ, как форме совместного управления жилищным имуществом, определить направления деятельности ТСЖ в рамках формализованных и девиантных социальных практик реализации деятельности товариществ, дать оценку качеству содержания жилищного фонда и придомовой территории. В анкету были включены вопросы о вкладе жильцов в работу ТСЖ, а так же об интенсивности общения между соседями и взаимной помощи. Выяснилось, по чьей инициативе было создано ТСЖ – самих жильцов, компании – застройщика или местных властей.

Как показали результаты проведенного социологического исследования: «ТСЖ в зеркале общественного мнения: оценка, проблемы и перспективы развития», порядка 42% из числа опрошенных респондентов осознают индивидуальную ответственность за содержание и распоряжение, находящимся в общем владении имуществом. При этом респонденты уверены, что, объединив усилия членов соседского сообщества можно решить текущие вопросы по содержанию жилого имущества и обустройству придомовой территории (51%).

В то же время лишь 7% из пятисот опрошенных готовы стать активными участниками реализации технологии управления многоквартирным домом – войти в совет Правления или же возглавить его. Свою позицию по данному

вопросу респонденты объясняют тем, что сегодня процесс кооперации внутри соседского сообщества является делом весьма обременительным.

Частота контактов с жильцами по подъезду минимальна, по лестничной площадке – ограничена даже по «радостным» поводам – юбилеям, официальным праздникам. Только 12% из числа опрошенных готовы общаться с соседями не только по поводу решения бытовых вопросов и 34% скорее не готовы «поделиться радостью».

Даже при крайней необходимости на случай возникновения чрезвычайных ситуаций в период длительного отсутствия респонденты не готовы доверить соседям ключи от квартиры (32% оставят только в самом крайнем случае и 41% «скорее нет, чем да»).

Однако только 11% отметили наличие грубого отношения между группами собственников по вопросам управления домом и использования общего имущества. В сознании собственников жилых помещений в многоквартирных домах присутствует весьма упрощенное понимание термина «собственность» - вещь, предмет владения, определяемый буквальной территориальной близостью, что так же становится фактором роста напряженности в отношениях внутри соседского сообщества.

Если говорить об уровне доверия к представителям ТСЖ и удовлетворении качеством его работы, то 78% относятся к содержанию деятельности председателя ТСЖ и правления (домового комитета) с большой настороженностью. 82% респондентов отрицательно оценили деятельность ТСЖ в части отчетности правления, исполнения решения общих собраний, содержания жилищной инфраструктуры и придомовой территории, информационного сопровождения деятельности.

На прямой вопрос: «Лица, осуществляющие управление домом, пользуются доверием жителей?» 57% участников опроса ответили, категорически нет. Данную позицию опрошенных подтверждает доля положительных ответов на вопрос о наличии подозрительности и недоверия в отношениях между собственниками и руководством или специалистами ТСЖ - 62%. Причем процентные показатели возрастают в зависимости от степени самостоятельности решения собственников о создании ТСЖ. Там, где ТСЖ создавались при участии органов МСУ (ситуация характерная для муниципальных образований, нацеленных на

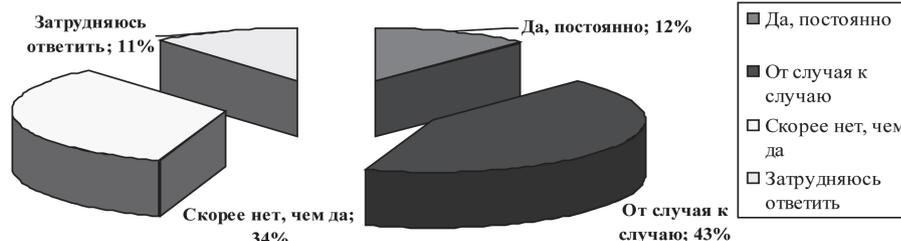

Рисунок 3. Общаетесь ли Вы с соседями по «радостным» поводам (юбилей, годовщины, официальные праздники)?

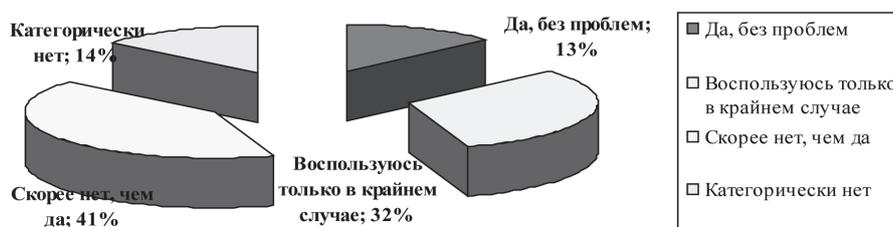

Рисунок 4. Оставьте ли Вы соседям ключи от квартиры на случай ЧС при длительном отъезде из города, поливать цветы, ухаживать за домашними животными (при условии посещения вашего жилища)?

обязательное участие в программах софинансирования капитального ремонта многоквартирных домов на предстоящий финансовый год, когда муниципальными служащими велась активная агитация по организации и регистрации товариществ), уровень доверия к членам правления значительно ниже.

Необходимо отметить, что весьма скептически настроены собственники и в отношении органов местного самоуправления, считая, что внимания и участия в решении текущих коммунальных проблем со стороны местных администраций недостаточно. Только 27% отметили содействие органом МСУ по контролю над качеством работ и услуг ТСЖ, а 61% настаивают на усилении контроля со стороны органов местного самоуправления, рассматривая это как залог обеспечения качества услуг в сфере ЖКХ.

Более того, до сих пор в ожидании собственников сохраняется установка на закрепление за органами муниципальной и государственной власти ответственности за проведение работ по ремонту и содержанию жилищного фонда. На вопрос: «Как Вы считаете, кто в первую очередь несет ответственность за выполнение перечисленных ниже работ и услуг в доме? (текущее состояние дома; благоустройство придомовой территории; текущий ремонт жилищного фонда; капитальный ремонт; ликвидация аварийных ситуаций)» в среднем 71% из числа опрошенных ответили – ТСЖ; 32% определили в качестве ответственных органы местного самоуправления; и только 23% осознают, что именно собственники в ответе за состояние принадлежащего им имущества.

Всего 17% считают, что организация ТСЖ способствует обеспечению благоприятных и безопасных условий проживания граждан, 12% - решению проблем управления домом, 14% сплочению собственников жилых помещений, 46 % развитию «серых» схем в процессе содержания жилищного фонда и обогащению групп управляющих.

Априори ТСЖ – это пример практически готовой ячейки «гражданского общества», сформированной в рамках непредпринимательской самоорганизации, фундамент реализации гражданского самосознания. Принадлежность к таким ячейкам – результат добровольного выбора, а не прямое следствие жизненных обстоятельств[3]. На деле же, собственники жилья оказываются заложниками выбора, определенного правовыми рамками российского законодательства. Принимая на себя ответственность за

распоряжение совместным имуществом многоквартирного дома, жильцы определяют – самостоятельно реализовывать технологические аспекты административного, финансового, кадрового управления или передавать ответственность в руки «профессионалов» - управляющих компаний. [на нашу статью по профессионализации]. В любом случае предпринимательский подход, нацеленный на оптимизацию финансовых потоков, встает во главу угла при принятии решения о форме управления домом, а значит говорить о бескорыстности, как фундаменте функционирования некоммерческих организаций, по меньшей мере, некорректно.

Рост количества ТСЖ в ситуации зыбкого понимания сути процессов передачи ответственности за жилое имущество не станет толчком к развитию гражданского общества, формированию устойчивой технологии воспроизводства социального капитала и социального контроля, росту социального доверия.

Итак, отметим, что наиболее высокий уровень доверия среди опрошенных респондентов наблюдается к родственникам и близким друзьям. Средний уровень доверия по отношению к соседям. Низкий уровень – по отношению к ТСЖ и органам МСУ, реализующим содействие и контроль за реформированием сферы ЖКХ. В большинстве своем собственники жилья на территории Приморского края не готовы к воспроизводству солидарного действия за рамками семейных, в крайнем случае, соседских сообществ. Очень тяжело создать товарищество на базе сообщества, где его члены разобщены, недоверчивы, индифферентны, мало заинтересованы в реализации совместных действий по улучшению условий проживания. Консолидация возможна лишь в части противопоставления общих усилий для решения проблемных вопросов в качестве протестного солидарного действия.

Ситуация, когда напористость и убедительность работников местных администраций способствует появлению новых товариществ, как правило, на базе объектов вторичного рынка жилья, представляется весьма неоднозначной. Администрации муниципальных образований весьма заинтересованы в росте данных показателей. Это позволяет муниципальным образованиям оставаться в числе участников государственной программы реформирования ЖКХ на условиях долевого участия в финансировании ремонтных работ и снять с баланса муниципального образования

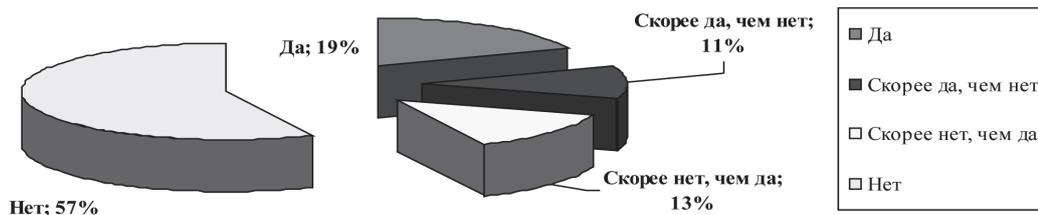

Рисунок 5. Лица, осуществляющие управление домом, пользуются доверием жителей

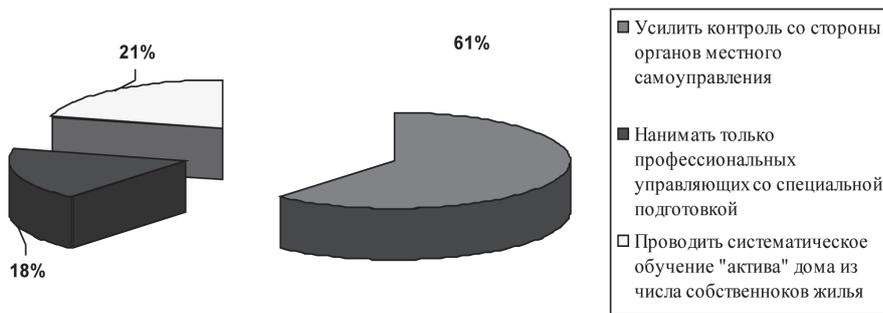

Рисунок 6. Как Вы считаете, что необходимо сделать для решения проблем в процессе управления многоквартирным домом на основе ТСЖ?

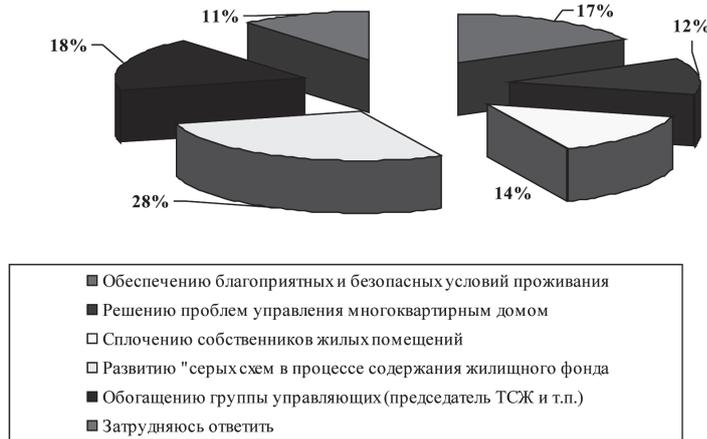

Рисунок 7. Как Вы считаете, чему способствует деятельность ТСЖ?

часть объектов жилищной инфраструктуры[4]. Однако необходимо четко понимать, что «навязчивое» содействие государства по развитию форм самоорганизации в системе жилищного самоуправления влечет не просто смену статуса жилья, оно определяет иной спектр обязанностей по эксплуатации и содержанию жилищного фонда, которые вменяются всерьез и надолго, вне зависимости от инструментов государственной поддержки.

Переход к жилищному самоуправлению при слабой мотивации, может привести к тому, что все «вновь испеченные» ТСЖ, после прекращения действия 185-ФЗ, предпочтут воспользоваться услугами управляющих компаний, как более специализированного участника процесса управления. Таким образом, ТСЖ станет буфером, смягчающим смену хозяйствующего субъекта в сфере ЖКХ при переходе от муниципальных учреждений к коммерческим. Исходя из этого, вполне резонными становятся вопросы о качестве результатов и эффективности, предлагаемых государством технологий развития жилищного самоуправления как формы самоорганизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сысоев С.А. Институциональный аспект исследований социального капитала // Лаборатория новой политэкономии [Электронный ресурс]. - URL:<http://www.newpoliteconomy.org/publications/articles/10.pdf> / Дата обращения: 10.01.12
2. Ромашкин Г.С. Доверие в российском обществе: экономика социологический анализ: автореферат дис. ...канд. социол. наук / Г.С. Ромашкин. – Тюмень, 2011. – 25 с.
3. Материалы аналитического отчета по итогам научного исследования по теме «Управление многоквартирными домами: уровень социальной агрессии» // Проект «Управление многоквартирными домами: уровень социальной агрессии», некоммерческая организация «Пермский Фонд содействия товариществам собственников жилья» [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.youhouse.ru/notice/book/konflikt-v-tszh.pdf> / Дата обращения: 10.01.12
4. О фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства: Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.2007 №185-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс» – URL:<http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=118024> / Дата обращения: 12.02.12

РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Щербаков Г.А.,
кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственного и муниципального управления,
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

Ключевые слова: регион, политика, социальная политика, социальное положение
Key words: region, policy, social policy, social status

Аннотация. В статье выявляются тенденции в социально-экономическом положении жителей, проживающих в Тюменской, Свердловской, Челябинской и Курганской областях, проблемы в реализации высокоэффективной социальной политики, определяются приоритетные направления социального развития регионов на основе результатов анкетного опроса. Исследование показало, что социальное положение населения Тюменской области является более благополучным в округе, а самая неблагоприятная ситуация в социальном положении сложилась у населения Курганской.

The paper identifies trends in the socio-economic status of residents living in Tyumen, Sverdlovsk, Chelyabinsk and Kurgan regions, the problems in the implementation of highly effective social policy, identifying priority areas of social development of regions based on the results of the questionnaire. Research has shown that social status of the population of the Tyumen region is more prosperous in the district, and the most unfavorable situation in the social situation has developed in the Kurgan region.

В регионах исследуются настроения граждан, определяется уровень политического доверия народа власти и ее институтам, выявляются тенденции в социально-экономическом положении жителей, проблемы в реализации высокоэффективной социальной политики, определяются приоритетные направления социального развития регионов. Не исключением является и Уральский Федеральный округ (далее УрФО), где в субъектах округа автором были проведены социологические исследования. Ниже приведем анализ результатов анкетного опроса жителей, проживающих в Тюменской, Свердловской, Челябинской и Курганской областях. Всего в опросе приняли участие 597 респондентов. Среди них 22,6% респондентов проживают в Тюменской области, 26,0% - в Курганской области, 25,9% - в Челябинской области, 25,5% - в Свердловской области. Из числа опрошенных 44,6% составили мужчины, 55,4% - женщины.

На вопрос «Интересуетесь ли Вы основными направлениями развития социальной политики региона?», три четверти участников анкетного опроса ответили, что в той или иной степени интересуются основными направлениями развития социальной политики региона (да – 33,2%, иногда – 40,6%). Противоположное мнение (нет) высказал каждый четвертый житель исследуемых областей УрФО.

Распределение ответов участников анкетного опроса на данный вопрос в зависимости от области проживания показал, что ответы респондентов Тюменской области полностью совпадают с ответами всех опрошенных, проживающих в УрФО. Одновременно в ответах жителей Свердловской области выявлен негативный интерес к основным

направлениям развития социальной политики региона (41,8% опрошенных). Для сравнения аналогичное мнение высказано в два раза меньшим числом жителей Курганской и Челябинской областей (17,4 и 19,3% соответственно).

Далее респондентам предлагалось определить, насколько реальна реализация в регионе высокоэффективной социальной политики. Каждый пятый респондент (19,4%) высказал мнение, что в УрФО возможна реализация высокоэффективной социальной политики. При этом менее половины участников анкетного опроса (40,5%) выразили сомнение, что в УрФО возможна реализация высокоэффективной социальной политики, а каждый десятый респондент категорично утверждает, что реализация в регионе высокоэффективной социальной политики совсем не реальна. Одновременно каждый четвертый респондент затруднился ответить на поставленный вопрос.

Позитивный настрой в ответах присутствует у четверти опрошенных Курганской области (26,8%), а так же у каждого пятого, проживающего в Тюменской и Челябинской областях. Среди жителей Свердловской области таких в два раза меньше. Одновременно отметим, что среди жителей Челябинской области наибольшее число тех, кто полагает, что реализация в регионе высокоэффективной социальной политики маловероятна и совсем не реальна. Среди жителей Тюменской и Курганской областей аналогичного мнения придерживается каждый второй. При этом вызывает удивление тот факт, что от четверти до трети опрошенных, в зависимости от района проживания, вообще затруднились оценить, насколько реальна реализация в их области высокоэффективной социальной политики.

Данное обстоятельство, по мнению автора, объяснимо, поскольку около половины участников анкетного опроса практически или совсем не знакомы с областными программами социального развития, нацеленными на решение социальных проблем региона, а с отдельными программами знаком каждый четвертый участник анкетного опроса. В полной мере и с большинством программ знакомы менее половины опрошенных.

В целях исследования автору важно было выяснить мнение респондентов об основных проблемах реализации социальной политики в регионе. Для этого из предложенного списка проблем экспертам было необходимо выбрать три основных. Триада проблем, выявленная респондентами, проживающими в регионах УрФО, выглядит следующим образом:

- уровень заработной платы – 25,0%;
- уровень развития системы здравоохранения – 13,8%.
- уровень обеспеченности жильем – 12,0% (табл.4).

Безусловно, по мнению автора, на перечень основных проблем реализации социальной политики в регионе оказывает в определенной степени количество выделяемых

средств на реализацию социальной политики в регионе. Не случайно следующий вопрос анкеты был направлен на выявление мнений жителей исследуемых областей УрФО о степени достаточности выделяемых средств на реализацию социальной политики в регионе. В ходе анализа выявлено, что только 5,8% респондентов анализируемых областей удовлетворены количеством выделяемых средств на реализацию социальной политики в регионе. Неудовлетворенность их количеством высказали более половины участников анкетного опроса. При этом более четверти опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос.

В связи с поставленными ранее вопросами, возникает необходимость анализа ответов жителей исследуемых районов на вопрос, ощущают ли они себя социально защищенными. Так, в ходе анализа автором выявлено, что три четверти респондентов не ощущают себя социально защищенными. Противоположного мнения придерживается в 17 раз меньшее число жителей анализируемых областей УрФО – 6,6% (табл.1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос, ощущают ли респонденты анализируемых регионов себя социально защищенными, в процентах к общему числу ответивших

Вариант ответа	Все	Респонденты			
		Тюменской области	Курганской области	Челябинской области	Свердловской области
Да	6,6	12,5	6,7	5,4	2,7
Нет	76,3	68,0	73,3	81,8	81,5
Затрудняюсь ответить	17,1	19,5	20,0	10,1	15,1
Другой	0,5	0,0	0,0	2,7	0,7

Как видим, чаще социально защищенными ощущают себя жители Тюменской области, соответственно, среди них меньше лиц, ощущающих себя социально не защищенными. Для сравнения отметим, что три четверти опрошенных, проживающих в Курганской области, ощущают себя социально не защищенными. Среди респондентов Челябинской и Курганской областей таких более восьмидесяти процентов

На прямо поставленный вопрос «Является ли Ваш регион самостоятельным субъектом формирования и реализации социальной политики?» каждый третий участник анкетного опроса испытал затруднения с ответом. Около половины респондентов считают, что их субъект Федерации не является самостоятельным субъектом формирования и реализации социальной политики (44,6%). Противоположного мнения (является) придерживается в два раза меньшее число респондентов (22,6%).

Автором, на основе ответов респондентов анализируемых регионов УрФО, выявлено, что около половины опрошенных считают, что между интересами Центра и региона в решении социально-политических проблем и реализации региональной социальной политики существуют противоречия (42,7%). В два с половиной раза меньшее число респондентов (15,3%) не согласны с этим. Следует указать на

значительное число респондентов (42,0%) затруднившихся ответить на данный вопрос. Структура ответов на вопрос о существование противоречий между интересами Центра и региона в решении социально-политических проблем и реализации региональной социальной политики в зависимости от субъекта проживания, несомненно, детерминруется количеством убежденных в наличие противоречий. Более всего убеждены в этом респонденты Челябинской области (табл.2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов анализируемых регионов на вопрос о существование противоречий между интересами Центра и региона в решении социально-политических проблем и реализации региональной социальной политики, в процентах к общему числу ответивших

Вариант ответа	Все	Респонденты			
		Тюменской области	Курганской области	Челябинской области	Свердловской области
Да	42,7	38,0	41,3	52,7	37,4
Нет	15,3	20,9	17,3	12,8	10,9
Затрудняюсь ответить	42,0	41,1	41,3	34,5	51,7

Далее респондентам была предоставлена возможность из предложенного списка приоритетных направлений социального развития УрФО выбрать пять основных. Иерархия их выглядит следующим образом:

- повышения качества жизни населения - 19,0%;
- решение проблем доступности жилья - 15,3%;
- развитие системы здравоохранения - 13,5%;
- обеспечение экономической самостоятельности жителей региона – 8,6%;
- развитие системы социальной защиты населения - 8,5%.

На сколько же респонденты удовлетворены реализуемыми приоритетными направлениями развития социальной политики в регионе? В ходе анкетного опроса выяснилось, что четверть респондентов (26,1%) в целом удовлетворены реализуемыми приоритетными направлениями развития социальной политики в регионе (полностью или в целом). Противоположного мнения придерживается в полтора раз большее число респондентов (38,3%). Каждый третий респондент затруднился ответить на поставленный вопрос.

На следующий вопрос анкеты «Отвечают ли проводимые в регионе социальные преобразования интересам большинства населения?» только каждый шестой респондент (17,0%) ответил, что проводимые в регионе социальные преобразования отвечают интересам большинства населения. Чуть более половины респондентов (58,0%) высказали противоположное мнение «не отвечают». При этом каждый четвертый респондент затруднился ответить на поставленный вопрос.

Чьи же интересы отражает социальная политика в регионе? Почти три четверти респондентов (72,3%) полагают, что социальная политика в регионе отражает интересы отдельных социальных групп, каждый шестой - всего регионального сообщества. При этом лишь 4,3% респондентов

Таблица 3. Характеристика респондентами изменений в социальном положении населения в УрФО за последние 5 лет в зависимости от места проживания, в процентах к общему числу опрошенных

Характеристика изменений	Все	Респонденты			
		Тюменской области	Курганской области	Челябинской области	Свердловской области
ситуация стала вполне благополучной	8,2	13,1	4,0	6,1	10,9
ситуация улучшилась	42,4	43,1	40,7	42,6	43,5
ситуация не изменилась	30,9	27,7	40,7	27,0	28,6
ситуация стала более тяжелой	10,6	5,4	8,0	16,2	11,6
ситуация стала катастрофической	2,2	2,3	0,7	4,0	1,4
затрудняюсь ответить	5,5	8,5	6,0	4,1	4,1

ответили, что социальная политика в регионе отражает интересы каждого отдельного индивида, это респонденты Челябинской и Свердловской областей.

Следующий вопрос позволил респондентам охарактеризовать изменения в социальном положении населения в УрФО в целом и в каждой области, входящей в округ, в частности за последние 5 лет (табл.3). В целом каждый второй участник анкетного опроса (50,6%) позитивно оценил изменения в социальном положении населения в УрФО за последние 5 лет. По их мнению, ситуация ста-

ла вполне благополучной (8,2%) или улучшилась (42,4%). Каждый третий респондент (30,9%) считает, что ситуация не изменилась. При этом каждый десятый респондент заявил, что ситуация стала более тяжелой (10,6%) или катастрофической (2,2%).

Какие же проблемы беспокоят жителей исследуемых районов УрФО? В ходе исследования автором выявлена пятерка наиболее актуальных проблем жителей УрФО:

1. дороговизна жизни (16,7%);
2. экологическая обстановка (11,4%);
3. преступность и повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги (8,6%);
4. безопасность своя и близких и произвол чиновников (8,2%);
5. разделение общества на богатых и бедных (7,8%).

Анализ ответов участников анкетного опроса позволил выявить региональную специфику социальных проблем жителей анализируемых областей. Так, для жителей Курганской области, помимо перечисленных выше, не менее актуальными являются проблемы безработицы и произвола чиновников; для жителей Тюменской и Свердловской областей – проблемы преступности; а для жителей Тюменской и Челябинской областей важна такая проблема как падение нравов, культуры.

В заключение следует отметить, что результаты анкетного опроса, проведенного в областях Уральского Федерального округа, позволяют автору статьи сделать вывод, что социальное положение населения Тюменской области является более благополучным в округе, а самая неблагоприятная ситуация в социальном положении сложилась у населения Челябинской области.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ*

Цедилина А. В.,
социолог, независимый исследователь

Предисловие

Споры о том, существует ли в России гражданское общество или нет, ведутся давно. Данная работа исходит из его наличия в России. Вопрос заключается в том, насколько оно развито (только формируется) и выполняет ли свои функции? На сегодняшний день проблема состоит в том, что государство не хочет отдавать часть своих функций общественным институтам, а население до последнего времени не достаточно активно участвовало в их формировании.

В результате основное предположение предлагаемой ниже работы заключается в том, что слабое развитие гражданского общества в России является следствием нехватки социального капитала в обществе.

Автор исходит из гипотезы: чем разветвленнее модель социальных отношений в обществе, построенных на доверии и общих постматериалистических ценностях, тем больше ресурсов для развития гражданского общества.

Социальный капитал понимается как соединение таких элементов, как доверие, нормы и ценности, сети. Он «склеивает» группу и общество в целом на основе доверия, образующегося в результате наличия определенных ценностей и норм взаимодействия людей друг с другом. Социальный капитал формируется и растет благодаря сетям или формализованным и неформальным связям.

Гражданское общество является главной сферой, в которой аккумулируется социальный капитал. Именно добровольные ассоциации и другие гражданские сети формируют горизонтальные связи солидарности, сотрудничества, взаимной ответственности, а значит, и основную массу социального капитала сообщества. Они образуют коммуникационную сеть, которая способствует смягчению общественных расколов, ослаблению напряженности и ведет к созданию демократического солидарного сообщества.

В итоге социальный капитал выступает условием формирования и функционирования гражданского общества.

Общественные движения наряду с НКО и другими негосударственными ассоциациями образуют одну из основных форм проявления гражданского общества. Социальные движения определяются как сети неформальных взаимодействий между множеством индивидов или групп, на основе общепризнанных ценностей и норм взаимного доверия, с целью изменения или совершенствования конкретных ситуаций.

Литература, посвященная проблеме развития социального капитала и становления гражданского общества обширна. Однако, в основном российские исследователи не уделяют должного внимания вопросам развития социальных движений, рассматривая гражданское общество, прежде всего, как совокупность НКО.

Методологические основы изучения социального капитала

Теория социального капитала получила широкое распространение в западной социологии во второй половине

20 столетия.

Однако, впервые выражение «социальный капитал» появилось у Лид Джадсон Ханифан, в дискуссии по сельским школам в 1916 г. Он использовал этот термин для описания «тех значимых обстоятельств, которые влияют на повседневную жизнь каждого». Ханифан пришел к выводу о необходимости воспитания доброй воли, братства, симпатии друг к другу и умения налаживать социальные отношения среди людей, которые «образуют социальную единицу»¹. С тех пор понадобилось более полувека, чтобы этот термин начал широко употребляться.

Первый систематический анализ этого феномена был проведен П. Бурдые в 1970-80-х годах. Французский социолог П. Бурдые определял понятие социального капитала как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе. Социальная группа дает своим членам опору в виде коллективного капитала (collectively-owned capital), «репутации» (credential), позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова.

Эти отношения могут непосредственно проявляться в кратко- или долгосрочном периодах времени, когда происходит трансформация случайных связей (например, в случае отношений на рабочем месте, отношений соседства или родства) в одновременно и обязательные, и избирательные и предполагают длительные обязательства, ощущаемые на субъективном уровне (чувства благодарности, уважения, дружбы и т.п.) или гарантированные институционально (права).

Такие связи могут бесконечно воспроизводиться в ходе обмена (дарами, словами, жемчужинами и т.д.), который этот институт стимулирует и предопределяет, продуцируя взаимное знание и признание.

Объем социального капитала, которым располагает агент, зависит:

- 1) от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать;
- 2) от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан².

Из определения Бурдые становится понятным, что, во-первых, социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы; во-вторых, качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов.

Приобретение социального капитала требует взвешенного вложения и экономического, и культурного ресурса. По сравнению с экономическим обменом социальный об-

1. Смит М.К. Социальный капитал для начинающих. Режим доступа: http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=13099 (дата обращения: 12.12.2011).

2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Том 3. №5. С. 65-71

*Автор надеется в дальнейшем применить изложенное к исследованию конкретной организации.

мен характеризуется меньшей прозрачностью и большей неопределенностью. К примеру, транзакции, включающие социальный капитал, можно охарактеризовать неопределенными обязательствами, нечеткими временными границами и вероятным нарушением взаимных ожиданий³.

Дж. Коулмен, продолживший развитие научной мысли, отметил, что социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур, и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры. Дж. Коулман выделил три формы социального капитала: 1) обязательства и ожидания, которые зависят от надежности социальной среды; 2) способность социальной структуры к передаче информационных потоков и 3) нормы, сопровождаемые эффективными санкциями.

Нормы устанавливаются в качестве средств сокращения внешних воздействий, а выгоды от этого обычно получают те, кто ответственен за их установление. Но возможность установления и функционирования эффективных норм зависит от характеристик социальной структуры (например, такой, как замкнутость), которую один актер контролировать не может, но тем не менее на нее влияют действия именно одного актора. Сущность социального капитала (свойство, отличающее его от других форм капитала) заключается в его выражении в качестве общественного блага: акторы, создающие социальный капитал, обычно получают только малую его часть. А это приводит к недостаточному инвестированию в социальный капитал.

Дж. Коулман также обращает внимание на характеристики социальной структуры, которые могут влиять на развитие социального капитала. В открытой структуре выполнение норм будет происходить только в том случае, если один человек владеет обязательствами. Репутация не может возникать в открытой структуре, не могут применяться коллективные санкции, гарантирующие надежность⁴.

Таким образом, по мнению Коулмана, замкнутость социальной структуры важна как для существования эффективных норм, так и для надежности социальных структур, позволяющей расширить обязательства и ожидания. В дальнейшем данное утверждение будет поставлено под сомнение такими исследователями форм социального капитала, как Р. Патнэм, Фр. Фукуяма, М. Грановеттер и др.

Американский ученый Р. Патнэм выдвинул положение о том, что социальный капитал является одним из важнейших факторов формирования и развития демократической политической культуры, который накапливается посредством участия граждан в организациях и ассоциациях гражданского общества. К таким выводам он пришел при сравнении Северного и Южного регионов Италии.

Северные регионы характеризуются тем, что большинство граждан, ежедневно читая газеты, живо интересуются местными делами и проблемами. По важнейшим общественным проблемам они имеют собственное мнение, им чужда зависимость типа «патрон – клиент». Жители доверяют друг другу и подчиняются закону, и их лидеры сравнительно честные люди. Они верят в народное пред-

ставительство и предрасположены к компромиссам с политическими оппонентами. Как рядовые граждане, так и лидеры считают равенство естественным состоянием. Социальные и политические связи организованы горизонтально, а не иерархически. Сообщество ценит солидарность, гражданскую вовлеченность, сотрудничество и честность. Южные районы наоборот отличаются тем, что общественная жизнь в них организована иерархически, а не горизонтально. С точки зрения «рядового» обывателя, политика – это дело кого-то другого, «боссов», – но не его собственное. Немногие люди выражают свое мнение по социально значимым вопросам. Участие в политике определяется личной зависимостью или корыстью, но отнюдь не стремлением к коллективному благу. Общественные и культурные ассоциации мало развиты.

Коррупция считается нормой даже среди самих политиков, отношение их к демократическим принципам вполне цинично. Почти все они единодушны в том, что законы созданы для того, чтобы их нарушали. Поэтому, боясь беззакония со стороны ближних, люди требуют «твердой руки». Попав в этот порочный круг, буквально каждый чувствует себя бессильным⁵.

Выше приведенные эмпирические факты были положены в основу концепции социального капитала. В статье «Боулинг в одиночку: падение социального капитала Америки» Патнэм отмечает, что социальный капитал представляет собой характеристики социальной организации, такие как сети, нормы и социальное доверие, которые способствуют координации и кооперации в интересах общей пользы.

Название статьи Патнэма возникло из того факта, что в период с 1980 по 1993 годы в Америке командная игра в боулинг сократилась на 40%, в то время как одиночный боулинг вырос на 10%. По всей стране люди стали менее склонны участвовать в общественных объединениях, активность избирателей уменьшается, как и посещение церкви и членство в профсоюзах. По мнению Патнэма, все это происходит из-за затяжного упадка социального капитала⁶.

Рассмотри подробнее формы социального капитала, которые выделил в своих работах Р. Патнэм.

1) Нормы взаимодействия, убеждения и ценности

Большинство ученых расценивает нормы как один из первичных элементов социального капитала. В статье «Социальный Капитал и Гражданское Общество» Фукуяма определяет социальный капитал как подтвержденные неформальные нормы, которые способствуют сотрудничеству между двумя или большим числом индивидуумов. Нормы, формирующие социальный капитал, могут варьироваться от нормы взаимности между двумя друзьями до сложных, четко выверенных и устоявшихся доктрин, как например, религия.

При этом существуют как положительные, так и отрицательные проявления социального капитала. Многие группы достигают внутреннего единства норм за счет обращения с посторонними с подозрением, враждебностью или прямой ненавистью. Ку-клукс-клан или, например, мафия достигают совместных целей на основе разделяе-

3. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. с.45-49

4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 9–12

5. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 112-135

6. Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy 6:1, Jan 1995, p.65.

мых норм, и поэтому имеют социальный капитал. Наличие положительных и отрицательных форм не дисквалифицирует социальный капитал как форму капитала. Физический капитал также может принимать форму винтовки для нападения или безвкусных развлечений, а человеческий капитал может использоваться, чтобы изобрести новые методы насилия над людьми⁷.

В связи с этим Р. Патнэм отмечает, что социальный капитал может быть: 1) связывающим, т.е. соединяющим индивидов, принадлежащих к разным социальным группам; 2) охватывающим, т.е. ориентированным внутрь социальной группы и увеличивающим ее гомогенность

А. Поргес и Р. Патнэм акцентируют норму взаимной помощи: взаимодействие индивидов основано на вере, что за все усилия или услуги будет оплачено тем же. Норма взаимной помощи поощряет сотрудничество и связывает общины. Она превращает индивидов из корыстных эгоцентриков в полноценных членов общества, которым не чужды интересы всеобщего благосостояния.

В теории социального капитала сравнительно мало внимания уделяется убеждениям. Между тем J. Nahapiet и S. Ghoshal утверждают, что убеждения, проявляющиеся как общее стратегическое видение, являются значительными для формирования социального капитала. Если в организации отсутствуют общие цели, сотрудничество теряет свой смысл. Подобного мнения придерживается и А. Поргес – общий опыт и возникающие благодаря ему общие убеждения влияют на социальный капитал, потому что создают сильное чувство общности и солидарности⁸

2) Доверие (social trust)

На основе общих норм, ценностей и убеждений субъектов взаимодействия возникает доверие, которое обычно определяют как вера в то, что взаимные обязательства будут выполнены без применения санкций.

Типология доверия может строиться на нескольких основаниях. Прежде всего, различают: 1) межличностное доверие (доверие между индивидами) и 2) институциональное доверие (доверие индивидов к социальным институтам и их представителям).

Межличностное доверие в свою очередь может быть личным и безличным. В первом случае индивиды связывают непосредственные отношения друг с другом, во втором они видят в этой связи следствие своей принадлежности к более широкой социальной общности. Личное доверие возникает между людьми в той или иной степени знающими друг друга, тогда как для безличного доверия знакомства вообще не требуется⁹.

Исследуя социальный капитал различных групп, Фрэнсис Фукуяма предложил рассматривать его проявления через призму концепции, под названием «радиус доверия». Автор разделяет все группы, воплощающие социальный капитал, в соответствии с некоторым радиусом доверия, то есть кругом людей, среди которых действуют совместные (кооперативные) нормы.

Если социальный капитал группы производит «положительное впечатление» на окружающую среду, то радиус доверия может быть большим, чем непосредственно сама группа. Возможно также, что радиус доверия будет меньшим, чем членство группы, как в больших организациях, которые способствуют совместным (кооперативным) нормам только среди лидеров группы или постоянного штата. Радиусы доверия могут присутствовать, начиная от отношений между друзьями до неправительственных организаций и религиозных групп. В результате современное общество можно представить как ряд концентрических и накладывающихся друг на друга радиусов доверия. Выводы о существовании радиусов доверия различной величины важны, с точки зрения оценки способности членов одной группы сотрудничать с посторонними, поскольку солидарность внутри группы, как правило, способствует созданию «узкого радиуса доверия» и часто порождает негативное отношение окружающей среды.

Это обеспечивает потенциальную возможность для коррупции: в обществах с «узким радиусом доверия» каждый чувствует, что «он имеет право украсть от имени семейства»¹⁰. Наличие узкого радиуса доверия у группы обычно сопряжено с отсутствием, так называемых «слабых» связей, что затрудняет передачу информации, новшества и человеческих ресурсов.

Концепция «силы ослабленных связей» была выдвинута социологом Марком Грановеттером. Ученый обнаружил, что в процессе поиска работы большее значение имеют ослабленные, а не прочные связи. Ослабленные связи оказываются ключевым механизмом для мобилизации ресурсов, идей и информации как при поиске работы, так и при решении различных проблем, запуске новых видов продукции или организации предприятий. Основная причина важности ослабленных связей состоит в том, что их у нас может быть много, при этом для их поддержания нужны меньшие вложения. К прочным связям обычно относят отношения, которые бывают с членами семьи, близкими друзьями, давними соседями или коллегами по работе. Данный вид связи распространяется на многие аспекты жизни и характеризуется долгосрочностью, доверием и обоюдностью. В итоге прочные связи по определению требуют больших затрат времени и энергии¹¹.

Основной тезис концепции состоит в том, что в среднем вероятность успешной передачи ресурса сильнее пострадает от удаления слабой связи, чем от удаления сильной. Это означает, что любой распространяемый ресурс попадет к большему количеству людей и пройдет более длинную социальную дистанцию (длину пути) при следовании в большей степени через слабые связи, чем через сильные. Слабые связи с большей вероятностью соединяют членов различных малых групп, чем сильные; последние, как правило, сосредоточены внутри отдельных групп. Такая связь порождает парадоксы: слабые связи, которым часто ставят в вину распространение отчуждения, здесь рассматриваются как необходимое условие формирования у индивидов возможностей, а также их интеграции в сообщества.

7. Социальный капитал и гражданское общество [Электронный ресурс] / Грицаенко В. – Режим доступа: <http://scd.centro.ru/dover.zip> (дата обращения: 25.12.2011).

8. Мачеринскене И., Минкуте-Генриксон Р., Симанавичене Ж. Социальный капитал организации: методология исследования // Социологические исследования. 2006. № 3. С.29-32

9. Звоновский В.Б. Повседневное межличностное безличное доверие как фактор хозяйственной деятельности // Мир России. 2007. Т. XVI. № 2. С. 134-135

10. Fukuyama Francis Social Capital and Civil Society / Francis Fukuyama // The Institute of Public Policy George Mason University. – 1999. – October 1. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm> (дата обращения: 25.12.2011).

11. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С.32-38.

А сильные связи, способствующие формированию сплоченности на локальном уровне, на макроуровне приводят к фрагментации. Так в традиционном обществе в основном доминировали прочные связи, с помощью которых достаточно жестко регулировалась частная жизнь людей. В противоположность традиционным, современные общества, состоят из большого количества социальных групп, которые разрешают многократные членства и тождества, что способствует активному продвижению инноваций и экономическому прогрессу¹².

В экономической социологии, продолжая мысль Грановеттера, стали использовать понятия «случайных» и «укорененных» социальных связей в сетевой структуре какой-либо организации.

Укорененность связей между различными организациями смещает мотивацию акторов от узкой направленности на сиюминутную экономическую выгоду в сторону обогащения связей отношениями доверия, передачи достоверной информации, а также совместного решения проблем. Случайные связи наоборот сопряжены с риском и отсутствием каких-либо гарантий добросовестного поведения той или иной стороны.

Исследования подтверждают, что организации, поддерживающие укорененные связи имеют более высокие шансы на выживание по сравнению с теми, кто поддерживает случайные рыночные связи. Однако на определенном уровне позитивный эффект укорененности достигает пика, после чего начинает снижаться. Это происходит вследствие того, что приток новой информации сокращается и, в конечном счете, иссякает вовсе, так как связей с внешними контрагентами, которые могли бы привнести новые идеи практически не остается¹³.

В итоге для эффективной деятельности той или иной организации или группы в обществе необходимо поддержание как прочных / укорененных связей, основанных на доверии, так и слабых / случайных связей, способствующих эффективной циркуляции информации в межсетевом взаимодействии, а, следовательно, увеличению социального капитала.

3) Социальные сети (social networks)

Работы М. Грановеттера послужили развитию междисциплинарной теории социальных сетей такими авторами как Л. Фриман, Д. Ноук, П. Марсден, С. Вассерман, Б. Веллман и другими исследователями.

Сетевой подход (social networks analysis) — это одна из многообещающих стратегий межуровневого анализа. Особенно перспективной является возможность сравнить между собой разные социальные структуры — социальные группы, организации, общности. Для этого, прежде всего, собираются данные о составе акторов, их связях и направлениях этих связей.

С точки зрения методологии обычно выделяют два направления анализа сетевой структуры:

1) Изучение эгоцентрических сетей (связи отдельных индивидов).

2) Изучение полных сетей (связь всех элементов закрытой структуры или же изучение выделенных по заранее определенным критериям фрагментов сети).

Индикаторы сети:¹⁴

Размер сети — число прямых связей, включенных в индивидуальные объединения. Данный показатель используется при измерениях величины популяций. Размер сети устанавливается, как правило, на основе априорных допущений, однако он должен определяться на основе сравнительно постоянных связей за определенный период времени.

Сетевая плотность — общее количество связей между единицами сети (в социометрической матрице аналогом данного показателя является «сплоченность»).

Центральности и централизации — степень иерархизированности сетевых связей, обусловленная, в частности, коммуникационной активностью участников, возможностями контроля поведения и наличием не прямых связей.

Сила связи определяется как интенсивность связи в диадах, измеренная на основе их закрытости, частоты или длительности. Например, идеальными показателями силы связи являются продолжительность телефонных переговоров по сети или объем транзакций, но чаще всего для установления силы связи в социологии приходится пользоваться оценочными описаниями.

Ранг сети — длина общей многоступенчатой связи (маршрута), в которой один элемент сети связан с другими элементами. Ранг можно оценить как через размер сети, так и через ее плотность.

Веллман и другие исследователи отмечали, что в большинстве случаев сетевого измерения изучаются поддерживающие связи и их изменения, а конфликтные связи игнорируются. Это необходимо учитывать при анализе сетей социальной поддержки, поскольку некоторые исследования позволяют сделать вывод: отсутствие неподдерживающих связей может оказаться более важным, чем наличие поддерживающих. То есть наряду с вопросами о позитивных связях следует задавать вопрос и о негативных или конфликтных связях, оценивать их частоту и другие характеристики.

В итоге выделяют две составляющие социального капитала: структурную, в основе которой лежит сетевое взаимодействие между акторами, и институциональную, акцентирующую внимание на проблематике доверия и соблюдения норм социального взаимодействия.

Типология социального капитала

Дж. Тернер определяет социальный капитал как силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций. Эти силы действуют на макро-, мезо- и микроуровнях. Соответственно, социальный капитал формируется как: объединения индивидов для решения фундаментальных вопросов, связанных с производством, воспроизводством, регулированием и координацией основных потребностей (макроинституциональный уровень); корпоративные элементы человеческого капитала и категориальные элементы, которые ге-

12. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. Классика-XXI, 2007. Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=87> (дата обращения: 25.12.2011).

13. Брайан Уци. Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организации: влияние сетей / Анализ рынков в современной экономической социологии / Отв. ред. В. В. Радаев, М. С. Добрякова. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 208-230

14. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. с. 112-128

нерируют социальные различия, сказывающиеся на отношении к ним в обществе (мезоуровень); непосредственные личные отношения в рамках корпоративных и социальных ячеек (микроуровень)¹⁵.

В результате одни авторы (например, Коулман и Патнэм) исследуют социальный капитал на макро-уровне, где он представлен в таких категориях как нормы, доверие и социальные связи. Другие же (Бурдье, Флап, Эрикссон, Лин) сосредоточились на социальном капитале как на дополнительном ресурсе, включенным в социальную структуру, который может быть мобилизован индивидом для достижения его целей.

Флап утверждает, что социальный капитал на микроуровне обладает следующими характеристиками:

- 1) число акторов в социальной сети индивида;
- 2) ресурсы, которыми располагают эти акторы;
- 3) готовность ими обмениваться¹⁶.

В соответствии с целями использования социального капитала и опираясь на источники формирования социального капитала на микро-, мезо- и макроуровнях, Л.В. Стрельникова условно выделяет три аналитических направления. Сторонники первого рассматривают социальный капитал как ресурс, упрощающий отношения отдельно взятого индивида внутри социальной сети (социальный капитал внутреннего типа, действующий на микро- и мезоуровнях). Эта точка зрения основывается на том, что действия индивидов и отдельных групп в рамках одной социальной структуры могут быть упрощены посредством прямых или косвенных связей. Для представителей второго направления социальный капитал – ресурс, способствующий вертикальной мобильности индивида (социальный капитал внешнего типа, действующий на мезоуровне). Наконец, третье направление инкорпорирует два первых, рассматривая социальный капитал как источник экономического

роста, возникающий за счет формирования специфической локальной институциональной среды (социальный капитал смешанного типа, действующий на макроуровне)¹⁷.

Социальный капитал, как и любой другой вид капитала, способен самовоспроизводиться, накапливаться, конвертироваться в другие формы капитала, а также наращивать совокупный капитал, а соответственно становиться одним из факторов социального расслоения в обществе¹⁸.

Экономическая функция социального капитала заключается в снижении транзакционных издержек, связанных с формальными механизмами координации, такими как контракты, бюрократические правила и т.д. Ни один контракт не может определить все непредвиденные обстоятельства, которые могут возникнуть между сторонами, однако присутствие доверия между ними не позволяет воспользоваться непредвиденными лазейками.

Политическая функция социального капитала заключается в построении гражданского общества, которое является неперенным условием существования демократии.

Склонность к самоорганизации есть именно та составляющая, которая совершенно необходима для успешной работы демократических политических институтов. В любой осмысленной демократии интересы и стремления различных членов общества должны быть артикулированы и представлены посредством политических партий и других типов организованных политических групп. Но никакая подобная система не может быть выстроена в опоре на массу неорганизованных и изолированных друг от друга индивидов, способных формировать собственные взгляды и предпочтения, о которых становится известно только во время выборов¹⁹.

В последующем нами будет рассмотрен социальный капитал общественных движений как основа развития гражданского общества.

15. Стрельникова Л.В. Социальный капитал // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 33-35.

16. Moses A. Boudourides A REVIEW OF NETWORK THEORIES ON THE FORMATION OF PUBLIC OPINION Режим доступа: <http://www.math.upatras.gr/~mboudour/> (дата обращения: 20.12.2012).

17. Стрельникова Л.В. Социальный капитал // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 38-39.

18. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 24-25

19. Fukuyama Francis Social Capital and Civil Society / Francis Fukuyama // The Institute of Public Policy George Mason University. – 1999. – October 1. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm>

СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Абрамов В.Е.,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков,
Хуснуллина Ю.А.,
преподаватель,
кафедра иностранных языков,

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики

Ключевые слова: коммуникация, межкультурная компьютерная коммуникация, пользователь информационных сетей
Key words: communication, intercultural communication in computer-mediated discourse, Net-user

Аннотация. Статья посвящена изучению межкультурной компьютерной коммуникации. Авторы исследуют социально-статусные характеристики пользователей информационных сетей и в заключении формулируют основные принципы группового разделения.

The article is devoted to intercultural communication in computer-mediated discourse. The authors analyse social status features of Net-users and conclude the principles of users' division.

В современном языкознании пристальное внимание уделяется процессу коммуникации и коммуникативному поведению, что находит свое отражение в многочисленных лингвокультурологических научных работах. Большой интерес для лингвистического исследования представляет сегодня межкультурная компьютерная коммуникация. Техническая сторона компьютерной коммуникации на данный момент в достаточной мере изучена. Однако лексико-семантическая сторона представляет собой широкое поле для исследования.

Отличительной особенностью компьютерной коммуникации является изменение условий и форм взаимодействия людей, что находят свое отражение на языковом уровне. Межкультурная компьютерная коммуникация – это вид электронного общения посредством компьютера (ПК).

В лингвистике принято разделять процесс коммуникации, представляющий собой непрерывное взаимодействие ее участников, на отдельные фрагменты или единицы коммуникации – коммуникативные акты. В связи с этим представляется весьма действенной модель коммуникации Г. Лассвелла, в которой выделяются участники и элементы коммуникативного акта: коммуникатор, сообщение, канал, получатель, последствия. Представим данную модель схематически: [Lasswell 1948].

Выделение дискретных единиц обусловлено удобством анализа и описания коммуникации. При этом следует различать вербальную и невербальную коммуникацию. По форме она делится на устную и письменную комму-

никацию; по каналу восприятия информация делится на аудитивную, визуальную и аудио-визуальную.

Традиционно выделяют следующие типы коммуникации в профессиональной сфере: внутриличностная коммуникация, межличностная коммуникация, коммуникация в малой группе, общественная коммуникация, внутренняя оперативная коммуникация, внешняя оперативная коммуникация, личностная коммуникация. Классификация указанных типов коммуникации основана на нескольких принципах, особенно важных для профессиональной среды общения. Тот или иной тип коммуникации зависит от количества коммуникантов, наличия или отсутствия адресата, намерений, целей и задач отправителя сообщения и ряда ситуативно-адресных причин. Помимо этого, существуют формальные и неформальные формы коммуникации, в зависимости от лежащих в основе взаимоотношений коммуникантов. Из этого следует, что если в определенный период времени в профессиональной среде общения приемлемы формальные взаимоотношения коммуникантов, в таком случае возможно вести речь о формальной коммуникации. Формальные взаимоотношения регулируют не только коммуникативное поведение участников, но и фиксируют получаемую информацию, возможность адекватной реакции адресата и уместность отклика и т.д. В процессе неформальной коммуникации существует вероятность обмена неофициальными сведениями и поведение коммуникантов менее регламентировано. Следовательно, в ходе лингвистического исследования необходимо учитывать форму коммуникации пользователей ПК. Взаимоотношения участников коммуникации безусловно определяют выбор лексических средств при информативном обмене.

В настоящее время активно ведутся исследования проблемы стратификации в сетях межличностного общения. Предложенная статья вносит определенную ясность в социально-статусные характеристики пользователей информационных сетей, что в свою очередь оказывает существенное влияние на их коммуникативное поведение.

В век информационных и телекоммуникационных технологий общепринятым является деление на профессиональных и ординарных пользователей информационных сетей. Для обозначения номинации «пользователь ПК» в английском языке существует нейтрально окрашенная лексическая единица *user* и *net-user*, в переводе означающая «пользователь» и «пользователь информационных сетей». Однако в русском соответствии «юзер» прослеживается отрицательный оценочный компонент насмешки и презрения. Как правило, данную лексему используют профессиональные пользователи ПК, чтобы подчеркнуть свою значимость, избранность и обозначить свою непричастность к группе неопытных пользователей информационных сетей. Семантизация иронично-презрительного социального отношения к непрофессиональным пользователям ПК фиксируется в русском языке лексемой «юзверь».

В английском языке закрепляются дериваты: *UserList*, *userbar*, *UserGate*, *userpic*<*user*+*picture*. И соответствующие им лексемы в русском: ЮзерЛист – исходник программы, предназначенной для вывода списка компьютеров, подключенных к локальной сети. Юзербар – графическое изображение, предназначенное для размещения в подписи на веб-форумах, интернет-конференциях и других средствах интернет-общения. Юзергейт – простой и удобный в настройке прокси-сервер, обеспечивающий подключения пользователей локальной сети к Интернету через один внешний IP-адрес. Юзерпик или аватар – небольшая картинка, которая отображается в профиле пользователя какого-либо сайта.

Существует ряд лексических единиц в английском языке для обозначения различного статуса пользователей в среде Интернет: *newbie*, *neophyte*, *professional net-user*, *guru*, *hacker*, *lamer*, *advanced user*, *luser*, *grieger*. Данный синонимичный ряд представлен пестрой палитрой маркированных лексем. Достаточно распространена аббревиатура – *n00b*<*newbie* – новичок в среде компьютерного общения: “If you’re interested in starting Ruby, here’s two excellent books that will teach you everything you need to go from *n00b* to *l33t h4x0rz* ;)” [<http://ubuntuforums.org/>]. Существуют и другие дериваты с различными вариантами графической формы: *newb*, *noob*, *nub*, *poobie*. Заимствованная путем транслитерации в русском языке аббревиатура «нуб», используется для наименования «нового» пользователя, приступающего к освоению тонкостей какой-либо технологии, преимущественно связанной с компьютерами и Интернет-пространством. Переводные варианты представлены лексемами: начинающий, новичок, «чайник», неопытный пользователь. “A *newbie* is a slang term for a person who is new to the Internet and Web culture in general. For example, if you’re not familiar with something on a message board, you might be called a “*newbie*” [<http://websearch.about.com/od/n/g/newbie.htm>]. Следует также отметить негативно-неодобрительный оттенок данных единиц. “Help a poor *n00b*? :):roll:” [<http://ubuntuforums.org/>].

В сетевом жаргоне отмечается лексема-бленд, образованная путем стяжения: “a *luser*<*loser*+*user*”, *luser* or *luzzer* – «неумелый пользователь». Пренебрежительное отношение к пользователю может быть выражено через номинацию “*lamer* – a jargon or slang name originally applied in *cracker* and *phreaker* culture to someone who did not really

understand what he or she was doing” [<http://en.wikipedia.org/wiki/Lamer>]. Ламер (от англ. *Lame* – увечный, хромой, слаб) – в компьютерном сообществе так называют человека, неспособного умело обращаться с компьютером или принципиально не желающего освоить работу на компьютере. Более того, отличительная черта подобного пользователя заключается в ложной демонстрации собственной осведомленности в вопросах информационных технологий.

Антонимами будут выступать лексемы “(computer) *hacker*”, “*cracker*” – «хакер». Первоначально хакерами называли высокопрофессиональных пользователей информационных технологий. Опытные программисты обладали способностью как положительного взаимодействия, так и нанесения существенного урона компьютерным системам. Со временем за лексемой «хакер» закрепилось негативное семантическое значение, а именно обозначение человека злонамеренного, асоциального и своего рода опасного. Затем в русском языке появился синоним – «взломщик» в применении к электронным компьютерным сетям и системам. Со временем лексема подверглась семантическим изменениям, в результате чего «взломщиком» называют необязательно высокопрофессионального пользователя ПК, так как в настоящее время существует огромное разнообразие технологий для взлома компьютерных сетей и серверов. Поэтому сегодня особенно остро стоит проблема информационной безопасности. Таким образом, очевидна смысловая перенаправленность ядерного смысла в значении вышеперечисленных лексем с позитивной интеллектуальной оценки “*hacker*” на негативно окрашенную оценку “*cracker*” – «взломщик, хакер». Семантическую оппозицию представляют собой положительно окрашенными лексические единицы *professional net-user*, *guru*, *advanced user*. В русском языке им соответствуют интернет-серфер, гуру интернета, властелин сети, профессионал, опытный/уверенный/ продвинутый/ активный пользователь интернетом.

Следующая группа пользователей ПК включает в себе представителей игрового компьютерного сообщества, зачастую онлайн версий игр. Слово “*Grieger*” – от англ. «причиняющий страдания», функционирует исключительно в компьютерном игровом сообществе. Номинация *Grieger* – от англ. «причиняющий страдания» или грифер, используется для обозначения человека, который пытается создать конфликтную ситуацию, а именно навредить другим игрокам – «*gamers*» (геймерам). В игровом компьютерном сообществе принято условное разделение «геймеров» на: “*casual gamers*” – казуалы, простые игроки – пользователи с ограниченным интересом к играм; “*hardcore gamers*” – хардкорщики, хардкор-геймеры – игроки, обычно избегающие игр для консолей, рассчитанных на простых игроков; “*Pro-gamers*” – прогеймеры – профессиональные игроки, играющие за деньги; “*newbies*” – нубы – сленговое название новичков в определённой игре или же в играх в целом; “*Retrogamer*” – ретрогеймер – игрок, предпочитающий играть в старые компьютерные, консольные или аркадные игры. Термин «ретрогеймер» наиболее распространён в Соединённом Королевстве и Европе, в то время как термины «классик геймер» (англ. “*classic gamer*”) и «олдскул геймер» (англ. “*old-school gamer*”) более распространены в Соединённых Штатах. Помимо этого схожая лексема

“old-school user” функционирует за пределами игрового сообщества для обозначения пользователей, имеющих пристрастие к устаревшему электронному оборудованию, любителей классических программ и т.д. По гендерному признаку различают “girl gamer” - девушка-геймер, как следует из названия – это любая женщина, играющая в видеоигры.

Проведенное исследование выявило ряд синонимичных лексических единиц: cybersurfer, cybernaut<cyber+astronaut, netters (сетевеки – те пользователи, кто имеет свой сетевой адрес), blogger, weblogger – блоггер, создатель блога, сетевого дневника, “lurker” – пассивный пользователь сети, не участвующий в форумах и конференциях, но регулярно читающий публикации. Дериват “lurker” является производным от английского глагола “to lurk” – «притаиться, выжидать». В компьютерном сообществе термином “lurker” называют человека, «скитающегося» по информационной сети. Он получает интересующую его информацию, но в свою очередь не оставляет никаких данных, отзывов или комментариев. Метафорическая номинация “spiders – «пауки», присуща пользователям, «блуждающим» в информационной «сети».

В компьютерном сообществе имеется своего рода Интернет-культура (Net culture) с принятым этикетом общения (Netiquette<Internet etiquette). Для обозначения тех пользователей, кто неоднократно нарушает принятые нормы поведения в сети, имеется определенное наказание, публичное осуждение – “flaming”. Сообщения от подобных пользователей именуют “flames”, obscene messages – непристойные сообщения. Итак, флейм (от англ. flame – «огонь, пламя») – «спор ради спора», обмен сообщениями в местах многопользовательского сетевого общения (напр. интернет-форумы, чаты и др.), представляющий собой словесную войну, нередко уже не имеющую отношения к первоначальной причине спора. Сообщения флейма могут содержать личные оскорбления, и зачастую направлены на дальнейшее разжигание ссоры, чаще флейм вспыхивает из-за обиды на виртуального собеседника. Авторы оскорбительных сообщений переходят в разряд «скандалистов» – flamers – пользователей сети, известных своей скандальной репутацией. Более того, подобным пользователям запрещается в дальнейшем оставлять комментарии на определенных Веб-страницах. В таком случае их именуют – “banned users”, «забаненные пользователи». Данные дериваты произведены от английского глагола “ban”, «бан» – запрещать, объявлять вне закона. Это один из принятых в Интернете способов контроля за действиями пользователей. Как правило, бан заключается в лишении или ограничении каких-либо прав пользователя (на создание/отправление новых сообщений или создание новых тем на веб-форуме, на отправление сообщений в чате, на комментирование в блогах и др.).

Необходимо отметить еще одну разновидность пользователей – “geeks” – «гики». Данное сленговое выражение употребляется относительно людей, увлеченных технологиями, в том числе компьютерными. До 1995 года подавляющее большинство Интернет-пользователей составляли «гики» (от англ. geek – чокнутый, помешанный). В английский язык слово заимствовалось из нижненемецкого языка в форме geck. Первоначально значение этого слова было «уличный, карнавалый артист», со временем

лексическое значение и сфера употребления значительно изменились.

Целесообразно упомянуть и номинацию “/b/tard” (амер.) – «битард», постоянный посетитель /b/ имиджбордов. Данная лексема получена при помощи стяжения /b/ – раздел, имеющий самые высокие показатели информационного обмена, и “retard” – «умственно отсталый, идиот», человек с задержкой в умственном развитии. Образование нестандартной графической формы /b/tard объясняется стремлением к нивелированию негативного мнения о битардах. На англоязычных бордах используют следующие синонимы – /b/br0, /b/gother. В русскоязычных бордах встречаются их производные варианты – /б/итард, /б/брат (как способ выражения уважения к собеседнику), /b/olshevik. Основными характеристиками битардов являются крайняя степень безответственности и пренебрежение социальными правилами и нормами, чувство безнаказанности, постепенно укрепляющееся в сознании от анонимного общения.

Следующая выделяющаяся группа пользователей именуется в компьютерном сообществе “troll” – «тролль». Данное обозначение берет свое начало из английского “trolling”, “trawling” – «ловля на блесну». Троллинг – это размещение в Интернете (на форумах, в дискуссионных группах, в вики-проектах, Живых Журналах (ЖЖ)) провокационных сообщений с целью вызвать конфликты и взаимные оскорбления между пользователями сети. Лицо, занимающееся троллингом, называют троллем. Изначально это слово происходит от рыболовного термина «троллинг», что совпадает с названием мифологического существа из скандинавских легенд и саг.

Троллинг – психологический и социальный феномен, предположительно зародившийся в Usenet 1990-х годах в США. Многие люди из любопытства хотя бы раз пробовали публиковать провокационные сообщения во Всемирной паутине. Но у некоторых это переросло в привычку и даже стало стилем общения в сети. Пока не существует серьезных исследований того, может ли такой стиль общения у «заядлых» троллей перейти в реальную жизнь и в живое общение. С начала XXI века интернет-тролли стали образовывать собственные сетевые сообщества и организации, делясь опытом по наиболее эффективному разжиганию конфликтов. В настоящее время любой популярный форум, группа новостей и вики-проект рано или поздно сталкивается с троллями и троллингом. Итак, тролль – это пользователь сети, зачастую анонимный, «виртуал». Пользуясь предоставленной возможностью анонимного отправителя, тролль размещает различные провокационные комментарии в сети.

Следует упомянуть и аббревиатуру “spammers” – спаммеры, люди связанными с рассылкой нежелательных посланий – spamming. В игровом компьютерном сообществе мошенников принято называть “cheaters” – это те пользователи, кто нечестным путем вскрывают коды для редактирования параметров в компьютерных играх, с целью получения привилегий.

Приведем еще некоторые лексемы: cyber-citizen<cyber+citizen, “netizen”<internet+citizen – an active participant in the online community of the Internet [<http://www.merriam-webster.com/dictionary/netizen>]. Различают также пользователей в зависимости от имеющихся прав

доступа к информационным компьютерным системам: “guest” – «гость», неавторизованный пользователь. В качестве оппозиции выступают “admin” и “root” – от англ. «корень, корневой», «администратор», имеющий повсеместный доступ к системам типа Unix, Android systems.

Перечисленные номинации переводят компьютерное сообщество на качественно новый уровень. Представляется возможным констатировать появление новой разновидности социума с отличными от общепринятых статусами и стратами, а также способами их изъяснения.

Авторы приходят к заключению о том, что в Интернет-пространстве принято разделение пользователей на тех, кто способствует благоприятному процессу коммуникации, и на тех, кто препятствует ему. Таким образом, констатируется факт терминологической дистрибуции указателей наименований вновь возникающих видов комму-

никативной деятельности активных пользователей сетей и определенных номинантов субъективного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Lasswell H. The Structure and Functions of Communication in Society. Bryson L. (ed.). The Communication of Ideas. – New York: Cooper Square Publishers, 1948. – P.37-52.
2. Форум профессиональных пользователей ПК [Эл. ресурс] – режим доступа URL: <http://ubuntuforums.org/> (дата обращения 01.04.2012).
3. Новички в компьютерном сообществе [Эл. ресурс] – режим доступа URL: <http://websearch.about.com/od/n/g/newbie.htm> (дата обращения 01.04.2012).
4. Неопытные пользователи ПК – [Эл. ресурс] – режим доступа URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Lamer> (дата обращения 01.04.2012).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА МОДЕЛИ ЭТНОПЕДАГОГИЗАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Арсалиев М.Ш.,
доктор педагогических наук, профессор,
Мусханова И. В.,
кандидат педагогических наук, доцент,
Чеченский государственный педагогический институт

Ключевые слова: экспериментальная работа, этнопедагогизация, формирование, личность, модель, образовательное пространство, этнокультурное образование

Key words: experimental work, ethnopedagogic, formation, individual, model, educational sphere, ethnocultural training

В статье описывается экспериментальная работа по реализации модели этнопедагогизации формирования личности в образовательном пространстве Чеченской Республики. Показано, что эффективность модели этнопедагогизации формирования личности определяется углублением этнокультурологического образования, созданием пространства этнопедагогизации и совокупностью взаимосвязанных и взаимодополняемых факторов, методов и средств.

The article deals with the experimental work in realization of the ethnopedagogic model of the individual formation in the educational sphere of the Chechen Republic. We showed that the efficiency of the ethnopedagogic model of the individual formation is defined by the intensification of the ethnoculturological training and by the combination of the interrelated and mutually supportive factors, methods and means.

Для теоретического анализа весьма сложных и многогранных процессов этнопедагогизации, в работе [2] было введено понятие «пространство этнопедагогизации», и предложена модель этнопедагогизации формирования личности.

Иерархическая структура данной модели выглядит следующим образом. Основой этнопедагогизации являются язык, этнокультура, включая этнопедагогику. Особое место в иерархической структуре этнопедагогизации целостного процесса формирования этнокультурной личности занимают взаимосвязанные и взаимодополняемые факторы, методы и средства.

В контексте этнопедагогизации формирования личности в образовательном пространстве иерархическую структуру факторов можно представить следующим образом. В системе воспитания чеченцев доминирующими являются следующие факторы: история родословной (в чеченском обществе ребенок несет ответственность перед прошлым, настоящим и будущим), религия, нравственная культура, эстетическая культура. Немаловажное значение в данном процессе имеют также художественная литература и фольклор. Среди методов этнопедагогизации формирования личности преобладающими являются – идеал, личный пример, назидания, микросреда. В последнее время заметно возрастает роль и значение таких нетрадиционных методов этнопедагогизации данного процесса, как лекции, беседы, конкурсы, экскурсии. В средствах этнопедагогизации формирования личности к ведущим следует отнести СМИ, информационные технологии, а также значительное место занимают театр, музеи.

Следует отметить, что данная модель является универсальной матрицей, приемлемой для использования в обра-

зовательном пространстве. Смысловое наполнение, естественно для каждого этноса может и должно быть своим.

В контексте экспериментальной работы направленной на апробацию модели этнопедагогизации формирования личности, гимназия, сош Чеченской Республики, вузы, ЧИПКРО (Чеченский институт повышения квалификации работников образования), являются составными частями пространства этнопедагогизации. Пространство этнопедагогизации - это культурная почва, поле для формирования личности. Пространство этнопедагогизации является, таким образом, и условием, и средством формирования личности.

Структура этнопедагогизации формирования личности должна состоять из следующих компонентов:

1. методическая работа в школе;
2. работа с родителями;
3. работа с учащимися на уроке и во внеурочное время;
4. работа с общественностью.

Разработанная модель этнопедагогизации формирования личности в условиях образовательного пространства Чеченской Республики предоставляет учащимся следующие условия:

- рост творческого познания;
- приобщения учащихся к накопленным веками духовным ценностям;
- развитие личностных и духовных качеств;
- формирование умений вести исследовательскую, поисковую работу;
- формирование навыков позитивного поведения в обществе.

Цели и задачи этнопедагогизации формирования личности в образовательном пространстве ЧР позволяют наиболее полно реализовать полилингвальное образование, которое способствует формированию этнокультурной личности в многомерном пространстве.

Авторы статьи в качестве членов комиссии МО ЧР принимали непосредственное участие в подготовке и проведении эксперимента по реализации проекта Федеральной целевой программы развития образования «Поликультурное образование как основа формирования российской гражданской идентичности обучающихся образовательной школы» в Чеченской Республике.

В начальных классах полилингвальная модель поликультурного образования (ПМПО) может успешно осуществляться на материале разных учебных дисциплин при условии готовности педагогических кадров к ее реализации на личностно-мотивационном, профессионально-педагогическом и технологическом уровнях.

Предварительно было проведено мониторинговое об-

следование апробации эксперимента по полилингвальному и поликультурному обучению. Для его проведения были разработаны показатели и индикаторы исследования. В ходе мониторинга, также были использованы методы социологических исследований:

- Интервьюирование
- Наблюдение
- Анкетирование
- Анализ посещенных уроков

В ходе обследования изучалась готовность педагогов республики к работе в режиме эксперимента, отношение педагогов к введению полилингвального и поликультурного обучения в школах Чеченской республики, профессиональная компетентность педагогов на уроках по полилингвальному и поликультурному обучению.

Полилингвальное обучение способствует более быстрому освоению детьми русского языка. Следовательно, улучшается восприятие и понимание материала учащимися.

В 2010-2011 учебном году эксперимент проходил в 48 школах Чеченской республики. В эксперименте участвовали ОУ пяти районов: Урус – Мартановского, Курчалоевского, Наурского, Гудермесского, г. Грозного. Изучение предметов проходило сразу на двух языках (чеченском и русском).

В марте 2011г. проводилась проверка знаний учащихся, участвующих в эксперименте, с целью определения уровня сформированности знаний, культуры отношений и поведения учащихся в полилингвальных классах. В экспериментальных и контрольных классах срез знаний проводился путем проведения бесед, наблюдения, контрольных работ, диалога с учениками по предметам на русском и чеченском языках. Анализ полученных данных показал, что уровень знаний, и культура поведения в экспериментальных классах выше.

В экспериментальных классах низкий уровень знаний продемонстрировали 36% учащихся, средний - 48%, высокий — 16%. В контрольных классах низкий уровень знаний показали 48% учащихся, средний — 47%, высокий - 5%.

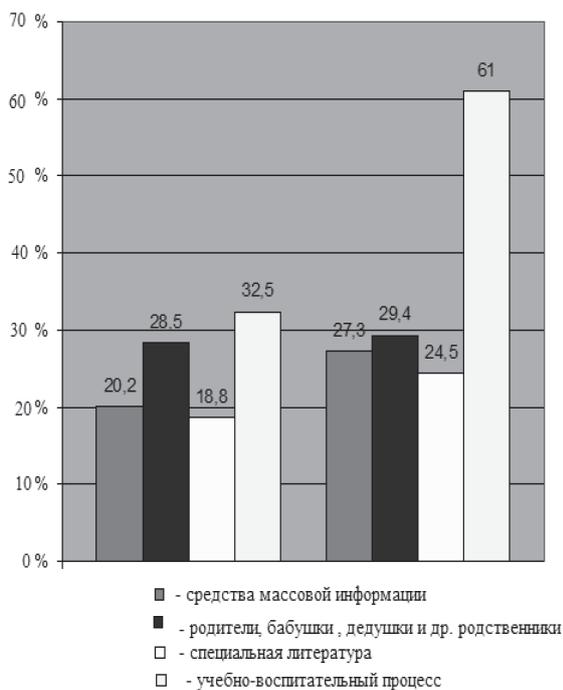

График 1.

Экспериментальная работа показала эффективность разработанных теоретико-методологических подходов к формированию содержания, форм, методов поликультурной подготовки учащихся современной школы.

Для выявления сформированности у учащихся знаний этнокультуры своего народа нами были выбраны следующие критерии: когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельностно-практический. С помощью разработанного опросника по определению знаний этнокультуры своего народа нами изучались следующие показатели: знание своей этнокультуры (известных (в прошлом и настоящем) общественных деятелей, представителей науки и культуры своего поселка, республики, традиционных ремесел и видов деятельности своего народа, блюд национальной кухни, традиций и обычаев, танцев, песен, фольклора и др.); испытываемые чувства, связанные с этнической принадлежностью; владение родным языком; соблюдение традиций и обычаев своего народа, вклад в сбор материала для музея гимназии, нужность или ненужность поисково-исследовательской работы.

Выборка (участвующих в опроснике) составила 328 учащихся 7-11 классов в возрасте 12-17 лет. Участие в диагностическом исследовании только учащихся данного возраста обусловлено тем, что именно к этому периоду практически сформирована этническая идентичность ребенка, которая является необходимым условием формирования этнокультурной личности.

Следует отметить, что из 328 опрошенных, 36% в начале эксперимента знают и интересуются культурой своего народа, тогда как 52% не знают культуру своего народа, только частично могут назвать общественных деятелей, представителей науки и культуры, перечислили всего два вида народных ремесел, 12% опрошенных даже не считают обязательным изучать этнокультуру.

Таким образом, можно отметить положительную динамику в признании и принятии учащимися необходимости изучения этнокультуры.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у большей части (76%) учащихся за время формирующего эксперимента повысились интерес и мотивация изучения этнической культуры. У 7% учащихся эти интересы и желания не ярко выражены. Также отметим, что у опрашиваемых не вызвало особых затруднений назвать известных (в прошлом и настоящем) соотечественников, общественных и политических деятелей, представителей науки и культуры, жителей поселка, в котором была организована поисковая работа. Среди часто называемых: 1) общественных и политических деятелей – Б. Таймиев, К. Кишиев, Шейх Мансур Алдынский; 2) писателей, поэтов – С. Арсанов, М. Мамакаев, А. Айдамиров, Р. Ахматова; 3) артистов – А. Дениев (Сутарби), В. Дагаев, Ш. Эдисултанов, З. Сардалова; 4) художников – П. Захаров; 5) музыкантов, композиторов – У. Димаев, А. Шахбулатов.

С большими трудностями учащиеся столкнулись при необходимости назвать традиционные ремесла и виды деятельности, характерные для этнической культуры чеченцев. В среднем учащиеся указывали 2 ремесла и видов деятельности. В целом перечисления в основном включали в себя: земледелие, овцеводство, изготовление истангов (ковров). Что касается перечисления блюд национальной кухни, то респондентами указывались в основном жижигалнаш (мясо с галушками), чепилгаш (лепешки с творо-

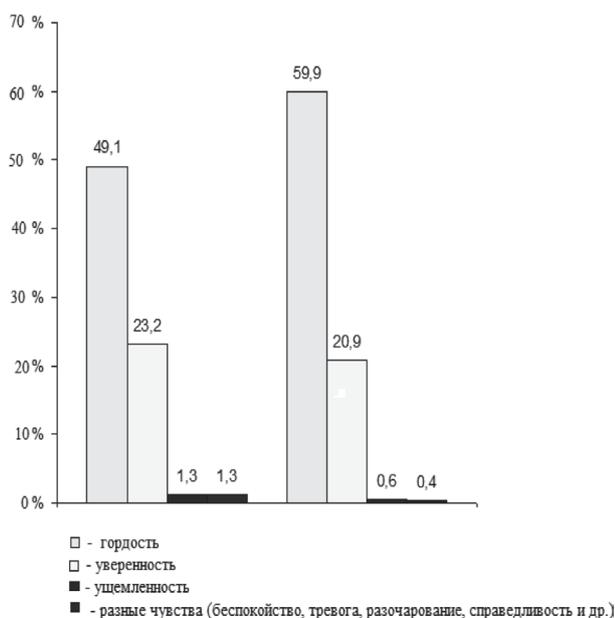

График 2.

гом), хингалш (лепешки с тыквой), сискал (лепешка из кукурузной муки. Учащимся также было предложено назвать праздники, отмечаемые чеченцами. Практически все назвали такие праздники, как Ураза-байрам и Курбан-байрам.

В целом на констатирующем этапе эксперимента лишь 12% (39) респондентов совершенно не ответили ни на один вопрос, имеющий отношение к их этнокультурной осведомленности в области родной культуры. Иными словами не указали общественных деятелей, представителей науки и культуры, блюда национальной кухни, народные праздники, танцы, традиционные ремесла и виды деятельности, характерных для чеченского народа. В конце эксперимента таких респондентов было 7% (23).

Этнопедагогизация формирования личности предполагает также готовность человека искать информацию, добывать знания об этнокультуре, используя различные базы данных (учебно-воспитательный процесс, внешкольные и внеклассные мероприятия, самообразование, непосредственное общение в семье, с другими более взрослыми родственниками, средства массовой информации и др.)

Опрос учащихся показал, что они находят информацию из разных источников. При этом они могли одновременно указать несколько источников. Так 20,2% (66) / 27,3% (89) черпают сведения из средств массовой информации, 28,5% (93) / 29,4% (96) - от родителей, бабушек и дедушек и других родственников, 18,8% (62) / 24,5% (80) - из специальной литературы и 32,5% (107) / 61% (200) детей отметили, что получают информацию в ходе учебно-воспитательного процесса, внешкольных и внеклассных мероприятий. Таким образом, можно констатировать, что по сравнению с началом эксперимента вдвое больше учащихся в качестве источника информации указали образовательный процесс. Это свидетельствует о том, что усиление этнокультурного компонента в содержании образования позитивно сказалось на готовности и возможности учащихся шире использовать информационные базы данных культуры своего народа.

С целью выявления у учащихся внутреннего удовлетворения, связанного с их этнической принадлежностью, респондентам также предлагалось ответить на вопрос: «Какие чувства вызывает у вас принадлежность к своему народу?»

Предлагалось несколько вариантов ответов:

- гордость;
- уверенность;
- ущемленность;
- другие чувства.

Ответы респондентов распределились следующим образом: 49,1% (161) / 59,9% (196) учащихся отметило - гордость, 23,2% (76) / 20,9% (69) - уверенность, 1,3% (4) / 0,6% (1) - ущемленность, остальные 1,3% (4) / 0,4% (1) перечислили разные чувства (беспокойство, тревога, разочарование, справедливость и др.).

Таким образом, как указывает ряд исследователей (Н. М. Лебедева, Т. Г. Стефаненко и др.), [2] положительный образ собственной общности сосуществует с позитивным ценностным отношением к иноэтническим группам. В нашем исследовании 80,8% респондентов испытывают позитивные чувства относительно принадлежности к своему народу, а это в свою очередь указывает на положительное отношение к представителям иных этнических групп, что крайне необходимо для этнопедагогизации формирования личности.

С 2002г. нами была организована поисковая группа учащихся на базе гимназии №2. Работа поисковой группы продолжается по настоящее время. Учащиеся собирают материал о знаменитых жителях поселка, известных людях республики. Такая поисковая работа позволяет сохранить тенденцию устойчивого интереса и желания лучше знать свои корни, истоки. В ходе экспериментальной работы выяснялось отношение учащихся к поисковой, исследовательской работе, определялась полезность и необходимость данной работы в учебно-воспитательном процессе школы. На вопросы «Какое значение имеет поисковая работа в учебно-воспитательной деятельности?», «Можно ли считать данную работу элементом этнопедагогизации формирования личности?». Ответы респондентов распределились следующим образом: 32% / 78%, соответственно на начало и конец эксперимента, 23,4% / 77,3%.

Таким образом, можно заключить, что, вовлечение большего числа учащихся в поисковую деятельность позволяет не только показать значимость проводимой работы, но и воспитывает у учащихся этническое самосознание, осмысление настоящего своего народа, ответственность за будущее этноса. Краеведческая работа гимназии была представлена в сентябре 2004 года на специализированном образовательном форуме Южного федерального округа в г. Ростов-на-Дону, где получила высокую оценку.

Апробация модели этнопедагогизации формирования личности показала огромное значение сотрудничества общественных молодежных организаций с образовательными учреждениями республики. Так, патристический клуб «Рамзан» (председатель С. Месербиев), участниками которого являются студенты вузов и учащиеся старших классов Чеченской Республики проводит огромную работу по духовно-нравственному воспитанию молодежи, сохранению и популяризации обычаев и традиций чеченского народа. Организовываются встречи с представителями духовенства и учащихся школ, вузов. Представители ду-

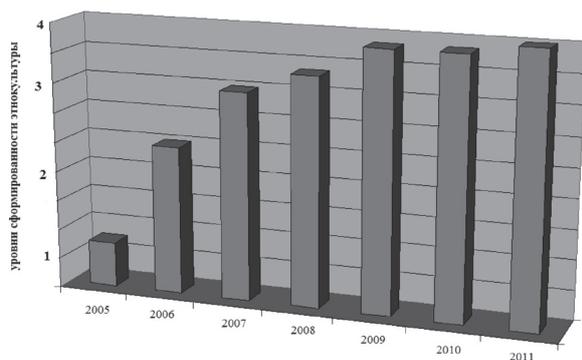

График 3.

ховенства проводят разъяснительные беседы-проповеди с учащимися о вреде вахабизма, о гуманистической сущности суфийского направления ислама, о связи суфизма с обычаями и традициями народа, о духовно-нравственной сущности религиозных деятелей, чеченских устазов, т.е. проводится целенаправленная работа по «суфизации» этнокультуры. Под «суфизацией» мы подразумеваем процесс придания религиозной формы национальным традициям и обычаям. Такие профилактические мероприятия помогают оградить молодежь от негативного влияния радикальных религиозных течений.

В контексте вышесказанного, с целью приобщения к материальным этнокультурным ценностям в ходе экспериментального исследования были проведены экскурсии учащихся по историческим местам, музеям. Весьма показательны в этом смысле экскурсии в национальный музей, музеи имени А. Мамакаева и Л.Н. Толстого, а также этнографический музей под открытым небом «Донди-юрт» в г. Урус-Мартан Чеченской Республики. Основателем музея «Донди-юрт» является Адам Сатуев, человек, для которого история чеченского этноса неразрывно связана с историей собственной семьи. Открытие этого музея имело огромное значение для Чеченской Республики, так как в связи с военными событиями 1994-2000гг. национальный музей был полностью уничтожен. Адам Сатуев собрал сотни старинных экспонатов, свидетельствующих о жизни и быте чеченцев.

Одним из факторов этнопедагогизации формирования личности в разработанной модели выступает художественная литература. В ходе экспериментальной работы выяснялось знание учащимися произведений чеченской литературы, не включенных в программу для обязательного изучения.

Респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

- Что Вы знаете о трагической судьбе поэта и мыслителя М-С. Гадаева?
- Какие произведения М-С. Гадаева, посвященные теме депортации Вам известны?
- В каких произведениях М-С. Гадаева анализируется обычай кровной мести?
- Какие песни на слова М-С. Гадаева Вы знаете?

Опрос учащихся показал, что 6% (18) слышали о М-С. Гадаеве от родителей, о произведениях М-С. Гадаева не знал никто из учащихся, 11% (34) назвали песни на слова М-С. Гадаева.

С целью ознакомления учащихся с творчеством М-С. Гадаева были проведены следующие мероприятия:

- 7-е классы – Литературный вечер, посвященный памяти М-С. Гадаева;
- 8-е классы – Экскурсия по местам М-С. Гадаева (посещение памятника Ц1е-Берд, х. Чуч-Ирзе.);
- 9-10-11-е классы – Конференция по теме: «Философские искания поэта и мыслителя М-С. Гадаева».

После проведенной работы, ответы респондентов распределились следующим образом:

- о судьбе поэта и мыслителя знают 89% респондентов;
- на вопрос о произведениях М-С. Гадаева, посвященных депортации ответили 60% опрошенных;
- произведения, анализирующие обычай кровной мести известны 53% респондентов;
- песни на слова М-С. Гадаева знают 92% опрошенных.

Этнокультурная личность – это человек высокой культуры, нравственной чистоты, способный адаптироваться в любой культуре, умеющий идентифицировать себя с собственной этнокультурой, как частью мировой цивилизации.

В ходе экспериментальной работы студентам Чеченского государственного педагогического института был прочитан спецкурс «Этнопедагогизация формирования личности».

И.Я. Яковлев, отмечая роль лекций в формировании личности студента, писал: «Самое полное и основательное теоретическое образование не вполне достаточно для того, чтобы быть совершенно полезным наставником учащихся. Дабы с успехом действовать на умственное развитие детей... необходимо сверх научных познаний практическое приготовление к должности народного учителя. Для этой цели стоит использовать обычаи, традиции, быт, родное слово, опыт народного воспитания».[3] Поэтому за усвоением теоретического материала логически следовал практикум, который предполагал освоение технологической основы этнопедагогизации формирования личности учащихся, овладение умениями, навыками, способами реализации полученных знаний.

В целом можно констатировать, что у учащихся по сравнению с началом эксперимента существенно повысился уровень знаний этнической культуры. Для количественной характеристики этнокультурности нами введены уровни:

- 1 уровень – констатирующий (начало эксперимента);
- 2 уровень – средний (показатели этнокультурности увеличиваются примерно в два раза);
- 3 уровень – высокий (показатели этнокультурности увеличиваются примерно в три раза);
- 4 уровень – максимальный (предельный, максимально возможный уровень этнокультурности – идеал совершенной этнокультурной личности).

Этому способствовало усиление на формирующем этапе эксперимента этнокультурной направленности содержания образования. Следует отметить, что динамика повышения уровня знаний родной этнической культуры и желания ее изучать имеет следующие особенности: в первые годы формирующего эксперимента (2006-2007) наблюдается резкое повышение уровня этнокультурности, затем этот процесс (2007-2009) эти процессы стабилизируется. Как видно из графика наблюдается постепенное приближение уровня этнокультурности к максимально возможному.

- 1- уровень констатирующий (начало эксперимента)
- 2- уровень средний
- 3- уровень высокий
- 4- уровень максимальный

Таким образом, по всем показателям социально-педагогических особенностей и этнокультурной идентичности учащихся наблюдаются позитивные сдвиги, что в целом подтверждает эффективность внедрения в ходе эксперимента модели этнопедагогизации формирования личности в образовательное пространство Чеченской Республики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В. Межкультурный диалог в школе. Кн.1.Теория и методология: Науч. изд. - М.: Изд-во РУДН, 2004. - 195с.

2. Мусханова И.В. Модель этнопедагогизации целостного процесса формирования этнокультурной личности. Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований», выпуск 9, Пятигорск, 2011, с.200.

3. Яковлев И.Я. Духовное завещание. – Чебоксары, 1992.

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЛЕТНИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Есипова А.А.,
старший преподаватель,
кафедра социальной безопасности,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Шаталов М.А.,
заведующий кафедрой теории и методики естественно-математического образования,
Ленинградский областной институт развития образования

Ключевые слова: безопасность жизнедеятельности, культура безопасности жизнедеятельности, летняя экспедиция, методика формирования культуры безопасности жизнедеятельности

Key words: life safety, culture of life safety, summer's expedition, method of creating a culture of life safety

Аннотация. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности подрастающего поколения – длительный процесс, требующий содержательно-деятельностной интеграции общего и дополнительного образования детей. В статье описывается авторская методика формирования культуры безопасности жизнедеятельности школьников в условиях летних экспедиций.

The process of creating a culture of life safety of the younger generation is a process which takes long time and demands the integration of content-activity between the general and supplementary education of children. The article describes the author's method of creating a culture of life safety of schoolchildren during the summer.

В XXI веке жизнедеятельность каждого человека не становится безопаснее. Объективной реальностью остаются опасные и чрезвычайные ситуации природного, социального и техногенного характера. Сохраняются не только традиционные угрозы, но и возникают новые. В этих условиях особенно актуальной становится проблема формирования «безопасной личности», личности, способной жить в гармонии с собой, с окружающими людьми и природной средой, то есть личности с высоким уровнем культуры безопасности жизнедеятельности [1, 3, 4 и др.].

Очевидно, что ведущая роль в формировании культуры безопасности жизнедеятельности личности принадлежит общеобразовательной школе и, в частности, реализуемому в ней курсу «Основы безопасности жизнедеятельности». Однако зачастую его изучение сводится к накоплению у учащихся совокупности формальных знаний и разрозненных умений, не преломлённых в опыте действия в реальных ситуациях и не доведенных до уровня ценностных отношений как внутреннего стимула, обеспечивающего как собственную безопасность, так и безопасность окружающих. Вместе с тем, именно ценности, ценностные отношения являются частью и ядром культуры безопасности жизнедеятельности личности [4, 5, 8 и др.].

Таким образом, обозначенные недостатки образовательной практики стимулируют поиск новых путей формирования культуры безопасности жизнедеятельности школьников, которые могли бы способствовать повышению эффективности решения поставленной перед школой и системой общего образования в целом задачи. Одним из таких путей мы считаем формирование культуры безопасности жизнедеятельности школьников в режиме со-

держательно-деятельностной интеграции общего и дополнительного образования детей, обращая при этом особое внимание на каникулярно-летний период.

Следует отметить, что в системе непрерывного образования каникулы в целом, а летние в особенности, играют весьма важную роль для воспитания и оздоровления детей и подростков. Именно летний каникулярный период следует использовать как связующее звено между прошедшим и будущим учебным годом. При этом значительно расширяются временные, содержательные, организационно-деятельностные и иные возможности в работе с детьми, которые, по нашему мнению, наиболее полно можно учесть при организации и проведении летних экспедиций.

Летние экспедиции как форма организации работы с детьми способствуют ценностно-ориентационной деятельности школьников, создают эмоционально насыщенную среду, способствующую развитию позитивных качеств и творческих способностей личности. Удовлетворяя потребности школьников в новизне впечатлений, творческой самореализации, общении и самостоятельности, экспедиции позволяют связать воедино теорию и практику и вывести сформированность культуры безопасности жизнедеятельности на более высокий уровень.

Заметим, что формирование культуры безопасности жизнедеятельности личности, в том числе в условиях летних экспедиций, представляет собой длительный и многофакторный процесс. Поэтому, для более полного восприятия и глубокого осмысления этого процесса нами была построена его теоретическая модель, представленная на рисунке 1.

Раскрывая важнейшие элементы рассматриваемого процесса и связи между ними, модель выступает ориентировочной основой для создания методической системы и разработки методики формирования культуры безопасности жизнедеятельности школьников при проведении летних экспедиций, основанных на содержательно-деятельностной интеграции общего и дополнительного образования детей. При этом под методической системой мы понимаем функциональное единство и взаимосвязь цели и задач, учебного содержания, деятельности субъектов и её организационно-методического сопровождения, а также ожидаемых результатов деятельности по формированию культуры безопасности жизнедеятельности школьников (рис. 2).

ПРОЕКТИРОВОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ			
Принципы			
Интегративности, проблемности, технологизации, познавательной активности, стимулирования и мотивации положительного отношения к обеспечению безопасности жизнедеятельности и др.			
Подходы			
Культурологический, аксиологический, системный, личностно-деятельностный, индивидуально-ориентированный, компетентностный, проблемно-интегративный.			
Компоненты культуры безопасности жизнедеятельности			
Знания, представления	Умения, навыки	Мотивы, ценности	Привычки, личностные качества
Опыт решения ситуационных задач			
Стремление, способность и готовность действовать в реальных ситуациях (компетентность в области безопасности жизнедеятельности)			
Методика формирования КБЖ в условиях летней экспедиции школьников			

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ЦЕЛЕВОЙ КОМПОНЕНТ			
Цель: формирование культуры безопасности жизнедеятельности школьника			
Формирование знаний, умений и навыков в области безопасности жизнедеятельности		Формирование опыта и готовности безопасной жизнедеятельности по принципу «знаешь – делаешь»	
Общее образование		Дополнительное образование	
Межпредметные связи в общем образовании	Содержание модулей программы формирования КБЖ в период летних экспедиций		Особенности дополнительного образования
Биология	Основа безопасности жизнедеятельности	Защита человека в опасных и чрезвычайных ситуациях	Практическая направленность
Физика		Основы здорового образа жизни	Мобильность
Химия		Экологическая безопасность	Многофункциональность
География			Активность деятельности
Информатика		Информационно-психологическая безопасность	Разнообразие содержания, форм, методов обучения
Технология			Индивидуализация методик
Физическая культура		Практическая подготовка к походу	Разноуровневость

ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ			
Летняя экспедиция как форма работы со школьниками по формированию КБЖ			
Этапы подготовки и проведения			
Подготовительный	Собственно экспедиция		Рефлексивно-оценочный
Формы организации занятий	Методы		Методические условия
Дискуссия	Рассказ		Мотивационные
Диспут	Беседа		Информационные
Тренинг	Мозговой штурм		Процессуальные
Практическая работа	Демонстрации		Материально-технические
Экскурсия	Самостоятельная работа		Оценочные
Поход	Решение проблемно-ситуационных задач и др.		Коммуникативные
Дидактические игры и др.			
Средства: учебно-наглядные пособия; технические средства обучения; аудио- видео- учебные материалы, организационно-педагогические средства (учебные планы, карточки-задания, учебные пособия и пр.) и т.д.			

РЕЗУЛЬТАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ					
Мониторинг динамики сформированности КБЖ					
На «входе»		Текущий		На «выходе»	
Уровни сформированности культуры безопасности жизнедеятельности школьников					
Базовый		Критический		Допустимый	
				Оптимальный	
Критерии				Показатели	
Индивидуально-личностные качества	Знания	Опыт деятельности	Компетентность в области безопасности жизнедеятельности	К	Коэффициент усвоения знаний и т.д.
	Умения				Коэффициент успешного развития умения и т.д.
	Мотивы				Коэффициент ранговой корреляции и т.д.
	Ценности				Частота проявления исследуемых групп мотивов и т.д.
				Б	
				Ж	

Рис.1. Теоретическая модель формирования культуры безопасности жизнедеятельности школьников в условиях летней экспедиции

Рисунок 1. Теоретическая модель формирования культуры безопасности жизнедеятельности школьников в условиях летней экспедиции

Условные обозначения: КБЖ – культура безопасности жизнедеятельности.

Соответственно, среди характеристик авторской методики формирования культуры безопасности жизнедеятельности, следует назвать:

- научно обоснованное планирование процесса обучения;
- единство и взаимопроникновение теоретической и практической подготовки школьников;
- максимальная активность и достаточная самостоятельность обучения;
- сочетание индивидуальной и коллективной работы со школьниками и другие особенности.

К числу особенностей обсуждаемой методики мы также относим то, что она ориентирована на группы школьников, возрастной состав которых может быть смешанным и включать подростков 14-17 лет. Кроме того, методика является социально направленной и предполагает активное вовлечение родителей в образовательный процесс. Следовательно, помимо основной цели – повышение уровня культуры безопасности жизнедеятельности школьников, принимающих участие в летней экспедиции, она также создает условия для приобщения родителей к общечеловеческим ценностям и обеспечивает эмоциональное благополучие через вовлечение их в совместную деятельность с детьми.

Среди ожидаемых результатов учебно-воспитательной работы в период проведения летних экспедиций школьников отметим:

- формирование стремления, способности и готовности к безопасной жизнедеятельности по принципу «знаешь – делаешь»;
- развитие личностных качеств, влияющих на обеспечение безопасности жизнедеятельности;
- выработка представления о необходимости соблюдать в мире людей общечеловеческие, гуманные, нравственные законы и нормы и развитие стремления жить в гармонии с окружающим миром.

Согласно рисунку 2, технология проведения летних экспедиций включает три этапа: «подготовительный»; «собственно экспедиция» и «рефлексивно-оценочный». Раскроем их содержание.

Основной целью подготовительного этапа является подготовка всех участников педагогического процесса (педагогов, учащихся и их родителей) к летней экспедиции. Среди задач данного этапа – выявление уровня сформированности культуры безопасности жизнедеятельности школьников, планирование и подготовка проведения экспедиции.

В процессе подготовки, помимо традиционных шагов (формирование группы, постановка цели и задачи экспедиции, согласование с администрацией сроков и условий проведения экспедиции, формирование продуктового пакета и т.д.), проводятся мероприятия по диагностике уровня сформированности культуры безопасной жизнедеятельности, а также работа по повышению готовности к безопасной жизнедеятельности педагогов, учащихся и родителей. Так, на родительском собрании, кроме традиционной части (рассказа о цели, задачах и порядке проведения экспедиции, примерном меню, списке необходимых вещей, сборе медицинских справок и т.д.) проводится анкетирование с целью составления более полного портрета школьника – участника экспедиции. Это особенно важно потому, что аксиологические и личностные составляющие феномена культуры безопасности жизнедеятельности в наибольшей степени проявляются в повседневной жизни, а значит, более достоверно их могут оценить те, кто ежедневно наблюдает детей, а именно их родители.

«Собственно экспедиция» – это этап непосредственно проведения экспедиции. Его цель – повышение уровня культуры безопасности жизнедеятельности подростков. Для этого развиваются знания школьников, отрабатываются умения и навыки по применению этих знаний в конкретных ситуациях, формируются ценностные ориентиры, предполагающие позитивные взаимоотношения с окружающей средой. Содержательная основа этой работы определяется разработанной нами учебной программой.

Заметим, что при разработке авторской программы формирования культуры безопасной жизнедеятельности школьников в условиях летних экспедиций мы провели отбор и систематизацию учебного материала исходя из признанной в педагогике четырёхкомпонентной структуры содержания учебного курса (Ю.К. Бабанский и др.). Кроме того, были учтены требования Федерального государственного образовательного стандарта по предметной области «Основы безопасности жизнедеятельности» [2], а также содержание программы Общероссийской детско-юношеской Ассоциации «Школа безопасности». На этой нормативно-содержательной основе нами в итоге и была составлена модульная программа летней экспедиции, учебный план которой представлен в таблице 1.

Реализация программы направлена на решение следующих задач:

- обучение участников экспедиции навыкам обеспечения личной и коллективной безопасности в повседневной жизни, чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, навыкам действий при пожаре и на акватории;
- пропаганда и популяризация здорового образа жизни;
- воспитания патриотизма и любви к Родине, бережного отношения к природе.

№	Название модуля	Количество часов		
		Всего	Теор. занятия	Практ. занятия, экскурсии и т.п.
1	Защита человека в опасных и чрезвычайных ситуациях	14	4	10
2	Основы здорового образа жизни	12	3	7
3	Экологическая безопасность	6	1,5	4,5
4	Информационно-психологическая безопасность	4	1	3
5	Практическая подготовка к походу	8	2	6
	Поход	Вне сетки часов (1-2 дня)		
	Экскурсии	Вне сетки часов 3 экскурсии		
	ИТОГО:	44		

Таблица 1. Учебный план программы по формированию культуры безопасности жизнедеятельности школьников в условиях летних экспедиций

Ожидаемыми когнитивными результатами реализации рассматриваемой программы должны стать знания, умения, навыки и опыт:

- безопасного поведения в повседневное жизни (двигательная активность, рациональное питание, использование бытовых приборов и бытовой химии и т.д.);
- безопасного поведения в ситуациях, в которых человек может оказаться в природных условиях (при нахождении в лесу и т.д.);
- безопасного поведения в опасных и чрезвычайных ситуациях (поведение во время пожара, на водных объектах и т.д.);
- автономного существования в природных условиях (ориентирование на местности, движение по азимуту, приготовлении кострового места и приготовлении пищи на костре и т.д.);
- оказания первой медицинской помощи при различных видах травм;
- проявления инициативы, самостоятельности и желания рационализировать процессы деятельности на благо человека и окружающей среды.

Порядок изучения модулей программы вариативен и определяется исходя из уровня сформированности культуры безопасности жизнедеятельности принимающих участие в летней экспедиции школьников, их интересов, а также погодных и иных условий.

Работа по формированию культуры безопасности жизнедеятельности должна носить системный и систематический характер. Для этого педагог гибко распределяет учебное содержание и адекватные виды деятельности школьников в течение всех дней экспедиции. При этом общим занятиям целесообразно отводить вторую половину дня, не забывая и о нерегламентированной деятельности школьников, которая может осуществляться как в утреннее

время, так и во второй половине дня. Однако это не исключает работы педагогов с детьми вне занятий, так как нельзя заранее обозначить всю гамму спонтанно возникающих ситуаций и сложностей, ведь от педагога могут потребоваться дополнительные объяснения, ответы на вопросы, организация игровой ситуации и т.д. Всё это в комплексе позволяет добиться осознанного усвоения знаний и формирования практических умений и навыков, необходимых в конкретных жизненных ситуациях.

При выборе форм организации занятий, методов и средств обучения следует исходить из дидактических целей, а также уровня сформированности знаний, умений и навыков участников экспедиции, их личностных особенностей и интересов и иных факторов. Так, прежде всего, следует осуществить систематизацию уже имеющихся знаний в области безопасности жизнедеятельности и сделать акцент на необходимости их практического применения. Этому способствуют беседы, которые позволяют в диалоге обобщить и структурировать имеющиеся у учащихся знания. При этом беседа может перерасти в дискуссию, когда необходимо прийти к единому мнению по какому-либо вопросу или к диспуту, когда возникает потребность обсудить альтернативные точки зрения на решение поставленной проблемы и т.д.

Рассмотрим действие некоторых из отобранных нами форм организации занятий, а также методов и средств обучения на примере занятия «Аптечка. Дикорастущие лекарственные растения».

Модуль: Основы здорового образа жизни и правила оказания первой помощи.

Тема занятия: Аптечка. Дикорастущие лекарственные растения.

Количество часов: 2.

Цели занятия:

Вопросы	Межпредметные связи
1. Состав индивидуальной аптечки и группы препаратов не входящих в аптечку	ОБЖ: Основы медицинских знаний и правила оказания первой медицинской помощи. Химия: Химия и повседневная жизнь человека.
2. Строение, свойства и места произрастания дикорастущих лекарственных растений	Биология: Строение и многообразие покрытосеменных растений Химический состав растений. География: Лесные и травяные сообщества Химия: Химия и повседневная жизнь человека.
3. Подбор лекарственных трав для состава альтернативной аптечки	ОБЖ: Основы медицинских знаний и правила оказания первой медицинской помощи. Биология: Химический состав растений. География: Нахождение своего местоположения на карте России. Определение по карте протяженности маршрута. Математика: Решение расчетных задач.
4. Сбор, сушка и хранение лекарственных трав	Биология: Влияние хозяйственной деятельности человека на растительный мир География: Отработка практических умений ориентирования на местности Физика: Центробежные механизмы Физическая культура: Физическая культура как система разнообразных форм занятий: ходьба, бег.

Основные вопросы:

- Обучающие: изучить назначение и состав индивидуальной аптечки; познакомить с морфологическим строением и свойствами лекарственных растений; научить ориентированию на местности; развить умение работы с дополнительной литературой.

- Развивающие: развить логические приёмы мышления.

- Воспитательные: сформировать потребность в бережном отношении к природе.

Ожидаемый результат: собранная альтернативная аптечка из лекарственных трав.

Организационные формы: дискуссия, дидактическая игра, практическая работа, экскурсия, сбор лекарственных трав.

Методы обучения: рассказ, самостоятельная работа, «мозговой штурм», демонстрация, метод привлечения специалистов.

Оборудование: индивидуальная аптечка, гербарий, карта местности, учебники и справочники, ножницы, холщевые и/или бумажные мешочки.

Методические рекомендации:

В начале занятия целесообразно вспомнить список препаратов, входящих в состав индивидуальной аптечки. Напомнить в каких случаях их применяют, как определить срок годности и т.д.

Затем, учащиеся вспоминают (или проводится самостоятельная работа с учебником) какие группы препаратов, не входящие в аптечку, принимают только по назначению врача. Возможно проведение дидактической игры или мини-теста «окажи помощь, при ... (аллергическом состоянии, боли, жаре, обмороке, открытой ране и т.д.)».

На следующем этапе педагог знакомит с дикорастущими лекарственными растениями, рассказывает об их строении, местах произрастания, правилах сбора, сушки и хранения. При проведении «мозгового штурма» обращается внимание на типичные заболевания в течение года и делается акцент на выборе лекарственных трав для их профилактики и лечения (учитывая особенности местности).

Затем проводится экскурсия в природу с целью изучения мест произрастания лекарственных трав и их сбора. Темп и длительность следует выбирать исходя из физической подготовки школьников. На данном этапе целесообразно привлечь сотрудников природоохранной территории.

Диагностика эффективности: рефлексия (высказывание суждений о собственных достижениях: «Во время занятия я узнал ...»; «Я был удивлен тем, что ...»; «Я научился ...»; «Мне запомнилось ...» и т.п.).

Дополнительно рассмотрим возможности применения отобранных нами организационных форм и методов обучения на отдельных учебных ситуациях.

К примеру, в целях формирования культуры безопасной жизнедеятельности школьников во время проведения летних экспедиций можно использовать маршрутные наблюдения, проведение которых обычно сопровождается организованными беседами. Так, наблюдения на водных объектах можно сочетать с обсуждением следующих вопросов:

- Каково качество воды в водоёме?

- Для каких целей эту воду можно использовать?

- Предположите, чем загрязнена вода в водоёме?

- Что является источником загрязнений и как они влияют на природные особенности водоёма?

- Как водоём используется летом и зимой?

- Какие меры надо предпринять для защиты и сохране-

ния благоприятных качеств водоёма?

При организации наблюдений за воздухом и атмосферными процессами возможно обсудить такие вопросы, как:

- Каковы источники загрязнения воздуха?

- Как влияет загрязнение воздуха на состояние естественного растительного покрова и жизнедеятельность организмов?

При изучении рельефа следует обратить внимание на характер и интенсивность эрозионных процессов, на причины возникновения и развитие антропогенного рельефа – размоин, промоин, оврагов. Необходимо выявить возможные меры борьбы с ними. В этих целях могут быть поставлены следующие вопросы:

- Какие формы рельефа созданы человеком?

- Как влияют разрушение растительного покрова и распашка на развитие эрозионных процессов?

Особую роль в формировании культуры безопасной жизнедеятельности мы отводим экскурсиям и походу. Во время них теоретические знания подтверждаются на наглядных примерах, формируются практические умения и навыки, приобретается опыт действия в конкретных ситуациях.

В ходе летних экспедиций мы предлагаем проводить 3 экскурсии: ботаническую (с целью изучения лекарственных трав), зоологическую (с целью ознакомления с разнообразием животного мира) и природоохранную (с целью изучения последствий влияния человека на природу). На экскурсии педагог (экскурсовод) помогает школьникам (экскурсантам) увидеть объекты, на основе которых раскрывается изучаемая тема (первая задача), услышать об этих объектах необходимую информацию (вторая задача), ощутить значение объекта в окружающей среде (третья задача) овладеть практическими навыками самостоятельного наблюдения и анализа экскурсионных объектов (четвертая задача) [5].

Завершая рассмотрение второго технологического этапа проведения экспедиции, отметим, что темп развития познавательной деятельности у школьников различен: от «взрывного» и до «заторможенного». Поэтому необходимо грамотно поддерживать и стимулировать познавательный интерес у учащихся, мотивировать их на совместную деятельность.

Завершающий – рефлексивно-оценочный – этап ориентирован на диагностику достигнутого уровня культуры безопасности жизнедеятельности школьниками на основе сравнительного анализа эмпирических данных, выводов педагогов, анализа динамики личностных качеств и мотивационно-ценностных установок детей их родителями, самоанализа уровня культуры безопасности жизнедеятельности учащимися.

Следует отметить, что огромную роль как в оценке результатов формирования культуры безопасности жизнедеятельности школьников, так и непосредственно в процессе её развития мы отводим сотрудничеству с родителями. Это могут быть как традиционные формы взаимодействия, так и новые методы и формы работы (родительские собрания, беседы, индивидуальные и групповые консультации, совместная деятельность, тренинги и т.п.). Так, на групповые консультации можно приглашать родителей разных групп учащихся, имеющих одинаковые проблемы. Целями таких встреч обычно являются усвоение родителями определенных психолого-педагогических знаний или помощь им в

разрешении проблемных вопросов. Или же можно организовать разнообразные виды совместной деятельности школьников, родителей и педагогов, в частности совместное собрание родителей и школьников перед выездом в экспедицию с представлением истории семьи (экспонирование семейных фотографий, рассказ о семейных традициях и т.п.).

Ещё раз подчеркнём, что только во взаимодействии с родителями успешно решаются воспитательные задачи, максимально используется преобразующий потенциал применяемых методов и средств влияния на школьников. При этом показателями эффективности работы с родителями будет повышение их активности в обсуждении проблем воспитания, многочисленные вопросы к педагогу, обсуждение примеров из собственного опыта, потребность в индивидуальных консультациях, а в итоге – их личное влияние на повышение уровня культуры безопасности жизнедеятельности собственных детей уже после окончания экспедиционного периода.

В завершении отметим, что экспериментальная апробация представленной в статье методики подтверждает её эффективность, позитивное влияние на развитие личности, повышение уровня культуры безопасности жизнедеятельности школьников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антюхин Э., Сулла М. Концепция воспитания без-

опасности жизнедеятельности // Основы безопасности жизни. – 1997. – № 5. – С. 34-37.

2. Государственный образовательный стандарт основного образования и общего (полного) среднего образования в области ОБЖ. – Основы безопасности жизнедеятельности. – 1997. – №4 – с.59-62.

3. Дурнев Р.А. Проект Концепции формирования культуры безопасности жизнедеятельности / Вестник образования. Сборник приказов и инструкций Минобрнауки России. – Вып. 23, 24. – 2005.

4. Караковский В.А., Новикова Л.И., Селиванова Н.Л. Воспитание? Воспитание... Воспитание!: теория и практика школьных воспитательных систем / Под ред. Н.Л. Селивановой. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М. Педагогическое общество России, 2000. – 256 с.

5. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров Ю.А. Педагогический словарь. – М.: Издательский дом «Академия», 2005. – 176 с.

6. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.

7. Моль А. Социодинамика культуры: пер. с фр. Изд.2-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 416 с.

8. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

9. Шершнев Л.И., Сапронов В.В., Власова Л.М., Фрумкина Е.С. Безопасность жизнедеятельности. Современный комплекс проблем безопасности. – М.: Издательство «Русский журнал», 2004. – 79 с.

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМУ ИСКУССТВУ

Ефремичева Н.В.,
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: профессиональная компетентность, художник-педагог, декоративно-прикладное искусство, уровень компетентности

Key words: professional competence, artist-teacher of the decorative-applied art, the level of competence

Аннотация. Дано определение профессиональной компетентности учителя. Рассмотрены этапы формирования профессиональной компетентности художника-педагога. Проведен анализ уровней компетентности студентов в процессе обучения декоративно-прикладному искусству.

The definition of the professional competence of the teacher. Considered the stages of formation of professional competence of the artist-teacher. The analysis of levels of competence of students in the learning process of decorative-applied art.

Профессиональная компетентность, которой обладает современный художник-педагог, проявляется во всех видах его деятельности и формах работы в школе и учреждениях дополнительного образования учащихся. Рассматривая профессиональное мастерство учителя, как высшую ступень профессиональной компетентности, следует отметить, что данное понятие позиционируется, в нашем исследовании, как совокупность внутренних ресурсов личности, определяющих ее способность к проявлению максимально эффективных действий в определенном виде/видах деятельности, адекватно предлагаемым условиям, а также предвидение результатов деятельности и ответственность за них.

От степени соответствия современного художника-педагога требованиям профессиональной компетентности, зависит уровень художественно-эстетического образования, духовно-нравственного воспитания и творческого развития учеников. Декоративно-прикладное искусство и народное художественное творчество России имеет глубокие, уходящие в века традиции и, составляя важную часть общенациональной духовной и материальной культуры, активно влияет на формирование нравственных идеалов, эстетических ценностей, положительной мотивации к формированию этнического самосознания.

Для того чтобы формировать соответствующий набор компетенций у художника-педагога необходимо, во-первых, провести оценку имеющихся у обучающихся компетенций и уровень их сформированности, выявить те компетенции, которые отсутствуют или развиты недостаточно, а затем разработать модель развития тех компетенций, которые необходимо совершенствовать.

Этапы и уровни формирования профессиональной компетентности, с ориентацией на исследования Б. Блума, В.П. Симонова, В.П. Беспалько, В.Н. Максимовой, М.Н. Скаткина, О.Е. Лебедева, И. Я. Лернера, В.И. Тесленко были определены следующим образом:

- вначале, студентам предлагается информация практико-теоретического характера по различным видам декоративно-прикладного искусства и народных художественных ремесел – подготовительный этап. Затем, обучающиеся

приобретают необходимые теоретические знания и навыки деятельности в нескольких видах декоративно-прикладного искусства, которые объединены в модули, на основе анализа и отбора информации по технологии и методике преподавания художественного ремесла, азов художественно-творческой деятельности – адаптационный этап.

Оперативный этап – студенты совершенствуют свои навыки в перечисленных выше видах деятельности, а также расширяют свои специальные знания и умения в 3-5 выбранных ими видах прикладного искусства. Участвуют в групповых (коллективных) проектах по освоению какого-либо вида ДПИ, приобретают навыки методической работы и педагогической деятельности в условиях факультатива, в период учебной практики, участвуют в творческих выставках студенческих работ.

Тактический этап – студенты совершенствуют навыки в художественно-творческой и педагогической деятельности, участвуют в работе научно-исследовательских объединений, приобретают способность анализировать, сравнивать, противопоставлять, преобразовывать известные алгоритмы действий условиям, отличающимся от стандартных, формируют умение вести эвристический поиск.

Стратегический этап – состоит в том, что с приобретением основ художественного и педагогического опыта студент в процессе саморазвития, самосовершенствования и самореализации вырабатывает критическое мышление, навыки исследовательской деятельности, творческий подход к решению нестандартных заданий, проявляет индивидуальный стиль в одном из видов ДПИ и совершенствует педагогическое мастерство в период производственной практики. Завершается этап выполнением выпускной квалификационной работы, поводящей итог подготовки студента в вузе.

Творческий этап – проявляется в профессиональной деятельности художника-педагога, характеризуется способностью создавать объективно новый продукт, как художественно-творческого характера (изделия ДПИ), так и учебно-методического направления (авторские программы, методики обучения, учебные пособия, монографии и пр.)

Исходя из собственных наблюдений и опыта работы педагогов в области преподавания декоративного искусства и народного художественного творчества, мы выделяем шесть основных этапов в процессе профессиональной подготовки специалиста, которые в нашем исследовании соответствуют уровням формирования профессиональных компетенций:

1. Низкий, или репродуктивный.
2. Средний, или конструктивный.

3. Базовый, или операционный.
4. Продвинутый, или содержательно-деятельностный.
5. Высокий, или субъективно-творческий.
6. Авторский или объективно-творческий.

Каждый уровень характеризуется определенными параметрами, согласно, принятой структуры компетенций – это, то, что обучающийся должен знать, что уметь и чем владеть:

1. На низком или репродуктивном уровне, студенты обладают отрывочными знаниями по одному, или двум видам ДИ, владеют ограниченным набором технических приемов в прикладных видах творчества. У обучающихся сформированы некоторые общехудожественные умения, способность восприятия и воспроизведения действий по образцу (копирование, подражание). Студенты демонстрируют фрагментарное использование научно-понятийного аппарата и терминологии, относящееся к определенному виду прикладной деятельности и технологических процессов, в понимании особенностей видов народного промысла различных регионов, связанных с различными видами ремесел. Отсутствует понимание общих проблем, задач и перспектив развития декоративного искусства вне зависимости от видов прикладной деятельности.

В области профессионально-педагогической компетентности отсутствует потребность в педагогической самореализации, творчестве, самосовершенствовании, саморазвитии, что проявляется в нежелании к коллективному сотрудничеству, социальному взаимодействию и коммуникации (отказ от участия в педагогических играх, дискуссиях, тренингах), одновременно, с выраженной предметно-ситуативной направленностью (устойчивый или не устойчивый интерес к конкретному виду декоративной деятельности). Стремление к индивидуальной работе, взаимодействие только с преподавателем (отсутствие организаторских умений). Отсутствие навыка к планированию и программированию своих действий, поиску алгоритма решения практических задач (конструктивные умения, способность к самоорганизации и самоконтролю).

Данный уровень нельзя рассматривать, как этап формирования профессиональной компетентности в процессе подготовки специалиста в ВУЗе, как правило, это предшествующая (до вузовская) подготовка.

2. На среднем, или конструктивном уровне студент, при определенной степени общехудожественной подготовки владеет минимум, двумя видами прикладного ремесла, причем освоил различные технические приемы и технологические операции выполнения изделий, способен выбрать декоративные изделия – аналоги данного вида промысла или ремесла. Имеет представление о народных художественных промыслах, связанных с интересующими его прикладными ремеслами, но у студента отсутствуют систематизированные знания по истории развития данного вида искусства, он имеет слабое представление о местных мастерах, традициях и предприятиях, где выполняются подобные декоративные изделия, о современном состоянии и перспективах развития промысла. Студент испытывает затруднения с использованием научно-понятийного аппарата и терминологии, что иногда приводит к подмене, на собственные, общепринятых терминов и определений. Обучающийся способен логически определенно и последовательно (по усвоенному образцу) выстроить алгоритм решения проблемы, но испытывает затруднения

с аргументацией; при наличии достаточных умений отсутствует стремление к творчеству, предпочитает работать по предложенному шаблону, слабо сформированы навыки самоуправления.

В профессионально-педагогической области достаточно выражены коммуникативные умения, как способность к межличностному общению (групповому взаимодействию), есть слабо выраженное стремление к самореализации, продиктованное скорее выбором профессии, хотя педагогическая деятельность представляется как набор неких абстрактных действий, которые помогут организовать учебный процесс.

Конструктивные, организаторские, проективные и исследовательские умения развиты еще очень слабо.

3. На базовом (операционном) уровне можно говорить о достаточном освоении общехудожественных навыков. Студент владеет тремя-четырьмя видами декоративного искусства, причем умеет произвести отбор материалов для определенного вида декоративных изделий, владеет эффективными приемами и методами использования инструментов, приспособлений, оборудования в освоенных видах ДИ, технологической последовательностью выполнения декоративных изделий в нескольких техниках каждого из видов ДПИ. Обладает знанием региональных и российских народных промыслов и ремесел, где применяются данные виды прикладного искусства. Имеет хорошие познания в области терминологии, умеет пользоваться концептуально-понятийным аппаратом в процессе анализа основных проблем связанных с интересующими его видами прикладного искусства. Владеет методикой планирования технологических процессов создания декоративных изделий из различных материалов, разработки схем технологической последовательности проектирования, моделирования, конструирования, изготовления, декорирования объектов декоративно-прикладной деятельности, разработки инструктивно-технологических карт.

В сфере профессионально-педагогической компетентности – осознает (в общих чертах) сущность и структуру педагогических процессов, способен объяснить особенности организации художественно-творческой, декоративно-прикладной деятельности в ходе академических занятий, кружковой, внеклассной, внешкольной работы;

- способен на краткосрочное планирование (конструирование) учебной работы, рациональную ее организацию, контроль ее выполнения;

- владеет традиционными теориями и технологиями обучения и воспитания, может адаптировать их применительно к изучаемому виду декоративного искусства, складывающейся педагогической ситуации;

- умеет использовать потенциал других предметов при изучении ДПИ;

- способен использовать теоретические знания и практические навыки в декоративной деятельности для поиска новых путей в решении художественно-технических и педагогических проблем, посредством комбинирования и варьирования известных приемов;

- владеет способами поиска профессионально-востребованной информации в информационных источниках локального и удаленного доступа;

- умеет бесконфликтно общаться с различными субъектами педагогического процесса;

- проявляет способность к самоорганизации и само-

контролю, в области декоративно-прикладной и педагогической деятельности.

4. На продвинутом (содержательно-деятельностном) уровне студент характеризуется наличием положительной мотивации к художественно-педагогической деятельности, однако, наблюдается неустойчивое стремление решать задачи профессионального и творческого характера;

- хорошо владеет общехудожественными навыками, несколькими техниками декоративно-прикладного искусства;

- обладает знаниями о региональных и российских народных промыслах и ремеслах, может провести беседу или подготовить презентацию по некоторым из них;

- располагает устойчивыми знаниями терминов и определений, умеет пользоваться концептуально-понятийным аппаратом в процессе анализа основных проблем связанных с видами прикладной и педагогической деятельности;

- знает основные методики ведения занятий, уверенно использует принципы, методы и приемы в процессе педагогической художественно-творческой деятельности;

- способен осуществлять самостоятельный подбор методических приемов, средств и методов педагогического воздействия, активизирующих творческую деятельность учащихся на занятиях, стимулирующую их познавательные интересы, активность, стремление к саморазвитию и самовыражению;

- умеет проводить поиск новых знаний в сфере решения художественно-творческих и педагогических задач, направленных на адаптирование и трансформацию материала адекватно требованиям профессиональной ситуации;

- знает способы построения межличностных отношений в группах разного возраста;

- способен к педагогическому наблюдению, умеет организовать учебный процесс с учетом индивидуальных особенностей обучающихся, способен самостоятельно оценить положительный и отрицательный опыт работы творческого коллектива в решении художественных и учебных задач;

- ведет исследовательскую работу по одному из видов прикладного искусства, может соотнести теоретические положения с практикой, однако испытывает затруднения в ответах на проблемные вопросы;

- умеет проектировать свою образовательную траекторию, ощущает потребность в самореализации и самосовершенствовании в области искусства и в педагогической деятельности, сознает необходимость профессионального саморазвития.

Перечисленное выше, говорит о наличии некоторой предметно-специализированной и общепрофессиональной компетентности студентов.

5. Говоря о высоком (субъективно-творческом) уровне формирования профессиональной компетентности, необходимо отметить, что его достигают выпускники и практикующие педагоги с небольшим стажем работы в декоративно-прикладной деятельности.

Данный уровень характеризуется:

- устойчивой потребностью в профессиональном самосовершенствовании и саморазвитии при хорошем владении общехудожественными навыками, глубокими и систематическими знаниями предметного материала в различных видах декоративно-прикладного искусства

и народного художественного творчества; отчетливое и свободное владение концептуально-понятийным аппаратом, научным языком и терминологией соответствующей предметной области (ДПИ);

- умением анализировать и выбирать образовательные концепции, знанием теорий и технологий обучения и воспитания ребенка, способностью педагогического сопровождения и психологической поддержки в процессе декоративной деятельности;

- умением долгосрочного планирования (конструирования) учебного процесса в соответствии с индивидуальной образовательной траекторией каждого ребенка, с учетом его интересов, потребностей, психофизических особенностей, способностей и уровня подготовки;

- способностью к социальному взаимодействию в профессиональной и общественной среде в процессе организации и осуществления художественно-творческой, профессионально-педагогической, культурно-просветительской деятельности;

- знанием социальной значимости и ценностных основ художественно-педагогической профессии, правового регулирования деятельности в сфере образования, основных проблем и специфики художественно-педагогической работы, перспектив профессионального самообразования и карьерного роста.

- способностью к исследовательской деятельности в сфере декоративно-прикладного искусства и педагогики.

6. На авторском (объективно-творческом) уровне, можно говорить о профессиональном мастерстве педагога и о высокой степени его профессиональной компетентности. Подобного уровня достигают, как правило, специалисты, имеющие уже достаточный стаж художественно-педагогической деятельности в области прикладного искусства. Отличительной особенностью является высокая и стабильная степень формирования и проявления конструктивных, организаторских, коммуникативных, проективных и исследовательских компетенций.

Специалист характеризуется:

- глубокими знаниями традиционных и инновационных педагогических концепций;

- навыками использования различных методик, форм, методов индивидуальной и групповой деятельности по обучению прикладному искусству и собственным авторским (творческим) отношением к ним;

- умением вести научно-исследовательскую работу, формировать художественно-культурную среду и инновационное образовательное пространство: проектировать и внедрять авторские модели, технологии и методики обучения; разрабатывать содержание образования, методы и формы контроля качества обучения ДПИ на разных ступенях образования, в образовательных учреждениях различного типа;

- высокой степенью активности, готовностью совершенствоваться и развивать свой общеинтеллектуальный, общепрофессиональный и общекультурный уровень (послевузовское образование, повышение квалификации, переподготовка, самообразование и пр.);

- стремлением к проявлению своей творческой индивидуальности, освоению новых видов декоративного искусства, технологий, материалов, приемов и навыков работы.

Исходя из перечисленного, можно говорить о высоком

уровне развития общепедагогических (общепрофессиональных) компетенций и преобладании их над предметно-специализированными (профильными).

Объективно оценивая ситуацию, можно констатировать, что подготовке студентов в условиях вуза соответствуют уровни: средний, или конструктивный, базовый, или операционный, продвинутый, или содержательно-деятельностный, высокий, или субъективно-творческий. Авторского уровня, достаточно редко, могут достигнуть отдельные студенты, и, как правило, уже в магистратуре.

Чтобы содействовать формированию компетенций, на всех уровнях, в обучении должны применяться самые разнообразные методы и технологии, причем внимание следует уделять интегрированным курсам и межпредметным связям, различным областям знания, выходящим за рамки одного предмета, опоре на личностные качества обучающихся, имеющиеся знания и опыт, на самостоятельную работу и их личную ответственность. В результате повышается вероятность формирования и развития компетенций, необходимых для эффективной профессиональной деятельности в рамках той или иной компетентности.

Создание, для студентов художественно-педагогического профиля подготовки, инновационной образовательной среды для формирования профессиональной компетентности включает:

- введение модульного принципа организации занятий, как основного в процессе изучения основ прикладной деятельности;

- разработку индивидуального образовательного маршрута каждого обучающегося в процессе подготовки по декоративно-прикладному искусству;

- привлечение студентов к участию и организации выставок творческих работ в масштабах города, области, участие в региональных, общероссийских и международных конкурсах;

- создание творческого объединения педагогов декоративно-прикладного искусства и студентов ХГФ при кафедре «Декоративно-прикладного искусства и технической графики», исследующих и пропагандирующих Российские и традиционные для Орловского региона виды художественного ремесла;

- организацию творческих групп студентов в системе НИРС, ведущих проектно-технологические и художественно-педагогические разработки по темам кафедры;

- создание профильных мастерских, где студенты в индивидуальной и групповой форме могут специализироваться в выбранном виде ДПИ;

- организацию постоянного взаимодействия с социальными партнерами: другими образовательными учреждениями, преподавателями других вузов, потенциальными работодателями (директорами школ, руководителями детских внешкольных учреждений, заведующими кафедрами, деканами факультетов и пр.) с целью мониторинга и повышения качества подготовки, изучения рынка труда;

- создание постоянно действующей научно-исследовательской лаборатории для изучения тенденций развития ДИ, оказания консультационной помощи работающим учителям декоративно-прикладного искусства, народным мастерам и самодеятельным художникам-прикладникам;

- организацию творческого взаимодействия и обмена опытом между будущими учителями, организаторами дополнительного образования учащихся и народными мастерами.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНИКА И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ УЧАЩИХСЯ

Журавлёва О.Н.,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой социального образования,
Санкт–Петербургская академия постдипломного педагогического образования

Ключевые слова: гуманитаризация, гуманитарность, развитие личности, обновление содержания школьного учебника
Key words: process of humanitarisation; humanity-orientedness, development of the person, renovation of the school textbook content

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы гуманитаризации учебника как средства развития гуманитарных свойств личности школьника.

The article is devoted to the analysis of theoretic and practical problems of humanitarisation of a course book as a means of the development of a humanistic personality of a school student.

В культуре и сознании современного общества формируется новая философия человека. Объект постнеклассической науки – сложные человекомерные системы, чем объективнее и обусловлен интерес к человеку, его внутреннему миру. Специфику современного этапа видят в приближении к субъект-субъектному мышлению, характерному для гуманитарного знания. Происходит смена образовательных парадигм (от знаниевой к гуманитарной), а также сдвиг в самой гуманитарной парадигме: от трансляции культуры – к образованию личности. Однако известно, что содержание отечественного образования, формы, способы его предъявления слабо соответствуют закономерностям личностного развития – сложнейшей области становления человека, охватывающей развитие его мировоззрения, нравственных принципов, эстетических вкусов, то есть системы ценностей. Стратегию обновления учебного содержания, включающего и информационный, и процессуальный аспекты образовательного процесса, провозглашает гуманитаризация.

Идея гуманитаризации как процесса обеспечения личностного развития учащихся общепринята, однако всестороннего методологического, технологического обоснования системы мер по ее реализации на метапредметном и функционально-методическом уровнях не представлено. Обновление содержания отечественного образования происходит стихийно, фрагментарно, недопустимо медленно. На практике явно превалирует дегуманитаризация познания как процесс формального, экстенсивного накопления знаний о человеке, культуре при сохранении ориентации на узкопредметный отбор содержания, технократическое мышление, что отчуждает учащихся от знаний. Корни недостатков личностного развития нужно искать в том числе и в содержании обучения: «здесь в конечном счете проектируется человек, недополучающий общегуманитарные знания, а значит, мыслящий узкими, прагматическими понятиями, «естественными» представлениями и потому заведомо безответственный» (Сериков, 1999: 61).

Считаем, что эффективно реализовывать данное направление модернизации следует не только за счет общекультурного компонента ряда дисциплин, а с помощью интеграции в учебное содержание в качестве универсаль-

ной составляющей такого качества как гуманитарность. Гуманитарному знанию присущи диалектические свойства, отражающие его характер: понимающий, двусубъектный, диалектичный (контекстный), диалогичный (полифоничный), личностно-ценностный, эмоциональный, диагностичный (по уровню усвоения данного знания можно выявлять динамику становления личностных качеств). Гуманитарное знание является результатом не только рационального мышления, но и таких сугубо человеческих средств познания как смыслотворчество, общение, переживание, воображение, рефлексия и др. – в данном контексте любой учебный предмет может обрести гуманитарное качество, гуманитарность (Колесникова, 2001: 34).

Суть дидактического подхода к проблеме гуманитаризации требует более четкого определения. Как правило, в концепциях, проектах «гуманитаризация» сопровождается «гуманизацией» образования, нередко эти понятия подменяются (на наш взгляд, при теснейшей взаимосвязанности процессов, гуманизация характеризует отношения между участниками образовательного процесса, а гуманитаризация – содержание образования). Самому понятию «гуманитарность» также придают разные значения: потребность увидеть в другом человеке субъекта; способность воспринимать мир, его явления в первую очередь как самоценные, целостные и др. Если научность как способ освоения человеческой действительности открывает законы, то гуманитарность наделяет смыслами, вводит в культуру (Бахтин, 1996; Каган, 1997).

В качестве формы описания и объяснения совокупности фактов педагогического опыта, научных идей, ведущих категорий и понятий, определения закономерностей, системы принципов гуманитаризации нами принята такая единица теоретико-методологического анализа как теория, в данном случае – теория гуманитаризации учебного содержания. Предметом исследования являлся школьный учебник, так как основное содержательное ядро образования отражено в этом самом массовом средстве обучения, выступающим как своеобразный навигатор в потоках информации, электронных контентх, «творческих конструктивных средах», как системообразующий элемент образовательного пространства, способный обеспечить базу, условия для освоения информации на целостной ценностно-смысловой основе.

Проблемы учебника как сложнейшего полифункционального социально-технологического явления относятся к «вечным». Традиционно учебник ориентировал не на личностное развитие ученика, а на достижение им определенного объема знаний, предметных умений. Бесспорно, суть современного носителя учебного содержания образования – это не только передача обязательной информации,

но и определенная программа образовательной деятельности, опирающаяся на закономерности и цели личностного развития. При этом важно отметить, что стандарты нового поколения не прописывают минимум содержания образования по предметам, а систему требований к освоению программы, в том числе и личностным (ценностным) результатам, транслирует именно учебник. Являясь «посредником», медиатором между социокультурным контекстом и учеником, учебник должен выступать как организатор диалога ценностей, как основа для ценностно-смысловых исканий личности. «Доминанта гуманистических ценностей в учебном тексте как главных смыслов при его изучении позволяет конструировать гуманитарные, личностно мотивирующие тексты и их варианты» (Федоров, Перминова, 2002: 19). Гуманитарность содержания должна быть отражена во всех элементах учебника (в т.ч. и в электронном виде): как во внешних, видимых (стиль изложения, задания, иллюстрации и др.), так и во внутренних – обращенность к личностно значимым для ученика проблемам, постановка нравственно актуальных вопросов, отбор и представление позиций и т.д., чтобы учебное содержание вводило, усиливало присущее всем предметным курсам «человеческое измерение», формировало гуманитарное отношение. Именно такое ценностно–этическое отношение, когда все познаваемые объекты воспринимаются как самостоятельные, целостные и оцениваются с гуманистической точки зрения – значимости для развития человека, консолидации человечества, может быть принято как интегративный критерий сформированности личностных качеств.

Текст (в широком смысле) учебника является наиболее объективным показателем «неявных», ценностных знаний – так называемого «скрытого содержания» (*hidden curriculum*), открытым пространством значений и смыслов, поэтому обладает способностью быть «объектом для исследования и мышления» (М.М. Бахтин). Таким образом, построение любого учебника заключается не просто в способе отбора и подачи его содержания, а в предъявлении разнообразных учебных ситуаций, в которых созданы условия для нравственного переживания, выбора, личных размышлений и выводов, и, следовательно, расширения эмоционально–ценностного опыта ученика – опыта «быть личностью». Именно на материале учебника можно прогнозировать (в контексте проектирования), исследовать (в ходе гуманитарной экспертизы), реализовывать (в учебном процессе) потенциал содержания, выделяя элементы, смыслы, учебные ситуации, обеспечивающие содержание личностного развития как генезис функций, которые личность выполняет в жизнедеятельности индивида (В.В. Сериков), например, гуманитарно–личностной функции, являющейся базовой для становления социально значимых качеств человека: способности ценностного, ответственного отношения к окружающему миру, другим людям и себе на основе личностно принятых гуманистических идей и ориентиров жизнедеятельности, освоенного опыта гуманитарных образцов поведения.

Гуманитарно–ценностную направленность современного учебника поможет проектировать и реализовать прогностическая универсальная гуманитарнообразная модель его содержания («сообразный», по С.И. Ожегову, как согласующийся с чем–нибудь, соответствующий чему–нибудь). Методически, инструментально закономерности интеграции гуманитарности в содержание образования

выражены в принципах построения, функциях учебника. Разработанная модель включает в себя иерархию принципов: общедидактический принцип гуманитарности, дополняющий принципы научности, последовательности и т.д., и обеспечивающая условия его воплощения система под-принципов: аксиологичности (обязательные гуманистические акценты, предъявление гуманистич норм, образцов поведения), интегративности и историчности (ориентирует на усвоение комплекса знаний о человеке, мотивах, последствиях его деятельности, на понимание социальной значимости, уникальности изучаемых объектов с позиций конкретно–исторического подхода); субъект-ориентированности и рефлексивности (личностная значимость материала для учащихся, расширение опыта применения гуманитарных способов познания, самоопределения ученика), индирективности (плюралистичности и диалогичности) – создание учебных ситуаций выбора, моральных дилемм; экзистенциальности (отражает эмпатийность и интенциональность освоения ценностей на основе переживаний как опыта эмоционального отношения к окружающему миру, к себе, воображения и др.). Проектирование учебного Текста на основе системы данных проявлений гуманитарности, ее индикаторов (маркеров) передает учебной информации дидактические свойства гуманитарного знания, обеспечивает качественно новый уровень интеграции содержания, формирование целостного гуманитарного (субъект–субъектного) мышления учащегося и расширение его личностного опыта, представляющего собой сплав не только знаний, умений, но и «вчувствований» человека. При практическом воплощении положений теории гуманитаризации обогащаются новыми смыслами традиционные функции учебника (информационная, дидактическая), делегируются дополнительные функции: аксиологическая (смыслообразующая); онтологическая; идентификационная; личностно-созидательная (человекотворческая).

Насколько полно реализуются инновационные функции в действующих учебниках помогла установить технология гуманитарной экспертизы комплекта учебников (по дисциплинам учебного плана старшей школы). Анализ проводился на основе качественных методов, герменевтических процедур: выявлялись структурно-семиотические, понятийно-тематические единицы, аксиологические доминанты, учебные ситуации, контекстные задачи, включающие различные мнения и версии, вариативные источники информации, а также авторский стиль изложения, приемы подачи материала, образности и др. В итоговых описаниях к экспертным листам были обобщены проблемы и «точки роста», инновационные находки авторов и выведена типология учебников на принципиально новом методологическом положении: по степени проявления гуманитарности их содержания и, следовательно, по заложенному в Тексте потенциалу гуманитарно–личностного развития учащихся:

догматичный (сциентисткий) (от др.греч. «догматически, на основании теоретических положений») – учебник с выраженной предметно-знаниевой ориентацией содержания, которое должно признаваться за непререкаемую истину, изучаться без доказательства, в отрыве от жизни, конкретных условий. Задания, вопросы – репродуктивные, тренинговые. Изложение – информационного характера, аксиологический компонент не выражен;

– директивный (от фр. *Directive*, лат. *dirigere* направ-

лять). Стиль изложения – монологичный, предписывающего, указывающего характера. Гуманистические идеи представлены, но условия для организации диалогового взаимодействия, осмысления и присвоения целенаправленно не создаются, изложение материала – информационно–утверждающее. Большая часть заданий – воспроизводящего характера;

декларативный (от лат. *declaratio* заявление, объявление, в значении «чисто словесный, внешний»). Задача реализации гуманитарной направленности заявлена, в содержании определены гуманистические доминанты, эпизодически представлены различные мнения, но оценки, выводы преимущественно декларируются авторами в готовом виде, объяснительно-иллюстративно (стиль изложения – преимущественно рассуждающе–утвердительный). Организация активной учебно–познавательной деятельности субъекта, личностного осмысления материала учеником предусматривается, однако значительную часть составляют репродуктивные задания;

деятельностно-аксиологический (гуманитарно-деятельностный) –

гуманистические доминанты органично представлены в содержании, организуется ценностно-ориентирующая образовательная деятельность ученика (на основе изложения и анализа различных мнений, источников информации, с опорой на личностный опыт ученика и т. д.), создаются условия для организации диалогового взаимодействия, выражена проблемно–вопросительная, деятельностно–ориентированная направленность изложения материала. Активно используется визуальный язык, образность.

Типологизация используемых в массовой практике преподавания учебников была апробирована методом групповых экспертных оценок. Для выявления влияния содержания учебников различного типа на личностное развитие учащихся были определены критерии сформированности гуманитарно–личностной функции, включающей знания, умения, компетенции, отношения:

Критерии	Идентификационные показатели
Когнитивно–смысловой	Понимание смысла понятий, их употребление: общечеловеческие идеалы и ценности, этические нормы, гуманизм и др. Осведомленность о нравственных представлениях, моральных нормах эпохи, социальной группы и т. д. Комплекс знаний о мотивах, способах деятельности, ее последствиях, результативности. Понимание социальной значимости событий, идей, деятельности и т. д., их гуманитарного смысла.
Субъектно–деятельностный	Умение выявлять, сравнивать цели, убеждения, принципы, чувства, ценностные установки и т. п. Умение извлекать информацию из различных источников (иллюстрации, социальный и личный опыт и др.), использовать ее для собственных суждений, решения проблемных задач. Умение самостоятельно обосновывать выводы, в т.ч. с разных точек зрения (в монологе и диалоге), «открытие» собственных способов работы со знаниями. Способность «переносить» ценностный опыт, образцы гуманного поведения в современную общественную и личную практику.
Личностно–оценочный	Самостоятельное оценивание событий, высказываний, поступков, качеств (других людей и своих) исходя из гуманистических ценностных ориентаций. Способность к эмпатийному пониманию, сопереживанию. Этическая рефлексия, ценностно-смысловое самоопределение в ситуациях, требующих нравственного выбора, предвидения последствий. Употребление эмоционально-окрашенных атрибутов речи, контроль негативных эмоций.

Для экспериментального подтверждения теоретических оснований гуманитаризации учебника были проведены диагностические работы для учащихся 10 классов, изучающих предмет по учебникам разных типов. Доля десятиклассников, у которых уровень исследуемого признака оказался низким или не выраженным, в экспериментальной группе был соответственно на 34,4 и 13,93% меньше,

чем в контрольной; процент учащихся, показавших высокий (на 10,9%) и средний уровни (на 37,8%) – значительно выше. Нельзя исключать, что более высокие экспериментальные показатели дополнены, например, целенаправленной работой учителя на уроке, общим культурным кругозором учащихся, однако широкая, разнообразная база эксперимента (470 учащихся Санкт–Петербурга, Краснодар, Ленинградской области, Ямало–Ненецкого АО и др.) делает влияние таких факторов второстепенным. Таким образом, результаты эксперимента подтвердили высокий воспитательный потенциал учебников, проектирование содержания которых носило системный, прогностический характер по отношению к развитию личностных качеств учащихся.

Итак, обосновывая гуманитарность как социально–педагогический феномен, пути ее интеграции в учебное содержание, исследование развивает общую теорию учебника, дополняет ее современным научно–методическим аппаратом, позволяющим не просто декларировать гуманитаризацию как важнейшее направление модернизации образования, а использовать научную, системно–целостную основу для его реализации, тем самым по–новому воздействовать методологию педагогической науки для обеспечения потенциала учебника как средства развития личностных качеств учащихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М.М. Гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике // Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. – 731 с.
2. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
3. Колесникова И.А. Природа гуманитарного знания и его миссия в современном обществе // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 3. С. 33–47.
4. Сериков В.В. Образование и личность: Теория и практика проектирования педагогических систем. М.: Логос, 1999. – 272 с.
5. Федоров Б.И., Перминова Л.М. Дидактические проблемы в контексте методологического обоснования // Педагогика. 2002. № 5. С. 14–19.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ

Миляева М.В.,

доцент,

кафедра педагогики и психологии,

Московский Государственный университет технологии и управления им. К.Г.Разумовского

Ключевые слова: социальное здоровье, молодежь, педагогическая профилактика, социальные и личностные ценности, социальная активность, межличностные отношения

Key words: social health, youth, educational prevention

Аннотация. В условиях нестабильности современного российского общества значимым фактором обеспечения социального и психологического благополучия молодежи является состояние их социального здоровья. Молодежь как будущие специалисты разных сфер жизнедеятельности нашего общества является одним из ключевых ресурсов конкурентоспособности страны, поэтому отдельной важной педагогической задачей выступает необходимость проведения психолого-педагогических профилактических мероприятий по поддержанию и сохранению социального здоровья молодежи, по предупреждению различного вида девиаций социального здоровья.

Given the instability of modern Russian society, a significant factor in ensuring social and psychological well-being of young people is a social state of their health. Youth as future specialists of different spheres of our society is one of the key resources of the country's competitiveness, and therefore separate the important task of teaching supports the need for psycho-educational prevention activities to maintain and preserve the social health of young people, to prevent various types of deviations of social health.

На сегодняшний день проблема социального здоровья населения в целом, и молодежи в частности, приобретает приоритетное значение. Продолжающиеся трансформации всех сфер жизнедеятельности нашего общества, мировой экономической кризис, устойчивое внедрение в общественное сознание модели «символического потребления» приводит к существенному ухудшению состояния социального здоровья граждан и, в первую очередь, молодежи.

Состояние социального здоровья подрастающих поколений является одним из важнейших показателей экономического и социо-культурного благополучия общества и государства. Существенно изменяющиеся и зачастую не в лучшую сторону условия социализации молодых людей в современном обществе, переоценка ценностей в общественном сознании, изменение состояния рынка труда в нашей стране значимо отражается на состоянии социального здоровья молодежи.

Факторами, провоцирующими негативные тенденции в состоянии социального здоровья молодых людей, в первую очередь, называют размытость идеалов и социальных ценностей, социально-экономическая стратификация населения, агрессивность средств массовой информации, внедряющие в общественное сознание модели поведения и жизненные стили американской культуры [1].

Поэтому, несомненно актуальной является проблема изучения социального здоровья молодежи в контексте проблем динамики основных сфер жизнедеятельности общества и модернизации российского общего и профессионального образования. Педагогическая наука сегодня нацелена на решение ключевой задачи – повышение качества

образования, которое должно соответствовать как российским, так и международным образовательным стандартам, а также социальному заказу общества. Но, нередко, молодые люди, поступая в вузы, уже имеют определенные отклонения в состоянии своего физического и социального здоровья, что, безусловно, должна учитывать система профессионального образования.

Необходимо также учитывать, что в процессе школьного образования и в процессе вузовской профессиональной подготовки существенное влияние на состояние социального здоровья молодых людей оказывают не только образовательная среда образовательного учреждения, но, и также, продолжающиеся изменения в социальной и профессиональной сфере, которые выражаются в психологической девальвации многих профессий, бывших ранее социально престижными и массовыми, в размывании соответствующих профессиональных систем ценностей. Подобные изменения снижают эффективность развития личностной и профессиональной идентичности, формируют у молодых людей чувство социальной незащищенности. Данные негативные воздействия могут приводить к тому, что молодежь начинают прибегать к использованию неадекватных, нередко социально девиантных способов адаптации [2]. Поэтому, одной из основных ключевых задач образовательных учебных заведений становится создание таких педагогических условий, которые обеспечивают сохранение и улучшение социального здоровья молодых людей.

Таким образом, можно констатировать, что педагогическая профилактика и педагогическое сопровождение социального здоровья молодежи в образовательном пространстве школы и вуза является особенно актуальным вопросом в процессе обучения. Обеспечить социальное здоровье помогут «междисциплинарные и социокультурные меры, направленные на улучшение благополучия индивидов, групп и сообществ. Оно подразумевает создание индивидуальных, социальных, общественных и средовых условий, которые обеспечивают оптимальное психологическое развитие и снижение количества психологических проблем» [Дженкинс Р., 2005].

Изучению проблем психического здоровья личности посвящены работы таких отечественных исследователей как Е.Л. Богомоловой, Н. Гаранян, Е.Д. Красик, Е.А. Крюкова, Б.Д. Петракова, О.Н. Соколовой, А.Б. Холмогоровой и других авторов.

Междисциплинарный методологический анализ проблемы социального здоровья личности позволяет выделить несколько концептуальных подходов к пониманию данного научного конструкта.

Согласно философско-культурологическому подходу, социальное здоровье является компонентом целого – культуры, где личное здоровье – это компонент личностной культуры; здоровье нации – компонент национальной

культуры [И.С. Ларионова, Ю.П. Лисицын, П.Д. Тищенко]. Кроме того, социальное здоровье рассматривается как фактор социальной реализации человека [Т.Б. Сергеева].

В социологии категория «социальное здоровье» характеризуется как здоровье общества или его социальных страт, групп, как ресурс, социальный капитал, необходимый молодежи и школьникам для успешной социализации и социальной адаптации в новых общественно-экономических условиях, а также в условиях модернизации российского образования [О.А. Рагимова]. В частности, О.А. Рагимовой разработана модель социального здоровья: социальное здоровье – здоровье общества – здоровье общности – здоровье слоев населения – здоровье семьи.

В современной социологии социальное здоровье рассматривается как состояние индивида, группы, общества, которое соответствует норме с точки зрения всех статусных параметров (психологического, семейного, социального, культурного, экономического, этнического). Так, социальное здоровье определяется так же, как форма взаимодействия социальных субъектов на принципах гражданского участия, уважения человеческого достоинства, признания прав индивида, соблюдение социальной справедливости и прав человека [Ф.П. Смирнов, А.Н. Сошнев, В.А. Ядов]. В психологии социальное здоровье нередко определяет не столько процесс, сколько состояние уравновешенности, гармонии личности и социальной среды. Так, И.В. Кузнецова дает следующее определение социальному (личностному) здоровью – это определенный уровень развития, сформированности и совершенства форм и способов взаимодействия индивида с внешней средой (приспособление, уравнивание, регуляция); определенный уровень психического и личностного развития, позволяющий успешно реализовывать это взаимодействие [3].

С позиций психолого-педагогических наук, социальное здоровье рассматривается как гармоничное единство биологических, психических и социальных качеств человека, позволяющих ему адаптироваться к условиям микро- и макросреды, а также вести продуктивную в социальном и экономическом планах жизнь; самореализация личности в образовательном процессе, в котором происходит воплощение учащегося по разработанному и принятому в социуме личностному образу [4].

По мнению Е.Н. Приступа, социальное здоровье представляет собой сформированность социально приемлемого, нравственно нормативного опыта взаимодействия личности с социумом, проявляющегося в саморегуляции поведения в изменяющихся условиях, в способности к удовлетворению социальных интересов и потребностей, к интеграции в социум [4]. С точки зрения исследователя, структура социального здоровья личности включает следующие компоненты:

- духовно-нравственный (следование социальным нравственным нормам, наличие социальных знаний, умений, навыков);
- социально-поведенческий (устойчивость личности к социально-неблагоприятным факторам среды и сформированность навыков саморегуляции поведения);
- социально-психологический (социальная направленность личности школьника, удовлетворительная социальная адаптивность);
- социокультурный (высокий уровень социального раз-

вития, сформированная социальная готовность, социально полезный опыт).

Когда возникает несогласованность протекания внутренних и внешних механизмов социального становления личности, проявляющаяся во временных или постоянных, целенаправленных или стихийных действиях человека, направленных на разрушение ценностно-нормативных устоев общества, девиантном поведении, деструктивной активности в изменяющейся среде, можно говорить о существовании девиации социального здоровья. Девиации могут быть потенциальными (латентными) и явными (высший уровень отклонений) социальными девиациями.

Итак, возвращаясь к вопросу об осуществлении педагогической профилактики социального здоровья студентов вуза, следует отметить следующее. В структуру образовательного процесса необходимо включить соответствующую модель педагогического сопровождения социального здоровья студентов, одним из компонентов которой выступает модуль по педагогической профилактике.

Базовыми принципами организации педагогической профилактики социального здоровья являются:

1. Принцип стратегической целостности определяет единую целостную стратегию профилактической деятельности, обуславливающую основные стратегические направления и конкретные мероприятия и акции.
2. Принцип многоаспектности предполагает сочетание различных аспектов профилактической деятельности:
 - образовательный аспект, формирующий базовую систему представлений и знаний о социально-психологических, медицинских, правовых и морально-этических последствиях социальных девиаций;
 - социальный аспект, ориентированный на формирование позитивных моральных и нравственных ценностей, определяющих выбор здорового образа жизни;
 - психологический аспект, направленный на формирование стрессоустойчивых личностных ресурсов, позитивно-когнитивных оценок, а также установок «быть успешным», быть способным сделать позитивный альтернативный выбор в трудной жизненной ситуации.
3. Принцип аксиологичности, предполагающий формирование у молодежи мировоззрения, основанного на понятиях об общечеловеческих ценностях, привлекательности здорового образа жизни, законопослушности, уважении к личности, государству, окружающей среде, которые являются ориентирами и регуляторами их поведения.
4. Принцип ситуационной адекватности означает соответствие профилактических действий реальной социально-экономической ситуации в стране и в образовательной среде, обеспечение непрерывности, целостности, динамичности, постоянства, развития и усовершенствования профилактической деятельности с учетом оценки эффективности и мониторинга ситуации.
5. Принцип индивидуальной адекватности подразумевает соответствие профилактической программы возрастным, гендерным, культурным, особенностям целевой группы.
6. Принцип легитимности - профилактическая деятельность должна соответствовать законодательству Российской Федерации и нормам международного права.
7. Принцип соблюдения прав человека - профилактические действия не должны нарушать права и свободы человека.

8. Принцип комплексности предполагает согласованность взаимодействия на профессиональном уровне специалистов разных направлений, в функциональные обязанности которых входят различные аспекты профилактической работы, а также их взаимодействие с различными структурами:

- на ведомственном уровне – с органами и учреждениями соответствующей ведомственной принадлежности, осуществляющих деятельность по профилактике социальных девиаций в образовательной среде (на федеральном, региональном и муниципальном уровнях);

- на межведомственном уровне – с органами и учреждениями, отвечающими за реализацию различных аспектов профилактики в образовательной среде в рамках своей компетенции (органы и учреждения образования, здравоохранения и др.);

- а также с государственными, общественными и международными организациями.

Проведение психолого-педагогической профилактики социального здоровья молодых людей позволит не только

развивать у молодежи знаневую компетентность, но, самое главное, формировать навыки социально ответственного поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александрова А.В. Молодежь и здоровье: ценностно-установочное взаимодействие // Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты. М.: ИЧ РАН, 2003. - С. 144.

2. Казин Э.М. Социальные и педагогические аспекты сохранения здоровья субъектов образовательного процесса / Э.М. Казин, А.И. Федоров, Т.С. Панина, Н.А. Заруба // Мир образования, образование в мире. 2001. № 1.-С. 112-114.

3. Левченко А.В. Формирование готовности к здоровому образу жизни у студентов педагогического университета. Дисс. канд. пед. наук. - Самара, 2001.-184 с.

4. Приступа Е.Н. Социально-педагогическая профилактика девиаций социального здоровья школьника. Автореф. докт. пед. наук. – М., 2009. – 53 с.

ВЛИЯНИЕ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ ЛИЧНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ИНТЕГРАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ МОЛОДЁЖИ

Мусина В.П.,
кандидат психологических наук, доцент,
кафедра общей и дифференциальной психологии,
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Ключевые слова: самоактуализация, психологическая защита, интегральное исследование индивидуальности, молодёжь
Keywords: self-actualization, psychological defense, the integral study of personality and youth

Аннотация. В рамках эмпирического лонгитюдного исследования определяется влияние психологической защиты на процесс самоактуализации в интегральном исследовании индивидуальности студентов очно-заочной формы обучения, а также влияние самоактуализации на развитие профессиональной активности.

The empirical longitudinal study determined the influence of psychological defense on the process of self-actualization in the integrated study of individual students' part-time form of training, as well as the influence of self-actualization on the development of professional activity.

Самоактуализация является необходимым условием развития профессионализма субъекта. Однако до сих пор не изученным является вопрос о влиянии такого барьера как психологическая защита на процесс самоактуализации, на развитие профессиональной активности как самодвижения профессионального становления у студентов-психологов очно-заочной формы обучения в исследовании интегральной индивидуальности (ИИ). В исследовании принимали участие студенты-психологи 3 и 4 курсов (312 человек). Нами использовались «Самоактуализационный тест» Шострома, опросник Плучика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля», изучающий защитные механизмы. А при изучении самооценки механизмов защит мы разработали и применили методику - «Самооценка механизмов защит», в основе которой лежит опросник Плучика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля», все шкалы которого нами были выражены графически, каждая была приведена к общему масштабу в 100%. По инструкции испытуемый должен был произвести самооценку (отметить на шкале от 1% до 100%) уровень выраженности соответствующего механизма защиты. Нами был применён авторский «Опросник профессиональной активности» [2], диагностирующий уровень профессиональной активности субъекта, при помощи которого испытуемые были разбиты на три выборки – с высоким, средним и низким уровнем профессиональной активности (ПА). Изучались показатели разноуровневых свойств ИИ: сила возбуждения нервной системы по Стреляу, предметная и социальная эргичность по В.М. Русалову, экстраверсия и нейротизм по Айзенку, факторы опросника Кеттелла 16PF, личностная и ситуативная тревожность по Спилбергеру, социометрический статус.

При сравнении результатов показателей самоактуализации студентов 3-го и 4-го курсов отмечается динамика изменений показателей различных шкал, выявлены направления этих изменений и произведена их интерпретация. Значимые сдвиги произошли лишь по трём показателям: шкала «Взгляд на природу человека», шкала «Креативность», шкала «Спонтан-

ность». Проанализировав характер изменений, мы пришли к выводу о том, что студенты 4-го курса по сравнению со студентами 3-го курса являются более скрытыми и сдержанными, более осторожны в своих проявлениях, чем студенты 3-го курса. Происходит уменьшение уровня спонтанности, что, как мы можем предположить, является временным явлением, связанным с освоением нового образа мышления, который интериоризируясь, не будет препятствовать увеличению уровня спонтанности. Несмотря на более низкий уровень спонтанности и ослабление веры в людей и в их возможности, студенты 4-го курса по сравнению со студентами 3-го курса, проявляют большую креативность в своих суждениях, большую изобретательность и оригинальность в своих решениях. Таким образом, способность творчески мыслить и находить новые решения у студентов 4 курса более развита, чем 3-го.

Небольшой рост показателей можно отметить в шкалах «Контактность» и «Гибкость», что подтверждает наше предположение о том, что показатели по этим шкалам должны расти по мере большей профессионализации, в силу их важности в любой профессиональной деятельности. Наличие роста указывает на возросшую роль профессиональной идентификации четверокурсников.

Также некоторый подъём показателей наблюдается по шкале «Автономность», что свидетельствует о росте самостоятельности студентов 4-го курса, об их большей ориентации на собственные мысли и убеждения, об увеличении способности рассчитывать на собственные силы и возможности, а также о постоянном управлении внешнего контроля к системе внутреннего самоуправления.

Наблюдаемые нами изменения мы связываем с возросшей профессиональной идентификацией студентов 4-го курса, о чём свидетельствуют более высокие результаты по шкалам «Контактность» и «Гибкость» в общении, освоение нового образа мышления – менее эмоционального и более аналитического, а также наличие превосходящего показателя по шкале «Креативность».

Эти показатели в совокупности с возросшим уровнем данных по шкале «Автономность» отображают факт не только повысившегося профессионального уровня студентов 4-го курса по сравнению с 3 курсом, но и об их увеличившимся личностном развитии и самоактуализации, так как творческий подход и автономность – это наиболее яркие показатели самоактуализации личности. И хотя самоактуализация ещё не стала образом жизни для студентов 4-го курса (по общим показателям), но она стала важной их частью, и естественным образом будет увеличиваться, так как самоактуализация порождает увеличение роста и наоборот – увеличение роста повышает самоактуализацию.

Таким образом, мы можем говорить о наблюдаемом профессионально-личностном росте и возросшей профессионально-личностной зрелости студентов 4-го курса, по сравнению со студентами 3-го курса.

Студенты 4-го курса как и 3-его, те же четыре незрелых механизма защиты недооценивают у себя, и особенно, такие как вытеснение, отрицание, проекцию, но переоценивают замещение. Среди зрелых, эффективных механизмов защиты они недооценивают у себя и такой зрелый эффективный механизм защиты как рационализация, а – компенсацию и гиперкомпенсацию – переоценивают. Причём, средний уровень расхождения субъективных результатов с объективными составляет около 6%, что указывает на реальное представление студентами уровня выраженности своих защитных механизмов.

Анализ данных по выборкам с высоким, средним и низким уровнем профессиональной активности (ПА) отражает имеющиеся в них различия. Более реалистично оценили механизмы защит студенты из выборки с высоким уровнем ПА, а наименее – студенты из выборки с низким уровнем ПА. А по характеру расхождений очевидно, что в субъективном оценивании студенты во всех выборках отразили систему своих защитных механизмов более гармоничной, что наглядно отражено при сопоставлении субъективных и объективных показателей оценивания уровня защитных механизмов. Эти же факты отмечены и на 3-ем курсе.

Сравнительный анализ результатов исследования психологических защит у студентов 3 и 4 курсов показал следующее. Уровень выраженности большинства психологических защит (регрессии, отрицания, компенсации, гиперкомпенсации, рационализации) у студентов 4-го курса выше, чем у студентов 3-го курса, и лишь уровень выраженности таких защитных механизмов, как вытеснение и замещение, ниже, чем у студентов 3-го курса, причём уровень выраженности механизма вытеснения значительно ниже. Наблюдается определённая тенденция роста общего уровня психологических защит. Не отмечено резких расхождений в показателях уровня защитных механизмов у студентов от 3 к 4 курсу, кроме такой защитной реакции как вытеснение. Обнаружено наличие довольно высокого уровня выраженности некоторых показателей (например, проекции), и особенно у студентов 4 курса по сравнению со студентами третьего курса, что возможно, связано с особенностями этапа профессионального становления и будет меняться в ходе дальнейшего развития и профессионализации. Довольно низкий уровень вытеснения у студентов 4-го курса по сравнению со студентами 3-го курса мы связываем с возросшей профессиональной идентификацией и личностным ростом четверокурсников, что позволяет им больший объём негативной информации для себя допускать до своего сознания без особого ущерба для собственного Я, и справляться с этой негативной информацией другими, более продуктивными способами, в том числе и с помощью более зрелых форм защитных механизмов.

Однако, на фоне более низкого показателя такой психологической защиты как вытеснение, наблюдается повышенный уровень всех остальных форм защиты (кроме замещения). Возможно, это и связано именно с низким уровнем вытеснения.

У студентов обоих курсов наблюдается высокий уровень механизмов проекции и рационализации, но низкий – замещения. Низкий уровень механизма замещения мы связываем с возрастными особенностями, особенно с умением отреагировать возникающие негативные чувства и переживания именно в момент их возникновения и по отношению к тем людям и со-

бытиями, к которым оно возникает. С одной стороны это может быть положительным фактом, так как отреагированные чувства и эмоции не создают лишнего напряжения, а с другой стороны, такое отреагирование не всегда возможно и желательно в работе профессионала.

Высокий уровень проекции говорит о нежелании признавать собственные слабости и нежелательные качества, о желании нивелировать их значение посредством приписывания другим их преувеличенной формы. Можно предположить, что это даёт возможность им утвердить собственное Я, повысить его значимость. С одной стороны это может быть полезным на данном этапе, так как даёт возможность повысить собственную значимость, уверенность в себе, в своих силах, что играет положительную роль в стремлении что-то постичь, достигать каких-то целей. С другой стороны, для продвижения вперёд необходимо справиться со своими трудностями, нежелательными качествами, но для этого, прежде всего, нужно их признавать. В этом смысле механизм проекции создаёт определение сложности. Однако, возможно, яркая выраженность именно этой защиты – это временное явление, характеризующее именно данный этап профессионально-личностного становления. Кроме того, проекция это не та форма защиты, которая полностью отрицает или вытесняет осознание проблемы, а наоборот, человек вполне осознаёт существующие проблемы, но ещё не готов в полной мере признавать ответственность за них. Таким образом, механизм проекции даёт время и возможность обратиться к существующим проблемам, когда появятся необходимые ресурсы, чтобы с ними справиться.

Механизм рационализации имеет сходную с проекцией схему действия. Он позволяет приписывать ответственность за неудачи, за какие-то проблемные ситуации, обстоятельства, другим людям, но только не самому себе, не собственной некомпетентности или неумению. Цель та же самая – сохранить собственную значимость.

В ходе очно-заочной формы обучения студенты неизбежным образом открывают в себе новые стороны и качества, начинают понимать многие механизмы, действующие в них, которые в большинстве своём не являются положительными; кроме того, они сталкиваются со многими трудностями, обусловленными отсутствием у них достаточного опыта. Очевидно, что яркая выраженность этих двух форм защит – проекции и рационализации – отображает тот факт, что студенты 3 и 4 курсов ещё не готовы принять на себя ответственность, что является естественным для данного этапа профессионального развития, так как принятие ими сразу всех негативов привело бы к резкому снижению самооценки и уровня притязаний, к ослаблению стремления к ослаблению стремления достигать. Поэтому, принятие ответственности и снижение уровня этих защит будет происходить, как мы полагаем, постепенно, по мере приобретения какого-то опыта и уверенности в своих силах.

При сопоставлении данных в выборках с высоким, средним и низким уровнем ПА у студентов 3-го и 4-го курсов в сравнительном плане мы получили следующие данные. В выборке с высоким уровнем ПА по сравнению с 3-им курсом значительно повысились такие механизмы защит как компенсация и рационализация, но снизились проекция и замещение. В выборке со средним уровнем ПА повысилась компенсация, но снизилась проекция. В выборке с низким уровнем ПА повысилась рационализация, но снизилось отрицание.

В целом субъективные показатели в выборках 4 курса стали несколько реалистичнее по сравнению с 3-им курсом, и осо-

бенно регрессия, компенсация и гиперкомпенсация. Вместе с тем, студенты выборки с высоким уровнем ПА переоценивают рационализацию и недооценивают замещение, а испытуемые выборки со средним уровнем ПА переоценивают компенсацию и недооценивают регрессию, в выборке с низким уровнем ПА переоценивают компенсацию и недооценивают отрицание.

При переходе из этапа поздней юности к этапу ранней молодости у студентов в выборке с высоким ПА повышаются следующие субъективные показатели уровня защитных механизмов по опроснику «Индекс жизненного стиля». Значительное повышение происходит у показателей рационализации, компенсации, и некоторое повышение – у гиперкомпенсации. В то же время снижаются следующие показатели: так, значительно – вытеснение и замещение, и незначительное снижение – регрессия, отрицание, проекция.

У студентов в выборке со средним ПА повышаются следующие субъективные показатели уровня защитных механизмов: существенное повышение у показателя компенсации, несколько возросли показатели рационализации и гиперкомпенсации. В то же время снизились следующие показатели: значительно снизился показатель вытеснения и особенно - регрессии.

У студентов в выборке с низким ПА произошло некоторое повышение таких субъективных показателей уровня защитных механизмов как компенсация и гиперкомпенсация. Очень значительно снизился показатель отрицания, значительное снижение произошло у показателей вытеснения, регрессии, проекции, а так же незначительное снижение наблюдается у показателей замещения, и рационализации.

Таким образом, значительное повышение субъективных показателей группы «положительных» защитных механизмов и снижение группы «отрицательных» в выборке с высоким уровнем ПА, а также некоторое повышение «положительных» и значительное снижение «отрицательных» в выборке со средним уровнем ПА, на фоне незначительного повышения «положительных» и незначительного снижения «отрицательных» в выборке с низким уровнем ПА, указывает на большую роль профессиональной активности, которую она играет в развитии психологических защит субъекта: мы видим прямое её влияние – чем выше уровень ПА, тем выше уровень положительных психологических защит и отрицательных ниже.

Сопоставление данных по опроснику самоактуализации и защитных механизмов по опроснику «Индекс жизненного стиля» у студентов 3-го и 4-го курсов даёт ответ на вопрос - каким образом сложившаяся система защит влияет на уровень и особенности проявления процесса самоактуализации. Мы получили следующие данные.

Низкий уровень регрессии обеспечивает довольно высокий уровень ориентации во времени, умения существовать здесь и сейчас. Причем, обнаружено, что несколько более высокий уровень регрессии у первокурсников вызвал уменьшение уровня шкалы ориентации во времени.

Низким уровнем замещения вызваны невысокие значения по шкалам «Контактность» и «Гибкость в общении», так как студенты, привыкшие напрямую выражать собственные желания, состояния, в силу того, что до сих пор ими не ставилось задачи устанавливать и поддерживать общение с определенными людьми, еще не способны подстраиваться в общении и при необходимости сдерживать свои эмоции. С низким уровнем вытеснения связан и более низкий уровень шкалы «Взгляд на природу человека», что возможно связано с тем, что человек сталкивается с огромным количеством негативной

информации, связанной с собственной личностью и с другими людьми, что приводит к снижению позитивного взгляда на природу человека. Нужно отметить, что огромную роль в этом процессе играет и механизм проекции, который позволяет обнаруженные в себе неприятные, либо негативные стороны приписывать и другим людям в гиперболизированной форме, что приводит к снижению позитивного отношения к человеческой природе, однако позволяет сохранить собственную самооценку и обеспечивает высокий уровень аутосимпатии.

С выраженностью механизмов вытеснения и проекции связан и уровень спонтанности. Чем ниже уровень вытеснения и выше уровень проекции, тем ниже уровень спонтанности. То есть, чем больше человек осознает свои негативные стороны и проецирует их же на других людей, тем осторожнее он становится.

Невысокий уровень самопонимания мы связываем с механизмами отрицания и рационализации, один из которых обеспечивает игнорирование неприятных обстоятельств, событий, качеств, а другой - их объяснение удобным для себя образом. Это приводит к тому, что человек сам запутывает понимание собственных мотивов, действий, желаний.

Выраженность механизма компенсации связана с повышением уровня креативности: стремясь компенсировать собственные недостатки, люди находят новые решения, новые пути достижения, что развивает их творчество.

Подтверждение выше изложенному, можно найти в сравнении результатов исследований студентов 3-го и 4-го курсов. Приведём некоторые примеры.

Во-первых, уровень вытеснения у студентов третьего курса выше, чем у студентов четвертого курса, а уровень проекции, хотя и высокий, однако все же ниже, чем у первокурсников, соответственно значение по шкале «Взгляд на природу человека» у студентов третьего курса выше и, как следствие, у них выше и уровень спонтанности.

Во-вторых, у студентов обоих курсов уровень самопонимания чуть выше среднего и соответственно у обеих групп ярко выражены механизмы рационализации и отрицания.

В-третьих, уровень компенсации у студентов четвертого курса явно выше выраженности того же механизма у студентов третьего курса, соответственно и уровень креативности у студентов четвертого курса выше.

Анализ значимых корреляционных взаимосвязей в 3-х выборках студентов показывает, что в структуре ИИ студентов 4 курса, по сравнению со студентами 3 курса, обнаружено большее количество много-многозначных связей (20 взаимосвязей против 17): появились 3 новые связи социальной пластичности с ответственностью (G), поведенческим самоконтролем (Q3), а также с социальным статусом. Это свидетельствует о большей зрелости структуры интегральной индивидуальности студентов 4 курса, по сравнению со студентами 3 курса [1].

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы.

1. Особенности проявления защитных механизмов и самоактуализации, тесно связаны с особенностями этапа личностного и профессионального развития, уровня профессиональной активности, особенностями структуры интегральной индивидуальности.

2. У студентов 4 курса выявлен более высокий уровень личностной зрелости и профессионального становления по сравнению со студентами 3-го курса. Уровень самоактуали-

зации, как один из факторов профессионального и личностного становления, и общий уровень психологических защит, как показателя личностной зрелости, несколько выше у 4 курса. В структуре интегральной индивидуальности студентов 4 курса, по сравнению со студентами 3 курса обнаружено большее количество много-многозначных связей, что свидетельствует о большей зрелости её структуры. Было обнаружено, что показатель уровня профессиональной активности превос-

ходит его у студентов 3 курса, что указывает на более высокий уровень профессионального становления у студентов 4 курса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ :

1. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. - 344 с.
2. Мусина В.П. Психология профессиональной активности. Системно-динамический подход. - СПб.: Изд-во СПб ГУ, 2012. - 242 с.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Петрова А.И.,
доктор педагогических наук, профессор,
кафедра методики преподавания математики,
Институт математики и информатики,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Ключевые слова: математическое образование, исторические факты, «линия развития», «поперечный разрез», ортодоксальный подход

Аннотация. В данной статье представлены конкретные явления становления и развития математического образования в России посредством использования исторических фактов по «линиям развития», «поперечного разреза» и ортодоксального подхода.

Становление математического образования в России приходится на эпоху царствования Петра Первого. Император ясно осознавал, что без должного внимания к проблемам образования невозможно решить насущные задачи, вызванные развитием промышленности, торговли, укреплением военной мощи России. Социально-экономические, политические и культурные перемены, происходившие в России (XVIII в.) приводили к расширению сети учебных заведений разных образовательных систем (профессиональной, массовой, духовной, академической, университетской и др.) вплоть до окраин страны. В каждой образовательной системе имело место преподавание математики, но с различной степенью значимости.

Так, например, в Якутии навигационная школа, открытая в 1739 г., была своего рода средним специальным учебным заведением, готовившим технический персонал для экспедиций: штурманов и подштурманов, способных нести морскую службу, снимать разные планы, описывать открываемые земли, морские берега.

Первым вопрос об открытии навигационной школы поднял Витус Иоанассен Беринг (в России его звали Иваном Ивановичем). Витус Беринг еще в апреле 1730 г. после возвращения в Петербург из своей первой Камчатской экспедиции (1725–1730 гг.) подал в Сенат записку о необходимости открытия Навигацкой школы, где казачьи дети обучались бы «всякому морскому обыкновению» для вождения судов от Охотска до Камчатки. Сенат принял предложение Беринга, и уже в 1731 г. главному командору Охотска Григорью Скорнякову-Писареву было предложено завести школу в Охотске для подготовки своих штурманов и матросов. Дело, однако, затянулось. В 1734 г. Беринг, по пути в Сибирь во вторую Камчатскую экспедицию (1733–1743 гг.) нашел в Иркутске ссыльного протонотариуса юстиц-коллегии Гейдерейха и назначил его учителем в будущую школу. Гейдерейх прибыл в Якутск в 1736 г. Беринг, находившийся в это время в Якутске для подготовки экспедиции, предложил якутскому начальству учредить школу в Якутске (вместо предполагавшегося Охотска), «набрав малолетних казачьих детей, кои по-русски читать и писать обучались», чтобы Гейдерейх обучал их далее «арифметике, геометрии, тригонометрии, а потом навигации».

Беринг родился в 1681 г. в Дании. В 1704 г. по приглашению Петра I поступил в русскую морскую службу в чине унтер-лейтенанта (Петру I был рекомендован как уже бывалый моряк: «в Ост-Индии был и обхождение знает»).

До 1724 г. плавал на Балтийском и Азовском морях. В 1707 г. был произведен в лейтенанты, в 1710 г. стал капитан-лейтенантом, в 1724 году – капитаном первого ранга, в 1730 г. – капитан-командором. Прославился как начальник Первой и Второй Камчатских экспедиций. В декабре 1741 года трагически погиб на острове, получившем впоследствии его имя – остров Беринга.

Навигационная школа, открытая в 1739 г., была первым в Якутии специальным учебным заведением. Учащиеся изучали грамматику, арифметику, тригонометрию, геодезию, астрономию, артиллерию и навигацию, а выпускники определялись на службу на побережье Охотского моря. В 1744 г. школа была закрыта, поскольку экспедиция Беринга завершила работу, а Гейдерейх, долгое время не получавший жалованья, бежал в Иркутск. Школа вновь была открыта в 1766 г., 40 учащихся в ней изучали грамматику, арифметику, тригонометрию, геодезию, астрономию, артиллерию и навигацию, а выпускники поступали на службу на побережье Охотского моря [3].

Школа просуществовала до 1792 г. Принятый в то время порядок прохождения «предметов» и «наук», с нашей точки зрения, отличался особенностью: учащиеся вначале проходили «словесную грамоту», потом переходили к письменной. Овладев письменной грамотой, изучали арифметику и только после этого «другие науки» [1]. Основную задачу обучения в то время видели «в научении юношества грамоте, рисовать, писать, арифметике». «При изучении словесной и письменной грамоты» следовало проявлять «великое прилежание» и уделять особое внимание грамматике, правописанию и чистописанию. Детей следовало учить «российским языком» красиво говорить и писать. Телесное наказание запрещалось. Учителя были обязаны «возбудить охоту ко учению» лаской или строгостью. Нерадивых, непослушных и упрямых детей следовало «усмирить удерживанием их лишнего часа в школе, лишением забав в свободные часы, удерживанием от обеда, сажанием во время учения на коленках». При обучении детей учителям рекомендовалось «употребить новейшие методические книги» [1]. Знания учащихся оценивались как «худо», «изрядно», «хорошо» и «очень хорошо». Существовали и другие оценки: «понятный и радетельный к ученью», «не понятен», «непонятный и нерадетельный» [1].

Первый знаменитый русский мореплаватель Беринг был для своего времени человеком передовых взглядов. Он сделал многое по устройству Охотско-Камчатского края, изучению морских путей к Америке и Японии, исследованию и описанию берегов Ледовитого океана. Он первым поставил вопрос и об обучении детей якутов. В своем представленном императрице «Первом предложении» в апреле 1730 г. Беринг писал, что якуты, числом «близко пятидесяти тысяч», народ неглупый, и хорошо бы

поселить среди них одного или двух священников или таких, «чтоб детей учили в школе». Он считал, что охотников отдавать детей в школу «в научение» среди якутов будет много. Только эти школы следует открывать среди поселений самих якутов, поскольку они в город Якутск детей посылать опасаются «ради оспы и другой скорби». Тогда бы из самих якутов вышли свои учителя и священники». Предложение это, видимо, было принято во внимание, так как в сентябре 1732 г. в Якутске был получен указ Иркутской провинциальной канцелярии, в котором предлагалось открыть в Якутске школу для новокрещенных детей и учить их «российскому языку и грамоте». В 1769 г. указ был повторен якутским воеводой Александром Дебриньи (1766–1769 гг.) [1]. При этом разъяснялось, что все это делается в интересах самого местного населения, ибо оно не будет производить лишние расходы на наем писчиков и т. д. В том же 1769 г. иркутский губернатор Адам Иванович Бриль распорядился якутских детей беспрепятственно принимать на учебу «в школу, которая в Якуцке имеетца». В 1771 г. Бриль получил от Московского университета сообщение о заведении «в знатных городах и уездах училищ для одного обучения языкам, истории, географии, математике и прочему». Губернатор повелел якутскому воеводе коллежскому асессору Дмитрию Афросимову (1769–1772 г.) оповестить об этом якутских князцов [1]. Итак, в первой половине XIX века происходит распространение школьного обучения математике по всей России вплоть до ее окраин.

Значительное развитие математического образования в России приходится на советскую эпоху второй половины XIX века.

В 60-е годы прошлого века ведущие ученые страны начали бить тревогу – приток свежих, молодых сил в науку неуклонно сокращался. В различных журналах и газетах печатались пламенные речи и выступления крупных ученых страны М.В. Келдыша, М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева, А.М. Будкера, А.А. Ляпунова, И.Г. Петровского о месте и значении средней школы в системе подготовки научной смены, в подготовке людей, которые могли бы поднять научную целину Сибири. Говорили, что «богата талантливая молодежь Сибирская земля и необходимо отыскать этих даровитых ребят, не ждать, пока Ломоносовы сами придут в университеты». В 1961–62 учебном году в журнале «Математика в школе» было напечатано обращение профессоров-математиков Московского государственного университета ко всем учителям математики и физики средних школ, где ученые-патриоты с тревогой отмечали слабую подготовку средних школ по основам наук. Там же ученые указывали конкретные пути и методы работы с талантами. Газеты опубликовали воззвание Ученого Совета механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова к преподавателям, директорам средних школ, руководителям органов просвещения и самим школьникам, а также призыв участников Всероссийской математической олимпиады школьников.

Так, 18 мая 1962 года вышло специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров», где общеобразовательная школа в системе подготовки научной смены рассматривалась как закономерное звено по выявлению и воспитанию талантов. Отныне наука и жизнь предъявили учительству и школе совершенно

новые требования: учить ребят по учебникам «от и до» уже не годилось. Выявление и воспитание талантов, развитие способностей своих воспитанников – вот что стало профессиональным долгом школьного учителя. Крупные ученые страны начали целенаправленный поиск способных, одаренных детей – научную смену.

Именно в эти годы весь мир с удивлением и с ослабевающим интересом наблюдал за строительством научного центра нового типа в Сибири. Ведущие ученые мира Михаил Алексеевич Лаврентьев, Сергей Львович Соболев, Анатолий Иванович Мальцев и их соратники решили претворить пророческие слова своего великого предшественника, одного из основателей российской Академии наук М.В. Ломоносова о том, что «Российское могущество будет прирастать Сибирью». Они не только своими научными разработками, но и своим непосредственным участием в организации Новосибирского Академгородка решили поднять недостаточно востребованный до этого научный и производственный потенциал Сибири. Если Сибирь раньше представлялась миру как место ссылки декабристов и революционеров, то добровольный переезд ведущих академиков АН СССР из Москвы в сосновый бор с ласкающим слух названием «Золотая долина» на берегу Обского моря было таким же знаменательным событием 60-х годов 20 века, как первый полет Юрия Гагарина в космос и строительство гигантских ГЭС на берегах Ангары и Енисея.

С самого начала Новосибирский Академгородок стал своеобразной «Меккой» для иностранных ученых и журналистов, и опыт его создания несомненно вошел в золотой фонд научного градостроительства. Не случайно, в США, Японии и других странах возникли потом немало научных центров, принципы создания которых имеют сходство с Сибирским отделением АН СССР.

Великий реформатор образования М.А. Лаврентьев считал, что «...Если думать о будущем, исходя из нынешнего состояния дел, то из всех аспектов научно-технического прогресса сейчас наиболее важное значение, на мой взгляд, приобретает подготовка кадров для науки и народного хозяйства. Сегодня задача состоит не просто в том, чтобы открыть дорогу одаренным людям, а в том, чтобы активно искать эти таланты и направлять их воспитание со школьной скамьи». Мудрый М.А. Лаврентьев прекрасно сознавал, что науке, как воздух, нужна связь с живой жизнью, выход в практику. Фундаментальные проблемы, не подкрепляемые новыми идеями из жизни, быстро зашли бы в тупик, но и прикладная наука, в свою очередь, исчерпав запас новых идей, тоже оказалась бы на мели. Вот почему в основу организации новосибирского научного Академгородка были положены следующие 3 принципа: развитие важнейших проблем современной науки, активные связи науки с производством и самое главное – подготовка кадров на уровне передовой науки и техники.

В новосибирском Академгородке академик М. А. Лаврентьев становится организатором первой в мире специализированной школы для подготовки научных кадров. Он заявляет: «... Сейчас уже стало очевидным, что подготовка научных кадров должна начинаться со средней школы. Запас знаний, которыми располагает человечество, растет с небывалой быстротой, и сроки обучения будут неразумно возрастать, если мы не внесем поправки в саму

систему образования. Выход я вижу в раннем определении склонностей ребят с помощью олимпиад и собеседований с учеными, в дальнейшем, в специализированном обучении. Это позволит резко ускорить массовую подготовку научных и инженерных кадров. Когда остро встал вопрос о подготовке квалифицированных рабочих для быстро растущей промышленности, возникли специальные училища, возникла целая система подготовки трудовых резервов. И это оправдало себя. В годы Отечественной войны появились суворовские и нахимовские училища. Армия получила из них хорошее офицерское пополнение. Образованные, хорошо подготовленные люди, пройдя суворовские училища, посвящают свою жизнь обороне страны. Они быстро осваивают новую технику. И это тоже оправдывает себя. Но вот пришло время, когда наука, стараясь поспеть за потребностями нашей быстро развивающейся экономики, стала испытывать нужду в людях. Не одиночки, а коллективы, не отдельные лаборатории, а целые институты и группы институтов помогают ныне новым отраслям промышленности. Это сотни тысяч людей! А скоро будут миллионы... Возможно, со временем у нас в стране появятся училища нового типа. Я бы назвал их «ломоносовскими училищами». Это название, мне думается, отражает и дух нашего времени, для которого романтикой стала наука, и специфику таких школ, и даже, может быть, в какой-то степени биографию ребят, которые придут сюда учиться не только из больших городов, а отовсюду, из дальних мест, как в свое время пришел в науку крестьянский сын Михайло Ломоносов. На мой взгляд, необходимо уже с 7-8 классов школы вводить специализацию, формировать школы и техникумы по склонностям. Не нужно стремиться дать всем стандартную сумму знаний, учить всех по одной программе. Очень показательно в этом смысле выступление по телевидению в передаче для молодежи космонавта Алексея Леонова - он рассказывал, как упрямо отказывался в старших классах учить стенографию, так как твердо решил быть летчиком и хотел больше времени уделить физике. Он своего добился, а сколько ребят через силу занимаются тем, что им в жизни совсем не понадобится! Надо предоставить возможность молодежи с ярко выраженным призванием совершенствоваться в выбранной ею области, помочь постигать вершины своего ремесла, полнее раскрыть свой талант. Есть смысл широко привлекать в школы ученых, инженеров и студентов для чтения докладов, лекций, ведения факультативов, кружков, организации экскурсий на заводы, в совхозы и т.д. Это кое-где делается, но явно в недостаточных масштабах.

Процесс воспитания подрастающего поколения должен начинаться именно с помощи в определении своего призвания. Задача старшего поколения - помочь молодежи найти себя, определить поприще, где наиболее полно могут развернуться их способности и, следовательно, они смогут принести обществу наибольшую пользу.

Разумеется, при воспитании ребят, проявивших определенные склонности, ни в коем случае нельзя забывать об их всестороннем развитии, воспитании патриотизма, политической зрелости, гражданственности, чувства товарищества, коллективизма. Важно как можно раньше приобщать молодежь к общественно полезному труду, добиваться, чтобы она быстрее начинала возвращать обществу долг за свое обучение. Особенно это относится к научной молодежи». (Лаврентьев М.А. Опыты жизни.

50 лет в науке. //Век Лаврентьева. Новосибирск. 2000. Изд. СО РАН. С. 362-364.)

В связи с этим в Сибирском отделении Академии наук были созданы два новых общественных органа: Комитет по проведению олимпиад и Ученый совет физико-математической школы. Комитет должен был заниматься организацией олимпиад для школьников из различных регионов Сибири и Дальнего Востока, а Совету была поручена работа по становлению физико-математической школы. Во главе нового дела М.А.Лаврентьев поставил Алексея Андреевича Ляпунова, математика, члена-корреспондента Академии наук, энтузиаста Сибири и образования. А.А.Ляпунов был назначен первым председателем Ученого совета физико-математической школы.

К концу 1962 г. была проделана огромная работа по организации новой необычной школы. Это был поистине бескорыстный и самоотверженный труд великих ученых: все делалось параллельно с основной работой, вернее, после нее. Но тогда это действительно было естественным, единственно возможным, самым главным и интересным делом их жизни. Любое усилие во благо будущей школы было в радость.

В середине декабря было принято решение Правительства об открытии школы и Совет школы и Совет молодых ученых уже вплотную занялись, в числе многих задач, и кадровым вопросом. Создали комиссию по отбору учителей и воспитателей школы, для которых, кроме всего прочего (рассмотрения документов, характеристик, беседы и т.д.), устраивались настоящие конкурсные экзамены с решением задач олимпиадного характера (для математиков и физиков) и ответами на вопросы из различных областей науки, литературы, искусства. Отбор преподавателей для ФМШ был особо тщательным. 10 января 1963 г. во все концы Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии полетели приглашения первым ученикам ФМШ. 21 января 1963 года – в День рождения ФМШ были прочитаны первые лекции первым ученикам.

23 августа 1963 г. вышло постановление Правительства об организации средних специализированных школ-интернатов физико-математического и химико-биологического профиля при четырех государственных университетах: Киевском, Московском, Ленинградском и Новосибирском. После этого Новосибирская ФМШ получила официальный статус, и стало возможным решать значительное количество вопросов. Так, в 1964 г. приказом Министра высшего и среднего специального образования СССР от 22 июня 1964 года были утверждены «Положение о специализированной школе-интернате при государственном университете» и «Правила приема в специализированную школу-интернат при государственном университете». Набор в физико-математическую школу решено было производить по результатам заочной олимпиады, проводимой по всей территории необъятной Сибири, в том числе и из глубин Якутии [2].

Именно в эти годы, а конкретно с 1963 года, физико-математическое движение широко развернулось по всей Якутии, осуществилась идея проектирования специализированной школы в республике. В этой связи следует особо подчеркнуть деятельность Алексея Михаила Андреевича – народного учителя СССР, основателя первой в Якутии школы с углубленным изучением основ физики и математики, инноватора профильного обучения 60-х годов 20-го

века. Так, в 1974 году Верхневилуйская средняя школа №2 ЯАССР по Постановлению Министерства народного просвещения СССР получила статус республиканской школы с углубленным изучением основ физики и математики. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1982 года за выдающиеся заслуги в воспитании и обучении подрастающего поколения М.А.Алексееву было присвоено звание «Народный Учитель СССР». В 1995 году Верхневилуйская республиканская гимназия, созданная на базе Верхневилуйской средней школы №2, была названа именем М.А.Алексеева.

История математического образования органично вписана в историю культуры, в которой педагогическая культура составляет одну из самых необходимых и важнейших частей, тем более что история образования связана именно с формированием и воспроизведением менталитета, со всей социальной и интеллектуальной историей народов и человечества. Каждый народ складывается в результате своей многовековой истории, и такие науки, чьим объектом являются образование и развитие человека, непременно должны предстать в историческом аспекте. Народного Учителя СССР Алексея Михаила Андреевича и великого ученого Михаила Алексеевича Лаврентьева связывает их педагогическая деятельность, их вера и беззаветная любовь к молодежи. Все эти основополагающие идеи крупного ученого страны М.А. Лаврентьева и Народного Учителя СССР М.А.Алексеева, мы приводим для того, чтобы они служили в качестве эталона Учителя, когда творчество составляет суть его деятельности.

Таким образом, о проблеме профильного обучения по

склонностям заговорили еще в те далекие 60-е годы XX века общепризнанные ученые страны М.А.Лаврентьев, М.В.Келдыш, С.Л.Соболев, А.М.Будкер, А.А.Ляпунов, И.Г.Петровский и другие, которые начали целенаправленный поиск способных, одаренных детей – научную смену. Общеобразовательная школа в этой системе подготовки научной смены рассматривалась как основное звено по выявлению и воспитанию талантов. Математическое образование в нашей стране становилось особенно сильным, фундаментальным, признанным во всем мире.

Цель и задачи математического образования в предстоящие годы – возродить и сохранить сильную российскую систему математического образования сложившуюся со времен Петра Первого

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Петрова А.И. Теоретические основы функционирования системы двуязычного математического образования: Монография. – М.: МГОУ, 2003. – 15,9 п.л.
2. А.И.Петрова. Роль Сибирских математических олимпиад в образовании одаренных детей. (The problem of transition to profile training the mathematics in forthcoming years – to keep the developed fundamental system of mathematical education). // Интеллектуальная и творческая одаренность. Международный научно-методический семинар. Междисциплинарный подход. Рим (Италия), 6-13 апреля 2008. С. 119-129.
3. Записки гидрографического департамента Морского Министерства. – Навигацкие школы в Сибири. - СПб., 1850, – ч. 8.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С ЭНДОМЕТРИОЗОМ И МИОМОЙ МАТКИ

Русановский В.В.,
доктор медицинских наук, профессор,
кафедра психологии,
Санкт-Петербургский университет управления и экономики,
Блох М.Е.,
врач-психотерапевт,
НИИ Акушерства и гинекологии им. Д.О.Отта СЗО РАМН,
Железнов И.А.,
аспирант,
Удодова И.Н.,
аспирант,
Русановский Г.В.,
аспирант,
Санкт-Петербургский университет управления и экономики

Ключевые слова: эндометриоз, миома, полоролевая идентичность, внутриличностный конфликт, личностная незрелость, репродуктивная сфера, бесплодие
Key words: endometriosis, fibroids, sex-role identity, intrapersonal conflict, personal immaturity, reproductive system, infertility

Аннотация. Репродуктивное здоровье женщин заслуживает пристального внимания в связи с ростом и омоложением гинекологических заболеваний. Изучение психологических особенностей женщин с заболеваниями эндометриоз и миома матки выявляет наличие внутриличностного конфликта в репродуктивной сфере этих пациенток, неадекватные способы разрешения конфликта в виде соматизации, нарушения полоролевой идентичности у женщин с эндометриозом по типу искажения, у женщин с миомой по типу незрелости. Результаты исследования доказывают необходимость комплексного подхода с включением психотерапевтической помощи в лечение этих заболеваний.

Reproductive health of women deserves steadfast attention in connection with growth and a rejuvenation of gynecologic diseases. Studying of psychological features of women with diseases the endometriosis and a uterus myoma reveals presence of the intrapersonal conflict in reproductive sphere of these patients, inadequate ways of the resolution of conflict in the form of somatization, violation of sex-role identity at women with an endometriosis as distortion, at women with a myoma as immaturity. Results of research prove necessity of the complex approach with inclusion of the psychotherapeutic help in treatment of these diseases.

Введение.

В связи с социальными и экономическими изменениями, происходящими в обществе на современном этапе, проблема репродуктивного здоровья женщины заслуживает особого внимания. По данным ВОЗ – 30% женщин и 10% мужчин имеют различные нарушения функции репродуктивной системы. В последние годы отмечается неуклонный рост гинекологических заболеваний женщин репродуктивного возраста практически по всем нозологическим формам: эндометриоза и нарушений менструального цикла – на 10%; воспалительных заболеваний, поражающих до 60% женщин – на 3%; рака эндометрия, яичников и молочной железы – на 0,5-1%.

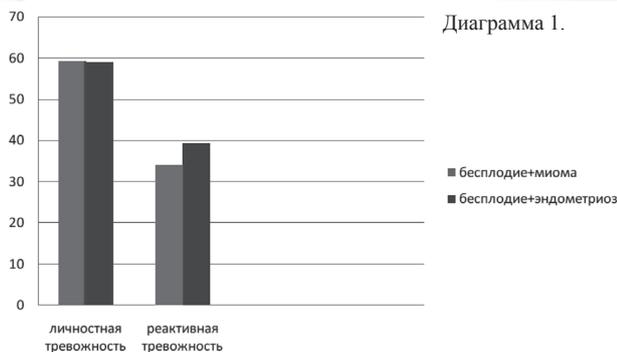
Репродуктивная система представляет собой систему физиологических, телесных и психических механизмов, объединенных для реализации задачи репродукции. Все три составляющие тесно взаимосвязаны друг с другом,

функционируют как единая система и развиваются в онтогенезе как единая система.

В отечественных исследованиях, начиная с 90-х годов интенсивно изучаются психосоматические и психотерапевтические аспекты нарушений репродуктивного здоровья (Г.И. Брехман, А.Е. Волков, Л.Б. Брагина с соавт., В.В. Абрамченко, В. Бройтигам с соавт., О.К. Семенова с соавт., Н.В. Рымашевский с соавт., В.В. Васильева с соавт. и др.). Проведенные исследования позволяют обобщить выявленные психологические особенности женщин с разными формами нарушений репродуктивной функции: общая инфантильность, проявляющаяся в незрелости личностной сферы, искаженной или незрелой полоролевой идентификацией, неадекватные (инфантильные, дезадаптивные) формы реагирования на стрессовые ситуации, эмоциональная неустойчивость, повышенный уровень личностной и ситуативной тревожности, подавленная агрессия разной направленности, осложненные отношения с другими людьми, в первую очередь – близкими, деструктивный опыт отношений с собственными родителями. Это те качества, которые связаны с нарушением психологических механизмов адаптации и проявляются в форме инфантильных или искаженных способов реагирования в ситуациях адаптации, к которым в первую очередь относятся стрессы, изменения жизненной ситуации (физические, физиологические, психологические и социальные) и кризисные периоды развития.

Одним из проявлений общей личностной незрелости и искажения женской идентичности является неготовность к принятию существенной женской и личностной функции – материнства. При этом есть конфликтное отношение между необходимостью (внутренней или внешней) стать матерью и иметь ребенка и возможностью это осуществить. Данный конфликт относится к внутриличностным и проявляется в кризисные для женской идентичности периоды: на протяжении репродуктивного возраста – возможного наступления беременности (В. Бройтигам, Д. Пайнз, Мазурова М.Е., Никольская Т.Н., Макарычева Э.В., Данилов С.А. и др.). Внутренний конфликт в материнской сфере психологически проявляется в деструктивном представлении о материнской роли и в неадекватном образе ребенка,

а тип разрешения внутреннего конфликта представлен в форме соматизации, характеризующейся нарушением репродуктивной функции разной этиологии [1].

Как частный случай нарушения репродуктивной системы в виде гинекологических заболеваний рассмотрим такие заболевания как эндометриоз и миома. В настоящее время два этих грозных заболевания широко распространены среди женского населения репродуктивного возраста, более того, отмечается динамика их «омоложения», то есть они диагностируются у женщин более молодого возраста, готовящихся к материнству, что увеличивает актуальность решения проблемы лечения и профилактики этих заболеваний, особенно с точки зрения профилактики и лечения бесплодия.

И миома матки, и эндометриоз являются наиболее частым показанием к гистерэктомии (удаление матки) от 25% до 50%, что является радикальным методом и полностью лишает женщину возможности быть в дальнейшем матерью, а также наносит глубокую психологическую травму в сфере ее женственности.

Миомой матки страдают 25-30% женщин старше 35 лет, а в последние годы заболевание все чаще обнаруживается в более молодом возрасте (Радзинский В.Е. и др., 2002; Сидорова И.С., 2003; Вихляева Е.М., 2004; Тихомиров А.Л. и др., 2006; John A.R., 1998). До настоящего времени около 50% больных миомой матки в гинекологических стационарах подвергаются оперативному лечению (Краснопольский В.И., 2004; макаров О.В., 2000, La Morte a.J. et al., 1993; Broder M.S. et al., 2000). Это приводит к необходимому бесплодию, утрате менструальной функции, выраженным гормональным нарушениям, вегетососудистым и психоэмоциональным расстройствам (Вихляева е.М., 1997; Адамян Л.В. и др., 1999; кулаков В.И. и др., 2001; Benassi L. et al., 2002)

Эндометриоз – одно из самых распространенных гинекологических заболеваний, по частоте стоящее на третьем месте после воспалительных процессов и миомы матки. Эндометриоз - патологический процесс доброкачественного разрастания в различных органах ткани, сходной по своему строению и функциям с эндометрием - внутренней, отторгаемой во время менструации оболочкой матки. Частота бесплодия при всех локализациях генитального эндометриоза примерно в 3-4 раза превышает частоту бесплодия в популяции, а частота самопроизвольного прерывания беременности (чаще в I триместре) колеблется от 10 до 50%. Развитие эндометриоза происходит на фоне нарушений функционирования «гипоталамо-гипофизарно-яичниковой системы» [2].

Таким образом, миома и эндометриоз относятся к наиболее распространенным заболеваниям женской половой

сферы. Они проявляются в период репродуктивного возраста, то есть затрагивают один из самых важных периодов жизни женщины, связанный с реализацией ее женской роли (сексуальной и репродуктивной). Являются гормонозависимыми заболеваниями, то есть зависят от деятельности эндокринной системы, которая в свою очередь находится в тесной связи с психогенными факторами.

Цель исследования.

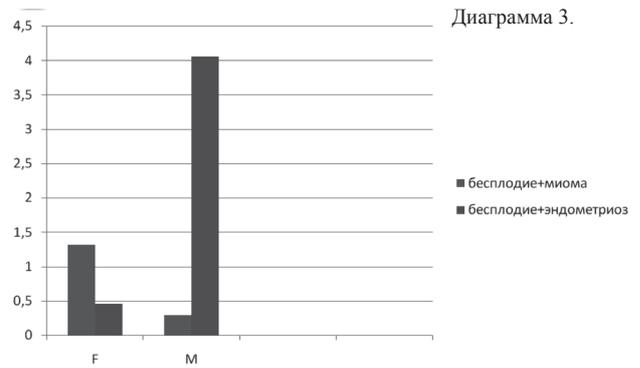
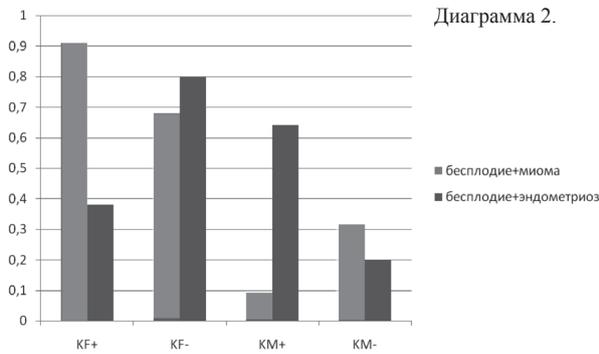
Изучить психологические характеристики женщин с эндометриозом и миомой, страдающих бесплодием. Выявить их особенности и различия в сфере внутрисемейного конфликта, полоролевой и возрастной идентичности, внутрисемейных отношений, различия онтогенеза материнской сферы.

Материалы и методы.

При выполнении данной работы было обследовано 60 женщин, страдающих бесплодием более полутора лет, из них 30 женщин с миомой матки, 30 с эндометриозом. Все женщины находятся в репродуктивном возрасте от 23 до 31 года. Социальный статус – замужем, имеют среднее или высшее образование.

Психологические методы исследования: 1. Диагностика самооценки Спилберга-Ханина. Данное исследование является надежным и информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность как состояние) и личностной тревожности (как устойчивая характеристика человека). Личностная тревожность характеризует устойчивую склонность воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие, реагировать на такие состояния уровнем тревоги. Реактивная тревожность характеризуется напряжением, беспокойством, нервозностью. Очень высокая личностная тревожность прямо коррелирует с наличием невротического конфликта, с эмоциональными и невротическими срывами и с психосоматическими заболеваниями. 2. Проективные рисуночные методики. Применяются для исследования личности в целом или отдельных ее сторон. В основе действия данных методик лежит механизм проекции как приписывания своих чувств, желаний, являющихся неприемлемыми для человека, объекту, находящемуся во вне. Проекция носит неосознаваемый характер и выполняет защитную функцию, смягчая противоречия между истинными (неосознаваемыми) стремлениями человека и социальными нормами, оценками, сознательными убеждениями. Методика «Я и мой будущий ребенок» (Филиппова Г.Г. 2000г.) выявляет особенности переживания ситуации материнства, восприятия себя и ребенка, ценности ребенка. Методика «Моя семья» выявляет особенности внутрисемейных отношений. Интерпретация данных проводится по критериям, принятым в психодиагностике для рисуночных тестов. 3. Вопросник Сандры Бэм по изучению маскулинности – фемининности (Sandra L. Bem, 1974) для диагностики психологического пола, определяет степень андрогинности, маскулинности и фемининности личности. 4. Психологический тест «Возраст. Пол. Роль» (В. Юстицкис, Э.Г. Эйдмиллер, С.В. Кудрявцева). Теоретическое обоснование метода опирается на особенности субъективного зрительного восприятия, влияния на восприятие механизмов идентификации, переноса, категоризации и психологических установок. Тест ВПР позволяет сделать заключение о том, как субъект воспринимает себя в аспекте пола и возраста, свою половую роль в данной системе отношений и как он к этой роли от-

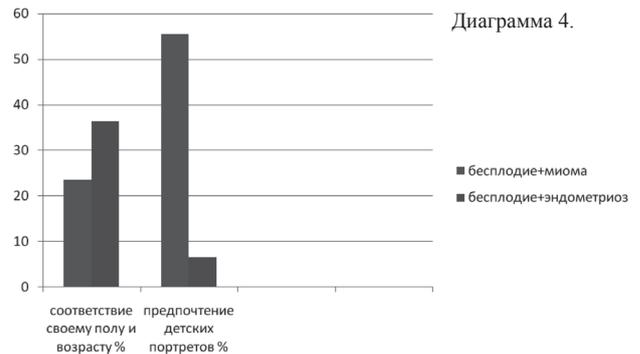

носится. 4. Анализ данных семейного, жизненного анамнеза, анамнеза болезни.

Результаты и их обсуждение.

Для всех женщин в проективных методиках «Я и мой будущий ребенок» выявлены: наличие внутрличностного конфликта в материнской сфере, неадекватное восприятие материнской сферы, отношение к материнской функции, как к трудности, ценность ребенка или очень низкая или неадекватно высокая, выраженная тревожность. По результатам методики «Моя семья» выявлены: эмоциональная неустойчивость, осложненные отношения с другими людьми, в первую очередь с близкими, для женщин с эндометриозом - преимущественно доминирующая, активная позиция по отношению к супругу, в большинстве случаев повышенная значимость сексуальной сферы; для женщин с миомой – зависимые отношения, опекающая роль по отношению к супругу, в то же время выраженная инфантильность.

По результатам теста Спилберга-Ханина среднее значение личностной тревожности для женщин с миомой – 59,3 (высокий уровень), для женщин с эндометриозом – 59 (высокая тревожность). Среднее значение реактивной тревожности: группа с миомой – 34,1 (умеренная тревожность), группа с эндометриозом – 39,3(умеренная тревожность).

Таким образом, высокий уровень личностной тревожности при умеренной реактивной тревожности может говорить о наличии невротического конфликта, эмоциональных переживаний, психосоматической природе гинекологического заболевания (Диаграмма 1).

По результатам изучения черт маскулинности-феминности, все женщины (100%) были отнесены к группе андрогинности, то есть у них выражено проявление одновременно и мужских и женских качеств, причем женщины с миомой матки по результатам теста оказались с преобладанием фемининных (все пациентки выделили заботу о людях, понимание, любовь к детям) качеств, а женщины с эндометриозом – маскулинных качеств (агрессивность, дух соревнования, независимость). Средние значения для групп по индексу IS представлены в таблице:

Группы	Индекс IS
1 группа (миома+бесплодие)	+0,9
3 группа (эндометриоз+бесплодие)	-0,78

При обработке результатов теста «Возраст.Пол.Роль» использовалось вычисление следующих коэффициентов: KF+ (взвешенный коэффициент предпочитаемых женских портретов), KF- (взвешенный коэффициент отвергаемых женских портретов), KM+ (взвешенный коэффициент предпочитаемых мужских портретов), KM- (взвешенный

коэффициент отвергаемых мужских портретов). Относительные коэффициенты F=(KF+): (KF-); M=(KM+): (KM-). Также высчитывалось процентное содержание встречаемости в выборке портретов своего пола и возраста и процентное содержание предпочитаемых детских портретов.

В группах с различными заболеваниями миома и эндометриоз наблюдаются значимые различия в предпочитаемых портретах. Для групп с диагнозом миома – предпочтение женских портретов (KF+) значимо достоверно (U=36 при p=0,003), что говорит о большей идентичности с женской группой, в группах с эндометриозом – большее предпочтение мужских портретов (KM+) значимо достоверно (U=38 при p=0,0001), что может указывать на нарушение полоролевой идентичности по типу искажения. Значимых различий во взвешенных коэффициентах KF- и KM-, то есть в выборе отвергаемых портретов не выявлено (Диаграмма 2).

При сравнении относительных коэффициентов F (U=67 при p=0,0006) и M (U=54 при p=0,0001) отмечается значимое различие также в группах с разными заболеваниями. Для женщин, страдающих миомой матки, характерна идентичность с женской группой, для женщин, страдающих эндометриозом, идентичность с мужской группой (Диаграмма 3).

Значимость различия выборов портретов, соответствующих своему полу и возрасту подтверждается математической статистикой: при сравнении групп с разными заболеваниями: у женщин с эндометриозом наблюдается чаще соответствие своему полу и возрасту (U=67 при p=0,016), а женщины с диагнозом миома сравнительно чаще выбирают группу, не соответствующую их возрасту, а относящуюся к детской группе (U=25,5 при p=0,00001), что может говорить о наличии инфантильных черт личности (Диаграмма 4).

Для выявления корреляционных связей использовался метод математической статистики с определением крите-

рия Спирмена. Выявлены: прямая корреляция личностной и реактивной тревожности ($R=0,34$ при $p=0,03$); прямая корреляция наличия фемининных черт и идентификации с женской группой по коэффициенту KF+ ($R=0,73$ при $p=0,0000$), отвергаемости мужских портретов F ($R=0,78$ при $p=0,0000$), предпочтения детских портретов ($R=0,58$ при $p=0,0001$). Обратная корреляция наличия фемининных черт и отвергаемости женских портретов KF- ($R= -0,35$ при $p=0,2$), предпочтения мужских портретов KM+ ($R= -0,72$ при $p=0,0000$), идентификация с мужской группой M ($R= -0,78$ при $p=0,0000$), соответствия своему полу и возрасту ($R= -0,34$ при $p=0,03$).

Анализ анамнестических данных, сбора информации при беседе с психологом, динамики психотерапевтической работы с женщинами, во многом подтверждает результаты проведенного исследования, обращает на себя внимание наличие следующих психологических особенностей женщин: недостаточность психологической готовности к родительству, искажение поло-ролевых и возрастных позиций. При исследовании онтогенеза родительской сферы женщин, страдающих эндометриозом, выявились следующие особенности: неудовлетворяющие отношения с матерью в детстве, как правило, холодные; идентичность по ролевой позиции не с матерью, а с отцом; часто женщины занимали мужскую супружескую позицию по отношению к матери, (а позднее – в своей нуклеарной семье в отношениях с супругом). В результате чего был изменен гендерный сценарий, психофизиологические проявления женственности были подавлены. Ярко выражены такие качества как доминантность, агрессивность, соревновательность, гиперответственность, стремление к доминированию в семейных отношениях, сексуальные дисгармонии. Для женщин с миомой матки характерным оказалось стремление занимать материнскую позицию к замещающим объектам, которыми могут выступать собственная мать женщины, с которой часты тесные эмоциональные связи, симбиотические отношения, или сиблинги женщины (комплекс «маленькой мамы»), или собственная болезнь миома как объект, о котором надо заботиться, переживать, оказывать ему внимание, замещая при этом собственного реального ребенка. Материнство воспринимается как трудность, выраженная тревога за ребенка, родительское отношение по типу гиперпекающего. У этих женщин выражены такие фемининные качества как стремление оказывать заботу, эмоциональное отношение к детям и т.п.

Заключение.

Женщины, страдающие бесплодием и имеющие миому и эндометриоз имеют внутриличностный конфликт в материнской сфере, неадекватное восприятие материнской роли и ценности ребенка. Высокий уровень личностной на фоне умеренной реактивной тревожности также свидетельствует о наличии невротического конфликта. Эмоциональная лабильность, инфантильность, неадекватные способы реагирования на стресс, личностная незрелость в сочетании с неудовлетворяющими диадическими (мать-дети) отношениями в анамнезе говорят о наличии склонности к неадекватным способам разрешения внутриличностного конфликта, в том числе и к соматизации.

В последние годы показано, что взаимоотношения с матерью в раннем возрасте влияет на формирование физиологических адаптационных механизмов, психологических

ипсихосоматических особенностей человека с самого начала его развития. Многочисленные исследования в области психосоматики и других нарушений физического развития доказали, что в качестве катализатора неблагоприятных условий развития выступает снижение адаптационных способностей ребенка, которые являются следствием его базового эмоционального неблагополучия, создаваемого условиями девиантного (отклоняющегося) материнского отношения (Р. Шпиц). Таким образом, репродуктивная система может стать тем «слабым органом», который оказывается локусом соматизации (как способ разрешения конфликта).

У женщин с миомой и эндометриозом нарушена полоролевая идентификация, на основе которой формируется стратегия защиты от фрустрирующей ситуации материнства: у женщин с эндометриозом – нарушение полоролевой идентичности по типу искажения, идентификация с фигурой отца, подавление и аутоагрессия на женскую (материнскую) роль; у женщин с миомой – нарушение полоролевой и возрастной идентичности по типу незрелости, родительское отношение к замещающим фигурам (матери, сиблингам (синдром маленькой мамы), мужу, собственной болезни).

В связи с вышеизложенными результатами исследования видится необходимость комплексной терапии женщин с нарушениями репродуктивной функции, с обязательным включением психотерапевтической помощи, целью которой является психокоррекция диадических нарушений, формирование адекватной полоролевой идентичности, принятие своей женской части (как сексуальной, так и материнской), осознание ценно-смысловых ориентаций, осознание внутриличностного конфликта в реализации репродуктивной функции. На основании знаний о психологических особенностях женщин с различными нозологическими формами гинекологических заболеваний возможно более эффективное определение мишеней психотерапевтической помощи. С профилактической целью сохранения репродуктивного здоровья женщины необходима своевременная диагностика и коррекция нарушенных диадических отношений, психологическая поддержка семьи, формирование у подрастающего поколения ценности семьи и ребенка, ценно-смысловых ориентаций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Филиппова Г.Г. Нарушение репродуктивной функции и ее связь с нарушениями в формировании материнской сферы // Журн. практ. психолога – 2003 – №3 – С.6.
2. Ярмолинская М.И., Сельков С.А. Особенности планирования и ведения беременности у женщин с генитальным эндометриозом // Журн. акушерства и женских болезней – 2011 – Т. LX, №3 – С.176.
3. Александр Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и применение. – М., 2004.
4. Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С. Психосоматические расстройства и патологические привычные действия у детей и подростков. – М., 2000.
5. Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии, №1, 2002, с. 59-69.
6. Добряков И.В. Перинатальные аспекты психологии

и психотерапии семьи \ Эйдмиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. – СПб., 2003, с. 104-140.

7. Крайг Г. Психология развития. – СПб., 2000.

8. Леус Т.В. Представление женщины о себе как о матери до и после родов. Автор. дисс. канд. психол. наук, М., 2001.

9. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. – СПб., 1997.

10. Филиппова Г.Г. Психология материнства. Учебное пособие.– М., 2000.

11. Фрейд З. Психология бессознательного. – М., 1989.

12. Шпиц Р. А., Коблинер Р.Г. Первый год жизни. – М., 2000.

ПОСТРОЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА СРЕДСТВАМИ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Самойленко О.Б.,
старший преподаватель,
Академия ФСО России

Ключевые слова: теоретическая модель, профессиональная компетентность, самостоятельная работа, военный вуз, организационно-педагогические условия

Keywords: theoretical model, professional competence, independent work, military high educational institute, organizational-pedagogical conditions

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты, связанные с проектированием и построением теоретической модели формирования профессиональной компетентности курсантов военного вуза средствами организации самостоятельной работы. Представлено описание структуры, имеющихся системообразующих связей, а также краткое содержание основных компонентов теоретической модели, включающей: целевой, содержательно-процессуальный и результативно-оценочный блоки, а также комплекс организационно-педагогических условий самостоятельной работы курсантов.

The article considers the aspects connected with designing and construction of theoretical model formation of cadets' professional competence of military high educational institute by means of organizing independent work. The structure description, system communications connections and also the summary of the basic components of the theoretical model including the purpose, substantial and productive-estimated blocks, as well as the complex of organizational-pedagogical conditions of cadets' independent work are presented.

Происходящие в последнее время преобразования в системе военного образования оказались непосредственным образом связаны с переориентацией образовательной парадигмы и интеграцией российской системы высшего профессионального образования в мировое образовательное пространство. В основу новой образовательной парадигмы был заложен компетентностный подход, который потребовал разработки и в дальнейшем внедрения государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения. В то же время, переход на новые образовательные стандарты вызвал необходимость увеличения доли самостоятельной работы по отношению к аудиторным занятиям и, как следствие, соответствующей реорганизации учебного процесса, модернизации учебно-методических комплексов, разработки новых дидактических подходов для глубокого самостоятельного освоения учебного материала и других мер, которые непосредственным образом коснулись, в том числе, и системы высшего военного профессионального образования.

Актуальность, обусловленная повышением роли самостоятельной работы обучающихся, в сочетании с необходимостью реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании, позволяет говорить о том, что существует социальный заказ на формирование профессиональной компетентности специалистов как интегративного качества личности и рассматривать самостоятельную работу будущих военных специалистов в качестве одного из средств формирования их профессиональной компетентности.

Педагогическое исследование системы формирования профессиональной компетентности курсантов военного вуза средствами организации самостоятельной работы диктует необходимость выбора наиболее оптимального метода научного познания, который позволяет адекватно отразить в целях и содержании процесса профессиональной подготовки в военном вузе требования, предъявляемые обществом в целом и соответствующими силовыми структурами, в частности, к уровню профессиональной компетентности будущих специалистов. В качестве такого метода предлагается использовать метод моделирования, который нашел свое отражение и активно применялся в теоретических психолого-педагогических исследованиях последних десятилетий.

Сущность метода моделирования заключается в установлении подобия явлений (аналогии), адекватности одного объекта другому в определенных отношениях и на этой основе превращения более простого по структуре и содержанию объекта в модель более сложного (оригинал). При этом модель используется как вспомогательное средство, которое в процессе познания, исследования дает новую информацию об основном объекте изучения [6]. Другими словами, моделирование, как метод научного познания, представляет собой воспроизведение характеристик некоторого объекта на другом объекте, специально созданном для их изучения.

Процесс создания модели большинство ученых рассматривают в качестве условий успешного представления системы и определяют его как «отображение фактов, вещей и отношений определенной области знания в виде более простой и более наглядной материальной структуры этой области или другой области» [2].

Таким образом, модель выступает как своеобразный инструмент познания, который исследователь помещает между собой и объектом и с помощью которого изучает интересующий его объект. В итоге работа с моделями позволяет исследователю получить новую информацию об объектах и закономерностях, недоступных для познания другими методами и способами.

Стоит заметить, что в отечественной педагогике моделирование профессиональной деятельности специалиста рассматривается в качестве одного из перспективных путей повышения эффективности образовательного процесса. Под моделью деятельности в этом случае понимается системное описание субъекта деятельности и связанных с ним объектов и сред, в которых деятельность осуществляется [9]. При этом модель специалиста можно представить как некий идеальный эталон его подготовки в военном вузе.

Под моделью формирования профессиональной компе-

тентности будущих военных специалистов будем понимать «систему элементов, раскрывающих структурно-функциональный состав всесторонней подготовки и становления курсантов, способствующую активизации процесса включения их в учебно-профессиональную деятельность и формированию у них способностей и готовности к освоению материала учебных дисциплин, умения использовать его научное содержание в качестве методологического, теоретического и информационно-технологического средства разрешения учебных и профессиональных задач, обоснования и выполнения целевых видов познавательной и профессиональной деятельности» [8].

Разработанная нами теоретическая модель формирования профессиональной компетентности курсантов военного вуза средствами организации самостоятельной работы представляет собой совокупность закономерных, функционально связанных элементов, составляющих определенную целостную систему, и рассматривается с учетом позиций деятельностного, контекстного, компетентностного, личностно-ориентированного, системного и технологического подходов. Выделение компонентов в данной модели обеспечивает возможность более четкого представления целенаправленного процесса формирования профессиональной компетентности курсантов военного вуза средствами организации самостоятельной работы. В качестве основных компонентов, которые включает в себя представленная теоретическая модель (см. рисунок), выделим: целевой, содержательно-процессуальный и результативно-оценочный блоки, а также комплекс организационно-педагогических условий самостоятельной работы курсантов.

Проанализируем последовательно каждый из представленных выше составляющих компонентов теоретической модели более подробно, при этом рассмотрим их структуру, краткое содержание, значимость, а также имеющиеся системообразующие связи.

Первоначально остановимся на целевом блоке анализируемой теоретической модели, поскольку именно здесь берет свое начало суммарный вектор, подчиненный генеральной цели и направленный на конечный результат профессиональной подготовки курсантов в военном вузе. При этом в качестве генеральной цели в настоящей модели определена необходимость формировать профессиональную компетентность курсантов военного вуза, которая рассматривается нами через призму процесса самостоятельной работы обучающихся, являющейся составным компонентом сложного процесса профессиональной подготовки курсантов в целом.

Необходимо заметить, что основой целеполагания в теоретической модели является социальный заказ общества в лице государства на подготовку профессионально-компетентных квалифицированных специалистов. Следует пояснить, что социальный заказ государства на подготовку военных специалистов реализуется через систему требований, предъявляемых к содержанию профессиональной деятельности офицерских кадров, которые определены в государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) и ведомственных дополнениях, которые разрабатываются различными силовыми ведомствами государства. В свою очередь из совокупности общих требований ФГОС ВПО для различных специальностей и требований ведомственных дополнений формируются требования, обязательные для

реализации, которые закладываются в основные образовательные программы (ООП) подготовки военных специалистов по различным направлениям (специальностям), определяя системный уровень целеполагания. Таким образом, цели системного уровня представляют собой общие дидактические цели профессиональной подготовки будущих специалистов, основаниями отбора которых собственно и являются требования ООП.

Заметим, что системный уровень является по существу вершиной «дерева целей», которое можно представить в виде сложного графа, и отражает основные средствами организации самостоятельной работы

требования к будущему специалисту, так как цели подготовки имеют явно выраженный общий социальный характер. Целевая установка в данном случае носит весьма обобщенный и неконкретный вид, что требует от профессорско-преподавательского состава (ППС) серьезной работы по ее детализации и привязке к целям подготовки в военном вузе специалиста требуемого профиля по конкретной специализации [18]. Иерархическая детализация целей системного уровня для решения частных задач обучения происходит на более низких уровнях целеполагания: предметном, модульном и конкретном.

Предметный уровень целеполагания предполагает формулирование дидактических целей для изучения в военном вузе конкретной учебной дисциплины, т. е. цели данного уровня вытекают из требований, заложенных в учебных программах дисциплин. Вместе с тем, цели данного уровня имеют существенный недостаток, который связан с тем, что их формулировки, также как и цели системного уровня, носят общий характер. Разрешение этого противоречия возможно на более низких уровнях детализации целей обучения.

Следующим более низким уровнем целеполагания является модульный уровень, который, с одной стороны, вносит вклад в реализацию общих целей, с другой, – позволяет произвести значительную детализацию в пределах предметного модуля. В качестве модуля обучения, как правило, выбирается тема или раздел учебной дисциплины, которые определенным образом вписываются в общую структуру учебного плана конкретного вуза. Задание целей обучения применительно к смысловой части учебной дисциплины, охватывающей содержание темы, имеет существенное значение, так как именно тема является наиболее характерной смысловой частью практически любой учебной дисциплины, овладение которой позволяет получить требуемые знания, приобрести необходимые умения и навыки, выработать профессионально значимые личностные качества (ПЗЛК), а также сформировать необходимые компетенции, присущие для будущего военного специалиста. В соответствии с деятельностной концепцией обучения цели изучения темы, как правило, формулируются в умениях выполнять действия на требуемом уровне их усвоения, что нацеливает обучающихся на конкретное овладение изучаемым материалом с требуемым качеством.

Необходимо подчеркнуть, что детализация целеполагания, достигнутая на модульном уровне, в некоторых случаях бывает недостаточной, в особенности, если речь идет о применении технологии обучения. В таких случаях возникает объективная необходимость перевода целеполагания на более конкретный уровень, на котором частно-дидактические цели приобретают формулировки, позволяющие

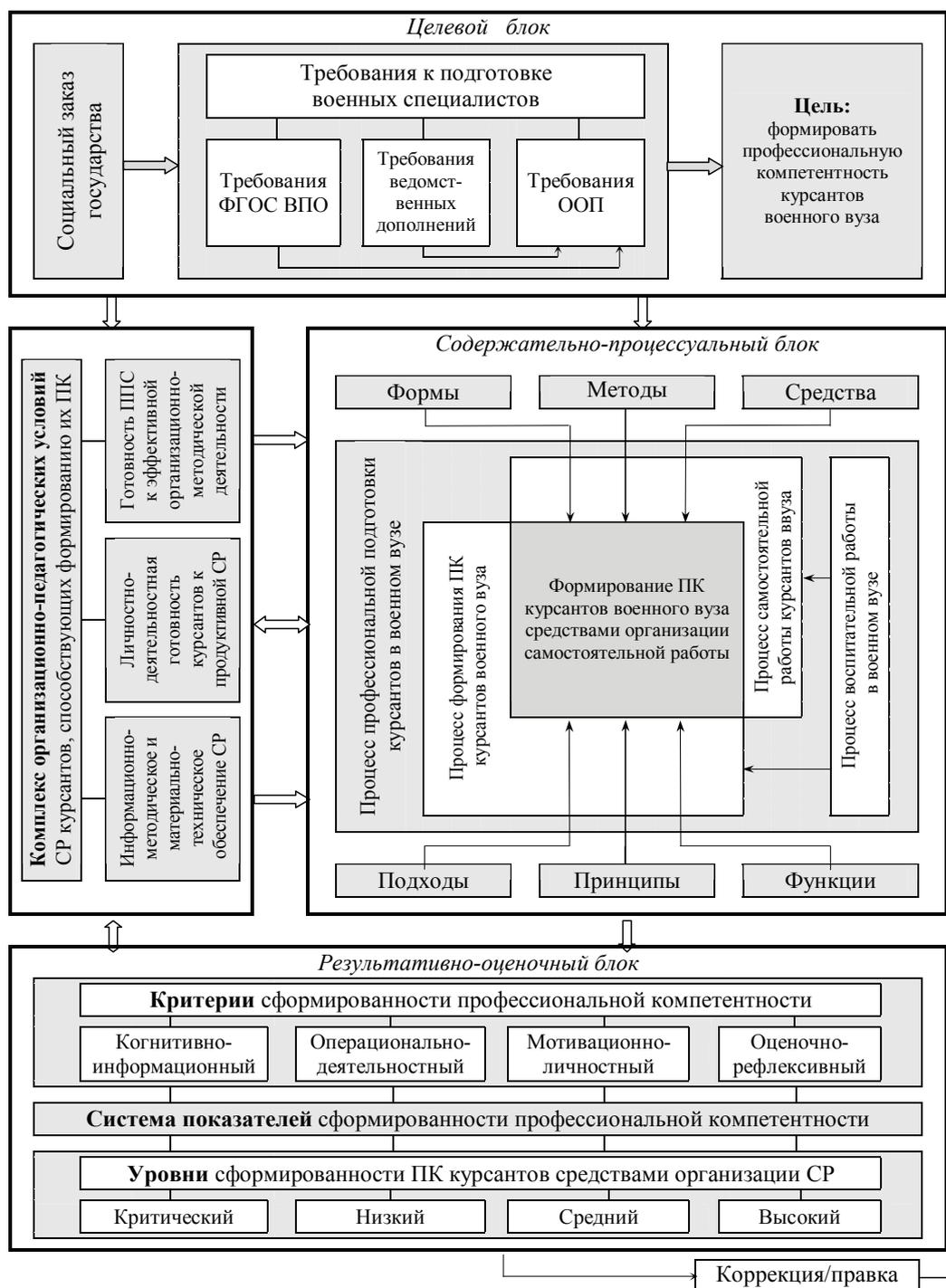

Рисунок. Теоретическая модель формирования ПК курсантов военного вуза средствами организации самостоятельной работы

щие педагогу, реализующему технологию обучения, с наибольшей точностью диагностировать степень достижения конкретных дидактических целей. Конкретный уровень целеполагания соотносится с дидактическими целями, которые регламентируют самостоятельную учебно-познавательную деятельность курсантов, осуществляемую в рамках подготовки к конкретному виду учебного занятия в период их организованной самостоятельной работы (СР). Максимальная конкретизация (детализация) преподавателем целей работы обучающихся позволяет описать результат их познавательной деятельности настолько подробно, что это описание подводит к способу контроля (оценки) – как текущего, так и итогового.

После определения дидактических целей для их достижения возникает необходимость отбора соответствующего содержания. При этом содержание обучения целесообразно рассматривать как специально отобранную и признанную государством систему знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых будущему специалисту для эффективного осуществления профессиональной деятельности. В содержании обучения учитывается также специфика специальностей и специализаций, по которым организована подготовка в вузе. В свою очередь содержательная сторона обучения в военном вузе определяется характером будущей военно-профессиональной деятельности выпуск-

ника и отражается в содержании учебных дисциплин, которые включены в учебные планы подготовки конкретного военного специалиста.

На наш взгляд, в современных условиях развития высшего профессионального образования отбор содержания наиболее целесообразно проводить на основе теории дидактического единства содержательной и процессуальной сторон обучения. В связи с этим, представляется возможным рассматривать аспекты содержательной и процессуальной сторон обучения в рамках соответствующего объединенного блока теоретической модели.

Таким образом, следующим к рассмотрению в структуре модели представлен содержательно-процессуальный блок, который находится в тесной взаимосвязи с целевым и результативно-оценочным блоками, а также с комплексом организационно-педагогических условий.

С позиции деятельностного подхода к формированию профессиональной компетентности курсантов предполагается практико-ориентированная направленность используемого содержания в процессе самостоятельной работы обучающихся. При этом, процесс формирования профессиональной компетентности курсантов военного вуза средствами организации СР рассматривается нами как специфический вид учебной деятельности, направленный на самого обучающегося, на формирование его личности как профессионала. Данную деятельность составляют когнитивный, деятельностно-практический и мотивационно-личностный компоненты, которые, по нашему мнению, характеризуют содержательную сторону рассматриваемого блока теоретической модели.

Процессуальная сторона блока определена внутренними механизмами, обеспечивающими целостный процесс профессиональной подготовки курсантов, включающий в качестве основных составных частей следующие взаимосвязанные между собой процессы: формирования профессиональной компетентности, самостоятельной работы, а также воспитательной работы в военном вузе. При этом процесс формирования профессиональной компетентности курсантов в военном вузе подчинен генеральной цели, обозначенной выше в структуре целевого блока модели, и реализуется посредством целостной функционирующей в пределах военного образовательного учреждения системы обучения, которая включает в себя, с одной стороны, весь спектр учебных занятий, проводимых в этой системе (аудиторная составляющая), а, с другой, самостоятельную работу курсантов, осуществляемую ими во внеаудиторное время, предусмотренное и строго регламентируемое распорядком дня, установленным в военном вузе. Таким образом, обобщая высказанные выше позиции, можно сделать вывод о том, что обозначенные в модели процессы, благодаря высокой степени своей интеграции, взаимосвязи и взаимозависимости, позволяют нам условно выделить в качестве ядра рассматриваемой теоретической модели область, характеризующую деятельность, направленную на формирование профессиональной компетентности курсантов военного вуза средствами организации самостоятельной работы.

В содержательно-процессуальном блоке также определяются формы, методы и средства СР курсантов, направленные на формирование их профессиональной компетентности, отражая организационный компонент теоре-

тической модели, а также подходы, принципы и функции, характеризующие ее процессуальную сторону.

При выборе основных форм организации СР курсантов в военном вузе, мы исходили из того, что применительно к дидактике высшей военной школы, форма (от латинского «forma» – внешний вид, оболочка) отражает систему устойчивых связей компонентов внутри каждого цикла обучения, зависит от количества обучающихся, места и порядка проведения занятий и представляет собой специальную конструкцию процесса обучения, характер которой обусловлен его содержанием, методами, приемами, средствами и видами деятельности курсантов [11].

Справедливо будет заметить, что самостоятельная учебно-познавательная деятельность (СУПД) обучающихся неотъемлемо присутствует в той или иной мере на всех этапах процесса обучения, включая период проведения аудиторных занятий (лекций, практических и групповых занятий, лабораторных работ, самостоятельных работ под руководством преподавателя и т.д.) и внеаудиторное время. С этих позиций в теоретической модели речь идет о внеаудиторной форме самостоятельной работы.

Учитывая сложившиеся в педагогической теории и практике классификации форм обучения в целом и самостоятельных работ в частности, мы считаем возможным выделить в процессе внеаудиторной самостоятельной работы курсантов следующие формы: индивидуальную, групповую и коллективную. Необходимо иметь в виду, что указанные формы внеаудиторной СР, как правило, используются не в «чистом» виде, а в различном сочетании друг с другом, кроме того, они взаимосвязаны с элементами самостоятельной работы, организуемой в ходе проведения различных форм аудиторных занятий в системе профессиональной подготовки курсантов в военном вузе.

При выделении методов (от латинского «metodos» – путь, способ достижения цели), прежде всего, следует акцентировать внимание на том, что самостоятельная работа курсантов сама по своей сути является методом обучения.

Анализ различных библиографических источников позволил выделить из общего числа такие методы обучения, которые представляется возможным использовать при организации СР курсантов; в частности, к ним можно отнести следующие методы: частично-поисковый (эвристический) и проблемно-поисковый; исследовательский; интерактивный и демонстрационно-иллюстративный; упражнения и др.

Остановив внимание на средствах, применение которых в той или иной мере обеспечивает процесс внеаудиторной самостоятельной работы курсантов, прежде всего, следует выделить следующие из них:

- дидактические комплексы информационного обеспечения (ДКИО) учебных дисциплин, в состав которых включены: комплект средств информационной поддержки (электронные учебники и пособия, материалы лекций и других видов занятий, средства динамической визуализации и мультимедиа, автоматизированная информационная справочная система), комплект методических материалов (методические рекомендации курсантам для СР, задания для подготовки к отдельным видам занятий и др.), система контроля и оценки уровня профессиональной подготовки обучающихся;

- основная и дополнительная учебно-методическая

литература (учебники, учебные, учебно-методические и справочные пособия, периодические издания в контексте изучаемой предметной тематики);

- комплекты учебно-познавательных задач, дифференцированные по степени сложности;
- технические средства обучения (персональные компьютеры, оснащенные современным программным обеспечением, тренажеры, приборы, макеты, стенды и др.).

Следует подчеркнуть, что средства организации СР курсантов тесно взаимосвязаны с организационно-педагогическими условиями этой работы, которые будут рассмотрены ниже.

Далее, выделим в структуре содержательно-процессуального блока принципы (от латинского «*principium*» – начало, основа), которыми необходимо руководствоваться при организации внеаудиторной СР курсантов.

Анализ различных литературных источников из общей совокупности позволил выделить следующие основные принципы, которые, по нашему мнению, в определенной мере должны быть учтены при организации СР курсантов в военном вузе: принцип сознательности, активности и самостоятельности обучающихся; наглядности; последовательности и систематичности; обучения на высоком уровне трудности; индивидуального и дифференцированного подхода к обучению, а также соответствия обучения возрастным особенностям обучающихся; связи теории с практикой и прикладной направленности; прочности усвоения знаний и овладения компетенциями; обратной связи; а также единства обучения и воспитания.

Завершая рассмотрение содержательно-процессуального блока теоретической модели, с учетом представленных выше форм, методов, средств и принципов, необходимо в структуре модели выделить следующие функции процесса формирования профессиональной компетентности курсантов военного вуза, характерные для процесса их СР: воспитательную, инновационную, информационную, контрольно-оценочную, обучающую, развивающую и самообразовательную.

В ходе построения теоретической модели необходимо обратить особое внимание на комплекс организационно-педагогических условий самостоятельной работы курсантов, способствующих формированию их профессиональной компетентности, от соблюдения которых в военном вузе, по нашему мнению, в значительной мере будет зависеть эффективность функционирования целостной системы формирования профессиональной компетентности будущих военных специалистов средствами СР с точки зрения достижения оптимального результата.

Анализ значительного числа различных источников [4, 7, 10, 13, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22 и др.], посвященных проблеме организации внеаудиторной СР в высших профессиональных образовательных учреждениях (литература; результаты научно-педагогических исследований по указанной проблеме, отраженные в монографиях, диссертациях, сборниках научно-практических конференций, научных статьях; а также положения, инструкции и другие документы, регламентирующие самостоятельную работу в различных вузах) позволил нам выявить наиболее существенные и значимые организационно-педагогические условия СР курсантов и по определенным классификационным признакам условно разделить их на несколько групп,

которые стали основой соответствующего компонента теоретической модели и были включены в его структуру.

В качестве основных групп комплекса организационно-педагогических условий СР курсантов, способствующих формированию их профессиональной компетентности, следует выделить: информационно-технологическое и материально-техническое обеспечение СР курсантов; личностно-деятельностную готовность курсантов к продуктивной СР; а также готовность профессорско-преподавательского состава к осуществлению эффективной организационно-методической деятельности, направленной на функционирование и совершенствование процесса СР курсантов с целью формирования их профессиональной компетентности.

Информационно-технологическое обеспечение СР курсантов включает следующие условия:

- применение дидактических комплексов информационного обеспечения учебных дисциплин;
- обеспеченность в необходимом количестве основной и дополнительной учебно-методической литературой из библиотечного фонда вуза;
- применение учебно-познавательных задач, дифференцированных по степени сложности;
- использование технологических карт, определяющих траекторию самостоятельной учебно-познавательной деятельности курсантов.

Материально-техническое обеспечение СР курсантов включает:

- наличие аудиторного фонда для самостоятельной работы курсантов, оборудованного персональными компьютерами с соответствующим современному уровню развития программным обеспечением;
- оснащенность учебных аудиторий необходимым оборудованием и наглядными средствами обучения.

Готовность ППС к осуществлению эффективной организационно-методической деятельности, направленной на функционирование и совершенствование процесса СР курсантов с целью формирования их профессиональной компетентности, включает перечень следующих условий:

- готовность к разработке и модернизации ДКИО учебных дисциплин;
- технологический подход к организации СР курсантов;
- использование приемов активизации самостоятельной учебно-познавательной деятельности курсантов;
- владение приемами организации СР курсантов, требующими высокого педагогического мастерства и особых личностных качеств;
- установление и реализация межпредметных связей в системе смежных учебных дисциплин;
- организация контроля СР курсантов;
- планомерное консультирование курсантов по вопросам организации СР, а также по вопросам, вызывающим затруднения в их самостоятельном разрешении;
- целенаправленное управление СУПД курсантов на всех этапах формирования их профессиональной компетентности;
- обеспечение мотивационно-ценностного отношения курсантов к усвоению содержания учебных материалов в процессе их СР;
- осуществление мониторинга процесса формирования профессиональной компетентности курсантов.

Личностно-деятельностная готовность курсантов к продуктивной самостоятельной работе включает такие условия как:

- информационная готовность курсантов, характеризующаяся умением работать с приложениями ДКИО учебных дисциплин;
- способность курсантов эффективно работать с литературными источниками;
- осознание курсантами целей самостоятельной работы, ее значимости в процессе формирования профессиональной компетентности, наличие мотивации к усвоению содержания учебного материала в контексте будущей профессиональной деятельности;
- рациональное распределение бюджета времени на СР;
- готовность курсантов к индивидуальной самостоятельной работе и отчетности перед преподавателем о ее результатах;
- готовность курсантов работать в команде, т.е. к совместной деятельности под руководством лидера, направленной на решение общей учебно-познавательной задачи.

С точки зрения формирования системообразующих связей в теоретической модели в отношении комплекса организационно-педагогических условий СР курсантов, следует отметить, что, с одной стороны, мы наблюдаем влияние целевого блока модели на выбор соответствующих условий, с другой, наоборот, – влияние данного компонента на содержательно-процессуальный (обеспечивает функционирование его механизмов) и результативно-оценочный (наблюдается зависимость результатов обучения от выбора соответствующих условий) блоки теоретической модели. В то же время можно констатировать факт, свидетельствующий о глубокой интеграции комплекса организационно-педагогических условий в содержательно-процессуальный блок модели, при этом наблюдается их взаимное влияние друг на друга и взаимозависимость, что в свою очередь обусловлено подчиненностью предъявляемому к ним обязательному требованию – способности к адаптации в изменяющихся условиях.

Содержание результативно-оценочного блока определяет механизм оценки результата профессиональной подготовки курсантов в военном вузе на различных ее этапах с точки зрения сформированности профессиональной компетентности курсантов средствами самостоятельной работы (переход будущего военного специалиста с исходного на новый, более высокий качественный уровень).

Важным этапом в разработке внутреннего содержания результативно-оценочного блока теоретической модели является выбор и обоснование критериев, показателей и уровней сформированности профессиональной компетентности курсантов средствами организации самостоятельной работы в военном вузе.

Понятие «критерий» (от греч. *kriterion* – средство для суждения) в различных библиографических источниках имеет различные трактовки, например: мерило оценки, суждения [12]; «средство проверки истинности или ложности того или иного утверждения, гипотезы, теоретического построения» [3]; «обобщенный показатель и правило выбора лучшей системы (лучшего решения)» [1]; признак истинности, «на основании которого производится оценка качества объекта, процесса» [5] и др.

Говоря о понятии «показатель» следует отметить, что его сущность определяется как «характеристика, отража-

ющая качество системы или целевую направленность процесса (операции), реализуемого системой» [1]; «одна из характеристик процесса, объекта или явления, выражающая количественно или качественно какую-либо из сторон его состояния» [17]. В обобщенном виде показатель служит, как правило, одной из нескольких составляющих определенного критерия, а совокупность показателей позволяет определить степень соответствия конкретному критерию.

С учетом вышеизложенного, а также опираясь на результаты анализа научных и научно-методических источников, в которых нашли отражение вопросы, связанные с рассматриваемой проблемой, выделим основные критерии и соответствующие им показатели, отражающие адекватную оценку сформированности профессиональной компетентности курсантов средствами организации самостоятельной работы в военном вузе.

В структуре результативно-оценочного блока теоретической модели нам представляется возможным выделить следующие критерии: когнитивно-информационный, операционно-деятельностный, мотивационно-личностный и оценочно-рефлексивный. Рассмотрим краткую характеристику указанных критериев и выделим соответствующие им основные показатели.

Когнитивно-информационный критерий профессиональной компетентности будущего военного специалиста отражает результат самостоятельной учебно-познавательной деятельности, является ориентировочной основой будущей военно-профессиональной деятельности и характеризует качество и прочность приобретенных знаний в объеме требований учебных программ общеобразовательных дисциплин.

Операционно-деятельностный критерий характеризует сформированность умений и навыков, способность применять их в решении профессионально-ориентированных задач, а также отражает уровень владения приемами приобретения, накопления и усвоения информации; методами ее переработки, в том числе, базовыми мыслительными операциями; разнообразными способами передачи информации; диалектическим и логически последовательным мышлением.

Мотивационно-личностный критерий характеризует формирование познавательного и профессионального интереса курсантов, их мотивационной сферы, самостоятельности, активности, умений осуществлять самоконтроль, самоуправление учебно-познавательной деятельностью с применением новых технологий обучения, ориентированных на целостное развитие личности будущего профессионала, его профессионально значимых личностных качеств.

Оценочно-рефлексивный критерий проявляется в осознании и осмыслении курсантами собственных действий, приемов и способов СУПД и характеризуется: самооценку собственной познавательной активности при выполнении заданий во время СР, уровень знаний, умений, навыков и профессиональной компетентности в целом, сформированной в процессе самостоятельного изучения учебных дисциплин.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что каждый из выбранных критериев не поддается прямому инструментальному измерению, а требует соответствующего анализа и опосредованной интерпретации. Поэтому считаем целесообразным названные критерии рассматривать как интегральные, включающие в себя совокупность всех пере-

численных характеристик. С помощью указанных выше критериев считаем возможным произвести оценку профессиональной компетентности опосредованно.

Для объективного проведения экспериментального исследования, а также с учетом необходимости качественной оценки, считаем целесообразным выделить четыре уровня сформированности профессиональной компетентности курсантов средствами организации самостоятельной работы: высокий, средний, достаточный и критический.

Высокий (необходимый) уровень характеризуется: наличием системных, исчерпывающих знаний в объеме учебных программ, позволяющих творчески решать задачи, присущие будущей военно-профессиональной деятельности; способностью обеспечить максимальную продуктивность деятельности, безупречно владеть приемами работы с вооружением и военной техникой; гармонией в субъективных характеристиках; положительной мотивацией достижения успеха в профессиональной и познавательной деятельности, проявлением инициативы, активности в самостоятельной учебно-познавательной деятельности, а также выраженностью других ПЗЛК.

Средний (достаточный) уровень характеризуется: наличием твердых и достаточно полных знаний в объеме учебных программ и незначительных ошибок при ответах на заданные вопросы; уверенным применением полученных знаний, умений и навыков в практической деятельности, связанной с выполнением учебно-профессиональных заданий при наличии консультативной помощи преподавателей и опытных товарищей; способностью обеспечить относительно высокую продуктивность самостоятельной учебно-познавательной деятельности; но, в то же время, недостаточной самостоятельностью и недостаточной гармоничностью в проявлениях мыслей и поведения, а также преобладанием внешней мотивации.

Низкий (допустимый) уровень характеризуется: наличием ограниченных, нетвердых и несистемных профессиональных знаний в объеме учебных программ; способностью обеспечить частичную продуктивность деятельности; наличием значительных ошибок и недостаточной быстротой при выполнении практических действий; проявлением зависимости поведения от внешних обстоятельств.

Критический (недопустимый) уровень (профессиональная компетентность не сформирована) характеризуется: отрывочными знаниями, проявляющимися на уровне знакомства с учебным материалом; слабой развитостью профессиональных умений; отсутствием познавательной активности и способности в осуществлении продуктивной профессиональной деятельности; непониманием сущности изучаемого материала; подверженностью влиянию конкретной ситуации; а также отсутствием мотивов положительного поведения.

Необходимо также отметить, что в теоретической модели предусмотрена коррекция (правка), которая способствует устранению недостатков процесса формирования профессиональной компетентности будущих военных специалистов средствами СР, осуществлению обратной связи между конечным результатом и компонентами модели, своевременному получению информации о формировании профессиональной компетентности, возможных трудностях в приобретении знаний, умений и навыков, овладении компетенциями, становлении профессионально значимых личностных качеств.

Таким образом, рассмотренные выше: структура, содержание, значимость и системообразующие связи компонентов теоретической модели формирования профессиональной компетентности курсантов военного вуза средствами организации СР позволяют судить о модели как о целостной системе, представляющей собой совокупность закономерных, функционально связанных элементов. Предложенная теоретическая модель, по нашему мнению, позволит осуществлять формирование профессиональной компетентности курсантов военного вуза средствами организации СР на заданном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анфилатов, В.С. и др. Системный анализ в управлении : учебное пособие [Текст] / В.С. Анфилатов, А.А. Емельянов, А.А. Кукушкин / Под ред. А.А. Емельянова. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 368 с.
2. Архангельский, С. И. О моделировании и методике обработки данных педагогического эксперимента : Материалы лекций, прочитанных в Политехническом музее [Текст]. – М.: Знание, 1974. – 75 с.
3. Биркун, Н.И. Реализация межпредметных связей при изучении общепрофессиональных дисциплин в военном вузе [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Орел, 2007. – 227 с.
4. Горячова, М.В. Формирование информационной компетентности будущих специалистов в процессе внеаудиторной самостоятельной работы [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Ставрополь, 2009. – 196 с.
5. Гуменюк, П.В. Развитие культуры мышления будущего специалиста в процессе изучения в вузе общепрофессиональных дисциплин [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Орел, 2006. – 210 с.
6. Давыдов, В.П., Образцов, П.И., Уман, А.И. Методология и методика психолого-педагогического исследования [Текст] : Учебное пособие. – М: Издательско-торговая корпорация «Логос», 2003. – 165 с.
7. Еременко, Т.А. Формирование профессиональной компетентности будущих педагогов дизайнера средствами самостоятельной работы [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Челябинск, 2008. – 182 с.
8. Козачок, А.И. Формирование профессиональной компетентности субъектов образовательного процесса в военном вузе [Текст] : Монография / А.И. Козачок. – Орел: Академия ФСО России, 2010. – 136 с.
9. Козлов, О.А. Теоретико-методологические основы информационной подготовки курсантов военно-учебных заведений [Текст]: Монография. – М.: МО РФ, 1999. – 328с.
10. Лукинова, Н.Г. Самостоятельная работа как средство и условие развития познавательной деятельности студента [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Ставрополь, 2003. – 177 с.
11. Образцов, П.И., Косухин, В.М. Дидактика высшей военной школы [Текст] : Учебное пособие – Орел: Академия Спецсвязи России, 2004. – 317 с.
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] : Ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
13. Пидкасистый, П.И. Организация учебно-познавательной деятельности студентов [Текст]. – 2-е изд.,

перераб. и доп. – М.: Изд-во «Педагогическое общество России», 2005. – 144 с.

14. Самостоятельная работа в современном российском вузе: проблемы и перспективы развития [Текст] / Материалы международной научно-практической конференции (Орел, 11–12 ноября 2004 г.) – Орел: ОГУ, полигр. фирма «Картуш», 2005. – 278 с.

15. Самостоятельная работа студентов [Текст] : Методические указания / А.С. Зенкин, В.М. Кирдяев, Ф.П. Пильгаев, А.П. Лащ. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2009. – 32 с.

16. Сенина, О.А. Организация самостоятельной работы студентов по общепрофессиональным дисциплинам технического вуза с использованием электронных учебных пособий (на примере электротехнических дисциплин) [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Астрахань, 2011. – 201 с.

17. Скрипкина, М.А. Педагогические условия формирования графической компетенции курсантов военного вуза

[Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / М.А. Скрипкина. – Орел, 2011. – 218 с.

18. Технологии подготовки специалистов в системе профессионального образования [Текст]: Монография / Под ред. П.И. Образцова. – Орел: ОГУ, 2011. – 338 с.

19. Трущенко, Е.Н. Организация самостоятельной работы студентов вуза на основе компетентного подхода к профессиональной подготовке специалистов [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Москва, 2009. – 168 с.

20. Федорова, М.А. Теория и методическое обеспечение формирования учебной самостоятельной деятельности студентов в вузе [Текст] : автореф. дис. ... док. пед. наук: 13.00.08. – Орел, 2011. – 39 с.

21. Черемисина, В.Г. Организация самостоятельной работы курсантов военного вуза в процесс изучения предметов естественнонаучного цикла [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Кемерово, 2008. – 22 с.

22. Якушкина, Л.П. Технология организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов в вузе [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Орел, 2007. – 210 с.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭНЕРГЕТИКА ИМЕНИ В ЭПИТАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Арутюнян Э.Б.,

кандидат филологических наук, докторант,
кафедра филологии и английского языка,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Ключевые слова: эпитафия, акrostих, анаграмма, репрезентация имени, слава
Key words: an epitaph, an acrostic, an anagram, the representation of the name, fame

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа энергетического потенциала имени в текстах эпитафий на основе таких стилистических приемов в его репрезентации, как акrostихи, анаграммы и прием славы.

The article attempts to analyze the energy of the name in the epitaphs, based on the following stylistic devices, used in its representation, as acrostics, anagrams and fame.

Имя является центральным элементом любого эпитафического текста, что и определяет его основное назначение, а именно запечатлеть «след жизни, который упорно не желает быть стертым» [1, с.104]. В наречении именем, в извлечении человека из небытия путем именованья, в продлении его жизни благодаря данному сакральному акту, и заключается основная функция любого эпитафического текста. Вследствие чего, многие надгробные надписи с одним только именем необязательно содержали имя погребенного, а, часто, имя исполнителя надписи, где резчик не всегда руководствовался только гордостью художника, но, фиксируя свое имя на могильном камне другого, ожидал для себя особенного результата от подобных сакральных действий. Таким образом, имени в эпитафических текстах в их «ритуальный» период развития отводилась роль носителя сакральной энергии, которая впоследствии обеспечивалась различными стилистическими приемами. Остановимся подробнее на двух из них.

Неизменным источником ономастической энергии в текстах эпитафий являются акrostихотворные и анаграмматические конструкции, довольно часто используемые в репрезентации имени. Внутренний ритм загадки, обеспеченный бесконечным процессом разгадывания, вновь и вновь повторяющимся поиском сокрытого имени, превращает процесс «прочтения» эпитафии в акт творения. Данное внутреннее движение, характерное для загадки, является гарантией неустанного воспроизведения «первого» творения и упорядочения Космоса посредством ритуала, в той или иной степени отраженного в тексте эпитафии.

В одном из английских примеров – эпитафии Томаса Эйра (1581, Burnham, Bucks) – имя вообще не упоминается в тексте как часть информативного блока, но выстраивается самим текстом, порождает текст как таковой и «выплывает» навстречу читателю из небытия:

The life I lead may witness of my death

Hope in my Christe & faithe have saved mee.
O happy whilst I yethaled breathe
More happy now, yea in ye heste degre.
As first I lived full three score yeares to dye,
So last I dyed to live eternally.
Ensue that sample which I have Begone,
You that live yet, bee fathers to ye poore,
Enforce yourselves to dooe as I have doune.
Remember Iesus also hath a doore.

Жизнь, что я веду теперь, доказывает факт моей смерти,
/ Надежда на Христа и вера спасли меня. / Был счастлив я,
пока дышал, / И стал намного счастливее теперь. / Сначала
прожил я полных шестьдесят лет, чтобы умереть, / Потом
я умер, чтобы жить вечно. / Следуйте моему примеру, / Вы,
живые, будьте отцами своим беднякам, / Заставьте себя
сделать то, что сделал я / И помните, у Иисуса тоже есть
дверь.

Интересно отметить особенный графический ритм, который создается благодаря конечной букве e, замыкающей каждую строчку эпитафии, с одним только исключением в строке, где визуальная форма e перекликается с ее звуковой. Такая визуальная реализация текста определяет его внутренний ритм, в котором основными графическими и смысловыми акцентами являются начальные элементы каждой строки. Повторяющаяся же из строки в строку конечная e направлена на «ретуширование» или поглощение энергии каждой линии текста с тем, чтобы новый ее всплеск приходился именно на начало следующей, тем самым гарантируя ему доминирующее положение в строке и акцентируя очередной элемент сокрытого в тексте имени.

Анаграммы являются более сложной разновидностью загадок ономастического характера в эпитафических, период расцвета которых в Англии приходится на вторую и третью четверти XVII века. Обращение к данному приему в эпитафиях в Англии в этот период было связано с изменением в восприятии астрологии и астрологов, которые больше не ассоциировались с шарлатанством, а позиционировались как настоящие носители оккультного знания. Считалось, что рекомбинация буквенного или звукового состава имени погребенного путем анаграммы в эпитафическом тексте являлась несомненным показателем некоего высшего знания, при этом анаграммы становились все бо-

лее запутанными и замысловатыми, пытаюсь выразить путем конструирования идейную или чувственную сущность человека, чье имя обыгрывалось таким образом.

Среди анаграмматических эпитафий можно встретить примеры «совершенных» формальных конструкций, в которых анаграмма полностью использует все буквы имени погребенного. В эпитафии Томаса Толла (1668, S. Aisle, Manaccan Church, Cornwall) анаграмма Smooth Tall использует все 10 букв имени и фамилии погребенного:

Anag.: Thomas Smooth Tall 1668
Toll
In converse smooth, faire, plaine, & voide of guile,
Of Stature Tall; whose loss we do bewaile.

Ровный в обращении, беспристрастный, понятный и лишенный коварства, / Высоким ростом; его смерть мы оплакиваем.

Наравне с формальными репрезентациями в тексте, анаграмма также обращена к содержанию. Анаграммирование имени в данном случае - Smooth Tall – указывает на две выдающиеся характеристики погребенного: ровность и беспристрастность его натуры, а также высокий рост (английское слово tall («высокий») перекликается с фамилией Toll).

Примером еще одной удачной анаграммы может служить эпитафия «госпожи Сисили Пакеринг» (1636, St. Mary's Church, Warwick):

MISTRESS CISSELEY PUCKERING

I sleep secure, Christ's my King.
Death's terrors nought affright mee, nor his sting;
I sleep secure for Christ's my Sovereigne King.

«Ужасы смерти не пугают меня, ни ее жало; / Я покойно сплю, поскольку Христос – мой державный повелитель».

Буква h в анаграмме I sleep secure, Christ's my King («Я сплю покойно, Христос – мой повелитель») не встречается в имени Mistress Cisseley Puckering, поэтому данную анаграмму нельзя считать абсолютно точной, если брать формальный аспект. Вполне возможно, что слово mistress было введено в реконструкцию имени специально с тем, чтобы сохранить столь удачную анаграмматическую находку – I sleep secure, Christ's my king.

Таким образом, имя погребенного расчленяется на элементы, распределяется по тексту, соединяется в новые слова, то есть воплощается в тексте посредством других форм, выражающих определенные смысловые напряжения и сгущения, заложенные в потенции имени и всего текста. Мастерство автора анаграмм состоит именно в умении выявить данные смысловые и энергетические потенции в имени и реализовать их формально, максимально точно, используя все составляющие имя элементы. На долю читателя и разгадчика такого эпитафического текста приходится реконструкция новых форм и восстановление имени, обеспечивающее тексту непрерывность данного энергетического процесса.

Наравне с загадками, еще одним постоянным источником ономатетической энергии в текстах эпитафий является прием славы. Желанием «славить» себя, стремлением удержать свой след, как можно дольше, вопреки неминуемой утрате всех и вся следов продиктована доминантность

данного стилистического приема в репрезентации имени в текстах эпитафий.

Эпитафию короля Генриха VII, относящуюся к началу XVI века, можно назвать подлинной песней во славу первого короля из династии Тюдоров. Каждый из четырех куплетов текста начинается канонической фразой Here lies Henry the Seventh (или небольшой ее вариацией), «прославляет» определенный аспект королевской жизни и может служить отдельной его эпитафией. Заканчивается текст темпераментной концовкой, направленной на создание наивысшего эмоционального акцента. Вместе, они представляют эффектный по размеру (43 строки) эпитафический текст, напоминающий своим тяготением к щепетильной детализации хроники славного царствования:

Here lies
Henry the seventh, king of England,
Son of Edmund, Earl of Richmond.
Who being proclaimed king the 22nd of August,
Was crowned at Westminster on the 30th of
October following 1485.
He died on the 21st of April, in the 53rd year of his age,
And reigned 23 years and 8 months wanting one Day.
Here lies Henry the Seventh,
Of all the Princes of his time the most celebrated;
Whose Wisdom and Glorious Actions,
Received additional Dignity from his Majestic Stature,
His August Countenance,
And many other natural Advantages.
He was also happy in a Consort,
Who, besides a compleat (sic) Beauty,
Excelled in every moral and intellectual Quality.
The issue of this illustrious Pair
Were not unworthy such Parents;
For to them, England, thou owest
Henry the Eighth.
Within this Tomb, lies Henry the Seventh,
The Glory of Monarchy, and Light of the World;
Mild, vigilant, brave, and wise;
A promoter of Virtue, and of a most comely Personage,
Who, by constant and signal successes,
In his many Wars,
Preserved his Dominions in an honourable Peace:
His two daughters he married to two Kings:
All Princes courted his Alliance.
This Chappel (sic), and stately Tomb,
Were erected by his Order,
As a repository
For himself, his Consort, and Issue.
After a prosperous Life of 53 years,
And a glorious reign of almost 24,
He died in the year of the Christian Aera, 1509.
The fatal Day which brought such Worth
To its earthly Period, was the 21st of April.
England
So excellent a Prince stands not upon thy former Records.
Well will it be for thee
If future Times produce his Equal.

Здесь лежит
Генрих Седьмой, король Англии,
Сын Эдмунда, графа Ричмонда.

Провозглашенный королем 22 августа,
Он был коронован в Вестминстере 30 октября в следу-
ющем 1485 году.

Умер 21 апреля на 53 году жизни,
Правил 23 года и 8 месяцев без одного дня.
Здесь лежит Генрих Седьмой,
Из всех принцев своего времени - самый знаменитый;
Чьи мудрость и славные дела,
Дополнялись достоинством его величественного те-
лосложения,

Лицом, внушающим благоговейный страх,
И многими другими природными достоинствами.
Он был счастлив в своей супруге,
Кто, наравне с совершенной красотой,
Отличалась высокими моральными и интеллектуаль-
ными качествами.

Потомство этой выдающейся пары
Было под стать своим родителям;
Ибо, благодаря им, Англия, ты имеешь
Генриха Восьмого.
В этой гробнице лежит Генрих Седьмой,
Слава монархии, свет мира;
Снисходительный, бдительный, отважный, и мудрый;
Покровитель добродетели, один из самых благопри-
стойных личностей,

Кто, постоянными и блестящими успехами
Во многих войнах,
Сохранил свои владения в честном мире:
Двух дочерей выдал замуж за королей:
Все Принцы искали союза с ним.
Эта часовня и величественная гробница,
Были воздвигнуты по его приказу,
Как усыпальница
Для себя, супруги и потомства.
После 53 лет успешной жизни,
И славного царствования в течение почти 24 лет,
Он умер в 1509 году по христианскому календарю.
Тот роковой день, что положил конец земной жизни
столь достойному

Человеку, был 21 апреля.
Англия,
Ты не встречала столь прекрасного Принца в былые
времена.

И будет благом для тебя,
Коль будущие времена создадут подобного Ему.

Имя короля занимает центральное место в тексте эпитафии. С упоминания имени начинается каждый куплет эпитафии, в дальнейшем порождая весь ее текст. В первом куплете зачин *Here lies Henry the Seventh* открывает собой повествование о происхождении короля и основных вехах его царствования; во втором куплете повторение зачина предшествует подробному описанию его внешности и семьи; незначительная вариация зачина благодаря уточнению локативного дейксиса (*here = within this tomb*) в третьем куплете выявляет достоинства его характера, выдающиеся заслуги правления, а также основные принципы внешней политики короля. Несмотря на отсутствие зачинной формулы *Here lies Henry the Seventh* в последнем куплете, читатель без усилий определяет его начало, благодаря упоминанию слова гробница, выстраивая перегласовку с началом зачина в третьем куплете (*'within this tomb*

и *'this chapel, and stately tomb'*). Роль четвертого куплета, повторяющего с несущественными вариациями основную хронологическую канву царствования Генриха VII, упомянутую уже в первом, выстраивает рамочную конструкцию и завершает текст эпитафии.

Повторяясь практически в каждой строке текста, либо именем как таковым, либо его лексическими и морфологическими референциальными заменами, имя становится опорным акцентом текста, создающим определенный ритм и вибрацию. Тема славы постепенно вплетается в текст эпитафии, обеспечивая каждое появление имени Генриха VII необходимым стилистическим фоном и требуемыми эмоциональными оттенками. Любопытно проследить последовательное выстраивание корпуса имени в тексте в свете взаимодействия различных приемов и эффектов славы.

Первый куплет эпитафии характеризуется строгостью и лаконизмом, тема славы проявляется в титуле, указании происхождения, перечислении основных хронологических параметров царствования: год провозглашения, коронации, смерти, продолжительность правления. Сухость фактов, сопровождающих первую подачу имени короля в тексте «могла иметь двойное происхождение: она либо коренилась в исконной аскетической установке на смирение, либо могла быть продиктована некоторой благородной гордостью, что чуждалась рекламы» [1, с.130].

Строгость проявления славы в первом куплете начинает ослабевать в следующем фрагменте эпитафии, эмоциональный фон уплотняется, а смыслы становятся более концентрированными. В «прославлении» короля и его семьи преимущество отдается превосходным степеням значений: «*of all the Princes of his time the most celebrated*», «*excelled in every moral and intellectual quality*», «*for to them, England, thou owest Henry the Eighth*». Имена существительные тщательно подбираются из «высокого» лексического пула в соответствии с героем текста: *wisdom, actions, dignity, stature, countenance, advantages, consort, beauty, quality, issue* и т.д. Именно во втором, «описательном» куплете, в тексте эпитафии впервые появляются прилагательные. С одной стороны, их роль ограничивается приданием характерных для описания короля качественных дополнений к соответствующим существительным: *'majestic stature', 'august countenance'*. С другой стороны, в выборе прилагательных постепенно начинает намечаться тенденция к избыточности, «совершенству», экзальтированности смыслов (*'glorious actions', 'complete beauty', 'illustrious pair'*). Столь характерный прием славы в стилистической репрезентации имени приобретает дальнейшее развитие в третьем куплете, обогащая его более интенсивной текстовой эмоциональностью.

Переход в подаче имени к субстантивным определительным конструкциям, как *'the glory of monarchy', 'the light of the world', 'a promoter of virtue'*, где соприкосновение двух существительных знаменуется «сгущением» и насыщением смыслов, обеспечивает третий куплет явным и напряженным ритмическим рисунком. В дальнейшем он усиливается благодаря череде коротких, ритмизованных прилагательных, описывающих основные добродетели короля – *mild, vigilant, brave, and wise*. Другими словами, приемы славы обеспечивают не только стилистическую подачу имени, но и его фонетическую репрезентацию.

Четвертый куплет по аналогии с первым представляет

тему славы в перечислении основных вех правления Генриха VII, однако благодаря той энергии, которую приобретают прилагательные к концу эпитафии, лаконичность и суровость первого куплета претерпевает послабления. Предикатные конструкции первого куплета сменяются субстантивными, обеспечивающими присутствие прилагательных: 'after a prosperous life of', 'and a glorious reign of', 'the fatal day', 'to its earthly period'. Таким образом, создается более высокий, по сравнению с первым, 'строгим' куплетом, выразительный и эмоциональный фон текста. Благодаря семантической рифме, возникающей между первым и четвертым куплетом, роль четвертого куплета сводится к выстраиванию рамочного текстового корпуса и завершения текста эпитафии. Сдерживание энергии и постепенная остановка текста происходит именно в четвертом куплете, но только для того, чтобы ввести самый энергичный и эмфатический фрагмент эпитафии, эмоциональную вершину всего текста – концовку, в которой прославление короля приобретает наивысшую превосходную степень. В качестве приемов славы в последней подаче имени короля используются и обращение к стране как к главному судье всех королевских достоинств, и утверждение, подчеркивающее, благодаря синтаксической эмфазе "so excellent a prince", исключительность Генриха VII в сравнение с его предшественниками, и сомнение последних строк о возможности равных его величию потомках.

Несмотря на многообразие вышеперечисленных приемов и эффектов славы, участвующих в репрезентации имени Генриха VII на всех текстовых уровнях, эпитафия не оставляет у читателя впечатления утомительного витийства и излишеств; грандиозность и солидность выстроенного корпуса его имени соизмерима со статусом и исключительностью позиции короля. Действительно, в появлении каждого нового приема славы, от куплета к куплету, прослеживается стройность и строгий порядок, обеспечивающий постепенное нарастание эмоции: от строгих предикатных конструкций и сухой информативности до эмфатических и субстантивных конструкций, содержащих прилагательные и превосходные степени. Данный эффект сдерживает славу от излишних приемов, размывания стиля и утрачивания подлинной эмоции.

Экзальтированным примером проявления славы в эпитафических текстах, истинным актом венчания лаврами знаменитого государственного деятеля может служить эпитафия Уильяма Питта Старшего, украшающая его надгробный камень в Вестминстерском аббатстве, «воздвигнутый Королем и Парламентом как свидетельство его достоинств и талантов»:

Erected by
The King and Parliament
As a Testimony to
The Virtues and Abilities of William Pitt, Earl of Chatham;
During whose Administration,
In the Reigns of George the Second and George the Third,
Divine Providence
Exalted Great Britain

To an Height of Prosperity and Glory
Unknown to any former age.
Born 15th Nov., 1708.
Died 11th May, 1778.

Воздвигнут
Королем и Парламентом
Как свидетельство
Достоинств и талантов Уильяма Питта, графа Четэма;
Во время правления оного,
В годы царствования Георга II и Георга III,
Божественное проведение
Вознесло Великобританию
До таких высот Процветания и Славы,
Что были неизвестны до тех пор.
Родился 15 ноября 1708.
Умер 11 мая 1778.

Стилистическая репрезентация имени Уильяма Питта, графа Четэма оформлена в тексте в виде разнообразных приемов проявления славы, но однородных по своей избыточности. В первую очередь, такая избыточность проявляется в приеме эффекта адресантов данного эпитафического послания, которыми становятся король и парламент, свидетельствующие о профессиональных достоинствах и талантах графа Четэма. Таким образом, граф Четэм удостоивается наивысшей похвалы, какая только могла быть в условиях такого государственного устройства, как парламентская монархия. Затем, благодаря проекции его государственной деятельности в тексте эпитафии на годы правления двух королей Великобритании, имя Уильяма Питта вовлекается в королевский ряд. Предельной степенью экзальтации славы в подаче имени становится сопоставление трудов Уильяма Питта с деятельностью Высшего существа, с Божьим промыслом. Подобная «восторженность» приемов поддерживается тщательным выбором лексики среди существительных и глаголов: to exalt, an height, glory, prosperity, unknown to any former age, обеспечивающих непреклонное движение всего текста эпитафии вверх. Умышленное же удержание текста от прилагательных позволяет эпитафии государственного деятеля оставаться примером строгого, официального стиля.

Обращение авторов эпитафических текстов к таким стилистическим приемам, как акростихотворные и анаграмматические конструкции, а также приему славы в репрезентации имени позволяет эксплицировать скрытую в нем энергию и глубину смыслового потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия: Ее судьба и проблематика. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. – 272 с.
2. Everybody's Book of Epitaphs. Compiled by W.H. Howe. London, 1998.
3. Wilson. D.M. Awful ends. The British Museum book of epitaphs. London, 1992.

ТЕРМИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКИХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ

Гришечкина Г.Ю.,
кандидат филологических наук, доцент,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: прямое введение термина, инверсионная подача термина, этимологизация терминов, истолковывающий контекст, комбинированные определения

Key words: direct introduction of the term, инверсионная term giving, этимологизация the terms, the interpreting context, the combined definitions

Аннотация. В статье рассматриваются способы применения терминов в научно-популярных произведениях на французском языке.

In the article ways of application of terms in popular scientific texts in French are considered.

Как показывает проведенное исследование, авторы научно-популярных лингвистических текстов (НПЛТ), сообщая научную информацию, преобразуют ее в доступную для неспециалиста форму, приводя специальные слова в оснащении общеупотребительной лексикой или же разня их значение, “для чего привлекаются слова многоцветной палитры, включая экспрессивно-эмоционально окрашенные” [Лазаревич 1984:319].

В научном стиле речи выделяют следующие семь способов введения терминов в текст [Сенкевич 1984:108]: прямое определение термина, постепенное подведение к термину, ориентирующее введение (через основные признаки), синонимизация термина, аналогизация термина, способ попутного замечания, этимологизация термина.

Подобными же способами вводятся термины и в НПЛТ, однако, научно-популярный стиль по сравнению с научным стилем имеет по идее еще более широкие возможности для ввода терминов, для варьирования и совмещения различных способов этого ввода, так как в представлении специальных слов этот стиль не ограничен четкими нормативными требованиями.

Представляется, что в научно-популярном тексте должны преобладать наиболее завуалированные, опосредованные способы ввода терминологии (замыкающие приведенный перечень способов введения терминов), в которых часто встречаются образные средства и авторская оценка описываемого лингвистического понятия [Гришечкина 2011]. Продемонстрируем одно из таких диффузных, мягких введений термина.

Jetecomprends, tumecomprends, c'estdoncuousparlo nslamêmelangue. Si au contraire nous ne nous comprenons pas, c'estque nous parlonsune langue différente.”Monsieur de la Palice ne s'exprimerait pas autrement.Etpourtantseul le critère crucial de l'intercompréhensionpermet de cerner les contours d'une langue.

Il existe plusieurs définitions du mot langue.

Selon l'opinion la plus répandue dans le public, une langue est un code écrit et structuré par une grammaire* de type scolaire, qui possède un statut national et/ou officiel ainsi qu'une tradition littéraire... (Yaguello)

Прямое, непосредственное введение (с определением) термина дает возможность подчеркнуть главные, существенные признаки научного понятия. Полнота и точность дефиниции термина зависят от адресата: чем подготовленнее адресат, тем точнее и полнее дается определение. Анализ примеров НПЛТ показывает, что подробное толко-

вание терминов встречается здесь вдвое реже, чем краткое указание на общие признаки понятия, однако многое также зависит и от сложности самого понятия и установки автора: дать ли общие, схематичные сведения или же подробно знакомить адресата с лингвистическим явлением.

Métaphore. – La métaphore est une “transposition” de sens. On fait une métaphore lorsqu'on se sert d'un mot à la place d'un autre en assimilant momentanément, quant au sens, le premier au second; mais la transposition est justifiée par un rapport quel'esprit établit aisément entre les représentations, les suggestions communes aux deux termes (qualités de toute nature, forme, emploi de l'objet, etc.). (Schöne)

Характер определения научного понятия зависит также от цели и темы научно-популярного изложения: если основное содержание научной проблемы раскрывается в тексте через систему ее терминологии, то термины объясняются полно и подробно, уподобляясь научным определениям, что также несколько противоречит стилистической доминанте научно-популярной литературы (НПЛ), отожествляя создаваемый текст “для всех” с научными текстами “для немногих”.

Le français est la première des langues romanes (groupe qui comprend aussi l'italien, l'espagnol, le portugais, le roumain, le catalan, l'occitan, le sarde, le rhéto-roman)... (Huchon)

В тех случаях, когда адресат уже знаком с термином, или термин не несет в себе основную научную информацию, или в термине нужно подчеркнуть только одну из его сторон, отражающую излагаемую в НПЛТ научную информацию, прямое определение термина приобретает сокращенную форму или подается не в полном объеме. подача самих терминов бывает как прямой (сначала дается термин, а затем его объяснение), так и инверсионной (сначала дается объяснение термина, а затем сам термин). Подтвердим сказанное примерами.

Nous appelons ainsi les mots que la langue crée à son usage avec ses propres ressources: la composition et la dérivation. (Schöne)

Интересным и безусловно положительным моментом в определении термина в НПЛТ мы считаем наличие авторской оценки описываемого лингвистического явления, вводимого тем или иным термином:

La plus populaire parmi les triades de Peirce distingue les symboles (en rapport arbitraire avec leur objet), les icônes (en rapport de similarité avec leur objet), les indices (en rapport physique avec leur objet). (Eco)

Особенность терминосистемы научно-популярного стиля, состоит в том, что прямое введение термина может носить и принимать характер попутного замечания. Это предполагает вынос кратких разъяснений в скобки или сноску:

Or, c'est loind'être le cas, et nous ne savons pas toujours comment découper le continuum dialectal (l'ensemble des variétés mutuellement compréhensibles d'une langue) tout simplement parce que nombre de parlers, tout en étant connus, ne sont pas encore décrits. (Yaguello)

Les voyelles sont plus musicales que les consonnes, et, parmi les consonnes, les occlusives (celles dont l'articulation s'accompagne d'une fermeture puis d'une ouverture brutale de la cavité buccale comme /p/, /t/, /k/, /b/, /d/, /g/) sont les moins musicales... (Yaguello)

Употребление прямого термина в научно-популярных лингвистических текстах можно считать структурным признаком абзаца, тогда как прямой термин в заголовке дает возможность употребления замены термина в начале текста или в начале главы. Замещение терминов в научно-популярном дискурсе приближается к общелитературному типу синонимии, поскольку осуществляется в стилистических целях.

...on sait à quel point l'hyperbole ou exagération contribue à user, à atténuer le sens des mots, de terrible à génial en passant par formidable et débile. (Yaguello)

Этимологизация терминов в НПЛТ имеет вместе с тем и некоторые особенности. В ряде случаев она сопровождается описательными конструкциями:

Le mot dialectal fait son apparition au XVIe siècle dans la langue française. Il est emprunté au grec dialectos.

C'est ce mot qui a été utilisé par les poètes pour désigner les mots du terroir qui leur permettent d'apporter une certaine originalité à leur style. Ronsard estimait qu'il pouvait user du dialecte de son Vendômois natal sans se sentir déroger aux principes de l'éloquence. (Walter)

Diversément orthographié: gallo ou galot – mais la graphie sans -t l'emporte dans les usages contemporains – ce nom est à l'origine un mot breton qui signifie “français”, ou plutôt “non breton”. C'est probablement ainsi qu'on nommait autrefois ceux qui ne parlaient pas breton. (Walter)

Прием постепенного подведения к термину как одна из разновидностей истолковывающего контекста позволяет ввести термин в НПЛТ путем краткого или развернутого – в зависимости от сложности термина – описания понятия или явления.

Dès la fin du Ve siècle, la population de l'Armorique parlait, dans les villes, un latin déjà un peu modifié et tendant à devenir une langue romane, mais la prise de conscience de cette évolution ne devait être effective qu'avec le Concile de Tours en 813, lorsqu'il avait été recommandé aux prêtres de dire leurs homélies “en langue romane rustique”.

C'est cette forme évoluée du latin qui poursuivra son existence dans la langue romane de Haute-Bretagne (partie orientale de la Bretagne), que l'on connaît aujourd'hui sous le nom de gallo. (Walter)

Истолковывающий контекст позволяет авторам прибегать к примерам функционирования тех или иных специальных слов, тем самым подкрепляя понимание адресатом научных понятий. Иллюстрация примерами – абсолютно необходимый элемент определения термина, поскольку в своем большинстве лингвистическая терминология обозначает отвлеченные понятия.

L'ordre des mots qui caractérise le français: sujet, verbe, objet, peut paraître conforme à l'ordre naturel de la pensée. Je perçois un événement, j'en nomme l'agent

(sujet), puis je désigne l'action (verbe), puis le patient (le complément d'objet direct). (Yaguello) с 209

Чтобы представить термин в полном объеме, в некоторых текстах авторы представляют адресату историю или причины возникновения того или иного лингвистического явления, которое обозначено данным термином:

Au XIIIe siècle, apparaît l'article partitif, issu de l'article défini de la préposition de.

Cette préposition usitée dans un tour du type *«manger du pain»*, à partir de sa valeur d'éloignement du limite, souligne le prélèvement d'une partie d'un tout; *manger du pain* signifie à l'origine *manger une partie d'un pain bien déterminé* et *boire du vin*, *boire d'un vin bien précis*. (Huchon)

В НПЛТ являются характерными и такие примеры истолковывающего контекста, постепенного подведения к термину, когда некоторые стороны лингвистического понятия раскрываются до ввода термина, а после его введения формулируется главная его характеристика.

Comme la composition, la dérivation peut avoir lieu sans affixes. C'est ce que les grammairiens appellent la dérivation impropre. Elle fait porter le changement de valeur du mot ou sur la fonction ou sur le sens. Nous renvoyons l'étude de ces manifestations à la deuxième partie: la vie des mots. (Schöne)

Истолковывающие контексты обычно содержат в себе различные виды художественных изобразительных средств, чаще всего олицетворение и метафору.

Le langage humain — et les langues dites naturelles qui en sont la manifestation — constitue un univers à la fois familier et étrange. Familier, parce que l'homme se conçoit pas autrement que comme sujet parlant; étrange, parce que le langage nous offre aujourd'hui encore autant de mystères que de problèmes résolus. (Yaguello)

Релятивные определения (термин З.И. Комаровой [Комарова 1991]) не содержат прямого раскрытия содержания понятия, выраженного определяемым словом, не дают непосредственной характеристики значения денотата. Данные определения толкуют значения слов через отношения к другим словам.

Contrairement à une illusion trop répandue dans le public, un linguiste n'est pas forcément la personne la mieux placée pour vous expliquer la règle de l'accord des participes. (Yaguello)

Как следует из названия, синонимические определения заключаются в указании синонима или синонимов определяемого термина.

...on sait à quel point l'hyperbole ou exagération contribue à user, à atténuer le sens des mots, de terrible à génial en passant par formidable et débile. (Yaguello)

Антонимические определения схожи с перечислительными и синонимическими, поскольку также дают значение толкуемого слова не прямым раскрытием содержания этого значения, а через указание на объем антонима.

L'aphérèse est la symétrique de l'apocope: l'amputation de la première ou de deux premières syllabes du mot. (Schöne)

Un linguiste n'est pas un grammairien prescriptif* ni un puriste*, arbitre du bon usage. (Yaguello)

Использование деривационных определений обусловлено наличием у многих специальных слов производящей и производной основ, между которыми существуют различные типы семантической зависимости.

Отсылочно-логические определения показывают логические отношения между определяемым словом и понятием, обозначаемым производящим словом. Они просты и кратки.

L'article défini et l'article indéfini sont des créations romanes, issues du démonstratif et du numéral. Le premier suppose un référent parfaitement identifié, le second un référent à identifier... (Huchon)

Nous avons un cas de ratio facilis quand une occurrence expressive concorde avec son propre type expressif tel qu'il a été institutionnalisé par un système de l'expression et, en tant que tel, prévu par le code.

Nous avons un cas de ratio difficilis quand une occurrence expressive concorde directement avec son propre contenu, soit parce qu'il n'existe pas de type expressif préformé, soit parce que le type expressif est déjà identique au type de contenu. (Eco)

Комбинированные определения могут содержать два-три различных типа определений, например, описательное и синонимическое; описательное, отсылочное и синонимическое; родовидовую дефиницию и синонимическое определение и т.д. Очевидно, что используются они для более полного раскрытия значения терминов.

Phonétique: étude de la réalisation des sons d'une langue et de leur variation; les dialectes d'une même langue peuvent se distinguer par des traits phonétiques. La variation peut aussi être liée aux sons voisins. (Yaguello)

Les créoles sont des langues nées des contacts des colons européens (français, anglais, espagnols, portugais, néerlandais) et des esclaves originaires de divers pays d'Afrique. Ce sont des langues à part entière, dont la structure grammaticale est proche de celle des langues africaines et dont le lexique est en très grande majorité d'origine européenne. C'est ainsi qu'on ne peut parler du jamaïcain comme d'un créole à base lexicale anglaise ou des créoles de la Martinique, de la Guadeloupe, de la Guyane, de la Réunion ou de l'île Maurice comme de créoles à base lexicale française (Walter).

В анализируемых нами книгах имеет место образное описание. Авторы объясняют значение терминов, используя риторические средства: сравнения, метафоры, олицетворение, а также с помощью примеров облегчают восприятие информации читателем. Например:

Le langage humain – et les langues dites naturelles qui en sont la manifestation – constitue un univers à la fois familier et étrange. Familier, parce que l'homme se conçoit pas autrement que comme sujet parlant; étrange, parce que le langage nous offre aujourd'hui encore autant de mystères que de problèmes résolus. (Yaguello)

Parce que des langues meurent, pendant que d'autres naissent, on a pu avoir l'illusion d'une "vie de la langue", analogue à celle d'un être vivant, comme en témoignent les termes de langue vivante et de langue morte. (Yaguello)

Термины легко и доступно раскрываются с помощью использования ясных, кратких и наглядных примеров и ироничных описаний. Например:

Метафора: figure de style qui consiste en un transfert de sens sur la base d'une ressemblance (exemple: les ailes de l'oiseau – les ailes de l'avion). (Yaguello)

La chute de la syllabe finale (ou de plusieurs) constitue ce que les linguistes appellent l'apocope. Cela est produit insensiblement et sur bien des mots dans le passage du latin au français (homo > on ; hominem > homme). Mais l'apocope est abondamment pratiquée de nos jours, et très consciemment, sur les mots que l'utilisateur trouve trop longs. Amputés dans des milieux plus ou moins fermés (spécialistes, gens de métier, argots de toute espèce) les mots apocopés pénètrent cependant tôt ou tard dans la langue commune. Nous en avons déjà vu bien des exemples. Citons encore combine ("combinaison", avec, souvent, un sens péjoratif), perm ("permission") venu de l'argot militaire, sympa (pour "sympathique") entre jeunes gens. (Schöne)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гришечкина Г.Ю. Научно-популярный лингвистический текст. Монография – Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2011. – 261 с.
2. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. – Свердловск: Изд-во Урал, ун-та. 1991. – 156 с.
3. Лазаревич Э.А. С веком наравне. Популяризация науки в России. – М.: Книга, 1984. – 383 с.
4. Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. – М.: Наука, 1984. – 319 с.
5. Список источников анализируемого материала.
6. Eco U. La Production des signes. – Indiana University Press, 1976. – 126 p.
7. Huchon M. Histoire de la langue française. – Librairie Générale Française, 2002. – 315 p.
8. Schöne M. Vie et mort des mots. – Presses Universitaires de France, 1947. – 136 p.
9. Walter H. Le Français d'ici, de là, de là-bas. – Éditions Jean-Claude Lattès, 1998. – 480 p.
10. Yaguello M. Catalogue des idées reçues sur la langue. – Éditions du Seuil, 1988. – 168 p.

АВТОРСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Изотов В.П.,
доктор филологических наук, профессор,
кафедра журналистики и связей с общественностью,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: окказионализм, авторская лексикография, словарная статья, структура словаря
Key words: occasional words, authors' lexicography, dictionary article, dictionary structure

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о словарях окказиональных слов (авторских новообразований) в писательской лексикографии, прослеживается история лексикографических произведений этого типа, анализируется структура этих словарей. Кроме того, приводятся примеры словарных статей каждого из словарей.

The paper deals with problems of making dictionaries of occasional words (author's innovations) in writers' lexicography, the history of such dictionaries is followed, their structure is analyzed, examples of articles of each type are shown.

Несмотря на то, что авторская лексикография достаточно разработана (см., например, работы В.В.Дубичинского [6] и Л.Л.Шестаковой [26]), лексикографическое описание авторских окказионализмов по-прежнему остаётся одной из самых малоразработанных отраслей как лексикографии, так и неологии. О необходимости этой работы говорилось, хотя и не очень часто. Впервые этот вопрос подняла Н.И.Фельдман, которая завершила свою статью «Окказиональное слово и лексикография» следующими словами: «Нам думается, что словарь окказиональных слов русских писателей в разных отношениях – для лексикологии, для истории языка, для стилистики и для литературоведения – представлял бы немалый интерес» [23: 73]. Ею же высказана весьма ценная идея, которая, к сожалению, практически не реализуется в различных словарях, относящихся к авторской лексикографии: «Окказиональные слова, как правило, строятся по продуктивным типам словообразования, а кроме того, значение их мотивируется и объясняется контекстом. Поэтому достаточно, чтобы каждый словарь имел в своём составе статью о приёмах словообразования писателей в данном языке с продуктивными моделями аффиксальных и сложных слов и с перечнем всех продуктивных аффиксальных и полуаффиксальных элементов» [23: 73]. Впоследствии в плане постановки этой проблемы высказывались В.В.Лопатин [15:147] и Л.А.Шеляховская и Н.А.Богданов [25:92].

Л.Н.Алёшина, приступая к работе над словарём новообразований Н.С.Лескова, делает своего рода обзор существующих словарей авторских новых слов: «Словарная практика знает несколько опытов лексикографической обработки авторских новообразований:

- поэт Я.П.Полонский, будучи редактором собраний стихотворений Вл. Бенедиктова (СПб., 1902), в качестве приложения ко второму тому этого издания поместил список почти 150-ти слов, «сочинённых В.Г.Бенедиктовым, видоизменённых или никем не употребляемых, встречающихся в его стихотворениях»;

- в 1970-годы М.И.Ильяшом была предпринята работа по составлению «Толкового словаря неологизмов В.В.Маяковского», который остался неопубликованным;

- в 1995 г. Вышел в свет «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова», составленный Н.Н.Перцовой;

- в 1998 г. В.П.Изотов издаёт работу «Окказионализмы В.С.Высоцкого. Опыт словаря»;

- в настоящее время коллективом авторов – сотрудников НИВЦ МГУ - ведётся работа по созданию словаря неологизмов Андрея Белого» [1:12].

Итак, первым словарём индивидуально-авторских новообразования является «Алфавитный список слов, сочинённых В.Г.Бенедиктовым, видоизменённых или никем почти не употребляемых, встречающихся в его стихотворениях, составленных Я.П.Полонским» [3:95-96]. В нём даются слова перечнем, без описания, например: «Безбранно. Безглагольства. <...> Бѣло-крайний. <...> Волнованье. <...> Всезнаменитый. <...> Водоскатъ. <...> Громоглагольный. <...> Кадыльно. <...> Сентябревый (ее чувство)» [3:95-96].

Творческая манера В.Г.Бенедиктова характеризовалась следующим образом: «Бенедиктов тогда вполне соответствовал эпохе господства над умами Кукольника, Брюллова, Сенковского, Булгарина и Греча. За искренний жар страсти Бенедиктов выдавал ухарство самого вульгарного пошиба: соловей «дробью прыснул»; о глазах красавицы Бенедиктов говорил: «два голландские алмаза - глазки, глазки - у! - беда!», «Плутяга», Бахус Рубенса «алый ротик свой разинул». Римский папа «взял громаду всей Европы в перегиб - и об гроб Христов расшиб». Юпитера Бенедиктов величает «шутком-потешником» и «старым чертом». Отсутствие чувства меры доводило Бенедиктова до прямой порнографии. Свою искусственность Бенедиктов не только сознавал, но возводил в эстетический канон и внушал поэту: «Чтоб выразить таинственные муки, чтоб сердца огонь в словах твоих изник, - изобретай неслыханные звуки, выдумывай неведомый язык». Так буквально он и поступал; Я.П. Полонский даже составил «Алфавитный список слов, сочинённых Бенедиктовым, видоизменённых или никем почти не употребляемых, встречающихся в его стихотворениях». Среди них встречаются такие, как «возблагодать», «льдоребрый», «мужественность», «нетоптатель», «сентябревый», «яичность». По существу Бенедиктов был прав, признавая за поэтом державную прерогативу некоторой свободы в обращении с языком, но своими безвкусными неологизмами он только доказал, что сам он, по размерам своего дарования, на эту свободу посягать не должен был» [14]¹.

Приступая к обзору словарей авторских новообразований нашего времени, приведём слова одного из авторов-составителей подобного типа работ: «И последнее, о чём необходимо сказать. Словарь окказиональной лексики В.В.Маяковского – пожалуй, один из первых словарей по-

1. Материал взят из биографического очерка, написанного Н.Лернером для Словаря Брокгауза и Ефрона (сайт в Интернете www.az.lib.ru/b/benediktov_w_g/text_0030.shtml)

добного рода. В процессе решения множества вопросов как принципиального, так и частного характера составителю пришлось идти нехоженными путями, и он отнюдь не уверен, что найденная в результате долгих, порой мучительных поисков тропинка вела его в единственно верном направлении» [5:15]. Эти слова отражают многие трудности, которые встречаются на пути их составления.

В 1995 году Н.Н.Перцова издаёт «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» [21]. Это был первый словарь такого типа в русской лексикографии. Автор даёт ему такую общую характеристику: «Словарь разбит на три раздела.

Раздел I содержит морфологически интерпретируемые слова, т.е. слова, которые можно истолковать в соответствии с законами русского словообразования. Слова этого раздела не только наиболее многочисленны (около 83% от общего словника неологизмов изданного Хлебникова), но и наиболее разнообразны по своему строению. Поэтому именно эти слова и их описание занимают большую часть словаря. Данный раздел состоит из четырёх подразделов.

Подраздел I.1 включает словарные статьи неологизмов из опубликованного наследия Хлебникова. В подразделе I.2 приводится список неологизмов из неопубликованных рукописей Хлебникова, большая часть которых взята из книги В.П.Григорьева. Подразделы I.3 и I.4 – это, соответственно, гнездовой и обратный словаря на материале словников подразделов I.1 и I.2.

Раздел II содержит словарные статьи элементов (букв и слогов) хлебниковского «звёздного языка».

В разделе III содержатся заумные, «звукописные», звукоподражательные и т.п. слова» [22:424].

Реализации словарных статей выглядят следующим образом: «ау-люд / (2), 3/ [SS 443] С-м МС: ау; люд ♦ Ау-люд, приходящий на смену ау-людю, отдаёт времени должное» [22:427]; «дра Дра буйно, опасно; Дерусь. Дороль [НП]» [22:430]; «бай гзозгизи [V 73] Звкпс (блеск молнии)» [22:431].

Этот словарь как первый русский собственно словарь новообразований имеет непреходящую ценность и может (и должен) стать предметом фундаментального научного исследования.

В 1998 году выходит работа «Окказионализмы В.С.Высоцкого. Опыт словаря» [8].

Вводная часть словаря включает следующие разделы: Из истории создания; Новые слова; О роли новообразований в идиолекте В.С.Высоцкого; Принципы составления; Описание новых слов; Жанр работы; Контекст.

Основным принципом описания материала стал следующий: «Словарные статьи разнообразны по своей информационной насыщенности, но практически в каждой из них есть сведения, касающиеся определения способа образования окказионального слова и его значения. Некоторые словарные статьи этим и ограничиваются (а иногда я даже не давал либо того, либо другого, поскольку очень уж прозрачны были либо словообразовательная, либо семантическая стороны анализируемого слова). В иных случаях словарная статья представляет собой небольшой очерк (см. крошей, солоно-горько-кисло-сладкий, триодиннадцатый и др.).

Никаких иных сведений (грамматических, орфоэпических и иных) словарная статья не содержит; соответственно, нет никаких условных помет» [8:5].

Словарная статья представлена следующим образом:

«Триодиннадцатый. «В Триодиннадцатом царстве/ (То бишь - в царстве Тридцать три)/ Царь держался на лекарстве:/ Воспалились пузыри² (Странная сказка).

Есть в русском языке слова, которые, как показывают словари, употребляются почти исключительно в составе устойчивых выражений - фразеологизмов. Это слова тридевятый и тридесятый, очень часто встречающиеся в сказочных зачинах: «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве...». В этом формульном зачине тридевятый и тридесятый обозначают как будто одно и то же, и это «как будто одно и то же», проинтерпретированное математически, означает примерно следующее: «В тридевятом (двадцать седьмом) царстве от нас, являющимся тридесятым (тридцатым) государством от нас...» (Логично предположить существование уже в сказочные времена различных форм государственного устройства, поскольку «государство» шире по своему значению, чем «царство»).

Словарное толкование слов тридевятый и тридесятый - одинаково: «Очень далёкая страна, земля» [23:411]. Кроме того, словари сообщают, что слова тридевятый и тридесятый сочетаются только со словами царство и государство.

В «Странной сказке» В.С.Высоцкого встречаются оба эти слова.

В Тридевятом государстве

(Трижды девять - двадцать семь).

Слово тридевятый традиционно сочетается со словом государство, но уточняющая скобочная конструкция позволяет определённым образом расширить словарное значение: это уже не только «очень далёкая страна, земля», но и конкретно «двадцать седьмая».

В Тридесятом королевстве

(Трижды десять - тридцать, что ль?).

Слово тридесятый сочетается уже не со словами царство, государство, а со словом королевство, которое, хотя и относится к той же лексико-семантической группе, но является всё же другим. Следовательно, речь идёт уже о расширении сочетаемости слова тридесятый. Изменяется и значение слова. Теперь это «ещё более далёкая страна, тридцатая по счёту».

Далее в песне употребляется слово триодиннадцатый. Возникает вопрос: а насколько, в какой степени это слово принадлежит В.С.Высоцкому? Не является ли оно своего рода «архаиконеологизмом»?²

Ведь по поводу слов тридевятый и тридесятый известно следующее: «Тридевятый. В сказках: очень далёкий (в старинном счёте по девяткам двадцать седьмой). ... Тридесятый. В сказках: очень далёкий (в старинном счёте тридцатый)» [20:809]. Неизвестно однако, был ли старинный счёт «по одиннадцаткам» и были ли слова типа тривосьмой. Во всяком случае, мне не удалось обнаружить наличие слова триодиннадцатый в русском языке, хотя утверждать, что пересмотрены все материалы по данной теме, я не буду. Исходя из собственных принципов определения авторского слова - отсутствие в словарях и исследовательская интуиция - я считаю, что слово триодиннадцатый создано В.С.Высоцким (ср.: «Главное в том, что, помимо Тридевятого, существует ещё и Тридесятое,

2. Этим термином Д.Штурман называет новые слова А.И.Солженицына, напоминающие устаревшие (Штурман Д. Остановимо ли красное колесо? // Новый мир. - 1993. - № 2. - С.146.) Н.Д.Решетовская в книге «Александр Солженицын и читающая Россия» употребляет термин «неоархаизм» в том же значении.

и Триодиннадцатое. Эти неологизмы Высоцкого потому и звучат так неожиданно, что мы привыкли мыслить рамками только «Тридевятого», только одной страны, одной социальной системы» [18:202]).

Итак, исходя из трансформированных в «Странной сказке» значений слов тридевятый и тридесятый, значение слова триодиннадцатый определяется следующим образом: «совсем далёкая (почти самая далёкая) страна, земля, тридцать третья по счёту».

Весьма своеобразен и способ создания новообразования. Если слова тридевятый и тридесятый образованы от слов тридевять и тридесять при помощи нулевого (материально не выраженного) суффикса, то у слова триодиннадцатый нет исходной базы в виде гипотетического слова триодиннадцать. Оно образовано оживлением застывшей словообразовательной модели, что в лингвистике носит различные названия: словообразование по образцу, субституция и т.д. Я придерживаюсь той точки зрения, что в данном случае имеет место субституция, т.е. заменительное словообразование, при котором слово создаётся путём замены в исходном слове какой-либо части. Таким образом, слово триодиннадцатый возникло путём замены в слове тридесятый второго корневого элемента.

И ещё одно замечание: в современном русском языке новые числительные не образуются, а слово триодиннадцатый является именно числительным, точнее, числительным-прилагательным³.

P.S. Даже если и обнаружится вдруг, что слово триодиннадцатый когда-то существовало (вероятность чего, на мой взгляд, не просто незначительная, а даже отрицательная), то значение этого гипотетически-раритетного слова всё равно будет отличаться от того значения, которое придал ему В.С.Высоцкий» [8:74-76].

На этот словарь были самые разные отклики. Так, например, А.Забияко, отмечая высокую значимость самой работы, критикует два момента: неразличение терминов неологизм и окказионализм⁴ и включение в словарь слов, окказионализмами, по её мнению, не являющимися: «В противном случае опора автора исключительно на «исследовательскую интуицию» (с.3) приводит к тому, что наряду с бесспорными окказионализмами (алкоголий, безгитарье, бермутно, всенаплевающе, израилеванный, и многие другие), ставшие яркими идиостилевыми приметамы Высоцкого, в Опыт словаря включаются слова, обязанные своим возникновением и бытованием отнюдь не словотворчеству поэта. Некоторые из них широко употребляются в просторечии (гон, напукать, тошнотно, вгребаться, всяко-разно, гамно, сейчасный, тет-на-тет и т.д.), другие

восходят к поэтической лексике (недолюбить), третьи вообще имеют терминологическую окраску (цветоноты))» [7:508].

Сходный упрёк, правда, сказанный походя, имеется и у другого автора: «В Орле выпущен словарь «Окказионализмы В.С.Высоцкого» - там собрано 418 придуманных Высоцким слов: «безгитарье», «всенаплевающе», «израилеванный», «бермутно» и т.д. Ему тут приписаны, правда, и слова, существовавшие прежде, вроде «недолюбить» или «всяко-разно». В другом исследовании насчитывается 150 неологизмов, тоже немало» [4:520].

Не вступая в полемику с А.Забияко и П.Вайлем, отметим следующее: да, действительно, некоторые слова ошибочно были сочтены новообразованиями поэта (например, никчемушный). Однако с теми словами, которые А.Забияко и П.Вайль относят к «существовавшим прежде» далеко не всё просто. Они не фиксируются словарями, их нет в «Национальном корпусе русского языка», запрос в Интернете часто выдаёт только ссылки на Высоцкого (и на более поздние источники)... Может быть, они и существуют в каких-либо сферах языка/речи, но нет никаких доказательств, что эти слова были почёрпнуты Высоцким именно из них; есть же ещё и возможность независимого воссоздания слова...

В настоящее время ведётся работа над «Словарём семантических новообразований В.С.Высоцкого».

Словарная статья в этом словаре будет выглядеть так: «КАБИНЕТ. Служебное помещение в учреждении обычно для ответственного лица.

Хвост огромный в кабинет Из людей, пожалуй, ста. Мишке там сказали «нет», Ну а мне – «пожалуйста» (Мишка Шифман).

«Слушатель, опираясь на собственные знания, может заключить, что большинство людей, томящихся в этой очереди, получили тот же ответ, что и Мишка (по причине принадлежности к определённой национальности в определённой стране в определённую эпоху). И в таком случае слово кабинет в сознании участников ситуации может наделаться особой внутренней формой, частью которой является отрицательное слово нет: кабинет – место, где говорят нет» [12:173].

«Место, где говорят «нет»; «Служебное помещение в учреждении для ответственного лица, в котором говорят «нет», отказывают»»⁵.

С 2002 года выходит «Словарь новообразований Н.С.Лескова». Его автор, Л.В.Алёшина, подробно рассматривает проблему словарей авторских новообразований в современной лексикографической теории и практике [1:8-13].

Словарная статья представлена следующим образом: «Итак, считаем оптимальной для словарей АН следующую структуру словарной статьи:

ЗАГоловочное Слово – зона грамматической характеристики (часть речи, для имён существительных и прилагательных лексико-грамматический разряд, для глаголов вид) · зона словарной дефиниции · зона цитации · адресная зона (название произведения; дата создания или первой публикации; источник – издание, том, страница) · зона словообразовательной интерпретации (производя-

3. Ср.: «Так, в официально-деловых текстах вряд ли возможно употребление количественных знаков пара, пяток, десятков, дюжина, полсотни, полста, пол-двенадцатого, конструкций типа без четверти одиннадцать (ср. двадцать два часа сорок пять минут), полста четвёртый, не говоря уже о «числительных» тридевять, тридесятый, чёртова дюжина и под., которые в академических грамматиках даже не упоминаются, а в толковых словарях решительно выводятся за пределы соответствующего разряда знаменательных слов (в отличие от «Грамматического словаря русского языка» А.А.Зализняка, где тридевять, тридесятый, двенадцатый и под. отнесены к числительным)» (Журавлёв А.Ф. Функциональные регистры [в разделе «Лексика». - В.И.] // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. - М. - 1996. - С.244).

4. Хотя и пишет: «Автор, по всей видимости, сознательно не разграничивает дефиниции понятий неологизм и окказионализм и уточняет, что подобный подход применяется во многих работах по неологии, однако ссылки на конкретные исследования, к сожалению, отсутствуют» [7:507].

5. Словарная статья включает следующие компоненты: Заголовочное слово; словарное значение; контекст употребления; комментарий; контекстуальное значение слова.

щее; словообразовательные средства; морфонологические явления; способ словопроизводства и характеристика его с точки зрения продуктивности/непродуктивности – окказиональности

~ зона отражения системных связей
· зона дополнительных сведений» [1:144].

А вот пример конкретной словарной статьи: «ОМИЗЕРИТЬСЯ – сов. Стать мизерным. Большая, белая, валяжная Мордоконали осчастливила собрание, и при ней всё как бы померкло и омизерилось. Собрание; роман-хроника; 1872; 4, с.244 || о- + мизер[ный] + -и[ть] + -ся → омизериться; префиксально-суффиксально-постфиксальный способ» [2:77].

Структура словарной статьи, предложенной Л.В.Алёшиной, представляется мне самой оптимальной для словаря авторских новообразований.

В.В.Леденёва, рассматривая лексикографическое представление эпистолярного наследия Н.С.Лескова, вводит помету окказиональное: «Подчёркиванием выделены слова, не получившие ранее лексикографической интерпретации в толковых словарях; окказиональные слова выделены подчёркиванием и курсивом» [13:6-7]. Словарная статья окказионального слова выглядит следующим образом: «**НЕСКОРОСПЕШНЫЙ**. Навыпуск и сокращения в «варварах» согласен, но надеюсь на Вас, что будете на сей счёт скупы и нескоропешны. 194» [13:48]; «**ОПУЧИТЕЛЬНОСТЬ**, окказ. Действие и состояние по глаг. опучивать – оручить: опухнуть, раздуть, вздуть, вспучить (ТСД) Вот тоже опучительность, до чего может доводить самомнение! 251» [13:223].

В.В.Никульцева, описывая сложности работы над «Словарём неологизмов Игоря-Северянина», указывает на такое обстоятельство: «Работа над созданием «Словаря неологизмов Игоря-Северянина» осложнялась тем, что до настоящего момента не существует полного собрания сочинений этого поэта; современные же издания его произведений содержат огромное количество опечаток и искажений текста. Наблюдается трансформация исследуемых неологизмов» [19:7]. В принципе это замечание верно для многих словарей подобного типа, поскольку далеко не все авторы удостоились академически выверенного издания.

Следует отметить определённое своеобразие словарной статьи в этом словаре: «Структура словарной статьи представлена следующими компонентами:

1. Лексема (исходная форма неологизма).
2. Акцентологические пометы (отмечается наличие как статического, так и двоякого ударения; сложные слова имеют двойное ударение).
3. Грамматические пометы: указание на изменимость/неизменяемость (форма родительного падежа существительных, прилагательных и причастий; форма 3 лица единственного числа глаголов), род (у существительных), вид (у глаголов и деепричастий), часть речи.
4. Стилистическая и/или экспрессивная помета (разг., прост., книжн., высок.; презрит., пренебр., шутол., бран., уменьш.-ласк. и т.д.).
5. Лексическое значение; в мотивацию, как правило, включается производящее слово, реже толкование даётся через синоним/описательный оборот; отмечается однозначность/многозначность слова.
6. Цитата/цитаты с указанием названия и года создания

произведения / произведений и отсылочных шифров книг / автографов.

7. Способ образования, производящее слово.

8. Идентичный неологизм в творчестве другого / других писателя / писателей.

9. Толкование другого исследователя, данные других словарей (в случае расхождения с представленным толкованием или в целях уточнения).

10. Обращение к языку-источнику мотивирующего слова (в связи с толкованием неологизма, произведённого на базе заимствованных морфем).

11. Синонимы.

12. Антонимы» [19:9].

Характеризуя способы создания новообразований, В.В.Никульцева пишет: «Нами было установлено, что Игорь-Северянин образует неологизмы разными (узусальными и окказиональными) способами: суффиксацией (ромаль, королить), в том числе нулевой (воль, примитива); основосложением (призывосвист, облачно-красный); словосложением (корректно-аккуратно, чьох-чьох, полурывдван-полуковчег); аффиксоидным способом (роднозём, полуувечный, нео-форма); суффиксально-сложным способом (белоконный, розовобликий); циркумфиксацией (перелюдить, надплечный); сращением (мучительно-влюблённый, нежданно-серый, вполную); сращение с суффиксацией (предомнойный, быстротечка); префиксация (высверкать, отзнак); сокращением (Инста, Гризель, поэзы, диссо); конверсией (переходом слова в другую часть речи – встречно, сквозь); синтаксическим способом (соединением слов в сочетании – кручёные бурлюки, мушка-поцелуй); метатезой (перестановкой слогов или слов – Колорадо-Рио, мальчик-пай); эпентезой (вставкой слогов или звуков – впроскользь); диерезой (выкидкой звуков или слогов – Култра, окрылость); постфиксацией (чароваться, вуалиться); префиксацией с основосложением (исчерно-серо); префиксально-постфиксальным способом (перетрелиться, прижалиться); суффиксально-постфиксальным способом (атлаться, бирюзиться); префиксально-суффиксально-постфиксально-сальным способом (вмолниться, проглазиться); заменой элемента (простиздеська), заменой аффикса (непобедность), редеривацией (обратным словообразованием – крол, забвель). В 90% случаев новообразования, около половины которых – суффиксальные, построены с применением узусальных способов деривации. Примерно в 40% случаев не представлялось возможным с точностью установить словообразовательный способ, вследствие чего фиксировался факт двойной мотивации» [19:10-11].

Приведём несколько словарных статей из этого словаря.

Вот словарная статья к самому, пожалуй, известному из созданных поэтом слов:

«**БЕЗДА'РЬ**, -и, ж., сущ. 1. Собир. Бездарные, бесталанные люди; заурядная толпа. Вокруг – талантливые трусы / И обнаглевшая бездарь... / И только вы, Валерий Брюсов, / Как некий равный государь... («Прощальная поэма (Ответ Валерию Брюсову на его послание)», 1912; ГК, с.139); Бездарь бездарна и при цензе, / Талант бездарностью душим!.. («Поэма о поэзах», 1916; М, с.22); Ушли талантливые трусы, / А обнаглевшая бездарь, / Как готтентоты и зулусы, / Тлит муз и пакостит алтарь («Поэма дополнения», <1919>; М2, с.38); Талант – талант, бездарь – бездарность, / Будь это швед ли, иудей («Экспромт по приезде в

Ригу», 1924; НЛ, л.47 (об.)); Бездарь, состряпаная Ицкой, / Тебе милей, о молодёжь, / Воспитанная на Вербицкой!.. («Пенсионеры двух «мадам», 1924; НЛ, л.47 (об.)) = Л, л.6); ... Но я молчал, молчал любезно, / Давно приняв рецепт Гюго: С бездарью ссора бесполезна / И не изменит ничего... («Невесомая. Рассказ в стихах Игоря Северянина», 1924; ПРЯ, л.14-15); Уж вохникает «цех поэтов» / (Куда бездари, как не в цех!) <,> / Где учат этих, учат тех, / Что можно жить без триолетов / И без рондо, и без... стихов! -/ Но уж никак не без ослов!..(РЛ2, 1925, ч.II, с.31); У Мережковской в будуаре / На Сергиевской ярый спор/ О Божестве и о бездари, / Несущейся во весь опор (РЛ2, 1925, ч.II, с.29); 2. Презрит. Бездарность, посредственный писатель. Не всё ли мне равно – я гений / Иль заурядная бездарь, / Когда я точно сад весенний / И весь сплошная светозарь («Монументальные пустышки, I», 1914, VR, с.121); ... И некий губернёр недетский / Адам Акмеич Городецкий <,> / Известный апломбист «Речи» <,> / Бездарь во всём, что ни строчи... («Поэма Беспоземия», 1915; ТБ, с.112 = рук. РГБ:Мусажет, 58-4, л.82); Они же думают: «Бездарь! / Как ржавы все твои отмычки...» («Провыкрутасенная штука», 1923; ПРЯ, л.6 (об.)); Пусть я собой не буду, пусть / Я окажусь совсем бездарью, / Коль в строфах не осветозарю / И пламенно не воспую / Весну плярную свою! (РОЧ, 1923, ч.II, с.37); ... В век псевдо-умных дураков, / Стремящихся умы ужалить, / Художник должен быть таков, / Как я: не скромничать (ослит / Бездарь иначе!), должен вылит / Быть как из стали – твёрд и смел, / В боях с рутинуо умел, / Не поддаваясь вздорной брани / И все препятствия с пути / Волною хлынувшей смести (РЛ 2, 1925, ч.III, с.52); Состряпанное потною бездарью / Пронзает в мозг Ивана или Марью, / За гения принявших заурядь («Пастернак», 1928; МСВ, с.77)

Суф. ← бездарный;

Ср. [Есенин, IV-251]: Ах, сыпь, ах, жарь, / Маяковский – бездарь. / Рожа краской питана, / Обокрал Уитмана («Частушки (О поэтах)», <1915-1917>») [19:29-30].

Приведём словарную статью с неологизмом Северянина, который отмечен у других авторов: «ПОЭТОВ, -а, прил. Принадлежащий поэту. О нём мы вспомним здесь с тоскою, / И лишь о нём поэтава мечта... («Послание Борису Правдину о его коте «Бодлэре», 1927; ЛС, л.69 (об.)); - О, Рэк! О, Рэк! поэтава могила! - / В ближайшем поле скрипнет коростель... («Озеро Рэк», 1928; КР, с.66); Разве же способен мяч футбольный / И киш<о>к фокстротящих труха / Разобраться сболью богомольной / В тонкостях поэтава стиха? («Поэту», 1929; КР, с.89); У меня в каждой местности, - в той, где я был, - / Есть приятельница молодая, / Та, кого восхитил грёз поэтовых пыл / И поэта строфа золотая («Подругам милым», 1930; КР, с.117).

Суф. ← поэт.

Ср. [Маяковский, I- 258]: Взбурься, баллад поэтовых тина («Человек», 1916-1917); [Маяковский, I- 313]: Радостно зашаркали в прихожей / два миллиарда поэтовых ног, но... («И нам мяса!», 1914); [Маяковский, II-18]: Но труд поэтов – почтенный паче - / людей живых ловить, а не рыб («Поэт рабочий», 1918); [Маяковский, II-134]: А одежда тонка, / будто вовсе и нет - / из тончайшей поэтовой неги она («150 000 000», 1919-1920); [Маяковский, IV-90]: Больше чем можно, / больше чем надо – будто/ поэтовым бредом во сне навис - / комок сердечный разросся громадой: / громада любовь, громада ненависть («Люблю»,

1922); [Маяковский, IV-177]: Лишь на Кремле / поэтовы ключья / сияли по ветру красным флажком («Про это», 1922); [Маяковский, IV-342]: Поэтовы штучки думаешь (Черновая рукопись поэмы «Про это», 1922); [Маяковский, IX-248]: Возрадуйтесь, / найден выход // из // положенья этого: // снесём Страстной / и выстроим Гиз, // чтоб радовал / зренье поэтово («Шутка, похожая на правду», 1928); [Маяковский, VI-201]: Как раньше, свой / раскачивай горб / впереди / поэтовых арб - / неси, / один, / и радость, / и скорбь, / и прочий / людской скарб («Париж»: «Город», 1925)⁶.

Ср. [Цветаева, I-489]: От века поэтовы корки черствы, / И дела нам нету до красной Москвы! («Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!...», 1919); [Цветаева, II-184]: Ибо путь комет - / Поэтов путь. Развешенные звенья / Причинности – вот связь его! Кверх лбом - / Отчаётся! Поэтовы затмения / Не предугаданы календарём («Поэты»: «1. Поэт – издаека заводит речь...», 1923); [Цветаева, II-253]: - Не вечный пыл / В печи смоляной поэтовой / Крестил – кто меня крестил / Водю недогретою / Речною, - на свыше сил / Дела, не вершимы жёнами - / Крестил – кто меня крестил / Бедюю неподслащённо: / Беспримесным тем вином («Крестины», 1925).

Ср. [Иванов, 1995, II-119]: На крыльце / Поэтова жена, в ванэйковском чепце, - / Тень Брюгге тихого... («Петровское на Оке, 2», 1915); [Иванов, 1995, II-179]: Как злато, плаваются слова, / Служа поэтовой потребе («Римский дневник 1944 года», 1944?).

Ср. у Ф.Тютчева: ... Страшись поэтовой любви («Не верь, не верь поэту, дева...», 1839).

Син. поэтский*» [19:235].

Отметим ещё одно новообразование поэта: «ЖУРЧЕЁК, - ейка, м., сущ. Ручей, приятно журчащий в лесу. За то, что любишь ты природу, / За то, что веет жизнь от щёк / Твоих, тебе слагаю оду, / Мой звонструйный Ж у р ч е ё к! («Василию Каменскому», 1918; С, с.158).

Суф. ← [журчей*] ← журчать» [19: 98].

Это новообразование интересно тем, что оно образовано от окказионализма, созданного В.В.Каменским, к которому и обращено данное стихотворение, - журчей: «Льются лики клики ролики кролики королики Журчей журчаний столики снег ли й» (Железобетонная поэма); «Душа у Степана была прозрачная, звонкая, переливная и певучая, как горный журчей в лесу» (Стенька Разин); «Солнцеозвучальным океаном разольются по всей Русской Земле весенними журчьями русские песни и буйно всколыхнут молодецкую – удалую русскую жизнь, и расцветут, раскатятся вольные дни во славу славную, вечнославную, мирославную» (Стенька Разин); «Чурли журчей бурли журчей И как свинец Ты Солнце плавь Гори жарчей любви жарчей Лесную явь» (Бурли Журчей); «Очи вечность лучей Чей журчей. Я – ничей» (Ч – знак мистический); «Как хрустальный журчей Неустальный ничей Я всегда перед вами недалний нечаянный» (Вольный рыбак)⁷.

Словарь, составленный В.В.Никольцевой, снабжён

6. Любопытно, что слово поэтов не включено в состав новообразований В.В.Маяковского (указаны следующие однокоренные новые слова: поэтика («поэты»), поэтин, поэтоволосый, поэтохроника [5:411].

7. Впрочем, Д.Б.Масленников приводит слово журчейёк, созданное В.В.Каменским: «ЖУРЧЕЁК, -а, м., н. - маленький журчащий ручеек. ~ «Чурли-Журль»: Дикий лесной журчейёк [Каменский 1918: 84]. # 1) Афф., суф.: журча(ть) + еек (усеч. осн.). 2) м/б скорнение: журчать + ручеек» [16:91].

прекрасной разъяснительно-справочной базой. Так, «Введение» включает следующие разделы: О написании псевдонима поэта; Выбор объекта исследования; Концепция словаря; Лексикографические трудности; Сфера применения словаря. Кроме того, в Приложении 2 представлен весьма многообразный список литературы, включающий различные издания произведений И. Северянина, краткую библиографию работ о поэте и обширнейший указатель лингвистических работ (Приложение 1 представляет словарь неологизмов).

В 2009 году опубликован словарь авторских новообразований Е. Евтушенко. Вот как авторы характеризуют принципы создания своего словаря: «Классификация АН [авторских новообразований – В.П.] разных частей речи требует построения разных словарных статей при соблюдении общих принципов создания самой словарной статьи. Они таковы:

1) заглавная форма слова – новообразования в начальной, исходной форме, реально представленной в тексте или восстановленной, кроме случаев, где это выглядело бы искусственно. Именно поэтому как «словарные представлены причастия и деепричастия, прилагательные и причастия в краткой форме, прилагательные в сравнительной степени и в значении существительного», как это выдержано в словаре «Самовитое слово»;

2) толкование новообразования, как правило, отсутствует из-за неизбежности некоторого субъективизма составителей;

3) но наличие микроконтекста позволяет читателю интерпретировать адекватно значение новообразования;

4) комментарий и сведения энциклопедического характера даются факультативно, чаще всего в статьях с отонимами (образованиями от собственных имён) или в случаях, трудных для читательского восприятия;

5) словообразовательная характеристика слова представляет собой условную общепринятую запись образования слова с указанием производящего и форманта; в необходимых случаях (особенно при чересступенчатом образовании, когда восстанавливается пропущенная ступень, которая маркируется знаком *) указывается не только непосредственная словообразовательная пара, но и восстанавливается словообразовательная цепь – последовательность производных, приведшая к образованию анализируемого АН;

6) используется система специальных помет и сокращений текстовых источников;

7) в цитате выделяются и другие новообразования, словообразовательная характеристика которых даётся или внутри статьи или по его месту в алфавитном списке – со ссылкой на текст с уже упомянутым заглавным словом» [17:10-11].

Словарные статьи представлены следующим образом:

«ВЫВЕРИВАТЬСЯ, глаг. А сфинксы / медленно / выверивались, / и веры / мертвенно / выверивались (Нефертити. 1963, т.2:290)

вывериваться < вы- + Вер(ть) + -ва-ть + -ся» [17:64].

«НАБЕЖНЫЙ, прил. Но певец отвечал: / «Был бы проклят Боян, / если б звал он к таким же набежным боям, / если б звал он в улусы монгольские влезть, / попирая обряды и женскую честь» (Непрядва, 1983, т.6:45)

набежный < набег (г//ж) + -н(ый)» [17:146].

Данный словарь в структурном отношении состоит из

следующих частей: Вместо предисловия; Введение; <собственно Словарь>⁸; Словник новообразований Евгения Евтушенко, представленный в публицистических текстах.

В 2009 году вышла монография Д.Б. Масленникова, значительную часть которой составляет словарь новообразований, созданных поэтами-футуристами: «Выборка материала производилась из ранних футуристических сборников начала XX века: Н. Асеев «Зор» (М., 1914), Н. Асеев, Г. Петников «Леторей» (М., 1915), Н. Асеев «Ночная флейта» (М., 1916), Н. Асеев «Ой конин дан окейн» (М., 1916), К. Большаков «Мозаика» (М., 1911), К. Большаков «Поэма событий» (М., 1916), К. Большаков «Солнце на излете» (М., 1916), Д. Бурлюк и др. «Пощечина общественному вкусу» (М., 1913), Е. Гуро «Небесные верблюжата» (СПб., 1914), Е. Гуро «Шарманка» (СПб., 1909), Р. Ивнев «Золото смерти» (М., 1916), Р. Ивнев «Пламя пышет» (М., 1913), В. Каменский «Звучаль веснянки» (М., 1918), В. Каменский «Землянка» (М., 1911), А. Крученых «Поросята» (СПб., 1913), А. Крученых «Черт и речетворцы» (СПб., 1913), Футуристы. К. Большаков, Бурлюки: Давид, Владимир, Николай и др. «Дохлая луна» (2 изд.) (М., 1914), В. Хлебников и др. «Дохлая луна. Сборник единственных футуристов мира!» (1 изд.) (М., 1913)» [16:7].

Словарная статья строится следующим образом: «ВОЛКЛО, нареч. - 1) сыро; 2) подобно волку, волчьему вою, тоскливо; 3) медленно, неспешно. ~ «Этим днем...»: Этим днем было... тихо и волкло (Каменский 1918: 72). # 1) переогласовка: волгло *волкло; 2) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного волклый (при образовании слова пропущен один деривационный шаг: волк + л → волклый): волкл(ый) + о; 3) Суффиксальное образование от потенциального производящего прилагательного волоклый (при образовании слова (от гл. волочь, волочить) пропущен один деривационный шаг: воло(чь) + л → волоклый): волокл(ый) + о» [16:81].

В 2010 году вышел словарь «Словотворчество Маяковского: Опыт словаря окказионализмов» [5]. Он включает в себя следующие разделы: От составителя; Состав и структура словаря; Краткая библиография; Условные сокращения; Словарь; Приложения; Дополнение. Сам автор следующим образом характеризует свою работу: «Настоящий словарь представляет собой попытку собрать воедино и лексикографически описать словообразовательные и морфологические (словоизменительные) новообразования В.В. Маяковского. Словарь задуман прежде всего как исчерпывающий свод окказиональной лексики, для чего были обследованы все произведения В.В. Маяковского, включая стихотворные тексты, прозу, драматургию, статьи, речи и выступления, письма, а также разделы «Коллективное», «Dubia», «Варианты и разночтения». В результате была составлена картотека, в которой зафиксировано около пяти тысяч случаев окказионального словоупотребления и которая легла в основу настоящего словаря» [5:6].

Словарная статья выглядит следующим образом: «ИЗОРАТЬ, -ру, -рёшь; сов., перех. I. Громкими звуками, криком довести до изнеможения. Ливень докладов. / Преее? / Прей! // А под клубом, / гармошкой избóранные, // в клубе табачных / шипит «Левенбрей», // в белой пене /

8. Он никак специально не обозначен; после Введения сразу начинаются словарные статьи на А.

прибоем / трёхгорное... Хулиган. VII, 182. 2. Многократно громко, настойчиво повторяя, донести до большой аудитории. Тысячи лозунгов, знаменами избранных, - зовут к борьбе за счастье людей (...). Первомайское поздравление. VII, 111; Эта тема / ещё не избранный. // Смотрите / котлам асфальтовым в зев! // Ещё копошится / грязь беспризорная - // хулиганья бесконечный резерв. Беспризорщина, VII, 170.

Из- + орать. Ср. истаскать, исписать» [5: 213].

Весьма интересны Приложения к Словарю.

В первом приложении собраны формы множественного числа имён существительных собственных: Айвазовские; Бобчинские; Волховстрой; «Илиады»; Максимы Горькие; «Нивы»; Троцкие; Чикаги; Шкуры; Эйнштейны [5: 599-602]. Они даны списком, без указания значений. Между тем существует уже целая серия работ, в которых это явление – приобретение существительными *singularia tantum* форм множественного числа с изменением значения (оно получило название плюрализация) – описано достаточно подробно с точки зрения словообразовательной и структурной (см.: [10], [11]).

Во втором приложении помещены сложные дефисные существительные, например: ангел-ротик; блоха-рифма; века-Аралы; город-дом-коммуна; мучитель-учитель; очки-велосипед; рай-страна; спаситель-любовь; фантазия-факт; чёрт-церемонийстер; шенок-Хлестаков; яд-самогон [5: 603-612].

В.Н.Валавин в разделах, входящих в «Краткую библиографию» («Теоретические работы»; «Словари»), не называет ни одной работы, специально посвящённой теории и практике составления словарей новых слов, и не указывает ни одного словаря новых слов одного автора⁹.

В 2010 году вышел довольно любопытный словарь новых слов, в котором автор сам проанализировал созданные им слова из своих поэтических сборников. Следует привести некоторые отрывки из предисловия: «Словарь новообразований, созданный самим автором, - дело принципиально новое в любой (по-видимому) филологии.

«Техническая» сторона. Я сознательно иду на то, чтобы не унифицировать словарные статьи, поэтому в одних случаях есть только указание на способ образования и определение значения, в других даётся более обширная информация. Кроме того, нет единой схемы описания, что, собственно, и делает словарь словарём. Нужно дать какое-то иное словарно-жанровое определение, нечто вроде окказионализмотолкователь. <...>

Я выступаю как исследователь, интерпретатор своего творчества» [9: 4-5].

Знание автором причин и процесса создания слова позволяет в словарной статье предлагать интересную информацию: «ВОТОЗИ. Под фамилией Вотози Проживаю анти-я Не в разваленном колхозе, А в стране Япония. С той фамилией Вотози, Как станет ясно далее, На полнейшем на серьёзе Можно жить в Италии («Под фамилией Вотози...» - В17).

Ретроскрибированная собственная фамилия оказалась похожей на японские и итальянские фамилии, что, собственно, и явилось содержанием стихотворения. Ну а новообразования Яинопя, Яилати, Римидаль, Чивортеп до-

9. Это тем более удивительно, что существует ещё один словарь новых слов В.В.Маяковского: Колесников Н.П. Словарь неологизмов В.В.Маяковского. – Тбилиси, 1995 (к сожалению, мне не удалось просмотреть этот словарь).

полняют эту основную идею (ту же функцию выполняют, в сущности, и новообразования с анти-)» [9: 11].

Словари авторских новообразований различаются по своим установкам, по принципам подачи материала, по принципам отбора слов, но можно с полной уверенностью сказать, что это крайне необходимое лексикографическое направление заметно активизируется в последнее время и, по-видимому, в самом ближайшем будущем стоит ожидать появления новых («хороших и разных», по Маяковскому) словарей новых слов отдельных авторов

Так, например, завершается работа над «Словарём новых слов Василия Каменского», словарная статья в котором будет выглядеть следующим образом:

«ЗВУЧАЛЬ. То, что звучит.

На Дон – откуда звонкими стаями вылетали чудесные, неслыханные песни о вольной жизни казацкой, о славных победных походах на бусурман, о богатствах полоняночных, о красоте несказанной Дона родного, о дружбе любовной, нерасстанной, крепкой, о славе молодецкой, разгульной, талантливой, могучей, о стройных, загорелых от солнца казачках с льняными косами, с утронебесными глазами, с вишнёвыми ртами, с речами распевно-ласковыми, уговорными, падающими в душу пресветлой звучалью (Стенька Разин – С:27); В песне он слышал веснянную синюю разливность из берегов по лугам, когда текучесть течения, задевая кусты, даёт трепет журнального мерцания, привлекая лучших мастеров пения – соловьёв ковать чёткие трели у водоравнин, умеющих отражать броско наливные звучали (Стенька Разин – С:50); О поэтическая звучаль Поэта-пророка открывшего жизни Звучальные радости Расцветающим дням (Акафист – С:44); А я сию за зеркальным окном Первого класса – И странно зовёт Подойти к блондинке На пианино звучаль (Блондинка – С:141); В Железноводском парке Я встретил девушку Мечтугрустинницу Мечту-венчалъ. В поэмах-ласках переливницу В прикосновениях звучаль (Железноводск – С:156).

Суффиксация».

В этом словаре будут представлены, кроме собственного словаря, ещё такие разделы: Статус окказиональных слов; Способы словообразования¹⁰; Словотворчество Каменского; Словообразовательные гнезда...

Словари авторских новообразований, несомненно, будут появляться всё активнее, и так же несомненно, что в каждом последующем будет появляться нечто новое, развивающее теорию авторской окказиональной лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алёшина Л.В. Словари авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии. – Орёл: ОГУ, 2001. – 172 с.

2. Алёшина Л.В. Словарь новообразований Н.С.Лескова: словарные статьи на «О» // Язык. Речь. Текст: Традиции. Новации. Сб. науч. тр. – Орёл: ОГУ, 2010. – С.70-79.

3. Алфавитный список слов, сочинённых В.Г.Бенедиктовым, видоизменённых или никем почти не употребляемых, - встречающихся в его стихотворениях, составленный Я.П.Полонским // Русская авторская лекси-

10. Будет представлено описание способов словообразования, которыми созданы новообразования В.В.Каменского, по схеме: определение способа словообразования; список слов, созданных этим способом.

кография XIX – XX веков: Антология / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н.Караулов. М.: Азбуковник, 2003. – С.95-96.

4. Вайль П. Стихи про меня. – М.: КоЛибри, 2006. – 688с.

5. Валавин В.Н. Словообразование Маяковского: Опыт словаря окказионализмов. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 622 с.

6. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 432 с.

7. Забияко А. Изотов В.П. Окказионализмы В.С.Высоцкого: Опыт словаря // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. III. Т.2 / Сост. А.Е.Крылов и В.Ф.Щербакова. – М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1999. – С.507-509.

8. Изотов В.П. Окказионализмы В.С.Высоцкого. Опыт словаря. - Орёл. - 1998. - 85 с

9. Изотов В.П. «Словосозданию он светел...» Из «Метапоэтики В.П.Изотова»: Словарь поэтических окказионализмов. Выпуск первый. – Орёл, 2010 в. – 30 с.

10. Изотов В.В., Изотов В.П. ... в каком из бытий... Словарь плюративов Саши Соколова. – Орёл, 2011. – 18 с.

11. Изотов В.П., Хвастова Е.В. Раздвинутые горизонты: Словарь плюративов В.С.Высоцкого. – Орёл, 2010. – 20 с.

12. Лавринович Т. Языковая игра Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. Вып. III. Т.2. – М., 1999. – С.172-180.

13. Леденёва В.В. Индивидуальное и общее в идиолекте Н.С.Лескова: Лексический состав эпистолярных текстов 90-х годов XIX века: Словарь. В 2-х книгах. [Кн.1]. – М.: МГОУ, 2007. – 451 с.

14. Лернер Н. Бенедиктов В.Г. // www.az.lib.ru/b/benediktov_w_g/text_0030.shtml

15. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973. – 152 с.

16. Масленников Д.Б. Русское поэтическое словообразование. Ч.1. Футуристы. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. – 160 с.

17. Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А. Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко. – Майкоп: ООО «Качество», 2009. – 304 с.

18. Новиков В.И. В Союзе писателей не состоял. Писатель Владимир Высоцкий. – М.: СП Интерпринт, 1990. – 224 с.

19. Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря Северянина / Под ред. проф. В.В.Лопатина. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 380 с.

20. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: «русский язык». 1990. – 921 с.

21. Перцова Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. – Wien – Moskau, 1995. – 560 с.

22. Перцова Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова // Русская авторская лексикография XIX – XX веков: Антология / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н.Караулов. М.: Азбуковник, 2003. – С.424-432.

23. Словарь русского языка. Т.IV. Изд. третье, стереотипное. – М.: «Русский язык», 1988. – 796 с.

24. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания, 1957, № 4, - С.64-73.

25. Шеляховская Л.А., Богданов Н.А. Словообразовательный аспект изучения некоторых групп окказионализмов // Новые слова и словари новых слов / Под ред. Н.З.Котеловой. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. – С.82-92.

26. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА

Карасик В.И.,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой английской филологии,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Ключевые слова: оценка, социальное равенство, концепт, афоризм, пословица

Key words: evaluation, social equality, concept, aphorism, proverb

Аннотация. В статье анализируется отношение к социальному равенству, выраженное в афоризмах и пословицах. Установлено, что положительно оценивается равенство как человеческое право и условие демократической организации общества, отрицательно оцениваются утопичность равенства и использование этого концепта как прикрытия для манипуляции.

Attitudes to social equality as expressed in aphorisms and proverbs are analyzed. Equality is highly praised as a necessary human right and precondition of democratic organization of society but it is severely criticized as a utopian idea and disguise for manipulation.

Отношение к равенству и неравенству в обществе весьма противоречиво, и эти противоречия находят отражение в паремиологии – пословицах и афоризмах. Эти авторсемантические высказывания играют важную роль в общении, поскольку емко и ярко выражают отношение к актуальным для коммуникантов темам, выступают в качестве прецедентных текстов и часто используются в качестве аргументов в полемике (Литвин, 1997, 1999, 2002). Социальное неравенство рассматривается в данной работе как регулятивный лингвокультурный концепт – квант переживаемого знания, содержание которого сводится к выражению определенных норм поведения (Воркачев, 2007; Карасик, 2004; Слышкин, 2004). Можно выделить следующие направления осмысления этого концепта: положительная оценка равенства либо неравенства, отрицательная оценка равенства либо неравенства, нормы поведения, обусловленного равенством либо неравенством.

Положительная оценка равенства между людьми обусловлена стремлением достичь социальной гармонии:

С точки зрения естественного права все люди равны. (Латинское изречение). Равенство – это признание за всеми людьми мира одинаковых прав на пользование благами мира, одинаковых прав на блага, происходящие от общей жизни, и одинаковых прав на уважение личности человека. (Л. Толстой). Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными; что они наделены своим творцом неотчуждаемыми правами; что в число этих прав входят жизнь, свобода и возможность добиваться счастья. (Т. Джефферсон). Равенство и свобода – естественные и неизменные основы человеческого единения и, следовательно, необходимый и основной принцип всякого закона и всякой правильной системы правления. (К. Вольней). Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. (Всеобщая декларация прав человека).

Подчеркивается естественность социального равенства в силу его биологической самоочевидности. Фактически речь идет о принципе равноправия, о равенстве граждан перед законом:

Равноправие – святой закон для человечества. (Ф. Шиллер). Равные права – всем, особые привилегии – никому. (Т. Джефферсон). Истинное равенство граждан состоит в том, чтобы все они одинаково были подчинены законам. (Ж. Д'аламбер). Равенство прав не в том, что все ими воспользуются, а в том, что они всем предоставлены. (Сенека).

Приводятся веские доводы, объясняющие положительную природу равенства:

Равенство – начало справедливости. (Сенека). Важнейшее свойство справедливости есть равенство. (Латинское изречение). Равенство создает дружбу. (Платон). Равенство не рождает войну. (Солон). Я считаю доказанным, что при состоянии равенства ничего нет легче, как предупредить злоупотребления и твердо упрочнить законы. (Г. Мабли). Мы за равенство только с теми, кто нас превосходит. (А. Бек).

Многие афористические речи на тему равенства выражают отрицательную оценку такого положения дел. Констатируется то, что в действительности равенство невозможно, поскольку люди рождаются неравными:

Люди рождаются свободными и неравными. (Г. Аллен). В теории нет ничего проще равенства, на деле же нет ничего невыносимее его и призрачнее (Л. Вовенарг). То, что все люди равны, это утверждение, с которым в обычные времена не согласится ни один здравомыслящий человек (О. Хаксли). Равноправие – искусственное принижение одних и возвышение других. (М. Макаров). Всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость. (В. Ленин).

Идея равенства утопична, поскольку существует разрыв между идеалом и его воплощением:

Каждый – кузнец своего счастья, но многое зависит от заготовки (А. Жуков). Когда всё становится на свои места, выясняется, что кое-кому места не хватает (Ц. Меламед). Равенство – утопия негодяев. (Д. Жирарден). Когда все будут равны, некому будет поставить знак равенства. (И. Карпов).

Теории, провозглашающие социальное равенство, являются, по мнению афористов, ошибочными:

«Равенство перед законом» не факт, а политическое требование, опирающееся на моральное решение, причем оно совершенно независимо от теории – вероятно, ложной – о том, что «все люди рождаются равными». (К. Поппер). Равенство может быть правом, но никакая человеческая сила не может обратить его в факт. (О. Бальзак). Демократия требует для граждан равного старта, эгалитаризм – равного финиша. (Р. Прайс).

Нас часто раздражают те, кто ведет себя неуважительно по отношению к нам:

Особенно невыносимы идиоты, которые смотрят на тебя как на равного. (NN).

Но такое раздражение уживается, как показано в следующем шутовском изречении, с нашей собственной завышенной самооценкой:

Я не стремлюсь к равенству. Я и так лучше всех (В. Голобородько).

Говоря о равенстве, люди обычно лицемерят:

Равенство, которого мы требуем, - всего лишь наиболее терпимая степень неравенства. (Г. Лихтенберг). Мы живём в мире равных возможностей, - говаривала Ключу Отмычка. (Б. Лесняк). В конечном итоге люди друг другу равны - только не всегда, не везде и не во всем. (В. Гжегорчик). В борьбе за равенство добился исключительных привилегий. (М. Мамчич). Нет больших снобов, чем профессиональные борцы за равенство. (М. Маггеридж).

Равенство несовместимо со свободой:

Где все равны, там никто не свободен. (П. Буаст). Пусть лучше будут несчастливые, чем не будет счастливых вообще, а ведь именно это и произойдет при всеобщем равенстве. (С. Джонсон). Политики не сознают, насколько равенство враждебно свободе. В Греции были свободные люди, потому что были рабы. (А. Камю). Для русского освободительного движения характерно то, что оно дорожит равенством более, нежели самой свободой. Оно готово предпочесть рабство частичному освобождению: между всеобщим равенством рабства и всеобщим равенством свободы оно не допускает середины. Оно не может мыслить иначе, как в форме всеобщности. (Е. Трубецкой).

Равенство несовместимо с благородством:

Все люди – братья: живут, как будто делят наследство (К. Елисеев). Бьют не лежачего, а того, кто пытается встать (Б. Крутиер).

Установление равенства есть насилие, часто жестокое:

Поголовное равенство – мечта Прокрустов. (И. Карпов). Если бы прокрустово ложе могло говорить, оно рассказало бы нам о сути равенства. (Е. Кашеев). Все люди равны. После соответствующей обработки. (Е. Лец). Это свобода, это равенство и братство, – словом, это война! (Ж. Жироду).

Реализация равенства приводит к тому, что в выигрыше оказываются худшие:

Полное равенство означает всеобщую безответственность. (Дж. Элиот). Для большинства людей смысл равенства состоит не в том, чтобы подниматься до уровня других, а в том, чтобы понижать других до своего уровня. (А. Карр). Принцип демократии разлагается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда дух равенства доводится до крайности и каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свои правители. (Ш. Монтескье). Уравнять в «правах» слона и москью означает на деле подчинить слона москье. (В. Грудев).

Борьба за установление равенства является тщетной в силу разных стартовых условий участников этой борьбы:

Одни всегда будут выше других. Уничтожь неравенство сегодня, и завтра оно появится снова. (Р. Эмерсон). Лидер пришёл к финишу первым, остальные всю дорогу бежали (Д. Рудый). Права у всех одинаковые, только исключения разные (Д. Рудый). Единица измерения равенства: львиная доля. (Л. Сухоруков). У всех от Бога – права равны, благословенья - разные. (Л. Сухоруков). В кошки-мышки любят играть только кошки (В. Хочинский).

Установление равенства не только сопряжено с насилием, но и часто преследует корыстные цели:

...Существуют три источника несправедливости: насилие, как таковое, злонамеренное коварство, прикрывающееся именем закона, и жестокость самого закона. (Ф. Бэкон).

Установление равенства приводит к обезличиванию людей:

Социальный прогресс требует стандартизации людей, и эту стандартизацию называют равенством. (Э. Фромм).

Критически оценивается зависть как основа стремления к равенству:

Почти все разговоры о равенстве возможностей рождаются от зависти к неравенству способностей. (С. Янковский). Не мучай других своими успехами (В. Голобородько). Если вы куёте своё счастье, соседи не спят (В. Колечицкий). Из стремления к превосходству рождается дух политического равенства. (Ш. Талейран).

Критически оценивая отрицательные последствия борьбы за равенство, афористы отмечают, что благородные и низкие люди вкладывают в эту борьбу разное содержание:

Идея равенства, наша естественная страсть, прекрасна в возвышенных душах, но для душ низких она не означает ничего, кроме зависти (Ф. Шатобриан). Хуже всего неравенство среди слуг. (В. Шевчик).

Отрицательная оценка неравенства объясняется тем, что оно ведет к падению нравов:

Неравенство естественным образом приводит к материализации высшего класса, опощлению среднего и озверению низшего. (А. Мэтью).

Нормы поведения в отношении равенства устанавливаются прежде всего равные стартовые условия для всех:

У всех должны быть равные шансы, но ни у кого не должно быть преимуществ (Г. Вильсон). Только одно равенство для всех: равенство предварительных условий для деятельности. (В. Дудинцев).

Нормы поведения, обусловленного равенством, сводятся к осмыслению смерти как всеобщего уравнивателя:

Смерть уравнивает всех. Единственное место, где все действительно равны, - это кладбище. Все в землю ляжем, всё прахом будет. Смерть чинов не разбирает. Смерть не разбирает чина, а косит и мужика, и дворянина. Нынче - полковник, а завтра - покойник. Сегодня - царь, а завтра - прах. Для тела папы нужно не больше пядей земли, чем для тела пономаря (С. Сервантес). На эшафоте все равны. (В. Борисов).

Эта тема является одной из центральных в «Экклезиасте»: «Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все — суета! Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах» (Эккл., 3: 19-21).

Отсюда вытекает критическая оценка неравенства как временного положения дел, утешающая тех, кто не сумел достичь многого в своей жизни, и огорчающая тех, кто не принимает идею загробного равенства.

В русском пословицном фонде вариативно выражено предписание соблюдать сложившееся неравенство между людьми:

Знай сверчок свой шесток. Знай ворона свое гнездо. Знай кошка своё лукошко. Не в свои сани не садись. Гусь

свинье не товарищ. Волк коню не товарищ. Лапоть сапогу не пара. Пеший конному не товарищ.

Эти речения представляют собой жесткие директивы, определяющие незыблемость социальной иерархии. Истолкование этих фраз является утилитарным обоснованием бессмысленности попыток изменить порядок вещей: конный обгонит пешего, волк загрызет коня, тот, кто носит сапоги, не станет на равных общаться с обутым в лапти.

Заслуживает внимания ироничное народное предписание трезво оценивать себя и равных себе:

Либо старо-уродливое, либо молодо-спесивое, либо в ровню упрямчивое.

В этом речении выражен совет оценивать себя и партнеров в ситуации ухаживания (и не только ухаживания) адекватно обстоятельствам. Поговорка переключается с известной фразой «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

В англоязычном мире приветствуется иное поведение:

The weakest go to the wall – Слабейшие идут к стене (в средневековой церкви скамьи для молящихся были установлены у стен, а почетные места были в центре, поэтому пойти к стене означало уступить в состязании). Отсюда вытекает требование отстаивать свое право находиться в центре. Don't make yourself a mouse, or the cat will eat you – Не превращай себя в мышку, а то тебя кошка съест (Не следует принижать себя, иначе другие этим могут воспользоваться). Близкая по смыслу идея выражена в известной сентенции Генри Торо: If a man does not keep pace with his companions, perhaps it is because he hears a different drummer (H.D. Thoreau) – Если кто-то идет не в ногу со своими товарищами, возможно, он слышит другого барабанщика. Иначе говоря, нужно вести себя не так, как большинство, а в соответствии со своими целями.

Таким образом, основные характеристики оценочного осмысления социального равенства в поговорках сводятся к следующим: 1) социальное равенство является принципом

справедливого общественного устройства, 2) равноправие граждан способствует гармонизации общества, 3) социальное равенство представляет собой утопию, 4) равенство противоречит свободе, 5) борьба за равенство часто бывает жестокой и тщетной, 6) мотивом борьбы за равенство обычно бывает зависть, 7) установление равенства приводит к выигрышу худших, 8) нормы поведения по законам равенства требуют предоставления всем одинаковых стартовых условий, 9) эти нормы показывают временность и эфемерность успехов, 10) эти нормы отличаются этнокультурной спецификой применительно к пословичному фонду – в русском традиционном поведении следует соблюдать сложившееся неравенство между людьми, в англоязычном поведении такое требование, по данным паремологии, не прослеживается.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С.8-93.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Литвин Ф.А. Язык и культура в словарном представлении // Лексика и лексикография: сб. науч трудов. Отв. ред. Ю.Л. Воротников, Ю.Г. Коротких. – Вып. 8, М., 1997. – С. 58-65.
4. Литвин Ф.А. Принеси то, не знаю что (о слове «ходячих выражений» английского языка) // Лексика и лексикография: сб. науч трудов. Отв. редакторы: Ю.Л. Воротников, Ю.Г. Коротких. – Вып.11. – М., 1999. – С. 84-93.
5. Литвин, Ф. А. Проблемы словарной фиксации воспроизводимых (отрезков) текстов // Лексика и лексикография: сб. науч трудов. Отв. ред. Ю.Л. Воротников, Ю.Г. Коротких. – М., 2002. – С. 74-79.
6. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и мета-концепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ТЕКСТА ПАМЯТИ» В МЕМУАРНОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО СЕВЕРА XVIII СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИОГРАФИИ В. КРЕСТИНИНА)

Красильникова С.В.,
кандидат филологических наук,
проректор по инновационному развитию и международному сотрудничеству,
Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой

Ключевые слова: текстовое пространство, культурно-историческая память, мемуарный дискурс, историко-мемуарная проза, жанры портрета и максимы, дискурс-анализ

Key words: Text-space, memory of the culture and history, memorial discourse, the prose of history and memory, the kinds of portrait and maxima, discourse-analysis

Аннотация. В статье предложена дискурсивная стратегия анализа исторической прозы Русского Севера на основе структур культурно-исторической памяти как смысловой категории текстового пространства региональной словесности. В работе представлена комплексная характеристика «промежуточных» жанров исторической литературы, отмеченных мемуарной спецификой.

The paper proposes a discourse strategy of the analysis of the historical prose of The Russian North, which is made on the base of the structure of memory of the culture and history as if it were a sensual category of the text-space of the regional literature. In this paper is given a complete character of the intermediate kind of the historical literature, marked with the memorial specification.

Историография XVIII столетия долгое время рассматривалась в пределах только исторической отрасли знания, что, несомненно, сужало предмет методологической рефлексии по поводу «литературности» исторических сочинений М. Ломоносова, В. Татищева, Н. Карамзина и других «истории-о-писателей». Между тем их исторические произведения создавались именно по законам литературы и представляют большой интерес для гуманитарного междисциплинарного знания как ценный источник информации о механизмах формирования социальной памяти простых людей с точки зрения моделей исторического самосознания.

Произведения В.В. Крестинина (1730-1795) в данном контексте относятся к провинциальной истории Русского Севера, однако имели общерусское значение. Василий Крестинин явился одним из первых историографов европейского Севера России, первым автором городской истории, и, наконец, ученым с оригинальными для своего времени взглядами и методами исследовательской работы.

Процесс постепенной индивидуализации авторского творчества наиболее ярко выразился в сочинении В.В. Крестинина «Краткая история о городе Архангельском», изданном в Санкт-Петербурге в 1872 г. [2], где в самостоятельную тему вырастает история хозяйственной жизни посада и участие народа в экономической и политической истории страны. В этом произведении писатель переходит от летописно-хроникальной манеры повествования к проблемно-исследовательской, так как его привлекали «главные перемены» в истории архангельского посада. Первичный жизненный материал, становясь предметом анализа, воплощает идею автора. Крестинин создает образы своих героев, сочетая наборы свойств (деловых, светских, моральных), выработанных рационалистическим пониманием человека. Автор дает характеристику тем участникам архангелогородской истории, которые были ему знакомы.

Поэтому он ощущает себя не только объективным историком, но и мемуаристом. В «Краткой хронологической росписи Архангелогородской истории» автор ставил в известность читателей, что он считает не лишним присоединить к упоминаемым в книге именам бургомистров и ратманов «историческое об их нравах известие». Историк писал, что без таких характеристик «бесполезно было бы обременять историю одними собственными именами» (с. 94).

Здесь мы сталкиваемся с типичной для просветительской историографии тенденцией превращения истории из внешней во внутреннюю. Впервые именно Вольтер-историограф ощутил данную необходимость. Так, книги, где речь шла лишь о войнах, договорах, парадных церемониях и торжествах, он называл «архивами» или «историческими словарями», полезными лишь при наведении справок, но суть истории видел совсем в другом. По его мысли, задача истории - не обременять память фактами в их грубой материальности, или, как он выражался, событиями (evenements), а исследовать, каким было в прошлом человеческое общество, какой была жизнь внутри семьи, какие искусства процветали; не теряться среди мелочей, но брать во внимание только значительные факты и объяснять дух, который их породил («Опыт о нравах и духе народов» (1756)). В произведении Крестинина, как будет показано ниже, нашла отражение данная концепция истории, продиктованная вдохновлявшими русских писателей-классицистов XVIII в. просветительскими идеями.

Таким образом, Василий Крестинин предпринял попытку создать многоплановое, проблемное произведение, в котором обнаружил веру в высокое нравственное начало в человеке.

В нашей статье будет предпринята попытка рассмотрения жанровой специфики текста В. Крестинина «Краткая история о городе Архангельском». Поскольку не существует четкой внутрижанровой типологии исторического документального очерка, как не существует и построения внутрижанровой типологии мемуаров, позволяющей описать дифференцировать любой мемуарный текст, хотя документальный очерк и собственно мемуары и становились объектом источниковедческого, исторического и литературоведческого анализа (монографии Л.Я. Гинзбург, труды А.Г. Тартаковского), представляется необходимым сделать акцент на проблеме определения жанровой природы исторического текста В. Крестинина, в частности, описать их место внутри системы нехудожественных жанров.

Подчеркнем, прежде всего, ансамблевый характер документального жанра сочинения Крестинина, в дискурсе которого сочетаются нарремы исторического очерка, дневника, автобиографии, мемуаров. Анфиладный или ансам-

блевый принцип построения в целом был напрямую унаследован документальной литературой от произведений древнерусской литературы. Исторический текст (научный текст) Крестинина подобно древнерусскому произведению оказывается потенциально открытым в мир других текстов. Он принимает в себя другой, отличный по своей жанровой природе и авторской принадлежности текст. Это может быть любой текст – эпитафия, цитата, письмо, историческая справка, выписка из юридических документов, научный отчет, комментарий и т.д. В этом, по мысли В.И. Тюпы, проявляется действительная, непосредственная интертекстуальность нехудожественной литературы (в отличие от художественной литературы с ее ведущим целостным типом произведения) [7; 5]. Именно в пространстве функциональных (исторической, церковной, мемуарной и т.д.) литератур тексты в полной мере образуют «ансамбли», в которых каждый голос звучит самостоятельно и полноправно, подобно текстам средневековым. С этих позиций представляется, что текст «Краткой истории о городе Архангельском» - это ансамбль текстов, где ведущая партия принадлежит хроникальному и мемуарному повествованиям.

Мемуарная функция существует в культуре всегда. Ее могут осуществлять тексты самых разных жанров; в том числе и устные жанры (сравните, например, практику рассказывания устных преданий о заселении края, о первых поселенцах и т.п.)

Мемуары - нехудожественное повествование, предлагающее в качестве доминанты – установку на подлинность. При этом повествователем является конкретный индивидуум. Подобный синтез подлинности и субъективности дает возможность рассмотрения мемуаров как жанра, расположенного между историческим повествованием и беллетристикой.

Возникновение мемуаров связано с появлением потребности в историческом повествовании, не преломленном через авторитет, когда свидетельство очевидца или участника событий приобретает отдельную ценность именно как личное свидетельство, выделяется из общего исторического повествования. Потребность читателя в подобном роде текстов позволяет нам говорить о выдвигаемой в системе культуры Нового времени специфической мемуарной функции. Функция мемуаров заключается в удовлетворении потребности в индивидуализированной и достоверной исторической информации. Установка на достоверность является обязательной для мемуарного текста (функция мемуаров состоит также в том, чтобы служить историческим источником).

Произошедшие в России культурные сдвиги середины XVII - начала XVIII вв. обусловили актуализацию категории авторской личности. Создаются предпосылки для появления автобиографии как разновидности мемуарного жанра. Возникают автожития, которые можно рассматривать уже как протомемуары (ср. автожития Елеазара Анзерского и протопопы Аввакума). Основание для подобного рассмотрения - представленное в автожитии превращение собственных воспоминаний в некоторый сюжет и переход «базовых» сюжетов, являющихся моделью для описания своей жизни (пророк, грешник, странник и др.), в более позднюю традицию.

С другой стороны, в эту эпоху получает определенный культурный статус сугубо документальный жанр свиде-

тельских показаний: собираются рассказы очевидцев событий, рассказы группируются в зависимости от объекта повествования и публикуются (например, свидетельства участников военных действий).

Таким образом, вырисовываются две линии мемуаров с точки зрения генезиса: одна восходит к юридическим документам (свидетельским показаниям), другая ориентирована, с одной стороны, на житейную традицию в перспективе русской культуры и, с другой стороны - на обширные переводные автобиографические тексты («Мемуары» Сен-Симона и другие французские тексты XVII-XVIII вв., рассматривавшиеся русскими читателями как один из жанров беллетристики). Соотношение этих двух линий должно стать предметом специального рассмотрения.

Мемуары, восходящие к юридическим документам, в своем возникновении оправдываются не значительностью биографии говорящего, а значительностью фиксируемых им событий. Со второй мемуарной линией дело обстоит как раз наоборот: значимость личности и личных событий мемуариста обосновывает его право на говорение о себе.

Эти две линии дают нам два основных типа мемуарных текстов, которые мы можем обозначить как объектно-ориентированный и субъектно-ориентированный типы. Они противопоставлены друг другу и по нарративной организации: в объектно-ориентированных мемуарах нарратив строится вокруг объекта повествования, в субъектно-ориентированных - вокруг субъекта повествования, автора.

Разные типы представлений об истории диктуют выбор стратегии повествования: если описываемые события в сознании автора выглядят как ординарные, повторяющиеся - избирается дескриптивная стратегия, в случае изображения «экстраординарных» событий усиливается сюжетная составляющая текста, т.е. избирается нарративная стратегия. В «дескриптивных» мемуарах будет силен историко-этнографический пласт. Яркий пример «нарративных» мемуаров - исторический анекдот (короткая история с четким сюжетом и финальным пуантом).

По жанровой традиции мемуарные произведения принято ставить в параллель с хрониками (летописями в русской традиции) и биографическими жанрами (жизненная традиция в России), в результате чего в отечественной историографии новейшего времени мемуары четко разделяются на два вида: мемуары о событиях - «современные истории» (Contemporary History - термин, используемый в англоязычной историографии) и мемуары – автобиографии [6; 167].

В основе различий этих групп мемуаристики, различающихся по объекту описания, лежат цели написания сочинений. Мемуары-автобиографии обычно преследуют цель включения мемуариста в череду поколений («эволюционное целое»). Классический пример - мемуары А.Т. Болотова, где объектом описания является собственный индивидуальный опыт участия в историческом бытии, который мемуарист стремится зафиксировать для современников и потомков. Напротив, объект описания в мемуарах о событиях - не столько сам мемуарист, сколько современные ему события. Кроме того, направлены эти мемуары на воссоздание своей связи с эпохой, современниками, конкретной социальной группой (т.е. коэксистенциального мемуаристу целого). Классика подобной разновидности мемуарных произведений - «Мемуары» герцога Луи де Рувруа Сен-Симона, в которых он пишет «частную историю», т.е.

такое историческое произведение, которое относится ко времени автора и его стране.

Началом данному виду мемуаристики положили «Мемуары» Филиппа де Коммина, написанные в конце XV в., где автор стремится сообщить о деяниях короля Людовика XI «как можно ближе к истине». Не случайно мемуарист сравнивает свой труд с трудом хрониста: мемуары - «современные истории» восходят именно к хроникам, в отличие от мемуаров-автобиографий, которым в европейской традиции предшествуют биографические жанры. В России произведения, написанные с целью запечатлеть в памяти историческое событие, появляются в XVII в. Так, Сильвестр Медведев - современник и участник событий периода регенства Софьи Алексеевны - создал труд с примечательным названием «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же, что содеяно во гражданстве», в котором описал то, чему сам был свидетелем.

Подчеркнем, что рассматриваемые нами два вида мемуаров, отличающихся по своим первичным социальным функциям, тем не менее роднит единство целевого назначения, состоящего в стремлении запечатлеть для памяти современников и потомков опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем. Характеристика «Краткой истории о городе Архангельском» будет не полной, если не упомянуть о тех существенных чертах, которые сближают это произведение с документальными, «промежуточными» жанрами (мемуарами, «максимами», «портретами», «характерами»). Нарремы очерковой литературой в повествовании «Краткой истории о городе Архангельском» позволяют Крестинину создать особую структуру повествования, синтезирующую в себе разные жанры. Повествовательная структура очерка оказалась наиболее пригодной для исторических сочинений нового времени, которые являются одновременно и научными и литературными. По наблюдению В.А. Богданова, «очерк отличается ... свободной, организуемой «рассказчиком» или идейным «заданием», композицией» [1]. Не случайно к жанру очерка стали относиться различные, большей частью описательные художественные формы этологического содержания, часто подчиненные определенной мотивировке (очерк-путешествие, очерк-записки, очерк-дневник), обладающие композиционной свободой и не имеющие ярко выраженного конфликта, сюжета. Следующий тип очерка - документальный. Структурным принципом данного типа повествования является установка на подлинность, фактическую достоверность происходящего, точное воспроизведение реальных фактов или явлений. Особое качество документальной литературы, как убедительно показала Л.Я. Гинзбург, «в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности» [3; 157]. Кроме того, Гинзбург отмечает еще один важный структурный принцип документальной литературы - эстетическую организованность. Для эстетической значимости документального очерка обязательны отбор, творческое сочетание элементов, отраженных и преобразованных в авторском слове (оценке, точке зрения и т.п.).

Характерно, что Крестинин вводит подобный способ организации структуры повествования, когда личностная, идеологическая позиция автора определяет отбор материала и осмысление исторических событий.

Уже предисловие к первой части сочинения - это по-

пытка Крестинина, просветителя XVIII в., сказать свое слово о значении русской истории и необходимости занятия ею. Повествование ведется от первого лица, с употреблением местоимения «я», «меня». Ощущая острую потребность в творчестве, автор стремится «запечатлеть» для современников и потомков «полную» историю города Архангельского, поскольку «мы не токмо полныя, но ниже частныя истории о сем городе не имеем» (с. 2). Важно отметить в этой связи, что автор использует такой литературный прием, как эпитафия. В начале произведения Крестинин помещает библейское изречение: «Вопросите дней первых, бывших прежде Вас» (глава IV, стих 32), которое соотносится с содержанием последующего текста; подчеркивает его основную идею. Таким образом, использование эпитафии указывает на то, что сам автор смотрел на свое сочинение как на литературное, поэтому предваряемое таким же литературным текстом. Он пишет о том, что изучение истории города «не одним токмо гражданам сего места необходимо, но и самим правительствующим особам быть излишною не может» (с.1) и делает сноску на указ Екатерины II 1762 г., цитируя отрывок из него: «Знание истории и географии политической нужно всякому, а необходимо дворянину...» (с. 2).

Крестинин различает историю общую («полную») и частную. Общая охватывает события нескольких веков и преследует в соответствии с заявленной выше концепцией индивидуализации человека при переходе от средних веков к новому времени цель включения автора и читателей в череду поколений, эволюционное целое (т.е. стремление к осознанию связи с предыдущими и последующими поколениями). Так, Крестинин отмечает, что «полная история сего города долженствует нам представить сугубыя дела, природных Россиян и иностранных гостей Европейцев, жителей Архангелогородских» (с. II), и подчеркивает важность литературного труда, благодаря которому его «сограждане не приминут сравнивать прежния приключения своих дедов и отцов с теми благополучными переменами щастливого нашего века, которыя, в общих чиноположениях и в средствах пропитания граждан, произведены законами ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ, великия Матери отечества» (с. 6). В этих словах раскрывается прагматическая концепция истории, восходящая к историографическим трудам Вольтера, видевшим пользу и цель истории в том, что «любой гражданин имеет возможность сравнить иностранные законы и нравы с законами и нравами своей страны: это побуждает нынешние народы к соревнованию в искусстве, в сельском хозяйстве, в торговле. Пользу можно извлечь и из знания тяжких ошибок, совершенных в прошлом. Имея перед умственным взором картину преступлений и бедствий, можно предотвратить и те и другие» («Опыт о нравах и духе народов» (1756).

В соответствии с прагматическим методом историографии Просвещения, согласно которому все, а именно, духовные ценности человечества, зависят от воли и ума индивидов, а не наоборот, императрица Екатерина II для Крестинина - идеал мудрого законодателя, чьи законы «оживили в градах российских древний закон истины, данный всем и во все времена историкам вообще» (с.7).

Что касается частной истории в повествовании Крестинина, то в центре ее повествования лежат события, «совершающиеся на глазах у автора», например, изменения си-

стемы городского управления с 1745 по 1780 г. Такая история предполагает включение автора и читателей в коэписципальное целое, т.е. стремление автора запечатлеть для потомков опыт своего участия в историческом бытии, осознание своей связи с эпохой, современниками, конкретной социальной группой и т.п. В данном случае автор заявляет свои позиции «архангелогородского гражданина», общественного деятеля архангелогородского посада, вступающего на стороне архангелогородского мещанства в общественной борьбе против дворянской администрации и купеческой олигархии, т.е. осознает себя как часть определенной социальной группы. При этом он обращается к современникам с просьбой, извинить его за правдивость изображения их близких, чьи имена «ознаменованны не причастными хвалы делами» (с. 7). Таким образом, автор отделяет свое сочинение от описания «баснословных повестей» и противопоставляет им правдивую историю.

Следуя за историографами Возрождения, создавшими настоящий культ Цицерона, Крестинин передает на языке античного философа-стоика мысль о причинах, побудивших его «сочинить сию краткую историю нашего города». Автор цитирует отрывок из известного риторического трактата Цицерона «Оратор» с переводом: «Кто достопамятных бытностей на свете не знает, что прежде рождения его происходило, тот всегда разумом младенец...» (с. 5).

Крестинин предъявляет особые требования к должности историка, находя подтверждение своих мыслей в высказывании Цицерона о «древнем законе истины, данного всем и во все времена историкам вообще», переведя отрывок из трактата «Оратор» следующим образом: «Каждый летописатель должен не помрачить свою повесть или отягчением истины, или присовокуплением лжи, по причине или человекоугождения, или человеконенавидения» (с. 7).

Эта линия исторически достоверной характеристики образов получила свое воплощение в творчестве М.В. Ломоносова, который в предисловии к героической поэме «Петр Великий» выразил ее следующим образом:

Хотя во след иду Вергилию, Гомеру,

Не нахожу и в них довольного примеру.

Не вымышленных петъ намерен я Богов,

Но истинны дела, великий труд Петров [4; 809].

В своем сочинении Крестинин ориентировался на творчество Ломоносова. Их объединяло обостренное чувство собственного национального достоинства и гордости за свою историю, а также понимание главной задачи историографа - стремиться к описанию примеров и образцов высокого служения своему Отечеству.

Подчеркнем, что воздействие ломоносовской традиции на сочинение Крестинина проявилось в использовании просветительской идеи величия человеческого разума. В предисловии к рассматриваемому сочинению Крестинин советует своим современникам «ободрять себя здравым разсудком» и иллюстрирует свою мысль цитатой из героической поэмы Ломоносова «Петр Великий», назвав поэта «Российским Вергилием». Крестинин исходит из общерусских позиций и осознает значимость своего труда для исторического познания, включая его в целевую установку расчета на будущего историка. Так, он подчеркивает, что «несовершенство единого историка исправляется совершенством другого ..., я желаю, дабы по сему правилу настоящее мое сочинение приведено было в совершенство

людьми просвещенного рвазума, старающимися расширением наук расширить общую пользу отечества» (с. 8).

Повествование Крестинина неоднородно - в нем потенциально содержатся разные жанры. В основе структуры повествования - хроникальная информация (канвой для нее послужил летописный и актовый материал).

В хроникальном потоке обнаруживаются отдельные повествовательные формы, имеющие свою типологию. Это, прежде всего, проблемно-исследовательская форма подачи материала (по принципу «вопрос-ответ»), которая, очевидно, восходит к древнерусской традиции «вопросаний». К таким памятникам, относятся, например, каноны отцов церкви. Каноны-послания, представляли собой правила, написанные авторитетными епископами в виде посланий-ответов на вопросы других пастырей. Пример творческого претворения традиций канона святых отцов в древнерусской литературе являет собой «Стоглав», написанный в виде ответов высших церковных иерархов на царские вопросы, содержащие несколько групп проблем церковного «строения».

В первом комплексе вопросов Крестинина содержится историко-топографическое описание города. Автор сообщает точные координаты местоположения города («При реке Двине, на правой стороне, в 42 верстах от Белого моря, под 64 градусом 34 минутами северных широты» (с. 1)). Здесь же автор приводит ценные и интересные сведения о строительстве в городе гражданских, военных, административных и церковных сооружений, о торгах и промыслах, налогах, промышленных компаниях, административных мероприятиях и правительственных актах, о посещении Архангельска «сиятельными особами», о пожарах, строительстве военных и купеческих кораблей и многом другом. Крестинин высказывал замечания о коммерческом искусстве купцов, приводил исторические справки о китоловном промысле и монополии на скупку сала морских зверей.

Смешение признаков разных жанров проявляется в самом начале повествования, где автор выбирает летописную форму повествования при ответе на следующий вопрос: «Какие знатные перемены произошли в городском строении от начала сего города даже до ныне?» (с. 5). Крестинин сопоставляет древность и современность, используя традиционную формулу «В лето...». Так, он приводит сведения о сгоревших городских сооружениях и о построенных вновь: «Лета 1637, сгорела половина острога и в нем весь Архангельский монастырь превращен в пепел, построенный после сего пожара в Нячерах на нынешнем месте»; «Лета 1664, сгорела городская Преображенская церковь, на месте которой другая построенная церковь разобрана, за ветхостию, около 1765 года без восстановления» и т.п. (с. 6-7). Данный пример свидетельствует о том, что автор как представитель рационалистической эпохи сознательно ориентируется на средневековую форму, стремясь быть правдивым и относя летопись к «несомнительным сказаниям».

Второй комплекс вопросов был посвящен истории городского управления, которое должно было осуществляться в интересах «законной гражданской свободы», а также экономическому и политическому развитию посада. Крестинин резко критикует правление первых бургомистров. В частности, подчеркивается, что «состояние законных гражданских свободы Архангелогородского посада» под

их правлением было «раболопное». Социальные определения Крестинина резко оценочны и моралистичны. Критерии оценок - положительные и отрицательные зависят от личного положения Крестинина в борьбе посадского населения против купеческого самовластия. Положительное исходит от архангелогородского посада, стремящегося сохранить свои права и достоинство; отрицательное - от дворянской администрации и купеческой олигархии, поскольку они осуществляют своекорыстную, разрушительную политику.

Формы своего художественного мышления, как и формы своих политических воззрений, Крестинин получил от рационалистической эпохи XVIII в. Отдавая дань характеристике современников, в частности, жанру портрета, он, скорее, создавал идеальные образы, принадлежащие к жанру литературных «характеров» и «портретов». В одном персонаже Крестинин совмещает критерии моральные и светские с критериями деловых способностей. Например, богатый купец Иван Попов, прозванный Лапшей, «человек остроумный, гражданин в судебных делах искусный, но гордый и мстительный нравом» (с. 11). Далее, первый магистратский президент Федор Чирцов - лишился любви граждан «за свою неумеренную жестокость». Но у него есть положительное качество - «за твердое наблюдение общегражданского в мирской избе порядка заслуживает похваление» (с. 16).

Другими примерами соединения в одном персонаже критериев оценки с точки зрения деловых качеств (бюрократических), качеств светских и морали «порядочного человека» в рассматриваемом сочинении являются: бургомистр Петр Крылов, «воспитанный в Голландии, любитель наук, прилежный книгочей, со слабым своим Российских законов знанием отличил себя перед всеми своими предшественниками в магистратской службе лучшими делом и служителей магистратских распоряжениями» (с. 151); бургомистр Андрей Дудин, «более прилежный, нежели знающий законы судья, человек нрава тихаго и снисходительнаго» (с. 151); ратман Петр Латышев, который «был человек прелестный, муж благочестивый, судья знанием судейския должности слабый; но ревностию в правде силен, постоянен, непоколебим в напастьях, претерпенных за правду; по чему знатные показал он обществу заслуги» (с. 152); ратман Пругавин - «был человек горячаго нрава; но во время последних своей магистратския службы помрачил он изрядныя свои способности к судейству жестокостию своего нрава, науками не просвещеннаго и не удобреннаго, за тем более боялися его, нежели любили подручные граждана» (с. 152).

Отметим, что противоречия характерологии Крестинина обусловлены его политическим и эстетическим мышлением. В связи с одной из установок рационалистического мышления - его иерархичностью, предполагающей разделение жизни на отдельные замкнутые миры, рационалистической мысли человек представлялся одновременно пребывающим в сферах религиозной, государственной, военной, придворной, домашней, и в каждой из них живущим по собственным ее законам. Эта система социально-моральных ценностей отражена в классической системе литературных жанров, где литературный персонаж (трагедии, комедии, идиллии, сатиры) вместе со своим жанром был отнесен к определенной сфере. Однако в документальной литературе образ человека строился в самой жизни,

где живой человек мог перемещаться из одной сферы в другую. Поэтому, как верно отметила Л.Я. Гинзбург, «в литературе мемуарного типа критерии, принадлежащие разным сферам ценностей, могли парадоксально пересечься в одном персонаже; одновременно он мог оцениваться с точки зрения религии и христианской морали, деловых качеств ..., качеств светских и «галантных», морали «порядочного человека» [3; 157].

Отрицательными персонажами являются купцы Антон Бармин и Василий Пшеницын, которые «забрали в свои руки общегражданское правление мирския избы, правила, как хотели посадом; и посад в продолжении десяти лет пострадал от них более, нежели от Лапшея, теснившего токмо своих недругов» (с. 17). Они «снискали себе от посада ненависть, во первых, насыльными и пристрастными выборами; во-вторых, злоупотреблением мирских денег».

Таким образом, оценка слагается, прежде всего из того, что можно назвать исторической функцией человека, его положения в основных конфликтах общества. В соответствии с этим, абсолютно добродетельные герои в сочинении Крестинина - Петр Латышев и Иван Фомин. Эти «мужественные, добродетельные и почтенные в своем посаде Архангелогородские граждане ... произвели многотрудным своим подвигом, с разными, за общее благо претерпенными в продолжении четырех годов, напастьями, щастливое восстановление гражданского всего посада вольности, защищаемыя законами, и одержали над сильным Барминским троюмужием совершенную в начале 1746 года победу» (с. 26-27).

Во второй части своего сочинения - «Краткой хронологической росписи Архангелогородской истории», Крестинин поместил исторические известия в хронологическом порядке, ориентируясь на типологическую модель краткого городского летописца. В данном случае, Крестинин опирается на хронологические данные местных источников (древней Холмогорской летописи, Двинского летописца, царских указов, грамот, и т.п. документов). На использование в тексте «Краткой хронологической росписи» царских грамот есть прямые указания, например под 1585 г. «Царская грамота, о денежных зборах таможенныя избы города Архангельского» - и далее идет текст грамоты. Грамоты, указы, челобитные упоминаются и излагаются также под 1606, 1612, 1631, 1667, 1696 и другими годами. В целом, вторая часть сочинения Крестинина является своего рода исторической справкой о городе Архангельском, «служащая подтверждением, и в разных частях дополнением» его первой части. В ней содержатся краткие известия, относящиеся к истории Архангельска, - постройка города, церквей, случавшиеся здесь частые пожары, неурожай, дороговизна, море и т.п. Много внимания уделено Петру I и его деятельности по созданию русского флота. Характер известий, язык и стиль повествования светский.

Особое внимание автора «летописца» привлекали сведения о посаде и о реформах, которые касались посажан. В «Хронологической росписи Архангелогородской истории» Крестинин привел много новых и интересных сведений, например, о начале строительства китоловных кораблей на Вавчужской верфи Бажениных в 1724 г., о первом отправлении казенных китоловных кораблей к Шпицбергену, о находке серебряной руды на острове Медвежьем в Белом море и пр. Автор не обошел вниманием историю культуры и быта. Так, под 1703 г. он привел следующий

мало известный факт: «Была в городе комедия у иноземца Ивана Антонова, на которой были воевода и прочие всякие люди, как мужи так и жены, при которой брано по гривне с каждого человека» (с. 105). Следует отметить, что описание событий архангелогородской истории перебивается заметками о пожарах. Например, под 1724 г. после сообщений об открытии портовой таможни для тарифного сбора, переселении двух гарнизонных полков в город, открытии розыскной комиссии, освещении городской церкви Устюжских чудотворцев Прокопия и Иоанна, помещена следующая заметка: «Первый большой пожар ныннешняго столетствия в городе, превращает в пепел несколько сот домов в Рождественском приходе» (с. 108). Таким образом, автор вносит в повествование разнообразные факты в их естественной последовательности, тем самым, отдавая дань старым, летописным формам повествования.

В третьей части своего труда Крестинин поместил список посадских градоначальников с «историческим об их нравах известием». Крестинину в данной части сочинения принадлежит ряд блестящих социально-исторических характеристик. Все беды в обществе, по его мнению, происходят от отсутствия должного просвещения. «Надлежит сказать не без огорчения, что в предреченных наших начальниках ни единого не было прямого наук любителя. Из них же один токмо ратман Пругавин обучен был арифметике», - писал Крестинин (с. 145). Колоритна характеристика, например, бургомистра Семена Дудина. Этот судья, «корыстолюбием зараженный, любящий мзду и приносцы», по словам «благоразумного» ратмана И. Ушакова, которые привел Крестинин, «принять в дар и замерзлую собаку не отречется». Особенно возмущен Крестинин произволом архангельских полицмейстеров. Так, полицмейстер Баранцев превзошел, по его мнению, своих предшественников «свиристеством, привязками и корыстолюбием» (с. 113-114).

Главной темой произведения являлась общественная борьба архангелогородского посада против дворянской администрации и купеческой олигархии с 1745 по 1780 г., активным участником или мемуаристом (различие не принципиальное) которой был Крестинин. В центре «Краткой хронологической росписи», как писал Крестинин, «имена и дела главных купцов, первых нашего посада капиталистов» - Никиты Крылова, Антона Бармина и Семена Бусинова, имеющих до ста тысяч рублей капитала каждый. Поэтому эти купцы имели возможность «поступать в рассуждении своих сограждан, как сильные над слабыми» (с. 94).

В соответствии с установкой рационалистического мышления, Крестинин разделял убеждение своих современников в том, что «воля человеческая, вообще одаренная свободностью, производит или добрая или худая дела» (с. 94-95). С этих позиций автор стремится выявить сущность своих персонажей с точки зрения деловых качеств («добро или худо сделали они обществу в главном деле, касающемся до пропитания и до благосостояния нашего посада, по торговле салом звероморским?»), морали «порядочного человека и гражданина» («главные наши купцы... суть более виною, производящею нынешний упадок салы наша торговля, развращение городской привеллегии, и безславию общества зависящее оттуда?»). Подобную оценку он предлагает дать современникам, «безпристрастным людям из моих сограждан». Тем не менее автор использует элементы публицистического нарратива, когда пытается заявить собственную, личную позицию по данному вопро-

су в небольшом риторическом отступлении. Он убежден, что «в нынешнем веке наш Архангелогородский посад тем несчастлив, что в нем из главных купцов и капиталистов не было мужей добродетельных, соединяющих собственную пользу с общим благом» (с. 95). В качестве противоположного и поучительного примера он приводит в назидание читателям историю возвышения города Тотьмы, который «преуспев взаимным согласием гражданства, разбогател паче Архангелогородскаго портоваго посада под предводительством главных своих купцов Холодиловых и Пановых, превзошедших наших Барминых и Крыловых» (с. 96) Иллюстрируя свою мысль замечанием о «братолубии и трудолюбии» тотмяков, старавшимся помогать друг другу во всем и везде, Крестинин вставляет в текст максимум: «В сих примерах двух посадов сильное всем и каждому Архангелогородскому гражданину содержится наставление, подтверждаемое следующим изречением древняго стихотворца: «Concordia Res parvae crefcunt, discordia magna dilabuntur. От согласия малая вещи возрастают, а от несогласия великия разрушаются» (с. 96)

В последней, четвертой части своего сочинения Крестинин поместил «архивные списки» (грамоты, челобитные, уставы и т.п.), служащие подтверждением главных частей Архангелогородской истории.

Таким образом, нельзя искать в «истории» Крестинина традиционное единство жанра. Автор нашел форму повествования, которая стала межжанровым образованием, свободно включающим разные жанры или их элементы. Типологически данная форма близка к жанру исторического очерка, внутри которого свободно расположены отдельные жанры, в частности, мемуарные, вхождение которых в структуру всегда маркировано, определено своим хронотопом, особенностями повествования и стиля. также способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с текстами других авторов.

Специфика мемуарного дискурса в повествовании Крестинина обусловлена доминирующей функцией культурно-исторической памяти как смысловой категории текстового пространства. Автор вспоминает не свой опыт, поскольку опыт – это интуиция, дискурс, и, следовательно, не может выступать объектом рефлексии, но объект прошлого опыта, событие или ситуацию, при которой опыт имел место. Крестинин-мемуарист, вспоминая/поглощая объекты и преобразуя их, партиципирует мир объектов и, тем самым, осознает свою объектность. Впрочем, воспоминание не только и не столько реконструкция какой-либо ситуации прямого опыта, сколько реконструкция своего «я» в ситуации прямого опыта. Сообщаемая памяти креативность дает возможность рассматривать память не только и не столько как категорию прошлого, но и как категорию будущего - своего рода «обращенное ожидание». По И.П. Смирнову, «чем глубже субъект переживает его бытие сотворенным, тем полнее он сам отсутствует в бытии» [5; 80]. Субъект, выпадая в воспоминании из настоящего времени, отсутствуя в настоящем, начинает творить не себя прошлого, а себя настоящего. В отличие от перформанса, где творящий субъект одновременно исполняет перед зрителями роль эстетического объекта, удвоенный в воспоминании субъект исполняет роль эстетического объекта перед самим собой. Воспоминание действительно обращено в будущее, точнее - вперед по временной оси ко-

ординат, но поступательное движение осуществляется не от настоящего или прошлого к будущему, а от прошлого к настоящему. Я-субъект Крестинина предстает скорее как текст, наполняемый смыслами в процессе творческого воспоминания-реконструкции, и утверждающим таким образом творческую индивидуальность автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богданов В.А. Очерк // КЛЭ. Т. 5. Столб. 516-517.
2. В дальнейшем текст сочинения В.В. Крестинина цитируется по изданию: Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. - СПб., 1872;

3. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. - Л., 1977. - С. 157;
4. Ломоносов М.В. Полн. Собр. соч., Т. VIII. - М.;Л., 1959. - С. 809;
5. Смирнов И.П. Бытие и творчество. - СПб., 1996. - С.80;
6.Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. - М., 1980. - С. 167;
7. Тюпа В.И. О научном статусе исторической поэтики // Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики. - Кемерово, 1986. - С.5;

СЛАВЯНСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ О ПАСХЕ

Кузнецова И.В.,

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра методики начального образования,

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Ключевые слова: фразеология, славянские устойчивые сравнения, духовная культура, Пасха, этимология

Key words: phraseology, Slavonic fixed comparisons, spiritual culture, Easter, etymology

Аннотация. В статье рассматриваются славянские устойчивые сравнения, связанные с Пасхой.

Slavonic fixed comparisons connected with Easter are considered in the article.

Пасха – центральный церковный праздник, посвященный воскресению Иисуса Христа, – общая культурная реальность для христиан, поэтому прямо или косвенно связанные с этим днем устойчивые сравнения (УС) культурно обусловлены. Но фразеология разных этносов запечатлела главный праздник христиан по-своему. Принцип избирательности как субъективный фактор обуславливает идиоэтническое и демонстрирует расхождения в отражении славянскими компаративными фразеологизмами этого общего элемента духовной культуры.

Название Пасха имеет в славянских языках синонимичные наименования (напр., рус. Велик-день; серб. Ускрс, Васкрс, Васкрсење, Васкрснуће, Велигдан, Вазам и пр.), в том числе перифрастические (напр., рус. Светлое [Христово] Воскресение, Христов день, свят день; серб. ускрсне благдане, дан Христова ускрснућа, Ускрснуће Исусова и пр.), восходящие к церковным и библейским источникам¹ или народным; часть их встречается в компаративных оборотах. Множественность наименования праздника в лексике приводит к синонимии, а в сфере фразеологии – к лексической и (или) квантитативной вариативности.

Пасху с нетерпением ждут верующие, что мотивировало зафиксированные в словарях УС: рус. ждать как Христова дня [кого, чего] (как святого (светлого) праздника [чего]); перм. ждать как Христов день (Христово дни) [кого, чего]; укр. жде як великодня – ‘ждать чего-, кого-л. с нетерпением или с надеждой; жаждать скорейшего приближения чего-л.’. Ряд русских УС дополняют варианты, не имеющие словарной «прописки»: ждать как Пасхи [кого]; ждать будто (пуще) [светлого] Христова Воскресения [чего]². У Пасхи нет фиксированной даты, откуда болг. мества се /перемещаться/ като Великден ‘нигде не задерживаться’. Накануне праздника совещались приготовления к нему: предпасхальная уборка, украшение зданий, улиц, икон и т.д.: рус. [прибрано] как к великому светлomu празднику; [убрано] как на Пасху; [чисто] как светлoе хри-

стово воскресенье³; укр. чисто як у церкві на великдень⁴; гарний як хата перед Паскою ‘очень красивый’; блищить як великодній самовар ‘о довольном, радостном человеке’. Предпраздничные хлопоты мотивировали УС: рус. суесться как пред светлым днем⁵; укр. не минеться як бабі великдень ‘не пройдет бесследно, без убытка’.

Накануне Пасхи толпы верующих идут в храм божий: польск. tłumnie jak na groby wielkanocne. Бодрствование в пасхальную ночь – важнейшее требование праздничного поведения; запрет спать в эту ночь известен многим славянам, что «связано с общей побудительной семантикой концепта “воскресения”» [1, 3: 642]. О великопостном бдении упоминается в текстах: Под Рождество в кирку ходили. Народу, как на Пасху⁶ [Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма. 1923]; Полночь, но окна у всех освещены, словно перед пасхой [Вольнов И.Е. (Владимиров И.Е.). Повесть о днях моей жизни. 1912]. Один из ритуалов этой ночи – разжигание пасхального костра (это делается у разных этносов в целях, мотивированных различными магическими действиями, мифологическими повериями, а также символикой огня): Ночью развели огромный костер на верху горы, и все ходили по берегу с огнями, точно на пасху [Куприн А.И. Листригоны. 1911].

Один из пасхальных обычаев – праздничное поздравление и христосование. Это легло в основу компаративизмов, не зафиксированных словарями русских устойчивых сравнений [2; 3], но частотных в текстах: здороваться как на пасху [Толстой А.Н. Хожение по мукам. Восемнадцатый год. 1928]; обнимать друг друга как в светлый день Христов [Загоскин М.Н. Юрий Милославский, или русские в 1612 году. 1829] (как на Пасху [Жигулин А. Черные камни. 1988]); обниматься/ обняться как в первый день Светлого

3. Хорошо в терему князя Вяземского: Все у места, прилажено, прибрано, Как к великому светлomu празднику; Вымыт пол, ометен свежим венником... [Мей Л.А. Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую: «Что ле-тит буйный ветер по берегу...» 1857-1858]; Всю улицу застелим, и у Казанской, как на Пасху будет [Шмелев И.С. Лето Господне. 1927-1944]; Муж-покойник пьёт – а мне всё терпимо. Наблюёт — вытру, не то что перед соседями срамотиться. Бельишко ему постираю, выгнню, выглажу – как светлoе христово воскресенье... [Гре-кова И. Летом в городе. 1962]. Из примера: А местные иконы кисеями да лентами убрать – как на Пасху да на Троицу... [Мельников-Печерский П.И.. В лесах. 1871-1874] видно, что порядок наводится и перед другими церковными праздниками – ср. с бел. прыбраўся як хата перад Тройцаю.

4. УС представляет собой квантитативный вариант – ср. с рус. чисто как в церкви (храме божьем); укр. чисто як у церкві; болг. чисто като в църква; макед. чисто како [во] црква; серб. чисто као у цркви; хорв. čisto kao u crkvi; слов. čisto (čistučko) ako v kostole 5...сами бабы — старуха мать жена и дочери суетились в избе, как будто пред светлым днем: топилась печка, месилось тесто, пеклись пироги, кушеньки, варилося мясо [Златовратский Н.Н. Красный куст. 1881].

6. УС образовано по той же структурно-семантической модели (ССМ), что и брян. [людей (народу)] как на Иор-дани; перм. как сабан татарский (= Сабантуй); укр. народу як в Покрову на ярмарку; [народу] як на ордані за водою.

1. Ср. Первое послание к Коринфянам 5, 5–8.

2. Ср. с текстами: ...присяжный поверенный Амстердамский, весельчак, вести умеет дела, в Сенате швейцары, поди, как Пасхи, его ждут [Ремизов А.М. Крестовые сестры. 1910]; ...пуще светлого Христова воскресенья боя ждал [Леонов Л.М. Вор. 1927]; «Скоро уходить», – догадалась Эля, ей сделалось страшновато, хотя она и ждала этого дня, будто Христова воскресенья [Астафьев В. Царь-рыба. 1974].

праздника [Булгарин Ф.В. Воспоминания. 1846-1849] (как в день Светлого воскресенья [Вигель Ф.Ф. Записки. 1850-1860], как после заутрени Светлого Христова Воскресения [Сперанский Н.И. Письма Н.С. Сперанского. 1878], как в христов день [Форш О.Д. Михайловский замок. 1946]); поздравлять друг друга [с чем] будто со светлым праздником [Каратыгин П.П. Временщики и фаворитки 16, 17 и 18 столетий. 1871]; поздравлять друг друга как в светлый праздник [Игнатъев Н.П. Походные письма 1877 года]; целоваться как на святой неделе [Ростопчин Ф.В. Ох, французы! 1812]; (как в Светлое Христово Воскресение [Муравьев Н.Т. Письма русского из Персии. 1844], как в первый день Светлого праздника [Булгарин Ф.В. Воспоминания. 1846-1849], как после заутрени Светлого Христова Воскресения [Сперанский Н.И. Письма Н.С. Сперанского. 1878], как на Пасху [Катаев В.П. Белеет парус одинокий. 1936]); целоваться [с кем] как в Светлый праздник [Корф М.А. Записки. 1838-1852]; похристоваться (поцеловаться) трижды как на Пасху [Замятин Е.И. Африка. 1916; Катаев В.П. Алмазный мой венец. 1975-1977]; поцеловаться друг с другом как на Пасхе [Гиппиус З.Н. Он и мы. 1943]; целовать друг друга как на Пасху [Жигулин А. Черные камни. 1988].

В Пасху одевают праздничную одежду: рус. оболчен яко в светлый день воскресения христова⁷; разделся как в свят день до обедни⁸; олон. устар. (1852 г.) напарандаться как в Христов день; укр. убраний як кум перед Паскою; вдягнулась як дівка на Великдень; серб. нагиздио као да је први дан Ускрса⁹. Иногда в текстах отмечается, что одежда чистая и новая¹⁰ (основание УС при этом может подразумеваться): Как в светлый праздник, на бедняжку Надели чистую рубашку [Щепкина-Куперник Т.Л. Марьянна Волховская: «Марьянна Львовна Волховская...» 1907]; Отец весело сбегает по ступенькам, во всем новом ... – как на Светлый День [Шмелев И.С. Лето Господне. 1927-1944]; Шли женщины в шелковых цветных косынках, мужчины в пахнущих нафталином костюмах, старухи в белых платочках ... «Прямо как на Пасху!» — засмеялась Зинаида [Щербаква Г. Ах, Маня... 2002]. Заметим, что не всегда тождество структуры означает тождество семантики: значение укр. вбрався як дурний (вдівся як придурок) на Великдень; убрався (вбрався) як серун на великдень ‘оделся претенциозно, но нелепо’ определяется образом УС¹¹.

В Пасху преобладает приподнятое, радостно-веселое, торжественное, светлое настроение, что подчеркивается в УС: рус. радоваться/ обрадоваться [кому, чему] как светлостому празднику (Христову дню) [Аксаков С.Т. Семейная

хроника. 1856]; веселиться как в день Светлого Праздника¹² [Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. 1809-1820]; [плясать готов] ровно светлый праздник [Гайдар А. В дни поражений и побед. 1922-1925]; торжественно [что] как светлый день Воскресения [Вельтман А.Ф. Кошей бессмертный. Былина старого времени. 1833]; [торжество] как день Пасхи [Распутин Г.Е. Житие опытного странника. 1907]; радостно (светло) на душе [у кого] как в Христов день [Засодимский П.В. Терехин сон. 1886]; лицо радостное как на Пасху; [радость какая] будто Пасха [Пришвин М.М. Дневники. 1917]; лицо светлое (доброе) как на пасху [Осеева В. Динка. 1959]; чувствовать себя «как в светлое Христово Воскресение» (как в церкви на заутрене в светло-Христово Воскресенье) [Редигер А.Ф. История моей жизни. 1918; Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги. 1956-1960]; рад как в день светлого Христова воскресения [Горький М. Исповедь. 1908]; радостный как на Светлый день [Шмелев И.С. Богомолье. 1930-1931]; укр. веселий як Великдень; світла як великодній день; болг. светнал като на Великден ‘о сияющем, радостном, веселом человеке’.

Иногда авторы текстов используют такой прием, как нарушение предметно-логической дистрибуции – приложение фразеологизма к необычному для него объекту, «переадресовке» его предметной отнесенности [5: 127], применяя денотативно относящееся к людям значение к неодушевленным предметам: ... так сердце его выиграет, аки солнышко на светлое Христово воскресенье [Лажечников И.И. Последний Новик. 1833]; Раннее солнце кажется праздничным, словно на Светлый день [Шмелев И.С. Богомолье. 1930-1931]; ... солнце играет с нами, веселое, как на Пасху [Шмелев И.С. Лето Господне. 1927-1944]. О чём-либо очень красивом, праздничном на Псковщине с одобрением говорят: как солнышко на Пасху. Образность этих УС соответствует мифологическому сюжету об игре солнца: «на Пасху оно радуется, что отвечает христианскому концепту Пасхи (радости по поводу Воскресения Христова)» [1, 3: 644].

Значимость чего-л. часто подчеркивают сравнением со Светлым Христовым Воскресением: Великий день сегодня! Точно Пасха. Хочется «Христос воскрес» запеть! [Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени. 1922]; о неоправдавшихся ожиданиях говорят: будто и не Христов день (ср. с как не красный день). Не случайно пословица гласит: Ласковое слово что великий день.

В Пасху начинают бить колокола¹³, что отмечается в УС, которые можно вычленил из контекстов: ...в навечерии коронования заблаговестили ко всенощному бдению во всей Москве во все большие колокола – дружно и разом, вслед за Иваном Великим, – отрядно было слушать, точно в Светлое Христово воскресенье [Благово Д.Д. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. 1877-1880]; Успенье – весь день этот грасский звон колоколов – как на Пасху. [Бунин И.А. Дневники. 1931-1939]; В обеих церквях весь день трезвонили, как на пасху [Шолохов М.А. Тихий Дон. 1928-1940]; ...и чудится звон веселый, будто вернулась Пасха

7. ...да вси людие, наслаются, видяще велелепотная славы его сияюща на нем; бяше бо оболчен во весь царский сан, яко в светлый день воскресения христова, в латная и в серебряная одежда, и в златый венец на главе его с великим жемчугом и с камнем драгим украшен, и царская перфира о плещу его. [Гудзий Н.К. История древней русской литературы. XVI-XVII вв. 1938].

8. После обедни во многих местах праздничное платье снимается [4, 4: 95].

9. УС образованы по модели “нарядиться + как + [кто] на праздник (церковный, народный, бытовой)” = “одеться празднично, нарядно, богато”: рус. нарядиться как (будто) на (в) праздник; наряжается что баба на Юрья; перм. как ко троице [одеваться, идти]; укр. вділася як у празник; польск. ubrana jak na gregorianki и т.п. Здесь проявляется универсализм культуры: в праздники принято одеваться в лучшее.

10. Это объясняется тем, что «пасхальные праздники пронизаны мотивами обновления всех сторон жизни» [1, 3: 643].

11. Ср. также с УС: укр. вибралася як сліпа на Йордань; вирядилася як сліпа на ордань; прибрався як пастух у Петрівку; вділася як Гапка у вербовку; прибрався як чорт на Водохрище; лемк. виріхувати са як чорт на Ру-сая с той же семантикой.

12. По этой ССМ образовано и болг. УС веселим се като цигане по Гергьовден.

13. Напомним, что в последние дни Страстной недели «завязывают колокола». Особенно это касается пятницы последней недели Великого поста, почитаемой как самый скорбный день в году [1, 1: 304], чем мотивировано слов. stichli ako zvony na Veľký piatok.

[Шмелев И.С. Лето Господне. 1927-1944]; На звоннице неистово, впереворот, весело, словно на пасху, били колокола; ... потом впереворот, словно на пасху, весело зазвонили в монастыре и в церкви Николы [Герман Ю.П. Россия молодая. 1952]; ... в обоих ушах трезвон будет, как на Пасху! [Шолохов М.А. Поднятая целина. 1960]; Ликование в городе было неслыханное. Во всех церквях служили молебны, все колокола звонили, как в светлое Христово воскресенье [Толстой А.К. Князь Серебряный. 1842-1862]; Мощи стояли среди храма десять дней для молящихся; все эти дни с утра до вечера раздавался колокольный звон, как на Святой неделе; радость была всеобщая [Николаевский П. Путешествие новгородского митрополита Никона в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа (1885) // «Альфа и Омега», 2001]. В части микротекстов подчеркивается, что колокольный звон веселый, что перекликается с укр. радісний як великодній дзвін 'об излучающем радость человеке'¹⁴.

Рус. пьяный как поп на пасху; укр. розпух як піп на Пасху иллюстрируют ироничное отношение к поведению служителей православной церкви в важнейший для христиан день. В основе бел. бродзіць па хатах як сграц (= погорелец) на вялікдзень 'побираться, попрошайничать' лежит обрядовый обход дворов на Пасху; мотивировка жоўты як свечка перад вялікаднем не совсем ясна.

Пасха завершает семинедельный Великий пост. Одна из основ Пасхи – характерная для скотоводческих обрядов животная жертва; ее следы сохранены в церковном освящении, заменившем прежнее снятие табу [6: 167]. Обрядовая пища имела магический смысл. Свиныня как символ плодородия и изобилия – один из ее видов. В Белоруссии и Украине на Пасху запекали поросят [7: 299]; видимо, это дало жизнь УС: бел. смяецца як свянцонае парася; укр. запишнися (запишався) як свячене порося 'очень заважничал'; виширив зуби як свячене порося; польск. śmieje się jak święcone prosię – 'смеется без причины'. Календарный компонент в УС может быть факультативным: укр. годований як кабан [великодній] 'об откормленном, толстом человеке'; польск. niewinny jak baranek [wielkanocny] 'о невинном человеке'.

Тема разговения лежит в основе УС: пск. покушать как в Христово воскресенье; хоперск. наесться как на первый день Пасхи¹⁵; укр. наївся як на Пасху в Сіряках; наївся як дурень на пасху; лемк. наїстися як сирохман на велигдєнь; опився як сирота на велигдєнь 'чрезмерно много съест (выпить); вдоволь, сытно поест, наесться'¹⁶. Противопоставление постной пищи (чечевицы) и праздника, во время которого разговляются, мы видим в ироничных УС: укр. милий як сочевица на Великдєнь 'о ком- или чем-л., оставляющем безразличным, равнодушным'; болг. обичам (тача, харесвам, драг ми е) като леща на (по) Великден 'со-

всем не любить (не почитать, не нравится, не дорог)'¹⁷.

Частью пасхальных обычаев стала обрядовая пища. Начало пасхального обеда знаменуется освященной в церкви паской. Это блюдо из пресного молока, творога, крутых яиц мотивировало УС с реальной и ирреальной образностью: кубан. беречь [кого, что] как святую пасочку 'об очень бережном и трепетном отношении к кому-л, чему-л.'; укр. ждуть як свяченої паски 'очень ждать'; ніжне і солодке як паска на Великдєнь 'очень вкусно'; охочий як старець до паски 'очень любящий что-л.'; скучає як собака за паскою 'совсем не скучать'; робить як піп через річку паски святити 'очень плохо работать'; надоїв як грецька паска 'очень надоел'; лемк. позерати як кебим паску іззіла 'очень недоброжелательно смотреть'. В продуктивной воспроизводимости УС важную роль играет рифма: укр. велична як паска пшенична; любит ласку ек кіт паску.

Однако в центре пасхальных обычаев было яйцо как символ возрождения жизни – ср. с пословицами: рус. Дорого яичко в Христов день (ко Христову, Велику, Великому, Светлому) дню (к великодню; Великому-дню) [а сыр молодой к Петрову дню]; укр. Дороге яечко до Великодня; бел. Дарагое яечка да Вялікадня – 'все хорошо в свое время'¹⁸; серб. На Васкрес се јаје поклања. Снятие запрета и ограничений на «скоромную» пищу, введение в рацион животных продуктов отражают УС: рус. [нельзя] как в Пасху без яиц¹⁹; как яичко ко Христову дню 'очень вовремя, кстати'; перм. (шутл.) [появиться] как Христово яичко 'о человеке, которого давно ждали и который наконец появился'; болг. обичам като шарено яйце на Великден 'очень любить'.

Обрядовые функции яйца в основном одинаковы у большинства народов Европы: это игры с яйцами, ритуальные блюда из яиц, традиция христосования и обмен крашеными яйцами как часть пасхального приветствия-поздравления.

Из забав особенно было популярно битье яйцами, причем опытные игроки выбирали яйцо особой формы, легко разбивающее другие яйца, но само остававшееся при этом целым; такое яйцо называлось биток²⁰. Хотя эта игра известна всем славянам, УС с этим образом зафиксированы только в русском языке: как биток – 1) арх., белорус., орл., ряз., смол. 'о плотном, упитанном (обычно невысокого роста) человеке или животном'; 2) ряз. 'об упитанном ребёнке'; брян. здоровый как (что) биток – 1) 'о физически крепком, плотно сбитом и здоровом человеке', 2) 'о какой-либо крепкой, плотной части тела человека'; парень малый что биток 'крепкий, здоровый'; проворный как биток 'о быстром в беге человеке'; арх. шутл. наесться как биток 'плотно'; ряз. разожраться как биток 'об упитанном, толстом человеке'.

Особый смысл получила окраска яиц: красный и жел-

14. УС связано с библейским мотивом: агнцем непорочным и чистым называют Иисуса Христа (Ис. 53: 6-7).

15. Ср. с одноструктурным УС наесться как на первый день Троицы.

16. ССМ продуктивна в славянских языках; наименование праздника в ней широко варьируется: лемк. наїстися як дзяд на сятый вечур /наелся нищий на Святой вечер/; макед. се настегал како на Поклади /нажрался как на Масленицу/; чеш. najedl se jako sedlák o vánoších /наелся как зажиточный крестьянин в Рождество/; слов. naje-dol sa ako sedliak na Štedrý večer (Vianoce) /наелся как селянин в сочельник (на Рождество)/ и т.п.

17. Ср. также с болг. обичам (харесвам) като боб на Гергьовден /любить (нравится) как фасоль в Георгиев день/; серб. намеће се као сочиво на Божић /навязывается как чечевица на Божич (= Рождество)/; хорв. ići (pristajati) kao pasulj na Božić /идет (подобаает) как фасоль на Божич/.

18. "В древности хотя взятки и запрещались, но в день Воскресения Христова дозволялось дьякам брать, вместе с яйцом, несколько червонцев, отчего и произошла означенная поговорка" [9: 29]; «В прямом смысле эти слова объясняются тем, что в XV в. архиепископский наместник брал с крестьян, игуменов, попов и дьяконов по новгородской гривне за великоденное яйцо» [10, 1: 259].

19. ... не обходилось без листовничной серы, без которой в этот день было так же нельзя, как в Пасху без яиц... [Распутин В. Последний срок. 1970].

20. У сербов два наименования битка натуцак и тучак (от глагола тучати 'бить').

тый цвет связываются с ярким солнечным светом, языческим чествованием сил весны [8, I: 537]. Под влиянием христианской символики красный цвет яиц стал ассоциироваться с кровью Христа: «Христиане видели в этом яйце, – неодоушевленной вещи с жизнью в будущем, – символ Воскресения и предпочитали красить яйца в красный цвет – в память крови, пролитой Спасителем» [10, I: 259]. Позже их стали красить в другие цвета, расписывать узорами (писанки, крашенки).

Пасхальное яйцо стало образом многих УС: рус. личико будто фарфоровое пасхальное яичко [ЧерныйС. Солдатские сказки. Кавказский черт. 1932] ‘о белолицем человеке’; покраснеть как пасхальное яйцо [Гнедич П.П. Книга жизни. 1918]; серб. црвен у лицу као васкршње јаје; румен као вазмена писаница ‘о покрасневшем под влиянием каких-л. эмоций человеке’; рус. раскрашена као пасхальное яйцо; укр. размальована як крашанка ‘о сильно накрашенной женщине’. Последнее УС в русском языке имеет и семантику ‘испачканный’: Бубнов пробовал открыть карандашом бутылку красных чернил, — вечером он ушел домой, скрипя зубами, раскрашенный, как пасхальное яйцо, вызывая в редакции восторженное одобрение [Жин В. Записные книжки. 1921-1937].

Широко распространен был в Пасху обычай умываться на восходе солнца водою с красного яйца с целью обрести счастье, богатство, молодость и красоту [7, I: 538; 11: 460]. Видимо, этому обычаю, а также самому виду пасхальных яиц обязаны своим появлением УС: рус. он как красное яичко ‘о красивом, улыбчивом молодом человеке’; [изукрашенный (расписанный)] как писанка ‘о ярко, нарядно одетых детях’; прибайкальск. [расти] как крашено яичко ‘о девочке-подростке, вырастающей в красивую, миловидную девушку’; донск. [красив] как писанка ‘о ком-, чем-л. очень красивом’; укр. вділася як крашанка ‘о ярко, нарядно одетой женщине’; гарна як писанка в свято; [гарна (доладна)] як писанка; гарна як крашанка на Паску (святовка крашанка) ‘о красивой девушке, женщине’; огрядна мов писанка ‘о дородной, статной женщине’; болг. хубав като писано яйце ‘очень красивый’. В силу своей полифункциональности пасхальное яйцо фигурирует во многих УС славян: рус. сиять/ засиять как пасхальное яйцо (яичко) ‘о довольном, счастливом, радостном человеке’; катать как [пасхальное] яичко [кого] ‘нежить, баловать кого-л.’; разукрасить как пасхальное яйцо ‘сильно избить’²¹; укр. любиться (любуватися) як чорт писанкою ‘восхищенно рассматривать что-л.’; яскравий як пасхальні яйця ‘очень красивый’; лемк. ити як мальоване яйце ‘идти очень медленно’; серб. вара га као дијете шареним јајетом /обманывает его как ребенка пестрым яйцом/.

Многие славянские фразеологизмы образованы по одной ССМ. Семантику ‘очень беречь; бережно, деликатно обращаться; души не чаять, сдувать пылинки’ имеют УС: рус. бережет что червонное яичко на блюбочке; укр. обходить сі як з писанков; лемк. заобходжувати як з мальованим яйцом; бел. абыходзіцца (хадзіць) як ля велікоднага яйка (яйца); абходзіцца як з веліконным яйцом; болг. гледам (пазя) като писано (шарено) яйце; макед. чува како писано [велигденско] јајце; польск. диал. obchodzi sie jak z malowanym vejcem; кашуб. obcodzęc się jak z malowanym

21. Пока наши подоспели на драку, а они меня уже всего разукрасили, как пасхальное яйцо, и рубаху начисто изуродовали [Шолохов М.А. Поднятая целина. 1960].

jaје; чеш. šetří jako červeného vejce; zacházet jako z malovaným vejcem; слвц. zaobchádza ako s maľovaným vajcom (vajčkom). Значение ‘уделять излишне много внимания чему-, кому-л.; суетиться, чрезмерно и неоправданно хлопотать вокруг чего-, кого-л. малозначительного, не стоящего внимания’: кубан. (ирон.) носиться [с кем, чем] как с писанкой; укр. носиться як дурень (чорт) з писанкою; бел. насіцца (няньчыцца, цацкацца) нібы (як) з велікодным яйкам; цацаецца як з веліконным яйком (яйкам). Рус. носиться как курица с пасхальным яйцом образовано контаминацией УС носиться как с пасхальным яйцом и носиться как курица с яйцом – ср. с укр. бігає як курка з [першим] яйцем; бел. насіцца (носіцца) як курыца з яйкам (яйцом).

Обрядовый выгон скота на Руси в Пасху сопровождался магическим действием – поглаживанием по хребту от головы до хвоста пасхальным яйцом и пожеланиями типа Будь гладка как яичко; Как яичко гладко и кругло, так моя лошадушка будь гладка и сыта! – ср. с бел. Будзь круглы як яйцо (яйка). Считалось, что животное, перешагивающее через положенное перед стойлом яйцо, будет тельным и круглым как яйцо, т.е. здоровым (полнота вообще считалась признаком здоровья, а худоба свидетельствовала о наличии какой-либо болезни) – ср. с серб. диал. здрав како јаје.

Русское УС брешет как собака в Пасху имеет два значения: ‘бессовестно обманывает’ и ‘накликáет беду’. Первое определяется семантикой глагола в основании УС; второе связано с приметой, что, если собака во время пасхальной утрени лает на восток, это к пожару, а если на запад – к несчастью [11: 460]. В первом случае календарный компонент асемантичен и служит целям повышения экспрессии, во втором – сохраняет свое значение. Объективный фактор – отсутствие аналогичных поверий и примет у других славян – определяет национально-культурную специфику компаративизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1–3. М., 1995–2004.
2. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М., 2001.
3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб., 1903–1909.
5. Бетехтина Е.Н. Фразеологизмы с библейскими именами. СПб., 1999.
6. Листова Н.М. Пища в обрядах и обычаях // Календарные обычаи и обрядность в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.
7. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
8. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I–III. М., 1865–1869.
9. Ермаков Н.Я. Пословицы русского народа. СПб., 1894.
10. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Т. 1–2. М., 1994.
11. Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост. А.Ф.Некрылова. М., 1991.

ПУНКТУАЦИЯ И ПОДТЕКСТОВЫЕ СМЫСЛЫ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Пушкарёва Н.В.,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: синтаксис, текст, смысл, подтекст, пунктуация
Key words: syntax, text, sense, subtext, punctuation

Аннотация. В статье описывается использование нестандартной авторской пунктуационной разметки как средства обозначения в тексте точек возникновения эмоциональных подтекстовых смыслов, т.е. выражаемой синтаксическими средствами информации об эмоциональном состоянии персонажей. На примерах из русской прозы XIX–XX вв. демонстрируется употребление пунктуационных знаков для выделения отрезков с несколькими смысловыми уровнями, а также как средства разграничения отрывков при построении текста по монтажному принципу.

The usage of nonconventional author's punctuation as the tool for marking in the text the spots with the emotional subtext meaning (i.e. syntactically expressed information about emotional condition of characters) is being described in the article. The usage of punctuation for marking the segments with some levels of sense and for separating sections while making a text according to the editing principle are being illustrated with the examples from the Russian prose of XIX–XX cc.

Для понимания смысла литературного произведения необходимо анализировать все языковые элементы, участвующие в его создании. С этой точки зрения важны пунктуационные знаки, выполняющие в тексте двойную задачу: с одной стороны, они разделяют и выделяют компоненты предложения, способствуя его правильному прочтению, с другой стороны, помогают читателю понять скрытый смысл, заложенный автором в абзац или в более крупный текстовый отрывок.

Развитие пунктуационной системы происходит вслед за изменениями в литературном языке, на который влияет разговорная речь. Стремление передать в тексте живую речь заставляет писателей пользоваться знаками препинания не так, как требуют нормативные правила. Если в классической прозе пунктуационная разметка производилась преимущественно по грамматическому принципу, то в современном языке появляется все больше текстов, знаки в которых расставлены по интонационному принципу [1:38–39]. Кроме того, употребление пунктуационных знаков в прозе часто служит для того, чтобы сократить объем текста, сохранив, а иногда и увеличив, объем информации. Знаки оказываются «средством воздействия на читателя» и служат для передачи дополнительного смысла [14:11–12].

С помощью пунктуации в прозе может обозначаться присутствие эмоционального подтекста, т.е. переданной лингвистическими средствами информация об эмоциональном состоянии персонажей или рассказчика. Эмоциональный подтекст создается с помощью конструкций экспрессивного синтаксиса, также он возникает на стыке частей бессоюзного сложного предложения и на границах абзацев, соединенных по монтажному принципу [12]. Во всех названных случаях пунктуационные знаки, с одной стороны, служат указателями на присутствие подтекстового смысла, с другой стороны, помогают читателю в выяв-

лении этого смысла. Чаще всего для выполнения этой задачи используются тире, многоточие, а также вертикальный пробел между абзацами. Тире маркирует информационный фокус, организовывая «поле зрения адресата» текста [14:137], многоточие создает эффект недоговоренности и разрыва повествования, кроме того, многоточия используются в современной прозе при изображении «потока сознания».

Примеры использования пунктуационных знаков для обозначения присутствия скрытого смысла наблюдаются уже в некоторых образцах русской прозы XIX века. Случаи подобного применения пунктуации выявлены в «Журнале Печорина» М.Ю. Лермонтова, текст которого сразу привлекает внимание своим пунктуационным оформлением: в сложных предложениях одновременно используются точки с запятой и двоеточия, частотны многоточия и тире, иногда граница между двумя абзацами обозначается строкой точек.

Вот как выглядит отрывок из повести «Тамань»: Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский свежий голосок, — но откуда? .. Прислушиваюсь — напев стройный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нет кругом; прислушиваюсь снова — звуки как будто падают с неба [9:234].

Во втором предложении употреблен сильный актуализирующий знак ‘запятая и тире’, «выделяющий информационный фокус» [14:137]. Этим фокусом оказывается вопрос *но откуда?..*, который на лексическом уровне передает желание персонажа узнать местоположение певца, а на синтаксическом уровне формирует эмоциональный подтекст со значением состояния недоумения и растерянности. Вопрос оказывается заключенным в своеобразную рамку из пунктуационных знаков: слева это знак ‘запятая и тире’, справа — вопросительный знак и сопровождающие его две точки. С помощью этих знаков вопрос выдвигается на первый план, словно отдельный кадр, не заметить и не осмыслить который невозможно. Повисший в воздухе вопрос оставляет ощущение недоумения и неуверенности, переживаемых повествователем, а пунктуационная разметка неизбежно привлекает внимание читателя к фрагменту предложения, содержащему скрытый эмоциональный смысл.

Далее в абзаце идут два бессоюзных сложных предложения, структура которых разительно отличается от традиционной организации сложных предложений в классической прозе. Тире маркируют границы между частями сложных предложений, отделяя определенно-личные предложения от следующей части. При этом односоставные предложения описывают действия персонажа, направленные на получение информации (прислушиваюсь; оглядываюсь; прислушиваюсь снова), а следующие за ними части, отграниченные тире, называют результаты этих действий,

т.е. информацию, которую удалось получить (напев стройны.; никого нет кругом; звуки как будто падают с неба). Отсутствие союзов не затрудняет понимание текста: логика изложения и опора на знание пунктуационных норм помогают правильно определить взаимосвязь изложенных фактов.

Части бессоюзного сложного предложения соединяются интонацией, поэтому единственным способом активизации смысловых отношений между ними оказывается пунктуационное оформление. Степень активизации особенно высока при употреблении тире и двоеточия [14:158]. В приведенном примере тире свидетельствует о незавершенности высказанной в первой части предложения мысли и обозначает причинно-следственные отношения между первой и второй частями. Подобное оформление предложения придает отрывку динамичность и создает впечатление фрагментарности восприятия событий, которая свидетельствует о беспокойном состоянии персонажа-рассказчика. Заметим, что подобное пунктуационное оформление текста свойственно актуализирующей прозе XX века, для которой употребление предложений с неявно выраженными связями между компонентами является, скорее, нормой, чем исключением.

Таким образом, выделенное пунктуационными знаками вопросительное предложение, не получающее ответа, и пунктуационная разметка всего абзаца способствуют созданию эмоционального подтекста с семантикой недоумения и неуверенности, передающего состояние персонажа-повествователя и формирующего эмоциональный фон данного текстового отрывка.

Использование пунктуации для указания на скрытые эмоции встречается и в прозе Н.В. Гоголя. Пример из поэмы «Мертвые души» также напоминает по своей синтаксической организации прозу XX века: Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческого добродетелей: французский язык, необходимый для счастья семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошелевков и других сюрпризов [7:25].

В приведенном отрывке наблюдается парцелляция, являющаяся типичной чертой современного экспрессивного синтаксиса. Точки, разделяющие предложение на отрезки, фокусируют внимание читателя на логических центрах высказывания, при этом логика повествования оказывается нарочито нарушенной. В.В. Виноградов, обнаруживший данное явление в тексте «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, называл подобные случаи «открытыми» или «сдвинутыми» конструкциями [6:233], Н.С. Валгина называет их «скачками», способствующими «сжатию информации и экономии текстового пространства» [5:41]. Сдвинутые конструкции формируют скрытые эмоции, в данном случае — иронию. Применение парцелляции в сочетании с пунктуационной разметкой позволяет создать ироническую окраску в отрывке, а также имплицитно передать оценку повествователем образования, получаемого девушками в пансионах.

Так же, как в произведении М.Ю. Лермонтова, авторская пунктуация заставляет читателя уделять больше внимания каждому отделенному отрезку, а двойное двоеточие, маркирующее пояснение к пояснению, приводит к финально-

му пункту высказывания. В результате получается, что хорошее воспитание заключается в умении «вязать кошелечки и другие сюрпризы». Это гротескное противопоставление, оформленное пунктуационными знаками, также участвует в формировании иронического эмоционального фона данного отрывка.

Примеры указания на присутствие эмоционального подтекста с помощью пунктуации встречаются в прозе А.П. Чехова. Любопытная картина наблюдается в следующем примере («Рассказ госпожи NN»): Я вспомнила, что я свободна, здорова, знатна, богата, что меня любят, а главное, что я знатна и богата, — знатна и богата — как это хорошо, боже мой!.. [13:475]. Главную роль в передаче эмоции играет двойной повтор компонента знатна и богата. В последнем случае эти слова выделены пунктуационно как вставная конструкция. Вставочный автокомментарий сформулирован теми же словами, которыми героиня описывает благоприятные обстоятельства своей жизни, лексемы знатна и богата помещены в «рамку», не заметить которую читатель не может. Второе тире маркирует информационный фокус, вербально выражающий положительную оценку этих обстоятельств. Все вместе передает воодушевление персонажа, которое сопровождается словесно выраженной оценкой персонажем своих знатности и богатства. Сочетание вербальных, синтаксических и пунктуационных средств абзаца способствует созданию впечатления, что все мысли, эмоции и переживания героини сконцентрированы вокруг ее знатности и богатства. Помещение повторяемого компонента в «пунктуационную рамку» позволяет добиться высокой степени данного эффекта при минимальном количестве языковых средств.

Традиция указания на присутствие скрытых эмоций с помощью пунктуационной разметки продолжается в прозе XX века. Ярким примером использования пунктуации для обозначения отрывков с эмоциональным подтекстом является роман А. Белого «Петербург». Используя пунктуационные знаки, писатель направляет читательского внимания к самым значимым компонентам высказывания или абзаца. Часто нестандартная пунктуация встречается в текстовых отрывках, имеющих нетипичный внешний вид, например, в предложениях или абзацах, организованных в виде «лесенки» (знакомой читателям по стихотворениям футуристов).

«Лесенка» по-особому размечается пунктуационными знаками, причем в ряде случаев один ее уровень заканчивается знаком 'тире' или 'точка с запятой', а следующие уровни начинаются с того же знака. Развернуть подобный отрывок в обыкновенный абзац без потери знаков препинания не удастся: постановка рядом двух тире или точек с запятой в «линейном» пространстве невозможна. Подобная организация отрывка оставляет читателю единственно возможный путь для чтения и постижения смысла: постепенно, «спускаясь по лесенке», двигаться к кульминации высказывания. Таким способом, например, выдвигается на первый план тема размышлений одного из персонажей — мучительное ожидание взрыва бомбы, которую он привел в действие:

Вот всего осталось каких-нибудь полчаса; вот уже зеленое просветление рассвета; комната синее, серее; уменьшается пламя свечи; и — всего пятнадцать минут; тут тушится свечка; вечности протекают медлительно, не мигая, а именно — вечности; после чиркает спичка: протек-

ло пять минут... Успокоить себя, что все это будет не скоро, через десять медлительных оборотов времени, и потрясаяще обмануться, потому что —

— не повторяемый, никогда не услышанный,
притягательный звук, все-таки... —
— грянет!!... [3:328]

Отрывок представляет собой два сложных предложения, оформленных графически в виде трех уровней. Тире прерывают процесс чтения, заставляя читателя останавливаться и вдумываться в смысл компонентов абзаца. В первом бессоюзном сложном предложении с помощью этого знака оформляется противопоставление «пятнадцать минут» — «вечности», передающее состояние измученного ожиданием персонажа. Точка с запятой между частями бессоюзного сложного предложения не проясняет отношения между его частями, вследствие чего возникает подтекстовое значение неуверенности, дополняемое семантикой смещения, которая создается повторами компонентов вот, вечность/вечности, протекает/протекла.

Разделение отрывка знаком тире на более мелкие отрывки формирует своеобразные «кадры», не одинаковые по размеру, границы между которыми не позволяют читателю смешивать информацию. Самый короткий и самый выразительный отрывок — грянет!!... выделен с двух сторон пунктуационными знаками, словно помещен в рамку. Он содержит самую важную информацию, к которой читатель продвигался, следуя пунктуационным инструкциям автора. По мере сокращения объема отрывков нарастает их эмоциональность: движение по «лесенке» позволяет уловить нарастающий ужас, который переживает персонаж.

Отрывок построен по монтажному принципу, то есть, связь между соседними абзацами не всегда выражается вербально, но из соположения двух отрывков читатель извлекает дополнительный смысл (в данном случае это информация об эмоциональном состоянии персонажа). Авторская пунктуация выступает в роли показателя границ отрывков и маркирует точки возникновения эмоционального подтекста. Монтаж, по словам С.М. Эйзенштейна, служит для того, чтобы «вклинить в сознание и ощущение читателя эмоциональность» [15:165], для достижения всей полноты данного эффекта в романе используются как синтаксические средства, так и авторская пунктуация.

Использование возможностей пунктуации для передачи невыраженного смысла наблюдается в прозе М.А. Булгакова. Так, в романе «Белая гвардия» пунктуационные знаки последовательно употребляются для обозначения отношений между частями бессоюзного сложного предложения:

Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; на смену очень слабому и в действительно трудных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт. <...>

Инстинкт: гонятся настойчиво и упорно, не отстанут, достигнут и, достигнув совершенно неизбежно, — убьют. [4:201].

Два абзаца объединяет только повтор слова инстинкт, следующие за повтором двоеточие маркирует отношение пояснения между частями бессоюзного сложного предложения, тире обозначает информационный фокус. В данном примере реализуется специальная функция пунктуации — указание на «свертывание и развертывание текста на информационном уровне» [14:192]. Читатель может самостоятельно восстановить отсутствующие в тексте связующие

элементы и выявить причинно-следственные отношения между описанными событиями.

Кроме уже рассмотренных выше знаков пунктуации, в прозе М.А. Булгакова применяется вертикальный пробел (пропуск строки), знак, который часто встречается в современной прозе, построенной по монтажному принципу [14:88]. Знак активно используется в рассказе «Красная корона»:

Что может случиться за один час? Придут обратно. И я стал ждать у палатки с красным крестом.

(Пробел)

Через час я увидел его. Так же рысью он возвращался. А эскадрона не было (Красная корона), [4:288].

В пропущенной строке могла содержаться информация о том, что переживал персонаж в течение этого часа, что он видел вокруг, о каких-либо событиях, происходивших рядом. Однозначного толкования пропуск получить не может, поскольку «каркас» смысла — лингвистические средства — отсутствует. Известно только, что этот час выброшен из повествования, и автор не намерен о нем рассказывать. В отрывке реализуется монтажный принцип организации текста: два эпизода следуют друг за другом, но связь между ними не показана.

Пробел, с одной стороны, служит завершением части рассказа, подводит итог описанию того времени, когда в жизни персонажа еще не произошло трагических событий, с другой стороны, способствует выдвиганию на первый план следующей темы. Повествование прервано, два эпизода объединены только повторами подлежащего я и единицы час, иные лингвистические показатели связи между отрывками отсутствуют.

В сравнительно небольшом рассказе «Красная корона» на четыре страницы текста приходится пять вертикальных пробелов. Каждый пробел переключает повествование из одной сферы в другую: из нынешней жизни персонажа в его воспоминания. Происходит нечто вроде смены кадров в кинофильме, когда одна сцена завершается, и на экране возникает другой эпизод. Подобная картина отмечалась уже в произведениях писателей XIX века, например, о построении по монтажному принципу поэмы А.С. Пушкина «Полтава» писал С.М. Эйзенштейн [15:179].

По мнению исследователей, данные литературные способы переключения внимания читателя послужили базой для развития приемов и методов создания кино [11]. Об этом весьма эмоционально пишет У. Эко: «Только не говорите мне, что писатели девятнадцатого века понятия не имели о кинематографической технике: наоборот, это кинооператоры переняли приемы писателей девятнадцатого века» [16:133]. Таким образом, вертикальный пробел, определяя границы описания того или иного события, выводит за рамки повествования ряд ситуаций и эпизодов, оставляя читателю свободу для домысливания.

Потенциальные возможности пунктуационных знаков, особенно такого активного в современном языке знака, как тире, проявляются в актуализирующей прозе конца XX века, например, в повести С.Д. Довлатова «Заповедник»:

Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. Подобно луне, которая освещает дорогу и хищнику, и жертве.

Не монархист, не заговорщик, не христианин — он был

только поэтом, гением и сочувствовал движению жизни в целом [8:361].

Парцелляция придает сдержанному и немногословно-му высказыванию патетический тон. Тире, маркирующее во втором абзаце информационный центр, употребляется в эмоциональном значении [9:99]. Появление этого знака указывает на «изменение интонации» второй части отрывка, свидетельствует о стремлении автора выделить заключительную часть высказывания как наиболее важную. В сравнительно нейтральном с точки зрения лексического наполнения отрывке, напомиающем по тону научную статью, возникает эмоциональный патетический подтекст, созданный с помощью синтаксических средств и маркированный эмоциональным пунктуационным знаком.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в русской прозе разных эпох проявляется важная особенность: «обращение к особому пунктуационному оформлению текста для выражения экспрессии, (подтекстового смысла)» [14:12]. Эти примеры не единичны, обозначение присутствия имплицитной информации пунктуационными знаками свойственно не только перечисленным авторам, но встречается и у других писателей. Стремление передать эмоциональное состояние персонажа и при этом не перегрузить текст многословными описаниями привело писателей к созданию текстов с подтекстовым эмоциональным смыслом. Важным лингвистическим средством, помогающим обозначить точки возникновения подтекста, оказалась пунктуация.

Тире, двоеточие, многоточие и набирающий популярность в современной прозе вертикальный пробел не только актуализируют смысловые отношения между компонентами предложения, но и участвуют в создании подтекстовых эмоциональных смыслов. Постановка пунктуационных знаков в подобных случаях уходит от грамматического принципа, знаки все чаще расставляются по интонационному принципу, что отражает стремление авторов передать в прозе живую речь со всеми ее паузами, недоговоренностями и экспрессией. Тенденция к подобному использованию пунктуации, проявившаяся в актуализирующей прозе XX века, формировалась в недрах синтагматической прозы XIX века как один из способов обозначения в повествовании отрезков с эмоциональным смыслом.

В связи с этим, анализ пунктуационной разметки прозаического текста становится важной составляющей процесса интерпретации текста, поскольку помогает выявить

подтекстосодержащие отрывки, установить отношения между ними и приводит к постижению авторского замысла во всей его полноте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимова Г.Н. Современные тенденции в русском синтаксисе и пунктуации // Проблемы филологических исследований. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С.38–39.
2. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166 с.
3. Белый А. Петербург. М.: Наука, 1981. 696 с.
4. Булгаков М.А. Избранные произведения. В 2 т. Т.1. Киев: Дніпро, 1989. 764 с.
5. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
6. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С.176–239.
7. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7 т. Т.5. М.: Художественная литература, 1978. 480 с.
8. Довлатов С.Д. Собрание прозы в 3 т. СПб.: Лимбус-Пресс, 1993. Т.1. 416 с.
9. Иванова В.Ф. Из истории русской пунктуации // Тенденции развития русского языка. Сборник статей к 70-летию проф. Г.Н. Акимовой. СПб., 2001. С.
10. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 5 т. / Ред. текста и коммент. Б.М. Эйхенбаума. Т.5. М.–Л., Academia, 1937. 649 с.
11. Мартыанова И.А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб.: САГА, 2002. 240 с.
12. Пушкарёва Н.В. Подтекст в художественном тексте, его семантика и лингвистические средства выражения // Вестник СПбГУ. Сер.9. 2009. Вып.1. Ч.1. С.59–65.
13. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. Т.5. М., 1955. ГИХЛ. 504 с.
14. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.
15. Эйзенштейн С.М. Монтаж // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения в 6 т. Т.2. М.: Искусство, 1964. С.156–188.
16. Эко У. Шесть прогулок по литературным лесам. СПб.: Симпозиум, 2003. 288 с.

ТЕКСТ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК ИСХОДНАЯ БАЗА ПО РАЗВИТИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ АВТОНОМИИ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ

Чикнаверова К.Г.,
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра английского языка,
МГИМО (У) МИД России

Ключевые слова: профессионально-ориентированное чтение, профессионально-ориентированные тексты, компетенция, самостоятельность, автономность, компетенция автономной иноязычной деятельности, коммуникативные компетенции

Key words. ESP reading, texts for ESP, competence, autonomy, independent learning, autonomous foreign language activity, communication competences

Аннотация. В статье анализируется текст как средство развития иноязычной речевой автономии, под которой понимается интегратор субкомпетенций самостоятельности на уровне лингвистической, социокультурной, социолингвистической, стратегической, дискурсивной компетенций. Обосновывается выбор текстового материала профессионально-ориентированных текстов (ПОТ) в качестве доминанты обучения. Развивающий потенциал текстов рассматривается на уровне развития соответствующих субкомпетенций самостоятельности.

The article focuses on «text» as a means of developing autonomous foreign language acquisition competence which embraces subcompetences of autonomy on the level of linguistic, discourse, sociolinguistic, sociocultural, strategic competences. Texts in general and texts for ESP are substantiated as a dominant teaching material.

Значительное место в системе средств обучения занимают текстовые материалы. Учебные тексты не раз становились объектом лингвистических и лингводидактических исследований (Н.А. Александрова, Д.И. Изаренков, В.Д. Калинина, О.А. Климанова, Т.С. Кудрявцева, В.Д. Маргулис, М.Д. Рогова, В.Л. Страхова и др.). Изучению профессионально ориентированных текстов в высшей школе на неязыковых специальностях посвящены многочисленные отечественные и зарубежные исследования (Н.Л. Августинович, Н.А. Вишневецкая, О.В. Зеленова, С.А. Крылова, Э.М. Ларина, Е.Н. Панкратова, О.Г. Попов, И.А. Попова, Т.С. Серова; И.В. Усачёва; С.К. Фоломкина; С.Ф. Шатилов, Т. Hutchinson, A. Waters, K. Graves и др.). В целях нашего исследования были также проанализированы работы в области лингвистического и лингвостилистического описания текстов (О.А. Ахманова, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, Б.А. Ильиш, Л.И. Зильберман, М.Н. Кожина, О.А. Крылова, Л.Н. Мурзин, Н.М. Разинкина, А.С. Штерн, G. Leech, J. Svartvik и др.). В рамках данного исследования можно также выделить вопросы организации процесса обучения с использованием самостоятельной работы с профессионально-ориентированным учебником. Разработкой данной проблематики занимались В.К. Буряк, Р.Д. Минькова, Е.А. Морозова, А.В. Усова и многие другие. На основе ряда исследований [11; С. 336337] выделим функции учебника, наиболее значимые в процессе развития самостоятельности студентов.

В целом текст по специальности выполняет многочисленные функции.

- воспитательная: формирование эмоционально-мотивационной сферы.
- руководства: становится средством планирования, подготовки и проведения обучения;

- стимулирования: стимулирует учение, повышает интерес к материалу, способствует выработке умения работать с дополнительной литературой и справочниками;

- обеспечения прочного усвоения знаний, что достигается посредством упражнений, повторений, систематизации, организации контроля и самоконтроля;

- координации: установление связи с другими средствами учебно-методического обеспечения. Последние представляют собой систему дидактических средств обучения (при ведущей роли учебника), которая обеспечивает наиболее полную реализацию учебно-воспитательных задач и развитие личностных качеств специалиста; рационализации: ориентирование на экономию времени преподавателя и студентов, что обеспечивается использованием дополнительных средств для выработки рациональной основы ориентировочных действий учебного процесса [11]. Текст обладает большой степенью интерпретативности [10], что делает его доминантой в ПО обучении ИЯ. Актуальность обучения профессионально-ориентированному чтению прослеживается на следующих уровнях: социальном уровне – профессионально-ориентированные тексты (ПОТ) содержат профессионально-ориентированный языковой материал; научно-теоретическом – научно обоснован развивающий потенциал текстового материала; научно-методическом – текст может рассматриваться как источник, средство и метод обучения и развития.

Выбор текстового материала в качестве доминанты обучения объясняется доступностью текстового материала и отсутствием необходимости в специальной, информационной и дидактической поддержке, соблюдении ряда условий, требующихся при обучении другим видам речевой деятельности – говорению, аудированию. Помимо того, что текст является наиболее доступным материалом, текстовая информация обладает неограниченным потенциалом и позволяет развивать другие виды речевой деятельности – говорение, письмо, опосредованно – аудирование, обладает потенциалом для последующего поддержания уровня профессиональной подготовки. В связи с этим обучение чтению гипотетически могут включать в себя обучение другим видам речевой деятельности.

Таким образом, ПОТ могут быть доминантными при развитии свойств личности, всех известных коммуникативных компетенций, а значит компетенции автономной иноязычной деятельности (АИД) как интегратора субкомпетенций самостоятельности коммуникативных компетенций: стратегических, дискурсивных, социокультурных, социолингвистических, лингвистических.

Далее остановимся подробнее на развивающем потенциале ПОТ в плане развития обозначенных субкомпетенций самостоятельности.

Лингвистическая компетенция. На основе текстов по профессии формируются как общезыковые умения, так и профессиональные знания и умения. У обучающихся формируется грамматическая, лексическая, фонетическая, орфографическая картина общего английского языка; грамматическая, лексическая, фонетическая, орфографическая картина языка профессии.

Дискурсивная компетенция. Текст позволяет развитию и формированию всех возможных аналитических операций. Так, работая с текстовым материалом, развиваются умения: оформить высказывание в логической последовательности, отделить главное в высказывании от второстепенного; использовать логические связки разделять текст на смысловые части, устанавливать логические связи между частями текста, различать главную и второстепенную информацию, различать фактическую и оценочную информацию, делать заключение и выводы из прочитанного. В русле когнитивного подхода, работа с текстом предполагает активизацию и развитие когнитивных процессов (восприятия, внимания, способность к репрезентации знаний, памяти, мышления, принятие решений и воображение и т. д.). В случаях дополнительных трудностей (размытая структура подачи материала, противоречивая позиция автора и т. д., в условиях отсутствия средств фасилитации восприятия, присутствующих в устной речи) механизмы анализа развиваются с большей интенсивностью.

Стратегическая компетенция. Работая над текстом, возможно развивать стратегию для конструирования и интерпретации текста, понимания смысла незнакомых слов и выражений, опираясь на контекст, ассоциации и аналогии, задействовать механизмы вероятностного прогнозирования (смыслового и вербального), что способствует развитию прогностических умений.

Социокультурная компетенция. Анализ факторов различия культур на материале текстов, и ПОТ, в частности, позволяет вычлнить и анализировать социально-окрашенную лексику, понятия и категории.

Социолингвистическая компетенция. Жанровое и стилистическое своеобразие ПОТ позволяет формировать умения различать жанровые, стилистические особенности, обосновывать целесообразность их использования в тексте соответствующего жанра/стилистики, впоследствии подбирать языковые формы, соответствующие профессионально-ориентированной ситуации коммуникации.

Чтение обладает потенциалом личностного и научно-профессионального развития. Систематическое чтение большого объема информации (профессионально-ориентированной) развивает умения работы со справочными изданиями, применять внутриязыковые трансформации. Рассмотрим как указанный потенциал актуализируется на уровне компонентов самостоятельности: субъектности, ценностного отношения, самоорганизации.

Субъектность. Самоопределение и саморазвитие обучающегося посредством чтения профессионально-ориентированной литературы, составленной исходя из программы обучения по смежным дисциплинам, помогает студентам составить общее представление о многообразии междисциплинарных связей и, со временем, определить приоритетное направление в ходе профессионализации в магистратуре. Оценивание каждого из видов работы с текстовым материалом, демонстрация результатов работы в аудитории, в присутствии одноклассников, способствует

формированию ответственности за качество выполненной работы.

Процесс работы над ошибками, освоение и восприятие текстового материала, стремление достичь заявленный уровень владения текстовыми компетенциями способствует проявлению инициативности, настойчивости, рефлексии, волевых качеств личности.

Ценностное отношение. Начальная профессионализация при обучении работе с текстами на первых этапах обучения способствует формированию ценностного отношения, дальнейшая специализация способствует развитию умения целеполагания на последующих этапах обучения.

Самоорганизация. Обучаясь работе с ПОТ, студенты осваивают методы, формы, приемы работы с текстами; учатся определять уровень развития той или иной компетенции; методам и формам репродукции материала, овладевая которыми, они в дальнейшем выстраивают самоорганизуемую учебную деятельность (в магистратуре – где преобладают творческие, проектные методы работы, начальная научная профессионализация; либо на рабочем месте - поддерживая сформированные компетенции, при последующем профессиональном повышении квалификации).

Коммуникативные цели обучения ПО чтению предполагают использование в учебном процессе различных типов текста - разного жанра и функциональных стилей. При этом их отбор и организация должны осуществляться с учетом этапов обучения.

При отборе текстового материала необходимо принимать во внимание: 1. Аутентичность текстового материала. Вслед за Э.Г. Азимовым и А.Н. Щукиным под аутентичными материалами мы понимаем «тексты, являющиеся реальным продуктом носителей языка и не предназначенные для учебных целей, не адаптированные для нужд учащихся с учетом их уровня владения языком. Аутентичные материалы характеризуются «естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью языковых средств, отражают национальные особенности и традиции построения и функционирования текста» [1; С. 34]. Работа с ними способствует повышению коммуникативно-познавательной мотивации, формирует лингвострановедческую компетенцию, положительно воздействует на личностно-эмоциональное состояние учащихся, обеспечивает возможность одновременно обращаться к языку и культуре, позволяет в комплексе еще более эффективно решать учебно-воспитательные задачи посредством иностранного языка, используя его общеобразовательный, развивающий и воспитательный потенциал [6; С. 12-13].

2. Целевая установка обучения ИЯ выступает следующим критерием. 3. Очередной критерий -- адекватность текста, его соответствие учебным целям и ситуации обучения (учет лексических, грамматических единиц; соответствие языкового материала текста активному/пассивному языковому материалу студента). Содержание текстов для чтения почти тождественно содержанию устной речи. На последующих этапах, по мере расширения языкового материала увеличивается количество возможных комбинаций, что сказывается на содержании текстов. Тексты содержат все новые и все более разнообразные ситуации, не всегда связанные с тематикой устной речи [4; С. 132].

Следующий критерий -- способ изложения, определяется: актуальностью материала; тематической близостью

предмета изложения к программе по языку профессии/теоретическим профильным дисциплинам. Разделяя мнение Е.И. Пассова [9; С.153], мы считаем, что содержательную сторону языка должны составлять не темы, а проблемы, позволяющие преподавателю направить учебный процесс на обсуждение и поиск путей их решения, побуждая студентов к осмыслению поставленной проблемы, высказыванию собственного мнения; дискуссионностью; возможностью различных ситуативных трансформаций содержательной стороны текста или отрывка [12; С. 30,32].

Требования к текстам также зависят от отрабатываемого вида чтения. Так, необходимо принимать во внимание: соотношение основной и второстепенной информации; расположение новых слов и их количество; наличие/отсутствие неизученных грамматических форм. Поскольку в целях мотивации обучения ИЯ использовались аутентичные тексты, на определенных этапах обучения (в большем соотношении на 1-2 курсах; в меньшем – на 3 курсе) мы прибегали к адаптации текстов. На 4 курсе в последнем семестре тексты не адаптировались. Подача учебного материала осуществлялась по градуированному принципу. Адаптация проходила на уровне: лексики; синтаксиса и способов изложения. При адаптации текстов на 2-3 курсах мы опирались на исследование Е.В.Носонович, Р.П. Миллеруд [7]. При адаптации текстов необходимо сохранить дискурсивную аутентичность текста – связь с аутентичной прагматической ситуацией, определяющей его связность, выбор языковых средств для решения задачи; общения, структурные особенности, возможности интерпретации, при естественности лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватности используемых языковых средств; сохранении логической целостности и тематического единства.

Так при адаптации лексики использовался внутриязыковой перевод образной, экспрессивно-оценочной лексики; опущения терминов, замены (на первом этапе обучения); добавления, конкретизация. На уровне синтаксиса и способов изложения использовался внутриязыковой перевод (ВЯП) при изменении порядка слов (при переводе атрибутивных словосочетаний); замене частей речи и членов предложения (добавление, опущение); генерализация, конкретизация и смысловое развитие; членение и объединение предложений; ВЯП при сложных пассивных конструкциях; инфинитивных конструкциях; конструкций с причастием, герундием; придаточных предложений; эмфатических, абсолютных конструкций. При обучении и проверке понимания текста мы прибегали к внутриязыковому переводу, то есть истолкованию словесных знаков посредством знаков того же языка. При этом мы интерпретировали внутриязыковой перевод в узком смысле как понятие синонимичное перифразу, переименованию в рамках одного текста [3; С. 16-24.] (в некоторых работах в подобном значении употребляется термин «метаязыковая коммуникация» [2; С.55-57]; и в широком смысле -- как транспозицию — перевод текста одного жанра или функционального стиля в другой жанр или функциональный стиль [8].

Анализ операционных характеристик понимания происходит на уровне слов, словосочетаний, предложений, всего текста, на уровне содержательной, эмоционально-волевой, побудительно-волевой информации (по З.И.Клычниковой), что позволяет определить операционные характеристики понимания текста студентами в терминах иноязычных

коммуникативных компетенций. Остановимся подробнее на операционных характеристиках каждой из коммуникативных компетенций обучающихся формирующихся при обучении профессионально-ориентированному чтению.

Дискурсивная компетенция (при обучении профессионально-ориентированному чтению): определение темы, основной мысли, установление связи событий, выводы по прочитанному, полное и точное понимание фактов, разделение текста на смысловые куски, отделение главного от второстепенного, интерпретация текста, выделение информации, подтверждающей что-либо; сравнение информации; определение важности информации.

Стратегическая компетенция (при обучении профессионально-ориентированному чтению): смысловое прогнозирование (предугадать содержание текста по заголовку, первому предположению и т.д.); вербальное прогнозирование (умение по началу предложения угадать синтаксическое построение); умение обходить языковые трудности; выдвижение гипотез; выработка системы ожиданий студентов; формируется на основе воспоминаний, догадок, предположениях (долговременной памяти, личном профессиональном опыте); проверка в процессе чтения сделанных ранее прогнозов.

Социокультурная компетенция (при обучении профессионально-ориентированному чтению): включает умения распознавать, переводить, интерпретировать и сопоставлять языковые особенности и реалии родного, иностранного языка профессии.

Социолингвистическая компетенция (при обучении профессионально-ориентированному чтению): способность интерпретировать языковые формы исходя из профессионально-ориентированной ситуации, представленной в тексте, умения распознавать соответствующий профессионально значимый контекст.

Лингвистическая компетенция (приобретение профессионально-ориентированному чтению): понимание тезауруса профессии, знания и умения интерпретировать профессионально значимые лексические единицы в языковом контексте; устно и письменно, профессионально-окрашенной грамматики, составляющих основу практических умений и навыков чтения как вида речевой деятельности.

Таким образом, результативное понимание текстов по профессии предполагает предварительное знакомство студентов со структурой иноязычных смешанных текстов, владение экстралингвистическими знаниями (предметными знаниями по соответствующему разделу профессиональной области). Понимание диагностируется на уровне слов, словосочетаний, предложений, всего текста, на уровне содержательной, эмоционально-волевой, побудительно-волевой информации, при определяющей роли лексических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). - СПб.: «Златоуст», 1999. – 472 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение и принцип коммуникативности в преподавании русского языка как иностранного// Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Докл. сов. делегации /пятый между-

нар. конгресс преп. русс. яз. и лит., Прага, 16-21 авг. 1982. М., 1982.

3. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978.

4. Зязун И.А. Основы педагогического мастерства. – М., 1989.

5. Клычникова З.И. Психологические особенности чтения на иностранном языке. М.: Просвещение, 1998.

6. Мильруд Р.П., Гончаров А.А. Теоретические и практические проблемы обучения коммуникативного смысла иноязычного текста // Иностранные языки в школе. – 2003, № 1

7. Носонович Е.В., Мильруд Р.П. Критерии содержательной аутентичности учебного текста // Иностранные языки в школе. – 1999, №2.

8. Паршин А. Теория и практика перевода. Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/w/wagapow_a_s/parshindoc.shtml

9. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иностранному языку. – М.: Просвещение, 1991.

10. Сорокин, Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М.: Наука. – 1985.

11. Чернилевский Д.В., Филатов О.К. Технология обучения в ВШ. М.: «Экспедитор», 1996. 288 с.

12. В.М. Фадеев “Домашнее чтение в старших классах, его организация и способы контроля”, ИЯШ, № 6, 1979.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕРА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДА DEA ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Байдак В.Ю.,

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра математического и информационного анализа экономических процессов,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: мера эффективности, деятельность банка, техническая эффективность, аллокативная эффективность
Keywords: an efficiency measure, bank activity, technical efficiency

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подхода к определению понятия «мера эффективности» коммерческого банка, предлагаются существующие в современной науке различные варианты понятий эффективности функционирования банков. Рассматриваются примеры, иллюстрирующие меру эффективности деятельности банка.

In article approach questions to concept definition «an efficiency measure» commercial bank are considered, various variants of concepts of efficiency of functioning of banks existing in a modern science are offered. The examples illustrating a measure of efficiency of activity of bank are considered.

В соответствии с подходами методов оболочечного анализа к оценке эффективности индекс эффективности деятельности банков определяется как мера расстояния от точки, описывающей производственный процесс данной кредитной организации, до некоей заданной границы производственных возможностей, или границы эффективности.

Эффективность – это относительный эффект, определяемый как отношение результата к затратам, или применительно к методам граничной эффективности – это отношение продукта к ресурсу $\frac{\text{продукт}}{\text{ресурс}}$.

Мера эффективности, определенная таким образом, соответствует экономическому смыслу понятия «производительность» и находит свое применение как критерий относительной эффективности в моделях методов оболочечного анализа. Такую меру часто называют мерой частной эффективности (производительности) или мерой относительной эффективности и наиболее полно эта аналогия между частной эффективностью и производительностью прослеживается при использовании производственного подхода к оценке деятельности банка в целом с позиций эффективности корпоративного управления. В данном понимании мера банковской эффективности исходит из рассмотрения банка как фирмы.

В дальнейшем эта мера расширяется до меры общих факторов производства, принимая во внимание многократные продукты и многократные ресурсы, соответствующие им, используемые для оценки эффективности определённой области функционирования банка или всего банк в целом. Расширение частой меры эффективности до полной

связано с трудностями в выборе продуктов и ресурсов и соответствующих им весов с целью получения критерия эффективности в виде $\frac{\text{выход}}{\text{вход}}$.

В полученной мере общей эффективности (эффективности общих факторов банковского производства) числитель и знаменатель представляют собой соответственно уже суммы произведений многократных (ресурсов) входов и многократных продукций (выходов) на соответствующие им веса. Эти веса в методе DEA не требуют, чтобы пользователь предопределял их, а являются неизвестными параметрами моделей DEA.

Рассмотрим примеры введенной выше меры частной эффективности и ее геометрическую интерпретацию.

Рассмотрим простейший случай одного входа и одного выхода.

Таблица 1. Данные для меры эффективности с единственным входом и единственной продукцией

Банк	A	B	C	D	E	F	G	H
Число служащих	2	3	3	4	5	5	6	8
Продажа, усл. ден. ед.	1	3	2	3	4	2	3	5
Продажа/численность служащих	0.5	1	0.667	0.75	0.8	0.4	0.5	0.625

В данном случае простейшая мера производительности (эффективности) рассчитывается как отношение - Продажа/численность служащих. Тогда на основании данной меры мы можем идентифицировать банк В как наиболее эффективный, а F как наименее эффективный.

Изобразим имеющиеся данные в двумерной системе координат, где по оси x – численность служащих, по оси y – продажа в условных денежных единицах.

Линия, соединяющая начало координат с точкой В называется эффективной границей. Эта линия проходит хотя бы через одну точку, а все остальные точки лежат не выше ее. Именно из этой особенности эффективной границы «окутывать» данные происходит название метода DEA – метода эффективных границ или метода оболочечного анализа.

Учитывая эти данные, построим соответствующую им статистическую линию регресса: $y = 0.622x$.

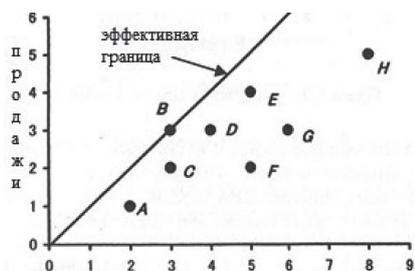

Рисунок 1. Эффективная граница с одним входом и одной продукцией

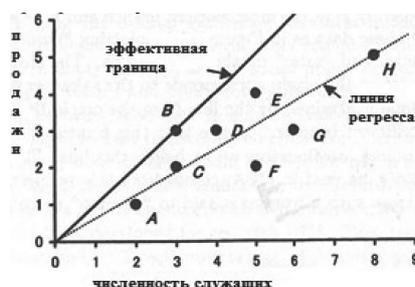

Рисунок 2. Эффективная граница и линия регресса с одним входом и одной продукцией

Полученная регрессионная прямая разделила все банки на лучшие и неудовлетворительные. С другой стороны, эффективный фронт определяет результат «лучшего» (эталонного) банка (B) и измеряет эффективность других банков отклонениями от него. В этом принципиальное отличие между регрессионным анализом и методом DEA. Линия регресса же отражает центральную тенденцию. Поэтому эти методы оценки эффективности банка могут привести к разным результатам. Следовательно, метод DEA дает нам точки отсчета для поиска совершенствования для других банков выборки, а регрессионный анализ показывает, где эти усовершенствования могут содержаться.

Рассматривая эффективность как отношение эффективности выбранного банка к максимальному значению эффективности для данной выборки, мы можем измерить эффективность всех остальных банков выборки отношением к эффективному банку В следующим образом:

$$0 \ll \frac{\frac{\text{продажи}}{\text{численность служащих}} \text{ банка}}{\frac{\text{продажи}}{\text{численность служащих}} \text{ банка В}} \ll 1$$

Получим: $1=B>E>D>C>H>A=G>F=0.4$. Таким образом, худшее значение эффективности у банка F, которое соответствует 40% эффективности банка В.

Исследование производственной или экономической эффективности банка было предложено Farrell (1957) [3]. Он разложил эффективность на две компоненты: техническую эффективность – способность банка максимизировать продукции («выходы») при данном наборе «входов» («затрат»), и ценовую (аллокативную) эффективность – способность банка использовать «входы» в оптимальной пропорции, учитывая их соответствующие цены. Этот подход представляет собой оценку эффективности без обращения к определенной функциональной зависимости между затратами банка (входами) и предлагаемыми им продуктами (выходами).

Теоретическое развитие Data Envelopment Analysis (DEA) было начато Farrell (1957) [1], а аналитическая запись модели была предложена Charnes, Cooper and Rhodes (1978) [2]. Одна из наиболее важных особенностей DEA – его способность управлять многократными характеристиками банка, которые могут использовать несколько входов (ресурсов) и выходов (продуктов).

Результаты анализа, проводимого этим методом, были успешно применены к управлению банками, школами, больницами и подобным учреждениями, потому что действия, базируемые на полученных результатах, способны увеличить эффективность их функционирования. Многочисленные модификации этого метода были развиты в зависимости от следующей специфики:

(1) если управляемые переменные банка – входы, то это

ориентируемая на вход модель, продукции – ориентируемая на выход модель),

(2) если есть постоянное или переменное возвращение в масштабе,

(3) если есть какие-нибудь ограничения относительно весов входов и выходов и т.д.

Charnes, Cooper и Rhodes (1978) [2] предложили ориентируемую на вход модель с постоянным эффектом масштаба (CRS или CCR). У нее было основное ограничение, состоящее в том, что применение этой модели являлось оправданным только тогда, когда все DMU работали эффективно (постоянный эффект масштаба). Последующие исследователи, такие как Banker, Charnes и Cooper (1984) [4, 1], рассмотрели альтернативные модели и предложили модель с переменным эффектом масштаба (VRS). Ориентируемая на вход модель CCR (CRS) была первой моделью, получившей широкое практическое применение в различных отраслях.

Предположим, что самостоятельная хозяйственная единица (DMU) – юридическое лицо, которое преобразовывает определенное число входов в продукции посредством определенного процесса. Здесь юридические лица – это банки. Можно предположить, что входы – ресурсы, которые используются для создания определенных продукций, и желательно создать наилучший уровень продукций для самого низкого набора входов. Мера эффективности для DMU – отношение между произведенными продукциями и затраченными ресурсами.

Модель CCR позволяют каждому банку принимать свой собственный набор весов (u,v), таким образом, максимизируя его собственную самую лучшую эффективность по сравнению с другими банками. Аналитическая запись модели CCR:

$$eff_0 = \max_{u>0, v>0} \frac{\sum_{r=1}^s u_r y_r^0}{\sum_{i=1}^m v_i x_i^0} \rightarrow \max'$$

где y_r^0 – значение r-го выхода для o-го DMU, x_i^0 – значение i-го входа для o-го DMU; при следующих ограничениях:

$$\frac{\sum_{r=1}^s u_r y_r^o}{\sum_{i=1}^m v_i x_i^o} \leq 1 \quad \text{для каждого } o \in 1, \dots, n.$$

Максимальное значение целевой функции – мера эффективности DMU. Если ее значение равняется 1, DMU считают эффективной. Эта задача нелинейного программирования может быть сведена к эквивалентной задаче линейного программирования и решена.

Оболочечный анализ данных (DEA) является набором методов анализа эффективности функционирования банков, который имеет ряд преимуществ по сравнению со ставшими уже традиционными методами анализа, такими как анализ показателей функционирования и методами

регрессионного анализа. Он позволяет определить направление для поиска улучшений в функционировании банка. Такой способ оценки может быть полезен менеджерам для планирования и контроля деятельности банка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ali Emrouznejad, Barnett R. Parker, Gabriel Tavares. Evaluation of research in efficiency and productivity: A survey

and analysis of the first 30 years of scholarly literature in DEA, *Socio-Economic Planning Sciences* 42 (2008) 151–157.

2. Charnes A, Cooper WW and Rhodes E (1978). Measuring efficiency of decision making units. *Eur J Opl Res* 2: 429-444.

3. Farrell M.J. The Measurement of Productive Efficiency // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A. General.* - 1957. - № 120. - Pt. 3. - P. 253-281.

4. Tavares G. A bibliography of Data Envelopment Analysis (1978–2001). RUTCOR, Rutgers University, 2002.

РОЛЬ ФИНАНСОВО-РАСЧЕТНЫХ ЦЕНТРОВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА СОГЛАСОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Гнеушева А.Л.,
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра теории и истории экономики,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: интеграция, агропромышленные объединения, экономические интересы, финансово-расчетный центр
Key words: integration, agroindustrial associations, economic interests, financially-financial settlements center

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подхода к образованию в стране агропромышленных объединений, организации их хозяйственно-финансовой деятельности. При таких объединениях стали создаваться финансово-расчетные центры (ФРЦ): для осуществления операций между предприятиями и организациями, входящими в состав комбинатов, а также со снабженческими, заготовительными, перерабатывающими, торговыми и другими предприятиями, с банками и финансовыми органами. Кроме того, на них возложены функции планирования финансовой деятельности комбинатов.

In article approach questions to formation in the country of agroindustrial associations, the organization of their economic-financial activity are considered. At such associations began to be created financially-financial settlements centers (ФРЦ): for realization of operations between the enterprises and the organizations which are a part of industrial complexes, and also with supplying, procuring, processing, trading and other enterprises, with banks and financial bodies. Besides, functions of planning of financial activity of industrial complexes are assigned to them.

Необходимость создания агропромышленных объединений вытекает из актуальности решения одной из главных задач – сохранения существующей технологической базы – не опираясь на жесткие административные меры, а на основе финансового единства сложных производственных комплексов. Единая финансовая база, присущая интегрированным структурам, необходима для осуществления единой научно-технической и инвестиционной политики и для координации производственно-хозяйственной деятельности.

Внутренний финансовый механизм агропромышленного объединения, обеспечивающий простое и расширенное воспроизводство в этой сложной структуре, рассматривается как важная составляющая стратегии интеграционного роста, определяющей приоритетное направление развития агропромышленного производства. В современных экономических условиях особо востребован финансовый механизм агропромышленного объединения с их высокой степенью централизации капитала. С момента зарождения данная форма интеграции способствовала привлечению частных инвестиций в аграрный сектор. Поскольку в интегрированной структуре попадали чаще всего экономически несостоятельные сельскохозяйственные предприятия, интегратор-собственник вложенного капитала (далее – управляющая фирма или предприятие) строил с ними полностью контролируемые с его стороны финансовые отношения: «головная компания через систему договорных отношений продает приобретенные ей технические, оборотные средства сельскохозяйственным организациям. Последние в рамках реализации договора поставляют про-

изведенную продукцию по ценам, установленным предприятием. Ему же поступает вся выручка, за счет которой оно финансирует все текущие и капитальные затраты агроформирований, входящих в интегрированную структуру. Распределение финансовых ресурсов и разработка бюджетных смет ведутся под жестким контролем головной фирмы».

Такой детерминированный подход к формированию финансового механизма на начальной стадии становления агропромышленных объединений вполне обоснован. С изменением финансово-экономической ситуации, «по мере оздоровления сельскохозяйственных предприятий целесообразно осуществлять поэтапный переход на коммерческий расчет, имея в виду в перспективе предоставление им полной хозяйственной и финансовой самостоятельности».

Интеграция позволяет увеличить активы, расширить масштабы инновационной деятельности, повысить технологический уровень производства, оптимизировать налогооблагаемую базу, добиться налоговых и кредитных льгот. Финансовый механизм внутрисистемных отношений обладает потенциалом синергетического эффекта, достижение которого позволяет осуществлять расширенное воспроизводство капитала сложных производственных систем как единого целого и каждого из его подразделений.

В зерновом подкомплексе российской экономики агропромышленные объединения чаще всего представляют собой систему вертикально интегрированного формирования, позволяющую сочетать централизованное управление с сохранением юридической самостоятельности дочерних предприятий, осуществляющих оперативное управление. Интегратор-инвестор определяет стратегию развития интегрированной корпоративной структуры, направление развития дочерних предприятий, финансирует производство и контролирует выполнение планов (производственных, инвестиционных, финансовых).

Дочерние предприятия работают по утвержденному производственному плану самостоятельно, у них есть определенный маневр для действий. Финансовая самостоятельность (хотя и ограниченная) и имеющийся собственный расчетный счет позволяют им проявлять инициативу, и поэтому процесс производства при наличии команды квалифицированных специалистов может быть инновационным, а труд – творческим. Доходы от более эффективной деятельности инвестируются в производство и социальное развитие, прежде всего в техническую модернизацию и создание рабочих мест, оснащенных в соответствии с современными требованиями.

Головная компания имеет возможность перераспределять ресурсы, менять направление финансовых потоков, осуществлять инвестиционные проекты в своей корпорации преимущественно за счет собственных источников финансирования. При их недостатке агропромышленное

объединение привлекает финансовые ресурсы со стороны, так как является платежеспособным и финансово устойчивым. Кроме того, интегрированная корпоративная структура пользуется всеми формами государственной поддержки сельского хозяйства.

В зерновом подкомплексе Волгоградской области агропромышленные объединения получили достаточно широкое распространение. В 2002-2010 гг. представительными и исполнительными органами власти Волгоградской области были приняты меры по привлечению инвестиций для приобретения необходимых ресурсов (особенно техники) и обеспечения деятельности неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий. В основу концепции восстановления их ресурсно-производственной базы положено сохранение полной свободы и самостоятельности предпринимательской деятельности интеграторов-инвесторов. Их инвестиционную активность предусматривалось повысить финансово-экономическими методами, а также посредством создания правовой базы, стимулирующей воспроизводственные процессы, техническую и технологическую модернизацию сельского хозяйства.

По состоянию на 1 января 2012 года в состав 92 различных интегрированных структур вошли 118 вновь созданных сельскохозяйственных организаций на базе 167 неплатежеспособных хозяйств различных организационно-правовых форм. Из них в зерновом подкомплексе функционируют 72 агропромышленных объединения [1, с. 3].

В интегрированных структурах головная компания должна регулировать процесс распределения прибавочного продукта на накопление и потребление таким образом, чтобы каждое дочернее предприятие, входящее в состав агропромышленного объединения, за счет выручки от реализации произведенной ими продукции могло не только возместить все свои расходы и осуществлять простое воспроизводство, но и получать прибыль, достаточную для осуществления расширенного воспроизводства.

На данном этапе развития интегрированных структур управление финансовыми потоками осуществляется централизованно, то есть внутреннее движение денежных средств совершается по заранее намеченной схеме, определенной стратегией развития интегрированной системы. Начало формирования механизма управления финансовыми потоками интегрированной системы на основе углубленного внутрифирменного расчета свидетельствует об усилении воспроизводственной функции финансового механизма. В структуре агропромышленного объединения для четкости управления финансами обычно выделяются центры финансовой ответственности.

Центр финансовой ответственности (ЦФО) – это функциональное подразделение агропромышленного объединения, специализация которого обусловлена целями корпорации. Для выполнения своих функций ЦФО наделяется финансовыми ресурсами, и для него определяются направления финансовых потоков (см. табл. 1). Выделение ЦФО сопровождается установлением финансовых параметров, позволяющих оценить степень достижения цели и составить базис для возложения финансовой ответственности. Оформленные ЦФО представляют собой финансовую структуру корпорации.

Таблица 1. Центры финансовой ответственности агропромышленного объединения и их функции [4, с. 67]

Наименование ЦФО, его вид	Выполняемые функции
Материнская компания (ЦКП - центр консолидированной прибыли)	Заготовка и реализация продукции, приобретенной у производственных предприятий консолидированной группы и сторонних предприятий, кредитование в денежной форме, семенами, средствами защиты растений, горючим и смазочными материалами и т.д.
Дочернее предприятие (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Материально-техническое снабжение производства
Дочернее предприятие (ЦП – центр ответственности за прибыль)	Производство сельскохозяйственной продукции
Дочернее предприятие (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Обслуживание сельскохозяйственной и автомобильной техники и другой агро-сервис
Дочернее предприятие (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Оказание консультационных услуг для предприятий взаимосвязанной группы
Зависимое предприятие (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Прием, хранение, подработка, сушка, отгрузка продовольственного зерна и зернофуража сельскохозяйственных товаропроизводителей
Торговый дом (центр ответственности за доходы)	Осуществление внешнеэкономической деятельности
Дочерние предприятия (ЦЗ – центр ответственности за затраты)	Обеспечение безопасности бизнеса (охрана территорий материально-технической базы, сопровождение грузов и т.д.), оказание охранных услуг сторонним предприятиям на коммерческой основе

Особенностью финансового механизма агропромышленного объединения является создание центра финансовой ответственности на базе материнской компании – финансово-расчетного центра (ФРЦ), который наделяется значительным объемом оперативных и распорядительных полномочий и является обычно самым автономным из всех центрально-административных служб корпорации. ФРЦ отвечает за финансовое состояние и финансовые операции не только материнской фирмы, но и ее дочерних обществ, выполняя свои прямые функции, обеспечивает:

- двустороннее движение финансовых потоков, оплату товарно-материальных ценностей;
- получение выручки от реализации продукции, работ и услуг;
- привлечение дополнительных источников финансирования;
- документальное оформление, получение, мониторинг и целевое использование банковских кредитов;
- страхование залога;
- оплату процентов за пользование кредитом и их субсидирование;
- планирование и анализ использования денежных средств;
- контроль и анализ взаиморасчетов предприятий агропромышленного объединения;

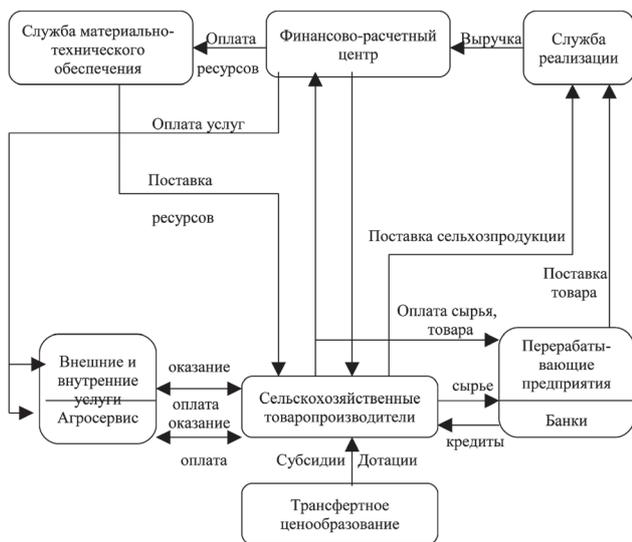

Рисунок 1. Движение товарно-денежных потоков в интегрированном формировании агропромышленного типа [1, с. 123]

- свод и консолидацию бухгалтерской отчетности;
- анализ финансового состояния корпорации и ее подразделений;
- оказание подразделениям организационной и методической помощи.

Все взаимоотношения финансового характера внутри агропромышленного объединения осуществляются через ФРЦ на основании заключенных между предприятиями договоров на производство и реализацию продукции, оказание услуг, приобретение и доставку основных средств и прочих ресурсов. Вся информация о наличии и потребностях в финансовых ресурсах ежедневно поступает в ФРЦ в виде остатков на счетах и в виде заявок с обоснованием потребности в пределах норматива.

Невостребованный остаток свободных денежных средств перечисляется на счета материнской компании, ФРЦ обеспечивает маневренность в использовании финансовых ресурсов агропромышленного объединения, их концентрацию на наиболее значимых звеньях и сбалансированное развитие.

С учетом низкого качества материально-технической базы агропредприятий, входящих в интегрированное формирование, финансово-инвестиционную политику на первом этапе целесообразно строить по принципу «слабого звена», которым и являются сельскохозяйственные организации. Поэтому ФРЦ выполняет еще функцию концентрации и централизации финансовых ресурсов в головной компании (см. рисунок 1).

При этом консолидируются финансовые ресурсы не только агропредприятий, но и всех других бизнес-структур интегрированной системы, что и позволяет юридически самостоятельным коммерческим организациям функционировать как единый хозяйственный механизм. Такой принцип мобилизации финансовых ресурсов по-

лучил название «финансового котла». Полученная агропредприятиями прибыль также консолидируется в виде централизованного фонда акционеров. За счет этой части осуществляется финансирование расширения производства и инновационных программ. Достигается маневренность управления финансовыми ресурсами, концентрация их наиболее значимых и узких звеньях интегрированной системы и вытекающее из этого ее сбалансированное развитие.

Финансово-экономический механизм внутрикорпоративных отношений разработан и апробирован группой ученых-экономистов и финансистов в интегрированном формировании ЗАО «ГелиоПакс» Волгоградской области. Апробация показала эффективность управления финансовыми ресурсами, прежде всего в выравнивании воспроизводственной базы агропредприятий интегрированного формирования. Например, «Агро-6» в системе интеграции начало функционировать с середины 2004 года, тогда как «Агро-4» - с 2000 года. Во вновь вошедшее предприятие только с 2005 года началось вложение средств на обновление технического парка. В этом структурном предприятии теперь самый низкий коэффициент физического износа (0,14) и самый высокий коэффициент обновления (0,81) основных производственных фондов, а их прирост составил 145% относительно 54% выбытия, что в денежном выражении составило 213,6 тыс. руб. на 100 га пашни.

Итак, в современных экономических условиях, когда необходима оперативная мобилизация финансовых ресурсов, их эффективное перераспределение в ключевые сферы производства, особо востребован финансовый механизм агропромышленных объединений. Интегрированное формирование является привлекательным для кредиторов и инвесторов как гарант эффективности вложения капиталов. С точки зрения теории финансов, объединение предприятий и финансовых институтов позволяет за счет особых внутренних договорных схем взаимоотношений и привлечения дополнительных средств обеспечить эффект финансового рычага и оптимизировать структуру капитала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Методическое пособие по совершенствованию внутрихозяйственных (внутрикорпоративных) отношений в сельском хозяйстве. – М. – 2008. – С. 8-9.
2. Оксанич Н.И. Стратегия развития агропромышленных объединений в зерновом подкомплексе Волгоградской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. - №1. – С. 51-54.
3. Организационно-экономические новации в АПК: правовое обеспечение и механизм реализации. Монография. – М.: Восход-А, - 2009. – С. 110.
4. Шепитько Р.С. Экономические отношения агропредприятий в условиях интеграции: отраслевой аспект: Монография / Р.С. Шепитько, Г.А. Татаркина, И.Н. Соловьева. Волгоград: ООО «Волгоградское научное издательство», - 2010.

УПРАВЛЕНИЕ ЗАТРАТАМИ НА ПРОИЗВОДСТВО И ЭКСПЛУАТАЦИЮ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ С ПОМОЩЬЮ АНТИЗАТРАТНОГО МЕТОДА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

Жоголев А.А.,
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра ЭФ-4 «Бухгалтерский учет, финансы и аудит»,
Московский государственный университет приборостроения и информатики

Ключевые слова: затраты, цена, себестоимость, управление, предприятие
Keywords: expenses, price, cost, management, enterprise

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с проблемой снижения затрат на предприятиях машиностроения. Предложен способ управления затратами с помощью цены

In the clause pressing questions connected with the problem of the reduction of the expenses on the mashine-building enterprises. Method of expensemanagement with the help of the price is offered.

Снижение затрат на производство и эксплуатацию продукции остается актуальной задачей для предприятий отечественного машиностроения, решение которой позволит выжить как отдельным хозяйствующим единицам, так и отрасли в целом. Одним из путей решения видится применение заказчиком антизатратного механизма ценообразования, при котором цена продукции представляет собой некую функцию от полезных свойств и эффективности конечного применения этой продукции. Такая цена, предложенная производителю, послужит важным стимулом для снижения затрат на производство.

Переход к рыночной экономике потребовал разработки новых методов, принципов и подходов к ценообразованию в рамках госзаказа, которые отличаются от принципов построения цен в плановой экономике. Как показал опыт отечественной экономики 90-х годов, не все предприятия, производившие продукцию для государственных нужд, смогли адаптироваться к новым условиям хозяйствования. Причины этого – как объективные (резкое сокращение госзаказа, узкая специализация), так и субъективные (нехватка грамотных менеджеров, выжидательная политика и др.). Постепенно руководство крупных предприятий, ставящее цель получить госзаказ, пришло к пониманию того, что в условиях конкуренции заказчик заинтересован в приобретении качественной продукции по разумной цене. На первое место выходит не сама продукция как таковая, а эффективность ее конечного применения. Как с помощью ценовой политики заказчик может контролировать полезные свойства продукции, пойдет речь в данной работе [2, с.50].

Результаты работы могут быть использованы при ценообразовании в рамках госзаказа, когда необходимо рассчитать стоимость создаваемой продукции с точки зрения эффективности ее конечного использования.

К настоящему времени усилиями коллективов отечественных и зарубежных экономистов и инженеров накоплен богатый опыт исследований в области оценки стоимости создаваемых изделий. Тем не менее ряд факторов не позволяет при оценивании стоимости ограничиться разработанными ранее подходами и методами [2, с.46].

Во-первых, в основу оценки стоимости продукции на ранних стадиях положен затратный метод, при котором производитель имеет возможность возмещать в цене практически любые издержки и не уделять должного внимания

эффективности конечного применения выпускаемой продукции, а заказчик лишен возможности объективной оценки издержек и эффективности.

Во-вторых, наличие разрозненных методик оценки стоимости не позволяет производить стоимостную оценку продукции достаточно объективно. Кроме того, изменения в подходах к моделированию отдельно взятого изделия требуют пересмотра всей процедуры ценообразования; иначе говоря, методики нединамичны и неудобны в применении.

В-третьих, особенности, характерные для построения и эксплуатации сложных технических систем, требуют разработки специальных методик оценки стоимости систем, учитывающих такие особенности.

В отличие от традиционной практики проектирования несложных систем при разработке крупных автоматизированных, автономных, информационных и других сложных комплексов возникают проблемы, меньше связанные с рассмотрением свойств и законов функционирования элементов, а больше – с выбором наилучшей структуры, оптимальной организации взаимодействия элементов, определением оптимальных режимов функционирования, учетом влияния внешней среды и т.д.

В настоящее время существуют два общих подхода к проблеме оценки стоимости создаваемой сложной системы.

Первый из них состоит в разбиении сложной системы на составляющие элементы, оценки стоимости каждого элемента и последующего синтеза полученных значений. Способы такого синтеза могут быть различными: просто нахождение суммы, использование метода последовательных приближений, нахождение суммы методом взвешивания и др.

Второй подход также исходит из одной общей модели. Однако такая модель строится в укрупненных, агрегированных показателях, отсутствует разбиение системы на элементы [2, с.28].

Очевиден тот факт, что рыночная цена зависит как от затрат на изготовление продукции, так и от ее полезных свойств. Ведь вполне реальна ситуация, когда продукция, на создание которой потрачено достаточно много средств и ресурсов, не востребована. Ее цена низка. Возможна и обратная ситуация – продукция имеет высокую рыночную цену при низкой себестоимости. Так как цена есть денежное выражение стоимости, то стоимость зависит от тех же факторов, что и цена (в том числе полезных свойств продукции). То есть стоимость изделия воплощает в себе и затраты производителя, и полезные свойства с точки зрения потребителя (заказчика). Хотя в экономической теории эти вопросы остаются открытыми.

Поскольку полезные свойства системы в целом не могут быть равны сумме полезных свойств элементов, то и

стоимость системы в целом не есть сумма стоимостей элементов. Исходя из этого наиболее подходящим для оценки стоимости создаваемой сложной системы представляется все же второй подход из вышеприведенных, поскольку при этом не нарушается определяющее систему свойство – ее целостность. Однако для снижения грубости укрупненных расчетов следует учесть главные особенности построения и эксплуатации систем, не прибегая к разделению ее на компоненты, что даст возможность сохранить многообразие связей и отношений, имеющих место как внутри исследуемого объекта, так и в его взаимоотношениях с внешней средой. Описание элементов исследуемой системы при таком подходе проводится не само по себе, а лишь в связи и с учетом их «места» в системе.

Для заказчика сложных систем важно иметь продукцию с высокими показателями эффективности и относительно низкими эксплуатационными расходами. Разработчик же, в свою очередь, стремится получить как можно большую сумму денежных средств с целью возмещения издержек и максимизации прибыли. Рассмотрим данную проблему с позиции заказчика сложной технической системы.

Попытки создания системы цен, согласовывающей интересы и заказчика, и разработчика, к сожалению, часто сводятся к наукообразному обсуждению вполне банальной ситуации, при которой заказчик заинтересован в низкой цене, а разработчик – в высокой [2, с.46].

Определяемая заказчиком цена должна быть одним из основных средств контроля эффективности и эксплуатационных затрат создаваемой системы. Это особенно важно в тех отраслях, где наиболее явно проявляется монопольное положение и обусловленный этим диктат разработчиков, которые делают то, что могут, и с теми затратами, которые у них складываются. Заказчик же вынужден брать то, что предложат и сколь-нибудь заметного, реального воздействия на величину затрат оказать не может. Экономическая сущность и практическая необходимость создания моделей оценки стоимости сложных систем заказчиком заключается в том, что заказчик через самостоятельно рассчитанную на основании объективных факторов стоимость может и должен экономически управлять процессом создания нужных ему сложных систем, планируя и заказывая новую технику с такими техническими и экономическими параметрами, которые обеспечат ему заданную эффективность [2, с.47].

Применяемая заказчиком модель оценки стоимости создаваемой сложной системы должна стимулировать производителя снижать затраты. Такое условие является необходимым и означает, что явной привязки к цене системы-аналога быть не должно. Однако цена создаваемой системы так или иначе должна зависеть от издержек разработки и производства, заложенных в цене аналога, поскольку иначе она превращается в некий абстрактный, лишенный объективного экономического содержания показатель. Имеет смысл включить в модель оценки стоимости помимо величины эффективности создаваемой системы также и величину эффективности системы-аналога, и построить модель таким образом, чтобы имело место уменьшение цены в расчете на единицу эффективности у создаваемой системы по сравнению с аналогом. Другими словами, цена растет, но величина эффективности растет еще быстрее. В таком случае выполняется условие зависимости от цены аналога, но такая зависимость осуществляется не в прямом, а в кос-

венном виде. Рассчитанное таким образом значение цены создаваемой системы может послужить для заказчика объективным ориентиром при предоставлении разработчику денежных средств.

Модель оценки стоимости сложной техники может содержать в качестве составного параметра как издержки разработки и производства, так и полные затраты на весь жизненный цикл систем.

В первом случае мы получаем следующую формулу расчета лимитной цены создаваемой системы, которая есть не просто стоимость, а верхняя граница стоимости создаваемой техники:

$$\frac{Ц1}{Э1} = \frac{Ц2}{Э2}$$

Ц1, Ц2 – лимитная цена создаваемой системы и цена системы-аналога;

Э1, Э2 – показатели эффективности соответственно создаваемой системы и системы-аналога.

Вполне логично, что именно знак равенства, а не знак «меньше либо равно» обеспечивает снижение затрат на единицу эффективности создаваемой продукции по сравнению с существующими аналогами [2, с.61].

При управлении полными затратами на весь жизненный цикл создаваемой системы формула расчета лимитной цены примет вид:

$$\frac{Ц1 + Зэ1}{Э1} = \frac{Ц2 + Зэ2}{Э2}$$

Зэ1, Зэ2 - затраты на эксплуатацию соответственно создаваемой системы и системы-аналога.

В реальной практике сложные технические системы и комплексы решают не одну, а несколько задач. Причем все эти задачи отличаются по динамике формирования затрат, по количеству участвующих в их решении элементов системы, по вероятности возникновения и другим признакам. Следовательно, некорректно было бы просто сложить затраты, накопленные на разных этапах эксплуатации. Необходимо ввести некоторые поправочные коэффициенты, которые приводили бы затраты разных этапов к сравнимой форме:

$$\frac{Ц1 + \sum Ki * Зэ1i}{Э1} = \frac{Ц2 + \sum Ki * Зэ2i}{Э2}$$

Ki - поправочный коэффициент для i-го этапа (задачи);
Зэ1i, Зэ2i - затраты на i-том этапе (задаче) соответственно для создаваемой системы и системы-аналога.

Недостатком предлагаемой методики является необходимость прогнозирования на этапе разработки продукции ее эксплуатационных характеристик. Тем не менее нужно отметить, что использование приведенных выше подходов к оценке стоимости создаваемой сложной системы позво-

лит не только контролировать рублем качество производимой продукции, но и даст возможность отказаться от затратного механизма ценообразования, пагубно влияющего на экономику страны в целом. Это достаточно актуально в наше время, так как при размещении госзаказа часто применяются старые методики ценообразования, в соответствии с которыми цена заказчика зависит не от полезных свойств продукции, а от затрат изготовителя.

Как правило, новая техника разрабатывается и производится с последующей целью заменить существующие менее эффективные и морально устаревшие аналоги. Параметры создаваемой продукции, в том числе и цену, прогнозируют, отталкиваясь от параметров аналогичной продукции. Аналого-сопоставительные методы ценообразования базируются на сравнении исследуемого объекта с известными аналогами.

Процесс сравнения явлений или объектов представляется в виде последовательности связанных между собой этапов.

Выявление сходства и различия начинается с глубокого изучения сравниваемых явлений или объектов. Далее необходимо выявить признаки (параметры), свойственные явлениям (объектам) и разделить их на две группы: существенные и несущественные. Понятия «существенный признак (параметр)» и «несущественный признак (параметр)» являются относительными: все зависит от цели, которую преследует сравнение.

Очередным шагом является собственно сравнение. Задача шага – выявить сходство и различие. Трудности здесь возникают при выявлении различия у весьма близких и сходства у весьма далеких объектов. Сопоставление объектов по признакам сходства позволяет перейти к объединению их в отдельные группы.

Выявленные признаки сходства используются для умозаключения по аналогии, когда о неизвестных свойствах объекта судят на основании сходства этого объекта с другими.

При сравнении изделий между собой обнаруживается их сходство и различие. Установление сходства осуществляется последовательно по трем уровням.

Первый уровень – это функциональное сходство, то есть сходство изделий по составу выполняемых ими действий. Функциональное сходство может быть полным или частичным. Полное сходство предполагает одинаковый состав действий у сравниваемых объектов. Частичное функциональное сходство означает, что у сравниваемых изделий одинаковы не все, а только часть действий.

Второй уровень означает конструктивное сходство, то есть сходство изделий по конструктивной схеме, составу и однородности элементов, компоновке. В конструктивно похожих изделиях реализуется одна и та же принципиальная схема или идея, встречаются одинаковые или подобные агрегаты и сборочные единицы. Как и функциональное, сходство конструктивное может быть полным, частичным и приблизительным.

Третий уровень сходства изделий касается их сходства по значениям параметров, то есть сходства параметрического. Если имеет место сходство изделий по функциям и конструкции, то это предполагает наличие одинакового состава параметров. Значения одних параметров могут совпадать, а других нет (частичное параметрическое сходство).

При полном сходстве принято говорить об идентичности, при приблизительном и частичном сходстве – об аналогии.

Оценка заказчиком стоимости создаваемой сложной системы должна начинаться с выбора систем-аналогов, существенным элементом которого является сравнение.

Очевидно, что для сложных систем при выборе аналогов единственно возможным для заказчика подходом является функциональное сходство. Кроме того, такая позиция «стороннего наблюдателя» видится наиболее объективной при построении модели оценки стоимости создаваемой сложной системы, поскольку внимание акцентируется не на конструкции и параметрах системы, а на том, как она функционирует, выполняет поставленную перед ней задачу. Однако полностью оторваться от конструкции и состава элементов системы не представляется возможным, поскольку каждая функция, выполняемая элементами системы, имеет конкретные материальные носители.

Обратимся к функционально-стоимостному анализу, который представляет собой эффективный инструмент для системных исследований [2, с.72].

Функциональные связи внутри системы нуждаются в целенаправленной классификации на главные и вспомогательные действия. Существование связей на уровне подсистем вызывает необходимость дополнения главных и вспомогательных действий еще промежуточной ступенью в иерархии – основными действиями.

Схема действий системы помимо объективных факторов подвержена также влиянию таких факторов, как:

- квалификация экспертов;
- условия эксплуатации и применения системы.

Так как в большинстве случаев в ходе эксплуатации сложная техническая система решает не одну, а множество задач, отличающихся по динамике формирования затрат, то решение каждой задачи может быть представлено в виде отдельной схемы действий системы.

Главное действие выражает сущность поведения системы при решении данной задачи, главный смысл ее существования. Оно всегда единственное.

Основные действия комплексно выражают всегда только одну часть поведения системы, выделенную по определенным признакам. Число основных действий системы зависит от числа таких признаков.

Вспомогательные действия подробно характеризуют поведение системы и выделяются по более конкретным признакам. Они дополняют основные действия, главное действие и всю функциональную систему в целом.

Естественную формулу описания действия системы формализованно можно представить в виде множества X с тремя элементами :

$$x_1, x_2, x_3$$

где x_1 – указание непосредственно производимого действия;

x_2 – указание объекта (объектов), на который направлено это действие;

x_3 – указание особых условий и ограничений, при которых выполняется действие.

Два действия совпадают при соответственном совпадении всех трех компонентов этих действий [2, с.76].

При выборе аналога создаваемой сложной системы из нескольких потенциально возможных критерием выбора

будет являться наибольшее количество совпавших решаемых системами задач (главных действий).

Если в качестве возможных аналогов рассматривается несколько сложных систем и количество совпавших задач одинаково, то необходимо выбирать тот аналог, у которого наибольшее количество основных действий совпадает с основными действиями создаваемой системы.

При равенстве таких совпадений возможно использование метода анализа иерархий, предложенного Т.Саати [2, с.78].

Итак, аналог выбран. Но его характеристики и параметры (как технические, так и экономические) не могут быть использованы без необходимой корректировки.

Очевидно, что номинальные цены, по которым существующие системы-аналоги были закуплены в прошлом, подверглись влиянию некоторых факторов.

Как известно, существует целый ряд объективных и субъективных факторов, которые влияют на цену систем-аналогов. Главными из этих факторов являются:

- инфляция, в результате которой происходит номинальное увеличение затрат на создание аналога;
- моральное старение аналога, связанное с изменением трудоемкости, фондоемкости и материалоемкости производства и изменение по этой причине его цены;
- проявившееся в ходе эксплуатации аналога отклонение его эффективности от эффективности, рассчитанной на стадии создания, и как следствие этого изменение потребительной стоимости и реальной цены аналога.

Рассмотрим первые из двух влияющих на цену аналогов факторов.

Характерной чертой российской экономики последних десяти-пятнадцати лет является непрерывный рост общего уровня цен. В условиях инфляции сопоставить расходы разных лет, выявить реальные тенденции изменения объемов экономической деятельности, а также сопоставить показатели экономической деятельности разных стран можно лишь с помощью введения коэффициентов пересчета, объективно отражающих изменение уровня цен относительно года, взятого за базу.

Техника расчетов дефляторов в области закупок сложных систем еще недостаточно разработана. При расчете дефляторов заказчик ориентируется как правило на общие показатели инфляции в стране. Дефлятор заказчика по закупкам сложных систем близок к обобщенному индексу цен на машиностроительную продукцию. Однако движение цен на отдельные компоненты сложной системы может сильно отличаться от общего развития цен даже в рамках отрасли в зависимости от конкретных условий трудовых соглашений на предприятии-производителе, наличия и количества запасов сырья и материалов на складах, условий ценообразования и т.д.

Большинство существующих методик расчета дефляторов сложных систем сводятся к нахождению дефляторов элементов системы и последующего их взвешивания в зависимости от вклада каждого из элементов в цену системы в целом. Дефляторы элементов, в свою очередь, определяются путем расчета дефляторов по статьям калькуляции себестоимости элементов и последующего их взвешивания.

Следует также отметить несомненное влияние на динамику цен сложных систем достижений научно-техниче-

ского прогресса. Имеется в виду снижение себестоимости продукции в результате совершенствования технологии производства. Если при использовании технико-экономических показателей (ТЭП) аналогов не учитывать темпы снижения себестоимости за время, прошедшее с момента производства этих аналогов, то очевидно, что расчетные значения ТЭП создаваемых систем не будут иметь под собой объективной основы. Коэффициенты пересчета цены сложной системы рассчитываются так же, как и дефляторы.

Существующие способы нахождения дефляторов и коэффициентов учета морального износа сложной системы основаны на простом механическом пересчете с использованием проникновения на низшие «слои» системы и последующего взвешивания этих величин, определенных для низших «слоев». Тем самым реализуется структурный подход к исследованию сложных систем, что в данном случае представляется объективным и оптимальным.

Однако при количественной оценке последнего из вышеприведенных влияющих на цену сложной системы факторов – оценке отклонения реальной проявившейся в процессе эксплуатации эффективности (потребительной стоимости) системы от рассчитанной на этапе создания – структурный подход оказывается неприемлемым, поскольку основан на статическом рассмотрении сложной системы и воспроизводит своего рода «мгновенный снимок» внутреннего состояния системы. Он не учитывает динамики, всего функционального многообразия внутренних связей, явно проявляющегося при эксплуатации системы, поэтому для данной цели следует применять не структурный, а функциональный подход.

При рассмотрении данной проблемы может быть использован методический аппарат функционально-стоимостного анализа, являющегося методом системных исследований.

Например, функциональные связи внутри системы нуждаются в целенаправленной классификации на главные и вспомогательные действия. Существование связей на уровне подсистем вызывает необходимость дополнения главных и вспомогательных действий еще промежуточной ступенью в иерархии – основными действиями.

Представляется возможным учесть все три главных влияющих на цену аналога фактора – инфляцию, моральное старение и отклонение реальной эффективности (потребительной стоимости) от рассчитанной на стадии создания – в комплексе, одновременно. Последовательность расчетов может быть такова:

1. Система-аналог разбивается на составные элементы.
2. Для каждого из элементов определяется дефлятор и коэффициент морального старения.
3. Цена каждого элемента корректируется путем умножения на оба этих коэффициента.
4. Составляется схема действий системы аналога для одной из решаемых системой-аналогом задач.
5. Для каждого участвующего в работе системы элемента определяются доли от него, приходящиеся на реализацию конкретных вспомогательных действий.
6. Произведением доли на цену элемента получаем цену этой доли.
7. Считаем цену каждого вспомогательного действия.

8. Считаю цену каждого основного действия.

9. Считаю цену главного действия.

В качестве общего вывода следует отметить, что рассмотрение проблемы выбора аналога создаваемой продукции с точки зрения эффективности конечного использования и совпадения решаемых задач, безусловно, выгодно для конечного потребителя (заказчика). Создание эффективных сложных технических систем, в том числе в оборонном комплексе и энергетике, является вопросом национальной безопасности страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Волков И.М., Грачева М.В. Проектный анализ. Учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2004, 494 с.
2. Кандидатская диссертация Жоголева А.А. – М.: МГУ-ПИ, 1997, 150с.
3. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1993, 340 с.
4. Моисеева Н.К., Карпунин М.Г. Основы теории и практики функционально-стоимостного анализа. – М.: Высшая школа, 1988, 256 с.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ТЕОРИИ ИГР В АНАЛИЗЕ ОТНОШЕНИЙ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СУБЪЕКТАМИ

Коноховский П.В.,
доктор экономических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой экономической кибернетики по учебной работе,
Малова А.С.,
ассистент,
кафедра экономической кибернетики,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: теория игр, сотрудничество, равновесие по Нэшу, концепция «стоимость в условиях риска», квантиль
Key words: Game theory, Collaboration, Nash equilibrium, Value at Risk (VaR), Quantile

Аннотация. Работа посвящена проблемам исследования экономических механизмов, побуждающих субъектов, изначально обладающих независимыми и несогласованными системами целей, к совершению тех или иных взаимовыгодных действий. В частности рассматривается такое взаимодействие экономических агентов, при котором каждый из них может совершать действия, приносящие непосредственную пользу не ему, а другим. Стимулом к «позитивному» поведению каждого агента являются ожидания встречных действий, которые будут полезны собственному для него. Для данных идентификации данного класса ситуаций предложено использовать термин «сотрудничество». В рамках модели сотрудничества двух экономических агентов предложен вариант задания смешанных стратегий игроков в форме непрерывных распределений, что позволило сформулировать два альтернативных подхода к определению ситуации равновесия: на основе критериев минимизации дисперсии и минимизации VaR полезностей участников.

In present article are considered models that explains the mechanisms of emergence and development of situations, in which it is appropriate for economic agents to collaborate and act together despite of having independent goals. The main attention is paid to different approaches to definition of equilibrium concept for model of collaboration of two agents.

The work is devoted to problems in the study of economic instruments, inducing the agents, which initially have independent and uncoordinated systems of goals to commission any beneficial actions. Particularly, we consider an interaction of economic agents in which the each of them may take the actions, that bring benefit to others. Stimulus to “positive” behavior each agent is a waiting counter actions, that will be useful for him. To identify this class of situations it is proposed to use the term “collaboration”. In a model of collaboration between two economic agents it is proposed version to express of mixed strategies of players in the form of continuous distribution, which enabled us to formulate two alternative approaches of equilibrium: based on the criterion of minimizing variance of utility of participants and based on the criterion of minimizing of VaR.

В данной работе в фокусе рассмотрения находятся вопросы применения аппарата современной теории игр в исследованиях механизмов возникновения и развития отношений взаимного сотрудничества между экономическими субъектами, обладающими несовпадающими системами интересов. Исследования объективной мотивации, побуждающей их к совершению действий, имеющих взаимовыгодный характер, представляют интерес как в теоре-

тическом, так и прикладном плане. Основное внимание в изложении уделяется относительно простым, но концептуально важным ситуациям взаимодействия экономических агентов, каждый из которых может совершать действия, приносящие непосредственную пользу не ему, а другим участникам. При этом стимулом к «позитивному» поведению каждого участника (игрока) являются ожидания «полезных» встречных действий от других. Принципиальное отличие данной ситуации от «классических» моделей «оптимизации рациональным экономическим субъектом своей полезности» заключено в том, что в ней полезность каждого из субъектов модели непосредственно зависит от решений других субъектов, на которые он может оказывать косвенное воздействие своим поведением.

В дальнейшем условимся для краткой идентификации подобных ситуаций использовать термин «сотрудничество». Разумеется, вполне осмысленным было бы и использование термина кооперация экономических агентов. С другой стороны, это могло бы породить ложные ассоциации с моделями, основанными на кооперативных играх, в то время как в основе предлагаемой далее модели лежит исключительно стратегическая игра с полной информацией.

Как несложно заметить, отношения сотрудничества (в том контексте, в котором мы условились их рассматривать) и связанные с ними проблемы могут возникать, например, между участниками государственного и частного партнёрства, при реализации крупных инвестиционных проектов либо же в различных схемах софинансирования из бюджетных источников разных уровней. Более того, подобные модели вполне естественным образом распространяются на ситуации, выходящие за пределы «чистой» экономики. Например, они могут быть применены в исследованиях межгосударственных переговорных процессов, предполагающих достижения соглашений, комплексно учитывающих как экономические, так и политические интересы сторон.

Для изложения принципиальных идей предлагаемой модели ограничимся рассмотрением упрощённой ситуации, описывающей взаимодействие двух участников (агентов, субъектов, игроков) $i \in I = \{1, 2\}$, принимающих решение о мере своего вклада в некоторый общий проект. Сама мера (степень, глубина) участия количественно характеризуется некоторой условной величиной x_i , принимающей значение на отрезке $[0,1]$: 0 — отсутствие позитивных действий по рассматриваемому проекту (отказ от сотрудничества, предельно эгоистичное поведение и т.п.), 1 — максимально возможный уровень позитивных действий (максимальная предрасположенность к сотрудничеству, предельно конструктивно поведение).

Исходя из поставленной цели исследования при задании функций полезности игроков, будем считать, что вклад (затраты), совершённые самими субъектами, уменьшают их полезность, а вклады их оппонента — увеличивают её. На уровне принципиального анализа свойств модели вполне приемлемым оказывается использование линейных зависимостей. А именно, определим функцию полезности первого игрока, как

$$u_1(x_1, x_2) = -a_1x_1 - b_1x_2, \quad (1) \text{ функцию полезности второго игрока как}$$

$$u_2(x_1, x_2) = b_2x_1 - a_2x_2 \quad (2)$$

Соответственно, a_i — цена (оценка, мера сожаления) единицы ресурса, затрачиваемого (вкладываемого в проект) i -м игроком, b_i — полезность (эффект, мера удовлетворения) для i -го игрока от единицы, вложенной в проект другим участником.

Представив изложенную ситуацию, как «классическую» конечную некооперативную игру двух лиц, мы приходим к тому, что она имеет очевидное равновесие по Нэшу в чистых стратегиях

$$x_1^* = 0, x_2^* = 0 \quad (3)$$

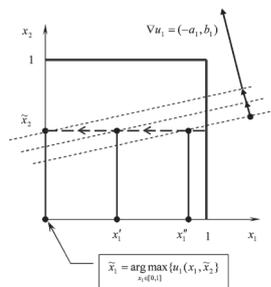

Рис. 1

Действительно, функции полезности u_i устроены таким образом (см. рис. 1), что наилучший ответ i -го игрока на любую стратегию игрока j будет сводиться к уменьшению доли его участия до нуля

$$\max_{x_1 \in [0,1]} \{u_1(x_1, x_2)\} = u_1(0, x_2) \quad \forall x_2 \in [0,1] \quad (4)$$

$$\max_{x_2 \in [0,1]} \{u_1(x_1, x_2)\} = u_2(x_1, 0) \quad \forall x_1 \in [0,1] \quad (5)$$

Таким образом, если руководствоваться концепцией равновесия по Нэшу, мы приходим к «пессимистичному» заключению о том, что в рамках описанной модели сотрудничество между игроками возникать не будет (наиболее устойчивой оказывается ситуация «обоюдного эгоизма»).

В этой связи особый интерес приобретают исследования модификаций данной модели, позволяющих объяснить механизмы, приводящие к возникновению отношений сотрудничества (кооперации) между экономическими субъектами.

В первую очередь остановимся на подходах, связанных с переходом от исходной игры к её смешанному расширению. В силу того, что в описываемой ситуации множества чистых стратегий игроков являются непрерывными

$(x_1, x_2 \in [0,1])$, представляется вполне естественным задать их смешанные стратегии как некоторые вероятностные распределения с плотностями $p_1(x_1)$ и $p_2(x_2)$ на отрезке от $[0,1]$, см. рис. 2.

Соответственно, конкретный выбор стратегий игрока в отдельно взятом акте игры может быть интерпретирован как реализация независимых случайных величин \tilde{x}_1 и \tilde{x}_2 .

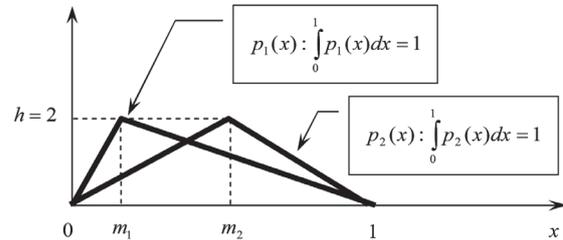

Рис. 2.

Такое представление смешанных стратегий игроков является естественным обобщением «традиционного» определения смешанных стратегий для матричных и биматричных игр, задаваемых как вероятности (p_1, \dots, p_k, \dots) применения игроками их соответствующих чистых стратегий. Соответственно, для введения традиционных «дискретных» смешанных стратегий в нашу модель мы должны были бы осуществить дискретизацию отрезков $[0,1]$, что не выглядит достаточно аргументированным и обоснованным с точки зрения отражения экономических реалий.

При задании смешанных стратегий в форме непрерывных распределений выбор игрока, по существу, сводится к выбору им параметров этих распределений. В силу того, что количество параметров у различных классов вероятностных распределений различно, мы приходим к тому, что характеристика стратегий игроков в рамках излагаемой модели будет различаться в зависимости от того, какой именно тип распределения мы выберем для моделирования $p_1(x)$ и $p_2(x)$. Собственно значения стратегий, выбираемые участниками в каждом конкретном акте игры, можно рассматривать как реализации независимых случайных величин \tilde{x}_1, \tilde{x}_2 , плотности которых $p_1(x), p_2(x)$ нам известны, а полезности $u_1(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2), u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)$ — функциями от случайных величин, характеристики которых, вообще говоря, могут быть определены по $p_1(x), p_2(x)$.

Следует заметить, что задание стратегических выборов участников в форме непрерывных вероятностных распределений достаточно естественно и гармонично может быть интерпретировано с позиции теории эволюционных игр. А именно, можно считать, что мы имеем некоторое сообщество, состоящее из групп (популяций). Различные популяции игроков, обладают различными склонностями к сотрудничеству (солидарному поведению), которые являются реализациями случайных величин \tilde{x}_i с плотностями $p_i(x)$. При «столкновении» членов различных популяций в конкретных игровых раундах определяется их успешность (либо неуспешность), выражаемая через полезности u_i . Соответственно, исходя из опыта, накапливаемого популяциями, происходит эволюция, стохастических характеристик их степени склонности к сотрудничеству к некоторым «эталонным» устойчивым состояниям $P_i^*(x)$.

Разумеется, в случае задания стратегий участников с

помощью непрерывных вероятностных распределений их корректное сопоставление возможно только при условии ограничения функций $p_i(x)$ некоторым единым параметрическим классом \mathbf{P}_i . При этом, «естественными» характеристиками стратегий становятся параметры функций плотностей $p_i(x)$, а множество возможных ситуаций в игре задаётся множеством всех возможных комбинаций $p_i(x)$ по всем игрокам.

С точки зрения классического подхода Нэша (см., например, [1,2,3,4]) ситуация равновесия (решение) в описанной модели будет характеризоваться таким совместным выбором вероятностных распределений $(p_1^*(x), p_2^*(x))$, от которого каждому из участников игры будет не выгодно отклоняться по отдельности, т.е.

$$\mathbf{E}\{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1^*(x), p_2^*(x)\} \geq \mathbf{E}\{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1(x), p_2^*(x)\}, \quad (6)$$

$$\mathbf{E}\{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1^*(x), p_2^*(x)\} \geq \mathbf{E}\{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1^*(x), p_2(x)\}, \quad (7)$$

для любых $p_1(x) \in \mathbf{P}_1$, $p_2(x) \in \mathbf{P}_2$, где $\mathbf{E}\{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1(x), p_2(x)\}$ — математическое ожидание $u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)$, рассчитанное в предположении, что распределение \tilde{x}_1 задаётся функцией плотности $p_1(x)$, распределение \tilde{x}_2 — функцией плотности $p_2(x)$.

В то же время в рамках рандомизированной модели нельзя не признать допустимость и правомерность альтернативных подходов, предполагающих формулирование условий равновесия относительно других критериев. В частности, это могут быть:

- минимизации дисперсий полезности игроков (возможно при дополнительных ограничениях снизу на уровни, ниже которых не могут опускаться значения математических ожиданий полезности);

- минимизация значений α -квантилей функций распределения полезностей игроков, то есть таких значений, ниже которых величина полезности не опустится с вероятностью $1 - \alpha$.

Равновесие на основе критерия минимизации дисперсий полезности

Остановимся несколько более подробно на первом из перечисленных подходов. В некоторой степени идеи, на которых он базируется, аналогичны идеям, лежащим в основе модели Марковица о выборе оптимального портфеля, минимизирующего риск [5,6,7]. В данном случае мы вправе допустить, что ситуация равновесия в рассматриваемой модели будет характеризоваться таким совместным выбором вероятностных распределений $p_1^*(x) \in \mathbf{P}_1$ и $p_2^*(x) \in \mathbf{P}_2$, который обеспечивает выполнение условий

$$\mathbf{D}\{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1^*(x), p_2^*(x)\} \leq \mathbf{D}\{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1(x), p_2^*(x)\}, \quad (8)$$

$$\mathbf{D}\{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1^*(x), p_2^*(x)\} \leq \mathbf{D}\{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1^*(x), p_2(x)\}, \quad (9)$$

$\mathbf{D}\{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1(x), p_2(x)\}$ — дисперсия $u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)$, рассчитанная в предположении, что распределение \tilde{x}_1 задаётся функцией плотности $p_1(x)$, распределение \tilde{x}_2 — функцией плотности $p_2(x)$.

Другими словами, условия (8) — (9) определяют ситуацию, попытки отклонения от которой, предпринимаемые

тем или иным участником в индивидуальном порядке, приводят к возрастанию его риска. При этом в качестве меры риска используется дисперсия. Объективно «слабое» место данного подхода к определению состояния равновесия связано с тем, что минимальные риски могут достигаться при неприемлемо низких ожидаемых значениях полезностей. Это, в свою очередь, может быть «исправлено» введением понятия условного равновесия, под которым можно понимать совместный выбор вероятностных распределений $p_1^*(x) \in \mathbf{P}_1$ и $p_2^*(x) \in \mathbf{P}_2$, обеспечивающий выполнение условий (8) — (9), а также условий

$$\mathbf{E}\{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) | p_1(x), p_2(x)\} \geq \bar{u}_i, \quad i = \{1,2\}$$

(10)

где \bar{u}_i — ограничения снизу на достигаемые (приемлемые) уровни ожидаемых полезностей участников.

Последующее развитие подхода (8) — (9), очевидно, возможно при условии конкретизации классов вероятных распределений $p_i(x)$. Заметим, что данный шаг оказывается достаточно существенным, если не сказать критичным, для перспектив использования настоящей модели.

Исходя из общих представлений о свойствах решений, принимаемых реальными экономическими субъектами относительно вопросов взаимного сотрудничества, вполне приемлемым кандидатом для моделирования поведения величин \tilde{x}_i представляется асимметричное треугольное распределение см. рис. 2. На отрезке $[0,1]$ плотности асимметричных треугольных распределений однозначно определяются выбором параметра m — точки моды. Как известно, произвольная случайная величина \tilde{x} , распределённая по асимметричному треугольному закону на отрезке $[0,1]$ имеет математическое ожидание

$$\mathbf{E}\tilde{x} = \frac{1}{3}(m+1) \quad (11)$$

и дисперсию

$$\mathbf{D}\tilde{x} = \frac{1}{8}(m^2 - m + 1). \quad (12)$$

На основе (11) и (12) мы можем получить выражения для математического ожидания функций полезностей игроков (1) — (2), считая их после перехода к смешанному расширению игры функциями от случайных величин \tilde{x}_1, \tilde{x}_2 :

$$\mathbf{E}\{u_1(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\} = \mathbf{E}\{b_1 \cdot \tilde{x}_2 - a_1 \cdot \tilde{x}_1\} = \frac{1}{3} \cdot [b_1 \cdot (m_2 + 1) - a_1 \cdot (m_1 + 1)] \quad (13)$$

$$\mathbf{E}\{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\} = \mathbf{E}\{b_2 \cdot \tilde{x}_1 - a_2 \cdot \tilde{x}_2\} = \frac{1}{3} \cdot [b_2 \cdot (m_1 + 1) - a_2 \cdot (m_2 + 1)] \quad (14)$$

а также их дисперсий

$$\begin{aligned} \mathbf{D}\{u_1(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\} &= \mathbf{D}\{b_1 \cdot \tilde{x}_2 - a_1 \cdot \tilde{x}_1\} = b_1^2 \cdot \mathbf{D}\tilde{x}_2 + a_1^2 \cdot \mathbf{D}\tilde{x}_1 = \\ &= \frac{b_1^2}{8} \cdot [m_2^2 - m_2 + 1] + \frac{a_1^2}{8} \cdot [m_1^2 - m_1 + 1], \end{aligned} \quad (15)$$

$$\begin{aligned} \mathbf{D}\{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\} &= \mathbf{D}\{b_2 \cdot \tilde{x}_1 - a_2 \cdot \tilde{x}_2\} = b_2^2 \cdot \mathbf{D}\tilde{x}_1 + a_2^2 \cdot \mathbf{D}\tilde{x}_2 = \\ &= \frac{b_2^2}{8} \cdot [m_1^2 - m_1 + 1] + \frac{a_2^2}{8} \cdot [m_2^2 - m_2 + 1]. \end{aligned} \quad (16)$$

Из (15) и (16) мы получаем, что $\mathbf{D}\{u_1(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\}$ и $\mathbf{D}\{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\}$ являются выпуклыми квадратичными функциями от параметров m_1 и m_2 , а, следовательно, они достигают глобального экстремума в точке

$$(m_1^*, m_2^*) = \left(\frac{1}{2}, \frac{1}{2}\right), \quad (17)$$

что и определяет состояние равновесия в смысле (8) — (9) для модели сотрудничества. Таким образом, в моделях, построенных на базе треугольных распределений, взаимоустойчивая ситуация (с точки зрения критерия минимизации риска) возникает в случае, когда игроки осуществляют выбор своих стратегий на основе симметричных треугольных распределений. В содержательном плане это означает преимущество поведения, основанного на «золотой середине» между крайним эгоизмом и предельной готовностью к максимально тесному сотрудничеству.

Если руководствоваться концепцией условного равновесия (8) — (10), то точка глобального минимума дисперсий $\mathbf{D}\{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\}$ (1717), вообще говоря, может оказаться за пределами множества допустимых значений m_1, m_2 , определяемых условиями

$$\begin{cases} -a_1 m_1 + b_1 m_2 \geq 3\bar{u}_1 - (b_1 - a_1) \\ b_2 m_1 - a_2 m_2 \geq 3\bar{u}_2 - (b_2 - a_2) \end{cases} \quad (18)$$

В этом случае процедура нахождения ситуации условного равновесия в смысле (8) — (10) сведётся к решению серии задач квадратичного программирования.

Разумеется, гипотеза о распределении величин \tilde{x}_i по треугольному закону не может рассматриваться в качестве предположения, обладающего безальтернативными преимуществами. Вполне интересные и содержательные результаты для описываемой модели могут быть получены и для распределений других классов. В частности, остановимся более подробно на варианте модели сотрудничества, основывающемся на предположении о распределении величин \tilde{x}_i по показательному закону[□] с параметрами λ_i , т.е.

$$p_i(x) = \lambda_i \cdot e^{-\lambda_i x}$$

Если сопоставить конфигурации плотностей треугольного и экспоненциального распределения, то несложно заметить, что последнее более адекватно отражает ситуацию изначально слабой «склонности к сотрудничеству» у моделируемых экономических субъектов, см. рис. 3. Также можно отметить, что для более гибкого моделирования степеней «склонности игроков к сотрудничеству» может быть использовано гамма-распределение.

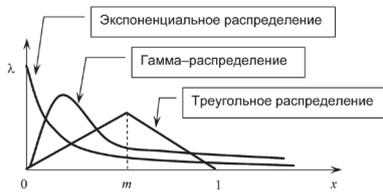

Рис. 3.

При экспоненциально распределённых \tilde{x}_i ожидаемые полезности игроков примут вид

$$\mathbf{E}\{\tilde{u}_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\} = \mathbf{E}\{-a_i \cdot \tilde{x}_1 + b_i \cdot \tilde{x}_2\} = -\frac{a_i}{\lambda_1} + \frac{b_i}{\lambda_2}, \quad (19)$$

$$\mathbf{E}\{\tilde{u}_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\} = \mathbf{E}\{b_2 \cdot \tilde{x}_1 - a_2 \cdot \tilde{x}_2\} = \frac{b_2}{\lambda_1} - \frac{a_2}{\lambda_2}. \quad (20)$$

Соответственно, применяя формулу для сложения дисперсий независимых случайных величин, дисперсии полезностей можно выразить как

$$\mathbf{D}\{\tilde{u}_1(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\} = \left(\frac{a_1}{\lambda_1}\right)^2 + \left(\frac{b_1}{\lambda_2}\right)^2, \quad (21)$$

$$\mathbf{D}\{\tilde{u}_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\} = \left(\frac{b_2}{\lambda_1}\right)^2 + \left(\frac{a_2}{\lambda_2}\right)^2. \quad (22)$$

Как следует из (21) — (22) функции $\mathbf{D}\{\tilde{u}_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)\}$ имеют очевидные инфимумы, равные 0, при $\lambda_1 \rightarrow \infty, \lambda_2 \rightarrow \infty$. С содержательной точки зрения это означает ничто иное, как повторение ранее полученного «пессимистичного результата»: дисперсия для экспоненциальных распределений будет тем меньше, чем плотнее они концентрируются около $x_i = 0$, что соответствует ситуации отсутствия сотрудничества.

Приведённые выше рассуждения будут справедливыми и в случае, если \tilde{x}_i имеют гамма-распределение с некоторыми параметрами κ_i, λ_i . Это непосредственно следует из вида математического ожидания и дисперсии для соответствующих случайных величин

$$\mathbf{E}\tilde{x}_i = \frac{\kappa_i}{\lambda_i}, \quad \mathbf{D}\tilde{x}_i = \frac{\kappa_i}{\lambda_i^2}.$$

Равновесие на основе критерия минимизации VaR полезности

Остановимся теперь более подробно на специфике подхода, при котором игроки будут осуществлять выбор приемлемых степеней сотрудничества, ориентируясь на функции распределения своих полезностей, т.е. на

$$F_{u_1(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u) = \mathbf{P}\{u_1(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) \leq u\}$$

$$F_{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u) = \mathbf{P}\{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) \leq u\}$$

Подобный подход может рассматриваться как аналог концепции value at risk (VaR), широко применяемой в современном риск-менеджменте.

Поведение функции распределения для полезности i -го игрока, которая в рамках описываемой модели является функцией от независимых случайных величин \tilde{x}_1, \tilde{x}_2 представлена на рис. 4. Исходя из (1) и (2) имеем, что для $x_i \in [0, 1]$ $u_i \in [-a_i, b_i]$, а следовательно

$$\forall u \leq -a_i : F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u) = 0, \quad \forall u \geq b_i : F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u) = 1.$$

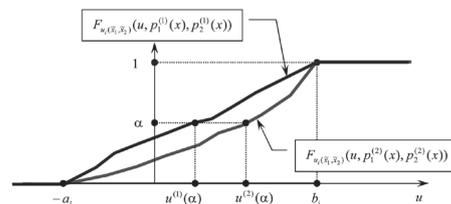

Рис. 4.

В то же время, выбор конкретных значений параметров для $p_1(x)$ и $p_2(x)$ будет определять «конфигурацию» возрастания функции $F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u)$ на интервале $[-a_i, b_i]$. Та-

ким образом, для одного и того же уровня вероятности α квантили функции распределения

$$u(\alpha) = F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}^{-1}(\alpha, p_1(x), p_2(x))$$

будут зависеть от выбора значений параметров вероятностных распределений (плотностей $p_1(x)$ и $p_2(x)$) для случайных величин \tilde{x}_1, \tilde{x}_2 . Как видно из рис. 4,

$$u^{(1)}(\alpha) < u^{(2)}(\alpha),$$

т.е. α -квантили функции распределения полезности \tilde{i} -го игрока $u^{(i)}(\alpha)$, получающейся при плотностях $p_1^{(i)}(x)$ и $p_2^{(i)}(x)$ меньше аналогичной α -квантили, соответствующей плотностям $p_1^{(j)}(x)$ и $p_2^{(j)}(x)$. Таким образом, для \tilde{i} -го игрока более предпочтительным оказывается стратегический выбор, определяемый $p_1^{(i)}(x)$ и $p_2^{(i)}(x)$, так как при нём пороговое значение, ниже которого не опустится его полезность $u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)$, с вероятностью $1 - \alpha$ будет больше.

В рамках данного подхода, ситуация равновесия для модели сотрудничества может быть определена, как такой набор вероятностных распределений ($p_1^*(x), p_2^*(x)$) из некоторых параметрических классов \mathbf{P}_1 и \mathbf{P}_2 , задающих стратегии участников, при котором для заданного уровня вероятности α и любых других вероятностных распределений $p_1(x) \in \mathbf{P}_1$ и $p_2(x) \in \mathbf{P}_2$ выполняются условия

$$F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}^{-1}(\alpha, p_1^*(x), p_2^*(x)) \geq F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}^{-1}(\alpha, p_1(x), p_2(x)) \quad (23)$$

$$F_{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}^{-1}(\alpha, p_1^*(x), p_2^*(x)) \geq F_{u_2(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}^{-1}(\alpha, p_1^*(x), p_2(x)) \quad (24)$$

Остановимся более подробно на специфике применения данного подхода для случая, когда $p_i(x)$ определяют случайные величины \tilde{x}_i , распределённые по асимметричному треугольному закону. Как уже отмечалось, для распределений данного класса выбор конкретной плотности $p_i(x)$ однозначно связан с выбором значения параметра m_i — точки моды, а, следовательно, функции распределения для величин полезностей участников $u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)$ мы можем рассматривать как функции от m_1 и m_2 , используя обозначение $F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u, m_1, m_2)$. Обратим внимание на то обстоятельство, что даже при такой несложной функциональной форме плотности, какую мы имеем в случае асимметричного треугольного распределения, функции $F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u, m_1, m_2)$ не имеют «компактного» аналитического представления. «Технология» нахождения значения $F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u, m_1, m_2)$ для некоторого конкретного значения u представлена на рис. 5. Как видно из него нахождение значения

$$F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(\bar{u}_i, m_1, m_2) = \mathbf{P}\{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2) \leq \bar{u}_i = -a_1x_1 + b_1x_2\}$$

сводится к нахождению суммы $F_I + F_{II} + F_{III} + F_{IV}$, где

$$F_I = \int_0^{\bar{u}_i} \frac{2x_1}{m_1} \left[\int_0^{\min\left\{\frac{\bar{u}_i + a_1x_1}{b_1}, m_2\right\}} \frac{2x_2}{m_2} dx_2 \right] dx_1, \quad F_{II} = \int_{m_1}^1 \frac{2x_1 - 2}{m_1 - 1} \left[\int_0^{\frac{2x_2}{m_2}} dx_2 \right] dx_1,$$

$$F_{III} = \int_{\frac{\bar{u}_i + a_1m_1}{b_1}}^{\frac{\bar{u}_i + a_1m_1}{b_1}} \frac{2x_1}{m_1} \left[\int_{m_2}^{\frac{\bar{u}_i + a_1x_1}{b_1}} \frac{2x_2 - 2}{m_2 - 1} dx_2 \right] dx_1, \quad F_{IV} = \int_{m_1}^1 \frac{2x_1 - 1}{m_1 - 1} \left[\int_{m_2}^{\frac{\bar{u}_i + a_1x_1}{b_1}} \frac{2x_2 - 2}{m_2 - 1} dx_2 \right] dx_1,$$

Таким образом, нахождение значений функций распределения $F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u, m_1, m_2)$ для произвольных $u \in [-a_1, b_1]$ сведётся к рассмотрению всех возможных ситуаций взаимного расположения друг относительно друга линии $u_i(x_1, x_2)$ и точки (m_1, m_2) .

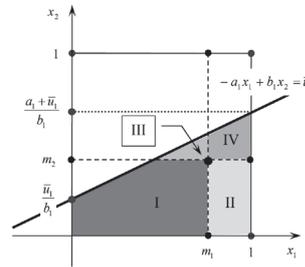

Рис. 5.

Несмотря на «плохие» аналитические свойства функций $F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u, m_1, m_2)$ мы можем с необходимой степенью точности описать их поведение с помощью численных методов для конкретных значений a_i и b_i . В частности на рис.6 представлены результаты численного моделирования функции $F_{u_i(\tilde{x}_1, \tilde{x}_2)}(u, m_1, m_2)$ средствами программного обеспечения MathCAD для ситуации $a_1 = 1, b_1 = 2, m_2 = 0.8$. Другими словами, для ситуации, при которой первый игрок ценит действия второго вдвое больше, чем свои собственные затраты, а стратегия второго определяется асимметричным треугольным распределением с точкой моды 0.8 . На рис.6 изображены графики функций распределения для полезности первого игрока для случаев, когда его стратегия определяется асимметричным треугольным распределением с точкой моды $m_1^{(1)} = 0.2$ (линия F_{I-1}) и $m_1^{(2)} = 0.8$ (линия F_{I-2}).

Как следует из расположения линий квантили для некоторого уровня вероятности α , найденные относительно функции распределения F_{I-2} , будут меньше квантилей, найденных для того же уровня относительно функции распределения F_{I-1} . Таким образом, в данных условиях при выборе вторым игроком уровня сотрудничества $m_2 = 0.8$ для первого выбор более высокого уровня сотрудничества $m_1^{(2)} = 0.8$ является преимущественным ответом по сравнению с $m_1^{(1)} = 0.2$, означая выбор более эгоистичного типа поведения.

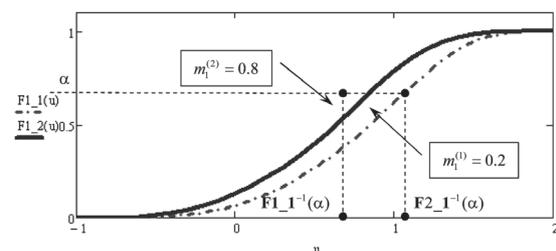

Рис. 6.

Нельзя не признать, что с математической точки зрения в рамках предложенной модели уход от ситуации неконструктивного равновесия происходит исключительно за счёт модификации критериальной функции, относительно которой формулируются условия равновесия. Иными словами, если игроки оценивают результаты своих действий исходя из величины полезностей (либо ожидаемых полезностей), то устойчивой оказывается ситуация отказа от сотрудничества. В то же время, если они применяют другие

критерии (дисперсию, как меру риска, либо VaR полезности), то ситуации сотрудничества оказывается предпочтительной.

Именно это и придаёт дополнительную значимость рассмотренным выше подходам в содержательном экономическом плане. В частности, применяя их, мы можем формировать принципы конструирования и поддержания механизмов отношений сотрудничества в ситуациях, изначально характеризующихся эгоистичным поведением сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Воробьев Н.Н. Основы теории игр: бескоалиционные игры. М., 1984.

2. Воробьев Н.Н. Теория игр для экономистов–кибернетиков. М., 1985.

3. Печерский С.Л. Теория игр для экономистов. СПб., 2001.

4. Мулен Э. Теория игр с примерами из математической экономики. М., 1985.

5. Markowitz Harry M. Portfolio Selection // Journal of Finance. 1952. 7. № 1 pp. 71-91.

6. Markowitz H. M. Portfolio Selection: Efficient Diversification of Investment. Wiley. New York. 1959.

7. Markowitz H. M., Mean Variance Analysis in Portfolio Choice and Capital Markets. Basil. Blackwell. 1990.

8. Jorion Ph. Value at Risk. McGraw-Hill. 2006.

9. Value at Risk 3 Edition: New Benchmark for Managing Financial Risk. McGraw-Hill Education–Europe, 2006.

КРИМИНАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Макарова О.Н.,
преподаватель,
кафедра бухгалтерского учета, анализа и аудита,
Волкова Т.В.,
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра финансов и налогообложения,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Ключевые слова: криминальные явления, угроза экономической безопасности государства
Keywords: criminal phenomena, threat of economic safety of the state

Аннотация. В статье рассмотрены виды криминальных явлений в экономике. Дана их классификация и определение. Рассмотрены вопросы, касающиеся проявлений криминальных явлений как угрозы экономической безопасности государства.

In article types of the criminal phenomena in economy are considered. Their classification and definition is made. The questions concerning manifestations of the criminal phenomena as threats to economic safety of the state are considered.

Нормальное функционирование любой национальной системы возможно только в том случае, если она находится в состоянии безопасности. Национальная безопасность – важнейшее условие нормальной жизнедеятельности и развития личности, общества и государства. Поэтому одной из основных задач государства, является противодействие источникам угроз национальной безопасности.

Экономическая безопасность как основа национальной безопасности представляет собой совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29.04.96 г. № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» экономическая безопасность это состояние защищенности экономических интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, основанное на независимости, эффективности и конкурентоспособности экономики страны.

Таким образом, объектами экономической безопасности Российской Федерации, согласно Указу, являются личность, общество, государство и основные элементы экономической системы, включая систему институциональных отношений.

В научной литературе категория «экономическая безопасность», которая справедливо рассматривается как составная неотъемлемая часть национальной безопасности, трактуется по-разному.

По мнению Н.Д. Эриашвили [1] в широком смысле экономическая безопасность состоит из двух частей. Это, во-первых, интересы и цели в рамках границ страны, то есть поддержание государственного суверенитета. Во-вторых, место России в мировом разделении труда, в мировой торговле, в международных финансовых и банковских сегментах.

Так, В. Тамбовцев полагает, что «под экономической безопасностью той или иной системы нужно понимать совокупность свойств состояния ее производственной подсистемы, обеспечивающую возможность достижения целей

всей системы» [2].

По мнению Л.И. Абалкина – «экономическая безопасность – это состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи и при котором государство имеет возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику» [3].

В.А. Савин считает, что «экономическая безопасность представляет систему защиты жизненных интересов России. В качестве объектов защиты могут выступать: народное хозяйство страны в целом, отдельные регионы страны, отдельные сферы и отрасли хозяйства, юридические и физические лица как субъекты хозяйственной деятельности» [4].

Как следует из определения, данного А. Городецким и Б. Михайловым, «экономическая безопасность – это способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей на национальном и международном уровнях. Иными словами, экономическая безопасность представляет собой совокупность внутренних и внешних условий, благоприятствующих эффективному динамичному росту национальной экономики, ее способности удовлетворять потребности общества, государства, индивида, обеспечивать конкурентоспособность на внешних рынках, гарантировать от различного рода угроз и потерь» [5].

В. Панков пишет: ... это такое состояние национальной экономики, которое характеризуется ее устойчивостью, «иммунитетом» к воздействию внутренних и внешних факторов, нарушающих нормальное функционирование процесса общественного воспроизводства, подрывающих достигнутый уровень жизни населения и тем самым вызывающих повышенную социальную напряженность общества, а также угрозу существованию государства [6].

В. Рубанов определяет экономическую безопасность как способность национальной экономики обеспечивать благосостояние нации и стабильность внутреннего рынка независимо от действия внешних факторов [7].

В.А. Савин считает, что «экономическая безопасность представляет систему защиты жизненных интересов России. В качестве объектов защиты могут выступать: народное хозяйство страны в целом, юридические и физические лица как субъекты хозяйственной деятельности» [8].

Помимо указанных выше определений сущности экономической безопасности, имеется такое, которое вытекает из финансовой безопасности, являющейся одной из составляющих экономической безопасности государства и вытекающая из такого вида экономической безопасности как финансовая. По мнению Литвиненко А.Н. экономическую безопасность можно определить «как состояние за-

щищенности национальных интересов, обеспечивающееся совокупностью мероприятий, проводимых государством посредством бюджетной, налоговой, денежно-кредитной и инвестиционной политики, направленных на создание условий и факторов, способных нейтрализовать воздействие внешних и внутренних угроз» [9].

Мы считаем более точным подход к определению экономической безопасности тех авторов, которые определяют сущность экономической безопасности как такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социальная направленность политики, достаточный оборонный потенциал даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов [10].

Из вышеприведенного следует, что категория «экономическая безопасность» должна охватывать помимо характеристики экономической системы целый ряд параметров общественной и государственной деятельности, уровень эффективности государственного управления, его различных ветвей власти, их институтов и структур, в том числе правоохранительной деятельности.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [11], определено, обеспечение национальной безопасности как постоянное совершенствование правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

Несмотря на наличие в экономике страны и деятельности правоохранительных органов устойчивых позитивных тенденций, обстановка в экономической и налоговой сферах продолжает оставаться сложной и характеризуется ростом налоговой и экономической преступности во всех базовых отраслях отечественной экономики, ее массовостью и высокой степенью латентности, постоянным усложнением применяемых схем и способов уклонения от налогообложения, в том числе основанных на несовершенстве действующего законодательства [12].

Криминализация экономики носит устойчивый характер и может характеризоваться как саморазвивающийся социальный процесс, определяющий криминальные правила ведения бизнеса и вовлекающий все большее число законопослушных граждан. Об этом, в том числе свидетельствует общая динамика числа выявленных всеми правоохранительными органами преступлений экономической направленности. Статистика говорит обратное - так, за 2011 год было выявлено всего преступлений 202 454, по сравнению с предыдущим годом общее число снизилось на 26,8%. Общий размер материального вреда, причиненного государству в результате их противоправной деятельности составил около 4 млрд. рублей [13]. Данное несоответствие исследователями объясняется следующим образом.

В ноябре 2011 года компания PricewaterhouseCoopers представила шестой Всемирный обзор экономических преступлений. Согласно данным исследования, количество экономических преступлений, выявляемых в российских компаниях, за два года снизилось практически вдвое: в 2009 году с подобными правонарушениями столкнулись 71% компаний, а в 2011 – лишь 34%. Несмотря на то, что

изменение налицо, специалисты PwC не торопятся делать вывод о сокращении преступности, осторожно замечая, что изменение показателя может быть связано и с ухудшением выявления преступлений, и просто с неискренностью респондентов [14].

Криминальные явления в сфере экономической деятельности тесно связаны с так называемой теневой экономикой, которая представляет собой, прежде всего, совокупность скрываемых от органов государственного управления и контроля экономических отношений между хозяйствующими субъектами в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ и предпринимательских способностей.

Теневая экономика в настоящее время выступает как самоорганизующаяся, адаптивная система. Она в кратчайшие сроки приспосабливается к внешним воздействиям (государства и его правоохранительных, контрольных, фискальных, надзорных и иных органов), непрерывно развивается в соответствии с общим и экономическими принципами и находится в гармоничном равновесии со своей средой [15].

Угроза теневой экономики для экономической безопасности заключается в ее следующих последствиях для экономической системы в целом:

- причинение колоссального ущерба государственному бюджету;
- снижение эффективности экономической политики;
- деформация структуры экономики;
- ухудшение инвестиционного климата и конкурентной среды для законопослушных предпринимателей;
- рост коррупции и экономической преступности.

Рассматривая развитие теневой экономики в России, следует отметить, что сейчас теневая экономика в большей степени носит масштабный и криминализованный характер [16]. В связи с этим в системе экономических отношений целесообразно выделить самостоятельный сектор криминальной экономики.

Соотношение криминальной экономики и теневой разные авторы определяют по-разному.

По мнению Крылова А.А. криминальная экономика, это – «сложная система незаконных или деструктивных социально-экономических отношений и материально-вещественных процессов по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг» [17].

Радаев В.В. дает следующее определение – «деятельность связанная с явным криминалом, запрещенная законодательно, в то время как основная часть теневой экономики не связана с явным криминалом, так как она по своему содержанию и целям не является нарушением закона, но связана с систематическими выходами за его пределы, чаще всего с целью неуплаты налогов или частичной уплаты налогов, еще каких-то обстоятельств» [18].

Нестеров А., Вакурин А. полагают, что это «специфический экономический уклад, способ хозяйствования, который призван обеспечивать определенную, относительно небольшую по численности группу лиц сверхдоходами, доходами от преступной деятельности, доходами от использования «прорех» в законодательстве» [19].

Криминализация выступает одной из причин деформации структуры отечественной экономики, которую законодатель также выделяет в качестве самостоятельной угрозы экономической безопасности. Механизм деформации под

воздействием криминализации следующий: под воздействием устремлений криминального мира легальная экономическая система стремительно мимикрирует в своем развитии, все более подчиняясь целям извлечения монопольных сверхприбылей в пользу криминальной элиты. Это в короткие сроки приводит к разрушению традиционной структуры национальной экономики, быстрой деградации производства, стимулированию лишь тех сфер, которые не требуют долгосрочных и значительных инвестиций, а способны приносить прибыль почти мгновенно – кредитно-банковская и биржевая деятельность, коммерция (финансовый сектор). Внутренний рынок наводняется иностранной валютой и импортными товарами, национальные товаропроизводители разоряются, за рубеж вывозятся лишь сырьевые и энергетические ресурсы и т.д. [20].

Криминализация экономики ведет к подчинению общественных целей экономического характера корыстным групповым или корпоративным интересам с последующей трансформацией экономических отношений, внедрением в них элементов незаконного распределения и присвоения результатов общественного производства, ущемлением интересов государства, предпринимателей и потребителей [21].

На рост криминализации, по мнению Шегабудинова Р.Ш. и Сафиулиной П.Р. [22] оказывают влияние такие факторы, как:

высокий уровень латентности экономических преступлений, совершаемых в рассматриваемых сферах экономики;

функционирование в сфере экономики теневых экономических отношений;

существование в рыночной экономике страны совокупности криминогенных факторов, детерминирующих совершение экономических и налоговых преступлений;

недостаточно продуманные заблаговременно коренные экономические преобразования;

широкая распространенность коррупционных проявлений.

Негативные последствия теневой и криминальной экономической деятельности проявляются в различных криминальных явлениях:

- криминальные явления в налоговой сфере;
- криминальные явления бюджетной сферы;
- криминальные явления в кредитно-денежной сфере.

Криминальные явления налоговой сферы находят проявление во влиянии на распределение налоговой нагрузки и, как следствие, сокращении бюджетных расходов и их деструктуризации.

С другой стороны сокрытие фактических размеров экономической деятельности от контроля и вследствие этого уклонение от уплаты налогов приводит к возрастанию налогообложения доходов, получаемых законопослушными налогоплательщиками, которое в свою очередь стимулирует дальнейшее сокрытие доходов от налогообложения, усиливает неоправданную дифференциацию доходов и собственности.

Криминальные явления бюджетной сферы проявляются в сокращении расходов государственного бюджета и деформации его структуры.

Сокращение доходов бюджета является причиной недофинансирования государственных институтов регулирования экономики (контролирующих, правоохранительных

органов), их ослабления и деградации в тот период, когда имеется необходимость в обеспечении прав и законных интересов участников экономических отношений. Негативным результатом уменьшения государственных расходов является сокращение и недофинансирование социальных программ, что ведет к незащищенности значительной части населения и возрастанию социальной дифференциации населения, ставит под угрозу социальную стабильность и прогресс.

Сокращение государственных расходов обострило структурный кризис, поставив в тяжелое экономическое положение предприятия военно-промышленного комплекса и других отраслей обрабатывающей промышленности, где сосредоточены высокие технологии и наиболее квалифицированный трудовой потенциал.

Следует отметить и неэффективное распределение бюджетных ресурсов в результате коррупции и незаконной деятельности, где используется «административный ресурс», перераспределение экономических возможностей за счет незаконного предоставления льгот, лицензий, квот, иных привилегий.

Криминальные явления в кредитно-денежной сфере проявляются в деструктуризации платежного оборота, стимулировании инфляции, деформации кредитных отношений и увеличении инвестиционных рисков, нанесении ущерба кредитным институтам, инвесторам, вкладчикам, акционерам, а также обществу в целом.

Криминальная экономическая деятельность в России является существенным инфлятогенным фактором, которая оказала негативное воздействие и на валютный рынок за счет массовой конвертации преступных доходов в иностранную валюту и вывоз ее за рубеж.

Преступные организации также представляют собой серьезную угрозу существованию финансовых и коммерческих хозяйствующих субъектов, как на национальном, так и на международном уровнях. Внедрение участников преступных организаций в хозяйствующие субъекты, занимающиеся законной деятельностью, запугивание их владельцев, рейдерские захваты стали «нормой» жизни.

К криминальным явлениям можно отнести деятельность финансовых пирамид в России, когда в результате финансовых преступлений число потерпевших по ним уже превысило 1,5 млн. человек, а общая сумма ущерба по различным оценкам, составляет от 5 до 15 трлн. рублей. Одним из результатов этих злоупотреблений явилось резкое падение доверия к кредитным учреждениям.

Криминальная экономическая деятельность является не только следствием экономической деструктуризации, но и ее фактором. Это касается практически всех ее видов, как то сокрытие разрешенной законом экономической деятельности либо наиболее опасные формы организованной преступности. Влияние криминальной экономической деятельности нельзя не принимать во внимание, поскольку:

криминальная экономическая деятельность, как правило, способствует возрастанию инвестиционных рисков и снижает инвестиционную активность, что снижает спрос на инвестиционные товары и стимулирует спад в отраслях инвестиционного комплекса;

криминальная экономическая деятельность сосредоточена преимущественно в спекулятивном финансовом и торгово-посредническом секторах экономики, стимулируя их развитие в ущерб реальному производству;

криминальная экономическая деятельность все в значительной степени ориентирована на развитие сферы незаконных товаров и услуг, спрос на которые в странах с переходной экономикой не удовлетворен. В ряде случаев экономика становится зависимой от нелегальных видов экономической деятельности, которые определяют участие страны в международном разделении труда;

структура экономики дрейфует в сторону возрастания удельного веса топливно-энергетической и сырьевой ориентации внешнеэкономических связей. Это обусловлено массовым незаконным вывозом за рубеж стратегически важных сырьевых товаров;

их всех колоссальных объемов доходов, извлекаемых из незаконной экономической деятельности, лишь незначительная часть расходуется на поддержание собственно преступной деятельности. Основная масса доходов инвестируется в легальную экономику. Результатом является развитие видов деятельности, используемых для облегчения осуществления криминальной деятельности (предоставление информационных, транспортных, распределительных и иных услуг), а также тех, что обеспечивают получение быстрой прибыли;

криминализация экономики вызывает возрастание затрат на обеспечение безопасности и охраны, отвлекая экономические ресурсы от производства других благ. Издержки этой группы включаются во многих странах в издержки преступности.

По мнению Колесникова В.В. понятие «экономическая преступность» рассматривается в двух аспектах: правовом – «специфическая, превращенная форма экономической деятельности, осуществляемой в сфере предпринимательства его субъектами с целью достижения незаконного обогащения» или «экономическая преступность – есть превращенная форма экономической деятельности, осуществляемая в сфере предпринимательства его субъектами методами, обеспечивающими достижение незаконного обогащения» и экономическом – « происходит деструктивизация действия ключевых рыночных императивов – принцип эквивалентности обмена, законов стоимости, равновесия спроса и предложения, и др.», то есть «неэквивалентность обмена выступает сущностной, глубинной основой криминализованного предпринимательства, субъекты которого (экономические преступники) нарушают принцип эквивалентности обмена. В нарушении этого принципа и содержится источник несправедливого, социально несправедливого обогащения бизнесменов-делинквентов» [23].

Нарушение принципа эквивалентности обмена является одной из главных угроз основам экономического развития и существования общества.

Следует отметить особую опасность организованной преступности, которая подрывает усилия в области развития, поскольку скудные ресурсы приходится отвлекать от других проектов и направлять на борьбу с преступной деятельностью. Кроме того, коррупция, которая сопутствует организованной преступности, снижает «готовность населения идти на жертвы, связанные с политикой развития», и наносит ущерб принятию рациональных решений государственными органами.

Таким образом, экономическая преступность и связанная с ней всеобщая криминализация экономических отношений в России превратились в явление, представляющее одну из главных угроз национальной безопасности. Это

обусловлено, прежде всего, его масштабами: совокупный материальный ущерб от совершаемых экономических преступлений намного выше потерь от других видов правонарушений.

Под угрозой экономической безопасности можно понимать сложившиеся в обществе экономические и иные факторы и условия, способные прямо или косвенно оказывать негативное воздействие на экономическую безопасность хозяйствующей системы (отрасли экономики, экономической территории, национальной экономики в целом) в настоящем либо ближайшем будущем [24].

Любая угроза, в том числе экономическая, предполагает количественное, или качественное изменение социальной системы либо среды, при котором затрудняется, нарушается или становится невозможной нормальная жизнедеятельность объектов обеспечения безопасности.

Важным инструментом исследования угроз экономической безопасности выступает их классификация. Она же является одним из условий систематизации угроз, позволяет теоретически осмыслить те или иные явления и установить их соответствие эмпирическому материалу. Исходя из характера и вида угроз, определяются структурные элементы процедуры их оценки и методические подходы к принятию управленческих решений – фактически строится механизм выявления, предупреждения и пресечения угроз и провоцирующих их факторов [25]. Исследования в области классификации угроз экономической безопасности должны носить прикладной характер с применением таких подходов и методов классификации угроз экономической безопасности, которые в будущем позволят упростить разработку механизма их нейтрализации. В таблице нами отражена классификация криминальных явлений, а также даны их примеры проявлений (таблица 1).

По мнению Метелева С.Е., Курьякова И.А., Лизунова В.В. и Здриковского В.А. «криминальные явления можно считать основной особенностью современного этапа. Эти нелегитимные, но, в то же время, существующие в громадных масштабах криминальные процессы и явления вовлекают в оборот миллионы человек и «управляются» хорошо организованными глобальными экономическими механизмами, превращающими эту сферу в род современного прибыльного бизнеса» [26].

Моденов А.К. считает, что «характер и последствия дисфункционального, деструктивного воздействия криминальных явлений и процессов на макроэкономику и систему управления, проявляется преимущественно в форме отрицательных экстерналий – внешних эффектов. Криминализация экономики и экономических отношений при достижении массового, масштабного характера неизбежно приводят к усилению макроэкономического неравновесия и энтропии, появлению дисфункций в системе управления национальным хозяйством, вытеснению государства (как монополиста-производителя) с рынка чистых общественных благ и секвестированию его аллокационной функции, распространению внеэкономических форм конкурентной борьбы» [27].

Павленко С.З. полагает, что «экономическая преступность как социальное и криминальное явление – в нашей жизни, может быть, и недостаточно новое, однако только в последние годы и в связи с происходящими в стране политическими, социальными и экономическими изменениями «набирающее обороты», – пока еще недостаточно глубоко

и всесторонне изучено. Вполне понятно, что такое положение дел не является удовлетворительным ни для практики социального, в том числе государственного, влияния (контроля, воздействия) на экономическую преступность, ни для теории, призванной познавать природу, закономерности возникновения и развития этого явления [28].

Быков В.Н. и Колесников В.В. указывают, что «в ряде отечественных научных публикациях пока доминирует несколько упрощенный подход, при котором организованная преступность, действующая в экономике, представляется как традиционно понимаемое ординарное уголовно-криминальное явление, реализуемое в организованных формах» [29].

Полагаем, что наиболее точное определение криминальных явлений в экономике, исходя из вышеприведенных их признаков, форм проявления и тяжести последствий будет следующее: «Криминальные экономические явления – распространенные в экономической системе формы противоправного и деструктивного поведения хозяйствующих субъектов, наказание за которые предусмотрены уголовным законодательством, вследствие того, что они нарушают принцип эквивалентности экономического обмена и представляют опасность для отдельных граждан, общества и государства».

Критерий	Тип	Пример проявления
по степени тяжести	тяжкие и особо тяжкие	
	другие	
по размеру причинного ущерба	в крупном и особо крупном размере	
	другие	
по сферам деятельности	потребительский рынок	незаконное предпринимательство, незаконное использование товарного знака, обман потребителей, уклонение от уплаты налогов с организаций, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, монополистические действия и ограничение конкуренции, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения
	финансово-кредитная система	незаконная банковская деятельность, лжепредпринимательство, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, незаконное получение кредита, злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии), изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов
	внешнеэкономическая деятельность	контрабанда, незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники, невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран, невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте
	недвижимость	вымогательство, регистрация незаконных сделок с землей, злоупотребление полномочиями, получение взятки
по группам и видам	нарушения авторских и смежных прав	нарушение авторских и смежных прав, незаконное предпринимательство
	мошенничество	мошенничество
	фальшивомонетчество	изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем
	отмывание денег	легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления
	кража	присвоение или растрата, мошенничество
	присвоение или растрата	присвоение или растрата
	контрабанда	контрабанда
	взяточничество	получение взятки, дача взятки
	другие	
по субъектам РФ		
по способам реализации	покупка несуществующих услуг	мошенничество, лжепредпринимательство, незаконная банковская деятельность, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство
	манипуляция ценами (откаты)	злоупотребление полномочиями, получение взятки,
	финансовые (перечисление кому-либо)	незаконное получение кредита, незаконная банковская деятельность, невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте
	искажение финансовой отчетности	незаконное получение кредита, мошенничество, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство
	розничная торговля и производство потребительских товаров	производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции, заведомо ложная реклама, уклонение от уплаты таможенных платежей, уклонение от уплаты налогов с организаций, обман потребителей, коммерческий подкуп

Таблица 1. Классификация криминальных явлений и примеры их проявлений

Критерий	Тип	Пример проявления
по секторам экономики	промышленное производство	незаконный оборот драгоценных металлов, камней риги жемчуга, нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и камней, нарушение правил изготовления и использования пробирных клейм, уклонение от уплаты налогов с организаций, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, монополистические действия и ограничение конкуренции
	консультационные услуги	злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами
	развлечения и средства массовой информации	подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну
	проектирование и строительство	принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, незаконное получение кредита, присвоение или растрата
	топливно-энергетический комплекс и горнодобывающая промышленность	незаконный оборот драгоценных металлов, камней риги жемчуга, нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и камней, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, незаконное получение кредита, присвоение или растрата, уклонение от уплаты налогов с организаций, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, монополистические действия и ограничение конкуренции
	связь	принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, незаконное получение кредита, присвоение или растрата, уклонение от уплаты налогов с организаций, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, монополистические действия и ограничение конкуренции
	автомобильная отрасль	принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, незаконное получение кредита, присвоение или растрата, уклонение от уплаты налогов с организаций, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, монополистические действия и ограничение конкуренции
	прочее	превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб
по типологии характера	индивидуальная	легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого незаконным путем, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии), изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов, контрабанда, незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники, уклонение гражданина от уплаты налога, злоупотребление полномочиями, злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами, превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб, коммерческий подкуп, нарушение авторских и смежных прав, получение взятки и дача взятки
	злоупотребление доверием	причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием
	преступления в деловом мире	незаконное предпринимательство, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте, уклонение от уплаты таможенных платежей, уклонение от уплаты налогов с организаций
	мошенничество	мошенничество
по роду занятий	явления, совершаемые индивидами в процессе профессиональной деятельности в целях личной наживы (наживы), а также криминальные явления служащих в отношении своих предпринимателей	присвоение или растрата, злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами, превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб, коммерческий подкуп, получение взятки
	преступность корпораций	уклонение от уплаты таможенных платежей, уклонение от уплаты налогов с организаций, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, монополистические действия и ограничение конкуренции, незаконное предпринимательство
по подследственности	полиция	
	прокуратура	
	федеральная служба безопасности	

Критерий	Тип	Пример проявления
по стадиям криминального цикла	направлена на извлечение дохода	незаконное предпринимательство, производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции, незаконная банковская деятельность, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов
	направлена на легализацию дохода	легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем
	использование легализованных доходов (криминальные инвестиции, инфильтрация в легальный бизнес, личное потребление)	незаконное получение кредита

Подводя итоги, отметим, что в качестве основной угрозы экономической безопасности государства в работе выделены криминальные явления, последствия которых наносят значительный ущерб обществу и государству в целом. Такое внимание к данному явлению обусловлено тем фактом, что основным субъектом противодействия криминальным явлениям выступают органы внутренних дел. Вместе с тем мы отметили, что криминальные явления в своих проявлениях, а также по степени тяжести и размеру причиненного ущерба неоднородны. Проведенная классификация криминальных явлений позволила рассмотреть их с точки зрения широты их проявлений и размера последствий, что в дальнейшем будет способствовать разработке эффективных адресных инструментов противодействия криминализации экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эриашвили Н.Д., Артемьев Н.В. Экономика и право. Теневая экономика. Учебное пособие - Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
2. Тамбовцев В.Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура, проблемы // Вестник Московского университета. Серия 6. «Экономика». 1995. № 3.
3. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12.
4. Савин В.А. Некоторые аспекты экономической безопасности России // Международный бизнес России. 1995. № 9.
5. Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. 1994. № 12.
6. Паньков Э. Экономическая безопасность: мирохозяйственный и внутренний аспект // Внешнеэкономические связи. 1992. Вып. 8. С.5-18.
7. Рубанов В. Безопасность – лозунги, теория и политическая практика // Российский экономический журнал. 1991. № 17. С.31-41.
8. Савин В.А. Некоторые аспекты экономической безопасности России // Международный бизнес России. 1995. № 9. С.14.
9. Литвиненко А.Н., Феофилова Т.Ю., Воротнев А.С. Финансовая безопасность государства: проблема управления рисками: // Монография – СПб: Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права. Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2006.
10. Экономическая безопасность. Производство, фи-

нансы, банки. / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: ЗАО «Финстатинформ» 1998.

11. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 18.05.2009, № 20, ст. 2444.

12. В. К. Сенчагов. Экономическая безопасность России. Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. М.Издательство «ДЕЛЮ» 2005.

13. Данные официального сайта МВД России // <http://www.mvd.ru/>.

14. Теги материала: PwC Всемирный обзор экономических преступлений стати стика.

15. Теневая экономика и легализация преступных доходов. / Н. Голованов, В. Перекислов, В. Фадеев СПб: Питер, 2003.

16. Головин С.Д. О классификации явлений теневой экономики // Вестник Московского университета. Сер 6. Экономика, 1992. №1.

17. Крылов А.А. Социально-экономические основы деятельности милиции в обществе рыночного типа: Автореф. дисс...докт. экон. наук. 05.13.10. М.: Академия МВД России, 1993.

18. Радаев В.В. Сетевой мир // Эксперт, 2000. № 12 (223).

19. Нестеров А., Вакурин А. Криминализация экономики и проблемы безопасности // Вопросы экономики, 1995. № 1.

20. Колесников В.В. Феномен организованной экономической преступности // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2002. №2.

21. Иванов П.И. Криминализация агропромышленного комплекса и пути ее преодоления // Проблемы повышения эффективности деятельности аппаратов БЭП ОВД в современных условиях: Сб. науч. статей. — М., 1998. С.24-32.

22. Экономическая безопасность и проблемы криминализации в приоритетных сферах экономики.

23. Колесников В. Феномен российской организованной преступности, 200 // <http://www.law.edu.ru>.

24. Жинкина И.Ю. Оценка угроз в американской стратегии национальной безопасности // США. 1998. № 10.

25. Колосов А.В. Экономическая безопасность: Учеб. пособие для вузов / ГУУ. – М.: Финстатинформ. – 2005.

26. Метелев С.Е., Курьяков И.А., Лизунов В.В., Здриковский В.А. Криминальные явления в современном российском обществе и их влияние на экономику и управление: монография. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2009.

27. Моденов А.К. Методология формирования механизма противодействия криминализации экономики России в условиях глобализации: Автореферат дис... докт. экон. наук. 08.00.05. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2005.

28. Павленко С.З. Экономическая преступность и эко-

номическая безопасность политические аспекты проблемы. Нормативно-правовая база Консультант +.

29. Быков В.Н., Колесников В.В. Организованные формы криминальной экономической деятельности как угроза безопасности России. Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генпрокуратуры РФ СПб, 2006.

КРИТЕРИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Медолазов А.С.,
кандидат экономических наук, старший преподаватель,
кафедра «Статистика и экономический анализ деятельности предприятий»,
Орловский государственный аграрный университет

Ключевые слова: качество жизни, критерии качества жизни, объективная и субъективная оценка, индикаторы качества жизни, подходы к оценке качества жизни, социально-экономическое развитие, социальная политика

Key words: life quality, criteria of the life quality, objective and subjective appraisal, indicators of the life quality, approaches to the life quality appraisal, social and economic development, social policy

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы касаются определения понятия качества жизни, критериев качества жизни, существенных сторон объективной и субъективной методики оценки качества жизни. Выделены основные подходы к оценке качества жизни, предложены ряд требований, которым должна отвечать современная методика оценки качества жизни.

This article considers the questions regarding the concept definition of the life quality, criteria of the life quality, the essential aspects of objective and subjective methods of the life quality appraisal. Also the basic approaches to the life quality appraisal are singled out, a number of requirements to which the modern methods of the life quality appraisal should meet is offered.

Опираясь на концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ, вероятно, в предстоящие десятилетия предстоит решить важную, стратегическую задачу – значительно повысить качество жизни населения, до уровня, достигнутого в настоящее время в развитых странах. Решение данной задачи во многом будет зависеть от того, какие изменения произойдут в социально-экономической политике государства, а также от успехов реализации комплексных социальных программ направленных на повышение показателей качества жизни. Дать качественную объективную оценку на пути повышения качества жизни населения, можно только на основе верно выстроенной системы показателей, созданной на основе ключевых критериев качества жизни.

Качество жизни, очень емкая и, вместе с тем, сложная социально-экономическая категория, требующая к себе комплексного и системного подхода, поэтому важным вопросом на сегодняшний день является построение точных, содержательных индикаторов, способных реагировать на малейшие изменения в общественной жизни.

По одному из определений качество жизни, представляет собой показатель общего благополучия человека, который является более широким, чем чисто материальная обеспеченность. Качество жизни может зависеть, например, от состояния здоровья, содержания решаемых проблем, свободы от стрессов и чрезмерной озабоченности, организованности досуга, уровня образования, доступа к культурному наследию. [1].

ВОЗ, например, дает несколько иное определение качества жизни. Под качеством жизни здесь понимается степень восприятия отдельными людьми или группами людей того, что их потребности удовлетворяются, а необходимые для достижения благополучия и самореализации возможности представляются. Из этого определения следует, что сущность качества жизни имеет преимущественно социально-психологическую природу. При этом суть “качества”

заключается в оценке человеком собственной удовлетворенности различными аспектами своей жизни, которые связаны с уровнем его запросов. Существует и несколько другое определение экспертов ВОЗ, качество жизни здесь, это индивидуальное соотношение целей человека в обществе, его планов и возможностей с положением индивида в жизни общества в контексте культуры и систем ценности этого общества”. Данное определение носит более урбанизированный и социальный характер понятия качества жизни [6].

Показатели качества жизни сегодня являются едва ли не главным в социально-экономической политике наиболее развитых странах мира, например, в Канаде, Великобритании и Швеции, поскольку через качество жизни, возможно, осуществлять интегральную оценку эффективности управления страной. Государственная работа по определению и реализации заданного качества жизни ведется через законодательное введение стандартов (индексов) качества жизни [1].

Процедура измерения качества жизни представляет собой непустое множество преобразований, поэтому и результаты измерения могут быть принципиально различными как с точки зрения количественной оценки, так и возможностей интерпретации произведенного измерения. Видимо по этой причине в различных литературных источниках предлагаются различные неформализованные методы оценки качества жизни [2]. Следует сказать, что сегодня в нашей стране существует утвержденная министерством социального развития система индикаторов качества жизни, имеющая легитимный характер, но, составляющие ее критерии - это лишь часть показателей позволяющих изучить уровень жизни, материальное обеспечение, уровень образования, здоровье. Качество жизни это еще и субъективная оценка, удовлетворение от жизни, психоморальное состояние населения, поэтому отсутствие в существующих методиках оценки системности, всеохватывающего, разностороннего характера, делает их не информативными, грубыми и весьма условными.

Возвращаясь к вопросу критериев качества жизни, необходимо отметить, что любая система показателей и индикаторов качества жизни должна быть выстроена на правильно сбалансированной группе критериев, которые в последствие и будут определять направления оценочных показателей, их специфику и индивидуальный характер. По мнению многих экспертов, качество жизни нетождественно уровню жизни, включая и наиболее изощренные виды его определения, например, жизненные стандарты, поскольку различные экономические показатели дохода выступают только одним из многих (по нашему мнению, не менее 6-ти), критериев качества жизни (рисунок 1).

Рисунок 1. Составляющие элементы критериев качества жизни

Каждый из критериев является важной составляющей в оценке качества жизни, поэтому целостная оценка такой емкой категории как качество жизни бывает затруднительна, поскольку расстановка приоритетов должна происходить более чем деликатно. Бывает, что при расчете средних или интегральных показателей, авторы самостоятельно ставят акценты над существующими критериями, что придает этой оценке субъективный характер. Следовательно, одним из главных аспектов оценки качества жизни должно выступать жизнеощущение людей, личное восприятие существующих условий. И этому должно уделяться более внимательное отношение, поскольку объем ВВП на душу населения, объемы потребления, оказание услуг и мн. др. показатели, не могут оценить психическое, моральное, духовное состояние человека, как это можно сделать с помощью опроса, обследования, анкетирования и других видов наблюдений. Так, например, показатель «Объем ВВП на душу населения», который является основным показателем качества жизни в статистике ООН, не учитывает, что непосредственно человеку (на которого производится расчет) с этой доли произведенных благ приходится лишь часть, остальная может быть размещена в зарубежных банках, инвестирована в иностранные экономики. Или, например, показатель ожидаемой продолжительности жизни, по нашему мнению, весьма условен, поскольку большая часть населения гибнет от техногенных факторов имеющих случайный характер. Следовательно, продолжительность жизни не может объективно оценить качество жизнеобеспечивающих услуг, такой же пример можно привести и касаясь индикатора образования, который может иметь высокие оценки, но в стране при этом, невостребованность специалистов и высокий уровень безработицы, что делает высокий уровень образования бесполезным.

В настоящее время существует два основных подхода оценки качества жизни: объективистский и субъективистский. Представители объективизма акцентируют свое внимание на исследовании реальных обстоятельств существования человека, изучение условий его жизни: общественно-экономических, естественно-географических, индивидуально-мотивационных. Сторонники субъективизма, анализируя качество жизни, обращаются к состоянию внутреннего мира субъекта, к степени удовлетворения инди-

видуальных потребностей, к субъективным оценкам жизни и отдельных сторон личного бытия [2]. Данные подходы в свою очередь, по нашему мнению, классифицируются на более узкие группы теорий оценки качества жизни.

Основная трудность при измерении качества жизни состоит в разнородности его показателей. Оценка большинства объективных индикаторов качества жизни не вызывает больших трудностей, связанных с расчетом и интерпретацией полученных результатов. Зачастую методики расчета объективных показателей, их градация, достаточно просты и четко регламентированы, чего нельзя сказать про субъективную оценку. В субъективном анализе проблемы возникают при оценке ощущений человека, уровня его удовлетворенности от жизни. Эксперты здесь используют несколько другие оценочные критерии, в частности номинальные и ранговые шкалы, при этом, возникают определенные трудности связанные с интерпретацией полученных результатов, точностью передачи существенных изменений и отличий. Чаще всего субъективные и объективные критерии, объединяются в единую интегральную систему критериев качества жизни, позволяющую произвести многостороннюю оценку, раскрывающую все стороны сложной категории качества жизни.

Данные обстоятельства невольно приводят к выводу о том, что критерии, а вместе с тем и индикаторы оценки качества жизни, по нашему мнению должны отвечать ряду требований:

- должны отражать самые важные социальные параметры, имеющие интегральное значение для общества и отражающие его собственное ощущение себя благополучным или неблагополучным;
- однозначно восприниматься любым человеком, объединяя всех единым пониманием;
- иметь достаточную чувствительность и способность быстрого реагирования на факторы, изменяющие условия жизнедеятельности;
- обладать доступными для стандартного измерения количественными характеристиками, обеспечивающими возможность сравнительной оценки и слежения за динамикой.

Проблема несовершенства методик оценки качества жизни усложняется сегодня тем, что одновременно суще-

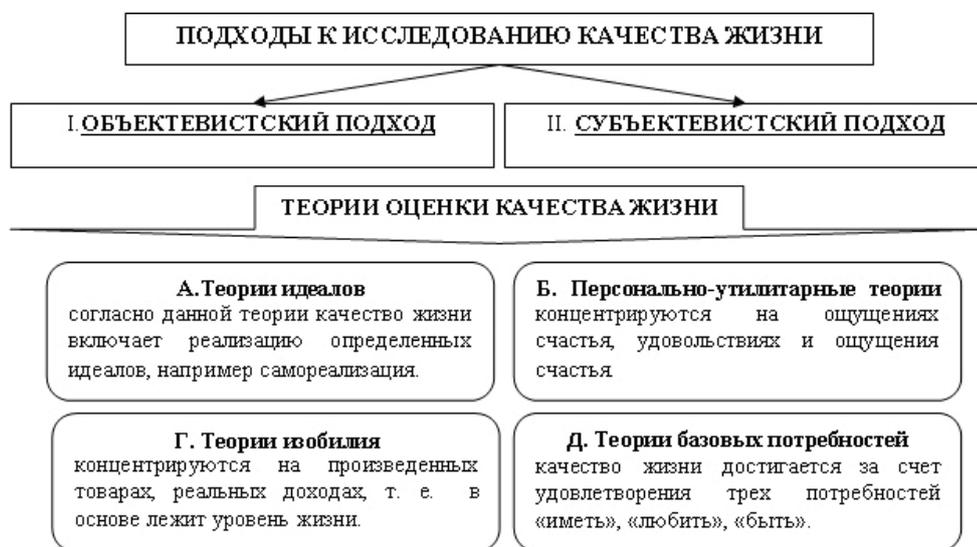

Рисунок 2. Подходы к исследованию качества жизни

ствует множество различных подходов к его определению. Это доказывает тот факт, согласно которому понятие качества жизни постоянно даются новые трактовки, оно эволюционирует, наполняется все новым содержанием. Поэтому важно осознавать - качество жизни очень емкое, многостороннее понятие, требующие более тщательное изучение, интегральную оценку, чтобы результат данных исследований позволили придать социальной политике государства эластичность, многосторонний характер, чувствительность и своевременность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ионова, Т., Новик А. Оценка качества жизни в паллиативной медицине /Ионова, Т., Новик А. // «Медицинская панорама». – 2003. - № 3

2. Материалы интернет-сайта Критерии качества жизни: философский и экономический аспекты Т.О Бажутина, Е.А. Бодрякова - <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/315/image/315-137.pdf>

3. Павленко, Ю. Показатели качества трудовой жизни: принципы построения системы / Павленко, Ю. // Человек и труд. – 2010. - №9. – С.23

5. Попов, С.И. Проблема «качества жизни» в современной идеологической борьбе / Попов, С.И. - Москва.: Изд-во Политиздат, 1977.

6. Ранге, Ф. условия жизни в России / Ранге, Ф. // Социологические исследования. – 2000. - №3

7. Спиридонов, С.П. Институциональные индикаторы качества жизни: монография / С.П. Спиридонов, Е.В. Нижегородов, Б.И. Герасимов; под науч. ред. д-ра экон. Наук, д-ра техн. Наук, профессора Б.И. Герасимова. – Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 136с.

ОПЫТ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА СЕЛЕ
(НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Романова А.А.,
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра прикладных экономических дисциплин,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: Земство, социальные расходы, социальная сфера, учреждение мелкого кредита, качество жизни населения

Key words: Zemstvo, social expenditures, social sphere, small credit institution, quality of life

Аннотация. В статье рассматривается механизм финансирования мероприятий, направленных на повышение качества жизни сельского населения, сложившийся в России к началу Первой мировой войны, определяются особенности взаимодействия земств и учреждений мелкого кредита. В работе подчеркивается значимость дореволюционного опыта для разработки региональных программ устойчивого развития сельских территорий в современных условиях.

The present paper is devoted to a mechanism for financing activities aimed at improving the quality of life of the rural population, established in Russia by the beginning of World War I, defines the characteristics of the interaction between zemstvos and small credit institutions. The highlighted the importance of the pre-revolutionary experience for developing regional programmes for sustainable development of rural territories in present-day conditions.

Качество жизни населения во многом определяется уровнем развития медицины, образования, социальной защиты и условий труда. От объема и структуры бюджетных расходов на эти цели, способности государства и местного самоуправления привлечь дополнительные финансовые ресурсы зависит перспективы развития территории. Именно поэтому изучение опыта дореволюционных «союзов местного самоуправления»- земств - в развитии социальной сферы представляется по-прежнему актуальным.

Качество жизни формируется, прежде всего, условиями жизни, труда и удовлетворением культурных потребностей населения. Следует отметить, что понятие «культурные потребности населения» в начале XX века трактовалось достаточно широко. Под этим термином понималось «распространение народного просвещения, попечение о народном здравии и общественном призрении, содействие сельскому хозяйству, промышленности, торговле и развитие путей и средств сообщения».[1]

На средства земств содержались не только церковно-приходские и профессиональные школы, богадельни, сиротские дома, губернские и уездные больницы, но и финансировались «устройство и содержание путей сообщения», «мероприятия по улучшению производства в сельском хозяйстве», поддерживались агрономы и сельскохозяйствен-

ные советы, ветеринарные лечебницы и амбулатории.

Большинство расходов покрывалось за счет «собственных специальных средств», доходов от имуществ, сумм из губернского земского и уездного земского сборов, а также пособий от казны. Земские сметы расходов и доходов составлялись губернскими и уездными управами и утверждались губернскими и уездными собраниями. Распределение расходных полномочий зависело от губернского собрания, и то, что в одних губерниях Российской империи относилось к полномочиям уездных учреждений, в других могло поддерживаться за счет губернских земств или совместного финансирования.

В 1913 году в структуре всех земских расходов Орловской губернии преобладали расходы уездных земств, их доля составляла 77,1%. В то же время такая статья расходов на социальные нужды, как «общественное призрение» финансировалась преимущественно Губернским земством (78,8%), а значительная доля расходов на народное образование и медицину осуществлялась за счет уездных земств (99,1% и 73% соответственно). (См. табл. 1)

Структура земских расходов в Орловской губернии в то время не отличалась существенно от средней по сорока земским губерниям. Так, доля расходов на образование составляла 31,1% всех расходов земств Орловской губернии. В структуре расходов на народное образование существенную долю составляли статьи «содержание земских школ» и «постройка и ремонт школьных зданий»- 56,2% и 28,1% соответственно.

Несмотря на то, что «попечение о народном образовании и здравии» входило в состав необязательной части земского бюджета, их финансирование составляло 57,2% всех расходов земств Орловской губернии. В расходах по статье «Медицинская часть» преобладало «содержание лечебных заведений»: губернских и уездных больниц, сельских лечебниц и амбулаторных пунктов (45,8%), а также оплата труда врачей, фельдшеров, акушерок и оспопрививателей (18,1%) и покупка медикаментов (12,8%).

Расходы «по заведыванию делами общественного призрения» принадлежали к обязательным земским повинностям, финансировались в первую очередь и составляли приблизительно 3% от всех расходов земств губернии. Зна-

Наименование расходов	Орловское Губернское земство		Все уездные земства без учета Губернского земства		Все земства губернии	
	В тыс. руб.	В %	В тыс. руб.	В %	В тыс. руб.	В %
1. Народное образование	13,5	0,9	1503,1	99,1	1516,6	100
2. Медицинская часть	344,3	27	929,5	73	1273,8	100
3. Общественное призрение	112,7	78,8	30,3	21,2	143,0	100

Таблица 1. Расходы земств Орловской губернии на социальные нужды в 1913 году [2]

чительная их часть (88,1 тыс. руб.) приходилась на содержание отделения для подкинутых детей, финансируемого за счет Губернского Земства. Земства регулярно выплачивали пособия благотворительным обществам и учреждениям, а также членские взносы в эти общества; в 1913 г. их сумма составила 23,8 тыс. руб.

Финансирование мероприятий, направленных на улучшение качества жизни, не ограничивалось только расходами на здравоохранение, образование и общественное призрение. В Орловской губернии значительные средства направлялись на повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Так, за счет специального кредита из казны, полученного Губернским земством, в течение 1913 года во всех уездах губернии было поддержано 130 уже имеющихся показательных полей, заложено 34 новых поля и 1866 показательных участков. Кроме того, тогда же было устроено 47 станций проката сельскохозяйственных машин и орудий, а также 41 зерноочистительный пункт, где было очищено более 200 тысяч пудов крестьянского зерна.

Следует подчеркнуть, что земства уделяли особое внимание борьбе с эпизоотиями, оплачивая содержание ветеринарных врачей и фельдшеров. Доля расходов на ветеринарию в Орловской губернии составляла 2,8%, и для населения, занятого в сельском хозяйстве, возможность доступа к современной ветеринарной помощи имела огромное значение. Благодаря средствам земств создавалась эффективная система защиты от болезней скота. Так, по статье «общие меры по организации ветеринарной части» за счет губернского земства финансировалось содержание бактериологической станции. (См. табл.2)

Таблица 2. Расходы земств Орловской губернии на финансирование ветеринарной части в 1913 году, тысяч рублей [2]

Наименование расходов	Орловское Губернское земство	Все уездные земства без учета Губернского земства	Все земства губернии
1. Содержание ветеринарных врачей и фельдшеров	4,8	60,7	65,5
2. Разъездные деньги тем же лицам	2,8	15,5	18,3
3. Содержание ветеринарных лечебниц и амбулаторий	-	13	13
4. Медикаменты и инструменты	1	14,6	15,6
5. Общие меры по организации ветеринарной части	10,4	2,2	12,6
6. Меры против болезней скота	7,5	0,9	8,4
7. Прочие расходы	2,4	1,7	4,1
Итого:	28,9	108,6	137,5

Финансирование социальной сферы не ограничивалось средствами земств. Сотрудничество с учреждениями мелкого кредита, поддерживаемыми и Государственным Банком, и земствами, может служить примером успешного взаимодействия органов местного самоуправления и част-

ной инициативы, направленной на улучшение качества жизни сельского населения. В первую очередь, учреждения мелкого кредита служили важнейшим инструментом модернизации сельскохозяйственного производства.

Так, в мае 1913 года на Съезде представителей учреждений мелкого кредита в г. Орле Председатель Губернской Земской управы С.Н. Маслов подчеркивал, что и земства, и учреждения мелкого кредита призваны служить интересам местного населения. К этому моменту Губернское Земство уже помогло «облегчить задачу снабжения членов кредитных товариществ сельскохозяйственными машинами и орудиями», а также «привлекло некоторое число товариществ к выдаче за счет земства ссуд на развитие травосеяния». [3]

Благодаря договору с Земством о комиссионной продаже инвентаря через кредитные товарищества, заключенному в 1908 г. на Съезде представителей мелкого кредита, к 1913 году более половины из 192 действующих в губернии учреждений мелкого кредита вели подобные посреднические операции, объем которых за это время составил 486 тысяч рублей. Таким образом реализовывалось «много инвентаря крупного: жаток, косилок, сеялок, молотильных машин, культиваторов и т.д.» Только в 1911-1912 гг. на эти цели кредитные товарищества губернии предоставили своим членам займов на 270 тысяч рублей, большая часть которых была направлена на приобретение улучшенного инвентаря.

Учреждения мелкого кредита предоставляли крестьянам ссуды на аренду земли и приобретение ее в собственность, покупку скота, на уплату повинностей и другие расходы, связанные с ведением хозяйства. Особой поддержкой пользовались единоличные хозяйства. В 1913 году 943 домохозяйства получили ссуды на улучшение хозяйства и простейшие виды мелиорации на сумму 133752 руб. (по 142 рубля на одного заемщика). [4] Кроме того, при участии земств единоличные землевладельцы могли приобрести цементно-песчаную черепицу в счет специального кредита на эти цели. Только в 1913 году в Орловской губернии таким образом было возведено 146 огнестойких постройки.

Земства стимулировали развитие новых, перспективных направлений растениеводства в крестьянских хозяйствах. Так, в 1913 году крестьянам на льготных условиях было предоставлено свыше 15 тысяч фруктовых саженцев, некоторые земства продавали и семена огородных растений. Для обучения селян новым технологиям земледелия устраивались сельскохозяйственные курсы, чтения и беседы, где слушателей снабжали специальной литературой.

В Орловской губернии доля земских расходов на «содействие экономическому благосостоянию» была выше, чем в среднем по земским губерниям, и составляла 10,4% всех расходов. Отметим, что преобладающая часть финансирования по этой статье направлялась на поддержку сельского хозяйства: пособия сельскохозяйственным и ученым обществам и учреждениям, мероприятия «по улучшению естественных условий сельскохозяйственной деятельности» и «по улучшению условий сбыта сельскохозяйственных продуктов» и т.д.

В то же время сотрудничество учреждений мелкого кредита и земств не ограничивалось только улучшением условий труда. Земства поддерживали и частную инициативу в сфере просвещения и культуры. Так, культурно-просвети-

тельная деятельность кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, например, создание Народных домов, могла осуществляться с привлечением финансовых ресурсов земств.

В этих «центрах общественной жизни и развития культурной самодеятельности местного населения» предполагалось проведение спектаклей, концертов, народных чтений, лекций и бесед, организация детских клубов, садов и яслей, библиотек и читален, воскресных и вечерних школ и курсов, общественных чайных и столовых. [5] Следует отметить, что планы развития Народных домов обсуждались в условиях военного времени наряду с вопросами поставок продовольствия в армию и организации ссыпки хлеба.

Резолюция Съезда Ливенского Союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ 5-го июля 1916 г. содержит отдельное решение о приобретении десяти передвижных кинематографических аппаратов «в целях доставления народу разумных развлечений». Так было признано, что кинематограф- «дело хорошее и полезное... сложное, но не убыточное». Проведение образовательных и развлекательных сеансов предполагалось в Народных домах.

К сожалению, не всем этим планам было суждено сбыться. Тем не менее, политика земств, направленная

на улучшение качества жизни населения, может служить примером реализации стратегии устойчивого развития сельских территорий. Очевидно, достижение этой цели немислимо без гармоничного развития социальной сферы, понимаемой в широком смысле, и без обеспечения улучшения условий жизни, труда и отдыха.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. С.Ю. Витте. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.- С.371
2. Сведения о доходах и расходах по земским сметам на 1913 г. по Орловской губернии. // ГАОО. Ф. 2. Оп.1. Ед. хр. 539.- 235 л.
3. Труды Съезда представителей учреждений мелкого кредита в г. Орле 15-17 мая 1913 г. Типография С.А. Зайцевой, Орел, 1913.
4. Отчет губернатора о состоянии Орловской губернии за 1913 г. и материалы к нему. // ГАОО. Ф. 580. Ст.2. Ед. хр. 4034.- 35 л.
5. Журнал экстренного собрания уполномоченных Ливенского Союза Кредитных и Ссудо-сберегательных товариществ 5. 07.1916 г.// ООБ. К 336-1. Ж-92 138 с.

ПОНЯТИЕ О ПРИЧАСТНОСТИ БОГУ В ПНЕВМАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ СЯГОГО ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ И ФОМЫ АКВИНСКОГО

Булыко И.П.,
кандидат богословских наук преподаватель,
Санкт-Петербургский Православный Институт Религиоведения и Церковных Искусств

Ключевые слова: паламизм, томизм, Богопознание, Нетварные Божественные Энергии, благодать, миссии Божественных Лиц, обожение, пневматологическая антропология
Key words: palamism, Thomism, God-knowing, Incrated Divine Energies, Grace, missions of the Divine Persons, deification, pneumatological anthropology

Аннотация. Святитель Григорий Палама и Фома Аквинский являются выдающимися богословами своего времени. Первый из них был представителем Восточной богословской традиции, другой представлял богословскую мысль Запада. И святитель Григорий, и Фома Аквинский признавали важную роль Святого Духа в жизни христианина. Святой Дух, согласно их учению, является тем Лицом, которое связывает человека с Богом-Троицей. Однако между ними существуют разногласия, которые касаются учения о Божественных Энергиях, об обожении, об образе присутствия Святого Духа в человеке, о Богопознании. Данные расхождения явились предметом споров, которые имели место в истории Христианской Церкви.

Saint Gregory Palamas and Thomas of Aquin are two considerable figures in the history of the Christian theological thought. Being the representatives of two different traditions – eastern and western – both of them aware the importance of the Holy Spirit in the life of the man. Each of them aware the truth that it is the Holy Spirit that makes the man His temple where the Three Divine Persons of the Holy Trinity abide making the man god according the grace. But there are some differences between them in the understanding the way in which the Holy Spirit fulfills His Saving action abiding in the man. Saint Gregory Palamas being defender of hesychasm in the eastern theological tradition teaches that through the Incrated Divine Grace that is given to us by the Holy Spirit. Due to it the Holy Spirit abides in us together with the other two Divine Persons. Thomas Aquinas being representative of the western theological thought that doesn't differ in the God Incrated Energies he says that the Holy Spirit together with the Father and the Son personally as hypostasis abide in the man and in this way the man knows God the Trinity

Святитель Григорий Палама известен как учитель Нетварных Божественных Энергий. Прояснение этого учения было его значительным вкладом в богословское развитие Восточной Православной Традиции. Тринитарные споры IV века определили Три Лица в единой Божественной природе. Богословие же Святого Григория связано с непостижимой Божественной сущностью и постижимой сущностной энергией. «Божественная Энергия неотделима от Божественной Сущности, она есть Сам Бог действующий.

Отличать Божественные энергии от сущности, не значит делить Бога, потому что одно и другое есть два образа одной и той же жизни Бога» [3, с. 56].

Божественные Энергии не сотворены, не созданы «из ничего», но они превечно изливаются из единой сущности Пресвятой Троицы. «Они - преизбыток Божественной природы, которая не может себя ограничить, которая больше своей сущности. Можно сказать, что энергии раскрывают нам некий образ бытия Пресвятой Троицы вне Ее неприступной сущности. Итак, мы узнаем: Бог существует одновременно и в Своей сущности, и вне Её» [3, с. 122]. Единая энергия обща Трём Божественным Лицам, поэтому есть всегда единство и общность Божественных действий. Нет трёх различных и отдельных Божественных энергий, которые нужно было бы отнести к каждому из Божественных Лиц, но есть только одна Божественная энергия, свойственная Трём Лицам Святой Троицы.

Различение сущности и энергии – отправная точка апофатического Богопознания. «Нам неведома Сущность Божия, но нам доступно опытное знание Божественного способа бытия. Мы можем говорить об этом способе, так как мы познаём Божественные Энергии» [13, с. 89]. Божественная энергия не может быть познаваема либо в самой себе, либо через Божественную сущность, но только посредством личности. Энергия, передаваемая от одной личности к другой, реальна. Но она не имеет своего собственного независимого бытия. «Нетварная энергия не может проявляться сама по себе, не может она проявляться посредством Божественной сущности, она может проявляться только посредством личности» [4, с. 210]. Все энергии происходят от Отца, сообщаясь Сыном во Святом Духе. Действие Святого Духа состоит в том, чтобы даровать Божественную Энергию. Святой Дух есть тот, кто дарует, и Он же даруется. Он присутствует в своём даре и Он передаёт свою собственную жизнь.

Проблема, которую ставит святитель Григорий Палама, заключается в причастности посредством благодати самой Божественной природе, обитании в нас Трёх Божественных Лиц, в непосредственном видении Бога, как Он есть. Взгляд святителя Григория Паламы состоит не в том, что Святой Дух даёт Нетварную Энергию, вместо дарования Себя, но в том, что Он дарует Себя, даруя Нетварную

Энергию. Согласно учению святого Григория Паламы, Божественной сущности в некоторой степени можно быть причастным, но в строгом смысле она абсолютно несообщима. Она может сообщаться только через Нетварные Божественные Энергии. «Только причастность Божественным энергиям, общим Трём ипостасям, позволяет точно выразить эту причастность» [5, с. 246].

Фаворский свет считается святым Григорием Паламой главным Божественным действием. Быть причастным Фаворскому свету – значит быть таинственным образом причастным источнику, нераздельным излучением которого она является, и который через своего посредника снисходит к нам. Таков дар и присутствие Святого Духа в нас. «Только те, кто причастен этому сверхъестественному и Требожественному свету, могут быть причастны обоживающей благодати, и через этот свет быть соединёнными с Богом. Все другие вещи являются результатом творческих действий, они произведены благодатью, но они не просвещены благодатью, которая есть тайна Божественного просвещения» [15, с. 195].

Концепция Фомы Аквинского о причастности человека Богу состоит в следующем. Бог присутствует во всякой вещи своим творческим действием, своей сущностью и своей силой. В человеке Бог присутствует таким же образом. Но это присутствие в разумной твари может принимать новый характер – присутствия обитания. Он присутствует как познаваемый в познающем и как любимый в любящем. Этот образ присутствия Бога предполагает изменение в творении, принцип нового отношения, в виду которого творение имеет отношения с Богом, как владелец и объект, который становится собственностью человека и предметом его наслаждения.

Фома Аквинский говорит о «хабитульной» благодати, когда касается вопроса об обитании Бога в душе праведных. Эта благодать, согласно Фоме Аквинскому, носит тварный характер. Она делает человека способным к получению Божественного Лица. Через неё человек обитает в Боге, и Бог обитает в нём. Тварные дары должны придти прежде, чем это сделает Божественные Лица, поскольку они приготавливают нас к приятию Божественного Лица. Нетварная Благодать, под которой Фома подразумевает Личность Святого Духа, привлекает тварную освящающую благодать, которая и приготавливает душу к приятию Божественного Лица. Когда Святой Дух приходит для того, чтобы обитать в нас, через эти дары мы соединяемся с Ним.

Фома считает, что учение о том, что Святой Дух не даётся, а даётся только Его дар, ошибкой. По мнению Фомы, с личностью можно иметь отношения только посредством личности [8, с. 78]. Этот персонализм является в богословии Фомы Аквинского следствием отсутствия различия между Непостижимой Сущностью и Нетварной Божественной Энергией. Сущность и Энергия (действие) у него отождествляются. А поэтому о Святом Духе Фома вынужден говорить как о Нетварной Благодати, которую человек получает вместе с тварной Благодатью, которая является неким приготовлением к получению Личности Святого Духа [8, с. 177].

С точки зрения православного богословия, неправомерно говорить о том, что Святой Дух есть Нетварная Благодать. Нетварная Благодать, согласно православному богословию, есть Нетварная Божественная Энергия, которая обща Трём Божественным Божественным Лицам. Она

не может отождествляться не с одним из Лиц, так же как мы не можем отождествлять ни одно из Лиц Святой Троицы с Божественной сущностью, ибо это бы означало обезличивание, принижение Божественного Лица. Мы можем лишь сказать, что Божественные Лица обладают полнотой Божественной сущности и полнотой Божественных Энергий. Но ни в коем случае мы не можем отождествлять Божественные Лица с ними.

Фома Аквинский говорит о том, что не только Благодать, но и Сама Личность Святого Духа обитает в нас. Для Фомы это является логическим выводом из его учения о том, что Святой Дух, будучи даром, любовью, которой любят друг друга Отец и Сын и которого Они друг другу даруют, посылается Ими в душу человека и обитает в ней лично. Однако данное учение является чуждым православному учению, которое говорит о том, что Бог соединяется с человеком посредством Своих Нетварных Божественных Энергий. Согласно данному учению, человек не может соединиться с Божественной Ипостасью непосредственно по следующей причине.

Божественная Ипостась содержит в себе Божественную природу во всей полноте. Природа обретает своё реальное существование в ипостаси. Если допустить, что Божественное Лицо может непосредственно соединиться с человеческой личностью, то нужно также допустить и то, что через эту личность соединяется с Божественной природой, которая непознаваема и несообщима, а это невозможно, поскольку, если бы человек мог соединиться с Божественной природой, тогда бы он стал самим Богом.

Фома рассматривает дары Святого Духа как тварные, тогда как святой Григорий Палама настаивает на том, что эти дары нетварны. Тварная благодать, согласно Фоме Аквинскому, есть необходимое следствие Нетварной благодати. Однако Фома говорит, что главные дары Святого Духа нетварны: Его собственная личность, к которой Он присоединяет нас, обитая в нас, и Нетварная природа Святой Троицы, к которой мы причастны, посредством обитания Святого Духа. Для Фомы Аквинского Личность Святого Духа есть Нетварный Дар, Нетварная Благодать.

Святитель Григорий Палама допускает, что дары Святого Духа включают тварные следствия дарований Святого Духа Нетварных Энергий, а не самих Энергий. Для святителя Григория Паламы нет различия между тварной и Нетварной благодатью, как у Фомы Аквинского. Для святителя Григория существует только одна Благодать, и она нетварна.

Бог обитает в разумных творениях, согласно учению Фомы Аквинского, благодаря миссиям Сына и Святого Духа. Только освящающая благодать как источник веры и любви, объясняет миссию Божественного Лица. Божественная миссия подразумевает две вещи: происхождение внутри Святой Троицы и новый образ присутствия. Посланная Личность происходит от того, кто её послал и присутствует новым образом в своей миссии. Поскольку Сын происходит от Отца, то и посылается только Им. Святой Дух, напротив, посылается от Отца и Сына, поскольку происходит от одного и другого. Что касается Отца, по причине своей несообщимости, Он никогда не посылается.

Обитание Святого Духа в разумной твари есть Его невидимая миссия. Если во время Пятидесятницы Святой Дух приходит в виде огненных языков, видимым образом, что есть Его видимая миссия, то в человека Он приходит вместе с Отцом и Сыном невидимым образом. Святой Дух,

согласно Фоме, дарует Себя нам ради причастности Божественной природе. Получая эту природу через присутствие в нас Лиц Святой Троицы, мы возрождаемся, становясь чадами Божиими.

Благодать реализует все условия истинного усыновления. Из рабов, каковыми мы были, мы становимся детьми Божиими. Бог сообщает нам новое бытие, новую жизнь, новую природу. Речь не идёт об усыновлении природном, подобно тому, как Второе Лицо является Сыном по природе. Мы не становимся «Богом», но мы становимся обожёнными через благодать, потому что реально и мистически мы причастны природе Самого Бога.

Фома утверждает, что начиная с этой жизни, во святых есть некое несовершенное начало будущего блаженства. Благодать Божия, в состоянии которой мы пребываем в настоящей жизни, есть жизнь вечная в зачатке. В будущем веке она будет в свершенном состоянии. Благодать есть обитание в нас будущей славы. Божественная Слава, которую мы чаем увидеть в будущем веке, в действительности не будет состоянием существенно отличным от состояния благодати. Она будет только апогеем того, к чему была устремлена вся наша жизнь. Но уже начиная с этой жизни, начинается наше обожение, и мы владеем Святым Духом как залогом нашего блаженства. Обожение, согласно Фоме Аквинскому, состоит в получении нами Самих Божественных Лиц: в присутствии Сына и Святого Духа, которые посылаются нам, и в присутствии Отца, Который обитает в сердцах Его детей, наряду с Сыном и Святым Духом, которых Он посылает.

Блаженство состоит в причастности жизни тем, Кто владеет в Себе этой блаженной жизнью. Этой блаженной жизнью владеют Три Божественные Лица. Следовательно, нужно быть причастными этим Божественным Лицам. Причастными Божественным Лицам мы можем быть лишь тогда, когда в нас будет обитать Святой Дух, вместе с которым будут обитать и Два других Лица. В благодати, так как и в славе, мы обладаем Святым Духом, но в благодати обладание несовершенное, а в славе это обладание – совершенное.

Блаженство праведники будут получать от блаженного видения. Согласно учению Фомы Аквинского, блаженное видение есть видение Бога лицом к лицу, когда душа знает Бога непрерывно, но таковым, каков Он есть, таким, как Он Сам Себя знает по природе. Божественная сущность непосредственно соединяется с тварным разумом блаженных на небе, чтобы быть вместе с ним совместным принципом блаженного видения. Наш разум соединяется с Божественной сущностью, просвещается Ей, и таким образом душа получает полное знание о Боге.

Учение о блаженном видении является логическим завершением учения о том, что Святой Дух как Личность обитает в душе человека. Святой Дух является залогом этого блаженного видения. Когда Святой Дух лично обитает в человеке, человек уже знает сущность Бога при его единстве со Святым Духом, так как Личность Святого Духа содержит эту сущность в полноте. Но пока человек пребывает в теле, эта сущность для него постижима лишь отчасти. Он видит её лишь через тусклое стекло, гадательно. Когда же он перейдёт за пределы этой жизни. Его разум будет созерцать сущность Божию.

Данное учение Фомы Аквинского совершенно противоречит православному учению о Богопознании. Фома Аквинский утверждает, что в будущем веке мы

сможем увидеть Сущность Бога. Сущность Бога совершенно непознаваема для человека и для ангелов. Мы её не можем познать ни в настоящем, ни в будущем веке. Познание сущности означало бы для человека равенство с Богом. Священное Писание говорит нам то, что мы увидим Бога Лицом к Лицу, но это вовсе не означает то, что мы постигнем Божественную Сущность. Мы увидим Бога, пребывающего в славе. Для нас более ясно откроется слава Божия, в которой пребывает Бог. Однако сущность Бога останется всё же для нас сокрытой.

Кроме того, противоречащим православному учению является та мысль, что душа, отделённая от тела будет видеть Бога. Из данной мысли следует, что тело совершенно не будет участвовать в будущем блаженстве. Православное учение подчёркивает ту мысль, что изначально человек был создан как единое целое, но через грехопадение вошла в мир смерть, которая и стала причиной того, что душа отделяется от тела. Обожение касается не только души, но и тела. Во второе и страшное пришествие Христово мы обретём эту целостность, когда мёртвые воскреснут в новом теле, а живые изменятся, также получив новое тело. В данном учении можно усмотреть влияние платонизма, который рассматривает тело и душу в отдельности.

Данное учение Фомы Аквинского является следствием неразличения Фомой Нетварной Божественной Энергии и Божественной Сущности. Такой вывод мог быть сделан вследствие рационализации тайны соединения человека с Богом. Данное учение делает акцент не столько на мистическом единстве человека и Бога, но скорее на разумном постижении Бога.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1997
2. Св. Василий Великий Слово 3 о Святом Духе// Творения. СПб. 1917
3. Св. Григорий Палама Триады М., 1996
4. Булыко И.П. Сравнительный анализ пневматологической антропологии Святого Григория Паламы и Фомы Аквинского// Вестник Орловского Государственного Университета, № 4, 2011, С. 210-217
5. Евдокимов П. Православие. М., 2004
6. Киприан (Керн), архим. Антропология святителя Григория Паламы. М. 1997
7. Лосский В.Н. Очерки мистического богословия. М., 1997
8. Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. М., 2005
9. Saint Thomas d'Aquin Somme de la théologie. Paris 1999
10. Hussy E. M, The structure of the Person-Energy in the theology of Gregory Palama//Saint Vladimir's quarterly. NewYork. 1997, № 7, P. 78-91
11. Journet C. La grace divine. Freiburg, 1998
12. Journet Ch. Tomisme et Palamisme// Revue Tomiste, 1961, № 4, P. 67
13. Jugie M. Gregoire Palamas // Dictionnaire de la Théologie Catholique. t. XI, col. 1735-1776
14. Lison J. La pneumatologie de Gregoire Palamas. Louvaine, 2006
15. Phillips G. De L'habitation de Saint Trinite dans l'ames des just. Paris. 1998
16. Poprotsky H. Le promesse du Père . Paris. 2006

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РИТУАЛЬНОЙ ЖЕНСКОЙ НЕЧИСТОТЕ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Дмитриев Д.В.,
Бакалавр теологии, Диакон Русской Православной Церкви,
Храм Богоявления на Гутуевском острове

Ключевые слова: Церковь, грех, осквернение, ритуальная женская нечистота
Key words: Church, sin, violation, Ritual Impurity

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как понимается проблема ритуальной женской нечистоты в Русской Православной Церкви. В начале статьи делается небольшой исторический экскурс в прошлое, после чего, анализируется современное понимание этого вопроса, где приводятся различные, зачастую полярные друг другу мнения современных богословов и церковных публицистов (в том числе известного церковного автора диакона Андрея Кураева и инокини Вассы Лариной). Автор статьи условно разделяет эти мнения на три большие группы: консервативные, умеренные и либеральные, последовательно воспроизводя аргументацию каждого из них.

The report considers the question of understanding of Ritual Impurity in Russian Orthodox Church. The article begins with a short historical excursus to the past with further analysis of modern understanding of this question with quotes, often polar to each other, from modern theologians and church publicist (including the famous church author deacon Andrey Kuraev and sister Vassa Larina). The author of the article conditionally divides these opinions into three big groups: conservative, moderate, and liberal with consistent argumentation for each of them.

Сколько существует христианство, столько же ведется дискуссия, какова в нем роль женщины, имеет ли она права равные мужскими, и если не имеет то почему. Одним из наиболее спорных вопросов этой полемики является вопрос о так называемой «ритуальной женской нечистоте» т.е. определенном цикле дней, во время которого женщина считается онтологически «нечистой» и недостойной каких бы то ни было контактов с сакральной религиозной сферы. Такие взгляды на женщину присутствовали еще в Ветхом Завете. Самые ранние библейские свидетельства о ритуальных ограничениях для женщин во время месячного цикла мы находим в книге Левит 15:19-33. Согласно Левиту, не только менструирующая женщина была нечистой – любой человек, коснувшийся ее, также становился нечистым (Левит 15:24), приобретая некоторого рода нечистоту через прикосновение. В последующих главах Левита (17-26), сексуальные отношения с женой в это время были строго воспрещены. Считалось, что и деторождение, подобно менструации, также сообщает нечистоту, и на родившую женщину налагались похожие ограничения (Левит 12).

Евреи были далеко не единственными в древнем мире, кто вводил такие строгие предписания. Языческие культы также включали запреты, связанные с заботой о «ритуальной чистоте»: считалось, что менструация оскверняет и делает языческих жриц неспособными осуществлять свои культовые обязанности в храмах [Fehrlé 1910: 95], священнослужителям следовало избегать менструирующих женщин любой ценой под страхом осквернения [Там же 29], считалось, что рождение ребенка оскверняет не меньше. Тем не менее, древние евреи были особым случаем.

Кроме своего исключительного гнушения кровью (Левит 15: 1-18), древние евреи придерживались верования в опасность женского кровотечения, которое постепенно утверждалось, и еще более укрепились в позднем иудаизме: Мишна, Тосефта и Талмуд еще более подробны по этому поводу, чем Библия. [См. Neusner, 1937.]

Подобные представления присутствовали и на Руси. Задолго до принятия христианства понятие «ритуальной нечистоты» было известно славянам-язычникам. Как пишет исследовательница Ив Левин: «Славяне-язычники, как и древние язычники в целом, полагали, что любое проявление сексуальности ритуально оскверняет» [Levin 1989: 46]. Это поверие осталось по сути неизменным в Древней Руси и после ее Крещения. Как отмечает та же исследовательница: «христианство усилило и узаконило, представляя для многих первобытных обществ, о том, что менструальное и послеродовое кровотечение делает женщину ритуально нечистой» [Левин 2004: 66]. Основная традиция православных канонических правил предписывает 40 – дневный период сексуального воздержания. Одно из предписаний того времени гласит следующее: «Аще коя жена дитя родит, не сосокуплятися с нею мужу 40 днем. Аще же нетерпелив, то 12 днем оудержатися» [Смирнов 1912: 59,61, 64]. Пары, которые нарушили самый короткий предписанный срок, попадали под епитимию, хотя наказание было относительно легким – 6 дней отказа от Церкви и Таинства Причастия. Кроме того, каноническое право запрещало мужу и жене спать вместе, когда у нее были месячные, и наказания за нарушение были строгими, так как менструация показывала, что женщине не удалось забеременеть, а следовательно, по понятиям того времени – Бог считает ее недостойной зачать дитя. Рождение же ребенка, наоборот, свидетельствовало о женском достоинстве т.к. она не занималась сексом без цели. Поэтому для нее и для ее мужа не было большим проступком вступить в супружеские отношения до того, как прошел предписанный период очищения. Существовали строгие запреты и на виды контактов с роженицей. В то время верили в то, что рождение ребенка оскверняет во – первых, женщину, во – вторых – ребенка, в третьих присутствующих и в помещении, в котором произошли роды. Считалось, что все должно быть очищено до того, как люди смогут вернуться к повседневному существованию. Средневековые русские церковные тексты включили целый ряд тщательно разработанных ритуалов для этой цели. Православные канонические правила, воспроизведенные в русских рукописях без каких – либо отклонений, запрещали молодой матери посещать храм и участвовать в церковных ритуалах, например, целовать Евангелие до сорокового дня. Этот запрет не отменялся даже во время Пасхи, когда причастие предписывалось и тем людям, которые в обычное время были лишены его в качестве наказания [Смирнов 1912: 148]. Помимо всего прочего русские правила включали

дополнительный запрет: никому не разрешалось есть с женщиной до ее очищения [Там же: 119].

Люди, которые присутствовали при родах, даже если они никак в этом не участвовали, становились в результате нечистыми. Согласно одной версии церковного правила, женщине, которая пришла просто посмотреть на роды, не разрешалось посещать церковь в течение 12, 15 или даже 20 дней. «Аще бо не призовут кую любо на се службы ради некия, - гласит правило, - да не ходит». Для повивальных бабок же подобное правило предполагало сокращение епитимии до 8 дней. [Левин 2004:70] Таким образом, церковные правила отбивали всякую охоту обывателю смотреть без надобности на женские родовые муки.

Место, где происходили роды, также становилось нечистым. Согласно церковным правилам, никому не следовало три дня входить в помещение, пока его не помоют и не сотворят молитву [Левин 2004:71]. Даже священник, который пришел, чтобы исполнить этот ритуал, произносил очистительные молитвы перед дверьми до того как войти, чтобы очистить дом и окропить его освященной водой [Там же]. Были специальные молитвы для того, чтобы очистить церковь, если женщина или животное родят внутри ее. Так, например, в XII-ом веке в «Вопрошании Кирика» епископ Нифонт Новгородский объясняет, что если женщине случилось родить ребенка внутри церкви, церковь следовало опечатать на три дня, и затем пересвятить специальной молитвой. [Вопрошание Кирика : 34,46]. Даже жена царя, царица, должна была рожать за пределами своего жилища, в бане или «мыльне», чтобы не осквернять обитаемое здание. После того, как ребенок родится, никто не мог покинуть баню или войти в нее, пока не придет священник и не прочтет очистительную молитву из Требника. Только после прочтения этой молитвы отец мог войти и увидеть ребенка. [Забелин: 2-3] Как отмечает Успенский: «даже если женщины не были в состоянии «нечистоты», они принимали причастие не у Царских врат с мужчинами-мирянами, но у Северных врат».[Успенский М. 1998: 145 – 146. Прим. 3 и 5].

Сейчас, описываемая выше Успенским ситуация несколько изменилась и женщины причащаются в церквях вместе с мужчинами у самих Царских Врат, однако взгляд на «ритуальную нечистоту» женщины со времен эпохи средневековой Руси остался в основном тем же. Большинство современных православных священников, уважая, хотя и часто не понимая логики таких запретов, все же не рекомендуют причащаться женщине во время месячных. Хотя, наряду с таким консервативным мнением по этому вопросу во всем православном мире появились и другие. Прежде всего, здесь следует упомянуть об умеренной позиции, согласно которой женщина, несмотря на пребывание в состоянии «нечистоты» может посещать храм и совершать может приходить в церковь, целовать иконы, пить святую воду и т.д. т.е. все кроме участия в Таинстве Причащения. Как отмечается в статье с характерным названием «Может ли женщина приходить в храм на молитву, целовать иконы и причащаться, когда она «нечиста» (во время месячных)?»: «Месячное очищение женщины не делает ее ритуально, молитвенно нечистой. Эта нечистота только физическая, телесная, равно как и выделения из других органов. Кроме того, поскольку современные гигиенические средства могут эффективно воспрепятствовать тому, чтобы случайным истечением

крови сделать храм нечистым... мы считаем, что и с этой стороны нет сомнения, что женщина во время месячного очищения, с необходимой осторожностью и предприняв гигиенические меры, может приходить в церковь, целовать иконы, принимать антидор и освященную воду, равно как и участвовать в пении. Причаститься в этом состоянии или некрещеная - креститься, она бы не могла. Но в смертельной болезни может и причаститься, и креститься» [Цит. по: Пархоменко.К. <http://azbyka.r>]. Однако, налицо непоследовательность такой позиции. Если женщина не является нечистой, то почему же ей нельзя причащаться?

Как отмечает исследователь Е.А. Болотова: «В наше время возрождения интереса к духовности религиозные проблемы вновь стали популярным объектом исследования практически во всех сферах гуманитарного знания». [Болотова : 65]. На волне возникшего интереса появились новые мнения по давно известным проблемным вопросам не только в среде гуманитариев и исследователей религии, но и среди самих священнослужителей. Поэтому, появилось третий ответ на вышеуказанный вопрос. Священники, разделяющие его, говорят, что все приведенные выше свидетельства представляют собой лишь историческую ценность, поскольку изменилось время, а - следовательно, гигиенические средства и теперь не следует обращать внимание ни на какие естественные процессы организма - оскверняет человека лишь грех и только грех. Как объясняет диакон Андрей Кураев: «Произошла гигиеническая революция. В былые века не было ни душа, ни нижнего белья. Кровавым же метам в храме никак не место». [Кураев <http://hram-veshniaki.ru>]. Радикальный же вывод относительно прежнего взгляда на «ритуальную нечистоту» делает игуменья Васса (Ларина): «Внимательное рассмотрение источников и природы понятия «ритуальной нечистоты» обнаруживает достаточно смущающее, и по сути нехристианское явление под маской православного благочестия. Независимо от того, попало ли это понятие в церковную практику под прямым влиянием иудаизма или язычества, оно не имеет обоснования в христианской антропологии и сотериологии».[Васса/ <http://www.pravmir.ru/>].

Итак, в заключении следует отметить следующее. На приходах Русской Православной Церкви существует 3 мнения по поводу трактовки проблемы «ритуальной нечистоты»: консервативный, умеренный и либеральный. Какое из них займет лидирующее положение – покажет время. В настоящий же момент данный вопрос решается на местах в зависимости от той или иной пастырской позиции приходского священника.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель 1989.
2. Болотова Е.А. Проблема «современного» измерения религии// Ученые записки Орловского государственного Университета. № 3 за 2009.
3. Васса (Ларина) игум. О ритуальной нечистоте: Что это и зачем?/ <http://www.pravmir.ru/>.
4. Вопрошание Кирика, Русская историческая библиотека VI СПб1900.
5. Забелин. И. Домашний быт русских царей в XVI I XVII столетиях (Москва 2000), том II.

6. Кураев А. Женщина в Церкви / <http://hram-veshnjaki.ru/index.php?option=com>.
7. Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. Изд – во Индик. М. 2004.
8. Пархоменко. К. свящ. О так называемой женской нечистоте/ http://azbyka.ru/parkhomenko/stati/genskaya_nechistota-all.shtml
9. Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М. 1912.
10. Успенский Б. Царь и патриарх М. 1998.
11. E. Fehrle, Die kultische Keuschheit im Altertum in Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten 6 (Gießen 1910).
12. E. Levin, Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs 900-1700 (Ithaca-London 1989)
13. J. Neusner, The Idea of Purity in Ancient Judaism (Leiden 1973).

НАУКА И РЕЛИГИЯ В БОГОСЛОВИИ Б. ЛОНЕРГАНА

Кириянов Д.В.,
кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и культурологии,
Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И.Менделеева,
Тобольская Православная духовная семинария

Ключевые слова: философия науки, богословие, эмпирический метод, дополнителность
Key words: philosophy of science, theology, complementarity, empirical method

Аннотация. Вопросы диалога научного и религиозного мировоззрений требуют специального философского и богословского осмысления, поскольку в современном мире наука и религия претендуют на целостное описание мироздания, и эти два описания могут как коррелировать между собой, так и входить в острое противоречие. В современной перспективе междисциплинарных подходов становится чрезвычайно актуальным вопрос об их правильном соотношении в мировоззрении современного человека. В данной статье проводится анализ подхода к диалогу науки и религии, предложенного канадским философом и богословом XX века Бернаром Лонерганом.

In the modern context questions about relationship between scientific religious worldviews require a special philosophical and theological reflection because today both science and religion claim to be complete description of the universe and in some aspects these two descriptions can be correlated with each other, but sometimes they enter into sharp conflict. In the contemporary perspective of interdisciplinary approaches there is necessity to construct productive dialogue and correct relationship between science and religion. This article analyzes the approach to the dialogue between science and religion proposed by XX-century Canadian philosopher and theologian Bernard Lonergan.

В современном диалоге науки и богословия стала общепринятой классификация моделей взаимодействия науки и религии, предложенная И. Барбуром.¹ Эти модели следующие: конфликт, интеграция, независимость и диалог. Сегодня все более очевидной становится необходимость осуществления конструктивного диалога между научными и религиозными сообществами, и осознание этой необходимости побуждает искать подходов, которые могли бы учитывать вклад обеих областей человеческого вопрошания в познание реальности. В этой связи интересно проанализировать подход к соотношению науки и богословия, предложенный выдающимся канадским философом и богословом XX века Б. Лонерганом.

Философско-богословский проект Б. Лонергана был нацелен на то, чтобы посредством изучения фундаментальных структур человеческого познания осуществить интеграцию всего человеческого знания. Лонерган убежден, что посредством тщательного исследования и анализа природы нашего познания мы можем преодолеть двойственность нашего познания. Для достижения этой цели необходимо продемонстрировать единство метода, лежащего в основании научного и философского познания. Этой цели были посвящены ключевые работы Б. Лонергана, такие как «Проникновение в суть: исследование человеческого познания» и «Метод в теологии»². Лонерган интересуется не частным содержанием научных теорий или выводов,

но структурными и динамическими свойствами эмпирического метода, который является иллюстрацией структуры и динамизма человеческого понимания. Он описывает общий метод вопрошания, который ученый использует в своем исследовании, общий метод мышления, который руководит развитием, использованием и применением всех специальных методов частных наук. Лонерган убежден, что посредством тщательного исследования и анализа природы нашего познания мы сможем достичь понимания, которое позволит нам преодолеть раздвоенность нашего познания.

Интерес Лонергана к эмпирической науке обусловлен тем, что эмпирический научный метод обеспечивает ясным и точными примерами различных видов деятельности, которые конституируют последовательные уровни когнитивного процесса. Так, переход от классической к современной физике наглядно демонстрирует природу познания, а также тот факт, что вера ученого укоренена не только в каком-либо частном научном выводе, но в достоверности самого научного метода. Лонерган стремится идти глубже эмпирического метода для того, чтобы прийти к пониманию понимания, к познанию человеческого познания. Лонерган убежден, что только посредством такого понимания и познания человеческого понимания и познания философия и богословие могут стать действительно современными и актуальными. Чтобы продемонстрировать единство и универсальность метода познания Лонерган начинает свое рассмотрение с выводов математики и эмпирических исследований. По мнению Лонергана математика и эмпирические науки предлагают человеку яснейшие, наиболее точные и наиболее успешные примеры, которые могут продемонстрировать универсальный метод человеческого познания. Другая причина того, что Лонерган проявлял особый интерес к математике и математической физике заключается в «важности перехода от старого механицизма к относительности и от старого детерминизма к статистическим законам»³. Лонерган отмечает, что эксперимент, который современная наука начала во время Галилея со «смещения научных принципов и философских утверждений», завершился в наши дни «их резким разделением»⁴. Следовательно, сегодня мы находимся перед лицом «двойственности» в нашем познании, очевидной дихотомии между весьма точными и успешными эмпирическими науками с одной стороны, и «подозрительной» формой философской мысли с другой. По мнению Лонергана, развитие физики в XX веке дает надежду на разрешение этой «двойственности», а анализ структуры и динамики человеческого познания даст философии способность «объединить и организовать все разделы человеческого познания, что в конечном итоге приведет к метафизике, которая объединяет и организует все, что известно»⁵. Переход от старой к новой фи-

зике в XX веке привел к необходимости единства научных принципов и философских утверждений, а также к отказу от наивного реализма и принятию критического реализма как доминирующей научной интерпретации реальности.

Лонерган проявляет большое доверие к научному методу, успешность которого была продемонстрирована развитием науки с начала эпохи нового времени. Он описывает результаты применения эмпирического научного метода как «кумулятивные и прогрессивные». Процесс научного познания кумулятивный, поскольку, по мере расширения наблюдаемых данных и появления новых открытий «новые гипотезы и теории выражают не только новые инсайты, но также все, что было верно в старой...»⁶. Они являются прогрессивными, поскольку ученые, несмотря на то, что их знание является неполным, убеждены, что теперь они, по крайней мере, немного ближе к истине, чем ранее. Лонерган выражает свое понимание эмпирического научного метода использованием метафоры движущегося вперед колеса, «Эмпирический метод является структурированным и образцовым, а действия, которые конституируют элементы этой образцовой активности постоянно обращаются, каждое действие зависит от всего, что произошло ранее. Но этот структурированный образец творчески движется к цели познания, вращаясь на оси вопрошания, непрерывного вопрошания, движимого любовью человеческого разума к познанию»⁷. Кроме того, этот метод является нормативным. Вопрошание, которое не соответствует этому образцу, не рассматривается как научное, сообщество ученых не примет никакое новое открытие, которое не сформулировано и не верифицировано в согласии с образом эмпирического научного метода.

Несмотря на успешность научной методологии, Лонерган в то же время подчеркивает фундаментальную ограниченность современного научного знания в противоположность классическому идеалу аристотелевской науки: «Греческая концепция ... рассматривала науку как истинное определенное знание причинной необходимости. Но современная наука не является истинной; она является только путем к истине. Она не определена, поскольку ее позитивные утверждения являются не более чем вероятными. Это не знание, но гипотеза, теория, система, лучшее из доступных научное мнение дня. Ее объект является не необходимой, но верифицируемой возможностью...»⁸ В то же время он подчеркивает, что, несмотря на успехи естествознания в познании внешнего мира, было бы неправильно абсолютизировать науку как единственный способ познания реальности. Экспериментальные результаты могут подтверждать или не подтверждать гипотезу, но они всегда продолжают оставаться неокончательными выводами, требующими постоянной перепроверки. Здесь невозможно говорить об абсолютной определенности; суждения являются более или менее вероятными, всегда остаются открытыми модификации посредством получения дальнейших данных, переосмысления, понимания и суждений. В случаях, когда экспериментальные результаты приводят ученого к мнению о неподтвержденности гипотезы, ученый модифицирует гипотезу, либо, в случаях, в которых гипотеза оценивается как полностью ошибочная, чтобы отвергнуть гипотезу и искать «нового открытия, новой гипотезы, новой дедукции, и новых экспериментов»⁹.

В контексте диалога науки и богословия важно подчеркнуть тот факт, что суждения эмпирической науки не

являются абсолютными или несомненными суждениями, но только вероятными. Таким образом, знание, получаемое посредством вероятного суждения в эмпирических науках, есть истинное знание, но, тем не менее, неполное знание, это не абсолютно несомненное понимание истины, но только приближение к ней. Вопросы, поднимаемые инсайтами, выражены в гипотезах; проверка гипотез поднимает дальнейшие вопросы, которые порождают дополнительные инсайты и более удовлетворительные гипотезы. Таким образом, процесс идет по расширяющимся кругам, затем начинает складываться согласованная система... Самокорректирующий процесс обучения является приближением к пределу»¹⁰.

Но даже в таких ситуациях в развивающейся науке могут возникать новые вопросы, новые способы рассмотрения старых данных, новые вопросы, которые провоцируют восприятие новых данных или побуждают ученого по новому посмотреть на значение старых данных: «Вопросы, поднимаемые при проверке старых гипотез, могут порождать новые наборы инсайтов, приводя к фундаментальному пересмотру в науке; старые гипотезы, законы и стандарты находятся недостаточными, а новые гипотезы, законы и стандарты требуют дальнейшей разработки»¹¹. Ученый может сказать, что хотя мы еще не понимаем истину полностью, по крайней мере, мы ближе к ней сейчас, чем раньше. Таким образом, кумулятивное и прогрессивное развитие научного знания определяет асимптотический подход к истине. Лонерган подчеркивает, что существуют низшие и высшие пределы прогресса науки: «Низший предел определен способностью воспринимать чувственные различия в данных. Высший предел определен неизменными структурами когнитивного процесса, который, как утверждает Лонерган, подразумевает предел изменения теоретических конструкций»¹².

Развитие физики в XX веке, по мнению Лонергана, продемонстрировало возможность устранения двойственности и разрыва между естествознанием с одной стороны и философией и богословием с другой. Рассматривая физические закономерности, Лонерган подчеркивает, что классические и статистические методы (эвристические структуры) являются параллельными и дополнительными по своей структуре. Кроме того, существует также дополнительность в самом познании. С точки зрения Лонергана дополнительность классических и статистических исследований существует на каждой из стадий или компонентов процесса вопрошания. «Дополнительность проявляется себя также в формах абстракции: классические законы рассматривают систематику в абстракции от несистематического, отношение вещей друг к другу в абстракции от их отношений к нашим чувствам; но статистические законы рассматривают систематическое как набор связей с несистематическим и они ограничены наблюдаемыми событиями, которые включают отношение к нашим чувствам. Дополнительность также проявляет себя по отношению к процедуре верификации: точное и полное знание классических законов не может успешно применяться к области статистических законов; а статистические исследования противопоставлены регулярными событиями, которые признают объяснения классического типа»¹³.

Но кроме дополнительности как способа познания, Лонерган также пытается показать, что классические и статистические исследования являются дополнительными,

поскольку они обращены к различным аспектам одной реальности¹⁴. Лонерган утверждает, что должно быть соответствие между познаваемым и познающим, и «как познаваемое достигается только через познание, структурные свойства одного являются связанными и отраженными в другом»¹⁵. Таким образом, динамическая структура эмпирического научного метода с необходимостью вовлекает «мировоззрение», предполагающее проявление дополнителности. Этот подход глубоко созвучен позиции Н. Бора. Он рассматривал дополнителность как наиболее фундаментальный принцип существования целого. По мнению Бора, мы являемся закованными в оковы наших способов познания и языка. Мы просто не имеем в нашем распоряжении инструментов, которые могут охватить всю реальность в одной картине или модели. Тем не менее Бор занял критическую позицию по отношению к кантовской концепции, что люди являются навсегда связанными априорными наблюдательными предпосылками и категориями понимания. Как отмечает Т. Каллио-Гамминен: «Даже если время, пространство и причинность являются естественными и неизбежными методами структурирования хаоса наблюдаемого материала, предлагаемого чувствами на макроскопическом уровне, исследование может, согласно Бору, определить границы использования этих фундаментальных понятий»¹⁶. В микрофизике мы получаем знание, которое не связано с повседневным языком или априорным пространственно-временным описанием. Подобное знание Кант рассматривал как полностью недоступное человеку. При интерпретации этого знания мы вынуждены использовать классический язык, поскольку не можем понять реальность посредством использования только концепций квантовой теории. По мнению Бора, «дополнителность обеспечивает достаточно широкими рамками для того, чтобы охватить рассмотрение фундаментальных закономерностей в природе, которые не могут быть охвачены рамками единого описания»¹⁷. Бор говорит о том, что в каждой ситуации мы связаны нашими способностями, языком и теориями, и мы исследуем мир через очки, которые это обеспечивают. Наши наблюдательные и коммуникационные способности и уровень знания, которыми мы обладаем, неизбежно оформляет картину реальности, которую мы получаем. Бор видел, что описание не может быть использовано как прямой мост от теории к независимой реальности. Каким бы ни был действительный характер атомного мира, он не был визуализируем с помощью классических моделей, которые требовали наблюдательного окружения, независимого от влияния наблюдателя.

Бор считал вполне возможным применение принципа дополнителности к областям, выходящим за рамки физики, например, к психологии. Он постулировал множество потенциально дополнительных наблюдаемых в макроскопической реальности, таких как любовь и справедливость или сознание и подсознание. Подобным образом рассматривали принцип дополнителности и другие основатели квантовой механики, такие как В. Гейзенберг и В. Паули. В частности, последний писал: «Физика и психология вновь показывают современному человеку старый контраст между количественным и качественным... Для нас... единственная приемлемая точка зрения заключается в том, чтобы признать обе стороны реальности – количественную и качественную, физическую и психическую – как совме-

стимые друг с другом, и доступные для одновременного понимания. ... Должно быть вполне удовлетворительным, если физика и психика могут рассматриваться как дополнительные аспекты одной и той же реальности»¹⁸.

Мировоззрение предполагает формирование некоторой философской и богословской позиции. В своей первой фазе богословие как мировоззренческая и систематическая наука использует метод, который является изоморфным со структурой эмпирического познания. Для Лонергана «богословие является посредником между культурной матрицей и значением и ролью религии в этой матрице»¹⁹. Если бы культура и религия были статичными, богословие также могло оставаться вечным и неизменным. Но поскольку культура изменяется, поэтому посредническая задача богословия должна осуществляться в непрерывном процессе. Лонерган формулирует метод, который использует богословие и посредством которого она может продолжать осуществлять свою посредническую роли по мере изменения культуры и религии. При рассмотрении этого метода Лонергана интересуют не столько объекты, которые рассматривают богословы или ученые, сколько когнитивные действия, которые совершают богословы и ученые. Именно поэтому Лонерган предлагает двигаться от конкретных наук или естествознания к «трансцендентальному методу», методу, который должен быть «основным образцом действий, используемых в каждом познавательном действии» от физики и химии до философии и богословия»²⁰. Каждая область науки должна развивать свои собственные «специальные классы и комбинации действий», но они должны быть проявлением универсальных когнитивных действий, нашедших выражение в методах частных наук.²¹ Таким образом, трансцендентальный метод является ключом к интеграции естественных и гуманитарных наук, включая богословие. Лонерган начинает объяснение своего метода следующим образом: «Прежде всего, мы должны обратиться к успешным наукам для того, чтобы сформировать предварительное представление о методе. Во-вторых, мы должны выйти за процедуры естественных наук к чему-то одновременно и более общему, и более фундаментальному, а именно, к процедурам человеческого разума. В-третьих, в процедурах человеческого разума мы будем различать трансцендентальный метод, то есть, основной образец действий, используемых в каждом когнитивном предприятии. В-четвертых, мы покажем пригодность трансцендентального метода в формулировке других, более специфических методов, присущих конкретным областям»²². Частным случаем трансцендентального метода Б. Лонергана является обобщенный эмпирический метод, который, согласно Лонергану, есть основной набор сознательных действий, вовлекаемых в основной образец, в котором эти действия раскрываются. Эти действия сознания являются универсальными для каждой из областей знания, и не зависят от их содержания. В этом смысле можно говорить об изоморфизме между богословским методом и обобщенным эмпирическим методом. В первой фазе богословский метод подобен научному и соответствует восходящему порядку богословия. Разумеется, это не означает, что богословие ограничивается восходящим порядком естественного богословия. Однако Лонерган постоянно подчеркивает этот методологический изоморфизм, который является основанием нового конструктивного взаимодействия науки и богословия. Трансцендентальный метод предлагает ключ

к построению единой науки: «Через самопознание, которое ведет от выявления основного нормативного образца повторяющихся и согласованных отношений когнитивного процесса становится возможным размышлять о будущем; будущем, в котором ученые в различных областях могут найти в трансцендентальном методе общие нормы, основания, систематики, и общие критические, диалектические и эвристические процедуры»²³.

В западной культуре, как указывает Лонерган, сформировались две макропарадигмы – средневековая парадигма, укорененная в религии, и современная парадигма, укорененная в науке. Раскол между двумя этими парадигмами привел к возникновению современного духовно-нравственного кризиса, преодоление которого возможно только при условии формирования новой парадигмы, включающей в себя средневековую богословскую парадигму в форме вертикального горизонта, а парадигму современной науки в форме горизонтального. Горизонты являются частью наших интересов и нашего знания и являются плодотворным источником дальнейшего развития знания и ценностей. Лонерган подчеркивает, что в своем поиске наука переходит от повседневного смысла к теории, и сегодня стоит на пороге трансцендентности. Однако для того, чтобы осуществить синтез и преодолеть дробность человеческого знания, необходима самотрансцендентность. Самотрансцендентность предполагает наличие у исследователя устойчивой когнитивной установки: быть внимательным, разумным, рассудительным, ответственным. Самотрансцендентность выражается в настойчивом стремлении человека к познанию истины: «В той степени, в какой субъект аутентичен, в какой он дает свободу господствовать в нем чистому желанию знать, в такой степени истина осуществима. Аутентичная субъективность зависит от когнитивной верности субъекта требованиям отстраненного и незаинтересованного желания познавать, трансцендентальным императивам»²⁴.

Лонерган подчеркивает, что не следует отстаивать разум ценой веры или напротив веру ценой разума, необходимо попытаться построить синтез, который объединяет два порядка истины. Особенно значимым соединением двух порядков знания является для понимания человека и его места в мире: «Поскольку науки рассматривают человека в его конкретном совершенстве, и это совершенство есть не только проявление человеческой природы, но также человеческого греха, не только природы и греха, но также де факто необходимости в божественной благодати, не только необходимости благодати, но также ее принятия или отвержения. Следовательно, эмпирическая наука о человеке не может достичь полного понимания человека без апелляции к богословию. И наоборот, если богословие является главной наукой не только по праву, но и по факту, тогда богословы должны иметь профессиональный интерес к наукам о человеке и вносить позитивный вклад в их методологию»²⁵.

Богословие обладает двойственным отношением к эмпирической науке. С одной стороны, она относится к ученому как ученому, поскольку он не ограничен в стремлении понять правильно свою собственную область исследований. С другой стороны, богословие имеет отношение

к возможности корректной интерпретации результатов эмпирической науки. Даже в своем максимальном развитии наука как результат человеческих усилий может предположить не абсолютное понимание присущего ей аспекта человеческой деятельности, но только меру понимания, возможную с научной точки зрения. Наука сама по себе не может разрешить фундаментальных онтологических и моральных проблем существования, это требует с необходимостью философской и богословской рефлексии. Богословие не является подчиненным эмпирической науке, но в то же время оно не претендует и на то, чтобы заменить собой эмпирическую науку. Богословие придает всему человеческому вопрошанию о мире завершенность, направленность к цели, которая стимулирует стремление ученого к познанию и тем самым открывает конкретную возможность разумного решения проблем человеческого существования.

СНОСКИ:

1. Барбур И. Религия и наука: история и современность. М., ББИ, 2000. С. 91.
2. Lonergan B. *Insight. A Studying in a Human Understanding*. NY, 1978. , Lonergan B. *Method in Theology*. Toronto, 1990.
3. *Insight*. P. XXI.
4. *Ibidem*. P. XX.
5. *Ibidem*. P. XXVIII-XXIX.
6. Lonergan B. *Method in Theology*. P. 4-5.
7. *Ibidem*. P. 5.
8. Lonergan B. *Dimensions of Meaning// Collection: Papers by Bernard Lonergan*. NY, 1967. P. 259.
9. Lonergan B. *Insight*. P. 271.
10. *Ibidem*. P. 303.
11. *Ibidem*. P. 166.
12. *Ibidem*. P. 303-304.
13. *Ibidem*. P. 114-115.
14. *Ibidem*. P. 104-105.
15. *Ibidem*. P. 115.
16. Kallio-Tamminen T. *Quantum Metaphysics: The Role of Human Beings within the Paradigms of Classical and Quantum Physics*. Helsinki, 2004. – P. 239.
17. *Ibidem*.
18. Цит. по : Stiilfrid N., Wallach H. *Living in the Paradox: The Complementarity Principle in Science and Religion* – URL: http://www.metanexus.net/conferences/pdf/conference2006/von_Stiilfried_&_Walach.pdf (дата обращения 02.02.2009).
19. Lonergan B. *Method in theology*. P. XI.
20. *Ibidem*. P. 4.
21. *Ibidem* P. 23.
22. *Ibidem* P. 4.
23. *Ibidem*. P. 24.
24. Naickamparambil T. *Through Self-discovery to Self-transcendence: A Study of Cognitional self-appropriation in B. Lonergan*. Roma, 1997. P. 197.
25. Lonergan B. *Method in Theology*. P. 24.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ КАК МЕТАКАТЕГОРИИ

Латышева Ж.В.,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и религиоведения,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Ключевые слова: антропология, социальное трансцендирование, социально-религиозное трансцендирование, интеграция, легитимация, символические универсумы, интернализация

Key words: anthropology, social transcendence, socio-religious transcendence, integration, legitimation, symbolic universes, internalization

Аннотация. В статье выявляются антропологический и социальный аспекты трансцендирования как метакатегории. Показывается роль религии в реализации социального трансцендирования. Эксплицируются этапы развертывания социально-религиозного трансцендирования. Делается вывод о горизонтальной, по преимуществу, направленности социального трансцендирования.

The article brings to light the anthropological and societal transcendence aspects as metacategories. The role of religion in the realization of social transcendence is exposed. Stages of socio-religious transcendence development are made explicit. A conclusion about the direction of social transcendence, being chiefly horizontal, is made.

В исследованиях отечественных философов в последние годы все чаще рассматривается проблема трансцендирования человека. Однако она, к сожалению, не получает адекватной своей значимости оценки, не осмысливается во всей всеохватности и глубине. Современными учеными затрагиваются, в основном, отдельные аспекты данной проблемы, предлагаются частные, порой противоположные, определения понятия трансцендирования. В этой связи мы считаем, что для продуктивной разработки всей совокупности вопросов, связанных с трансцендированием, необходимо его осмыслить как метакатегорию, выработать его исходную максимально широкую трактовку.

Правомерность, обоснованность и содержательные моменты подобного «всеобщего» подхода, который мы развиваем в ряде последних своих публикаций, коренятся в ярко выраженной трансцендирующей интенции сознания, присутствующей во всех исторических периодах развертывания философской рефлексии, начиная с Платона, Плотина, Августина и заканчивая многими феноменолого-экзистенциальными, религиозными, социальными и другими философскими концепциями XX-XXI веков. Однако первостепенное значение для формирования такого подхода имеют, по нашему мнению, выводы, сделанные М. Шелером и некоторыми другими представителями философской антропологии XX века.

Г. Плеснер, А. Гелен, А. Портманн раскрывают биологическую недостаточность человека, следствием которой выступают мирооткрытость, эксцентричность и другие его характеристики, предполагающие устремленность к новому, перманентную связь с миром, с другими и т.д. М. Шелер, в свою очередь, выявляет несводимость человека к естественному жизненному развитию, отмечая, что «... если его к чему-то и можно возвести, то только к высшей основе самих вещей – к той основе, частной манифестацией которой является и «жизнь» [2, с. 53], то есть к духу. Биологическая уязвимость человека, согласно этому фило-

софу, восполняется именно духом, «деятельным центром» которого показывает себя личность. Иными словами, можно утверждать, что человек трактуется философской антропологией в целом, и, в частности, Шелером как постоянно трансцендирующее существо, «превосходящее само себя и мир» [2, с. 60], и этим реализующее свои антропологические характеристики.

Из вышеизложенного вытекает, что базовым аспектом, составляющим широкое понимание трансцендирования должен быть аспект антропологический. Именно он позволяет рассматривать трансцендирование как одну из важнейших сущностных констант человека, способствуют постижению Homo sapiens, Homo ludens и т.д. еще и как Homo transcendens, любые созидательные деятельность и действия которого предстают проявлением его способности трансцендирования.

В этом же контексте, как мы считаем, интерпретирует человека немецкий социолог Томас Лукман. По его мнению, трансцендирование осуществляется в любой деятельности человека, однако наиболее полно оно реализуется в религии и религиозности. Собственно поэтому Лукман исследует религию как «смелое предприятие человека создать священный Космос» [4, с. 26]. Кроме того, проводя её анализ в социально-антропологическом ключе, Т. Лукман тем самым не только развивает антропологическую трактовку трансцендирования, но и выходит на социальный аспект этой сущностной характеристики человека. Этим он показывает, что широкое понимание трансцендирования включает в себя и социальное измерение.

В рамках социально-антропологической трактовки религии Т. Лукман предлагает функционально-ориентированное её определение. Фундаментальная функция религии, по его мнению, состоит в том, что «в религии человек трансцендирует свою биологическую сущность и только тогда становится человеком» [5, с. 12]. При этом «религия является не только комплексом представлений о потустороннем мире; религиозное проявляется уже в обобществлении каждого в отдельности, в объективации субъективного опыта и в индивидуализации каждого» [5, с. 12]. Подобным определением Лукман расширяет сферу религии и религиозности, выявляя существование разнообразных социальных форм религии, показывая, что многие «социальные конструкторы» (а не только религиозные учреждения) выполняют религиозные функции.

Представленную выше функцию религии можно, по нашему мнению, назвать функцией социально-религиозного трансцендирования, являющегося одним из типов социального трансцендирования. Социально-религиозное трансцендирование реализуется, по Лукману, в интеграции и легитимации социального порядка (даже в тех сферах

общества, которые не имеют очевидного отношения к сверхъестественному миру) посредством конструирования смыслового универсума. При этом религиозная функция состоит не только «в придании смысла – всеобщего и индивидуального – объективным образцам, задаваемым обществом» [3, с. 195]. Религия также трансформирует принудительность мира объективных культурно-социальных значений в свободные, субъективно релевантные действия индивида. С помощью религии человек обретает возможность выйти за пределы исходной сферы повседневности – сферы «здесь-и-сейчас» и устремиться к другим областям реальности, другим социальным ролям, трансцендируя тем самым и себя, и окружающую действительность. Религия выступает, таким образом, плодотворным органом трансцендирования человека, благодаря которому «исторически сложившееся и символически заданное мировоззрение принимается и перерабатывается индивидом во внутреннюю форму наличного бытия» [3, с. 195], т.е. интернализируется.

Для того чтобы дать развернутую характеристику функции религии как функции социально-религиозного трансцендирования, эксплицируем на основе созданной Т. Лукманом в соавторстве с П. Бергером теории социального конструирования реальности обозначенные выше моменты реализации данной функции – интеграцию, легитимацию, формирование смысловых универсумов, интернализацию.

Прежде всего, необходимо отметить, что обозначенные компоненты – это составляющие единого диалектического процесса социального конструирования реальности как претворения в жизнь способности человека к трансцендированию, включающего в себя акты экстернализации, объективации и интернализации. В непрерывной экстернализации (посредством механизмов институционализации) люди вырабатывают, закрепляют и передают следующим поколениям особый продукт – социальный порядок. Объективация выражается в седиментации (осаждении зафиксированного опыта), типизации действий, дифференциации институтов, формировании смысловых (символических) универсумов, и, наконец, в реификации (овеществлении). Интернализация как «перенимание-от-другого» (П. Бергер, Т. Лукман) уже существующего жизненного мира реализуется в первичной и вторичной социализациях.

Интеграция в обществе проявляется, в основном, как интеграция институтов. Причем, это не столько первичная интеграция, осуществляющаяся за счет действия принципов функциональности или логики, сколько вторичная, осуществляющаяся за счет смысловой согласованности в ходе институционализации (например, наличие общих релевантностей у разных индивидов, интеграция человеком значений своего социального опыта). Это означает, по мнению Т. Лукмана и П. Бергера, что взаимодействие и целостность социальных институтов продуктивнее всего интерпретировать и анализировать в перспективе «знания» членов общества. Знание, о котором преимущественно ведут речь авторы рассматриваемой теории, – это повседневное, дотеоретическое знание как комплекс всего того, что каждому известно о социуме. В дотеоретическое знание входит «совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное, для теоретической интеграции которых требуются значительные интеллектуаль-

ные усилия...» [1, с. 109]. Именно это знание образует ядро общественного развития: оно выступает мотивационным источником социально-институционального поведения, устанавливает и выстраивает институционализированные роли, организует посредством языка мир как объективную реальность и т.д. И именно это знание в качестве объективной истины впитывается новыми поколениями в процессе социализации.

Интеграция имеющихся институциональных значений осуществляется с помощью новых значений, создающихся в процессе легитимации как совокупности способов объяснения, истолкования, апологии институционального мира. Легитимация призвана «сделать объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации “первого порядка”» [1, с. 151]. В ней важно учитывать когнитивно-нормативную субординацию, т.е. субординацию «объяснения» и «оправдания». Сначала легитимация-«объяснение» аргументирует объективированные значения когнитивно, посредством знаний; затем легитимация-«оправдание» сообщает практическим институциональным предписаниям нормативность, т.е. рассматривает их в ценностном ключе.

Аналитическое рассмотрение легитимации позволяет выделить в ней четыре уровня: «зачаточной» легитимации, «теоретических утверждений в зачаточной форме», «явных теорий» и «символических универсумов». Наиболее значимой в свете настоящего исследования представляется концепция символических (смысловых) универсумов.

Символические универсумы – это «системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности» [1, с. 157]. Легитимация на этом уровне связана с сигнификацией (обозначением) и реализуется посредством «символических совокупностей». Совершается целостная интеграция, охватывающая все сегменты институционального порядка, возникает «универсум в буквальном значении слова, так как любой человеческий опыт теперь можно понять как имеющий место в его пределах» [1, с. 157]; формируется «матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [1, с. 158].

Символический универсум реализует номическую функцию, создавая порядок в жизненных ситуациях индивида, упорядочивая разные периоды его жизненного пути. Кроме этого, символический универсум приводит к единству всевозможных повседневных значений и помогает сформировать подлинную, «признаваемую» идентичность.

Особую важность имеет легитимация смерти символическим универсумом. Данная легитимация позволяет индивиду вести достойное существование после кончины значимых других, позволяет уменьшить страх ожидания своей смерти. По мнению Т. Лукмана и П. Бергера, «именно в легитимации смерти отчетливее всего проявляется способность символических универсумов к трансцендированию и раскрывается фундаментальный, смягчающий ужас характер предельных легитимаций верховной реальности повседневной жизни» [1, с. 166].

Социальное значение символических универсумов заключается в защите ими институциональной упорядоченности, в четком разделении социальной и асоциальной реальности, в рассмотрении явлений сквозь призму иерархии бытия и определения положения человека в

этой иерархии. Кроме того, социальные универсумы выстраивают историю как организованное целое, формируют историческую память и создают предпосылки для планирования будущего; осуществляют смысловую связь поколений с целью придать смысл жизни и смерти индивида и, наконец, делают людей сопричастными «вечному» порядку смыслового универсума.

Таким образом, символические универсумы целиком и полностью объединяют всевозможные, не связанные между собой, институциональные процессы. Вследствие этого возникает единая осмысленная общественная реальность, и «отдельные институты и роли легитимируются благодаря их включению во всеобъемлющий смысловой мир» [1, с. 169]. Однако необходимо осознавать, что сконструированная человеком социальная реальность не так прочна, как хочется думать, она постоянно противопоставлена хаосу, абсурду, ужасу асоциальных реалий и аномии. Поэтому легитимация, осуществляемая на уровне смысловых универсумов, применяется не только для целостной интеграции социальных институтов, ролей и значений, но и для умирения чуждой обществу бессмысленной и опасной стихии. Интернализация определяется Т. Лукманом и П. Бергером как «непосредственное постижение или интерпретация объективного факта как определенного значения, то есть как проявления субъективных процессов, происходящих с другими, благодаря чему этот факт становится субъективно значимым для меня самого» [1, с. 211]. Однако интернализация не обязательно ведет к правильному истолкованию поведения и действий других индивидов. Она именно образует основу понимания между людьми, вводит субъективный мир другого в сферу собственных релевантностей и создает значимую социальную реальность.

Интернализация развертывается в процессе социализации. Социализация – это «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» [1, с. 212]. При этом, первичная социализация, происходящая в детстве, имеет целью ввести индивида в общество как его полноправного члена, а вторичная социализация, развертывающаяся в течение дальнейшей жизни, обеспечивает освоение различных сфер объективной целостности в модусе его (индивида) социальной реальности.

Первичная социализация направляется значимыми другими. Передавая социальный мир ребенку, они вносят в этот мир «корректировки», вытекающие из их социального статуса, индивидуальных особенностей, уникальности жизненных событий, значимых для них областей мира. Постигание этой транслируемой реальности происходит не столько в сфере познания, сколько на эмоциональном уровне. В ходе первичной социализации осуществляется выход на ступень «обобщенного другого», обобщенной идентификации, что является определяющим моментом социализации, объединяющим в себе как интернализацию объективной реальности, так и окончательное оформление единой идентичности. В результате в сознании юного члена общества создается самый устойчивый из всех интернализируемых им в течение жизни миров, созревает понимание себя как владельца собственных я и реальности.

Вторичная социализация в широком смысле – это интернализация «институциональных или институционально обоснованных “подмиров”» [1, с. 225], в узком смысле – «приобретение специфически-ролевого знания, когда роли

прямо или косвенно связаны с разделением труда» [1, с. 225]. Развертывание вторичной социализации в её узком значении требует интернализации того смыслового пространства, которое организует повседневные сознание и действия в институциональных границах. Для этого рода социализации характерно его эмоциональное наполнение, важно также положение сопряженной с ней системы знания в пространстве символического универсума.

Вторичная социализация не требует идентификации индивида со значимыми взрослыми, осуществляясь на основе взаимной идентификации. Возникают формализованные отношения (например, между учениками и учителями, когда последние предстают как «институциональные функционеры»). Роли не индивидуализируются, а становятся анонимными, что делает исполнителей этих ролей взаимозаменяемыми. Такие предпосылки дают возможность воспринимать усвоенные в процессе вторичной социализации знания в виде как бы условной реальности, т.е. реальности, которую достаточно просто деконструировать или отказаться от неё. Иными словами, часть Я отделяется от соответствующей роли действительности и «индивид устанавливает дистанцию между целостным Я и его реальностью, с одной стороны, и специфическо-ролевым частичным Я и его реальностью – с другой» [1, с. 232].

Субъективная реальность, складывающаяся в процессе вторичной социализации, отличается некоторой «натуральностью», известной «непрочностью», поэтому она рискует быть разрушенной иными дефинициями реальности. К тому же, социализация никогда не заканчивается, так как интернализируются все новые и новые миры. В связи с этим возникает потребность в особых процедурах, предоставляющих возможность субъективности противостоять натиску извне, обеспечивающих равновесие между объективной и субъективной реальностями. Одними из подобных процедур являются «рутинное» поддержание реальности, осуществляющееся в повседневности, и «кризисное», возникающее в периоды кризисов.

В «рутинном» типе важно учитывать диалектическую взаимосвязь двух миссий: миссии значимых других, вносящих серьезную лепту в поддержание субъективной реальности и миссии менее значимых других, участвующих в качестве сопровождения такой защиты. Эти миссии включены в общение как важнейший способ рутинного подкрепления мира.

Несмотря на то, что общение реализуется в вербальном плане, поддержание субъективного мира с помощью речи, в основном, не является четко артикулированным и развернутым. Фундаментальность, «насыщенность» субъективной реальности «достигается путем аккумуляции и уплотнения случайного общения – общения, которое может себе позволить быть случайным как раз потому, что оно относится к рутинам само собой разумеющегося мира» [1, с. 248]. И если подобная спонтанность общения пропадет, то это может привести к исчезновению очевидности социального субъективного бытия.

Речевое общение трансформирует имеющуюся субъективную действительность и, более того, творит новую. Первый момент проявляется в том, что «реальность того, что никогда не проговаривалось, оказывается шаткой» [1, с. 249]. Вторая ситуация обусловлена объективирующей, трансцендирующей силой языка, которая создает мир как упорядоченное целое и придает ему актуальность живого

настоящего, выражающегося в «ситуациях лицом-к-лицу индивидуального существования» [1, с. 249]. Следовательно, для более результативного поддержания субъективной реальности необходимо стремиться к ясному проговариванию, последовательности и координации в общении, а также к увеличению частоты или интенсивности речевых контактов.

Эффективное поддержание субъективной реальности прочно связано с особыми вероятностными структурами, которые выступают в качестве социального фундамента и социальных процессов, нужных для надежного установления субъективного мира. «Держаться идентичности важной персоны можно только в среде, которая подтверждает такую идентичность; католическую веру можно сохранить только в значимых отношениях в католической общине...» [1, с. 251]. Иными словами, именно значимое общение (причем в его актуальной форме «лицом-к-лицу») с теми, кто принадлежит к вероятностной структуре, обеспечивает сохранение «ускользающей реальности».

Что касается обширного числа кризисных моментов, то для них техники поддержания реальности аналогичны «рутинным» техникам, однако с той разницей, что они (техники) должны быть развернутыми и концентрированными. Чем больше опасность кризисной ситуации, тем серьезней должны быть меры по подкреплению определенности субъективного социального мира.

Тем не менее, применение средств по упрочению субъективной реальности не противоречит её естественному непрерывному изменению, вытекающему из включенности индивида в ход общественной жизни. И хотя подобная трансформация никогда не бывает всеобщей (у индивида все же остается то же самое тело и тот же самый природный мир), имеются такие сферы субъективности, изменения в которых воспринимаются как тотальные. Такие типы изменений Т. Лукман и П. Бергер называют альтернативами.

Изменение реальности в ходе альтернативы подразумевает следующее. Во-первых, новый мир может представлять собой всё что угодно, даже нечто самое невообразимое. Во-вторых, обязательным является построение вероятностной структуры новой реальности, сегрегированной от внешней действительности и снабженной лицами, участвующими в социализации и «обращении». В-третьих, необходима «разработка достаточно утонченной системы знания» [1, с. 260], устанавливающей несомненные связи между, как ранее казалось, несоединимыми аспектами реальности. В-четвертых, требуются «легитимации с отрицаниями, которые должны придать смысл путешествию индивида в поисках великой истины» [1, с. 260]. В случае скрупулезного выполнения данных указаний успешность альтернативы окажется весьма вероятной.

Социализация может быть «успешной» и «неуспешной». «Успешность» заключается в достижении «высокого уровня симметрии между объективной и субъективной реальностями (а равно и идентичностями)» [1, с. 264], «неуспешность» социализации выражается в асимметрии между ними. В обществах с развитым распределением знания «неуспех» в социализации может быть связан с представлением значимыми другими, как разными социальными типами, различающихся вариантов единого объективного мира. Может сложиться и иная ситуация, ведущая к неудачной социализации, когда в период первичной социализации значимые другие опосредуют

различные объективные реальности. В этом случае возникает «индивидуализм» – выбор индивида между вполне определенными альтернативными реальностями и идентичностями как возможными направлениями его жизненного пути. И наконец, весьма вероятна третья ситуация, чреватая «неуспехом» в социализации. Она характеризуется противоречиями между первичной и вторичной социализациями. В этом случае первичная социализация не разрушается, вторичная же представляет собой выбор противоположных реальностей и идентичностей.

Последняя из описанных ситуаций имеет очень серьезное последствие, состоящее в том, что индивид, оказавшийся между различными мирами, выбирает один из них «манипулятивным образом». «Индивид интернализирует новую реальность, но вместо того, чтобы сделать её своей реальностью, он пользуется ею для специфических целей» [1, с. 278]. Появляется внутренняя дистанция индивида от роли; он именно «играет» роль того, кем его считает общество, а не является им. Подобное положение дел, констатируют Т. Лукман и П. Бергер, характерно как раз для современного индустриального общества, «...в котором расходящиеся миры становятся общедоступны как на рынке...» [1, с. 278], в котором «растет общее сознание релятивности всех миров, включая и свой собственный...» [1, с. 278]. И с этим объективным положением дел следует считать, исследуя проблемы современного социума.

Таким образом, объективизация социального мира, проявляющаяся в интеграции, легитимации, формировании смысловых универсумов, а также интернализация объективных значений выступают воплощением функции религии как функции социально-религиозного и, шире, социального трансцендирования. Религиозным предстаёт все то, что трансцендирует границы непосредственных переживаний человека как биологического существа, устремляясь не столько к трансценденции сверхъестественного мира, сколько к трансценденции разума и социального порядка. Отсюда можно заключить, что социально-религиозное трансцендирование развертывается, преимущественно, не по вертикали (как происходит в ходе индивидуально-религиозного трансцендирования), а по горизонтали (хотя, конструирование религиозных смысловых универсумов требует и вертикального трансцендирования); и именно понятие горизонтального, расширяющегося социального трансцендирования является вторым аспектом широкого понимания трансцендирования как такового.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Шелер, М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31 – 95.
3. Яблоков, И.Н. Социология религии в Германии / И.Н. Яблоков // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 1. С.186 – 197.
4. Berger P.L. Zur Dialektik von Religion und Gesellschaft. Elemente einer soziologischen Theorie. – Frankfurt a. M., 1973.
5. Knoblauch H. Die Verfluchtigung der Religionens Religiose / Thomas Luckmann Unsichtbare Religion – Frankfurt/Main, 1991. – S. 7 – 41.

МАРТИН ЛЮТЕР О МЕСТИ И ВОЗМЕЗДИИ

Пилецкий С.Г.,
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Ярославская государственная медицинская академия

Ключевые слова: лютеранство, концепция «Божьего предопределения», теодицея, месть, возмездие, справедливость
Keywords: Lutheranism, the conception of «God's predestination», theodicy, revenge, retribution, justice

Аннотация. Тема мести и возмездия – одна из самых сложных, острых и во все времена актуальных проблем рода человеческого. Она поистине пронизывает все глубинные структуры нашего сознания и так или иначе затрагивает практически все пласты нашего экзистенциального и социального бытия. В работах философов она всегда занимала особое место. Автор ставит своей задачей проанализировать тему мести и возмездия в творчестве видного мыслителя эпохи Возрождения и основателя протестантского движения – Мартина Лютера.

This paper is devoted to the oldest and most actual in all the times problem – the problem of retribution. It in concentrated form concerns, in fact, all the deepest aspects of human existence and human community. Author undertakes the task just through the theme of revenge and retribution and its meaning in human life to analyze the creation of the outstanding thinker of the epoch of Renaissance and the founder of Protestant movement – Martin Luther.

Начать, пожалуй, стоит с того, что у Мартина Лютера было весьма специфичное отношение к мести и возмездию. Всё началось с того, что из лоно ордена августинских монахов, усиленно занимавшихся теологией и изучением греческого и еврейского языков, донёсся голос, в котором было поначалу больше наивного вопрошания, нежели гневного негодования: «Почему папа, который, несомненно, богаче Креза, строит церковь Святого Петра не на свои деньги, а на деньги нищих и бедных христиан Германии?» Эхо наивного вопроса, дошедшего до самых глубин народных масс, было настолько велико, что заглушило всякий ответ. Мало кому известный августинский монах Мартин Лютер, проводивший бессонные ночи в борьбе против «дьявольской плоти» и предложивший этот наивный вопрос, стал сразу выразителем настроений широких масс немецкого народа. Моментально Лютер превратился в любимейшего героя Германии: всё население империи эксплуатировалось Римом, поэтому все стали с надеждой и упованием смотреть на того, кто осмелился поднять свой голос в их защиту. Мартин Лютер продолжил свою протестную деятельность – выдвинул 31 октября 1517 года против порядков папской церкви 95 тезисов.

Волна энтузиазма, поднявшаяся в ответ на выступление Лютера, была тем сильнее и тем естественнее, чем грубее проявляла себя папская курия в деле истощения немецкого народа и чем меньше, вследствие политической раздробленности Германии, была возможна всеобщая его борьба против папы. Германия несла на себе такие тяготы, от которых давно уже были свободны и Франция, и Англия, и Испания. Не удивительно поэтому, что местные «упыри» были в значительной степени настроены против «папы-пиявки» и с упоением прислушивались к нападкам Лютера на «червя, сосущего кровь и мозг немецкого народа». Но и разорившееся мелкое, так называемое имперское, рыцар-

ство также приветствовало агитацию Лютера. Рыцарство это, в связи с развитием военной техники и распространением воинского наёмничества, теряло своё значение как феодальное ополчение и очутилось в весьма тяжёлом материальном положении. Жившие раньше главным образом войной, рыцари остались при своих небольших земельных участках, неспособных их прокормить, и представляли собой своеобразный деклассированный слой, брезговавший трудом и не располагавший для разгульной жизни средствами. Не будучи более полезны на поле брани, обедневшие рыцари проявляли свой воинский пыл и отвагу в грабежах и насилиии, и были сущим бедствием для окрестного мирного населения. Они уже давно зарились на церковную землю. Не удивительно также, что среди них всё чаще стали появляться «вольнодумцы», всё чаще слышались меткие ядовитые словечки в адрес клира и его главы, а проповеди Лютера, бичевавшие и «шельмовавшие» жадность и корыстолюбие церкви, понимались рыцарством прежде всего как призыв к тому, чтобы лишить её богатства и передать его в распоряжение нации. Так рыцари попали в приверженцы Лютера и подняли в 1522 году восстание. К ним примкнули широкие массы обездоленного крестьянства, с чувством удовольствия и радости услышавшего новое «божье слово» Лютера, требовавшего во имя «истинного Евангелия» дать суровый отпор начальнику всей содомской шайки», этому «жалкому, смердящему грешнику, пьющему народную кровь и пухнувшему от награбленного богатства» [1, 32]. Согласитесь, каков стиль, каковы эпитеты: действительно без христианской радости читать невозможно – сразу чувствуется распирающая братская любовь!

И в «Двенадцати статьях», выставленных крестьянами в Великой крестьянской войне 1525 года, имелись лютеровы пункты о свободе проповеди, о выборе священника общиной и некоторые другие в том же духе. Так вокруг Лютера образовался лагерь, представляющий разные классы и сословия, а сам он стал народным вождём, поскольку выражал идею, которую поддерживала вся немецкая нация, горевшая желанием свергнуть тяжкое иго папства. «Если мы, – говорил Лютер, – караем воров мечом, убийцу – виселицей, а еретиков – огнём, то не должны ли мы тем скорее напасть на этих вредоносных учителей пагубы, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского содома, напасть на них со всевозможным оружием в руках и омыть наши руки в их крови?» [1, 59].

Однако к мести и возмездию Лютер зывал и на них возлагал свои надежды не только по отношению к католической иерархии и её поддерживающей пастве, но и в адрес своих бывших союзников. Тот же самый Мартин Лютер, незадолго до того бывший национальным героем немущих повстанцев, быстро порвал с ними и переметнулся в лагерь князей, дворянства и буржуазии. С немецким упорством и яростью Лютер теперь уже бичует и «пригвождает» своих недавних «друзей»-повстанцев в написанном им

памфлете «Против разбойников и убийц – бунтующих крестьян». «Крестьяне, – писал Лютер, – творят дело дьявола, и в особенности архидьявол есть тот, кто правит в Мюльгаузене (это он так о Томасе Мюнцере) и не совершает теперь ничего, кроме грабежа, убийства и кровопролития; он является, как говорит Христос, человекоубийцей искони». Крестьян, писал Лютер, надо убивать, как бешеных собак, ибо следует помнить, что «если ты не убьёшь бунтовщика, он убьёт тебя... Ставших на сторону крестьян ожидает огонь вечный... Теперь такое странное время, что князь скорее может заслужить благоволение небес кровопролитием, нежели другие люди молитвою» [1, 156].

Этот исторический экскурс и эти напоминания были необходимы для того, чтобы со всей определённою проиллюстрировать, что Мартин Лютер по вопросу мести и возмездия был гораздо большим реалистом и гораздо меньшим романтиком, нежели Эразм Роттердамский. Просто практика боевых действий и школа руководства армией соратников в период войны хорошо «приземляют» и хорошо «вправляют мозги». Так что к моменту послания, а точнее – вызову, осуществлённому роттердамцем в виде его «Диатрибы», Лютер был основательно в вопросах мести и возмездия «подкован». А остриё этой самой «Диатрибы», которое было направлено против сторонников доктрины, отрицающей свободу воли, в лице Яна Гуса, Джона Уинклифа, Лоренцо Валлы, и, в первую очередь, и главным образом Мартина Лютера, был услышан и возымел действие. Вышел трактат Мартина Лютера «О рабстве воли», прямо адресованный Эразму Роттердамскому. Со свойственным Лютеру порывом, напором, убеждённою в своей правоте, где-то даже яростью, балансирующей на грани личных оскорблений, он последовательно и дотошно, как он полагает, разбивает «в пух и прах» доводы Эразма, в том числе и нами приведённые. Нас же, конечно, во всей этой во многом партикулярно теологической полемике будет интересовать вопрос о статусе Божественного возмездия через призму – получается так – проблемы свободы воли. Прежде чем обратиться к лютеровским контраргументам, позволю себе сделать ещё одну небольшую ремарку.

Ян Гус (1370-1415) и Джон Уинклиф (1320-1384) были предшественниками германской и английской реформации. Констанцкий собор (1414-1418), созданный для обсуждения и осуждения гуситской ереси, осудил и учение Джона Уинклифа. Ян Гус, в итоге, был сожжён в Констанце по решению этого Собора. Через 40 лет после смерти Уинклифа останки его были вырыты из земли и сожжены. До самого, значит, опоздали добраться, так не забыли и про останки. Дополнительный штрих, кстати говоря, к вопросу о возмездии. Правда, в данном случае не Божественного, а вполне людского.

А теперь о доводах Лютера. «И если бы они творили добро ради того, чтобы завладеть царством, они никогда им не завладели бы, а скорее стали бы нечестивцами, которые злыми и жадными своими глазами отыскивают своё даже у самого Бога. Сыны Божьи, однако, вершат добро по неподкупной воле, ищут не награду какую-то, но одну только славу и волю Божью, и готовы творить добро, преодолевая невозможное, независимо от того, ждёт их потом царство небесное или же преисподняя. Я полагаю, что слова Христа из Евангелия от Матфея, глава двадцать пятая, которые я приводил, достаточно это подтверждают: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте цар-

ство, уготованное вам от сотворения мира». Как могли они заслужить то, что им уже принадлежит и уготовано было им прежде, чем они явились в мир? Вернее было бы здесь сказать, что царство Божье заслуживает нас, его обладателей, и нам надо полагать заслугу в том, в чём другие видят награду, а награду в том, в чём – они полагают – есть заслуга. Ведь царство не готовится, оно уготовано; сыны же царства этого готовят себя, а не уготовляют царство; это значит: царство заслуживает сынов, а не сыны заслуживают царство. Также и преисподняя скорее заслуживает и готовит своих сынов, как говорит Христос: «Идите прочь, проклятые, в огонь вечный, который уготован дьяволу и ангелам его» [1, 210]. Получается так, по учению Мартина Лютера, что предопределение Божие включает в себя и то, что одни «человеки» от рождения предуготованы ко злу, поскольку всё в мире идёт по необходимости, а не свободе воли, несут на себе «печать Сатаны», а, значит, им предуготован вечный огонь преисподней, достойный их, а другие от рождения предуготованы к добру, несут на себе печать милости Божьей, и, соответственно, им предуготовано царствие небесное, уже, в свою очередь, достойное их. Но принцип воздаяния и возмездия, как мы понимаем, не отменяется, какую бы позицию не занять, отрицая ли свободу воли или постулируя её.

Вот что далее Лютер пишет о возмездии: «Что же, значит, хотя бы сказать слова, обещающие царство и грозящие преисподней? Что хотят сказать столько раз повторённые на протяжении всего Писания слова о возмездии? «Есть, – говорят, – возмездие за дела ваши». А также: «Я – твоё великое возмездие». И ещё: «Который воздаст каждому по его делам». И Павел в «Послании к римлянам», глава вторая: «Тем, которые постоянством в добром деле ищут жизнь вечную» и многие подобные места. На это надо ответить, что все они доказывают, что воздаяние наступает, но ни в коем случае не то, что человек утомляется его. Это значит, что те, которые творят добро, творят его не из рабских или корыстных побуждений ради жизни вечной, но они ищут жизнь вечную, т.е. они пребывают в пути, по которому проходят и находят жизнь вечную. «Искать» – это то же самое, что и «усердно стремиться к этому», «добиваться постоянным трудом того, что обыкновенно следует за доброй жизнью». В Писаниях возвещают о том, что это наступит, последует и за доброй и за злой жизнью, дабы наставить людей, пробудить их, поощрить или же устрашить. Ибо подобно тому, как закон даёт им осознание нашего греха и напоминание о нашем бессилии, так при помощи этих обещаний и угроз даётся напоминание, научающее нас тому, что последует за этим самым грехом и бессилием нашим, открытым в законе, однако напоминание это не говорит, что хотя бы что-то воздаётся нам по заслугам за наше достоинство. Таким образом, подобно тому, как слова закона приводятся вместо наставления и указания, чтобы научить нас тому, что мы должны делать, но чего не в силах сделать, так и слова о воздаянии, когда они обозначают, что будет, приводятся вместо слов увещания и угрозы, которые поощрили бы благочестивых, утешали их, воодушевляли их непрестанно и упорно творить добро, побеждать в этом, сносить зло, не уставать и не сломиться, как наставлял Павел своих коринфян, говоря: «Будьте тверды, зная, что труд ваш не тщетен перед Господом». Так Бог укреплял Авраама, говоря ему: «Я твоя великая награда». Подобно тому, как если бы, утешая кого-либо, ты сказал,

что дела его, конечно, угодны Богу. Такого рода утешения используются в Писании нередко. И это немалое утешение – знать, что ты угоден Богу, даже если за этим ничего и не последует, хотя это и невозможно» [1, 211-212].

А тут Лютер саркастически прохочится по тем местам из «Диатрибы», где Эразм Роттердамский рассуждает о тех самых тропах, что Ориген и Иероним приводят в качестве доказательства наличия свободы человеческой воли. «Наконец, при помощи этих вот тропов, как ты говоришь, может получиться, что Бог был милостив к сынам Израиля, когда Он повёл их в Ассирию и Вавилон. Ведь там Он покарал грешников, там Он призвал их через скорби и покаяние. Когда Он снова вывел их оттуда и освободил, вот тогда Он не был к ним милостив, но ожесточил их, т.е. кротостью своей и милосердием дал им повод ожесточиться. А то, что Он послал в мир Христа-Спасителя, про то не скажут, что это была милость Божья, а скажут теперь, что это было ожесточение – ведь своим милосердием Он дал людям повод для ожесточения. А то, что Он опустошил Иерусалим и проклял иудеев вплоть до сего дня, то это всё от милости к ним, потому что Он карает грешников и зовёт их к покаянию И то, что в день Страшного суда Он поведёт святых на небеса, Он совершит не от своей милости, а от своего ожесточения, ибо по доброте своей Он даёт повод для свершения зла. А то, что Он нечестивцев низвергнет в преисподнюю, – это из милости к ним, потому что Он карает грешников. Заклинаю тебя, слыхивал ли кто-нибудь о таком вот милосердии и о таком гнев Божьем?!

Ну будь так, что хорошие люди от кротости или суровости Его становились бы лучше, но ведь у нас речь идёт одновременно и о хороших и о плохих, а эти тропы делают из Божьего милосердия гнев, из гнева – милосердие Божье, совершенно противно тому, как обычно принято говорить. Потому что о гневе здесь говорят, когда Бог творит добро, а о милосердии – когда Он сокрушает. Что же, если надо говорить, что Бог ожесточает, когда Он творит добро и терпит, и но что Он милостив, когда Он сокрушает и карает, то почему сказано, что Он ожесточил фараона, и не сказано, что Он ожесточил сынов Израиля или весь мир? Или он не творил добра сынам Израиля? Не творит добра всему миру? Не терпит злых? Не проливается дождём над добрыми и злыми? Почему сказано, что Он более милостив к сынам Израиля, чем к фараону? Не сокрушал ли Он сынов Израиля в Египте и пустыне? Было бы так, что одни употребляют доброту и гнев Божьи во зло, а другие употребляют их правильно! Однако ведь ты определяешь, что ожесточить – это значит по доброте и кротости прощать злым. Быть же милостивым – это не прощать, а искушать и наказывать. Итак, что касается Бога, то в постоянной своей доброте Он не совершает ничего иного, как только ожесточает, а в постоянной каре своей не совершает ничего иного, как только милует.

Действительно, это очень интересно: сказано, что Бог ожесточается, когда Он по своей кротости прощает грешников. Сказано, что Он милует, когда Он испытывает и карает, зовя своей суровостью к покаянию. В чём же, спрашиваю я, прощение Божье, когда Он сокрушает, карает и зовёт фараона к покаянию? Десять казней здесь не в счёт? Если верно твоё определение, то «быть милостивым» значит тот час же карать и призывать грешника, то к фараону Бог был, конечно, милостив» [1, 224-225].

И вот мы, наконец, подходит, так сказать, к самой серд-

цевине лютеровского понимания соотношения Божьего предопределения, Божьего всемогущества с несомненным наличием зла в сотворённом Им мире. Как известно, это самый сложный из теологических вопросов, определяющих существо проблемы теодицеи. Вот какое его решение дано Мартином Лютером. «Даже разум с Диатрибой признают, что Бог творит всё во всём и без Него ничего не свершается и не происходит. Он всемогущ, и это входит в Его всемогущество, как говорит об этом Павел в «Послании к ефесянам». Сатана и человек, согрешившие и покинутые Богом, не могут хотеть добра, т.е. как раз того, что угодно Богу, или чего Бог хочет. Постоянно занятые своими желаниями, они могут стремиться только к тому, что их самих касается. Поэтому их воля и их природа, отвращённая от Бога, не есть ничто. Ведь и сатана, и нечестивый человек тоже не ничто, они наделены некоей природой и волей, хотя эта природа порочна и извращена. Эта частица природы, которая – мы говорим – есть в нечестивце и в сатане, не менее подвластна всемогуществу и влиянию Божьему, чем все прочие творения и создания Божьи, так как и эта частица есть творение Божье. Значит, если Бог творит и создаёт всё во всём, то из этого необходимо следует, что Он также создаёт и творит в сатане и в нечестивце. Творит же Он в них в зависимости от того, каковы они, какими Он их находит. Это значит, что, хотя они и порочны и плохи, тем не менее, они подвержены действию божественного всемогущества так, как если бы они не совершали ничего порочного и злого. Подобно тому, как если бы всадник ехал на коне, который хромал на одну ногу или на две ноги, и ехал бы так, как шёл его конь, т.е. плохо. Но как быть всаднику? Он едет на этом коне и на хороших конях. На этом – плохо, на тех – хорошо; он не может по-иному ехать на этом коне, разве только конь у него поправится. Здесь ты видишь, что Бог, когда Он действует на злых через злых, творит зло. Однако бог не может творить зла, даже если Он творит зло через злых, потому что Он сам добр и не может творить зла; злых Он использует как орудие, которое не может избежать натиска и напора Его могущества. Значит, порок заключён в орудии, которому Бог не дозволяет бездействовать, и оно творит зло, несмотря на участие самого Бога – точно так же, как если бы плотник стал плохо рубить зазубренным, тупым топором. Так и получается, что нечестивец не может не ошибаться и не грешить постоянно, потому что после того, как он попал под натиск божественной власти, ему не дозволено бездельничать, и он должен хотеть, желать, поступать так, как это ему свойственно» [1, 232-233].

Вот уж воистину, доложу я вам, концепция теодицеи – хуже не придумаешь. Бог тут получается попорочней языческого пантеона богов. Пометив невидимым, злодейским, клеймом большую часть человечества, обрекши их на вечную погибель, Он не даёт им шансов на спасение, Он не даёт даже времени одуматься, Он, как пишет Лютер, не даёт им бездельничать, не даёт им остановиться в их творении зла, в исполнении своего предназначения. Получается, что Господь использует злых людей как орудие для своей борьбы со злом. Как своего рода кастет или кистень. В общем, в этом своя логика есть: так правоохранительные органы частенько используют приём порасквитаться, поредить ряды преступного мира, провоцируя, натравливая одну банду на другую. Это называется «чужими руками жар загребать». Но мало того, тут Господь не только полон «иезуитских методов», что «худо-бедно» принять мож-

но, но – что самое непонятное – не дальновиден (если не сказать резче) и не мастеровит. Плотник, который упорно пользуется зазубренным, тупым топором, когда у него в наличии имеются исправные, превосходно наточенные, на мой взгляд, не менее туп, чем его топор. Ясно, что не Бог такой, это извращённое понимание Бога таково. Не выдерживает также никакой критики сравнение Господа с всадником на хромом коне. Ну, смешно же, право слово! Если уж и использовать этот образ, то исключительно в том смысле, что Господь с небес взирает на то, как мы (люди-человеки) скачем по жизни на своих кобылах и жеребцах, кто на резвых, кто на хромых, а Он, распределяя, кому какого коня отдать, возможно, и потешается. Но я, честно говоря, даже такой «рафинированный» вариант воспринимаю с трудом. Хотя, надо отдать Мартину Лютеру должное, о Божьем возмездии он не забывает.

Ну, и в завершении это подтверждающем хочу привести ещё пару небольших цитат Лютера из его труда «О рабстве воли»: «Но если то, что мы для Бога карающего всё равно что глина, не свидетельствует против свободной воли, тогда я не понимаю, к чему это относится и для чего Диатриба это приводит. Ведь, нет сомнения, что Бог посылает нам кары против нашей воли, и с ними приходит необходимость их переносить – хотим мы этого или не хотим. И не в нашей власти их отвратить, даже если нас уговаривают, что их следует переносить по собственной воле» [1, 258].

И далее: «Павел в «Послании к римлянам» начинает рассуждение против свободы воли в защиту Божьей благодати следующим образом. «Открывается, – говорит он,

– гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду людей, которые удерживают истину Божью в неправде». Ты слышишь здесь общее суждение обо всех людях – что они находятся под гневом Божиим. Что это иное, как не то, что они достойны гнева и кары? Он называет причину гнева: она в том, что люди делают только то, что достойно гнева и кары, а именно что все они нечестивы и неправедны и удерживают истину в неправде» [1, 259].

Таким образом, решение проблемы мести и возмездия является вполне логическим следствием лютеровской концепции предопределения. Она несравненно более масштабна, чем все ей предшествующие: предопределение тут является всепроникающим и всепронизывающим в человеческой истории, начиная от Адама и Евы и кончая персонально каждым отдельно взятым представителем рода человеческого. На нём лежит «печать Божья», и ему от своей судьбы не убежать: то ли напрямик в «райские кущи» в вечное блаженство, то ли в кипящее сероводородное озеро на вечные муки. Когда это произойдёт – через год, через два, через десять, через двадцать – не принципиально. Главное – это предопределено, этого не избежать, как ни тужься. А, значит, и возмездие, согласно Мартину Лютеру, является таковым: и всепроникающим, и всепронизывающим.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мартин Лютер «Избранные произведения». С.-Пт., издательство «Андреев и согласие», 1994

КУЛЬТУРА: ДВУЛИКОСТЬ ОЧЕВИДНОГО

Хубулава Г.Г.,
кандидат философских наук, ассистент,
кафедра этики,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: культура, культ, универсум, пайдейя, кинизм, Забота о себе, (cura sui), аскеза, Град Небесный
Key words: culture, cult, universe, Paideia, Cynicism, Taking care of yourself, (cura sui), asceticism, Civitas Dei

Аннотация. Что включает в себя понятие «культура»? Каковы мы сами в её пространстве? Где лежат те метафизические границы, за которыми культура становится областью подмены понятий?

That includes the notion of «culture»? What we are in its space? Where are those metaphysical boundaries, beyond which culture becomes a region of renaming?

С широкой вариативностью значения понятия «культуры» мы сталкиваемся уже при обращении к лат. *coltere* «хранить, воспитывать, взращивать, выращивать» (сравните: плодово-овощная культура), восходящему по мысли о. Павла Флоренского к понятию «культ»[1]. Данное слово обнаруживает связь с древним глаголом лат. *colere* «жить, возделывать», отсылающим нас к общему индо-европейскому корню **kwel-*. Др.-греч. *κύκλος* «круг, колесо», скр. *sakráh* «чакра, круг», др.-англ. *hweol*, рус. колесо так же имеют общие корни со словом «культура»[2]. Таким образом, в самом слове угадывается действие или процесс, соотносимый с «актом обхода вокруг» и допускающий двоякое прочтение как в физическом смысле («возделывание, обработка земли»), так и в морально-нравственном и религиозном («образование», «религиозное служение»). На этом основании культурой также приятно именовать «материальное и нематериальное наследие цивилизации», а также разнообразные нормы поведения. Наиболее сжатое и емкое определение понятию «культура» было дано М.С.Каганом: «Культура это совокупный способ и продукт человеческой деятельности».

Все эти разветвленные связи сходятся в одном: культура – это некая присущая людям внутренняя целостность, позволяющая нам меняться, оставаясь самими собой, некое зеркало, бесстрастный судья, созданный нами самими и позволяющий каждое мгновение оглянуться на него, дабы не забыть, кто мы есть. Но дабы зеркало не стало «кривым», культура нуждается в том, чтобы выходить за пределы себя самой, не ограничиваться рамками собственно своей (и нашей – в ней) рефлексивности, оставаясь беспристрастной. Так, она есть и замкнутый круг, и нечто непрестанно кружащееся, вращающееся, образующее и образуемое, обращающее и обращающееся. Об этой замкнутости и изменчивости (правда, несколько по другому поводу) как-то высказался Мишель Фуко: «...мы мужчины или женщины, поскольку в рамках и русле нашей культуры, поведение наше будет таково. Мы таковы, какими делает нас пестуемая в нас культура»[3-29]. Именно это образующее, формирующее свойство и отражено в греческом понятии *παίδεια* – «культура как образование». *Paideia* формирует человека, но жить в ней предстоит ему самому. Так Творцу не уберечь детище от проявления им собственной воли, ибо оно обречено жить своим умом. Культура лежит в плоскости между вечным воспоминанием о том, что «прах ты и в прах возвратишься» и верой в то,

что «в Писании вашем сказано: Вы – боги» (Лк.7:13). Итак, культура есть некий порядок, космос или уни-версум – всё, вращающееся вокруг одного.

«Культура» вообще как «образование» – это артикуляция мира (космоса) и себя в нём и, значит, событие, которое навеки зафиксировано платониками в формуле «пребывание-исход-возвращение» (*μονή, πρόδος, ἐπιστροφή*). Таким образом, культура всегда смотрится в зеркало другой культуры, причём эта другая культура может восприниматься как «не-культура», то есть «варварство». Другое дело, что культура становится таковой тогда, когда являет собой «возвращение», т. е. собиране многого вокруг одного. «Образование» (*παίδεια*) заключает в себе метаисторическую форму культуры, её идею.

Известно, что дельфийский оракул как центр античной культуры венчали три предписания: «Познай самого себя», «Ничто не в избытке», «То, что есть на устах каждого». Казалось бы, эта триада имеет строго «познавательный» смысл в духе «*cogito ergo sum*». Оспаривая эту точку зрения, М. Фуко в «Герменевтике субъекта» приводит следующие аргументы: «...не к самопознанию ... она [надпись] призвала. Прежде всего, она была своего рода указанием тем, кто приходит испросить совета у Бога. «Ничего сверх меры»... означает: ты – пришедший за советом не спрашивай ничего сверх того, что хотел бы знать. Предписание “то что есть на устах каждого” означает, приходя к Богам, не поручайся и не давай клятв»[1-16]. Таким образом, предписание Оракула Дельф постулирует самодисциплину, самоограничение и самоконтроль, сводимый к фразе: «определись в том, чего желаешь».

Эпикурейский принцип правильного желания восходит к понятию «заботы о себе» (*ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ*), которое означает необходимость «обратить внимание со всего внешнего мира на самого себя... способ слежения за тем, ... что творится у тебя в душе... Латинская традиция свела этот богатырь и многозначный термин к более узкому *cura sui*».[4-23] Один из важнейших сократико-платонических принципов гласит, что человека заботит его состояние, то что о нем скажут, но он не заботится о самом себе (о душе, об истине). Всякому, кто возражает, Сократ грозит «не уйти от него тот час же, но ...расспрашивать, пытаться, опровергать».[4-18] Так, в эллинистическом смысле понятие «заботы о себе» связано с идеей контроля над желаниями и предполагает элемент аскетизма.

Аскеза создает практические условия для постижения истины, что особо отмечает Фуко: «Истина не может существовать без обращения и преобразования субъекта»[2] в его бытии. Впоследствии, во многом благодаря научной практике и философии Нового времени, для постижения истины стало достаточно только познания или самопознания. Модификация своего бытия перестала быть актуальной. Вместе с тем, в классическую эпоху тренировки души (за исключением пифагорейской традиции) не

предполагала каких-то специальных, выделенных техник: «аскетика ...не отличается от практики добродетели: она предвзвешивает последнюю, представляя собой ее повторение. С другой стороны, она использует те же упражнения, что используют и для формирования гражданина»[4-121], являясь тем самым составным элементом παιδεία свободного человека. Сквозным мотивом духовного ἀσκησις'a, сопряженного Платоном с принципом заботы о себе, является задача практиковать власть над своими желаниями. В период греческой классики обязанность такой практики связана с положением, занимаемым гражданином в полисе, с его властными полномочиями. Чтобы управлять другими, лицо, наделенное властью, должно уметь властвовать собой. Власть над самим собой описывается в текстах Платона, Ксенофонта, Аристотеля в очень близких по смыслу понятиях *εὐκρατεία* и *σοφροσύνη*. Но если *σοφροσύνη* означает благоразумие, рассудительное владение собой, спокойную умеренность, то *εὐκρατεία* это динамичное, агонистическое отношение к самому себе, автополемическая борьба, сражение, схватка с противником, который находится в самом себе. Этот принцип сохранится и в эллинистической фазе развития идеи *εὐταξία* 'εαυτοῦ. За пределами политики этот принцип также действенен в медицинской мысли: Гален советует избегать слепого подчинения порывам души и механике тела, избегать состояния пассивного объекта, ибо субъекту «следует устанавливать здесь свою власть исключительно в строгом соответствии с потребностями природы»[6-154].

Итак, изначально в основе культуры лежит «забота о себе» как принцип само-становления, образования себя. Но как случилось, что сосредоточенность на самодисциплине, заложенная в основу культуры, стала просто «орудием», суммой знаний и норм поведения? Как ни парадоксально, но произошло это тогда, когда высшей ценностью культуры и философии становится обладание знанием. «Забота о себе» стала отвлеченной категорией, сменившей свой «заряд и полюс»: «налицо парадокс: предписание проявлять заботу о самом себе для нас означает скорее эгоизм или уход в себя; напротив, оно в течение многих веков являлось основополагающим принципом таких неукоснительно соблюдавшихся образцов морали, как эпикурейская, киническая и т. п. Дело в том, что эта неукоснительно соблюдавшаяся мораль, исходившая из принципа «проявляй заботу о самом себе», и ее суровые правила были заимствованы, что проявилось как в христианской, так и в современной нехристианской морали, но уже в совершенно иных условиях»[5-91]. Отвлеченной категорией стало даже понятие истины, и если в платонизме идея «заботы о себе» «избавления от страданий через познание истины» находятся в отношении тождества, то «в современную эпоху истина уже не в состоянии более служить спасением субъекту. Знание накапливается в объективном социальном процессе. Субъект воздействует на истину, однако истина не воздействует больше на субъект.

Связь между доступом к истине и требованием преобразования субъекта и его бытия им самим была окончательно прервана, а истина стала представлять собой автономное развитие познания»[7-135].

Культура как живой организм перестает функционировать в следующих условиях: ее феномен замыкается на самое себя, нарастает отрицание всякого на себя влияния и усиливается стремление привести свои «ценности

во внешний, не соответствующий им мир. Этот процесс А. Бадью описывает как отказ от трансцендентной нейтральности закона, при которой государству следует раз и навсегда удостовериться в идентичности тех, кого оно объемлет. Следует признать, что постепенное сведение вопроса об истине (и, следовательно, о мысли вообще) к вопросу о языковой форме суждения, приводит к всеобщему релятивизму[3-9]. Отсутствие рефлексивности в системе, которую мы сами привыкли называть «культурой», делает ее размытой и безгранично вариативной. Это проявляется в разных формах: например, политкорректность, отнимающая у явлений даже право называться таковыми (споры о запрете термина «черная дыра», как заведомо расистского). Нацизм, «либерализм», большевизм, исламский терроризм, неизменно сходятся в герметичности собственных объединений, нетерпимости к внешней и внутренней критике и при этом в убежденности в собственной избранности. На этом фоне иначе звучат строки из послания Апостола Павла: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского...» (Гал.3,28); «Слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину! Ибо нет лицепрятия у Бога» (Рим.2,10). Однако, здесь Апостол говорит нам все же не о «политкорректном» равенстве всех перед всеми, а о трансцендентном качестве «здоровой культуры» - возможности оценить себя со стороны.

Культуре нужны «стены». Но одних стен мало. Культуре нужна «высота» как дистанцирование от себя самой. Именно такая «высота», а не глобализм, дает ей право быть универсальной. Это качество традиционно считалось божественным, и только в наше время оно ужалось до идеи «диалога культур», крайним выражением которого стала пресловутая «политкорректность». В этих условиях культура застывает в себе самой, мельчает, становясь из общего и необходимого принципа «нормой», «воспитанием», «хорошим вкусом» и даже привилегией. Эта проблема, уже была задана в античной оппозиции «воспитания» и «природы». Для Античной Греции *παιδεία* - это что-то вроде общей культуры, обязательной для свободного человека. Именно ее (так поняту культуру) Эпикур отвергает как «культуру хвастунов, производимую мастерами словесного шума, которым только и нужно, что одобрение толпы... [и обращается к] физиологии (*φυσιολογία*), [которая] *παράσκει*, т. е. готовит, [осуществляет] ту самую подготовку субъекта и души, которая вооружает их должным образом, снаряжает всем необходимым и достаточным на все случаи жизни, ... для достижения цели, для победы»[6-144].

Позволю себе краткий экскурс в историю имманентного протеста; так сказать, контркультуры в самой культуре. Ее представители Гераклит Эфесский, Сократ, киники, монахи, вообще, в широком смысле диссиденты всех эпох. В самой идее философской школы или секты уже заложен протест. Так, например, киники выбрали путь обличения пороков путем открытой их демонстрации, активного эпатаживания своей асоциальностью. Целью кинического учения являлось действие, которое киники ставили выше теоретического познания. «Паразитический» образ жизни, бродяжничество, попрошайничество, преднамеренные «пощечины общественному вкусу» восхищали и оскорбляли людей одновременно. Парадоксальность кинического аморализма заключалась в том, что, ведя аморальный (в глазах общественности) образ жизни, кинизм ставил своей

целью моральное улучшение человека[7]. Кинизм примечателен тем, что в нем открывается индивидуалистический бунт, не характерный для стабильной полисной системы. Место «гражданина» сменяется человеком вообще и индивидуальностью в частности, что для античного мира становится неким открытием. Вспомним также многие «нищенствующие» монашеские ордена средневековой Европы, сектантское движение дервишей, процветавшее в рамках ислама. Очевидно, что с исчезновением кинизма идея протеста не потеряла своей актуальности и силы. Другим ярким примером такого сопротивления может быть названа реформация: учение Мартина Лютера осмеивало и критиковало папизм, торговлю индульгенциями, внешнюю роскошь католицизма. Однако, как рано или поздно любой протест, Лютеранство превращается в «официальное учение», имеющее миллионы последователей, стесненное догматикой (догмат о предопределенном спасении) и даже имеющее собственных мистиков (Рожер, Сведенборг). То есть, по сути, данное учение становится частью того, против чего протестовало.

Оппозиция культуры «протестной» и господствующей самодовольной, замкнувшейся в себе самой, запечатлена в древней библейской метафоре «город-блудница» (с открытыми воротами) – «город-дева» (с воротами закрытыми). Говоря о городе-Деве, новом Сионе, Небесном Иерусалиме, Апостол говорит о городе, где человек не только освобождается от хозяйственных забот и злобы дня, но и обретает новый Рай, где он может вести беседы с нисходящим к нему Богом и, более того, где — в отличие от прежнего Рая — пребывает отныне Богочеловек. «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим... Ворота его не будут запираются днем, а ночи там не будет...» (Откр. 22, 9-12).[8-121-132].

Интересно, что вначале открытость врат Небесного града противопоставляется Вавилону, «который сам не блюдет своей крепости и целостности, идет навстречу своему падению, ища кому бы отдался и не спрашивая, кто его берет»[4-10]. Характерно, что о Спасителе, въезжающем в Небесный город, спрашивают: «Кто сей?» — именно для того, чтобы дочь Сион (дева—Иерусалим) знала своего жениха. Мотив знания—незнания того, кто входит в город, очень существен (ср. скорбь Иисуса в связи с тем, что Иерусалим не узнал его) и имеет особый круг ассоциаций: войти можно как в город, так и к женщине (ср. библейский эвфемизм соития «войти к жене»). Если крепость и сила города-девы в его целомудрии, так сказать, «невязности», то город-блудница ищет мнимого спасения в отдаче всем и любому, в превращении каждого «насилльника» в своего покровителя. Стены павшего города могут выступать как периметр максимальной открытости, слабости, превращаясь в сплошные ворота.

С одной стороны в терминах культуры, метафора «город-дева, город-блудница» соответствует культуре, в которой сохранилось присутствие критики (дева чиста, но город ее не заперт) и культуре, «открытой диалогу», «политкорректной», которая существует «ища кому бы отдался и не спрашивая, кто её берет». При этом, целомудрие Града – Девы и «открытость» города-блудницы не так просты, как кажутся на первый взгляд. Если соотнести эти образы с замкнутостью «высокой культуры», то все равно остается не ясным в чем, собственно «разврат» открытости? Часто приходится слышать о том, что мы живем в открытом мире, где постоянное общение между носителями различ-

ных культур делает неизбежным проникновение этих культур друг в друга. Закрытый град – дева, казалось бы, противоречит образу культуры как равного для всех беспристрастного судии. Ведь именно таким «закрытым градом» является замкнутость в рамках собственных «уникальных ценностей», характерная для тех обществ и культур, которым не удалось выжить под натиском перемен. В чем же тогда дело? Возможно, вся проблема и состоит в том, что мы забыли об оппозиции и взаимном отражении «небесного» и «земного» града. Целомудрие, закрытость, как совершенство присуще именно над-мирному образу культуры как таковой. Целомудрен именно град Божий, Небесный скрытый от глаз, непорочный и открытый при этом всякому, могущему его «вместить» - принять, осознать (ср. «Кто может вместить, да вместит» (Мф 19:12). Он – есть культура вообще, принимающая всех, способных принять ее, ограничение, которой есть только она сама. (ср. «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14, 2).

В свое время Блаженный Августин мыслил всемирную историю как противостояние двух Градов — Града Божьего (Civitas Dei) и Града Земного (Civitas Terrena). Но Civitas Dei как культура вообще неотделим от Civitas Terrena как выражения этой культуры. Когда на смену культуре эпохи Просвещения пришел поликультурный мир, Град Земной (то есть наше общество) утратил свои врата. Мы пребываем в ситуации странной амбивалентности: наш мир («Вавилон»), задуманный как врата Бога, сам становится чудищем, городом-дьяволом («вавилонская блудница»). С одной стороны, Иерусалим рассматривается как город-дева, символ брака города и Иисуса Христа, торжественно въезжающего в него. С другой стороны, город становится развратной девкой, которой овладевают силой. Взятый и плененный город соотносится с образом падшей женщины. Открытый, но «блюдуший себя» Град Небесный Божий, остается чист и непорочен, недоступен, но открыт немногим, по Слову Христа: «много званых, а мало избранных» (Мф. 22:14). Но обратная сторона этого небесного града – закрытый, но «взятый» Вавилон – все равно остается блудницей.

Так всякая культура, теряя свои границы и врата, распадается на культуры, которые, проникая друг в друга, растворяются друг в друге, смешиваются, борются. В этой борьбе несравнимо больше шансов остается у носителей культуры целостной, опирающейся на один фундамент, даже если речь идет о фундаментализме. Однако, и «открытость культуры» часто свидетельствует о возможности подмены понятий.

Такой обман с подменой понятий характерен для культуры в целом. Сенеку, Петрония и Катулла можно было встретить на гладиаторских играх, поскольку культура империи подменила греческое понятие «трагедии и театра» своим «зрелищем». Моцарт, звучащий в концлагере подменяет идею «великой музыки» идеей расового превосходства. Любая «закрытая культура» может провозгласить «дыру в стене» своим «Евангелием». «Борьба с неверными» или «классовая борьба» есть порождение самодовольства и «общей великой цели», оправдывающей всякие средства. Именно такая «общая цель» позволяет культуре дойти по идеи истребления целых народов. И в силу этого «диалог культур» невозможен. Что же остается? Единого ответа на этот вопрос быть не может. Для каждого из нас этот ответ отражается в зеркале культуры, позволяющем

нам «видеть» и «понимать», «образовывать» себя самих, меняясь и оставаясь собой.

СНОСКИ:

1. «Беспечно, а порой и невежественно умалять роль культа, находящегося в сердце и основании самого понятия культура». - Флоренский П. А. (о. Павел Флоренский) Культ, религия и культура. – Петроград. 1918.
2. См. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire Etymologique de la Langue Latin. Paris, Librairie Klincksieck, 1951.
3. Фуко М. Надзор и наказание. СПб., 1999, С. 29
4. Фуко М. Герменевтика субъекта, С. 16.
5. Фуко М. Герменевтика субъекта (выдержки из лекций

в Коллеж де Франс 1981 - 1982 гг.) // Социо-Логос, Вып 1., М., 1991. С. 287.

6. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности Т. 2. СПб., 2004. С. 121.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта, С. 91.
8. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма, М.,1999, С. 9
9. Фуко М. Герменевтика субъекта. С. 144.
10. См. Лосев А. Ф. История античной философии. СПб., 1995.
11. Топоров В.Н. Исследования по структуре текста. М., 1987, С. 121-132
12. Августин Блаженный. Вечерние беседы. СПб.,1996. С. 10.

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Смирнов А.В.,
кандидат философских наук, старший преподаватель,
кафедра культурологии,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: человек в культуре, индивид, повседневность, повседневная жизнь, дискурсивные практики, дисциплинаризация, знание, власть, Фуко, Элиас

Key words: human in culture, individual, everydayness, everyday life, discursive practices, disciplinarization, knowledge, power, Foucault, Elias

Аннотация. В статье рассматривается проблема антропологических категорий, в частности, понятия «индивид» применяемых при построении культурфилософской концепции повседневности. Проанализирована специфика рассмотрения человека в культурфилософской концепции повседневности. Обосновано применение категории «индивид» для описания человека в пространстве повседневности. Установлено содержание и обозначены концептуальные границы понятия «индивид», проанализирована также его связь с основными категориями концепции дискурса, в частности, с категорией «дискурсивных практик».

The main problem of this article is to define the role of the concept of the “individual” with respect to everydayness. The foucaultian approach to the “individual” is the most suitable in cultural studies. The application of the concept of the “individual” is confirmed. The other probable interpretations of this concept in everydayness studies are also discussed. “Individual” should not be identified with other interpretations of the human, usable in other social sciences.

Повседневность как предмет культурфилософских исследований формируется в качестве одной из фигур научного дискурса о человеке и находится сейчас на стадии уточнения понятийного и категориального аппарата. Современная культурфилософская концепция повседневности должна уделить особое внимание своим антропологическим основаниям, так как рассмотрение целого ряда вопросов в данной предметно-тематической области предполагает изучение среды непосредственного «культурного обитания» человека, в то время как судьбы, биографии отдельно взятых индивидов представляют интерес лишь в ограниченном ракурсе.

Основной круг проблем, связанных с пониманием человека в гуманитарном знании, не приводит нас к решению вопроса о том, какую из возможных антропологических категорий следует использовать при построении знания о повседневности. Проблема становления идеи человека в гуманитарном знании также лежит в основе проблематики повседневности. Это актуализирует вопрос о том, какую специфику принимает идея человека в дискурсивной

концепции и в концепции повседневности в частности, то есть, в конечном счете, об антропологических основаниях дискурсивной модели культуры.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, какой смысл в понятие «человек» вкладывает культурфилософская концепция повседневности, и на каких антропологических категориях она может и должна основываться. Вопросы, связанные с изучением повседневности, затрагивались в различных науках о человеке, и одной из первых научных дисциплин, обратившихся к проблемам повседневной жизни, была история, точнее, ее направление, известное как новая историческая наука. Именно в рамках данного направления была осуществлена попытка связать проблемы повседневности и проблемы человека в рамках единой научной концепции.

В исторической науке формирование проблематики повседневности оказалось связанным, во-первых, с переносом тематических акцентов на уровень отношений между людьми, что терминологически характеризуется как микроуровень исторического исследования, и, во-вторых, с попытками осмысления того, что представляет собой «человек в истории». Эти попытки представляются вполне оправданными, поскольку любая наука о человеке предполагает наличие в ней того или иного его концепта, то есть группы понятийных средств, связанных с пониманием человека как единичного. В качестве примера таких концептов можно рассматривать субъекта как носителя мышления или личность как средоточие поведенческих качеств. Эти концепты были выдвинуты философией и психологией соответственно. Социология и антропология придавали концептуализации человека существенно меньшее значение, вводя в рассмотрение такие смысловые конструкции как «член общества» или «представитель сообщества». При этом для социологии и психологии концепты человека были важны, в том числе, для организации таксономического, классификационного познания.

По сравнению с другими теоретико-методологическими проблемами задаче формирования концепта человека история уделяла меньшее внимание. Однако с выходом исторического знания на уровень теоретического обоб-

щения проблема человека вставала в исторической науке, сначала в ходе рассмотрения проблемы роли личности в истории, затем, уже в XX веке, в новой исторической науке, что впоследствии было охарактеризовано как антропологический поворот в истории. Эта тенденция в историческом знании была охарактеризована А. Я. Гуревичем как возвращение человека в историю и привела к появлению такого научного направления как историческая антропология, что свидетельствует о придании ключевого значения антропологическому измерению истории, категории человека и его действиям в различные исторические отрезки. Тем не менее, историко-антропологический проект не был реализован в полном объеме, в частности, по причине того, что создать собственное понимание человека исторической науке так и не удалось, а введенная в рассмотрение категория ментальности была лишь эпистемологическим паллиативом.

Однако рассмотрение проблем, связанных с изучением повседневной жизни, осуществляется не только в рамках истории как научной дисциплины. Свой вклад внесли и социология и антропология. Занялась этой проблемой и наука о культуре, перед которой встал вполне осмысленный вопрос, заимствовать ли метод изучения повседневной жизни у других наук или пытаться выработать свой. В попытках поиска своего метода, в рамках философии культуры предложен подход, основанный на применении концепции дискурса.

Теоретическое осмысление микроисторической проблематики оказалось возможным лишь с использованием принципиально иного концептуального аппарата – дискурсивной концепции, предложенной Мишелем Фуко, на основе которой возможно построение и культурфилософской концепции повседневности. Однако применение дискурсивного подхода к микроисторической проблематике, сфере повседневного, показало, что «человек» как предмет научного исследования оказался излишним, несмотря на то, данная тематическая область была сформирована как раз для его возвращения.

Как известно, М. Фуко, в работе «Слова и вещи» [9] провозгласил преходящий характер антропологической размерности культуры, предположив грядущую «смерть» «человека». Скептическое отношение к категории «человека» как онтологического основания культуры привело Фуко к исследованию процесса дискурсивного конструирования субъекта. В книге «Археология знания» [5], Фуко говорит об «установлении метода исторического анализа, свободного от антропологических примесей» [5, с. 18] как об одной из основных задач предлагаемого им метода. В данном случае его познавательная интенция противоположна стремлению представителей новой исторической науки «вернуть человека в историю» и сводится к тому, чтобы окончательно изъять антропологическое измерение из дискурса наук о человеке. Это приводит к необходимости изучать сферу повседневного на иных теоретико-методологических основаниях.

В данной работе под сферой повседневного понимается то, что входит в непосредственное окружение одного или нескольких индивидов, группы, образованной не по классификационному, а по пространственному признаку, то есть по факту наличия социальных контактов и реально-семиотического взаимодействия, то есть в форме транслируемых и воспринимаемых образов, текстов, действий

или иных означающих. Поэтому изучение повседневности в данном исследовательском контексте предполагает анализ условий порождения и восприятия смыслов в процессе взаимодействия между индивидами и не оперирует такими абстрактными социальными категориями как классы, народ, население.

При таком подходе к повседневности «природа» повседневной жизни лежит не в природе индивидуального или группового поведения, определяемого культурными традициями и всем тем, что входит в категорию ментальности, но в надиндивидуальных семиотических принципах взаимодействия индивидов, описываемых дискурсивной моделью культуры. Это позволяет сформировать модель управления обществом, основанную на семиотических, точнее, дискурсивных, механизмах.

Это открывает перспективы перехода от исследований человеческой мотивации формирования структур и межличностных отношений в повседневной жизни (а, значит, и от ментальности со всеми проблемами обоснования ее эпистемологического статуса) к анализу стратегий власти, фиксируемых в архивных документах. Там, где представители новой исторической науки пытались увидеть «человека» в его живом бытии, а, точнее говоря, антропологические константы, предлагаемая концепция повседневности выявляет дискурсивные структуры или стратегии власти. В качестве таких структур концепция повседневности рассматривает дискурсивные практики, развертывание и реализацию которых можно выявить как на макро- так и на микроуровнях исторического и культурфилософского исследования, фиксируя точки пересечения этих эпистемологических уровней друг с другом в виде диспозитивов [4].

С учетом элиминации человека становится уместным не только изучать «повседневную жизнь» отдельных людей или социальных групп, но формировать культурфилософскую концепцию повседневности как пространства развертывания практик смыслообразования.

Понимание повседневности как дискурсивной структуры в качестве основной антропологической категории предполагает применение понятия индивида, уже использовавшееся в науках о человеке, но игравшее при этом иную эпистемологическую роль. Так, в частности, в исторической науке дискуссии о роли индивида в истории концентрируются вокруг противопоставления индивида (личности) и социума [3, с. 16], а также в контексте осмысления феномена индивидуализма. Поскольку в задачу данной статьи не входит подробный анализ того, как понятие «индивид» употреблялось в исторической науке, ограничимся лишь кратким рассмотрением отечественных исследований, продолжающих традицию новой исторической науки.

Так, круг научных поисков А. Я. Гуревича в данной области концентрировался вокруг форм проявления и способов понимания личности в средневековой европейской культуре [1], [2]. По мнению Гуревича, личность является носителем ценностей и сознания, регулирующего поведение человека. Каждой культурно-исторической эпохе присущ свой особый личностный тип, являющейся неким «средним членом» между культурой и обществом [3, с. 23]. Становление европейского индивида на протяжении нескольких столетий прослеживается, например, в работе Зарецкого [3], концепция индивида Я. Буркхардта рассматривается им в качестве наиболее влиятельной в настоящее время, а история индивида возводится к Ренес-

сансу. Но поскольку, по мнению того же Зарецкого, терминологически Буркхардт не различал человека, личность и индивида, речь здесь идет не о способе концептуализации человека в гуманитарном знании, а о проблеме установления роли индивида в истории. Эта проблема, применительно к микроуровню исторического анализа, сводится к тому, как соотносятся между собой индивидуальное, то есть поведение субъекта – носителя мышления, и надиндивидуальное, то есть культура. Это, в некотором смысле, тупиковое противоречие является следствием принципиального отличия научных парадигм, лежащих в основе разных наук о человеке – социологии, философии, психологии и истории. Изначально основанные на различных эпистемологических принципах, эти науки не могут выработать единый подход к изучению человека, общества, культуры, истории, что затрудняет заимствование категорий и понятий этими науками друг у друга.

Термин «индивид» применительно к анализу процессов социализации употреблял и Н. Элиас. В книге «О процессе цивилизации» [10] для обозначения обучения общепринятым нормам поведения употреблялся такой термин как «кондиционирование». Причем, в качестве инструмента формирования социально адекватного, «кондиционированного», индивида выступают некоторые составляющие повседневной жизни. Таким образом, привитие поведенческих привычек, количество которых связывалось Элиасом со степенью цивилизованности той или иной культуры или социальной группы, было необходимо для облегчения формирования абсолютно управляемого субъекта, то есть на «превращение социально-желательного поведения в абсолютное самопринуждение» [10, с. 222]. Предположение Элиаса о том, что общественный контроль над поведением индивида превращается в индивидуальный самоконтроль (хотя самопринуждение никогда целиком не вытесняет принуждения общественного), отчасти предвосхитило дисциплинарную концепцию М. Фуко.

Однако ограниченность подхода Элиаса состоит в том, что предметом его исследования является, по большей части, лишь бытовое поведение и употребление ряда артефактов, входящих в состав предметной отдельно взятой социальной группы. Недостаточное внимание в его концепции уделяется, во-первых, культурной разметке пространства, где вышеназванные практики осуществляются, а также процессу коллективной дисциплинаризации индивидов, зафиксированному институционально. Однако в концепции Элиаса, оказавшей существенное влияние на развитие наук о человеке и, в частности, отечественной культурологии, данная проблема была лишь обозначена, но не оформлена ни понятийно, ни категориально.

Основным принципиальным моментом, который дискурсивная концепция внесла в понимание человека, является то, что категория индивида конституировалась в новоевропейской культуре как результат взаимодействия власти и знания. Как отмечает Фуко, «модель общества, составными элементами которого являются индивиды, заимствована из абстрактных юридических форм договора и обмена» [6, с. 284]. В работе «Рождение клиники» М. Фуко утверждает, что именно индивид становится объектом научного знания о единичном [8, с. 15, с. 258]. Концепция повседневности, базирующаяся на дискурсивной модели культуры, будет интересоваться не мотивацией, определя-

ющей поведением индивидов, не их переживаниями или мыслями, а способами их познания и управления ими либо в дисциплинарных пространствах, либо в диспозитивах. Понимание того, что «индивид есть реальность, созданная специфической технологией власти» [6, с. 282], говорит нам, что при рассмотрении повседневности как системы практик, организованных структурами власти, элементарные единицы социума представляют собой лишь объекты рационального знания и научного анализа. Знание об индивидах, полученное в структурах повседневности, созданных в ходе реализаций стратегий власти, зафиксировано в архиве, и именно оно входит в состав корпуса «знания – власти», позволяющего осуществлять властное воздействие.

Процесс формирования индивидов Фуко описывает в терминах производства: «...власть производит. ... Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к ее продукции» [6, с. 284]. И далее: «Индивид заботливо производится в нем (нашем общественном порядке – А.С.) с помощью особой техники сил и тел» [там же, с. 318]. Индивид, тем самым, конструируется как объект властной оптики, сделавшей общество прозрачным, как объект взгляда, знания, для того, чтобы можно было вокруг него, индивида, создать рациональный язык [7, с. 15], то есть организовать как структуру знания, так и практики его получения и распределения. Произведенный индивид представляет собой локус воззрения власти, объект, центр небольшого фрагмента властного знания, и создает, тем самым, повод для формирования целого ряда документов, которые и являются результатом «взгляда» власти. Быть индивидом – это значит быть видимым для власти, и факт того, что власть увидела конкретного индивида, закрепляется в документах. Когда Фуко говорит, что власть производит индивидов, то он подразумевает при этом то, что власть производит структуры знания, то есть способы воззрения (взгляда), порождающие определенные формы документов, а также процедуры воззрения, то есть получения знания, совпадающие или несколько отличные от классических процедур дисциплинарного воздействия.

Фуко полагает, что можно проследить историю создания этой оптики так же, как можно проследить и формирование человека как объекта, на который данная оптика направлена. Человек как видимый объект также конструировался властью, и структуры повседневности сыграли значительную роль в его объективации и, в конечном счете, в видимости для власти. В качестве одной из таких структур Фуко рассмотрел медицину [8]. Однако, медицина – не единственная сфера объективации человека как объекта воззрения власти. Если клинический опыт, как писал Фуко [7, с. 15], представляет собой открытие конкретного индивида на языке рациональности, то распространение этого опыта на сферу повседневного приводит к формированию «социального клинизма», то есть такой организации общества, которая бы обеспечивала этому обществу тотальную прозрачность для власти и видимость всех его структур и отдельных индивидов. При этом видимыми объектами становятся, прежде всего, индивиды, а метафора видимости или прозрачности подразумевает, прежде всего, конструирование индивида как объекта властного познания и, уже во вторую очередь, властного воздействия. Основной проблемой, которую М. Фуко решал в

книге «Рождении клиники» [7] была проблема «взгляда» – существенной составляющей, связывающей порядок слов и порядок вещей. Для культуролога-исследователя повседневности результаты Фуко открывают возможность изучения процесса объективации, то есть механизма выведения в научный дискурс не абстрактного представителя рода человеческого, а индивида, объекта специфического знания, подобного по своей сути и структуре знанию медицинскому и представляющему собой своего рода историю болезни или, в более обобщенном случае, личное дело.

В рамках культурфилософской концепции повседневности исследовательский фокус сосредотачивается не на установлении фактов индивидуального быта, но на той роли, которую играют эти факты в осуществлении стратегий власти по отношению к индивидам. Поэтому «человеку» в этой концепции отводится не самая значимая роль. В поле ее изучения не попадает «живая», конкретная личность, также не попадает туда и субъект. Интерес представляет лишь индивид, человек как видимое, как объект, к которому приковано внимание власти, и на который направлены стратегии властного воздействия. Отдельной проблемой является и процесс конструирования исследовательской оптики, связанной с формированием интереса к индивидам, и проявляющейся, в том числе, и на уровне повседневности.

Исследование индивида различными формами власти, накопление знания о нем, возможно лишь в пространстве дискурсивных практик, организованных в форме повседневности. Мы имеем дело с расширением практики клинического опыта, когда на место больного или группы таковых становится все общество, а взгляд врача замещается дискурсом, некой безличной структурой, организующей практики получения, накопления и распределения знания.

Таким образом, перспективы построения культурфилософской концепции повседневности сводятся к тому, чтобы от характеристик субъекта, человека, личности, и, в конечном счете, индивида, переходить к формам и способам их культурной репрезентации и объективации, осуществляемых в пространстве дискурсивных практик, в частности, в структурах повседневности.

Тем самым, культурфилософское представление о повседневной жизни можно уподобить клинической медицине – науке, изучающей вариативность телесной организации человека как биологического вида. В этом случае концепция повседневности может быть представлена как теоретическая модель вариативности социокультурных форм объективации индивидов. Это знание не будет тягостно к морфологии или таксономии, оно также не будет структурно-функционалистским, его задача состоит в том, чтобы рассматривать единичные феномены повседневной жизни не в соотнесении с абстрактными культурными формами, но как элементы уникальных социокультурных конфигураций, сложившихся при реализации властных стратегий в тот или иной исторический период. В этом случае и повседневная жизнь индивида может быть описана как последовательность (серия) уникальных фактов или событий (сингулярностей), рассмотренных не в качестве

составляющих его типичной или уникальной жизненной траектории, но в качестве результата дисциплинарных воздействий и взаимодействия его, индивида, с властными структурами.

Подведем краткие итоги наших рассуждений. Проблематика повседневности в науках о человеке сформировалась в качестве результата стремления «вернуть человека в историю», что, однако, не сопровождалось разработкой его научного концепта. Концепция дискурса, изначально предложенная для анализа исторического знания, но приложенная к изучению повседневной жизни, изымает человека («смерть человека», предсказанная Мишелем Фуко [9]) из гуманитарного знания, оставляя лишь индивида, анализируемого в качестве объекта властного воззрения. Его мысли, переживания и мотивы его поступков оказываются вне концептуального поля дискурсивной модели культуры, исследовательский интерес представляют лишь его видимые для власти параметры, качества и характеристики. Именно в этом и состоит принципиальная особенность понимания человека в дискурсивной концепции культуры и в концепции повседневности в частности. Эта особенность заключается в том, что человек рассматривается лишь как дискурсивная фигура, индивид, представленный в дискурсе не как человеческая индивидуальность, но лишь как объект рационального знания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуревич А. Я. В поисках человеческой личности // Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
2. Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005
3. Зарецкий Ю. П. История европейского индивида: От Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. Препринт WP6/2005/05. — М.: ГУ ВШЭ, 2005. — 44 с. http://new.hse.ru/sites/infospace/podrazd/uvp/id/preprints/DocLib/WP6_2005_05.pdf Дата обращения 12.02.2012
4. Подорога В. Власть и сексуальность (тема диспозитива у М. Фуко) // Синий диван. Философско-теоретический журнал. Под. ред. Е. Петровской. Вып. 12. М.: «Три квадрата», 2008. С. 34 – 48.
5. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., Ad Marginem, 1999. 480 с.
7. Фуко М. Рождение клиники. М.: «Смысл», 1998. – 310 с.
8. Фуко М. Рождение социальной медицины // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Часть 3. С. 79 – 108.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994. – 497 с
10. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические или психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 332 с.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДЕТЕРМИНАТИВОВ THIS/THAT И HERE/THERE В ПОЭЗИИ У.Б. ЙЕЙТСА

Аксенова А.В.,
аспирант,
кафедра английского языкознания,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ключевые слова: лингвопоэтический анализ, кеннинг, дейксис
Key words: linguopoetics, kennings, deixis

Аннотация. Данная статья посвящена анализу дейктических функций слов here/there, this/that, чья роль подчас от нас ускользает. В некоторых случаях указательные местоимения четко указывают на то или иное лицо, при этом читатель лишь догадывается о ком или о чем именно может идти речь. Реальные люди описываются подобно легендарным фигурам прошлого. Подобного эффекта поэт добивается благодаря использованию конструкций с указательными местоимениями, имитируя при этом стиль скальдической поэзии. В других случаях использование this/that обусловлено степенью достоверности изображаемого объекта или образа. Переход в область трансцендентного осуществляется при помощи местоимения that, в то время как this/these обозначает некие априорные, трансцендентальные качества.

The aim of the present paper is to determine the ways Yeats' delusively special poetic spaces are created. The deictic markers 'this'/'that', 'here' and 'there' are used to pinpoint micromoments in the mental or emotional life of the poet. Deictic gestures direct us in the interstitial spaces between mind and world but in no very certain and very certain.

Ульям Батлер Йейтс искусно вписывал свои произведения в исторический контекст эпохи: большинство его стихотворений посвящены политической ситуации, как в Ирландии, так и во всем мире в целом, а хронологическая достоверность при этом приобретает первостепенную значимость. Задача данной статьи заключается в рассмотрении произведений, которые, имея датировку, или указание на некоторые исторические события, помещают нас в четкие пространственно-временные рамки. При этом внутреннее пространство произведения имеет двойной план повествования: условную историческую фиксацию и описание неких внутренних переживаний поэта, которые, как мы попытаемся доказать, создаются при помощи указательных местоимений и наречий образа времени и места.

Прочитав впервые стихотворение "Politics" 1938 г. (How can I, that girl standing there./ My attention fix/ On Roman or on Russian/ Or on Spanish Politics?/ Yet here's a travelled man that knows/ What he talks about./ And there's a politician/ That has read and thought./ And maybe what they say is true/ Of war and war's alarms./ But O that I were young again/ And held her in my arms!), читатель невольно задается вопросом: «О

какой именно девушке идет речь?» Не будучи знакомым с биографией Йейтса, ответ на этот вопрос кажется весьма затруднительным. Целый ряд биографов знаменитого ирландского поэта высказывали свои версии по поводу того, кем же на самом деле являлась эта загадочная девушка. Брэнда Мэддокс в своей книге "Yeats's Ghosts: The Secret Life of W.B. Yeats" [Maddox, 2000, с. 303-352] уверена, что речь идет о Эдите Шэкльтон Халд последней возлюбленной Йейтса. При этом писатель сама признает, что пятидесятирехлетнюю Эдит едва ли можно назвать «девушкой». Другой биограф поэта, Р.Ф. Фостер, склонен предполагать, что в "Politics" Йейтса упоминает Кору Хьюз, яркую активистку левосторонней партии, любовницу ирландского поэта Чарльза Донли: "the poem, allegedly referred to a beautiful red-headed republican who used to sell newspapers at Republican Congress meetings on O'Connell Street, regularly noted by WBY as he left the Gresham Hotel" [R.F. Foster, 2009, с. 623].

Правомерно предположить, что просматривая газету или разговаривая с кем-либо об актуальных политических новостях (а их в мае 1938 года было несметное количество: визит Гитлера в Рим, гражданская война в Испании), поэт заинтересовался стоящей рядом женщиной. Наречие "here"/"there" может относиться к газетным статьям, на которых Йейтс тщетно пытается сконцентрироваться. Сам Йейтс отмечал, что стихотворение не отображает реальное событие, а является лишь моментом медитации. Профессор Николас Грин [Nicholas Grene, 2008, с. 32], считает, что, несмотря на всю значимость исторического момента, поэт скорее уводит нас от происходящего в мир его внутренних переживаний и эмоций. Он особенно остро чувствует свои лета и ускользающую от него жизнь: «O that I were young again/ And held her in my arms!» Драматизм произведения кроется в описании отдельно взятого чувства автора, отдельно взятой эмоции в сопряжении с реальной действительностью. Это не отображение фактов действительности, а фиксация едва уловимых моментов медитации. Наречия "here/there", также как и указательные местоимения "this/that" указывают скорее не на некую физическую или временную отдаленность или приближенность объекта или события, а на реакцию поэта, вызванную подобными видениями.

Возвращаясь к произведению "Politics", мы вправе за-

ключить, что та девушка “that girl”, находящаяся вдали от нас (возможно настолько, что её образ едва различим) и чьё имя нам незнакомо, является аллегорией всего ушедшего, всего того, чего уже не вернуть. Её образ подобен яркой вспышке воспоминаний из прошлого, резко контрастирующей с окружающей поэта действительностью. Пространство повествования делится на вынесенное на авансцену реальное окружение поэта, которое, очевидно, его разочаровывает, и миром грез и воспоминаний, связанных с ушедшей молодостью и утраченной возлюбленной.

Согласно статистическим данным, указанным в “A concordance to the Poems of W.B. Yeats” было установлено, что поэт чаще использует наречие “there” (468) против (77) случаев употребления “here”. Еще более впечатляющими оказались данные использования указательных местоимений “this”/“that”: 306 к 2357 соответственно. При этом “that” может выступать как: 1) указательное местоимение (that girl standing there), 2) союз придаточного предложения со значением цели (‘That civilization may not sink./Its great battle lost’. Long-Legged Fly), 3) имеет функцию относительного местоимения, часто заменяя при этом местоимения “who” и “which” (‘I choose upstanding men/ That climb the streams’. The Tower).

Сознательный отказ поэта от частого использования относительных местоимений “who”/“which” и их замена на “that” облегчает восприятие и без того замысловатого синтаксиса поэта. Рассмотрим отрывок из произведения “In Memory of Major Robert Gregory”:

And that enquiring man John Synge comes next,
That dying chose the living world for text
And never could have rested in the tomb
But that, long travelling, he had come
Towards nightfall...

В первой строке данного отрывка “that” выступает в качестве указательного прилагательного “that enquiring man”. Во второй строке мы имеем дело с относительным местоимением, заменившим более привычное “who”. В четвертой строке “that” в качестве союза вводит сложноподчиненное предложение. “That” становится своеобразным нейтральным звеном, связывающим слова и предложения, способствует созданию более гармоничной структуры целой строфы.

При всей полифункциональности слова особенно поражает изысканная манера, с которой Йейтс использует “that” в качестве указательного местоимения. Ричард Элманн определяет это следующим образом: “Many of devices tease or entice the reader into granting the poet his assent. Such is the function of the word “that” used as demonstrative adjective; it implicates the reader in common awareness of what the poet is talking about, as if the poet’s world contained only objects which were readily recognizable” [Richard Ellman, 1964, с.138].

Прилагательному “enquiring” предшествует указательное местоимение “that”. Подобное сочетание (указательное местоимение + прилагательное) характерно для позднего творчества поэта: ‘And here’s John Synge himself, that rooted man’ (The Municipal Gallery Revisited). Оно придает произведению своеобразное архаичное, мифологическое звучание. Апеллируя к неким априорным знаниям, местоимение “that” максимально приближает читателя к тексту, вовлекая его, таким образом, в повествование.

Если в стихотворении “In Memory of Major Robert

Gregory” нам перечисляют имена усопших людей, один снимок сменяется другим, то в произведении “Easter 1916” используется несколько иная техника. Данное стихотворение, несомненно, является шедевром ирландской поэзии, увековечивая не только событие, произошедшее весной 1916, но и людей, принимавших в нем участие. Примечательно, что практически на протяжении всего повествования Йейтс не называет участников восстания. Их имена становятся известны нам лишь из заключительных строк произведения.

Тон повествования кажется нам отстраненным, поскольку поэт прибегает к описанию людей, изначально не называя их: That woman’s days were spent/ In ignorant good-will./ Her nights in argument/ Until her voice grew shrill.

Из приведенного выше четверостишия не ясно, кого именно упоминает поэт. Лишь после повторного прочтения понятно, что она относится к группе восставших, упомянутых в первых строках стихотворения: I have met them at close of day/ Coming with vivid faces. В отличие от предыдущего произведения, где по ходу повествования называются имена ушедших друзей, автор изначально ставит читателя в тупик, озадачивает его, поскольку предполагает, что люди, о которых идет речь, уже известны ему. В ходе повествования поэт упоминает еще троих героев, однако не называя их: ‘This man had kept a school... This other his helper and friend... This other man I had dreamed...’. Вновь и вновь повторяющиеся аллюзии выступают в контексте произведения в качестве своеобразных поэтических кеннингов, характерных для скальдической поэзии. Подобно тому как «море» в древнеанглийской поэзии именовалось “whale - road”, точно так же и Патрик Пирс, основатель школы St. Enda в Голуэй, описывается здесь как “this man had kept a school/ And rode our winged horse”, а Джон Макбрайд предстает перед нами как “this other man I had dreamed/ A drunken, vainglorious lout./ He had done most bitter wrong”.

Глагол “dreamed” является ключевым для понимания всего произведения. На фоне героического поведения этих людей во время Восстания, их прошлое превращается в некий сон, связывающий реальную действительность и призрачное прошлое. “This man”, “this woman”, всех этих людей изменил мятеж, они больше не такие, какими их знал поэт. Вереница лиц всплывает в сознании поэта, он периодически обращается то к одному, то к другому знакомому. Таким образом, смысловой разницы в употреблении указательных местоимений “this”/ “that” нет. Следует отметить, однако, что, несмотря на то, что произведение, несомненно, направлено на широкий круг читателей, поэт не сразу допускает нас во внутреннее пространство повествования: людей, которых перечисляет Йейтс, поэт знал лично, мы же, вплоть до заключительных строк, остаемся в неведении, о ком именно идет речь.

В произведении “Adam’s Curse” нам также не вполне ясно значение указательного местоимения “that”. Читатель погружается в интимную атмосферу частного разговора, не будучи знакомым с упомянутыми людьми: We sat together at one summer’s end,/ That beautiful mild woman, your close friend,/ And you and I, and talked of poetry.

В своей биографии A Servant of the Queen [A. Norman Jeffers, Anna McBride White, 1994, с. 317-318] Мод Гонн утверждает, что в этом стихотворении, в строках ‘That beautiful mild woman’ Йейтс упоминает её младшую сестру Кэтлин Пилчер. Манера умалчивания, утаивания

имен близких ему людей прослеживается на протяжении всего творческого пути Йейтса. Так, Мод Гонн никогда не называется по имени, вплоть до стихотворения "Beautiful Lofty Things", Леди Грегори фигурирует в произведениях как друг – "A Friend's Illness", "To a Friend Whose Work Has Come to Nothing". Сознательный отказ поэта назвать имя загадочной женщины (that beautiful mild woman) устанавливает особую атмосферу приватности между поэтом (I), тобой (You) и неназванным близким другом (Your close friend), из которой читатель частично исключен. Далее мы вновь встречаем упоминание незнакомки, причем описывается она тем же самым атрибутивным словосочетанием: That beautiful mild woman for whose sake/ There's many a one shall find out all heartache/ On finding that her voice is sweet and low...

Таким образом, повторяющееся атрибутивное словосочетание (that beautiful mild woman) превращается в своеобразный фиксированный гомеровский эпитет. В последующих строках атмосфера становится еще более интимной. Теперь поэт обращается непосредственно к 'тебе' (You), т.е. к возлюбленной Мод Гонн. Одновременно с этим, дважды встречающееся словосочетание that beautiful mild woman становится своеобразным средством дистанцирования: теперь поэт готов поделиться сокровенной информацией лишь со своей возлюбленной.

Следует заключить, что основной целью стихотворения "Adam's Curse" является создание атмосферы интимности и сокровенности, выходящей далеко за пределы словесного описания.

Дейктическая функция местоимений this/that, here/there имеет особое значение в поэзии У.Б. Йейтса. Как известно, дейктическая функция предполагает некое указание, дифференциацию или выделение посредством соотнесения с лицами или предметами, находящимися в том или другом отношении к говорящему лицу [О.С. Ахманова, 2009, с. 126].

Для Йейтса не всегда пространственное дистанцирование имеет смысловую значимость. Так в стихотворении "Easter 1916" поэт не проводит разграничений между "that woman" (Marciewicz) и "this" (Pearse, MacDonagh, MacBride).

В некоторых случаях разница между указательными местоимениями приобретает лингвопоэтическую значимость. Рассмотрим стихотворение "Ego Dominus Tuus". Стихотворение написано в форме диалога между *hic* (этот) и *ille* (тот). Очевидно, что точку зрения поэта выражает *Illic*. *Hic* говорит о желании самовыражения в реальном, действительном мире:

Hic. On the grey sand beside the shallow stream
Under your old wind-beaten tower, where still
A lamp burns on beside the open book
<...>

And I would find myself and not an image.

Голос *Illic*, напротив, выражает художественные убеждения поэта в своем обращении к «анти-Я» [Г.М. Кружков, 2008, с. 35]:

Ille. By the help of an image
I call to my own opposite, summon all
That I have handled least, least looked upon.

Лингвопоэтическая значимость указательных местоимений очевидна: *Ille* не просто выражает желание поэта найти свое внутреннее «анти-Я», но в своей простран-

ственной отдаленности является той самой маской (an image), лежащей в основе его уникальной по своей сути метафизической философии, и противопоставленной конвенциональному «Я» (*Hic*) повседневности. Таким образом, *Illic* указывает на некий отдаленный идеал, достичь которого стремится воображение поэта.

В своей работе "The Sacred and the Profane" румынский философ Мирча Элиаде использует латинскую фразу "in illo tempore" (в то время), в качестве своеобразной формулы, обозначающей доисторическое, мифологическое время [Mircea Eliade, 1957, с.80]. К подобным древним временам обращает свои взоры и У.Б. Йейтс. В стихотворении "He remembers Forgotten Beauty" поэт описывает прекрасный женский образ:

For that pale breast and lingering hand
Come from a more dream-heavy land,
A more dream-heavy hour than this;

Указательное местоимение и следующая за ним атрибутивная конструкция (that pale breast) непосредственно связаны со вступительными строками произведения (When my arms wrap you round...). Однако тело возлюбленной, которое лирический герой обнимает в настоящей действительности, на самом деле не принадлежит окружающей его реальности, оно трансцендентно. Актуальные или априорные качества и свойства поэт передает при помощи указательного местоимения "this". Рассмотрим стихотворение "Rose of the World": Who dreamed that beauty passes like a dream?/ For these red lips, with all their mournful pride,/ Mournful that no new wonder may betide...

"These red lips" являются воплощением женского мифологического архетипа.

Другим наглядным примером может послужить отрывки из стихотворений "Peace" и "No Second Troy", где поэт описывает свою возлюбленную Мод Гонн: All that sternness amid charm,/ All that sweetness amid strength?

Описывая образ возлюбленной, поэт признает, что её красота «is not natural in an age like this». Её красота становится неким недостижимым идеалом. Таким образом, указательное местоимение "this" помимо своей непосредственной дейктической функции обозначает некие априорные качества, трансцендентальные свойства описываемого предмета. Оно тесно связано с созданием мифологического архетипа в поэзии Йейтса. Одновременно с этим, указательное местоимение "that" отображает некие трансцендентные, недоступные познанию качества. Так, например, возлюбленная Мод Гонн в образе Елены Троянской навсегда останется для поэта неким недостижимым идеалом. Данное утверждение основывается непосредственно на биографии поэта: как известно Мод Гонн неоднократно отвергала Йейтса.

При рассмотрении дейктической функции наречий следует обратить внимание в первую очередь на наречия here/there. В ранних произведениях поэта мы часто находим описание сказочных, загадочных мест. В стихотворении "The Stolen Child" перед нами предстает таинственный мир фей, при описании которого Йейтс использует наречие "there":

Where dips the rocky highland
Of Sleuth Wood in the lake,
There lies a leafy island.

Мир сказочных фей находится по ту сторону действительности, за пределами досягаемости. Точно так же в

произведении “Supernatural Song” наречие “there” является конечной точкой мистического созерцания: There all the barrel-hoops are knit./ There all the serpent-tails are bit./ There all the gyres converge in one./ There all the planets drop in the Sun.

There обозначает некое максимально абстрактное место, находящее за пределами человеческого воображения.

В заключении следует отметить, что исследование дейктических функций слов here/there, this/that представляет определенную трудность, поскольку их роль подчас от нас ускользает. Чаще всего читатель оказывается в некоем промежуточном пространстве между реальностью и мечтой, миром грез и фантазий. В некоторых случаях указательные местоимения четко указывают на то или иное лицо, при этом читатель лишь догадывается о ком или о чем именно может идти речь (“In Memory of Major Robert Gregory”, “The Municipal Gallery Revisited”). Реальные люди описываются подобно легендарным фигурам прошлого. Подобного эффекта поэт добивается благодаря использованию конструкций с указательными местоимениями, имитируя при этом стиль скальдической поэзии.

В других случаях использование this/that обусловлено степенью достоверности изображаемого объекта или образа. Переход в область трансцендентного осуществляется при помощи местоимения that, в то время как this/these обозначает некие априорные, трансцендентальные качества.

Функции наречий here/there не столь разнообразны. Следует отметить, что наречие there выводит читателя далеко за грани повествования, создавая уникальные и неповторимые пространственно-временные рамки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст]/ О.С. Ахманова – М.: URSS, 2009 - С. 126
2. Кружков, Г.М. У.Б. Йейтс [Текст]/ Г.М. Кружков- М.: РГГУ, 2008-С. 35
3. Eliade Mircea, The Sacred and the Profane. The Nature of Religion [Текст]/ Eliade Mircea - HBJ Book, 1957 - С.80
4. Ellman Richard, The Identity of Yeats [Текст]/, Ellman Richard - London: Faber, 1964 – С.138
5. Foster, R.F. W.B. Yeats. A Life [Текст]/ R.F. Foster - С. 623
6. Grene Nicholas, Yeats’s Poetic Codes [Текст]/ Grene Nicholas - Oxford University Press, 2008 – С. 32
7. Jeffars A. Norman, Maud Gonne, A Servant of the Queen [Текст]/ Jeffars A. Norman - Gerrards Cross: Colin Smythe, 1994 – С. 317-318.
8. Maddox Brenda, Yeats’s Ghosts: the Secret Life of W.B. Yeats [Текст]/ Maddox Brenda – Perennial, 2000- С. 303-352

«А ЗЕМЛЯ И ВОДА...» (К ВОПРОСУ О ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТИ ПЕРВОСТИХИЙ
В ПОЭЗИИ В.С.ВЫСОЦКОГО)

Аниськов В.В.,
соискатель,
кафедра русского языка,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: земля, вода, противопоставление первостихий
Key words: earth, water, opposition of elements

Аннотация. В статье рассматривается противопоставление имён первостихий земля и вода в поэтическом творчестве В.С.Высоцкого, проанализированы 24 случая такого противопоставления, установлены различные типы этой противопоставленности.

The paper deals with opposition of names of elements "earth" to "water" in poetic creative works by V.S. Vysotsky. 24 cases of such opposition have been analysed, and different types of this opposition were stated.

Первоэлементы всё чаще становятся объектом лингвистического рассмотрения, при этом значительная часть исследований проводится в русле концептологии (см., например, [2], [3], [8], [10], [12] и др.)

Однако для некоторых работ характерно рассмотрение первоэлементов как лексем ([1], [5], [6], [9] и др.)¹.

Мы рассматриваем первоэлементы прежде всего и только как лексемы, как имена сущностей, не вдаваясь в дебри концептуального анализа. Насколько нам известно, отдельно не ставился вопрос о сопоставлении имён первостихий применительно к творчеству отдельно взятого автора. У В.С.Высоцкого слова земля и вода заметно опережают названия других первостихий.

У слова земля есть значение, которое прямо противопоставлено значению слова вода: «2. Суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства)» [13: 608]. У слова вода такого значения (и оттенков) не отмечается.

В общем виде сопоставление земли и воды намечено В.Н.Росляковой: «Четвёртое значение «Суша (в отличие от водного или воздушного пространства)» представлено 37 раз. Здесь тоже можно отметить несколько разновидностей.

Противопоставление суши воде отмечено 24 раза. Здесь имеются и несомненные, бесспорные случаи, например: «От земли освобождаясь, Приказал рубить концы»; «Руль полборта налево - и в прошлом земля»; «И назло моим заботам на земле»; «И качается земля»; «И, влюблённые в море, живём ожиданием земли» и т.д. (все эти случаи отмечены в «морских песнях»). Один случай не так бесспорен: «А земля и вода - стонами» («Аисты»). На наш взгляд, здесь хоть и представлены 2 стихии, но они даны в единстве» [11: 8]. Однако следует иметь в виду, что в этих 23 случаях имеет место не только противопоставление земли и воды; есть и сопоставление этих стихий, есть и определённое их объединение.

В презентации лексемы земля мы воспользовались дан-

ными, полученными В.П.Изотовым [7]. Мы рассмотрим последовательно все соположения земли и воды в поэтическом творчестве В.С.Высоцкого².

1. А земля и вода - стонами («Аисты»). В данном случае, хоть противопоставление земли и водного пространства, присутствует, следует говорить об известном единстве земли и воды, которые, взбаламученные, взорванные войной, противопоставлены лесу, который, как всегда, кронами (земля, вода противопоставлены воздуху)³.

2. На краю края земли, где небо ясное («Сказка о несчастных сказочных персонажах»). «Край земли» - это «крайняя точка земной тверди», за которой начинается водная гладь. В.Н.Рослякова считает, что в данном случае реализовано только значение «Территория какой-либо страны, государства» [11: 9]. Можно считать, что здесь присутствует оттенок этого значения (в смысле «на границе государства»), но это очень вольное толкование.

3. Встал вопрос с землёй остро («Свой остров»), поскольку моряки, находящиеся в долгом плавании, стремятся к земле.

4. Я теперь в дураках - не уйти мне с земли («Я теперь в дураках - не уйти мне с земли...»). «Мне расставила суша капканы» - следующая строка песни. Возникает противопоставление земли, которая предстаёт символом ограничения свободы, передвижения, воде как реализации этой свободы.

5. В покрывала земель («Баллада о брошенном корабле») стремятся моряки после долгого морского странствия. (Ср. 3).

6. Не видать и земель («Баллада о брошенном корабле») кораблю, севшему на мель: недостижимость земли противопоставлена долгому (если не вечному) присутствию воды.

7. Всем нам хватит земли («Баллада о брошенном корабле»). «Всем нам хватит воды» - предыдущая строка; земля и вода уравниваются, нейтрализуются их противопоставление, они становятся чуть ли не синонимами⁴.

8. От земли освобождаясь («Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты...»). Земля, в силу долгого пребывания на ней, тяготит матросов, и поэтому они стремятся в море, к воде. (Ср. 3, 5).

9. Руль полборта налево - и в прошлом земля («Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты...»). Развитие предыдущей ситуации (Ср. 3,5,8).

2. Материал цитируется по изданию [4].

3. Кстати, это едва ли не единственный текст В.С.Высоцкого, где действуют все стихии: «Воздух звуки хранить Разные»; «Это в поле пожар Мечется».

4. В известной степени можно говорить о неком типологическом схождении с примером 1.

10. Узнай, а есть предел - там, на краю земли («Горизонт»). Гонщик, достигая края земли, закономерно оказывается у воды (Ср. 2)⁵.

11. Но прозреем от чёрной полосы земли («Белое безмолвие»). Земля противопоставлена в данном случае снегу, который представляет собой одно из агрегатных состояний земли. В общем виде эта противопоставленность отмечена в [11: 8]. Однако там нет указания на то, что снег есть агрегатное состояние земли.

12. Земля! Смотрите, братики, - земля («Тюменская нефть»). Четверостишие выглядит так: «Моряк, с которым столько переругано, - / Не помню уж, с какого корабля, - / Всё перепутал и кричал испуганно: / «Земля! Смотрите, братики, - земля!»». В данном случае за землю была принята нефть. «Перепутанность» у моряка возникает из-за того, что очень долго искали нефть (как будто долго были в плавании), и вот, наконец, результат.

Противопоставленность, таким образом, носит скрытый характер.

13. И назло моим заботам на земле («Когда я спотыкаюсь на стихах...»)⁶. «Вы возьмите меня в море, моряки», - просит лирический герой песни, предпочитая земле (с различного рода ограничениями) море (Ср. 3,5,8,9).

14. В день, когда мы, поддержкой земли заручась («В день, когда мы, поддержкой земли заручась...»). В данном случае нет предпочтения одной стихии другой: «В день, когда мы, поддержкой земли заручась. / По высокой воде, по солёной, своей, / Выйдем точно в назначенный час, - / Море станет укачивать нас, / Слово мать непутёвых детей».

15. И опять уплываем, с землёй обручась («В день, когда мы, поддержкой земли заручась...»). Напомним всё пятистишие: «И опять уплываем, с землёй обручась - / С этой самую верной невестой своей, - / Чтоб вернуться в назначенный час, / Как бы там ни баюкало нас / Море - мать непутёвых детей».

В общем виде всем известно, что невеста (жена) всегда оказывается предпочтительнее матери. Применительно к сопоставлению земля // вода такое обозначение, насколько нам известно, ещё не применялось.

По сути, здесь здесь неразвёрнутое противопоставление.

16. А земле, чтобы ждать веселей («Этот день будет первым всегда и везде...»)⁷. Две стихии одинаково дороги, они уравнены - в позитивном отношении к ним.

17. Все открытые земли давно нарекли («Этот день будет первым всегда и везде...»). Как правило, земли открылись после долгих путешествий по воде.

18. Повезёт - и тогда мы в себе эти земли откроем («Этот день будет первым всегда и везде...»). Кроме того, что реализуется противопоставление земля // вода, здесь наблюдается весьма любопытный нюанс: земли открываются не в морях, а в себе, в людях⁸.

5. Земля закономерно оканчивается, и начинается водный простор. В.Н.Рослякова считает, что в данном случае реализовано только значение «Территория какой-либо страны, государства» [11: 9]. Можно считать, что здесь присутствует оттенок этого значения (в смысле «на границе государства»), но это очень вольное толкование.

6. Строчка повторяется трижды.

7. Повторяется трижды.

8. Конечно, это следует понимать в том смысле, что, как новые земли моряки, люди открывают в себе что-то новое.

19. И, влюблённые в море, живём ожидаемьем земли («Вы в огне да и в море веки не сыщете брода...»). Земля и вода не противопоставлены друг другу, а сближены друг с другом, уравнены в позитивном к ним отношении (Ср. 7, 14, 16)⁹.

20. Правда, сверху видней, впереди же - исход и земля («Вы в огне да и в море веки не сыщете брода...»). Как и в предыдущем случае, земля и вода не противопоставлены друг другу (Ср. 7, 14, 16, 19)¹⁰.

21. Тот на земле не замечает гор («Шторм»). «Кто в океане видит только воду - / Тот на земле не замечает гор»: здесь реализуется сопоставление-противопоставление. Налицо общая противопоставленность воды и земли, однако есть ещё очень интересный нюанс: земля воспринимается как общее, частью которого являются горы; вода воспринимается как часть океана.

22. Вроде чёрного кота на земле («Мореплаватель-одиночка»). Общее противопоставление земля // вода реализуется не прямо, а через некое общее (в данном случае - приметы): чёрный кот на земле, а мореплаватель-одиночка на море являются предвестниками беды.

23. Поскучнели, отрешась от земли («Мореплаватель-одиночка»). Противопоставленность; предпочтение отдаётся земле.

24. Там, на земле, - и стол и дом («Упрямо я стремлюсь ко дну...»). Пожалуй, самый интересный случай: противопоставление земли воде, однако там, на земле - «Я плывал всё же - хоть с трудом, Но на поверхности держался». Вода, таким образом, оказывается составной частью земли.

Таким образом, сопоставление земли и воды в поэзии В.С.Высоцкого реализуется либо как их уравнивание (в позитивном отношении к обеим стихиям («К двум полюсам ведёт меридиан», - сказал сам поэт почти по этому случаю)), либо как противопоставление этих стихий - с предпочтением одной из них. Это является системой для поэта, которую только подчёркивают единичные несистемные случаи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабаева В.Э. Вода 1.1, влага 1.1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. - М.: Языки русской культуры, 2003. - С.48-52.

2. Борискина О.О. Языковая категоризация первостихий воздуха, огня, воды и земли: Автореф. дисс... канд. филол. наук. - Воронеж, 1999. - 22 с.

3. Верхотурова К.С. Огонь в зеркале русского языка: Автореф. дисс... канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2008. - 24 с.

4. Высоцкий В.С. Собрание сочинений в двух томах. - Екатеринбург: У-Фактория, 1997. - 544 с. (1 т.); 544 с. (2 т.).

5. Добрушина Н.Р. Воздух: вещество или пространство, материя или дух // Логический анализ языка: Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д.Арутюнова, И.Б.Левонтина. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С.217-226.

6. Иванова, А.П. Словообразовательные гнезда с вершинами-наименованиями четырех мировых стихий: диахро-

9. Здесь реализована ещё и оппозиция вода // огонь.

10. Здесь реализована ещё оппозиция вода // воздух: «Наверху, впереди - злее ветры, багровее зори, - / Правда, сверху видней, впереди же - исход и земля» (выражена эта оппозиция на уровне концептов).

нический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 193с.

7. Изотов В.П. Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: Конкорданс на букву «З». – Орёл, 2005. – 38 с.

8. Костин А.В. Вода // Антология концептов / Под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. – М.: Гнозис. – С.268-277.

9. Левонтина И.Б. Огонь 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.233-238.

10. Петрова С.В. Стихия ЗЕМЛЯ в языке поэзии Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Б.Ахмадулиной: Автореф. дисс... канд. филол. наук. - Белгород, 2009. – 24 с.

11. Рослякова В.Н. «Ведь земля – это наша душа» (об употреблении значения слова земля в поэзии В.С.Высоцкого) // Полифилология-6. – Орёл, 2006. – С.7-10.

12. Фролова Л.В. Концепты первостихий («вода», «воздух», «земля», «огонь») в романе М.М.Пришвина «Кашеева цепь»: Дис. ... канд. филол. наук. – Липецк, 2012. – 220 с.

13. Словарь русского языка: В 4-х т. Т.1. А-Й. – М., 1985. – 696 с.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ

Бажук О.В.,
старший преподаватель,
кафедра психологии и социальной педагогики,
Омский государственный педагогический университет (филиал в г.Таре)

Ключевые слова: моделирование, педагогическая профилактика, профессиональное здоровье
Key words: the modeling, the pedagogical precautions, a professional health

Аннотация. Статья раскрывает сущность модели педагогической профилактики профессионального здоровья студентов, будущих социальных педагогов. В ней представлено содержание каждого из этапов модели: целевого, структурно-содержательного и результативного.

This article reveals the essence of professional students' health pedagogical precautions model for future social pedagogues. Here there is a content of every model's stages: aim, structural- substantial and resulting.

В настоящее время все большее внимание специалистов привлекает к себе проблема профессионального здоровья (В.А. Пономаренко, А.Н. Разумов, В.А. Пискунов и др.). Данная проблема является междисциплинарной (педагогика, психология, медицина и др.) и над ее решением работают представители разных научных специальностей.

Существующая образовательная система высшей школы России нередко выступает фактором снижения профессионального здоровья студентов и преподавателей.

Заболеемость студентов, по данным разных авторов, колеблется от 700 до 1200 случаев на 10000 человек. При этом за период обучения в ВУЗе состояние здоровья студентов, как правило, ухудшается. Их высокая заболеваемость обусловлена, с одной стороны, низким уровнем знаний в области культуры здоровья и недостаточно здоровым образом жизни, а с другой стороны, социально-экономическими условиями, носящими стрессогенный характер. Поэтому важной задачей преподавательского состава системы высшего образования становится формирование у студентов готовности к здоровьесбережению.

Рассмотрим, как определяется понятие «здоровьесбережение» в научных работах современных исследователей (таблица 1).

Таблица 1. Трактовка понятия «здоровьесбережение» в научных работах современных исследователей

Автор	Определение «Здоровьесбережение – это...»
Невраева И.П.	процесс, который включает в качестве структурных компонентов: культуру здоровья, ориентацию на комплексность здоровья и формирование здорового образа жизни [1, с. 7].
Пичугина И.В.	с одной стороны, комплекс мер, направленных на выработку у участников образования потребности в сохранении и укреплении своего собственного здоровья; с другой стороны, создание условий, направленных на сохранение и укрепление здоровья участников образования [2, с. 24].
Сериков Г.Н., Сериков С.Г.	предстает единством мер, предпринимаемых участниками образования и направленных на улучшение здоровья у них самих и у партнеров, а также на рост качества образования и профессиональной квалификации [4, с. 180].

Таким образом, здоровьесбережение предполагает сохранение здоровья на заданном уровне.

Медицинское сопровождение профессиональной деятельности обычно направленно на диагностику расстройств и выявление отклонений от нормы. Современные условия жизнедеятельности изменили данные требования, включая в них необходимость оценки конструктивных ресурсов в период, когда признаки заболевания ещё отсутствуют и их развитие можно предупредить. Это позволяет эффективно влиять на состояние здоровья специалиста, избегать профессиональных деформаций с целью обеспечения его сохранности.

Указанные обстоятельства привели к появлению в научном поле понятия «профессиональное здоровье».

Под профессиональным здоровьем В.А. Пономаренко понимает возможность человеческого организма активизировать и сохранять компенсаторные, регуляторные механизмы, обеспечивающие работоспособность и развитие специалиста в течение профессиональной деятельности [3, с. 12]. В данной концепции определяется закономерная связь между внутренними ресурсами человека и состоянием его профессионального здоровья: чем значительнее резервы, тем эффективнее профессиональная деятельность и профессиональное долголетие.

По мнению А.Г. Маклакова, профессиональное здоровье – это совокупность характеристик (компонентов) здоровья специалиста, отвечающих определенным требованиям и обеспечивающих высокую эффективность профессиональной деятельности [3, с. 7]. Рассмотрим данные компоненты профессионального здоровья.

Эмоциональный компонент профессионального здоровья включает в себя эмоциональную устойчивость и саморегуляцию эмоциональных состояний.

Когнитивный компонент профессионального здоровья представлен двумя составляющими:

1) знания человека о здоровье, об деструктивных и конструктивных факторах, влияющих на профессиональную деятельность специалиста и др.

2) особенности познавательных процессов: устойчивость внимания, профессиональная память, критичность мышления и др.

Поведенческая составляющая профессионального здоровья заключается в выборе специалистом определенной стратегии поведения в социально-педагогической деятельности.

Эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты взаимосвязаны друг с другом и представляют единый процесс здоровья специалиста любой профессии.

Таким образом, профессиональное здоровье - это системное понятие, в которое входят эмоциональный, когнитивный и поведенческий аспекты личности.

Специфика профессиональной деятельности социальных педагогов отрицательно сказывается на его профессиональном здоровье: большое количество эмоционально насыщенных и когнитивно - сложных межличностных контактов, личный вклад в ежедневные профессиональные дела, желание получить обратную связь (благодарность, признание, проявление уважения) и ряд других факторов могут привести к формированию синдрома профессионального выгорания.

Для сохранения профессионального здоровья и предупреждения формирования синдрома выгорания мы разработали структурно-функциональную модель профилактики профессионального здоровья студентов, будущих социальных педагогов, на основе ресурсного подхода. Моделируемый нами процесс педагогической профилактики профессионального здоровья среди студентов, будущих социальных педагогов, с одной стороны, автономен, так как имеет свою собственную целевую направленность, содержание, технологический инструментарий и результат, а с другой стороны, является частью процесса высшего профессионального образования.

Первым блоком модели является целевой блок, направленный на актуализацию и активизацию внешних и внутренних ресурсов студентов, будущих социальных педагогов, в целях педагогической профилактики профессионального здоровья.

В качестве оснований достижения цели в модели профилактической деятельности нами были обозначены несколько групп принципов: принципы-цели (аксиологический), принципы-условия (сотрудничества, добровольной деятельности, актуализации результатов, рефлексивности) и принципы-средства (безоценочных обратных связей, личной ответственности, «здесь и теперь», принцип контроля за результатами профилактической деятельности).

Последним компонентом первого блока, обеспечивающим эффективность реализации цели, выступили условия, к которым относится организация здоровьесберегающей образовательной среды и социально-психолого-педагогическая поддержка студентов.

Образовательная среда обеспечивает формирования личности по заданному образцу, создает условия для развития ее потенциальных возможностей [5, с. 14].

Поскольку воздействия социального окружения (внешний ресурс) на профессиональную деятельность студентов, будущих социальных педагогов, могут выступать не только как фактор актуализирующий, поддерживающий, стимулирующий, направляющий, но и как тормозящий, блокирующий, деформирующий усилия личности, мы, в качестве обязательного условия, рассматриваем социально-психолого-педагогическую поддержку здоровьесберегающей деятельности студентов.

Это выражается в организации здоровьесберегающей образовательной и воспитательной системы, реализующей обозначенную цель, в формировании психологически комфортных отношений между субъектами образовательного процесса, активизации их взаимодействия и т.д.

Следующий блок модели - структурно-содержательный - включает основные этапы формирования здоровьесберегающей деятельности субъектов образовательного процесса: диагностический, этап разработки программы, этап реализации программы (профилактический).

В процессе реализации программы подтвердилась необходимость сопровождения студентов в движении:

- от снижения профессиональной мотивации - к здоровой оценке места профессии в своей жизни, рациональному выбору специальности и места работы, развитию своего творческого потенциала, как на работе, так и в сферах досуга, общения и хобби, коррекции жизненных ценностей и приоритетов;

- от неосведомленности в области здоровьесбережения - к знанию человека о профессиональном здоровье, понимании его роли в процессе жизнедеятельности;

- от инертности и бездействия - к поведенческой активности, направленной на сохранение и укрепление профессионального здоровья;

- от эмоционального истощения - к умению контролировать свои эмоциональные ресурсы;

- от личностной отстраненности - к умению поддерживать контакт с теми, с кем приходится работать.

Завершающим блоком модели является результативный блок. Мы предлагаем отследить полученные результаты на основе следующих критериев:

- 1) целевой критерий (аксиологический): формирование ценностей и установок студентов на здоровьесбережение в процессе образовательной деятельности;

- 2) результативный критерий (включающий в себя мотивационный, эмоционально-оценочный, когнитивный и поведенческий - в зависимости от выделенных групп ресурсов): снижение уровня психолого-педагогических проблем у студентов, будущих социальных педагогов, способствующих возникновению синдрома профессионального выгорания;

- 3) интегративный критерий: выявление специфики профилактики профессионального здоровья у студентов педагогического ВУЗа.

Таким образом, реализация модели в образовательной среде ВУЗа за счёт участия студентов, будущих социальных педагогов, в профилактической программе, будет способствовать сохранению их профессионального здоровья, путем использования внутренних и внешних ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Невраева, И.П. Деятельность социального педагога по здоровьесбережению детей младшего школьного возраста [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / И.П. Невраева. - Челябинск, 2002. - 23 с.
2. Пичугина, И.В. Содержательное обеспечение формирования готовности студентов педагогического колледжа к осуществлению здоровьесбережения учащихся [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / И.В. Пичугина. - Челябинск. - 2000. - 174 с.
3. Психология профессионального здоровья: учебное пособие / под ред. Г.С. Никифорова. - СПб.: Питер, 2006. - 480с.
4. Сериков, Г.Н. Здоровьесбережение в гуманном образовании [Текст] / Г.Н. Сериков, С.Г. Сериков. - Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 1998. - 242 с.
5. Ясвин, В.А. Образовательная среда от моделирования к проектированию [Текст] / В.А. Ясвин. - М.: Смысл, 2001. - 365 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕДРЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ ИННОВАЦИЙ В СИСТЕМЕ ПРОДВИЖЕНИЯ БАНКОВСКИХ ПРОДУКТОВ

Безделев В.А.,
аспирант,

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

Ключевые слова: инновационное развитие, банковская система, экономика, кредит, продукт, инновации
Keywords: innovative development, banking system, economics, credit, product, innovation

Аннотация. Сегодня наконец достигнуто соответствие уровня развития технологий потребностям рынка, что открывает путь дальнейшему распространению мобильных финансовых инноваций.

Today at last compliance of a level of development of technologies to requirements of the market that opens a way to further distribution of mobile financial innovations is reached.

Мобильные платежные услуги — это инновационный вызов в области конкуренции финансовых институтов за конечного потребителя. В Западной Европе банкирские дома имеют многовековую историю, ниши поделены, тарифы практически одинаковы, линейка банковских продуктов идентична. В поисках неоткрытых Америк платежные операторы идут от банка как традиционного способа доставки услуги - к телефону.

В современном мире условно можно выделить несколько основных направлений внедрения финансовых инноваций, таких как:

- мобильность
- интероперабельность
- повышение лояльности потребителя

Отделений банков — сотни тысяч и миллионы. Уникальных телефонных номеров — миллиарды. Стоимость приобретения нового клиента в секторе мобильных платежей в десятки раз ниже, чем в традиционном банкинге и в международных карточных системах. Если даже в России, по разным оценкам, от 60 до 80% [1, с.20-22] населения не охвачено банковскими услугами, то в странах третьего мира доля массовых потребителей платежных услуг еще меньше. Индустрия мобильных платежей небезосновательно планирует в ближайшие годы свое расширение за счет именно этого сегмента.

В скорейшем развитии сектора мобильных платежей сошлись интересы банков, международных карточных систем, операторов связи, производителей телефонов и потребителей, что несомненно отразится на развитии данного сегмента в ближайшее время в еще большей степени.

От унификации - к интероперабельности

С тех пор как в компании General Motors и у всех ее дилеров ввели единую стандартизированную систему учета, все дилеры компании и сотрудники всех ее уровней получили возможность классифицировать свои данные абсолютно единообразно. К середине 1930-х годов дилеры GM, авто-мобильные заводы и штаб-квартира корпорации могли выполнять детальный финансовый анализ, опираясь на одни и те же цифры. Конкретный дилер, например, мог не только оценивать собственную эффективность, но и сопоставлять ее со средними показателями. Благодаря предоставляющей точную информацию инфраструктуре GM стала весьма динамичной организацией, к чему другие

автомобилестроители десятилетиями не могли даже приблизиться [2, с.17, 19].

В нынешнем глобализованном мире множества поставщиков стандартизированных товаров и услуг невозможно говорить о полной унификации их продуктов под «одну гребенку», ибо как раз в инновационных различиях нередко кроются их основные конкурентные преимущества. Однако на повестку дня встает требование интероперабельности - доступности продуктов, товаров и услуг в рамках мультистандартной линейки потребительского выбора.

Множество действующих лиц, разновидностей финансовых услуг приводит к конкурентному сосуществованию множества даже не видов, а целых поколений инновационных решений в финансовом секторе. Только тогда у тех или иных финансовых инноваций будет шанс на удачу, когда они, достигнув критической массы, или сами станут квази-стандартом для рынка или смогут соответствовать одному из открытых стандартов.

Интероперабельность нужна всему рынку, более того, она повышает рыночную стоимость производимых продуктов. В противном случае всегда есть опасность монополизации или картелизации рынка с целью узурпировать всю выгоду от инноваций.

Все чаще в конкурентной борьбе побеждают те инновации, которые придерживаются подхода открытых стандартов Интернета. Это означает, что новый продукт будет работать с любым интернет-совместимым устройством независимо от того, предлагает ли его поставщик услуги или производитель товара.

Интероперабельность в отраслях высоких технологий: преимущества и опасности

Справедливости ради отметим, что европейский законодатель всеми доступными ему административными методами добивается внедрения стандартов интероперабельности и в других секторах индустрии высоких технологий. Стоит только вспомнить хронологию и суммы штрафов, наложенных руководящими органами ЕС на гиганта компьютерной индустрии, компанию Microsoft, за отказ подчиниться требованиям ЕС в области интероперабельности с программами конкурентов! Март 2004 г. - злоупотребление доминирующим положением: 497 млн евро. Июль 2006 г. - отказ от выполнения предыдущего решения: 280.5 млн евро. Февраль 2008г. - начисление конкурентам неблагоприятных комиссий: 899 млн евро.

Запросам по различным продуктам компании Microsoft был дан ход после того, как Специальный уполномоченный ЕС по вопросам конкуренции, г-жа Кроес, получила жалобы, что компания незаконно привязала свой веб-браузер, Internet Explorer, к своей же операционной системе Windows, и мешала конкурентам работать с Windows, не раскрывая достаточную информацию по ее интероперабельности. В итоге компания согласилась издать техни-

ческую информацию по своим основным продуктам, разрешая разработчикам создать программное обеспечение, совместимое с ними, причем, не заставляя разработчиков платить за лицензии.

Отклики сообщества экспертов на эти прецеденты не были однозначными. Некоторые из них указывали на тот факт, что интероперабельность в определенной степени означает раскрытие инновационных разработок перед конкурентами и тем самым обесценивает усилия инноватора и понесенные им затраты.

Введение ограничений искусственно сужает область успешной коммерциализации инноваций. Поэтому множатся примеры обратного рода, где инновации создаются на основе открытых стандартов и максимально упрощенного доступа. Так, недавно семь британских банков развернули совместный проект по запуску платформы для мобильного банкинга. Ее коммерциализацию осуществляет совместное предприятие MONILINK. Особенности платформы - безопасная связь со всеми мобильными сетями Великобритании и техническая возможность для доступа к ее сервисам любого британского банка.

Повышение лояльности потребителя

Непростая задача стоит сегодня - объединить несколько разноплановых банков-участников так, чтобы поток клиентов, который они в совокупности могут предложить, заинтересовал компании-партнеры. Кроме того, соотношение с нейтральной программой, в которой принимает участие не один, а несколько, более желательное.

Еще одна проблема - удержание компаний-партнеров. На первых порах создать их пул было несложно. А вот после вступления в программу многие из них ожидают мгновенной отдачи, тогда как увеличение потока клиентов и повышение их лояльности происходит постепенно. Некоторые компании-партнеры оказываются не в состоянии поддерживать на должном уровне качество оказываемых услуг и информирования клиентов.

Мировой финансовый кризис учит нас, что нельзя построить долговременный и устойчивый бизнес на основе внешних источников фондирования [4, с.23-25]. Наиболее надежным ресурсом ликвидности были и остаются средства, уже имеющихся у кредитных организаций клиентов, что в свою очередь, делает необходимым пересмотр всей философии ведения банковского дела. Банкам надо клиентов обхаживать и лелеять. Пришло время борьбы не за одного клиента, а за массы, за рынок, время не единожды совершенных сверхвыгодных сделок, а последовательной, каждодневной, грамотной кропотливой работы. Для большинства потребителей банковских услуг абсолютно не имеет значения, кто их обслуживает, иностранный или отечественный банк, небанковская ли финансовая организация: главное, чтобы этот контрагент предлагал выгодные условия, высочайшее качество сервиса и был весьма надежен. Банки, чтобы укрепить рыночные позиции и выстоять в конкурентной гонке, должны завоевать доверие клиентов.

Кредитные организации дают следующую информацию: использование банковских пластиковых карт в компаниях - партнерах программ лояльности увеличивается в разы в Западной Европе, а в России - в десятки раз. Зарубежные исследования показали, что использование

разного рода программ лояльности приводит к снижению текучести покупателей на 30-35% и увеличению оборотов на 10%. Такие программы дают «синкретизм выгод», включающий: закрепление постоянного клиента, возможность его материального и психологического поощрения в зависимости от его активности, увеличение размера розовых покупок и общего объема продаж, персонализацию обращения к клиенту.

Банкиры зачастую используют межсезонные перепады в потребительском спросе для привлечения более дешевых ресурсов. По данным исследовательской компании BIGresearch, в 2007 г. американцы потратили в рождественские праздники на подарки 154 млрд долл.

Родственный идеям Рождественского клуба бизнес по выпуску подарочных платежных карт в США в 2008 г., по оценкам, вырастет на 7% - до 27 млрд долл. При этом 57,6% опрошенных потребителей собираются преподнести своим близким рождественский подарок в виде платежной карты [3, с.25].

В свою очередь, корпоративные клиенты банков с помощью подарочных карт премируют своих сотрудников за хорошую работу и благодарят клиентов за проявленную лояльность к фирме.

Розничные торговые сети заказывают у банков рождественские карты лояльности для дальнейшей рассылки своим постоянным клиентам. На данные карты торговой сетью, которая фактически использует заемные средства банка, уже начислена определенная сумма средств. Потенциальному покупателю остается только прийти в магазин и потратить уже начисленные ему деньги. Однако, возмещать проценты по кредиту ему придется уже банку - посреднику по весьма высокой для США ставке в 18-20% годовых. Многие банковские программы лояльности нацелены на премиум- сегмент потребителей, как, например, программа Buy and fly! (США) [4, с.38-39].

В профессиональной литературе отмечается: сегодня уже не достаточно предоставлять информацию о своей деятельности только узкому кругу избранных клиентов или партнёров [5, с.16]. Информацией должен обладать весь рынок. Современный банковский бизнес нацелен на создание универсального инструмента по продвижению самых различных финансовых продуктов, который мог бы меняться в зависимости от потребностей и предпочтений клиента. Это закономерно приводит к увеличению количества программ лояльности, связанных с распространением банковских услуг, особенно банковских карт. Выгоды для банка в данном случае двойные. Во-первых, банки заинтересованы в удержании клиентов, во-вторых, в заработке. С каждой транзакции по банковской карте они зарабатывают деньги. Чем чаще клиент пользуется картой, тем больший доход получает кредитная организация.

По различным экспертным оценкам, при использовании инновационных электронных и мобильных технологий удельные затраты кредитной организации на завоевание одного клиента в 4-15 раз ниже, чем при традиционном подходе с использованием одних лишь банковских отделений и филиалов. Интересно было бы изучить аналогичную статистику по затратам на удержание клиентов и сравнить степень лояльности клиентуры, полученной с помощью различных каналов дистрибуции банковских продуктов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Статистика науки и инноваций. Краткий терминологический словарь/Под. ред. Л.М. Гохберга — М.: Центр исследований и статистика науки, 2006
2. Викулов В.С. Инновационная деятельность кредитных организаций. // Менеджмент в России и за рубежом. - №1. - 2008.
3. Банковский продукт как средство в конкурентной борьбе // Банковское обозрение . – 2007. – № 9 (87) (сентябрь).
4. Кулевский, Г.В. Теоретико-методологические основы инновационной деятельности кредитных организаций.// Транспортное дело России.– М.: 2009, № 6,
5. С. Могильницкий. Особенности повышения эффективности управления инновационной деятельности субъектов банковской системы в России. М: 2010

ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

Белых А.С.,
аспирант,

кафедра философии политики и права,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ключевые слова: политическая наука, становление политологии
Key words: political science, formation of political science

Аннотация. В данной статье автор проводит краткий экскурс в истоки зарождения политической науки и её формирование с целью увидеть динамику развития политической науки.

In this article the author conducts a brief excursion into the origins of political science and its development in order to see the dynamics of political science.

Исследовав написанное по политической науке, как в Москве, так и в провинции, можно увидеть, что основной проблемой для исследователей являлись ряд проблем - подготовка кадров профессиональных политологов, формирование новых научных политологических центров и основных векторов развития, поиск и формирование национальной основы политической науки и политологии как учебной дисциплины, изучение и развитие теории общей политологии и конкретных направлений прикладной политологии, развитие и налаживание контактов с зарубежными школами и центрами политической науки, налаживание связей между политической наукой и политической практикой.

Как известно, политическая наука России до 90-х. XX в. не существовала как отдельная систематизированная наука. Тогда как в США и странах Европы уже сто лет назад политология начала активно вырождаться в самостоятельную научную дисциплину. Конечно, в России зарождались истоки новой науки, но лишь только некоторые направления, в основном связанные с идеями государственности.

Нетрудно согласиться, что, как и другая любая наука, политология в России прошла несколько этапов формирования. Например, специфика допетровской эпохи характеризует политическую мысль России в то время, как тесно связанную с государственностью. Это заключалось в том, что она выражала социально-культурную специфику древней Руси, сильно повлияла на судьбу государственности.

В целом, в XVII в. в России активно развивается политическая мысль, власть становится объектом для наблюдений и исследований, формируются представления об экономической прочности государства, о превосходстве монархии над другими формами правления – олигархией, республикой, деспотией. Очевидно и то, что Екатерина II вдохнула в политическую мысль новую жизнь. Просветительские идеи духа прогресса, либерализма не могли не повлиять на монархических особ, что, в свою очередь, послужила толчком для возникновения идей первых реформаторов. Вместе с этим, в России происходит гуманистический прорыв, вызванный пропагандой общего блага. Впервые у монарха появляются обязательства перед обществом, что, несомненно, является важным изменением. Более того, в силу начинает вступать тезис Локка и Монтескье о равенстве всех граждан перед законом. При Александре I постепенно рождались идеи об отмене крепостного пра-

ва. Как мы знаем, всё шло к учреждению выборной думы, созданию представительных органов. Власть принадлежала императору, но дума могла вносить свои коррективы и предложения в проект закона. Но в XIX веке не было социальной базы для проведения таких нововведений, идей о демократизации монархии, это было обусловлено страхом перед дворянством и наступательной активностью консервативного окружения, что предвещало несостоятельность этих идей. Важно отметить, как идеи о демократизации монархии рассматривал Н. М. Муравьев, который выступал и обосновывал введение конституционной монархии, имущественного и возрастного ценза и другие демократические идеи.

Следует сказать, что период правления Николая I был не лучший период для России, политический застой, поражение революций в Европе, всё это обострило вопросы о дальнейшей судьбе России. На наш взгляд, одной из главных особенностей в это время было то, что политически думающая часть общества разделилась на западников и славянофилов. В свою очередь, Европа стала образцом для подражания западников. Западные ценности и ориентация для них стали платформой для размышлений целого ряда учёных, философов. Как мы знаем, заслуга западников в том, что они помогли справиться с излишним консерватизмом, идеализацией и отсталостью многих сфер - политической, экономической, социальной. Но, вместе с тем, западники так и не стали влиятельной силой, хотя раскол в дворянстве становился все очевиднее.

Отметим, что новый этап развития либеральных идей начался в период отмены крепостного права, судебной и земской реформы, демократизации университетского образования. Например, идеи либерализма развивались в учении Б.Н. Чичерина, выступающего за правовое государство, конституционную монархию. Также и П.И. Новгородцев выступал за идеи правового государства, в котором каждый имел бы хотя бы минимум социальных прав, гарантированных государством, этими правами он считал право на труд, профессиональную организацию, социальное страхование. Таким образом, видел «спасение» России в творческом подходе, в процессе перехода от традиционной автократии к государству с рыночной экономикой и демократическими институтами, контроль над развитием социальных отношений.

Надо сказать, что либеральные идеи хоть и были слабо распространены, но им всё же удалось показать ценность социального правового государства, идей свободы. Но тогда либерализму победить синкретизм, царящий в России и исключавший поиск новых идей политики, не удалось. Б.Н. Чичерин, например, видел драматизм русской политической мысли в преобладавших крайностях - радикализм и консерватизм.

Напомним, в первых десятилетиях XIX в. консерватив-

ные идеи вылились в идеи славянофильства, главные идеи которого, как мы знаем, усматривались в православии, самодержавии и народности, где русский народ религиозен, покорен хозяину-царю. В целом, славянофилы относились к существующему режиму довольно-таки критично, видя необходимость в экзистенции некоторых свобод, отмену крепостного права, но одновременно с тем не принимали западных политических идей. Считая, что главными ценностями России выступают внутреннее согласие народа, ценность духовности, видели опасность в принятии европейского пути развития, его вреда культуре России. Казалось, что новые для русского народа идеи с Запада внесут противоречия и враждебность одних к другим, что противоречило бы основным началам России.

Позже, надо отметить, возникают идеи русского народа, в которых России необходимо брать пример со всех мировых религий – православия, католицизма, иудаизма. Но для России эта идея была утопична. Русская идея была консервативна, ограниченная рамками устоявшихся традиций, что не давала толчка для развития свободы и автономии.

Важно и то, что русская идея была объединена общими чертами: понимание особенностей русской истории и культуры, Россия, как хранитель христианских ценностей, общность в устройстве и самоуправлении. Все эти особенности влияют на мир.

Во второй половине XIX в., несмотря на снижение значения революционного направления на Западе, в России стала оживать революционная идея, которая была связана с влиянием радикализма. В качестве примера можно сослаться на политические взгляды А.Н. Радищева, которые включали в себя черты русского радикализма, где он критикует крепостническое право и абсолютизм, был сторонником народной революции. Идеал устройства видел в добровольной организации вольных городов, где право государя принадлежит народу на вечевых собраниях, критиковал идею о разделении властей. В целом, можно сказать, что идеи Радищева были утопичными, вели в догосударственное начало. В общем же, идеи радикализма стали выливаться в идеи террора, царубийство, восстание. Из вышесказанного следует, что прийти к социализму можно было бы только с помощью насильственных перемен и крови. Организованно готовились к восстанию, подталкивали к революции. В конце концов, всё это привело к тому, что Россия вступила в полосу гражданской войны. Но были и нигилистские идеи, считавшие необходимость в народовласти. Что касается М.А. Бакунина - теоретика анархизма, то, продолжая тезис Руссо, видел зло в существовании государства, так как усматривал в нём лишь подавление народа.

В связи с отвержением государства, появляется более общая тенденция правового нигилизма. Славянофилов и радикалов соединяло между собой в пренебрежении государством права. Правовой нигилизм предполагал ограниченное избирательно право и возможность наличия неудобного парламента.

Важным элементом в развитии социально-политической мысли России начала XX в. является «Вехи». В знаменитом сборнике дан глубокий анализ зарождения и содержания революционного течения русской мысли. Особую роль в этом сборнике сыграла работа Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», где он делает глубокий фи-

лософский анализ развития социально-политической судьбы России. В революции для России видел разрушение и хаос, народ во время революции становится, по мнению Бердяева, «добычей дьявола» из-за потери духовности.

В связи с усилением недовольства революционной интеллигенции и молодёжи с их нетерпимостью и изоляцией от общества, начинается революция 1905-1907 гг. Это был разгул своеволия, массового террора. Проблема и «безответственность» революции заключалась в том, что она не несла в себе политическую подоплёку, главным была борьба и деспотизм во благо воспитания народа, а не формирование политической культуры. Трагичность русской революции заключалась в том, что она не ставила народу никаких нравственных и воспитательных задач, царил «массовая беспорядочность». В послеоктябрьский период политическая мысль России разделилась на два основных направления: ортодоксально марксистское, обеспечивающее идеологию политики партий; другое складывалось из работ по политике социалистического и консервативного характера. Однако, только в первые годы советской власти эти мысли имели какое-то влияние, так как вскоре большая часть ученых оказалась в эмиграции. Только в 90-е гг. стали известны другие политические мысли, что дало право на становление новой политологии как отдельной отрасли знаний, как науки.

Нельзя не согласиться с высказыванием Г.Х. Шахназарова – одним из основателей политической науки в России, в отношении политической науки: «Политологию растащили, растворили, и, грешным делом, думается, не случайно, а в силу некоего заговора правителей, не заинтересованных в том, чтобы их дела и делишки становились предметом научного анализа, размышлений и пересудов «критиканствующей» профессорской публики...» [1, с 53].

Продолжая свою мысль, Шахназаров пишет: «в качестве самостоятельной научной дисциплины политология начала возрождаться лишь в XX веке, а окончательно оформилась только после второй мировой войны. И то не везде, главным образом в США, Франции и других западных странах». «У нас её в глаза не видели. Какая может быть политическая наука, если марксизм-ленизм состоит из трёх основных частей: философии, политической экономики и научного коммунизма? Последний и есть настоящая наука о политике. Политология – это всего лишь буржуазная антинаука, поставляющая сырьё для антисоветской пропаганды, а её жрецы – псевдоучёные, состоящие на службе у мирового империализма. Я ни в малейшей степени не утрирую, именно такое понимание декретировалось идеологическими инстанциями и покорно принималось в научной среде. Кое-какие изменения произошли после XX съезда КПСС. Воспользовавшись новыми веяниями, тогдашние лидеры нашей юриспруденции выпросили согласие на создание Советской ассоциации политических наук (САПН, 1961 г.). Аргументировалось это тем, что нужно знать своего идеологического противника, чтобы вести с ними успешную борьбу. На практике дело свелось к возможности раз в три года посылать небольшую делегацию на всемирные конгрессы Международной ассоциации политических наук (МАПН). С каждого из таких конгрессов наши немногочисленные делегации возвращались с победными реляциями: дан отпор противникам марксистского учения, наша берёт вверх!» [1, с 117]. К сожалению, направляется очень жалкий вывод о том, что вектор развития

политологии был направлен лишь в нужное для советской власти направление.

Для большей убедительности, стоит, на наш взгляд, привести высказывание и других отечественных политологов. Например, наиболее полный обзор показывает номер 2001 года сборник «Политическая наука», издаваемый Институтом научной информации по общественным наукам РАН, Институтом сравнительной политологии РАН и Российской ассоциацией политических наук. В том номере целиком говорится об итогах отечественной политологии XX в. Например, в статье М.В. Ильина «Отечественная политология: осмысление традиций», он пишет о нескольких этапах формирования науки: «ранняя академическая политология старой России; криптополитология советской эпохи; де-факто политология современной эпохи; де-юре политология постсоветской эпохи». В итоге М.В. Ильин приходит к тому выводу что: «в своём нынешнем виде отечественная политология далека от чёткой структурированности и от ясности теоретико-методологических оснований. Более того, её границы весьма расплывчаты, а собственно научное ядро всё ещё в должной мере не сформировано» [2, с 5-22].

Для иллюстрации, сошлёмся и на другого отечественного политолога, доктора исторических наук, профессора А.А.Галкина, который, в свою очередь, считал, что рождение политологии приходится на вторую половину XIX века и, согласно ему, были направления в развитии – «политическая публицистика» и «академическая политическая наука». В общем, Галкин полагал, что рождение политологии приходится на период после отмены крепостного права и последующих реформ – с 1861 до 1905 гг. Вторым этапом в развитии политической науки пришёлся на период с 1905 до 1917 гг., так как расширился интерес к политическим явлениям. После 1917 года политология фактически перестала существовать, так как «верхи» не нуждались в этом. Для её возрождения была необходима усердная работа по восстановлению культурного и научного материала, подготовка кадры. Во время «оттепели», по мнению А.А.Галкина, происходит новое зарождение политической науки. Как правило, объектом исследования данного периода была зарубежная политология.

Нельзя не согласиться, что русская и российская политология отличаются от западной, прежде всего, своеобразием набора и содержания поставленных и решаемых вопросов, особенностями видения общих для всех стран проблем, отставанием в постановке одних вопросов, заимствованием основополагающих идей Запада.

Конечно, нельзя сказать, что политология как наука существовала всегда, ведь сложно представить её появления

без развития политической мысли, без появления разных политических направлений. Ведь именно в это время появляются великие ученые философы, теоретики, чьи имена ярко сияют на небосводе славы. Очевиден тот факт, что ученые продвигали своими работами политическую мысль вперед, соответственно, в будущем и политологию как науку. Не станем возражать и против того, что пока всё же политология, как систематизированная и структурированная наука, в России еще слабая, по сравнению с западной, т. к. она фактически не существовала на протяжении последних почти семидесяти лет ввиду политических событий Советской России. Но, мы видим, как она все сильнее набирает обороты и скоро станет достойной соперницей западной политологии.

Конечно, сейчас непростое время для изучения такой науки, как политология, ведь для более полного и глубокого изучения политологии мало литературы, но, даже используя известные исторические факты, а история нашей страны очень богата событиями разного рода, можно предвещать предстоящие события, анализ которых, в свою очередь, будут обогащать политическую науку.

До начала 90х гг. России, как говорилось ранее, была неведома систематизированная политическая наука. Если в других странах, например, в США уже столетие назад начали зарождаться такие проблемы политической науки, как гражданское общество, политические идеологии, политические режимы, типология политических и партийных систем, теория элит и т.д., то в России начали развиваться только некоторые понятия политической науки, которые разрабатывались и в юриспруденции, что определило специфику подходов к анализу политических явлений. Тогда, как мы помним, в конце 19 - начале 20 вв. главным в изучении проблем политических явлений было исследование и анализ политических институтов (государства, партии, права), большое внимание уделялось их формальной структуре и принципам функционирования. Этими проблемами занимались В.С. Соловьёв, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин. Единственным, кто затрагивал проблемы демократии и политических партий, был М.Я.Островский, у которого вышла книга «Демократия и политические партии», оказавшая огромное влияние на развитие мировой политической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Георгий Хосроевич Шахназаров «С вождами и без них». <http://readr.ru/georgiy-shahnazarov-s-voghdyami-i-bez-nih.html?page=53,117>.
2. Политическая наука. ИНИОН РАН. 2001, № 1. С. 5-22

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА И РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА

Веденева О.В.,
соискатель,

кафедра экономики и менеджмента недвижимости,
Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет

Ключевые слова: капитальный ремонт, реконструкция, жилищный фонд
Key words: Major repairs, reproduction, housing stock

Аннотация. В статье рассматривается экономико - математическая модель капитального ремонта и реконструкции жилищного фонда.

The paper deals with the economic-mathematical mode of reconstruction and major repairs housing stock.

Процессы которые происходят в воспроизводстве жилищной сферы, обуславливают необходимость разработки принципиально новых экономико-математических моделей. В этих моделях, как мы полагаем, должны отражаться специфика интересов новых хозяйственных субъектов (частные инвесторы, фирмы и т. д.), новая структура источников финансирования ремонтных работ (внебюджетные средства и частные вложения), особенности новых производственных отношений (переход на самофинансирование сферы капитального ремонта и реконструкции) и т.д.

Сектор капитального ремонта и реконструкции представляет собой типичный пример такой ситуации, когда традиционные источники финансирования (государственные капитальные вложения и средства предприятий и организаций) резко сократились, а новые (сбережения населения, предпринимателей, кредитно-финансовых учреждений и коммерческих структур) явно недостаточно мобилизованы для нормального осуществления восстановительных работ. В результате произошло накопление значительного недоремонта жилищного фонда, а его моральный и физический износ достиг критических размеров.

Разработка экономико-математических моделей, отражающих мотивацию и экономико-организационные механизмы привлечения финансовых ресурсов, создание программ, обеспечивающих накопление и объединение инвестиций, это один из радикальных методов решения указанных финансовых проблем.

В сложившейся ситуации воспроизводство жилищного фонда независимо от форм собственности должно находиться под постоянным контролем органов власти, которым, следует активно использовать преимущественно рыночные методы регулирования взаимоотношений между всеми заинтересованными участниками этого процесса.

В связи с этим, необходимым является разработка и реализация стратегической программы реконструкции и капитального ремонта, в которой необходимо решить следующие задачи:

1. Организовать мониторинг состояния жилищной сферы
2. Сформировать стратегический план капитального ремонта и реконструкции
3. Определить объемы и источники необходимого финансирования для воспроизводства жилищного фонда
4. Сформировать механизм для аккумуляции средств собственников на капитальный ремонт и реконструкцию

5. Обеспечить необходимый уровень социальных гарантий населению, проживающему в жилищном фонде, охватываемом стратегической программой

Решение сформулированных задач невозможно без создания нового инструментария, без системного комплекса моделей, в основе которого должны лежать равновесные и имитационные подходы как наиболее соответствующие природе рыночных отношений, а также принципы преемственности моделирования, согласно которым формирование моделей должно базироваться на опыте экономико-математического моделирования.

Проблемы жилищной сферы тесно увязаны с уровнем благосостояния населения, с возможностями городского бюджета и политикой привлечения частных инвестиций в жилищную сферу. Все это обуславливает необходимость разработки новых методических подходов по решению жилищных проблем и соответствующих моделей, учитывающих новые условия хозяйствования. Это определяет актуальность разработки стратегических программ реконструкции и капитального ремонта, являющихся основой системы моделирования структуры жилищного фонда.

Основную задачу управления капитальным ремонтом и реконструкцией можно сформулировать следующим образом: с учетом сложившейся динамики потребности в ремонтных работах и технологических требований к срокам его проведения определить оптимальное решение, в основе которого лежит зависимость вектора экономических параметров и вектора оптимальных объемов производственных работ.

Отсюда, математическую постановку задачи в общем виде можно представить следующим образом.

Рассматривается множество воздействующих параметров, в которых выделяются два вектора направленных в одну точку: первый определяет потребности в воспроизводственных работах (техническое состояние жилищного фонда, моральный и физический износ, объемы накопившегося недоремонта и т. д.), а второй характеризует возможности формирования финансовых средств для проведения капитального ремонта и реконструкции (доходы населения, инвестиционные и дотационные составляющие, ежемесячные отчисления и т. д.). В зависимости от первого вектора рассчитывается финансовая потребность, а от второго – финансовая возможность.

Модель управления капитальным ремонтом и реконструкцией включает три блока:

- качество жилого фонда ;
- методика формирования источников финансирования;
- стратегический план капитального ремонта и реконструкции.

Данные блоки взаимосвязаны путем взаимного обмена информацией между ними. Схематично информационные потоки, отражающие взаимодействие блоков в модели управления капитальным ремонтом и реконструкцией жилищного фонда представлены на 1

Рисунок 1. Модель управления капитальным ремонтом и реконструкцией

Алгоритм согласования блоков, входящих модель управления капитальным ремонтом и реконструкцией основан цикличности процесса. Для каждого периода времени результаты расчетов в каждом блоке используются в двух других, и накапливается информация для следующего временного периода. Например, данные из блока «качество жилой среды» поступают в блок «стратегическая программа развития» и на основе этого формируется блок «Накопительный фонд воспроизводства», когда «потребности» удовлетворяются, и осуществляется капитальный ремонт или реконструкция изменяется блок: «качество жилой среды».

В данной модели возможно два варианта развития:

- достижение баланса между потребностями и возможностями и ремонт осуществляется в полном объеме в соответствующие сроки;
- состояние баланса не достигается.

В первом и во втором случае вносятся корректировки процесс капитального ремонта и реконструкции, и одновременно уточняется стратегическая программа.

Имитационная модель динамики капитального ремонта и реконструкции жилищного фонда позволяет учесть изменение состояния жилищного фонда в соответствии с его структурой. Структура жилищного фонда рассматривается для каждого периода t в натуральном и стоимостном выражении.

В процессе моделирования будем учитывать следующие характеристики:

- $Q_{жс}$ – интегральный показатель качества жилой среды, по видам жилья мы объединим дома в однородные группы с интегральным показателем качества $Q_{жс}$. Всего N видов жилья ($Q_{жс}=1...N$)
- виды воспроизводства – капитальный ремонт и реконструкция;
- срок эксплуатации жилищного фонда;
- стоимость жилья.

Пусть S_t^o – объем жилищного фонда в году t , тогда уравнение динамики жилищного фонда имеет вид:

$$S_t^o = \sum_{q=1}^N S_{t-1}^q + \Delta S_t^+ - \Delta S_t^-$$

где S_t^o - общий жилищный фонд q – вида в году t ;

ΔS_t^- , ΔS_t^+ задаются вне зависимостей от моделируемого процесса (строительство нового жилья, снос домов, перевод в другой фонд) для $t=1, \dots, T$ и характеризуют при-

рост и выбытие жилищного фонда соответственно.

Как было ранее сказано, основным ограничительным элементом системы являются финансовые ресурсы.

Для определения очередности объектов, на которых должны осуществляться работы по ремонту и реконструкции введем параметр очередности y_q :

$$S_t^a = \sum_{q=1}^N S_t^a(y_q)$$

где параметр $y_q \in [1, t_q]$,

t_q - отрезок времени между ремонтными работами ($t_q > T$, - горизонт планирования ремонтных работ).

Следовательно, в модели будем учитывать не весь жилищный фонд, а только ту его часть которая нуждается в капитальном ремонте или реконструкции в настоящее время, включая объекты с отложенным ремонтом.

y_q -порядок очередности, определяется следующим выражением:

$$y_q = \begin{cases} \tau_q - (T - 1), & \tau_q \leq T \\ \tau_q, & \tau_q > T \end{cases}$$

где τ_q - порядок очередности, определяется следующим выражением: $y_q = 1$, что отремонтированные объекты не выпадают из дальнейшего рассмотрения, а переходят в «конец очереди» и им присваивается значение $y_q = 1$. Та часть жилого фонда, которая нуждается в ремонте, но в отношении которой он не был осуществлен суммируется к следующему по очереди жилищному фонду. Следовательно, структуру жилищного фонда для конкретного года будем характеризовать по следующим признакам: по показателю качества жилой среды, очередности капитальных работ или реконструкции.

На основе полученной информации о структуре жилищного фонда сформируем блок 3 «Накопительный фонд воспроизводства» и блок 2 «Стратегическая программа капитального ремонта и реконструкции». В основу построения модели формирования источников финансирования, положим 1. Целью данной модели являются соотношения «потребностей» и «возможностей» с учетом экономического регулирования.

Пусть Π_t^{kpp} – фонд «потребностей», т.е. необходимый объем финансов в текущем году t для осуществления капитального ремонта и реконструкции.

$$\Pi_t^{kpp} = \sum_{q=1}^N \Pi_t^{kpp,q}$$

$$\Pi_t^{kpp} = A_{t-1} = \sum_{q=1}^N \alpha^q \times c_{t-1}^q \times S_{t-1}^q$$

где
 – A_{t-1} амортизационные отчисления на содержание жилищного фонда в году $t-1$;
 – a^q норма амортизационных отчислений на капитальный ремонт и реконструкцию жилищного фонда, относящегося к группе q – вида качества жилой среды;
 – S_{t-1}^{qkpp} площадь жилищного фонда нуждающегося в капитальном ремонте и реконструкции;
 – c_{t-1}^q стоимость жилья вида q в определенный момент времени.

В настоящее время состояние равновесия между «потребностями» и «возможностями» является труднодостижимым. Основная причина заключается в дисбалансе между уровнем цен на жилье и благосостоянием населения. Поэтому на наш взгляд, самофинансирование капитального ремонта и реконструкции приведет к массовым неплатежам жителей, и как следствие неосуществление ремонтных работ. Для решения этой проблемы предлагаем переход к самофинансированию сделать поэтапным, то есть Накопительный фонд воспроизводства должен формироваться не только за счет амортизационных отчислений, но и за счет государственных дотаций и субсидий, возможно так же частных инвестиций.

Тогда формирование фонда будет рассчитываться следующим образом:

$$\Phi_t^q = d^q \times KB_{t-1}^q \times S_{t-1}^q \times (1 + \pi_{t-1}) \times (1 + dot_{t-1}),$$

где
 – Φ_t^q Накопительный фонд воспроизводства;
 – d^q доля отчислений на ремонт по квартплате в домах соответствующих качеству q .
 – KB_{t-1}^q квартирная плата за год
 – S_{t-1}^q жилищный фонд соответствующий качеству q ;
 – π_{t-1} процент прироста стоимости накопленных финансов за счет их вложений;
 – dot_{t-1} размер дотаций.

Индекс дотаций $(1 + dot_{t-1})$, можно рассматривать как элемент управляющей системы, для обеспечения равновесия между «потребностями» и «возможностями». Уравнение равновесия выглядит следующим образом:

$$\Pi_t^{kpp} = \Phi_t^q \times E_t$$

где $E = (1 + dot_{t-1})$ равновесное значение индекса дотаций. Размер квартплаты на единицу площади q -качества жилой среды имеет следующий вид:

$$KB_{t-1}^q = TO_{t-1}^q \times S_{t-1}^q - Sub_{t-1}$$

Где
 – TO_{t-1}^q тариф по оплате жилья;
 – Sub_{t-1}^q субсидии, предоставляемые гражданам
 Размер субсидий зависит от различных региональных факторов, как например норма квадратных метров на человека, установленный прожиточный минимум на человека и т.п.

Информация о накопительном фонде воспроизводства сталкивается с информацией о необходимых объемах производственных работ, и основная задача разработки модели управления капитальным ремонтом и реконструкцией заключается в поиске оптимального соотношения объемов работ по капитальному ремонту и реконструкции и ограничениях связанных с финансовыми возможностями.

Данное ограничение выражается следующим образом:

$$\sum_{q=1}^N f_t^{qkpp} \times S_t^{qkpp} \leq \Pi_t^{kpp}$$

Где
 – f_t^{qkpp} норма затрат на 1 кв.м. жилья q группы качества жилой среды (удельная стоимость капитального ремонта и реконструкции);
 – S_t^{qkpp} объем жилищного фонда, которому требуется ремонт;
 – Π_t^{qkpp} фонд «потребностей» для осуществления капитального ремонта или реконструкции.

Критерием оптимизации для блока стратегической программы капитального ремонта и реконструкции является минимизация жилищного фонда требующего ремонта:

$$\gamma = \sum_{q=1}^N \left(\frac{S_t^{qkpp}(\tau_q) - S_t^{qkpp}}{S_t^{qkpp}(\tau_q)} \right) \rightarrow \min$$

Где
 – $S_{t-1}^{qkpp}(t_q)$ объем жилищного фонда, которому необходим капитальный ремонт или реконструкция в настоящем периоде (план);
 – S_{t-1}^{qkpp} переменная характеризующая фактический объем жилищного фонда, где в настоящем периоде будет осуществлен капитальный ремонт или реконструкция (факт).

Целью формирования стратегического плана капитального ремонта и реконструкции является нахождение такого варианта, при котором при условии ограниченных объемов финансирования сумма экономических потерь от недоремонта (рост издержек на устранение аварий, выполнение поддерживающих ремонтов) будет наименьшей.

При условиях:

$$\sum_{t=1}^T S_t^{qkpp} = S_t^{qkpp}$$

$$Z = \sum_{q=1}^N \sum_{t=1}^T n_t^{qkpp} \times S_t^{qkpp} \rightarrow \min$$

где
 – n_t^{qkpp} удельные экономические потери, связанные с переносом сроков капитального ремонта и реконструкции с нормативного на t период.
 – S_{t-1}^{qkpp} площадь жилищного фонда, подлежащая капитальному ремонту или реконструкции, кв.м. – является искомым значением.

Представленная модель линейного программирования описывает поиск оптимального варианта стратегической программы капитального ремонта и реконструкции заданного количества жилищного фонда.

Полная модель оптимизации выглядит следующим образом:

$$F_{kpp} = \begin{cases} \sum_{q=1}^N \left(\frac{S_t^{qkpp}(\tau_q) - S_t^{qkpp}}{S_t^{qkpp}(\tau_q)} \right) \rightarrow \min \\ \sum_{q=1}^N \sum_{t=1}^T n_t^{qkpp} \times S_t^{qkpp} \rightarrow \min \end{cases}$$

при ограничении:

$$\sum_{q=1}^N f_t^{qkpp} \times S_t^{qkpp} \leq \Pi_t^{kpp}$$

Предлагаемая экономико-математическая модель учитывает финансовые ограничения на капитальный ремонт и реконструкцию, одновременно позволяет определить максимально возможный объем жилищного фонда, который можно отремонтировать, учитывая экономические потери от недоремонта.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Велумян Н.А.,
аспирант,

лаборатория психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина,
Институт Психологии Российской Академии наук

Ключевые слова: характер, акцентуация, деакцентуация, профессиональные предпочтения, лонгитюдное исследование, подростки

Key words: character, accentuation, deaccentuation, professional preferences, longitudinal study, adolescents

Аннотация. В статье анализируются результаты лонгитюдного исследования соотношения черт характера и профессиональных предпочтений у подростков 9-11-го классов. Показано, что определенной черте характера соответствует определенный предпочитаемый профессиональный тип.

The paper analyzes the findings of the longitudinal study of the relationship between traits of character and professional preferences in 9-11 grade adolescents. It is shown that a definite preferred professional type corresponds to a definite trait of character.

Профессиональное самоопределение – важнейший этап в развитии подростка. В психологической литературе неоднократно отмечалось, что формирование профессионального самоопределения подростков не единичный акт принятия решения, а сложный и противоречивый процесс поиска своего места в обществе, что особенно актуально в условиях нестабильной ситуации в российской и мировой экономике. (А.Г. Асмолов, Е.А. Климов, И.С. Кон, Т.В. Кудрявцев, Н.С. Пряжников, С.Н. Чистякова и др.)

К моменту окончания школы юноши и девушки должны определиться не только относительно собственной личности, жизненной позиции, мировоззрения, но и выбрать будущую сферу деятельности. А.Н. Леонтьев обозначил этот период, как второе рождение личности, которое проявляется в активной работе по осознанию и управлению своими мотивами [12].

Профессиональное самоопределение, согласно С.А. Боровиковой, включает две основные группы факторов, влияющих на выбор подростков [1]. Первая, или «объективная», группа факторов охватывает школьную успеваемость, состояние здоровья, информированность подростка о мире профессий, социальное окружение, домашние условия, образовательный уровень родителей, особенности школьного преподавания и т.д. Вторая группа факторов связана с субъективными, или психологическими особенностями школьников, такими как темперамент, характер, интересы, когнитивные стили, способности, моральные установки, ценностные ориентации и др.

Изучению первой группы факторов посвящено довольно большое количество исследований в психолого-педагогической литературе [7, 11, 14, 20, 21]. Однако субъективные психологические особенности подростков-старшеклассников изучены довольно слабо. Тем не менее, большинство авторов подчеркивают преобладающую роль внутренних психологических факторов. Своевременное выявление внутренних психологических особенностей является важным прогностическим фактором удовлетворенности профессией в будущем, поскольку недостаточное представление старшеклассников о соответствии собственных индивидуальных особенностей содержанию

будущей профессиональной деятельности может повлиять как на неадекватный выбор профессии, так и на дальнейшую успешность профессионального обучения и удовлетворенность избранной профессией. [15].

Однако в реальной психолого-педагогической практике результаты конкретных эмпирических исследований показывают, что подростки далеко не до конца понимают собственные индивидуальные особенности и часто выбирают профессию, не осознавая причин своего выбора. В.А. Крутецкий показал, что примерно две трети студентов, получающих профессиональное образование, выбирают профессиональное направление чисто случайно [9].

В этой связи актуальной представляется задача помочь педагогам, родителям и самим старшеклассникам осознать необходимость учета индивидуально-типологических особенностей в профессиональном самоопределении. К сожалению, эмпирические исследования по данной проблеме, выполненные на старшеклассниках практически отсутствуют.

Большинство работ было выполнено на студентах, которые уже осуществили выбор и приступили к получению того или иного профессионального образования. Так, В.М. Бызова, проанализировав характерологические особенности девушек, поступивших в медицинские учебные заведения, обнаружила их неустойчивую, астеноневротическую и гипертимную акцентуацию характера [2]. А.И. Серавин и И.А. Фирсова установили наличие достоверных различий между студентами-первокурсниками. Студенты, которые выбрали профессию из категории «Человек-Человек» (по Е.А. Климову), обладали общительностью, экстравертированностью, активностью, в то время как выбравшие профессию из категории «Человек-Знак» были пассивными, замкнутыми, интровертированными и имели тенденцию к рефлексии. У студентов социальных профессий В.В. Милакова отмечала повышенную потребность в общественных контактах, динамичность, экспрессивность в общении, направленность на власть [17].

Можно ожидать, что сходные взаимосвязи между профессиональным предпочтением и чертами характера могут иметь место и у старшеклассников. Однако вопрос о возрастной динамике этой связи остается полностью открытым. Возможно, такие связи существуют только между отдельными чертами личности и определенными категориями профессий, неизвестна та возрастная точка, когда такая связь становится устойчивой.

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи черт характера и профессиональных предпочтений подростков-старшеклассников. Данная работа является частью многолетнего лонгитюдного исследования влияния индивидуально-типологических особенностей (темперамента, характера и когнитивных стилей) на выбор профессии у подростков.

Гипотезы исследования:

1. Выявленность черт характера по-разному соотносится с выбором профессиональной направленности.

2. Взаимосвязь между выраженностью отдельных черт характера и профессиональной направленностью сохраняет устойчивость на протяжении трех лет школьного обучения.

Задачи исследования:

1. Выявить комбинации черт характера, сопряженные с предпочтением той или иной профессиональной категории.

2. Исследовать в лонгитудном исследовании устойчивость выявленных комбинаций черт в течение трех лет.

Методика и материал

Исследование проводилось на базе общеобразовательной школы г.Москвы № 55 в течение трех лет. В исследовании приняли участие 61 школьник, проходившие непрерывное обучение с девятого по одиннадцатый класс, в возрасте с 15-16 до 17-18 лет (25 мальчики и 36 девочек).

Для оценки черт характера была сконструирована специальная подростковая версия ОЧХ-П на базе Опросника черт характера для взрослых (В.М. Русалов, о.Н. Манолова, 2003). Полная подростковая версия опросника, также как и полная версия опросника для взрослых, содержит 80 пунктов, по 8 пунктов для каждой шкалы. Данная подростковая версия прошла проверку на тест-ретест надежности. Шкалы ОЧХ-П обладают высокой внутренней согласованностью. Альфа Кронбаха для всех шкал превышает 0.7. В настоящем исследовании мы использовали краткую версию опросника ОЧХ-П-20. С этой целью из каждой шкалы полной версии были выбраны по два наиболее информативных пункта. Сокращенные шкалы ОЧХ-П-20 имеет высокую корреляцию ($r=0.6$, $p<0.05$) со шкалами полной версии ОЧХ-П.

Выбор будущей профессии оценивался по модифицированному «Дифференциально-диагностическому опроснику» Е.А. Климова (ДДО, Е.А. Климов, 1984).

Для оценки устойчивости черт характера использовали два метода:

Первый – корреляционный анализ. Значение гомологичных черт характера были сопоставлены между собой в течение трех лет.

Второй – качественный анализ положения каждого учащегося на кривой распределения признака в течение трех исследуемых лет. С этой целью учащиеся, предпочитающие определенную профессиональную категорию, были разделены на три группы по степени выраженности черты характера по формуле: $N = M \pm 2/3 SD$ (норма). Школьники, имеющие значения ниже нормы были отнесены к подгруппе деакцентуантов (Д). Подростки, имеющие значения выше нормы составили подгруппу акцентуантов (А). Учащиеся, имеющие средние значения, составили подгруппу нормы (Н).

Статистическая обработка материала проводилась на базе стандартных программ из пакета SPSS-10.

Результаты исследования

В первую очередь нам необходимо было выяснить, насколько устойчивыми являются черты характера подростков на протяжении трех лет исследования.

В табл.1 приведены коэффициенты корреляции гомоло-

гичных черт характера между собой у девяти- десяти- и одиннадцатиклассников.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции гомологичных черт характера у школьников в 9, 10 и 11-ом классах.

Черта характера	9-10		9-11		10-11	
	r	p	r	p	r	p
Гипертимность	.429	.000	.315	.007	.769	.000
Застывание	.549	.000	.392	.001	.737	.000
Эмотивность	.632	.000	.464	.000	.851	.000
Педантичность	.262	.021	.195	.066	.598	.000
Тревожность	.418	.000	.325	.005	.805	.000
Циклотимность	.384	.001	.247	.027	.719	.000
Демонстративность	.399	.001	.295	.011	.697	.000
Возбудимость	.212	.050	.291	.012	.747	.000
Дистимность	.159	.110	.179	.084	.723	.000
Экзальтированность	.316	.007	.300	.010	.809	.000

Примечание: нули опущены

Из табл.1 видно, что практически все исследуемые черты характера являются устойчивыми на протяжении трех лет исследования ($p<0.05$). Исключение составляет свойство дистимности, которое претерпевает изменения на этапе перехода подростков в десятый класс ($p=0.110$). Из этой таблицы также видно, что коэффициент корреляции между характером подростков в десятом и одиннадцатом классе значительно выше, чем коэффициенты корреляции между чертами характера подростков в девятом-десятом классе.

В табл.2 приведены профессиональные предпочтения учащихся в девятом-одиннадцатом классе.

Таблица 2. Устойчивость профессиональных предпочтений подростков в 9-11-ом классе.

	Количество учащихся			
	9 класс	10 класс	11 класс	Устойчивость в течение 3-ех лет
Ч-П	2	2	4	-
Ч-Т	8	9	8	-
Ч-Ч	26	27	29	10
Ч-З	12	11	12	3
Ч-О	13	12	8	3
Устойчивость	-	22	41	16

Примечание: здесь и далее Ч-П – Человек-Природа; Ч-Т – Человек – Техника, Ч-Ч – Человек – Человек; Ч-З – Человек-Знак; Ч-О – Человек-Художественный Образ.

Как видно из табл.2 наибольшей популярностью среди подростков на протяжении трех лет исследования пользовались профессии категории «Человек-Человек», из них устойчивый интерес к данной категории проявили десять учащихся.

Профессии категории «Человек-Знак» в течение трех предпочитали три подростка.

К профессиям категории «Человек-Художественный Образ» были склонны также трое подростков.

К категориям «Человек-Природа» и «Человек-Техника»

	Гип			Зас			Эмо			Пед			Тре		
	9 кл.	10 кл.	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.
Ч-П	Н	А	Д	Д	А	Д	Д	Н	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Н
Ч-Т	А	Д	Д	Н	Н	Н	Н	Д	Д	Н	Д	Н	Н	А	Д
Ч-Ч	Д	Н	А	Н	Н	Н	А	Н	Н	Н	А	А	А	Н	Д
Ч-З	Н	Н	Н	Н	Д	А	Н	Д	Н	А	Н	А	Н	Д	Н
Ч-О	А	А	А	Н	Н	Д	А	А	А	А	А	Н	Н	А	А

	Цик			Дем			Воз			Дис			Экз		
	9 кл.	10 кл.	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.	9 кл.	10 кл.	11 кл.
Ч-П	Н	Н	А	Д	Н	Д	Н	А	Н	Д	Д	А	Д	Д	А
Ч-Т	Д	Д	Д	Н	Н	Н	А	Н	Д	Н	А	А	Д	Н	Н
Ч-Ч	А	Н	А	Н	Н	А	Д	Д	Н	Н	Н	Д	Н	Н	Д
Ч-З	Н	Н	Н	Н	Д	Д	Д	Н	Н	А	А	А	Н	Н	Н
Ч-О	А	А	Д	А	А	А	Н	Н	А	Н	Н	Н	А	А	Н

Таблица 3. Положение подростков на кривой распределения черт характера (в подгруппе) в зависимости от профессиональных предпочтений в 9-11-ом классе.

Примечание: Н – среднее значение подгруппы принадлежит норме, А – среднее значение подгруппы принадлежит к акцентуации, Д – среднее значение подгруппы принадлежит к деакцентуации; количество учащихся в подгруппах указано в табл. 2.

на протяжении трех лет ни один старшеклассник не проявил устойчивого интереса.

У 22 школьников при переходе в десятый класс были отмечены те же профессиональные намерения, что и в девятом. При переходе этих подростков в одиннадцатый класс интерес к профессии сохранялся у 41 учащегося. На протяжении трех лет исследуемого периода устойчивый интерес к профессии демонстрировали 16 учащихся.

В табл.3 приведены положения подростков на кривой распределения черт характера в зависимости от профессиональных предпочтений в 9-11-ом классе.

В данном исследовании под устойчивостью черты характера мы понимаем сохранение принадлежности к той или иной подгруппе на кривой распределения в течение трех или последних двух лет.

Как следует из табл. 3, для подростков, склонных к профессиям категории «Человек-Природа», все три года исследования сохраняется устойчивость только одной черты характера, а именно черты педантичности. Как в девятом, так и в десятом и одиннадцатом классе можно отметить низкие значения педантичности или деакцентуация педантичности.

Учащиеся, отдающие предпочтение профессиям категории «Человек-Техника», на протяжении трех лет имели устойчиво низкие показатели по шкале циклотимности (деакцентуация циклотимности) и нормативный уровень черты застревания и демонстративности. У этих же школьников в десятом и одиннадцатом классе отмечался низкий уровень (деакцентуация) гипертимности, эмотивности и одновременно акцентуация дистимности.

Старшеклассники, проявляющие интерес к профессиям категории «Человек-Человек», в течение трех лет имели нормативные показатели черты застревания. У них же только в десятом-одиннадцатом классе наблюдался высокий уровень педантичности (акцентуация педантичности).

Подростки, которые выбирали профессии категории «Человек-Знак», в течение трех лет исследования, характеризовались акцентуированной дистимностью и нормативными показателями таких черт характера, как гипертимность, циклотимность и экзальтированность. В десятом-одиннадцатом классе им также была присуща деакцентуация демонстративности.

Школьники, склонные к профессиям категории «Человек-Художественный Образ», на протяжении трех лет исследования отличались высокими показателями (акцентуацией) по шкалам гипертимности, эмотивности, демонстративности и средним уровнем – по шкале дистимности. У этих же школьников в десятом и одиннадцатом классе были обнаружены высокие показатели тревожности (акцентуация тревожности).

Обсуждение результатов

Обращает на себя внимание, прежде всего, тот факт, что в течение всех трех исследуемых лет большинство подростков предпочитали профессии категории «Человек-Человек». Данный факт, по-видимому, отражает тенденцию современного российского мегаполиса к бурному росту социальных (обслуживающих) профессий. Сходную тенденцию отмечают и социологи. По их наблюдениям в начале становления советской системы образования (1929-1940-ые годы) лидирующими профессиями среди подростков были: техник, агроном и инженер. В 70-ые годы основными предпочтениями подростков были такие профессии, как космонавт, водитель, врач (среди юношей) и учитель, врач, балерина (среди девушек). В бурные 90-ые стремления подростков были направлены на освоение профессий предпринимателя, бизнесмена, врача (среди юношей) и юриста, экономиста, домохозяйки (среди девушек). В современной постиндустриальной России на первое место выдвигаются обслуживающие профессии (учитель, врач, менеджер, психолог и т.д.) [5].

Полученные результаты настоящего исследования указывают на существенное переструктурирование профессиональных интересов учащихся в десятом классе. Из 61 учащегося 39 человек при переходе из девятого в десятый класс сменили «профессиональную ориентацию». В то время, как при переходе из десятого в одиннадцатый класс их было значительно меньше (20 человек из 61).

Сходные результаты отмечаются и другими исследователями. Так, Л.А. Головей подчеркивает, что профессиональные интересы учащихся девятых классов являются довольно неустойчивыми. У них наблюдается неустойчивая мотивация к обучению, повышенная эмоциональность и импульсивность поведения [4].

При переходе подростков в одиннадцатый класс, как показывает настоящее исследование, происходит относительная стабилизация интересов. По мнению Л. А. Головей, чем ближе к окончанию школы, тем более сформированным оказывается профессиональная направленность школьников, тем более избирательным становится их выбор [4].

Можно предположить, что именно в десятом классе происходит переломный момент, представляющий собой тот самый рубеж перехода подростковых интересов на новую ступень возрастного развития. Опираясь на идеи Л.С. Выготского об изменениях в структуре интересов, можно заключить, что десятый класс и является таким этапом созревания новой фазы, которая знаменуется «реалистическим и практическим выбором одного наиболее устойчивого интереса, большей частью непосредственно связанного с основной жизненной линией, избираемой подростком» [3, с. 26].

Стабилизация профессиональной направленности, возможно, обусловлена выявленной нами устойчивостью черт характера подростка, о чем свидетельствует лонгитюдный (трехлетний) анализ возрастной динамики профиля черт характера. Практически для всех черт характера отмечается высокая стабильность, устойчивость черт характера. Особенно следует отметить тот факт, что коэффициенты корреляции между характерологическими признаками подростков в десятом-одиннадцатом классе значительно выше, чем в девятом-десятом. Это высокое сходство черт характера в десятом-одиннадцатом классе указывает на сформированность структуры характера в данный возрастной период.

Анализ полученных данных показывает, что, несмотря на то, что взаимоотношения между чертами характера и профессиональным самоопределением старшеклассников являются динамичными, для определенных черт характера такая связь с выбором профессии является устойчивой на протяжении всех трех лет исследования.

Так, подростки, отдающие предпочтение профессиям категории «Человек-Природа», обладали низкими показателями по шкале педантичности (деакцентуация педантичности). Согласно содержательной интерпретации исследуемых черт характера подростки, имеющие данную характерологическую особенность, возможно, отличаются слабой аккуратностью и ответственностью. Эта характерологическая особенность может формироваться как результат социальной запущенности, и как следствие психологической защиты [16].

Учащиеся, склонные к профессиям категории «Человек-Техника», отличались устойчивой трехлетней деакцентуацией циклотимности. В десятом-одиннадцатом классе у этих учащихся были низкие показатели по шкалам гипертимности, эмотивности, а также одновременно повышенные значения по шкале дистимности. По интерпретации черт характера В.М. Русалова и О.Н. Маноловой эти подростки, возможно, отличаются устойчивым и стабильным поведением и настроением, пессимизмом, низкой жадой интеллектуальной деятельности, необщительностью и узким кругом социальных контактов, отсутствием эмпатии и сострадания к другим людям [16].

Полученные результаты хорошо согласуются с литературными данными. По данным И. Л. Соломина именно представителям дистимного и замкнутого типа характера

может быть рекомендована сфера деятельности «Человек-Техника» [18]. Как известно, акцентуированная дистимная черта (пониженная активность, мрачное настроение) высоко коррелирует с низкой коммуникативной активностью и интеллектуальной скоростью темперамента, что проявляется в отсутствии потребности в общении, социальной пассивности, узком круге контактов, замедленности умственных процессов [16].

Старшеклассники, проявляющие интерес к профессиям категории «Человек-Человек», в десятом-одиннадцатом классе проявляют акцентуацию педантичности. Ведущими свойствами подростков данного типа по всей вероятности являются добросовестность, аккуратность, пунктуальность, высокий уровень притязаний, неконфликтность.

В исследованиях характерологических особенностей школьников и студентов, предпочитавших профессии категории «Человек-Человек», были выявлены их высокая ответственность и принципиальность (фактор G, по Кеттелу), что частично соответствует личностным особенностям (деакцентуация педантичности) у наших школьников. Т.В. Кудрявцев и А.В. Сухарев также отмечают, что школьникам, выбирающим профессии «Человек-Человек» присущи потребность в общении, лабильность эмоций, конкретность мышления, более продуктивная работа в группе [10].

Полученные нами результаты подтверждают ранее установленные хорошо известные факты о характерологических особенностях будущих специалистов профессий социального типа. По мнению В.В. Милаковой, лица, выбирающие данные профессии, более коммуникабельны, более доброжелательны, обязательны, добросовестны, имеют развитое воображение. Им свойственна готовность к сотрудничеству, реалистичность взглядов. [13].

Настоящее исследование показало, что большинство подростков выбирали именно эту профессию. Возможное объяснение этому факту лежит не в особенностях характера подростков, а в том, что классификация профессий Климова является слишком обобщенной. Категория профессий «Человек-Человек» охватывает огромное множество профессий. Сюда относятся профессии, связанные с обучением, медициной, маркетингом, менеджментом, обслуживанием, политикой, рекламой и т.д., и по существу требуют для своей реализации довольно различные свойства личности. Так, Е.П. Ильин отмечает, что исследователи, изучающие профессиональную категорию «Человек-Человек» на самом деле, как правило, имеют дело с конкретными профессиями и конкретными требованиями. [6]. О многообразии видов профессий категории «Человек-Человек» свидетельствуют исследования А.И. Серавина и И.А. Фирсовой. Авторами установлены достоверные различия между особенностями характера студентов факультетов психологии, журналистики и юриспруденции, профессии которых относятся к категории «Человек-Человек». Студенты-юристы были более общительными, экстравертированными, более склонными к импульсивным и необдуманным выводам и поступкам и агрессивными. Студенты-журналисты обладали общительностью и легкомысленностью. Студенты-психологи характеризовались самой высокой общительностью, низкой агрессивностью и повышенной рефлексивностью [17].

Старшеклассники, отдающие предпочтение профессиям категории «Человек-Знак», характеризовались устойчи-

вой акцентуацией дистимности в течение трех лет и деакцентуацией демонстративности в десятом-одиннадцатом классе.

Подростки такого типа, по-видимому, более замкнуты, необщительны, сосредоточены на мрачных сторонах жизни. Предпочитают постоянный, регламентированный образ жизни и привычную для них деятельность. К любому делу они относятся серьезно и ответственно, проявляя незаурядную интеллектуальную активность. Выраженная деакцентуация демонстративности у этих подростков обуславливает их повышенную стеснительность, желание держаться «в тени», избегая большого скопления людей [16].

Полученные результаты хорошо согласуются с литературными данными. Так, в работе Т.В. Кудрявцева и А.В. Сухарева показано, что учащиеся ПТУ, отдающие предпочтение профессиям категории «Человек-Знак», проявляли высокую принципиальность и ответственность, хорошее абстрактное мышление и обучаемость (по Кеттелу) [10]. Об этом же свидетельствуют исследования А.И. Серавина и И. А. Фирсовой, которые отмечали у студентов, выбиравших профессии «Человек-Знак», сходную черту характера – повышенную замкнутость (деакцентуация демонстративности) [17].

Школьники, проявляющие интерес к профессиям категории «Человек-Художественный Образ», в течение трех лет исследования характеризовались акцентуацией по шкалам гипертимности, эмотивности, демонстративности. У этих подростков в десятом и одиннадцатом классе были обнаружены высокие показатели тревожности (акцентуация тревожности).

Высокая гипертимность, как известно, согласно интерпретации В.М. Русалова и О.Н. Маноловой, проявляется в развитых разносторонних способностях, непредсказуемости поведения, высокой креативности, эрудированности. Акцентуация эмотивности указывает на развитой этический комплекс, эмоциональную чувствительность и впечатлительность во всех сферах жизнедеятельности. Выраженность демонстративности свидетельствует об артистичности, обаянии, умении органично вживаться в роль, неординарности и оригинальности поступков и мыслей. Акцентуация по шкале тревожности характеризует тонкую восприимчивость, ранимость чувств, дружелюбие [16].

В других источниках ранее указывалось на творческое начало и особую чувствительность у юношей и девушек, склонных к профессиям категории «Человек-Художественный образ» [8, 10, 19]. Так, Ф.Х. Уразаева с соавторами отмечали высокую эмоциональность и богатство чувств у таких подростков [19]. Лицам, склонным к профессиональной деятельности «Человек-Художественный Образ», по мнению Т.В. Кудрявцева и А.В. Сухарева, присуще высокое честолюбие и развитое воображение [10].

Полученные нами данные находят подтверждение и в исследовании Н.А. Кобецкой и Г.Л. Парфеновой, которые на подростках сопоставляли личностные особенности с уровнем творческих способностей, что, безусловно, связано для профессиональной категорией «Человек-Художественный Образ». Было установлено, что для творческих подростков характерны эмотивность и застревание. Их главной особенностью является высокая чувствительность и глубокие реакции в области тонких эмоций. Они склон-

ны к чрезмерно сильным переживаниям, постоянно находятся под властью глубокого впечатления от пережитого. При высоком уровне творческих способностей также присущи акцентуации демонстративности и экзальтированности. [8].

Подводя итог, можно заключить, что характерологические особенности являются значимыми детерминантами профессионального самоопределения. Склонность к определенному роду деятельности обусловлена определенными сочетаниями выраженности черт характера, которые определяют устойчивость профессионального интереса.

ВЫВОДЫ:

1. Черты характера сопряжены с профессиональными предпочтениями у подростков.
2. Каждой профессиональной категории соответствует определенная устойчивая комбинация черт характера в течение трех лет исследования.
3. В десятом классе (в возрасте 15-16 лет) происходят наиболее существенные изменения в структуре характера и профессиональном самоопределении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боровикова С.А. Профессиональное самоопределение // Психологические основы профессиональной деятельности / Под ред. Г.С. Никифорова. 1991. С. 6-22.
2. Бызова В. М. Исследование индивидуальных характерологических особенностей учащихся педучилища и ПТУ // Проблемы инженерной психологии. Тезисы VI Всесоюзной конференции по инженерной психологии. Вып. 3. Ч. 1. 1984. С. 143-144.
3. Выготский Л.С. Детская психология. Собр. соч. Т.4. М.: Педагогика, 1984. 433 с.
4. Головей Л.А. Психология становления субъекта деятельности в периоды юности и взрослости: Дис. ...д-ра психол. наук. СПб. 1996.
5. Иванов Л. Как менялись мечты о профессии у российских подростков // Газета Свободная пресса от 25.05.2010.
6. Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб: Питер, 2008. 432 с.
7. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 509 с.
8. Кобецкая Н. Парфенова Г.Л. Акцентуации характера подростков с высоким уровнем творческих способностей. Актуальные вопросы психологии и педагогики образования.
9. В.А. Крутецкий. Психология обучения и воспитания школьников. М.: Просвещение, 1976. 303 с.
10. Кудрявцев Т.В., Сухарев А.В. Влияние характерологических особенностей личности на динамику профессионального самоопределения. Вопросы психологии. № 1. 1985. С. 86-93.
11. Кушнер Ю.З. Формирование профессиональных интересов учащихся в семье // Воспитание школьников. 1992. № 3. С. 15-19.
12. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А.Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
13. Милакова В.В. Психологические особенности про-

фессионально самоопределения будущих специалистов помогающих профессий социномического типа. Дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2007.

14. Павлютенков Е.М. Формирование мотивов выбора профессии / Под ред. Б.А. Федоришина. Киев, 1980. 143 с.

15. Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.И. Психология и педагогика. Спб: Питер, 2002. 432 с.

16. Русалов В.М., Манолова О.Н. Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ – В). М., 2003. 100 с.

17. Сервин А.И., Фирсова И.А. Сравнительное исследование студентов первых курсов СПбГУ / Психология XXI века. Тезисы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов. Спб., 2001. С.78-79.

18. Соломин И. Л. Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб: Речь, 2006. 210 с.

19. Уразаева Ф.Х., Уразаев К.Ф., Дашкина А.А. Психофизиологические и психологические свойства личности и их учет в профориентационной работе со старшеклассниками // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. №3(2). С. 444-446.

20. Шепелева Е.В. Самоопределение старшеклассников под влиянием средств массовой информации: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. Н. Новгород. 2006.

21. Щавлинский Ю.А. Детерминанты профессионального выбора молодежи среднего города России: социокультурный анализ: Дис. ...канд. психол. наук. Ростов-на-Дону. 2009.

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ГОГОЛЯ (КРИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА О ГОГОЛЕ)

Волошина Л.А.,
соискатель,

кафедра гуманитарных и философских наук,
Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина

Ключевые слова: творчество, индивидуальность, Гоголь, критика, символизм, духовность, творческая самореализация

Аннотация. Статья посвящена проблеме творческой индивидуальности. Обращаясь к критике, посвященной Н.В. Гоголю, можно видеть, как неоднозначно понимались в разное время и его творчество, и сама индивидуальность гения. Цель статьи показать важность понимания творческой индивидуальности как духовной сущности.

Обращение к творчеству Н.В.Гоголя в настоящее время происходит, пожалуй, столь же часто, как и обращение к теме индивидуальности. Более того, в критических работах, посвященных Н.В.Гоголю, его творчество рассматривается с целью постижения самого писателя, как творческой индивидуальности. Однако при попытке выявить эту индивидуальность, чаще всего происходит обращение к индивидуальной художественной манере, которая, конечно же, дает представление об уникальности автора. Но это внешнее - суть проявление внутреннего человека. Индивидуальность человеческая не постижима поверхностным взглядом. Это глубина, понять которую пытались еще при жизни автора «Ревизора».

Современный взгляд на писателя это возможность рассмотреть его с «высоты» нового времени, т.е. со всеми прижизненными и последующими публикациями о нем. Ведь именно гуманитарное наследие второй половины XIX - начала XX века содержит в себе то, чего так не достает современной мысли. В нем – попытка представить индивидуальность как сущность трансцендентную, обращенную в вечность. Некоторые наши современники уже ощущают всю необходимость преемственности в своих исследованиях, поэтому и появились статьи о Гоголе, в которых авторам интересен, прежде всего, мир человеческого духа. Творческая индивидуальность писателя стала рассматриваться как сущность, жаждущая духовного возрастания, не только для себя, но и для других.

В.М.Гуминский, например, пишет, что в письмах Гоголя появляется образ духовной «лестницы» самосовершенствования, явно идущей от «Лестницы» св. Иоанна Синайского, утверждается неразрывная связь «сочинений с духовным образованием самого себя»(6.20.) В.А.Воропаев, обращаясь к последним дням жизни Н.В.Гоголя, пишет, что «Гоголь хотел так написать свою книгу, чтобы из нее путь ко Христу был ясен для каждого».(6.58.) Это он пишет по поводу второго тома «Мертвых душ».

Стремление к духовному возрастанию и есть отличительное свойство индивидуальности, которая не принадлежит только миру здешнему, а устремлена в Вечность. В. Греков, сравнивая отзывы Н.В.Гоголя и В.Ф.Одоевского о картине Брюллова «Последний день Помпеи», находит в столь различных подходах то общее, что свидетельствует о том, что обоих критиков интересовала индивидуальность художника, прежде всего. Личностный космос художника они понимают как часть общего универсального миропорядка.(8.324)

Метафизическое в творчестве Гоголя отмечают очень многие современные исследователи, именно как индивидуальную черту. Т.Печерская пишет, что в изображении мира он нашел физический эквивалент метафизическому. Он пытался объяснить физический мир через магические силы. Эту черту Печерская называет отличительной чертой интуиции художника.(6.207)

Исследователь творчества Н.В. Гоголя Ю.Манн отмечает, что на рубеже XIX – XX веков с особой силой раскрылась христианская философско-нравственная проблематика гоголевских произведений. Он называет прозу писателя четырехмерной. По сей день его творчество не является до конца разгаданным, как невозможно до конца постичь индивидуальность. О творчестве индивидуальности велись споры, как при жизни автора «Мертвых душ», так и после его смерти. Современники Гоголя уже отмечали, неоднозначность восприятия и его произведений, и его самого. Например, С.Аксаков писал о полном непонимании Гоголя, как индивидуальности. «Слушатели до того смеялись, что некоторым сделалось почти дурно; но увя комедия не была понята! Большая часть говорила, что пьеса неестественный фарс, но что Гоголь ужасно смешно читает». (2) Во всем круге своих старых товарищей и знакомых не встретил Аксаков ни одного человека, кому бы нравился Гоголь, и кто бы ценил его вполне.(2)

Сравнивая статьи, написанные при жизни писателя и на рубеже XIX-XX веков, можно заметить, как время накладывает отпечаток на понимание творческой индивидуальности. Например, современники Гоголя видели в нем большей частью реалиста, а критики конца XIX- начала XX века считали, что он больше символист. А. Белый писал, что к Гоголю не подойдешь со школьной меркой. В нем символист увидит символиста, романтик – романтика, реалист – реалиста.(5.365) Быть может, в этом открывании каждый раз новой грани в творчестве художника, в его характере содержится свидетельство об индивидуальности как некоей целостности, гармонии, которая как драгоценность сверкает, то одной, то другой своей гранью. Возможно, должны пройти века, чтобы индивидуальность художника открылась во всем своем величии, а может, это и вовсе недостижимо в земной жизни.

Передовая критическая мысль, обращаясь к творчеству Гоголя, так или иначе, пытаясь разяснить особенности его творчества, всегда приходила к определению писателя как индивидуальности яркой и сильной. Подтверждением этого являются рассуждения об эпическом в его произведениях. К.С.Аксаков в статье «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или мертвые души» пишет, что в этом произведении восстает перед нами древний эпос. Отличительной чертой эпического созерцания называет он целость, когда целая эпоха становится содержанием эпоса, а единство духа – та внутренняя связь, которая связывает все его явления. «Созерцание Гоголя таково, что пред-

мет является у него, не теряя нисколько ни одного из прав своих, является с тайною своей жизни, одному Гоголю доступной». (13.46.) Всякий предмет, которого касается перо мастера, переносится в мир искусства, он творчески создается, а не описывается. Не только предметы, но и лица даны Гоголем в полноте их существования. «На какой бы низкой ступени ни стояло лицо у Гоголя, вы всегда признаете в нем человека, своего брата, созданного по образцу и подобию божию». (13.50) Умение видеть эту полноту каждого создания на земле, ощущать связь его с единым мирозданием под силу только индивидуальности, которая сама есть полнота и гармония.

Как К.С.Аксаков, так и С.П.Шевырев сравнивали Гоголя с Шекспиром и Гомером. В статье «Похождения Чичикова, или мертвые души. Поэма Н.Гоголя» Шевырев пишет об особой ясновидящей фантазии писателя. Эта фантазия возвышается над всеми субъективными чувствами. Первая ее черта – ясновидение мира переносимое из бытия сущего в бытие идеальное искусства. Эта фантазия в каждом предмете ею воспроизводимом видит ясно и внешнюю и внутреннюю его стороны и их взаимоотношение. (13.64.) Это есть дар Божий. Именно этот дар развил в себе сам писатель. Фантазия между тем не есть что-то оторванное от земли. «Каждый поэт, как титан Антей должен касаться земли: чем глубже забирает он ее тем могучее становится, и тем свободнее возносится к небу; отрешаясь от земли совершенно, он теряет силу». (13.78.)

О связи Гоголя с реальностью пишет и В.Г. Белинский, но для него обобщение, которым мастерски владеет автор, есть способ выявить главные человеческие недостатки. В статье «О русской повести и повестях Гоголя» критик пишет о творчестве автора «Мертвых душ» как о величайшем мастерстве, которое по силам только индивидуальности, остро ощущающей все несовершенство ее, несоответствие ее высшему идеалу. Он пишет о субъективности писателя, подчеркивая, что это не есть субъективность, которая искажает действительность в силу своей односторонности; а та глубокая, всеобъемлющая субъективность, которая в художнике обнаруживает человека с горячим сердцем и которая заставляет писателя «проводить через свою душу живую явления внешнего мира, а через то и в них вдыхать душу живую...». (5) Этим пафосом субъективности проникнута вся поэма, включая отступления и рассказы о самых простых вещах. Идеалы скрываются в действительности. Гоголь не списывает с действительности, а угадывает умом и воспроизводит творческой фантазией возможность того или иного явления.

В качестве индивидуального свойства практически все критики подмечали в Н.В. Гоголе его юмор, комизм. Интересно как Белинский объясняет понятие «комическое». Здесь он опять подводит читателя к мысли о том, что в Гоголе есть то особое мировосприятие, которое роднит его с Гомером. Комическое одушевление у Гоголя всегда побеждается глубоким чувством грусти и уныния.

В.Г.Белинский пишет, что в России гоголевского периода разучились понимать истинное комическое. «Постижение комического – вершина эстетического образования». Идеальное комическое дается только развитому и образованному человеку. На такого человека оно производит обратное действие: вызывает глубокую печаль. Юмор Гоголя представляет собой противопоставление идеала жизни и действительной жизни. Белинский видел назначение Го-

голя как индивидуальности в его литературном творчестве, которое в силах влиять на общественную мысль, но духовная его жизнь, кризис ее, отразившийся в «Выбранных местах из переписки с друзьями» остались для него непонятными. То, что критик более всего ценил в писателе, а именно пафос обличения, самого Гоголя все сильнее тяготило с годами.

Отдельного разговора заслуживает критика в адрес «Выбранных мест из переписки с друзьями». Это произведение – качественно новый этап жизни писателя, когда происходит коренной перелом в его мировосприятии. Реакция общественности на новую книгу стала тяжелым испытанием для индивидуальности Гоголя. Ведь критика отнеслась к данному произведению большей частью неодобрительно. Это наследие представлено в основном в виде личной переписки. Все эти высказывания касаются религиозного аспекта творчества писателя и его духовной жизни. Отец Матфей, духовник Гоголя называл книгу «Выбранные места...» вредной, считал, что в ней видна попытка самозванного учительства. (20) Видный религиозный мыслитель Игнатий Брянчанинов писал, что в этой работе более душевного, чем духовного, и экзальтированный тон произведения, от которого автор так и не избавился «способен самое правильное содержание исказить, отдалить от Православия даже». (6)

Духовенство раздражало ощущение в произведении превозношения Гоголем самого себя, понимание себя как избранного. Архимандрит Феодор увидел в писателе мученика нравственного одиночества. Для тех, кто дал негативную оценку «Выбранным местам...» путь индивидуальности писателя представлялся как путь не просто ошибочный, а опасный. Индивидуальность для религиозных мыслителей это, прежде всего, то, что несовместимо с самопревозношением. Это путь к божественным высотам, а, следовательно, путь к самому себе, изначальному.

Приведенные выше суждения современников Гоголя свидетельствуют о попытке через творчество писателя постичь его индивидуальность. Здесь практически не встретить понятия «творческая индивидуальность». Дело в том, что индивидуальность тогда и не могла пониматься иначе, как творческая. Понятие «творческая индивидуальность» появилось в работах русских критиков уже ближе к концу XIX века. Творящая, развивающаяся она понималась как дар Божий, потенциал, заложенный в человеке. Об этом писал в своем учении о Богочеловечестве Вл.Соловьев. Задача же человека не потерять это возвышенное в себе. Поэтому в прижизненной критике Гоголя нравственным качествам писателя уделяется внимание больше чем художественным.

Совершенно иную трактовку творческой индивидуальности писателя встречаем у критиков конца XIX - начала XX века. Здесь мы видим не только подробную характеристику творчества писателя, с целью выявления индивидуального почерка, но и попытку через индивидуальное творчество понять характер творца. Причем среди суждений об индивидуальности Гоголя нередко встретишь и негативные. Индивидуальность как восходящая и нисходящая, потеря индивидуальности, опасные пропасти на ее пути – вот темы, часто рассматриваемые в связи с творчеством Гоголя.

В.Розанов одним из первых в своей статье «О Гоголе» переменил прежний, довольно позитивный взгляд на писа-

теля. Он проводит параллель между Гоголем и Пушкиным. Впечатление от творчества Пушкина он сравнивает со свежей волной, которая, освежив нашу душу, омыв ее, исчезает. Впечатление от произведений Гоголя более устойчиво. «Черта, проведенная Гоголем, остается неподвижною: она не увеличивается, не уменьшается, но как выдавилась однажды – так и остается навсегда». (12.229.) Мир населен какими-то восковыми безжизненными фигурами, такими они и входят в сознание читателя, такими и остаются, никак не развисясь.

Основная индивидуальная черта Гоголя-писателя есть склонность изображать все предметы в их пределе. Если современники считали, что он реалистичный писатель, то Розанов обвиняет его в отрыве от действительности, считая, что именно с него в нашем обществе начинается потеря чувства действительности и постепенное отвращение к ней. Если критика гоголевского периода писала о возвышенном понимании писателем действительности, умении в простом прозревать великое, то Розанов пишет, что высоту, с которой Гоголь смотрит на действительность нельзя назвать высотой христианской любви, она вообще не имеет ничего религиозного. Писатель не только не передавал в своих созданиях действительности, а уходил от нее « в отраженный мир болезненного воображения, где рядом с образами блистающих «Аннунциат» жили оскопленные, с облезлыми на голове волосами, с морщинистыми щеками образы Акакиев Акакиевичей и подобных; но как эти, так и те, «блистающие», - равно без жизни...». (12.242.)

В.Розанов считает, что Гоголь в своем творчестве пошел против своей индивидуальности, т.е. выбрал путь не восхождения, а нисхождения во тьму. Ведь именно этот мир серой пошлости, в который погружался гений, имея наверняка благие намерения, оказался губительным для творческой индивидуальности. Розанов подошел к пониманию Гоголя уже с точки зрения нового поколения, поколения, породившего символизм.

Символисты всегда отмечали связь Гоголя с символизмом. Теоретики течения особенно много писали об авторе «Мертвых душ». Как бы продолжая начатое В.Розановым, А.Белый пишет о гоголевских персонажах. Особенно дико смотрятся они на фоне той сказочной действительности, которую так мастерски живописал Гоголь. В этом то сказочном зачарованном мире вдруг появляются обитатели с какими-то «бараньими харьями» и «свинными рылами». Это не реальное человечество, а дочеловечество, мир зверей. Гоголь, по мнению А. Белого, оторвался от действительности. Да, он видел мельчайшие пылинки на бекеше Ивана Ивановича, но не видел в нем человеческого лица. (5.) Как не похоже это высказывание о фантазии писателя на то, которое дано в статье С.П. Шевырева.

Д.Мережковский подмечает в героях Гоголя их однообразие. Сущность их – в неопределенности. Главная сила Чичикова в безличном, стихийном существе его – в инстинктах. «Если нет в человеческой жизни никакого определенного смысла, высшего чем сама эта жизнь, то нет для человека на земле и никакой определенной цели, кроме реальной победы в реальной борьбе за существование». (11.) Эти слова сказаны не просто в адрес гоголевских персонажей, они сказаны в защиту индивидуальности. Человек, сливаясь с массой подобных себе, не только не дорожит своей индивидуальностью, как неким духовным стержнем, он пытается начисто забыть, избавиться от

этого груза. Его задача стать как все, жить одинаковыми целями, интересами этого реального мира с его ценностями и инстинктами.

С какой целью Гоголь так тщательно изображает этих безликих, одинаковых в своей мелочности людей? Д.Мережковский утверждает, что писатель не просто ставил задачу обличения человеческих пороков, а имел перед собой задачу метафизическую. Гоголь первым увидел зло невидимое, в благоразумной середине, в тупости и пошлости человеческих чувств. Лицо черта увидел он в знакомых реальных человеческих лицах, лицах как у всех. Мережковский пишет о творчестве писателя как о поединке, который завязался между Гоголем и чертом. Борьба, которая началась в искусстве постепенно перешла в реальную жизнь. Критик утверждает, что на примере творчества Гоголя мы видим « неизбежный, окончательно совершающийся только именно в нас, в наши дни переход русской литературы, всего русского духа от искусства к религии, от великого созерцания к великому действию, от слова к делу». (11.) Нужно помнить, что и сам Гоголь воспринимал свой труд как дело всей жизни.

В. Брюсов, считает, что на творческую индивидуальность Н.В.Гоголя наложил отпечаток его необычный характер, который отличался двойственностью; он мог быть то безмерно гордым и самоуверенным, то писать о бесполезности своей и своего творчества в самых уничижительных выражениях. На свою работу он смотрел как на «подвиг». Гоголь был уверен, что находится под особым покровительством промысла. Брюсов пишет, что эта уверенность доводит поэта до потери ощущения реальной жизни. Автор «Мертвых душ» обладал невероятной силой чувства. «Каждое чувство в нем грозило разгореться в такое пламя, которое способно в одно мгновение обратить в прах». (4.)

Рассуждая об индивидуальности Н.В.Гоголя как человека, критики не могли не обратить внимания на индивидуальность его как художника. Все они сходились в одном, что основной отличительной чертой его творчества можно считать стремление к гротеску, фантастическому преувеличению. Хотя писатель и порывался в своем творчестве быть бытописателем окружающей жизни, но всегда оставался при этом мечтателем и, в сущности, «воплощал в своих произведениях только идеальный мир своих видений». (4.) Для Гоголя нет ничего среднего, он знает только безмерное и бесконечное. Все герои его напоминают больше какие-то пародии на человека, нелепость доведена в них до культа. В.Брюсов пишет, что вся сила творчества писателя в одном приеме: в крайнем сгущении красок.

Лиризм Гоголя тоже связан с преувеличением. Лиризм это то, что зачаровывает читателя в его произведениях. Особой красоты слог, сильное чувство, все это передается и нам. На эти лирические описания, по мнению Брюсова, тоже наложил отпечаток характер писателя. Сама природа у него фантастическая. Украина становится под его пером неведомой, восхитительной страной. «...Редкая птица долетит до середины Днепра» - читаем мы в «Тарасе Бульбе». (7) Такие же фантастические описания украинской ночи, женской красоты встречаем мы на страницах его произведений.

В.Розанов тоже не склонен приписывать лиризму Гоголя особенное значение, как содержащему в себе какую-то высшую идею. «Лиризм Гоголя всегда есть только жа-

лость, скорбь, «незримые слезы сквозь видимый смех». (12.244.) Критик не видит связи между этими лирическими отступлениями и христианским чувством. Это вспышка глубокой скорби в творце при виде сотворенного. Розанов называет эти лирические строки плачем художника над своей душой. Как не похожи данные высказывания на те, которые содержатся в описаниях современников Гоголя, когда его лирические строки о природе, о Руси признавались откровением о высшей идее. В них раскрывалась, по мнению многих, как раз та эпичность, которая роднила Гоголя с великими предшественниками.

Критика конца XIX – начала XX века уделяя значительное внимание творческой индивидуальности Гоголя, одновременно, поднимала проблему индивидуальности человека, как высшей сущности. Индивидуальность, как некая потенция в человеке нуждается в развитии, в творчестве, особенно если это индивидуальность гения. Как может повлиять творчество на жизнь индивидуальности, да и на жизнь человеческую в целом? На этот серьезный вопрос и пытаются ответить авторы критических статей, обращаясь к творческому наследию Гоголя. Начиная с Розанова, они пишут о той опасности, которую представляло творчество писателя для его собственной индивидуальности.

Ю. Айхенвальд пишет о смехе, который был присущ Гоголю как особое свойство характера: видеть все в смешном виде, как бы предвидя смех эсхатологический. «Смех – Немезида, смех, как выражение в укоризны и совести, является одной из отличительных особенностей Гоголя, великого обвинителя». (1.) Казалось бы, здесь Айхенвальд созвучен Белинскому, ведь тот тоже видел в Гоголе, прежде всего обвинителя. Однако Айхенвальд пишет о другом: о пагубном влиянии подобного смеха на индивидуальность писателя. Гоголь, проникая в самую глубь своих персонажей, находит смешное и в глубине. Критик пишет о Страшном суде, который совершает писатель над своими героями, не имея на то человеческого права. Когда-нибудь все эти осмеянные будут оправданы, последние станут первыми. Смех Гоголя это то, что сделало его несчастным.

Эта попытка заглянуть в самые глубины оказалась, в конце концов, губительной для индивидуальности писателя. А. Белый пишет о том, что Гоголь уже вышел за пределы своей личности и вместо того, чтобы использовать это расширение в целях искусства, он кинулся в бездну своего второго Я. Белый говорит о необходимости в тот момент для писателя опытного руководителя-окультиста. Он считает, что писателю просто не хватило нужных знаний, чтобы спастись. Однако нужно помнить, что автор «Мертвых душ» был в тот момент уже глубоко религиозным человеком. И его христианская душа, наверное, уже ощущала надвигающуюся опасность. Поэтому, в конце жизни писатель с особым рвением обращается к вере, к Церкви, ее Таинствам. В. Брюсов пишет, что « в религию заглянул он, как в одну из пропастей, разверзнутых перед ним, кинулся в эту пропасть, как в ту бесконечность, в ту беспредельность, которой всегда жаждала душа его». (4)

Сегодняшние исследователи творчества Гоголя, скорее всего иначе объяснили бы столь страстное обращение его к религии в конце жизненного пути. Его последние произведения, посвященные Церкви, религиозным праздникам, Таинствам говорят об истинном христианском чувстве, которое он носил в сердце. Его последние дни, проведенные в молитвах, были приготовлением к жизни вечной, жела-

нием искупить насколько возможно свои грехи. Вряд ли кто-нибудь из православных христиан отважится сравнить религию с пропастью, как Брюсов. Это, скорее вершина, к которой устремляется человек всей своей жизнью. Недаром незадолго до смерти Гоголь воскликнул: «Лестницу, скорее давайте лестницу», как будто уже видел эти сияющие вершины. В. Зеньковский разглядел в писателе как раз это высокое горение индивидуальности, ищущей выхода в своем творчестве. Гоголь до конца верил, что с помощью творчества, искусства можно повернуть мир к добру. Искусство же должно быть освящено религией.

На примере Гоголя мы можем видеть трагедию индивидуальности, которая глубоко ощущала все несовершенство современного морального сознания и безгранично верила в силу своего творчества. Критические работы, посвященные творчеству писателя, приоткрывают перед нами не только тайну этой индивидуальности, но говорят нам об индивидуальности самого автора-критика, жившего в определенную эпоху. Могут меняться вкусы, предпочтения, человеческие ценности, и все это будет влиять на мнение того или иного критика, как впрочем, и его собственное мировоззрение. И все же, среди этого многообразия мнений будет сохраняться всегда интерес к тому, что порой не возможно объяснить логически, что интуитивно ощущает одна индивидуальность, обращенная к другой. Важно, чтобы критический анализ всегда искал за видимым - незримое, а за конкретным – отвлеченного, во всем – глубины.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Айхенвальд Ю. И. Гоголь/ <http://az.lib.ru/aihenwald-i-i/text>
2. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем/ <http://gogol.lit-info.ru/vospominaniya/aksakov.htm>
3. Белинский В. Г. О русской повести и повестях Гоголя. /<http://gogol.lit-info.ru/gogol/vospominaniya/>
4. Брюсов В. Я. Испепеленный. /<http://gogol.lit-info.ru/gogol/bio/giperbola-i-fantastika>
5. Белый А. Символизм как миропонимание. - М.: Республика, 1994. - 528 с. - (Мыслители XX века)
6. Гоголевский вестник/ Под ред. В. А. Воропаева. - М.: Наука, 2007. - Вып. 1 - 397 с.
7. Гоголь Н. В. Тарас Бульба; Портрет; Повести; Статьи; Трактаты. - 2-е изд., перераб. - М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009. - 480 с. - (6-ка духовной прозы)
8. Гоголь как явление мировой литературы: По материалам международной научной конференции посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. - М.: ИМЛИ РАН, 2003. - 393 с.
9. Зеньковский В. Возврат к церковному мировоззрению. Н. В. Гоголь. // <http://az.lib.ru/gogol/x-n-w/text/0290>
10. Манн Ю. В. Николай Васильевич Гоголь. // <http://az.lib.ru/gogol/x-n-w/text/0200>
11. Мережковский Д. С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. / www.vehi.net/merezhkovsky/gogol
12. Розанов В. В. Несовместимые контрасты жизни/ Сост., вступ. статья В. В. Ерофеева. - М.: Искусство, 1990. - 605 с. - (История эстетики в памятниках и документах).
13. Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века. - М.: Искусство, 1982. - 544 с. - (История эстетики в памятниках и документах)

ОБЩЕАЛТАЙСКИЙ ПЛАСТ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Гиззатов Р.Г.,

аспирант,

кафедра башкирского языка,

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Бишиевой

Ключевые слова: лексика земледелия, башкирский язык, алтайские языки, общеалтайские слова, общетюркские слова
Key words: vocabulary of agriculture, Bashkir language, Altaic languages, General Altai words, common Turkic words

Аннотация. В данной статье рассмотрена часть земледельческой лексики башкирского языка относящаяся к общеалтайскому пласту. Приводятся фонетические варианты того или иного слова и их семантика в родственных языках.

This article deals with the some of the agricultural vocabulary of Bashkir language referring to general Altai layer. Different phonetic variants of a word and its semantics in cognate languages are given.

Любой этнос в процессе своего развития имеет контакты с другими народами. Это в первую очередь присуще кочевым или полукочевым народам. В этом плане башкиры не исключение. Все эти контакты и этногенетические связи отражаются обычно на материальной и духовной культуре, на хозяйственном укладе и как следствие и на языке данного народа. В рамках изучения земледельческой лексики башкирского языка попытаемся выделить историко-генетические пласты. Опираясь на данные лексики и исторические факты можно выделить два основных лексических пласта:

- 1) исконную лексику;
- 2) заимствованную лексику.

Основной слой земледельческой лексики башкирского языка составляет именно исконно башкирский пласт. Ишбердин Э.Ф. в своем исследовании отметил, что он достигает 80 % от общего числа [1, 103]. Согласно алтайской теории, тюркские и монгольские языки, а также тунгусо-маньчжурские происходят из одного общего праязыка (Рамстедт, Баскаков). Родство этих языков, как и их неродство, не доказано, то есть характер связей между ними остается неясным. «В этих условиях наличие в «алтайских» языках общих элементов следует воспринимать как непосредственную действительность, которая должна быть использована для установления древнего состояния фонетики и морфологии тюркских и других «алтайских» языков» [2, 19]. «Соответствия между тюркскими и монгольскими языками объясняются не чем иным, как языковой общностью и древнейшей эпохе между родами и племенами, из которых постепенно формировались эти современные народы» [3, 23]. Руководствуясь этими мотивами, мы предприняли попытку исследования лексики земледелия с данной точки зрения, вследствие чего выявился пласт слов, общих для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В большинстве случаев такие слова являются унаследованными от языка-основы, который можно назвать алтайским праязыком. Следовательно, исконную земледельческую лексику можно разделить еще на три группы:

- 1) общеалтайские слова;
- 2) общетюркские слова;
- 3) собственно башкирские слова.

В рамках данной статьи рассмотрим слова относящихся к общеалтайской группе. Сравнительно-исторический анализ лексики земледелия алтайских языков позволил выделить определенное количество слов.

Бөртөк «зерно». тат.: бөртөк, ног.: буртик / бьуртик, кумык.: бүртүк / бюртюк / бүртүрк, к.-тат.: бүртүк, к.-балк.: бүртүк / бюртюк / биртүк, караим.: биртик, якут.: бурдук, чув.: пёрчэ / пёрчэк / пёрчэш и т. д. В огузской группе этой семантике широко распространено слово дан, заимствованное в результате экономических отношений с иранскими народами: кирг.: дан, узб.: дон, каз., к.-калп., аз.: дән, турк.: дәне, тур.: tane и др. В монгольских языках: письм.-монг.: borda- / bordu- / borduя; монг.: бордо- / бордоо; бур. бордо-. В тунгусо-маньчжурских: эвен.: бурдука / бурдук / бордо / бурдукала / бурдукарук, эвен.: бурдук, негидаль.: бојдук / бордок / бурдук, маньч.: бордо- / бордобу- / бордоку. Таким образом, слово бөртөк и его фонетическая оболочка близка к идентичной почти для всех языков алтайской группы. Более ранним его значением было «штука», «часть», «крупница», которое перешло в значение «зерно».

Тары «просо» башк., тат., ног., каз., к.-балк., к.-калп., караим.: тары, кумык., к.-тат.: тари, башк. диал.: дары, тур.: dağı, аз.: дары, турк.: дары / дара, узб.: тарик, уйг.: терик, кирг.: тару / южн. тарык, гаг.: тарас, тув.: тараа, алт., ойр.: тараан, хак.: тарыг, чув.: тыр / тырă и др. Кроме того Радлов В.В. указывает таранч.: терік, чаг.: тарік, телеут.: тару [4, 850-851]. В монгольских языках глагольная основа тартаже довольно активно участвует в словообразовании земледельческих терминов: письм.-монг.: tari- / тариа(н), ср.-монг.: tari'an / тариалан(г), бур.: тар- / тарилга / тарьян / таримал. В языках монгольской группы семантика основы тар- развивалась в основном в направлении обозначения понятий «злаки, зерно, хлеб» и далее в виде вторичной номинации – конкретных культур. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк.: тари- / таре-, сол.: тар-, таргани бууа, ороц.: тарико- / тарику-, ульч.: тари-, нан.: тари-, тарико (таори-) / тарико, маньч.: тари- / тарин.

Уй, уйһу, уйпат «низина», уяз «долина, ложбина». В тюркских языках: каз.: ой; кирг.: ой; к.-калп.: ой / ойпат / ойлык; тур.: oйма; чаг.: ойлу; аз.: oйма; шор.: оймак; алт.: ойдык; тув.: ой; уйг.: ой; кумык.: ойма; ойтан; ойрот.: ой; чув.: ой / уй / уйа / уйлаһ.. Для сравнения: маньч.: joj.

□ыр «поле, нива». В словаре М. Кашгари имеется глагольный термин кырла- «делать борозды» [5, 347] свидетельствующий о существовании в тюркских диалектах в древности слова кыр со значением «обрабатываемый участок земли», а также слово қіг- «соскребать, соскабливать, царапать» [5, 7], қіға «пашня, поле» [6, 445]. Производные от этих слов имеются и в диалектах башкирского языка: кырҫлам / кыҫлам / кыртыш [7, 432] В восточных тюркских языках: алт.: кыра, хак.: хыра, уйг., ног., каз.:

кыр. Радлов В.В. отмечает еще следующие варианты: алт., телеут., саг., шор., койб., качин., чулым.: кыра [8, 735]. В финно-угорских: удм.: кыр / кыр бусы, хант.: хар.

Арпа «ячмень» являлся одним из самых популярных видов злаковых культур. Не удивительно, что как название злаковой культуры оно бытует во всех изучаемых языках, имеет единую фонетическую оболочку и семантику. В тюркских языках: тат., ног., ккалп., каз., кирг., кумык., узб., к.-балк., гаг., караим., аз., к.-тат., тур., уйг., турк.: арпа, чув.: урпа, алт.: арба, тув.: арбай. В монгольских языках: монг.: арвай, бур.: арбай, калм.: арва. В тунгусо-маньчжурских: маньч.: арфа. В финно-угорских: венг.: агра, мордв.: орпа. У М. Кашгари помимо агра – «ячмень» [5, 121] дается и производные: *agrala-* / *agralan-* и др [9, 316].

Борсак «горох» образовано от основы бугур / бугур, бурт- / бурт- «нечто круглое, выпуклое, шароподобное». Это прослеживается в распространении разных фонетических вариантов, в основном кыпчакской группе: тат.: борчак, ног.: бурсак / буршак, каз., к.-калп.: буршак, кирг.: буурчак, уйг.: бурчак / пурчак / пурчук / почак, балк.: бурчакъ, караим.: бурчак, тур.: *bug*

ак, шор., алт.: мырчак, чув.: пәрса и др. В.В. Радлов это название проанализировал в диахронии. Он зафиксировал больше фонетических вариантов и более широкое семантическое поле: кирг.: буршак, турк.: бурчак, телеут., алт., леб.: пырчак [10, 1832-1833]. В ДТС *bug*

aq также означало горох и другие растения из семейства бобовых [6, 125]. В монгольских языках: письм.-монг.: *bug*

ay, монг.: буурцаг, бур.: буурсаг, кал.: бурчг. В тунгусо-маньчжурских языках: сол.: борчоо. В финно-угорских языках: мар.: пурса / пырса, венг.: *borso*.

Арыш «рожь» тюркских языках является довольно распространенным: тат., к.-тат., караим., алт. (камасинский говор) арыш, кумык.: арыш будай, к.-калп., каз. диал., хак., арыс, ног.: арыс / кара бийдай, чув.: ырас, якут.: оруос. Радлов В.В. распространение этого слова указывает таким образом: саг., койб., качин. наречиях арыс, алт., телеут., шор., леб., чулым., тоб., бараб., к.-тат.: арыш в едином значении «рожь» [11, 277-278]. В виду того что данная культура была приспособлена для возделывания в суровых климатических условиях, и в основном на севере, то южные регионы были с ней плохо знакомы и воспринимали ее ни как культуру, а как готовое зерно. Именно этим и объясняется номинация ее рядом тюркских народов (в основном южных) через сравнение с другой культурой – пшеницей: узб.: кора бугдай / жавдари бугдай, уйг.: кара бугдай, кумык.: арыш бугдай, каз.: рош / кара бидай, балк.: кьара будай «черная пшеница». В монгольских языках: бур.: ороод / орооһо(н), калм.: хар буудя. В тунгусо-маньчжурских: эвенк.: орос. В финно-угорских: мар.: уржа / ыржа; морд.: розь, удм.: жег / зег, коми.: рудзег, хант. (васюганский говор): агэс, венг.: *rozs*. По своему фонетическому облику и семантике все варианты идентичны.

Бойзай «пшеница» в древних тюркских источниках зафиксировано как бугдай, будгай. В современных тюркских языках слово сохранило свою основу, фонетические варианты однако различны: тат.: бодай, ккалп., каз.: бидай, кар. богдай / будай, кумык., к.-балк.: будай, кирг.: буудай, узб., ног.: биидай, алт.: путай, уйг., турк.: бугдай, тур.: *bugday*, аз.: бугда, хак.: пугдай, ойр.: буудай, к.-тат.: богдай. В монгольских языках: монг.: буудай, бур.: будаа, кал.: будя.

В финно-угорских языках: морд.: *buz* / *buzadara*. Радлов В.В. отмечает следующие фонетические варианты: турк., чаг.: богдаі, кирг.: бiдaй, кар.: будай [10, 1654, 1780, 1858]. В большинстве случаев слово имеет единую семантику «пшеница».

Киндер «конопля» в тюркских языках: тат.: киндер; ккалп., кумык., турк., тур., к.-балк.: кендир, азерб., уйг., кум., алт.: кэндир, караим.: кындыр, чув.: кантър, тув.: хендир. В ДТС зафиксировано как *kendir* [6, 298]. Слово заимствовано в финно-угорские языки: мар.: кыне, удм.: кенэм, рум.: *chendir* и др. Радлов В.В. отмечает следующие фонетические варианты: телеут., леб., шор., чул., тар.: кандір, ног.: кындырыш, турк.: канадир, кандір [8, 1081, 1078].

Нарымһак «чеснок» зарегистрирован уже в ранних общетюркских источниках. Например: *sarmusag* / *samursag* [9, 527]. Если говорить о его распространенности, то данное слово встречается в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках, а также заимствовано в финно-угорские языки. В тюркских языках: башк.: *һарымһак* / диал.: *һарымһак*, тат.: *сарымһак*, каз., к.-калп., ног., караим., кирг., к.-тат.: *сарымһакъ*, к.-балк.: *сарымһакъ* / *сарһмак*, гаг.: *sarmusak*, аз.: *сарымһак*, тур.: *sarımşak* / *sarmışak*, узб.: *саримһакъ*, турк.: *сарымһак*, кумык., куман.: *самурсак*, уйг.: *самсаг* / *самсак* и др. В монгольских языках: калм.: *сермсг*, монг.: *саримсаг*. В финно-угорских: удм. диал., мар.: *сарымһак*. Причем во всех языках слово имеет единую семантику. Поэтому слово *һарымһа* стоит отнести к эпохе алтайской общности языков и исключить вариант позднего заимствования из монгольских языков, так как широкое его распространение и наличие сходных конструкций в самом языке свидетельствуют именно об этом. Широкое проникновение данного слова в отдаленные языки практически сводит к нулю теорию образования слова на обособленной тюркской основе.

Нуган «лук» в словаре М. Кашгари дается как *soyan* / *soyan* [9, 409]. В тюркских языках: тат., с.-тат. бараб.: *суган*, к.-балк.: *сохан*, кирг.: *соган* (дикий), кумык., ног., уйг., к.-тат., аз.: *соган*, тур.: *soğan*, гаг.: *суван* / *суан*, караим.: *соган* / *согань*, турк.: *соган*, алт.: *согоно* / *сокино*, чув.: *сухан*, тув.: *согуна* / *сонгуна*. В монгольских языках: монг.: *сонгино*, бур.: *һонгино* (репчатый), калм.: *соңгин*. В тунгусо-маньчжурских: маньч.: *соңгина* / *суңгина* (дикий). В финно-угорских: удм.: *сугон*, мари.: *шоган* / *соган*, коми.: *сугонь*. Почти полное фонетическое сходство, даже идентичность с тунгусо-маньчжурскими вариантами дает нам право отнести данное слово к алтайскому периоду.

Көлтэ «сноп» (связка срезанных хлебных злаков с колосьями). В тюркских языках имеется два лексических варианта в разных огласовках. Первый вариант: тат.: *көлтэ*, к.-балк., ног., кумык.: *кюльте* / *культе*, к.-калп. юж. диал.: *күлтэ*, караим.: *кюлтэ*, чув.: *көльте* «сноп», тур.: *kulte* «связка > слиток > порода». В.В. Радловым зафиксированы следующие варианты: в казанском наречии *көлтө* [8, 1333], тоб.: караим.: *күлтә*, куман.: *күлтәбәг*; кирг.: *күлтө* [8, 1476]. Второй вариант в значения «сноп»: кирг.: *боо*, к.-калп., каз.: *бау*, узб.: *бог*, хак.: *поом*, тур.: *bağlam* и др. В финно-угорских языках мар., гор.: *кыльте*, мар. луг. *кылта*, удм., коми.: *культе*, венг.: *kita* / *keve*. В монгольских языках: монг.: *боолт*, бур.: *боолта*, калм.: *бода* и др. имеют то же значение. Так же можно сделать вывод о том, что возникновение этих двух названий в тюркских языках (и

их семантическое развитие) шло параллельно в одно и то же время.

Сүмэлэ «копна» один из способов складывания снопов для созревания и непродолжительного хранения. В тюркских языках: тат.: чумэлэ, уйг.: чөмүлэ, каз.: шөмеле, кирг.: чөмөлө, чув.: сёмел, сёмел-сурат, якут.: чөмах / чөмөх / чөмчөх, чөмөхтөб, чөмөччу. В монгольских языках: монг.: цомох, бур.: сомоо. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк.: чумчээ / чумчэ / чумчукээ. В финно-угорских языках: удм.: чумоле, коми.: чумали, венг.: csomo и др.

Ыр□ын «гумно». В тюркоязычных народах распространено два варианта названия. Это связано с развитием двух зон земледелия. В кирг., каз., к.-калп.: кырман; узб.: хирмон, уйг.: арман / харман, туркм.: харман, аз.: кырман, тур.: harman. Стоить отметить, что в современных тюркских языках данное слово встречается редко и перешло уже в пассивное употребление. В тат., ног., к.-балк., караим.: ынтыр, кумык.: интыр, хак.: үртүн, алт.: эдирген / идирген, чув.: йетем / идем. Слово ыр□ын получило распространение и в финно-угорских языках Поволжья: удм.: итым, мар.: идым / йыдым, морд.: удом. По фонетическому звучанию они близки с чувашским йетем / итем. Переход звуков объясняется процессом развития языков, отсюда и многочисленные фонетические варианты.

Талкан «талкан, толокно» зафиксировано в словаре М.Кашгари как talqan «поджаренная мука, толокно» [5, 189]. В тюркских языках: тат., каз., кирг., алт. ойр.: талкан, узб.: толкон, к.-калп.: такан, тув.: далган, чув.: тинкёле. Семантика данного слова в современных тюркских языках сузилась и отошла в разряд устаревшей лексики. В монгольских языках: ср. монг.: talqan, письм.-монг.: talxa(n), монг.: талх(ан), бур.: талха(н), калм.: талхн. В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк.: талган / талгана / таалгаана / таалгаанэ; маньч.: тала. Во всех языках алтайской группы семантика сводится к значению «толченая мука, получаемая древним способом обработки».

Орло□ «семя». Его древняя форма, сохранившаяся в тюркских источниках игу [9, 63]. В тюркских языках: узб.: урук, кирг., уйг.: урук, каз., ккалп.: урык, караим.: урлук / урлук, к.-ктат.: урлук, к.-балк.: урлук, кумык.: урлук, ног.: урлык, тат.: орлык, тув.: үре / үрезин, хак., алт.: үрен, чув.: вэрлэх / вэрэ. В монгольских языках: бур.: үрәһен, монг.: үр.

Кылсык «ость» в словаре М. Кашгари зафиксирован как gildrug [12, 417]. В тюркских языках: тат.: кылчык, ног.: кылав, ккалп.: кылшык, кирг., каз.: кылкан, коман.: кьылчыкь, тур.: kılçık, аз., турк.: гылчык, чув.: хылчгк, узб.: килтик / килтанок / килтирик и др. Наблюдаются следующие лексические параллели: халх.: gylgan, алт.: guḷan, монг.: kılqana, маньч.: kılqana, эвенк.: килхана. В финно-угорских языках: мар.: ылчык, удм.: кы.

Кэбэк «мякина, полова» в древних тюркских источниках дается как керäk [5, 310]. В современных тюркских языках: тат.: кибэк, ног.: кебек, ккалп.: кепек, к.-балк.: кьууукь / кебек, тур.: кебек, турк.: кепек, уйг.: кэбэк / кэвак / кепэк, чув.: хывэх / кибек. В.В. Радлов дает следующие варианты: ктат., коман.: кабак, кирг.: кебак [8, 1191]. В монгольских языках: монг.: хэвэг.

Тамыр «корень» в тюркских языках: тат., ног., ккалп., каз., к.-балк., кирг.: тамыр, кумык.: тамур, караим.: тамар, ктат.: тамыр / тамур, чув.: тымар, алт.: тазыл / тамыр. В

древних тюркских источниках тамыр дается как tamar / tamiir / tamur [9, 32] [6, 529-531]. В монгольских языках: монг., калм.: тамир. Г. И. Рамstedт указывает телеут., алт.: тамур, тамураг, монг.: tamiir [13, 188].

Тупрак «почва» как наименование земли распространено довольно широко: тат.: туфрак, каз., ккалп., ног., топырак кумык., топуракь, к.-балк., ктат.: топракь, кирг.: топурак, узб.: тупрок, турк.: топрак, алт.: тобрак, аз.: топраг, топракь, тур.: torrak, караим.: топрах, уйг.: топа, чув.: тәпра, тув.: довурах, хак.: тобырак, якут.: тобурах. В монгольских языках: монг.: товрог, бур.: тоборог. В тунгусо-маньчжурских: эвен.: тур / тор. В финно-угорских языках: мар.: пурак, удм.: тузон. В древних тюркских источниках это наименование зафиксировано как torraq [9, 267]. Г.И. Рамstedт в восточных тюркских языках фиксирует tora, шор.: toban, чув.: tәpra, тур.: torraq, toz, каз.: tozan, тат.: tuzan, монг.: toru, маньч.: torom [13, 196].

Беләү «точильный брус, оселок» в древних тюркских источниках зафиксирован как bilagu [5, 225]. В тюркских языках: тат.: беләү, каз.: билеу, ног., кумык.: билев, к.-балк.: билеу, караим., турк.: билэв, уйг.: билэу, аз.: бүлев, тур.: bilegi taşı, хак.: пиле, чув.: пёлев и др. Лексические параллели: калм.: бүлү, бур.: бүлюү, монг.: билүү. Фонетические варианты особо не отличаются друг от друга и имеют единую семантику.

Тирмән «мельница, жёрнов» в древних тюркских источниках зафиксирован как tegimän [12, 282]. В сравнимых языках: тат.: тегермән (диал.: тирмән), каз.: диермен, ккалп.: дгирман, к.-балк., кумык.: тирмен, кирг.: тегирмен, узб.: тегирмон, турк.: дегирмен, уйг.: түгмән / төгүрмән, тур.: degimän, чув.: арман, тув.: дээрбе, хак.: тербен, калм.: теерм, монг.: тээрэм, бур.: тээрмын / тээрмэ. Семантика у всех практически идентична.

Көрәк «лопата» в словаре М. Кашгари дается как kürgäk [5, 289]. В современных тюркских языках слово көрәк распространено довольно широко: тат.: көрәк, каз.: күрек, к.-балк., кумык., ног.: кюрек, кирг.: күрөк, узб.: курак, ккалп.: гурек, ктат.: курек, аз.: кюрәк, турк.: күрек, уйг.: күрәк, тув.: хүүрек, хак.: курчек, якут.: курдэх и др. В монгольских языках: калм.: күрз, бур.: хурзэ, монг.: хүрз.

Иләк «решето, сито». Древняя форма слова elgädi [9, 284]. В тюркских языках наблюдается различные фонетические варианты данного слова: тат.: иләк, каз., ккалп.: елек, к.-балк., кумык., турк.: элек, кирг.: элек / элгек, узб.: элак, аз.: әләк, тур.: elek, караим.: олек / оляк, уйг.: илгәк, хак.: илгек, чув.: йла. В монгольских языках: монг.: элхэг, калм.: элгиг.

Һабан «плуг». В тюркских языках: тат.: каз., коман., кумык., тур., аз., ктат., узб.: сабан, к.-балк.: сабан агач, чув.: сапан, чаг, кирг., каз.: саба, хак.: сап. В финно-угорских языках: удм., мор.: сабан, мар.: саван. В монгольских языках: монг.: саба, диал. халх.: сава, ойр.: саба, калм.: саи, бур.: хаба.

Таким образом, обобщая вышеизложенное можно отметить, что лексика земледелия начала формироваться еще в период алтайской языковой общности. А это еще раз доказывает, что земледелие для наших предков не было явлением чуждым. Эти названия земледелия являются общим достоянием не только для тюркских, но и для большинства тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, и составляют так называемый алтайский пласт исконной земледельческой лексики башкирского языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ишбердин Э.Ф. Термины земледелия в башкирском языке. - Уфа: БГУ, 2002. - 149 с.
2. Кононов А.Н. Очерк истории изучения турецкого языка. - Л.: Наука, 1976. - 119 с.
3. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. Ч. I. - Фрунзе, 1959. - 247 с.
4. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. - СПб.: Тип Императорск. АН, 1905. - Т. III. - 2204 с.
5. Кашгари М. Туркий сузлар девони.- Тошкент, 1961. - Т. II. - 427 с.
6. Древнетюркский словарь. - Л., 1969. - 676 с.
7. Диалектологический словарь башкирского языка. - Уфа: Китап, 2002. - 432 с.
8. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий.- СПб.: Тип Императорск. АН, 1899. - Т. II. - 1814 с.
9. Кашгари М. Туркий сузлар девони.- Тошкент, 1960. - Т. I. - 499 с.
10. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий.- СПб.: Тип Императорск. АН, 1911. - Т. IV. - 2230 с.
11. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий.- СПб.: Тип Императорск. АН, 1893. - Т. I. - 1914 с.
12. Кашгари М. Туркий сузлар девони. - Тошкент, 1963. - Т. III. - 466 с.
13. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. - 254 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ НЕСОГЛАСИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БЛОГОВ)

Горшкова Е.И.,
аспирант,

Российский государственный педагогический университет им. И.А. Герцена

Ключевые слова: Интернет-коммуникации, блог, коммуникативные тактики

Keywords: Internet communications, blog, communicative tactics

Аннотация. В статье рассматривается понятие «блог» как вид Интернет-коммуникации между автором и его активными читателями. На этой основе определяются основные виды коммуникативных тактик несогласия в Интернет-коммуникации и лингвостилистические средства их выражения по каждому из видов.

This article discusses the concept of «blog» as a form of Internet communication between the author of a blog and his active readers. The author identifies major types of communicative tactics expressing disagreement in Internet communication as well as linguistic and stylistic means used in each of these types.

В конце 2011 в мире насчитывалось около 7 миллиардов пользователей Интернет, при этом число пользователей возросло в 5 раз по сравнению с 2000 г. Согласно исследованиям компании Nielson пользователи тратят 22% своего времени онлайн на общение в так называемых социальных медиа (social media). Социальные медиа - многозначный термин, который до сих пор не получил широкого распространения в теоретических исследованиях Интернет и Интернет-коммуникаций в России, но активно используется зарубежными исследователями в англоязычных странах. Исследователи Andreas Kaplan и Michael Haenlein определяют социальные медиа как «группу Интернет-приложений, основанных на идеологической и технологической базе Web 2.0, которые позволяют создание и обмен контентом, созданным пользователями» [Kaplan 2010: 59]. Обычно этот термин используют для описания новых форм коммуникации производителей контента с его потребителями, для которых определяющее значение имеет фактор копродукции контента самими пользователями конечного продукта, когда каждый читатель/подписчик блога, например, может выполнять функции комментатора, репортёра, фотокорреспондента и/или редактора данного сервиса.

Блог как один из видов социальных медиа начал активно использоваться в конце 90-х годов прошлого века и продолжает оставаться в настоящее время одной из самых популярных форм общения в Интернете: в октябре 2011 г. зарегистрировано около 173 миллионов блогов [URL: <http://www.nmncite.com>]. С. Херринг определяет блог как жанр Интернет-коммуникации, занимающий промежуточное положение между чатом и веб-страницей и объединившим в себе самые привлекательные черты обоих этих жанров с точки зрения пользователей: возможность вести диалог с неограниченным числом других пользователей и право самостоятельно управлять своим коммуникативным пространством [Herring 2005: 165]. Сафонова Т.В., рассматривая один из видов блога - сетевой дневник с точки зрения закона экономики сообщений, отмечает, что при наличии ряда специфических особенностей коммуникации в форме блогов, они тяготеют по форме и содержанию к

традиционному «взаимодействию лицом-к-лицу», т.е. к устному диалогу [Сафонова 2006: 76].

Некоторые исследователи считают, что блоги можно рассматривать как гипержанр К. Ф. Седова [Горелов, Седов 2008], а входящие в его состав жанры рассматривать как функцию устойчивого повторяющегося сочетания типовых значений ряда параметров. Среди таких параметров называются: количество авторов (один или много), преобладающий тип мультимедиа (текст, видео, аудио, изображения), допустимый размер записей (микроблоги или стандартные блоги) и тематику (общие и тематические блоги). Отдельно можно рассматривать жанр комментариев к записям в блоге [Горелов, Седов 2008].

В настоящей статье блог рассматривается как вид Интернет-коммуникации между автором блога и его активными читателями, осуществляемый в форме развертывания гипертекста, обладающего рядом специфических характеристик.

В блогах коммуниканты поочередно выступают в ролях «хозяина» (автора блога) и «гостя» (комментатора записей). Социально-психологические различия между исполнителями этих ролей определяют актуализацию ими коммуникативных тактик, которые понимаются как гибкое, динамическое использование коммуникантами вербальных умений построения своих речевых ходов с целью решения поставленных задач в рамках избранной стратегии общения.

Исследование блог-сообщений (постов) на молодежной англоязычной блог-платформе thoughts.com, основными пользователями которой являются англоязычная молодежь 14-21 лет из США и Европы, позволили выделить семь приемов речевой реализации коммуникативной тактики несогласия комментатора с автором блога:

1. категорическое возражение - читатель блога (reader = R) считает высказывание или точку зрения блогера (Blogger = B) как абсолютно недопустимые в данном контексте:

B. Wow. 1028 hits (at time of commenting). My buddy Mike (who also edited the spelling errors out of this story and gave me some advice), placed this story on Stumble Upon. People out there seem to be running with it. Welcome stumblers.

R. This totally proves that you sit and boost your own blog you sad little man, no one ever gets hits like this you idiot

(URL: <http://www.thoughts.com/TimothyStevenDowns/blog/the-singularity-child--338520/>)

В данном примере читатель категорически и в грубой форме отвергает возможность роста рейтинга поста данного автора законным путем в ответ на радостное сообщение автора о его растущей популярности.

Сначала читатель выдвигает прямое обвинение с помощью глагола prove, характерного для официальной письменной речи, и местоимений you, your own, усиленное

наречием *totally*. Потом резко переходит к прямому оскорблению, которое тоже носит книжный характер. Затем с помощью приема намека неопределенности, выраженного отрицательным местоимением *one* и усиленного наречием неопределенного времени *ever*, автор повторяет свое обвинение, а затем более грубое оскорбление, которое типично для неформальной разговорной речи.

Таким образом, здесь происходит смешение разговорного и письменного стилей, что, как отмечалось выше, типично для языка Интернета.

Показательно, что использование тактики категорического возражения осуществляется посредством инвективных языковых единиц, что в значительной степени обусловлено, как представляется, отсутствием возможности обратиться к доказательствам. Этот факт вызывает негативные эмоции и негодование у несогласной стороны и провоцирует ее также обратиться к оскорблениям. Кроме того, здесь присутствует соперничество, так как комментарий принадлежал автору блога, претендовавшего на звание самого популярного блога на данной блог-платформе. Все это обусловило эмоциональность комментария.

В следующем примере несогласный читатель, наоборот, демонстративно вежлив и спокоен.

B. You Teens on here with your Pathetic 109lb Weight problem! I see and read your winey little Blogs about wanting to be soooo thin. You have an ILLNESS!!! Get Professional Help!

I'm going to say it AGAIN... do you really think you cannot eat and expect your Magor Organs NOT to be affected???

Plain and Simple;

EAT or Risk Dying!!!

I am so sick and tired seeing «OMG! I cant eat»!

Looking for a Boyfriend?? AINT happening! Boys dont like Ribs sticking out and Guant Sunk in Faces!

R. Stop this pathetic behavior and mind your own buisnes. What, exactly, do you know about professional things when you write as you do. Grow up for gods sake and I will post this over and over as many times you will take it away. I win you lose. Don't get mad.

(URL: <http://www.thoughts.com/WinnieTheRight/blog/anorexia--455627/>)

В данном примере вежливость несогласного комментатора можно объяснить отчасти тем, что затронутая в посте тема не является для него лично значимой, а является общей темой для дискуссии.

Однако, как и в предыдущем примере, хотя комментатор посчитал нужным выразить несогласие с мнением блоггера, он не предложил никаких доводов в пользу своей точки зрения. Поэтому его комментарий представляет собой эмоциональную реакцию, а не рациональное аргументированное опровержение необоснованности мнения блоггера. Таким образом, хотя план выражения имеет сдержанную эмоциональную тональность, что характерно для письменной речи, план содержания, по сути, представляет импульсивную реакцию на запись блоггера, что типично для устной речи.

В примере -

B. The Devaluation of Men in America

This starts a series on the devaluation of men in America. Watch for three or four blogs about the laws being made to decrease the rights of men and destroy the family in the process.

For almost two hundred years, women in America have

fought for equal rights. In the 1860's, women like Susan B. Anthony, Elizabeth Cady Stanton, and Lucy Stone faced hardships and were even arrested in the fight for women's rights. In the early 1900's women in America held demonstrations and marched for the right to vote. Women have come a long way since the early 18th century and continue to make great strides in equal rights. However, the strengthening of women has resulted in the weakening of men.

R. While I respect your opinion, I cannot agree with it. I will say you present your view in a most excellent manner, very well writ.

May you have a most excellent day!

(URL: <http://www.thoughts.com/ConservativeMom/the-devaluation-of-men-in-america>)

хотя читатель выражает несогласие с мнением блоггера, он одновременно демонстрирует дружелюбное к нему отношение, используя вначале конструкцию «while I respect your opinion», выражающую уважение к мнению блоггера, за которой следует несогласие в виде этикетной фразы *I cannot agree*. В следующем предложении он переключается на положительную оценку формы изложения блоггера, используя прилагательное, выражающими высокую степень качества *excellent* и наречие положительной оценки качества *well*, усиленное наречием *very*. Заканчивает свой комментарий читатель пожеланием, выраженным в форме побудительного высказывания с модальным глаголом *may*. Использование прилагательного *excellent* с неопределенным артиклем «а» перед наречием «most» в значении высокой степени качества также принадлежит к этикетной форме.

2. констатация неправоты блоггера (читатель рассматривает высказывание блоггера как ошибочное, ложное суждение, которое не соответствует реальному положению дел, и считает необходимым указать блоггеру на его неправоту и изложить правильную, верную точку зрения на какое-либо событие, явление или факт):

B. Luddites still exist. There are people who refuse to own a cell phone or who are adamantly opposed to the use of microwave ovens. Certainly, some of the elderly see technology as an intrusion into life, rather than as something which provides benefits.

The Luddite movement has been consistent in both their attempt and their failure to impede progress. So whether you have a place in your heart for the Luddites as the result of changing or disappearing postal services, checks, land line telephones, newspapers, books, music, television or privacy, remember that the one constant in life is change.

R. I do not know where you got your history from, but it is wrong. I wrote a post about the Luddites, you might like to compare it with your account.

(URL <http://www.thoughts.com/Amen/blog/luddites-545164/>)

В данном примере читатель начинает свой комментарий с прямого утверждения неправоты автора блога. Затем читатель не пытается изменить ошибочные с его точки зрения представления блоггера, а отсылает его к собственному посту, используя, в соответствии с принципом вежливости, высказывание в сослагательном наклонении. Вместе с тем в примере явно обозначены два полюса: *you – your history – wrong* и *I* (подразумевается – *right*).

3. демонстрация протеста (читатель заявляет о наличии у него собственного мнения по какому-либо вопросу,

которое не соответствует, противоречит мнению блоггера. Читатель протестует против позиции блоггера и стремится отстоять собственную позицию, оспорить суждение блоггера):

B. This is SCARRY to think that these TEENS ARE OUR FUTURE. Oh God Help us...

R. Excuse me! What is that supposed to mean? You really should watch what you say around people. Stop looking for people to fight with you. Your picking fights with people who are 1). anorexic 2). bulimic 3). cutter. Leave us alone its our way to deal or cope with things so back the fuck off.

And you ocan pray all you want to God, he never really exactly helps.

(URL: http://www.thoughts.com/jennifer_1957/blog/now-im-mad-544796/)

Данная тактика основывается на эмоциональном выражении несогласия с мнением оппонента.

Читатель начинает комментарий с речевого акта извинения (Excuse me!), который приобретает в контексте рассматриваемого микродиалога иллюкутивную силу сигнала о несогласии комментатора. Другими словами, комментатор не просит блоггера извинить его, а привлекает внимание читающей аудитории, акцентируя свой протест и несогласие. В данном случае речевой акт извинения является косвенным речевым актом. Далее читатель выражает свое негодование с помощью риторического вопроса, директивов - stop looking .. leave us alone ... back ... off., а также посредством использования вульгаризма the fuck, характерного для эмоциональной устной речи. Кроме того, для интенсификации своего мнения читатель использует нумерованный список, что является особенностью письменной речи. В дальнейшем читатель закрепляет свое несогласие, заявляя о своем неверии в силы высших сил посредством усилительного наречия степени exactly и уточнительного наречия really, которые выражает насмешливое отношение комментатора к записи блоггера, а также наречия времени never, которое характерно для речи подростков и отражает юношеский максимализм комментатора.

4. противопоставление понятий в иницирующей и ответной репликах (читатель утверждает понятие, которое противопоставляется суждению, высказываемому в реплике блоггера):

Высказывания, воплощающие процесс противопоставления понятий в иницирующей и ответной репликах, имеют две разновидности: высказывания с эксплицитным и имплицитным противопоставлением.

Высказывания с эксплицитным противопоставлением имеют в своей структуре отрицательный компонент (not, no), в сферу действия которого попадает пропозициональное содержание иницирующей реплики (запись блоггера). В результате применения оператора отрицания комментатор выражает свое противоположное отношение к содержанию высказывания блоггера. Например:

B. Anyone who can cheer the millions of deaths of world wars and the unnecessary assassination of Osama bib Laden is obviously a psychopath.

R. Now Steve- I have to jump in on that- «the unnecessary assassination»- that might not have been the case: We don't know how it actually went down when it all happened, they might have had no other choice.

(URL: <http://expressyourself.thoughts.com/Grockizback/usa-usa-whats-wrong-with-patriotism/>)

В примере блоггер пишет, что человек, поддерживающий убийства во время мировых войн или бессмысленное убийство отдельно взятого человека – Усамы бен Ладена – не может быть нормальным. Комментатор не соглашается с блоггером и утверждает противоположный факт: в силу того, что нам неизвестны все обстоятельства, возможно, смерть бен Ладена была оправдана. Несогласие реagenta выражается через отрицание понятия the unnecessary assassination – unnecessary assassination not have been the case – в ответной реплике.

Что касается высказываний с имплицитным противопоставлением, то к их числу относятся те комментарии, в которых происходит замена соответствующего компонента поста на его антоним или элемент с противоположным значением, например:

B. I am that mythical entity, the disinterested, impartial observer.

R. I have always been a firm believer that if you do not vote then you have no right to complain! Disinterested! You definitely sound interested to me. :)

(URL:<http://www.thoughts.com/stevehayes13/blog/election-farce-544966/>)

В данном примере блоггер пишет о политических дебатах перед выборами премьер-министра Великобритании, о своем неприятии беспочвенных заверений кандидатов и о своей аполитичности. Несогласие его читателя реализуется через противопоставление лексического значения прилагательного disinterested лексическому значению прилагательного interested (derivative antonyms) [Arnold 1973: 195].

5. постановка цитатного вопроса (читатель в качестве ответной реакции на вопрос или утверждение реagenta выбирает вопросительное высказывание с включением в него элементов высказывания блоггера):

Такие высказывания определяются как «цитатные вопросы» [Арутюнова, 1986: 55] так как в них присутствуют заимствования из иницирующего высказывания. Функционирование цитатных вопросов в ответных репликах предполагает реализацию реакции несогласия, протеста (там же), например:

B. Hon, your not worth my reply. hagd.

R. You want to save people but they are not woth a word suddenly? I would suggest YOU to get proffesional help, seems like you are suffering from a schizophrenic behavior were you can not decide if you want to «help» me or behave with such an answer. You could have written «You are right» but I take your word as I am right anywhay because I dont care about you and your freking thoughts darling.

(URL: http://www.thoughts.com/jennifer_1957/blog/now-im-mad-544796/)

В примере блоггер отказывается отвечать на комментарий читателя к своему посту о таких проблемах молодежи, как булемия и анорексия, которые автор называет психическим расстройством. Встречный вопрос читателя содержит в себе не стремление узнать причину отказа от диалога, а желание выплеснуть свое негативное отношение к посту блоггера: Your not worth my reply - they are not woth a word suddenly? [Арутюнова, 1986: 58]. Несогласие комментатора заключается в том, что он не разделяет точку зрения блоггера о психическом расстройстве анорексиков (при этом сам комментатор также подвержен анорексии), протестует против его позиции. Реакция несогласия подчеркивается вторым высказыванием реagenta в ответной

реплика «I would suggest YOU to get professional help, seems like you are suffering from a schizophrenic behavior», где он выдвигает встречное обвинение в психическом расстройстве. Ответные высказывания, в которых присутствуют цитатные вопросы, не только маркируют несогласие, возражение реagenta, но обладают иллюкутивной силой убеждения адресата в противоположном положении дел [Арутюнова, 1986: 59], [Г.Ф. Гаврилова, 1999: 94].

б. ирония (рассматриваются высказывания с «эффектом обманутого ожидания», в которых имеет место противоречие между предположением блоггера о возможной реакции читателя и конкретной реализацией его ответного действия):

Такие высказывания характеризуются наличием в них двух планов: поверхностного и глубинного смыслов. Поверхностный, «кажущийся» смысл складывается из лексических значений составляющих высказывание слов, а подлинный, глубинный смысл раскрывается в результате сопоставления данного высказывания с контекстным окружением. Реагент сознательно заманивает аудиторию на ложный путь, а потом сбрасывает маску (см. В.З. Санников, 1999).

Обратимся к примерам:

R. This totally proves that you sit and boost your own blog you sad littl man, no one ever gets hits like this you idiot

B. Thanks for the comment Frags, i relay appreciate it every time you comment on my blogs. You always have such wonderfully constructive things to say. But if someone gets more hits than you, it doesn't mean he is an idiot.

(URL: <http://www.thoughts.com/TimothyStevenDowns/blog/the-singularity-child--338520/>)

В примере читатель выдвигает обвинение блоггеру в «накрутке» просмотров своего блога в резкой и оскорбительной форме. Ответная реплика блоггера Thanks for the comment сначала наводит на ложную интерпретацию, что блоггер действительно считает комментарий блоггера конструктивным и полезным для себя. Однако последующее высказывание But if someone gets more hits than you... нивелирует первичное восприятие и открывает истинный смысл ответной реплики, в которой блоггер не признает обвинение комментатора и выражает несогласие с его мнением.

Таким образом, в данной работе предпринята попытка изучить комментарии к блогам посредством анализа тактики несогласия в рамках коммуникативной стратегии ответного реагирования.

Тактика несогласия актуализируется в текстах блогов в различных формах: категорическое возражение, констатация неправоты блоггера, демонстрация протеста, противопоставление понятий в иницирующей и исходной репликах, постановка цитатного вопроса, ирония, выраженных языковыми единицами различных уровней (лексического, грамматического, синтаксического).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация. К проблеме чужой речи // Вопросы языкознания. – №1. М.: Наука, 1986. С. 50-63.

2. Гаврилова, Г.Ф. Вопросительные конструкции в их функционально-семантическом аспекте // Языковые единицы: логика и семантика, функции и прагматика: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. Л.В. Лисоченко. Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 1999. С. 89-97

3. Морослин П.В. Структурно-семантические параметры веб-блогов как особого речевого жанра // Вестник Тамбовского университета. 2009. Вып. 12. С. 332-337.

4. Морослин П.В. Функционально-стилистический анализ блогов (Интернет дневников) // Сб. Доклады Третьей международной научно-практической конференции «Общество-Язык-Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке». М.: МИЛ, 2009. С. 68-75.

5. Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников (блогов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.

6. Сафонова Т.В. Порядок интеракции в сетевых дневниках: альтернативная экономика сообщений // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность: сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 56-76.

7. Arnold I.V. The English Word. М.: Высшая школа, 1973.

8. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: Учеб. пособие. – 5-е изд. М.: Флинта, 2008.

9. Herring S. C., Scheidt L. A., Bonus S., and Wright E. Weblogs as a bridging genre // Information, Technology & People, 18(2). URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/itp.pdf> (дата обращения 14.03.11)

10. Kaplan A.M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business Horizons. Vol. Issue 1, Indiana: Indiana University Press, 2010. P. 59-68

11. URL: <http://www.nmncite.com> (дата обращения 17.02.12)

12. Список иллюстративных источников

13. URL: <http://www.thoughts.com/TimothyStevenDowns/blog/the-singularity-child--338520/> (дата обращения 12.12.11)

14. URL: <http://www.thoughts.com/WinnieTheRight/blog/anorexia--455627/> (дата обращения 12.11.11)

15. URL: <http://www.thoughts.com/ConservativeMom/the-devaluation-of-men-in-america> (дата обращения 12.11.11)

16. URL: <http://www.thoughts.com/Amen/blog/luddites-545164/> (дата обращения 13.12.11)

17. URL: http://www.thoughts.com/jennifer_1957/blog/nw-im-mad-544796/ (дата обращения 13.12.11)

18. URL: <http://expressyourself.thoughts.com/Grockiz-back/usa-usa-whats-wrong-with-patriotism> (дата обращения 12.11.11)

19. URL: <http://www.thoughts.com/stevehayes13/blog/election-farce-544966/> (дата обращения 12.12.11)

20. URL: http://www.thoughts.com/jennifer_1957/blog/nw-im-mad-544796/ (дата обращения 14.11.11)

21. URL: <http://www.thoughts.com/TimothyStevenDowns/blog/the-singularity-child--338520/> (дата обращения 14.12.11)

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАНЯТИЙ ФИЛАТЕЛИЕЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Громов Ю.В.,
аспирант,
кафедра психологии и педагогики,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: филателия, занятие филателией, воспитательный потенциал занятий филателией, филателистическая образовательная площадка.

Key words: philately, collecting stamps, educational potential of philately, philatelic educational platform

Аннотация. В статье рассматривается использование филателии в образовательном процессе школы и вуза в исторической ретроспективе и на современном этапе. Раскрывается структура воспитательного потенциала занятий филателией, представлены способы интеграции занятий филателией в образовательный процесс вуза.

The application of philately in the educational process at school and university is considered in the article in the historical retrospective and the present stage. The author reveals the structure of the educational potential of philately and presents the ways of integration of collecting stamps into the training process of higher educational institutions.

В Большом филателистическом словаре дается следующее определение филателии: «Филателия (от греч. «филос» - друг, любитель и «ателис» - освобожденный от налога, оплаченный) - коллекционирование знаков почтовой оплаты - почтовых марок; этикеток, ярлыков, календарных и специальных гашений (штемпелей), штампов и др., а также конвертов и открыток-карточек с знаками почтовой оплаты... Филателия возникла в конце 40-х гг. 19 в. Термин «Филателия» введен в 1864 французским коллекционером Г. Эрпеном» [2, 280].

Первая почтовая марка была выпущена в Великобритании в 1840 г. Филателия как хобби занимает первое место в мире. Сегодня все страны мира выпускают почтовые марки, посвященные разным темам. В современной России с 1992 года выпущено более 1500 почтовых марок.

В нашей статье мы не рассматриваем занятие филателией в традиционном понимании этого вопроса - как универсальное международное хобби (коллекционирование почтовых марок и занятие в филателистическом кружке или клубе). Нас в большей степени интересуют возможности использования воспитательного потенциала занятий филателией в учебном и воспитательном процессе вуза.

Педагоги, наблюдая за интересом учащихся к почтовым маркам, начали активно использовать их на уроках в последней четверти 19 века в Бельгии, Великобритании, Германии. До последней четверти 20 века занятия филателией проводились в основном в начальной и средней школе. В России первое упоминание о пользе занятий филателией для учащейся молодежи и взрослых можно найти в статье С.Д. Соломкина «Нечто о собирании почтовых марок» в журнале «Марки» за 1896 год, где говорится: «Собирание почтовых марок - дело вполне научное и образовательное», и обосновывается полезность этого занятия для детей и взрослых. Для детей: «Ребенок, разбирая марки по странам, по годам выпуска, по разновидностям привывает к порядку и к сообразительности, мышление его развивается, внимательность увеличивается и все это принесет ему пользу в будущем...». Для взрослых, по сужде-

нию автора, это: 1) полезное времяпрепровождение; 2) помощь в воскрешении старых знаний и прибавлении новых (история, география, биология, химия и т.д.); 3) знакомство с иностранными языками [7, 62].

Академик И.П. Павлов, сам увлекающийся филателией, рассматривал эти занятия как типичный пример рефлекса цели, о котором, выступая на третьем съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 года, говорил: «Рефлекс цели имеет огромное жизненное значение, он есть основная форма жизненной энергии каждого из нас. Жизнь только для того красна и сильна, кто всю жизнь стремится к постоянно достигаемой, но никогда не достижимой цели...» [7, 268].

Попытки широкого применения филателии в образовании в нашей стране относятся к середине 20-30-х годов XX века. У истоков использования филателии в школе стояли В.Я. Брюсов, Л.С. Выготский, А.С. Макаренко, И.П. Павлов, М.Я. Сюзюмов, А. Чачиков, Ф.Г. Чучин.

М.Я. Сюзюмов (доктор исторических наук, основатель уральской школы византистики, один из видных деятелей советской филателии в 20-30 годы XX века, основоположник тематического коллекционирования в филателии, преподавал историю в школе г. Златоуста) на своих уроках использовал марки как иллюстративный материал. Его начинание нашло широкий отклик в нашей стране и за рубежом (в Швейцарии) и было поддержано как педагогической, так и филателистической общественностью. По суждению М.Я. Сюзюмова, занятие филателией: 1) расширяет кругозор учащихся; 2) дает знания; 3) развивает самостоятельность; 4) вызывает интерес, стирает границы между учебной деятельностью и развлечением. М.Я. Сюзюмов предложил работать с филателией в школьном масштабе: создать кружок, увязать занятие филателией с учебой. Он вместе с учащимися создал школьный альбом и соединил принцип выставки с принципом собирания марок в альбоме. А именно: марки по изучаемой теме располагались на больших листах картона, который вставлялся в рамку со стеклом и вывешивался в кабинете на время докладов и занятий. Каждый лист вмещал марки на определенную тему, например, «Экономические предпосылки империализма», «Революция в Венгрии». Самостоятельность, исследование, собирание материала, знакомство с современностью, связь с другими школами, с другими странами, собрания кружка помогали, по суждению М.Я. Сюзюмова, ученику превращаться в начинающего ученого-исследователя. Такой ученик самостоятельно искал материал в каталогах, справочниках, энциклопедиях, периодических изданиях.

Большой резонанс вызвало появление в 1930 году книги А. Чачикова «Филателия в школе». Эта книга стала программным документом по использованию филателии в школе. В предисловии А. Волков пишет о том, что

в массовой работе с учащимися любой педагог не может пройти мимо филателии и при правильно поставленном педагогическом руководстве в наших школах занятия школьников филателией, во-первых, расширяют кругозор. Во-вторых, занятия филателией помогают изучению языков. В-третьих, занятия филателией могут содействовать укреплению дружбы между детьми разных стран и народов [10, 3].

Л.С. Выготский, утверждал, что занятие филателией может стать драгоценным воспитательным средством, если соединить его с какой-нибудь более сложной деятельностью, например, с изучением учебных предметов, с практической интернациональной перепиской, с эстетической оценкой знака, тогда занятие филателией позволит значительно повысить уровень новых знаний и чувство интернационального общения [3,100].

В 60-80 годы XX века использование филателистического материала при проведении занятий в школе выходит на новый уровень - появляются публикации, в которых авторы делятся опытом внедрения филателии в преподавание литературы, истории, географии и химии, среди них педагоги: А. Дьяченко (г. Полтава), Л. Нилова и А. Хелимский (г. Барнаул), С. Дьякович (г. Новосибирск). Выход в свет таких книг, как «Филателия в школе» Д. Лезобра в 1971 году и «Филателия школьникам» И.Я. Левитаса в 1976 году - открыл широкий путь для использования филателистического материала на уроках и во внеурочной работе в школе.

Особого внимания заслуживает книга И.Я. Левитаса «Филателия школьникам», которая выдержала несколько изданий и была удостоена бронзовой медали на Всемирной филателистической выставке «Прага-1978». В книге содержатся обширные сведения по практике применения филателии в школе. Структура книги соответствует программе занятий с юными филателистами. В этой книге И.Я. Левитас указывает на появление понятия «филателистическая педагогика», понимая под этим воспитательную деятельность педагогов и руководителей КЮФ (клуб, кружок юных филателистов) и педагогическое воздействие на учащихся многогранными средствами филателии в школьном учебно-воспитательном процессе (на уроках и во внеклассной работе).

Среди современных отечественных педагогов наиболее интересен опыт использования занятия филателией в обучении информатике М.Л. Шкурлятьевой. В своей статье «Филателистические проекты обучения информатике» она предложила создать виртуальный филателистический кружок как метапроект. Автор провела сравнение процесса подготовки филателистической тематической коллекции с процессом создания гипермедийного высказывания (WEB-страницы) с точки зрения новых информационных технологий:

- « И то и другое:
 - проектная деятельность;
 - сбор информации на заданную тему;
 - авторская публикация.
 - И тут и там:
 - конструктивный тип обработки материала;
 - автор-конструктор, «строящий» здание своего проекта из маленьких «кирпичиков» [11].
- По нашему суждению, у виртуального представления

филателистического материала в учебных проектах большое будущее, которое не отменяет традиционное занятие филателией, а только позволяет использовать воспитательный потенциал филателии.

Исследования педагогов - филателистов в ряде стран - во Франции (Д. Лезобр), в Польше (А. Громски), Украине (И.Я. Левитас), России (Д.А. Устинов), - показали, что при одинаковых психических и физических возможностях учащиеся, занимающиеся филателией, приводят в 3-4 раза больше географических названий, чем не занимающиеся филателией, называют и кратко характеризуют в 3 раза больше героев страны, ученых, деятелей культуры и искусства.

Таким образом, анализ литературы показывает, что занятия филателией в основном находят свое место в школе, а в вузовской практике встречаются значительно реже в связи с неразработанностью методического инструментария для проведения этого процесса. Особую актуальность данная проблема приобретает для педагогического вуза, т.к. позволяет значительно расширить арсенал интеллектуальных и творческих ресурсов студентов для их будущей профессиональной деятельности.

Следует отметить, что в современной России занятия филателией в учебном процессе вуза явление сравнительно новое. Ф.Б. Бакшт считает, что первым шагом по включению филателии в учебный процесс может стать разработка учебного спецкурса (20-30 часов), что и осуществлено им в Томском университете. По его мнению, «филателистический материал, профессионально используемый в таком курсе, в силу своей специфики доступен и привлекателен читателям буквально всех возрастов и всех уровней подготовки. Методическая разработка по этому предмету (курсу) соответствует уровню школьных и вузовских программ. При этом каждый студент, преподаватель может сформировать свой логический видеоряд, излагая основное содержание темы в соответствии с близкой ему и понятной данной конкретной аудитории научной системой» [1, 42]. Учебный спецкурс «Геоэкологическая филателия», предложенный Ф.Б. Бакштом, успешно реализуется в Томском университете с 2003 года по настоящее время.

Кроме создания спецкурса существуют и другие возможности применения занятий филателией в вузе. Однако такие традиционные формы, как филателистический кружок и клуб, на наш взгляд, узки и не совсем пригодны для вуза, т.к. не могут обеспечить массовое участие студентов, и они ориентированы, прежде всего, на развитие коллекционирования.

Мы считаем занятие филателией в вузе может найти свое применение в проектах воспитательной деятельности университета, например, «Образовательная площадка «Герценовский филателист» - победитель VII вузовского конкурса проектов организации воспитательной деятельности в РГПУ им. А. И. Герцена (2010). Образовательная площадка функционирует на базе музея факультета безопасности жизнедеятельности, который является филиалом музея университета. Образовательная площадка организует и проводит мероприятия на разных факультетах университета, используя различные формы занятий филателией – от групповых до индивидуальных. Промежуточные результаты этой деятельности находят свое отражение на демонстрационных филателистических выставках факульте-

та и университета, которые организуются в период работы научно-практических конференций, где представляются мини – проекты студентов и преподавателей.

На образовательной площадке осуществляется педагогическая деятельность студентов и преподавателей по использованию филателистических средств на аудиторных и внеаудиторных занятиях, в процессе самостоятельной работы, при проведении культурно-массовых мероприятий. Разрабатываются учебно-методические пособия по применению филателистических средств в учебно-воспитательном процессе вуза. Свою деятельность Образовательная площадка координирует с управлением развития воспитательной деятельности университета и музеем университета. Деятельность Образовательной площадки находит свое отражение на страницах газеты «Педагогические вести», например, статья «Держи марку», автор статьи А. Макаров в № 28-29, за октябрь 2010 года освещает университетскую филателистическую выставку «День учителя в год учителя».

Филателистический материал (почтовые марки, конверты, почтовые карточки) являются универсальным инструментом чувственного восприятия и получения новых знаний. Марка, попадая в руки студента, школьника заставляет его узнать все о стране, где она выпущена, о сюжете, которому посвящена, т. е. направляет к практической деятельности. Занятие филателией само по себе вырабатывает свой язык общения. Общение, где все равны. Это общение приносит одинаковую радость всем, независимо от возраста, уровня образования и социальных различий. Занятие филателией активизирует эмоциональное проявление познавательных потребностей человека.

Преимущество занятий филателией заключается в том, что позволяет осуществить интеллектуальное, эмоциональное и нравственное развитие личности в увлекательном процессе творческой созидательной деятельности. Занятия филателией обладают воспитательным потенциалом, оказывающим комплексное воспитательное воздействие на личность студента и школьника независимо от того, какой предметной областью он занимается. При этом мы выделяем следующие наиболее значимые компоненты воспитательного потенциала занятия филателией:

1) знаниевый (когнитивный) компонент, который составляет информативное содержание и выполняет информационно-просветительскую функцию, критерием его сформированности и реализации является образованность студентов;

2) материальный компонент, который составляет высоко-художественный филателистический материал, экспонаты выставок, студенческие и преподавательские работы и выполняет социально-адаптационную функцию, критерием его сформированности и реализации является освоение студентами своей культуры и знакомство с мировой художественной культурой.

3) духовно-нравственный компонент воспитательного потенциала занятий филателией включает в себя социально одобряемые и лично значимые ценности и нормы, критерием его сформированности и реализации является осознание себя частью своего народа.

4) коммуникативный компонент воспитательного потенциала занятий филателией складывается из взаимных отношений студента и преподавателя в ходе занятий, он

выполняет лично-формирующую функцию, а критерием сформированности и реализации этого компонента является целенаправленное педагогически организованное взаимодействие студентов и преподавателей в рамках реализации программы воспитательной деятельности вуза, высокая культура отношений и психологический комфорт.

Отсюда можно сделать обобщенный вывод, что воспитательный потенциал занятий филателией в контексте социального воспитания определяется его способностью на основе филателистических средств, педагогического решения и форм включения студента, школьника в образовательно-культурно-исследовательскую и игровую деятельность целенаправленно влиять на рост общей культуры, расширение культурного кругозора, способствовать общению и взаимопониманию, изучению иностранного языка и поддерживать высокую мотивацию в развитии межкультурной коммуникации студентов и школьников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бакшт Ф.Б. Экологическое воспитание и образование с помощью филателии // Непрерывное экологическое образование: проблемы, опыт, перспективы. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. г. Томск, 2-3 ноября 2006 г./ Под ред. О.И. Кобзарь, Т.В.Хахалкиной. – Томск STT, 2006. – С.-42.
2. Владинец Н.И, Якобс В.А.. Большой филателистический словарь / Н.И. Владинец, Л.И. Ильичёв, И.Я. Левитас, П.Ф. Мазур, И.Н. Меркулов, И. А. Моросанов, Ю.К. Мякота, С.А. Панасян, Ю.М. Рудников, М.Б. Слуцкий, В. А. Якобс; под общ. ред. Н.И. Владицеца и В.А. Якобса. — М.: Радио и связь, 1988. - 320 с.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: АСТ: Астрель: Люкс, 2005. 671с.
4. Иванова И.С., Громов Ю.В. Использование филателистического материала во внеурочной работе по химии: учебно-методическое пособие.- СПб.: «Издательство «ЛЕМА», 2011.
5. Ингилевич В.В. Использование любимого занятия (филателии) при создании уроков иностранного языка с лингвострановедческой и социокультурной направленностью в школе // Педагогический поиск. Традиции, инновации, результативность: Материалы I научной конференции ПОИКРО 25-29 ноября 1996 г. – Вып. I. Псков, 1996. – С.-36.
6. Левитас И.Я. С марками в страну знаний. Киев: Издательство «Реклама» 1987.
7. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы // Сборник статей, докладов, лекций и речей. Изд. 5-е. Л. 1932.- С.268.
8. Соломкин С.Д. Нечто о собирании почтовых марок // Марки. Киев: 1896. №4. С. 61–63.
9. Сюзюмов М. Я. Филателия в школе // Советский коллекционер. 1925. №11– 12. С.2–3.
10. Чачиков А. Филателия в школе. НКП РСФСР. Главсоцвос.М.-Л.; 1930. 64с.
11. Шкулятьева М.Л. Филателистические проекты в обучении информатике [Электронный ресурс]URL: www.schools.keldysh.ru/labmro/web2002/shkurl.htm (дата обращения: 01.09.2011).

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XIX В.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гудкова М.С.,
аспирант,
кафедра Отечественной истории, политологии и социологии,
Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций

Ключевые слова: политика государства, высшее образование, историографическое пространство, проблемно-хронологический подход

Key words: policy of the state, higher education, historiographical space, methodological approach

Аннотация. В статье исследована историография государственной политики в XIX в. Рассмотрены труды российских авторов в периоды 1835-1917, 1917-1991, 1991-2011 гг. Дана сравнительная характеристика работ, посвященных как истории отдельных университетов, так и государственной политики в целом. Проведен детальный анализ характера работ дореволюционных авторов, советских и современных.

Studied the historiography of the state policy in the 19th century. Examined the works of Russian authors in the period 1835–1917, 1917-1991, 1991-2011. The comparative characteristic of the work on a history of individual universities, and public policy in general. A detailed analysis of prerevolutionary nature of the work of authors, Soviet and contemporary.

Исследование государственной политики по отношению к университетам актуализируется такими факторами, как повышение значения науки и образования в жизни общества и государства, потенциальные возможности их влияния на развитие страны, перспективы развития науки и образования в современной России. Для понимания перспектив развития образования необходимо изучать ретроспективу развития образования, которая поможет выявить как позитивный, так и негативный опыт.

Отношения между государством и университетами можно рассматривать как частный случай взаимоотношений государства и общества. Место и роль университетов в жизни страны демонстрируют состояние общества, степень его развитости, автономности по отношению к государству. Исследование соотношения «государство - университеты» позволяет выявить, насколько государство учитывало интересы общества в XIX в., насколько общество было готово их отстаивать перед лицом государства. Исследование российской университетской системы образования и науки с одной стороны, и государственной политики в этом вопросе с другой, обладает научной значимостью в качестве основы для разработки новых концепций истории российских университетов.

Историография истории российских университетов включает различные по виду, характеру и периоды (1835-1917, 1917-1991, 1991-2011) работы. В начальный период её становления из печати выходили работы, посвященные в основном истории отдельных университетов (среди них сочинения П.Шевырева, П.А.Плетнёва, В.Я.Шульгина, В.В.Григорьева, М. Ф. Владимирского-Буданова, И.П.Загоскина, Д.И. Багалей, И.Ф. Сумцова, В.П.Бузескула, М.К.Корбута и других). Издание таких трудов, индивидуальных и коллективных, нередко было приурочено к юбилейным датам в истории университетов.

Хронологически они охватывали весь период существования университета, но по большей части имели описательный характер. Хотя авторы указанных работ не могли обойти вниманием проблему государственной политики в университетском вопросе в исследуемый период, вопросы создания и становления университетов рассматриваются в них лишь как частный случай образовательной политики государства¹.

Показателен также тот факт, что по большей части в сфере интереса исследователей были проблемы развития российских университетов во второй четверти XIX в., в меньшей степени – во второй половине XIX – начале XX вв.

Внимание к проблеме усилилось в 1860-1870-е гг. в связи с реформами правительства Александра II в сфере просвещения, центральное место в которых занимали подготовка и принятие нового университетского устава 1863 г. В этот период были изданы работы известных в то время университетских учёных и преподавателей: В.С.Иконникова, Н.И.Пирогова, В.И. Гурье. В этих работах ставились острые, злободневные на тот момент вопросы университетского управления, разбирались достоинства и недостатки старых и нового уставов, и тем самым впервые серьёзно ставились проблемы государственной политики в университетской сфере².

Во второй половине XIX начале XX вв. появился ряд работ, освещавших вопросы истории университетов и их взаимоотношений с государством с либеральных позиций. Большой интерес представляют работы М.И. Сухомлинова, Д.М. Щепкина, А.А. Кизеветтера, Н.Я. Аристова, М.Г.

1. Шевырев С.П. История императорского Московского университета. М. 1998; История Московского университета. Т. 1. М. 1955; Загоскин Н.П. История Казанского университета. Казань. 1902-1904; История Казанского университета имени В.И. Ульянова-Ленина. Казань. 1954; Багалей Д.Н., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905). Харьков. 1906; Харьковский государственный университет имени А.М. Горького за 150 лет. 1805-1955. Харьков. 1955; Плетнев П.А. Первое двадцатилетие императорского Санкт-Петербургского университета. СПб. 1844; Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первого пятидесятилетия его существования. СПб. 1870; История Ленинградского университета. Очерки. 1819-1969. Л. 1969; Шульгин В.Я. История императорского университета Святого Владимира. СПб. 1860; Владимирский-Буданов М.Ф. История императорского университета Святого Владимира. Т. 1. Киев. 1884; История Киевского университета. 1834-1959. Киев. 1959; Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Тт. 1-2. Харьков. 1891-1903; Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. Казань. 1930

2. Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. Кн. 10, 11; Пирогов Н.И. Университетский вопрос. СПб. 1863; Гурье В.И. Университетский вопрос // Вестник Европы. 1873. Кн. 4; он же. Свет и тени университетского быта // Вестник Европы. 1876. Кн. 2. 6

Устрялова, А.В. Никитенко, Н.Н. Булича, М.К. Любавского, Г.Сватикова, П.Мельгунова, К.К. Фойгта и ряда других авторов. Появляются первые работы, посвященные истории российских университетов как целостной системы. Их авторы сосредоточили внимание на эволюции организационного устройства университетов, исследовали проблемы в развитии университетского образования³.

Историю основания Киевского университета Святого Владимира и Харьковского университета рассмотрел в своей монографии М.Ф.Владимирский-Буданов, который широко поставил вопрос о роли государства в создании и развитии Киевского университета. По мнению автора, открытие университета в Киеве в 1834 г. в первую очередь диктовалось государственными интересами, поскольку новый университет должен был компенсировать закрытие двух других Варшавского и Виленского⁴.

Среди работ, изданных на рубеже XIX - XX вв. и посвященных историографии государственной политики в области образования, привлекают внимание обзорные изложения истории системы образования в России. Это «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения» В.Рожественского, подготовленный к столетнему юбилею Министерства, и вышедший из печати несколькими годами раньше «Исторический обзор мер по высшему образованию в России» П.Ферлюдина. Обе работы обильно насыщены фактическим материалом, помогающим лучше понять многие проблемы университетского образования в XIX в.⁵. Дореволюционная историография внесла большой вклад в изучение как истории, так и государственной политики.

Что касается исследований советских историков, то они по преимуществу затрагивали вопросы студенческого движения, которое признавалось одним из важных направлений освободительного движения в России, а также роль университетов в социально-политической борьбе в целом во второй четверти XIX – начале XX вв. Правительственная политика в университетской сфере в названный период в этих работах традиционно оценивалась в целом как реакционная⁶.

В 1970-1980-е гг. подходы к изучаемой проблеме постепенно стали более скорректированными и взвешенными. Авторы приходили к выводу, что для государственной

политики по отношению к университетам характерна противоречивость и неоднозначность.

В публикациях 1990-2000-х гг. проявились новые подходы к проблеме. По-новому стала оцениваться роль С.Уварова в выборе пути развития российских университетов, были пересмотрены оценки позиции правительства по отношению к университетам. Более объективно, с новых позиций исследуется деятельность консервативно настроенных администраторов, в первую очередь М.Л.Магницкого⁷.

В последнее время издан ряд работ, посвященных истории высшего образования в России, в том числе истории университетов. Появились лекционные курсы, посвященные как истории университетов в целом, так и отдельным российским университетам⁸. В то же время всё большее число исследователей обращается к изучению начального периода истории университетов и к вопросу их взаимоотношений с государством⁹.

В фундаментальной монографии Ф.А.Петрова впервые исследуется процесс становления системы университетского образования в России в первой половине XIX века. Рассмотрены вопросы создания кафедр, факультетов, разработки учебных программ и курсов, развития методик преподавания и контроля знаний студентов¹⁰.

Ряд вопросов, связанных с государственной политикой в сфере высшего образования в XIX веке, рассматривается в исследованиях последнего времени.

В настоящее время в российском обществе усиливается тенденция к осмыслению своего исторического прошлого, поиска во всем многообразии собственного исторического опыта ответов на злободневные вопросы современной эпохи. В связи с этим историография изучения системы образования России XIX в., являющегося богатым историческим наследием национального образования, представляет собой теоретический и практический интерес.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: результаты исследования авторов не только являются определенным вкладом в изучение отечественной истории, но и способствуют развитию отечественной исторической науки, а также могут быть использованы в практике строительства современной образовательной системы России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аврус А.И. История российских университетов: курс лекций. Саратов. Колледж. - 1998. - 126(2)с.
2. Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского Университета (1755 - 1855 гг.). М.: Изд-во Московского ун-та - 2001. - 237(1)с.

7. Муратов Р.Р. Ревизия Казанского университета М.Л.Магницким в 1819 году. Казань. 1996; Минаков А.Ю. М.Л.Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Выпуск 1. Воронеж. 2001; Боханов А.Н. и др. Российские консерваторы. М. 1997.

8. Аврус А.И. История российских университетов. Курс лекций. Саратов. 1998 (переизданы под названием: Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М. 2001); Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755 – 1855. М. 2001.

9. Попов О.В. Из истории подготовки общего устава российских университетов 1835 года // Российские университеты в XVIII – XX веках. Сборник научных статей. Вып. 3. Воронеж. 1998.

10. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования России. М.: Издательство МГУ.2002.

3. Сухомлинов М.И. Русские университеты, учреждённые в начале царствования императора Александра I. СПб. 1865; он же. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // В его книге: Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб. 1889; Аристов Н.Я. Состояние образования в России в царствование Александра I. Киев. 1879; Никитенко А.В. Рунич и Петербургский университет // Журнал Министерства народного просвещения. Январь; Любавский М.К. Московский университет в 1812 г. М. 1913; Щепкин Д.М. Московский университет в половине двадцатых годов // Вестник Европы. 1903. Т. 4. Кн. 7; Сватиков С.Г. Русские университеты и их историческая библиография. Петроград. 1915; Фойгт К.К. Историко-статистические записки об императорском Харьковском университете и его заведениях до 1859 г. Харьков. 1859.

4. Владимирский-Буданов М.Ф. История императорского университета Святого Владимира. Т. 1. Киев. 1884;

5. Рожественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб. 1902; Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Саратов. 1894.

6. Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М. 1934; Егоров Ю.Н. Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30 – 50-е гг. XIX в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 3.

3. Аристов Н.Я. Состояние образования России в царствование Александра I. Киев. 1879
4. Багалец Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. Харьков: Изд-во университета. - 1906. - 329с.
5. Багалец Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Харьков.: Изд-во университета. — 1904. - 1136с.
6. Боханов А.Н. и др. Российские консерваторы. М. 1997
7. Владимирский-Буданов М.Ф. История императорского университета Св. Владимира. Т. 1. Киев: тип. Имп. ун-та св. Владимира. - 1884. - 647(2)с.
8. Герье В.И. Университетский вопрос // Вестник Европы. 1873. Кн. 4
9. Герье В.И. Свет и тени университетского быта // Вестник Европы. 1876. Кн. 2.
10. Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: тип. В. Безобразова и К°. -1870.-678с.
11. Егоров Ю.Н. Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30-50-е гг. XIX в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 3
12. Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. Том 1. Казань. 1904.
13. Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общего образования // Вестник Европы. 1876, №№9-11. 159с.
14. Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. В 2-х томах. Казань - 1930.
15. Любавский М.К. Московский университет в 1812 г. М. 1913
16. Минаков А.Ю. М.Л.Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Выпуск 1. Воронеж. 2001.
17. Муратов Р.Р. Ревизия Казанского университета М. Л. Магницким в 1819 году. Казань. 1996
18. Никитенко А.В. Рунич и Петербургский университет // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Кн. 1
19. Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М. 1934.
20. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 1-3. 1998-2000
21. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования России. М.: Издательство МГУ.2002
22. Пирогов Н.И. Университетский вопрос. СПб. 1863
23. Плетнёв П.А. Первое двадцатипятилетие императорского Санкт-Петербургского университета. СПб. 1844
24. Попов О.В. Из истории подготовки общего устава российских университетов 1835 года // Российские университеты в XVIII-XX веках. Сборник научных статей. Воронеж. Выпуск 3. 1998
25. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802-1902). СПб. 1902
26. Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб. 1889
27. Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Саратов. 1894
28. Фойгт К.К. Историко-статистические записки об императорском Харьковском университете и его заведени-ях до 1859 г. Харьков. 1859
29. Шевырев С.П. История императорского Московско-го университета. М. 1998
30. Шульгин В.Я. История императорского университета Святого Владимира. СПб. 1860
31. Щепкин Д.М. Московский университет в половине двадцатых годов // Вестник Европы. 1903. Том 4. Книга 7

ИГРА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА*

Жидких Е.А.,
аспирант,
кафедра социологии,

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет

Ключевые слова: игра, интеллектуальное взаимодействие, личность, общество, социализация

Key words: game, intellectual interaction, personality, society, socialization

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интеллектуального взаимодействия личности и общества, раскрывается актуальный смысл игры в ее влиянии на процесс социализации личности.

The article is devoted to the features of intellectual interaction personality and society. The urgent sense of the games in their influence on the socialization of a personality is revealed in the article.

Современный изменяющийся мир ставит перед нашим мышлением множество новых по своему содержанию и характеру проблем. Эти проблемы, чрезвычайно сложны, многозначны и противоречивы. Они возникают в целостных системах, где происходит взаимодействие различных факторов, причин и следствий, прямых и обратных связей. К числу таких проблем относятся, прежде всего, глобальные проблемы современности, разработка высоких информационных технологий, а также все более острые проблемы социологии, экономики, психологии, менеджмента.

Личность обладает способностью определенным образом противостоять внешним воздействиям, находить наиболее адекватные методы реагирования на них, участвовать в построении новой реальности и при этом сохранять свою целостность. Такая способность является совокупным результатом двух тенденций человеческих жизнепроявлений. Одна из них – это стремление к достижению желаемого состояния внешнего и внутреннего мира, как благоприятного условия жизнедеятельности. Другая тенденция проявляется в интенсивном развертывании своих внутренних возможностей во внешнем мире.

Большое значение для анализов процессов социализации и самореализации личности имеет понимание взаимоотношений личности и общества как равнопорядковых социальных систем, которые несводимы одна к другой и не выводимых одна из другой. Основоположником этого направления является Г. Зиммель. Но такой подход, как показывает анализ В. И. Бочкаревой, имеет давнюю традицию и в российской социологической мысли (работы Н.К. Михайловского). В настоящее время развитие этих положений получило дальнейшее развитие как в работах зарубежных авторов (М. Мид, Т. Парсонс, Дж. Хоманс и др.), так и в работах отечественных исследователей (А.С. Мамзин, В.Т. Пуляев, В.Я. Фетисов, В.В. Шаронов и др.).

До середины XX века проблема интеллектуального взаимодействия личности и общества почти отсутствовала, поскольку традиции, нормы, знания, необходимые для социальной жизни индивида менялись крайне медленно, обычно на протяжении жизни нескольких поколений. В настоящее же время срок, за который профессиональные

знания сокращаются вдвое, составляет пять лет, а для таких интенсивно развивающихся областей как вычислительная техника еще меньше – около двух лет. Буквально на глазах происходит смена традиций, обычаев, укладов социальной жизни. Личность, образно говоря, вынуждена бежать вперед, чтобы остаться на месте. Начался информационный период развития общества. Поэтому и проблема интеллектуального взаимодействия личности и общества выходит на передний план.

Постараемся хотя бы в общих чертах охарактеризовать некоторые из наиболее важных интеллектуально-личностных качеств, необходимых человеку для полноценного решения проблем, возникающих в современном мире. В процессе своей жизнедеятельности человек обычно обрастает всякого рода стереотипами и привычками, которые как бы закрывают от него новые аспекты проблем; ему удобнее действовать старыми способами, несмотря на то, что условия деятельности уже изменились. Такая закрытость препятствует творческому переосмыслению динамически меняющегося окружающего мира, а также своей позиции в этом мире. Освобождение от стереотипов – одна из основных задач управления персоналом в условиях информационно-технологических изменений в организации. Технология входит в культуру человека в процессуально-деятельностной модальности как единство способов и средств деятельности. Она понятна и естественна, если возникает в процессе собственной деятельности индивида или группы. Однако в современных условиях в связи с разделением труда работник обычно не участвует в разработке технологий.

В чем находит свое проявление открытость ума? Прежде всего, в осознании человеком возможности множества различных мысленных «взглядов» на одно явление. Открытость ума проявляется, таким образом, в признании индивидом факта разнообразия, неоднородности, неоднозначности восприятия окружающего мира, что способствует формированию установки на терпимость по отношению к мнению других. Тем самым речь идет о преодолении эгоцентризма мышления и о развитии широкого децентрализованного мышления.

В процессе решения мыслительных задач перед человеком нередко возникают барьеры, обусловленные эгоцентризмом мысли, т.е. неспособностью человека перейти от одной точки зрения к другой, более широкой. Так Ж. Пиаже подчеркивает, что прогресс знаний требует постоянного реформулирования предыдущих точек зрения [6]. Пример мы можем взять из искусства спора, которое принципиально состоит в знании того, как встать на точку зрения партнера, чтобы доказывать ему с его собственных позиций. Без этой способности спор бесполезен.

* Работа представлена кафедрой социологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета. Начальный руководитель – доктор социологических наук, профессор С. С. Бразевич.

Уместно здесь же отметить два замечания М. Хаммера и Д. Чампи относительно реинжиниринга, которые особенно важны для работы с персоналом [7]. Во-первых, руководители и работники организаций должны осознать, что реинжиниринг это не автоматизация. Второй рекомендацией является призыв к изменению мышления менеджера. Авторы предлагают использовать для реинжиниринга индуктивное мышление, то есть для известной технологии подбирать проблемы, которые с ее помощью можно решить. При этом не надо бояться разрушать привычные правила. Эта идея революционна не только касательно внедрения новых информационных технологий. Она заставляет обратить внимание менеджеров на то, что кроме явных проблем, которые удается сформулировать, для современного управления не менее, а может и более, важны так называемые неявные проблемы. Это проблемы, для которых уже известны методы и средства решения (технологии), но не сформулирована сама проблема. Такая коллизия с взаимодействием проблем, методов и средств на сегодняшний день оставлена без внимания в теории управленческих решений. Однако она всесторонне раскрыта в типологии проблем, известной из теории аргументации. В век беспрецедентного развития науки и техники все заметнее становится парадоксальная ситуация: каждое из технических нововведений является одновременно и позитивным и негативным. Таким образом, необходима внутренняя альтернативность принимаемых решений.

В психологии мышления принято различать два вида разнонаправленных способностей: конвергентные и дивергентные. Способность к конвергентному мышлению проявляется в показателях правильности и скорости нахождения единственно возможного (нормативного) ответа в соответствии с требованиями заданной ситуации. Такими, например, интеллектуальные процессы – скорость различения данных объектов, оперирования пространственными представлениями, концентрация внимания, осведомленность в определенной предметной области, словарный запас, логические способности и т. д. Конвергентные способности лежат в основе выявления различных связей и закономерностей, комбинирования различных компонентов, данных в опыте, категоризирования различных впечатлений, связывания представлений и идей. Хорошим тестом проверки конвергентных способностей является умение человека правильно выявлять основания сходства данных объектов. Таким образом, конвергентные способности (репродуктивные, комбинаторные, процессуальные) характеризуют один из аспектов интеллектуальной активности, направленной на поиск единственно правильного (нормативного) результата в соответствии с заданными условиями и требованиями деятельности [1].

Иной характер имеют дивергентные способности. Дивергентное мышление – это разнонаправленность и вариативность поиска разных, в равной мере правильных решений относительно одной и той же ситуации [8]. Дивергентность проявляется:

- в беглости (количество идей, возникающих в единицу времени);
- в оригинальности (способность производить «редкие» идеи, отличающиеся от общепринятых типичных ответов);
- в восприимчивости (чувствительности к необычным деталям, готовности гибко переходить с одной идеи на другую);

- в метафоричности (готовности работать в фантастическом контексте, использовать ассоциации и т. д.).

Дивергентное мышление имеет серьезное значение для решения творческих нестандартных задач. Однако, с нашей точки зрения, креативность в мышлении зависит одновременно от конвергентного и от дивергентного процессов мышления, причем успешность того или другого определяется характером задач, подлежащих решению (поиск однозначно верных или многозначных решений).

В процессе социализации и обучения в целом индивид приобретает большой объем, так называемых стереотипных (трудно изменяющихся, устойчивых) установок, в соответствии с которыми он, как правило, и строит свою деятельность. Играя положительную роль в регуляции действий, стереотипы, однако, становятся тормозом для построения действий в новых, изменившихся ситуациях. Для творческого решения задач индивид должен достаточно быстро переключаться от одного способа действий к другому, т. е. обладать гибким мышлением.

Теперь перейдем к вопросам, которые представляют для анализа мышления наибольшую значимость. Мы имеем в виду способность личности к саморегуляции собственной интеллектуальной деятельности, ее умение преодолевать барьеры и стереотипы, возникающие в процессе мышления. Главная из этих способностей – способность человека к рефлексии.

В современной науке понятие рефлексии употребляется в двух основных значениях. Во-первых, рефлексия соотносится с самосознанием личности. Рефлексия – принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление собственных предпосылок; предметное рассмотрение самого знания; критический анализ его содержания и методов; деятельность самопознания, раскрывающая внутреннее строение и специфику духовного мира человека. Во-вторых, рефлексия понимается как процесс отражения одним человеком внутреннего мира другого человека. Рефлексия – не только знание и понимание другого, но знание того, как этот другой понимает «рефлексирующего» индивида. Иными словами, рефлексивное самоуправление находит свое выражение в том, что человек выступает для себя и как исполнитель, действиями которого он должен управлять, и как «Я-контролер», который планирует, организует и анализирует собственные действия. Особенно ярко рефлексия проявляется в процессе взаимодействия и взаимопонимания в системе «я и другие».

Рефлексивные механизмы по мере их развития порождают особый когнитивный опыт личности, обеспечивающий эффекты управляемости интеллектуальной деятельности. Поэтому следует различать, с одной стороны, текущие интеллектуальные процессы (восприятие, память, аналитическое мышление), а с другой – интегративные процессы, отвечающие за управление ходом текущей деятельности.

Метакогнитивный опыт находит свое проявление в разных ментальных структурах, обеспечивающих саморегуляцию интеллектуальной активности.

А. Непроизвольный интеллектуальный контроль: как организуется внимание человека, когда он сталкивается с проблемной ситуацией (узость – широта сканирования объекта); как структурируется видимое поле (полезависимость – полнезависимость); насколько тщательно происходит сбор информации в процессе принятия решений

(импульсивность –рефлексивность); насколько широко человек категоризирует происходящие события (узкий – широкий категориальный контроль); каковы особенности ориентировки в ситуации (быстро – медленно, последовательно – хаотично) и т. д.

Б. Произвольный интеллектуальный контроль:

1. способность планировать (выдвигать цели и средства их достижения);
2. способность предвосхищать и прогнозировать возможные изменения проблемной ситуации;
3. способность оценивать качество каждого шага собственной деятельности;
4. способность прекращать или притормаживать деятельность на любом ее этапе (держат паузу);
5. способность выбирать стратегию собственного обучения и модифицировать ее, учась на своих и чужих ошибках.

В. Метакогнитивная осведомленность. Речь идет о представлениях человека о своих интеллектуальных ресурсах, например: знание своих индивидуальных качеств (памяти, мышления); умение оценить свои качества (плохие – хорошие, недостаточные – достаточные); готовность стимулировать работу собственного интеллекта, мобилизовать свои силы для решения возникшей проблемы.

Одной из важнейших метакогнитивных способностей является способность к саморегуляции человеком собственной познавательной деятельности (самообразования), а именно:

- умение определить для себя познавательную задачу;
- умение составить план ее решения;
- умение организовать поиск ее решения;
- умение оценить полученный результат и осмыслить собственные действия по выработке решения.

К метакогнитивным способностям относится также открытая познавательная позиция индивида (о чем уже говорилось выше).

Чтобы успешно решать задачи, относящиеся к определенной предметной области, человек должен быть, очевидно, в достаточной степени компетентным, т. е. обладать такой организацией знаний, которая была бы надежной основой для полноценной выработки и принятия решений:

- знания эти должны быть системно организованы; они должны носить категориальный характер (выступать в виде общих подходов, принципов и ключевых идей) и в то же время быть конкретными (с четко выделенными элементами и взаимосвязями между ними);
- знания эти должны быть гибкими и динамичными (они должны быстро перестраиваться и меняться под влиянием изменяющейся ситуации);
- знания эти должны носить не только декларативный характер (знаю, что?), но и характер процедурный (знаю, как?), а также ценностно-смысловой (знаю, зачем и почему?);
- знания эти должны быть оперативны (быстрота актуализации в нужной ситуации; широта переноса в новую ситуацию);
- знания эти должны быть осмыслены человеком (наличие знаний о собственных знаниях).

Последнее из названных положений, т.е. рефлексивность знаний, имеет особо важное значение для их развития. Рефлексия помогает «увидеть» барьеры стереотипности мысли (конформизма, внутренней цензуры,

импульсивности). И именно рефлексия позволяет осмысленно организовать структуру знаний, лежащих в основе компетентного принятия решений.

Итак, необходимо поставить следующий вопрос. Интеллектуально-личностные качества мышления (глобальное мышление), о которых мы здесь говорили в контексте решения современных проблем динамично-меняющегося мира, должны выступать не только как предмет исследования, но и как предмет социализации и развития. Каковы же особенности собственно социализирующей деятельности, в которой формируются названные интеллектуально-личностные качества? Ответ на этот вопрос требует особого исследования [3].

Личностные черты и качества не являются врожденными, а носят прижизненный характер. Процесс социализации принимает форму внешнего воздействия на индивида. Характеризуя роль игры в процессе развития социального субъекта, отметим следующие моменты.

Во-первых, игровая деятельность служит одним из средств первичной социализации, способствует освоению новыми поколениями правил, установленных в человеческом обществе. Во-вторых, игра является одним из основных первичных механизмов социализации личности. В-третьих, игра унифицирует навыки индивида и является важным фактором активизации творческих способностей человека, возможностей его самореализации. В-четвертых, в процессе игры повышается «отчуждаемость» от конкретной поведенческой ситуации.

Детская игра – это способ исследования мира, усвоения правил и социальных ролей. В жизни взрослых игра занимает либо подчиненное, либо дополняющее положение по отношению к трудовой деятельности. Различные элементы игры служат для обучения или прогнозирования (имитационные или деловые игры) [4]; для решения различных социальных задач; для отдыха; для решения личностных задач [2] и т.д. Игра предоставляет человеку определенную степень свободы в рамках и пределах игрового пространства. Игра, по нашему мнению, является существенным системообразующим фактором всего социального пространства индивида и является необходимой формой социальной деятельности, посредством которой человек либо моделирует, либо реально созидает те или иные структурные элементы собственного жизненного пространства. Игровая деятельность, согласно нашему предположению, выросла из способности человека к подражанию.

Теории социализации сосредоточились на следующих моментах:

- когнитивное развитие;
- приобретение нравственной и персональной идентичности через семейные отношения;
- выработка понимания «Я» и социальной идентичности;
- интериоризация нравственных категорий и ценностей группы;
- развитие социального мастерства, поддерживающего интеракцию во всех назначениях и, прежде всего, в лингвистической коммуникации.

В повседневной жизни людей игра занимает исключительно важное место, как способ усвоения молодыми поколениями накопленных знаний, навыков и традиционного репертуара социальных ролей. Освоение же социальных

ролей – это способ интеграции субъекта в социум, накопления, закрепления и трансляции социального опыта.

Важным аспектом исследования является ее анализ в конкретном культурно-историческом контексте. Интерес для нас представляет, прежде всего, определение статуса игры в рамках современной техногенной цивилизации.

На современном этапе просматриваются деформации положительных игровых установок в сторону ее бесконтрольного выражения: игра превращается в способ ухода из реального мира в мир иной, сюрреалистической реальности. Противовесом этой тревожной тенденции может служить практическое сознание того, что жизнь не игра, а игра – не самоцель.

Возрастание роли игры как средства практического освоения социального пространства наглядно проявляется в применении некоторых форм игры к различным сферам познавательной деятельности. Здесь игра выступает как своеобразный аналог деятельностных процессов и несет эвристическую окрашенность. Посредством использования игровых форм в познавательном процессе социальная практика становится собственным полем деятельности субъекта познания. Отметим, что Дж. Морено, Т. Парсонс [5] и другие, выдвинули одну из ролевых теорий личности. Способность взять чужую роль существенна для всех процессов подражания, идентификации, моделирования и ассимиляции. Усваивая социальные роли, человек усваивает социальные стандарты поведения, учится оценивать себя со стороны и осуществлять самоконтроль.

Личность получает свою содержательную характеристику через общественные функции – роли. В интеллектуальном арсенале индивида присутствует инструмент (ролевое поведение), которым можно эффективно пользоваться повседневно в реальном информационном пространстве, в реальном производстве и в той жизни, которой мы все живем. Конкретная модель обучения в ролевых играх должна органически вписываться в контекст условий, сложившихся в текущий исторический период. Основной акцент делается на реальную информацию, на содержательную сторону обучения и тем самым в игре формируется навык без специального обучения этому навыку. Таким образом, логика развития личности в игре превращает учебное занятие в игровое поле социальной жизни. Замечено, что наибольшим регулирующим поведением потенциалом обладают те мотивационно-личностные сюжеты, которые произошли из игры.

Ориентация на игровой учебный процесс в условиях современного технократического общества, означает

необходимость применять специальные технологии, способные обеспечить подготовку будущих специалистов для производства, обеспечить легкий переход учебного процесса в производственный и наоборот. Игра в начальном периоде социализации оказывается эффективным средством утверждения структур социального порядка в мышление человека, его жизненное пространство. В процессе взросления игра становится более осознаваемой и контролируемой, однако она не исчезает, пока существуют главные предпосылки к существованию игры – воображение.

Сегодня уже невозможны традиционные формы «передачи опыта» и «преемственности поколений», которые становятся средством сдерживания ресурсного роста молодых сил. Полагаем, что игра в её эмпирическом, утилитарно-функциональном уровне, предстает как универсальный и эффективный метод вторичной социализации, тренировки, подготовки к практической деятельности. А деловые и ролевые игры предоставляют для этого обширные возможности.

Игровой компонент в неявном виде присутствует во всех формах человеческой деятельности, способствуя преодолению стандартности человеческого существования, демонстрации его уникальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. – М.: МГУ, 1990. – 240 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – СПб: Лениздат, 1992.
3. Жидких Е.А. Основные тенденции единства поколений.// Аспирантские тетради. Ч. 1. Научный журнал. № 33. – СПб., 2008. – С. 201-204.
4. Левада Ю. А. Игровые структуры в системах социального действия// Системные исследования. Методологические проблемы. – М., 1984. – С. 273-281.
5. Парсонс Т. Система современного общества. /Пер, с англ. Л. А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
6. Пиаже Ж. Избранные психологические произведения. – М.: Наука, 1969. – 340 с.
7. Хаммер М., Чампи Д. Реинжиниринг корпорации. Манифест революции в бизнесе. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. – 288 с.
8. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: Просвещение, 1978 – 264 с.

ДИСБАЛАНС ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ И ПРАВА НА ТАЙНУ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Жиронкина Ю.Е.,
адъюнкт,
кафедра конституционного и муниципального права,
Московский университет МВД России

Ключевые слова: тайна личной жизни, право на информацию, правовой дисбаланс, соблюдение и защита прав человека, персональная ответственность, частная жизнь
Key words: privacy, right to information, legal imbalance, observance and protection of human rights, personal responsibility, a private life

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения конституционных прав. Обосновывается актуальность этого вопроса и невозможность допущения нарушений прав одних при реализации другими своих личных прав. Предлагаются меры по разрешению дисбаланса права на информацию и права на тайну личной жизни.

The article contains the consideration of the problem of the relation between constitutional rights. It substantiates the relevance of this question and the inability to violate rights of some people during the realization of rights of others. The author proposes the measures to overcome the disbalance between right to information and right to privacy.

На сегодняшний день такая юридическая категория, как права человека, не стоит на месте, а претерпевает изменения, развивается. Это связано с возникновением в обществе качественно новых отношений.

Следует отметить, что права человека перестали быть объектом только конституционного и декларативного регулирования. Они нашли свое отражение в различных нормативных актах, а также влияют на все отрасли права.

Данное явление можно наблюдать не только в Российской Федерации, но и в других странах. На внутригосударственном и международном уровнях все больше правоотношений регулируется через закрепление и реализацию субъективных прав.

На особую значимость данного вопроса указывает также тот факт, что права человека выходят за рамки юридической категории, что позволило некоторым ученым называть права человека одним из основных факторов устойчивого развития общества¹.

Вместе с этим следует отметить, что на новый уровень выходят проблемы взаимодействия и конкуренции прав и свобод, закрепленных в различных нормативных актах. В этой связи целесообразно учитывать постоянно изменяющуюся правовую природу прав человека, появление огромного массива субъективных прав, ранее неизвестных праву и правовой науке, изменение приоритетов в вопросе соотношения различных прав и свобод, существенное влияние правоприменительной практики на данные процессы. Опираясь на указанные положения, можно сделать вывод о том, что вопросы правового статуса личности нуждаются в постоянном мониторинге и исследовании. Это предотвратит негативные явления, связанные с «перенасыщением» нормативно-правовых актов различными субъективными правами, а также их дублированием и отсутствием четких

механизмов взаимодействия².

Проблема соотношения прав и свобод человека и гражданина сложна, многопланова и является одной из острых для российской действительности. На сегодняшний день в государственной политике России основной приоритет отдается личности и человеку, о чем, в частности, свидетельствует норма, закрепившая в статье 2 Конституции Российской Федерации данное положение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»³.

Право граждан на информацию является одним из важнейших политических и личных прав человека и гражданина. Конституция Российской Федерации в части 4 статьи 29 устанавливает, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом⁴. Особо оговаривается, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Законом предусмотрены и иные ограничения в рамках данного права, например, в деятельности средств массовой информации, в условиях пенитенциарной системы.

Реализация права граждан на информацию, обеспечение свободного доступа к имеющей общественное значение информации, информационная открытость органов власти являются важнейшими условиями и критериями функционирования правового государства. Именно реализация права граждан на информацию обеспечивает реальное, а не только формальное участие граждан в жизни государства.

Данное право выступает связующим элементом всей системы основных прав и свобод. Только при условии его соблюдения можно говорить о фактической реализации личных, политических, социальных, экономических, экологических и культурных прав и свобод. Отсюда следует, что в отсутствие свободного доступа граждан к информации, при информационной закрытости органов государственной власти демократические институты легко могут приобрести имитационно-декоративный характер с принципами-декларациями. В этой связи весьма показательным, что общественная дискуссия о характере современного политического процесса в России в значительной степени сфокусирована на проблемах прозрачности государственной власти и реализации права граждан на информацию.

В сегодняшней российской действительности право

2. Невирко Д.Д. Права и свободы человека и гражданина: проблемы соотношения, взаимодействия и иерархии : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 : Екатеринбург, 2004. – С.3.

3. Конституция Российской Федерации. По состоянию на 2011 год. С комментариями юристов. – М.: Эксмо, 2011. – С.3.

4. Конституция Российской Федерации. По состоянию на 2011 год. С комментариями юристов. – М.: Эксмо, 2011. – С.15

1. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 2000. – С.13.

гражданина на информацию, нашедшее свое отражение в Международном пакте о гражданских и политических правах, Европейской конвенции о защите прав человека, Конституции, а также в отраслевом законодательстве Российской Федерации, продолжает оставаться самым нарушаемым. Причина этого не только в том, что законодатель недостаточно четко регулирует процесс реализации данного права, но еще и в том, что его нарушение не кажется правоохранительным органам, да и зачастую самим потерпевшим, самой опасной формой посягательств на гражданские права. Такие нарушения, как правило, не влекут сколько-нибудь ощутимого материального ущерба. Судебная практика по делам о нарушении права на информацию практически отсутствует, так как нередко имеет место несоизмеримость судебных издержек и незначительности нарушенного права.

Право на информацию неразрывно связано с конституционными принципами, такими как равноправие граждан, равный доступ к информации, непосредственное действие прав и свобод, гарантированность права на информацию, соответствие международно-правовым актам, запрет на незаконное ограничение права на информацию, принцип приоритета, принцип единства прав и обязанностей, принцип динамизма.

Наряду с правом на информацию, в Конституции России предусмотрены принципы ее охраны, благодаря которым удается обеспечить права обладателей информации и индивидуальных субъектов, чьи законные интересы эта информация затрагивает. К данным принципам относят тайну частной жизни, тайну усыновления, медицинскую тайну, адвокатскую тайну, тайну следствия.

Однако, одновременно закрепляя право на информацию и конституционные принципы охраны информации, законодатель создает условия для возникновения дисбаланса прав и свобод человека и гражданина. Провозглашая право одних на информацию, свободный доступ к ней, нарушается право других на сохранение в тайне сведений о частной жизни, обстоятельств усыновления и так далее. Как следствие, возникает правовое неравенство, а положение, предусмотренное в части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, остается всего лишь декларацией.

Интерес и актуальность данного вопроса на современном этапе развития нашего общества также вызван и данными о возбужденных уголовных делах по фактам нарушения охраняемых государством тайн. Так, например, в 2010 году впервые в стране к ответственности привлечен высокопоставленный чиновник за нарушение личной тайны граждан. Прокуратура Ульяновской области возбудила дело в отношении регионального министра здравоохранения Владимира Петрова, предоставившего коммерческой организации по электронной почте данные государственного реестра о гражданах, которые имели

право на получение государственной социальной помощи, что обеспечило свободный доступ практически к полной информации о человеке.

Подводя итоги, следует сказать, что для достижения разумного баланса права на информацию и права на охрану тайны личной жизни необходимо учитывать особенности их соотношения и взаимодействия. На наш взгляд, реализация права граждан на информацию зачастую ущемляет право на тайну личной жизни. Проблема соотношения указанных прав не имеет четкого решения. Необходимо принять федеральный закон, содержащий обстоятельства, условия и порядок реализации и защиты конкретного права. Следует также определить, какие сведения являются приоритетными, указать соответствующие критерии и контролирующие эту сферу деятельности органы и должностные лица, закрепить нормы, содержащие их ответственность за неисполнения или ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Представляется, что это вопрос усмотрения суда в конкретном деле с учетом расставленных Конституционным Судом Российской Федерации приоритетов прав и критериев принятия решения. Данное предложение позволит избежать неравенства и решить проблему правового дисбаланса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Конституция Российской Федерации. По состоянию на 2011 год. С комментариями юристов. – М.: Эксмо, 2011. – 80 с.
2. Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. Санкт-Петербург, 13-14 ноября 2008 г. / отв. ред. В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2009. – 320 с.
3. Карпов А. В. Конституционное право России. - М.: Омега-Л, 2011. – 204с.
4. Козлова Е.И. Кутафин О.Е. Конституционное право России. – М.: Проспект, 2010. – 608 с.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Бархатова Е.Ю. – М.: Проспект, 2010. – 256 с.
6. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного суда России. 2-е изд., доп. М.: Формула права, 2008. – 688 с.
7. Невирко Д.Д. Права и свободы человека и гражданина: проблемы соотношения, взаимодействия и иерархии : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 : Екатеринбург, 2004. – 181 с.
8. Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2009. – 656 с.
9. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 2000. – 320с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА

Ибрагимова З.Н.,
старший преподаватель,
кафедра теории государства и права,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: правовая культура, правовое воспитание, подростки группы риска, элементы программы правового воспитания

Key words: legal culture, legal education, teenagers of group of risk, elements of the program of legal education

Аннотация. В статье изложена программа правового воспитания подростков группы риска. Основа программы – теоретическая модель. Составляющие программы определены в соответствии с элементами модели. Представлен опыт внедрения программы. Результат внедрения – формирование правовой культуры.

In article the program of legal education of teenagers of group of risk is stated. A program basis – theoretical model. Making programs are defined according to model elements. Experience of introduction of the program is presented. Result of introduction – formation of legal culture.

На современном этапе своего развития Россия находится в непрерывной системной модернизации социально-экономической, политической, правовой и других сфер жизни государства. Результатом этих преобразований должно стать формирование правового государства, развитое гражданское общество. Эффективность этих перемен может быть достигнута при условии масштабной правовой модернизации, пронизывающей все стороны жизни общества. Этот процесс должен включать совершенствование законодательства, улучшение функционирования государственных структур и т.п.

Как показывает реальная практика, мнения специалистов-правоведов правовая модернизация ничем не улучшит жизни нашего общества, если каждый гражданин будет не просто «юридически подкован», а станет носителем правовой культуры. Необходимость ее формирования вытекает из характеристики современного представления о правовом статусе личности. Сегодня этот статус включает в себя совокупность прав, свобод, законных интересов, а также обязанностей личности, в основе которых лежат конституционные права свободы и обязанности. [1, с. 155] Правовая культура обеспечивает законность, сохранение правопорядка, создает нравственную основу для равенства каждого перед законом, защиты от произвола, свободного саморазвития личности.

Особую значимость имеет формирование правовой культуры у части подрастающего поколения, относящейся к группе риска. К этой категории относятся дети разных маргинальных групп: больные, из многодетных и малообеспеченных семей, безнадзорные и беспризорные, делинквентные подростки и т.д. Значительная часть этих детей находятся в детских домах, школах-интернатах, а совершившие правонарушения – в спецшколах. Отсутствие правовой культуры у этих детей часто провоцирует нарушения их законных прав, асоциальное поведение, правонарушения.

Обобщив ряд философских, юридических, педагогических подходов к характеристике ПК личности (Е.В. Аграновская, О.Н. Богатикова, Е.А. Лукашева, А.Ф. Никитин, Т.В. Синюкова, М.Б. Смоленский, П.И. Элиасберг

и др.) было установлено, что ПК является составляющей базовой культуры человека и характеризует глубину правовых знаний личности, степень понимания нравственного смысла правовых норм, качество правовых убеждений, реализуемых в бытовой, трудовой, общественной жизнедеятельности, проявляющихся в соблюдении правовых норм, отстаивании собственных прав и свобод, правомерном поведении. Структура ПК включает когнитивно-познавательный, эмоционально-ценностный, деятельностно-практический компоненты.

Большинство исследователей выделяют два основных пути развития ПК: стихийный и организованный. Специалисты-правоведы отмечают, что основой организованного пути формирования ПК является правовое воспитание, как целенаправленная, систематическая деятельность (Г.П. Давыдов., Б.Т. Лихачев, Е.А. Лукашева, Л.М. Матвеевко Л.М. С.В. Стецура, С.Б. Тугуз и др.).

Во многих публикациях (Г.П., Давыдов, Б.Т. Лихачев, Л.М. Матвеевко, С.В. Стецура, С.Б. Тугуз и др.) подчеркивается, что важнейшим источником развития ПК является системное, целенаправленное правовое воспитание (ПВ). Обобщая различные формулировки ПВ (В.К. Бабаев, В.М., Баранов, С.Б. Беликова, В.А. Толстик, С.А. Хасанова и др.) сделана попытка дать его определение. ПВ – это процесс целенаправленного, системного, взаимосвязанного воздействия на сознание, чувства, поведение подростков объективных и субъективных факторов, обеспечивающий необходимый, принятый в данном обществе уровень формирования правовых знаний, убеждений, ценностных ориентаций, установок, умений, развитие уважительного отношения к праву, умений по отстаиванию своих прав, навыков правомерного поведения, согласующихся с потребностями, ценностями общества.

Многие исследователи (Байжуминов, Б.Т. Лихачев, Л.М. Матвеевко, С.Б. Тугуз, С.А. Хасанова, А.А. Черемисина и др.), рассматривая ПВ с позиций системно-структурного подхода включают в его состав ряд элементов. Обобщение различных подходов к структуре ПВ, соотнесение их с практикой правовоспитательной работы с подростками группы риска позволило выделить следующие элементы ПВ: когнитивно-познавательный, эмоционально-ценностный, деятельностно-практический и их направленность на формирование соответствующих компонентов ПК.

Для построения теоретической модели ПВ важно выделить ее основные элементы: цель, задачи, закономерности, принципы адекватные элементам ПВ. Анализ, обобщение различных целей ПВ (С.Б. Беликова, С.А. Беличева, И.Ф. Исаев, М.Г. Лаврасанова, Б.Т. Лихачев, Л.М. Матвеевко, В.А. Сластенин, С.В. Стецура и др.) позволили установить, что цель ПВ состоит в формировании гуманной личности, обладающей необходимыми для жизни в обществе юридическими знаниями, признающей демократические цен-

ности, уважающей и соблюдающей закон, отличающейся граждански активной позицией, умеющей защитить свои права и свободы, обеспечивающей интеграцию в правовое общество и полноценную реализацию жизненных планов. Результатом правового воспитания является формирование ПК.

В соответствии элементами ПВ: когнитивно-познавательным, эмоционально-ценностным, деятельностно-практическим удалось дифференцировать задачи ПВ. Задачи когнитивно-познавательного элемента ПВ: 1) развитие интереса к праву путем установления его связей с настоящей и будущей жизнью подростков, 2) освоение воспитанниками системы знаний по ведущим отраслям права, 3) обеспечение знания основных прав, свобод, обязанностей гражданина РФ, 4) развитие правового мышления, 5) обучение правовому объяснению социальных и юридических ситуаций и принятию решения на основе закона, 6) воспитание осознанной необходимости соблюдения правил поведения в общественных местах.

Задачи эмоционально-ценностного элемента ПВ: 1) обеспечение эмоционального переживания воспитанниками правовых ситуаций, использования закона, 2) формирование правовых убеждений, ценностных ориентаций 3) развитие уважения к государству, системе законодательства, принципам законности как выражению нравственной справедливости, 4) формирование чувства социальной ответственности за соблюдение норм права, 5) воспитание уважения к правам других людей, 6) формирование отрицательного отношения к антисоциальным деяниям, 7) выработка убеждений в неотвратимости юридической ответственности за правовые нарушения.

Задачи деятельностно-практического элемента: 1) освоение навыков правомерного поведения, 2) развитие умений установления конструктивных отношений с людьми на основе права, 3) формирование навыков использования законодательства в повседневной жизни, 4) развитие активности по цивилизованной защите своих прав и свобод, 5) воспитание активной гражданской позиции, нетерпимости к правонарушениям, 6) подготовка к содействию правоохранительным органам в борьбе с преступностью, 7) обучение бесконфликтной жизни в современном социуме путем учета права других людей, традиций других народов.

Изучение педагогической теории, анализ практики, а также исходя из предложенной нами трехэлементной концепции ПВ, сделана попытка сформулировать закономерности данного процесса:

Закономерности, определяющие когнитивно-познавательный элемент ПВ: Закономерности, определяющие когнитивно-познавательный элемент ПВ: 1) чем адекватней мотивация освоения правовых знаний возрастным и индивидуальным особенностям подростков, их жизненному опыту, тем больший интерес они проявляют при их усвоении; 2) чем активней участие подростков в изучении правовых знаний, тем выше эффективность их освоения; 3) чем более соответствует логика объяснения конкретному виду правовых знаний, тем выше уровень их понимания; 4) чем чаще в процесс ПВ включаются познавательные, творческие, нестандартные задания, тем выше уровень активности подростков.

Закономерности эмоционально-ценностного элемента: 1) чем больше процесс изучения правовых знаний опира-

ется на интересы, потребности, запросы детей, тем эффективней он протекает; 2) чем в большей степени в процессе ПВ задействована эмоциональная сфера учащихся, тем выше успешность формирования правовых убеждений; 3) чем доступней, образней, понятней представлены детям правовые знания, тем в большей степени они присваиваются ими как правовые ценности; 4) чем чаще подростки осознают возможности конкретного применения правовых знаний, тем выше вероятность превращения их в правовые взгляды.

Закономерности деятельностно-практического элемента ПВ: 1) чем больше правовые ценности соответствуют потребностям подростков в правомерном поведении, тем в большей степени они становятся правовыми установками; 2) чем целесообразней организована общественно значимая деятельность подростков в процессе освоения правовых ценностей, тем в большей степени они воплощаются в правомерном поведении; 3) чем эффективней организована коллективная деятельность воспитанников, направленная на их взаимодействие по освоению правовых знаний, тем выше уровень формирования правовых умений и навыков; 4) чем в большей степени формы, методы ПВ связаны с реальной жизнью, практикой, тем успешней формируются привычки правомерного поведения.

Существенными составляющими теоретической модели ПВ являются принципы ее реализации как основные, исходные положения, выступающие в роли руководящих положений организации ПВ. Анализ принципов ПВ, рассмотренных в различных исследованиях (С.Н. Александрова, И.Г. Митюнова, И.Ф. Рябко, П.Б.Тарасов, С.А. Хасанова и др.), соотнесение их с практикой формирования ПК, а также концепцией данного исследования выделены принципы, дифференцируемые в соответствии с элементами ПВ.

Принципы реализации когнитивно-познавательного элемента ПВ. 1. Нравственно-юридической обоснованности правовых знаний – глубокое объяснение изучаемых правовых фактов, понятий, законов путем вскрытия их сущности на основе действующего законодательства, обоснование нравственной направленности правовых норм. 2. Системности – включение в процесс формирования ПК различных направлений деятельности образовательного учреждения: учебного и воспитательного процесса, внеучебной деятельности, работы с родителями, связи с общественностью. 3. Высокой результативности – обеспечение полного понимания подростками нравственно-юридической сущности правовых явлений, понятий, законов. 4. Междисциплинарности – активизация правовой направленности уроков по обществознанию и истории, включение правовой информации в общеобразовательные дисциплины, использование учебных занятий по специальному курсу правовой направленности, факультатива, кружка по изучению права, внеучебных воспитательных коллективных дел, внешкольных мероприятий и т.п. 5. Непрерывности – осуществление процесса развития ПК в течение всего периода социализации.

Принципы реализации эмоционально-ценностного элемента ПВ. 1. Эмоционального подкрепления правовых знаний – использование разнообразных форм, способов эмоционального воздействия в процессе изучения правовых фактов, понятий, законов. 2. Ценностного наполнения ПВ – обеспечение принятия подростками правовых норм

как ценностей правового государства. 3. Формирования полноценных правовых убеждений – развитие правовых знаний до уровня взглядов, ценностных ориентаций, мировоззрения. 4. Гуманизации правовых знаний – демонстрация гуманистической направленности законодательства, ориентации его на защиту, поддержку законопослушного человека.

Принципы реализации деятельностно-практического элемента ПВ. 1. Связи с жизнью – рассмотрение правовых норм в соответствии с социально-экономической политикой государства, жизнью региона, учебного заведения. 2. Личностно-деятельностного подхода – обеспечение связи правовых знаний с жизненным опытом, потребностями конкретного воспитанника. 3. Коллективной творческой деятельности – освоение правовых норм в ходе организации совместной продуктивной деятельности подростков. 4. Интеграции воспитательных воздействий – включение в процесс ПВ всех заинтересованных сторон: школы, семьи, внешкольных учреждений, инспекции по делам несовершеннолетних, прокуратуры, управление исполнения наказания и др.

Содержание образования традиционно сосредоточено в государственных документах: Государственном стандарте среднего (полного) общего образования. Нами проанализированы требования стандарта в области изучения права. Результаты анализа убеждают в том, что имеющееся содержание не охватывает всего многообразия нормативных актов, правовых норм, отраслей права, законов, необходимых и достаточных для формирования ПК гражданина правового государства. Изучение практики воспитательной работы с подростками группы риска, убеждает в необходимости включения в содержание ПВ следующих вопросов: правовые нормы ведущих отраслей права, регулирующие поведение человека в обществе; основные права, свободы и обязанности человека в демократическом государстве; пути и способы защиты прав, интересов человека; основы обеспечения демократии и правопорядка в обществе; социальная защита детей и подростков; международные и российские законодательные акты, направленные на защиту прав детей и др. Рассмотрение этих вопросов в условиях школы следует вести в рамках учебного предмета «Обществознание», специальных курсов, факультативов, кружков правовой направленности, специально организованной воспитательной (школьной и внешкольной) работы по освоению норм права и т.п.

Важными элементами системы ПВ являются средства, методы, приемы его реализации. По данным В.А. Николаева, средства воспитания представляют собой каналы распространения информации. Отсюда средства воспитания определяются как каналы воздействия на сознание, чувства, поведение ребенка с целью сообщения необходимых сведений, формирования практических умений и навыков, развития мотивации и привычек нравственного поведения. [2, с. 48] Соотнесение данного определения с процессом ПВ убеждает в применимости такой трактовки к настоящему исследованию.

Обобщение результатов теоретического и эмпирического исследований позволило выделить следующие средства, используемые в ходе правового воспитания: словесные, дискуссионные, игровые, технические, деятельностные, образные, коллективные творческие средства и др.

Изучение педагогической теории и практики, соб-

ственный опыт работы по формированию ПК у подростков группы риска позволил выделить адекватные средства, методы воспитания, используемые в рамках соответствующих элементах ПВ.

Методы, используемые в рамках когнитивно-познавательного элемента ПВ. Словесные методы – рассказ, объяснение, лекция, пояснение, свободное общение, внушение, наставление, приказ, просьба, уговор, увещание и др. Познавательные методы: решение познавательных задач, защита фантастических проектов, пресс-конференция, турнир знатоков права, заочное путешествие, бой правоведа, подготовка рефератов, конспектов первоисточников и др.

Методы, применяемые в процессе реализации эмоционально-ценностного элемента. Дискуссионные методы: проблемное изложение, диспут, дискуссия и др. Образные методы: яркие, наглядные примеры, факты из жизни известных людей, самих подростков, связанные с правовыми явлениями, фрагменты из художественных произведений, рассказы очевидцев, ситуации-модели, фантастические ситуации, ситуации-образцы и др. Технические методы: видеосюжеты, отрывки радио и телепередач, телешоу, художественные и документальные фильмы и т.п. Литературно-творческие методы: инсценирование рассказов, судебных процессов, правовых явлений, устный журнал, живая газета, стенная газета, газета-молния, журнал-эстафета и др.

Методы используемые при реализации деятельностно-практического элемента ПВ. Игровые методы: сюжетно-ролевые игры, деловые, творческие игры, игры-путешествия, игры-имитации, викторины и др. Коллективно-творческие методы: коллективно-творческое дело, творческий праздник, творческая учеба, творческий слет и др. Деятельностно-практические методы: патрулирование территории вблизи школы, шефство над учащимися младших классов, нарушающими дисциплину, выступление перед школьниками начальных классов с правовыми сообщениями и др.

Анализ традиционных и специфичных форм ПВ, соотнесение их с опытом формирования ПК у подростков группы риска позволил дифференцировать их на группы: организационные формы учебной и воспитательной работы и формы организации воспитательной работы. К организационным формам целесообразно отнести: уроки, лекции, семинары, практикумы, факультативы, лектории, конференции, экскурсии, учебные консультации, встречи, олимпиады, кружковые занятия, конкурсы, дежурства, поручения, социально-правовую практику, коллективные творческие дела (игры, праздники) и др. Эти формы реализуются в формах организации работы учащихся: индивидуальной, групповой, массовой.

К элементам теоретической модели многие авторы относят педагогические условия. Педагогические условия – это обстоятельства организации среды, обеспечивающие оптимальную интеграцию содержания, форм, методов, педагогического взаимодействия для наиболее благоприятного, успешного, полноценного достижения целей педагогического процесса. Педагогические условия – это обстановка, сопровождающая педагогический процесс, характеристика сопутствующих факторов, дающих дополнительный стимул для обеспечения его эффективности.

Обобщение различных взглядов (С.Б. Беликова, П.Б. Тарасов, С.Б. Тугуз, С.А. Хасанова и др.), опыт

практической работы позволяет дифференцировать педагогические условия на три группы: организационные, процессуальные, содержательные. К организационным условиям эффективного формирования ПК относятся: а) мотивационно-правовая подготовка педагогов, родителей; б) использование всех возможностей учебного, внешкольного, внеучебного, воспитательного потенциала образовательного учреждения; в) подключение к формированию правовой культуры общеобразовательных дисциплин в соответствии с их спецификой, характером учебного материала, методико-техническим оснащением; г) организация дополнительных дисциплин, факультативов, кружков правовой направленности; д) привлечение потенциала ближайшего социально-административного окружения: семьи, социума, учреждений дополнительного образования, органов социальной защиты; е) вовлечение в процесс ПВ органов правопорядка: полиции, прокуратуры, суда, учреждений исполнения наказания и др.

Процессуальные условия: а) использование потенциала коллективной творческой деятельности воспитанников; б) создание активной правовой среды, адекватной реальным политико-правовым, социально-экономическим условиям жизни общества; в) оптимальное сочетание информационных, репродуктивных и продуктивных, интерактивных, проблемных методов, технологий обучения и воспитания; г) научно-методическое, материально-техническое обеспечение процесса правового воспитания, соответствующее современным требованиям организации педагогического процесса; д) использование систематического контроля и самоконтроля для обеспечения обратной связи процесса формирования ПК.

Содержательные условия: а) целенаправленный характер процесса ПВ; б) оптимальное сочетание когнитивно-познавательного, эмоционально-ценностного, деятельностно-практического элементов ПВ в целостном педагогическом процессе; в) изучение законов, правовых норм, документов соответствующих актуальным и потенциальным запросам воспитанников; г) обеспечение глубокого понимания правовых знаний, формирования правовых убеждений на основе эмоционально-позитивного отношения к ним, развитие установок, качеств, умений правомерного поведения; д) индивидуальный подход в зависимости от особенностей личности, интересов, успеваемости, уровня воспитанности, условий социализации; е) дифференцированный подход в зависимости от возраста детей, их пола, специфики образовательного учреждения, уровня ПК.

Опираясь на теоретическую модель, учитывая особенности педагогического процесса образовательных учреждений, автором разработана целостная система формирования ПК подростков группы риска. Эта система включает направления, пути, средства и формы реализации путей правового воспитания, адекватные элементам теоретической модели. Эмпирическим воплощением этой системы стала экспериментальная программа «Гражданин правового государства», ориентированная на формирование ПК подростков группы риска.

В ходе экспериментального исследования определены ведущие направления реализации программы, адекватные элементам правового воспитания. Направления когнитивно-познавательного элемента: 1) создание мотивации изучения правовых знаний; 2) обеспечение глупого понимания сущности правовых понятий, законов;

3) изучение ведущих отечественных и международных законодательных актов о правах детей; 4) усвоение основ демократии, прав и свобод человека, ребенка, ведущих отраслей правовой системы и др. Направления эмоционально-ценностного элемента: 1) воспитание уважения к праву, государству; 2) развитие убеждений в нравственной направленности законодательства и необходимости его неукоснительного соблюдения; 3) обеспечение отношения к праву как социальной ценности. Направления деятельностно-практического элемента: 1) формирование установок правомерного поведения; 2) развитие умений, привычек, опыта жизнедеятельности в соответствии с действующим законодательством; 3) становление активной жизненной позиции по предотвращению правонарушений.

Основными путями реализации программы выступали: 1) учебная классная работа (освоение правовых знаний в рамках учебных дисциплин); 2) внеклассные формы учебной работы (экскурсии, ролевые и деловые игры и др.); 3) внеклассная воспитательная работа (классные часы, беседы правовой направленности, встречи с работниками юстиции, кружок правовых знаний, тренинг правомерного поведения, коллективные творческие дела по праву и др.); 4) правоохранительная практика; 5) научно-исследовательская деятельность учащихся (викторины, олимпиады, турниры знатоков права, юридический КВН); 6) создание музея права; 7) оценка и самооценка правовых знаний (констатирующее, текущее, итоговое тестирование).

В процессе ПВ межпредметные связи реализуются в следующих направлениях: а) использование правовых знаний рассматриваемых в рамках содержания общеобразовательных дисциплин; б) привлечение дополнительных правовых сведений, адекватных содержанию материала, изучаемого на уроках различных учебных предметов; в) проведение интегрированных уроков по различным дисциплинам, связанных с правовой тематикой; г) пропедевтика правовых знаний в процессе изучения общеобразовательных дисциплин; д) преемственность общеобразовательных и специальных дисциплин в процессе формирования ПК.

В процессе опытно-экспериментальной работы нами был задействован правовой потенциал основных учебных дисциплин: обществознание, история, русский язык, литература, биология, химия, география, физика, технология, физкультура и др.

Следующий путь формирования ПК – внеклассная учебная работа. В рамках этого пути был запланирован и реализован цикл экскурсий в органы государственной власти, местную администрацию, различные правоохранительные учреждения: отделение полиции, инспекция по делам несовершеннолетних (уточнить правильность названия), прокуратуру, суд (с посещением судебного заседания), Шаховскую воспитательную колонию.

Следующий путь – внеклассная воспитательная работа. Данный путь реализовывался на двух уровнях: а) институциональные формы и б) воспитательные мероприятия. Одной из основных институциональных форм является разработка и реализация программа кружка «Наши права и обязанности», которые посещали все участники экспериментальных групп. На период эксперимента, другая институциональная форма – классные часы, в экспериментальном классе были переименованы в часы политико-правовой информации.

Для того чтобы эта работа привлекала учащихся, мы старались представлять материал в образном, эмоциональном виде. Для этого применялись разнообразные активные формы внеклассной работы, предполагающие проблемное рассмотрение материала. Наибольшей популярностью у подростков пользовались такие формы работы: круглый стол, прессконференция, правовые дебаты, обзор правовых событий, юридический салон, юридическая консультация и др.

Целенаправленная работа по формированию деятельностно-практического компонента ПК осуществлялась в рамках правового тренинга. Цель тренинга – актуализация правовых знаний, формирование осознанных привычек, умений правомерного поведения, развитие правовых установок. Задачи тренинга: 1) оценка и самооценка правовой позиции участников, 2) формирование правовых убеждений в нравственной направленности законов, 3) развитие позитивных правовых установок в процессе повседневного поведения, 4) обучение правовым способам разрешения конфликтных ситуаций, 5) освоение навыков регулирования эмоционального состояния, 6) знакомство с правилами бесконфликтного общения.

Темы тренингов: Занятие 1. Для чего существует право? Занятие 2. Готов ли я к соблюдению законов? Занятие 3. Справедливо ли законодательство? Занятие 4. Как не нарушить закон в повседневной жизни? Занятие 5. Что нужно, чтобы жить по закону?

Значительной популярностью пользовалась у участников эксперимента такая форма внеклассной работы как правовой кинолекторий. Один раз в неделю, после самоподготовки учащимся демонстрировались документальные и художественные кинофильмы, видеосюжеты, видеоролики по правовой тематике. В рамках кинолектория демонстрировались фрагменты телепередач «Человек и закон», «Час суда», «Суд присяжных», «Федеральный судья», «Право на защиту» и др., связанные с правонарушениями подростков или преступлениями против них. После просмотра следовало обсуждение увиденного, давался юридический комментарий, высказывались мнения о возможных путях правового решения ситуаций, приведших к преступлению.

Кинолекторий обеспечивал эмоциональное подкрепление правовых знаний, сообщаемых учащимся. В сочетании с последующим обсуждением фильмы способствовали формированию правовых убеждений. В эмоционально яркой форме, без длительных увещаний и нотаций они убеждали в необходимости соблюдения правовых норм, преимуществах правомерного поведения. В художественных, документальных фильмах проводится четкая граница между положительными и отрицательными героями, их ценностями, образом жизни, результатов, которых они добиваются.

Одной из популярных у подростков форм внеклассной работы были встречи с работниками юстиции. Другой эффективной и популярной у участников эксперимента формой работы по правовому воспитанию были экскурсии. Их популярность связана с малым числом социальных контактов учащихся школы-интерната, редкими выездами за пределы учреждения. Поэтому в данной форме работы испытуемые принимали особенно активное участие. Наибольшей популярностью у подростков-участников эксперимента пользовались коллективные творческие дела (КТД) правовой направленности. Это связано с

особенностями подросткового возраста, их потребностью быть раскрепощенными в творчестве, стремлением к социальной активности. Коллективные творческие дела, игры, праздники обеспечивают реализацию этих потребностей подростков. Все КТД были разделены на группы: 1) организационные; 2) познавательные; 3) художественные; 4) комплексные.

В зависимости от масштабности, целевой направленности КТД они проводились с разной периодичностью. Ежедневно, путем чередования творческих правовых поручений, каждая микрогруппа готовила и проводила организационные КТД: живая газета, устный журнал, журнал эстафета и др.

Остальные виды правовых КТД проводились каждые две недели. Для их подготовки мы разбивали учащихся экспериментального класса на новые микрогруппы. Ответственной за КТД определялась по жребию одна из них, однако участие в подготовке и проведении дела принимали все микрогруппы.

Значительной популярностью у участников эксперимента пользовались познавательные правовые КТД. Интерес к ним во многом был обусловлен игровой, занимательной формой их организации, наличием состязательности между микрогруппами. За время эксперимента были подготовлены и проведены такие познавательные КТД: 1) правовая викторина; 2) турнир знатоков права; 3) правовой диспут; 4) пресс-конференция; 5) игратпутешествие «Правовая кругосветка»; 6) вечер правовых задач; 7) правовой бой; 8) турнир юных юристов; 9) турнир знатоков права; 10) правовой словарь; и др.

Готовя и проводя художественные дела, мы исходили из того, что даже старшие подростки, воспитывающиеся в интернатах, имеют преимущественно образный стиль мышления. Поэтому дела, связанные с художественной творческой деятельностью, пользовались особой популярностью среди участников эксперимента. Художественные КТД правовой направленности включали преимущественно конкурсы между микрогруппами. В ходе эксперимента были организованы и проведены следующие КТД: 1) конкурс сказок, рассказов (реальных и фантастических) на правовую тему; 2) защита фантастических правовых проектов; 3) конкурс коллективного рисунка на темы права; 4) конкурс писем в воспитательную колонию; 5) конкурс правовых кроссвордов; 9) инсценирование судебного процесса и др.

Следующий путь реализации ПВ – научно-исследовательская деятельность учащихся. В рамках этой работы были проведены следующие мероприятия: викторины, олимпиады, «брейн-ринг» знатоков права, конференция по праву, юридический КВН.

Силами участников кружка был организован музей права. Он состоял из ряда стендов: «Законы РФ», «История права», «Правовые понятия», «Судебно-правовая система РФ», «Образцы документов». Ряд стендов был посвящен работам учащихся. На них помещались доклады, рефераты по различным вопросам права, рассматриваемым на занятиях кружка. На одном из стендов располагались рисунки детей, выполненные по теме кружковых занятий и т.п. В музее располагались портреты выдающихся адвокатов, следователей, прокуроров, внесших особый вклад в становление отечественного законодательства.

Реализацией деятельностно-практического элемента

ПВ в рамках опытно-экспериментальной работы была правоохранительная практика. Эта работа включала несколько направлений работы: проведение бесед на правовые темы в начальных классах, охрана общественного порядка на школьной территории во время праздников, вечеров, дискотек, а также в вечернее время и др.

Главным итогом реализации экспериментальной программы стало формирование у подростков устойчивого уважительного отношения к законам, недопустимость их

нарушения, стремление решать все споры, недоразумения, противоречия в соответствии с правовыми нормами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. 7-е изд. СПб.: Питер, 2004. 512 с.
2. Николаев В.А. Введение в этнопедагогику. Научно-методическое пособие. Орел, 2003. 150 с.

КОНЦЕПТ ВРЕМЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ ОККАЗИОНАЛЬНЫМИ СЛОВАМИ, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ САШИ СОКОЛОВА

Изотов В.В.,
аспирант,
кафедра журналистики и связей с общественностью,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: окказионализмы С.Соколова, концепт, ключевой концепт, концепт время, постмодернизм
Key words: occasional words, coined by S.Sokolov, concept, key concept, concept of time, postmodernism

Аннотация. В статье анализируются новообразования С.Соколова, содержащие в себе понятие «время», произведена их классификация, дано описание пяти групп окказиональных слов, в которых реализован концепт время.

The article analyses innovations by S.Sokolov, including the notion of "time", classification of these words is presented and five groups of this classification, where the concept of time is revealed, are described.

В понимании концепта мы следуем за Ю.С.Степановым: «Концепт - явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы: концепт является калькой с латинского conceptus – «понятие», от глагола concipire «зачинать», т.е. значит буквально «поятие, зачатие»; понятие от глагола поняти, др.-рус. поати, понати «схватить, взять в собственность, взять женщину в жёны» буквально значит, в общем, то же самое. В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, одно вместо другого. Но так они употребляются лишь изредка. <...>

Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [6: 42-43].

Ключевым концептом творчества Саши Соколова является концепт времени, который играет важную роль и в поэтике модернизма и постмодернизма (см., например, [4: 61, 137], [5: 286], [1: 294-296]).

Этот концепт применительно к творчеству писателя рассматривался только в единстве хронотопа и применительно к роману «Школа для дураков»: «Слово время имеет высокую частотность в тексте (116 случаев употребления).

Помимо реализации словарных значений, в 29% случаев в происходит приращение к лексеме не зафиксированных словарями семантических компонентов, реализующих индивидуально-авторскую концепцию времени. Это преимущественно достигается нарушением лексической сочетаемости и использованием нетипичных синтаксических конструкций» [2: 14].

Мы не ставим себе задачу выяснения частотности лексемы время в произведениях Саши Соколова, хотя это сама по себе довольно интересная проблема, - наша задача в другом: выяснить, как репрезентируется этот концепт в новообразованиях, созданных писателем. К новообразованиям, в которых представлен концепт время, мы отнесли те окказиональные слова, в которых реально представлена идея времени, т.е. материально выражен корневой компонент, содержащий понятие о времени, например: «...тёмный юноша на фоне белой зари, мечтательно, юно-

ша, мечтающий стать инженером, юноша-инженер, если угодно, кудрявый, довольно кудрявый, книга за книгой...» (ШД:108)¹; «От Георгия до Покрова, от рекостава до рекоплава, и от чёрного поля до белых, осеняющих осень путей – горы вселетье, горы всезимье, и белой пастушьей звездой твори повсюду свет кроткий, тайную милость твою» (МСВ:175).

В индивидуально-авторских новообразованиях юноша-инженер, вселетье, всезимье отчётливо выражена идея времени, связанная с первым случае с возрастом человека, во втором и третьем – с временем года.

Следует отметить такое обстоятельство: новообразования, в которых содержится упоминание о времени, которые репрезентируют концепт время, составляют 11,5% от общего количества новообразований Саши Соколова – 66 из 574.

Все окказионализмы, в которых репрезентируется концепт время, мы разделили на тематические группы: «вечность», «конкретное время», «жизнь», «смерть», «время и люди».

Лексико-тематическая группа «Вечность» представлена следующими 12 новообразованиями. Все они весьма интересны, и между ними обнаруживаются различного рода связи и отношения.

Так, например, новообразования адгокин (в значении «никогда») и бессонно-всегда (значение «бессонно и всегда») формально выступают как антонимы, фактически являясь синонимами: ««Оставьте, какой там астрал. Я говорю об элементарном зеркале. Вы когда-нибудь обращали», сказал нотариус, «обращали ли вы», он сказал, «вы внимание», выговаривал адвокат, «на собственное», подчёркивал он, «отражение в зеркале? Или еж елакрез в еинежарто еонневтсбос ан еинаминв илащарбо ен адгокин ыв?»» (П:289); «Да, я кричу и буду кричать бессонно-всегда, я кричу о великом бессмертии великого учителя Савла, я желаю быть вам неистово-отвратительным, я буду врываться в ваши сны и явь, как хулиган врывается в класс во время урока, врываться с окровавленным языком и, неумолимый, буду кричать вам о своей недостижимой и прекрасной бедности, вы же не пытайтесь задобрить меня подарками, мне не нужны ваши потные тряпки и гнойные рубли, и прекратите музыку, или я сведу вас с ума криком честнейшего из умерших» (ШД:64).

Антонимия здесь совершенно прозрачна, а что касается фактической синонимичности этих новообразований, то она проявляется в том, что значения окказиональных слов практически коррелируют с одним и тем же понятием – ис-

1. Здесь и далее названия романов Саши Соколова даны в сокращённом виде: ШД – Школа для дураков; МСВ – Между собакой и волком; П – Палисандрия; названия эссе приводятся полностью. Через двоеточие указана страница произведения, на которой отмечено новообразование.

черпанностью времени как категории, его абсолютной завершенностью².

Ту же идею выражает и новообразование пакинебытие: «... ныне провозжаем в пакинебытие такого вежду окрестных охот, как Фёдора, Егора, Петра»³ (МСВ:130) (значение – «совсем небытие», «вечность»).

Два окказиональных слова, созданных способом плюрализации, являются, на наш взгляд, почти полными синонимами-дублетами: «И я не смогу себе дать отчёта, в каком из бытий моих я бегу вот сейчас, вот сию минуту, и что такая сия минута, и к чему здесь эти бегонии, и при чём тут – а если при чём, то кто – кто этот некто, обозначаемый с Вашего позволения буквой я» (П:337); «В ней, написанной великолепным верлибром, скрупулёзно, но популярно прослеживается вся родословная канализаций – от допотопных, пещерных, и – через римские акведуки – до совершеннейших очистительных агрегатов последних эр» (П:209). Их значения – «совокупность существований в различных эпохах» и «совокупность исторических эпох».

В определённой степени к ним примыкает новообразование историко-эволюционный, имеющее значение «эволюционный в своём историческом развитии», поскольку здесь тоже есть представление о длительности существования.

Два новообразования связаны с идеей управления временем: «Некто, популярный среди верноподданных как Свидетель Российского Хронархиата и Командор Палисандр, я на поезде особого назначения возвращаюсь на родину» (П:19)⁴; «Со стороны новорождённой российской хронархии – я и сопровождавшие меня Одеялов и Амбарцумян, что пошёл в походную кухню и быстро вернулся, неся на подносе цыплёнка по-киевски и выпить на посошке» (П:142). Они имеют следующие значения: «орган управления временем» и «государственное устройство, при котором власть является в лаптях времени».

Ещё два окказиональных слова указывают на вещественность времени: «Вы увлеклись настолько, что Вам иногда мерещилось, будто этому тексту ничуть не дано затеряться во времяворотах и завихрениях относительности» (П:375); «Продутый умеренными ветрами, Эмск возник перед дядей своей юго-западной панорамой – дохнул на него городской распутицей, неуютом складских помещений, жилищ, больничной карболкой, строительными работами, хлебной гарью, квашениями и солениями, ворванью

2. С новообразованием адгокин соотносится новообразование не-вермор: «Я шёл подземным тоннелем к паспортному и лихорадочно, но совершенно чётко осознавал: невермор» (В доме повешенного:28); «Ибо вообразите, какая кромешность, какой дичайший эдгаровский невермор – без просветов, будто в чернильном мешке каракатицы» (П:307). Показательно, что данное новообразование употреблено в разных произведениях – эссе и романе.

Слово невермор, несомненно, актуализировано в русской культурной памяти, но актуализировано оно именно в английской транскрипции. Во всяком случае, в «Национальном корпусе русского языка» отмечено только 3 употребления этого слова – в произведениях, относящихся к 2000-м годам.

3. Ср. комментарий к этому понятию в онтологическом смысле: «Наиболее реальное время у Соколова – «пакинебытие», сумерки человеческого сознания и человеческой жизни, «время между собакой и волком». В этом времени перестают иметь какое-либо значение история и память, конкретное и вещественное. Родственность оказывается столь же размытой, как самоидентификация, человек не может узнать сам себя, где уж ему узнать своих родственников» [3:130].

4. В другом случае это слово приобретает другое значение: «Судя по отысканиям архивариусов нашего хронархиата, участь останков моих сложилась по-русски плачевно» (П:231) – «архив времени».

и рогожами, бьющимся на верёвках бельём, пищевыми отбросами, дёгтем, свалкой, патокой и пенькой – заторчал фабричными трубами – трубами механических мастерских и пекарен – котелен – слесарен – ржавыми шпильями и крестами – куполами и башнями – и весь преломился в лужах – в сточных канавах – в сочащейся из-за горизонта тягучей, времяобразной, как жизнь, реке цвета сукровицы и разбавленного спекулянтами кваса» (П:16).

Слово времяворот имеет значение «вращение времени», а слово времяобразный – «похожий на время».

Слово в-главных характеризует принадлежность к вечности: «Во-первых, и в-главных, я верен роду занятий» (Портрет художника в Америке: в ожидании Нобеля: 67).

Пожалуй, самым ярким окказионализмом этой группы репрезентаций концепта время является слово ужебыло, употреблённое в романе «Палисандрия» шесть раз: «То был эффект умозрения, доказывающий регулярную обращаемость нашу на круговых путях бытия: воспоминанье о будущем, провиденье прошлого. На Западе сей феномен зовут дежавю, у нас – ужебыло» (П:280); «И когда, сминая бегонии луга, бегу я, взволнованно помолодевший, ему навстречу, со мной случается ужебыло – очередной его приступ» (П:333); «А когда в бытность мою почти нецелованным крепостным сиротой я впервые отчётливо вспоминал, как именно всё сие ужебыло – было (Вы помните? Как будто не с нами, а с жабами, тогда-то моей добродетели, скромности и был положен предел» (П:333); «И однажды наступит час, когда все многократно воспроизведённые дежа-вю со всеми их вариациями сольются в за глубиной перспективы в единое ужебыло» (П:337); «Гамма эта – она, конечно, сродни ужебыло» (П:365).

Это слово стало предметом рефлексии исследователя современного постмодернизма: «С гораздо большей определённой и полнотой данные тенденции выявили себя на Западе; и обосновавшийся в Америке Соколов не только оценил возможность обновления литературы посредством модернистской эклектики, но и запечатлел сам факт переориентации культуры, возникновения ситуации постмодерна, дав ему кодовое обозначение «ужебыло». Возможно, экстравагантным соединением в одно неразложимое целое двух самостоятельных слов – «уже» и «было» - автор и стремится проакцентировать специфическое культурологическое наполнение данного понятия. В более узком значении «ужебыло» Соколова эквивалентно понятию литературных кодов, как их характеризует Ролан Барт: «... коды – это определённые типы уже виденного, уже читанного; уже деланного; код есть конкретная форма этого уже...».

Цитатное письмо, множественность/гибридность художественных кодов – одна из самых характерных черт стиля «Палисандрии». Правда, у паниорниста Соколова и феномен «ужебыло» предстаёт в спорадическом виде и объясняется Палисандром Дальбергом как следствие реинкарнации – перевоплощения душ» [Скоропанова, 1999:287].

Как видим, новообразование ужебыло становится обозначением целой концепции.

Рассматривая это слово с точки зрения включённости его в группу «Вечность» представления концепта время, можно сказать, что оно является обозначением границы в вечности, делящей её на две части: то, что уже случилось (это и есть значение новообразования), и то, что ещё случится⁵.

Следующая тематическая группа «Конкретное время»

представлена 22 новообразованием, которые могут быть объединены в три подгруппы: обозначение суток и их частей; обозначение месяцев; значительные периоды в жизни человека и человечества.

Первая группа – обозначение суток и их частей – представлена 8 окказиональными словами: «Брезжущий день по-троянски загадочен и чреват неведомым содержанием, что, как правило, не замедливает предстать. Но отдельные дни обманывают даже самые скромные ожидания, ибо не таят в себе ничего. Вот и сегодняшний оказался пуст. Пуст до гулкости, сер, правда, весь в созревающих яблоках здешнего сада. День-конь» (П:196) (здесь можно говорить о двойной мотивации с точки зрения содержания: с одной стороны, напоминание о троянском коне, с другой – о масти: серый в яблоках); «Прибывал доброутренний, по-гвардейски румяный, с четою бесстрашных, словно бы полных ужаса, пепловатых навывкате глаз» (МСВ:111).

Новообразование день-конь имеет значение «день, похожий на коня», обозначает целый день; новообразование доброутренний имеет значение «такой, как в доброе утро», обозначает часть дня.

Все остальные новообразования этой подгруппы обозначают части дня: отзвонивший-и-с-колокольни-долгой (звонить на колокольне можно было только в определённое время), отфриштыкать (отзавтракать), предвечерье, предночные, утры, свежеподанный (поданный в какой-то момент суток).

Вторая подгруппа – обозначение месяцев – представлена 7 новообразованиями. 5 из них обозначают конкретные месяцы: «А нынче, насколько можно было довериться новейшему отрывному календарю на год, установились пригожие, прекраснотушные числа Льва-месяца, последние дни того чужестранного положенья вещей, которое мы никогда не называли изгнанием; посланье – вот славное имя» (П:19); «... ниже февраль-кривотроп, снабдившись клещами вьюг, тщится вытащить вещам трещоткам их сухожилые языки...» (МСВ:169). Сюда же относится новообразование апрели, ледостав-месяц, феврале.

Следует отметить, что два новообразования обозначают не чисто календарные месяцы, а время, по протяжённости совпадающее с месяцем. Так, окказиональное слово лев-месяц означает период с 23 июля по 22 августа, когда солнце находится в зодиакальном знаке Льва; окказиональное слово ледостав-месяц обозначает период установления льда на Волге.

Два окказионализма обозначают несколько месяцев в их последовательности: «От Георгия до Покрова, от рекостава до рекоплава, и от чёрного поля до белых, осеняющих осень путей – гори вселетье, гори всезимье, и белой пастушей звездой твори повсюду свет кроткий, тайную милость твою» (МСВ:175); соответственно слово вселетье имеет значение «все летние месяцы», слово всезимье – «все зимние месяцы».

Третья тематическая подгруппа тематической группы «Конкретное время» (значительные периоды в жизни человека и человечества) представлена 6 окказиональными словами.

Три окказионализма соотносятся со значительными периодами в жизни человека: «Когда-то, в каком-то из прежних детств, когда я заигрывал на царской конюшне с хорошенькой пони, она, строптивая, как министерша, лягнула меня в лицо, навсегда оставив на нём эмоцию несক্রываемого

удивления» (П:234); «Споспешествуя ему по мере сил во всех его направлениях, сыздетства я увлекся хрупкими, тлеющими страницами первоисточников» (П:25); «Однако вид из окна моей спальни будет ущербным, если не указать, что на первом плане в изысканной позе отчаяния произрастает нечто раскидистое, огромное и плакучее вроде того болконского дуба, о котором нам сыздетства прожужжали все уши» (П:196); «В среду ягоды волчьей Калуга поел; умирая наказывал: будьте бдительны; сыздетства на неё я зарился, но терпел...» (МСВ:131); «Не на этих ли акмеистских скамейках кладбищенского бульвара, где ныне вы воздвигли себе прижизненный монумент в виде себя самого, опирающегося на сложенный зонтик, - не на этих ли, говорим мы, скамейках вы юношествовали с нами до зелёной зари – с нами, вашими горделивыми тётками, жившими некогда в Театральном проезде, в Старообрядческом переулке и на Собачьей Площадке» (П:140); «В ту ночь я юношествовал её до тех пор, пока она не впала в такое безответственное забытье, что чулки с неё в принципе спали» (П:187).

Все эти новообразования соотносятся с такими периодами в жизни человека, как детство и юность.

К новообразованиям, соотносимым со значительными периодами в жизни человечества, относятся слова допереворотный («бывший, существовавший до переворота») и средневеково («как в средние века»), позадавний («очень давний»). Здесь следует оговорить такое обстоятельство: всё человечество прошло эпоху средних веков, и в этом плане окказионализм средневеково носит более обобщённый, универсальный характер; что касается слова допереворотный, то оно носит более локальный характер, поскольку разные страны и народы испытывали перевороты в разное время; ещё более локальным характером отличается слово позадавний.

В определённой мере к этой группе примыкает слово шенок-интуит: «Я чую грань невозможного, как непрозревший шенок-интуит, что положен на край обрыва и ползёт» (П:313); здесь проявлена сема невзрослости, хотя и характеризующая животного.

Промежуточное положение между группами «Вечность» и «Конкретное время» занимает слово беспробудничать: «Его мы все знали, затем-то нам и печально, поэтому и беспробудничаем столь бессонно» (МСВ:130). Здесь, на наш взгляд, есть апелляция и к вечности (всегда беспробудничаем), и к конкретному времени (беспробудничаем всю жизнь или её часть).

Тематическая группа «Время и люди» включает 20 новообразований.

Здесь, очевидно, необходимо сделать следующее пояснение: в данную группу включены окказиональные слова, которые содержат одновременно семы «человек» и «время», например: «- Пожалуйста, - невнятно и без улыбки произносит Михеев (Медведев), загородный развозчик писем и телеграмм, доставщик извещений и газет, старик, пенсионер-почтальон, невесёлый велосипедист с необычно-обычной сумкой на руле, человек мечтательный, угрюмый и пьющий» (ШД:236); в данном случае сема «время» выражена в компоненте пенсионер, сема «человек» - в компонентах пенсионер, почтальон.

Или, например, следующий контекст: «Лишь поначалу, когда мы с экс-депутаткой скрипично замирали в нюансах или давали сбой, образ Л. учинял в составителе строк

смутную тревогу, и снова я словно слышал её упругий, опозитизированный мною, голос» (П:318); соответственно компонент экс выражает сему «время», компонент депу-татка – сему «человек».

На наш взгляд, весьма интересны следующие новообразования, отмеченные в одном контексте: «Точно такую ж макрель и в почти таком же кульке продал бы Вам старикос в Афинах, старчелло в Неаполе, стармен в Ливерпуле, старье в Лярошели, стариньо в Парамарибо» (П:261-262). Все эти новообразования имеют в принципе одно и то же значение – «старик», но в каждом случае добавляется своеобразный суффикс «онационализирования»: старикос – это «греческий старик», старчелло – «итальянский старик», стармен – «английский старик», старье – «французский старик», стариньо – «испанский (латиноамериканский) старик».

К этой группе относятся также новообразования: бабушка-Русь, блиц-поэт, внукоприемник, дедоватый, дедушка-оружейных-дел-мастер, отец-часовщик, пращуров, прокурор-отец, старухо, увнучить, часовщик, часовщический, юноша-инженер.

Наиболее интересными представляются следующие окказиональные слова, которые могут быть сведены в одно словообразовательное гнездо: «Кремлёвские Мойры – кормилицы, няньки и приживалки, в ненастье и в ведро вязавшие на скамейках Тайницкого сада, рассказывали, что мать и отец-часовщик мои жили счастливо и умерли в одночасье, приняв какие-то подслащённые порошки» (П:39); «Ветеран келейной организации часовщиков, он стоял у её истоков и был её вдохновенный вдохновитель» (П:11); «Так или иначе отошли на иные – пусть не всегда летальные – планы родные бабки и деды, тоже часовщики, мастера единственно верного, эмского времени» (П:39); «Будь лучшим, талантлвейшим представителем нашей часовщической молодёжи» (П:76); «Прямота дяди Юры располагала к отваге, и я заявил, что, конечно, готов пострадать за правую часовщическую идею, однако позволил себе усомниться в резонности собственной кандидатуры» (П:80); ««Ванна будет», сказал полковник и произвёл часовщический клятвенный пасс – знак тайны и скромной твёрдости» (П:82); «Совершенно иным предстаёт в моей памяти другой ветеран часовщической организации – тот, кому по соображеньям товарищей предстояло пасть от руки, составляющей данные строки» (П:84).

Эти новообразования комментируются следующим образом: «Аналогичного характера замена связана не обязательно с использованием архаизмов – это могут быть любые понятия, прозаизирующие, снижающие характеризующие явления политического ряда. Так, «часовщики» у Соколова – временщики, калифы на час, пытающиеся управлять временем; «часовщическая организация» - Коммунистическая партия; «келейная партия часовщиков» - ЦК КПСС; «часовщическая молодёжь» - комсомол» [5: 292]

Показательно, что слова часовщик, часовщический неоднократно употребляются в тексте романа «Палисандрия».

Так же неоднократно употребляется в романе и слово дедоватый: «И не любопытно ли, что газета, уведомившая меня относительно гибели моего дедоватого дяди и заодно смутившая всё течение моего сиротского бытия, была в равной степени чужеродной» (П:29); «И главное – каково

себя будет чувствовать сам дедоватый, вообразите» (П:36); «И мы не любили, когда, возникая на наших девишниках, вы с какой-то такой дедоватой прямо-таки иронией утверждали, что вечно блуждаете в наших головоломных закоулках и что наш ностальгический экзистенс элегически затерялся в кривоколенных и Староконюшенных подворотнях» (П:130). Значение этого новообразования – «являющийся родственником в третьем колене; троюродный; дядя отца или матери».

Тематическая группа «Жизнь» представлена всего 4 новообразованиями: «Тогда-то и начинают они приискивать себе жизнесмысл и, сами того не заметив, становятся завсегдагатами притонов, рабами своих нездоровых эмоций (П:182); «Мой умовывод пока что тот», говорил кто-то голосом, лишённым каких бы то ни было нот упования, «что суть нашего жизнесмысла непознаваема» (П:280); «Жизнефил, оптимист, дед тринадцати внуков, он недолголюбилвал смерть; она виделась ему унижительной» (П:213); «... одиннадцатилетняя, заячьегубая, пьянозачатая, - а ты на заре своей бедной юности просыпаешься...» (МСВ:110); «Предвестившие лета исход» (МСВ:32).

В тематическую группу «Смерть» включены следующие новообразования: «По совету своего бальзамолога я поместило «тутти» в прохладу и сухость собственной холостяцкой постели, причём неудобств это практически не доставило: ведь само-то я почивало по преимуществу в ваннных покоях, обитых на всякий случай пуленепробиваемой пробкой» (П:369); «Ударили отравление – раздался «некрополитанский танец» Чайковского – взвилась семафоры – вымпелы – поезд весь передёрнуло – лица моих людей прикипели к стёклам – вода в моей ванне вскипела – и яйца, яйца, что только что – впрочем, довольно о них – довольно – обрыдли – всю Западную Европу напропалу – яйца да яйца – паки и паки – круче и круче – невероятно – какая-то межеумочная – напролётная – безысходность – будто кто-то неправый, но грубый обрэк вас на эти яйца, как на галеры, - приговорил к ним пожизненно – приковал – принайтовил – а?» (П:143); «Декабря в четвёртый четверг, читай в Канун, шёл я из-за реки, выдвигаясь от некоторого вряд ли Вам знакомого погребальщика» (МСВ:8); «Сравнительная характеристика похоронно-процессуальных кодексов Нижней Мальты и Верхней Вольты» (П:42).

Своего рода промежуточным между этими тематическими группами можно считать новообразование изветшалый: «И щупальцами изветшалого мозга всё шарим и шарим в туманных провалах былого» (П:104); значение – «обветшалый». Состояние обветшалости, изветшалости – это переход от жизни к смерти, это ещё живое, но находящееся уже очень близко к мёртвому.

Внутренняя форма подавляющего большинства новообразований, входящих в тематические группы «Жизнь» и «Смерть» достаточно прозрачна, так что дополнительные комментарии здесь излишни.

Вне тематических групп оказалось слово староконюшенный в значении «относящийся к Староконюшенному переулку»: «И мы не любили, когда, возникая на наших девишниках, вы с какой-то такой дедоватой прямо-таки иронией утверждали, что вечно блуждаете в наших головоломных закоулках и что наш ностальгический экзистенс элегически затерялся в кривоколенных и староконюшенных подворотнях» (П:130).

Среди многочисленных работ, посвящённых концеп-

там, нет, пожалуй, ни одной, в которой новообразования рассматривались бы как составная часть какого-либо концепта, что вполне объяснимо, поскольку концепт представляет собой нечто устоявшееся, оформившееся, тогда как новообразования – это слова, только что возникшие, и возможность их вхождения в концепт весьма призрачна. В известных нам исследованиях, посвящённых анализу концепта время, новообразования как составная часть этого концепта если и рассматривались, то достаточно фрагментарно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабенко Н.Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 304 с.

2. Кузнецова В.А. Языковая экспликация хронотопа в постмодернистском тексте (на материале повести Саши Соколова «Школа для дураков»): Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 19 с.

3. Ланин Б.А. Постмодернистская проза Саши Соколова // Русский постмодернизм: Предварительные итоги: Межвузовский сборник научных статей. – Часть 1 / Под ред. Л.П.Егоровой. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – С.128-133.

4. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

5. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 1999. – 608 с.

6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБЪЕКТА И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Ильин А.А.,
аспирант,
кафедра теории государства и права,
Тольяттинский государственный университет

Ключевые слова: объект правонарушения, объективная сторона правонарушения, соотношение
Key words: object of an offense, objective party of an offense, ratio

Аннотация. В статье исследуются объект правонарушения и проблемы его соотношения с объективной стороной. Выявляются зависимости объекта правонарушения от объективной стороны состава правонарушения

In article the object of an offense and a problem of its ratio with the objective party are investigated. Dependences of object of an offense on the objective party of structure of an offense come to light

Остановимся на соотношении объекта правонарушения и объективной стороны правонарушения. Прежде чем перейти к проблемам соотношения этих двух категорий, необходимо определить само понятие «объект правонарушения». В отраслевых юридических науках и в теории государства и права сложилось несколько диаметрально противоположных точек зрения о понятии объекта правонарушения. Наиболее распространенной точкой зрения выступает трактовка объекта правонарушения как общественного отношения¹, одним из основоположников которой был известный дореволюционный ученый Н.С. Таганцев. По мнению Н.С. Таганцева, объектом правонарушения выступает норма права в «ее реальном бытии»², т.е. общественные отношения. Однако в последние годы в связи с развитием естественно-правовой доктрины стали утверждать, что теория объекта правонарушения как общественного отношения во многих случаях «не срабатывает» и занижает значение различных благ, свобод, интересов и т.п. В этой связи под объектом правонарушения стали понимать человека, блага, законные интересы, предметы материального мира³. Например, Е.В. Грызунова пишет: «Объект – нарушенное материальное или нематериальное благо, лежащее в основе отношений между людьми, защищаемых правом»⁴. Следует отметить, что концепции «объект правонарушения – правовое благо»; «объект правонарушения – интересы, ценности» не являются абсолютно новыми, их достаточно детально исследовали в зарубежной литературе, в которой объектом преступления называют субъективные права лица⁵; ценности как условие здорового существования общества; защищаемые право-

выми нормами жизненные интересы⁶; правовые блага⁶.

Думается, что развитие естественно-правовой теории не дает оснований для пересмотра общепризнанной концепции объекта правонарушения, которая рассматривает объект правонарушения как общественные отношения. Законные интересы⁷, правовые блага, ценности не существуют вне рамок общественных отношений. Это относится и к человеку, выступающему субъектом общественных отношений. Таким образом, все перечисленное входит в содержание общественных отношений и выступает в качестве его элементов. Поэтому любое правонарушение, причиняя вред определенным социальным благам (ценностям), человеку, предметам материального мира, в конечном итоге причиняет вред общественным отношениям. На наш взгляд, в этом состоит в самом общем виде суть объективного механизма воздействия правонарушения. Оно, воздействуя на определенные элементы общественных отношений, в конечном счете приводит к изменениям и в общественных отношениях¹⁰. Тезис о том, что общественные отношения выступают объектом правонарушения, подтверждается анализом российского и зарубежного законодательства. Например, в УК Дании в качестве объектов преступления называется безопасность, конституционный строй, независимость (пар. 8.)⁸. В КоАП РФ отмечается, что объектами правонарушений выступают общественная безопасность, отношения собственности, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и т.д. (ст. 1.1).

Как же соотносятся между собой объект правонарушения и объективная сторона правонарушения? Согласно приведенному определению деяние, которое совершает правонарушитель, посягает на общественные отношения и причиняет им вред⁹. Одной из характеристик вреда выступают негативные изменения в структуре общественного отношения. Таким образом, вред как один из признаков объективной стороны правонарушения и объект правонарушения тесно связаны между собой. Не уяснив характеристик вреда, нельзя уяснить и содержание тех общественных отношений, которые были нарушены и находились под правовой охраной.

1. См.: Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. - М.: Акад. МВД СССР, 1980. - С. 15; Галузин А.Ф. Правонарушения в публичном и частном праве: общая характеристика: Дис. ... канд. юрид. наук. - Самара, 1996. - С. 70; Теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева. - М.: Юрист, 2002. - С. 286; Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. - Л.: ЛГУ, 1983. - С. 32 и др.

2. Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - С. 9; Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. - М.: НОРМА, 2001. - С. 43

3. Грызунова Е.В. Правонарушение: юридический состав и его особенности. - Саратов, 2002. - С. 6.

4. Feuebach A. Lehrbuch des gemeinem in Deutschland gültigen Peinlichen Rechts Zissen, 1847. - S 45.

5. Binding K. Die Normen und ihre Ubertretung. В 1. - Leipzig, 1922. - S. 329.

6. Законные интересы нельзя признать объектом правонарушения и по другой причине. Законный интерес – категория субъективная, зависящая от воли и сознания субъекта, а также от его стремления к определенному результату. Получается, что если у субъекта, например, пропал внутренний интерес жить, то его жизнь не может выступать объектом посягательства, т.к. нет соответствующего объекта (интереса). Из данного положения и вытекает абсурдность концепции объекта правонарушения как определенного субъективного внутреннего интереса.

7. Ожегова Г.А. Объекты правонарушений: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. - Казань, 2006. - С. 10.

8. Уголовный кодекс Республики Дания. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - С. 18.

9. Мы принимаем во внимание условность самого выражения «деяние, которое посягает», т.к. в реальной действительности посягает не деяние, а правонарушитель.

Одними из признаков объекта правонарушения выступает предмет правонарушения и потерпевший. Для целого ряда правонарушений характерно причинение вреда общественным отношениям путем непосредственного воздействия на потерпевшего или на предмет правонарушения. Например, причинить вред общественным отношениям, обеспечивающим и охраняющим жизнь человека, возможно только путем воздействия на человека, а совершить уничтожение чужого имущества можно исключительно посредством воздействия на предмет правонарушения. Данное обстоятельство породило у некоторых ученых иллюзию, что объектом правонарушения выступают предметы окружающего нас мира¹⁰. Предмет правонарушения нельзя смешивать с объектом правонарушения. Прежде всего, они отличаются по своей сущности. Объект правонарушения – это общественное отношение, предмет – материальная вещь или интеллектуальная ценность. Кроме того, объект терпит урон всегда, а предмет – лишь в случаях, когда общественно опасное деяние выражается в уничтожении или повреждении имущества или других вещей материального мира. Из этого следует, что предмет правонарушения, а точнее, те неблагоприятные изменения, которые с ним происходят, отражают связь с деянием и общественно опасными последствиями. Иными словами, неблагоприятные изменения, происходящие с предметом правонарушения, характеризуют последствия, которые уже выступают признаком объективной стороны правонарушения. Так, в гражданско-правовой литературе отмечается, что результат гражданского противоправного действия непосредственно отражается на объекте правонарушения, т.е. на тех общественных отношениях, которые оказались объектом посягательства¹¹.

Понятие «объект правонарушения» достаточно абстрактно, а в практической деятельности вне связи с иными элементами состава правонарушения сложно судить, что именно выступало в качестве предмета правонарушения. Поэтому к выводу о том, какие общественные отношения были нарушены, правоприменитель зачастую приходит в результате анализа признаков объективной стороны правонарушения. Например, если вред человеку выразился в телесных повреждениях, которые не повлекли наступление его смерти, следует вывод, что объектом преступления выступали общественные отношения, охраняющие здоровье человека. Если последствия заключаются в наступлении смерти, то объектом преступления выступали уже общественные отношения, охраняющие жизнь человека. Таким образом, последствия, которые выступают признаком объективной стороны правонарушения, характеризуют и сам объект правонарушения. До момента совершения правонарушения объект правонарушения не претерпевает негативных изменений, а после совершения правонарушения негативные изменения, происшедшие в системе общественных отношений, являются уже признаком объективной стороны правонарушения, подчеркивая связь объекта и объективной стороны.

10. См., напр.: Слесарев В.Л. Объект и результат гражданского правонарушения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. – С. 16; Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. – М.: НОРМА, 2001. – С. 43 и сл.

11. Матвеев Г.К. Вина как основание гражданско-правовой ответственности по советскому праву: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Киев, 1951. – С. 9.

Время, место, обстановка характеризуют объективную сторону правонарушения. Одновременно общественные отношения протекают в определенной временной промежуток, в условиях конкретной обстановки. Во многих случаях сама обстановка является своеобразной совокупностью общественных отношений. Так, в ст. 1 ФКЗ РФ «О чрезвычайном положении»¹² указывается, что «чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией РФ и настоящим Федеральным законом на всей территории РФ или в отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти...». В ст. 1 ФЗ РФ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹³ дается понятие чрезвычайной ситуации: «... чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия...». Сами термины «особый режим», «чрезвычайная ситуация», «обстановка» характеризуют особенности совокупности общественных отношений, функционирующих на определенной территории.

Таким образом, получается, что обстановка выступает признаком объективной стороны правонарушения и одновременно характеризует сам объект правонарушения. Следует отметить, что место и время совершения правонарушения мы относим к признакам объективной стороны, исходя из диалектического понимания пространства, моментом которого является место и время как всеобщие атрибуты материи¹⁴. Объект правонарушения не может существовать вне определенных временных границ, места и конкретной обстановки.

Ученые отмечают, что исследование обстановки совершения конкретных преступлений показывает, что она в структурном отношении представляет собой совокупность (комплекс, систему) таких находящихся во взаимодействии друг с другом элементов, как человек, материальные предметы, природно-климатические и иные факторы, а ее внешняя форма и свойства определяются количеством и качеством входящих в нее элементов¹⁵.

Структура обстановки совершения правонарушений, как правило, формируется на характерных для определенных правонарушений объектах, явлениях, процессах и лиц, оказавшихся в пространственно-временных границах события правонарушения¹⁶. Процессы и обстановка неразрывно связаны с теми общественными отношениями, которые протекают на определенной территории, в рамках определенных временных границ. Причем нередко сама обстановка облегчает и предопределяет выбор объекта или предмета правонарушения, т.к. обстановка может способствовать совершению правонарушений. В этом смысле связь объекта и обстановки совершения правонарушения приобретает деликтологическое значение. Правонарушение как единый волевой акт характеризуется сложным психологическим процессом, на содержание которого ока-

12. Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

13. Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

14. См.: Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – С. 569.

15. Василяди А.Г. Обстановка совершения преступления и ее уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук., 1988. – С. 9.

16. Кулаков В.И. Обстановка совершения преступления и ее криминологическое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983. – С. 15.

зывает влияние сложная система внешних обстоятельств, воздействующих на человека¹⁷.

В действующем законодательстве мы находим отражение взаимосвязей объекта правонарушения и признаков, характеризующих объективную сторону правонарушения. Так, в пункте «л» ст. 63 УК РФ указывается, что совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия является обстоятельством, отягчающим наказание. В качестве квалифицирующего признака незаконной добычи водных животных и растений выступает совершение этого деяния в зоне экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации (п. «г» ст. 256 УК РФ). На наш взгляд, эти обстоятельства характеризуют не только объективную сторону преступления, но и сам объект правонарушения, отражая взаимосвязь объекта преступления и объективной стороны преступления.

Наш вывод можно подтвердить, рассмотрев проблему несколько в ином ракурсе. Такой основополагающий признак объективной стороны правонарушения, как деяние,

существует в неразрывной связи с самим субъектом правонарушения и неотделим от него. Другие признаки объективной стороны – время, место, обстановка – существуют вне зависимости от воли и сознания субъекта. Одновременно все эти признаки характеризуют сам объект правонарушения. Поэтому объективную сторону правонарушения можно называть внешней стороной с небольшой долей условности. Она является внешней лишь по отношению к субъективному, психологическому содержанию деяния.

При этом мы не утверждаем, что время, место и обстановка являются признаками объекта правонарушения, и не ломаем устоявшиеся представления о понятии объективной стороны, а только подчеркиваем, что эти признаки более детально раскрывают соотношение объекта и объективной стороны правонарушения и находятся друг с другом в диалектическом единстве. Здесь уместно вспомнить и то, что расчленение правонарушения и его состава на элементы, относящиеся к объективным и субъективным признакам, является условным и в некотором смысле искусственным.

17. Волков В.С. Мотивы преступления. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – С. 73.

ПОЛЕМИКА С РОМАНТИЧЕСКОЙ И НЕРОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКОЙ В ДИЛОГИИ Д.К.ДЖЕРОМА
«ТРОЕ В ЛОДКЕ ...» / «ТРОЕ НА ВЕЛОСИПЕДАХ»

Карасева Т.Б.,
аспирант кафедры романской филологии,
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Ключевые слова: Д.К.Джером, неоромантизм, романтизм, пародирование, музыка в литературе, путешествие
Keywords: J.K.Jerome, music in fiction, travel in literature, romanticism and neoromanticism in literature

Аннотация. В статье рассматривается присутствие характерных для поэтики романтизма и неоромантизма мотивов и образов в повестях Д.К.Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» и «Трое на велосипедах».

Polemic use of typical romantic and neoromantic motives and imagery, i.e. music, travel, romantic hero etc. in *Three Men in a Boat* and *Three Men on a Bummel* by J.K.Jerome is investigated.

Творчество Д.К.Джерома традиционно рассматривается в русле реалистической поэтики¹, при этом внимание обращается в первую очередь на развлекательный характер его произведений² либо на сатирическое и критическое отображение тех или иных черт современной (разумеется, английской буржуазной) действительности. Представляется целесообразным взглянуть на творчество писателя с несколько иной стороны, а именно с точки зрения присутствия и переосмысления в произведениях Джерома К. Джерома элементов романтической поэтики.

Творчество Д.К.Джерома вполне созвучно поискам, которые вела британская культура (не только художественная, если вспомнить публицистическую деятельность Джерома-журналиста, редактора, издателя) рубежа прошлого с позапрошлого столетий. При этом многие топосы, мотивы и темы, привлекавшие современников Д.К.Джерома, находили в его творчестве, в частности, в беллетристике, нестандартный, а порою и неожиданный отклик. Чрезвычайно важным представляется тот факт, что в творчестве Джерома К. Джерома объектом пародирования и проблематизации становятся не только элементы романтической и пост-романтической (в частности, символистской) поэтики и эстетики, но и те или иные черты, характерные для литературы неоромантизма, где, как известно, романтическое видение человека подвергается принципиальному пересмотру, что, разумеется, приводит к трансформации основных романтических топосов и концептов.

В качестве примера достаточно было бы привести, скажем, обсуждение английского национального характера и британской идентичности в повести «Трое на велосипедах».

1. Ср., например: Джером вошел в историю английской литературы «рубежа веков», как писатель-реалист, возродивший традиции английского юмора, переосмысливший жанр эссе, создавший в своих рассказах образ «маленького человека», сохранившего в борьбе за жизнь чувство собственного достоинства, любовь к близкому, самобытность природы» [Садомская, Типология малых жанров в прозе Джерома К. Джерома (1885-1916): дисс. канд. филол. наук 10.01.05 Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии. М., 1984. с. 14] и мн. др.

2. Показательно мнение Маркиша: «И в самом деле, это легкая, светлая и непритязательная книга, шумный, веселый фарс с бесконечным разнообразием комических положений, написанный (как верно замечает один писатель) молодым человеком для молодежи, а также и для тех пожилых людей, которые не забыли, как радостно и беззаботно смеются в молодости» Маркиш С. Предисловие // Джером К. Джером. Избранные произведения в 2-х т. – М.: ГИХЛ, 1957.

дах» или квази-научное исследование специфики немецкого менталитета и немецкой культуры и лингвокультуры в повести «Трое на велосипедах», предполагающие пародийную эксплуатацию тем и мотивов, характерных для Конрада, Стивенсона, Киплинга, Хаггарда – писателей, близких Д.К.Джерому по эстетическим, а подчас и идейным позициям и традиционно рассматриваемых в русле поэтики неоромантизма. В первую очередь речь должна идти, по-видимому, о пародийном травестировании имперской идеи, важной для неоромантической литературы и викторианского сознания в целом³, а также об этнографических мотивах, легко обнаруживаемых и в романах Киплинга и Хаггарда, и в публицистике многих поздних викторианцев, которые, в свою очередь, безусловно несут полемическое переосмысление романтического топоса чужого и, одновременно, продолжают и развивают поиски романтиков, связанные с категориями народности и историзма.

Аналогично, обращение к космической (небесной) топике в творчестве современных Д.К.Джерому писателей (в особенности, разумеется, неоромантиков) связано с двумя разнонаправленными модусами, определяющими бытование английской (как и континентальной) литературы рубежа столетий: космическая образность как атрибут обращения к научно-технической проблематике и тематике, нашедшей свое выражение в активной эксплуатации темы и образов научных достижений, в частности, в формирующейся художественной фантастике (Г.Уэллс, А.К.Дойл), и как неотъемлемый атрибут романтической и пост-романтической (в частности, символистской) поэтики и эстетики. Д.К.Джером эксплуатирует обе эти тенденции, обе сферы употребления космической лексики и космической образности, целенаправленно stalkивая их и, тем самым, проблематизируя, тщательно транспонируя романтическое (поэтическое) в сферу бытового, приземленного и, напротив, переводя научную (рационалистическую) топикку в область недостоверного, вне-рационального. В качестве показательного примера можно упомянуть два отрывка из дилогии «Трое в лодке ...» / «Трое на велосипедах».

В первом из них («Трое в лодке ...», глава 2) слово «stars» встречается, в предложениях, слишком длинных для цитирования, дважды – довольно много, если учесть, что всего в повести присутствуют лишь шесть его употреблений (в единственном числе – ни разу). Этому чрезвычайно (чрезмерно) поэтичному описанию идиллической картины свойственно гипертрофированно обильное употребление и других «слов-сигналов» (термин Л.Я.Гинзбург), характерных для романтической поэтической традиции, в сочетании с сверхчастотным использованием персонификации (golden memory, dead sun, hearts, sad clouds, birds,

3. Подробнее см., в частности: Scheick, William J. Going to find Stanley: imperial narratives, shilling shockers, and Three Men in a Boat // *English Literature in Transition (1880-1920)* (50:4), 2007. P. 403-414.

song, plaintive cry, couch of waters, dying day, dim woods, Night's, shadows, river, Night, somber, black wings, darkening world, phantom, pale stars), завершается явным снижением за счет упоминания такого непоэтического элемента бытия, как ужин (and the frugal supper cooked and eaten), а продолжение упоительного рассказа о возможном счастье на лоне девственной природы обрывается приземленной ремаркой Гарриса: «How about when it rained?», которая вводит неприемлемый для романтической поэтики и романтического миропонимания, культивирующего противопоставление возвышенного, поэтического, духовного утилитарному, практическому, полезному, мотив удобства, комфорта – прием, очень характерный для джеромовской полемики с романтизмом и романтичностью. Не случайно сразу после этой фразы следует обвинение Гарриса в приземленности и не-поэтичности, где в качестве маркера поэтичности используется именно романтическая (и постромантическая) топика: You can never rouse Harris. There is no poetry about Harris - no wild yearning for the unattainable.

Таким образом, слово stars используется именно в качестве слова-сигнала, маркера поэтичности, причем всякий раз сама эта поэтичность становится объектом проблематизации и пародийного переосмысления, осуществляемого путем введения чуждых романтической образности мотивов и топика, в первую очередь топика телесности. Пожалуй, наиболее часто этой цели служат постоянные упоминания еды и гастрономическая топика. Помимо уже цитированного упоминания ужина, отметим «развенчание» не-романтичности Харриса, где обыгрывается поэтическое преувеличение «слезы на глазах», выступающее как знак сентименталистской и романтической чувствительности, причем средством снижения вновь оказывается глоттоническая образность:

Harris never «weeps, he knows not why.» If Harris's eyes fill with tears, you can bet it is because Harris has been eating raw onions, or has put too much Worcester over his chop.

Явственным выражения такой функции гастрономических образов становится описание ужина в главе X, завершающееся пространной тирадой о значении еды для жизнедеятельности человека:

It is very strange, this domination of our intellect by our digestive organs. We cannot work, we cannot think, unless our stomach wills so. It dictates to us our emotions, our passions и т.д.

Тезис о победе желудка над разумом представляет собой пародийное снижение важного для романтизма тезиса о примате чувства, страсти над разумом, рассудительностью, добропорядочностью; не случайно длинное и избилующее гастрономическими образами рассуждение заканчивается недвусмысленной отсылкой к поэтике романтизма, вновь реализуемой с помощью образа звезд: and soar, a god-like spirit, over the whirling world beneath you, up through long lanes of flaming stars to the gates of eternity!».

Повесть «Трое на велосипедах» представляет собой продолжение повести «Трое в лодке, не считая собаки»: те же герои вновь после длительных обсуждений предпринимают путешествие, которое должно одновременно и вывести их из мира повседневности (явная апелляция к романтическому дискурсу), и не стать чрезмерно опасным либо утомительным (пародийное снижение романтического мотива странствия). При этом если в повести «Трое в лодке, не считая собаки» космическая топика (образы звезд, луны, солнца) используется исключительно для пародиро-

вания романтического дискурса, то в следующей повести романтическая образность демонстративно, маркировано отсутствует, причем само это отсутствие становится средством полемики с романтической поэтикой. Если в первой повести мы находим шесть употреблений слова stars, каждое из которых связано с поэтичным описанием либо глубокомысленной сентенцией, то в повести «Трое на велосипедах» это слово используется всего один раз в контексте, исключающем поэтичность и предполагающем уже апелляцию не к (псевдо-) романтической образности, но напротив, к рационалистическому, научному языку:

History is fond of her little ironies. In this same Teynkirche lies buried Tycho Brahe, the astronomer, who made the common mistake of thinking the earth, with its eleven hundred creeds and one humanity, the centre of the universe; but who otherwise observed the stars clearly.

Фраза об ироничности истории безусловно отсылает к романтическому дискурсу, романтической увлеченности историей. Многочисленные исторические экскурсы в обеих повестях пародируют (либо, как минимум, пародийно снижают) одновременно и романтическое увлечение историей, в первую очередь средневековой, как места сильных страстей и ярких красок, недоступных современности (ср. хотя бы романы Вальтера Скотта), и характерное для неоромантиков тяготение к этнографичности, научной (точнее, научно-популярной) точности, которая становится принципиально важной и для неоромантической публицистики, и для романов А.К.Дойла, Р.Хаггарда, Р.Киплинга.

Аналогичной трансформации подвергается в повести и иная лексика, связанная с космической тематикой. Так, образы луны и солнца в поэтическом дискурсе традиционно противопоставляются, причем в романтической и, особенно, постромантической поэтике образ луны, связанный с топикой изменчивости, ненадежности, эфемерности бытия и, соответственно, с темой грусти и мотивом смерти, актуализируется значительно чаще, чем образ солнца, связанный в первую очередь с мотивами и темами радости, надежды, счастья. У Дж.К.Джерома слово sun встречается значительно чаще, чем слово moon, используемое исключительно для (разумеется, пародийного) маркирования романтической топика (It was a stormy-looking night, with heavy clouds drifting over a light moon in рассказе о веселом розыгрыше). Образ солнца при этом абсолютно лишается всякой поэтичности, становясь в первую очередь индикатором порядка – той самой обыденной размерности, с которой так не ладили романтики: And the sun is always shining and the roads are always dry (эта фраза следует почти сразу же за упоминанием возможности восприятия солнца в ином, романтическом и поэтическом контексте:

Thus it is that we see him rising on his pedals as he nears the top of some high hill to apostrophise the sun, or address poetry to the surrounding scenery).

Чрезвычайно наглядно столкновение двух дискурсов – научного, рационалистического и поэтического, – оба из которых становятся недостоверными, ненадежными именно в силу противопоставленности «нормальному», обыденному, проявляется в сценке анализа стихотворения на уроке литературы (конец V главы): в результате «препарирования» и «онаучнивания» простого и внятного поэтического текста он лишается поэтичности и красоты, отнюдь не становясь ни рациональным, ни глубоким;

«A dark and gloomy wood,» repeated the Professor, with evident approval. «And why was it dark and gloomy?»

The third boy was still equal to the occasion.

«Because the sun could not get inside it.»

The Professor felt he had discovered the poet of the class.

«Because the sun could not get into it, or, better, because the sunbeams could not penetrate. And why could not the sunbeams penetrate there?»

«Please, sir, because the leaves were too thick.»

«Very well.» said the Professor. «The girl lived in a dark and gloomy wood, through the leafy canopy of which the sunbeams were unable to pierce».

Весьма показательным видится и упоминание поэзии, причем вне научного, профессионального контекста, а также рассуждения о недостоверности литературных пейзажей в предыдущем абзаце (An American friend of mine, a cultured gentleman, who loved poetry well enough for its own sake...), а также ироничный вывод, касающийся не омертвляющего поэзию псевдонаучного анализа, но, напротив, потенциальной (не-) достоверности литературного пейзажа (и, следовательно, художественного высказывания в целом):

I have dwelt upon this incident, because it seems to me suggestive of the whole question of scenery in literature... With all due deference to the poet, whoever he may have been, one cannot but acknowledge that his wood was, and could not be otherwise than, «the usual sort of a wood.»

Аналогичному переосмыслению подвергаются и другие важнейшие для романтизма мотивы и топосы, в первую очередь моря и музыки.

Если в литературе английского (и, под ее влиянием, русского) романтизма образ моря связан в первую очередь с символикой свободы и рока, а путешествие по морю, соответственно, наполнено смыслами протеста, бунта, своеволия и пр. (поэмы Байрона, «Сказание о Старом Мореходе» Кольриджа и мн. др.), то в литературе неоромантизма, сохраняя внешние признаки романтического путешествия (опасность, экзотика и т.д.), перемещение по морю лишается этих важных смыслов (Стивенсон, Конрад), приобретая (взамен) иные, важные для европейского сознания рубежа веков либо для британского сознания эпохи позднего викторианства смыслы, связанные с освоением новых территорий, приобщением к неведомым культурам, расширением знания и пр. Описывая путешествие чудаковатых, но постоянно апеллирующих к анти-романтическому концепту нормы, порядка, обыденности джентльменов, Джером К. Джером последовательно и целенаправленно отказывается от изображения моря, превращая морское путешествие в познавательное плавание по реке, причем все приключения, переживаемые его героями, становятся пародийным (сниженным) отражением многочисленных опасностей, которым подвергаются персонажи уже не столько романтического, сколько неоромантического приключенческого романа, точно так же, как в повести «Трое на велосипедах» Шварцвальд, по которому путешествуют его персонажи, выступает в качестве снижающего субститута киплингской Индии или хаггардовской Африки.

Не только для собственно художественной литературы – в первую очередь, разумеется, для приключенческого романа – но и для нехудожественных жанров конца 19 века путешествие приобретает особую ценность. Своеобразие путешествия в повестях Д.К. Джерома заключается, в частности, в сочетании и комбинировании двух принципиально важных для культуры викторианской Англии дискурсов, разрабатывающих тему и мотив путешествия – художе-

ственного (неоромантический приключенческий роман) и публицистического (путевой очерк, дневник и т.п.)⁴.

Введение в текст публицистических элементов – существенный прием, используемый писателями-неоромантиками. Так, и у Р.Киплинга («Ким», «Книга джунглей»), и у Р.Хаггарда («Копи царя Соломона», «Дочь Монтесумы») мы встречаем подробные и информативные описания местной природы, нравов и обычаев местных жителей, их быта и истории и т.п., не связанные непосредственно с основным сюжетом, причем эти описания связаны не (или, во всяком случае, не только) с романтической экзотичностью, но выполняют в первую очередь «просветительную» функцию, знакомя британского читателя с окружающим миром, который воспринимается в первую очередь как мир осваиваемый (колонируемый)⁴; не случайно, как правило, писатели-неоромантики (Хаггард, Честертон, Киплинг и мн. др.) занимались не только собственно художественным творчеством, но и публицистикой. В повестях Д.К. Джерома аналогичная информация вводится главным образом посредством авторских отступлений, представленных в виде своеобразных исторических («Трое в лодке»), культурологических или даже лингвокультурологических («Трое на велосипедах») экскурсов, а также рассуждений на социальные, социально-бытовые, эстетические и т.п. темы, прямо не связанных с основной сюжетной линией и по сути представляющих собой небольшие очерки, фелетоны, зарисовки и иные публицистические тексты. По справедливому замечанию Н.Д. Садомской, «Путешествие по Темзе выступает своеобразным стержнем, на который нанизываются рассказы о событиях, непосредственно с данным путешествием не связанных: различные анекдоты, бесконечные «случаи» и «истории»», поскольку «не успев отчалить от берега, лодка повествования, как правило, тотчас же останавливается, отягощенная новыми сериями анекдотов, историй, воспоминаний»⁵, которые, заметим, также нередко связаны с темой путешествия⁶.

Важно отметить, что у писателей-неоромантиков публицистическое и беллетристическое творчество обычно все же составляло две различные, хотя и взаимосвязанные и взаимоотражающие части творческого наследия. Это, в частности, объясняется принципиальной разнонаправленностью языка художественной литературы и публицистики, которая приводит к тому, что при всей внешней схожести предмета изображения, сама репрезентация осуществляется совершенно иными средствами и с иных позиций. Так, Т. Г. Струкова отмечает существенные различия в изображении морского путешествия и вообще событий, происходящих на море, в романе и в публицистике: «Очерковый дискурс отличается от романного, он передает ... события глазами очевидца и не претендует на создание условной реальности⁷. В отличие от произведений других писателей рубежа веков, в повестях Д.К. Джерома элементы художественного и публицистического вступают во взаимодействие, они переплетены и нередко трудно дифференцируемы, хотя преобладающим все же оказывается именно фикциональное, художественное на-

4. Подробно о жанровом многообразии литературы путешествий в английской публицистике викторианства см. Савлюкова Н.Н. Публицистическая и автобиографическая проза Генри Райдера Хаггарда: дисс. ... канд. филол. н. Самара, 2010.; в частности, п. 2.1. Поэтика викторианской путевой прозы, с. 64-76.

5. Там же, п. 2.2.

6. Там же

7. Струкова, Т. Г. К становлению и развитию жанра: морской роман // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 206.

чало. Более того, в повести «Трое на велосипедах» прямо (причем именно прямо, т.е. языком, свойственным очерку, а не фикциональному тексту) декларируется немислимый для публицистического, да, пожалуй, и художественного произведения эпохи отказ от достоверности, информативности и полезности:

I wish to be equally frank with the reader of this book. I wish here conscientiously to let forth its shortcomings. I wish no one to read this book under a misapprehension.

There will be no useful information in this book.

Anyone who should think that with the aid of this book he would be able to make a tour through Germany and the Black Forest would probably lose himself before he got to the Nore. That, at all events, would be the best thing that could happen to him. The farther away from home he got, the greater only would be his difficulties.

I do not regard the conveyance of useful information as my forte. This belief was not inborn with me; it has been driven home upon me by experience.

При этом такое сочетание и комбинирование публицистических и фикциональных элементов не просто отражает общую тенденцию эпохи, связанную с обновлением всей жанровой системы и всего художественного языка, но в первую очередь связано с пародированием романтических (прежде всего), но также и неоромантических штампов, мотивов и сюжетных ходов; более того, объектом пародирования и проблематизации могут одновременно становиться элементы и романтической, и полемизирующей с ней неоромантической поэтики.

Так, единственной целью путешествия в обеих повестях позиционируется желание отдохнуть, развеяться. Если в повести «Трое на велосипедах» потребность в «смене обстановки» вербализуется в самом начале, уже в первом предложении:

«What we want,» said Harris, «is a change.»

то в повести «Трое в лодке, не считая собаки» разговор о путешествии заходит непосредственно после того, как трое друзей закончили трапезу, необходимую для восстановления после долгого и изнурительного обсуждения общественной утомленности.

We sat there for half-an-hour, describing to each other our maladies. I explained to George and William Harris how I felt when I got up in the morning, and William Harris told us how he felt when he went to bed; and George stood on the hearth-rug, and gave us a clever and powerful piece of acting, illustrative of how he felt in the night.

При всей комичности и ироничности этого обсуждения (знаменитая вставная новелла о вреде чтения медицинской энциклопедии, имплицитные и эксплицитные указания на вымышленный и фантазийный характер «заболеваний»⁸), как и описания самого обеда (I must have been very weak at the time; because I know, after the first half-hour or so, I seemed to take no interest whatever in my food - an unusual thing for me - and I didn't want any cheese), в нем явственно проявляется характерная для всей диалогической тенденции к пародийному снижению (в частности, за счет введения мотива телесности и прозаизации) традиционных романтических топосов разочарования, тоски, мировой скорби:

What it was that was actually the matter with us, we none of us could be sure of; but the unanimous opinion was that it - whatever it was - had been brought on by overwork. «What

we want is rest,» said Harris. «Rest and a complete change,» said George. «The overstrain upon our brains has produced a general depression throughout the system. Change of scene, and absence of the necessity for thought, will restore the mental equilibrium.»

Эта «потребность в отдыхе» как главная причина путешествия пародирует романтическое путешествие как способ ухода от повседневности, от скучного, унылого и потому безобразного мира («Паломничество Чайльд-Гарольда»). На это совершенно явственно указывает реакция на предложение Джорджа, в которой упоминание «толпы» и «девятнадцатого века», а также характерные «слова-сигналы» (Л.Я.Гинзбург) dream, fairies, Time, waves, faint, которые отчетливо актуализируют традиционные романтические топосы отрешенности от обыденности и суесть, уединения вдали от пошлого и механического мира бездушности цивилизации:

I agreed with George, and suggested that we should seek out some retired and old-world spot, far from the madding crowd, and dream away a sunny week among its drowsy lanes - some half-forgotten nook, hidden away by the fairies, out of reach of the noisy world - some quaint-perched eyrie on the cliffs of Time, from whence the surging waves of the nineteenth century would sound far-off and faint.

Вместе с тем, позиционирование путешествия как средства развлечения, отдыха абсолютно противоречит и поэтике неоромантизма, где путешествие всегда связано с некой важной целью, будь то поиски сокровищ («Остров сокровищ» Р.Л.Стивенсона), работа («Тайфун» Д.Конрада), освоение новых земель и, соответственно, выполнение колонизаторской миссии («Доктор Дулитл и его звери» Х.Ллофтинга, романы Хаггарда) либо вызвано внешними, не зависящими от желания путешественника причинами. Описывая тщательный выбор маршрута предстоящего путешествия, Д.К.Джером постоянно актуализирует и романтическую топику и образность, которые подвергаются настойчивому и последовательному пародийному снижению, и неоромантические мотивы (общественной) пользы, целесообразности, познавательности.

Аналогичную функцию пародийного снижения романтического мотива (но также и преемственной по отношению к романтической поэтике неоромантической темы) трудностей и опасностей, которые приходится преодолевать героям, выполняют многочисленные описания неудобств, с которыми сталкиваются джеромовские персонажи, поскольку все эти лишения носят подчеркнуто бытовой либо анекдотический характер. Соответственно, крайне «глубокомысленные» сентенции, которыми подчас сопровождаются подобные описания, не только служат созданию комизма, но и явственным образом пародирует характерное для романтической поэтики и эстетики стремление к обобщению, универсальности:

And that was their gratitude to me for having brought them and their wretched old boat all the way up from Kingston, and for having superintended and managed everything for them, and taken care of them, and slaved for them. It is the way of the world.

Что же касается топоса музыки, в обеих повестях часто встречаются «музыкальные» образы, микрообразы и т.д. непосредственно не связанные с основной сюжетной линией произведений, причем их настойчивое, даже, пожалуй, демонстративное присутствие не выполняет композиционно-сюжетную функцию; более того, частое

8. George FANCIES he is ill; but there's never anything really the matter with him, you know.

присутствие «музыкальных» сцен в значительной степени противоречит поэтике жанров приключенческого романа и романа-путешествия, которые со всей очевидностью составляют основу диалогии Д.К.Джерома на уровне внешней композиции. Мотивы и образы, связанные с музыкой, элементы музыкальной топики и другие формы актуализации топоса музыки также участвуют в пародировании музыкальной образности и обращения к теме музыки у писателей-романтиков и, таким образом, полемике с романтизмом и проблематизацию романтической поэтики, столь важные для произведений Д.К.Джерома.

Как известно, для европейских писателей-романтиков музыка очень важна, была совершеннейшим видом искусства, выражением его сути. Не случайно, например, Э.Т.А. Гофман называл музыку «самым романтическим из всех искусств...единственно подлинно романтическим». По меткому замечанию Н.Я.Берковского «Жизнь с ее тайным поступательным движением в вещах, в телах романтики именовали музыкой. Необыкновенный культ музыки у романтиков тем и объясняется: музыка выражает бытие самого бытия, жизнь самой жизни, чуть ли не совпадает с ними. Тайна жизни, как бы ни были мы от нее далеки в нашей жизненной практике, уже доступна нам через музыку»⁹.

Музыка пронизывает творчество писателей-романтиков и на уровне системы персонажей (вспомним хотя бы образы музыкантов у Гофмана, у Ж.Санд), и как тема и предмет изображения, (описание музыки, которую играет персонаж, предпочтительнее психологического анализа по его же поводу – «персонажам романтиков достаточно сыграть музыку, свою или чужую, чтобы дать знать о себе, кто они такие. Для романтиков самый естественный способ воссоздать человека через лирику и музыку. Это прямая связь с его душой, с непочатым в ней, с тем, что не профанировано в ней современниками и их бытом»¹⁰). При всем многообразии функций и вариантов присутствия музыкальной образности в произведениях писателей-романтиков основная ее особенность (и, пожалуй, важнейшая глубинная причина активного обращения романтиков к музыке и музыкальности) – маркирование сферы возвышенного, области идеального, противопоставленного прозе «не-музыкальной» по своей природе обыденности. Так, например, Н.Я.Берковский отмечает, что у романтиков «постылая проза в контрасте с музыкой приобретала небывалую резкость физиономий», в частности, творчество Э.-Т.-А. Гофмана «сводится к великой коллизии между музыкой и бюрократически-бюргерским строем жизни»¹¹. Джером К. Джером воспроизводит и даже акцентирует свойственное романтикам восприятие музыки как возвышенного, «романтического», принадлежащего к области идеального, однако всякий раз такое романтическое восприятие музыки разрушается и дискредитируется. Так, например, в Главе 1 повести «Трое на велосипедах» Гаррис описывает предполагаемый совместный семейный отдых, пародируя характерный для романтического (точнее, унаследованный романтиками от литературы сентиментализма) топос идиллического и пасторального, используя упоминание музыки как неотъемлемого атрибута идиллии:

We will picnic in the woods—there will only be eleven of

us,— and in the evenings we will have music and recitations.

Однако уже в этом эпизоде идиллическое разрушается, «музицирование» связано скорее с докучной обузой, чем с наслаждением искусством:

Muriel is master of six pieces already, as perhaps you know; and all the other children are quick studies.

Этот эпизод перекликается с Главой 19 повести «Трое в лодке, не считая собаки», где музыка (игра Джорджа на банджо) не утешает и не поддерживает в минуту невзгоды (вернее, непогоды), а напротив, становится пыткой, вследствие чего музыка не может выполнять характерную для романтического произведения функцию спасительного средства, позволяющего преодолеть разрыв между идеалом и скучной реальностью

... in a weak moment I suggested that George should get out his banjo, and see if he could not give us a comic song. I will say for George that he did not want any pressing. He at once fished out his instrument, and commenced to play «Two Lovely Black Eyes.» I had always regarded «Two Lovely Black Eyes» as rather a commonplace tune until that evening. The rich vein of sadness that George extracted from it quite surprised me...

There we broke down. The unutterable pathos of George's accompaniment to that «two» we were, in our then state of depression, unable to bear.

Гиперболическое преувеличение эффекта, производимого музыкой на слушателей (Harris sobbed like a little child, and the dog howled till I thought his heart or his jaw must surely break), может рассматриваться как пародирование романтического стремления к универсальности, созданию гигантских мифологем¹²; это отчетливо видно и в эпизоде в Главе 14 этой же повести, где игра на волынке приводит к серьезным последствиям для здоровья мирных обывателей; не случайно этот эпизод заканчивается показательной сентенцией, напоминающей романтические обобщения:

You want to be in good health to play the bagpipes.

Эти эпизоды также служат примером пародирования Джеромом романтического образа (топоса) непонятого гения, творца (музыканта), которого не понимают, над которым смеются люди. Для романтизма и романтической иронии вообще очень важно противопоставление поэта – не понимающей его толпе, яркой личности – черни, музыканта – обывателю. В повести «Трое в лодке, не считая собаки» такими отвергнутыми бездушным обществом непонятыми гениями оказываются и молодой человек, который учился играть на волынке, преодолевал сопротивление своей семьи, и Джордж, который «так до сих пор и не научился играть на банджо. Он встретил слишком мало поддержки у окружающих». При этом, разумеется, речь должна идти именно о сознательном, эксплицитном пародировании романтического образа непонятого гения. В романтическом произведении образ поэта (музыканта), подвергающегося нападкам и агрессии со стороны обывателей, также может быть подан вполне иронически: романтическая ирония не знает границ и не допускает какой бы то ни было однозначности¹³, однако в любом случае исключительность (в

12. Ср.: «Одна из определяющих черт романтизма - осознанная установка на создание обобщающих символических образов ... Абсолютизация, придание универсального смысла, классификация индивидуального момента, индивидуальной ситуации и т. д. - составляет существо всякого претворения в романтизм». «Придание универсального смысла», иными словами - мифологизация, и есть романтическая обработка. Тертерян И.А. Человек мифотворящий: О литературе Испании, Португалии и Латинской Америки. М.: Советский писатель, 1988., с. 23, 24).

13. Берковский Н.Я. Указ. соч., с.84-94

9. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л.: Художественная литература, 1973. С. 32

10. Там же, с. 55

11. Там же, с. 152

том числе и исключительная одаренность), идеальность (в смысле принадлежности к сфере возвышенного и идеального), одухотворенность Поэта, Музыканта не подвергается сомнению. В повестях Д.К.Джерома, напротив, занятия музыкой постоянно позиционируются как нечто вполне обыденное и связанное не с озарением и вдохновением, не с исключительным и редким даром, ниспосланным свыше, но с работой и тренировкой:

I pictured Ethelbertha playing in the evening—something with a chorus, in which, perhaps, the crew, with a little training, might join—while our moving home bounded, «greyhound-like,» over the silvery billows. («Трое на велосипедах», Глава 1)

My friend used to get up early in the morning to practise, but he had to give that plan up, because of his sister. («Трое в лодке, не считая собаки», Глава 14)

He tried on two or three evenings, while we were up the river, to get a little practice, but it was never a success. («Трое в лодке, не считая собаки», Глава 14)

As every German is a trained singer, and as most of them have fair voices, the general effect is striking. («Трое на велосипедах», Глава 13)

Соответственно, образ музыканта, как это видно из приведенных цитат, лишается какой бы то ни было исключительности; не случайно эпизод с игрой Джорджа на банджо и анекдот о молодом человеке, который пытался освоить волынку, разграничены (т.е. одновременно отделены и связаны) сентенцией, в которой актуализируются топосы общественной пользы, учебы (труда), но никак не романтической исключительности:

It must be disheartening work learning a musical instrument. You would think that Society, for its own sake, would do all it could to assist a man to acquire the art of playing a musical instrument. But it doesn't!

При том, что и банджо, и волынка – инструменты вполне экзотические (отсылка к романтической и неоромантической увлеченности экзотикой, необычным, неизведанным; ср. также фразу «Его мать говорила, что звуки волынки ... напоминают ей о ее несчастном отце - беднягу проглотила акула, когда он купался у берегов Новой Гвинеи»), ординарность и не-исключительность (повседневность) занятий музыкой (и музыки как таковой) акцентируется и за счет постоянного введения маркеров обыденности, ординарности:

Harris's language used to be enough to unnerve any man; added to which, Montmorency would sit and howl steadily, right through the performance. It was not giving the man a fair chance.

«What's he want to howl like that for when I'm playing?» George would exclaim indignantly, while taking aim at him with a boot.

«What do you want to play like that for when he is howling?» Harris would retort, catching the boot. «You let him alone. He can't help howling. He's got a musical ear, and your playing MAKES him howl.»

There is, it must be confessed, something very sad about the early efforts of an amateur in bagpipes.... You want to be in good health to play the bagpipes.

В этих эпизодах «непонятый гений» перестает быть явлением исключительным, а музыка подвержена влиянию моды точно так же, как любое другое, самое обыденное явление. Это видно, например, из эпизода в Главе 8 повести «Трое в лодке, не считая собаки», где экзотическое

банджо воспринимается как «какой-то странный пакет», обернутый к тому же во вполне приземленную клеенку и внешне схожий с самой обыденной сковородой, а само музицирование связано и с модой (обратим внимание на слово «все»), и с учебой по самоучителю, не имеющей никакого отношения к исключительности и возвышенности романтического гениального музыканта:

Музыкальные инструменты упоминаются у Джерома в будничных, бытовых контекстах. Так, в Главе 2 повести «Трое на велосипедах» пианино – лишь предмет интерьера, вызывающий только приземленные хлопоты и неудобства:

«Could you ever notice,» said Harris, «any difference between one piano and another?»

«Some of them seem to be a bit louder than others,» I answered; «but one gets used to that.»

«Ours is all wrong about the treble,» said Harris. «By the way, what is the treble?»

«It's the shrill end of the thing,» I explained; «the part that sounds as if you'd trod on its tail. The brilliant selections always end up with a flourish on it.»

«They want more of it,» said Harris; «our old one hasn't got enough of it. I'll have to put it in the nursery, and get a new one for the drawing-room.»

В Главе 1 повести «Трое на велосипедах» музыкальный инструмент упоминается в рекламном объявлении вместе с «новым прачечным оборудованием»

Two cabins and saloon; pianette, by Woffenkoff; new copper. Terms, 10 guineas a week. --Apply Pertwee and Co., 3A Bucklersbur.

У Джерома романтическое, поэтическое снижается и переводится в сферу бытового, приземленного. Музыка связана уже не с идеальным, а с бытовым, приземленным. Так, в Главе 2 повести «Трое на велосипедах» музыка преподносится сугубо приземленно в виде уроков и упоминается среди домашних хлопот, символизирующих именно прозу жизни, в одном ряду со счетом от мясника и настойкой ревеня:

Forget for a little while that children want music lessons, and boots, and bicycles, with tincture of rhubarb three times a day; forget there are such things in life as cooks, and house decorators, and next-door dogs, and butchers' bills.

У романтиков мир музыки и мир немusicalный – антитезы. Общественные и политические отношения людей музыке враждебны. Джером же связывает музыку с правилами, регламентированностью, порядком.

In Germany you must not leave your front door unlocked after ten o'clock at night, and you must not play the piano in your own house after eleven. In England I have never felt I wanted to play the piano myself, or to hear anyone else play it, after eleven o'clock at night; but that is a very different thing to being told that you must not play it. Here, in Germany, I never feel that I really care for the piano until eleven o'clock, then I could sit and listen to the «Maiden's Prayer,» or the Overture to «Zampa,» with pleasure. To the law-loving German, on the other hand, music after eleven o'clock at night ceases to be music; it becomes sin, and as such gives him no satisfaction. («Трое на велосипедах», Глава 9)

С регламентированностью и упорядоченностью, не совместимой с самим духом романтизма, связано и пение песен во время Кнеипе – холостяцкой пирушки:

When the table is complete, a chairman is chosen, whose duty it is to give out the number of the songs. Printed books of these songs, one to each two men, lie round the table. The

chairman gives out number twenty-nine. «First verse,» he cries, and away all go, each two men holding a book between them exactly as two people might hold a hymn-book in church. There is a pause at the end of each verse until the chairman starts the company on the next. («Трое на велосипедах», Глава 13)

Подведем некоторые итоги.

Художественное своеобразие диалогии, образуемой повестями «Трое в лодке, не считая собаки» и «Трое на велосипедах», во многом определяется тем, что в ней объектом проблематизации и, в значительной мере, пародирования становятся и романтические, и восходящие к поэтике романтизма, но переосмысливающие ее и вступающие с ней в плодотворную полемику мотивы и образы.

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2006-2010 ГГ.

Кизилев М.А.,
аспирант,
кафедра прикладных экономических дисциплин,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: бюджетная политика, структура расходов бюджета, структура доходов бюджета, валовой внутренний продукт, межбюджетные трансферты

Key words: structure of budget expenditures, the structure of budget revenues, gross domestic product, intergovernmental transfers

Аннотация. В период кризиса 2008-2009 годов возросла роль бюджетной политики государства. Наиболее актуальным вопросом становится анализ структуры доходов и расходов бюджета и то, каким образом изменение приоритетных направлений в использования бюджетных средств повлияет на социально-экономическое развитие страны в целом. Также необходимо оценить, каким образом отразилось вмешательство государства в экономику на структуре и динамике воспроизводственного процесса.

In the period 2008-2009, the crisis has increased the role of fiscal policy of the state. The most pressing issue is the analysis of the structure of budget revenues and expenditures, and how the change in priorities in the use of budget funds will affect the socio-economic development of the country as a whole. You also need to assess how the intervention was reflected in the economy on the structure and dynamics of the reproduction process.

В период с 2000 по 2008 год развитие российской экономики характеризовалось улучшением макроэкономических показателей и повышением уровня социально-экономического развития страны снижением социальной напря-

женности общества. В кризисный период финансовая политика государства позволила сохранить платежеспособный спрос и поддержать объемы производства на уровне, близком к докризисному. Этому во многом способствовала бюджетная политика проводимая правительством России.

Проследим, каким образом изменялась структура расходов и доходов федерального бюджета в предкризисном периоде до 2008 года, в период кризиса 2008 – 2009 годах и в посткризисном 2010 году.

Как видно из представленной таблицы, параллельно с ростом притока иностранных инвестиций и ростом ВВП происходило увеличение расходов федерального бюджета на национальную экономику, величина которых достигла своего максимального значения в 2007 году и составила 11,6% от общего объема расходов федерального бюджета.

Более наглядно изменение структуры расходов федерального бюджета можно представить на рисунках 1 и 2, демонстрирующих соотношение расходов бюджета в 2006 и 2007 году соответственно.

В кризисные 2008 и 2009 доли расходов на поддержание национальной экономики выросли до 17%, что, казалось, должно было сохранить прежние темпы прироста ВВП,

Год	2006		2007		2008		2009		2010	
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1										
Вид расхода	млрд. руб.	% к итогу								
по всем разделам и подразделам	4	284,8	5	986,6	7	570,9	9	660,1	8	323,4
Общегосударственные вопросы	533,2	12,4%	815,7	13,6%	839,4	11,1%	853,1	8,8%	735,5	8,8%
Национальная оборона	681,8	15,9%	831,9	13,9%	1 040,9	13,7%	1 188,2	12,3%	949,5	11,4%
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	550,2	12,8%	667,0	11,1%	835,6	11,0%	1 004,5	10,4%	884,6	10,6%
Национальная экономика	345,0	8,1%	692,6	11,6%	1 025,0	13,5%	1 650,7	17,1%	838,6	10,1%
Жилищно-коммунальное хозяйство	52,7	1,2%	294,9	4,9%	129,5	1,7%	151,6	1,6%	183,1	2,2%
Охрана окружающей среды	6,6	0,2%	8,2	0,1%	10,2	0,1%	13,0	0,1%	10,9	0,1%
Образование	212,4	5,0%	294,6	4,9%	355,0	4,7%	418,0	4,3%	334,0	4,0%
Культура, кинематография, средства массовой информации	55,2	1,3%	71,0	1,2%	88,9	1,2%	111,7	1,2%	102,1	1,2%
Здравоохранение, физическая культура и спорт	147,5	3,4%	196,5	3,3%	278,2	3,7%	352,3	3,6%	240,4	2,9%
Социальная политика	201,2	4,7%	214,0	3,6%	293,6	3,9%	323,5	3,3%	287,3	3,5%
Межбюджетные трансферты	1 498,9	35,0%	1 900,1	31,7%	2 674,6	35,3%	3 593,4	37,2%	3 757,4	45,1%

Таблица 1. Структура расходов федерального бюджета РФ 2006 – 2010 гг.

*Составлено автором.

Год	2006		2007		2008		2009		2010	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Вид дохода	млрд. руб.	% к итогу								
Всего доходов	6 278,90	100	7 781,10	100	9 275,90	100	7 337,80	100	7431,7	100
Налог на прибыль организаций	509,9	8,1%	641,3	8,2%	761,10	8,2%	195,4	2,7%	217,8	2,9%
Единый социальный налог	315,8	5,0%	405	5,2%	506,8	5,5%	509,8	6,9%		
НДС на товары реализуемые в РФ	924,20	14,7%	1 390,40	17,9%	998,4	10,8%	1 176,60	16,0%	1196,0	16,1%
НДС на товары ввозимые в РФ	586,7	9,3%	871,1	11,2%	1 133,80	12,2%	873,4	11,9%	1039,3	14,0%
Вывозные таможенные пошлины на товары выработанные из нефти	314,4	5,0%	330,5	4,2%	522,6	5,6%	378,8	5,2%	530,4	7,1%
Прочее	657,10	10,5%	1 087,90	14,0%	860,8	9,3%	1 131,40	15,4%	1236,1	16,6%

Таблица 2. Структура доходов федерального бюджета РФ 2006 – 2010 гг.

*Составлено автором.

но так как экономика России является слабо диверсифицированной, вследствие чего находится в зависимости от конъюнктуры мировых рынков сырья, этого не произошло и в 2009 году темпы прироста ВВП достигли минимального значения. Кроме того, дополнительное вливание средств было разделено между ресурсодобывающими компаниями и финансовым сектором, которые большую часть полученных средств направили на погашение задолженности перед иностранными партнерами. Данные отрасли экономики, динамично развивавшиеся в предрезисные годы, сформировали достаточно весомый корпоративный внешний долг, который составлял на тот период порядка 400 млрд. долларов. Помимо этого, Россия относится к странам с достаточно высокими инвестиционными рисками, поэтому в данный период наблюдался отрицательный темп прироста иностранных инвестиций. В 2009 году наблюдалось минимальное его значение на уровне -21,1%. Однако вливание средств государства в экономику дало определенные результаты в посткризисном 2010 году. Он отметился ростом ВВП, что в основном связано с ростом цен на энерго-

ресурсы и общей стабилизацией финансового сектора. Также произошел приток иностранных инвестиций в экономику, что связано с предоставлением госгарантий по корпоративному долгу и выделением ряда трансфертов крупнейшим компаниям, среди которых Газпром и Роснефть. Но резкий приток иностранных инвестиций не является поводом для констатации улучшения ситуации в экономике в целом, так как финансовая политика государства с 2010 года направлена на постепенное сокращение расходов на поддержание национальной экономики. Так, в 2010 году доля данной статьи расходов бюджета сократилась до 10,1%, помимо этого Правительство приняло решение прекратить субсидирование корпоративного долга, который к концу 2010 года составил около 500 млрд. долларов. Кроме того, иностранные инвестиции направляются в основном в сырьевой сектор, что создает доступ иностранных государств к стратегически важным отраслям экономики. Если рассматривать инвестиции в машиностроение, то можно увидеть, что переданные технологии в данной отрасли являются устаревшими и созданные предприятия представляют со-

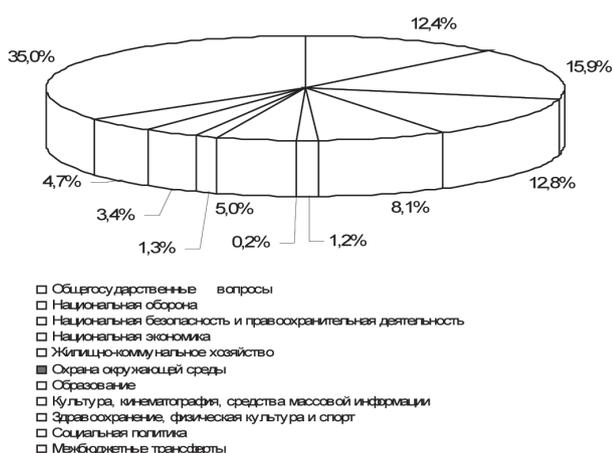

Рисунок 1. Структура расходов Федерального бюджета Российской Федерации в 2006 году. (Составлено автором)

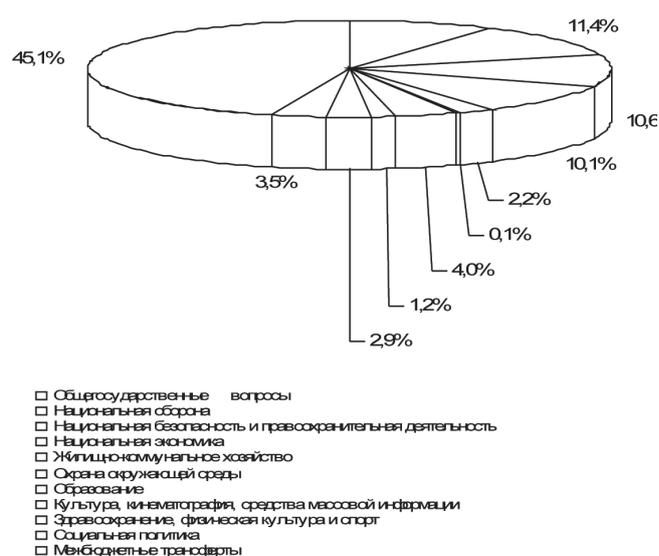
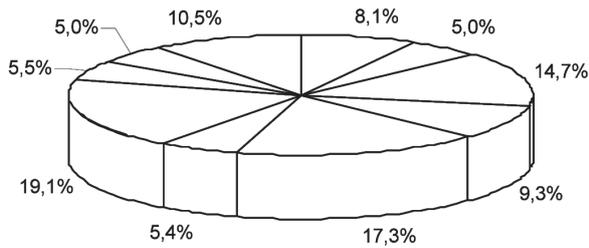

Рисунок 2. Структура расходов Федерального бюджета Российской Федерации в 2010 году. (Составлено автором)

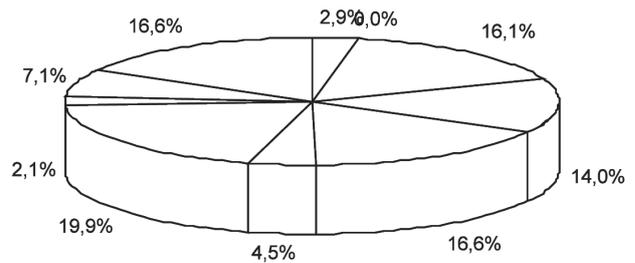
- Налог на прибыль организаций
- Единый социальный налог
- НДС на товары реализуемые в РФ
- НДС на товары ввозимые в РФ
- НДСПИ в виде углеродородного сырья
- Ввозные таможенные пошлины
- Вывозные таможенные пошлины на нефть сырую
- Вывозные таможенные пошлины на газ природный
- Вывозные таможенные пошлины на товары в выработанные из нефти
- Прочее

Рисунок 3. Структура доходов Федерального бюджета Российской Федерации в 2006 году. (Составлено автором)

бой не полный цикл производства, а являются лишь завершающей стадией сборки. Однако, денежно-кредитная и бюджетная политика Правительства РФ сформировали благоприятный инвестиционный климат.

Далее в расходной части стоит отметить довольно значительный рост доли межбюджетных трансфертов (с 2006 по 2010 год почти на 10 процентных пунктов), в 2010 году они составили 45,1%, рост межбюджетных трансфертов свидетельствует о малой эффективности налоговой политики и системы налогообложения в целом, то есть регионы за счет собственных доходов не справляются с возложенными на них обязательствами. Достаточно привести пример с реформой по монетизации льгот, количество социальных обязательств у регионов и муниципалитетов возросло, а структура налоговых поступлений осталась неизменной. В данной ситуации возникает вопрос о новом реформировании налоговой системы или о повышении эффективности использования регионального и муниципального имущества.

Еще одна важнейшая статья расходов - расходы на жилищно-коммунальное хозяйство, отрасль экономики с наиболее изношенными основными фондами, что приводит к удорожанию услуг, предоставляемых данной отраслью. Следует отметить, что довольно значительная часть постоянных затрат производственных предприятий представляет собой оплату услуг именно этой отрасли, и рост тарифов приведет к росту цен на продукцию, так как возрастут постоянные затраты. Расходы на ЖКХ только в 2007 году превысили 4,9%, это было связано с реформой, передавшей эту сферу в частные руки. В последующие годы доля расходов бюджета в данном направлении снизилась до 1,6%, что в целом усугубило проблему износа основных фондов. С 2010 года доля расходов в данном направлении увеличилась на 0,6 процентных пункта, эти расходы составили 183,1 млрд. рублей. Дальнейшее увеличение расходов

- Налог на прибыль организаций
- Единый социальный налог
- НДС на товары реализуемые в РФ
- НДС на товары ввозимые в РФ
- НДСПИ в виде углеродородного сырья
- Ввозные таможенные пошлины
- Вывозные таможенные пошлины на нефть сырую
- Вывозные таможенные пошлины на газ природный
- Вывозные таможенные пошлины на товары в выработанные из нефти
- Прочее

Рисунок 4. Структура доходов Федерального бюджета Российской Федерации в 2010 году. (Составлено автором)

в данной сфере привело бы к модернизации основных фондов, что снизило бы постоянные расходы производственных предприятий, что, в свою очередь, способствовало бы снижению темпов инфляции.

Расходы на развитие образования возрастали за рассматриваемый период, но их доля в расходах бюджета снизилась с 5% в 2006 году до 4% в 2010. Также, следует отметить, что в абсолютном выражении в 2010 году данная статья расходов была сокращена по сравнению с 2009 годом на 84 млрд. рублей, что скорее всего связано с переходом к завершающей стадии реформы образования. Но следует учитывать, что инвестиции в человеческий капитал являются катализатором устойчивого развития страны и перехода экономики на качественно новый инновационный уровень, поэтому сокращение финансирования данной отрасли может повлечь негативные последствия.

Снижение расходов за рассматриваемый период по статье «Общегосударственные расходы» свидетельствует о повышении прозрачности расходов федерального бюджета и целевой направленности финансирования экономики. Это соответствует проводимой бюджетной реформе, суть которой заключается в отмене системы сметного финансирования, то есть пропорционального распределения доходов бюджета между хозяйствующими субъектами и переход к целевому финансированию приоритетных проектов. Это позволит избежать ошибок предкризисного периода, когда за основу формирования расходной части бюджета была взята цена на нефть 100 долларов за баррель, в результате чего дополнительные социальные обязательства федерального бюджета привели к формированию большого дефицита бюджета при вступлении России в мировой финансовый кризис.

Рассмотрим доходную часть бюджета России за последние пять лет. Основными статьями формирования доходов бюджета являются налоги и сборы. Доходы от использо-

вания федеральной собственности в связи с принятым Правительством решением о сокращении стратегических предприятий и последующей их приватизации приведет к увеличению налоговых доходов бюджета. Помимо этого, в бюджет поступит прибыль от реализации подлежащего приватизации имущества, что позволит сократить образовавшийся дефицит бюджета. Однако, требуется тщательный выбор эффективного собственника для того, чтобы эффект не был кратковременным, поэтому следует рассмотреть вариант передачи федеральной собственности в аренду, а в случае успешного функционирования в течение минимум 10 лет, полностью передать пользователю по стоимости учитывающей амортизацию основных средств и расходы собственника на развитие арендуемого предприятия. В результате возможно привлечение наиболее эффективного собственника, заинтересованного в сохранении устойчивого функционирования, модернизации и развития приобретенного им предприятия.

Наглядно структура доходов федерального бюджета представлена на рисунках 3 и 4.

Основой доходов бюджета является НДС, доля которого за рассматриваемый период в общей структуре доходов федерального бюджета возросла с 14,7% в 2006 году до 16,1% в 2010 – на товары реализуемые, на территории РФ и с 9,3% до 14% на товары, ввозимые в РФ. В совокупности доля данного налога составляет 30,1% от всех доходов федерального бюджета. Хотя НДС и считается универсальным и удобным способом формирования доходов бюджета, его превалирование в их структуре свидетельствует о снижении способности населения к инвестированию, так как основное бремя ложится именно на него, так как основным плательщиком данного налога является конечный потребитель, [3, с112]. Вторым по величине источником доходов являются вывозные пошлины на углеводороды, из них на долю пошлин, на экспорт сырой нефти в 2010 году приходится 19,9%, на природный газ 2,1% и на продукты переработки – 7,1%, хотя доля природного газа сократилась на 3,4 процентных пункта по сравнению с 2006 годом. В целом, доля вывозных пошлин на нефть в структуре доходов федерального бюджета за рассматриваемые пять лет возросла на 0,8 процентных пункта, пошлины на вывоз природного газа сократились с 5,9% и 5,5% в 2009 г. и в 2006 г. соответственно до 2,1% в 2010 году. Доля вывозных пошлин на товары выработанные из нефти возросла с 5,5% в 2006 году до 7,1% в 2010, это могло бы свидетельствовать о начале роста в нефтехимической отрасли и восстановлению обрабатывающей промышленности, что является первым этапом создания диверсифицированной экономики. Одновременно в структуре доходов возросла доля налога на добычу полезных ископаемых, которая составила 16,6%. В отличие от предыдущих статей доля НДПИ возрастала при росте экспорта сырой нефти, что говорит о крайне низкой эффективности использования

добываемого сырья и слабой развитости обрабатывающей промышленности. Именно это является одним из факторов зависимости российской экономики от мировой конъюнктуры сырьевых рынков.

Доля налога на прибыль организаций составляет 2,9% доходах бюджета, в структуре доходов 2010 года его доля сократилась на 5,2 процентных пункта по сравнению с бюджетом 2006 года, в котором составляла 8,1% это связано со снижением налога в 2009 году до 20% и рецессией экономики в период кризиса. В период формирования рыночной экономики в России в 1990-х доля налога на прибыль в структуре бюджета составляла минимум 15%. На основе данного сопоставления можно сделать вывод: основная масса налога на прибыль поступала за счет крупнейших ресурсодобывающих и перерабатывающих предприятий и холдингов, которые в период кризиса и в посткризисный период выживают, по сути, за счет государственных трансфертов.

Еще одно изменение в структуре доходной части бюджета связано с пенсионной реформой, в 2009 году единый социальный налог был заменен выплатами в соответствующие фонды – Фонд Социального Страхования и Пенсионный Фонд. Это позволит повысить доходность данных фондов и снизить их зависимость от федерального бюджета, а также формировать более эффективную систему социального обеспечения.

Таким образом, бюджетная политика государства привела к активизации воспроизводственного процесса в период с 2000 по 2008 годы, который характеризовался ростом доходов федерального бюджета, и в перспективе - к сокращению бюджетного дефицита. Однако, следует отметить, что основой роста доходов бюджета являются доходы от экспорта и добычи углеводородов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бюджетный Кодекс РФ (с изменениями на 07.11.2007).
2. Бюджетная система России: / Под ред. Г.Б. Поляка. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 703 с.
3. Финансы: учебник / Под ред. А.Г. Грязновой. М.: Финансы и статистика, 2007. – 504 с.
4. Peter Barenboim: Constitutional Economics and the Bank of Russia 2008 // Fordham Journal of Corporate and Financial Law. – 2008. – С 160 – 164.
5. Steven M. Sheffrin Economics: Principles in action. - New Jersey.: Pearson Prentice, 2007. – 502 с.
6. www.ereport.ru
7. www.gks.ru
8. www.vedomosti.ru
9. www.cbrf.ru
10. www.minfin.ru

ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ «ГОЛОВА» В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ким Хи Ён,

аспирант,

кафедра русского языка,

Московский педагогический государственный университет

Ключевые слова: языковая картина мира, паремии, пословицы и поговорки, соматизм

Key words: linguistic picture of the world, paroemia, proverbs and sayings, somatism

Аннотация. В статье говорится о паремиях как средстве отражения национальной языковой картины мира, анализируются пословицы и поговорки с соматизмом «голова», устанавливаются черты их сходства и различия в русском и корейском языках.

The article is devoted to the paroemia as a means of reflecting the national linguistic world view. Proverbs and sayings with the somatism "head" are analyzed.

Национальная языковая картина мира (ЯКМ) – это специфическая внутриязыковая реальность, функционирующая и в индивидуальном, и в массовом сознании, выражая тем самым мировоззрение не только как индивидуальный, но и как массовый феномен. Исследуя ЯКМ, современная лингвистика отмечает две основные её разновидности: наивную картину мира, обусловленную мифологическими, бытовыми, обыденными представлениями об устройстве и закономерностях бытия, и научную картину мира.

Национальная языковая картина мира – актуальный объект исследования для современных лингвистов. Детальное исследование ЯКМ позволяет решить множество проблем, возникающих в процессе межкультурного взаимодействия, в частности, описание наиболее значимых фрагментов ЯКМ дает возможность аргументированно судить о системе ценностей и особенностях мировосприятия народа.

Проблемы взаимодействия языка и национальной культуры широко обсуждаются лингвистами в последние десятилетия, что существенно повлияло на практику языкового анализа, особенно в области смежных лингвистических дисциплин (лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, психолингвистики и т.д.).

Наиболее интересны результаты этих исследований для фразеологии и паремиологии, изучающих проблемы не только структуры, семантики и стилистики устойчивых единиц (фразеологизмов и паремий), но и специфику их функционирования в системе национального языка.

Каждый язык представляет собой гибкое, многоликое образование, и каждая культура подвержена непрерывным изменениям. Если связь языка и культуры приводит к созданию уникальных языковых образований, то их переводимость на другой язык будет зависеть от того, существует ли в данный исторический период коммуникативная взаимосвязь между этими образованиями в разных языках.

Фразеологизированные единицы отражают специфику языка. Как правило, в них раскрываются природные особенности страны, обычаи народов, говорящих на этом языке, их образ жизни, мировоззрение, социально-культурная среда.

Пословицы и поговорки – весьма богатый и широко распространенный жанр народного творчества. Они живут в разговорной речи и выполняют разносторонние познавательные, воспитательные и эстетические задачи.

Русский и корейский народы, как и другие, обладают огромной сокровищницей пословиц и поговорок, которая составляет важнейший элемент их духовной культуры.

Широкое употребление соматизмов в составе паремий в значительной степени обусловлено тем, что это один из древнейших слоев лексики различных языков, входящий в ядро основного состава словарного фонда любого языка.

Первым термин «соматический фразеологизм» применительно к русскому материалу употребил Э.М. Мордкович в статье «Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов». При этом он обратил внимание на негативные характеристики качеств человека в данной группе языковых единиц [Мордкович, 1971].

Исследователь О. Назаров, проводя сопоставительный анализ соматических фразеологизмов в русском и туркменском языках, выявил между ними определенные соответствия [Назаров, 1973].

Ю.А. Долгополов, изучавший соматические фразеологизмы в русском, английском и немецком языках, подчеркнул, что они являются одним из способов познания окружающей среды [Долгополов, 1973].

Тело всего человеческого рода, независимо от национальности конкретного человека, имеет общие черты. Совпадение образности соматических пословиц и поговорок в разных языках объясняется общими закономерностями переосмысления лексем-соматизмов, функции которых в человеческом организме наиболее ясны. Человек познает окружающий мир с помощью различных органов чувств (ухо, глаз, язык, нос), совершает разнообразные действия при помощи рук, ног, головы. Соматические фразеологизированные единицы выражают эмоции человека, его отношение к окружающей среде (ср. рус.: волосы дыбом встают – кор.: волосы выпали; рус.: В голове всего не удержишь – кор.: Глупый документ лучше, чем умная голова и т.п.). Вследствие общности психических процессов и свойств основных частей тела многие соматические паремии самых разных народов имеют точки соприкосновения. В то же время каждый народ по-своему оценивает функции и значимость того или иного органа для человека. Так, в русской языковой картине мира основными для определения сущности человека издавна считались душа и сердце, т.е. его «внутреннее» наполнение. В восприятии корейского народа важными составляющими человека являются голова и рука, что находит отражение в паремической системе анализируемых языковых систем.

В данной статье сделана попытка установить соответствия между русскими и корейскими пословицами и поговорками с соматизмом «голова».

В «Словаре русского языка: В 4-х т.» под ред. А.П. Евгеньевой (т.1, с. 325) приводятся следующие толкования лексического значения данного соматизма:

1. Верхняя часть тела человека, верхняя или перед-

няя часть тела животного, содержащая мозг. Голова болит... Понуричь голову...

2. перен. Ум, сознание; рассудок. Ясная голова...

3. ...Разг. Руководитель, начальник, глава в каком-л. деле. – Братя у него, слышно, ребята шустрые... а все-таки он им голова. Тургенев. Стучит!..

4. ... Председатель и руководитель некоторых выборных органов в дореволюционной России, а также военное или гражданское звание.

Городской голова...

5. ... Первые ряды, передняя часть (движущегося отряда, группы и т.д.). Голова демонстрации...

6. Пищевой продукт в виде шара, конуса. Голова сыру...

В «Большом словаре нашего языка» (Большого словаря нашего языка) даны близкие определения лексемы «голова»:

1) ¹Часть тела, содержащая головной мозг, состоящая из черепной коробки.

²перен. Драгоценная, важная и необходимая цель.

2) В верхней части шеи.

3) Способность думать.

4) Волосы.

5) Верхушка каких-то вещей.

6) Начальник.

7) Начало какого-то дела.

8) Передняя часть вещи.

9) Нота (музыкальная).

10) Край чего-либо.

11) Что-то произошедшее единожды.

12) Голова у зверей.

13) Функция суффикса.

Таким образом, в обоих языках слово «голова» содержит семы 'орган мышления', 'руководитель', 'ведущий за собой', что подчеркивает значимость этого органа в восприятии русского и корейского народов.

Не случайно русская пословица гласит: Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит. В Корее о человеке, занявшем высокий пост, говорят, что он поднял голову.

В то же время не все значения лексемы «голова» имеют соответствия в анализируемых языках. Следует отметить, что объем лексического значения данной единицы значительно шире в корейском языке (примерно в два раза). Например, в Корее слово «голова» может выступать в функции обстоятельства места в значении 'край чего-либо': В одной голове бил барабан, в другой голове бил гонг. В русском языке нет значения 'что-то произошедшее единожды'. Ср. кор.: Тайфун одной головы прошел, и солнце засветило, что означает 'проходящее дело, случай'.

В корейском языке есть два самостоятельных слова «голова» и «волосы». Однако с точки зрения произношения эти единицы очень близки: /М-О-Р-И/[머리] и /М-О-Р-И-К-А-Р-А-К/[머리카락]. В связи с этим слово «голова» может обозначать и голову, и волосы. В разговорной речи можно произнести Я постригла голову. Иногда подобные примеры проникают и в литературный корейский язык.

Наконец, в корейском языке лексема «голова» может выполнять функцию суффиксальной морфемы. Оказываясь после имени существительного или после корня, данная единица придает высказыванию оттенок грубости, например: У него нет головы человеколюбия **그에게는 인정**

머리가 없다. (буквальный перевод), что значит «у него нет совсем человеколюбия!», «он недобрый, он совсем не понимает других». Другой пример: голова привычки **버르장머리**, что значит «балованный, невоспитанный».

Рассмотрим, основываясь на словарных значениях лексемы «голова», как используется данная единица в русских и корейских пословицах и поговорках. В обоих языках реализуется переносное значение слова. Например, и в русском и в корейском языках встречается оборот голова варит. В русском языке так говорят об умном, сообразительном человеке, а в Корее - о человеке, который много думает.

В обоих языках склоненная голова может обозначать: 1) уважение и 2) покаяние. Ср. рус.: склонить голову (перед кем-либо) и кор.: голова склонится **머리를 숙이다** (Когда видят многоуважаемого человека, люди склоняют голову); рус.: Повинную голову меч не сечет и кор.: Не можем рубить склоненную голову.

В корейских паремиях соматизм «голова» может указывать на возраст.

Например, пословица В голове кровь пока не иссякла **머리에 피도 안마르다** означает «пока маленький ребёнок, ещё молодой». В русском языке этому образному выражению соответствует оборот Пока в жилах течет кровь - пока есть силы. Формальные расхождения в образах паремий не разрушают семантической близости фразеологизированных оборотов.

В то же время в русском и корейском языках встречаются формально идентичные паремии с соматизмом «голова», которые оказываются омонимичными с точки зрения семантики. Например, выражение ломать голову **머리를 깨다** в корейском языке значит «ломать старые обычаи». В русском языке этот оборот употребляют, когда хотят подчеркнуть сложность задачи, над которой пришлось немало потрудиться.

Паремии рус.: Негде голову приклонить и кор.: Нигде нет места, куда положить голову являются формальными вариантами и выступают между собой как разные значения в рамках одной многозначной единицы. Русский оборот означает «у человека нет пристанища», а корейский – «человек не знает, как себя вести, оказавшись в затруднительной или незнакомой ситуации».

Таким образом, мы видим, что в паремических системах русского и корейского языков соматизм «голова» играет важную роль как рациональная часть человеческого организма, способная управлять жизнью и вести за собой. Лексема «голова» в обоих языках – хранилище мудрости и знаний. В то же время дифференциация словарных толкований данной единицы обусловили различия в образной структуре пословиц и поговорок, что связано также и со спецификой восприятия соматизма «голова» -머리русским и корейским народами.

Пословицы, поговорки и другие изречения как особые коммуникативные единицы выражают общие мысли для всего человечества, для определённой нации, класса, социальной или профессиональной группы и т.п. и одновременно подчеркивают специфику мировосприятия каждого социума. Языковая картина мира - явление сложное и многослойное, на её формирование и развитие заметно влияют и сами культурные реалии, и историческая смена мировоззренческих систем. Важную роль в сохранении духовной и интеллектуальной культуры этноса играют пословицы и

поговорки. С их помощью мы можем приблизиться к тайнам культуры и постичь этническое богатство другого народа, погрузиться в иную языковую картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремология. – М., 2009. – 344 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2000. – 616 с.
3. Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): Дисс. ... кандидата филол. наук. – Казань, 1973. – 263 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т.; [под ред. А.П. Евгеньевой]. – Т. 1. А – Й. – М., 1981. – С. 325-326.
5. Мордкович Э.М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов // Актуальные проблемы фразеологии. – Новосибирск, 1971. – С. 244-245.
6. Назаров О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1973. – 29 с.
7. 우리말 큰 사전 (Большого словаря нашего языка) 어문각 . 1994.
8. 표준국어 대사전 (Стандартный большой словарь) 국립국어원. 1999

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ЦЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

Князькова А.В.

аспирант,

Московский государственный университет технологии и управления

Ключевые слова: ретроспективный анализ; цели образования; модернизация образовательной сферы, социокультурные факторы, сфера просвещения

Key words: a retrospective analysis, the goal of education, modernization of the education sector, socio-cultural factors, the sphere of education

Происходящая реформа в системе бухгалтерского учета и связанный с ней переход на применение международных стандартов финансовой отчетности предъявляют новые требования к организации бухгалтерского учета, который превратился в один из важнейших элементов управления бизнесом. При этом одну из основных ролей в формировании политики управления играет учетная политика организации, оказывающая самое непосредственное влияние на показатели финансовой отчетности, являющиеся информационной базой для принятия решений реальными и потенциальными инвесторами.

Учетная политика является основным внутренним документом, устанавливающим особенности бухгалтерского учета конкретной организации. В соответствии с Положением по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» ПБУ 1/2008 хозяйствующий субъект определяет способы первичного наблюдения, стоимостного измерения, текущей группировки и итогового обобщения фактов хозяйственной деятельности. Главной функцией учетной политики является закрепление выбранных способов учета и внутреннего контроля из ряда разрешенных нормативно-законодательными актами. В связи с этим организации могут применять разные методы учета однотипных групп операций и разные способы контроля. Соответственно, будут различаться учетные показатели, а также степень и область проверки.

По мнению М.В. Чиненова, бухгалтерия может успешно выполнять присущие ей функции лишь в том случае, когда сформированная в ее рамках учетная политика адекватно отражает особенности текущей экономической ситуации и потребности заинтересованных пользователей конечного продукта бухгалтерского учета (6).

В современных условиях основными факторами, оказывающими влияние на формирование учетной политики как на общенациональном уровне, так и на уровне отдельной взятой организации, становятся:

- изменение требований к содержанию финансовой отчетности;
- совершенствование методики учета;
- гармонизация российских правил бухгалтерского учета с международно признанной бухгалтерской практикой.

При этом важнейшими задачами формирования учетной политики являются:

- построение информационных процессов в организации, которое обеспечило бы дополнение финансовой отчетности показателями, ориентированными на ее будущее;
- сближение отечественной учетной практики с международной;
- преодоление информационного разрыва между бухгалтерией и пользователями учетных и отчетных данных.

Учетная политика влияет на все этапы учетной рабо-

ты и используется на всех этапах аудиторской проверки. Адекватность учетной политики масштабам и видам деятельности организации становится предметом изучения внешних и внутренних аудиторов в ходе аудиторских проверок.

По мнению С.М. Бычковой и Т.Ю. Фоминой, целью контроля адекватности учетной политики является установление соответствия применяемой в организации методики бухгалтерского учета действующим в проверяемом периоде нормативным документам для того, чтобы сформировать мнение о достоверности бухгалтерской отчетности во всех существенных аспектах (3). Для выполнения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить систему организации бухгалтерского учета;
- произвести оценку учетной политики;
- дать характеристику системы документации и документооборота;
- подтвердить достоверность производимых начислений и выплат работникам по всем основаниям.

Можно выделить три этапа при проведении экспертизы учетной политики: ознакомительный, основной и заключительный. На каждом этапе должны быть выполнены определенные процедуры проверки, позволяющие достигнуть цели и решить задачи аудита учетной политики.

Однако предварительно должны быть проанализированы приказ об учетной политике организации, график документооборота, рабочий план счетов, перечень лиц, имеющих право подписи первичных документов, формы первичных документов, описание технологического процесса компьютерной обработки данных и др.

На ознакомительном этапе выясняют, кто является ответственным лицом за организацию бухгалтерского учета и соблюдение законодательства при выполнении хозяйственных операций, за формирование учетной политики, ведение бухгалтерского учета, своевременное представление полной и достоверной бухгалтерской отчетности; устанавливают состав и соподчиненность, а также разделение полномочий и ответственности, структуру, функции и задачи бухгалтерской службы.

На основном этапе необходимо проверить:

- произошли ли изменения в законодательстве Российской Федерации или нормативных актах по бухгалтерскому учету;
- разработала ли организация новые способы ведения бухгалтерского учета;
- изменились ли существенно условия деятельности организации. При этом под существенным изменением условий деятельности понимаются реорганизация, смена собственников, изменение видов деятельности и т.д.;
- применяется ли принятая организацией учетная политика во всех ее структурных подразделениях (филиалах,

представительствах и иных подразделениях организации, включая выделенные на отдельный баланс, независимо от места их нахождения);

– обеспечена ли сопоставимость данных бухгалтерской отчетности отчетного периода с показателями бухгалтерской отчетности предыдущего отчетного периода.

На заключительном этапе необходимо оценить выбранные организацией способы ведения бухгалтерского учета с точки зрения их соответствия нормам действующего законодательства и с учетом специфики деятельности организации.

При проведении экспертизы учетной политики внутренней аудиторской проверке подлежат соответствие:

– элементов учетной политики требованиям ПБУ 1/2008;

– выбранных методов учета их нормативно закрепленному перечню;

– методов внутреннего контроля особенностям хозяйственных операций и целям контроля;

– фактически применяемых методов учета и контроля способам, закрепленным в учетной политике.

В соответствии с ПБУ 1/2008 в состав анализируемых показателей учетной политики входят:

- рабочий план счетов бухгалтерского учета, содержащий синтетические и аналитические счета, необходимые для ведения бухгалтерского учета в соответствии с требованиями своевременности и полноты учета и отчетности;

- формы первичных учетных документов, регистров бухгалтерского учета, а также документов для внутренней бухгалтерской отчетности;

- порядок проведения инвентаризации активов и обязательств организации;

- способы оценки активов и обязательств;

- правила документооборота и технология обработки учетной информации;

- порядок контроля за хозяйственными операциями;

- другие решения, необходимые для организации бухгалтерского учета.

При проведении экспертизы рабочего плана счетов объектами проверки являются синтетические и аналитические счета, необходимые для ведения бухгалтерского учета в соответствии с требованиями своевременности и полноты учета и отчетности. В этом случае применяются такие аудиторские процедуры, как: инспектирование, наблюдение, внутренний запрос, сопоставление субсчетов с видами деятельности, а также с видами объектов учета в соответствии с критерием существенности отчетных показателей.

При проведении экспертизы форм первичных учетных документов, регистров бухгалтерского учета, а также документов для внутренней бухгалтерской отчетности объектами проверки являются применяемые для оформления фактов хозяйственной деятельности первичные документы, по которым не предусмотрены типовые формы, а также обеспечение потребностей управления. В этом случае применяются следующие аудиторские процедуры: инспектирование на соответствие реквизитов обязательным требованиям законодательства, наблюдение, внутренний запрос и подтверждение, анализ видов деятельности, технологии производства, методов управления, опрос пользователей внутренней отчетности.

При осуществлении экспертизы порядка проведения

инвентаризации активов и обязательств организации объектами проверки являются: сроки, периодичность, порядок назначения комиссии. Аудиторскими процедурами, которые используются на этом этапе проверки, являются: инспектирование, внутренний запрос и подтверждение, пересчет, наблюдение, изучение инвентаризационных материалов на соответствие законодательству.

При проведении экспертизы способов оценки активов и обязательств к объектам проверки относятся: соответствие выбранных способов оценки требованиям соответствующих нормативных документов. В этом случае осуществляются: инспектирование учетной политики, сверка методов, отраженных в учетной политике с методами, разрешенными нормативными документами.

При проведении экспертизы правил документооборота и технологии обработки учетной информации объектами проверки являются: график документооборота, распределение должностных обязанностей, используемые аппаратные средства, бухгалтерские программы. На этом этапе проверки используются следующие аудиторские процедуры: инспектирование, внутренний запрос и подтверждение, наблюдение, оценка целесообразности и эффективности распределения полномочий, сроков обработки документов.

При осуществлении экспертизы порядка контроля за хозяйственными операциями к объектам проверки относятся: распределение контрольных полномочий, порядок и условия проведения ревизии, внутреннего и внешнего аудита. В этом случае применяются следующие аудиторские процедуры: тесты средств контроля, опрос контролируемых работников, инспектирование ревизионных и аудиторских документов, запрос о качестве контрольной работы.

При проведении экспертизы других решений, необходимых для организации бухгалтерского учета, объектами проверки являются отличающиеся от типовых формы бухгалтерской отчетности. В этом случае применяются такие аудиторские процедуры, как: инспектирование, внутренний запрос и подтверждение, анализ видов деятельности, критерия существенности отчетных показателей.

При проведении экспертизы учетной политики аудитор должен обратить внимание на соблюдение допущений, учитываемых при формировании учетной политики. Они представлены на схеме 1.

Допущение имущественной обособленности предполагает, что активы и обязательства организации существуют обособленно от активов и обязательств собственников этой организации и активов и обязательств других организаций. При проверке соблюдения этого допущения используются такие аудиторские процедуры, как: инспектирование правоустанавливающих документов на соответствие нормативным актам, соблюдение сроков действия договоров, внешние запросы контрагентам и получение подтверждений от них.

Допущение непрерывности деятельности предполагает, что организация будет продолжать свою деятельность в обозримом будущем и у нее отсутствуют намерения и необходимость ликвидации или существенного сокращения деятельности и, следовательно, обязательства будут погашаться в установленном порядке. При проверке соблюдения этого допущения используются следующие аудиторские процедуры: анализ показателей ликвидности,

платежеспособности, финансовой устойчивости, вероятности восстановления (или утраты) платежеспособности, внутренний запрос к руководству аудируемого лица и внешний запрос к контрагентам и контролирующим органам о наличии факторов и вероятности банкротства.

Допущение последовательности применения учетной политики означает, что принятая организацией учетная политика применяется последовательно от одного отчетного года к другому. При проверке соблюдения этого допущения используются такие аудиторские процедуры, как: инспектирование, сверка методов учета в учетной политике за отчетный и прошлые периоды, проверка фактически используемых методов учета на основе показателей первичных документов и учетных регистров аудируемого лица.

Допущение временной определенности фактов хозяйственной деятельности предполагает, что факты хозяйственной деятельности организации относятся к тому отчетному периоду, в котором они имели место, независимо от фактического времени поступления или выплаты денежных средств, связанных с этими фактами. При проверке соблюдения этого допущения применяют следующие аудиторские процедуры: инспектирование, наблюдение, оценка дат и бухгалтерских записей в первичных документах и в учетных регистрах аудируемого лица, внешние запросы и подтверждения от контрагентов.

При формировании учетной политики должны быть учтены следующие требования к учету, соблюдение которых также проверяется аудитором. Они представлены на схеме 2

Требование полноты означает полноту отражения в бухгалтерском учете всех фактов хозяйственной деятельности. При проверке соблюдения этого требования применяют следующие аудиторские процедуры: инспектирование дат первичных документов для включения в учетные регистры за соответствующий месяц (год).

Требование своевременности предусматривает своевременное отражение фактов хозяйственной деятельности в бухгалтерском учете и бухгалтерской отчетности. При проверке соблюдения этого требования применяют следующие аудиторские процедуры: тесты средств контроля, наблюдение за порядком и сроком передачи и обработки первичных документов, составления бухгалтерских записей, подготовки отчетности.

Требование осмотрительности предполагает большую готовность к признанию в бухгалтерском учете расходов и обязательств, чем возможных доходов и активов, не допуская создания скрытых резервов. При проверке соблюдения этого требования применяют следующие аудиторские процедуры: пересчет оценки активов и расходов, а также пассивов и доходов.

Требование приоритета содержания перед формой предполагает отражение в бухгалтерском учете фактов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из их экономического содержания и условий хозяйствования. Это требование малоприменимо из-за связи критериев признания объектов бухгалтерского учета с гражданско-правовыми нормами.

Требование непротиворечивости предусматривает тождество данных аналитического учета оборотам и остаткам по счетам синтетического учета на последний календарный день каждого месяца. При проверке соблюдения этого требования применяют следующие аудиторские процеду-

ры: инспектирование и пересчет, контроль сумм по операциям, оборотов и остатков во взаимосвязанных регистрах бухгалтерского учета по всем счетам.

Требование рациональности означает рациональное ведение бухгалтерского учета, исходя из условий хозяйствования и величины организации. При проверке соблюдения этого требования применяют следующие аудиторские процедуры: инспектирование, наблюдение, выявление лишних учетных процедур, документов, этапов документооборота.

Бухгалтерская отчетность должна давать достоверное и полное представление о финансовом положении организации, финансовых результатах ее деятельности и изменениях в ее финансовом положении. Достоверной и полной считается бухгалтерская отчетность, сформированная исходя из правил, установленных нормативными актами по бухгалтерскому учету.

На большинство требований к обеспечению достоверности бухгалтерской отчетности влияет или может повлиять содержание учетной политики.

Могут быть следующие существенные искажения бухгалтерской отчетности, связанные с некорректным применением принятой учетной политики:

1. Существенное искажение, связанное с принятой организацией учетной политикой. Оно может возникнуть в следующих случаях:

- выбранный учетная политика не соответствует требованиям установленных правил составления бухгалтерской отчетности;

- организация внесла изменение в учетную политику, при этом не выполнила установленный порядок отражения в бухгалтерском учете и раскрытия изменений в бухгалтерской отчетности;

- бухгалтерская отчетность, включающая соответствующие пояснения, достоверно не отражает сути реально имевших место фактов хозяйственной жизни.

2. Существенное искажение, связанное с тем, каким образом реализована учетная политика. Оно может возникнуть в следующих случаях:

- учетная политика не применяется последовательно от одного периода к другому или в отношении однотипных хозяйственных операций или событий;

- неправильно применяется принятая учетная политика (непреднамеренная ошибка).

3. Существенное искажение, связанное с уместностью или соответствием отраженной информации в бухгалтерской отчетности принятым способам ведения бухгалтерского учета. Оно может возникнуть в следующих случаях:

- бухгалтерская отчетность не раскрывает всей информации, предусмотренной правилами ее составления;

- раскрытие информации в бухгалтерской отчетности осуществлено не в соответствии с правилами составления отчетности;

- в бухгалтерской отчетности не раскрыта информация, необходимая для обеспечения ее достоверности.

Роль учетной политики в организации всего учетного процесса крайне велика. Это связано с тем, что продуманная учетная политика позволяет оптимизировать документооборот, оказывает существенное влияние на достоверное определение величины показателей себестоимости продукции и прибыли. Таким образом, учетная политика оказывает большое влияние на достоверность бухгалтерской отчетности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Положение по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008): утверждено Приказом Минфина России от 06.10.2008 N 106н.
2. Аманжолова Б.А. Теоретические и методологические аспекты формирования систем внутреннего контроля взаимосвязанных организаций. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008.
3. Бычкова С.М., Фомина Т.Ю. Аудит учетной политики организации // Внутренние аудиторские ведомости. – 2007. – № 1—2.
4. Кондраков Н. Учетная политика организации в управленческом учете / РидГрупп. 2010.
5. Пятов М.Л. Учетная политика организации. М.: Проспект; Велби, 2009.
6. Чиненов М.В. Подходы к формированию учетной политики организации // Современный бухучет. – 2006. – № 12.

РОЛЬ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ИСКАЖЕНИЙ БУХГАЛТЕРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Корчагина Л.М.,
старший преподаватель,
кафедра «Бухгалтерский учет и аудит»,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Ключевые слова: мошенничество, фальсификация, вуалирование бухгалтерской отчетности, система внутреннего контроля, индикаторы мошенничества

Key words: Fraud, falsification, veiling of financial statements, internal control system, indicators of fraud

Аннотация. В данной статье рассматривается достаточно важная на сегодняшний день проблема мошенничества и злоупотребления в сфере профессиональной деятельности. Автором приводится подробная классификация экономических преступлений, описываются ситуации, отражающие объективность бухгалтерской отчетности и ее соответствие требованиям нормативных документов. В заключение статьи раскрывается значение системы внутреннего контроля при выявлении искажений бухгалтерской отчетности.

This article discusses the important enough to present problem of fraud and abuse in the professional field. The author describes detailed classification of economic crimes, the situations, reflecting the objective of financial statements and its conformity to requirements of normative documents. In conclusion, the article reveals the value system of internal controls in detecting distortion of financial statements.

В современном обществе проблема мошенничества и злоупотребления в сфере профессиональной деятельности является достаточно важной. Фальсификация при составлении финансовых отчетов вызывается рядом факторов, среди которых можно выделить следующие:

- желание скрыть подлинные результаты своей деятельности;
- желание сохранить свое существующее положение или возможность осуществления контроля;
- желание сохранить существующий уровень благосостояния.

В основе совершения мошеннических действий лежит умелое использование несовершенства отдельных законов и финансовой системы, сложность и многоступенчатость финансово-экономических связей, некомпетентность, юридическая неосведомленность, беспечность, безответственность, а также доверчивость руководителей предприятий и частных лиц.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации преступления в сфере экономики подразделяются на:

- преступления против собственности;
- преступления в сфере экономической деятельности;
- преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Классификация экономических преступлений представлена на рис. 1.

К преступлениям против собственности относятся:

- кража;
- мошенничество;
- присвоение или растрата;
- грабёж;
- разбой;
- вымогательство.

Под кражей (хищением) чужого имущества понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездные изъятия и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Совершение кражи наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 158 УК РФ).

Мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Данное деяние наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 160 УК РФ).

Присвоением или растратой считается хищение чужого имущества, вверенного виновному. Совершение подобного деяния наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до ста двадцати часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 160 УК РФ).

Грабёж - это открытое хищение чужого имущества. Совершение подобного деяния наказывается обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет (ст. 161 УК РФ).

Под разбоем понимается нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Совершение разбоя наказывается лишением свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового (ст. 162 УК РФ).

Вымогательство представляет собой требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или

Рис.1. Классификация экономических преступлений.

повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Совершение подобного деяния наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового (ст. 163 УК РФ).

К преступлениям в сфере экономической деятельности относятся:

- воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности;
- регистрация незаконных сделок с землей;
- незаконное предпринимательство;
- незаконная банковская деятельность;
- легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем;
- приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем;
- незаконное получение кредита;
- злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности;

- недопущение, ограничение или устранение конкуренции;
- принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения;
- незаконное использование товарного знака;
- нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм;
- незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну;
- злоупотребления при эмиссии ценных бумаг;
- изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг;
- изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов;
- невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте;
- уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица;
- неправомерные действия при банкротстве;
- преднамеренное банкротство;
- фиктивное банкротство;
- уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации.

Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности – это неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи, ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы, а равно незаконное ограничение самостоятельности либо иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения. Данные деяния наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов (ст. 169 УК РФ).

Регистрация заведомо незаконных сделок с землей представляет собой искажение сведений государственного кадастра недвижимости, а равно умышленное занижение размеров платежей за землю, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения. Виновные в данном случае наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов (ст. 170 УК РФ).

Незаконным предпринимательством является осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Подобное деяние наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо арестом на срок до шести месяцев (ст. 171 УК РФ).

Под незаконной банковской деятельностью понимается осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Подобное деяние наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового (ст. 172 УК РФ).

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, есть совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. Виновные в данном деянии наказываются штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года (ст. 174 УК РФ).

Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем - это заранее не обещанные приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Данные деяния наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 175 УК РФ).

Незаконное получение кредита – это получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, если это деяние причинило крупный ущерб. Совершившие данное деяние наказываются штра-

фом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет (ст. 176 УК РФ).

Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности представляет собой злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта. Подобное деяние наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 177 УК РФ).

Недопущением, ограничением или устранением конкуренции является недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем заключения ограничивающих конкуренцию соглашений или осуществления ограничивающих конкуренцию согласованных действий, неоднократного злоупотребления доминирующим положением, выразившимся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекли извлечение дохода в крупном размере. Подобные деяния наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до одного года либо без такового. Причинившие особо крупный ущерб либо повлекшие извлечение дохода в особо крупном размере, наказываются лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью от одного года до трех лет либо без такового (ст. 178 УК РФ).

Принуждением к совершению сделки или к отказу от ее совершения признается принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, при отсутствии признаков вымогательства. Совершившие подобное деяние наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового (ст. 179 УК РФ).

Под незаконным использованием товарного знака понимается незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб. Подобное деяние наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет (ст. 180 УК РФ).

Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм – это несанкционированные изготовление, сбыт или использование, а равно подделка государственного пробирного клейма, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности. Виновные в этом случае наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет (ст. 181 УК РФ).

Под незаконным получением и разглашением сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну понимают собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом. Совершившие подобное деяние наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 183 УК РФ).

Злоупотребления при эмиссии (выпуске) ценных бумаг связаны с внесением в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации, утверждением либо подтверждением содержащего заведомо недостоверную информацию проспекта или отчета (уведомления) об итогах выпуска ценных бумаг, а равно размещением эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, за исключением случаев, когда законодательством Российской Федерации о ценных бумагах не предусмотрена государственная регистрация выпуска эмиссионных ценных бумаг, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Подобные деяния наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет (ст. 185 УК РФ).

Под изготовление, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг понимают изготовление в целях сбыта поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте, а равно хранение, перевозка в целях сбыта и сбыт заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты, го-

сударственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте. Подобные деяния наказываются лишением свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового (ст. 186 УК РФ).

Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов представляет собой изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт, а также иных платежных документов, не являющихся ценными бумагами. Виновные в этом случае наказываются лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет (ст. 187 УК РФ).

Под невозвращением из-за границы средств в иностранной валюте понимают невозвращение в крупном размере (если сумма невозвращенных средств в иностранной валюте превышает тридцать миллионов рублей) из-за границы руководителем организации средств в иностранной валюте, подлежащих в соответствии с законодательством Российской Федерации обязательному перечислению на счета в уполномоченный банк Российской Федерации. Совершившие подобное деяние наказываются лишением свободы на срок до трех лет (ст. 193 УК РФ).

Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, совершенное в крупном размере, наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо лишением свободы на срок до двух лет (ст. 194 УК РФ).

Неправомерные действия при банкротстве заключаются в сокрытии имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб. Виновные в этом случае наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо без такового (ст. 195 УК РФ).

Преднамеренное банкротство есть совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по

денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб. Виновные в данном случае наказываются штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо без такового (ст. 196 УК РФ).

Фиктивным банкротством признается заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб. Подобное деяние наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового (ст. 197 УК РФ).

Под уклонением от уплаты налогов и (или) сборов с организации понимают непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере. Виновные в совершении подобного деяния наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового (ст. 199 УК РФ).

К преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях относятся:

- злоупотребление полномочиями;
- злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами;
- коммерческий подкуп.

Злоупотребление полномочиями - это использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам. Если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, то оно наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет (ст. 201 УК РФ).

Под злоупотреблением полномочиями частными нотариусами и аудиторами понимается использование частным нотариусом или частным аудитором своих полномочий вопреки задачам своей деятельности и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам. Если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, то оно наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет (ст. 202 УК РФ).

Коммерческим подкупом признаются незаконные передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением. Подобные деяния наказываются штрафом в размере от десятикратной до пятидесятикратной суммы коммерческого подкупа с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет (ст. 204 УК РФ).

В бухгалтерском учете организации факт мошенничества не может не отразиться. На практике добиться точного отражения хозяйственной деятельности предприятия в бухгалтерской отчетности невозможно. В реальности, как правило, искажения бухгалтерской отчетности связаны с вуалированием и фальсификацией. В том случае, если в бухгалтерской отчетности существуют искажения в пределах, разрешенных нормативными документами, имеет место ее вуалирование. Если же одни показатели отчетности подменяются другими и, таким образом, создается ложное представление о финансовом состоянии предприятия и качественных результатах его деятельности, то в этом случае речь идет о фальсификации бухгалтерской отчетности.

Возможны следующие ситуации, отражающие объективность бухгалтерской отчетности и ее соответствие требованиям нормативных документов:

- отчетность объективно отражает имущественное положение фирмы и отвечает требованиям нормативных документов. В этом случае не наблюдаются ни вуалирование, ни фальсификация. Эта ситуация носит идеальный характер и может рассматриваться только в теории, а на практике она недостижима. Эта ситуация имеет гипотетический характер. Но эта гипотеза имеет глубокий методологический смысл, поскольку пользователи отчетности зачастую уверены, что если при составлении отчетности были соблюдены требования нормативных документов, то такая отчетность является объективной. В реальности, даже при соблюдении требований всех нормативных документов, невозможно достичь объективности отчетных данных, так как в российской теории учета заложено противоречие, сформулированное проф. Я.В. Соколовым: чем более

точно количественно в бухгалтерском учете измерен один показатель, тем менее точно исчислен другой, связанный с ним показатель.

Так, например, чем точнее оценивается стоимость имущества, тем менее точным оказывается отраженный в учете финансовый результат, и наоборот. Увеличивая в условиях инфляции оценку актива, руководство фирмы, стараясь по возможности реально представить имущественное положение предприятия, автоматически увеличивает пассив и искажает величину финансового результата.

Также все зависит от поставленной задачи. Например, если фирма желает отразить на счете «Товары» все товары, находящиеся в ее собственности, то в этот объем не войдут товары, поступившие по договорам комиссии, поручения, хранения. В том случае, если ставится задача отразить на этом счете все товары, находящиеся на хранении материально ответственного лица, эти ценности следует включить в счет;

- отчетность объективно отражает имущественное положение фирмы, но не отвечает требованиям нормативных документов. В этом случае нет вуалирования, но есть фальсификация. Эта ситуация отражает принцип достоверного и добросовестного регистрирования объектов финансовой отчетности (True and fair view), согласно которому фирма может отклониться от принятых нормативных требований, если они не позволяют точно и объективно представить данные отчетности. В Российской Федерации этот принцип закреплен в пункте 4 статьи 13 Закона «О бухгалтерском учете». Возможность реализации этого принципа обеспечивается раскрытием сделанного отступления от нормативных предписаний в пояснительной записке к бухгалтерской отчетности. Из этой ситуации вытекает вывод огромной важности: бухгалтерская отчетность считается фальсифицированной в том случае, если она составлена с нарушением требований нормативных документов, даже если она более ясно, правильно, точно и объективно, с точки зрения пользователя, отражает имущественное положение фирмы. Парадокса здесь нет, поскольку пользователь отчетности, опираясь на требования нормативных документов, будет руководствоваться нормативными правилами. Таким образом, с этой точки зрения представленные в отчетности данные станут для него вводящими в заблуждение. А это, с его точки зрения, будет свидетельствовать о фальсификации финансовой отчетности;

- отчетность необъективно отражает имущественное положение фирмы, но отвечает требованиям нормативных документов. В этом случае имеет место вуалирование, но нет фальсификации. Можно сказать, что эта ситуация является обратной к предыдущей;

- отчетность необъективно отражает имущественное положение фирмы и не отвечает требованиям нормативных документов. В этом случае присутствует и вуалирование, и фальсификация. Эта ситуация является самой распространенной на практике. В случае вуалирования отчетности администрация может не подозревать о неадекватности представленных данных. Если же речь идет о фальсификации отчетности, то в этом случае администрацией предприятия ставится цель ввести в заблуждение пользователей отчетности.

Любая деятельность в организации осуществляется в пределах двух систем. Во-первых, это операционная (орга-

низационная) система, а, во-вторых, это система контроля. Обе эти системы, в конечном счете, направлены на достижение компанией поставленных целей.

Эффективность управленческих решений во многом зависит от достоверности бухгалтерской и управленческой отчетности. Искажение данных в отчетности может быть связано с ошибками обработки первичных документов, неверно выстроенными бизнес-процессами компании, недобросовестным поведением персонала. Внедрение системы внутреннего контроля позволит обеспечить надежность финансовой информации, а также снизить риски принятия ошибочных решений.

Наиболее значимой, сложной и важной проблемой сегодня является проблема выявления аудиторами искажений бухгалтерской отчетности, вызванных влиянием незаконного присвоения активов и коррупции. Поэтому одной из основных задач при проверке бухгалтерской отчетности становится не только выявление фактов намеренного искажения собственно отчетности, но и фактов фальсификации первичной документации и данных регистров бухгалтерского учета.

Для того чтобы решить эту задачу, необходим такой подход к проведению тестирования системы внутреннего контроля, который направлен на выявление признаков,

свидетельствующих о возможном наличии в отношении организации мошеннических действий (так называемых индикаторов мошенничества). Такой подход позволит не только выявлять факт мошенничества, но и сообщать об этом заинтересованным пользователям бухгалтерской отчетности, выполняя, таким образом, предупредительную функцию контроля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голосов О.В., Гутцайт Е.М. Аудит: концепция, проблемы, стандарты, контроль, эффективность, кризис. - М.: Бухгалтерский учет, 2005.
2. Гутцайт Е.М. О концепции финансового контроля// Аудитор. - 2006. - N 5, 6, 7.
3. Пятов М.Л. Пользователи бухгалтерской информации и их интересы // Бухгалтерский учет. 2008. N 13. С. 35.
4. Родионова В.М., Шлейников В.И. Финансовый контроль. - М.: ФБК-ПРЕСС, 2002.
5. Шеремет А.Д. Бухгалтерский учет и аудит в современных условиях // Бухгалтерский учет. 2010. N 1. С. 94.
6. Шохин С.О. Институт независимого аудита и государственный финансовый контроль: основные направления взаимодействия//Аудиторские ведомости. - 2004. - N 7. - С. 3 - 9.

«РЕФОРМЫ ДЭВИДА ГАРРИКА»

Лыкова Е.А.,
аспирант,
кафедра зарубежного искусства,
Санкт-Петербургская Академия Театрального Искусства

Ключевые слова: Дэвид Гаррик, Дени Дидро, Уильям Шекспир, просвещение
Key words: David Garrick, Denis Diderot, William Shakespeare, Enlightenment

Аннотация. Статья посвящена личности одного из самых выдающихся деятелей эпохи Просвещения, английскому актеру Дэвиду Гаррику. Особенно подчеркивается тот факт, что историки причисляют Дэвида Гаррика к основоположникам реалистического искусства. Большое внимание уделяется тому, как Дидро оценивал талант Гаррика. Автор обращает наше внимание на особый взгляд Гаррика на драматургию Шекспира. В статье подробно говорится о реформах актера, во многом определивших дальнейшее развитие английской школы актерской игры.

The article deals with the personality of the most outstanding figures of Enlightenment, English actor David Garrick. The fact that historians rank him as one of the founders of the realist art is stressed. Much attention is given to Diderot's appreciation of Garrick's talent. The author draws our attention to Garrick's interpretation of Shakespeare's plays. It is spoken in detail about David Garrick's reforms in acting that determined to a large extent the further development of the British school of acting.

В середине XVIII века в английском театре классицизм, имевший колоссальное влияние в течение предыдущих шестидесяти лет, начал сдавать позиции – чему во много способствовал актер Чарльз Маклин (1699-1797), активный борец за трагическое искусство без излишней патетики. Его инициативу поддержал Дэвид Гаррик (1717-1779).

Дэвид Гаррик стремился отвергать штампы классицистского исполнения. Актер не иллюстрировал текст пьесы ходульными жестами, эффектная выразительность поз не являлась для него самоцелью. По мнению Гаррика, нарочитость декламации: распевность, четкость ритма – все это лишало жанр трагедии истинной ценности.

Именно Гаррика историки причисляют к основоположникам реализма в актерском искусстве. Конечно, это был просветительский реализм, отличавшийся от понимания реализма в XX веке. Однако по сравнению с классицистской эстетикой манера исполнения была намного более реалистичной.

Выдающийся историк театра Ю. И. Кагарлицкий в своей работе, посвященной творчеству Гаррика, называет его «натуральным» актером, задавая при этом важный вопрос, касающийся объективной оценки данного определения. Ю. И. Кагарлицкий приходит к следующему выводу: «Гаррик был чувствующим актером. Более того, накал страстей, переносимых им на сцену, был так велик, что бытовые позы показались бы у него неестественными, а естественными представлялись позы, от быта весьма далекие. Они «натуральны», поскольку гармонируют с чувством. Они естественны в пределах данной системы и перестают быть такими, когда система нарушена. Мы, оценивая Гаррика, не можем признать его «натуральность». Но картины немые и неподвижны, отсюда и противоречие между тем, что мы слышали о Гаррике, и тем, что увидели. Современники же воспринимали Гаррика как живого актера во всеоружии его средств, и они никогда бы с нами не согласились. Для них в Гаррике не было никаких противоре-

чий. Он был естествен уже потому, что был исключительно целен»¹.

Гаррик начал свою актерскую карьеру в 1740 году. Его первой ролью стал Арлекин, персонаж в маске. Но уже через год актеру была доверена роль Ричарда III, в которой он так поразил публику, что слухи о невиданной «естественной» манере захватили весь театральный Лондон. «Когда Гаррик в образе Ричарда III появился на сцене и произнес свои первые слова – за это короткое мгновение театральное искусство перешагнуло через целое столетие»², – писал о Гаррике драматург Ричард Камберленд.

К семидесятым годам XVIII века имя Дэвида Гаррика стало известно всей театральной Европе. Его стали воспринимать как основоположника новой – реалистической манеры. Сценические достижения его школы оказали колоссальное влияние на развитие как английской, так и общеевропейской актерской игры.

В эпоху Просвещения секреты исполнительского мастерства старались постичь многие передовые мыслители Европы. Они настолько их волновали, что на сей счет даже возникали напряженные дискуссии. Не случайно, своим знаменитым трудом «Парадокс об актере» (1830)³ Дени Дидро отвечал на трактат А.Ф. Стикотти «Гаррик, или Английские актеры» (1769).

Стикотти был убежден: главное в актерской игре – чувство, эмоциональная заразительность. С его точки зрения, именно объем и партитура чувств отличают талантливого актера. «Душа великого актера должна быть податлива ко всем разнообразнейшим чувствам; она должна всё выражать, всё чувствовать в той степени силы, которая подходит к каждому виду страсти, и заставлять следовать одно душевное движение за другим со всей той стремительностью, которой требуют некоторые характеры»⁴. Тем не менее, автор – человек эпохи Просвещения – отдает должное и разуму: «Из всех природных дарований великого Актера счастливый разум, бесспорно, есть выгоднейший; но непосредственно за оным должно следовать чувствительности»⁵. А.Ф. Стикотти доказывает, что разум необходим для «изучения» (постижения) действительности и «размышления» (осмысления) о ней. Чувство, помноженное на мысль, – вот первооснова актерского творчества.

Одной из первых публикаций, содержащей идеи будущего «Парадокса об актере», стала брошюра «Замечания г. Дидро

1. Кагарлицкий Ю. И. Литература и театр Англии XVIII-XX вв. Авторы, сюжеты, персонажи. М., 2006. С. 161.

2. Минц Н. В. Дэвид Гаррик и театр его времени. М., 1977. С. 71-72.

3. Целиком «Парадокс об актере» издан посмертно. Предположительно, работа над первой редакцией велась с 1770 по 1778 гг. Идеи «Парадокса об актере» были известны современникам задолго до публикации полного текста благодаря активной переписке, критике и публичной полемике Дидро.

4. [Б. а.] Гаррик, или Английский актер. М., 1781. С. 69.

5. Дидро Д. Замечания г-на Дидро на брошюру, озаглавленную «Гаррик, или Английские актеры» // Д. Дидро. Парадокс об актере. Л.; М., 1938.

на брошюру, озаглавленную «Гаррик, или Английские актеры»». В ней Дидро доказывает, что буквальное следование бытовой правде, воспроизведение увиденных реалий выдает актерскую посредственность, а вдохновенные переживания порой непредсказуемы по результату.

Важно отметить, что Дидро обособляет друг от друга английские и французские актерские школы, учитывая разницу в их историческом формировании, а отчасти и менталитет: «...Поскольку между английской манерой писать комедии и трагедии и манерой, в какой они пишутся у нас во Франции, нет почти ничего общего; поскольку, по признанию самого же Гаррика, тот, кто умеет образцово передать сцену из Шекспира, не знает начатков декламации какой-нибудь сцены из Расина, постольку вместе с тем очевидно, что французский и английский актеры, оба признающие истинность принципов того автора, о котором я говорю, не понимают друг друга, и что в техническом языке их профессии имеется настолько значительная неопределенность и растяжимость, что два человека диаметрально противоположных убеждений не могут различить здесь правды»⁶.

С точкой зрения французского мыслителя можно согласиться, если брать за основу то, что развитие всей английской драматургии было определено творчеством Шекспира, которому присущи эпическая мощь, наличие архетипов и философский масштаб поставленных проблем, а французское определялось веяниями классицизма с его рационализмом, строгий структурированностью, логическим мышлением и причинно-следственной закономерностью. Но нельзя забывать о том, что в век Просвещения в английском театре влияние трех единств распространялось и на драматургию Шекспира, всю подвергавшуюся переделкам в соответствии с принятыми законами классицизма. А сам Дидро тем временем создавал «средний» жанр, находящийся между комедией и трагедией, и на его базе исследовал необходимость использования трех единств как основ любого драматургического материала.

Глубокая проницательность Дидро, на первый взгляд кажущаяся парадоксом, состоит в том, что, разделяя искусства по особенностям национального менталитета, он не остановился на анализе различий, а попытался проникнуть в общие законы театрального творчества. Именно поэтому ему удалось определить специфику истоков творчества Дэвида Гаррика: стихийной мощи английского национального характера с прививкой назидательно-просветительского пафоса.

Полемика Дидро и Стикотти проходила в напряженной тональности. Стикотти утверждал, что «трагический актер не должен забывать ни на мгновение ока; а комический составляет тем своё счастье, что забывает благопристойность»⁷, - в трагедии первостепенно важна мысль, во имя чего артист берется за повествование именно этой истории. А в комедии гораздо более важны способы, какими достигается желанный эффект- смех, веселье, радость и хорошее настроение. Размежевывая жанры, Стикотти отделяет мысль от эмоции, разлучает идею и эмоциональную заразительность, не считаясь с тем, что шекспировским пьесам и шекспировским традициям было присуще смешение смешного и трагического, возвышенного и низменного. Это следствие того, что театр XVIII века в Англии стал подчиняться классицистскому правилу несмешения и уходил от шекспировской неразрывной целост-

ности того и другого. Но полностью отречься от художественных откровений национального гения было невозможно – дух Шекспира вновь возродился в Англии. И как наследник великой традиции английского театра, Дэвид Гаррик одинаково тонко ощущал и трагизм бытия, и комическую нелепость несоответствия человеческого существа высшим законам гармонии мироздания – артист был одинаково хорош как в трагедии, так и в комедии. Но согласно веяниям своего времени, увлеченного идеями Просветительства, он вынужден был соблюдать чистоту жанров, не допуская смешения трагического и комического в рамках одной роли и пьесы.

Анализируя творчество этого гения английской сцены, француз Дени Дидро размышлял о тайнах его таланта, тщательно, скрупулезно: от жеста к жесту, от оценки к оценке, описывая технику игры: «Гаррик просовывает голову между двумя створками двери, и в течении четырех или пяти секунд его лицо последовательно переходит от безумной радости к радости тихой, от этой радости – к спокойствию, от спокойствия – к изумлению, от изумления – к удивлению, от удивления – к печали, от печали – к унынию, от уныния – к ужасу, от ужаса – к отвращению, затем с этой последней ступени он последовательно возвращается к той, с которой начал. Могла ли его душа пережить все эти ощущения, пережить в соответствии с игрою лица, эту своеобразную гамму чувств?...»⁸ – и после столь тщательно-подробных описаний делает вдруг парадоксальный вывод: «я совершенно не верю этому, и вы не верите. (...) Разве смеются, разве плачут по усмотрению? Нет, но только лишь делают более или менее верную, более или менее обманчивую гримасу, смотря по тому, Гаррик ли – тот, кто это делает, или нет»⁹. С точки зрения Дидро, Гаррик руководствуется именно разумом и силой своего воздействия на зрителя подтверждает, что в настоящем сценическом творчестве разум должен главенствовать над чувствами.

Развивая далее свои размышления, Дидро с присущей ему дотошностью размежевывал эмоции и чувства как важнейшие ингредиенты актерской кухни: «Быть чувствительным – это одно, а чувствовать – другое. Первое принадлежит душе, второе рассудку. Можно чувствовать сильно, и не уметь передать это»¹⁰. Способность не только видеть, но и переосмыслено воссоздавать увиденное, творя новую художественную реальность, где указаны высшие законы гармонии мироздания, всегда отличает истинный талант. Именно этим талантом, по мнению Дидро, обладал великий Гаррик: замешивая персонаж на хорошо знакомых испытываемых им самим или же наблюдаемых страстях, актер творил нечто ему самому неизвестное, но подчиненное высшей правде – он создавал сценический образ, обобщающий, типизирующий, вбирающий в себя всю конкретику и многообразие той или иной человеческой природы, - только так в счастливо-вдохновенные мгновения творчества достигалась истина. О чем и писал Дидро, взволнованный великим откровением таланта: «Я призываю тебя в свидетели, английский Росций, знаменитый Гаррик, тебя, кого все существующие народы единодушно признали первым актером, воздай честь истине! Не говорил ли ты мне, что, как бы сильно ты ни чувствовал, твоя игра будет слаба, если независимо от страсти или характера, тобой передаваемых, ты не смог возвыситься мыслью до величия гомерического призрака, воплотить который ты стремился? Когда же я возразил, что, следовательно, ты играешь не самого себя, то каков был

6. Дидро Д. Замечания г-на Дидро на брошюру, озаглавленную «Гаррик, или Английские актеры» // Д. Дидро. Парадокс об актере. Л.; М., 1938. С. 131.

7. [Б.а.] Гаррик, или Английский актер. С. 72.

8. Дидро Д. Парадокс об актере. Л.; М., 1938. С. 66-67.

9. Там же.

10. Дидро Д. Театр и драматургия. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 627.

твой ответ? Не признался ли ты мне, что остерегаешься этого и что ты так изумителен на сцене лишь потому, что постоянно показывал в спектакле вымышленное существо, которое не было тобой»¹¹.

Мысль, помноженная на чувство, или чувство, обеспеченное мыслью – вот искомый идеал художественного результата актерской игры Д. Гаррика. Еще раз повторимся, мысль, взлелеянная эпохой Просвещения, привнесенная в почву мощной стихии первоизданного естества человека шекспировской эпохи, определила искания английского театра XVIII столетия. Восемнадцатый век в Великобритании стал веком нового обретения Шекспира.

Дэвид Гаррик приложил немалые усилия к новому пониманию и освоению творческого Шекспира, чье художественное пространство исключало какие-либо жанровые ограничения: в любой шекспировской комедии слышатся трагические обертоны, и ни одна его трагедия не обходится без комедийных ситуаций и реприз. Диапазон драматургических жанров у Шекспира включал и трагедию, и комедию.

В отличие от Франции, в искусстве которой главенствовал классицизм, английский театр отдавал дань самым разнообразным веяниям. В нем были представлены и репертуар просветительского классицизма, и пантомима, и опера – обилие смешанных жанров, разнообразных направлений налицо. Все это давало богатую пищу для английского универсализма в методологии актерской игры.

Восемнадцатый век в Англии - время социального структурирования и распределения сил между королевской властью и ее подопечными. Что не могло не сказаться на искусстве, так или иначе затрагивающем политические и социальные проблемы.

В 1737 году в Англии вышел указ о театральной цензуре, запрещающий использование политических и социальных тем. И потому «сценические подмостки были отданы бытовому, нравоучительным темам»¹². Социальная острота творчества Дж. Свифта (трактат «Наставление актерам»), драматургия Дж. Гея («Опера нищего», «Три часа после свадьбы») и Г. Филдинга («Студент-щеголь», «Старые развратники»), высмеивающие двойную мораль, царящую в якобы пуританской Англии, остались в первой трети XVIII века. Во второй же половине этого столетия преобладали комедии нравов, с их вниманием к свойствам человеческой природы и ухода от социально-политических тем. В числе авторов: Р. Шеридан («Школа злословия», «Соперники», «Дуэнья»), О. Голдсмит («Добрый чок», «Ночь ошибок»), Дж. Кольман («Полли Гоником», «Ревнивая жена») и сам Д. Гаррик («Тайный брак», совместно с Дж. Кольманом, многочисленные переделки пьес Шекспира), многогранный талант которого требовал своей реализации и в написании произведений для сцены. В репертуаре театров значились мещанские драмы с их повышенным интересом к судьбам обычных людей среднего класса общества и узнаваемостью характеров. Среди них - сентиментальные комедии Р. Стиля, Р. Камберленда и Г. Келли – рассчитанные на тонко чувствующих зрителей, готовых сострадать, проникаться переживаниями героев и проливать слезы над их необыкновенными полными всяческих испытаний историями.

Эти произведения для сцены также требовали точности сценического проживания и психологической проработки образов. Драматургия и актерское творчество во все времена были неразделимы, всегда влияли друг на друга - углу-

бленный интерес драматургов к внутреннему миру человека требовал повышенного внимания исполнителей к способам передачи этого мира, к необходимости исследования загадок, характеров персонажей, а, следовательно, и человека как такового.

Хотя Шекспир со времен Реставрации постоянно фигурировал в репертуаре театров Англии, его произведения были представлены не как первоисточники, а в интерпретациях. Драматургия Шекспира подвергалась переработкам, превращаясь в мелодрамы нравоучительной и семейной истории. В первоизданном виде этот драматургический гений Англии казался слишком опасным для властей. К тому же в ту эпоху он был едва ли возможен для сценического воплощения в присутствии его пьесам полноте (не только из-за масштаба поставленных проблем, но и специфике сценической техники).

С ослаблением противоборства королевской власти и общества во второй половине века драматургия Шекспира была по-новому переосмыслена английским просветительством, которому были столь близки «гуманистические идеи» великого соотечественника¹³. Для воспевания идей Просвещения - величия человека, как существа высшего разума, возможность воспитания идеального человека и пр. - использовались также пьесы староанглийских драматургов. Особо популярным был жанр «домашней трагедии», ведь он тоже отвечал формам просветительской морали. Авторами таких трагедий были Дж. Лило и Э.Мур.

Следуя веяниям времени с его вниманием к обычным людям, представителям мещанского сословия, шекспировские пьесы, как правило, превращали в мелодрамы нравоучительные или же семейные истории.

Дэвид Гаррик активно занимался переделкой драматургии Шекспира в духе идей Просвещения. Вот что пишет об этом историк театра Н.В Минц: «Именно в его [Гаррика] творчестве впервые в европейском театре получил свое воплощение стиль просветительского реализма, характеризовавшийся углубленным вниманием к психологической правде переживаний и поступков персонажей. Гаррику это удавалось с гораздо большей глубиной, темпераментом, силой, чем другим актерам того времени, и это свойство его дарования нашло богатую сферу приложения в драматургии Шекспира»¹⁴. Адаптация гениальных пьес Шекспира к требованиям дня отнюдь не исключала глубинной потребности в постижении объема философских проблем и тайн мироздания, присущих шекспировской драматургии: по словам той же Минц, «некоторые английские критики связывают увеличение числа постановок Шекспира непосредственно с его именем. В период сценической деятельности (1741-1776) Дэвида Гаррика считали лучшим комментатором Шекспира, его трактовка шекспировских ролей оказала большое влияние на литературные и философские оценки критиков тех лет»¹⁵.

Конечно же, в первую очередь, речь идет о великом Дени Дидро, которого творчество Дэвида Гаррика натолкнуло на столь глубокие размышления о ремесле актера и задачах театра как такового, о целях искусства, идеях гуманизма.

Даже подвергнутая жесткой переработке энергетическая мощь и философский масштаб шекспировской драматургии брала свое – не считаться с ней было нельзя (все-таки Шекспир, как никакой другой автор, будучи мировым гением, вы-

11. Там же. С. 604.

12. Минц Н.В. Дэвид Гаррик и театр его времени. М., 1977. С.14.

13. Минц Н. В. Старые и всегда современные: парадоксы Шекспира. М., 1990. С. 73.

14. Там же.

15. Минц Н. В. Старые и всегда современные: парадоксы Шекспира. С. 74.

разил английский менталитет). Эпика требовала подобающего сценического пространства. В 1747 году Гаррик освободил сцену от зрительских скамей, стоявших по обе стороны авансцены. Именно Гаррик ввел длительную репетицию, не просто формальную проверку на знание текстов роли, но настоящую работу над спектаклем. Кроме реформы сценического костюма, грима (первым создал характерный грим), актер усовершенствовал свой театр по последнему слову технического прогресса, введя рамповое освещение, позволявшее видеть лица актеров из глубины сцены с невиданной до этого в английском театре ясностью.

Реформированная сцена, обустроенная для исполнения драматургии того времени, позволяла актеру погружаться во внутренний мир своих героев, существуя в ими же созданной художественной реальности – с большей подробностью и непрерывностью проживания роли. Что отнюдь не исключало особого градуса и порой даже укрупненности чувств, пафоса сценического высказывания.

Тем не менее, шекспировские традиции не могли быть изжиты полностью. Сценические подмостки Англии буквально дышали театральностью. И потому, что лишь совсем недавно зрители дистанцировались от актеров, отправили в зал и тем самым распрощались с принципами площадного театра, и потому, что шекспировская традиция настаивала на мысли, которую, разумеется, невозможно было донести, полагаясь лишь на так называемую «чувствительность».

Приближаясь к правдоподобию, лучшие английские актеры стремились к осмысленности игры. Вектор мысли присут-

ствовал в точно выверенных жестах, жесткой логике построения роли, чувстве целого в способах донесения пьесы, когда не теряется соотношение отдельно взятой роли со всем представлением. А это уже зачатки саморежиссуры, невозможной без личного масштаба исполнителя.

Совсем не из прихоти, самодурства или диктата своего уникального таланта Гаррик требовал жесточайшей самодисциплины. Актер тогда должен был быть универсальной личностью: не только исполнять роль, сообразно своей индивидуальности, но и находить (иногда даже создавать) драматургический материал, не забывая об интересах зрителей, иметь некие административные навыки для организации представления, а порой и всего театрального процесса.

Именно фигура Дэвида Гаррика воплотила в себе актерские достижения и противоречия актерского искусства Англии XVIII столетия. Этот великий артист в эпоху Просвещения развивал идеи гуманизма, присущие своему времени. Прежде всего, конечно, в актерском творчестве. Что заставляло его заниматься драматургией и реформой сцены как таковой. Истинный англичанин, он вобрал в себя наследие национального театра, пронизанного духом Шекспира. И сумел соединить традиции с исканиями просветителей. Подробность проживания чувств, не исключавшую пылкости страстей, и достоверность пребывания в роли при точно выверенной форме. Градус сценического существования при отточенности мысли. Именно эти принципы при всей кажущейся парадоксальности своего соседства во многом определили дальнейшее развитие английской школы актерской игры.

ЖИЗНЬ АМЕРИКАНСКИХ ДЕТЕЙ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ОБОЗРЕВАТЕЛЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Матвеева Е.М.,
аспирант,
кафедра всеобщей истории,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: гендерная история, история детства, американская система образования, приюты-казармы, «система коттеджей»

Key words: gender history, history of childhood, the American system of education, shelters, barracks, “a system of houses”

Аннотация. В начале XX века появилось значительное количество газетных и журнальных заметок, в которых русские авторы рассказывали о своих приключениях в Америке, не обойдя вниманием и проблему детства в США. В статье анализируются проблемы восприятия русскими обозревателями статуса юных жителей страны свободы, рассматриваются вопросы их образования, воспитания, детского труда.

At the beginning of the XX century, a considerable number of newspaper and magazine notes that the author talks about his adventures in America, not overlooked and the problem of childhood in the United States. The paper analyzes the problems of perception Russian commentators status of young people in the country of freedom, discusses their upbringing, education, child labor.

Если до середины XIX века Россия проявляла повышенный интерес к Европе, видя в ней главный источник знаний государственного и общественного устройства, то, начиная с конца XIX - начала XX века, Российская Империя все больше ориентируется на молодое, развивающееся быстрыми темпами, государство – Соединенные Штаты Америки¹. Именно с этого периода времени русско-американские отношения выходят на новый уровень широкого общения народов. Его показателем становится периодическая печать и литература, в которых наиболее проявляются духовные интересы обеих стран. Осваивая американскую тему, русские писатели и обозреватели выражали в своем творчестве русский взгляд на Америку, на жителей этого государства, их семейные ценности и традиции. В начале XX века на ведущие, с научной точки зрения, позиции выходит гендерная история: происходит смещение исследовательского интереса на микроуровень, возникают новые объекты исследования: семья, детство, старость, жизнь и смерть человека². В научный дискурс включаются проблемы положения женщин и детей. Темы, посвященные умственному и нравственному воспитанию американской молодежи, семейных отношений американцев стали наиболее частыми в серии очерков о Новом свете. Таким образом, в рамках имагологического исследования представляется интересным рассмотреть вопрос о положении детей в Америке глазами русских обозревателей на рубеже веков.

Известный русский писатель В.Г. Короленко, посещая Америку в 1893 г. отмечал: «А затем, вчера нас поразило огромное участие в личном движении детей. Это - целая армия газетных разносчиков. Вчера при нас выпустили в эти потоки уличного движения – газеты New-Your Tribune.

Переулочек был полон мальчишками, и когда мы поехали от туда в другое место, - то уже всюду мальчишки лет 7, 10, 11 – с кипами газет мелькали, кричали, вскакивали на подножки вагонов, соскакивали на ходу, ныряя между лошаадьми³. Короленко в своих заметках, описывая увиденное им в Америке активное участие детей в жизни улиц, рисовал яркие, живые картины бурлящей действительности. Однако не все оценки были столь позитивными. Русский писатель М. Горький, посетив США в начале XX века, создал повесть «Город желтого дьявола», в которой рисует совсем иной образ: «Внизу, по железной сетью «воздушной дороги», в пыли и грязи мостовых, безмолвно возятся дети, - безмолвно, хотя они смеются и кричат, как дети всего мира, - но голоса их тонут в грохоте над ними, точно капли дождя в море. Они кажутся цветами, которые чья-то грубая рука выбросила из окон домов в грязь улицы. Питая свои тела жирными испарениями города, они бледны и желты, кровь их отравлена, нервы раздражены зловещим криком ржавого металла, угрюмым воем поработанных молний. «Разве из этих детей вырастут здоровые, смелые, гордые люди?», - спрашиваешь себя. В ответ отовсюду скрежет, хохот, злой визг⁴. Читая столь резкие отзывы, легко задаться вопросом о правдоподобности подобных высказываний, даже учитывая субъективность каждого из авторов.

Каково же истинное положение детей в Америке в конце XIX- начале XX века? Для решения этой проблемы стоит обратиться непосредственно к анализу русской периодики исследуемого периода. Редакторы таких журналов, как «Русская мысль»⁵, «Вестник финансов, промышленности и торговли»⁶, «Современный мир»⁷, «Русское богатство»⁸, «Русско-американский вестник»⁹ ни раз на страницах своих печатных органов обращались к теме положения детей в Америке. Исследовались проблемы нравственного и умственного воспитания молодежи, поднимались вопросы о детском труде и охране здоровья младшего поколения Соединенных Штатов, ярко описывались наказания и судебные процессы несовершеннолетних в Америке. Проанализировав данные материалы можно объективно оценить жизнь детей в стране «Нового света».

3. Короленко В.Г. Собрание сочинений в 10 т. Т.10. – М., 1956. - С. 195.

4. Горький М. Город желтого дьявола// Взгляд в историю – взгляд в будущее: Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США. – М.: Прогресс, 1987. - С.341.

5. Рубинов И. Детский труд в Америке//Русская мысль. – 1903. - №10. – С. 1-19.

Рубинов И. Детский труд в Америке//Русская мысль. – 1903. - №11. – С. 22-57.

6. Котельников А. Детский труд в Северо-Американских Соединенных Штатах// ВФПТ. – 1904 - №31. – С.161-169.

7. Рубинов И. Детский вопрос в политике (письмо из Америки)// Современный мир. – 1909. - №8. – С.51-60.

8. Булгаков И.Е. Суды для малолетних в Америке// Русское богатство. – 1910. - №4. – С.33-54.

9. Сельскохозяйственное воспитание//Русско-американский вестник. – 1912. - №2. – С.46-50.

1. Кубанев Н.А. Образ Америки в русской литературе (из истории русско-американских литературных связей к. XIX- 1ой половины XX вв). – М.: Арзамас, 2000. – С.407.

2. Чикалова И.Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития. [Электронный ресурс]: [сайт].Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/chikalova.htm>

Стоит заметить, что воспитание и развитие ребенка начинается с семьи, поэтому многие авторы рассматривали проблему детства в контексте эволюции семейных отношений. Одним из них являлся знаменитый публицист П.И. Попов, уехавший в Соединенные Штаты в 1872г. Без знания иностранного языка и, не имея денежного запаса, он сумел поступить на медицинский факультет Нью-Йоркского университета. Будучи студентом, Попов уже проявлял свои литературные способности: писал из Нью-Йорка в русские газеты о жизни передовой Америки. Обобщающим трудом, рассказывающим о 23-летнем пребывании в США Попова, стала его работа «В Америке», выпущенная в Санкт-Петербурге в 1906г¹⁰. Описывая домашние обязанности самых юных членов семьи, Попов отмечал: «Детям тоже много подходящей работы: сбегать в ближайшую лавочку за булкой, молоком, мясом, газетой; принести угля и дров; накрыть на стол; присмотреть за грудным ребенком»¹¹. Отсутствие в доме прислуги в американской семье играло важную роль в воспитании малышей: они сживались с домашней работой, приучались считать труд обязательным для всех, исходя из этого, дети в США воспринимали дух равенства людей. «Только при таких условиях может развиться та демократическая простота, полная достоинства, которую американцы отличаются от всех других народов»¹², - пишет Попов. Подобный взгляд на воспитательный процесс является характерной особенностью страны «Нового света»: ребенок в Америке с самого своего рождения является полноправным гражданином, которому принадлежит будущее, так же как его родителям - настоящее. Многие в процессе развития ребенка зависело от материального положения его семьи: родители со средствами окружали своих детей особым комфортом. Семьи с небольшим достатком не могли позволить себе достойный отдых на море или в горах в течение летнего времени, поэтому благотворительные общества устраивали путешествия на баржах с музыкой и обильным питанием.

Как проводили время юные члены общества? Помимо помощи по хозяйству, каждый ребенок имел свое собственное время, которое, чаще всего, было посвящено отдыху. Одно из таких времяпрепровождений запомнилось Попову: « Если погода позволяет, они высыпают на улицу... и устраивают политические процессии с музыкой, флагами, речами и громкими возгласами»¹³. Неудивительно, что в будущем многие дети выбирали политическую карьеру. Немецкий психолог Мюнстерберг, посвятивший свою жизнь изучению национальных характеров, отмечал, что «американец – прирожденный политик. Каждый мальчуган вполне знаком с парламентарными формами, и вносить поправки, участвовать в голосованиях – это для него такое удовольствие, пристрастие которому он получает по наследству»¹⁴. Таким образом, американские дети с самого раннего возраста находились в общественно-политической атмосфере. В день выборов юное поколение Соединенных Штатов наблюдало за ходом голосования. «Дети чувствуют, если еще не сознают, что от подачи голосов зависит

благополучие всей страны; что в день выборов все равны – богатые и бедные, славные и неизвестные; даже президент Соединенных Штатов не имеет больше прав, чем последний из рабочих»¹⁵, - писал Попов в своем очерке.

Памятные даты праздновались в стране «Нового света» с особой пышностью, дети активно принимали участие в происходящем. День независимости США - 4 июля - самый важный праздник для всей нации. Учителя в школах объясняли юному поколению значение этого праздника, изучая национальные гимны. Попов восторгался: «А вечером по всей стране пускаются фейерверки, на которые тратится ежегодно до десяти миллионов долларов»¹⁶. На вопрос о том, не лучше ли было бы потратить средства, вложенные в праздник, на строительство университета, Попов получил следующий ответ от своего знакомого американца: «Никакими университетами вы не разовьете в целой стране таких сильных патриотических чувств, как нашим торжеством 4-го июля»¹⁷.

День благодарения особенно почитаем американцами. В последний четверг ноября школьники приносили для бедных фрукты, питание и даже деньги. Материальное содержание, как это ни покажется странным, поступало, главным образом, из собственных средств детей. Американцы придерживались подобной точки зрения, что дети с самого раннего возраста, должны иметь собственные деньги и даже открывать в банке собственный счет.

Система воспитания в Соединенных Штатах рубежа XIX-XX веков была построена на принципах свободы и самостоятельности. Лишь только начав говорить и понимать, каждый ребенок должен учиться осознавать свою личность, свое «Я», привыкать к ответственности за свои поступки. В 1903г журнал «Русская мысль» публикует статью врача Черевковой А.А. «Бостон и народное образование в Америке», написанную в рамках кругосветного путешествия, совершенного в 1895-1896гг. Она в своей работе уделяет внимание формированию качества самостоятельности в характере юных американцев: «В каждом американском городе рано утром можно видеть крошек лет 5-6, отправляющихся без провожатых в свои детские сады. Дети одни переходят бойкие улицы, одни входят в конку или поезд воздушной железной дороги, сами покупают себе билеты. В Чикаго, на центральном рынке, мне приходилось видеть, как совсем маленькие девочки с корзинками в руках сами покупали провизию»¹⁸. Ошибки, которые совершаются ребенком, служат, таким образом, ему на пользу, способствуют выработке личного опыта. Благодаря стремлению к самостоятельности, дети начинают достаточно рано осознавать всю практическую сторону жизни, закаливая свой характер. Воспитанные подобным образом, юные американцы, поэтому так не похожи на европейскую молодежь, образование, которой часто преподавалось домашними учителями и гувернантками.

Важным моментом в воспитании молодого поколения играет образование. В начале XX века в большинстве штатов Северной Америки было введено обязательное обучение. Частных элементарных школ практически

10. Попов П.И. В Америке. Очерки американской жизни по личным наблюдениям автора, прожившего в Америке безвыездно 23 года (1.872-1895). 1906. – С.223.

11. Там же. С.224.

12. Там же. С. 226.

13. Там же. С.244-245.

14. Мюнстерберг Г. Американцы. Т.1. Политическая и экономическая жизнь. – М., 1906. – С.103.

15. Попов П.И. В Америке. Очерки американской жизни по личным наблюдениям автора, прожившего в Америке безвыездно 23 года (1.872-1895). 1906. – С.249.

16. Там же. С.246.

17. Там же. С.262.

18. Черевкова А.А. Бостон и народное образование в Америке// Русская мысль. – 1903. - №8. – С. 97.

не существовало¹⁹, хотя к 1911 году ситуация меняется, «Русско-американский вестник»²⁰ за этот период времени подтверждает появление частных образовательных центров. На рубеже веков в стране «Нового света» выделяют следующие категории учебных заведений: общественные школы с восьмилетним, средние – с четырехлетним курсом²¹. В них, кроме элементарных предметов, шло преподавание алгебры и геометрии, латинского и греческого языка, литературы. Третье звено обучения составляли высшие школы. Известный немецкий романист Вильгельм Поленц, описавший свои американские впечатления в цикле очерков «Страна будущего», вышедших в свет в 1904г, уделил проблеме американского образования особое внимание. Он писал: «Янки питает большое уважение к образованию, он знает, что оно необходимо для каждого желающего играть роль в обществе и что оно открывает двери к самым важным и прибыльным местам»²². Следовательно, развивая умственный кругозор американских детей, семья и школа совместно преследуют одну и ту же цель – дать школьникам правильное понимание, прежде всего, их родины - Америки. Таким образом, становится понятным, что энциклопедистами школьники США не были.

Юные американцы изучали литературу только на английском языке, обстоятельно знакомились с географией преимущественно своей родины, проникались духом патриотизма на уроках истории. «Этому великому, подвижному и волнующемуся миру, в котором мы должны жить и действовать, необходимы люди с бодрым телом, крепкими нервами и мускулами, люди с живым, деятельным умом, сильным характером, твердой волей, люди, способные к мысли, деятельности и выносливости среди трудностей и обязанностей жизни»²³, - говорил о цели воспитания младшего поколения страны «Нового света» известный американский педагог в начале XX века Макс Алистер, директор института Дрекслея. Чувством патриотизма пронизана вся атмосфера образования. Традиционно, юбилеи разных исторических событий находили отражение в школьных мероприятиях, причем, необходимым атрибутом праздника являлось воспевание национального гимна Америки: «Моя страна! Тебя воспеваю, дорогая страна свободы. Страна, где умерли наши отцы; страна – гордость пилигримов. Пусть песнь свободы несется со всякой горы»²⁴.

Нравственное воспитание являлось базисом школьной системы. Все внимание педагогов обращалось на то, чтобы развить в детях силу воли, самостоятельность, сознание долга. Подобным образом происходил образовательный процесс в американских школах на рубеже XIX-XX веков. Школа, семья и общественная жизнь были объединены в одну воспитательную систему, действуя взаимосвязано и в одном направлении. Особенность американской школы рубежа веков заключалась в том, что только по окончании начальной школы, в возрасте 13-14 лет, юные жители страны «Нового света» могли вступить на среднюю ступень образования, называемую в Америке high school. В этом

случае курс длился 3-4 года, после чего существовала возможность продолжения обучения в одном из многочисленных высших учебных заведений. Подобное отличие американской школы давало возможность облегчить доступ к образованию всем категориям населения. Благодаря этому обстоятельству, дети бедных родителей имели шанс поступить в среднюю школу, для чего была создана система стипендий, поощряющая наиболее талантливых учеников.

Особую категорию детей составляли сироты и оставшиеся без попечения родителей. Прежде всего, подобная участь ждала многих потомков эмигрантов. Их существование кардинальным образом отличалось от жизни американских детей в семье. «Мальчики этого рода живут сами по себе, никто не заботится о них, да и им нет ни до кого дела. Одни из них существуют милостыней, воровством; другие – продажей спичек, яблок, газет: некоторые собирают на улицах тряпки и кости. Они спят на ступеньках чужих домов, в подвалах, в конюшнях, на рынках или в грязных ночлежных домах» - описывает юных жителей улиц Америки Попов²⁵. Судьба девочек-сирот еще пессимистичнее: им достаточно в раннем возрасте приходилось ознакомиться с пороками общества переходного периода.

Американская общественность вынуждена была помогать младшему поколению в подобных ситуациях, создавая приюты, работные дома, ремесленные школы. В США на рубеже веков было установлено постоянное сношение с фабриками, заводами, фермерами, из которых многие усыновляли сирот. Попов в своем очерке «В Америке» описывал «Дом для мальчиков, продавцов газет»²⁶. Русский обозреватель указывал на то, что в год этим учреждением пользовались до 10000 мальчиков. Дети содержали себя собственным трудом: «Благодаря поддержке и благотворному влиянию этого дома, многие из его обитателей прокладывают себе прочную дорогу на жизненном поприще, а некоторые даже создают себе почетное имя»²⁷. Нужно отметить, что правительство США и аппарат президента всерьез озабочены детским вопросом. Этой проблеме была посвящена конференция, проходившая 12-13 января 1909 года. Президент США Уильям Тафт в своей вступительной речи заявил: «С точки зрения всего нашего народа нет более важного вопроса, чем тот, который вы призваны разрешить, ибо забота о детях есть забота о будущем народа»²⁸. В результате работы комиссии удалось выработать резолюции, которые были единогласно приняты. По мнению большинства, «домашняя жизнь наивысший продукт цивилизации»²⁹, поэтому было постановлено разрушать семью лишь в силу серьезных обстоятельств, а не из-за материальной несостоятельности родителей. По мнению комиссии, общество должно стремиться ограничить нищету, изучая ее причины. Необходимо создать условия для агитации в пользу страхования на случай болезни, смерти или инвалидности; укрепить контроль детского труда и улучшить условия детской жизни. Если же ребенок, несмотря ни на что, был удален из семьи в силу некоторых обстоятельств, то следует рассмотреть вопрос о

19. Поленц В. Страна будущего. – СПб., 1904. – С.168.

20. Независимый. Народные школы в Америке// Русско-американский вестник. – 1911. - №2.- С.18.

21. Поленц В. Страна будущего. – СПб., 1904. – С.169.

22. Там же

23. Черевкова А.А. Бостон и народное образование в Америке// Русская мысль. – 1903. - №8. – С. 98.

24. Попов П.И. В Америке. Очерки американской жизни по личным наблюдениям автора, прожившего в Америке безвыездно 23 года (1.872-1895). 1906. – С.248.

25. Попов П.И. В Америке. Очерки американской жизни по личным наблюдениям автора, прожившего в Америке безвыездно 23 года (1.872-1895). 1906. – С.252.

26. Там же. С.253.

27. Там же. С.253-254.

28. Рубинов И. Детский вопрос в политике (письмо из Америки)// Современный мир. – 1909. - №8. – С.56.

29. Там же. С. 56.

его знакомстве с приемными родителями. Подбор, однако, должен происходить достаточно тщательно специальными агентами.

К сожалению, эти мероприятия не снимали проблему сиротских приютов. Американские политики разделились в своих взглядах на этот аспект. Одни выступали за создание приютов-казарм, помещающих тысячи детей под однообразным режимом, по системе распределения юных американцев на многочисленные группы, каждая из которых должна существовать обособленно, создавая иллюзию семьи. Вторая половина политических деятелей разработала так называемую «систему коттеджей». В идеальном случае, каждая группа имела собственный коттедж, собственный штат взрослых-воспитателей. Комиссия одобрила последний вариант, рекомендуя, чтобы группы не превышали 25 человек. Однако, как в своей речи заметил Тафт: «Правительство может сделать многое, но не все. Помощь отдельным лицам и частные организации всегда будут необходимы»³⁰. Поэтому, комиссии было рекомендовано учреждение специального «Детского бюро», которое должно заниматься изучением всех вопросов, касающихся детской жизни. Наиболее важным из них является вопрос о детском труде.

По данным XI ценза (1890) детей, вынужденных работать, насчитывалось «ни коем случае, ни меньше миллиона»³¹. Анализируя данные статистики, приходим к выводу, что проблема детской занятости в разных штатах обладала различной интенсивностью: в западных и тихоокеанских, подобного явления вообще не существовало, в центральных - число работающих детей, хотя весьма значительно, но отмечалась тенденция к уменьшению, в южных штатах существовал самый высокий процент детского труда.

Основным местом работы несовершеннолетних граждан Америки были южные хлопчатобумажные фабрики. На 1900г от общего числа рабочих на этом производстве насчитывалось 13,3% детей³². Условия детской трудовой деятельности незначительно отличались от взрослых: высокая продолжительность рабочего дня, отсутствие элементарных гигиенических условий, низкая оплата труда. Комитеты, способствующие ограничению детского труда, не раз поднимали вопрос о 8 часовом рабочем дне и о трудовом возрасте. Но во многих штатах продолжительность деятельности детей осталась на уровне 12 часов. Подобная ситуация складывалась и относительного возрастного диапазона работающих юных американцев: в различных штатах возраст детей, ранее которого запрещено законом привлекать их к работе, колебался между 10 и 16 годами³³. Но повсеместно имели место нарушения законодательства. Обозреватель из России, являвшийся корреспондентом «Русской мысли», И.Рубинов подробно описывал в своих очерках условия деятельности несовершеннолетних в Америке: «Дети работают наравне со взрослыми. Я говорил с маленьким мальчиком 7 лет в Алабаме, который

работал 40 ночей подряд; другой 6-летний ребенок был в ночной смене 11 месяцев»³⁴. Подобный образ жизни негативно влиял на здоровье: «Ни один ребенок, работающий на фабрике, не выглядит здоровым. И если встречаются исключения, то это новичок. Они отличаются крайней бледностью и старческим замученным выражением, которое совсем не гармонирует с детским лицом и вызывает бесконечную жалость»³⁵.

Однако профессиональная ориентация несовершеннолетних не ограничивалась только хлопчатобумажной промышленностью. Анализ источников личного происхождения и статистических данных за 1900 -1904гг, опубликованных в «Вестнике финансов, промышленности, и торговли»³⁶ за указанный временной диапазон, можно выделить следующие отрасли промышленности, на которых отмечалось использование труда детей: пищевая, текстильная индустрия, железное и стальное дело, обработка дерева, обработка кожи, печатное и бумажное дело, химическая промышленность, табачное производство, кораблестроение, обработка стекла, металлическое производство. На 1900г от общего числа рабочих (5308406) насчитывалось 168583 детей, т.е. 3,2%³⁷. Таким образом, детский труд являлся важным фактором в сравнительно многих индустриальных группах. Помимо производственной и добывающей промышленности, 44426 детей работали в торговых учреждениях³⁸.

Исследователи гендерной истории в своих работах не раз показывали, что ранняя трудовая деятельность оказывает серьезное влияние на развитие личности ребенка³⁹. С одной стороны, несмотря на достаточно сложные условия работы, закаливается характер и воля юных американцев – они, как нельзя более, знакомятся с практической стороной жизни и вырабатывают свой личностный стержень, помогающий найти собственное место под солнцем. Однако, с другой стороны, умственный кругозор детей весьма ограничен, так как монотонная работа на фабрике отнимает не только время, но и всю нервную систему. Постепенно фабричная рутина наполняет весь этот кругозор, и ребенок забывает о существовании внешнего мира. Жизнь сводится только к неустанным трудом и сменяющему его отдыху. Другой отрицательной чертой ранней трудовой деятельности, является доступ к различным порокам общества: курению, алкоголю и подобным негативным элементам. Это, прежде всего, касается детей, работающих продавцами газет, так как, специфика их профессиональной деятельности в том, что подчас приходилось реализовывать товар в ночное время у дверей баров и ресторанов. Русский обозреватель Рубинов приводит в своем очерке яркий пример: «Падди продавал газеты с тех пор, как ему минуло 5 лет. К 12 годам он превратился в азартного игрока, и часто шулерничал. В 13 лет он продавал ночные издания газеты в

30. Рубинов И. Детский вопрос в политике (письмо из Америки)// Современный мир. – 1909. - №8. – С.56.

31. Рубинов И. Детский труд в Америке// Русская мысль. – 1903. - №10. – С.4.

32. Рубинов И. Детский труд в Америке// Русская мысль. – 1903. - №10. – С.9.

33. Котельников А. Детский труд в Северо-Американских Соединенных Штатах// ВФПТ. – 1904 - №31. – С.166.

34. Рубинов И. Детский труд в Америке// Русская мысль. – 1903. - №10. – С.11.

35. Там же. С.12.

36. Рубинов И. Детский труд в Америке// Русская мысль. – 1903. - №10. - С.13.

37. Там же. С. 2.

38. Рубинов И. Детский труд в Америке// Русская мысль. – 1903. - №10. – С.4

39. Чикалова И.Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития. [Электронный ресурс]: [сайт].Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/chikalova.htm>

Тендерлойке и научился обкрадывать карманы пьяных. Он зарабатывал деньги и тратил их, как мужчина, часто ходил в дома терпимости. К 17 годам он был уже заражен венерической болезнью»⁴⁰. Подобных примеров масса.

Следовательно, в начале XX века в Америке достаточно остро встал вопрос о регулировании труда детей. Однако по своему характеру эта отрасль законодательства столь различна в зависимости от штата, поэтому следует сгруппировать законодательные меры следующим образом: 1) законы, ставящие абсолютную возрастную границу, до которой нельзя пользоваться трудом детей во всех платных занятиях или в главных отраслях промышленности; 2) законы, запрещающие пользование трудом детей школьного возраста или неграмотных детей в течение учебного времени или если они не удовлетворяют известным образовательным требованиям; 3) законы, запрещающие пользование трудом детей в известных опасных, редных производствах, привлекая их к безнравственным профессиям; 4) законы, запрещающие привлекать детей к опасным для их жизни занятиям; 5) законы, ограничивающие рабочий день детей или воспрещающие ночные работы. Однако, несмотря на все усилия политиков, число работающих детей за десятилетие (1890-1900гг) увеличилось с 900000 до 17500001. Поэтому можно сделать вывод, что на рубеже XIX-XX веков проблема детской занятости на американском производстве была одной из самых актуальных.

Таким образом, исследовав проблемы положения детей в Америке на рубеже XIX-XX века, удалось рассмотреть вопросы детского воспитания, образования юных жителей страны «Нового света», проанализировать положение сирот, оставшихся без попечения родителей, дать характеристику детской занятости. Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что на рубеже веков проблема детства в Соединенных Штатах была одной из самых острых, которая требовала своего законодательного и юридического оформления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК. ИСТОЧНИКИ:

1. РГАЛИ, ф. Короленко В.Г., 1948г., д. 326-330, 762л.
2. Булгаков И.Е. Суды для малолетних в Америке// Русское богатство. – 1910. - №4. – С.33-54.
3. Горький М. Город желтого дьявола// Взгляд в историю – взгляд в будущее: Русские и советские писатели, ученые, деятели культуры о США. – М.: Прогресс, 1987. – С.341.
4. Женские медицинские колледжи в Англии и Америке// Вестник Европы. – 1897. - №9. – С. 88-99.
5. Короленко В.Г. Собрание сочинений в 10 т. Т.10. – М., 1956.
6. Котельников А. Детский труд в Северо-Американских Соединенных Штатах// ВФПТ. – 1904 - №31. – С.161-169.
7. Мачтет Г. По белу свету. (Очерки американской жизни). – М., 1889. – 366с.
8. Мюнстерберг Г. Американцы. Т.1. Политическая и экономическая жизнь. – М., 1906. – 423с.
9. Независимый. Народные школы в Америке// Русско-

40. Рубинов И. Детский труд в Америке// Русская мысль. – 1903. - №10. – С.26.

американский вестник. – 1911. - №2.- С.18-20

10. Поленц В. Страна будущего. – СПб., 1904. 188с.
11. Попов П.И. В Америке. Очерки американской жизни по личным наблюдениям автора, прожившего в Америке безвыездно 23 года (1.872-1895). 1906. –323с.
12. Рубинов И. Детский вопрос в политике (письмо из Америки)// Современный мир. – 1909. - №8. – С.51-60.
13. Рубинов И. Детский труд в Америке//Русская мысль. – 1903. - №10. – С. 1-19.
14. Рубинов И. Детский труд в Америке//Русская мысль. – 1903. - №11. – С. 22-57.
15. Рубинов И. Женщина в американских университетах// Русская мысль. – 1908. - №7. – С. 104-122.
16. Рубинов И. Капитал и народное питание в Америке//Современный мир. – 1906. - №10. –С.67-91.
17. Рубинов И. Эволюция домашней жизни в Соединенных Штатах// Русская мысль. – 1905. - №6. – С. 194-207.
18. Сельскохозяйственное воспитание//Русско-американский вестник. – 1912.- №2. – С.46-50.
19. Тверской П. Женский труд в Америке//Вестник Европы. – 1898. – №6. – С. 559-573.
20. Тверской П.И. Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. – СПб, 1895. – 471с.
21. Черевкова А.А. Бостон и народное образование в Америке// Русская мысль. – 1903. - №8. – С. 87-112.
22. Эмме К. Америка и американцы. – СПб., 1900. – 44с.

ЛИТЕРАТУРА:

23. Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской, русской общественной мысли. – М.: Наука, 2001. – 550с.
24. Аскольдова С.М. Высшее образование женщин в США в XIX в.// Американский ежегодник. – М.: Наука, 1987. – С. 175-195.
25. Бурин С.Н. Американские впечатления Владимира Короленко// Размышления об Америке. Исторический альманах. Выпуск 1. - М.: ИВИ РАН, 2001. - С. 159-184.
26. Бурин С.Н. Взгляд на Америку из Советской России (М. Горький, С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пильняк, И. Ильф и Е. Петров)//Восприятие Соединенных Штатов Америки по обе стороны Атлантики. Сборник статей. - М.: ИВИ РАН, 1997.- С.170-187.
27. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://az/lib/ru/a/amfiteatrow_a_w/text_0200.shtml, свободный. - Загл. с экрана.
28. Кошелева О.Е. «История детства» как способ реконструкции и интерпретации истории воспитания и обучения в зарубежной историографии // Всемирный историко-педагогический процесс: концепции, модели, историография. - М., 1996. С. 185-215.
29. Кубанев Н.А. Образ Америки в русской литературе (из истории русско-американских литературных связей к XIX- 1ой половине XX вв). – М.: Арзамас, 2000. – С.407.

30. Носков В.В. История и «гендерная история»// Гендерная история: pro et contra: Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ/ Под ред. М.Г.Муравьевой. -СПб., 2000. С. 42

31. Пушкарева Н.Л. Гендерная методология в истории // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под ред. М.М.Мальшевой. -М., 2001. С. 64.

32. Репина Л.П. Гендер в истории: проблематика и методология исследований// Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций/ Под ред. О.А.Ворониной. - М., 2001. С. 35.

33. Чикалова И.Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития. [Электронный ресурс]: [сайт].Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/chikalova.htm>

К ВОПРОСУ О ОСНОВАНИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Мелкумян М.Г.,
аспирант,
Самарская гуманитарная академия

Ключевые слова: функция юридической ответственности, воспитательная функция,
основания воспитательного воздействия

Key words: the function of legal liability and educative function, the base of educational influence

Аннотация. В статье исследуются основания возникновения возникновения воспитательной функции юридической ответственности, которые связываются как с юридическим фактом совершения правонарушения, так и с фактом вступления нормы юридической ответственности в законную силу

The article investigates the reasons of the emergence of the educational function of legal responsibility, cotoyre associated with both legal fact of committing offenses, sheniya, and with the fact that the entry of legal liability rules in force

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса об основаниях возникновения воспитательной функции юридической ответственности необходимо сначала охарактеризовать основания возникновения юридической ответственности. Поскольку основания возникновения той или иной функции юридической ответственности производны и напрямую вытекают из оснований возникновения самой ответственности.

Под основанием правовой ответственности понимают юридико-фактические явления, наличие которых делает ответственность возможной, а их отсутствие полностью ее исключает.

В правовой литературе нет единства мнений по поводу основания юридической ответственности, под которым понимают:

- 1) Связь между личностью и обществом, социальную детерминацию действий субъектов;
- 2) Общественные отношения;
- 3) Несоблюдение требований правовых норм;
- 4) Правонарушение;
- 5) Состав правонарушения;
- 6) Несение субъектом права позитивной юридической ответственности¹.

Д.А. Липинский отмечает, что термин основание ответственности может употребляться в двух смыслах: нормативное и фактическое основание. Таким образом, совершение правонарушения является фактическим основанием, а наличие норм права, предусматривающих ответственность, - формальным

Есть и другие позиции, которые, безусловно, не лишены оснований. Однако, думается, с закреплением ст. 8 УК РФ 1996 г. положения, согласно которому основанием ответственности, в данном случае уголовной, является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренные нормами Общей и Особенной частей УК, вопрос об основаниях ответственности

потерял практическую значимость².

На наш взгляд, важное дополнение высказано И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшиным. Они указывают, что основанием ответственности конкретного лица является не просто правонарушение (точнее - состав правонарушения), а установленное правонарушение с его стороны. Пока наличие в деянии конкретного лица состава конкретного правонарушения не установлено (естественно, судом), ответственность этого лица невозможна³.

Состав уголовного правонарушения (преступления), как известно, включает четыре признака (или группы признаков): субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона преступления; при этом общепризнанно и законодательно закреплено (ст. 8, ст. 29 ч. 1 УК РФ), что отсутствие хотя бы одного из указанных элементов разрушит весь состав. В состав гражданского правонарушения включают тоже четыре признака: противоправное поведение, наличие убытков, причинная связь между деянием лица и образовавшимися убытками и вина причинителя вреда. Есть ли гражданское правонарушение и может ли быть возложена ответственность в том случае, если какого-либо из указанных признаков не хватает? Здесь существуют самые разные позиции. Есть мнение, согласно которому в этом случае нет правонарушения, поэтому и юридическая ответственность невозможна. Другие усматривают все же здесь гражданско-правовой деликт, за который должна следовать ответственность. Существует даже третья позиция: ответственность может наступать при отсутствии правонарушения.

Например, Л.И. Спиридонов считает, что в ряде случаев правовая ответственность может наступать не только вследствие правонарушения, но и при совершении лицом объективно противоправного деяния⁴. Этим понятием обозначают случаи, когда деяние содержит не все признаки, необходимые для квалификации его в качестве правонарушения (отсутствует вина), хотя деяние противоправно и с фактической точки зрения зачастую очень опасно для общества. Но для реализации воспитательной функции юридической ответственности в данном случае очень важно наличие вины в противоправном деянии лица, так как иначе лицо, совершившее деяние без вины, не понимает упречность своего поведения, не понимает, в чем заключалась недозволенность его действий, какие внутренние установки ему необходимо изменить или совершенствовать. Например, ответственность в предпринимательских

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 07.03.2011)// Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, №25, ст. 2954; Собрание законодательства РФ, 14.03.2011, №11, ст. 1495.

3. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. - М.: Юрайт, 2008. - с.73.

4. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: Учебник. - М.: Норма, 2007. - с.324.

1. См.: Липинский Д.А. Формы реализации юридической ответственности. - Тольятти: Изд-во ТолПИ, 1999. - с.36.

отношениях не зависит от вины, а вина в гражданском праве выводится из понятий «заботливость» и «осмотрительность». Вот и получается, что, как бы заботливо или осмотрительно ни действовало лицо, для него все равно наступит ответственность. Не выполняет в этом случае ответственность и свою превентивную функцию. Если в процессе функционирования ответственности одновременно с карательной и восстановительной функциями не осуществляется воспитательная и превентивная функции, это есть проявление дисфункции юридической ответственности. Такая ответственность лишена всякого смысла и превращается в средневековую кару. Семьдесят девять процентов проанкетированных показали, что юридическая ответственность без вины не способна осуществлять воспитательную функцию, семьдесят пять процентов опрошенных видят в юридической ответственности без вины только бессмысленную кару. Более 79 % экспертов считают, что ответственность без вины не способна осуществлять превентивную функцию⁵. Таким образом, можно утверждать, что в юридической ответственности без вины проявляются не функции юридической ответственности, а ее дисфункции.

Принцип виновности деяния - это отправная идея, закрепленная в действующем законодательстве, предписывающая установление и применение юридической ответственности только в отношении тех коллективных или индивидуальных субъектов, в чьих деяниях имеется вина в предусмотренных законом формах.

Того же мнения, что и Л.И. Спиридонов, придерживается Г.К. Матвеев, который отмечает, что в гражданском праве имеет место как виновная, так и безвиновная ответственность, а также:

- «безвредная ответственность» (например, за недопоставку товара в виде уплаты неустойки, даже если ненадлежащее исполнение договора не повлекло убытков);
- «беспричинная ответственность» (за увечье пассажира самолета, причиненное в результате воздействия непреодолимой силы);
- ответственность за вредные последствия таких действий, которые совершены в состоянии крайней необходимости (т.е. при отсутствии противоправности)⁶.

В подтверждение своих слов Г.К. Матвеев ссылается на судебную-арбитражную практику, которая не дает повода изменять давно устоявшуюся терминологию? Перед судом одинаково отвечают все, считает он, хотя среди ответчиков есть и невиновные лица, а также лица, действия которых не находились в прямой причинной связи с ущербом, либо же лица, вообще не причинившие никаких убытков или же причинившие его правомерно (крайняя необходимость). Не пошел по линии изменения традиционной терминологии и законодатель, который употребляет термин ответственность в рассматриваемых случаях.

На наш взгляд, основанием возникновения юридической ответственности является именно правонарушение. В этой части мы солидарны с мнением Л.И. Спиридонова и Г.К. Матвеева.

Все функции юридической ответственности непосредственно вытекают из основной цели юридической ответ-

ственности – предупреждение совершения новых правонарушений. В этой связи воспитательная функция юридической ответственности наиболее тесно связана с основной целью юридической ответственности.

Для уяснения оснований возникновения функций юридической ответственности представляется необходимым рассмотреть соотношение данного понятия с иными правовыми феноменами. Одной из правовых категорий, представляющей интерес с точки зрения ее теоретической и практической сопоставимости с феноменом функций юридической ответственности, являются задачи (цели) юридической ответственности. По мнению ряда ученых, зависимость функций юридической ответственности от его задач проявляется, во-первых, в том, что задачи нередко непосредственно обуславливают самое существование функций; во-вторых, определяют их содержание и, в-третьих, самым существенным образом влияют на формы и методы их реализации, определяют конкретные направления правового принуждения. Такой подход характеризует первичность задач юридической ответственности по отношению к его функциям. Существуют, однако, и иные представления о соотношении задач и функций юридической ответственности. По мнению Б.Т. Разгильдиева, задача не может быть определяющим фактором по отношению к функции юридической ответственности, она может быть только определяемым. Ученый объясняет это тем, что задача по отношению к функциям юридической ответственности выступает внешним фактором. Определяющим же, с его точки зрения, может стать лишь внутреннее свойство права - функция⁷.

Следует признать, что основное различие задач и функций юридической ответственности заключается в том, что задачи представляют собой некие внешние по отношению к юридической ответственности явления и выступают ориентирами правового регулирования, определяют направления воздействия юридической ответственности на последующее поведение субъекта. Функции – это то, что внутренне присуще юридической ответственности, это внутренняя движущая сила юридической ответственности

В науке позиция Б.Т. Разгильдиева была подвергнута критике. Проанализировав его высказывания, М.П. Трофимова пришла к следующим выводам. С ее точки зрения, задача - категория по большей мере субъективная. Любая деятельность перед началом осуществления требует постановки целей и задач. И получается, что законодатель формулирует ту или иную отрасль права, а затем выводит ее задачи из сущностной особенности. Такие рассуждения, по ее мнению, противоречат логике вещей⁸. На первый взгляд, доводы М.П. Трофимовой выглядят вполне убедительно. Очевидно, что явление не может функционировать «просто так», «вхолостую», не выполняя при этом никаких задач.

Но, по нашему мнению, не стоит торопиться с выводами. И прежде чем сделать определенное заключение о том, что является определяющим по отношению друг к другу - функции явления (внутренний фактор) или задачи, стоящие перед ним (внешний фактор), необходимо ответить на вопрос, можно ли поставить перед явлением какие-либо за-

5. Кабанов П.А. Карательная функция в системе функций юридической ответственности. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2004. - 146 с.

6. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. - М.: Юрайт, 2009. - с.6.

7. азгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов: Издательство САП, 2010. - с.53.

8. Трофимова М.П. Функции юридической ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. с.63.

дачи, не зная его функций? Можно ли вообще вести речь о каких-либо социальных задачах, не ориентируясь при этом на реальные жизненные процессы, происходящие в обществе, не учитывая особенности функционирования тех или иных социальных явлений, то есть полностью пренебрегая наличными материальными отношениями? Очевидно, что нет. В этой связи, возможно, прав Б.Т. Разгильдиев, указывая, что именно функции предопределяют задачи юридической ответственности, а не наоборот. Нельзя поставить перед каким-нибудь явлением задачу масштабнее, нежели та, которую оно способно выполнить в соответствии со своими внутренними возможностями. Таким образом, задачи любого явления (в том числе права) определяются его внутренними способностями к их решению.

Если же попытаться развить дальше логику рассуждений о соотношении задач и функций юридической ответственности и обратиться к причинам возникновения юридической ответственности, можно прийти к прямо противоположным выводам. Любое социальное явление (в том числе юридическая ответственность) возникает при условии наличия соответствующих предпосылок и существования объективной необходимости в его появлении. Юридическая ответственность возникает в обществе в связи с объективной потребностью, то есть для решения определенных задач, которые для своего разрешения нуждаются в правовом регулировании. Не будь этой потребности, не будь задач, требующих именно правового воздействия, юридическая ответственности вообще не возникло бы, общество вполне обходилось бы иными социальными регуляторами.

На основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы. Изначально функции юридической ответственности, предопределяются теми задачами, которые вызвали ее к жизни. Юридическая ответственность осуществляет свои функции исключительно ради достижения определенных внешних социальных целей и задач. В процессе ее функционирования происходит постоянное взаимодействие целей, задач и функций юридической ответственности, корректировка их взаимного содержания. Подобное непрерывное взаимодействие обусловлено теснейшей взаимосвязью указанных явлений и, в конечном итоге, их единством, ибо одно немислимо без другого.

Юридическая ответственность преследует следующие основные задачи:

- охрана прав и законных интересов субъектов правовой жизни, законности и правопорядка;
- восстановление социальной справедливости;
- предотвращение правонарушений;
- наказание правонарушителя.

Таким образом, по результатам проведенного в настоящем параграфе исследования приходим к следующим выводам:

1) основания возникновения воспитательной функции юридической ответственности непосредственно вытекают из оснований юридической ответственности, а именно в результате совершения правонарушения;

2) основания возникновения воспитательной функции юридической ответственности определяются одной из целей (задачей) юридической ответственности стоящей перед обществом и государством, а именно предотвращение правонарушений. Превентивный характер данной функции

позволяет предупреждать совершение новых правонарушений как со стороны лиц совершивших правонарушение (частная превенция), так и со стороны других субъектов права (общая превенция). Правовое воспитание связано в целом с проблемой формирования правовой культуры, правосознания и навыков правомерного поведения. Данная проблема связана со всем инструментарием правового воздействия, включая правовую идеологию, построенную на принципах права и юридической ответственности.

3) Цели и функции, в том числе воспитательная функция юридической ответственности находятся в постоянном взаимодействии друг с другом.

4) Соотношение оснований возникновения воспитательной функции юридической ответственности с основаниями возникновения других функций юридической ответственности непосредственно обуславливается соотношением самих функций юридической ответственности.

Очень важно, что бы установление и реализация воспитательной функции юридической ответственности происходило на основе принципа индивидуализации. Обязанности, запреты, предписания, которые закрепляет юридическая ответственность, не могут быть одинаковыми для всех субъектов, они зависят от правового статуса субъекта⁹. В общий правовой статус гражданина входят лишь общие для всех субъективные права и обязанности и не включаются многочисленные функции юридической ответственности. Воспитательное воздействие не может быть одинаковым для всех субъектов, совершивших правонарушения. Характер и направленность воспитательной функции зависят от вида правонарушения, вида наказания, длительности наказания, личности правонарушителя. В зависимости от специфики вида наказания и вида правонарушения определяется, на какой элемент структуры личности правонарушителя будет воздействовать воспитательная функция юридической ответственности. Наказания имущественного характера (штраф, конфискация имущества, исправительные работы) прежде всего, оказывают воздействие на исправление корыстной мотивации¹⁰. Меры юридической ответственности, ограничивающие профессиональные права правонарушителя (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение по военной службе), побуждают правонарушителя совершенствовать свои профессиональные навыки, умения, а также способствуют искоренению корыстной мотивации в поведении.

Длительное по своим срокам наказание назначается, когда у правонарушителя имеются существенные деформации в морально-нравственной сфере, в правосознании, а следовательно, воспитательное воздействие на правонарушителя носит иной характер. В ст. 110 УИК РФ установлено, что в исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание, а воспитательная работа с осужденными организуется дифференцированно с учетом вида учреждения, срока наказания, условий содержания в индивидуальных, групповых и массовых формах. Часть 4 ст. 1.09 УИК РФ закрепляет правило, что «воспитательная работа с осужденными проводится с учетом индивидуальных особен-

9. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права: Автореф. дне. ... канд. юрид. наук. - С. 17.
10. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. - С.104.

ностей личности и характера осужденных и обстоятельств совершенных ими преступлений». Индивидуализация воспитательной функции является предпосылкой для достижения цели исправления. Соблюдение принципа индивидуализации - это обязанность законодателя и правоприменителя. Принцип индивидуализации очерчивает характер, длительность, специфику воспитательной функции юридической ответственности, устанавливает критерии индивидуализации воспитательной функции юридической ответственности.

1.2 Объекты воздействия воспитательной функции юридической ответственности

Объектами функций юридической ответственности являются общественные отношения, а в качестве непосредственного объекта выступает поведение субъекта¹¹.

Фактические и формальные основания приводят в действие функционирование ответственности. Нормы юридической ответственности являются своеобразными «носителями» функций права.

Функции юридической ответственности не устанавливаются спонтанно. Они характерны для соответствующего периода общественного развития. Регулирующее, воспитательное, превентивное, восстановительное, карательное воздействие юридической ответственности определяется необходимостью построения гражданского общества, правового государства, реализации прав и свобод человека и гражданина, восстановления нарушенных общественных отношений. Отличительной чертой каждой функции юридической ответственности является их целевой характер.

Основным программным документом, в соответствии с которым должна осуществляться воспитательная функция юридической ответственности, является Конституция России¹². Воздействие Конституции на поведение человека связано с формированием его мировоззрения, жизненных ориентации и установок, чувств и эмоций. Норма юридической ответственности выполняет воспитательную функцию. Правомерное поведение как составная часть добровольной формы реализации ответственности (ее динамика) обладает и воспитательным воздействием. Субъект, поступающий правомерно, является образцом для подражания. Воспитание собственным примером наиболее действенно и непосредственно доходит до необходимого адресата. Поощрение - наиболее действенный способ осуществления воспитательной функции. Оно наглядно показывает выгоду «пряника», а не «кнута».

Воспитательная функция юридической ответственности направлена на формирование уважения к правам и свободам человека и гражданина, социальным ценностям, правовой активности, положительных мотивов поведения, а в итоге - на формирование правосознания (как группового, так и индивидуального) и высокой правовой культуры.

То, что воспитательная функция воздействует на волю и сознание деликтоспособных субъектов, не совсем точно. Для точного уяснения объектов ее воздействия необходи-

мо обратиться к теоретической модели структуры личности. Ученые-криминологи в такой структуре выделяют несколько групп признаков: социально-демографические; уголовно-правовые; социальные проявления в различных сферах жизнедеятельности; нравственные свойства; психологические признаки; биологические характеристики; потребностно-мотивационная сфера, ценностно-нормативная характеристика сознания¹³.

Нас, прежде всего, интересуют психологические признаки, потребностно-мотивационная сфера, ценностно-нормативная характеристика сознания,

т.к. именно эти компоненты выступают в качестве объектов воздействия воспитательной функции юридической ответственности. Воспитательная функция является одним из средств формирования потребностно-мотивационной сферы (здесь не имеются в виду естественные мотивы и потребности в еде, сне, репродукции). Воспитательная функция призвана вытеснить или нейтрализовать эгоистические, насильственно-эгоистические, легкомысленно-безответственные, корыстно-эгоистические, религиозные, национальные и другие мотивы возможного преступного поведения. Воспитательная функция призвана сформировать или исправить ценностно-нормативную характеристику сознания.

Как отмечается в криминологических исследованиях, у преступников или потенциальных преступников наиболее искажен такой элемент правосознания, как отношение к исполнению правовых предписаний. Весьма распространено убеждение, что закон можно нарушить в конкретной ситуации, ставящей под угрозу какие-то личные или групповые интересы. Здесь дает себя знать и определенная иерархия ценностей личности. Принципы равенства людей перед законом, социальной справедливости в общепринятом понимании ими не восприняты на уровне убеждений и руководства к действию¹⁴.

Влияя на ценностно-нормативную характеристику сознания, воспитательная функция, в конечном счете, исправляет правосознание субъекта, формирует иерархию ценностей субъекта, внутренние стереотипы поведения, правосознание.

Таким образом, объектом воспитательного воздействия выступает индивидуальное правосознание, такие его структурные элементы, как знание права, отношение к нему и готовность действовать в соответствии с правовыми предписаниями.

Воздействуя на правосознание личности, воспитательная функция юридической ответственности призвана устранять существенные пробелы в нравственном сознании лиц, совершающих преступления, когда, например, формировавшийся в криминальной и аморальной среде подросток действительно не знаком с общественно одобряемой системой нравственных норм поведения. А также призвана устранять искаженные потребности, интересы, ценностные ориентации, нравственные представления правонарушителя, ведущие к нравственному конфликту с общепринятыми в обществе нормами морали, нормами морали разных групп, двойной морали.

Ученые-криминологи, говоря об отношении преступ-

11. Трофимова, М. П. Функции юридической ответственности : Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - М., 2000 - с.14.

12. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ)//Российская газета, №7, 21.01.2009.

13. Криминология / Под ред, А.И. Долговой. - М; ИНФРА-М-НОРМА, 1997. - С. 280-281.

14. Криминология / Под ред, А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2005. — С. 354

ников к закону в целом, указывают, что в принципе преступники не занимают какой-то особой, четко выраженной позиции. В принципе, ими признается необходимость существования закона, осознается справедливость и гуманность многих охраняемых им положений. Правда, преступники реже, отмечают созидательную роль закона, его функцию социального регулятора, хуже (за исключением части государственных, должностных, экономических преступников) осведомлены о государственно-правовых принципах устройства общества, о социальной роли закона, нормах различных отраслей права. В связи с этим ошибочно мнение о том, что правонарушители лучше других граждан знают закон. Во-первых, до совершения первого преступления и его раскрытия их правовая осведомленность мало отличается от правовой осведомленности ровесников. Во-вторых, полученные ими до и после преступления знания случайны и бессистемны, резко ограничены личным опытом либо опытом тех, с кем эти лица находятся в контакте. Уголовный закон в этом случае не играет должной предупредительной и воспитательной роли именно в отношении тех, кто в этом особенно нуждается¹⁵.

Воспитательная функция направлена на внутренний мир не только правонарушителей, но и всех деликтоспособных субъектов. Если внутренний мир правонарушителей требует исправления, то внутренний мир иных субъектов необходимо формировать и укреплять имеющиеся у них позитивные установки, мотивы, ценности. У деликтоспособного субъекта требуется сформировать законоуважение. Как отмечает Н.И. Матузов, «следует различать законопослушание и законоуважение. Законопослушное поведение основано чаще всего на страхе, принуждении, в то

время как законоуважение - на глубоком сознании необходимости следовать закону, праву, то есть это добровольная позиция индивида, соблюдение им закона «не за страх, а на совесть». Воздействуя на индивидуальное правосознание, воспитательная функция воздействует и на коллективное, общественное правосознание. В конечном итоге воспитательная функция направлена на формирование высокой правовой культуры. Сказанное о результатах воздействия воспитательной функции - идеал, который не всегда может соответствовать реальной действительности. Поэтому не случайно в исследованиях по уголовному, уголовно-исполнительному праву наметился определенный пессимизм о возможностях исправления, перевоспитания, воспитания. Станет ли этот идеал реальной действительностью, зависит уже от эффективности механизма реализации воспитательной функции.

Таким образом, непосредственным объектом воспитательной функции функций юридической ответственности является индивидуальное правосознание всех деликтоспособных субъектов.

На наш взгляд наиболее тесная взаимосвязь в объектах воздействия проявляется именно между регулятивной (охранительной) и воспитательной функцией юридической ответственности, поскольку регулятивная функция ответственности обуславливает поведение субъекта правоотношений посредством установления взаимных прав и обязанностей, поощрительных норм, которые в совокупности и направляют поведение субъекта в необходимое русло, воспитательная функция выступает своего рода предпосылкой для формирования правомерного поведения субъекта правоотношений.

15. Криминология / Под ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2005. — С. 353

РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ВОПРОСА В ТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Меньшикова А.В.,
аспирант,
кафедра английской филологии и лингвокультурологии,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: риторический вопрос, ложный вопрос, политический дискурс
Key words: rhetorical question, false question, political discourse

Аннотация. В данной статье рассмотрена структура и функции риторического приема вопроса в текстах политических выступлений на материале текстов американских и английских политических выступлений периода Первой мировой войны.

The structure and the functions of the rhetorical question in political speeches are described in the article using the examples from American and British political speeches of World War I.

Целью данной статьи является рассмотрение структуры и функций вопроса в текстах политических выступлений. В основу исследования легли материалы политических выступлений представителей Великобритании и США в период Первой мировой войны: премьер-министров Великобритании Герберта Эсквита и Дэвида Ллойда Джорджа, британского политика и государственного деятеля Артура Джеймса Бальфура, британского дипломата сэра Роджера Кейсмента; президента США Вудро Вильсона, американского финансиста Фрэнка Артура Вандерлипа, военного министра США Ньютона Дила Бейкера, сенаторов США: Генри Кабота Лоджа, Уоррана Хардинга, Роберта Оуэна, американского раввина Стивена Уайза, министра финансов США Уильяма МакАду, губернатора штата Массачусетс и впоследствии 30-го президента США Кэлвина Кулиджа, министра юстиции США Митчела Палмера, губернаторов штата Огайо: Джеймса Миддлтона Кокса и Джорджа Уайта, сестра Теодора Рузвельта Корин Рузвельт Робинсон, американского предпринимателя Джона Дэвисона Рокфеллера.

Под политическим выступлением, вслед за Т.В. Юдиной, мы понимаем «форму публичной речи, произнесенной оратором» [9, с. 172]. Это речь, произнесенная перед аудиторией, в непосредственном с ней контакте. Наличие прямого контакта с аудиторией оказывает влияние на построение композиции текста выступления, дает возможность оратору использовать в речи структуры, усиливающие экспрессивность высказывания и силу воздействия на аудиторию.

При исследовании корпуса из 92 фрагментов текста выступлений было выявлено, что применение риторического приема вопроса является одной из особенностей текстов политических выступлений начала XX века. Однако цель вопросительных высказываний в этих текстах заключается не в получении новой информации. Вопрос задается не только с целью побудить адресата выступления к самостоятельному поиску решения, но и убедить его в достоверности передаваемого сообщения [1]. По мнению Баранова А.Н., введение аргумента или тезиса в грамматической форме вопроса является одним из наиболее популярных способов «приватизации знания» [3, с. 16].

В исследовании Масленниковой А.А. выделяются следующие типы несобственно вопросительных выска-

зываний: риторический вопрос; неразрешимый вопрос; ложный вопрос, подразделяющийся на ложный вопрос с ограниченной вариативностью ответа и композиционный ложный вопрос, в котором говорящий совмещает роли адресанта и адресата; а также три вида стратегических вопросов: иерархический вопрос, отражающий оппозицию власти / подчиненности коммуникантов, стратегическое вопросно-ответное единство - ответ вопросом на вопрос; аксиологический вопрос, в фокусе которого находится оценочный аспект ситуации [6, с. 244].

На основе проанализированных данных исследования можно выделить два вида вопросительных предложений:

- гипофору (ложный вопрос), - термин, представленный Ш. Балли (высказывания, не являющиеся вопросами, задающимися с целью получения новой информации) [2, с. 315]. По мнению Ш. Балли ложный вопрос – «это косвенное экспрессивное средство, которое символизирует более или менее определенную группу чувств» [2, с. 269]. Долинин К.А. выделяет в отдельные группы ложные вопросы, нацеленные на оказание воздействия на адресата речи и выполняющие экспрессивную функцию; вопрос такого типа «побуждает адресата самому прийти к выводу, который формулирует второй, и при этом содержит некоторую эмоциональную добавку» [4, с. 213]. Ложный вопрос в ситуации политического выступления обращен не только к адресату, но и к самому оратору. Ответ оратора на заданный им же вопрос становится ясным из ближайшего контекста текста выступления, что и является основным отличием ложного вопроса от риторического. При этом предполагается, что потенциальный ответ адресата совпадает с presupпозицией оратора.

- собственно риторический вопрос, когда ответ на вопрос не предполагается и задается с целью утверждения положения, представляемого в форме вопроса. Сама форма вопроса используется в несвойственных ей денотативных значениях с различными коннотациями. С точки зрения Масленниковой А.А., «риторический вопрос представляет собой языковую игру, в которой роль адресата редуцирована до простого подтверждения правоты говорящего» [6, с. 187]. В тексте политического выступления риторические вопросы задаются не с целью получения информации от адресата, а с целью утверждения, произносимого в вопросительной форме.

По словам норвежского лингвиста Пера Рестана, «риторические вопросы с функциональной точки зрения - псевдовопросы, поскольку говорящий сам прекрасно знает то, о чем он «спрашивает», риторический вопрос задается не для того, чтобы получить какую-то информацию, а, наоборот, для того, чтобы поделиться с собеседником собственным мнением в форме вопроса собственным мнением относительно чего-либо, убедить в чем-то» [8, с. 97]. Способность убедить слушающего возрастает, поскольку при постановке риторического вопроса сообщаемое утверж-

дение трансформируется в форму вопроса, и между говорящим и слушающим устанавливается негласный диалог. Риторический вопрос характеризуется как «эффективная фигура диалогизации монологической речи, служащая для смыслового и эмоционального выделения ее смысловых центров, для формирования эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи, а также для представления адресату особенно важных в смысловом отношении этапов рассуждения (доказательства)» [7, с. 240-241].

Риторический и ложный вопросы интонационно и структурно выделяются на фоне повествовательных предложений, и тем самым усиливают выразительность речи. Некоторая театральность этого приема повышает стилистический статус текста. Однако риторический вопрос характеризуется большей экспрессивностью, чем ложный вопрос - частотность употребления риторического вопроса в выборке составляет 66%, ложный вопрос, с свою очередь, используется в 34% случаев. Ложный вопрос, в свою очередь, сохраняет вопросительность и в то же время задается с целью подтверждения у адресата пресуппозиции вопроса.

Рассмотрим случаи употребления ложного вопроса в текстах выступлений представителей Великобритании и США.

Использование приема ложного вопроса весьма характерно для политических выступлений:

(1) "There are three functions which a Generalissimo wields - the strategical, the tactical, and the administrative.

What does the administrative mean? It means the control of the organization, the appointment and dismissal of officers and generals, and that is a power which it is difficult or almost impossible to give to a general of another country with a national army." [18].

Вопрос премьер-министра Дэвида Ллойда Джорджа об административной функции генералиссимуса «What does the administrative (function) mean?» используется в данном выступлении в несвойственном ему значении – премьер-министр как будто бы задает вопрос себе самому – т.е. является ложным вопросом, поскольку ответ оратора становится известен из ближайшего контекста. Благодаря этому вопросу внимание аудитории концентрируется на одной из трех функций генералиссимуса – административной, которая при перечислении всех функций была названа последней. Специфика подобного вопроса заключается в том, что целью говорящего является сужение горизонта вопроса до той степени, в которой планируется довести полноту информации до сознания адресата.

Использование в тексте выступления гипофоры позволяет обеспечить максимальную степень приватизации знания для аудитории, которая проходит с оратором весь путь рассуждения, приводящего к отстаиваемому тезису: начиная с постановки вопроса и размышления над возможными вариантами развития событий в стране в будущем и до восприятия ответа на него как побуждения к действию. В текстах выступлений политических деятелей-представителей Великобритании и США начала XX века можно выделить несколько типов ложных вопросов:

а) ложный вопрос, являющийся средством композиционной организации текста;

б) ложный вопрос, выступающий как оценочное средство выражения субъективного отношения говорящего к происходящему.

Рассмотрим случаи употребления ложного вопроса в качестве средства композиционной организации текста:

(2) Do we want to promote or prevent human slaughter in the future? Do we want to increase or reduce taxation? If we want to promote human slaughter and increase taxation, we should defeat the League of Nations. Our war preparation will then necessitate increasing present income taxes at least fifty percent per annum to say nothing of a general increase in every form of federal taxation. Let us understand the consequences of our entrance on such a career of militarism. If we must abandon the glorious ideas of peace for which this nation has always stood, we must do so with full knowledge of the fact that the alternative is wholesale preparation for war and the enthronement of armed force as the arbiter of America's destiny, and of the world's future faith. [20]

В примере (2) ложный вопрос задан два раза подряд в одной структурной единице текста - абзаце. При этом при постановке вопроса министр финансов США Уильям МакАду использует в обоих случаях одинаковую структуру вопросительного предложения и противоположные по значению глаголы, которые соединены союзом «or»: to promote or prevent, to increase or reduce. Таким образом, оратор в форме вопроса дает «подсказки» возможных вариантов ответа на поставленный вопрос. Далее в этом же абзаце Уильям МакАду в форме условного предложения разворачивает свой тезис и делится с аудиторией одним из вариантов развития событий.

Абзац является структурной единицей текста, в рамках которой реализуется ложный вопрос и в тексте выступления американского президента Вудро Вильсона:

(3) How shall we obtain the new revenue? We are frequently reminded that there are many millions of bonds which the Treasury is authorized under existing law to sell to reimburse the sums paid out of current revenues for the construction of the Panama Canal; and it is true that bonds to the amount of approximately \$222,000,000 are now available for that purpose...

To what sources, then, shall we turn? This is so peculiarly a question which the gentlemen of the House of Representatives are expected under the Constitution to propose an answer to that you will hardly expect me to do more than discuss it in very general terms. We should be following an almost universal example of modern governments if we were to draw the greater part or even the whole of the revenues we need from the income taxes... [25]

Вудро Вильсон прибегает к приему ложного вопроса в начале каждого из двух абзацев в тексте выступления «State of the Union Address» в 1915 г., привлекая, таким образом, внимание к логике своего рассуждения в целом и к каждому выдвигаемому положению в частности. Сначала президент обращается с вопросом о способах получения нового дохода «How shall we obtain the new revenue?» от лица всех граждан страны, подчеркивая при помощи личного местоимения «we» важность ответа на этот вопрос для всей нации. При ответе на первый вопрос, появляется вопрос об источниках дополнительного дохода для государства «To what sources, then, shall we turn?». Связность двух абзацев в тексте выступления подчеркивается наречием «then» во втором вопросительном предложении.

В тексте британского премьер-министра ложный вопрос выступает в текстообразующей функции. Привлече-

ние внимания адресата усилено ссылкой на цитату из выступления короля Великобритании:

(4) Then His Excellency added: «Ever since he had been Chancellor the object of his policy had been to bring about an understanding with England. He trusted that these assurances» - the assurances I have read out to the House - «might form the basis of that understanding which he so much desired.»

What does that amount to? Let me just ask the Committee. I do so, not with the object of inflaming passion, certainly not with the object of exciting feeling against Germany, but I do so to vindicate and make clear the position of the British Government in this matter.

What did that proposal amount to? In the first place, it meant this: That behind the back of France - they were not made a party to these communications - we should have given, if we had assented to that, a free license to Germany to annex, in the event of a successful war, the whole of the extra European dominions and possessions of France. [12]

Ложный вопрос в начале каждого из 2-х абзацев предвещает следующую ниже в абзаце трактовку позиции Великобритании относительно вступления в войну с Германией. Второй вопрос, заданный в прошедшем времени («What did that proposal amount to?») является своеобразным переспросом, служащим для более детального описания сложившейся ситуации.

Подтипом ложного вопроса, выступающего как средство композиционной организации текста, является случай использования ложного вопроса при применении приема автоинтерпретации:

(5) The offices of President and Vice-President have been put into the hands of Democrats. What does the change mean? That is the question that is uppermost in our minds to-day. That is the question I am going to try to answer, in order, if I may, to interpret the occasion.

It means much more than the mere success of a party. The success of a party means little except when the Nation is using that party for a large and definite purpose. No one can mistake the purpose for which the Nation now seeks to use the Democratic Party. It seeks to use it to interpret a change in its own plans and point of view [23].

Вильсон поясняет сам то, что он уже сказал, констатируя тот факт, что правительство оказалось в руках демократов. Данный прием реализуется в определенной грамматической конструкции: аппозитивная конструкция вводится коннектором “that is the question”, который повторяется дважды. Структурно данная конструкция напоминает цитату из монолога Гамлета: «To be, or not to be, that is the question...» [22, с. 158]. Такой прием помогает говорящему самореализоваться в высказывании, одновременно завоевывая авторитет и уточняя свою мысль. Говорящий использует вопрос для начала рассуждения. Интересно отметить, что в рассуждении говорящий связывает одно повествовательное предложение с другим при помощи повторов глаголов «mean», «seek» и существительного «purpose». В результате образуется своеобразная игра двойных повторов в абзаце.

Другим типом ложного вопроса является вопрос, выступающий как средство выражения оценочного субъективного отношения говорящего к происходящему.

В ряде примеров ложный вопрос использовался оратором для передачи возмущения, недоумения:

(6) Why this difference of treatment of Belgium on one side

and other populations on the other? I know of no explanation, except that Germany pursues her methods with remorseless insistency and alters or varies the excuse she gives for her policy [11].

Британский политик и государственный деятель Артур Джеймс Бальфур передает свое отношение к происходящему с Бельгией, его возмущение вызывает отношение Германии к Бельгии отличается от отношения к другим странам. При помощи противоположных по значению словосочетаний «on the one side», «on the other side» имплицитно выражаются не только отрицательные эмоции говорящего, но и его отрицательная оценка происходящего. Бельгия стремилась сохранить нейтралитет в войне, а немецкие войска, в свою очередь, объявили Бельгии войну и нанесли удар по Франции именно через территорию Бельгии.

Ложный вопрос используется и премьер-министром Дэвидом Ллойдом Джорджем в тексте выступления о выступлении США в Первую мировую войну для выражения субъективно-оценочного отношения к происходящему:

(7) You recollect what happened some years ago in France, when the French Foreign Minister was practically driven out of office by Prussian interference. Why? What had he done?

He had done nothing which a Minister of an independent State had not the most absolute right to do. He had crossed the imaginary line drawn in French territory by Prussian despotism, and he had to leave. [17]

Дэвид Ллойд Джордж в вопросе «What had he done?» выражает недоумение по отношению к инциденту, произошедшему с министром иностранных дел Франции, который, с точки зрения премьер-министра Великобритании, не превышал своих полномочий и действовал как министр независимого государства. Вопрос задается с целью фокусирования внимания на «проступке» министра иностранных дел Франции, который привел к тому, что последний был вынужден покинуть представительство в Пруссии. Недоумение оратора подчеркивается вопросом, состоящим из одного вопросительного слова «Why?». На этот вопрос мы не находим ответа ниже в тексте выступления, поэтому вопрос относится к другому типу вопросительного предложения в тексте политических выступлений - риторическому вопросу.

В рамках данного исследования выделяется несколько типов риторических вопросов:

- а) риторический вопрос как средство лингвистического выражения национально-культурных ценностей страны;
- б) риторический вопрос как средство оценочной модальности;
- в) риторический вопрос как средство выражения условия, обеспечивающего возможность выполнения какого-либо действия;
- г) повторение риторического вопроса для усиления экспрессивности.

Отличительной особенностью риторического вопроса по сравнению с ложным является его замкнутый характер: совпадение исходной ситуаций риторического вопроса с ответом на вопрос. Использование риторического вопроса в большей степени характерно для текстов американских политических выступлений:

(8) Look at the United States today. We have made mistakes in the past; we have had shortcomings. We shall make mistakes in the future and fall short of our own best hopes. But nonetheless, is there any country today on the face of the earth

which can compare with this in ordered liberty, in peace, and in the largest freedom? I feel that I can say this without being accused of undue boastfulness, for it is a simple fact. [19].

В тексте выступления «League of Nations», при описании страны сенатор Генри Кабот Лодж задается вопросом о том, существуют ли на Земле еще страны, которые могут сравниться с США, упоминая при этом основные ценности американского общества – свободу и мир. Однако в тексте выступления за этим вопросом ответа не следует, в отличие от рассмотренного выше типа вопроса – ложного вопроса. Вопросительным предложением сенатор как будто заменяет более ультимативное утвердительное: «There is not any country today on the face of the earth which can compare with this in ordered liberty, in peace, and in the largest freedom». В следующем за этим предложении сенатор использует глагол «say», подчеркивая, таким образом, несвойственное вопросительному предложению утвердительное значение.

В некоторых случаях риторический вопрос выступает в функции оценочной модальности и выражает положительное отношение говорящего к содержанию высказывания в форме переспроса:

(9) “Does not every American feel that assurance has been added to our hope for the future peace of the world by the wonderful and heartening things that have been happening within the last few weeks in Russia?” [27].

В данной ситуации у говорящего есть мнение относительно событий Февральской революции 1917 г. в России («every American feels that assurance has been added to our hope for the future peace of the world by the wonderful and heartening things that have been happening within the last few weeks in Russia»), и он стремится убедить аудиторию в правильности своего мнения. Грамматическая форма вопроса в данном случае используется для выражения усиленного утверждения. Вопрос становится необходимым для того, чтобы слушающий затратил на получение информации дополнительные интеллектуальные усилия. Таким образом, пресуппозиция вопроса совпадает с ответом на него. Возникает еще одно противоречие: характерный для вопроса дистриктивный признак свободы реакции адресата вступает в конфликт с признаком сужения «горизонта вопроса», т.к. ответ известен еще до того, как был задан вопрос [5, с. 164]. Кроме того, полученную таким образом информацию слушающему легче интегрировать в свою картину мира.

Следует отметить, что ссылка в тексте выступления на упоминание ценностей нации является характерной для представителей США. Так, губернатор штата Массачусетс Кэлвин Кулидж упоминает в структуре риторического вопроса один из главных символов США – национальный флаг и подчеркивает исключительность американской нации:

(10) What could be saved if the flag of the American nation were to perish? [13].

Эмфатическое утверждение, заключенное в вопросе (10) используется для замены оценочной модальности (Nothing could be saved if the flag of the American nation were to perish), и подчеркивается композиционно: вопрос завершает один из абзацев в тексте выступления Кэлвина Кулиджа «America and the War». Этот вопрос интересен и с точки зрения структуры: при помощи союза «if» вводится условие.

Встречаются в текстах американских выступлений и

случаи указания в предложении на условие без употребления союза «if»:

(11) Had there been a League of Nations then, could Sir Edward Grey have summoned into conference the authoritative representatives of the great civilized powers, and through them have focused the intelligence and the conscience of mankind on the Austro-Serbian quarrel? There would have been gained the priceless moment of meditation which would have enabled the heady currents of racial and national passion to be allayed [10].

Военный министр США Ньютон Дил Бейкер в форме риторического вопроса передает условное предложение: (if) there had been a League of Nations then, Sir Edward Grey could have summoned into conference the authoritative representatives of the great civilized powers, and through them have focused the intelligence and the conscience of mankind on the Austro-Serbian quarrel. Следующее за вопросом утвердительное предложение продолжает мысль министра США о том, что могло бы произойти при существовании Лиги Наций во время начала Первой мировой войны.

В тексте выступления американского предпринимателя Джона Дэвисона Рокфеллера риторический вопрос употребляется как условие для следующего за ним утвердительного повествовательного предложения:

(12) Do you want to see the flower of the manhood of this country, which has brought everlasting glory to our nation, neglected in the hour of its greatest need, and afraid to face temptation? Then withhold your contribution to this fund.

Or do you want to see a chapter of moral victory and prowess as superb and as glorious as that of the victories of arms which have already been achieved, added to the annals of the history of this country, and high standards of morality maintained and perpetuated by our sons and brothers in the days to come? Then give of your abundance, give of your poverty, but give without stint to this great fund which should be not less than \$250,000,000. I confidently believe that the American people will stand solidly behind the men in uniform, and that they will regard it a privilege to contribute to the limit [21].

Оба риторических вопроса, открывающих абзацы, являются транспозицией условных предложений с повтором подлежащего и сказуемого:

if you want to see the flower of the manhood of this country, which has brought everlasting glory to our nation, neglected in the hour of its greatest need, and afraid to face temptation;

if you want to see a chapter of moral victory and prowess as superb and as glorious as that of the victories of arms which have already been achieved, added to the annals of the history of this country, and high standards of morality maintained and perpetuated by our sons and brothers in the days to come.

В текстах британских выступлений в структуре риторического вопроса также используется указание условия, ограничивающего представляемую ситуацию:

(13) The House has read, and the country has read, of course, in the last few hours, the most pathetic appeal addressed by the King of Belgium, and I do not envy the man who can read that appeal with an unmoved heart. Belgians are fighting and losing their lives. What would have been the position of Great Britain to-day, in the face of that spectacle, if we had assented to this infamous proposal? [12]

В обращении к парламенту премьер-министр Велико-

британии Герберт Эсквит предлагает аудитории задуматься над положением страны в том случае, если бы была поддержана просьба со стороны Бельгии о гарантии ее нейтралитета. Внимание аудитории концентрируется на условии, возможно, обеспечивающем иное будущее Великобритании: «if we had assented to this infamous proposal».

В этом же обращении к парламенту употребляется подряд несколько риторических вопросов с различными конструкциями вопросительных предложений, при этом второй вопрос переключается с третьим и создается эффект «эхо»:

(14) What did it mean as regards Belgium? When she addressed, as she has addressed in these last few days, her moving appeal to us to fulfill our solemn guarantee of her neutrality, what reply should we have given? What reply should we have given to that Belgian appeal? [12]

Каскад из 3-х риторических вопросов является отражением хода размышлений относительно просьбы Бельгии. В этом примере также подчеркивается эмоциональный компонент высказывания - негодование оратора относительно того, какой ответ Великобритания должна была дать Бельгии. Экспрессивность усиливается за счет семантической избыточности, создающейся за счет двукратного повтора вопросительного предложения «what reply should we have given», произносимого от лица всей нации в целом. Повторяющаяся структура расположена в конце первого вопросительного предложения и в начале второго. Второй вопрос дополняется упоминанием предложения Бельгии «to that Belgian appeal». Масленникова А.А. справедливо обращает внимание на то, что «при сокращении расстояния и контактном расположении повторяющихся элементов достигается максимальный эффект за счет эксплуатации экспрессивного потенциала тавтологии» [6, с. 174].

В тексте выступления губернатора штата Огайо Джеймса Миддлтона Кокса также встречается каскад риторических вопросов, в которых перечисляется то, что было сделано народом США в тылу для победы в войне:

(15) The men and women who labored at home with an industry and a skill that words cannot recount. What of the hands that moved the lathes by day and the needle by night? What of the organizations, superbly effective, that conserved food and fed the world; that carried nourishment to the very front trench in the face of hell's fury; that nursed the wounded back to life; that buried the dead in the dark shelter of the night; that inspired businessmen and artisans of all parties to work in harmony? What of the millions of men, women, and children of all creeds, religious and otherwise, who stood in the ranks as firm as soldiers overseas, undivided by things they once quarreled about? What of the government itself: confirming the faith of our fathers as sufficient to [lead] the storms of time? Why the smear of labor, with the veiled charge that it was a slacker? Republican leaders who have taken charge of their party and nominated its candidate, are no more possessed of the spirit of the hour than they were in 1912 when they precipitated a revolution within the rank and file of a great organization [15].

Структура первых 4-х риторических вопросов повторяется и представляет собой конструкцию what of + noun. Интересно отметить, что последний четвертый вопрос задается относительно правительства страны в целом, таким образом, объединяя действия, которые совершали мужчины и женщины, организации страны для достижения еди-

ной цели – победы в Первой мировой войне, что увеличивает экспрессивность высказывания в целом.

В риторическом вопросе из текста выступления президента США Вудро Вильсона мы обнаруживаем также перечисление различных вкладов для победы в войне со стороны женщин:

(16) And what shall we say of the women,-of their instant intelligence, quickening every task that they touched; their capacity for organization and cooperation, which gave their action discipline and enhanced the effectiveness of everything they attempted; their aptitude at tasks to which they had never before set their hands; their utter self-sacrifice alike in what they did and in what they gave? Their contribution to the great result is beyond appraisal. They have added a new lustre to the annals of American womanhood [26].

Однако в примере (16), в отличие от примера (15), это перечисление заключено в рамки одного риторического вопроса, а не нескольких. В риторическом вопросе выделены те черты характера женщин, которые хотел подчеркнуть оратор: intelligence, capacity for organization and cooperation, aptitude at tasks; self-sacrifice. Эти качества вводятся повторяющимся притяжательным местоимением 1 лица множественного числа «their», а за ними следует уточняющее описание.

Исследование показало, что в текстах политических выступлений, как правило, используется специальный и альтернативный вопросы. Отличительной особенностью риторического вопроса является его замкнутый характер: совпадение исходной ситуаций риторического вопроса с ответом на вопрос. В то время как ложный вопрос предполагает ответ, но задается с целью сужения горизонта вопроса до того, к чему предполагается подвести адресата. Использование ложных вопросов с целью убеждения в правильности выражаемого в выступлении мнения широко распространено в текстах американских и английских политических выступлений, употребление риторических вопросов более характерно для текстов американских выступлений. Ложный вопрос, сопровождающийся ответом самого оратора, как правило, используется для введения нового тезиса. В ложном вопросе, в отличие от риторического, сохраняются характеристики вопроса, и горизонт вопроса не так сужен, как при риторическом вопросе. Риторический вопрос более характерен для текстов американских выступлений и служит эмфатическим утверждением, вносящий в выступление элемент театральности, неожиданности и придающий выразительность высказыванию в целом. Оба типа вопросов используются для выражения эмоций и передачи слушающим субъективного отношения к высказыванию (негодования, недоумения), в них содержатся ссылки на авторитет и национально-культурные ценности. Информация, полученная в форме вопроса, лучше интегрируется в картину мира слушающего.

С точки зрения композиции текста выступления, единичные и каскадные ложные и риторические вопросы используются в основной части текста выступления, как правило, в начале абзаца, но только риторические вопросы, не требующие ответа, встречаются в конце абзаца и служат эффективным завершением выдвигаемого тезиса и провоцируют слушателя на совместное размышление. Для американских и британских текстов выступлений также свойственно употребление нескольких риторических вопросов подряд с разными конструкциями вопросительных

предложений или с сохранением единообразной структуры вопроса, что усиливает экспрессивность высказывания в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учеб. для вузов. 4-е изд. М.: Изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2002.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
3. Баранов А. Н. Что нас убеждает. М.: Знание, 1990.
4. Долинин К. А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987.
5. Масленникова А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
6. Масленникова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: дисс. доктора филологических наук. СПб., 1999.
7. Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996.
8. Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. Oslo, 1972.
9. Юдина, Т. В. Дискурсивное пространство политической речи // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. статей. СПб.: СПб ГПУ, 2004. С. 172-185.
10. Baker N. On League of Nations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/D?nfor:3:/temp/~ammem_zNYM::
11. Balfour A. President Wilson's Addendum to the Fourteen Points, 27 February 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.firstworldwar.com/source/fourteenpoints_balfour.htm
12. British Prime Minister. Address to Parliament, 6 August 1914 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.firstworldwar.com/source/asquithspeechtoparliament.htm>
13. Coolidge C. America and the War [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/nfor:@field\(DOCID+@range\(90000069+90000070\)\)](http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/nfor:@field(DOCID+@range(90000069+90000070)))
14. Coolidge C. Equal Rights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/D?nfor:1:/temp/~ammem_Eito::
15. Cox J. The World War [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/D?nfor:2:/temp/~ammem_JD02::
16. Harding W. League of Nations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/D?nfor:6:/temp/~ammem_UMZP::
17. Lloyd G. America's Entry into the War, 12 April 1917 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.firstworldwar.com/source/usawar_lloydgeorge.htm
18. Lloyd G. Foch's Appointment as Allied Supreme Commander, 9 April 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.firstworldwar.com/source/foch_lloydgeorge2.htm
19. Lodge H. League of Nations [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/nfor:@field\(DOCID+@range\(90000014+90000015\)\)](http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/nfor:@field(DOCID+@range(90000014+90000015)))
20. McAdoo W. G. Revise Taxes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.authentichistory.com/special/nationsforum/NF_02_Revise_Taxes-William_G_McAdoo.html
21. Rockefeller J.D. Jr. Address [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/nfor:@field\(DOCID+@range\(90000072+90000073\)\)](http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/nfor:@field(DOCID+@range(90000072+90000073)))
22. Shakespeare W. Hamlet, Prince of Denmark. Philip Edwards, ed., updated edition, Cambridge University Press, 2003.
23. Vanderlip F. One Hundred Million Soldiers [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/nfor:@field\(DOCID+@range\(90000042+90000043\)\)](http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/r?ammem/nfor:@field(DOCID+@range(90000042+90000043)))
24. Wilson W. Inauguration Address, 4 March 1913 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.firstworldwar.com/source/wilson1913inauguration.htm>
25. Wilson W. State of the Union Address, December 7, 1915 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stateoftheunion.onetwothree.net/texts/19151207.html>
26. Wilson W. State of the Union Address, December 2, 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stateoftheunion.onetwothree.net/texts/19181202.html>
27. Wilson W. U.S. Declaration of War with Germany, 2 April 1917 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.firstworldwar.com/source/usawardeclaration.htm>

ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ ДОГОВОРА КУПЛИ – ПРОДАЖИ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Никишина С.А.,
заместитель генерального директора по правовым и кадровым вопросам,
ООО «Мега Моторс»

Ключевые слова: договор купли-продажи, римское частное право, торговое право, консенсуальный договор, литеральный контракт

Key words: purchase agreement, the Roman civil law, commercial law, consensual agreement, contract litteralny

Abstract. The history of the trade law throws back to the millennium. The imperious trade initiations, the rules of merchant activity are found in almost all the legal antiquities. The elaboration of purchase and sales transactions, notably in the tideway of commodity circulation derives from the Roman Civil Law.

Торговое право, его история уходит вглубь тысячелетий. Властные установления о торговле, правила купеческой деятельности встречаются почти во всех правовых памятниках древности. Детальную разработку сделки купли-продажи, причем именно в русле товарного обращения, получают в римском праве.

Термином «договор» обозначается также документ, фиксирующий достигнутое соглашение сторон. Как документ, договор состоит из совокупности условий (пунктов) и из других реквизитов.

Впервые понятие договора возникло в Древнем Риме. Договор (*contractus*) представлял в Риме один из важнейших источников обязательств, который при этом был и наиболее распространенным источником.

Еще в Дигестах Юстиниана (Титул XIV) речь идет собственно не о купле-продаже, а о соглашениях, о чем свидетельствует не только сам факт названия Титула XIV «О соглашениях», но и смысловое содержание данного Титула.

Римское право характеризуется непревзойденной по точности разработкой всех существенных правовых отношений простых товаровладельцев (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и так далее).

Такого развитого состояния римское договорное право достигло только в результате долгой эволюции хозяйственной и общественной жизни Рима.

История римского народа известна науке с той поры, когда Рим представлял собой сельскохозяйственную общину; в которой отдельные семьи жили замкнутой хозяйственной жизнью, почти без всяких меновых сношений (натуральная система хозяйства).

И.Б.Новицкий отмечал: «Обращение вещей (переход их из хозяйства в хозяйство) имело место еще до появления денег и представляло собой непосредственный обмен вещи на вещь (так называемую мену). Это соответствовало общим экономическим условиям общества, только что переходившего от натурального хозяйства к меновому».¹

Так, в учебнике И.Б.Новицкого и И.С.Перетерского по римскому праву приводятся слова Павла, характеризующие историю происхождения договора купли-продажи: «Происхождение купли-продажи коренится в мене. Было такое время, когда не было денег, когда не называли одно товаром, другое – ценой, а каждый в зависимости от необходимости момента и от характера вещей, обменивал не-

нужное на то, что требуется: ведь нередко бывает так, что предмета, который для одного является лишним, другому не хватает. Но так как не всегда и нелегко совпадало так, чтобы у тебя было то, что нужно мне, а я имел в свою очередь то, что хочешь получить ты, то был выбран предмет, получивший публичную постоянную оценку; посредством передачи его в равном количестве устраняли трудности непосредственного обмена. Этому предмету (мерило ценностей) была придана публичная форма, и он приобрел распространение и значение не столько по своей сущности, сколько по количеству, причем перестали называть товаром (*merx*) то, что дает и та и другая сторона, а один из предметов стали называть ценой (*pretium*)»².

В этих словах Павла рисуется историческая преемственность непосредственного обмена товара на товар, как первичной формы меновых сделок, и пришедшего ей на смену обмена товара на деньги, но опять-таки немедленного (купля – продажа на наличные). Дальнейшее развитие привело к такому договору, когда немедленной передачи товара, с одной стороны, цены – с другой, могло и не быть, то есть пришли к договору, по которому стороны принимают на себя взаимные обязательства: одна – передать, товар, другая – уплатить за него цену.

В Институциях Гая (4.28) упоминается, что еще законы XII таблиц предусматривали *legis actio per pignoris capionem*, в случае, когда кто – либо, купив жертвенное животное, не платил за него покупную цену. Из этих слов Гая можно заключить, что уже в эпоху XII таблиц была известна купля – продажа в кредит. Но в то время она не была консенсуальным контрактом. Купля – продажа в те далекие времена скорее напоминала реальные контракты (хотя она не принадлежала к их числу); в отношении *res mancipi* совершалась *mancipatio*, то есть торжественная форма передачи права собственности за кусок металла (меди), который тут же взвешивался на весах; в отношении *res nec mancipi* совершалась неформальная передача (*traditio*) вещи.

И все же договор мены долго существовал в римском праве. Это объяснялось тем, что денег еще не было, и поэтому гражданский оборот определялся меной товара на товар.

Каким образом получила признание простая купля-продажа – вопрос очень спорный. Однако группа ученых (Фогт, Феррини) выводят ее из тех неюридических соглашений, которые ставились только под охрану общей *fides*.

Другие (Коста) предполагают в качестве предварительной стадии куплю-продажу реальную, развившуюся путем, аналогичным тому, которым шло развитие *commodatum*, *despositium* и *pignus*. Наиболее вероятной

1. Новицкий И.Б. Римское право. Изд. 4-е, стереотип. М., 1993. С.176

2. Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б.Новицкого и И.С.Перетерского. М.1996.

кажется гипотеза третья (Беккер, Жирар). Для того чтобы придать обязательную силу самому соглашению о продаже, стороны облекали первоначально свои обещания в две встречные стипуляции: продавец обещал передать вещь, покупатель уплатить цену. Доказательством этой гипотезы является то, что мы довольно часто встречаем употребление стипуляции при купле-продаже, хотя по существу это стало уже не нужным. Но понятно, что такой сложный порядок продажи и покупки не мог полностью удовлетворять гражданский оборот, который постепенно развивается в Древнем Риме.

Отдельных типов договоров было тогда весьма ограниченное число, причем все они совершались в очень сложной форме.

Поэтому для юридической силы договоров была необходима не только согласная воля сторон, но и соответствие договоров определенному типу. Из этого возникло основное деление договоров на контракты (договоры, признанные гражданским правом, типичные) и пакты (неформальные соглашения, неподходящие ни под какой тип и, стало быть, неимеющие исковой защиты).

При проведении классификации контрактных обязательств римляне подразделяли их на 4 группы, возникающие посредством передачи вещи (*res*), путем произнесения слов (*verba*), на письме (*litterae*) и путем соглашения (*consensus*). Отсюда Гай выводит 4 основных типа контрактов в зависимости от *causa obligandi* (или момента возникновения обязательства): реальные, вербальные, литеральные и консенсуальные. При этом каждая из этих 4-х категорий охватывала строго ограниченное число точно определенных контрактов. Чтобы осмыслить особенности контрактной системы римского права, представляется целесообразным рассматривать типы договоров в той очередности, с которой они формировались.

Вербальные договоры (от лат. «*verbum*» - слово) представляли также древнейший их вид, они существовали еще со времен Законов XII таблиц и являлись договорами, подтвержденными дачей клятвы обеими сторонами.

Обобщающим названием для контрактов, заключаемых, в форме произнесения торжественных слов являлась стипуляция, причем ответ буквально должен был совпадать в своей редакции с вопросом.

Для его действительности требовалось произнесение слов «даю», сделаю». Вот что писал по этому поводу Гай: «Вербальное обязательство возникает посредством вопроса и ответа, например, обещаешь ли дать что-нибудь? обещаю; дашь ли? дам; ручаешься ли? ручаюсь; сделаешь ли? сделаю»³.

В качестве устного договора стипуляция была недоступна немым и глухим, которые не могли непосредственно воспринимать вопрос и ответ⁴. Стипуляция была односторонним контрактом: обязательство возникало на стороне лица давшего обещание, а кредитором могло быть только лицо получившее обещание.

Стипуляция имела огромное значение в римском обороте, так как практически любые отношения можно было облечь в форму вопроса и ответа.

Во-первых, стипуляция не могла применяться, если хотя бы одна из сторон, например, была в другом горо-

де; во-вторых, две самостоятельные стипуляции не могли передать двустороннюю природу купле-продаже (*emptio-venditio*), при которой обязательство одной стороны связано, обусловлено обязательствами другой⁵.

Из обязательства строго словесного возникло и постепенно распространилось письменное обязательство.

Литеральный контракт - договор, обязательства из которого возникает посредством записи, письма⁶. С.А. Муромцев отмечал, что написанное слово производило такое же решительное впечатление, как и слово произнесенное⁷. Этот письменный контракт возник в практике римского права в III-II вв. до н.э. и заключался посредством записи в приходно-расходные книги. Записи в книге кредитора известной суммы как уплаченной должнику соответствовала запись в книге должника той же суммы как полученной от кредитора - в этом выражалось их соглашение. Это все делалось на основании соответствующего соглашения сторон, иначе не могло быть и речи о договоре.

Другая точка зрения состоит в том, что некоторые исследователи ставят литеральный контракт в связь с *pechum*⁸, другие ставят в связь, усматривая ее зародыш, еще в книгах понтификов, которые в древности занимали нишу современных нотариусов⁹.

Сущность литеральной формы контрактов можно отнести к тому, что римляне вообще имели обычай тщательно вести свои хозяйственные книги. Это выражается в первую очередь в том, что изо дня в день римляне записывали приход и расход, все издержки и поступления.

Обыкновенная запись (так называемая *nomina acta*) служила доказательством уже существующего обязательства, но не могла служить почвой для возникновения нового.

Таким образом, гражданин вел учет своих расходов и поступлений в свой бюджет в специальной приходно-расходной книге, занося туда имена своих должников. Запись сама по себе не устанавливала долг, а лишь регистрировала его. Но если по какому-нибудь соглашению с должником долг регистрировался кредитором как уплаченный, а затем заносился в книгу расходов, как денежный заем, то из этого вытекал литеральный контракт.

Консенсуальный договор - это добровольное соглашение сторон в одном и том же деле, не требующее никаких формальностей. Консенсуальные контракты могли заключаться и через посредника. «Нет сомнения, что договор товарищества мы можем заключить и посредством передачи вещи, и словами, и через вестника». (*Mod., 3 reg., D. 17, 2, 4*).

Особенность консенсуальных договоров в том, что если в других типах контрактов помимо соглашения для установления обязательства требуется еще какой-то момент (слово, письмо, передача вещи), то в консенсуальных контрактах *consensus* является не только, необходимы, но и достаточным моментом для возникновения обязательства¹⁰.

Таким образом, источником юридической силы этого

5. И.А. Покровский История римского права. С.419.

6. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения., Юридическая литература, М., 1984 г. С.90.

7. Муромцев С.А. Гражданское право древнего Рима., М., 1883 г. С.210.

8. Содержащиеся в источниках римского права указания относительно *pechum* неясны и противоречивы, поэтому не все исследователи римского права понимают этот термин одинаково.

9. 7 Ч. Санфилиппо. Курс римского частного права. - С.246.

10. Хвостов В.М. История римского права., 1919 г. С.422.

3. Учебник История государства и права зарубежных стран» под редакцией д.ю.н. профессора К.И.Батыра проспект, М.2006, стр.109

4. Новицкий И.Б. Римское право., М., 1996 г. С.157-158.

типа договоров является то, что выражением воли, своим обещанием лицо уверило контрагента в своем намерении поступить известным образом. А контрагент, опираясь на это волеизъявление, запланировал свой дальнейший образ действий. Поэтому было бы несправедливо, если бы обещавший мог безнаказанно отступить от обещания¹¹.

Такова основная идея консенсуальных договоров, к которым римляне относили куплю-продажу, наем, поручение и товарищество.

Этот договор давал возможность достичь общего согласованного решения там, где интересы сторон совпадают, не затрагивая вопросов, по которым имелись разногласия, и гарантируя тем самым любую сторону от принятия неприемлемого для ее решения.

Постепенное развитие имущественных отношений привело к тому, что стороны стали принимать на себя взаимные обязательства: одна - передать товар, другая - уплатить за него цену.

В какое-то время практика вынудила римских юристов выделить в особую группу договоров такие, которые стали называться реальными. Реальные договоры представляли

собой передачу вещи, что являлось знаком того, что стороны действительно согласились заключить конкретный договор.

Отличительной чертой реальных и консенсуальных контрактов является то, что эти контракты являются неформальными, т.к. они не связаны с какой-либо определенной формой.

Интересно отметить, что реальные контракты, в отличие от литтеральных получают юридическую силу только с того момента, когда на основании соглашения одна сторона передала другой ту вещь, которая была предметом договора.

Только в классическом римском праве сложился договор купли – продажи (*emptio – venditio*) в качестве консенсуального контракта.

Таким образом, договор купли – продажи можно определить как консенсуальный контракт, посредством которого одна сторона продавец (*uenditor*) обязуется представить другой стороне - покупателю (*emptor*) – в собственность вещь, товар (*merx*), а другая сторона – покупатель – обязуется уплатить продавцу за проданную вещь определенную денежную цену (*pretium*).

11. Боголепов Н.П. Учебник истории римского права., М., 1907 г. С.219.

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕВОЗКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО (ТРАНСПОРТНОГО) ТРАНЗИТА

Панферов Р.Г.,
адъюнкт,
Орловский юридический институт

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, способы совершения преступления, контрабанда наркотических средств

Key words: criminalistic characteristics, methods of committing the crime, smuggling of narcotic drugs

Одной из важных составных частей частной методики расследования преступлений, является криминалистическая характеристика конкретных преступлений.

Определение общего понятия и структуры криминалистической характеристики преступления, как категориального аппарата науки, призвано способствовать уяснить суть расследуемых преступлений работникам правоохранительных органов.

Справедливо возникает вопрос о том, какие же элементы криминалистической характеристики являются значимыми и какие из них следует включать в указанную характеристику для этого углубимся в исторический экскурс.

Одним из наиболее криминалистически значимым признаком преступных действий, связанных с незаконным хранением и перевозкой наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов при осуществлении международного (транспортного) транзита, служащим решению указанных задач, являются, данные о способах совершения и сокрытия преступлений.

На основе изучения и обобщения опыта судебно-следственной практики методика расследования выявляет типичные способы совершения преступлений определенного вида и их признаки, которые одновременно являются признаками преступления. Эта закономерность проявляет себя постоянно, ибо каждое отдельное действие и комплекс действий на различных этапах совершения преступления оставляет свои присущие данному действию следы.

Перемещение определенных предметов через таможенную границу можно условно назвать генеральным способом контрабанды, который применяется виновными посредством следующих дополнительных способов:

- помимо таможенного контроля;
- с сокрытием таможенного контроля;
- с обманным использованием документов;
- с обманным использованием средств таможенной идентификации;
- с не декларированием товаров или иных предметов;
- с их недостоверным декларированием.

Как показывает практика, выбор преступниками места и способа незаконного хранения и перевозки наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов при осуществлении международного (транспортного) транзита обуславливается, прежде всего, способами приобретения наркотиков. Полезной является информация о наиболее типичных следах совершения и сокрытия преступлений в сфере наркобизнеса. Механизм слеодообразования тесно связан со способами совершения и сокрытия преступлений, причем действия по приготовлению, приобретению, хранению наркосредств связаны с возникновением материальных следов. В связи с этим, А.Ф. Лубин указывает, что «раскрыватель» преступления должен априорно (зара-

нее) знать живую человеческую жизнь во многих ее проявлениях. При этом с криминалистической точки зрения для следователя главное заключается не в том, что и как делают преступники, а в том, какие следы и признаки эти действия оставляют, где и как их следует искать и выявлять.

Г.Г. Зуйков исследует способ совершения с криминалистических позиций, т.е. исходя из задач поиска эффективных средств раскрытия и расследования преступлений. С этой целью он выделяет действия по подготовке, совершению и сокрытию преступлений.

В этой связи следует обратить внимание на точку зрения В.К. Гавло, который считает, что способ преступления как элемент криминалистической характеристики - это система действий (бездействий) по подготовке, совершению и сокрытию преступления, с присущими ей следами - последствиями содеянного, избираемая субъектом преступления для достижения преступного результата в соответствии с его личными свойствами и обстановкой преступления.

Эта точка зрения отражает и другое важное положение: действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления избираются виновным с учетом не только его свойств, но и влияния объективных и субъективных факторов.

Гавло В.К. указывает на классический способ совершения преступления, когда субъект стремится совершить и скрыть преступление в соответствии с заранее возникшим намерением и планом, охватывающим в целом подготовку к преступлению, его совершение и сокрытие.

Преступления в сфере незаконного хранения и перевозки наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаются самыми разнообразными способами, среди них выделим изготовление, переработку, хранение, транспортировку, организацию сбыта наркотиков оптом и в розницу.

Из Европейского региона в Россию поставляются 42,8 процентов всех амфетаминов и стимуляторов, 80 процентов ЛСД и других галлюциногенов от доли государств Дальнего зарубежья. Международные преступники приобретают в Амстердаме синтетические наркотики по 7 - 9 долларов за таблетку, а сбывают в России на дискотеках и в игорных заведениях по 40 - 70 долларов за штуку.

В восточной группе - Узбекистан, Казахстан, Туркмения и Киргизия, - объем контрабанды наркотиков составляет 54,4 процента от общей контрабанды наркотиков странами бывшего СССР. По номенклатуре это - опиий (73,7 %), препараты из конопли (73,5%), морфий (60,8%), героин (60,8 %). Территория этих государств фактически превратились в единую перевалочную базу наркотиков, значительная часть которых оседает в России. Например, Казахстан очень удобен как в плане транспортной

инфраструктуры (развитая сеть железных и автомобильных дорог), так и с точки зрения достаточно либерального законодательства. За распространения наркотиков УК Республики Казахстан предусматривает 4 - 7 лет лишения свободы, в то время как в Киргизии за эти же деяния предусмотрена ответственность - 25 лет, а в Узбекистане - введена смертная казнь.

Наиболее часто средством перемещения наркотиков является железнодорожный транспорт. Выбирая место сокрытия наркотических средств, контрабандисты прибегают к техническим полостям вагона. Для этих целей используются потолочные люки, тумбочки умывальников, распределительные счеты, топки, ящики для мусора, рундуки и другие места перевозки пассажиров.

Контрабандисты используют и другие способы перемещения наркотиков, при которых визуальное обнаружение последних затруднено. Так, в 2000 году была предотвращена попытка ввоза в РФ из Колумбии 1 тонны кокаина стоимостью более 100 млн. долларов по ценам «черного рынка». Наркотики были помещены в банки под видом консервов, обработаны спецсоставом и оклеены скотчем, что затрудняло обнаружение наркотиков сотрудниками таможенных органов. Организаторы контрабанды постоянно работают над внедрением в транспортировку новых способов. В 2004 году в Колумбии выявлена фирма, которая занималась выращиванием щенков собак элитных пород и продажей их в страны Западной Европы. Когда щенки достигали возраста 3-4 месяца, им разрезали живот и помещали внутри контейнеры с жидким героином весом 2-3 кг, и когда шов от операции становился незаметным, помещали щенков в клетки и направляли будущим хозяевам. В 2005 году в Таджикистане выявлен новый способ контрабанды наркотиков. Работники таможни обратили внимание на то, что увеличилось количество пассажиров, в багаже которых находилось льняное масло, расфасованное в 10-литровые канистры. Проверка показала, что в канистру заливало 2 литра жидкого героина, не имеющего запаха, а сверху заливало масло. В результате исследований было установлено, что после транспортировки при определенной температуре наркотик и масло разъединяются.

В январе 2009 года в морском порту Санкт-Петербурга задержано судно из Эквадора, в трюме которого обнаружен и изъят кокаин весом 70 кг, на общую сумму более 7 млн. долларов.

Изучение судебно-следственной практики и анкетирования сотрудников таможенной и пограничной служб показывает, что в настоящее время в связи с усилением пропускного режима на границе контрабандисты применяют следующие способы контрабанды наркотиков:

1) Используя то обстоятельство, что граница России и Казахстана не оборудована, большие партии наркотиков перемещаются в автомобилях по степным дорогам помимо таможенного и пограничного контроля. Поэтому автомобили с контрабандным грузом задерживаются на территории РФ за 100-200 км от границы сотрудниками различных служб правоохранительных органов;

2) Увеличивается количество женщин - «глотателей», которые перевозят на теле или в желудке контейнеры с опиумом или героином. Сотрудники таможни Новосибирского аэропорта «Толмачево» указывают, что в желудке человека может разместиться до 70 контейнеров весом до 1400 гр.;

3) Наркотики в Казахстане упаковываются в сумки с вещами и перемещаются в вагонах пассажирских поездов, при подъезде к границе сумки сбрасывают из вагонов в степь, а потом мелкими партиями перевозят через границу. Именно таким способом транспортировались наркотики весом 101 кг контрабандистами, задержанными в декабре 2004 года под Челябинском;

4) Контрабанда наркотиков осуществляется с помощью местных жителей. Особенность этого способа заключается в том, что наркотики в Казахстане размещаются в населенных пунктах, расположенных в приграничной полосе с Россией, а затем перемещаются в автомобилях и других транспортных средствах, принадлежащих местным жителям. Контрабандисты умело используют то обстоятельство, что граница нередко проходит через населенные пункты и местные жители в течение одного дня несколько раз пересекают границу. В 2004 году в Новосибирской области был задержан пенсионер 67 лет, который на личном автомобиле ВАЗ каждый день проезжал через погранпост из Казахстана в Россию на дачу. Проверка дачного инвентаря в а/м позволила обнаружить и изъять несколько пакетов с героином. При допросах пенсионер показал, что по договоренности несколько месяцев подряд перевозил через границу наркотики, а сами наркодельцы работали по обе стороны границы;

5) При контрабанде наркотиков в поездах группой в 3-4 человека применяется следующая тактика: в случае проверки один из наркокурьеров имитирует внезапное болезненное состояние с целью отвлечения внимания сотрудников таможни и погранслужбы. Оставшиеся без внимания члены группы с наркотиками, воспользовавшись сложившейся обстановкой, переходят границу и следуют дальше. Именно таким способом действовали члены группы проводников поезда «Бишкек-Новокузнецк» 5 января 2005 г., прошедшие пограничный и таможенный контроль, которые были задержаны возле г. Прокопьевска Кемеровской области, когда в поезде было обнаружено и изъято 30 кг опия и героина.

6) В приграничных городах Алтайского края Рубцовске, Горняке, Змеиногорске торгуют не только марихуаной, но и героином по очень низкой цене. В будущем потребителей героина будут использовать как контрабандистов-одиночек для перемещения наркотиков из Казахстана в Россию.

Таким образом, способ умышленного преступления, к которым относится незаконное хранение и перевозка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов при осуществлении международного (транспортного) транзита, складывается из совокупности отдельных действий и не означает набора случайных элементов в поведении субъекта, а представляет собой систему продуманных, взаимосвязанных и взаимообусловленных единым актом действий преступника и теми объективными условиями, в которых он действует. При таком подходе к способу преступления можно полагать, что действия по его подготовке, совершению, и сокрытию составляют единый способ преступления, так как конечные действия и результаты сокрытия следов преступления обусловлены единым планом и замыслом задолго до начала его совершения.

Опыт борьбы с контрабандой наркотиков показывает, что преступники умело приспосабливаются к местным условиям, прибегают к различного рода ухищрениям при

выборе способа контрабанды, маскировки своей причастности к преступлению, подборе коррумпированных чиновников для обеспечения безопасности своей деятельности. В связи с этим можно выделить наиболее характерные черты способа контрабанды наркотиков, совершаемых членами организованных преступных групп: с использованием фактора внезапности; с применением или угрозой насилия либо подкупа чиновников; с особой дерзостью (прорыв через таможенный или пограничный пост).

Фактор внезапности может быть использован обвиняемыми, и лицами, причастными к совершению преступления, цель которых - противодействие расследованию и установлению истины по делу.

Механизм слеодообразования во многом зависит от выбора преступником способа совершения преступления и тесно связан с личностью преступника. По признакам-следам, оставленным субъектом преступления можно получить ценную информацию, относящуюся к полу, возрасту, преступному опыту, профессии, физическим или иным качествам личности, т.е. построить информационную модель виновного, необходимую для выдвижения версий и установления личности контрабандиста.

Учитывая, что контрабандисты в своей деятельности используют данные видеопроката и средств массовой информации, можно предположить, что в дальнейшем количество способов контрабанды будет увеличиваться, а применяемые при этом средства и методы будут становиться ухищренными и жестокими.

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ. РЕШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ПО ВОПРОСАМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫБОРОВ

Пикин Д.С.,
соискатель,

Московская государственная юридическая академия им. Кутафина

Ключевые слова: иерархия решения избирательных комиссий, процедурный характер, решения комиссий по вопросам информационного обеспечения выборов

Keywords: hierarchy of decisions of electoral commissions, the procedural nature, decisions of the commissions on the information support of elections

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы правовой природы решений принимаемых избирательными комиссиями. На основании норм действующего избирательного законодательства, с учетом процедурного характера подобных решений, делается вывод о возможности отнесения решений комиссий по вопросам применения положений законодательства о выборах, принятых в пределах их компетенции, в качестве отдельной разновидности нормативно-правовых актов. Отмечается особая роль нормативно-правовых решений Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по отношению к актам других органов. Данные решения находятся на ступень ниже федеральных законов о выборах и занимают главенствующее положение среди остальных федеральных подзаконных актов. Между решениями комиссий существует строгая иерархическая взаимосвязь. Решения вышестоящих комиссий имеют приоритет перед актами нижестоящих. Кроме того, в статье делается анализ актов комиссий, принимаемых по вопросам информационного обеспечения выборов. Делается заключение об их существенной роли относительно иных актов принимаемых комиссиями.

The article deals with the legal nature of decisions taken by the election commissions. Based on the norms of the current electoral law, taking to the procedural nature of these decisions, making the conclusion about the possibility of inclusion of Commissions acts on the application of the provisions of electoral legislation adopted within their competence, as a separate species regulations. Noted the special role of legal decisions of the Central Election Commission of Russian Federation in relation to the acts of other state agencies. These solutions are a step below the federal election laws and occupy a dominant position among the other federal acts. Between the decisions of the Commissions there is a strict hierarchical relationship. Decisions of higher commissions have priority over acts of lower commissions. In addition, the article includes the analysis of acts of commissions taken on the information support of elections. Making conclusion of their significant role with respect to other acts taken by the commissions.

Избирательные комиссии выполняют в период выборов принципиально важную функцию – они обеспечивают реализацию и защиту избирательных прав граждан, осуществляют подготовку и проведение выборов. Для ее успешной реализации комиссии наделены правом в пределах своей компетенции принимать решения и иные акты, которые обязательны для нижестоящих комиссий, для органов исполнительной власти как федерального, так и регионального уровней, государственных учреждений, органов местного самоуправления, кандидатов, избирательных объединений, общественных объединений, организаций, должностных лиц и избирателей. При этом решения и

иные акты комиссий не требуют государственной регистрации, что обеспечивает необходимую оперативность нормотворчества, учитывая высокие темпы современного избирательного процесса.

Современная правовая теория, не выделяет решения и иные акты избирательных комиссий в качестве отдельного источника избирательного права. Если мы обратимся непосредственно к тексту Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», то не найдем решений комиссий и среди источников избирательного законодательства.

Общепринятое понятие источника права в юридической науке отсутствует. Обычно данное понятие рассматривается в двух аспектах: широком – как причины и закономерности правообразования или генезиса права и узком – как способ закрепления и существования норм права или как внешняя форма установления и выражения правовых предписаний. Проводя сравнение между этими двумя подходами, считаю оправданным применить в рамках данной статьи точку зрения С. Князева и Н. Михалевой, рассматривающих дефиницию «источник права» с акцентом на внешнюю форму выражения правовых предписаний. Таким образом, под источниками избирательного права Российской Федерации следует признавать действующие нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня, закрепляющие принципы избирательного права и избирательный процесс¹. В свою очередь нормативно-правовой акт как источник избирательного права в качестве основной составляющей имеет норму права – исходящее от государства и охраняемое им общеобязательное, формально определенное правило поведения (непосредственно или в сочетании с другими нормами права), предоставляющего участникам общественных отношений субъективные права и налагающее на них субъективные обязанности.

Согласно действующему избирательному законодательству на федеральном уровне акты и решения в пределах имеющихся полномочий принимает Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Применительно к субъектам, например к Приморскому краю, такой функцией наделены Избирательная комиссия Приморского края и избирательные комиссии муниципальных образований. Формы принимаемых комиссиями решений могут быть различными. Центризбирком РФ принимает постановления, инструкции, рекомендации и т.д. В соответствии с Избирательным кодексом Приморского края в качестве основной формы принимаемых Избирательной комиссией

1. Курс лекций по избирательному праву и избирательному процессу Российской Федерации, Глава 1, § 3. Источники избирательного права Российской Федерации. С. Князев, Н. Михалева [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.democracy.ru/library/learning/lectures/page3.html> (Дата обращения 01.03.2012 г.).

Приморского края и избирательными комиссиями муниципальных образований решений называются инструкции. Хотя кодекс допускает принятие данными комиссиями и иных актов.

Содержат ли акты и решения, принимаемые вышеуказанными комиссиями, нормы права и могут ли они на этом основании быть отнесены к нормативно-правовым актам? Для ответа на данный вопрос следует проанализировать содержательное наполнение принимаемых комиссиями решений и их целевую направленность.

Как уже указывалось выше, избирательные комиссии могут принимать различные акты и решения. В любом случае они содержат предписания по вопросам, которые по объективным причинам не были включены в законодательные акты и поэтому нуждаются в подзаконном (вторичном) регулировании. Это могут быть процедуры официального характера (формы официальных документов, порядок их рассмотрения в избирательных комиссиях и т.д.), нормативы технического характера (стандарты оборудования). Кроме того, решения избирательных комиссий могут включать предписания, не связанные с реализацией положений законодательства (например, постановление о награждении почетной грамотой сотрудника избирательной комиссии либо решение об итогах тематического конкурса, организованного и проведенного комиссией и т. д.).

Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает обязанность соблюдения решений вышестоящих избирательных комиссий, принятых в пределах их компетенции, нижестоящими комиссиями, органами государственной власти и местного самоуправления, кандидатами и т.д. В статье 21 данного закона подчеркивается, что инструкции Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по вопросам единообразного применения его норм обязательны для исполнения. Логично предположить, что их несоблюдение повлечет несоблюдение норм избирательного законодательства, в развитие которых они принимались, а, следовательно, станет основанием для применения соответствующих санкций. В статье 32 Регламента ЦИК РФ прямо предусмотрена возможность комиссии принимать нормативные акты. При этом Центризбирком вправе решать вопрос «об утверждении инструкций, иных нормативных актов» исключительно на своих заседаниях².

Таким образом, акты и решения избирательных комиссий, содержащие нормативные предписания по вопросам применения положений законодательства о выборах и принимаемые в пределах их компетенции, могут рассматриваться в качестве отдельной разновидности нормативно-правовых актов, что позволяет им, не имея официального признания в качестве источников избирательного права Российской Федерации, оказывать влияние на правоприменительную практику.

Целесообразность отнесения данной категории актов к нормативным обусловлена еще и тем, что они должны учитываться при издании новых нормативно-правовых ак-

тов, при составлении перечня актов, утративших юридическую силу, при составлении хронологических и систематических собраний законодательства, при определении того, какие из разрозненных некодифицированных норм действуют в настоящее время, какие виды отношений урегулированы ими.

«Процедурный» характер нормативно-правовых актов комиссий не предусматривает установление новых прав и обязанностей для участников избирательного процесса. Их издание на «пустом месте», то есть по вопросам, не нашедшим законодательного регулирования, фактически напрямую запрещено Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Соответственно они могут издаваться после принятия и введения в действие соответствующего федерального или регионального закона по вопросам, которые хотя бы в общем виде, но уже урегулированы на законодательном уровне. При этом комиссии могут использовать в своих нормативных актах такие формы законодательных предписаний, как воспроизведение, детализация, конкретизация, а также собственно форму развития законодательных предписаний. А вот использование таких форм как дополнение и изъятие из общего правила, будет выходить за рамки их нормотворческих полномочий, поскольку при использовании данных форм развития законодательных предписаний могут устанавливаться новые права и обязанности для субъектов права.

Некоторые исследователи в своих работах поднимают проблему положения нормативных актов, принимаемых комиссиями, в сложившейся иерархии нормативно-правовых актов Российской Федерации принятых другими органами. Апеллируя к особому статусу избирательных комиссий по отношению к другим органам государственной власти и органам местного самоуправления, они считают необходимым четко определить статус нормативных актов избирательных комиссий по отношению к иным нормативно-правовым актам органов государственной власти и местного самоуправления. Действительно, избирательные комиссии, являясь на федеральном и региональном уровне органами государственной власти, а на местном уровне – муниципальными органами, юридически полностью независимы от остальных органов федеральной, региональной власти и органов местного самоуправления соответственно. Нормативные акты, принимаемые ими, необходимы для реализации положений федеральных и региональных законов. Тем не менее, как уже говорилось ранее, акты комиссий регламентируют различного рода процедурные вопросы, выполняя обеспечительную функцию по отношению к положениям, установленным в законе. То есть практическая ценность в законодательно закрепленных критериях иерархического положения актов избирательных комиссий может быть выявлена только в отношении актов Центризбиркома, которые принимаются комиссией на основании закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и действуют наряду с иными федеральными законами и подзаконными актами о выборах, а также соответствующими законами субъектов Российской Федерации. Выборы регионального и муниципального уровней проводятся в соответствии с федеральной нормативно-правовой базой и соответствующими законами субъектов,

2. Регламент Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Утвержден постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 28 июня 1995 года N 7/46-II (с изменениями от 23 марта 2011 года). Электронный фонд нормативных документов «Кодекс» [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://docs.kodeks.ru/document/901707399> (дата обращения 01.03.2012).

положения которых развиваются в актах региональных и муниципальных комиссий соответственно. Трудно предположить возможность возникновения коллизий между, например, Избирательным кодексом Приморского края и инструкцией Крайизбиркома о порядке распределения эфирного времени и печатной площади между зарегистрированными кандидатами, избирательными объединениями. Четкое же определение критериев иерархического положения того или иного акта в системе законодательства служит по большей части основанием для разрешения коллизий между различными нормативно-правовыми актами, для определения прерогативы действия одного акта перед другим. Исходя из приведенных суждений, на региональном уровне данная проблема не является актуальной.

Рассматривая в отдельности место нормативно-правовых актов Центризбиркома по отношению к актам других органов, приходишь к выводу, что данные решения находятся на ступень ниже федеральных законов о выборах и занимают главенствующее положение среди остальных федеральных подзаконных актов. Такой вывод позволяют сделать предписания закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», наделяющие акты и решения ЦИК РФ, принятые в пределах имеющихся полномочий, общеобязательным характером в отношении всех федеральных органов власти и их должностных лиц (за исключением органов законодательной власти). Следовательно, и подзаконные акты, принимаемые федеральными органами власти, не должны противоречить не только указанному закону, но и принятым в развитие его положений нормативно-правовым актам Центризбиркома.

Касательно иерархии между решениями комиссий законодательство о выборах совершенно определенно устанавливает приоритет актов вышестоящей комиссии перед актами нижестоящей. То есть решения региональной комиссии не должны противоречить актам Центризбиркома РФ, а решения муниципальной комиссии – актам региональной избирательной комиссии, а также актам Центризбиркома РФ.

Акты избирательных комиссий, затрагивающие вопросы участия СМИ в избирательной кампании, составляют значительную часть относительно иных решений комиссий. Как заметил С.В. Большаков, практика избирательной кампании 1999 года по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации явилась своего рода камнем преткновения во взаимоотношениях между избирательными комиссиями и СМИ³.

Как уже было установлено, решения комиссий по вопросам участия СМИ в информационном обеспечении избирательной кампании могут иметь как нормативный, так и ненормативный характер. К последним можно отнести акты организационного характера, в частности, постановление ЦИК «О составе Рабочей группы по информационным спорам и иным вопросам информационного обеспечения выборов» от 15 августа 2007 года, на основании которого была сформирована указанная Рабочая группа и образован ее состав. Также сюда можно отнести решения комиссий о поощрении их сотрудников, продемонстриро-

вавших наиболее высокие показатели в работе. Здесь же надо отметить решения поощрительного характера, в соответствии с которыми премируются СМИ, чей материал о выборах был признан лучшим по итогам конкурса, проведенного соответствующей комиссией.

Среди нормативных правовых актов комиссий можно выделить разъяснения по отдельным вопросам распространения информации о выборах в течение избирательной кампании. Типичным примером могут служить разъяснения установленного законодательством Российской Федерации о выборах и референдумах порядка опубликования (обнародования) результатов предвыборных социологических исследований. Подобные разъяснения были изданы, например, Центризбиркомом в преддверии президентских выборов 2008 года. Важную роль играют постановления Центризбиркома, определяющие перечень общероссийских государственных организаций телерадиовещания и общероссийских государственных периодических печатных изданий. Тем самым, гарантируется обязательность их участия в информационном обеспечении выборов, предусмотренная нормами избирательного законодательства. Традиционно с помощью предписаний, содержащихся в нормативных актах избирательных комиссий, регулируются вопросы распределения эфирного времени, а также печатной площади между зарегистрированными кандидатами и избирательными объединениями. Кроме того, существует практика утверждения на уровне решений комиссий образцов договоров, заключаемых между зарегистрированными кандидатами (избирательными объединениями) и редакциями СМИ по предоставлению указанным кандидатам (избирательным объединениям) эфирного времени либо печатной площади на бесплатной либо платной основе. Данные типовые договоры содержат тот минимальный набор существенных атрибутов, который необходим для выполнения нормативных предписаний избирательного законодательства, поэтому как СМИ, так и кандидатам (избирательным объединениям) рекомендуется придерживаться условий типовых договоров, чтобы не навлечь для себя соответствующие санкции. Если же редакция СМИ не устраивает предлагаемый образец договора, она вправе разработать свой собственный, с учетом того, что он не будет противоречить нормам избирательного законодательства и положениям типового договора.

Периодически, вместе с изменениями требований законодательства о выборах, комиссиями издаются акты, предусматривающие формы ведения отдельного учета объемов и стоимости бесплатного и платного эфирного времени, а также бесплатной и платной печатных площадей, предоставленных зарегистрированным кандидатам (избирательным объединениям).

Ну и наконец, нельзя не упомянуть решения комиссий, связанные с развитием информационных технологий и средств передачи связи, а именно инструкции о порядке размещения данных ГАС «Выборы» в сети Интернет и инструкции о форме передачи данных о результатах голосования посредством мобильной связи. Положительное значение указанных актов заключается прежде всего в том, что информация, передаваемая с помощью новых технологий, становится доступной для восприятия даже людям, не имеющим специальной подготовки.

3. СМИ и предстоящие президентские выборы 2000 года в России/ Ответственный редактор - И.Ю.Еремин/М. 2000 г./Копия доступна на сайте «Демократия.ру». [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.democracy.ru/library/publications/media/presmedia2000/page7.html> (Дата обращения 26.02.2012г.)

**СИНОНИМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОВ А. А. АХМАТОВОЙ)**

Пруссакова Н.М.,
старший преподаватель,
кафедра английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: синоним, поэзия, особенности, функции, перевод
Keywords: synonym, poetry, special features, functions, translation

Аннотация. В статье рассматриваются основные семантические особенности и функции синонимов в тексте, а также некоторые способы упрощения процесса их перевода при помощи предложенных «трафаретов».

The author describes functions and special features of the synonyms in the text and the way how to make the translation of synonyms easier.

В нашей статье мы предлагаем рассмотреть семантические особенности синонимов в английском и русском языках и представить способы упрощения процесса их перевода.

Синонимия – это одно из важнейших понятий в семантике и стилистике языка. И соглашаясь с мнением В. Г. Вилюмана [1, с. 27] по вопросу определения синонимии, назовем необходимые и достаточные признаки языковой синонимии:

- общность значения,
- общность дистрибуции,
- общность сочетаемости и
- частичная взаимозаменяемость.

Общепризнанно, что синонимические возможности русского языка велики. Синонимы в тексте могут при обозначении того или иного понятия выразить целую гамму самых разнообразных оттенков наших мыслей и чувств. В речи они выполняют следующие функции:

- уточняют мысль,
- передают экспрессию и стилистическую окраску,
- позволяют избежать тавтологии.

Все эти функции синонимов прослеживаются как в русских, так и в английских текстах.

Приведем пример применения синонимов из стихотворения А. Ахматовой «Как соломинкой пьешь мою душу...»:

Как соломинкой, пьешь мою душу.
Знаю, вкус ее горек и хмелен.
Но я пытку мольбой не нарушу.
О, покой мой многонеделен.
As if with a straw you drink my soul.
I know, it's a heady and bitter taste.
But I won't infringe on the torture with pleas,
Oh, I've been at peace for weeks and weeks.
(J. Hemschmeyer) [4]

Таким образом, как в исходном тексте, так и в переводе мы можем отметить, что синонимы не тождественны, они уточняют значение друг друга, одновременно создавая экспрессию в стихотворении.

В словарях синонимы структурируются в синонимические ряды. И при рассмотрении переводов синонимов можно заметить, что синонимические ряды двух языков

имеют разную наполненность, что довольно просто объяснить с точки зрения закона стилистической и семантической аттракции. Можно заметить, что чем больше общество придает значение данному явлению, тем больше оно имеет синонимов в синонимическом ряду.

В этом случае синонимический ряд можно представить следующим образом:

- константная зона,
- дифференциальная зона.

Константную зону составляют ядро синонимического ряда и универсальные денотаты, которые являются общими для разных культур. Чаще всего константная зона является стилистически нейтральной.

Дифференциальная зона включает в себя внутриязыковые синонимы, выражающие особенности культуры, истории и менталитета носителей языка.

На основании исследования можно заметить, что константная зона не представляет особых проблем при переводе, в то время как дифференциальная зона вызывает сложности. Так как чем больше всяких идей «впрессовано» в одно значение, тем больше вероятность того, что комбинация идей окажется уникальной.

Структурированием стилистически маркированной лексики ученые занимаются уже довольно давно. С помощью чего четче вырисовывается специфика структурной организации каждого конкретного синонимического ряда.

Можно встретить следующую структуру синонимического ряда:

↑	очи
N	глаза
↓	буркалы (разг.) глядялки

Нам же представляется возможным соединить стилистические и семантические различия синонимов в одну структуру и представить синонимический ряд следующим образом, что поможет наиболее полно и структурировано представить синонимический ряд в словаре:

Стили	Наименование зоны	Слова-синонимы
↑ (возвыш. стиль)		Семантико-стилистические синонимы
N (Нейтр. стиль)	Ядро син. ряда (константная зона)	Семантические синонимы (идеографические синонимы)
↓ (Снижен. Лексика)		Семантико-стилистические синонимы

Такие «трафареты» облегчат переводчику работу с языковым материалом и позволят проследить различия синонимических рядов.

Можно отметить, что при переводе с русского на английский язык переводчики часто подменяют возвышенную лексику русского языка нейтральной лексикой английского языка, что часто снижает и обедняет стилистическую окраску стихотворения, например: очи – eyes.

Данное явление можно объяснить тем, что в аналогичном синонимическом ряду английского языка может отсутствовать эквивалент с соответствующей стилистической окраской, и в такой ситуации переводчик идет по пути стилистической нейтрализации, что объединяет содержание.

Однако в других случаях переводчики необоснованно прибегают к нейтрализации, вероятно воспринимая возвышенную лексику, как нечто чуждое нашей эпохе или, наоборот, преувеличивает ее роль и значение.

В таком случае словарные «трафареты» позволяют более четко проследить тенденцию употребления синонимов в речи.

Следующую особенность, которую необходимо отметить в русском языке, – это словообразовательные синонимы.

Приведем пример из стихотворения А. Ахматовой «Сжала руки под темной вуалью...»:

... Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

How to forget? He staggered out,
His mouth twisted into a line of pain
And I ran after him down the steps
Only catching up with him at the gate.
(Elaine Feinstein) [3]
How can I forget? He staggered out,
His mouth twisted in agony...
I ran down not touching the bannister
And caught up with him at the gate. (J.Hemschemeyer) [4]

Однокоренные синонимы в стихотворении А. Ахматовой формируют синтаксический параллелизм. Э. Файнштейн в переводе привносит значение результативности, что отсутствовало в исходном тексте, и одновременно из текста исчезает ощущение длительности действия.

Следующая особенность, которую необходимо отметить, – это наличие в английском языке синонимичных глагольных пар, в которых одним из синонимов является словосочетание.

Приведем следующий пример из стихотворения А.Ахматовой «Я пришла тебя сменить сестра...»:

...Поседели твои волосы. Глаза
Замутила, затуманила слеза.
Your eyes have grown dull, your tears cloudy,
Your hair is grey. (D.M.Thomas) [2]

В этом примере появлением синонимичного словосочетания строчка удлиняется, становится более тяжелой. В русском языке синонимы звучат коротко и одновременно усиливаются аллитерацией и ассонансом. Этот эффект полностью исчезает в переводе.

Таким образом, на примере предложенного материала мы рассмотрели некоторые особенности синонимов в английском и русском языках. И обнаружили возможные трудности, связанные со структурированием синонимов. Словари синонимов требуют большей структуризации и четкости. Этого можно добиться при помощи предложенных «трафаретов» и значительно облегчить работу переводчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вилюман В. Г. Английская синонимика. М.: Высш. Школа, 1980. 128 с.
2. Ahmatova A. Selected Poems. Trans. D. M. Thomas. London: Penguin Group Ltd, 2006. 147 p.
3. Feinstein E. Anna of All the Russias. The Life of Anna Akhmatova. London: Phoenix, 2005. 322 p.
4. The Complete Poems of Anna Akhmatova. Trans. J. Hemschemeyer Ed. R. Reeder, Boston: Zephyr Press, 2000. 908 p.

ЦАРСКИЙ ВОЕВОДА Г.И. КОСАГОВ В ЗАПОРОЖЬЕ: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Рогожин А.А.,
аспирант,
кафедра истории России,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: Г.И. Косагов, русское правительство, запорожские казаки, война, политика, взаимоотношения
Key words: G.I. Kosagov, the Russian government, Zaporozhye Cossacks, war, policy, relationships

Аннотация. Во второй половине XVII века русское правительство стремилось наладить отношения с запорожскими казаками. В статье рассмотрена служба царского воеводы Г.И. Косагова в Запорожье как часть русской политики на Украине. Проанализированы основные моменты взаимоотношений царского воеводы и запорожских казаков в 1660-х и 1680-х гг.

The Russian government has sought to improve relations with the Zaporozhye Cossacks in the second half of the XVII century. The service by the tsars' voivod G.I. Kosagov in the Zaporozhye as part of the Russian policy in the Ukraine is explored in the article. Major episodes of the relationships between the tsars' voivod and Cossacks in 1660, and 1680's are analyzed.

Деятельность царских воевод на Украине во второй половине XVII в. рассматривалась в работах историков. П.В. Пирог освещал эту проблему в своей статье, где указывались важнейшие работы по вопросу [7]. Однако роль Григория Косагова в осуществлении политики русского правительства в Запорожье не была затронута во всех подробностях. Классик отечественной историографии С.М. Соловьев рассматривал службу стряпчего Г.И. Косагова в Сечи [8], но описательный подход, преобладающий в масштабном труде великого историка, не позволил ему выделить причины назначения стряпчего и его роль; при этом С.М. Соловьев не рассматривал службу стряпчего среди запорожцев в конце 1680-х гг., в период подготовки второго Крымского похода. Д.И. Эварницкий в своей «История запорожских казаков» [10, 11] заострил внимание на взаимоотношениях запорожцев с представителями царской администрации, в том числе с Г.И. Косаговым. Но, естественно, Д.И. Эварницкого интересовали в первую очередь запорожцы, поэтому мотивы действий стряпчего, его роль и место в царской политике на Украине, освещены слабо. В современной историографии деятельность русского воеводы в Запорогах изучалась В.П. Алексеевым, в его очерке о жизни и службе Г.И. Косагова [3]. Автор использовал работы С.М. Соловьева и Д.И. Эварницкого, не дополнив их информацией документов о службе стряпчего, поэтому мало нового добавил в исследование вопроса. Большую часть очерка заняло описание деятельности стряпчего в Сечи в 1660-х гг., а служба в 1680-е гг. не затрагивалась вообще. Мельком коснулась вопроса Т.Г. Таирова-Яковлева в своем биографическом исследовании о гетмане И.С. Мазепе [9], но лишь применительно к взаимоотношениям в рамках треугольника «И.С. Мазепа – русское правительство – запорожские казаки».

Вопрос о деятельности Г.И. Косагова в Сечи во второй половине XVII в. представляется важным, прежде всего в силу исключительности положения Запорожья в системе международных отношений, поэтому стоит рассмотреть

его подробнее, затронув и вопрос о роли запорожских казаков во внешней политике Русского государства данного периода.

В начале 1660-х гг. в войне с Речью Посполитой инициатива начала переходить в руки поляков. Речь Посполитая оправилась от шведского «Потопа», победоносное же шествие русской армии было прервано русско-шведской войной 1656-1658 гг. Это были годы, когда внешнеполитические ориентиры Русского государства ненадолго поменялись, но за последствия опрометчивого шага пришлось расплачиваться переломом в войне с поляками. В свете этих событий русскому правительству нужно было защитить территорию страны с другой стороны, от нападений крымского хана, причем без применения значительных военных сил, которые воевали против Речи Посполитой. Для достижения цели было важно наладить мирные отношения с запорожцами, и использовать их богатый военный опыт в борьбе с крымчаками.

Запорожье, центр вольных казаков, служивший щитом от натиска крымских татар, привлекало Россию. Русское правительство пыталось получить контроль над этой важной территорией. С этой целью в 1663 г. в Запороги был отправлен стряпчий Григорий Иванович Косагов, зарекомендовавший себя как талантливый командир в первые годы русско-польской войны 1654-1667 гг. Теперь он получил шанс расширить поле применения своих способностей, продолжая служить на важнейшем направлении.

В апреле 1663 г. воеводе Белгородского разряда князю Г.Г. Ромодановскому были посланы царский наказ и грамота из Разрядного приказа. Г.И. Косагов, служивший под началом князя, получал под свое командование пять сотен драгун, солдат и донских казаков и отправлялся с ними в Запорожье. Григорий Косагов должен был вместе с запорожскими казаками действовать против крымских татар. Стряпчий имел весьма широкие полномочия. По подозрению в причастности к «воровству» или любым тяжким преступлениям, Г.И. Косагов мог назначать пытку в качестве привычного метода дознания для своих ратных людей. При признании подозреваемым своей вины стряпчий был вправе назначить наказание батогами или кнутом. Власть Г.И. Косагова над подчиненными ограничивалась лишь в вопросе назначения смертной казни за самые тяжкие преступления – в этих случаях он должен был писать в Москву. Г.И. Косагову также настоятельно советовали следить за взаимоотношениями русских ратников – солдат, драгун и донских казаков – с запорожцами, следить за тем, чтобы не возникало конфликтов и наказывать виновных, если «челобитье на них в каких обидях будет».

Русское правительство стремилось заручиться поддержкой гетмана Ивана Брюховецкого. Стряпчий Г.И. Косагов должен был лично встретиться с гетманом, или, в крайнем случае, отправить от себя гонца с царской гра-

мотой, в которой была указана цель «посылки» – «...над Крымскими и над Нагайскими улусы промыслить собча с войском Запорожским». Григорий Косагов также должен был советоваться по различным вопросам и с русским воеводой на Дону Я.Т. Хитрово. Царь Алексей Михайлович демонстрировал живую заинтересованность во всех делах, происходящих на Украине, считая их чрезвычайно важными. Это заметно даже в тех инструкциях, что получил Г.И. Косагов. Отписки о военных действиях против крымских татар, важных новостях, трудностях и успехах должна была подаваться в традиционный для этого Малороссийский приказ, боярину П.М. Салтыкову и дьяку И. Михайлову, но Г.И. Косагову было разрешено также отправлять известия в Приказ Тайных дел, личную канцелярию царя. Предполагалось, что Алексей Михайлович должен быть в курсе всех дел на Украине, получая все новости из первых рук, из отписок непосредственных участников событий. Все вести из Запорожья должны были сосредотачиваться только в двух приказах [1, с. 134-135].

Летом 1663 г. Григорий Косагов уже находился со своим отрядом на Украине. Через некоторое время к нему обратился гетман И. Брюховецкий. Положение последнего было непрочным, и гетман старался заручиться поддержкой царских ратников, используя их для достижения своих целей. Проблема заключалась в том, что среди казаков «украинных городов» росло недовольство опорой И. Брюховецкого на Москву. И. Выговский в свое время весьма искусно использовал противоречия между различными державами в борьбе за Украину, чтобы получить более выгодные условия существования для гетманства. В 1663 г. политическое лавирование так широко не применялось. В конце концов, Украину раздирали не только идеологические противоречия. Украина сама разделилась на две части – ту, что находится под властью русского царя и ту, что ориентируется на противников Русского государства, прежде всего Речь Посполитую. Отдельные города Украины представляли для И. Брюховецкого трудноразрешимую задачу, поэтому нет ничего странного, гетман просил помощи у Г.И. Косагова, представителя царской власти в регионе.

В течение нескольких летних недель стряпчий занимался усмирением казаков, по просьбе Иван Брюховецкого, который даже продумал заранее действия Г.И. Косагова. Он просил Григория Ивановича, соединившись с Полтавским полком, отправиться усмирять жителей Кременчуга и Потока, изменивших царю. Кременчугские казаки снова более склонялись в королевскую сторону, нежели в сторону русского царя, увлекая за собой жителей Потока и Переволочны, и для исправления этой ситуации срочно понадобились «государевы ратные люди». По сведениям Григория Косагова, которые он черпал от местных жителей, а также судя по новостям от И. Брюховецкого, жители Переволочны еще в июне «поддались изменнику Тетере», т.е. вслед за Потокком и Кременчугом изменили присяге и перешли на сторону врага. Проблема заключалась еще и в том, что Переволочна была расположена берегу Днепра, при впадении реки Ворсклы в Днепр, и судам, идущим в Запорожье или из него, приходилось плыть буквально мимо крепостной стены. Переход переволоченских жителей на сторону врага затруднял сообщение с Запорожьем, лишал возможности доставлять на судах запасы ратникам. Григорий Косагов осознавал опасность подобного положения, но идти против взбунтовавшихся казаков не решался

без царского приказа, ведь его первоначальная цель была борьба только с крымчаками, для атаки же казаков «украинных городов» требовались дополнительные инструкции из Москвы [1, с. 135-136].

Г.И. Косагову пришлось применять всю свою смекалку и природный дипломатический дар, чтобы разрешить трудности, не дожидаясь пока отписка о текущих делах дойдет до Москвы и будет получен ответ царя, но при этом и не рискуя вызвать недовольство самовольными действиями. С Переволочной Г.И. Косагов справился быстро, его люди даже не применяли оружия. В город были отправлены посланники от стряпчего, которые потребовали от горожан «повиниться». Само появление русских ратников действовало на переволоченских жителей отрезвляюще. 21 июля в Кишенку, где пребывал Г.И. Косагов, пришли переволоченский поп Павел и атаман Василий Алексеенко со своими людьми и «...великому государю в винах своих добили челом и пред святым евангелием веру учинили при тебе, что бытии им под нашею великого государя державною рукою в вечном подданстве и служить нам великому государю верно и на веки не отступить и ни на какие изменничьи прелести не прелщатца» [1, с. 137].

Кременчуг не собирался следовать примеру Переволочны, ведь в Кременчуге находился П. Дорошенко, «наказной» гетман Правобережья. П. Дорошенко старался держать под контролем настроения кременчугских жителей и не давать им возможностей перейти на русскую сторону. Одновременно с этим, он пытался применить в борьбе против царских ратников силы своих союзников, крымских татар, и сражаться Г.И. Косагову пришлось отнюдь не с казаками, а с крымчаками. Под Кишенкой Г.И. Косагов разбил небольшой отряд крымских татар, и хотя разгром степняков в этой мелкой стычке имел больше моральных последствий, он позволил укрепить положение царской власти в регионе и снова «подвести под руку» государя колеблющихся черкасс [1, с. 137].

Осенью Григорий Косагов провел глубокий рейд за Днестр, где пожег селения крымских татар и их союзников, а в октябре стряпчий вместе с запорожским кошевым Иваном Серко выступил под Перекоп. В начале октября 1663 г. Г.И. Косагов вместе с И. Серко подошли к Перекопу. Осада продолжалась недолго, и, посоветавшись, Григорий Косагов и Иван Серко приняли решение о «приступе» к городу. Начать штурм укреплений решили ночью 11 октября. При приступе к Перекопу Григорий Иванович командовал конными частями, а Иван Серко пехотой. Ратники атаковали укрепленный город с двух сторон. И. Серко со своими казаками перебрался через оборонительный ров и напал на город с крымской стороны. Г.И. Косагов же с конницей атаковал крепость с русской стороны. Натиск был настолько мощный, что удалось отбить у врага «посад» и каменную крепость, но самый центр, «малый каменный городок», который обороняли янычары, захватить не получилось. Это вынужденное промедление привело к тому, что на помощь гарнизона Перекопа из соседних сел пришли янычары и татары, числом до 5 тыс. человек. Г.И. Косагову и И. Серко не оставалось ничего, как, предварительно зажегши город, отступить. Янычары и крымские татары, выкатив пушки, продолжали преследование целых пять верст, но Г.И. Косагову и И. Серко со своими людьми сумели отойти от Перекопа, но с потерями, ведь «многих побили из пушек и из мелкого ружья» [1, с. 138]. По словам стряпчего, непо-

средственен во время штурма погибло 7 солдат, и уже после от раны скончался один рейтар, три человека из числа рейтар, солдат и донских казаков было ранено. Не повезло и самому Григорию Ивановичу, который в бою был ранен в правую ногу из лука [1, с. 138-139].

Перекоп не был захвачен, но карательная акция произвела сильное впечатление на крымских татар. Вместо того, чтобы отсиживаться по крепостям, ожидая прихода «крымских людей», русские ратники и запорожские казаки сами атаковали врага, причем достаточно неожиданно. Штурм Перекопа продемонстрировал и пользу совместных действий русских воинов и запорожских казаков. Действуя сообща, они смогли нанести серьезный урон врагу, даже при значительном проигрыше в численности.

По возвращении в Запорожскую Сечь Г.И. Косагов и И. Серко пришлось пережить немало неприятных мгновений. Вести о подготовке крымского хана к походу против России подтверждались. Пленники, бежавшие из Крыма, предупреждали о том, что крымский хан «велел лошади кормить запасы готовить и быть со всем готовым на Русь войною итить». Союзником крымского хана, подстрекавшим его к выступлению, была Речь Посполитая, планировавшая ударить на «москвитов» с двух сторон. Кроме того, стали появляться известия о намерении изменника П. Тетери вместе с поляками идти к Кодаку и захватить город. Сам город не обладал сильным гарнизоном, Кодак охраняли всего 20 казаков [1, с. 139]. Это тем удивительнее, что по своему положению Кодак представлял исключительную важность для Запорожья. Город был своеобразными «воротами» в Запорожскую Сечь. Обладание Кодаком позволило бы П. Тетере прекратить подвоз любых запасов для русских ратников в Запорожье и взять их измором, даже не начиная военные действия и не теряя лишних сил.

И. Серко помочь ничем не мог, «из Запорог, государь, казаков в Кодак послать некого, в Сечи мало осталось, все, государь, пошли по домом своим» [1, с. 139]. Да и сам отряд Г.И. Косагова день ото дня редел. В ноябре 1663 г. под началом стряпчего осталось всего 200 человек русских ратных людей. Столько же оставалось и казаков в Запорожье, остальные разбежались по домам. Главной причиной бегства Григорий Иванович считал не тяжелое положение или угрозу голода, а обыкновенный страх перед нашествием врагов. Солдаты, рейтары и донские казаки бежали «...умысля и не хотя великому государю служить, сбежали, и слыша то, что хотят Ляхи и Татаровя и изменники Черкасы приходить под Сечю в Запороги». Г.И. Косагову ничего другого не оставалось, как только просить воеводу Белгородского разряда князя Г.Г. Ромодановского высылать обратно в Запорожье беглецов. Григорий Косагов жаловался, что «беглецы многие объявились в Белегороде в первых своих полках у начальных людей, а ко мне в полк не выслан ни один человек и писма об них от тебя околничего и воеводы ко мне... не бывало» [1, с. 140-141].

Трудное положение в Запорожье стало предвестником более серьезной угрозы, нависшей над Россией. Внешнеполитическая обстановка в целом складывалась не в пользу Русского государства. В ноябре 1663 г. польский король Ян Казимир и гетман П. Тетеря, при поддержке отряда крымских татар, начали свое вторжение на территорию Левобережной Украины. Военные силы, ведомые Яном Казимиром, были значительны и позволяли ему надеяться на победоносное завершение похода.

В Белой Церкви польский король соединился со С. Чарнецким и Я. Собеским, которые шли отдельно от основных сил, сюда же подошли несколько десятков тысяч крымских татар, а Павел Тетеря привел с собой нескольких полковников с казаками, в том числе Г. Гуляницкого, П. Дорошенко, М. Ханенко, О. Гоголя [6, с. 312]. Воевода кн. Г.Г. Ромодановский и гетман И. Брюховецкий, не имея достаточных сил для сопротивления, решили не ввязываться в крупное сражение и отступили к Путивлю [4, с. 41]. Этот поход был последним реальным шансом для Речи Посполитой переломить ход войны и получить решительное преимущество над противником. Однако Ян Казимир недооценил силу русской армии. Поход польского короля не достиг своей цели, и при этом неудача Яна Казимира и его армии на территории Украины помогла исправить положение в Запорожье. Запорожские казаки остались верными царю Алексею Михайловичу.

Григорий Косагов не пренебрегал своими обязанностями и продолжал «промысел» над врагами. В начале декабря 1663 г. Г.И. Косагов и И. Серко, пополнив свой отряд калмыками, решили вновь атаковать Перекоп. На этот раз они выполняли важнейшую задачу, а не просто осложняли жизнь крымчакам. Своими действиями они не давали крымским татарам во главе с ханом прийти на помощь польскому королю, лишив Речь Посполитую того самого союзника, на которого они очень рассчитывали. Под командованием Григория Косагова находилось всего из 30 донских казаков, из-за смертей и бегства его отряд сильно поредел. 90 человек было под началом кошевого Ивана Серко, а калмыки пришли на подмогу в количестве всего 60 всадников [8, стб. 130]. Татар же было в несколько раз больше. Сам Г.И. Косагов считал, что их было примерно тысяча человек. В свете этих чисел тем более важными и неожиданными выглядят успехи отряда Г.И. Косагова и И. Серко.

6 декабря Григорий Косагов, кошевой И. Серко и калмыцкий мурза Эркет Атуркай вышли из Запорожской Сечи в направлении Перекопа. По дороге они «огнем и мечом» прошли по татарским селам, только в плен захватив больше сотни человек.

Завидев крымских татар, Григорий Косагов вместе с товарищами начал отступать в сторону реки Колончак, но пройдя пару верст, остановился и изготавился принять бой. Люди Г.И. Косагова и И. Серко использовали собственных лошадей и телеги в качестве передвижного укрытия, из-за которого можно было вести прицельный огонь по врагу, и «устроив конями кош, ... учинили бой». Это быстрое решение сыграло главную роль. Татары не выдержали огневого натиска и повернули прочь, и тут началось настоящее преследование, которое закончилось лишь под стенами Перекопа. В бою удалось не просто разгромить крымских татар, но и убить перекопского бегя Карач-бегя и его родственников. Пленных опять взять не удалось, за исключением одного турка [1, с. 148-149]. Калмыки, давно ненавидевшие крымских татар, не давали брать пленных, расправляясь с ними на месте. Но в данном случае пленные уже не волновали русское правительство, потому что своими действиями Григорий Косагов добился главного. Озабоченный действиями крошечного русско-казацко-калмыцкого отряда, который никак не удавалось разбить, крымский хан окончательно отказался от идеи совместного с поляками похода и не отправил свою конницу

на Украину. По сведениям Г.И. Косагова, которые он передал царю, крымский хан на требования польского короля о набеге на русские земли отвечал, что «ему многую помешку чинят из Запорожья Черкассы и твои великого государя ратные люди и Калмыки, и за тем де ... итить ему из Крыму не мочно» [1, с. 147-149].

За свой поход под Перекоп Григорий Иванович снова удостоился похвалы от царя Алексея Михайловича. Из Москвы к нему была отправлена грамота, с перечислением его заслуг в этом походе и «милостивой похвалой» [1, с. 149]. Важность самого стряпчего и его людей в Запорожье стала окончательно понятна всем только в середине 1660-х гг. Дело в том, что после 1663 г. Григорий Косагов ненадолго оставил Запорожье. Повоевав некоторое время на территории Правобережья, несколько раз даже встретившись в сражении с легендарным С. Чарнецким, Григорий Косагов оставил заднепрпские просторы и перешел на противоположный берег. Стряпчий сильно страдал от недостатка людей, который снижал остроту его действий и вынуждал постоянно настороженно осматриваться по сторонам, чтобы не встретиться сильным противником. Постоянные жалобы Г.И. Косагова на недостаток людей привели к тому, что из Москвы ему отправили грамоту с повелением оставить своих ратников в Каневе, передав под командование воеводы Ф. Протасьева, а самому отправиться в Белгород на розыски беглецов. После проведения поисков Григорий Иванович должен был отправиться для совещания о дальнейших действиях к гетману И. Брюховецкому, а затем возвращаться обратно в Запорожье [1, с. 161].

Отсутствие на Украине сильного военного отряда «государевых ратных людей» пагубно сказывалось на позициях Русского государства в регионе и приводило к колебаниям в симпатиях местных жителей. Даже гетман И. Брюховецкий, лишившись поддержки Г.И. Косагова и в его лице напоминая о «длинной руке Москвы», начал сомневаться в верности выбранной им опоры на русского царя. Весной 1665 г., когда Г.И. Косагов вернулся в Запорожье, настроения среди казаков были уже другие, и политика русского правительства наткнулась на серьезные препятствия.

Главное противоречие заключалось в несогласии запорожцев с решением отправить к ним царских воевод на постоянной основе. В Запорожье в качестве представителя царской администрации должен был находиться воевода Я.Т. Хитрово. Назначение проводилось по просьбе гетмана И. Брюховецкого, который видел немалую пользу в том, если в каждом украинном городе вплоть до Кодака находился бы русский воевода с ратными людьми [1, с. 239]. В 1665 г. в Запорожье под командованием воевод Я.Т. Хитрово и Г.И. Косагова было уже две с половиной тысячи ратников [1, с. 289-290]. Однако назначение царских воевод в Запорожье было мерой не совсем продуманной в том смысле, что ее последствия стали понятны лишь после совершения дела.

Идея была предложена гетманом И. Брюховецким, но быстро получила поддержку русского правительства. В конце 1665 г. Иван Брюховецкий отправился в Москву, где получил чин боярина, а взамен предложил провести преобразования на Украине, самым важным из которых была идея посылать царских воевод в «украинные» города. Это было важным шагом в деле укрепления позиций Москвы на территории Украины, вот только не все казаки были го-

товы воспринять эти изменения. По договору русского правительства с Богданом Хмельницким царские воеводы допускались только в Киев, по договору же с сыном Богдана, Юрием Хмельницким, воеводы могли также находиться в Чернигове, Нежине, Переяславе, Умани и Брацлаве. Со временем царские воеводы сосредотачивали в своих руках всю большую власть – начиналось все с простого командования русским гарнизоном в «украинных» городах, затем в их руки перешло административное и финансовое управление подведомственных городов. Теперь же в число воеводских городов И. Брюховецкий планировал включить и Запорожье, в первую очередь Кодак, который в силу своего географического положения был исключительно важен для запорожцев [10, с. 365-367]. Но Иван Брюховецкий, призывая царских воевод, рассчитывал укрепить собственную власть и влияние, опираясь на «государевых ратных людей». Гетман И. Брюховецкий, который был в свое время слугой Богдана Хмельницкого [12, с. 181-182], сделал головокружительную карьеру и добрался до заветной булавы, но, не имея среди казаков авторитета, сравнимого с авторитетом великого Б. Хмельницкого, вынужден был в своей политике постоянно смотреть в сторону Москвы.

Запорожские казаки были настроены враждебно и выступали против идеи посылать царских воевод в вольное Запорожье. В Сечи Григорий Косагов жил в изоляции, «... живу, не знаю, за невольника или за подзорца» [1, с. 261]. По словам Г.И. Косагова, в Запорожье взяла верх враждебная России партия, сместив с должности кошевого Войска Запорожского дружественного Москве Леско Шкуру, выбрав новым кошевым Ивана Рога. Единственная вина Л. Шкуры состояла в том, что бывший кошевой был миролюбиво настроен по отношению к царским ратникам и советовался во всем с русскими воеводами [1, с. 261].

Ратные силы стряпчего таяли от бегства, а подкрепления, несмотря на мольбы к воеводе князю Б.А. Репнину в Белгород, не присылали. Воевода все-таки выслал три сотни беглых ратников, пойманных в городах Белгородского разряда, но три посланника, которые должны были привезти этих людей, до Запорожья довели только список с их именами, все остальные снова разбежались по дороге [1, с. 261-262]. Еще феврале 1666 г. Г.И. Косагов писал, что с ним осталось всего пятьсот человек, да и те служат без продовольствия [8, стб. 158-159].

Положение в Запорожье не было секретом для царской администрации, но путей выхода из кризиса не видели. Единственное, в чем выражалась поддержка Григория Косагова, так это в пожаловании ему начале 1666 г. чина стольника. В воззвании боярина и воеводы П.В. Шереметева, отправленной в мае 1666 г. в Запорожье, Г.И. Косагов упоминался уже как «столник и воевода» [2, с. 92]. Григорий Иванович при всей своей благодарности царю за высокий чин не мог не понимать, что в Запорожье игра была проиграна. Оставаться дальше было равно загубить собственную жизнь. В июне 1666 г. Г.И. Косагов еще поучаствовал в военных действиях, вместе со своими оставшимися ратниками, при поддержке Гадячского и Миргородского полков, отогнав от Кременчуга черкассы во главе с П. Дорошенко [2, с. 110]. Это были последние дела стольника в Запорожье, потому что летом 1666 г. Григорий Косагов, потеряв всякую надежду и здраво оценив сложившуюся ситуацию, счел для себя лучшим оставить Сечь [8, стб. 159].

Прошло двадцать с лишним лет, прежде чем Григорий Косагов вернулся в Запорожье в качестве царского воеводы. Много разных событий прошло с тех пор. Г.И. Косагов дослужился до генеральского чина в русско-турецкую войну 1672-1681 гг., а в период регентства царевны Софьи Алексеевны, войдя в доверие к всесильному князю В.В. Голицыну, был пожалован чином думного дворянина. Но служба осталась той же, борьба с врагами России на южных рубежах. Противник был тоже уже привычен. В 1686 г. Русское государство заключило «Вечный мир» с Речью Посполитой и обратилось против общего врага – Турции и Крымского ханства. Крымский поход князя В.В. Голицына в 1687 г. закончился неудачей, русская армия не смогла добраться до Перекопа, но едва ратники вернулись домой, созрел уже новый план покорения Крыма, в котором не последняя роль отводилась думному дворянину Г.И. Косагову.

В марте 1688 г. ближний окольный, воевода и наместник Карачевский Л.Р. Неплюев вместе с думным дворянином, воеводой и наместником Волоколамским Г.И. Косаговым отправились для совещания с гетманом И.С. Мазепой. Л.Р. Неплюев и Г.И. Косагов приехали к гетману в его ставку в Батури, а потом в его компании проехали до Глухова, где в присутствии генеральной старшины совещались о предстоящем походе. Основные выводы были представлены в виде нескольких статей, посланных в Москву [13, с. 138-139]. Гетман и его казаки были важной частью войска, и поэтому его старались держать в курсе всех дел, сразу дав понять, что в 1689 г. поход против Крымского ханства состоится, во что бы то ни стало. Закончив свою миссию в конце марта, Л.Р. Неплюев и Г.И. Косагов покинули гетмана, но лишь на время. Ближайшие месяцы им предстояла напряженная совместная работа.

Во время своего избрания в гетманы И.С. Мазепа поручился построить несколько сильных крепостей на реке Самаре, которые должны были стать опорными пунктами в дальнейших сражениях против крымских татар и турок. В апреле 1688 г. он получил царскую грамоту, с повелением собрать 20 тыс. казаков для возведения двух первых крепостей и для «промысла» над Крымом. В помощь И.С. Мазепе передавался генерал и воевода Григорий Косагов, возглавлявший отряд русских ратников [11, с. 48-49].

Постройка двух крепостей обернулась большим конфликтом с запорожскими казаками, гнев которых в полной мере пришлось испытать Григорию Ивановичу. Новые крепости преследовали, в первую очередь, вполне прозрачную цель – помочь русским ратниками в очередном походе, служить перевалочными пунктами на пути в Крым и своеобразным форпостом в борьбе против крымчаков. Запорожцы посчитали, быть может и не без оснований, что строительство крепостей предпринималось и для получения русским правительством контроля над Запорожьем, подчинения его постепенно царской воле, чтобы сделать из вольных казаков обычных холопов. Запорожцы сразу, едва только узнали о подготовке строительства крепостей на реке Самаре, заявили гетману И.С. Мазепе, что не позволят этого совершить, а через некоторое время повторили свою жалобу, но теперь уже царевне Софье Алексеевне [11, с. 49-50].

Русскому правительству пришлось успокаивать запорожских казаков. В июне 1688 г. в Запорожье была отправлена царская грамота с разъяснениями по поводу строи-

тельства, в которой говорилось, что крепости необходимы не для утеснения запорожцев, но лишь для борьбы против «бусурман» [11, с. 51-53]. Гетман И. Мазепа со своей стороны также послал в Запорожье «лист», с подобными же мыслями о назначении крепостей. И. Мазепа сообщал запорожцам о своем намерении идти вместе с царскими войсками от реки Самары на Крым в следующем году, заранее предупреждая, что в новой крепости будут сложены «... многие военные снаряды, сиречь пушки и порохи, и многие хлебные запасы которые из Смоленска и изо Брянска водою отпущены будут...». Гетман говорил, что в ближайшее время в качестве подкрепления с ратными людьми прибудет в Запорожье воевода Григорий Косагов, «с немалою частью войска для учинения передовых с вами вопче над неприятели промыслов где и мы с ним же думным дворянином посылаем подлинную часть войска regimentу нашего...» [13, с. 188-190]. Григорий Иванович не только вел своих ратников, которых, судя по словам И. Мазепы, было вполне достаточно для ведения самостоятельных военных действий, но еще и получил в придачу казаков от самого гетмана. Но большую часть времени отряд думного дворянина и воеводы занимался отнюдь не ратным промыслом. Враг не показывался в ближайших окрестностях, а идти на турецкие крепости Г.И. Косагов полномочий не имел. Главной его задачей была все же помощь в постройке крепости на реке Самаре, которая должна была стать центром ближайшего наступления на Крым.

Первоначально И.С. Мазепа пошел со своими казаками к реке Коломак для «промысла над неприятели», но здесь, 3 июля, гетман встретился с воеводами Л.Р. Неплюевым и Г.И. Косаговым, и на небольшом совещании было принято решение идти «скорым поспешением» к реке Самаре [13, с. 198-200]. Доводы, которым руководствовались гетман и воеводы, были понятны. Врага на горизонте было не видно, а крепость на реке Самаре должны быть достроена. Григорий Косагов был слишком хорошо знаком с тем, как строить укрепления и рыть замерзающую землю поздней осенью, благо, что опыт возведения Изюмской черты у него уже был. Надо полагать, что Григорий Иванович мог только приветствовать подобное решение.

Сам гетман в середине июня пришел из Батурина со своими казаками, выбрав место для строительства крепости, в пяти верстах от Днепра. По проекту инженера В. фон Залена здесь начала возводиться Новобогородицкая крепость. Свое название она получила по деревянной церкви пресвятой Богородицы, заложенной еще в апреле 1688 г. и освященной 1 августа. Летом работы по возведению крепости шли полным ходом, при помощи не только казаков, но уже и ратников Григория Косагова и Леонтия Неплюева. Работа по их возведению также шла споро, и в конце июля гетман И. Мазепа оптимистично докладывал в Москву о том, что «...зачатое тут на Самаре городовое дело належитое строится поспешением и уже яко рвы и валы по большей части зделаны так и дерном надлежащее и потребное строение знатно оказуется, и даст Господь Бог... что всемогущею его помощию в первых числах августа та крепость станет в своем совершенстве» [13, с. 207]. Гарнизон должен был состоять из четырех с половиной тысяч рейтар, копейщиков и солдат. Посад, пространство с наружной от крепости стороны, должен был заселяться людьми как из непосредственно Русского государства, или, лучше сказать, Великодержавии, так и из Малороссии, т.е. изначально

планировалось, что Новобогородицкая крепость будет небольшим городком и, помимо чисто стратегических военных задач, будет еще и помогать в освоении и заселении этих земель [11, с. 59].

Воеводой крепости И.С. Мазепа определил малоизвестного К. Малиева, но вскоре гетман разочаровался в своем решении. К. Малиев был слишком тихим человеком, говорил негромко, и дисциплина гарнизона от этого страдала. И.С. Мазепа просил взять на себя обязанности воеводы Новобогородицкой крепости самого Григория Косагова [11, с. 59-60]. Должность была ответственной, неправильное управление вверенной крепостью, слабая дисциплина, да и тысячи других случайностей могли разрушить весь тщательно распланированный Крымский поход. Григорий Иванович должен был все это иметь ввиду, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей он мог серьезно пострадать. Однако сомневаться в профессионализме и ответственности Г.И. Косагова не никому приходило в голову, и гетман не стал исключением, доверившись Григорию Ивановичу.

По окончании строительных работ гетман И.С. Мазепа отправился к себе в Батурин, а Л.Р. Неплюев – в Севск. Григорию Косагову пришлось одному выслушивать жалобы запорожцев, которые продолжали выражать свое недовольство постройкой крепости на реке Самаре. Правда, в августе запорожцы послали в догонку И.С. Мазепе свое гневное письмо, в котором обвиняли его в пассивности, нежелании сражаться против «бусурман», ведь казачье войско «стоит даром и собрано оно только для основания города, да и город так разумеем, как нужно, что он не особенно нужен и не для чего его было там строить, разве только для убытка, удержания и умаления нам, войску, а не для убытка и ущерба неприятеля» [11, с. 61]. Большую часть критики пришлось выслушать Григорию Косагову. После возвращения И.Мазепы и Л.Р. Неплюева в Батурин и Севск Григорий Иванович остался единственным значительным представителем царской власти в регионе, и следующее свое послание запорожцы адресовали уже ему.

Григорий Косагов был оставлен воеводой в Новобогородицкой крепости. В его распоряжении были «ратные люди», но еще раньше Григорий Иванович получил приказ об отправке вестников в Запорожье с целью предупредить казаков о подготовке совместного выступления против врага [11, с. 62]. Момент для налаживания мирных отношений с запорожцами был выбран неудачный. Товарищ Григорий Ивановича по прошлому Крымскому походу, кошевой атаман Филон Лихопой, в ответ на это заявление направил Г.И. Косагову письмо от своего имени и от имени всех запорожских низовых казаков. В письме содержалось прямое обвинение Григорию Косагову. Кошевой атаман считал именно воеводу одним из главных виновников недоразумения с крепостями. Ф. Лихопой писал: «А мы хорошо знаем, что не через кого иного, только через совет ваш и пуца наша вековечная и пасака разорена, а город тот, который теперь построен, вовсе не есть то город, а один учиненный смех. Вы оглянитесь только назад, и увидите, что всех тех, кто хотел лишить нас наших вольностей и умалить нашу войсковую честь, всех тех встретила хула и пагуба. Остерегайтесь же, чтобы и вас не постигло то же, что постигло бывшего гетман» [11, с. 63]. Это больше напоминало прямую угрозу. Гетман И.С. Мазепа в письме к князю В.В. Голицыну подтверждал, что

отношения запорожцев с Григорием Косаговым непростые. «А некоторые в безумии своем кричали на думного дворянина и воеводу Григорья Ивановича творя поречения будто он то зделал им что на Самаре построен город, и в пчельных и дровах, откуда им чинитца корысть творятца убытки» [13, с. 234]. Г.И. Косагов в 1660-х гг. уже испытал на себе гнев запорожцев, и второй раз испытать судьбу не собирался. Письмо раскрывает роль Григория Ивановича в деле строительства, ведь судя по словам кошевого атамана, к мнению думного дворянина и воеводы прислушались, а он, человек преклонных лет, был готов идти на опасность конфликта с запорожцами, советуя вырубить мешающую постройкам пуцу. Но одно дело ссориться с казаками, выполняя царский указ вместе с И.С. Мазепой и Л.Р. Неплюевым, и совсем другое остаться в одиночестве. Рейтары, копейщики и солдаты в Новобогородицкой крепости были серьезным доводом в споре, но доводить конфликт до силового решения было бы неправильным. Запорожцам отводилась важная роль в борьбе против Османской империи, ведь по Днепру по-прежнему стояли турецкие крепости, которые нужно было осаждать. Препятствуя распыления «государевых ратных сил», русское правительство предполагало, что часть военных тягот возьмут на себя запорожские казаки. Григорию Ивановичу ничего не оставалось, как только стараться примирительно отвечать на все прямые выпады в свой адрес и худо-бедно поддерживать отношения с Сечью.

Разрешать сложную ситуацию пытался и гетман И. Мазепа. Он отправил ласковое письмо запорожцам, призывая их быть верными царю, служить и сражаться против неприятелей, а взамен обещал, что они в ближайшее время получат царское жалованье. Причем это жалованье должен был доставить в Запорожье человек из полка думного дворянина и воеводы Г.И. Косагова. Хитрый гетман преследовал сразу две цели. Он хотел не только задобрить запорожцев и не дать разгореться ссоре, но и наладить отношения между «вольными рыцарями» и представителем царской власти, Григорием Косаговым [11, с. 63-64]. Цели своей гетман достиг только наполовину. Запорожцы царское жалованье приняли и вежливо поблагодарили за его отправку, но пересылаться с Григорием Косаговым они отказались, правда, в деликатных выражениях, мотивируя отказ дальностью расстояния и наличием неприятеля по пути неприятеля, который мог перехватить гонцов и получить важные сведения. Г.И. Косагова и И.С. Мазепу едва ли обманула эта вежливость, но неприятный конфликт удалось приостановить. Запорожцы были согласны идти к Перекопу и даже дальше в Крым, при условии, что и «ратные люди» Г.И. Косагова пойдут вместе с ними. Запорожские казаки в заключении не смогли удержаться от «укола» в адрес царского воеводы и заметили, что в возможность совместного с Г.И. Косаговым похода они верят, думной дворянин, по их словам, постарается всеми силами отговориться от этого дела и лучше гетману послать своих казаков. На этом замечании русское правительство решило не заострять внимание, и запорожцев похвалили особой царской грамотой за их обещание верной службы [11, с. 64-65].

Мир с запорожцами был нужен, ведь уже шла полным ходом подготовка нового похода к Перекопу. В сентябре 1688 г. Григорий Косагов получил приказ о сожжении травы в степях по дороге к Перекопу и к Запорожью. Ошибки прошлого подступа были учтены, и чтобы ратники снова

не столкнулись на полпути со стеной огня и дыма, были приняты эти меры. Сам Григорий Косагов недолго был воеводой Новобогородицкой крепости. Осенью новым воеводой стал И.Ф. Волынский, но Григория Ивановича далеко не отпускали. Он должен был проводить разведку, продолжать «списываться» с запорожцами и вместе с ними «чинить промысел» над «бусурманами» в случае наступления врага на Новобогородицкую крепость [11, с. 66-67]. Зимой 1688 г. Григорий Иванович провел в Запорожье, выслушав бесконечные жалобы казаков на отсутствие реальных военных действий против «врагов креста». Возражать ему было все труднее, но время играло в его пользу – весной 1689 г. должен был состояться новый поход на Крым, и Григорий Иванович становился в нем товарищем воеводы Севского разряда Л.Р. Неплюева [5, с. 124-125]. Сложная и опасная служба в Запорожье заканчивалась, а точнее сменялась другой, не менее сложной и опасной.

Г.И. Косагов в начале 1660-х, а также в конце 1680-х гг. был проводником политики Русского государства в Запорожье. Русское правительство пыталось привлечь на свою сторону запорожских казаков, понимая, что они играли важную роль в обороне границ от крымских татар и могли выступать в качестве союзников в борьбе сначала против Речи Посполитой и Крымского ханства, а затем против Турции и все тех же крымчаков. В то же время понятно и стремление России получить определенный контроль над Сечью, дабы быть в твердой уверенности в верности казаков и их службе. На этом пути политика русского правительства наталкивалась на множество препятствий, нужна была осторожность и терпение, чтобы ладить с запорожцами. Эти качества вкупе с личной смелостью и дипломатическим даром позволяли Г.И. Косагову, несмотря на угрозы и жалобы, на протяжении нескольких лет в

самых сложных ситуациях вести прежнюю политическую линию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. СПб., 1867.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1869.
3. Алексеев В.П. Брянские люди XVII века. Брянск, 2001.
4. Малов А.В. Русско-польская война 1654-1667. М., 2006.
5. Москва в 1687-1688 гг. / пер. К. А. Висковатова // Русская старина. 1878.
6. Павлицев Н.И. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. Т. II. СПб., 1887.
7. Пирог П.В. К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века // Отечественная история. 2003. №2. С. 162-168.
8. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI. СПб., второе издание.
9. Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М., 2007.
10. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. II. СПб., 1895.
11. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. III. СПб., 1897.
12. Кривошея В.В. Козацька еліта Гетьманщини. Київ, 2008. С. 181-182.
13. Листи Івана Мазепи 1687-1691. Т.I / Сост. и авт. пред. В. Станіславський. Київ, 2002.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Рожен Ю.А.,
старший преподаватель,
кафедра государственного права,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Ключевые слова: конституционализм, конституционные циклы, этапы конституционного развития
Key-words: Constitutionalism, constitutional cycles, stages of the constitutional development

Аннотация. В статье рассмотрены концепции отечественных ученых о понятии и сущности конституционализма, а также проведен сравнительный анализ концепции конституционализма в отечественной и европейской правовой традиции.

The article covers the concepts of national scientists about the concept of the constitutionalism and the comparative-law analysis of the concept of the constitutionalism in Russian and the European legal traditions.

Проблема формирования отечественной конституционно-правовой традиции, как правило, рассматривается в контексте представлений о сущности и этапах становления российского конституционализма [4, с. 11]. По мнению профессора Ромашова Р.А., российский конституционализм это, во-первых, совокупность (причем достаточно бессистемная) теоретических моделей конституционных актов, цели которых варьировались от организационно-правового ограничения власти Императора, до кардинальных преобразований форм правления и государственного устройства, предполагающих переход страны от унитарной монархии, к федеративной республике. Конституция мыслилась как внешний по отношению к национальной правовой традиции фактор, призванный внести прогрессивные изменения в сложившийся порядок отношений между властью и обществом. Однако при этом не учитывались сама правовая традиция, в рамках которой на всех уровнях социальной организации устоялось скептическое отношение к формализованным источникам позитивного права. [1, с. 12]. Во-вторых, инициатором и основным носителем программных установок конституционных преобразований в России выступала не буржуазия как на западе, а само государство, представленное высшей бюрократией и непосредственно монархом [13, с. 405-406]. В-третьих, те ценностные установки, которые были положены в основание западноевропейских конституционных проектов, наполнялись российскими конституционалистами отличным от «первоисточника» содержанием. Такие ключевые понятия как естественные права и свободы человека и гражданина, правовое государство, разделение властей, ответственность государства и личности, в Российских условиях понимались иначе, чем на Западе. Если для западной конституционной традиции на всех этапах ее развития характерно понимание первичности личной свободы и частной собственности по отношению к публичной (государственной) власти, то в России, во все времена именно государственная власть являлась основным инструментом установления масштабов свободы поведения подданных (именно подданных, а не граждан), и определения режимов владения и пользования собственностью [4, с.14]. Представляется, что частной собственности, в ее естественно-правовом (независимом от государства) смыс-

ле, в России не было никогда. В-четвертых, сама Конституция рассматривалась в рамках отечественной правовой традиции иначе, чем на Западе. Если для Западе переход к национальному государству, государству-state, продиктован естественным ходом политической истории, то в России подобная историческая традиция отсутствовала, и сам процесс конституционализации связан с революцией 1917 года. Само стремление к обретению «собственной» конституции, было в большей степени продиктовано стремлением походить на европейские страны, быть «не менее культурными» чем они. Подобное стремление можно проследить как в копировании французской моды и использовании французского языка в качестве средства «салонного» общения представителей «высшего света», так и в «переименовании» царя «всех Руси» в Императора всероссийского (1721 г.), что, по сути, означало самопровозглашение России в качестве европейского государства - империи и ее самоидентификацию в качестве страны с европейской культурой.

То есть конституционализм в таком понимании является политической системой реально действующей конституции; конституционализм легитимирует государственную власть, придает ей авторитет и правомерный характер, а также призван примирить интересы государства и гражданского общества [14].

В науке конституционного права под конституционализмом часто понимают верховенство и определяющую роль конституции в правовой системе, прямое действие конституции в конституционной регламентации государственного строя и политического режима, конституционное признание прав и свобод личности, правовой характер взаимоотношений гражданина и государства [5, с.32]. Прежде чем стать самостоятельной категорией в отечественной юридической науке, конституционализм часто отождествлялся с «конституцией», «конституционным строем», «формой правления», «политическим режимом» [15, с.4].

Характерно чертой российского конституционализма является то, что государство (аппарат управления) и общество «рассматривали друг друга как обособленные социальные образования» [4, с.16]; процесс продвижения к конституции, таким образом, носил односторонний характер и осуществлялся по инициативе «верхов», и, кроме того, изначально был непоследовательным и внутренне противоречивым. Государство, с одной стороны, демонстрировало стремление перейти от абсолютизма к конституционализму, а с другой фактически сводило «на нет» практическую значимость конституционных нововведений. Такое отношение не только не способствовало снижению степени социальной напряженности, но напротив, усиливало ее, переводя в состояние открытой конфронтации власти и общества. Итогом стал глобальный кризис имперской го-

сударственности, завершившийся социалистической революцией 1917 года. Признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, в свою очередь, можно считать знаменательным шагом в истории развития отечественного конституционализма (в то время как на Западе, например, отсутствие нормативного закрепления широкого спектра прав человека и гражданина вообще не позволяет считать, что государству присущ конституционализм).

С институциональным подходом к сущности российского конституционализма связано, например, включение некоторыми авторами в качестве составной и неотъемлемой части последнего деятельности Конституционного Суда РФ. Так, профессор Витрук Н.В., например, говорит о том, что «конституционализм как нормативно-правовая категория представляет собой конституционное право в качестве системы норм позитивного права, находящего выражение в конституции (основном законе государства) и других источниках конституционного права» [3, с.23]. Задачу соответствия позитивного конституционного права естественному праву решают, соответственно, конституционные суды, тем самым обеспечивая режим конституционной законности (а равно и конституционализм).

Судебный конституционализм в современной России заслуженно становится самостоятельной отраслью многочисленных научных изысканий [2]. Действительно, особая роль в системе российского конституционализма принадлежит конституционному правосудию. В течение длительного времени правосудие рассматривалось в качестве средства защиты государственного интереса [1, с.29-31], соответственно, частные и корпоративные интересы воспринимались как производные, следовательно, второстепенные, по сравнению с общегосударственными. На сегодняшний день, деятельность по отправлению правосудия рассматривается, с одной стороны, в качестве вида государственной деятельности и исключительного полномочия государства, с другой, как важнейшая юридическая гарантия обеспечения правового статуса личности [12, с.15]. В силу такого изменения, правосудие, в первую очередь, ориентировано на обеспечение частных интересов.

Важность конституционных судов обусловлена тем, что для нормального функционирования органов государственной власти, а также гарантированности соблюдения и защиты прав и свобод граждан правовое государство непременно наделяет судебную власть функцией конституционного контроля. Конституционный контроль способен эффективно обеспечить принцип верховенства закона, права, который заложен в основу построения демократического правового государства, а, следовательно, и реального конституционализма. Полномочия, предоставленные органам конституционного контроля, делают их мощной стабильной структурой, способной снижать социальное напряжение, обеспечивать защиту прав, свобод и законных интересов граждан, соблюдение конституционного статуса личности.

На этой основе происходят процессы, связанные с обретением системой российского конституционализма новых качественных характеристик, а также с ее модернизацией: функционирование конституционного правосудия преобразует конституционализм (из его доктринальной, нормативно-правовой, мировоззренческой составляющих) и позволяет стать Конституции Основным законом общества. Судебный конституционализм, таким образом, явля-

ется политико-правовым режимом судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции [1, с.19].

По мнению некоторых ученых, системный анализ российского конституционализма охватывает четыре грани его воплощения в социальной реальности: идейно-теоретический, нормативно-правовой, институционально-функциональный, судебно-интерпретационный [6, с.10].

Как полагают отечественные ученые, юридическое восприятие конституционализма в России начинается в первой четверти XIX века. Именно в этот период конструируются теоретико-правовые модели отечественного конституционализма, кардинально отличающиеся друг от друга - эволюционная и революционная модель. Критерием деления в данном случае выступает инструментарий и целевые установки конституционных реформ. В первом случае речь шла о самоограничении верховной власти государя путем введения в действие октроированной конституции. В основу второй концепции положена идея отрицания преемственности в процессе политико-правового развития и утверждение возможности коренных изменений в существующей системе отношений путем проведения радикальных преобразований. Основной целью эволюционного конституционализма является самоусовершенствование института монархической государственности; революционный тип основывался на идее радикального изменения формы государственного правления и переходе России от монархии к республике.

Таким образом, основное отличие эволюционного конституционализма от революционного заключалось не в содержании конституционных проектов, а в методах претворения в жизнь конституционных преобразований.

Иначе способы осуществления конституционных преобразований также именуют правовыми и неправовыми [9]. К неправовому способу конституционных преобразований, в частности, относят советский вариант модернизации - не считаясь с потерями и в отсутствие каких-либо правовых ограничений власти. Такая конституционная революция отрицает предшествующую правовую систему, не опирается на правовые нормы о порядке изменения законов. Правовой вариант, в свою очередь, имеет существенные преимущества с точки зрения легитимности и прочности закрепления позитивных результатов преобразований. Такая конституционная революция отрицает предшествующую правовую систему, не опирается на правовые нормы о порядке изменения законов.

Переход от одной конституционной формы к другой можно рассматривать в качестве конституционного цикла. Конституционный цикл - период времени, в ходе которого в обществе через известные промежутки времени происходит смена основных состояний конституционного регулирования (от утраты старой конституции - к принятию новой, а затем трансформации последней под влиянием реальности) [8]. То есть, сосредоточив внимание на крупных конституционных инициативах и создании нового основного законодательства, мы видим в них определенные знаки и символы, разделяющие разные фазы политического развития и знаменующие определенные этапы конституционного цикла. Можно выделить следующие, последовательно сменяющие друг друга, этапы конституционного цикла России: период деконституционализации, конституционализации и реконституционализации, причем каждый

раз они строились на основании новых идеологических принципов и соответствующих иностранных моделей.

Представляется, что российская модель конституционализма также может интерпретироваться как циклическая.

В истории России новейшего времени можно выделить три больших конституционных цикла. Первый связан с конституционной революцией 1905-1907 годов и охватывает следующие фазы: переход от абсолютизма к монархическому конституционализму и от него к режиму мнимого конституционализма. То есть, представлен движением от первых конституционных проектов до октроированного Манифеста 17 октября 1905 года, а затем к Основным законам Российской империи от 23 апреля 1906 года. Второй цикл составлял конституционную революцию, приведшую к смене монархии республикой, но завершённую переходом к режиму однопартийной диктатуры и к системе номинального конституционализма. Третий конституционный цикл начал развиваться с 1990-х годов и завершается в настоящее время. Как отмечает профессор Медушевский А.Н., на сегодняшний день крайне актуальным является вопрос, закончится ли этот цикл, как и предшествующие, воссозданием авторитарной фазы в одной из многочисленных возможных модификаций [10]. Вопрос возникает в связи с тем, что сравнение российских циклов позволяет констатировать их структурное сходство: они начинаются радикальными конституционными революциями и завершаются, как правило, радикальной реконституционализацией (возврат к доконституционным порядкам).

Иную периодизацию конституционного развития, исходя из циклов модернизационного процесса и роста конституционных интересов в ходе эволюции российского государства, предлагает Кравец И.А. Введенное им понятие исторических форм российского конституционализма используется для характеристики ключевых этапов конституционной истории России, отличающейся сущностными характеристиками и лежащими в их основе правовыми принципами. На основе такой периодизации, в частности, предлагаются следующие исторические формы российского конституционализма: теоретические основы и политико-правовое значение «правительственного» (до 1905 года), монархического (1906-1917 годы), советского (1917-1989 годы) конституционализма, а также переходный период российского государства (1989-1993 годы) и современный конституционализм [9, с.9].

В качестве особенностей российских конституционных циклов, таким образом, может быть названо отсутствие реальных социальных предпосылок для конституционализма (в виде развитого гражданского общества и правового государства), как уже отмечалось ранее; отсутствие стабильной конституционной традиции, которая обеспечивала бы преемственность и легитимность провозглашаемых прав (что тормозит конституционную модернизацию и угрожает новыми конституционными кризисами).

В современной юридической литературе существуют, в целом, три точки зрения на характер происхождения идей, принципов и институтов российского конституционализма:

- согласно первой, идея российского конституционализма не была заимствована у Запада, а имеет собственные глубокие исторические традиции [10, с.4].
- вторая предполагает, что для большинства госу-

дарств, в том числе и России, конституционализм может иметь только заимствованный характер (теория полной рецепции) [11, с.7-9].

- третьей является интеграционная теория (не отрицает рецепцию идей и принципов конституционализма, а также исторические предпосылки принятия конституционных актов, но признает их совершенно своеобразное воплощение в отечественной политико-правовой реальности) [7, с.50].

- Таким образом, в российской юридической науке под конституционализмом, в целом, понимают:

- конституционную идеологию (систему идей и концепций);
- политический процесс, связанный с обсуждением или принятием конституционного текста;
- установление определенного конституционного строя или механизма власти;
- политико-юридическую реальность в виде существования конкретного конституционного строя, наличия самой конституции или оценка эффективности ее действия;
- реализацию конституционных норм, принципов и институтов, закрепленных конституционно;
- способ разрешения противоречий между государством, обществом, личностью, а также преодоления других конфликтов;
- тип нормативной основы правовой системы государства;
- принципы правового, демократического, социального государства.
- Характеризуя современный российский конституционализм, можно говорить о следующем:
 - для него характерно более позднее по времени формирование по сравнению с другими европейскими государствами;
 - он отличается переходным характером современного состояния, поскольку получив некоторое нормативное закрепление, принципы, присущие конституционализму и составляющие его ценности, не в полной мере отражены в политико-правовой реальности (мнимый, номинальный конституционализм);
 - ему в большей степени, чем европейским государствам (демократическим и со стабильной конституционной традицией), присуще «целеполагание» [3, с.23] (то есть российский конституционализм часто воспринимается как идеология, не имеющая реального воплощения);
 - интеграция России в европейское и международное сообщество заставляет видоизменять многие традиционные правовые институты и интерпретировать отечественные конституционные нормы и принципы, а также соответствующие нормы и принципы международного и европейского права.

В современной России, по мнению Ромашова Р.А., сложилась система, которая с определенной долей условности может быть названа «постсоциалистическим конституционализмом» [4, с.287]. Характерными чертами данной системы является сочетание признаков «казарменного социализма» и либеральной демократии. То есть наряду с «пережитками социализма» в современной России существуют и прогрессивные тенденции, прежде всего связанные с капитализацией хозяйственных отношений, формированием гражданского общества и вхождением страны

в мировое сообщество. Сочетание в рамках современного отечественного конституционализма двух противоположно направленных тенденций предполагает выделение двух возможных направлений эволюции данного феномена.

Юридическая основа современной конституционности России - Конституция РФ 1993 года тоже имеет уникальные черты. В ней есть нормы, которых нет в конституциях других стран (например, о человеке как высшей ценности). Она отражает незавершенность решения многих принципиальных вопросов (о собственности, о социальных отношениях, о земле, о возможности национализации, о единстве государственной власти и числе ее ветвей - в качестве примера можно привести ст. 10 и 11 Конституции России, которые не вполне согласуются). В ней нет решения некоторых вопросов, которые необходимы для современного конституционализма. Все это понятно: она создавалась в условиях переходного периода, когда не все параметры развития были достаточно ясны новой власти.

Уникальные черты присущи и материализованному компоненту системы. В Конституции говорится лишь о многопартийности; представляется, что роль и место политических партий достаточно не определены. На практике сложилась уникальная система с одной доминирующей партией (до последних парламентских выборов - более двух третей мест в парламенте, и она может принять любой закон, кроме общего пересмотра Конституции) при беспартийных Президенте и Правительстве (беспартийный Президент, при этом, является председателем этой партии). Уникальна форма государственно-территориального устройства (имеется в виду известный в науке конституционного права спор о России как асимметричной федерации). Форма правления, система и особенно взаимоотношений органов государства также имеют уникальные черты: анализируя содержание Конституции можно обнаружить в форме правления России соединение признаков «президентонализма» (проявляется в наличии института ответственности Правительства перед Президентом, назначении Президентом всех министров, прямом подчинении некоторых министров, особенно «силовых», только Президенту, определением Президентом основных направлений внутренней и внешней политики государства и др.), и признаков парламентаризма (назначение Президентом премьер-министра только с согласия нижней палаты парламента, возможность вотума недоверия Правительству, отказа в доверии и роспуска парламента и др.). Представляется, что самобытные черты есть и в других институтах российской государственности: в применяемых конституционных процедурах, во взаимоотношениях государственных органов с органами местного самоуправления, с общественными, религиозными и иными организациями, но эти черты реализуются в рамках общего понятия конституционализма и его цивилизационной формы в России.

В качестве основных направлений развития современного российского конституционализма, как полагает Ромашов Р.А., могут с примерно одинаковой вероятностью рассматриваться два варианта:

- отказ от демократии и формирование в стране «корпоративно-бюрократического капитализма», для которого характерным будет наличие не общегосударственной (как в условиях «казарменного социализма»), а корпоративной собственности, сосредоточенной непосредственно у обладающей властными полномочиями бюрократической

элиты и обеспечиваемой всей силой государственного принуждения;

- сохранение и постепенное расширение демократических преобразований, связанное, прежде всего, с формированием и укреплением гражданского общества как социально-правового основания либеральной демократии западного типа [4, с.228].

На основе изучения и обобщения теоретических воззрений о концепции конституционализма, имеющихся в трудах западных ученых, может быть сформулировано оригинальное определение конституционализма, как модели взаимодействия публично-правовых и частно-правовых институтов общества на основе принципов суверенитета народа, гарантированности основных прав и свобод человека и гражданина, верховенства конституции, разделения властей, конституционного контроля. Предлагаемая дефиниция в большей степени актуальна в отношении современного европейского конституционализма, однако может быть применима и к конституционализму как правовой категории в целом.

Обобщая сказанное можно сделать вывод о том, что для юридической доктрины российского конституционализма характерно свое, оригинальное (в смысле не совпадающее с культурологическим контекстом Запада) восприятие и интерпретация идей о соотношении общества и государства, о месте и роли личности в государственном механизме, о соотношении права и закона и т.д.

Для современных демократических государств в качестве оптимальной признается система, в рамках которой социально-политическое устройство и наиболее значимые общественные отношения строятся в соответствии с теоретической моделью конституционализма. Данная модель предполагает понимание конституционализма в трех смысловых значениях. Во-первых, конституционализм рассматривается в качестве совокупности закрепляемых на конституционном уровне ценностных детерминант с признанием и уважением которых связывается оценка общества в качестве цивилизованного. Во-вторых, конституционализм представляется как политико-правовой режим, включающий в качестве составных элементов закрепляемые на конституционном уровне общезначимые правила, в соответствии с которыми осуществляется формирование и функционирование аппарата государственной власти, а также юридические механизмы посредством которых обеспечивается подчинение действующим правилам всех субъектов социально-политических отношений, в том числе и самих представителей государственной власти. В-третьих, конституционализм выступает в качестве идеальной модели взаимодействия государства и общества, в рамках которой обеспечивается достижение баланса публичных и частных интересов, определяются перспективные направления прогрессивного развития социально-политической системы.

В подобном плюралистическом «ракурсе» конституционализм рассматривается преимущественно в западной политико-правовой науке. Что же касается отечественной юриспруденции, то для нее характерно представление о конституционализме как о системе взглядов на структуру и содержание конституции, место и роль конституции в системе источников права, а также о юридическом механизме разработки, принятия и реализации Основного закона государства. Не отрицая важность и научную значимость

данного подхода, все-таки, следует отметить его узость, поскольку сведение конституционализма к совокупности знаний о конституции не позволяет, либо, по крайней мере, существенным образом усложняет комплексную характеристику данного феномена.

СНОСКИ:

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. – М., 2006.
2. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.
3. Витрук Н.В. Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ) // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Сб.ст. Ч.1. Томск, 1999.
4. История Конституции России: хрестоматия / под ред. Р.А. Ромашова. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2010.
5. Кабышев В.Т., Пряхина Т.М. Теоретические проблемы российского конституционализма // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. №2.
6. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М., 2000.
7. Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2005.
8. Медушевский А.Н. Конституционные революции в России XX века: Сравнительный анализ // <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/me7-pr.html>
9. Медушевский А.Н. Российский конституционализм: история и современность (дискуссия 27 января 2011 года) // http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/102
10. Пархоменко А.Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве. М., 1998.
11. Пастухов В.Б. Россия на конституционном перекрестке. Конституция как фактор социальных изменений. Сб. докл. М., 1999.
12. Права человека в конституционном праве Российской Федерации. /под ред. Лукашевой Е.А. - М., 2007.
13. Пуздрач Ю.В. История российского конституционализма IX-XX веков. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
14. Ромашов Р.А. Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ: Автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Спб академия МВД России, 1998.
15. Степанов И.М. Социалистический конституционализм: сущность, опыт, проблемы // Советское государство и право. 1987. №10.

РОЛЬ ПЛАНИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСОМ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Румянцева М.Г.,
соискатель,

кафедра экономики и менеджмента недвижимости,
Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет

Ключевые слова: имущественный комплекс, недвижимое имущество, образовательное учреждение, планирование, управление

Keywords: property complex, real estate, educational institution, planning, management

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье является взаимосвязь процесса планирования с этапами реализации процесса управления комплексом недвижимого имущества образовательного учреждения высшего профессионального образования.

Consideration subject in article is the interrelation of process of planning with stages of realization of management of a complex of real estate of educational institution of higher education.

В соответствии с абз. 2 пункта 3 статьи 12 Закона РФ от 10.07.1992 №3266-1 (в ред. от 03.12.2011) «Об образовании» государственным является образовательное учреждение, созданное Российской Федерацией (федеральное государственное образовательное учреждение) или субъектом Российской Федерации (государственное образовательное учреждение, находящееся в ведении субъекта Российской Федерации).

Государственные образовательные учреждения, имеют следующие, отличительные от коммерческих организаций (хозяйственных товариществ и обществ, государственных унитарных предприятий и т.д.), характеристики:

- создаются на базе имущества учредителя, которое передается образовательному учреждению на праве оперативного управления;

- извлечение прибыли не является их основной целью деятельности;

- финансируются за счет средств соответствующего бюджета;

- приносящие доход виды деятельности осуществляются исключительно в рамках реализации задач и основных, определенных уставом образовательного учреждения, видов деятельности.

Исходя, вероятно, из того, что деятельность образовательного учреждения финансируется за счет соответствующего бюджета и извлечение прибыли не является основной целью его деятельности, а эффективность, в свою очередь, в экономическом смысле подразумевает доходность, на практике задача по осуществлению управления имуществом комплексом образовательного учреждения, как правило, не решается с точки зрения эффективности, что представляется неверным и дает основание обратиться к этому вопросу.

Понятие «эффективность» авторами современного экономического словаря [4] определяется как относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение.

Л. И. Якобсон выделил три основных характеристики

эффективности: экономичность (приобретение и использование необходимых ресурсов с минимальными издержками), производительность (соотношение количества продукции и услуг и величины затрат на их производство), результативность (соответствие расходов и достигаемых с их помощью результатов поставленным целям), указал на их тесную взаимосвязь, выражающуюся в том, что экономичные решения обеспечивают наивысшую производительность, которая в свою очередь приводит к должной результативности, и подчеркнул, что именно результативность имеет решающее значение и выступает синонимом эффективности [7].

В такой постановке вопроса имеются все основания для применения понятия «эффективность» и по отношению к процессу управления имущественным комплексом образовательного учреждения, так как деятельность по содержанию и эксплуатации имущественного комплекса является одним из видов деятельности образовательного учреждения высшего профессионального образования, направленное на обеспечение непрерывности образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности.

Процесс реализации поставленной задачи по организации эффективного управления имущественным комплексом образовательного учреждения необходимо начинать с системности подхода, без которого невозможно определить целевые установки и соответственно методы управления таким образом, чтобы получить удовлетворительный результат.

Поскольку комплекс недвижимого имущества является важнейшим ресурсом, основополагающей материальной базой образовательного учреждения, обеспечивающей условия для реализации определенных учредительными документами основных целей деятельности и решения основных задач, то, соответственно, принципы управления имущественным комплексом, направленные на реализацию комплексных мер по повышению эффективности его использования, должны органично вписываться в общую концепцию развития образовательного учреждения, которая должна содержать как цели, задачи и сроки их реализации, в связи с чем неразрывно связана с планированием, поскольку предполагает достижение каких-либо результатов за определенный период времени.

В процессе реализации поставленной задачи по организации эффективного управления комплексом недвижимого имущества образовательного учреждения можно выделить несколько этапов:

а) постановка целей управления:

Учитывая изложенные выше отличительные характеристики государственных образовательных учреждений в качестве основных целей управления можно рассматри-

вать: безубыточность эксплуатации, сокращение эксплуатационных издержек и увеличение стоимости входящего в состав имущественного комплекса недвижимого имущества.

Цели могут быть краткосрочными, направленными на решение первоочередных и текущих задач, а также долгосрочными, то есть носить стратегический характер и быть направленными на перспективы развития.

Цели должны быть четко определены, обоснованы и обеспечены ресурсным потенциалом. Методология экономического обоснования выбора наиболее приемлемого варианта требует оценки каждого из предлагаемых вариантов, с точки зрения наибольшей вероятности достижения определенного результата, с учетом объема подлежащих затрата материальных, финансовых, временных и иных ресурсов в целях достижения ожидаемого результата.

б) планирование и прогнозирование:

В зависимости от сроков получения ожидаемого результата выделяют три вида планирования: стратегическое, текущее и оперативное.

Стратегическое планирование позволяет целенаправленно изменить точку зрения на имеющийся в пользовании образовательного учреждения комплекс недвижимого имущества, рассматривая его не как затратный ресурс, а как потенциальные возможности для обеспечения текущих потребностей и изменения качества инфраструктуры образовательного учреждения.

При реализации долгосрочных (стратегических) планов, в целях повышения их надежности и вероятности получения ожидаемого результата рекомендуется прибегать к скользящему (тактическому) планированию, которое является частью стратегического плана и смысл которого заключается в корректировке основного стратегического плана на основании результатов, полученных за определенный период времени, например, ежегодно и позволяющих прогнозировать последующие перспективы развития [5].

В зависимости от направленности плана во времени планирование может быть перспективным и ретроспективным.

Перспективное (ориентированное на получение ожидаемого, соответствующего стратегическому плану, результата в будущем) планирование, включающее четко сформулированную стратегию развития образовательного учреждения в целом, стратегию развития комплекса недвижимого имущества образовательного учреждения в частности, и план мероприятий по их реализации, должно содержать указания на промежуточные (контрольные) этапы, позволяющие оперативно, в зависимости от полученных за определенный контрольный период времени результатов, осуществлять ретроспективное (нацеленное на устранение недостатков, возникших в ходе реализации стратегическо-

го плана в результате предпринятых ранее в определенный период времени управленческих решений) планирование.

в) создание механизма управления имущественным комплексом образовательного учреждения, посредством:

- создания новой или совершенствования имеющейся организационной структуры, направленной на решение задач эффективного управления имущественным комплексом;

- создания и ведения реестра входящего в состав имущественного комплекса недвижимого имущества;

- определение способов управления;

- развития системы учета и отчетности, ориентированной на обеспечение анализа эффективности механизма управления имущественным комплексом;

- внедрения системы персональной ответственности.

г) обеспечение соответствующего контроля за ходом реализации намеченных планов с целью изучения причин отклонения фактических результатов от запланированных, своевременного внесения в них соответствующих изменений и оценки эффективности их реализации.

Из представленных выше положений следует, что планирование является необходимым средством для достижения результативности в процессе осуществления управления комплексом недвижимого имущества образовательного учреждения и неразрывно связано со всеми этапами его реализации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (в ред. от 03.12.2011) «Об образовании».

2. Девяткин О. В. Интервалы планирования: связь долгосрочного, текущего и оперативного планирования. URL: http://www.iteam.ru/publications/strategy/section_17/article_3898/ (дата обращения: 04.04.2012).

3. Мищенко В.Я., Трухина Н.И., Мещерякова О.К. Экономические методы управления имущественным комплексом: Учеб. Пособие / Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т. – Воронеж, 2003. – 114 с.

4. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. - 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 495 с.

5. Управление собственностью: теория и методология: монография/ С. Н. Максимов [и др.]; под общ. ред. С. Н. Максимова. – СПб. : СПбГИЭУ, 2007. – 183 с.

6. Хан И. Р. Проблемы управления корпоративной собственностью и дочерними предприятиями корпорации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2011. - № 7 (102). – Вып. 18/1. – С. 64 – 71.

7. Якобсон Л. И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. – М., ГУ ВШЭ, 2000. – 365 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ВИДАХ БРАКОНЬЕРСТВА

Серебров К.Г.,
аспирант,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Институт Правоведения и Предпринимательства

Ключевые слова: браконьерство, понятие, система видов, общественная опасность, объект живой природы, правоохранительные органы, борьба с браконьерством

Key words: poaching, notion, type system, social danger, wildlife object, law-enforcement authorities, poaching prevention

Аннотация. В статье рассматривается понятие и виды такого экологического преступления как браконьерство. Не смотря на то, что по сравнению со многими другими уголовно наказуемыми деяниями оно не столь распространено, общественную опасность браконьерства нельзя недооценивать. А изучение особенностей этих преступлений, разработка системы разновидностей поможет правоохранительным органам и общественности в прогнозировании и борьбе с этим видом общественно опасных деяний.

The article is devoted to such an ecological offense as poaching. In spite of the fact that it is not so widespread in comparison with other penal acts, one should not underestimate the social danger of poaching. Studying of the peculiarities of these offenses and the type system development will help law-enforcement authorities and society in predicting and prevention of this kind of socially dangerous acts.

Природные ресурсы являются основным национальным богатством нашего государства. Животный и растительный мир, вода, недра – это основа жизни населения и залог нормального существования для будущих поколений. Кроме того, значение природных ресурсов для экономики Российской Федерации неопределимо. Значительное количество средств в государственный бюджет страны поступает в результате деятельности лесной промышленности и рыболовства. Леса занимают более 40% всей территории России и включают в себя половину мирового запаса хвойных лесов[3]. В свою очередь лес является основой жизни для многих животных, в том числе и промысловых.

Природная среда также является объектом посягательства преступности. В результате противоправных действий истощаются рыбные запасы нашей страны, сокращается площадь лесов и численность животных. Особенно под угрозой истребления оказываются те виды животного и растительного мира, которые являются наиболее редкими или представляют особую ценность, занесенные в Красную книгу РФ и Красные книги субъектов РФ. Например, под угрозой исчезновения оказались осетровые, обитающие в Каспийском море и впадающих в него реках. Также прессинг браконьеров ощущается в Мурманской области, где страдают популяции камчатского краба в Баренцевом море и атлантический лосось, заходящий на нерест в реки Баренцева и Белого морей. На Дальнем Востоке под угрозой исчезновения оказался амурский тигр, уменьшаются запасы кедра, страдает популяция тихоокеанских лососей и камчатского краба. В Ленинградской области распространена незаконная рубка лесных насаждений и незаконная охота. Например, по данным пресс-центра Федерального агентства лесного хозяйства, опубликованным в 07.03.2012 г., совместные рейды МВД и Рослесхоза выявили незаконные рубки леса на территории Пикалевского участкового

лесничества Бокситогорского лесничества филиала ЛОГ-КУ «ЛеноблЛес» в Ленинградской области. Преступление было совершено преступной группой, которая занималась незаконной заготовкой леса хвойных и лиственных пород. При этом велась выборка наиболее продуктивных участков лесных насаждений. Действиями участников преступной группы причинен ущерб лесному хозяйству в особо крупном размере [4].

Общественная опасность этих преступлений заключается не только в том, что страдает окружающая природная среда. С экономической точки зрения опасность незаконного промысла животных и растений заключается в том, что государство несет большие финансовые потери, в бюджет страны не поступают средства, необходимо производить затраты на восстановление и воспроизведение сокращающихся и исчезающих видов. Кроме того, из-за уменьшения рыбных запасов, лесного фонда, страдает легальный бизнес, предприятия лесодобывающей, лесоперерабатывающей и рыбной промышленности. Это в свою очередь приводит к проблемам в социальной сфере, когда предприятия несут убытки, сокращают производство, объявляют о своем банкротстве, закрываются. В результате, тысячи людей остаются без работы, без средств к существованию. Часто это становится причиной того, что люди, не имея другого заработка, чтобы обеспечить себя и свою семью, сами становятся на браконьерский путь.

Браконьерство, как система преступлений, также тесно связано с такими опаснейшими и актуальными для современной российской действительности криминальными проявлениями как организованная преступность, коррупция и контрабанда. Особенно эти виды преступности распространены в сфере рыболовства и лесодобывающей промышленности, где теневой бизнес приносит преступникам большие доходы, неподконтрольные государственному регулированию.

Законодатель, разрабатывая ныне действующий Уголовный Кодекс РФ, отнес незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов (ст.256), незаконную охоту (ст.258) и незаконную рубку лесных насаждений (ст.260) к преступлениям небольшой тяжести. И только деяния, предусмотренные ч.2 ст.260 и ч.3 ст.260 он отнес к преступлениям средней степени тяжести и тяжкому соответственно. Отсюда можно сделать вывод, что опасность посягательств на объекты живой природы недооцениваются государством. Данная проблема преобладает и в обществе. Это в свою очередь свидетельствует о низком уровне экологического воспитания населения. Только в последние годы стала прослеживаться положительная динамика в этом направлении. Государство стало проводить экологическую политику, появилась заинтересованность в решении проблем сохранения природы и поддержании эколого-

гии. Поскольку браконьерство является одним из видов экологических преступлений, наносящий большой вред природе и экономике страны, его изучение видится крайне важным для совершенствования работы правоохранительных органов по предупреждению, выявлению, расследованию, раскрытию и пресечению этих преступлений.

Тема браконьерства слишком широка и не может быть рассмотрена полностью в рамках данной статьи. Поэтому автором будут рассмотрены лишь вопросы о понятии и системе видов данного преступления. В начале необходимо уяснить смысл и содержание самого понятия «браконьерство».

Обычно, говоря про браконьеров, многие имеют в виду людей, которые нарушают правила охоты. Однако понятие браконьерства в последние годы у нас стало употребляться как более широкое, охватывающее и нарушение правил рыболовства [1, с.5]. Обращаясь к различным словарям, можно найти и различные определения данного понятия. Например, если обратиться к толковому словарю Ожегова, то там браконьерство означает охотиться или ловить рыбу в запрещенных местах, в запрещенное время или запрещенным способом, а также заниматься незаконной порубкой леса [5]. В юридическом словаре содержится понятие более узкое: добыча или уничтожение диких животных с нарушением правил охоты, рыболовства и других требований законодательства об охране животного мира [6]. В экологическом энциклопедическом словаре под браконьерством понимаются незаконные действия по добыче или уничтожению диких животных, рубке леса с нарушением установленных запретов [7].

Все приведенные в качестве примера определения имеют место быть. Однако, на наш взгляд, все они лишены полноты. По мнению автора статьи, браконьерство включает в себя три состава экологических преступлений, предусмотренных ст. 256, ст. 258 и ст. 260 УК РФ. Объединяющим элементом в данном случае выступает живая природа, на компоненты которой направлены противоправные действия браконьеров. Поскольку лес является элементом живой природы, также как животные и рыба, то под объектом браконьерства следует понимать общественные отношения по охране и рациональному использованию компонентов живой природы. Исходя из этого, автором предлагается собственное определение браконьерства, под которым понимается общественно опасное, противоправное деяние, заключающееся в незаконной добыче, вылове, вырубке диких животных, рыбы и растений в запрещенное законодательством время, запрещенном месте, запрещенными орудиями, способами и средствами, запрещенных к добыче объектов живой природы, без специальных разрешающих документов, а равно с недействительными разрешающими документами и причинившее значительный вред.

Данное определение достаточно объемно, но оно наиболее полно включает все элементы объективной стороны составов, рассматриваемых преступлений. В свою очередь это облегчит задачу правоприменителя при квалификации совершенного преступления и решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Отдельной проблемой является причинение браконьерством значительного вреда. Этот вопрос до сих пор остается спорным среди ученых и вызывает трудности у практических работников. Законодатель же, говоря о причинении значительного вреда, отсылает правоприменителя для его

установления к другим нормативным актам, где содержатся специальные таксы, с помощью которых и исчисляется данный вред. Кроме того, для каждого из преступлений, предусмотренных ст. 256, ст. 258 и ст. 260 УК РФ разработаны отдельные таксы. Стоит также отметить, что если в диспозиции ст. 260 УК РФ говорится о причинении значительного вреда, то в диспозициях ст. 256 и ст. 258 УК РФ говорится о причинении крупного ущерба. Использование в законе двух различных понятий, по мнению автора, не совсем правильно. Такая ситуация только затрудняет работу правоохранительных органов и судей. Данная проблема заслуживает отдельного и подробного рассмотрения. Однако в рамках данной статьи стоит отметить, что наличие причинения преступлением значительного вреда (крупного ущерба) является необходимым условием для отграничения уголовного преступления от административного правонарушения, которое не является преступлением как раз в силу своей малозначительности и меньшей степени общественной опасности.

Браконьерство также можно разделить на отдельные виды по различным основаниям, которые в совокупности образуют систему видов браконьерской деятельности.

По предмету, на который направлены преступные посяательства, браконьерство можно разделить на незаконную добычу водных биоресурсов, незаконную охоту и незаконную рубку лесных насаждений. Данное разделение подкреплено и сформированными составами преступлений, предусмотренными в статьях УК РФ. Такой подход, на наш взгляд, является более правильным, так как при нем наиболее полно предусматриваются элементы живой природы, на которые направлена браконьерская деятельность.

Одним из критериев разделения браконьерства на виды можно назвать субъекта, который совершает данное преступление. В соответствии с теорией уголовного права, субъект бывает общим и специальным. Данное положение применимо и к браконьерству, так как посяательства на элементы живой природы могут совершаться как обычные граждане (лица физические, вменяемые, достигшие установленного законом возраста привлечения к уголовной ответственности), так и должностные лица, которые обладают особым набором качеств и полномочий, в силу занимаемой ими должности или осуществляемой профессиональной деятельности. Это работники администраций, государственных служащие, работники правоохранительных органов, природоохранных органов, депутаты, военнослужащие и др.). Стоит отметить, что наличие специального субъекта является квалифицирующим признаком состава преступления и обладает повышенной степенью общественной опасности. Кроме того, на сегодняшний день в условиях распространения коррупции и организованной преступности, браконьерство с прямым или косвенным участием должностных лиц весьма распространены.

Относительно возраста наступления уголовной ответственности за преступления, связанные с браконьерством также высказываются различные мнения. В законе прямо указывается на общий субъект преступления, а значит и ответственность за совершенное деяние по общему правилу наступает с шестнадцати лет. В юридической литературе высказывались мнения о понижении возраста наступления уголовной ответственности до 14 лет. Однако в данном случае можно согласиться с Лавыгиной И.В., которая пишет, что уровень правосознания у населения нашей страны в целом можно охарактеризовать как находящийся на низ-

ком уровне. Необходимость охраны природы в должной мере не осознают даже работники правоохранительных органов. Требовать от четырнадцатилетних подростков осознания характера и степени общественной опасности экологических преступлений необоснованно. Кроме того, говорить о распространенности совершения экологических преступлений в указанной возрастной группе нет оснований [2, с. 77].

Также браконьерство можно классифицировать по количеству лиц, участвующих в совершении преступления. Оно может совершаться единолично, в составе двух или более лиц по предварительному сговору, либо без такового, а также в составе организованной группы или преступного сообщества.

Не стоит забывать и о том, что браконьерским промыслом на территории Российской Федерации могут заниматься не только граждане нашей страны. Отсюда следует, что браконьерство можно разделить в соответствии с признаком гражданства (подданства). Незаконной добычей объектов живой природы могут занимать как российские граждане, так и иностранные граждане, а также группы лиц, в которые входят граждане различных государств, в том числе и России. Такое браконьерство, с участием иностранных граждан распространено близ государственной границы нашей страны. Особенно это актуально для Дальнего Востока, юга и севера России.

Автор статьи разделяет браконьерство по своим масштабам. В соответствии с этим утверждением незаконную добычу объектов живой природы можно разделить на любительское (бытовое, индивидуальное) и промышленное. Любительское характеризуется тем, что совершается небольшим количеством участников, а также единолично. Например, рыболовами-любителями или охотником, не имеющим разрешения на охоту. В силу того, что такие браконьеры чаще всего не располагают достаточным количеством средств и орудий для добычи, разделки, переработки и транспортировки объектов живой природы за один раз, они причиняют меньший вред своими действиями. Промышленное браконьерство характеризуется тем, что причиняет вред намного больший, часто в особо крупных размерах. К данной разновидности можно отнести противоправную деятельность организованной преступности, которая превращает браконьерство в свой теневой бизнес, источник извлечения сверхприбылей от реализации добытых незаконным путем объектов живой природы. В своем распоряжении участники организованных преступных групп часто имеют новейшее оборудование, средства и орудия добычи, а также транспорт. За один раз преступники могут выловить несколько десятков тонн рыбы, либо вырубить несколько гектаров леса, причиняя государству ущерб, исчисляемый десятками, сотнями тысяч и даже миллионами рублей. Люди, которые занимаются браконьерством в таких масштабах, часто связаны напрямую и непосредственно с рыбопромысловыми организациями, охотничьими хозяйствами или деревообрабатывающей промышленностью.

В качестве дополнительного критерия разделения браконьерской деятельности на виды необходимо назвать цель. Целью посягательства на объекты живой природы может быть личное потребление добытого. Например, в силу тяжелого материального положения в семье и в условиях безработицы. Также сюда можно отнести наличие

у лица низкого уровня правосознания, уверенность в неисчерпаемости природных ресурсов, незнание действующих норм и правил по осуществлению охоты, рыболовства, заготовке древесины. Вторая цель обуславливается исключительно корыстной направленностью. Такие браконьеры представляют наибольшую опасность для общественных отношений в области охраны и рационального использования окружающей среды и природных ресурсов. Они действуют на постоянной основе, стараются добыть как можно больше и самыми различными способами, стараются быть незаметными для правоохранительных органов и тщательно маскируют или уничтожают следы совершенного преступления, которые при проведении следственных действий в случае их обнаружения оперативной группой могли бы стать доказательствами по уголовному делу. Такие преступники чаще всего действуют в составе двух и более лиц, а также организованной преступной группы. В их наличии есть техника, транспорт, орудия массового уничтожения животных и растений. Часто их деятельность осуществляется с молчаливого согласия или при активном участии коррумпированных должностных лиц. Добытые объекты живой природы или продукцию из них они реализуют посредством сбыта и продажи.

Еще раз хочется заметить, что браконьерство – актуальная, очень широкая, сложная и многоаспектная проблема, которая нуждается в изучении и проработке. На сегодняшний день общественная опасность данной преступной деятельности возрастает в связи с истощением природных богатств нашей страны. Особенно это касается ценных видов животных, рыбы, пород древесины. Многоотраслевой подход и всестороннее изучение учеными данной проблемы послужит необходимой базой для правоохранительных органов, расследующих уголовные дела о браконьерстве, и поможет в повышении эффективности борьбы с этим видом преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Егшин В.В. Методика расследования незаконной охоты. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2002. 136 с.
2. Лавыгина И.В. Экологические преступления: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учеб. пособие – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. 160 с.
3. Россия [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Россия> (дата обращения: 18.03.2012)
4. Выявлены нелегальные рубки в особо крупном размере [Электронный ресурс] // Федеральное агентство лесного хозяйства. – Режим доступа: <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/news/1030> (дата обращения: 18.03.2012)
5. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/15114> (дата обращения: 18.03.2012)
6. Юридический словарь [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/13345> (дата обращения: 18.03.2012)
7. Экологический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/1268/Браконьерство> (дата обращения: 18.03.2012)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВ ПРИРОДЫ В ПРАКТИЧЕСКОМ МУЗЕЕВЕДЕНИИ

Старинкова Е.В.,
соискатель,

кафедра музеологии и культурного наследия,
Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

Ключевые слова: декор, прикладное искусство, морфология, типология, терминология описания
Key words: décor, applied art, morphology, typology, terminology of description

Аннотация. В настоящее время варианты употребления образов природы широко используются в лингвистике, поэзии, архитектуре и политологии. Для систематизации этих образов применяют морфологический принцип, который имеет место и в музеологии при анализе структуры как музейного предмета в целом, так и его декоративных элементов. Он важен и для формирования терминологии описания декора в предметах прикладного искусства, имеющего в своей основе природные формы.

Now variants of the use of images of the nature are widely used in linguistics, poetry, architecture and political science. To ordering of these images apply a morphological principle which takes place and in museology at the analysis of structure both a museum subject as a whole, and its decorative elements. It is important and for formation of terminology of the description of a decor in subjects of the applied art having in the basis of the nature forms.

Классификация как результат систематизации любого знания – необходимое условие научной работы и с коллекциями музея. Практическое музееведение, исследуя природу музейного предмета, формирует особое отношение к структуре предмета в целом и к структуре декора в частности, его организационно-функциональному строению – иными словами к морфологии декора.

Считается, что биология и ботаника являются источниками детально разработанных представлений о форме. Общая система морфологии объектов описания приводит к общей типологии и терминологии, принятой в биологии, ботанике и музеологии. Актуальность этого пути взаимодействия наук очевидна в связи с общей тенденцией междисциплинарных исследований.

Морфологический анализ различных явлений использовали в Средние века. Еще в XVII веке была выработана терминология морфологических описаний растений, позже морфология как учение о форме и ее развитии широко стала применяться в различных сферах научной деятельности - в лингвистике, естествознании.

В конце XVIII века немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель, разносторонний учёный И.В. Гете предложил термин «морфология» для учения о форме и развитии растительных тел. В сочинении «Опыт о метаморфозе растений» (1790) он обосновал принципы Морфологии растений. Анализируя природу создания художественных образов, в статье «Простое подражание природе, манера, стиль» (1789) Гете выделил пути их созидания: «Когда искусство благодаря подражанию природе, благодаря усилиям создать для себя единый язык, благодаря точному и углубленному изучению самого объекта приобретает наконец все более и более точные знания свойств вещей и того, как они возникают, когда искусство может свободно окидывать взглядом ряды образов, сопоставлять различ-

ные характерные формы и передавать их, тогда-то высшей ступенью, которой оно может достигнуть, становится стиль, ступенью – вровень с величайшими устремлениями человека» [1]. Ступени этого процесса - подражание, манера, стиль – находятся в близком родстве и имеют непосредственную связь: «Если простое подражание зиждется на спокойном утверждении сущего, на любовном его созерцании, манера – на восприятии явлений подвижной и одаренной душой, то стиль покоится на глубочайших твердых познаниях, на самом существе вещей, поскольку нам дано его распознавать в зримых и осязаемых образах» [1].

Морфологический принцип, использованный И.В. Гете для описания форм живой и неживой природы, принят и в других науках. Природные образы флоры и фауны рожают метафорические модели в различных видах человеческой деятельности. В последнее время появились исследования, в которых анализировались варианты употребления образов природы в лингвистике, поэзии, архитектуре и политологии.

Так, творчество В. Шекспира, А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой рассматривалось исследователями с точки зрения различного рода метафор, придающих их поэзии особую выразительность. Метафора как один из художественных тропов являет собой перенесение свойств одного предмета на другой по принципу их сходства. Новый образ, который возникает в результате такого перенесения, имеет ряд черт, которые позволяют его идентифицировать как человека, животное, растение или камень. В. Корона в своей работе «Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций» [8] выделяет направления преобразований подобного рода, называя их антропоморфными, зооморфными, фитоморфными, петроморфными и терраморфными. Последний из названных видов трансформаций представляет собой превращение в Землю. Фитоморфная трансформация есть превращение исходного объекта в какую-либо растительную форму (Цветок, Куст, Дерево или целый Лес, Сад, Парк). Подобные фитоморфные метафоры в лингвистике имеют место не только в русской, но и в английской и американской поэтической традиции.

Фитоморфная метафора относится к числу естественных и в языковой ментальности различных народов. Образные модели флоры и фауны широко используются и в лексике политических деятелей. Работа Т.С. Вершининой «Метафора в политическом дискурсе: традиции и современность» [4] посвящена зооморфной, фитоморфной и антропоморфной метафоре в современном российском политическом дискурсе.

Специалисты по языкознанию находят в явлениях, связанных с метафорами, в основе которых образы Мира растений, объект лингвистических исследований. Исследуя наиболее частотные и продуктивные концептуальные фитометафоры политических дискурсов в период 2004-2010

годов, П.В. Кропотухина выделяет особенности их развертывания в политическом тексте. Ее статья «Фитоморфная метафора в современном политическом дискурсе России и Великобритании» [9] посвящена анализу наиболее актуальных фитоморфных метафорических моделей, свидетельствующих как о национальном своеобразии русской и британской ментальности, так и об общих для двух стран тенденциях метафорической репрезентации мира политики.

Морфология применима и в музеологии при анализе структуры как музейного предмета в целом, так и его декоративных элементов. Реалистическое искусство рассматривает натуральную форму как объект воспроизведения. В этом случае природная основа легко опознается. В случае с интерпретацией природных форм, когда мастер вносит изменения, художественный предмет обретает собственный характер или стиль как «особое качество формы произведения искусства» [5].

При использовании морфологического метода, когда основное внимание уделяется форме, используется определенная система категорий и приемов описания строения вещей. Предмет изучения описывается с точки зрения его морфологической организации. Описание музейного предмета с использованием морфологического подхода есть научная работа по атрибуции, которая строится в направлении определения типа декора к характеристике его формы.

В начале 1970-х годов российский философ и культуролог М. С. Каган впервые использовал термин «морфология» для обозначения «внутреннего строения мира искусств», разделив его на систему классов, родов, видов, разновидностей и жанров искусства. В трудах ученого «О прикладном искусстве» (1961), «Морфология искусства» (1972), «Эстетика как философская наука» (1997) проанализировано существо искусства и его основополагающие принципы, но при этом не было уделено достаточного внимания специфике декоративного искусства.

Искусствоведческий интерес к объектам природы отражает работа Т.А. Коноваловой «Фитоморфные образы в архитектуре славян в представлениях о «городе – саде» [7]. В статье описываются типы в архитектуре славян и в представлениях о загробной жизни, имеющие в основе растительные мотивы. Суммируя и анализируя роль и место фитоморфных образов, автор определяет истоки и символическое значение этих образов. Исследователь не ограничивается использованием работ только лишь по архитектуре, а строит свою научную работу с привлечением разработок по этнографии, русской мифологии, истории и лингвистике.

Типологии декора в рукописных книгах кириллической традиции посвящена работа Н.В. Щенниковой [10]. Необходимость в систематизации декора и уточнения понятийного аппарата при описании книжных миниатюр (с использованием в числе других растительного и зооморфного орнамента) возникла при составлении каталога книг их фондов Челябинской областной картинной галереи.

Подтверждением междисциплинарного интереса к вопросам образных решений является монография Е.В. Байковой «Биоморфизм как источник смыслообразования в культуре» [2]. Автор подвергает анализу практики моделирования с помощью биоморфных образов в контексте городского пространства, а так же структуру и динамику этих образов в русской архитектуре второй пол. XIX – нач. XX вв.

Е.В. Байкова вводит понятие «биоморфизм», который рассматривает как систему образного моделирования с помощью образов живой природы, обладающую способностью накапливать и передавать информацию. Составляющими биоморфизма являются антропо-, зоо-, фитоморфизм, которые создаются по законам продуктивного воображения на основе уже существующего в природе материала. Обобщая культурологический подход к избранной проблеме, Е.В. Байкова делает вывод, что «биоморфная структура - не только условная теоретическая модель, но и образ, к которому применимы традиционные для культурологии приемы анализа и описания. Таким образом, биоморфные структуры рассматриваются и как метод художественной метаморфозы, и как рациональная структура, а «художественный текст», состоящий из двойственных биоморфных образов, как система тропов» [3].

Морфологический подход использовали Ю. Г. Кокорина (специалист по скифскому искусству) и Ю. А. Лихтер (специалист по системному описанию археологических предметов) при анализе археологического материала. В книге «Морфология декора» [6] они подробно рассматривают декор на древних вещах как единую систему, при этом оставляя за пределами своей работы анализ материала, цвета и технологии изготовления декора. Исследование посвящено проблемам изучения декора, выстраивается логическая система изучения декора и система нормированного описания орнамента в математических терминах теории симметрии.

Подводя общие итоги рассмотрения научных исследований, в основе которых понятия «Мир животных» и «Мир растений», очевидно единообразие терминов, имеющих в основе морфологическую составляющую образов Фауны и Флоры. Использование этих терминов в различных науках, как естественных, так и гуманитарных, свидетельствует о тенденции стремления к унификации научного языка в различных сферах. Опыт применения теоретиками и историками искусства, подтверждает возможность использования морфологического метода и в работе по систематизации декора флоры и фауны в произведениях прикладного искусства.

Типология декора является основой в изучении технико-стилистических особенностей художественных направлений и стилей. Она необходима в практической музеологии, в части фондовой ее работы по описанию музейных предметов и их атрибуции.

Процесс систематизации содействует движению музеологии по пути от накопления эмпирических знаний к теоретическому синтезу. Использование системного подхода при анализе практического материала приводит к теоретическому осмыслению многообразия фактов. В практической музеологии необходимость систематизации стимулирует развитие теоретических аспектов этой науки, а создание классификаций может послужить качественным изменениям в развитии практического знания. Классификация, основанная на научной базе, может представить в развернутом виде картину состояния науки или отдельного явления, в нашем случае декора. Уровни классификации послужат для ориентировки в многообразии типов декоративных элементов и установления взаимосвязей предметов декоративно-прикладного искусства. Как средство поиска информации типология декора должна быть составлена на унифицированном информационно-поисковом языке, пе-

редающем суть определяемого объекта. Морфологический подход к проблеме является наиболее оправданным, поскольку дает возможность увидеть разнообразную картину декоративных элементов и использовать этот же подход в практическом описании предметов прикладного искусства.

Таким образом, композиция предметов декоративно-прикладного искусства с декором флоры и фауны может быть объяснена с точки зрения гуманитарных и точных наук и поддается описанию с использованием методологий как точных наук, так и философско-культурологического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гете И.В. Простое подражание природе, манера, стиль // Собр. соч., т. 10. – М., 1975 – 1980. – С. 27-28.

2. Байкова Е.В. Биоморфизм как источник смыслообразования в культуре (на примере русской архитектуры второй пол. XIX – нач. XX века) / Е.В. Байкова. Саратов: ООО «Издательский центр «Наука», 2010. 200 с.

3. Байкова Е.В. Биоморфизм как метод образного моделирования в пространственных искусствах / Е.В. Байкова // Вопросы культурологии. 2007. №10. С. 18-20.

4. Вершинина Т.С. Метафора в политическом дискурсе: традиции и современность // Лингвистика: Бюллетень

Урал. лингвист. общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. В.И.Томашпольский / А.П.Чудинов. – Екатеринбург, 2001. Вып.6. – С. 5-9.

5. Власов В. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. – Т. IX: Ск-У. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – С. 260.

6. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Морфология декора. - М: КомКнига, 2007. – 200 с.

7. Коновалова Т. А. Фитоморфные образы в архитектуре славян в представлениях о «городе — саде». Философия и культура, № 12, 2010.

8. Корона В. Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций. (http://abursh.sytes.net/abursh_page/Korona/poetica/Poetica_2.asp)

9. Кропотухина П. В. Фитоморфная метафора в современном политическом дискурсе России и Великобритании / П. В. Кропотухина // Слово, высказывание, текст в когнитивном прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., Челябинск 25–26 апр. 2008 г. – Т. 1. – Челябинск : ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – С. 412–415.

10. Щенникова Н.В. Типология декора: систематизация и уточнение понятийного аппарата (в порядке обсуждения) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. VI. – Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2005. – С. 173-190.

АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РФ

Старшинова С.А.,

аспирант,

кафедра «Финансы, денежное обращение, кредит и банки»,
Госуниверситет – Учебно-научно-производственный комплекс

Ключевые слова: инновационная инфраструктура, инновации, информационное обеспечение, элементы инновационной инфраструктуры

Keywords: innovative infrastructure, innovations, information support, elements of innovative infrastructure

Аннотация. В статье дается анализ институциональной базы инновационной инфраструктуры. Анализируется как основная институциональная база в инновационной инфраструктуре, ее элементов, так и информационное обеспечение инфраструктуры. Рассматриваются основанные проблемы и пути решения данных проблем, которые оптимизируют работу инновационной инфраструктуры.

The article provides the analysis of the institutional base of innovation infrastructure. Analyses the main institutional framework in innovation infrastructure, its elements, and the information infrastructure. Are considered based problems and ways of solving these problems, which optimize the work of the innovation infrastructure.

Переход на инновационный путь развития, о котором так много говорят невозможно представить без современной работоспособной инновационной инфраструктуры. Эффективная работа которой, напрямую зависит от той институциональной базы, которая сложилась в ее регулировании. Инновационной инфраструктуре сравнительно недавно стали уделять внимание, поэтому регулирование в этой области имеет ряд недостатков и недочетов, исправить которые необходимо со временем. К ним можно отнести разрозненность институциональной базы инновационной инфраструктуры, отсутствие единой политики регулирования, частичный охват элементов инновационной инфраструктуры.

Законодательство инновационной инфраструктуры представлено законодательными документами ее структурных элементов. Это Федеральные законы, Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, Распоряжения Правительства РФ, нормативные документы Федеральных министерств и ведомств: постановления, приказы и письма, а так же местным законодательством.

В Гражданском кодексе РФ от N 51-ФЗ от 30 ноября 1994 года отражена статья 138 Интеллектуальная собственность.

В Гражданском кодексе (часть 2) N 14-ФЗ от 26 января 1996 года инновационной инфраструктуре посвящена глава 38 - выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, глава 39 - Возмездное оказание услуг, статья 933 - Страхование предпринимательского риска.

А 4 часть гражданского кодекса полностью посвящена правам на результаты интеллектуальной деятельности, являясь одним из основных документов в правовом регулировании инновационной инфраструктуры [13].

В Гражданских кодексах лишь поверхностно затронуту законодательство инновационной инфраструктуры. Правовое регулирование инфраструктуры состоит из регулирования ее структурных элементов.

К таковым можно отнести Федеральное законодательство в области ОЭЗ, технопарков, бизнес-инкубаторов, наукоградов:

1. 1.ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» от 22.07.2005 N 116-ФЗ (ред. от 06.12.2011), закрепляет понятие особых экономических зон, типы ОЭЗ, условия создания и прекращения особых экономических зон. Помимо общего закона есть также ФЗ от 10.01.2006 N 16-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и ФЗ от 31.05.1999 N 104-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «Об Особой экономической зоне в Магаданской области», но это частные случаи, регулирующие конкретные ОЭЗ., но это частные вопросы конкретных субъектов Российской Федерации [1].

2. ФЗ от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», отражает сущность и условия создания технопарков, инновационно-технологических центров, их правовой статус [2]. А так же статус технопарков и ИТЦ отражены в местном законодательстве субъектов федерации, например:

- Закон Московской области от 10.02.2011 N 15/2011-ОЗ «Об инновационной политике органов государственной власти Московской области» (принят постановлением Мособлдумы от 03.02.2011 N 5/144-П);

- Областной закон Ленинградской области от 09.12.2011 N 103-оз «О мерах государственной поддержки организаций, осуществляющих деятельность на территории индустриальных парков и технопарков Ленинградской области» (принят ЗС ЛО 23.11.2011);

- Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 05.10.2011 N 1406 «О Концепции создания строительного технопарка» [13].

3. Федеральный закон от 07.04.1999 N 70-ФЗ (ред. от 27.12.2009) «О статусе наукограда Российской Федерации», помимо этого законодательство в области наукоградов представлено Федеральным законом от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 07.12.2011) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 05.01.2012), статья 81 посвящена особенностям организации местного самоуправления в наукоградах; Постановление Правительства РФ от 22.12.2007 N 917 (ред. от 28.12.2010) «Об утверждении Правил предоставления межбюджетных трансфертов из федерального бюджета для осуществления мероприятий по развитию и поддержке социальной, инженерной и инновационной инфраструктуры наукоградов Российской Федерации» [4].

Отдельно стоит отметить Федеральный закон от 28.09.2010 N 244-ФЗ (ред. от 28.11.2011) «Об инновацион-

ном центре «Сколково», который регулирует статус и работу центра «Сколково».

4. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», касается всех участников инновационной инфраструктуры, в частности в стратегии отражаются вопросы инновационно-промышленных центров, инновационно-технологических центров [6].

5. Указ Президента РФ от 15.04.1996 N 558 (ред. от 06.04.2000) «О мерах по развитию фундаментальной науки в Российской Федерации и статусе Российской академии наук» посвящен вопросам статусности и работе Российской академии наук, а так же ряд документов касающихся частных случаев академии наук: Указ Президента РФ от 21.11.1991 N 228 «Об организации Российской академии наук», Постановление Правительства РФ от 19.11.2007 N 785 (ред. от 29.03.2011) «О Российской академии наук», Указ Президента РФ от 30.01.1992 N 84 (ред. от 19.04.1993) [13].

6. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 03.12.2011) «О науке и государственной научно-технической политике» регулирует основные вопросы науки в РФ, основные понятия, порядок работы научно-технической политике, Постановление Правительства РФ от 18.06.1999 N 651 (ред. от 21.11.2011) «О формировании федеральных центров науки и высоких технологий», Указ Президента РФ от 13.06.1996 N 884 (ред. от 23.02.2006) «О доктрине развития российской науки, а так же конкретизация по наукам» указ Президента РФ от 30.01.1992 N 84 (ред. от 19.04.1993, с изм. от 16.04.1996) «О Российской академии сельскохозяйственных наук» [13].

Анализ правового обеспечения объектов инновационной инфраструктуры показывает ряд проблем:

1. Некоторые вопросы, касающиеся конкретных элементов прописаны не полностью, частично или совсем не прописаны. Так нет конкретизации об ИТЦ и ИПК как субъектов инновационной инфраструктуры.

2. Законодательство об инновационной инфраструктуре носит разрозненный характер.

3. Правовое регулирование инфраструктуры не носит централизованной направленности.

Помимо объектов инновационной инфраструктуры существует информационное обеспечение, выступающее связывающим звеном элементов в инновационной инфраструктуре.

К ним можно отнести:

1. Постановление Правительства РФ от 16.06.2004 N 299 (ред. от 24.03.2011) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» [7], Постановление Правительства РФ от 07.04.2004 N 178 (ред. от 28.01.2011) «Вопросы Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» [13] отражают вопросы связанные с интеллектуальной собственностью;

2. Постановление Правительства РФ от 24.07.1997 N 950 (ред. от 22.04.2010) «Об утверждении Положения о государственной системе научно-технической информации», Указ Президента РФ от 20.01.1994 N 170 (ред. от 09.07.1997) «Об основах государственной политики в сфере информатизации» [13], освещают вопросы открытости информации в инновационной инфраструктуре.

3. Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2004 N 1750-р (ред. от 27.11.2006) «Об утверждении перечня федеральных государственных учреждений и федеральных государственных унитарных предприятий, находящихся в ведении Минпромэнерго России» [13], отображает перечень центров научно-технической информации в субъектах федерации.

4. Федеральный закон от 29.11.2007 N 282-ФЗ (ред. от 19.10.2011) «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [13].

Как отметил Иван Бортник, директор ассоциации инновационных регионов России, «наши проблемы с формированием инновационной инфраструктуры, особым экономическими зонами, таможенной, приглашением ведущих исследователей, вообще мобильностью научных кадров определяется только рассогласованностью действий государственных структур» [10].

Правовое регулирование информационного обеспечения еще менее прописано, чем элементы инновационной инфраструктуры. Нет централизации и аккумуляции информационных потоков в структуре инновационной инфраструктуры.

Следует отметить необходимость пересмотра законодательства в области инновационной инфраструктуры. Нет централизации и упорядоченности основных законодательных актов в области инноваций. Сводом правовых актов должен стать кодекс развития инновационной инфраструктуры, который включит в себя регулирование элементов инновационной инфраструктуры, регулирование информационного обеспечения, и будет содержать следующие разделы:

1. Общие положения;

2. Регулирование элементов инновационной инфраструктуры (ОЭЗ, ИПК, ИТЦ, РАН, НИИ и др.);

3. Регулирование информационных потоков внутри инновационной инфраструктуры (Роспатент, выставочная деятельность, базы данных, порталы, ЦНТИ, и др.);

4. Права и обязанности инноваторов;

5. Гарантии и защиты инноваций;

6. Заключительные положения.

Разработка кодекса позволит регулировать все инфраструктурные элементы и разработать эффективную информационную политику.

Институциональное поле инновационной инфраструктуры играет важную роль в становлении страны на инновационный путь развития. От развитой инфраструктуры зависит инновационная система в целом и эффективное функционирование инновационной политики в России. Поэтому необходимо как можно быстрее рассмотреть вопрос о дополнении законодательной базы, которая бы позволила максимизировать работу инновационной инфраструктуры. Кодекс инновационной инфраструктуры мог бы стать документом, объединяющим и согласующим все звенья законодательных актов в инновационной инфраструктуре. Это решило бы проблему с разрозненностью регулирования и централизацией основных законодательных актов. Что позволит упростить регулирование в этой области, но в то же время максимизировать охват регулирования элементов инновационной инфраструктуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [Электронный ресурс]: от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 03.12.2011) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс» /НПП «КонсультантПлюс;
2. ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» [Электронный ресурс]: от 22.07.2005 N 116-ФЗ (ред. от 06.12.2011) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс» /НПП «КонсультантПлюс;
3. ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]:от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 06.12.2011)) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс» /НПП «КонсультантПлюс;
4. Федеральный закон «О статусе наукограда Российской Федерации» » [Электронный ресурс]:от 07.04.1999 N 70-ФЗ (ред. от 27.12.2009) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс» /НПП «КонсультантПлюс;
5. Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 года [Электронный ресурс]: от 15.02.2006//Справочная правовая система «КонсультантПлюс» /НПП «КонсультантПлюс;
6. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 08.08.2009) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс» /НПП «КонсультантПлюс;
7. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» [Электронный ресурс]: от 16.06.2004 N 299 (ред. от 24.03.2011) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс» /НПП «КонсультантПлюс;
8. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о государственной системе научно-технической информации» [Электронный ресурс]: от 24.07.1997 N 950 (ред. от 22.04.2010) //Справочная правовая система «КонсультантПлюс» /НПП «КонсультантПлюс;
9. Алексеев А. В.Инновационные институты для инновационной экономики [Текст]/ А. В. Алексеев//Россия и современный мир. – 2011. - №2. – с.36-46;
10. Бортник И. Россия: инновационная система-2 [Текст]/И. Бортник//Бюллетень инновационные тренды. – 2011. - №1.- с.5-7;
11. Гамидов Г. С. Особенности информационного обеспечения инновационной деятельности [Текст]/Г. С. Гамидов//Инновации. – 2006. - №11;
12. Гретченко А.А Направление развития инновационной инфраструктуры в России [Текст]/А. А. Гретченко//Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития экономики в посткризисный период». - Саратов, ИЦ «Наука». - 2010 . - с.12-17.
13. Консультант плюс [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> свободный. - Загл. с экрана.

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ДЕТСКИХ СКАЗОК КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕАТРА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Тимофеева А.А.,
Историко-Культурно-Просветительский фонд Охта

Ключевые слова: театр, детская литература, литература абсурда
Key words: theatre, children literature, absurd literature

Аннотация. Статья посвящена роли абсурда в детской литературе, в частности, в детском театре. Показано, как абсурд развивался в литературной традиции, отмечено, какая возрастная категория детей более всего восприимчива к абсурду.

The article is devoted to the absurd in the literature for children and particularly in the children theatre. The history of the absurd is presented, and also the category of children which likes absurd more is pointed out.

Детский театр появился гораздо позже, чем театр для взрослых. Первые опыты театра для взрослых в России восходят к постановкам Федора Волкова и святочным балаганам. Любителем театра слыл царь Алексей Михайлович, однако при нем в России ставились, в основном, любительские спектакли. Оформившаяся в XVIII веке традиция драматургии была рассчитана на взрослых, XIX век продолжил эту линию (А.Д. Сумароков, Д.И. Фонвизин, Н.В. Гоголь, А.Н. Островский, А.П. Чехов). Едва ли не первой детской пьесой стала «Синяя птица» Мориса Метерлинка, аллегорический смысл которой, вероятнее всего, мало доступен ребенку, и он видит в ней лишь волшебную сказку.

Русская драматургическая традиция чуть позже прошла стадию избавления от нравоучений, которое в XIX веке осуществлялось в литературе Западной Европы. Эволюцию представлений о пьесе для детей можно описать с помощью следующей схемы:

Схема 1. Развитие представлений о детской литературе в Европе

Иными словами, с одной стороны, в детском театре, как и во взрослом, предполагалось очищение души человека, превращающее его в лучшего, более возвышенного и серьезного человека. Однако это очищение, во взрослом театре обставленное различными событиями, интригами, заставляющими смотреть пьесу, и достигающееся за счет сопереживания зрителей герою, в детском театре почему-то подавалось в прямолинейном виде.

Детская литература – одна из самых молодых разновидностей литературы. В течение Средних Веков, эпохи

Возрождения – и более ранних периодов развития человечества – детей не считали достойными внимания ни в какой области: не существовало ни детской одежды¹, ни детских игрушек, ни детской литературы. Ребенок одевался и вел себя как маленький взрослый, и игрушки, доставшиеся ему, были лишь уменьшенными копиями предметов, принадлежащих взрослому. Чтение для ребенка было предназначено только для того, чтобы помочь ему быстрее адаптироваться в обществе и как можно быстрее стать из маленького взрослого взрослым большим. В истории Англии детские книги появились после XVI в. – и их возникновение было неразрывно связано с идеями протестантизма². Одной из основных идей протестантов было то, что человек – любой, в том числе и ребенок – имеет право читать Библию. Библия для ребенка, естественно, должна быть обработана и снабжена пояснениями. Так появляется жанр «нравоучительной истории», на долгое время монополизировавший детскую литературу.

Так, в антологии “A History of Children’s Book Illustration” указано, что чтение для юного аристократа предназначалось исключительно для того, чтобы научить его правильно вести себя в обществе³. Логика авторов этих книг была такой же, какой руководствуются создатели игрушек – уменьшенных копий предметов взрослого мира: ребенок должен как можно скорее адаптироваться к обществу, которое его окружает, стать добрым христианином. Об этих книгах с содроганием вспоминают герои Шарлотты Бронте и Джерома К. Джерома. В книге «Джен Эйр» героиня получает в подарок книжку со следующим напутствием: «Девочка, вот тебе книжка «Спутник ребенка»; прочти ее смолитвой, особенно «Описание ужасной и внезапной смерти Марты Дж., дурной девочки, предавшейся пороку лжи и обмана»⁴. А герои Джерома К. Джерома вспоминают о школьном прозвище одного из одноклассников: мальчика называли «Сэнфорд и Мертон» в честь знаменитой нравоучительной книги о добром и дурном мальчике⁵. Как писал К.И. Чуковский в книге «От двух до пяти», «тогдашние детские авторы ненавидели в ребенке – ребенка. Детство казалось им какой-то непристойной болезнью, от которой ребенка необходимо лечить. Они старались возможно скорее овзрослить и осерьезить ребенка. Оттого-то в мировой литературе до сравнительно недавнего времени не было ни одной веселой детской книги. По-детски смеяться с ребенком – до этого не унижались писатели. Сам Чосер, гениальный рассказчик, когда сделался

1. См. об этом Иллюстрированная энциклопедия моды. – Варшава: Град, 1989. – С. 514.

2. A History of Children’s Book Illustration. – London, 1988. – 14.

3. “For the young noble the chief aim of his education was to teach him how to conduct himself in society, and for him were written such ‘courtesy’ books as The Babees Book and Stans Puer ad Mensam” // A History of Children’s Book Illustration. – London, 1988. – 12.

4. Ш. Бронте Джен Эйр. – М.: Флинта, 2009. – С. 6.

5. Джером К. Джером Трое в лодке, не считая собаки. – СПб: Классика, 2001. – С. 55.

детским писателем, сочинил для маленького сына «Трактат об астролэбии», в высшей степени канительный и нудный»⁶.

Первые школьные пьесы, ставившиеся в хирургических школах при Петре I, были еще более схематичны и абстрактны, чем история «Сэнфорда и Мертона»: на сцене действовали не люди, а понятия. Актеры выходили с табличками, обозначавшими их сущность, а чтобы все четко представляли себе их роль в постановке, сообщали аудитории, например: «Я – порок» или «Я – добродетель».

Появление морализаторской, нравоучительной литературы, с одной стороны, – добрый знак: ребенок стал восприниматься как отдельный, не похожий на взрослого тип читателя и зрителя. Но что это был за читатель, которому предназначалась литература о гибели лунов в аду и о добродетельных детях? Ребенок некоторое время воспринимался как средоточие потенциальных пороков, развитие которых необходимо было как можно быстрее остановить⁷. И только в XIX веке детская литература, в частности, английская, начала отступать от этих канонов. Появились авторы, действительно готовые «видеть в ребенке ребенка», а не разговаривать с ним на языке морализаторства. Чуковский указывает, что в эпоху морализаторства даже народные детские стихи и песенки – например, забавные «перевертыши», в которых происходят невероятные события, были искажены за счет иллюстраций – например, к «перевертышу» о том, как катаются на коньках летом, был нарисован вполне типичный зимний каток, а песенка о Шалтае-Болтае, который сидел на стене, сопровождается иллюстрацией, изображающей сидящего на стене мальчика, у которого в руках птичье гнездо⁸. Сказочность, абсурдность, необходимая ребенку, разрушалась не только текстом, но и иллюстрациями – в случае, если в тексте уже ничего нельзя переделать.

В XIX веке в детскую литературу впервые стало проникать свежее дуновение – волшебные, абсурдные, невероятные события, про которые детям так было интересно читать. Книга стала использовать игру, фантазию, лишенный нравоучительности вымысел, – сначала робко, а потом все более уверенно. Появились удивительные приключения кэрролловской Алисы, лимерики Эдварда Лира, французские и немецкие волшебные сказки.

Самуил Яковлевич Маршак указывает, что на 20-е годы в СССР пришелся тот же этап: избавление детской литературы от схематизма и догматизма. «В сущности, в драматургии для детей была проделана та же работа, что и во всей детской литературе. Мы боролись за освобождение детского театра (как и книги) от лжепедагогической назидательности и схематизма, стремились к созданию живых характеров, к тому, чтобы пьесы, при их простоте, были достаточно сложны и, при всей их забавности, выражали серьезные идеи, – то есть к большой драматургии для маленьких»⁹.

Однако «большая драматургия для маленьких» обернулась на первых порах той же сказкой. Первые опыты

драматургии для детей практически всегда были инсценировками народных или обработанных сказок – той же «Золушки» или «Кота в сапогах». Как в России, так и в Европе театр не знал, что предложить ребенку, кроме того, что ему уже нравится, – но в виде произведений для сцены.

Первым, кто сделал литературу для детей абсурдной (следуя в этом народной традиции песенок-потешек и перевертышей) был английский писатель Эдвард Лир. Подлинным открытием волшебного, чудесного и немислимого стали его стихи с его же иллюстрациями. «Его смешные, похожие на детские иллюстрации реально иллюстрировали стихи и были неотделимы от вербального ощущения счастья. Никакая другая форма, кроме лимерика, не могла так выразить эту торжествующую чепуху, далекую от чего-либо, хоть одной своей стороной приближающегося к действительности» (“Nor can his ridiculously child-like illustrations – which really illustrate – ever be separable from the verbal happiness. But as a matter of fact his nonsense is even more gloriously silly, more remote from anything approaching either facetiousness or fact, in other metres than the limerick”¹⁰).

Эдвард Лир был не только поэтом, но и искусным художником, автором альбома, изображающего различные виды птиц. Именно поэту сложно сказать, что является первичным в его «бессмыслицах»: текст или рисунки¹¹. Например, текст лимерика:

There was an Old Man of Kamschatka,
Who possessed a remarkably fat cur.
His gait and his waddle,
Were held as a model,
To all the fat dogs in Kamschatka.
И его иллюстрация:

Рис. 1. Иллюстрация к лимерику

Сложно сказать, что здесь было первично: рисунок, в котором темная, толстая и круглоглазая собака являет собой полную противоположность тощему, одетому в светлое и явно принадлежащему к монголоидной расе хозяину, либо стихотворение.

То же можно сказать практически о любом лимерике.

Линии рисунка выстроены в параллель: струя чая, нога и рука танцующего старика подчеркивают “disorder”, в котором он живет, – и лишь Cat, оплот консерватизма и порядка, пытается увлечь своего хозяина в противоположную сторону: он не поддерживает танец и с легким недоумением смотрит на все происходящее. Рисунки Лира далеки от реальности – их герои изображены диспропорционально,

6. Чуковский К.И. От двух до пяти. – М.: АСТ, 2008. – С. 78.

7. Whereas the Puritan tradition had insisted on the essential sinfulness of the child, who had to be taught to be good, Rousseau preached the idea of ‘the noble savage’, inherently good until corrupted by society” // A History of Children’s Book Illustration. – London, 1988. – 18.

8. Там же.

9. Маршак С.Я. Произведения для детей. – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 32.

10. Harvey Darton F.J. Children Books in England. – Cambridge, 1982. – 242.

11. “Lear’s work show just how far children’s book had already progressed from the heavily moral and didactic publications of only twenty years earlier. ... Lear was an extremely fine artist, so his simply-drawn distorted figures were made that way from choice” // A History of Children’s Book Illustration. – London, 1988. – 57.

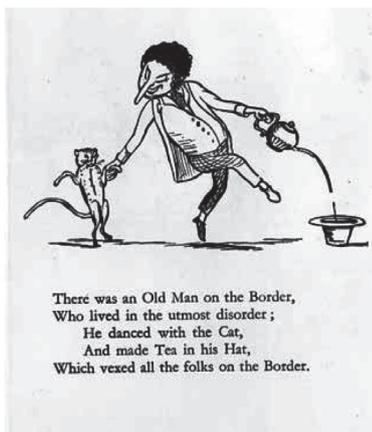

Рис. 2. Лимерик и иллюстрация

они обладают гротескно длинными носами, огромными головами и пр. Так же далеки от реальности и его стихи, которые можно использовать в игре (В.В. Набоков в повести «Другие берега» рассказывает о «любимой пытке» своего учителя – все сильнее и сильнее сжимать руку ребенка, декламируя лимерик¹²).

Итак, абсурд прочно завладел детской литературой с подачи англичан. Русский театр стал использовать абсурдные ходы мысли, начиная с пьес С.Я. Маршака: так, его пьеса «Умные вещи», созданная в 1940 году и переработанная в 1954, предполагает волшебный, но не фольклорный сюжет. Дело в том, что абсурд и волшебство совершенно не обязательно предполагают однозначную связь с фольклорной традицией, даже наоборот, отрицают ее. Условность фольклора привычна, разговаривающие коты и гигантские репки никого не удивляют (хотя К.И. Чуковский вспоминает, что и такие сюжетные приемы отталкивали критиков его произведений). Абсурд прекрасен тем, что он непривычен, что его каждый раз надо воспринимать заново. В определенном возрасте ребенок переживает желание освоить мир, переделать его по-своему, и ему смешны приговорки из серии «Ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота». Педагог и психолог Жан Пиаже выделяет следующую эволюцию детской психики.

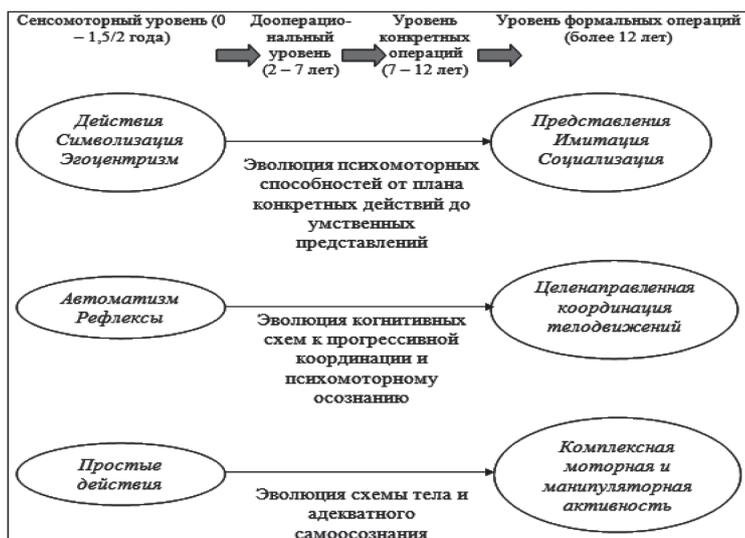

Рис. 3. Схема Жана Пиаже¹³

12. Набоков В.В. Другие берега. – М.: ЭКСМО, 2008. – С. 76.

13. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М.: Наука, 1994. – С. 567.

Таким образом, восприятие абсурдной пьесы лучше всего проходит в возрасте до 7 лет: после этого ребенку достаточно трудно оценить подобный юмор, он, наоборот, считает его слишком детским, «это для маленьких».

Из репертуара российских детских музыкальных театров для этой возрастной категории предназначены такие пьесы, как «Кошкин дом» С.Я. Маршака и некоторые обработки «Золотого ключика» по А.Н. Толстому.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. A History of Children's Book Illustration. – London, 1988.
2. Harvey Darton F.J. Children Books in England. – Cambridge, 1982.
3. Ш. Бронте Джен Эйр. – М.: Флинта, 2009.

ТЕОРЕМА БЕРКЛИ. ПОЧЕМУ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ БЕРКЛИ МОЖНО НАЗВАТЬ ТЕОРЕМОЙ

Торгашин А.Ю.,

отдел главного инженера,

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

Ключевые слова: Беркли, «внешний мир», «вещи сами по себе» («вещи-в-себе»), агностицизм, трансцендентальное, солипсизм, теорема

Key words: Berkeley, outer world, things-in-themselves, agnosticism, transcendental, solipsism, theorem

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что центральный аргумент Джорджа Беркли об обязательной восприимчивости существующего EeP («Esseestpercipi») имеет строгое доказательство на самом общем структурном уровне. При этом из смысла EeP не приводит к солипсизму, а наоборот делает невозможными те суждения, с помощью которых пытаются отрицать существование «внешнего мира». Из сравнительно анализа истинных суждений математиков в контексте философии и тезиса EeP делается вывод о том, что EeP можно назвать теоремой гносеологии, теоремой Джорджа Беркли о восприятии. В качестве важного следствия из этой теоремы обосновывается трансцендентальное положение вещей, что любые какие угодно суждения бывают либо о чем-то, либо не имеют смысла.

The author claims that G. Berkeley's central argument about necessity of perception of the phenomena that exist ("Esseestpercipi") has strict proof on the basic structural level. EeP makes impossible judgments leading to negation of existence of outer world. Comparative analysis of mathematical judgments in philosophy context and EeP thesis helps to entail that EeP can be called gnoseology theorem, Berkeley's theorem of perception. An important consequence of the theorem is transcendental state of things, that is any possible judgments tell either about something or make no sense.

Наследие Джорджа Беркли занимает особое место в истории философии. Во-первых, именно с него начинается тот процесс, который завершился критикой Канта. Во-вторых, наследие Беркли получило, если можно так выразиться, двукратное второе рождение. В первый раз в учениях Маха и Авенариуса, второй раз – при возобновлении внимания собственно к наследию Беркли. [5, стр.21]. Причина такой творческой судьбы – вне всякого сомнения, непривычность для современников и *недалеких* потомков (например, поэта Байрона [3, стр.54]) тех выводов и приемов, которые использовал британский философ. Центральным аргументом философии Беркли является принцип EeP («Esseestpercipi»), его же можно назвать основным аргументом полемики. «Esseestpercipi» *по смыслу* переводится как «Существовать значит восприниматься» (там же, стр.30). Целью данной статьи является обоснование того, что EeP, благодаря точности формулировки, нуждемости в строгом доказательстве и его осуществимости, может быть назван *теоремой*. С точки зрения философии теорема – это теоретическое положение, истинность которого контекстно не зависима в рамках той или иной традиции исследования и экспликации данных, главной частью которых можно назвать методологию. Математические теоремы тривиально контекстно не зависимы в том числе и в философских дискурсах, то есть смысл формулы $2 \times 2 = 4$ останется одинаковым вне зависимости от того какие слова будут стоять с нею рядом в тексте при «нормальной» интерпретации «2», «4», «x» и «=». То же самое с некоторой

оговоркой можно сказать о некоторых суждениях философии. Например, известное суждение Анри Бергсона [1, стр.130-133] о том, что идеальный наблюдатель обязан слиться с наблюдаемым, иначе наблюдение окажется неполным смело можно оценить как философскую теорему, поскольку задача ее опровержения приводит лишь к перепределению наблюдения и наблюдаемого. Таким образом это бергсоновское положение оказывается нетривиальной тавтологией, тавтологией в хорошем смысле или *теоремой*. Мы постараемся доказать, что "EeP" можно сказать то же самое.

В связи с «нормальной» интерпретацией символов возникает проблема свободы интерпретации, поскольку никто не обязан их «нормально» интерпретировать. Например, считать пятно «2» двойкой или вообще цифрой. Однако при таком подходе к понятию теоремы теорем лишится даже математика. Теоремы, будучи устойчивы при переносе из одного контекста в другой, не обязаны быть устойчивыми ко всем без исключения переинтерпретациям, по аналогии с тем, что растворимость золота в царской водке не делает его не-золотом и не исключает из списка благородных металлов.

Любое, явление, вещь, процесс, короче говоря, любая данность имеет некоторое проявление в универсуме. Не всегда формально регистрируемое, как, например, данные интроспекции. Однако данные интроспекции имеют возможность влиять на научные, практические, бытовые выводы или влиять на художественное выражение или художественное впечатление. Если нам скажут, что есть данности, которые не даются, и **«нет ничего, кроме высказывания о том, что они данности»**, их явленность сведется к положению только что взятому в кавычки и выделенному жирным. В случае, если они могут влиять на теории, результаты практической деятельности, изменять статус чего-либо в компетенции художественного вкуса - и все это можно идеологически вменить, то регистрируемость таких данных осуществима. Если же это идеально не удастся, то в качестве *данных* познания или просто впечатления их *идеально* нет. Обозначим возражение на последнюю формулировку как P(x), где x – перцептивный материал такого возражения. Тогда P(x) собственным синтаксическим «телом» продемонстрирует регистрируемость и восприимчивость существующего, которое претендует создать прецедент существующего, но не воспринимаемого. То есть, если некоторая данность дана нам как не-данность она либо никак не проявляется в универсуме, либо семантически или/и прагматически влияет на него. В таком случае с функциональной точки зрения она оказывается все той же данностью. Последний комментарий необходим, когда рациональное и умопостигаемое пытаются представить никак не относящимся к восприятию, или наоборот пытаются объявить реальным только перцептивное. Как было наглядно продемонстрировано феноменологией, прежде

всего Морисом Мерло-Понти, умопостигаемое нельзя оторвать от перцептивного, речь может идти лишь обих функционально-терминологической дистинкции и о *разумной перцепции* [7]. Последнее обстоятельство не зависит от детального содержания «Феноменологии восприятия», а является предельно общим трансцендентальным результатом всей мировой философии.

Данности могут быть выражены посредством суждения или попадать непосредственно в восприятие – в любом случае они либо влияют на другие суждения, либо нейтральны к ним. Даже бессознательное при строгом определении его закрытости для какой-либо теоретической практики не может не иметь фракции влияния на теории, иначе теория бессознательного превратится в пустой оператор. Иногда определение гносеологического статуса материи суждений гораздо более сложная задача, чем само онтологическое суждение. Иными словами очень часто легче ответить на вопрос «Что это такое» в плане феноменологического описания, чем пометить его классифицирующим индексом. Это положение было обосновано Гегелем [4, стр.17-21] более чем на сто лет раньше написания текстов о разумной перцепции.

Другим важным моментом критики Беркли является приписывание ему потребности объявить «внешнее» («объективный мир») не существующим. Но это в рамках философии Беркли не осуществимо не почему-либо, как раз из-за теоретической обеспеченности принципа ЕeP. Если во «внешнем» что-либо существует возможность его игнорирования означала бы измену принципу ЕeP. Если же «внешнее» не существует, то это оно не существует по определению, не потому что оно кем-то названо «внешним», а просто не существует и не имеет в универсуме никакого синтаксического тела $p(x)$. С нашей точки зрения у Беркли не было потребности отрицать материю как данность и материализм как признание материальности мира вполне совместим с его позицией. Беркли не отрицает материю, он лишь предъявляет ей следующие требования: «Я хотел бы, однако, знать, каким образом нечто может быть для нас налицо, если оно непостигаемо ни ощущением, ни рефлексией, не способно произвести никакой идеи в нашей душе, совершенно не протяженно, не имеет никакой формы и не существует ни в каком месте» [2, стр.168-169]. С другой стороны, деление мира на «вещи сами по себе» и феномены в его философии не имеет прецедента. И солипсизм представляющий из себя учение, которое характеризует мир «вне восприятия» как «несуществующий» первым делом противоречит принципу ЕeP, потому что судит за пределами восприятия. ЕeP не утверждает невозможности суждения о «внешнем» о людях, вещах, материи, которых мы не видели, не слышали, не воспринимали каким-либо другим способом, этот принцип лишь опровергает утопический способ такого суждения. Если критики Беркли пробуют учредить «внешний мир» без которого его теоретического выражения они не только не могут опираться на данные науки, но идеально изолируют себя от них.

Важным моментом в философии Беркли была его религиозность, которая обычно противопоставляется науке и «объективности», но в случае Беркли, религиозность имеет конструктивную значимость как раз в научно-философском познании. Беркли верил в то, что люди видят одно и то же Солнце, одни и те же реки, горы и растительность.

Как бы ни было «опрометчиво» это предположение, с него начинается любая, в том числе не философская экспериментальная наука. Иначе мы не могли бы дать гарантии, что этот протокол эксперимента окажется тем же самым завтра или для других людей. Но самое главное Беркли показал, что ЕeP разрушает оценку «наивного» восприятия как наивного и опрометчивого, потому что в противном случае требуется экспликация разницы наличного восприятия с эталонным или просто «другим», которая ничем не определена. Таким образом, индивидуальное восприятие одного живого существа открыто для индивидуального восприятия другого живого существа, с учетом их фиксируемой разницы. То, что эти восприятия «могут быть вообще другими» просто не имеет отношения к науке и культуре пока не получит более внятного определения. Совершенно аналогично мы верим показаниям физических приборов, хотя не исключено, что они находятся под влиянием неведомой искажающей среды, которую всегда можно придумать из-за нефиксируемости по определению. Любая наука наивна в том смысле, что она дает знать то, что в принципе и в данной ситуации можно знать, но это не значит, что других ситуаций с более широким горизонтом знания никогда не возникнет. В случае их возникновения их тоже понадобится зафиксировать с той же наивной добросовестностью.

С нашей точки зрения центральный аргумент Беркли имеет следующую формулировку: «Я отвечаю, что идея не может походить ни на что иное, кроме идеи; цвет или фигура не могут походить ни на что, кроме другого цвета, другой фигуры. Если мы мало-мальски внимательно всмотримся в наши мысли, мы найдем невозможным понять иное их сходство, кроме сходства с нашими идеями. Я спрашиваю, можем ли мы воспринимать эти предполагаемые оригиналы или внешние вещи, с которых наши идеи являются будто бы снимками или представлениями, или не можем? Если да, то, значит, они суть идеи; а если вы скажете, что нет, то я обращусь к кому угодно и спрошу его, есть ли смысл говорить, что цвет похож на нечто невидимое; твердое или мягкое похоже на нечто такое, что нельзя осязать» [2, стр.140]. Не нужно делать поспешных выводов, что Беркли «очеловечивает» «объективный мир». Дело не в том, что первичное качество цветка прямо-таки «похоже на цветок». Смысл этого фрагмента глубже и проще: нечто первично качественное не может не иметь вторично качественного проявления. Даже визуальная реконструкция с помощью цифровых технологий визуализирует то, что визуализируемо по сути. А формальные описания вещественного имеют собственное содержание, «похожее на формальное описание». Например при переводе образа из цифрового представления в визуальное [6, стр.,81].

В работе «Иллюзии агностицизма» [8, стр.25-29] мы рассмотрели тройку элементов: a – изолированный от восприятие «феномен», A и A_2 , соответственно его первично и вторично проявляемые свойственности. Слово «феномен» поставлено в кавычки, потому что в терминологии Канта этот элемент действительности принадлежит «миру вещей самих по себе». Если принять во внимание существование такого «объективного мира», который никак не проявляется в нашем актуальном мире, но имеет теоретическое влияние на него, то легко видеть, что такой мир структурно невозможен. Определим представителей A и A_2 в мире, элементом которого является a - соответственно как

Прообраз(A) и *Прообраз2(A2)*, где соответственно *Прообраз()* и *Прообраз2()* суть некоторые отображения универсума первичных и универсума вторичных качеств в мир, где существует элемент *a*. По определению *a* – абсолютно изолирован от актуального мира. Но с другой стороны через *Прообраз(A)* и *Прообраз2(A2)* мы можем концептуально и развернуто теоретически «доставать» мир *a*, то есть мир абсолютно изолированных феноменов. Значит мир элементов *Прообраз(A)* и *Прообраз2(A2)* не относится к миру абсолютно изолированных феноменов, то есть миру, где существует *a*. Однако *Прообраз(A)* или *Прообраз2(A2)* по определению должны быть такими преобразованиями актуального мира, мира, где существуют *A* и *A2*, что эти преобразования организуют суждения об *a*, экранируют *a* в актуальном мире, что невозможно по определению. Таким образом мы пришли к противоречию и строго по элементарному закону контрапозиции $E \rightarrow P$ доказано. Ни Беркли, ни мы вовсе не хотим сказать, что мира феноменов типа *a* вовсе не существует, просто эти элементы не имеют к нашему миру никакого отношения, не могут участвовать ни в одном суждении и формальном высказывании. Вероятнее всего, лишь это, а не что-либо другое имел в виду Беркли, когда говорил о том, что «идея похожа на идею», потому что первично-качественная составляющая идеи похожа на нее в том смысле, что обеспечивает ее феноменальное своеобразие, хотя с другого первичности и вторичности могут не иметь между собой только структурное сходство. Например, ткань, воплощающая в себе нейроны и синапсы не очень похожа на ментальные образы, или более приземленно – структура кусочка футбольного мяча не похожа на футбольный мяч. Но все перечисленное имеет собственное вторично-качественное проявление со своей «похожестью» на свою первичность, которая достаточна для теоретической связи того и другого.

Несмотря на частность этих частных интерпретаций, принцип $E \rightarrow P$ является теоремой, имеющей строгие формулировку, доказательство и чрезвычайно важные следствия. Во-первых, никакой абсолютно изолированный феномен не способен иметь теоретического влияния на науку. Во-вторых, все вопросы о мире таковы, что они либо не имеют смысла, либо на них может быть получен ответ в силу того, что ответ с участием концептуально изолированных феноменов (феноменов-антиподовиз мира «вещей самих по себе» или из мира *a*) невозможен. Второе следствие может показаться неочевидным, но теоретически изолированное от суждения об *a* тривиально является собой ситуацию суждения о чем-то другом, а не об этом *a*. Последнее не значит, что мир познаваем лишь в виде знаков на бумаге, увиденное и услышанное является полноправными составляющими познания. Например, геометрия невозможна без созерцания. Безусловно, есть такие феномены, которые как вспышка света могут ворваться в наблюдаемую картину мира и исчезнуть, оставив теоретическое влияние. Или феномены, похожие на боль живота у новорожденного, о проявлении которых можно и не догадаться, но они опять же могут иметь теоретическое влияние. Но согласно принципу Беркли они – не изолированы от актуального мира, подобно элементу *a*. Например феномен-вспышка либо оставляет концептуальный след, формализуемый или повествовательно передаваемый, но сопоставленный ряду суждений, которые были бы иными, если бы этой «вспышки» не было. Точно так же нефиксируемый феномен, похо-

жий на боль живота у новорожденного, имеет такой же ряд суждений, которые были бы иными, не будь этого феномена. И то и другое составляет их проявляемость и осмысленность, иными словами содержание второго следствия из теоремы Беркли.

Здесь возникает проблема частичной формализуемости остенсивного в каком-нибудь формально высказывании $p(x)$. Однако к теореме Беркли эта проблема не имеет отношения, потому что остенсивное принадлежит актуальному миру, миру *A* и *A2*. Суждения о мире иногда задевают рикошетом то, на что можно указать. Взятый во внимание выше феномен-«вспышка», если он влияет на $p(x)$ в том смысле, что без него это суждение было бы иным, модифицирует суждение, в частности делает p или x другими, либо приводят к изменению значения истинности, однако все это в силу своего описания имеет логически формальную или повествовательную формализацию. Иногда мы знаем $p(x)$ такими, какие они есть, не будучи знакомыми с феноменами-«вспышками» и диспозиционными феноменами, похожими на боль живота у новорожденного, но это не препятствует эмпирическому акту суждения с теми оттенками смысла, которые они организовали даже будучи анонимными. Если мы их эксплицируем и эксплицируем их влияние на $p(x)$, это будет очередным маленьким триумфом $E \rightarrow P$.

Таким образом, любой тезис, которому приписывается статус опровержения центрального аргумента Беркли, не просто ложен, его невозможно сформулировать. Любая попытка выразить смысл существующего, но никак не воспринимаемого, тут же организует теоретическое восприятие того, что под ним подразумевается и опровержение превращается в иллюстрацию правоты тезиса $E \rightarrow P$. Очевидно, такое положение вещей никак не зависит от контекста, потому что утрата восприятия теоретического содержания приводит к разрушению самого общего смысла теоретического суждения как такового. Можно было бы сказать, что тезис $E \rightarrow P$ «априорен». Однако $E \rightarrow P$ требует обоснования, то есть некоторого теоретического опыта, и, с нашей точки зрения, к таким нетривиальным тавтологиям более подходит гуссерлевский термин трансцендентального, то есть относящегося к усмотрению сущностей, которые не зависят от способа их теоретической экспликации. Здесь напрашивается возражение, что экспликация может быть нарочито неполной, путаной и мутной. Однако положения алгебры или геометрии не зависят от способа их экспликации, хотя их запись, способна быть нарочито негодной. Дело не в том, что «формулы» нельзя стереть или раскидать по литерам типографского набора, а в том, что математическими теоремами можно пользоваться как тавтологиями. Очевидная истинность положения $E \rightarrow P$ и необходимость его для понимания, пожалуй, самой важной проблемы гносеологии, а именно «границы познания», статуса «внешнего мира» относительно критики агностицизма, позволяет сделать вывод о том, что $E \rightarrow P$ – теорема гносеологии.

В связи с изложенным мы считаем гипотезу статьи достаточно обоснованной, а именно центральный аргумент Беркли представляет из себя теорему, имеющую строгое и простое доказательство. Отрицание этой теоремы приводит к разрушению смысла на самом общем структурном уровне. Становится ясным и то, почему философия Беркли была не понята современниками, и несмотря на это ста-

ла важным источником смысла для новейшей философии. Главная тому причина - теоретическая добросовестность Беркли и эффективность его методологического аппарата. Очевидно, Беркли знал неопровержимость своих положений и не находил ни малейшего смысла отступать к якобы «золотой середине», пролегающей между его точкой зрения и точкой зрения его не всегда изощренных оппонентов. Он отрицал не «невоспринимаемый мир» как таковой, а мир феноменов *a*, если воспользоваться нашими обозначениями. Тот недалекий философ, который пинал среди улицы камень, чтобы продемонстрировать его материальную действительность [3, стр.136], мог поломать об этот камень обе ноги и лоб в придачу, ни одно из его действий не организовало бы примера феномена *a*.

Другое дело, что под таким идеологическим давлением Беркли приходилось искать дополнительные способы обоснования своей философии, которые скорее ослабляли ее, чем усиливали. Прежде всего, это несколько надуманная теория причинности, отягощенная такими положениями, что «огонь – это знак того, что здесь можно обжечься» [2, стр. 169]. На самом деле, если строго следовать принципу ЕеР, то обжигает что-то и это что-то неотделимо связано с

огнем, если хотите «похоже на огонь», то есть являет собою материю. Таким образом материализм Беркли не составляет главного содержания его философии и легко устраним из нее.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бергсон А., Собрание сочинений в 4-х т., М.: Московский клуб, 1992, 336 с.
2. Беркли, Д. Сочинения., М.: Мысль, 2000, 560 с.
3. Быховский Б. Э. Джордж Беркли. М.: Мысль, 1970. 220 с.
4. Гегель, Г.В.Ф., Наука логики, в 3-х т., т.3, М.:1972, Мысль, 371 с.
5. Девяткин, С.В., Берклиеведение основные этапы, проблемы и перспективы.//Вестник Новгородского государственного университета, 1999, №14, стр.21-25
6. Левин, Г.Д., Истинность и рациональность., М.: ,2011, Канон, 224 с.
7. Мерло-Понти, М., Феноменология восприятия., СПб.: Ювента, Наука 1999
8. Торгашин, А.Ю., Иллюзии агностицизма., СПб.: Любавич, 2011, 432 с

К ИСТОКАМ КРЕАЦИИ

Трахинин Е.Л.,
соискатель,
кафедра русского языка,
Орловский государственный университет

Ключевые слова: креация, авторство новых слов, значение креативных новообразований

Key words: creation, new words authorization, meaning of creative innovations

Аннотация. В статье рассматривается история появления креации как способа словообразования в общелингвистических описаниях и словообразовательных классификациях, анализируются различные точки зрения на этот способ словообразования.

The paper tells the origin of creation as means of word building in general linguistic descriptions and word-building classifications, different points of view for this means of building words are analysed

Креация как способ словообразования достаточно противоречив не только по своей сути, но и в плане своего появления - в системе языка и системе описания способов (русского) словообразования. С одной стороны, это вообще первый (!) способ словообразования - на это обратил внимание (впервые?) В.П.Изотов: «Неоднократно отмечались наиболее удачные креативы (лилипут, рококо, мурзилка и др.), но, насколько мне известно, никогда не прослеживалась мысль о том, что креация являлась первым способом словообразования! Ведь в самом деле: все первообразные слова представляют собой не что иное, как произвольные сочетания звуков. Таким образом, креация, являясь самым древним способом словообразования, постепенно была вытеснена на периферию словообразовательной системы и теперь уже не осознается как узальный способ, а занимает свое место среди окказиональных» [4: 13].

С другой стороны, история этого способа не получила надлежащего описания в лингвистической литературе.

Насколько можно судить, одним из первых об этом способе словообразования заговорил Ж.Вандриес: «Создание слов – явление крайне редкое. Есть только несколько примеров его, приводимых обычно как курьёзы; это слово газ, изобретённое в XVII в., слово рококо или слово *felibre*; таковы также названия продуктов, предметов питания или инструментов, как, например, кодак, - слов, целиком выдуманных своими изобретателями. Нельзя создать ряд таких слов, не подвергая опасности понятность языка. Эти слова подобны именам собственным, не вызывающим никакого точного представления в мозгу говорящего, если не знать заранее того, кому принадлежит имя собственное. Они должны быть помещены в контексте, служащем им объяснительным комментарием. Следовательно, увеличивать их число надо с осторожностью. Но кроме того их трудно фабриковать. Вряд ли есть более трудный процесс, чем создание слова без помощи приёмов словопроизводства или словосложения. Всегда есть нечто, предопределяющее выбор. Утверждали не без основания, что в слове газ заключена реминисценция слова *Geist* (дух); следовательно, мы имеем здесь дело только с переработкой старого слова. К той же категории относится и английское слово *jingo* (шовинист), происходящего, как полагают, от восклицания *by Jingo!* В свою очередь заменившего *by Jove!* (клянусь Юпитером) – эвфемизм жаргона оксфордских студентов. Что до таких слов, как рококо или кодак, то у них есть не-

сомненная выразительность. Это - ономастопоэтические слова; они принадлежат к категории, принципы и образование которых теперь уже установлены.

<...> Всегда бессознательно устанавливается гармония между звуками и выраженными ими вещами. Впечатление, производимое новым словом, может быть очень различным в зависимости от того, кто его воспринимает, но всё-таки всегда какое-либо впечатление есть; различие впечатлений зависит от степени чувствительности, воображения или даже просто нервов слушателя. Когда мы выдумываем новое слово для обозначения какого-либо предмета, нами неизбежно бессознательно руководят субъективные соответствия между звуками и предметами. Кроме того, такое слово, как кодак, удовлетворяет всем законам звукоподражательного слова: в артикуляции его согласных и в качестве его гласных соблюдаются законы Граммона. Надо полагать, что возможность создавать новые слова – фикция. Это нас приводит к основному принципу, согласно которому все языки развиваются посредством преобразования наличных своих элементов, а не посредством новотворчества» [2:214-215].

Можно выделить несколько моментов, которыми он характеризует креацию как способ словообразования: 1) курьёзность создания, проявляющаяся в случайности, в нетипичности; 2) создание опасности для понятности языка; 3) сходство с именами собственными, так как и новообразования-креативы, и имена собственные не вызывают в мозгу никакого точного представления, соответствия; 4) необходимость наличия контекста, содержащего объяснительный комментарий; 5) желательность гармонии между звуками и выражаемыми ими предметами, понятиями; 6) фиктивная возможность создания новых слов; 7) отсутствие новотворчества в языке.

Насколько можно судить, первым среди отечественных языковедов о креации высказался Л.А.Булаховский, правда, его рассуждения в большей степени относились к авторству слов: «Рядом с огромным количеством слов, зародившихся в массе и ею принятых как свои, во всех письменных языках существует немного меньшее число слов, созданных отдельными лицами, имена которых сохранены историей. Несомненно, что таких удачливых сочинителей слов в прошлом было очень много, и из того, что составляет лексический состав определённых литературных языков, значительную часть представляют слова, вошедшие в обращение от отдельных ввремя и кстати сочинивших их людей. Но история оставила нам сведений о них (если дело не идёт об авторах научных терминов), вообще говоря, так же мало, если не ещё меньше, как и о создателях пословиц, поговорок, вообще – крылатых слов.

Слов, выдуманных отдельными лицами произвольно, т.е. не путём образования от уже существующих, - во всех языках крайне мало. Так, известно, что слово газ в XVII в. сочинил голландский учёный Ван-Гельмонт.

Вполне произвольно слово лилипут – «карлик» сочине-

но Джонатаном Свифтом: <...> Наименование позже обобщилось и широко распространилось как нарицательное.

Значительно больше вошедших в употребление от отдельных лиц слов, образованных ими от обычных в тех и других языках основ.

От Т. Мора (XVI в.) идёт слово утопия <...>

Этимологически слово состоит из греческого отрицания *и* и корня слова *topos* – «место», т.е. «не существующее место».

От чешского писателя К. Чапека идёт совсем недавно появившееся слово *robot* – «автомат, выполняющий сложные операции, производящие впечатление осмысленных человеческих действий» [1:102-103].

Креация ещё несколько десятилетий не воспринималась как самостоятельный способ словообразования, хотя слова, созданные этим способом, привлекали внимание исследователей – по разным поводам.

Так, Н.Г. Комлев, анализируя содержательную структуру слова, уделяет внимание и словам, которые, по его мнению, не имеют значения: «В языке можно встретить также звуковые комплексы, которые в ограниченном смысле можно назвать словами, но которые не имеют ни понятийной, ни денотативной референции. Примером таких слов-звуков может послужить одна из разновидностей детских считалочек, где отсутствует элемент изображения или действия, элемент значения. Они получают свою релевантность благодаря оригинальным сочетаниям звуков, похожим на язык, но не несущим в себе никакой референтной информации».

Есть, разумеется, считалки и на правильном национальном языке, в виде осмысленных рифмованных высказываний, но бессодержательные считалки также пользуются большой популярностью. Вероятнее всего, они создают иллюзию беспристрастности участников игры.

Существует ещё ряд слов, которые не имеют лексического значения. Они складываются из фонологических и просодических элементов данного языка, часто имеют грамматическую форму, способны, следовательно, входить в грамматическую систему. Таким может быть, например, выражение: «Мартобря, 86 числа» (Гоголь). Сюда же можно отнести знаменитую «глокую куздру» Л.В. Щербы (которая «штеко будланула бокрѣнка») [6: 66-67].

Весьма показательным для нашего исследования является мысль Н.Г. Комлева о том, что окказиональные слова, созданные способом креации, создают иллюзию беспристрастности, хотя, по нашему мнению, в новообразованиях-креативах как раз наблюдается «пристрастность» авторов таких созданий.

А.Г. Лыков полемизирует с Н.Г. Комлевым по поводу отсутствия значения у креативных образований: «Трудно согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что некоторые окказиональные слова не имеют лексического значения» [7: 76]. Далее он размышляет о том, что креативные образования представляют собой «нулевые морфемы наоборот», поскольку в них имеет место фонологически выраженное отсутствие значения, тогда как обычные нулевые морфемы – это морфемы фонологически не выраженные

Н.М. Шанский отказывает креации в праве на существование: «... при морфологическом словообразовании из материала, существующего в языке, наблюдается не создание каких-то неведомо новых слов (анекдотические факты

из творческой практики футуристов, вроде В. Хлебникова и т.п., в счёт идти не могут), а создание новых комбинаций, новых форм на базе наличного в языке строительного материала и существующих словообразовательных средств» [12:254].

Можно отметить ещё работы Х. Саари, который рассматривает роль целенаправленного систематического образования искусственных корневых слов в истории совершенствования эстонского литературного языка [11: 27-28]; М.В. Панова, размышляющего о переводах креативных образований [9:241]; Н.Ф. Пелевиной, увязывающей проблему новых слов, созданных по способу креации, с проблемой мотивированности языкового знака [Пелевина, 1976:37].

Собственно история изучения креации как самостоятельного способа словообразования начинается с работы А.Ф. Журавлёва: «Изобретение произвольной фонетической последовательности, ранее не встречавшейся в языке, с дальнейшим переводом её в ранг фонеморфологического комплекса, несущего номинативную функцию, является событием довольно редким» [3:51]. Мысль о самостоятельности креации как способа словообразования последовательно проводится Р.Ю. Намитокой [8] и В.П. Изотовым [4; 5]. Креация становится объектом пристального рассмотрения лингвистов, но детальное рассмотрение различных взглядов на креацию – тема отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч. II. – М., 1954. – 174 с.
2. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М., 1937. – 410 с.
3. Журавлёв А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: «Наука», 1982. – С.45-109.
4. Изотов В.П. Креация // Филология: сегодня и завтра. Материалы Российской заочной конференции. – Орёл, 1996. – С.13-14.
5. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования. – Орёл, 1998. – 149 с.
6. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: МГУ, 1969. – 192 с.
7. Лыков А.Г. Окказиональное слово как лексическая единица // Науч. докл. высш. шк. Филологические науки, 1971, № 5, с.70-81.
8. Намитокова Р.Ю. Авторские новообразования: словообразовательный аспект: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1989. – 33 с.
9. Панов М.В. О переводах на русский язык баллады «Джабберворки» Л.Кэрролла // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: «Наука», с.239-248.
10. Пелевина Н.Ф. Языковая и внеязыковая мотивированность семантики языкового знака // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С.3540.
11. Саари Х. К вопросу об искусственных корнях и созданных на их базе производных словах // День Артура Озола. Проблемы словообразования в современном языкознании. – Рига, 1969. – С.26-33.
12. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: МГУ, 1968. – 380 с.

ТИПОЛОГИЯ ГРОТЕСКОВЫХ КОМПОЗИЦИЙ В РУССКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНО-ДЕКОРАТИВНОЙ ЖИВОПИСИ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Урkitис А.Ю.,
аспирант,

кафедра художественного образования и музейной педагогики,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Ключевые слова: гротесковые росписи, монументально-декоративная живопись, убранство интерьера, настенная живопись, декорирование стен

Key words: grotesque wall-painting, monumental and decorative painting, interior, murals, wall decorating

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь монументального и декоративного искусства на примере гротесковой настенной живописи. Представлены схемы пространственного решения убранства интерьера с помощью живописного декора, подтверждающие эту взаимосвязь.

The article discusses interconnection between monumental and decorative arts through the example of grotesque wall painting. The schemes of spatial design of interior by means of artistic décor prove this interconnection.

Исследования монументально-декоративной живописи для определения границ исторических этапов и установления на основе этого взаимосвязи различных школ мастеров обычно рассматривают этот вид искусства с точки зрения тематического содержания, трактовки сюжета, стиля и пр.

Живописное убранство интерьеров или экстерьеров, в свою очередь, не рассматривают без такой важной составляющей, как архитектурная среда, в которой оно существует, образуя синтез искусств. Данное взаимодействие выразилось в термине «монументально-декоративная живопись». Живопись изначально определяет в архитектурном памятнике его образ, идею и цель создания. Поэтому такое неоднозначное понятие монументально-декоративной живописи, содержащее одновременно два взаимоисключающих термина, делает невозможным исследование индивидуальных особенностей памятника архитектуры в отрыве от живописи, так как монументальная живопись создает чувственно-эмоциональные характеристики образа, отличные от декоративной составляющей.

Терминологическое противоречие «монументального» и «декоративного» в живописи закреплено в искусствоведческой и общей справочной литературе, сборниках научных статей. Например, монументально-декоративное искусство обозначает направление монументального искусства, в котором преобладает декоративное начало [2]. И несмотря на отсутствие специальных исследований по данной проблеме, в ряде современных работ прослеживаются основные признаки их различия.

Монументальная живопись определяется следующими принципами: поддержание конструктивных особенностей сооружения [9, с. 205; 11, с. 88–109]; развитие содержательной стороны произведения, связанной с идеей и образом [9, с. 205]; централизация внимания зрителя, торжественность, выразительная простота и схематичность, репрезентативность [14, с. 204]; превосходство содержания над формой [3, с. 261].

К декоративной живописи применимы следующие принципы: имеет стилизованный, метафорический, условный характер; отображает два основных качества — внутреннее (конструкция, композиция, форма) и внешнее (дополнительные декоративные украшения) [13]; развивает

ет внешние качества; психофизиологические особенности восприятия характеризуются преобладанием пассивного начала, связанного с повторением мотивов, ритма; отсутствие объемной динамики, плоскостность композиции; отказ от глубины в форме условных ракурсов и подчеркивание плоскостных форм изображенного [10, с. 68].

Принцип росписи поверхности стен в качестве фона для оформления орнаментальных композиций, организуемый путем построения иллюзорного пространства, был основополагающим для античных гротесковых композиций. Д. С. Недович и М. И. Фабрикант сходились в своих умозаключениях о недопустимости иллюзионизма в монументальном искусстве, в том числе декоративной живописи. К «декоративному» виду живописи относится творчество художников жанра *a trompe l'oeil* XVIII века.

Однако на деле получается, что античные гротесковые фрески иллюстрируют и монументальную и декоративную живопись одновременно.

Речь идет о примере фресок Рафаэля в Станцах и Лоджиях Ватиканского дворца, а также росписи Помпейских домов, повторяющих своей декоративной живописью членение стен и в то же время являющихся основой тектонического строя архитектурных памятников. Перечисленные памятники живописного убранства являются ключевыми примерами гротесковой живописи, получившими распространение после XV века.

Для преодоления этой проблемы необходимо выявить психофизиологические особенности восприятия гротесковой монументально-декоративной живописи. Справиться с описанной выше проблемой нам также помогут оптико-физические законы организации пространства интерьера.

Убранство интерьеров и экстерьеров вызывает у человека представления, соответствующие его чувственному опыту. Механизм зрительного восприятия и анализ гротесковых композиций в монументально-декоративном убранстве интерьеров представляют собой систему. «Стимул – органы чувств – структура ощущений – образ – память» [8, 1]. Воспринимаемый образ окончательно формируется субъективной оценкой предмета зрительного акта [9, с. 205] и может выражаться в формуле «перцептивного пространства» – «глаз + мозг» [12, с. 168].

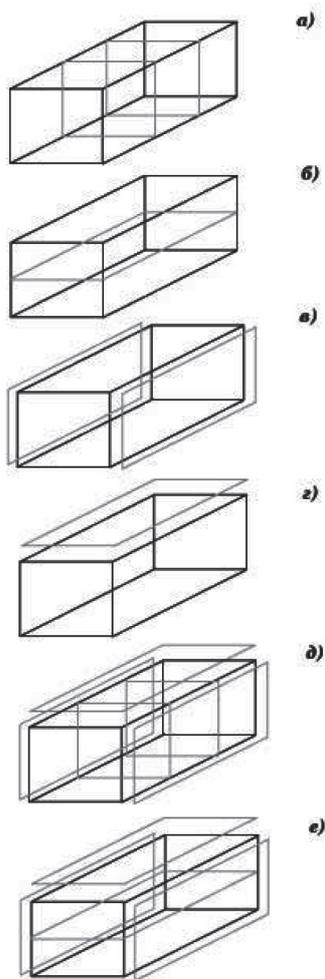
Рассматривая гротесковые росписи с позиции теории перцептивного пространства, можно обнаружить пространственные составляющие, которые его формируют:

1. Пространство зрителя.

2. Двухмерная плоскость стены, на которой выполнена фреска (большинство декоративных композиций ею ограничиваются).

3. Неосязаемая иллюзорная глубина пространства (пейзаж, сюжетная композиция, фантастические сочетания элементов орнамента).

Однако Б. В. Роушенбах в книге «Геометрия картины и зрительное восприятие» (1994) заявляет о невозможности достоверной передачи глубины трехмерного пространства, следовательно, невозможности создавать иллюзорные изображения. По мнению ученого, любая попытка добиться «правильного» отображения реальности влечет за собой неизбежные «ошибки»: в изображении глубины, масштабов и подобий.

В то же время ученый приводит примеры попыток передачи глубины, где ошибки в изображении трехмерного пространства завуалированы декоративными приемами, способными отвлечь внимание зрителя.

В качестве доказательства Б. В. Роушенбах приводит пример прорисей помпейской росписи дома Эпидия Сабина. Пример показателен еще потому, что античные художники не были знакомы с теорией перспективы, научно обоснованной в эпоху Возрождения.

Рассматривая гротески с позиции достоверности изображаемых объектов композиции и перспективы, можно сделать вывод о том, что росписи являются декоративной живописью, так как все признаки данного рода убранства очевидны. Как и любой декор, гротесковые росписи являются частью монументального образа интерьера или экстерьера. Однако отличие гротескового декора состоит в том, что архитекторы используют зеркальный принцип расположения декоративной живописи в интерьере. Следовательно, росписи играют ключевую роль в процессе

восприятия тектонической структуры архитектурного пространства.

Орнаментальные композиции как убранство в целом представляют собой симметричную структуру, состоящую из повторяющихся композиций, где плоскости стен отражают друг друга, словно изображения находятся на поверхности зеркал. На первый взгляд зеркальный метод организации пространства — это всего лишь особенность анфиладной системы построения парадных интерьеров. Этого нельзя исключить. Поэтому в качестве доказательной базы необходимо рассмотреть оптические законы отражения света.

Закон отражения впервые упоминается Евклидом. В начале XIX века он был окончательно оформлен О. Фриелем с формулировкой: «...угол падения равен углу отражения». Однако зеркальная организация интерьеров получила широкое распространение еще в барочную эпоху.

Во многих памятниках гротесковой живописи отчетливо видны членения архитектурного пространства на равные части. Эти части выстроены так, что создается эффект, будто зритель смотрит на изображение многократно повторяющегося зеркального отражения.

Архитекторы строили убранство интерьеров, пользуясь законом отражения света, и знали, что предмет и его изображение симметричны относительно плоскости зеркала. Поставив два зеркала параллельно друг другу, где угол между ними равен нулю, количество изображений будет бесконечным. Кроме того, в результате явления перспективы, изображения будут уменьшаться. Примерами гротескового декора являются длинные галереи, террасы, анфиладные комнаты и т. п.

Чем больше углубляешься в изучение гротесков, тем более становится очевидна проблема единства «борьбы» двух противоположностей: содержательной (монументальной) и внешней (декоративной). Данное противоречие можно обозначить как колебательный процесс между подчинением и доминированием настенной живописи по отношению к архитектурному пространству, влияющему на восприятие пространства интерьера.

Противоречивое положение гротесковых композиций, прошедших длинный путь творческой переработки художниками разных эпох, усложняет исследование эволюционных закономерностей и создает проблему идентификации гротесков.

Общности орнаментальных мотивов и композиционных форм, стилистической близости росписей не достаточно для того, чтобы из всего разнообразия настенной живописи выделить гротесковую (прообразы которой были найдены в XV веке в гротах). Поэтому необходимо выявить типологию гротесков и сравнить памятники монументально-декоративной живописи конца XVII – первой трети XIX века в России с найденными композициями в античных домах Рима, Помпей, Геркуланума. Этот метод поможет сделать резюмирующие выводы о роли гротесков в пространственном решении архитектурного убранства.

Исследования в области систематизации памятников гротесковой живописи в европейской и русской архитектуре привели к выводу о том, что типология, выведенная в конце XIX века немецким археологом и историком искусства А. Мау, продолжает быть актуальной в настоящее время.

А. Мау положил начало типологии помпейской системы

декорирования жилых домов и общественных зданий. Типология включала в себя четыре стиля росписей: Первый «инкрустационный» или «структурный» (200–80 г. до н. э.); Второй «архитектурный» или «архитектурно-перспективный» (80 г. до н. э. — 15 г. н. э.); Третий «орнаментальный» (около 15 г. до н.э. — 40 г. н. э. в Риме, 62 г. н. э.); Четвертый «иллюзорный», «фантастический», «перспективно-орнаментальный» (примерно с 63–62 г.). И с тех пор типология «помпейских» стилей никак не изменилась, хотя исследования убранства домов Помпей и Геркуланума ведутся до настоящего времени.

С помощью натурального изучения гротесковой монументально-декоративной живописи русских интерьеров конца XVII – первой трети XIX века появилась возможность выделить типологические группы гротесковых композиций, соответствующие последним трем «помпейским» стилям А. Мау:

1. Орнаментальные гротесковые композиции.
2. Архитектурно-перспективные гротесковые композиции.
3. Перспективно-орнаментальные гротесковые композиции.

Орнаментальные гротесковые композиции. Ведущая роль принадлежит извивам аканта в виде канделяберной структуры, на которую нанизываются антропоморфные фантастические мифологические изображения, а также элементы флоры, фауны, предметов обихода человека и архитектурные формы. Гротесками оформляли архитектурные членения интерьеров и экстерьеров. Задача орна-

ментированных деталей — создать убранство, способное вызывать иллюзию объема. По классификации А. Мау, данному типу росписей соответствуют памятники Третьего «помпейского» стиля. На рис. «Схемы пространственного решения декоративно-монументального убранства интерьера» им принадлежат схемы а) и б). Это схемы вертикальных и горизонтальных членений стен гротесковым декором.

Архитектурно-перспективные гротесковые композиции представляют собой настенные росписи, расширяющие пространство за счет перспективных изображений в виде террас с пейзажными видами и нишами, гармонично продолжающими интерьер. Задачей архитектурно-перспективных композиций является создание иллюзии глубины с помощью максимально реалистичных росписей (например, комната-беседка). По классификации А. Мау, данному типу росписей соответствуют памятники Второго «помпейского» стиля. На рис. схемы в) и г). Это — схемы иллюзорных композиций, И. А. Бартенев и В. Н. Батажкова назвали эти росписи «прорывом».

Перспективно-орнаментальные гротесковые композиции визуально разрушают привычные гравитационные законы, заложенные в архитектурном пространстве с целью создания впечатления ирреального мира, насыщенного индикаторными символами, доступными для понимания «подготовленного» зрителя. По классификации А. Мау, данному типу росписей соответствуют памятники Четвертого «помпейского» стиля. На рис. схема д) и е). Это — вертикальные и горизонтальные схемы росписей в

Стилевая эпоха	Памятники русской живописи	Схемы пространственного решения и типы гротесковых композиций
Конец XVII века	Молельня Кремлевского Теремного дворца (Б. Огурцов, Т. Шарутин, А. Константинов, Л. М. Ушаков, 1635–1636), Крутицкое подворье, Крутицкий теремок (фасад, 1685) Церковь Ильи Пророка, Ярославль (1647–1650), Церковь Покрова в Филях, в Москве (1690–1694).	а) орнаментальный е) архитектурно-перспективный е) перспективно-орнаментальный
Раннее барокко	Петропавловский собор в Казани (1723–1726), Зеленый кабинет Летнего дворца Петра I (Д. Трезини, А. Шлютер, Н. Микетти, 1710–1714), Собор св. Петра и Павла в Петропавловской крепости в Петербурге (Д. Трезини, А. Матвеев, Г. Гзлем, Д. Соловьев, В. Игнатъев, 1712–1733), Первый Зимний дворец (гравюра А. Ф. Зубова, 1712).	а) орнаментальный, г) архитектурно-перспективный е) перспективно-орнаментальный
Рококо	Роспись плафона западной галереи Монплезира (Ж.-Б. Леблон, Ф. Пильман, 1714–1721), Круглый зал. Павильон Каталной горки в Ораниенбауме (А. Ринальди, 1762–1774), Большой Китайский кабинет в Китайском дворце в Ораниенбауме (А. Ринальди, 1768).	г) орнаментальный, д) орнаментально-перспективный, е) архитектурно-перспективный
Классицизм	Колонный зал Таврического двора (И. Е. Старов, 1745), Арабесковая гостиная (Ч. Камерон, 1780–1785, Екатерининский дворец), «Лионская гостиная» (Ч. Камерон, 1780–1785, Екатерининский дворец), Проект оформления Зимнего дворца к маскараду (А. Ринальди, 1770).	г) орнаментальный, в) орнаментально-перспективный а) архитектурно-перспективный,
Строгий классицизм	Будуар Марии Федоровны в Павловском дворце (Ч. Камерон, В. Бренна, 1791), Театр в усадьбе Останкино (П. И. Аргунов, К. И. Бланк, Е. С. Назаров, 1791–1798), Плафон Проходного кабинета дворца в Павловске (П. Г. Гонзага, 1798–1799), Лоджия Рафаэля (Дж. Кваренги, 1783–1794, Эрмитаж), Зеркальный зал, дворец кн. П. В. Завадского (Дж. Кваренги, 1780–1795, С. Ляличи, Брянская обл.).	д) орнаментальный г) архитектурно-перспективный, д) орнаментально-перспективный,
Ампир	Белоколонный зал Михайловского дворца (К. Росси, 1819–1825), Арабесковый зал в Строгановском дворце (А. Н. Воронихин, П. С. Садовников, 1830-е), Актовый зал МГУ им. Ломоносова (Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьев, 1817–1819), Дом Хрущевых (А. Г. Григорьев, 1804).	а) орнаментальный, а) орнаментальный, г) архитектурно-перспективный,

Памятники декоративно-монументальной живописи конца XVII — начала XIX века

сочетании с перспективными композициями, расположенными по зеркальному принципу.

Рассмотрим примеры памятников декоративно-монументальной живописи конца XVII – начала XIX века с целью проследить эволюцию типов гротесковых композиций в соотношении с задачами пространственного решения интерьеров.

Вторую половину XVII века называют эпохой Возрождения в нашей стране. Об этом свидетельствует появление орнамента западного образца «канделябр» в простенках и оконных нишах, арочных проходах и обрамлениях сюжетных сцен. Богатая орнаментация одежд святых, изображенных на иконах и фресках Ярославля и Москвы, напоминает античные акантовые композиции. Тот же тип орнамента мы встречаем в скошенных простенках храмов, например, Ильи Пророка и Благовещения в Ярославле, Успенский и Архангельский соборы в Московском Кремле и пр. Новым для XVII века является то, что живопись выходит из интерьера храма в светлые галереи, на просторные паперти.

Все исследователи росписей конца XVII века [7; 10, с. 68; 6, с. 110–137; 4, с. 138–159] утверждают, что росписи относятся к монументальной живописи.

Согласно сведениям, представленным в таблице, можно сделать вывод, что к концу XVII века гротесковая живопись использовалась в интерьерах храмов в виде канделяберных композиций, обрамляющих сюжетные сцены, наподобие росписей в западноевропейских ренессансных храмах. Например, П. Перуджино и его фресковая роспись в Колледжо-дель-Камбио в Перудже, Италия (1496–1500), напоминающая росписи залов Теремного дворца.

В советской архитектуре есть примеры гротесковых композиций в стиле ренессансной майолики, например, керамический декор фасада главного здания МГУ им. М. В. Ломоносова (1947).

Раннему барокко (Петровскому, в том числе) характерен подъем патриотических настроений в обществе, отразившийся на художественно-эстетических требованиях к новому интерьеру в светской и храмовой архитектуре. Живопись в интерьере становится всецело светской по содержанию, воплощающей идеи новой государственности, по своему месту и назначению в ансамбле — архитектурной [7]. О. С. Евангулова и Н. В. Колязина в плафонной живописи придерживаются общего мнения о влиянии северного и итальянского барокко на монументально-декоративную живопись в России [5, 7]. Наиболее часто росписи выполнялись чисто орнаментальные и декоративные по штукатурке или по холсту для украшения потолков и стен для имитации шпалер и дорогих тканей. Произведений этого периода сохранилось немного.

Примером аналогичного типа убранства интерьера в западноевропейской архитектуре можно назвать замок в Йевере, Германия (XVI–XVIII).

Советской монументальной живописи свойственно использование гротесковых композиций, однако она лишена интимности жилого интерьера Петровского барокко.

Таким образом, можно утверждать, что ролью гротесковых композиций этого периода было декоративное украшение интерьера с целью подражания европейской светской жизни.

В барочную эпоху гротески в интерьерной живописи

встречаются крайне редко. Акантовые мотивы в орнаментации отошли на второй план, но активизировались при этом все художественные средства, расширяющие пространство. Именно как в станковой, так и в декоративной живописи, оформился жанр *a trompe l'oeil*. Среди памятников помпейской живописи тоже встречаются подобные художественно-выразительные средства, примеры которых приводит в своем труде о гротесках А. Замперини [15]. Однако художникам начала XVIII века эти памятники были еще мало знакомы, хотя образцы гротесковых композиций эпохи Возрождения уже проникли в русскую архитектуру с середины XVII века через храмовую живопись.

Стоит обратить внимание на тот факт, что декор выходит из плоскости стен в скульптурную пластику и обладает чертами маньеризма. Например, интерьер Знаменской церкви в Дубровицах Подольского района Московской области (осв. 1704), Белый зал дворца в Кадриорге (Н. Микетти, М. Земцов, 1721–1727, Таллин). Образцом для барочных архитекторов-декораторов был Замок Фонтенбло во Франции. Поэтому, чтобы с точностью утверждать о наличии гротесковой живописи в барочных интерьерах необходимо провести иконологические исследования.

Рокальные композиции вобрала в себя много гротесковых мотивов, известных по нероновским интерьерам. В Вене в Нижнем Бельведере есть Зал Гротесков. Похожая легкость орнаментальных мотивов в советской монументальной живописи встречается редко. Однако плафон ресторана Казанского вокзала в Москве похож на реминисценцию Ринальдиевских интерьеров (Китайский дворец).

Покрытие всех поверхностей интерьера завитками аканта и вариациями на анималистические и антропоморфные мотивы делают убранство нарочито декоративным. Хотя появившаяся в росписях пространственная глубина за счет имитации архитектурных элементов позволяет говорить о тенденции к монументальности. Откуда появились эти тенденции? В искусствоведении принято считать, что из барочной монументально-декоративной живописи.

В середине XVIII века вновь открытые гротески и их археологические исследования в Помпеях, Геркулануме, Делосе спровоцировали новый всплеск популярности этих композиций. Были открыты более ранние образцы «помпейских» стилей (Первый, Второй, Третий), которые поставили перед художниками-декораторами новые задачи пространственной организации интерьера.

Многолетнее паломничество художников и архитекторов привело к возрождению античных идеалов и неоклассической эпохи в Европе.

Русский классицизм неразрывно связан с неоклассицизмом в Европе. В гротесковых композициях наблюдается популярность росписей рафаэлевской школы, что привело к бесчисленным копиям орнаментальных композиций. Например, Палаццо Квиринале в Риме (А. Дюранте, 1617). Мотивы росписей музея Карнавале кабинета Отеля Колбер де Виласерф (конец XVII века, Париж) напоминают оформление порталов проходов в зрительный зал клуба железнодорожников им. А. А. Андреева в Свердловске (Е. С. Балакшина, А. Ю. Ехаушкин, 1937–1938). Те же крупные цветочные мотивы, содержащие советскую символику, присутствуют на обрамлении плафона и портала сцены.

Памятники строгого классицизма в России соответствуют памятникам архитектуры неоклассицизма. В моде

английские интерьеры братьев Адам, на творчество которых оказал влияние известный в России художник-архитектор Ш.-Л. Клериссо. Характерная отделка того времени – Этруская комната, Остерли Парк Хауз (Роберт Адам, 1775–1777).

В советской архитектуре тоже есть похожие композиции гротесков, например, потолок холла третьего этажа гостиницы «Советская» (1952), который также напоминает плафон «Лионской» гостиной в Екатерининском дворце работы Ч. Камерона.

Ампир, стиль империи, был популярен в особое время, когда патриотизм общества должен был быть на высоком уровне в связи с мировыми военными конфликтами. Белый и золото были основной цветовой гаммой интерьеров, которая ярко воплотилась, например, в кабинете Марии Антуанетты в Шато Трианон в Версале (декор братьев Руссо, 1780-е). В росписях господствует строгая симметрия, подражание античной иконографии. В общественной архитектуре выполнялись в основном монохромно. Иллюзорность перестает быть главной целью росписей.

В советской монументальной живописи ампирные образы нашли свое воплощение в темах, посвященных Великой Отечественной войне и трудового подвига народа. Примерами служат убранство станций московского метрополитена 1950-х годов, павильонах ВСХВ в Москве. И. В. Желтовский строит на Смоленской площади дом-дворец (1939–1951), воплощая идеи новой культуры жизни советского человека.

Проследив историю гротесковых композиций, выявилась закономерная эволюционная линия. Мотивы нероновских росписей прошли длинный путь от момента открытия их рафаэлевской школой. Гротески, переработанные мастерами Возрождения, распространились по всей Европе через художников, археологические рисунки архитекторов и орнаментальные сборники гравюр. Монументальные античные гротесковые композиции Четверного «помпейского» стиля (Золотой дом Нерона относится к Четвертому стилю) закончили свое развитие в росписях рокальных интерьеров.

Только с открытием росписей древних городов Помпеи и Геркуланума миру стали известны более ранние схемы пространственного решения убранства интерьера с помощью живописного декора. К ним относятся вертикальные и горизонтальные орнаментальные членения стен, а также перспективная иллюзионистическая декоративная живопись, содержащая пейзажные виды с архитектурными деталями или мифологические сюжетные сцены (на рис. схемы а), б), в), г)). Перечисленные схемы пространственного решения в тандеме с гротесками орнаментальных и архитектурно-перспективных типов работают только с одной или двумя плоскостями в интерьере. Поэтому их можно отнести к декоративной живописи, получившей развитие в русской архитектуре в период раннего барокко, раннего классицизма и ампира.

Гротесковый декор в античной классической форме не свойственен русской культуре, так как в убранстве архитектуры господствовала восточная форма иносказательности, о чем много писали, в том числе Л. А. Леяков. Также доказана монументальность живописного убранства сред-

невековой Руси и барочных настенных росписей храмовой архитектуры.

С появлением светского интерьера в монументальной живописи укрепляется популярность гротесковых мотивов. Росписи в пространственном решении внутреннего убранства становятся все более монументальными (на рис. схемы д), е)). Эти схемы представлены вертикальными и горизонтальными орнаментальными членениями стен с перспективной декоративной живописью, а гротесковые композиции имеют орнаментально-перспективный тип. Таким образом, в памятниках настенной живописи данное сочетание схем пространственного решения и типа гротесков представлены в русской архитектуре в периоды конца XVII века, рококо и строгого классицизма.

По итогам исследования можно сказать, что взаимосвязь между монументальным и декоративным в настенной живописи разредить невероятно сложно в силу разных причин, прежде всего из-за размеров охватываемого материала. На примере исследований типологии гротесковых композиций наметился путь в решении данной проблемы. Однако для полноценного научного заключения требуется более объемное исследование интерьерного декора, а не только гротесковой настенной живописи.

Исследование эволюции типов гротесковых композиций на примере схем пространственного решения убранства интерьера позволило выявить колебательный процесс между декоративной и монументальной настенной живописью в русской архитектуре конца XVII – первой трети XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. – 492 с.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – 16 т.
3. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 т. Т. 5: Л.; М. – СПб.: Азбука-классика, 2006.
4. Дмитриев Ю. Н. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля / Древнерусское искусство XVII века: сб. ст. – М.: Наука, 1964.
5. Евангулова О. С. Русское художественное сознание XVIII века и искусство западноевропейских школ. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – 288 с.
6. Зюлова О. В. Стенопись Успенского собора Московского Кремля / Древнерусское искусство XVII века: сб. ст. – М.: Наука, 1964.
7. Колязина Н. В. Монументально-декоративная живопись в дворцовом интерьере первой четверти XVIII века / Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования; под ред. Т. В. Алексеевой. – М.: Наука, 1974. – 34 с.
8. Логвиненко А. Д. Психология восприятия: Учеб.-метод. Пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 82 с.
9. Недович Д. С. Монументальная живопись / Апполон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь; под общ. ред. А. М. Кантора. – М.: Эллис Лак, 1997.

10. Недович Д. С. Декоративная живопись. /Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь; под общ. ред. А. М. Кантора. – М.: Эллис Лак, 1997.

11. Некрасова М. А. Новое в синтезе живописи и архитектуры XVII века. (Роспись церкви Ильи Пророка в Ярославле) / Древнерусское искусство XVII века: сб. ст. – М.: Наука, 1964.

12. Раушенбах Б. В. Геометрия картины и зрительное восприятие. – СПб.: Азбука-классика, 2001.

13. Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923–1929 гг.; под ред. и послесл. И. М. Чубарова. – М.: Логос-Альтера, Ессо Номмо. 2005. – 93 с.

14. Фабрикант М. И. Монументальность /Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь; под общ. ред. А. М. Кантора. – М.: Эллис Лак, 1997.

15. Zamperini A. Ornament and the Grotesque. Fantastical Decoration from Antiquity to Art Nouveau – London: Thames and Hudson Ltd, 2008. – 308 с.

ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ АРТ-ПЕДАГОГИКИ В ДИСЦИПЛИНУ «ЖИВОПИСЬ» В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРОВ

Федоринова Е.А.,
старший преподаватель,
кафедры «Дизайн»,
Государственный университет – УНПК

Ключевые слова: арт-педагогика, творчество, личность, развитие, индивидуальный подход в обучении
Keywords: art pedagogics, creativity, the person, development, an individual approach in training

Аннотация. В статье представлен опыт использования элементов арт-педагогике в процессе преподавания курса живописи, при профессиональной подготовке студентов-дизайнеров. Показаны психолого-педагогические и методические основы данной технологии, позволяющей осуществлять индивидуально-дифференцируемый подход в обучении, способствующей повышению мотивации студентов, развитию их творческих способностей; позволяющей педагогу высшей школы находить новые пути творческой самореализации в профессии.

In article experience of use of elements of art pedagogics in the course of teaching of a course of painting is presented, at vocational training of students-designers. Psihologo-pedagogical and methodical bases of the given technology are shown, allowing to carry out the individually-differentiated approach in the training, motivation of students promoting increase, development of their creative abilities; the higher school allowing the teacher to find new ways of creative self-realization to trades.

Личностно-творческий компонент является одним из ведущих в профессиональной подготовке, формировании профессиональной культуры дизайнера. Современные подходы определяют дизайн как творческую деятельность, интегрирующую различный индивидуальный и общественный опыт, достижения различных наук. Дизайнер, являясь исследователем, аналитиком, конструктором, не может не быть изобретателем и художником.

Характер профессиональной деятельности дизайнера предопределяет потребность творить, которая реализуется за счет ряда способностей, среди которых выделяются гностические, проектировочные, конструктивные, организаторские, перцептивные, коммуникативные, креативные и академические.

Таким образом, одним из критериев готовности дизайнера к профессиональной деятельности может выступать творческая активность, который характеризуется показателями: направленностью на продуктивную деятельность; проявлением оригинальных, нестандартных подходов к решению дизайнерских задач; сформированностью дизайнерской творческой позиции.

Совместить живопись, как процесс, с решением задач по развитию творческой активности студентов мы смогли, используя в практике курса достижения артпедагогике, современной и самостоятельной отрасли педагогической науки.

Таким образом, использование элементов арт-педагогике в преподавании курса живописи позволяет не только обучать и обеспечивать хороший уровень учебной мотивации у студентов-дизайнеров с изначально различным уровнем подготовки, но и развивать их творческие способности в той степени, которая им доступна.

Следует отметить, что говоря об актуальности использования методов арт-педагогике в плане личностного развития студентов, мы не затрагиваем психотерапевтический аспект воздействия. Результат творческой деятельности студентов не интерпретируется с психоаналитической или какой-либо другой теоретической позиции психологии. Это не является ни целью, ни задачей проводимой работы. В большей степени уделяется внимание самому процессу создания творческого продукта, развитию у студентов различных сторон творческого мышления и отработке в процессе этого необходимых художественно-графических навыков.

Далее в статье будет представлен пример технологии использования элементов арт-педагогике в процессе изучения темы «Натюрморт с цветами» (практическое занятие).

Цель занятия:

Скомпоновать постановку в формате листа, нарисовать, написать, передать тональные и цветовые отношения предметов, побудить студентов-дизайнеров к творческому самовыражению.

Методические указания.

Задачи:

Обучающие:

- сформировать понятие о роли композиции и рисунка в живописном произведении;
- научить эмоционально откликаться на разнообразные жизненные явления, события, акцентируясь на индивидуальном их восприятии;
- развивать умения и навыки создания художественных образов, применяя изученные ранее приёмы и правила цветоведения, композиции;
- обучить сознательно использовать средства разных видов и жанров изобразительного искусства для выражения своих мыслей, чувств, настроения.

Воспитывающие:

- привить умение творчески, осмысленно заниматься художественной деятельностью, формируя культуру труда и общения в её процессе;
- воспитать толерантное отношение к мнениям, чувствам других людей при обсуждении репродукций, выборе способов работы;
- формировать способности действовать в команде, коллективе, выражая свою индивидуальность в соответствии с общей целью и правилами. Корректно, но настойчиво умение творчески осмысленно отстаивать свою точку зрения;

Развивающие:

- развить креативный подход к реализации художественных замыслов;
- выработать умение свободно включаться в беседу и обсуждение репродукции, работ учащихся;

- научить формулировать и обосновывать своё мнение.

Инструменты и материалы: бумага, натянутая на планшет (формат 50x60 см), акварель, кисти, репродукции известных художников с изображением цветов, папка методических разработок с выставкой творческих работ учащихся прошлых лет, мольберт.

Содержание занятия.

В начале занятия перед студентами ставится задача: создание авторского индивидуально-личностного натюрморта. Для того чтобы определиться с композицией студентам, предлагается закрыть глаза и постараться представить себя в образе цветов.

При введении элементов арт-педагогике зачастую требуется оказание достаточно большой помощи студентам в плане анализа собственных переживаний и умений осознавать и выражать актуальное эмоционально-личностное состояние. Что обеспечивает индивидуальность и насыщенность творческого продукта. Достаточно подробное введение в ситуацию позволяет студентам с выраженными психологическими защитами, часто находящимся в состоянии напряжения, раскрыть себя в творческих ассоциациях. Они выбирают те предложения, которые больше им подходят, или осознают, что могут подумать и о других вариантах.

«Какие цветы отражают твой образ, что входит в твой натюрморт?»

Ты очень маленький? Ты большой? Ты пышный? Ты высокий? На тебе много цветов? Какие они? Какого цвета твои цветы? Много ли их у тебя или только несколько штук? Полностью ли распустились твои цветы или у тебя только бутоны? Есть ли у тебя листья? Какие они? Как выглядят твои стебель и ветки? В чем, в каком сосуде стоят твои цветы? Есть ли там вода? Ты снаружи или внутри чего-либо? Что окружает тебя? Есть ли там другие цветы или предметы или ты в одиночестве? На что это похоже - быть цветами? Как ты поддерживаешь свое существование? Кто-нибудь ухаживает за твоими цветами? Какая погода сейчас: благоприятная или нет?»

Затем студентам предлагается открыть глаза и, когда они будут готовы, нарисовать те цветочные композиции, которые они представили.

Далее на занятии студентам необходимо ознакомиться с аналогами натюрморта из предметов, сближенных по цвету, но разной насыщенности по работам известных художников и работ студентов прошлых лет.

Затем будущие дизайнеры осуществляют композиционный поиск на выбранном формате листа, согласно своим форэскизам.

На следующем этапе обучающиеся делают первую, легкую акварельную прописку и определяют основные тональные и цветовые пятна, используя методы: «аля-прима», «вливание цвета в цвет», «по-сырому», «мазками».

На заключительном этапе студенты завершают работу над натюрмортом, списывают ненужные элементы и выделяют «главное». При этом они должны сохранить «свежесть» и «этидность» своей работы и в какой-то степени «незавершенность».

Это позволяет выполнить несколько творческих работ за все отведенное время на данное задание.

В конце занятия необходимо провести общий аудиторный просмотр студенческих работ и выявить сильные и слабые их стороны, чтобы в последующих заданиях не повторять этих ошибок.

Особенность предлагаемой технологии обучения заключается в том, что для повышения учебной мотивации и раскрытия творческих способностей используются методы арт-педагогике, позволяющие каждому студенту найти лично значимый смысл художественной деятельности, заглянуть в себя и выразить свои внутренние переживания на листе бумаги.

Методы арт-терапии применяются и на этапе рефлексии, оценки проделанной работы.

После завершения наброска или целостной композиции я предлагаю студентам продумать и описать (письменно или устно) их натюрморт в настоящем времени от первого лица. Это способствует установлению диалога между уже созданным образом и теми эмоциями, которые появились в процессе творческой работы.

При просмотре работ и выявлении слабых и сильных сторон рисунка, студенты, по желанию, делятся своими впечатлениями и эмоциями от результатов или процесса работы.

В процессе курса живописи используются различные методы и формы организации занятий с применением арт-педагогических технологий.

Способность выражать словами, образами или формами внутренние переживания – основа любого творчества. В настоящее время все чаще эта способность оказывается блокированной, что проявляется в бедности, однообразии, подражательности, при создании человечеством своего творческого продукта. Это связано с блокированием эмоциональной сферы: слабо различимы такие эмоции как гнев, печаль, страх, беспокойство. Это неумение выразить свое состояние обозначается специальным термином «алекситимия» (Peter Sifenos 1967 г.). Выражение и осознание своего внутреннего состояния - одна из основных целей использования арт-педагогических технологий в процессе обучения студентов дизайнеров.

Ниже нами предлагаются примеры арт-упражнений, используемых на занятиях академической живописи.

1. Восприятие цвета, цветовыражение.

Основываясь на психологических закономерностях индивидуальных особенностей восприятия и интерпретации цвета, используются различные задания, способствующие активизации художественных и творческих способностей студентов. Например:

- Используя один цвет, попытайтесь, изображая им разные формы и линии, исследовать его смысловые значения.
- Выберите цвета, которые вам наиболее и наименее предпочтительны в данный момент.
- Выберите два или три цвета, составляющие гармоничную группу, либо цвета, отражающие особенности вашего характера или состояния.
- Выберите цвета, «нейтрализующие» ваши негативные переживания.
- Создайте изображение, используя лишь два или три цвета.
- Выберите два цвета — один симпатичный вам, другой несимпатичный — и создайте с их помощью изображение.
- Создайте два рисунка: один из цветов, приятных вам, другой — из неприятных, а затем сравните оба рисунка.
- Используя большую кисть, с закрытыми глазами закрасьте всю поверхность листа. Открыв глаза, попытайтесь увидеть образ или оценить особенности изображения. Затем сделайте то же самое, используя другой цвет.
- Создайте серию рисунков на бумаге разных оттенков.

Перед тем как рисовать, попытайтесь вызвать у себя ассоциации с цветом бумаги для формирования исходного образа.

- Используйте контрастирующие цвета, линии и формы, например легкие и сильные мазки, короткие и длинные линии и т. д., для создания единого изображения.

2. «Каракули».

Основное содержание этого упражнения — свободное движение мелка или карандаша по листу бумаги без какой-либо цели и замысла, в результате чего получается сложный «клубок» линий. В этом «клубке» следует затем увидеть какой-либо образ и развить его.

- Ведите «дневник каракулей», для того чтобы проследить их изменение за определенный промежуток времени.

- На основе созданных каракулей сочините рассказ.

- Попробуйте выразить в словах свои чувства и ассоциации, появляющиеся при создании разных каракулей.

- Используйте отпечатки краски на бумаге (полученные с помощью кисти или руки) как основу для создания образа.

- Прodelайте то же самое с участием всех членов группы, но на большом вертикально расположенном листе бумаги.

- Напишите свои инициалы или автограф как можно крупнее, а затем попытайтесь найти в очертаниях образ и развить его.

- «Метаморфозы». Измените каракули и полученный образ в нечто иное, используя три движения руки.

3. Работа на основе реципрокности больших полушарий головного мозга.

Для создания продуктивного творческого продукта важно гармоничное сочетание работы правого и левого полушарий мозга. В процессе учебной деятельности нагружается в основном левое (логическое), при выполнении практических работ оно также может доминировать. В то же время отдельная активность правого полушария может продуцировать не только эмоционально-индивидуальные образы, но и сложные для восприятия окружающими, поэтому важно при обучении дизайнеров использовать методы, способствующие гармонизации образного и логического стиля мышления. Этому могут способствовать упражнения следующего типа:

Правая и левая руки.

Выберите разные цвета для правой и левой руки. Закрыв глаза, рисуйте каракули двумя руками, затем, открыв глаза, сформируйте образы на основе этих каракулей.

Левая рука.

- Взяв левой рукой крупную кисть и используя один цвет, создайте мазки, а затем сформируйте на их основе изображение.

- Выполните то же самое, но используя левую кисть для создания отпечатков.

- Создайте каракули левой рукой и преобразуйте их в изображение.

4. Влияние условий на творческий продукт.

Задания на отработку навыка взаимодействия с различными фактурами и материалами позволяют оценить вклад внешних, объективных условий в реализацию проекта.

Рисунок на влажной бумаге:

- Намочите бумагу и используйте водорастворимые краски, нанося их с помощью кисти, разбрызгивая их или

рассыпая красящий порошок. Обратите внимание на смешивание цветов и свои ощущения, связанные с этим.

- Прodelайте то же самое, но с использованием мятой бумаги.

- Преобразуйте цветные пятна в образы.

- Пользуясь фломастерами, обведите или соедините отдельные цветные пятна.

- Дайте названия полученным цветным пятнам.

5. Чернильные пятна и бабочки.

Смысл этого упражнения преобразовать какие-либо пятна, отпечатки в образы, творческий ассоциативных продукт.

- Капните чернилами или жидкой краской на бумагу, сверните лист пополам, разверните. Преобразуйте пятна в образы.

- Дайте всем членам группы похожие пятна для доработки, а затем сравните результаты.

- Вырежьте и дорисуйте отдельные фрагменты пятна, наиболее понравившиеся вам.

6. «Отпечатки».

- Используйте предметы с рельефной поверхностью для изготовления отпечатков.

- Используйте предметы, найденные на природе.

- Создайте целостную композицию из отпечатков, работая индивидуально или вместе на большом листе бумаги.

- Создайте из отпечатков образ.

Эффективность представленной технологии подтверждается заинтересованностью студентов в изучении предлагаемого материала и освоении соответствующих умений и навыков; в качестве и индивидуальности их творческих работ и проектов, представляемых на итоговых и промежуточных просмотрах.

А так же большим достоинством данной технологии является личностная заинтересованность и вовлеченность преподавателя, а так же возможность для его творческой самореализации.

Дальнейшие научно-практические исследования в области применения арт-педагогических технологий, интеграция их с другими педагогическими концепциями приводят к созданию такой гуманистической методологии, которая бы гармонично сочетала достижения науки и опыт искусства, интеллектуальную и эмоциональную сферы человеческой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Барышников В.Л. Живопись. Теоретические основы. – М., - 2010 -120с.
2. Виппер Б. Проблемы и развитие натюрморта. - СПб., 2005. — 384 с
3. Голубева О.Л. Основы композиции. М.: Искусство, 2004. 121 с.
4. Живопись: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.П. Бесчастнов и др. – М, 2007 – 223 с.
5. Иттен И. Искусство цвета.- М., 2007.- 96 с.
6. Киплик Д.И. Техника живописи, М, - 2008. – 504с.
7. Копыгин А.И. - Теория и практика арт-терапии. СПб, -2002, - 336 с.
8. Миронова, Л. Н. Цвет в изобразительном искусстве. – Минск, 2002. – 150 с.
9. Оклендер В. Окна в мир ребенка. СПб, -2010, - 336 с.

КОММЕНТИРОВАНИЕ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ БАЛЬЗАКА «БЛЕСК И НИЩЕТА КУРТИЗАНОК»

Федотова М.В.,
аспирант,
кафедра романской филологии,
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Ключевые слова: Бальзак, театральность, драматургичность
Key words: Balzac, theatricality, dramatic potential of novel

Аннотация. Комментирование речи персонажей (описание голоса, интонаций, мимики, жестов и пр.) в романе Бальзака «Блеск и нищета куртизанок» рассматривается как авторская стратегия, как способ театрализации и проявление драматургичности текста.

Comments on heroes speech, i.e. description of voice, pose, gesture in Balzac's *Splendeurs et misères des courtisanes* is viewed as a part of author's strategy in creating the atmosphere of theatricality.

Указание на театральность и драматургичность бальзаковской «Человеческой комедии» (да и всей французской, а то и западноевропейской литературы 19 века) – общее место, без которого обходится редкое исследование по прозе этого столетия¹. При этом, во-первых, сами понятия театральности и драматургичности остаются крайне противоречивыми и неоднородными, во-вторых, специфика драматургичности и театральности бальзаковской прозы до настоящего времени не становилась предметом специального изучения². Не пытаясь затронуть все аспекты присутствия топоса «мир – театр» в творчестве Бальзака либо драматургического характера изображения в романах писателя, рассмотрим лишь один частный вопрос, связанный с описанием и комментированием речи персонажей в романе как стратегии театрализации текста, придания ему эффекта драматургичности. В качестве материала для анализа выбран роман «Блеск и нищета куртизанок»³, возможно, самая «драматургическая» и «театральная» часть «Человеческой комедии» – именно здесь особенно ярко показаны актерские и режиссерские способности Вотрена, именно здесь разыгрываются грандиозные и хитроумные комбинации, требующие от их участников незаурядного сценического мастерства, именно здесь, наконец отчетливо проявляется восприятие мира как гигантской сцены, присущее не одному только Вотрену, но многим протагонистам. Таким образом, описание и комментирование речи персонажей рассматривается нами как одно из средств, один из приемов, участвующих, наряду с другими, в создании общего эффекта театральности произведения.

Слова персонажей превращаются в театральные реплики благодаря описанию интонации, которое напоминает авторские ремарки, указания актерам на то, как надо проносить ту или иную фразу, реплику:

1. Список литературы, так или иначе затрагивающей проблему театральности прозы 19 века, необъятен, в качестве примера можно назвать работы отечественных исследователей [1; 2; 3; 4].

2. Наиболее последовательно эти вопросы разбираются, пожалуй, в монографиях американских исследователей [5; 6].

3. Роман О. Бальзака цитируется по изданию: *Oeuvres complètes de M. de Balzac, La comédie humaine*, 18, . Paris, 1967.. В круглых скобках указаны номера страниц. Электронная версия романа: *E tudes demoeurs* [Document électronique]. 3e-4e livres. Scènes de la vie parisienne et scènes de la vie politique. T. XII (sic). *Splendeurs et misères des courtisanes*. 3. Où mènent les mauvais chemins / [Balzac] размещена на сайте www.academia.fr и www.gallica.bnf.fr.

- Oh! oh! oh! dit Bixiou sur trois tons et d'un air railleur en paraissant reconnaître le masque au-devant duquel allait Lucien, ceci mérite confirmation. (8)

- Si j'étais aussi joli garçon que lui, je serais encore plus riche que lui, répondit le jeune élégant d'un ton léger mais fin qui exprimait une raillerie attique. (4)

Эти указания могут сочетаться с прямым обозначением внутреннего состояния говорящего

- Tousdeux! Répéta-t-elle avec une joie extatique. (28)

...et, dans son effroi, elle dit ces paroles d'une voix alarmée: «je croyais les prêtres chargés de nous consoler, et vous m'assassinez!» (18)

...s'écria La Pouraille avec une joie sauvage. (293)

либо, чаще, просто указывать или намекать на это состояние:

...dit Jacques Collin d'une voix éteinte... (258)...сказал Жак Коллену гасшим голосом.

Если характеристикой сопровождаются слова не одного, а нескольких беседующих, разговор превращается в настоящую театральную сценку, в которой размечены все реплики и все движения персонажей; более того, сама эта сценка становится полной внутреннего драматизма. В полной мере это можно сказать, например, о беседе «аббата Эрреры» (под маской испанского священника, как мы знаем, скрывается Вотрен, однако в сам момент чтения даже самый осведомленный или догадливый читатель почти забывает об этом – настолько зрелищным, зримым, драматически напряженным становится диалог между бывшей куртизанкой и непреклонным суровым священником) и Эстер, которая полностью погружена в происходящее, переживая эту сцену изнутри, в отличие от читателя, выступающего одновременно и в качестве театрального зрителя, способного одновременно и следить за действием, и оценивать игру актеров. Сцена этого диалога, наполненная загадочностью и таинственностью, помещенная почти в самое начало романа, сразу же за не менее яркой и загадочной вводной сценой, где подробные авторские пояснения и рассуждения контрастируют с общей атмосферой тайны, слишком велика для цитирования; здесь мы ограничимся лишь несколькими репликами, наглядно демонстрирующими контраст между поведением участников сцены и способствующих возникновению драматического напряжения:

- Lucien! dit-elle en murmurant. - L'amour revient, la femme n'est pas loin, dit le prêtre avec une sorte d'amertume. (15)

- Ne blasphémez pas, dit l'ecclésiastique d'une voix douce. (17)

- Ah! je veux être catholique, cria-t-elle d'un ton sourd et violent qui lui eût obtenu sa grâce de Notre Sauveur. (17)

- Les petits enfants! répéta-t-elle d'une voix attendrie. - ...Comme vous êtes, dans les cartons de la Police, un chiffre en dehors des êtres sociaux, dit en continuant le prêtre impassible. (20)

- Allez, allez, mon père, dit la fille avec une exaltation de sainte... (21)

- Ne m'avez-vous pas entendu? répondit-il d'une voix cruelle. (21)

- Hélas! il devait l'être, reprit-elle avec une humilité profonde... (22)

- Vous ne serez jamais d'aucune religion, dit le prêtre avec un mouvement de profonde ironie. (28)

В данном случае полной драматизма – и внешнего, внутреннего – оказывается вся сцена в целом; вместе с тем, представляют интерес анализ и не столь выразительных сцен, в которых присутствуют авторские ремарки, характеризующие реплики персонажей-актеров.

Нередки, например, случаи, когда точно указывается темп произнесения той или иной реплики, при этом обычно используется не характеристика *rapidement* (быстро), но наречие *vivement* (живо, с живостью), которое более отчетливо характеризует не столько скорость речи, сколько манеру произнесения реплики:

- De joie, dit-elle vivement. (16)

- C'est bien pis... pour moi! reprit-il vivement. (34)

Cecifutditrapidement. (285)

...dit vivement la duchesse. (298)

...dit vivement le Procureur-général. (311)

- Jamais! dit vivement Carlos. (74)

...ditalorsvivementCorentin. (137)

- Bien, bien... répondit vivement la duchesse en changeant de ton. (205)

...dit vivement le juge. (227)

...repritvivementlacomtesse... (235)

...ditvivementleProcureur-général (330)

В случае, когда указывается ритм, в котором реплики сменяют друг друга, часто используется глагол *interrompre*:

- Tu perds cent sous de feuilleton, dit Bixiou en interrompant Lousteau... (10)

- Par un capitaine, dans une maison suspecte, dit le prêtre en interrompant sa pénitente... (15)

- Desdrôles, ditLucienenl'interrompant... (32) - Бездельники! - перебилегоЛюсьен.

- Ou sur les bancs... dit Lucien en interrompant cet homme. (34)

- Etait-elle seule?dit du Tillet en interrompant le Loup-cervier.(44)

Чрезвычайно многочисленными оказываются ремарки, характеризующие громкость произнесения той или иной фразы. Отметимчастоеупотреблениеглагола (*s'*)*écrier*:

- Où donc les as-tu trouvées? s'écria Lucien. (37) - Где ты ихнашел? - воскликнулЛюсьен.

- Esther, une femme?... s'écria l'auteur des Marguerites. (34)

...s'écria d'une voix triste le forçat. (260)

- Vendre Esther? s'écria Lucien dont le premier mouvement était toujours excellent. - Tu oublies donc notre position? s'écria Carlos Herrera. (45)

- Eh! comment? s'écriaLucien. (53)

- Tiaplet'homme! s'écriaNucingen... (57)

- Fadevaireviche! s'écriaNucingen... (57)

- Ch'aurai l'atresse pir ein pilet de sainte sant vrans, s'écria le baron qui dit à son valet de chambre de lui envoyer son secrétaire. (58)

- Ti has eine maîtresse? s'écria Nucingen en regardant Contenson avec une admiration mêlée d'envie. (60)

- Lucien a l'air de la connaître, s'écria Rastignac en saisissant un sourire de l'amant d'Esther. (44)

- Bah! répondit à toutlecafé monsieurCamusot... (64)

но также и более имплицитные указания, связанные уже, напротив, с тихим произнесением фразы:

- Le fat! dit à voix basse le comte à madame d'Espard... (4)

- Et que veut faire ton Espagnol? dit Esther tout doucement. (55)

Важным средством визуализации (театрализации) изображения становятся указания на то, что слова сопровождаются улыбкой

- Oh! mon père, comment vous, qui le connaissez, me faites-vous une semblable question! répondit-elle en lui jetant un sourire superbe. (17)

- Vous rêviez! dit en souriant Lucien. (43)

...dit Fil-de-Soie en souriant. (283)

- Luit dit-il en souriant, il n'est pas plus prêtre que toi...

- Incedo per ignes! répondit Carlos en souriant... (48)

- Vous venez tard, dit Clotilde en souriant avec une grâce infinie à Lucien. (52)

- Toujours, répondit Contenson en souriant... (60)

или, напротив, слезами

- Mais il le faut bien, monsieur, dit Esther dont les yeux laissèrent échapper deux grosses larmes. (93)

- Veux-tu qu'ils meurent? dit Herrera qui avait une larme dans les yeux. (32)

- Ah!ma pauvre fille, s'écria Esther, je ne te connaissais pas! dit Esther en serrant Europe dans ses bras. Europe se mit à fondre en larmes.- Cheu baye, dit piteusement le baron... (99)

L'espion avait deux larmes dans les yeux et deux larmes au bas de ses joues réunies par deux traînées humides. (151)

Eve eut des larmes aux yeux que ses voisins aperçurent. (158)

...s'écria-t-il les larmes aux yeux. (173)

либогримасойилиописаниемвыражениялицаговорящего:

...dit la duchesse en faisant la moue au duc. Ce mouvement de physionomie et la plaisanterie amenèrent le sourire sur les visages désolés des deux ducs et de la pieuse duchesse elle-même. (303) ...надувгубки, сказалагерцогиня. Эта гримаса и шутка вызвали улыбку на озабоченных лицах обоих герцогов и даже у благочестивой герцогини.

которое формально может быть замаскировано под обозначение состояния персонажа:

demanda monsieur de Granville en laissant voir sur sa figure une douloureuse surprise. (307)

Как видно из приведенных примеров, характеристика голоса может учитывать и реакцию слушающего, хотя, как правило, указание на эту реакцию оказывается лишь маскировкой, «отвлекающим маневром», поскольку истинным объектом характеристики является все-таки именно голос:

...répondit-elle d'un air à fendre le cœur d'un diplomate... (95)

Еще более наглядны случаи, когда слова того или иного персонажа сопровождаются обозначением жеста. Эти жесты могут выполнять функцию выражения внутреннего состояния протагониста либо обозначать его реакцию на то или иное событие или, чаще, реплику:

- Quel souper? reprit Lucien en laissant échapper un geste d'impatience. (7)

хотя чаще всего их функцией в тексте становится именно визуализация изображаемого:

- Cher monsieur Chardon, dit le préfet de la Charente en prenant le dandy par le bras (3)

- Et je le reçois comme vous me l'adressez, répliqua Lucien en saluant la marquise avec une grâce infinie. (4)

Bravo, mon gars! lui dit Blondet en quittant le bras de Finot pour prendre familièrement Lucien par la taille et le serrer contre son cœur. (5)

- Rastignac, dit Blondet en prenant le jeune élégant par le bras au moment où il arrivait en haut du foyer... - A moins que monsieur, reprit-il sérieusement en montrant Lucien... (7) -

Mon petit Lucien, dit-il en le prenant par un bouton de son habit... (8)

- A leur place, dit l'impitoyable railleur en montrant Finot et Vernou... (8)

...fitlaCamusotavecunpetitgestepudique. (300)

Взгляд или жест может не только сопровождать ту или иную реплику, но и обозначать реакцию собеседника на произнесенные слова:

Ce fut dit avec un accent si vrai, que la pauvre Esther tourna ses yeux sur ce vieillard avec une expression de pitié qui le rendit quasi fou. (109)

В этом примере, как видим, взгляд, в свою очередь, провоцирует то или иное состояние протагониста, которое также фактически представляет собой ремарку драматурга.

Аналогично,

Esther pâlit en entendant ces paroles et se sentit défaillir. (35)

- Ki tiaple beut fus tire... s'écria le baron. Ce sera Chorche ki pafarte tuchurs.

Peyrade se mit à rire. (72)

Et il salua le Préfet, qui resta pensif pour cacher son étonnement. (82)

En entendant ce mot, sur lequel il se méprit, le baron pâlit... (109)

- Où?... demanda-t-elle d'une voix faible en se hasardant à regarder son bourreau.

- Là d'où je viens, mon bijou.

Esther vit tout rouge en regardant l'homme.

- Aux galères, ajouta-t-il à voix basse.

Esther ferma les yeux, ses jambes s'allongèrent, ses bras pendirent, elle devint blanche. (118)

... qui firent changer de couleur la pauvre Clotilde. Mademoiselle de Grandlieu observait sa mère écoutant le duc, et elle lui vit sur la figure une vive surprise. (142)

Очень любопытны случаи, когда жест сопровождает не произнесенную реплику, а, наоборот, мысли персонажа, передаваемые в форме внутреннего монолога:

- Fa, fa, ma ponne, dit le banquier en se frottant les mains. Et, après avoir souri à cette affreuse mulâtresse, il se dit: Gomme on a réson t'afoir paugoup t'archant! (117)

О значении и важности «театрализации» изображения свидетельствует и то, что описание голоса или интонации может заметно превосходить по объему саму произносимую реплику:

- Quai Malaquaisi - cria Corentin au cocher en mettant d'infinales railleries dans son accent et dans son regard. (135)

- Qui? s'écria Peyrade dont l'accent eut une vibration métallique... (135)

Les yeux de Clotilde jetaient des flammes de bonheur à

travers ses sourires de contentement.- Vous ferez ce soir un rubber avec mon père, lui dit-elle tout bas. (136)

Esther baissa la tête pour ne pas montrer sa soudaine pâleur et les larmes qu'elle essuya. - Tu m'aimes?... dit-elle en regardant Lucien avec une douleur profonde. (172)

- Qui êtes-vous?... demanda la duchesse sans aucune formule de politesse en toisant Asie... (205)

- Ici, monsieur, dit le magistrat devenant rogue et narquois pour répondre à l'orgueil du poète... (230)

En effet, cette explosion fut suivie d'une si complète faiblesse, que ces mots: «Oh! mon fils!» furent comme un murmure. (257)

вплоть до того, что сама реплика вообще не вербализуется, тогда как ее описание и, особенно, описание интонации становится чрезвычайно выразительным

Peyrade lâcha le plus français des jurons français avec un accent méridional si prononcé que le plus profond étonnement parut sur la figure de tous les convives. (161);

Происходит это и в том случае, когда слова персонажа передаются косвенной или несобственно-прямой речью (впрочем, у Бальзака, как и во французской прозе 19 века, достаточно редкой):

Asie prit une petite voix de tête pour expliquer à cet obligeant monsieur qu'elle se rendait à une citation d'un juge, nommé Camusot... (201).

Аналогично, одна незначительная (во всяком случае, по объему) реплика может сопровождаться вполне пространственным комментарием, показывающим мимику, выражение лица, взгляд, позу обоих участников диалога - и того, кто эту фразу произносит, и адресата:

- Vous êtes soupçonné d'être Jacques Collin, forçat évadé, dont l'audace ne recule devant rien, pas même devant le sacrilège?... dit vivement le juge en plongeant son regard dans les yeux du prévenu. Jacques Collin ne tressaillit pas, ne rougit pas; il resta calme et prit un air naïvement curieux en regardant Camusot.

Чрезвычайно показательна и следующая цитата, явственно говорящая о том значении, которое Бальзак придавал описанию мимики, интонации, взгляда, поскольку здесь именно жесты и интонации не только описываются более тщательно и детально, чем сама реплика, но служат основой для сравнения - признание в любви, выраженное вербально, позиционируется, таким образом, как менее достоверное, менее истинное, вторичное по отношению к невербальному аспекту коммуникации:

Il y eut un moment de silence après cette déclaration, dont la sincérité ne peut se comparer qu'à la naïveté des gestes et de l'accent. - S'agit-il de ton mariage? dit-elle en plongeant un de ces regards fascinateurs et brillants, comme la lame d'un poignard dans les yeux bleus de Lucien. (55)

Более того, значение мимики выражается в романе Бальзака вполне эксплицитно, в авторском комментарии:

Il est impossible de rendre le jeu de physionomie de Jacques Collin qui mit avec intention dix minutes à dire cette tirade... (210)

Таким образом, даже в одном из самых «театральных» романов Бальзака, каким, вероятно, можно считать «Блеск и нищета куртизанок», мимика, жесты, описание взгляда, поз, интонаций, тембра и громкости голоса, т.е. элементы, способствующие созданию «эффекта присутствия», занимают очень важное место, усиливая драматический и трагедийный эффект произведения и способствуя созданию ат-

мосферы театральности; чрезвычайно значимы они и для других романов писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Божович В.И. Традиции и взаимодействие искусств. М., 1987.
2. Легт. О.О. Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX-XX вв. Дисс. канд. фил. наук. Спб, 2004
3. Родина Т.М. Достоевский. Повествование и драма. М., 1984.
4. Пахсарьян Н.Т. Поэтика театральности в «Театре Клары Гасуль» П. Мериме // Логосфера. М., 2004
5. Bowen, Ray P. The dramatic construction of Balzac's novels. Eugene (Oreg.): University of Oregon, 1940 128 p.
6. Brooks, Peter. The melodramatic imagination: Balzac, Henry James, melodrama, and the mode of excess. New York: Columbia university press, 1985
7. Oeuvres complètes de M. de Balzac, La comédie humaine, 18 . Paris, 1967. Etudes de moeurs [Document électronique]. 3e-4e livres. Scènes de la vie parisienne et scènes de la vie politique. T. XII (sic). Splendeurs et misères des courtisanes. 3. Où mènent les mauvais chemins / [Balzac] //www.gallica.bnf.fr.

ОБ ОСВОЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ «КОММУНИКАЦИЯ» ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В КОНТЕКСТЕ ПРИОБЩЕНИЯ ИХ К МУЗЕЮ

Харитоновна А.А.,
ассистент,

кафедра дошкольной педагогики,

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Ключевые слова: социализация личности, коммуникативные способности, диалог, сотрудничество, общение.

Key words: the socialization of the personality, communication skills, dialogue, cooperation, communication

Аннотация. Обсуждается проблема связи развития коммуникативной сферы личности ребёнка с общим процессом социализации. Обосновывается возможность использования с этой целью развивающего потенциала музея, включающего коммуникативно-диалоговые, игровые технологии.

The problem of communication of the communicative sphere of the child with the general process of socialization. The possibility of use for this purpose of developing the capacity of the museum, including communicative and interactive, gaming technology.

Демократические изменения в нашей стране инициировали значимость активности личности во взаимоотношениях с людьми, необходимость социального партнёрства, установление позитивных контактов. Вместе с тем для современной ситуации развития ребёнка характерны проявления агрессии, несдержанности, грубости, носителями которых являются взрослые, сверстники, средства массовой информации, что оказывает негативное влияние на освоение детьми способов общения с другими людьми. В сложившихся обстоятельствах проблема развития личности, владеющей средствами и способами коммуникации, приобретает особую актуальность. Кроме того, для старшего дошкольника лет близкой перспективой является обучение в школе, предъявляющей высокие требования к ученикам. Главная трудность коммуникативного характера, с которой ребёнок сталкивается в её стенах, заключается не в недостаточной информированности, не в недостатке знаний, а в особенностях новой социальной ситуации развития – смене социального статуса, социальной среды, ведущего вида деятельности. У некоторых детей, поступающих в первый класс, доминируют отрицательные эмоции по отношению к школе, есть трудности общения ввиду недостаточного развития социальных и коммуникативных умений, необходимых для установления межличностных отношений со сверстниками и соответствующих ролевых отношений с учителями [3].

Коренным образом меняется взгляд на дошкольный период детства как важный этап интеграции ребёнка в социокультурное пространство. В федеральных государственных требованиях к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования, утверждённой в 2009 году, определяется в качестве ориентира развитие социально адаптивной личности, способной выстраивать отношения с другими людьми. Содержание образовательной области «Коммуникация» направлено на достижение цели овладения детьми продуктивными способами и средствами взаимодействия с окружающими людьми через решение следующих задач:

- развитие свободного общения со взрослыми и детьми;

- развитие всех компонентов устной речи в различных формах и видах детской деятельности;

- практическое овладение детьми нормами речи [1].

В содержание образовательной области «Коммуникация» включены не только коммуникативные умения, но эмоционально-ценностное отношение детей к культурным эталонам, правилам и нормам поведения, которые становятся объектом познания, осмысления и принятия ребёнком. Педагогическое воздействие направлено на помощь дошкольнику в осознании своих коммуникативных проявлений, развитию способности демонстрировать свои коммуникативные умения социально одобряемыми способами.

Для решения этих задач требуется целенаправленная комплексная педагогическая работа на протяжении всего дошкольного детства, так как именно в этот период закладывается фундамент личности, происходит усвоение социальных норм и правил, совершенствование поведения в результате общения и активного взаимодействия с социальным окружением. Введение раздела образовательной области «Коммуникация» создаст новые акценты в воспитании, развитии, обучении детей на основе принципа интегративности содержания образовательных областей, видов деятельности, педагогических технологий, обеспечивающих организацию образовательного пространства дошкольного учреждения и музея на основе игры, диалога и творчества.

Анализ исследовательских работ позволяет сделать вывод, что развитие коммуникативной сферы детей идёт в общем процессе их социализации (Т.В. Бабаева [2], Т.А. Репина [6] и др.). Развитие психических функций старшего дошкольника достигает высокого уровня, поэтому можно назвать его человеком культуры, членом социума. Эффективность общения обеспечивается успешной коммуникативной деятельностью, совокупностью коммуникативных умений, развитие которых должно быть целостным процессом. Выделение таких качеств, как умение слушать собеседника, умение использовать речь в разных ситуациях, невербальные средства, а также динамика их развития у детей представляется важным аспектом в решении проблемы освоения детьми образовательной области «Коммуникация».

Реализация задач формирования коммуникативной деятельности ребёнка требует активного включения разнообразных социальных партнёров дошкольного учреждения, выполняющих образовательную функцию. Одним из них является музей. Углубление взаимодействия музея и детского сада – отражение общей современной тенденции к интеграции разных сфер знания и деятельности, что способствует расширению социальных ролей ребёнка, возникновению новых форм общения (М.В. Мацкевич [4], Б.А.

Столяров [5]). Понимание педагогической специфики музея закладывает фундамент его успешного сотрудничества с дошкольным учреждением, является моделью реализации инновационной образовательной практики.

Приобщение детей дошкольного возраста к музею способствует развитию их коммуникативных способностей, что определяется его специфическими особенностями.

- музей – панорама человеческой жизни, раскрывающая общечеловеческие и личностные ценности (взаимопомощь, достоинство, сочувствие, самоуважение и т. д.). По сути, в музейных материалах отражено историческое прошлое как время выработки нравственных эталонов, ориентированных на поддержку лучших качеств человека как члена общества, в них представлены характеры и судьбы людей прошлого и настоящего, их взаимоотношения в жизненных ситуациях, мотивы поступков, модели поведения, служащие ребёнку культурными примерами для подражания в коммуникативной деятельности.

- экспонаты музея воспринимаются как продукты творческой деятельности людей, результат взаимодействия их друг с другом, с миром, с самим собой;

- в музее ребёнок осмысляет социальные явления и противоречия, совершает внутренний акт самоопределения, соотносит свои взгляды, представления, ценности с нормами людей других эпох и культур, используя для этого социокультурный потенциал музейных памятников.

Таким образом, образовательная ценность музея в решении рассматриваемой проблемы понимается нами как среда, способствующая социально-коммуникативному развитию дошкольников. В этом контексте становится понятной роль музея в социализации ребёнка, формировании его коммуникативных способностей и умений при условии активного приобщения к музейным ценностям.

Проблемы культурно-образовательной деятельности музея решает формирующаяся научная дисциплина – музейная педагогика, предусматривающая обучение и воспитание личности на музейном материале, его осмысление и практическое освоение. Большинство исследователей раскрывают образовательные возможности современного музея с позиций теории музейной коммуникации (Б.А. Столяров [5], М.Ю. Юхневич [7] и др.). Они считают процесс передачи музейной информации intersubjectным, активным обменом представлениями, идеями, интересами, чувствами в пространстве музея. Основной формой общения, ведущей к активизации коммуникативных процессов в музейной среде, по их мнению, является диалог.

В диалоге реализуется право человека на индивидуально приемлемые, а не навязанные формы восприятия музейных материалов, что позволяет обрести опыт общения, обеспечивает формирование коммуникативных умений ребёнка во взаимодействии со сверстниками и взрослыми. Взрослые в диалоге с ребёнком в музейной среде оценивают, побуждают его к анализу своих действий, сравнению с действиями других людей, в том числе живших ранее, в результате чего у ребёнка накапливаются представления о себе. Общение со сверстниками в процессе музейных коммуникаций позволяет выделить позицию других, понять себя глубже, увидев как бы со стороны. В музейной среде важно обеспечить возможность и самостоятельного взаимодействия – диалога ребёнка с музейными материалами. Диалогическое общение мы рассматриваем как критерий, выявляющий наличие у ребёнка коммуникативных спо-

собностей, умений, качеств, проявляющихся в успехе или неуспехе взаимодействия.

В реальном образовательном процессе дошкольного учреждения педагогический потенциал музея используется не в полной мере, хотя необходимость включения в него музейно-педагогических средств осознаётся воспитателями: организуются мини-музеи, музейные уголки в группах, актуализируются разные виды деятельности детей на музейном материале, проводятся экскурсии в музеи. Музейные средства создают особую среду, воздействуя и на интеллектуальную, и на эмоциональную сферу ребёнка.

Развивающий эффект педагогического влияния музейных материалов на освоение образовательной области «Коммуникация» достигается активизацией ребёнка в разных видах деятельности, а также созданием комплекса условий для развития его коммуникативных способностей и умений, к которым мы отнесли следующие: организация развивающей предметной среды в дошкольном учреждении и музее; осуществление диалоговой основы взаимоотношений дошкольника со взрослыми и сверстниками в разных видах деятельности; целенаправленное использование методов формирования к деятельности детей; создание единого ценностно-смыслового сотрудничества музейных педагогов, воспитателей, родителей при освоении детьми образовательной области «Коммуникация».

Организация развивающей предметной среды в дошкольном учреждении и музее выступает в роли стимулятора в становлении личности ребёнка и способствует его коммуникативным проявлениям. Она должна быть мобильной, динамичной. Её наполняемость зависит от содержания организованных и самостоятельных видов деятельности. Атрибуты позволяют ребёнку выполнить роль исторического персонажа, пережить его состояние, чувства, принять решение. В воображаемом пространстве можно совершить путешествие в прошлое и будущее, «встретиться» с кем-либо из живших ранее известных личностей. Вещные элементы предметно-пространственной среды подбираются так, чтобы обеспечить реконструкцию событий истории. Творческий опыт коммуникативной деятельности ребёнок приобретает именно в предметной среде благодаря свободе выбора предпочитаемых им видов деятельности (игры, познания, труда, экспериментирования, продуктивной деятельности и др.).

Осуществление диалоговой основы взаимоотношений дошкольника со взрослыми и сверстниками в разных видах деятельности при включённости музея в образовательный процесс дошкольного учреждения приобщает его к ценностям сотрудничества с другими людьми. Образный характер мышления ребёнка обуславливает требования широкого использования музейных игр, которые носят событийный, ценностно-смысловой характер, что позволяет развить коммуникативные умения в поступках. В диалоге взрослого и ребёнка, ребёнка и ребёнка, ребёнка и какого-то образа игры возникает пространство общих познаваемых ценностей и смыслов, формируется его личностная позиция, осмысление общепринятых правил и норм поведения. Диалог в музейной среде возникает лишь при равноправной позиции взрослого и ребёнка, партнёрской формы организации (возможности свободного размещения, перемещения, общения детей и взрослых в процессе музейно-образовательной деятельности).

Целенаправленное использование методов формиро-

вания коммуникативной деятельности приводит к качественным изменениям в восприятии и понимании детьми коммуникативных проявлений, изменениям в выражении коммуникативных умений. Это методы воспитания интереса к общению с людьми, к музею, обеспечивающих позитивную мотивацию коммуникативной деятельности; это методы воспитания личностных качеств-доброжелательности, коммуникабельности, эмпатийности, рефлексивности; это методы воспитания культуры взаимоотношений между детьми и взрослыми.

Создание единого ценностно-смыслового сотрудничества музейных педагогов, воспитателей, родителей на основе понимания сути проблемы, форм, методов педагогического воздействия обеспечит методические связи творческого характера, единство требований к созданию условий для благоприятного формирования коммуникативной деятельности детей.

Таким образом, использование педагогического потенциала музея и его средств в образовательном процессе дошкольного учреждения при соблюдении названных условий позволит достичь достаточно высоких результатов освоения детьми основной общеобразовательной программы дошкольного образования в области «Коммуникация», сформированности интегративных качеств личности ребёнка, характеризующихся эмоциональной отзывчивостью, откликом на эмоции людей, сопереживанием им; владением средствами общения, адекватного использования вербальных и невербальных средств, владением диалогической речью, конструктивными способами взаи-

модействия с детьми и взрослыми (договариваться, обмениваться мнениями, отстаивать своё мнение, распределять действия в сотрудничестве), изменением стиля общения в зависимости от ситуации, управлением своим поведением, соблюдением общепринятых норм и правил поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральные государственные требования к основной общеобразовательной программе. Приказ Министерства образования и науки РФ от 23 ноября 2009 г. № 655 // Российская газета. – 2010. – № 5125 от 5 марта. – 11 с.
2. Бабаева Т.В. Диагностика взаимоотношений старших дошкольников со сверстниками. Научно-методическое пособие в 3-х ч. / СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
3. Бодалев А.А. Психологическое общение / Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 162 с.
4. Мацкевич М.В. Эстетическое развитие старших дошкольников в системе «художественный музей - детский сад». Автореф. дисс. ... к.п.н. – М. – 2006. – 42 с.
5. Столяров Б.М. Музейная педагогика. История, теория, практика: Учебное пособие / М.: Высшая педагогика, 2004. – 216 с.
6. Репина Т.А. Социально-психологическая характеристика группы детского сада / М.: Педагогика, 1988. – 231 с.
7. Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей: учебное пособие по музейной педагогике / М.Ю. Юхневич. – М.: Российский институт культурологии. – 2001. – 223 с.

«ИКОНОМИЯ» В ТРАКТАТЕ ЕВЛОГИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО (581-608).

Шабанов Д.А.,
аспирант,
кафедра культурологии,
Санкт-Петербургский государственный университет

Ключевые слова: Дигесты, догматы, ереси, право, икономия, конфессии, монофизиты, церковное право
Keywords: Digestae, dogmas, heresies, law, oikonomia, religions, monophysitism, Church Law

Аннотация. Трактат Евлогия Александрийского об икономии является лишь одним из вариантов рассмотрения этого неоднозначного историко-культурного вопроса. Анализ данного трактата показывает, что Евлогий ориентировался не столько на церковное, сколько на римское сингулярное право. Поэтому его «икономия» предполагает ориентировку на судебный принцип применения норм, с учетом определенных церковных реалий.

The treatise by Eulogius of Alexandria presents one many points of view on this ambiguous historical and cultural concept. The history behind this treatise and its analysis show that st. Eulogius based his argument on singular law to a greater extent than on the Church Law. For this reason his «oikonomia» presupposes legal paradigm of law enforcement, although he takes certain aspects of Church Law into account.

Одним из важных, хотя и малоисследованных вопросов церковного права, является церковное учение об икономии. Это учение привлекало к себе интерес практически во все времена, что не удивительно, поскольку икономия является одним из фундаментальных принципов применения канонов и часто используется в церковной жизни и практике. В виду этого точное понимание канонических границ допустимости церковной икономии чрезвычайно существенно. Споры о сущности и границах икономии многократно возникали в церковной истории, и иногда приводили даже к разделением и серьезным церковным смутам. Тем не менее, несмотря на частое обращение к теме икономии различных авторов, нельзя сказать, что в православном каноническом праве сформировалось какое-то однозначное и определенное учение об этом предмете. Скорее можно говорить о множестве различных подходов, каждый из которых был характерен для того или иного церковного деятеля, или же для той или иной исторической эпохи. Примерно та же ситуация неопределенности царит в научном подходе к изучению проблем, связанных с икономией. Несмотря на серьезные работы западных и греческих ученых (подробная библиография работ по икономии дана в книге Гималъкара Аливизатоса [1]), в каноническом праве до сих пор не существует достаточно полного и подробного исследования данной проблемы. Такое положение вещей во многом связано с недостаточной исследованностью источников, многие из которых до сих пор не изданы и не доступны широкому кругу интересующихся. Например, до сих пор не издана «Малая книга» Никона Черногорца – важнейший источник по вопросам икономии [12, с. 26-27]. Не издан и популярный в IX-X вв. флорилегий по икономии, сохранившийся в рукописи Vat. gr. 1137 [12, с. 36].

Пожалуй, самым известным из доступных трудов, посвященных церковной икономии, является трактат Евлогия, патриарха Константинопольского (581-608) посвященный этому вопросу [8, 103, 953-956]. Этот трактат истори-

чески стал первым специальным сочинением о церковной икономии и лег в основу всех дальнейших византийских канонических работ на эту тему. Сам трактат Евлогия об икономии не сохранился до нашего времени, тем не менее, до наших дней дошел подробный пересказ этого трактата в «Библиотеке» Фотия, патриарха Константинопольского. Частичный пересказ трактата Евлогия можно найти в письмах Феодора Студита, а также в неизданной «Малой книге» Никона Черногорца. Эти пересказы не всегда совпадают друг с другом, что ставит вопрос о реконструкции подлинного текста трактата Евлогия. Такая задача, однако, не представляется возможной вплоть до публикации всех необходимых источников.

Тем не менее, уже исходя из тех данных, которые имеются на сегодняшний день, можно сделать некоторые интересные выводы как относительно самого текста сочинения Евлогия, так и относительно истории развития принципа церковной икономии.

1. Содержание трактата Евлогия.

В «Библиотеке» Фотия трактат Евлогия Александрийского носит название «Слово обличительное по поводу состоявшегося объединения феодосиан и гайянитов». В нем говорится, что причиной написания текста св. Евлогием стало объединение двух монофизитских египетских течений - феодосиан и гайянитов. Эти монофизитские группы, будучи до этого непримиримыми противниками и придерживаясь различных догматических воззрений, приняли решение объединиться друг с другом на основе некоей «икономии». Однако это объединение не было долгим, и в скором времени феодосиане и гайяниты разделились вновь. Задачей автора, согласно пересказу Фотия, было показать, что неудача этого мимолетного объединения заключалась в том, что стороны неправильно пользовались принципом церковной икономии, на основании которого старались выстроить свое объединение. В результате такого неправильного использования их объединение изначально было обречено на неудачу и фактически превратилось в предательство каждой из сторон своего собственного учения. Неправильное использование икономии привело монофизитов к принятию в качестве догматического фундамента объединения чего-то среднего, гибридного и чуждого для исходных вероучительных позиций обеих объединившихся сторон. Чтобы яснее показать ошибку феодосиан и гайянитов Евлогий подробно останавливается на том, что из себя представляет подлинная церковная икономия с точки зрения канонического права.

Евлогий начинает, прежде всего, с довольно неожиданного утверждения о том, что применять церковную икономии могут не все люди, а лишь только архиереи, занимающие свои кафедры. Далее александрийский святитель сразу же отмечает, что поскольку ни среди феодосиан, ни среди гайянитов нет ни одного архиерея, который бы за-

нимал свою кафедру, то их попытки применить икономию при объединении сразу же становились по определению невозможными.

Затем Евлогий говорит, что применение икономии предполагает исключительную неизменность догматического учения. Икономия возможна только там, где догматы веры остаются совершенно непоколебимыми. И в этом отношении, феодосиане и гайяниты изначально поступали незаконно, пытаясь заключить союз на основании икономии в области веры.

Сделав эти предварительные замечания, Евлогий переходит к описанию различных видов церковной икономии, которых по его словам насчитывается три. Первый вид икономии по Евлогию – это временная икономия для приспособления к обстоятельствам, когда на какое-то краткое и ограниченное время допускается «нечто недолжное», ради того, чтобы прекратить нападки на Церковь и восстановить церковный мир. Именно в этом смысле, например, по словам Евлогия, ап. Павел обрезал Тимофея и совершил некоторые иудейские обряды, дабы избавиться от поношения иудеев. Однако, еще раз подчеркивает автор, такая икономия возможна только на краткое время, тогда как в обычный период своего существования Церковь должна сохранять свою целостность и мир.

Второй вид икономии по Евлогию – это икономия в словах, когда одну и ту же богословскую мысль можно выразить различными формулировками. В качестве примера такой икономии Евлогий приводит две цитаты из Григория Богослова о допустимости выражения догматов разными словами [8, 35, 1125 В и 36, 437 С], в одной из которых в свою очередь цитируется Афанасий Великий.

Третьим же видом икономии, по Евлогию, являются случаи, когда игнорируются принятые решения против каких-то конкретных лиц, если при этом остается неизменным догматическое учение. В качестве примера приводится поведение Феофила, архиеп. Александрийского (385-412), который сохранил общение с Геласием, еп. Кесарийским (367-395), поминавшим в диптихах своего предшественника известного арианского деятеля Евсевия Кесарийского. Другой приводимый пример – поведение Кирилла, архиеп. Александрийского (376-444), который якобы сохранил общение с Феодором Мопсуестийским, несмотря на то, что последний был подвергнут анафеме на всем востоке.

Далее трактат завершается пространным рассуждением о том, что объединение феодосиан и гайянитов не соответствует ни одному из трех приведенных видов икономии, и на самом деле является предательством их собственной веры, за которую они, по их словам, готовы были отдать свою жизнь. Таковы сведения о трактате, которые мы можем почерпнуть из пересказа Фотия.

Другой источник сведений о содержании трактата – письма Феодора Студита, в которых упоминается трактат Евлогия. Однако они не добавляют чего-то принципиально нового к сведениям, содержащимся в пересказе Фотия. Единственно стоит отменить более точное цитирование Феодором случая с Феодором Мопсуестийским, которого, согласно пересказу Фотия, якобы поминал Кирилл Александрийский. В одном из писем Феодора данный пример из трактата Евлогия описывается так:

«Впрочем, нужно возвратиться к твоим вопросам. Ты спрашиваешь, почему божественный Кирилл Александрийский соблюдал икономию, позволив не отделяться

от тех, которые на востоке поминали в диптихах еретика Феодора Мопсуестийского? Потому что догматы благочестия у них соблюдались в совершенно неповрежденном и надлежащем виде. Так написано упоминающим об этом Евлогию, архиепископом Александрийским, в его слове «Об икономии», употребление которого мы объяснили в составленном нами особом сочинении «Об икономии вообще». Итак, разрешение дал сам рассказавший об этом. В каком-нибудь другом месте не сказано об этом, и нет нужды искать другого» [9, с. 141].

Насколько можно понять Феодор считал что Евлогий в рассматриваемом трактате первым упомянул случай с поминанием Феодора Мопсуестийского Кириллом. Однако это не так. На самом деле случай с Феодором описывается в письме Кирилла Александрийского к Проклу, патриарху Константинопольскому [8, 77, с. 344-345]. Вероятно именно это письмо и послужило источником для Евлогия. В письме Кирилла говорится о том, что некоторые в Константинополе требовали анафематствовать уже умершего к тому времени Феодора Мопсуестийского. Однако сам Кирилл, хотя и осуждал его сочинения, считал полезным не предавать анафеме этого известного и почитаемого на востоке человека, чтобы не вводить в смущение его почитателей, которые, несмотря на преклонение перед Феодором придерживались православного образа мысли. Таким образом, у Кирилла речь шла о том, чтобы сохранить общение не с Феодором Мопсуестийским, который к тому времени уже умер, а с его почитателями на востоке. Фотий видимо просто перепутал в своем пересказе самого Феодора и его почитателей. Феодор же пересказывает Евлогия не делая этой ошибки, хотя и показывая неосведомленность об источнике Евлогия – письме Кирилла к Проклу Константинопольскому.

При чтении пересказов трактата Евлогия сразу же бросаются в глаза некоторые странности этого сочинения. Некоторые из них относятся к вопросам истории текста, некоторые к самому содержанию трактата. Почему Евлогий проявляет такой большой интерес к какому-то мимолетному объединению монофизитов, которое уже распалось? Почему он резервирует возможность применения икономии только за архиереями, причем только такими, которые занимают кафедры? Потом чрезвычайно странным кажется само деление видов икономии в трактате. Если первый вид икономии имеет непосредственное отношение к церковному праву (говорит о временном допущении каких-то «недолжных действий», вроде соблюдения иудейских обрядов), то второй вид икономии Евлогия к церковному праву не относится никак – разрешение излагать догматы различными словами имеет отношение к богословию, а не церковному законодательству. Тем не менее, и то и другое Евлогий одинаково называет икономией, и не задумываясь ставит в один ряд. Далее, описывая третий вид икономии Евлогий вновь возвращается к церковному праву, говорят о неприменении каких-то церковных решений. Почему «богословская» икономия была так неожиданно помещена Евлогию в середину между «каноническими» икономиями? Это непонятно. Кроме того, есть еще одна, более существенная вещь. Читая трактат (в нашем случае его пересказы) практически невозможно уловить разницу между первым и третьим видом икономии. В трактате между двумя этими видами проводится разница, хотя описание этой разницы выглядит, на первый взгляд, не принципиально.

Если первый вид икономии допускает «нечто недолжное» только на время (и невозможность допущения подобного навсегда несколько раз подчеркивается автором), то третий вид икономии допускает игнорирование каких-то церковных норм навсегда. Но ведь такое игнорирование тоже является «чем-то недолжным», чем же «недолжное» третьей икономии так принципиально отличается от «недолжного» первой? Ответ на этот вопрос дать довольно сложно. Какого-то внятного описания различия между двумя «недолжными» в трактате не дано, а если опираться на приводимые примеры, то опять же не очень понятно, чем так принципиально отличается соблюдение некоторых иудейских обрядов от игнорирования решений церковной власти об анафематствовании еретика. И почему первое настолько страшнее второго? В тексте ответа на подобные вопросы мы не найдем. Более того, при чтении сочинения Евлогия может сложиться впечатление, что между этими «недолжными делами» первой и третьей икономии нет существенной разницы. И именно такое впечатление возникнет впоследствии у Феодора Студита, который сократит три вида икономии Евлогия до двух, соединив воедино первый и третий виды [8, 77, 141-142].

Чтобы попробовать прояснить все эти вопросы, требуется сперва кратко обрисовать ситуацию в Александрии в период патриаршества Евлогия, а затем попытаться определить главный источник, которым пользовался Евлогий для написания трактата. Понимание трактата Евлогия в контексте исторической ситуации и найденного источника его сочинения внесет определенную ясность во все описанные сомнения.

2. История появления трактата Евлогия.

Еще в начале VI в. произошло крупное разделение по поводу учения о нетленности Тела Христова между монофизитскими иерархами Севиром Антиохийским и Юлианом Галикарнасским, живущими в египетском изгнании. Поскольку ко времени смерти Александрийского патриарха Тимофея IV-ого (517-535), среди александрийского клира практически не было сторонников Халкидонского собора, то борьбу за избрание нового патриарха начали монофизитские партии сторонников Севира и Юлиана. Севириане избрали александрийским патриархом дьякона Феодосия, а юлианиты – архидиакона Гаяна. После этого египетских севириан стали называть по имени их александрийского патриарха - феодосианами, а египетских юлианитов, соответственно, - гайянитами. С этого момента феодосиане и гайяниты имели свою собственную иерархию и враждовали друг с другом.

Императорский двор, невзирая на то, что при нем уже давно восторжествовали сторонники Халкидонского собора, первоначально активно поддерживал египетских феодосиан, поскольку непосредственных сторонников Халкидонского собора в Египте почти не было. В том же 535 г. с помощью специально присланного из столицы императорского легата Нарсеса, патриарх Феодосий был водворен на свою кафедру силой оружия, а патриарх Гайян отправлен в ссылку сначала в Карфаген, а потом в Сардинию. Однако по причине большого множества гайянитов, которые постоянно устраивали смятения и бунты, Феодосий смог продержаться на своем престоле только год и четыре месяца, после чего был вынужден уехать из Александрии в Константинополь, где жил под покровительством импе-

патрицы Феодоры вплоть до своей смерти (22 июня 566 г.). После вынужденного удаления патриарха Феодосия из Александрии, императорский двор принимает новую египетскую церковную политику, которая будет продолжаться вплоть до первой половины VII в. Несмотря на полное отсутствие сторонников Халкидона, власти, тем не менее, принимают решение направить в Александрию патриарха халкидонита, наделив его при этом широкими гражданскими и военными полномочиями.

Поскольку в самой Александрии практически не было сторонников Халкидона, с этого времени патриарх избирался и поставлялся непосредственно в Константинополе, и только после этого, вместе со значительным военным эскортом, отправлялся в Египет. Так были избраны халкидонитские патриархи Павел (537-539), Зоил (539-551), Аполлинарий (551-570), Иоанн IV (570-581) и Евлогий (581-608). Новая египетская политика Константинополя предполагала начало массовых репрессий монофизитов в Египте, и новоназначенные александрийские патриархи халкидониты довольно ревностно подошли к порученной им миссии. За несколько десятилетий абсолютно все монофизитские церкви Александрии были закрыты, множество монофизитов было выслано и убито, в Александрии не осталось ни одного монофизитского епископа. Феодосианские патриархи, поставляемые в Александрии после смерти Феодосия, вынуждены были укрываться в монастыре Энатон, недалеко от Александрии, а гайянитские патриархи скрывались в глубине пустынь.

Однако жесткое гонения не привели к большим успехам, так как подавляющее количество населения Египта по-прежнему оставалось монофизитским, а халкидониты существовали практически только в одной Александрии.

В 578 г. в среде египетских феодосиан происходит крупное событие, на их александрийскую кафедру в монастыре Энатон был избран патриарх Дамиан (578-607). Это был образованный и чрезвычайно энергичный человек. Всего за несколько лет он развил необычайно бурную деятельность по объединению самых разных египетских церковных течений, не только монофизитских. В самом скором времени патриарха Дамиана признали тритеиты, на специальном соборе было проведено объединение с египетскими мелетианами и, пожалуй, самым известным объединительным проектом Дамиана было его соединение с гайянитами (у которых после смерти в 580 г. их патриарха Дорофея, вероятно, еще не было собственного патриарха). О последнем соединении нам известно только из того самого трактата Евлогия об икономии, который был пересказан выше. Основываясь на сведениях Евлогия исследователи считают, что объединение феодосиан и гайянитов произошло незадолго до начала его патриаршества, т.е. где-то около 581 г. [2, с. 83]. Евлогий не сообщает подробности объединения, но понятно, что феодосиане и гайяниты соединились друг с другом «по икономии», вероятно, на основании какой-то «средней» догматической формулы, которая позволяла трактовать спорный вопрос о нетлении Тела Христова разными способами. Из сведений, сообщаемых Евлогием, также известно, что это объединение оказалось эфемерным – через непродолжительное время гайяниты и феодосиане разъединились снова. Таково было положение монофизитской Церкви в эпоху патриаршества Евлогия.

Что касается самого Евлогия, то он, бывший игумен одного из императорских монастырей Антиохии [5, с. 236-

241], [4, с. 65-76], был поставлен в Константинополе и прислан в Александрию уже тогда, когда деятельность Дамиана достигла определенных успехов. Противодействие активному монофизитскому патриарху стало главной задачей Евлогия уже в самом начале его патриаршества. При этом, как отмечали многие исследователи деятельность именно Евлогия, в отличие от его предшественников, характеризуется многочисленными попытками вмешательства во внутренние дела различных церковных групп, не принадлежащих к официальной Церкви, и даже вмешательством в некоторые гражданские споры [7, с. 480]. Евлогий много раз писал по вопросам внутримонафизитской полемики, вмешивался в спор между досифеанами и самаритянами, и выступал арбитром во время споров между церковными партиями. В Египте того периода на кафедрах находились только халкидонитские архиереи, тогда как гайянитские и феодосианские иерархи вынуждены были скитаться по монастырям. Таким образом, уже в самом начале трактата монофизитам в качестве единственных возможных арбитров для их объединения предлагались халкидонитские иерархи! Очевидно, что речь шла не о каких-то неизвестных халкидонитских архиереях, а именно о самом Евлогии, который и в силу своего особого положения обладал определенными судебными полномочиями и, кроме того, был известен активным вмешательством в споры других религиозных групп.

Итак, насколько можно понять, целью трактата было показать монофизитским партиями некомпетентность феодосианского патриарха Дамиана и побудить их прибегнуть к самому Евлогию для решения своих внутренних вопросов. Для показания своей, в отличие от Дамиана, компетентности в вопросе, Евлогий подробно излагает все возможные варианты икономии, а также их несоответствие объединительным решениям Дамиана.

3. Главный источник трактата Евлогия.

Обращаясь к изложению церковного учения об икономии, Евлогий не мог опереться ни на какое предшествующее сочинение. Ни один церковный автор не рассматривал до него вопросы икономии в специальном сочинении более или менее подробно. До Евлогия икономия, если и упоминалась у церковных писателей, то только лишь мимоходом. Однако перед Евлогием стояла задача не просто кратко упомянуть об икономии по какому-то конкретному случаю, а изложить целостный взгляд на это учение, чтобы показать, что объединение монофизитов противоречат всем возможным видам икономии, которую принимает Церковь. Не имея возможности опереться на сочинения церковных писателей, Евлогий мог воспользоваться другим источником – римским правом. Многие исследователи уже давно заметили поразительное сходство между церковной икономией и сингулярным римским правом, как оно изложено в Дигестах св. Юстиниана [10, с. 138-145]. Однако, несмотря на большое сходство, у св. Отцов, писавших об икономии, обычно не встречаются непосредственные ссылки на Дигесты или другие светские правовые источники. Тем не менее, в случае трактата Евлогия, стоит подробнее рассмотреть возможность использования им творений римских юристов. Для этого будет интересно пристальней приглядеться к третьему титулу первой книги Дигест св. Юстиниана [11, с. 107-115]. Этот титул, назы-

вающийся «О законах, сенатконсультах и долговременном обычае», посвящен определению в римском праве понятия «закона» и описанию принципов толкования законов в судах.

Авторы Дигест, располагая правовой материал определенным образом, желали продемонстрировать важность принципа толкования законов. Сказав сначала о том, что законы по определению не предназначены для охвата всех возможных случаев, а напротив, издаются только по каким-то общим вопросам, авторы подробно объясняют, что обычно в судах требуется применять законы с помощью толкований. Правом такого толкования законов обладают только властные органы. Далее, для демонстрации важности принципа толкования, приводятся примеры, когда законы при помощи толкований могут кардинально менять свое непосредственное значение: законы могут не применяться в исключительных случаях (§§ 14-16), может использоваться их подлинный смысл вопреки буквальному значению (§§ 17-30), и они вообще могут отменяться, дополняться и заменяться обычаем (§§ 32-39).

Теперь, если мы сравним рассмотренный титул с трактатом Евлогия, то обнаружим практически полное сходство мыслей и очевидный параллелизм расположения материала.

Сначала Евлогий говорит о том, что икономия может использоваться только архиереями, занимающими свои кафедры, то есть признанными государственной властью. Это подобно заявлениям §§ 3-13 Дигест о том, что толковать законы могут не все желающие, а только властные органы римского государства.

Далее Евлогий, рассматривая первый вид икономии, говорит о такой икономии, при которой «нечто недолжное» допускается в виде исключения. Это соответствует следующим параграфам 14-16 Дигест, в которых в качестве такого же исключения допускается нарушение закона по сингулярному праву.

Второй вид икономии Евлогия о принципиальной важности смысла церковных постановлений, ради которого можно допустить противоречивые буквальные формулировки, также находит параллель в следующих параграфах 17-30 Дигест о следовании подлинному смыслу, а не буквальному значению законов.

И, наконец, третий вид икономии Евлогия, предполагающий возможность неприменения каких-то норм путем их простого неупотребления, соответствует §§ 32-39 Дигест, где говорится о том, что в некоторых случаях обычай может упразднить закон с помощью его неприменения.

Подобное сходство вряд ли можно признать случайным. Видимо, Евлогий, поставленный перед необходимостью написать трактат об икономии, и, не имея об этом предмете никакого сформулированного церковного учения, просто воспользовался римским правом и сжато пересказал некоторые основные мысли третьего титула первой книги Дигест, иллюстрируя эти мысли с помощью церковных примеров. Для каждого из видов толкований законов, которые приводятся в титуле, он нашел соответствующие примеры из церковной истории, превратив, таким образом, памятник римского законодательства в трактат по каноническому праву.

Такое предположение полностью объясняет непонятное на первый взгляд разделение материала в трактате Евлогия. Он расположил материал в своем трактате таким, а

не каким-либо иным, образом потому, что именно так, а не иначе принципы толкования законов располагаются в Дигестах. Именно поэтому его «богословская» икономия (соответствующая толкованиям в пользу «смысла» законов в Дигестах) оказалась между двумя «каноническими» икономиями (которые соответствовали сингулярному праву и неприменению законов «по обычаю» Дигест).

Объясняет это и настойчивое требование Евлогия допускать применение икономии только архиереям, занимающим кафедры. Если толковать римские законы могут только представители законной власти, то точно также и толкование церковных законов является прерогативой исключительно законных (т.е. законом оставленных на кафедрах, а не сосланных и лишенных прав) архиереев. Архиереи в таком рассмотрении становятся в некотором роде римскими магистратами, имеющими право суда в религиозной сфере.

И самое главное, понимание трактата Евлогия в контексте третьего титула первой книги Дигест позволяет понять, чем же принципиально отличается его первая икономия от третьей. Если первую икономию отождествлять с сингулярным правом, то значит в случае этого вида икономии речь ведется о разовом неприменении определенной нормы. Третья же икономия, соответствующая упразднению закона «по обычаю», говорит о возможности отмены нормы путем неприменения. Разница в первой и третьей икономиях в таком случае существует не между содержанием норм (в трактате между «недолжным» первого и третьего вида икономии), а между их статусом. Если в первом случае речь идет о безусловно действующей норме, которую никто не отменяет, и нарушить которую можно только в виде исключения, то во втором говорится о том, что власть может вообще аннулировать какую-либо норму, но не путем формальной отмены, а с помощью ее простого неприменения. Кроме того, как видно и из титула Дигест и из примеров Евлогия, такое аннулирование норм может иметь локальное, а не общее значение. Другими словами норма может действовать в принципе, но быть аннулирована в какой-то местности (Феодор подвергнут анафеме «на всем востоке», но в «определенной местности» поминается в диптихах).

Это очень важный вывод для понимания дальнейшей истории учения об икономии и применении канонов. Получается, что Евлогий признавал, вслед за римским правом, возможность не только несоблюдения нормы в каком-то конкретном случае, но и возможность полной отмены нормы в локальном плане путем ее игнорирования.

Все эти наблюдения дают возможность совершенно новому взглянуть на трактат Евлогия и вообще на историю учения о церковной икономии. Получается, что Евлогий признавал, вслед за римским правом, возможность не только несоблюдения нормы в каком-то конкретном случае, но и возможность полной отмены нормы в локальном плане путем ее игнорирования. Все эти наблюдения дают возможность совершенно новому взглянуть на трактат Евлогия и вообще на историю учения о церковной икономии. Получается, что Евлогий признавал, вслед за римским правом, возможность не только несоблюдения нормы в каком-то конкретном случае, но и возможность полной отмены нормы в локальном плане путем ее игнорирования.

видел принципиальной разницы между теми правовыми теориями, которые лежали в основе римского права эпохи Юстиниана и собственно каноническим правом. Для него не составляет проблемы взять готовую, разработанную римскими юристами правовую теорию и без каких-то значительных изменений автоматически приложить ее к церковной жизни, найдя для каждого соответствующего случая нужный церковный прецедент. Церковное право в такой перспективе превращалось из системы внутренних церковных правил в некоторую, подобно римскому праву, в определенном смысле абсолютную правовую систему, которая могла прилагаться ко всем конфессиям империи, а не только к православной Церкви. Если в основе церковного права лежат те же теории, что и в основе общего римского законодательства, то церковное право, подобно римскому, становится внеконфессиональным и приложимым к каждому римскому гражданину, вне зависимости от его конфессии. В таком понимании, это уже не право Церкви, а право православной империи по поводу церквей и религий. Не случайно в VI в. практически все постановления, касающиеся церковной жизни принимались не соборами и архиереями, а императорами. Как кажется, это было не столько проявлением пресловутого восточного цезаропапизма, сколько своеобразной правовой философией, в рамках которой и светское и церковное право понимались как исходящие из одних и тех же принципиальных оснований, взаимно дополняющих и корректирующих друг друга. Светское право включало упоминания о Боге и добродетелях, а церковное право становилось разделом светского. И именно поэтому Евлогий, навязывая себя в качестве межконфессионального арбитра феодосианам и гайянитам, без смущения предлагает свои церковно-правовые разработки монофизитам. В рамках некоторого единства светского и церковного права Византии VI в. это было более чем естественным.

Если изложенные выше выводы являются верными, тот требуется признать, что для Евлогия церковные нормы были подобно светским лишены какой-то мистической составляющей. Точнее эта мистическая составляющая присутствует для него в церковных нормах не более, чем в светских (в которых она, в принципе тоже присутствует, но в минимальной степени). Евлогий специально оговаривает много раз неприкосновенность догматического учения, которая может содержаться в церковных нормах, однако все то, что находится вне этого догматического учения, подчиняется тем же самым принципам, что и нормы светского законодательства. В этом отношении Евлогий будет принципиально отличаться от своего продолжателя в деле развития теории церковной икономии, Феодора Студита.

Еще одно важное наблюдение, которое можно сделать, выявив светский источник трактата Евлогия, заключается в том, что под «икономией» Евлогий понимает вслед за Дигестами не «снисхождение» или «отступление от точности», а вообще сам принцип непрямого толкования закона. Икономией называется и разовое нарушение, и несоблюдение буквального значения и отмена путем неприменения. Икономия в рамках такого подхода становится фундаментальным принципом практически любого применения церковного права на практике. Это приложение общих норм к конкретной ситуации, в которой приложение норм в их буквальном значении не представляется правильным. Та-

кая икономия становится не отступлением от точности, а наоборот самым точным и правильным приложением того или иного закона в некоторых случаях.

Следует заметить еще одну вещь. Евлогий все-таки делает одно существенное изменение по отношению к римскому праву, пересказывая параграфы Дигест. Он вносит одно принципиальное изменение в понимание сингулярного права или разового нарушения нормы. Насколько можно понять, такое изменение было внесено Евлогием из стремления более удачно обосновать свою критику монофизитского объединения, потому что, строго говоря, по сингулярному праву, объединение монофизитов было вполне законно. Действительно, если феодосиане и гайяниты допустили «нечто недолжное» в виде своей объединительной формулы только в качестве разового исключения, то такое исключение вполне соответствует сингулярному праву. Сингулярное право в том и заключается, что признает допустимость нарушения нормы в каком-то отдельном случае. Задачей же Евлогия было показать, что монофизитское объединение не соответствует вообще ни одному из известных видов икономии. Для выполнения своей задачи Евлогий слегка изменяет характер сингулярного права. Он говорит не о допустимости нарушения закона в исключительных случаях, как Дигесты, а о «временной» допустимости нарушения закона. По мысли Евлогия закон, по первому виду икономии, можно нарушить не «разово», а даже и в разовом случае только на «краткое время», тогда как «постоянно» законы должны неизменно соблюдаться. Такое изменение дало Евлогию возможность признать объединение феодосиан и гайянитов не соответствующим и сингулярному праву (первому виду икономии). Ведь действительно, они же совершили свое объединение не на «краткое время», а навсегда. Это существенное добавление о «краткости» первого вида икономии, отличающее интерпретацию Евлогия от сингулярного права Дигест, сыграет впоследствии значительную роль в теории икономии Феодора Студита, который разовьет и принципиально изменит некоторые части учения Евлогия.

4. Основные выводы.

1. Евлогий, будучи не только архиепископом Александрийским, но и важным государственным чиновником, имеющим экстраординарные полномочия, пытался усвоить себе роль высшего арбитра во всех религиозных делах Египта. В этом отношении он конкурировал с монофизитским патриархом Дамианом, который также пытался занять подобное положение. Именно в этом контексте следует понимать трактат Евлогия об икономии, в котором он пытается предложить себя в качестве судьи для внутренних монофизитских споров, всячески подчеркивая некомпетентность его конкурента – монофизитского патриарха Дамиана.

2. Главным источником трактата Евлогия об икономии стал третий титул первой книги Дигест св. Юстиниана, основные мысли которого Евлогий пересказал, используя примеры из церковной истории.

3. Евлогий следовал тенденции сращения светского и церковного права, которая была характерна для Византии VI в. Вероятно этому способствовало то, что Евлогий обладал не только церковными, но также гражданскими и военными полномочиями. Для описания канонической теории, описание которой отсутствовал в собственно церковных сочинениях, Евлогий просто берет эту теорию из римского права и иллюстрирует ее церковными примерами.

4. Следуя римскому праву, Евлогий не только допускал возможность разового нарушения норм, но и возможность их локальной отмены путем неупотребления. Этот вывод важен в свете дальнейших византийских споров об икономии.

5. Для более удобной критики объединения монофизитов, совершенного патриархом Дамианом, Евлогий корректирует римский принцип сингулярного права, ограничивая его применение временными рамками.

6. Под «икономией» Евлогий, следуя логике третьего титула первой книги Дигест, понимает судебный принцип применения норм, а именно всякое не прямое толкование норм, осуществляемое законной властью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Alivizatos H. Die Oikonomia. Die Oikonomia nach dem kanonischen Recht der Orthodoxen Kirche/ A. Belliger, übers. Frankfurt am Main, 1998.

2. Grillmeier A. Hanthailer T. Le Christ dans la tradition chrétienne. T. II/4. – Paris., 1996.

3. Grillmeier A. Le Christ dans la tradition chrétienne. T. II/2. – Paris, 1996.

4. Goubetr P. Patriarches d'Antioche et d'Alexandrie contemporains de S. Grégoire le Grand. Note de prosopographie byzantine// Revue des études byzantines, 25. – Paris, 1957.

5. Helmer S. Der Neuchalkedonismus. Bonn, 1962.

6. Maraval. P. La politique religieuse de Justinien// Histoire du Christianisme des origines à nos jours/Ed. Mayeur J.-M., Pietri Ch. et L., Vauchez A., Venard M. T. 3. Paris, 1998.

7. Maraval. P. L'échec en Orient le développement des Eglises dissidentes dans l'Empire// Histoire du Christianisme des origines à nos jours/Ed. Mayeur J.-M., Pietri Ch. et L., Vauchez A., Venard M. T. 3. – Paris, 1998.

8. Migne J.-P. Patrologia Graeca. – Paris, 1857-1866.

9. Theodori Studitae epistulae/ Fatouros G. rec. Berlin. – New York, 1992.

10. Troianos S. Der Begriff der Oikonomia im Byzantinischen Reich//XVII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Материалы. Т. I. – М., 2007.

11. Дигесты Юстиниана/Текст и пер. с лат. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М., 2001

12. Максимович К.А. «Малая книга» Никона Черногорца (XI в.) – новый источник по истории Восточной Церкви//Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета I: Богословие. Философия. Вып. 4 (24). – М., 2008.

СИСТЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Шабанова Ю.В.,
аспирант,

Московский государственный университет технологий и управления

Ключевые слова: социальная эффективность школьного образования, школа, субъекты образования, система педагогических условий, социализированность школьников, социальное здоровье учащихся
Key words: social effectiveness of the school, the school, the subjects of education, the system of pedagogical conditions, socialization of students, social health of students

Аннотация. В условиях реформирования сферы школьного образования важным аспектом модернизационных процессов является повышение социальной эффективности образовательной деятельности современной школы. Одной из ключевых задач образовательного учреждения становится преобразование среды школы, создание необходимых педагогических условий для повышения социальной эффективности школьного образования. Для этой цели необходимо разрабатывать специализированные системы педагогических условий.

In the scope of the reform of school education an important aspect of the modernization process is to improve the social effectiveness of the educational activities of the modern school. One of the key objectives of the educational institution is to transform the environment of school, creating the necessary conditions for improving teaching social effectiveness of school education. For this purpose it is necessary to develop specialized systems of pedagogical conditions.

В начале XXI века трансформация социальной структуры, ускорение социальных процессов, качественные изменения роли знания в жизни человека и развитии общества привели к необходимости научного анализа образования как системообразующего фактора устойчивого развития общества и накопления жизненных сил личности.

Высокий уровень образования населения страны в значительной мере предопределяет конкурентоспособность государства в мировом сообществе, укрепляет его безопасность, усиливает социальную защищенность личности. В социальном плане происходит снижение уровня преступности, уменьшение зависимости населения от систем социального обеспечения, повышение культуры в обществе, улучшение функционирования государственных учреждений, общественных организаций [1]. Поэтому, бесспорным является факт того, что образование обладает как экономической, так и социальной эффективностью.

Под социальной эффективностью образования мы понимаем результативность обеспечения социального здоровья учащихся, а также результативности социализации учащихся, выражающейся в становлении социально ответственной, неконформной, способной к созидательной деятельности, к социальному и личностному самоопределению в современном обществе личности.

По мнению Л.Я. Осиповой, в методологическом плане необходимо различать, с одной стороны, внутреннюю, а с другой, – внешнюю эффективность образования. Социальную эффективность образовательных институтов для общества в целом (внешнюю эффективность), с точки зрения исследователя, не следует смешивать и сводить к отдельным частным эффектам образования (внутренней эффективности), которые могут быть отслежены и опре-

делены на уровне рассмотрения отдельных индивидов, подвергающихся педагогическому воздействию. С одной стороны, критерии внутренней и внешней эффективности образования не сводятся друг к другу, с другой стороны, в ходе педагогической деятельности явно необходимо учитывать, их взаимосвязь, поскольку они уточняют и дополняют друг друга [2].

Исходя из выше сказанного, в качестве интегральных критериев внутренней социальной эффективности школьного образования будут выступать социализированность и социальное здоровье школьников, которые, в свою очередь, дифференцируются на совокупность взаимосвязанных и взаимодополняемых частных критериев.

С позиции субъект-субъектного подхода к процессу социализации, социализированный человек не только адаптирован в обществе, но и «в состоянии быть субъектом собственного развития и в какой-то мере социума» [1, с. 64]. По мнению А. В. Мудрика, социализированность – это достижение человеком определенного баланса приспособления и обособления в обществе [1]. Исследователь считает, что показателями приспособленности личности к обществу могут выступать: степень овладения знаниями, умениями и установками, необходимыми для реализации ролевых ожиданий и предписаний, характерных для общества в различных сферах жизнедеятельности (семейной, профессиональной, социальной, досуговой и др.); наличие и мера оформленности реалистических в данном обществе жизненных целей и представлений о социально-приемлемых путях и способах их достижения (то есть мера согласованности самооценок и притязаний человека с его возможностями и реалиями социальной среды); необходимый на данном возрастном этапе уровень образования.

Показателями обособления личности в обществе можно рассматривать: наличие собственных взглядов, способность изменять их и вырабатывать новые (ценностная автономия); наличие и характер «Я-концепции», уровень самоуважения и самопринятия, чувства собственного достоинства (психологическая автономия); реализация избирательности в эмоциональных привязанностях, их сбережение и сменяемость (эмоциональная автономия); мера готовности и способности самостоятельно решать собственные проблемы, противостоять тем жизненным ситуациям, которые мешают самоизменению, самоопределению, самореализации, самоутверждению; гибкость и одновременно устойчивость в меняющихся ситуациях, креативность (поведенческая автономия) [2]

Некоторые зарубежные исследователи используют синонимичные категории «социализированная личность» понятие «полностью функционирующая личность» [Э. Келли], характеризуя ее следующим образом: полностью функционирующая личность думает о себе, о других, ви-

дит возможность создания своего «само» в других; поняв движущую природу жизни и динамику изменения, она понимает ценность ошибок; полностью функционирующая личность принимает творческую роль.

Исследователями, работающими в русле субъект-субъектного подхода, выделены характеристики человека, обеспечивающие успешную социализацию: способность к изменению своих ценностных ориентации, умение находить баланс между своими ценностями и требованиями роли, ориентация не на конкретные требования, а на понимание универсальных моральных человеческих ценностей.

Итак, образовательная среда современной школы должна обеспечивать позитивную социализированность школьников и их высокий уровень их социального здоровья. Для решения данных задач нами была разработана соответствующая система педагогических условий.

Основной целью представленной системы педагогических условий повышения социальной эффективности школьного образования является создание совместно со всеми субъектами образования личностного образовательно-развивающего пространства, в котором школьники приобретают адекватную личностную и социальную идентичность, сохраняют и укрепляют свое социальное здоровье. Подобная система создает ситуации развития личности школьников в виде построения пространства отношений, событий, поступков, в котором актуализируются процессы смыслообразования, изменяется образ мыслей и поведения, происходит становление нравственного самосознания.

Данная система, отражая образовательные стандарты последнего поколения, обладает следующими признаками:

а) ориентированностью на ценностно-смысловые и морально-поведенческие характеристики субъектов образования;

б) социальной открытостью и динамичностью;

в) интегративностью и взаимосвязанностью компонентов системы;

г) включенностью в более широкое социокультурное и общественно-политическое пространство;

д) полицентричностью, выраженной в паритетных, субъект-субъектных отношениях учителей, учащихся, родителей, администрации школы и общественности, включенной в образовательную деятельность школы;

е) поликультурностью, выраженной в умении принимать различия, уважении и способности жить с людьми других культур, языков и религий.

Нами были выделены следующие функции системы педагогических условий повышения социальной эффективности школьного образования:

- смысло- и нормообразования, которые актуализирует и задают смысл, ценностную ориентированность и нормы жизнедеятельности субъектов образования;

- интеграции, обеспечивающей объединение в единое смысловое целое различных видов деятельности в общеобразовательном учреждении и вне его;

- компенсаторно-защитная, выражающаяся в стабилизации и уравнивании негативных или дестабилизирующих воздействий социальной среды ценностями, моделями поведения, выработанными в образовательной среде школы и принятыми ее участниками;

- актуализации креативности, рефлексивности, само-

стоятельности и социальной ответственности субъектов образования.

Созданная система педагогических условий повышения социальной эффективности школьного образования состоит из трех компонентов: аксиологического компонента, включающего совокупность концептуальных положений по организации жизнедеятельности школы, ценности, нормы, убеждения субъектов образования, цели образовательной деятельности; субъектного компонента, состоящего из педагогического коллектива, школьников и их родителей, представителей муниципальных структур, сферы бизнеса и общественности, включенных в образовательный процесс; координационного компонента, в который входит общественная и инновационно-профессиональная деятельность субъектов образования как системообразующая деятельность, управление формированием образовательной среды школы в контексте целенаправленного профессионально организованного содействия позитивной социализации и социальному здоровью школьников, мониторинг эффективности функционирования системы педагогических условий повышения социальной эффективности школьного образования.

Система педагогических условий повышения социальной эффективности школьного образования включала в себя комплекс методов социально-педагогических воздействий: а) социально-этических; б) личностно-аксиологических; в) рефлексивно-деятельностных.

Группа этих методов содержательно соответствовала выделенным смысловым блокам частных критериев социальной эффективности школьного образования.

В течение трех лет нами апробировалась созданная система педагогических условий повышения социальной эффективности школьного образования и проводился текущий мониторинг получаемых результатов.

Основными задачами этой работы являлись:

- создание психолого-педагогических условий для внутренней перестройки системы отношений школьников к современному социуму, к процессу обучения в школе, к самой школе и учителям, к своему будущему жизненному и профессиональному пути;

- развитие большей ответственности за состояние своего физического, психического и социального здоровья и осознание того, что здоровье, являясь одной из ключевых жизненных ценностей, служит основой достижения жизненной успешности и внутреннего благополучия;

- развитие навыков креативной деятельности, потребности в созидательной, общественно полезной деятельности;

- формирование активной гражданской позиции, толерантности, социальной ответственности.

Оценка результатов апробации системы педагогических условий повышения социальной эффективности школьного образования подтвердила на уровне статистической значимости ее эффективность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. Изд. 2-е, перераб. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 568 с.

2. Осипова Л.Я. Философско-педагогические основы прогнозирования социальной эффективности образования. Автореф. д.пед.н. [Текст] / Л.Я. Осипова – М., 2009. – 50 с.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Шаньшерова Т.В.

преподаватель, соискатель,
кафедра философии и права,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Ключевые слова: толерантность, конфликт, сотрудничество, открытый диалог, человеческий капитал, социальный капитал

Key words: tolerance, conflict cooperation, frank dialogue, social capital, human capital

Аннотация. В статье рассматривается роль и место толерантности в формировании социального капитала организации

The role and the place of tolerance in forming of social capital of organization is considered in the article.

90-е годы характеризуются интересом к интегративным, объединяющим процессам, уравнивающим тенденцию к дифференциации и разделению. Причем к интеграционным процессам е как вне организации, так и внутри нее.

Обращение к идее толерантности и активная ее разработка была вызвана глобализацией и переходом от техногенной цивилизации к антропогенной. Другой причиной актуализации можно назвать смену парадигм в оценке соотношения индивидуального и общего, частного и публичного, поиск отношений, способствующих выживанию как отдельных этносов, так и мирового сообщества в целом.

Мировой экономический кризис и его последствия усугубили негативные процессы в экономике России. Остающаяся экономическая неопределенность, падение уровня доходов приводят к росту агрессивности. В то же время на повестку дня выносятся проблема модернизации экономики.

Обострение противоречий на макроуровне проецируется на уровень организаций, в которых протекает непосредственное социальное взаимодействие владельцев собственности, работодателей и наемных работников. С развитием рыночных отношений в коллективах обостряется борьба между индивидуальным (конкурентным) и коллективным началом. По данным П. М. Козыревой «значительная часть массовых категорий рядовых служащих, ИТР и управленческих работников отчетливо ощущает, что капиталистический рационализм выхолащивает коллективные начала» [10, с.26]. Вместе с тем социальный и человеческий капитал рассматриваются как важнейшие ресурсы модернизации российской экономики. » [13].

Поэтому анализ особенностей толерантного взаимодействия выглядит уместным в сложившейся ситуации, выступая как важнейшее условие построения эффективных отношений в организации и как фактор формирования социального капитала в организации.

Дж. Коулман выделяет три вида капитала: физический (инструменты, машины, оборудование); человеческий (навыки и способности индивида); социальный (доверие и упрощенные коммуникации). [11].

При этом сотрудники организации обладают человеческим (и потенциально социальным) капиталом, а связи между ними выступают реализацией социального капитала.

В.В. Радаев рассматривает социальный капитал как специфические связи - ожидания определенного поведе-

ния от вовлеченных в эти связи людей и взаимоотношений. Он выделяет структурную и институциональную сторону. Со структурной стороны социальный капитал выступает как совокупность сетевых контактов; с институциональной стороны он воплощает в себе накопленное доверие и измеряется числом накопленных обязательств. [14]. Формирование социального капитала можно рассматривать и на уровне организации.

Идеал толерантных отношений провозглашается в «Декларации принципов толерантности» ЮНЕСКО. Этот документ дает развернутое понятие толерантности: «... уважение, принятие и правильное понимание многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов самовыражения человеческой индивидуальности. Толерантность предполагает терпимое отношение к иным национальностям, расам, языку, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации, возрасту, индивидуальности, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, собственности и т.д.» [5]

Следуя вышесказанному, большинство современных исследователей толерантности исходят из идеального представления о равенстве сторон социального взаимодействия, сохранения индивидуального своеобразия каждого из них и достижения согласия без ущемления их социальных интересов. [1, 3]

Рациональное экономическое поведение предполагает, что партнеры, взвесив все прибыли и убытки, выберут способ взаимодействия, основанный на толерантных началах, как наиболее эффективный, то есть приносящий участникам максимальную прибыль.

Однако, в реальности, действующий субъект, ищущий максимальной прибыли в своих действиях, может исходить из анализа ситуации, стратегии и тактики партнера, их статуса и психологических особенностей, а не из требований обязательной толерантности в социальном взаимодействии. И все-таки, в долгосрочной перспективе построение управленческих отношений на толерантных началах дает большую выгоду, чем все другие способы взаимодействия.

Для этого определим особенности толерантных отношений в организации.

Анализ толерантного взаимодействия в деятельности конкретных социальных институтов и социальных структур заставляет исследователей признавать, что идеальные требования толерантности не всегда выполнимы. Это позволяет говорить о своеобразии или особенностях проявления толерантного взаимодействия в различных сферах профессиональной и социальной деятельности.

В зависимости от сложившейся ситуации возможны несколько вариантов понимания термина толерантность: [12]

- толерантность как безразличие – признание существо-

вания мнений, истинность которых никогда не может быть доказана (религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, особенности отеческих верований и убеждений);

- толерантность как невозможность взаимопонимания.

Например: нежелание противоположной стороны идти на контакт, в силу различных культурных ценностей участников взаимодействия и т.д., что ограничивает проявление терпимости, уважение к другому, которого вместе с тем понять невозможно, и с которым невозможно взаимодействовать;

- толерантность как снисхождение человека, осознающего привилегированное положение своей собственной культуры (личной, культуры социальной группы, национальной). А потому все иные, оценивающего как более слабые: их можно терпеть, но одновременно и презирать;

- терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог - позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога.

В основе анализа роли толерантных отношений в организации лежит понимание сути и направления социальных процессов и места человека в организации.

Суть этих процессов двойственна. С одной стороны, организацию можно рассматривать как социальную систему, стремящуюся к стабильности и поступательному развитию. Преобладающей в этой ситуации становится отношение сотрудничества, которое позволяет свести к минимуму организационные патологии и обеспечить гармоничное сочетание административных методов управления и самоуправления, саморегуляции.

С другой стороны, организационные отношения конфликтны по своей природе. Во-первых, организация – иерархический институт, деятельность в котором регламентирована требованиями социальных ролей. Это порождает противоречие между организационной системой и личностью. А оно, в свою очередь, нивелирует личностные особенности, обезличивает самого человека.

Один из родоначальников школы человеческих отношений Э. Мэйо по этому поводу показал, насколько важен «человеческий фактор» для эффективного функционирования организации и несовместимость природы человека с жесткой иерархией подчиненности в строго регламентированных организациях.

Во-вторых, отношения иерархии и субординации управляемых и управляющих предполагают не просто неравенство, а противопоставление субъекта и объекта, противоположность их интересов, целей, потребностей. Вплоть до антагонистических. Противостояние становится особенно заметным в период кризисов. Принадлежность к противоположным системам формирует у участников психологическую дистанцию «мы – они».

В-третьих, управление относится к сферам деятельности, где взаимодействие носит рациональный характер: эффективность организации описывается понятиями максимизации прибыли (достижение максимальной прибыли при минимальных издержках).

Однако, понимание рационального действия не всегда одинаково у разных социальных акторов [4]. Возникают противоречия, связанные с принятием управленческого решения, выработкой критериев эффективности деятельности организации, пониманием справедливости при продвижении персонала, борьбой за распределение ресурсов и

статусов в организации и так далее. Все организационные конфликты тесно переплетены с личностными. Для разрешения противоречий необходимо построение эффективной коммуникации, основным условием которой является толерантность.

Соответственно, управление толерантными отношениями должно решить ряд задач: обеспечение максимальной реализации человеческой сути работника и его индивидуальности, то есть максимально сблизить интересы организации и сотрудника; уменьшение социальной дистанции между управляющими и управляемыми и построение эффективных социальных коммуникаций. Решение этих задач позволяет увеличить социальный капитал организации поскольку создает базу для взаимодействия и кооперации.

Место толерантности в социальных отношениях может быть определено либо с позиций теории структурного функционализма, либо с позиций теории конфликта. Необходимо выяснить, какие отношения в организации являются ведущими и какую роль в их реализации играет толерантность.

Теория функционализма подчеркивает ведущий характер гармоничного развития организации, ее направленность на сотрудничество, как ведущий вектор организационных отношений. Конфликты рассматриваются как организационная патология. В этом случае толерантность выступает как цель, толерантные отношения противопоставляются конфликтным. Странники этого направления уверены, что закрепление определенных мировоззренческих концепций в общественном сознании и обучение методам эффективного межличностного взаимодействия позволит перестроить отношения на идеальных толерантных началах. Мировоззрение толерантности противопоставляется мировоззрению конфликта. [2]

С позиций теории конфликта толерантность рассматривается как промежуточный этап в движении от конфликта к действительному пониманию и взаимодействию. Толерантность с позиции неустойчивого равновесия, возникающего от конфликта, выливающегося в насилие, к взаимопониманию и сотрудничеству. Толерантность не разрешает конфликта, не устраняет его причин, не снимает противоречия между конфликтующими сторонами, а переводит конфликт его в относительно мирное, ненасильственное русло.

В разных вариантах разрешения конфликта возможны следующие позиции толерантности.

Нацеленность на борьбу и подавление противника формирует процесс в такой последовательности: конфликт – толерантность – взаимодействие – конфликт. [3, с.24]

Другое направление нацелено на поиск диалога и сотрудничества. Тогда процесс между конфликтующими сторонами выглядит так: взаимодействие – конфликт – толерантность – взаимодействие.

Таким образом, толерантность в разрешении конфликтов рассматривается не как акт социального взаимодействия и не как цель, а как возможность для диалога в конфликте. [3, с.25]

Организация – динамическая система, в которой органически переплетаются разные типы взаимодействий. Взаимоотношения как по вертикали (между руководителями и подчиненными), так и по горизонтали (между отдельными сотрудниками и отделами) выстраиваются в системе «взаимодействие – противодействие» по одной оси и «приобретение – отчуждение» по другой.

Преобладание в организации «взаимодействия» между сотрудниками и руководителями и приобщающего варианта корпоративной культуры дает сотрудничество как преобладающий вид взаимоотношений. И наоборот, преобладание противодействия в любой форме и отчуждение работника от организации приводит к конфронтации. [9, с.58] То есть, выбор методов социального управления способен задать направление либо в сторону конфронтации, либо в сторону сотрудничества. При этом все остальные виды отношений продолжают существовать.

Таким образом, в управлении толерантными отношениями выделяются два направления:

- построение приобщающего варианта корпоративной культуры, которая сокращает социальную дистанцию между управляющими и управляемыми;
- управление конфликтными ситуациями.

Методом формирования эффективных механизмов социального управления, построения сплочающего варианта корпоративной культуры может стать диалог. Все виды делового общения должны проходить в форме диалога.

Открытый диалог возможен только при соблюдении основных требований толерантности. Бахтиным М. и Бубером М. разработан основной тезис этики диалога: диалог возможен лишь в том случае, если его участники признают инаковость друг друга, принимают ее и не стремятся сделать другого похожим на себя.

Плодотворный диалог способствует появлению новых конкурентных преимуществ, оперативности в принятии решений, росту производительности труда, профессиональному росту и налаживанию взаимодействия между отдельными личностями и подразделениями. «Диалог оказывает быстрое и долговременное влияние, с ним не сравнятся никакие системы материального стимулирования, структурные изменения и декларации о миссии». [16, с.156]

Диалог способствует разрешению конфликтов, так как предметом обсуждений становятся именно противоречия.

Основой толерантных отношений организации является отношение к работнику. Необходимо изменить взгляд на него только как на фактор производства, приводящий к издержкам. При этом необходимо учесть, что человеческая личность на производстве интересна постольку, поскольку может принести прибыль предприятию. С переходом к новым технологиям персонал становится основой конкурентоспособности предприятия, общий потенциал организации зависти от общего потенциала ее сотрудников.

Профессиональная деятельность позволяет реализовать каждому его глубинную потребность быть членом социальной группы, чувствовать себя сопричастным общественным интересам. Сотрудник ожидает от организации уважения своего человеческого достоинства. Здесь имеют значение два аспекта этого понятия: ощущение человеком собственной значимости и уверенность в своих способностях [15, с.358] Система мотивации в организации и действия руководителя оцениваются как справедливые или нет в зависимости от того, насколько они демонстрируют уважение человеческого достоинства или принижают его.

Состояние приобщенности выражает глубинную потребность человеческой природы быть членом локального сообщества. Работники, осознающие приобщенность к организации, считают ее своей. Создаются условия для само-

вовлеченности сотрудника в производственные процессы, тогда они считают работу интересной. Ценят возможность творческой составляющей. Руководителя, с которым приятно работать. Хорошие отношения в коллективе. [9, с.62]

Состояние приобщенности сокращает дистанцию между управляющими и управляемыми - проблемы руководства сотрудники воспринимают как проблемы всей организации. В этом случае руководителю могут прощаться даже промахи.

Объективно организация заинтересована в повышении качества человеческого капитала и стимулировании достижеческих стратегий в трудовой деятельности своих сотрудников, так как повышение конкурентоспособности компании связывается с повышением потенциала каждого сотрудника. Для этого необходимо создать условия для повышения квалификации и профессионального роста каждому, а администрация должна пересмотреть отношение к сотрудникам только как к затратному фактору производства. В то же время работники сами должны проявлять активность и инициировать свое профессиональное развитие.

С переходом к постиндустриальному обществу изменяются взгляды на соотношение личного и профессионального начала в сотруднике. Организация непосредственного трудового процесса становится не технологической, а гуманитарной задачей. Личность выступает как самоцель общественного развития и одновременно как главное орудие прогресса.

Трудовая деятельность позволяет каждому человеку реализовать его глубинную потребность быть членом социальной группы, чувствовать себя сопричастным общественным интересам. Совместная трудовая деятельность остается преобладающей формой человеческой активности.

Для сотрудника важно чувство приобщенности к делам организации, только тогда они считают ее своей. При этом создаются условия для самововлеченности в производственные процессы и работа становится (или воспринимается сотрудником) как интересная. В подобной организации они ценят возможность творческой составляющей, руководителя, с которым приятно работать, хорошие отношения в коллективе. [6, с.62]

Состояние приобщенности сокращает дистанцию между управляющими и управляемыми, – проблемы руководства сотрудники воспринимают как свои собственные.

Важной составляющей приобщенности является доверие. «Группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить больше по сравнению с группой, не обладающей данным качеством» [[11, с.126].

Толерантные отношения в организации традиционно связываются с демократическим стилем управления.

Выбор стиля управления зависит от целого ряда факторов: типа организации, функций и задач, стоящих перед ней, степени бюрократизации (формализации основных управленческих воздействий). Уровня развития коллектива. Личности руководителя, управленческих ролей, которые он должен выполнять. Ситуаций, в которых применяется тот или иной стиль руководства.

Демократические методы управления не всегда могут быть приемлемы, поэтому ведущим в выборе методов управления, реализующих толерантные отношения, долж-

но стать требованием уважения человеческого достоинства. Оно становится универсальным требованием, реализуемым в организации любого типа.

Методы управления выбираются ситуативно, так как идет борьба между направленностью на людей и на дело, между методами административного давления и методами, направленными на то, чтобы заинтересовать сотрудников. Вышестоящий руководитель может блокировать возможности работников, если воспринимает их как конкурентов или низко оценивает их способности к самостоятельному решению задач, способность к творчеству. Или наоборот, построить отношения управления, исходя из того, что необходимо развивать способности сотрудников. Если в организации отдается предпочтение методам, реализующим отношения «вера в способности работников – заинтересовать работников» – это дает большую реализацию мотивационного ресурса в организации. И, наоборот, преобладающее отношение «блокировка способностей работников – заставить работников» приводит к мотивационным патологиям [9, с.75]

Как уже отмечалось, отношения в группе (производственном коллективе) строятся на оси «взаимодействие – противодействие». Противодействие в группе вытекает из разделения труда, естественной и производственной разницы в статусах как внутри группы, так и организации в целом. Объективное положение работника в организации может не совпадать с субъективными желаниями и намерениями членов группы, основываясь на их «весе» и значимости в организации. Фактическое неравенство может провоцировать напряженность межличностных отношений. Но поиск максимального выигрыша заставляет работников вступать в кооперацию друг с другом, особенно если она оценивается как эффективная. На психологическом уровне сотрудник вынужден мириться с последствиями этой кооперации.

Противоречие может быть снято в формировании неформальной рабочей группы [8] или в современном понимании - команды. Именно здесь достигается сочетание групповых интересов и интересов личности.

Команда понимается двояко: соподчинение группы руководителя-лидера и его сотрудников (у нас как вариант лидера и его ближайшего окружения) и рабочей группы, достигшей высшего уровня сплоченности. Такая группа действует, как новая система, единая общность. В команде максимально задействуется групповой потенциал, максимально удовлетворяются потребности личности в самоуважении, причастности к успеху. Даже, если успех совместный. [8, с.226]

В политике по созданию команды важно, чтобы командный дух, в той или иной степени, культивировался во всем коллективе, а не только в ближайшем окружении. Иначе противопоставление «мы — они» усилится.

Управление толерантными отношениями предполагает личностную толерантность руководителя. Он располагает большим потенциалом воздействия, чем подчиненный. Его личностные свойства идентифицируются им самим и подчиненными с функциями управления. Эффективность или неэффективность управления воспринимаются подчиненными так же через призму личностных свойств. [7, с.65]

Поведение лидера становится эталоном, на который ориентируются сотрудники. А методы построения отношений с подчиненными становятся нормами организационной культуры.

Сила его личности проявляется в отношении к сотрудникам и их успехам. В отношении к оппозиции. В способности сделать открытый диалог ведущим методом управления.

Общий потенциал организации повышается, если начальник не воспринимает успехи своих подчиненных как угрозу своему положению, не видит в них конкурентов, не боится воспитывать в организации лидеров, нацелен на реализацию всего потенциала своих сотрудников.

Таким образом, построение управления на основе толерантности способствует формированию как структурной стороны социального капитала – делает коммуникации в организации более эффективными (взаимопонимание, обратная связь на основе диалога, сотрудничество как внутри организации так и за ее пределами), так и институциональной – укрепление доверия через формирование приобщающего варианта корпоративной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абдулкаримов Г.Г. Толерантность в межнациональных отношениях в уральском регионе: социологический анализ. Дисс... канд. социол. наук. М.: РГБ, 2003
2. Асмолов А.Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Вопросы психологии. 2003, №4, С.3 -12
3. Гулиев М.А. Политическая толерантность в урегулировании политических конфликтов. Дисс. ..канд. полит. наук. М., 2003
4. Гусев С.С. Типы коммуникативных ситуаций и рациональность // Рациональность и коммуникация. Тезисы VII международной научной конференции. 16 -17 ноября 2007г. С- Пб, 2007 С.38-39
5. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференцией ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года
6. Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности М., 1979г.126с.
7. Кайдалов Д.П., Суименко Е.И. Психология единоначалия и коллегиальности. М., 1979. 254с.
8. Карлофф Б., Сидерберг С. Вызов лидеров. М.: Дело, 1996г. 226с.
9. Красовский Ю.Д. Организационное поведение. М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2004 511с.
10. Козырева П.М.К вопросу о доверии в трудовом коллективе // Социс, №11, 2008, С. 24- 33
11. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность , 2001 № 3, с.121-139
12. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. №11. С.48 - 54
13. Нуреев Р.М. Развитие человеческого капитала как реальная альтернатива сырьевой специализации страны // Эконом. вестн. Ростов. гос. ун-та.- 2007.- Т.5.-№3. – С.111-129
14. Радаев В.В. Социальный капитал как научная категория // электронный ресурс [ecsosman.hse.ru /data/2011](http://ecsosman.hse.ru/data/2011)
15. Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета 1995 г. 535с
16. Чарен Рэм Как преодолеть пассивность // Корпоративная культура и управление изменениями пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006г. 192с.

ДВОЙНОЙ СЮЖЕТ И ПЕРСОНАЖИ-ДВОЙНИКИ В КОМЕДИИ У.ШЕКСПИРА «ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ»

Шипилова Н.В.,

аспирант,

кафедра истории зарубежной литературы,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ключевые слова: Ренессанс, елизаветинская драматургия, Шекспир, двойной сюжет, второстепенный сюжет, персонаж
Key words: Renaissance, Elisabethan drama, Shakespeare, double plot, subplot, character

Аннотация. Статья посвящена проблеме персонажей-двойников в комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь». Второстепенный сюжет комедии предстает как своего рода комическое отражение основного сюжета.

The article is devoted to the problem of the mirror-characters in Shakespeare's 'Twelfth Night'. The subplot is seen as a kind of a comic reflexion of the main plot.

Двойной сюжет в «Двенадцатой ночи» Шекспира наделен всеми характерными чертами английского Ренессанса. Соединение традиций аттической и итальянской ученой комедии в главном сюжете и народной карнавальной во второстепенном происходит не механически, но гармонично, порождая сложный комплекс двойного сюжета.

Второй сюжет занимает в пьесе так много места, что назвать его побочным невозможно. Ему полностью отдано 5 сцен из 18: 1.3 – разговор сэра Тоби и Эндрю, 2.3., 2.5., 3.2 – интрига с подброшенным Мальволио письмом, 4.2 – Мальволио в заточении и лже-священник. Еще в 5 сценах оба сюжета взаимодействуют; эпизоды второго сюжета разыгрываются в таких ключевых местах пьесы, как финал первого акта (разговор Оливии с шутом, первая встреча Виолы и Оливии), финал третьего акта («сватовство» Мальволио, поединок Виолы и сэра Эндрю, арест Антонио) и финальное узнавание пятого акта.

Двойной сюжет «Двенадцатой ночи» строится на идеально выверенной системе зеркальных отражений. В дополнение к главной паре, идентичным близнецам, многие другие персонажи по мере развития действия обретают двойников.

Восприняв античную схему, Шекспир перерабатывает и многократно усложняет ее. Вся красота античной драматургии, мастерство греческого драматурга – в строгой выверенности схемы. Это идеальная система двойников – две молодые пары, двое отцов, двое слуг. Персонажи-двойники схожи возрастом, полом, положением в социальной иерархии. Характеры их могут различаться, как в уже упомянутой пьесе Теренция, но в таком случае это идеальный контраст противоположностей (это идеальное противопоставление наследует комедия дель арте, когда выводит на сцену двух дзанни – городского проныру и деревенского простачка).

У Шекспира, пожалуй, только одна пара отвечает требованиям античного канона – двое капитанов, Антонио и безмянный моряк, спасший Виолу. Оба они – персонажи романтического сюжета, каждый привязан к одному из близнецов; чувство Антонио, конечно, намного глубже, к тому же он участвует и в других, более сложных отражениях, о чем будет сказано ниже. Да еще Фабиан ненадолго оказывается классическим двойником сэра Тоби, когда вместо него пытается манипулировать сэром Эндрю.

Вместо простого удвоения Шекспир использует совершенно иной комический прием – создает пары фальшивых

двойников, фальшивых в том смысле, что параметр, по которому они сопоставлены, у одного из двойников оказывается фикцией. В пьесе якобы двое молоденьких юношей, но один из них на самом деле девушка; двое священников, но один из них переодетый шут; двое шутов, но один из них на самом деле дворецкий, ставший жертвой розыгрыша.

Только один из двойников реален, другой примеряет чужую маску на время карнавала.

Необыкновенно решен в «Двенадцатой ночи» традиционный сюжет ухаживания. В пьесе вновь, как и в «Укрощении строптивой», целых четыре жениха, причем на этот раз все они претендуют на руку одной-единственной девушки, Оливии.

Женихи представляют собой целую систему фальшивых зеркал. У романтического герцога Орсино, на первый взгляд, «правильного», «настоящего» претендента, имеются два пародийных двойника: сэр Эндрю Эгьючик и Мальволио. Оба они не пара графине по духу, а Мальволио еще и по положению.

Однако сердце Оливии удастся завоевать не Орсино, который докучает ей не меньше своих пародийных двойников, а четвертому, невольному «претенденту» – ренессансной трагисте. В силу настоящего своего пола переодетая Виола – самое фальшивое из всех зеркал, не просто слабый мужчина, как сэр Эндрю, но и вообще не мужчина, но при этом в душевной искренности Виола оказывается единственным подлинником, тем самым идеалом, “the man”, о котором грезит неопытная Оливия.

Наконец, в пьесе существуют и подлинные двойники, сопоставленные не по внешнему признаку или драматургической функции, а по внутренним качествам. Один герой из каждой подобной пары – персонаж основного сюжета, другой – побочного.

Во-первых, это пара Орсино-Мальволио, внутренняя связь между которыми глубже простого отыгрывания пародийных женихов, над которыми Фесте насмехается с помощью песенки о Робине и его недоброй госпоже. Даже не окажись они временно в одном драматургическом амплуа, они все равно остались бы двойниками: оба они схоже «больны самолюбием». Нарциссические мотивы в образе Орсино и сопоставление Мальволио с Сатаной указывают на явление одного порядка.

Но между ними есть и разница: хотя Орсино сочиняет себе в начале пьесы великую любовь, он хотя бы играет страстно влюбленного, а может быть, и жаждет подсознательно этой великой любви. Гордыня его — в той исключительности, какую он приписывает своему чувству, заявляя, что никто больше не способен на такую совершенную страсть. Гордыня же Мальволио простирается дальше: не он любит, но все окружающие обязаны любить его, что Мария и называет прозорливо его главным пороком: «Лопается от самодовольства и так уверился в собственном со-

вершенстве, что воображает, будто стоит только женщине на него взглянуть, как она тут же и влюбится». [1, с. 203]

Мальволио и Орсино сопоставлены и по другому параметру: их горделивое отстранение от других персонажей обусловлено высоким интеллектом. Вполне правдоподобна гипотеза, что популярность подобных персонажей в британской драматургии связана с появлением в Англии большого количества французских изгнанников, дворян с университетским образованием, чья гуманистическая ученость не нашла применения в реальной жизни. [2, р. 264]

Хотя Мальволио склонен скорее к чрезмерной рационализации, а Орсино — к поэтической сентиментальности, высказывания обоих одинаково наиграны, потому что идут от ума (у Орсино, правда, только в первой половине пьесы). Эта особенность высмеивается с первого же появления героев на сцене: нереалистичный мелодраматизм петраркианских монологов герцога сопоставлен со сверхрациональной дотошностью, с какой Мальволио описывает Оливию гонца: «Он, так сказать, ни то, ни се: серединка на половинку между мальчиком и мужчиной. Он очень хорош собой и очень задирист. С вашего позволения у него еще молоко на губах не обсохло». [3, с. 182-183]

Замечено было, что герцог Орсино, увидев обоих близнецов вместе и узрев, таким образом, во плоти образ собственного нарциссизма, оказывается возмужавшим за одну сцену. Он обретает теперь авторитет не только облеченно-го властью герцога и интеллектуала, но и внутренне цельного, духовно зрелого человека.

Речь его исполнена спокойного достоинства; характерно, что именно Орсино, а не Оливия, несмотря на ее сочувствие и авторитет непосредственной хозяйки дома, посылает слугу, чтобы попытаться примириться с так и не обретшим цельности Мальволио.

Вторая, очень неожиданная пара подлинных двойников — Антонио и сэр Эндрю. Совершенно не схожие по характеру, темпераменту, социальному происхождению, драматургически они оказываются поставлены в одинаковую ситуацию, их связывает незнание. Подобно Баптисте, они находятся на той самой нулевой ступени осведомленности, но в более сложной структуре «Двенадцатой ночи» эта ситуация не трактуется как чисто комическая.

Путаница, связанная с близнецами, становится источником неприятностей Антонио и Эндрю; и если дуэль между девушкой и трусом воспринимается зрителем как смехотворная, то арест Антонио вполне может привести его к подлинной гибели. Но в финале и ситуация сэра Эндрю отнюдь не кажется безоблачной: он единственный из героев пьесы так и остается в полном неведении о происходящем, то есть оказывается лишен чуда — довольно жестокий финал для персонажа, единственная вина которого — в слабости характера.

Антонио же узнает правду о чудесном «раздвоении», но, вполне вероятно, теряет дорогого ему человека. В последние десятилетия ведется много дискуссий о том, есть ли гомосексуальный оттенок в его привязанности к Себастьяну или это все-таки любовь к другу, но в общем контексте пьесы это не так и важно; несомненно, что это глубокое и сильное чувство, приводящее даже к самопожертвованию.

Неожиданно вспыхнувшая любовь Себастьяна и Виолы и их скорый брак заставляет Антонио отойти на вто-

рой план. Очень удачно решена судьба этого персонажа в экранизации Тренора Нанна 1996 года: во время свадебных празднеств Антонио незамеченным уходит в «ветер и дождь», зябко подняв воротник пальто.

Фигуры его и сэра Эндрю отмечают своего рода «границу» праздничного времени, служа напоминанием о том, что за светлой Двенадцатой ночью приходит самое горькое время года.

Виола и Фесте, третья пара двойников, сопоставлены на протяжении всей пьесы. Это ведущие актеры, но они не ведут интригу непосредственно. Виола — персонаж активный, но в комедийные ситуации попадает по воле случая. Фесте, в отличие от Марии, тоже не интриган по натуре — еще Брэдли отмечал, что в во время составления заговора против Мальволио он ведет себя достаточно пассивно. [4, р. 108]

Но оба они вдохновляют само движение и праздника, и пьесы и в этом смысле противоположны паре Антонио-сэр Эндрю: если те напоминают о границе праздника, то Виола и Фесте олицетворяют его безграничность.

Положение Виолы и Фесте в системе персонажей уникально — они свободно перемещаются между сюжетами. Несмотря на позицию Виолы как одной из вершин любовного квадрата романтической комедии, героиня постоянно взаимодействует с персонажами второго сюжета, а «карнавальный» Фесте совершенно естественно появляется во владениях петраркианца Орсино, объединяя тем самым второстепенный сюжет с главным. В тот или иной момент Виола и Фесте вступают в диалог практически с каждым из других значительных героев пьесы, оказываясь тем самым чуть ли не центральной парой двойников в сюжете.

Монологи Виолы, несмотря на свою искренность, постоянно содержат напоминания о театральной иллюзии. Так, догадавшись о любви Оливию, Виола анализирует ситуацию с безнадежным любовным треугольником так, чтобы объяснить ее заодно и зрителю, не только задается вопросом: «Как быть теперь?» — но и интересуется: «Что будет дальше?», ставя себя на место человека, который наблюдает за развитием событий со стороны, из зала.

Так же свободно разрушает театральную иллюзию и Фесте, когда в финале прощается со зрителями от лица драматурга. Виола и Фесте поступают в духе старинной шутовской традиции взаимодействия с залом, и в этом смысле они оба — шуты, и герои, и актеры одновременно.

И, в соответствии с правилами перевернутого времени, шуты в «Двенадцатой ночи» оказываются «учителями жизни» или, если вспомнить, обилие связанных с болезнью метафор, докторами, которые «лечат» своих запутавшихся в себе пациентов с помощью пения или шутки. Если вообще в романтической комедии возможна дидактика, то главное наставление, которое можно из нее извлечь, — помнить, что каждый должен быть немного шутом и учиться играть со словами и образами.

Обоим им сопутствует музыка. До сих пор неизвестно точно, кто из этих двух персонажей должен был петь, — Виола, поступившая на службу к Орсино именно в качестве музыканта-исполнителя, или все-таки Фесте, как в окончательном варианте пьесы. По-видимому, ломка голоса у мальчика-актера и великолепные музыкальные способности комика Роберта Армина заставили предпочесть

последнего, но неясность существует до сих пор, и современный режиссер теоретически имеет право передать песню «Приходи, смерть» исполнительнице роли Виолы. И даже если сама двусмысленность возникла случайно, представляется, что она чуть ли не идеально отвечает замыслам драматурга.

Однако музыка в «Двенадцатой ночи» являет собой нечто большее, чем техническое средство объединения сюжетов — она предстает идеальной объединяющей стихией самой реальности. Музыка наделена свойствами комедии, так как обладает способностью «преобразовывать хаотический шум человеческого существования в стройную гармонию». [5, р. 54]

Встреча Виолы и Фесте в первой сцене третьего акта не вносит ничего нового в развитие действия (если Фесте и догадывается, что Виола — переодетая девушка, то все равно ни с кем своими догадками не делится). Однако эта сцена важна для понимания образности комедии — не случайно она помещена в самый центр пьесы.

Фесте первым открыто заговаривает о двойном смысле слова: «Ну и времена настали! Хорошая шутка нынче все равно что перчатка: любой остряк в два счета вывернет ее наизнанку», — и Виола соглашается: «Пожалуй, ты прав: стоит немного поиграть словом, как его уже треплет вся улица». [6, 224] Здесь содержится прямое указание на то, как важны для понимания пьесы каламбур и загадка.

Языковая игра — идеальное средство для воплощения двойного сюжета на уровне текста. Как писал Джонатан

Каллер, каламбуры «воплощают модель языка, где... сочетание букв обретают определенные значения, в то же время подчеркивая нестабильность всякого значения», демонстрируют, как одну и ту же последовательность звуков можно применить к двум разным контекстам с совершенно разными значениями. [7, р. 14] Двойной сюжет воплощает то же самое сходство-различие, перенося его из чисто языковой сферы в сферу человеческого поступка.

Таким образом, можно увидеть, что прием удвоения персонажа пронизывает всю пьесу, используя как для простейшего комического сопоставления в античном духе, так и для обнаружения сложных, глубинных связей между героями и темами комедии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шекспир В. Двенадцатая ночь. // Шекспир В. Полное собрание сочинений, т. 7. М.: Терра–Тerra, 1993. 544с.
2. Hollander, John. Twelfth Night and the Morality of Indulgence. // Bloom's Modern Critical views. William Shakespeare. Broomall: Chelsea House Publishers, 2004. 550p.
3. Шекспир В. Ук. соч.
4. Bradley, A. C. Feste the Jester. // Bloom's Shakespeare Through Ages. Twelfth Night. New York: Infobase Publishing, 2008. 232 p.
5. Ford, John. Twelfth Night. A Guide to the Play. London: Greenwood Publishing Group, 2006. 200 p.
6. Шекспир В. Ук. соч.
7. Culler, Jonathan. On Puns: the Foundation of Letters. London: B. Blackwell, 1988. 194 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ:

Ando Leps (Андо Лепс),

Professor, LLD, Tallinn University, Academy of Law, member of the Estonian Parliament (Riigikogu) in 1995-2003, member of the European Society of Criminology, member of the Estonian Club of Rome. (профессор, доктор юридических наук, Таллиннский университет, Академия Права, член палаты эстонского парламента в 1995-2003 гг., член Европейского Общества по криминологии, член эстонского отделения Римского клуба). andoleps@hotmail.com

Абаканова В.А.,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Абрамов В.Е.,

кафедра иностранных языков, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара

Аксенова А.В.,

аспирант, кафедры английского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. aksenova-anna@rambler.ru

Анисков В.В.,

соискатель кафедры русского языка, Орловский государственный университет.

Арсалиев М.Ш.,

доктор педагогических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический институт

Арутюнян Э.Б.,

кандидат филологических наук, кафедра филологии и английского языка, докторант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. ENaroutunian@gmail.com

Бажук О.В.,

старший преподаватель кафедры психологии и социальной педагогики, Омский государственный педагогический университет (филиал в г.Таре). bajuk141183@mail.ru

Байдак В.Ю.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры математического и информационного анализа экономических процессов, Орловский государственный университет. valentina_baidak@mail.ru

Баталова Е.В.,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт права и управления, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. murlynok@mail.ru

Белых А.С.,

аспирант кафедры философии политики и права, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Блох М.Е.,

врач-психотерапевт, НИИ Акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта СЗО РАМН.

Булыко И.П.,

кандидат богословских наук преподаватель, Санкт-Петербургский Православный Институт Религиоведения и Церковных Искусств. IvanBulyko@yandex.ru

Велумян Н.А.,

аспирант, Лаборатория психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина, Институт Психологии РАН. naiga_v@mail.ru

Волкова Т.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и налогообложения, Санкт-Петербургский университет МВД России. volktv@bk.ru

Волошина Л.А.,

соискатель кафедры гуманитарных и философских наук, Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, искусствовед, зав. библиотекой ВШНИ. voluta@yandex.ru

Гиззатов Р.Г.,

аспирант кафедры башкирского языка, Стерлитамакская государственной педагогической академия им. Зайнаб Бишевой. radiksspa@mail.ru

Гилинский Я.И.,

доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург

Горшкова Е.И.,

аспирант, Российский государственный педагогический университет, им. И.А. Герцена. allgonnabeOK@yandex.ru

Громов Ю.В.,

старший преподаватель кафедры социальной безопасности, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, аспирант кафедры психологии и педагогики, Санкт-Петербургский государственный университет. gromow9956@yandex.ru

Гудкова М.С.,

аспирант кафедры Отечественной истории, политологии и социологии, Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций. somino@list.ru

Дмитриев Д.В.,

бакалавр теологии, Диакон Русской Православной Церкви, Храм Богоявления на Гутуевском острове, студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ефремичева Н.В.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет. efremicheva@mail.ru

Железнов И.А.,

аспирант, Санкт-Петербургский университет управления и экономики. fpsv_spb@mail.ru

Жидких Е.А.,

аспирант кафедры социологии, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет. elena.zhidkih@mail.ru

Жиронкина Ю.Е.,

адъюнкт кафедры конституционного и муниципального права, Московский университет МВД России, лейтенант полиции. kileria@rambler.ru

Жоголев А.А.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры ЭФ-4 «Бухгалтерский учет, финансы и аудит», Московский государственный университет приборостроения и информатики. nmbnm1@mail.ru

Журавлёва О.Н.,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социального образования, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. metodist61@list.ru

Иванова Ж.Б.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Коми республиканская академия государственной службы и управления; докторант Российский университет дружбы народов

Изотов В.В.,

аспирант кафедры журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет

Изотов В.П.,

доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет. vpizotov@yandex.ru

Ильин А.А.,

аспирант кафедры теории государства и права, Тольяттинский государственный университет.

Исаев Н.А.,

доктор юридических наук, профессор

Карасик В.И.,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. vkarasik@yandex.ru

Карасева Т.Б.

аспирантка, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Ким Хи Ён,

аспирант кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет. hy3490@yandex.ru

Кирьянов Д.В.

кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Тобольская государственной социально-педагогической академии им. Д.И.Менделеева, доцент, Тобольская Православная духовная семинария

Князькова А.В.,

аспирант, Московский государственный университет технологии и управления. knyazkova@inbox.ru

Конюховский П.В.,

доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой экономической кибернетики по учебной работе, Санкт-Петербургский государственный университет. Aura2002@yandex.ru

Корчагина Л.М.,

старший преподаватель кафедры «Бухгалтерский учет и аудит», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. lmk-puzzle@inbox.ru

Кузнецова И.В.,

кандидат филологических наук, доцент кафедр методики начального образования, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. Irinak47@yandex.ru

Латышева Ж. В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, докторант кафедры философии Северного Арктического федерального университета, г. Архангельск. joan_lat@mail.ru

Литвин Ф.А.,

доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Заслуженный деятель науки России, Орловский государственный университет, user02@bk.ru

Лобода О.В.,

кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт права и управления, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. kpsade@mail.ru

Лыкова Е.А.,

аспирант кафедры зарубежного искусства, Санкт-Петербургская Академия Театрального Искусства. 8-911-710-33-31

Макарова О.Н.,

преподаватель кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Санкт-Петербургский университет МВД России, makolg@yandex.ru

Малова А.С.,

ассистент кафедры экономической кибернетики, Санкт-Петербургский государственный университет. alex.malova@yandex.ru

Манна Аммар Абдуль Карим,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса оссийский университет дружбы народов.

Матвеева Е.М.,

аспирант кафедры Отечественной истории, Орловский государственный университет. jennybich@mail.ru, тел. 8 920 281 75 23

Медолазов А.С.,

кандидат экономических наук, ст. преподаватель кафедры «Статистика и экономический анализ деятельности предприятий», Орловский государственный аграрный университет. medolasov@mail.ru

Мелкумян М.Г.,

аспирант, Самарская гуманитарная академия

Меньшикова А.В.,

аспирант кафедры английской филологии и лингвокультурологии, Санкт-Петербургский государственный университет. anna.romantseva@gmail.com

Миляева М.В.,

доцент кафедры педагогики и психологии, Московский Государственный университет технологии и управления им. К.Г.Разумовского. fem_traum@mail.ru

Минаков С.Т.,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Орловский государственный университет. minakovst@mail.ru.

Молчанов Б.А.,

профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Российский университет дружбы народов

Мусина В.П.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы. psychologies05@mail.ru

Муханова И. В.,

кандидат педагогических наук, доцент Чеченский государственный педагогический институт.

Никишина С.А.,

заместитель генерального директора по правовым и кадровым вопросам, ООО “Мега Моторс”. svetlana-nikishina@yandex.ru

Панферов Р.Г.,

адъюнкт, Орловский юридический институт.

Петрова А.И.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания математики, Института математики и информатики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Амосова. antiv@yandex.ru

Петрованов К.Г.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Орловская региональная академия государственной службы

Пикин Д.С.,

соискатель, Московская государственная юридическая академия им. Кутафина, помощник адвоката Тихоокеанской коллегии адвоката, г. Владивосток

Пилецкий С.Г.,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославская государственная медицинская академия. SergeyPiletsky@yandex.ru

Пруссакова Н.М.,
старший преподаватель кафедры
английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский
государственный университет.
naatik@yandex.ru

Пушкарёва Н.В.,
кандидат
филологических наук, доцент
кафедры русского языка, Санкт-
Петербургский государственный
университет.
pushkarevanata@gmail.com

Рогожин А.А.,
аспирант кафедры истории
России, Орловский государственный
университет.
rogozhin_alexander@bk.ru

Рожен Ю.А.,
старший преподаватель кафедры
государственного права, Санкт-
Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов.
julia121086@mail.ru

Румянцова М.Г.,
соискатель, кафедра экономики
и менеджмента недвижимости,
Санкт-Петербургский государствен-
ный инженерно-экономического
университета.
mymails78@mail.ru

Русановский В.В.,
доктор медицинских наук, про-
фессор кафедры психологии,
Санкт-Петербургский университет
управления и экономики.
fpsv_spb@mail.ru

Русановский Г.В.,
аспирант, Санкт-Петербургский
университет управления и э-
кономики.
fpsv_spb@mail.ru

Руцинская И.И.,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры региональных исследова-
ний, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова.
irinaru@hotmail.ru

Самойленко О.Б.,
старший преподаватель,
Академия ФСО России.
samojlenkoleg@yandex.ru

Серебров К.Г.,
аспирант кафедры уголовно-право-
вых дисциплин, Институт Право-
ведения и Предпринимательства.
kostya-kokostya@yandex.ru

Сизова И.Ю.,
доктор экономических наук,
профессор, заведующая кафедрой
«Мировая экономика и статистика»,
Государственный университет –
УНПК, г. Орел

Смирнов А.В.,
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры
культурологии, докторант-со-
искатель, Санкт-Петербургский
государственный университета.
daarti@mail.ru

Старишинова С.А.,
аспирант кафедры «Финансы,
денежное обращение, кредит и банки»,
Госуниверситет — Учебно-научно-
производственный комплекс.
sveta-1108@mail.ru

Сморгунова В.Ю.,
доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
заведующая кафедрой теории права и
гражданско-правового образования,
декан юридического факультета,
Российский государственный педаго-
гический университет
им. А.И. Герцена

Тимофеева А.А.,
Историко-Культурно-Просветитель-
ский фонд Охта.
magicsonbird@mail.ru

Торгашин А.Ю.,
отдел главного инженера,
Санкт-Петербургский национальный
исследовательский университет
информационных технологий,
механики и оптики

Трахинин Е.Л.,
соискатель кафедры русского языка,
Орловский государственный
университет

Удодова И.Н.,
аспирант, Санкт-Петербургский
университет управления
и экономики.
fpsv_spb@mail.ru

Федоринова Е.А.,
старший преподаватель кафедры
«Дизайн», Госуниверситет-УНПК.
irss_1970@mail.ru

Хубулава Г.Г.,
кандидат философских наук, ассистент
кафедры этики, Санкт-Петербургский
государственного университета.
grishcka@yandex.ru

Хуснуллина Ю.А.,
кафедра иностранных языков,
Поволжский государственный
университет телекоммуникаций
и информатики, г. Самара.
y.husnullina@mail.ru

Цедиллина А.В.,
социолог, независимый
исследователь

Чикнаверова К.Г.,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры английского языка,
МГИМО (У) МИД России.
chiknaverova@mail.ru

Шабанов Д.А.,
аспирант кафедры культурологи,
Санкт-Петербургский государствен-
ный университет.
dm.logethet@gmail.com

Шабанова Ю.В.,
директор ГОУ СШО № 1069 г. Москва,
аспирант, Московский государствен-
ный университет технологий
и управления.
y5004050@yandex.ru

Шаньширова Т.В.,
преподаватель, соискатель кафедры
философии и права, Пермский
национальный исследовательский
политехнический университет.
shansherova@mail.ru

Шипилова Н.В.,
аспирант, кафедра истории
зарубежной литературы, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова.
mezoga@mail.ru

Щекотихин Е.Е.,
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории,
Орловский государственный
университет

Гаврилина Л.Л.,
старший преподаватель,
кафедра отечественной истории,
Орловский государственный
университет

Щербаков Г.А.,
кандидат социологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
государственного и муниципального
управления, Тюменский государ-
ственный архитектурно-строительный
университет.
ipmk@tgasu.ru

Веденева О.В.,
соискатель кафедры экономики и
менеджмента недвижимости,
Санкт-Петербургский государствен-
ный инженерно-экономический
университет. molga@engec.ru

Харитоновна А.А.,
ассистент кафедры дошкольной педа-
гогики, Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И.Н. Ульянова.
anna-haritonova@mail.ru

Гришечкина Г.Ю.,
кандидат филологических наук,
доцент, Орловский государственный
университет.
vasilina@orel.ru

Федотова М.В.,
Поволжская государственная социаль-
но-гуманитарная академия, Самара

Бездедев В.А.,
аспирант, Ростовский государственный
экономический
университет «РИНХ».
hakkurt@yandex.ru

Верминенко Ю.В.,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Санкт-Петербургский государствен-
ный инженерно-экономический
университет.
verminenko@mail.ru

Есипова А.А.,
старший преподаватель кафедры
социальной безопасности, Российский
государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена.
pr-oekt@mail.ru

Шаталов М.А.,
заведующий кафедрой теории и методики естественно-математического образования, Ленинградский областной институт развития образования.

Старинкова Е.В.,
соискатель кафедры музеологии и культурного наследия, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, хранитель фонда декоративно-прикладного искусства Всероссийского музея А.С. Пушкина.
estarin@mail.ru

Урkitис А.Ю.,
аспирант кафедры художественного образования и музейной педагогики, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
anytarus@yandex.ru

Гнеушева А.Л.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории экономики, Орловский государственный университет.
alija-777@yandex.ru

Романова А.А.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладных экономических дисциплин, Орловский государственный университет.
anna-romanova@lenta.ru

Ибрагимова З.Н.,
старший преподаватель кафедры теории государства и права Орловский государственный университет.
zarina57rus@yandex.ru

Кизилев М.А.,
аспирант кафедры прикладных экономических дисциплин, Орловский государственный университет.
makiziloff@yandex.ru

Подписка на журнал

Подписной индекс агентства «Роспечать» по каталогу «Газеты и журналы»
на II полугодие 2012 года – 48561;

Подписка в редакции по электронной почте:
nikolajisaev@yandex.ru

Сайт журнала в Интернет: www.alef-press.com

Подписка через Интернет:

№ счета в платежной электронной системе Яндекс-Деньги: 41001259025909,
Стоимость одного номера журнала с 2010 г. составляет 1000.00 рублей за номер по
каталогу Роспечати без учета почтовых расходов.

Учредители

ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», Ю.М. Антонян, Н.А. Исаев
Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе и в
электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

Издатель

Издатель: Исаев Н. А.

Отпечатано: полиграфическая фирма «Горизонт»
302025, Орел, Московское шоссе, 137, корп. 5.

Тел/факс: (4862) 30-00-70

Подписано в печать 10.05.2012 г. Формат 60x90/8

Учёт.-изд.л. – 41.5. Тираж 1050 экз. Заказ № 406

Цена свободная.

***Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия,
свидетельство ПИ №ФС77-32438 от 09 июня 2008 г.***

Журнал включен в систему
«Российский индекс научного цитирования»»

